

ГОРЬКИЙ И ЕГО КОРРЕСПОНДЕНТЫ

ГОРЬКИЙ И ЕГО КОРРЕСПОНДЕНТЫ

М. ГОРЬКИЙ

МАТЕРИАЛЫ И ИССЛЕДОВАНИЯ

ВЫПУСК 7

Серия основана в 1989 году

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ МИРОВОЙ ЛИТЕРАТУРЫ им. А. М. ГОРЬКОГО

ГОРЬКИЙ

И ЕГО КОРРЕСПОНДЕНТЫ

Москва
ИМЛИ РАН
2005

Издание осуществлено при финансовой поддержке
Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ),
проект № 01-04-1636а, 04-110

Редакционная коллегия: И. А. Бочарова, М. А. Семашкина,
Л. А. Спиридонова (отв. редактор)

Рецензенты: доктор филологических наук В. С. Барахов,
доктор филологических наук А. И. Чагин

Горький и его корреспонденты. Серия «М. Горький. Материалы
и исследования». Вып. 7. М.: ИМЛИ РАН, 2005. — 680 с.

Седьмой выпуск серии «М. Горький. Материалы и исследования» продолжает публикацию неизвестных документов из фондов Архива А. М. Горького, архива МИДа РФ и зарубежных архивов. В нем представлена переписка писателя с политическими и общественными деятелями (Л. Б. Красин, В. А. Базаров), философами и писателями (И. Сургучев, А. Золотарев, Г. Газданов, П. Сувчинский, Эль Мадани, Н. Сетницкий и др.), близкими людьми (Е. П. Пешкова, З. А. Пешков, О. Ю. Каменская, О. Ф. Лошакова-Ивина). Большая часть писем печатается впервые.

От редакции

Седьмой выпуск серии «М. Горький. Материалы и исследования» продолжает публикацию неизвестных материалов из фондов Архива А. М. Горького, архива МИД РФ и зарубежных архивов. Сборник является изданием, сопутствующим второй серии Полного собрания сочинений М. Горького («Письма»).

В книге представлена неизвестная переписка с широким кругом корреспондентов Горького: политическими и общественными деятелями, писателями, учеными, философами, близкими людьми. В огромном массиве эпистолярного наследия писателя она занимает немаловажное место и по значению в его личной жизни, и по роли в общественном и литературном процессах конца XIX — первой трети XX вв.

Долгое время недоступные для исследователей, эти письма охватывают период с 1906 по 1936 гг. и позволяют судить об истинной роли Горького в революции 1905—1907 гг., Февральской и Октябрьской революции 1917 г., о его отношении к политике большевиков в первые годы советской власти и многим событиям мировой и российской истории XX века. Новые документы, публикуемые в сборнике, освещают сложные взаимоотношения писателя с В. Лениным, А. Луначарским, Л. Красиным и другими руководителями советской власти.

Сборник открывается перепиской с Л. Б. Красиным, главной темой которой является финансирование партии большевиков в период Первой русской революции. Источники «денег партии», главным казначеем которой долгие годы был Л. Б. Красин, впервые раскрываются в этой публикации на конкретном документальном материале.

Письма Горького жене — Е. П. Пешковой, написанные в наиболее сложный период его творческой и духовной эволюции (с июня 1917 до февраля 1919 г.) дают возможность судить об отношении писателя к происходящим событиям, выявляют его позицию в первые месяцы советской власти и разногласия со сторонниками «крутых мер» (Л. Троцким, Г. Зиновьевым и др.).

Письма известного общественного деятеля и ученого В. А. Базарова, адресованные Горькому, расширяют традиционное представление о контактах писателя с «другими социал-демократами», его своеобразное понимание марксизма, проясняют позицию, занимаемую им в редакции газеты «Новая жизнь» (1917—1918 гг.).

Другую сторону многогранной личности Горького раскрывает переписка с писателями И. Сургучевым и А. Золотаревым, особенно интенсивная в 1910-х годах. В ней речь идет о важнейших вопросах развития современной литературы и критики, дается анализ умонастроений русского общества во всех его социальных слоях. Документы, относящиеся к каприйскому периоду жизни Горького, освещают его роль в организации Музея по истории революционного движения и Русско-итальянской библиотеки в Неаполе.

Немаловажное место в настоящем сборнике занимает тема русского зарубежья. В полном объеме публикуется переписка Горького с виднейшими деятелями эмиграции первой волны: М. Осоргиным, Г. Газдановым, П. Сувчинским, В. Яновским, с последователями философа Н. Ф. Федорова Н. Сетницким и А. Горским (Горностаевым). Эти письма позволяют судить об отношении писателя к идейным течениям русской эмиграции: евразийству, сменовеховству, возвращенчеству, философско-религиозным школам. В переписке с П. Сувчинским доминирует тема кризиса евразийского движения и творческой эволюции писателей-эмигрантов.

В переписке с революционером-анархистом переводчиком Эль Мадани интересен тот временной и духовный контекст, которые возник вокруг очерка Горького «В. И. Ленин» в 1920-х гг. Ожесточенная полемика о значении личности вождя большевиков и его роли в истории проецируется на споры вокруг Ленина, вновь вспыхнувшие в конце XX — начале XXI века.

Переписка Горького с крестником З. А. Пешковым приоткрывает неизвестные страницы из жизни этого неординарного человека, участвовавшего в 1922—1925 гг. в колониальной войне в Африке. В ней даются оценки событий в Марокко и деятельности Иностранного легиона, созданного во Франции.

Особое место занимает в томе переписка с О. Ю. Каменской и ее дочерью О. Ф. Лошаковой-Ивиной, которые были прототипами горьковской повести «О первой любви». Она не только раскрывает драматическую историю юношеской любви Горького, но и впервые показывает взаимоотношения писателя с этими адресатами в 1930-х гг.

Сборник завершает неизданная переписка Горького с Л. Авербахом, посвященная литературной борьбе 1930-х гг.

В настоящей книге по-новому раскрывается облик Горького во взаимоотношениях с его адресатами. Неизвестные ранее тексты писем позволяют достаточно полно представить противоречивую личность писателя, широкий спектр его идейного и художественного развития, его место в общественной и литературной борьбе конца XIX — начала XX вв. Публикуемые документы сопровождаются вступительными статьями и обширным научным комментарием.

Большинство писем печатаются впервые по автографам, хранящимся в Архиве А. М. Горького. Отдельные письма, опубликованные в периодической печати или труднодоступных изданиях, включены в контекст переписки, если они неразрывно связаны с другими документами.

Авторский коллектив приносит искреннюю благодарность Архиву А. М. Горького и Музею А. М. Горького за помощь в подготовке книги.

«ДЕНЬГИ НУЖНЫ ДО ЗАРЕЗУ...»

ПЕРЕПИСКА Л. Б. КРАСИНА с ГОРЬКИМ
и М. Ф. АНДРЕЕВОЙ. 1906—1908 гг.

*Вступительная статья, подготовка текста и примечания
Е. Р. Матвеевоян*

Переписка Красина с Горьким и Андреевой охватывает сравнительно небольшой, но очень важный для духовного и творческого развития Горького отрезок времени. Она совпадает с началом нового этапа политической борьбы большевиков за власть, с периодом расцвета художественного творчества и революционной публицистики Горького (1905—1907 гг.), с возникновением внутреннего несогласия писателя с большевистской идейно-философской доктриной, нашедшего впоследствии свое воплощение как в философских поисках (сближение с А. А. Богдановым, увлечение идеей «богостроительства») и творчестве («Исповедь»), так и в общественно-политической деятельности (Каприйская партийная школа).

Особенностью переписки является скрытое, понятное лишь двум собеседникам, ведение бесед на «опальные» темы. Раскрытие их возможно только благодаря комментариям. Конспиративный стиль писем Красина и явная диспропорция между письмами корреспондентов: два письма Горького и восемь писем Красина — составляют своеобразие предлагаемой переписки. Значительность же ее определяется емкостью затронутых тем: «Горький и революция 1905 года», «Горький и вопросы финансирования партии большевиков» (страховой полис Саввы Морозова, дело о наследстве фабриканта Шмита; пребывание Горького и М. Ф. Андреевой в Америке с целью сбора денег для партии; деньги писателя Гарина-Михайловского и пр.), «Горький и большевистская печать», и, наконец, косвенно проходящая здесь тема оппозиции внутри партии большевиков (Красин, Богданов и Горький в их несогласии с Лениным). Все они принадлежат к сложным проблемам горьковедения.

Публикация новых документов, уточняющая фактическую сторону взаимоотношений Горького и партии большевиков, всегда интересна. Первыми в этом ряду стоят недавно вышедшие три тома (5-й, 6-й и 7-й) эпистолярной серии Полного собрания сочинений М. Горького, где впервые в полном объеме печатаются письма Горького за 1905—1908 гг. Фак-

ты, содержащиеся в переписке Красина с Горьким и М. Ф. Андреевой, благодаря эпистолярным томам, понимаются точнее. Горький предстает перед нами в этот период политиком и публицистом, а не только писателем.

Центральной фигурой предлагаемой переписки является Леонид Борисович Красин.

Инженер-химик по образованию Красин принадлежал к самым загадочным фигурам русской революции. Ведущий специалист в своей области, известный в России инженер-новатор, и, одновременно, большевик, профессиональный революционер (партийные псевдонимы: «Никитич», «Лошадь», «Финансист», «Зимин», «Йогансен», «Николаев», «Николай Ник.» и др.) и непревзойденный конспиратор, Красин сочетал антиправительственную деятельность с легальной работой в международных компаниях (немецких — АЭГ, «Сименс-Шукарт» и бельгийской «Общество 1886 года») в качестве инженера. Красин всегда был вне подозрений и на прекрасном счету у руководства, которое полностью ему доверяло. Объяснить это невероятное сочетание невозможно. Союз ума, красоты, искренности, обаяния, сибирской щедрости и доброты души с холодным расчетом, железной волей и выдержкой в самых критических ситуациях создал подлинного лидера, роль которого в революции 1905 г. и подготовке к ней зачастую превосходила роль и значение В. И. Ленина, находящегося тогда в эмиграции и не контролировавшего практическую жизнь большевистского подполья в России. Обстоятельство, которое Ленин всегда помнил. Их противостояние не забыли отметить и современные историки большевизма¹.

Л. Б. Красин любил власть. Много раз он говорил: «Меня прельщает власть...». Он повторял эту фразу при разных обстоятельствах. Вот один эпизод, о котором в 1920-х гг. вспоминал В. Б. Окс, бывший муж Любови Васильевны, жены Красина (вероятно, отсюда — особая доверительность происшедшего между ними разговора):

«В Москве негде было остановиться, и я сказал Красину, что не знаю, где переночевать. Он пригласил меня в “Метрополь”, где занимал скромную комнату с двумя кроватями. Легли мы около часу ночи. Красин просматривал кипы газет. Потом, потушив свет, перед тем, как заснуть, он произнес громко, не обращая ко мне:

— Если бы у нас было еще 18 честных людей, мы могли бы перевернуть всю Вселенную.

Я зажег свет и обратился к нему:

— Леонид Борисович! Вы слышали слова, которые вы произнесли?

— Какие?

Я их повторил.

— Да, — вздохнул Красин. — Но нас сейчас всего 17 человек. Карпов умер сегодня утром. А остальные...

Красин махнул рукой.

— Почему же в таком случае вы остаетесь у власти, Леонид Борисович? Для чего же надо брать на себя ответственность за всю эту историю?

Красин вместо ответа произнес поговорку, которую Толстой использовал как эпитафия к “Власти тьмы”: “Коготок увяз, всей птичке пропасть”. После короткого молчания Красин потушил свет и вполголоса произнес:

— Я отравлен жаждой власти².

А ведь прозрение уже посещало его в 1909 году. При невыясненных до конца обстоятельствах (Красин был противником свертывания боевых технических групп, имел отличную от Ленина позицию в вопросе финансирования партии и проч.) он порвал тогда все отношения с большевиками и вплоть до конца 1917 г. не занимался политической деятельностью, возобновив ее уже после Октябрьской революции по приглашению Ленина и Троцкого. В. Б. Окс в этой связи писал: «Вернулся Красин после Октябрьской революции из Швеции в Россию большим скептиком, не веря в возможность осуществления революционных идеалов. Он считал захват власти Лениным авантюрой “головотяпов”. Год спустя после Октябрьской революции, когда Красин находился в Москве, он с прежним недоверием отнесся к успехам революции. Когда во время гражданской войны Ленин, в силу личных отношений с Красиным, предложил ему заведовать снабжением армии, Красин согласился, но наотрез отказался войти в состав советского правительства. Потому он и не получил звания народного комиссара, а назвался председателем комиссии по снабжению армии»³.

Однако в публикуемых письмах 1906—1908 гг. еще нет разочарования: девиз Красина тех лет — цель, действие, деньги. Деньги как средство достижения власти. Власть для того, чтоб совершить революцию и построить в России социал-демократическое общество с гражданскими свободами. Л. Б. Красин знал, как этого добиться.

Жизнь и деятельность Красина-революционера 1900—1908 гг. подробно изучена. Гораздо менее известны обстоятельства его ранней биографии. Он родился в Кургане 15 июля 1870 г. в семье мелкого чиновника. Дед его, Иван Васильевич Красин, судья в Тобольске, по документам происходил «из дворян Орловской губернии». Отец — Борис Иванович (1846—1901) впоследствии занимал должность земского заседателя и главы уездной полиции в Тюмени. По делам службы он много разъезжал и умер в дороге от сердечного приступа. Мать — Антонина Григорьевна Кропанина (1850—1914) родилась в семье крестьянина Тобольской губернии. Была женщиной образованной и властной.

Детей родилось шестеро. Их судьбы типичны для большинства выходцев из семей российских мелких служащих и обедневших дворян в ситуации рубежа веков: первенец Глеб умер ребенком; Леонид и Герман, погодки, ушли в революцию; брат Александр покончил жизнь самоубийством,

не выдержав тяжелой формы туберкулеза; самый младший из братьев Борис и единственная сестра Софья пережили нелегкую череду исторических катаклизмов и семейных потрясений, достойно пройдя свой жизненный путь.

Семья была большая, дружная, богатая самобытными характерами и одаренными натурами. Ни Антонина Григорьевна, ни Борис Иванович политикой не интересовались и, хотя были людьми православными, церковь посещали нерегулярно. В родословной Красина ничто не предвещало его будущности видного деятеля революционного движения.

В десятилетнем возрасте Леонид Красин был отправлен в Тюмень для учебы в недавно открытом Александровском реальном училище, основателем и директором которого был выдающийся сибирский натуралист И. Я. Словцов. Со дня основания Александровское училище являлось ведущим учебным заведением Тобольской губернии, таким сибирским Царскосельским лицеем, где царил дух наук, искусств и дружбы. Не было шагистики и церковного нажима, и только в последнем классе, по мере проникновения «культуры Центральной России» в Сибирь, училище стало резко перестраиваться на казенный лад, но это не оказало влияния на Красина, уже заканчивающего обучение. Оба брата, Леонид и Герман, получили блестящее образование, с ориентацией на естественные и прикладные науки, самостоятельно изучили немецкий язык. Леонид выделялся и другими способностями: он имел голос, пел в хоре и был солистом, а также прекрасно танцевал и непринужденно держался в обществе. Братья пользовались симпатией одноклассников, которые довольно скоро признали в Леониде лидера: он защищал их интересы перед школьной администрацией. К политике юноши были совершенно безразличны. Ни о каких революционных идеях даже не слышали.

Леонид Красин закончил училище 15 июня 1887 г. с самыми высокими оценками по всем предметам, включая поведение. Под влиянием учителя химии Багаева и с одобрения родителей он подал прошение о зачислении в Петербургский технологический институт. К немалому своему удивлению и радости он выдержал экзамены (конкурс составлял 100 человек на 1 место) и был зачислен на химический факультет.

В Петербурге Леонид первое время жил в семье двоюродного брата, со стороны матери, врача Г. Я. Карпова, вместе с несколькими студентами из Тюмени. Через год к ним присоединился и брат Герман. Вскоре братья Красины вместе с другими сибиряками, жившими в Петербурге, организовали ассоциацию взаимопомощи. Это сибирское землячество стало в 1888—1889 учебном году заниматься самообразованием в области политэкономии. Собирались 2—3 раза в неделю, обсуждали рефераты по книге Дж. Ст. Милля «Принципы политической экономии», читали запрещенных Н. Г. Чернышевского, П. Л. Лаврова, А. И. Герцена. Среди сибиряков были попу-

лярны народнические издания, в частности, «Народной воли», а также марксистские статьи немецких и российских социал-демократов Г. В. Плеханова, П. Б. Аксельрода, В. И. Засулич и группы «Освобождения труда». Именно здесь Леонид развил свои таланты оратора и полемиста. Кружок явился тем более кстати, что к моменту поступления Красина Технологический институт перестал пользоваться славой одного из оплотов академических свобод в С.-Петербурге. Министерство просвещения большинство этих свобод отменило: была введена униформа и институт инспекторов для контроля за дисциплиной и учебным процессом. Так Департамент полиции пытался внедрить своих осведомителей в студенческую среду.

Леониду в столице показалось душно после сибирской вольницы. Кружок самообразования был для него глотком свежего воздуха. К тому же библиотека института состояла теперь только из научных и технических книг. Инспекторат устранил все издания по экономике и другим общественным дисциплинам. Однако, существовал «оазис». Его роль выполняла студенческая столовая, которую, как ни странно, финансировала институтская администрация. Ни инспекторы, ни городские власти, ни администрация не вмешивались в жизнь студенческой столовой, атмосфера которой напоминала клуб и способствовала развитию политического сознания и солидарности студентов.

Промарксистские настроения не обошли стороной братьев Красиных. Решение, принятое позже Леонидом, сочетать инженерную работу с революционной деятельностью, было обдуманно под влиянием марксизма и принято сознательно⁴. Теоретическим штудиям первоисточников Красин предпочитал практику. Он охотно использовал возможность вести пропаганду среди промышленных рабочих С.-Петербурга. Решение Красина посвятить себя революционному подполью лишний раз подтверждает, что в отличие от многих представителей радикально настроенной интеллигенции, воспринимавшей марксизм прежде всего как экономическую и политическую теорию, он предпочитал теоретическим тонкостям философии ее практическую составляющую. Она помогала ему доступно объяснять рабочим азы экономики, а позже способствовала осуществлению революции в России. Предпочтению практики перед теорией Красин остался верен до конца жизни.

Интересно, что в эмигрантской прессе очень мало злых публикаций, направленных против Красина. Это тем более удивительно, что эмиграции была широко известна точка зрения Марка Алданова, графа Д. Олсуфьева⁵ и др. на роль Красина в знаменитых «эксах», самоубийстве Саввы Морозова, получении наследства Н. Шмита и пр. К примеру, В. Б. Окс рисует Красина, в отличие от Троцкого и Литвинова, «чистойшей воды идеалистом» и называет его «убежденным марксистом»⁶. Он вспоминает, как юным студентом Леонид Красин в обществе 5—6 сверстников-марксистов

приезжал в Ясную Поляну. «До известной степени там слагалось его последующее мировоззрение», — полагает Окс. Между красинской группой и Львом Толстым происходили тогда постоянные споры: «Толстой восставал против увлечения Красина Энгельсом. Однажды в пылу спора он крикнул:

— Наивные дети! Как вы не видите, что эти евреи вас обманывают!

И Толстой, не пожелав слушать никаких возражений, ушел.

В другой раз разговор с Красиным у него происходил через окно. Он с улицы заглянул в горницу и сказал:

— Мир, дети. Пусть улягутся наши страсти до захода солнца.

— Ни гнева, граф, ни мира. Мир убивает мнения. Впрочем, нас в этом рассудит история.

— Нет, нас рассудит только Бог, — ответил Толстой.

— Это то же самое, — поддакнул Красин с улыбкой⁷.

В конце 1887 — начале 1888 г. в Петербурге несколько студентов Технологического института — русские и поляки — организовали социал-демократический кружок без устава и программы, что не мешало им считать себя настоящими социал-демократами и заниматься пропагандой среди рабочих. Со временем кружок объединился с другими социал-демократическими студенческими кружками, образовав Социал-демократический центр. В конце 1889 г. в Центр вступили два студента, ставшие вскоре его лидерами — М. И. Бруснев из Технологического института и В. С. Голубев из С.-Петербургского университета. Зимой 1889—1890 гг. они объединили студенческий Социал-демократический центр с уже функционировавшим Центральным рабочим кружком. Так, к весне 1890 г. образовался «Рабочий Союз» — первая российская социал-демократическая организация. Канадский биограф Красина Т. Э. О'Коннор пишет⁸, что первым «советская историческая наука ошибочно считала петербургский “Союз борьбы за освобождение рабочего класса”», созданный только в 1895 г.

На первом этапе существования «Рабочего Союза» студенты, по просьбе рабочих, направляя в рабочие кружки пропагандистов, обсуждали проблемы истории и политэкономии, а также текущие вопросы экономики, политики и общественной жизни⁹. Братьям Красиным, хотя и не сразу, но удалось поработать сначала в Социал-демократическом центре, а затем и в «Рабочем Союзе». Таким образом, Красин оказался неволью «старше» В. И. Ленина по партийному стажу. В 1889—1890 учебном году он неоднократно выступал на студенческих собраниях, защищая от нападок народников и народолюбцев марксистские идеи. Как оратор и лектор Красин пользовался популярностью. На одном из таких собраний он познакомился со своей будущей женой Любовью Васильевной Миловидовой, пришедшей его послушать. Красин тогда еще не был «штатным» пропагандистом студенческого социал-демократического кружка, грозившего вот-вот перерасти в студенческий Социал-демократический Центр, но уже по-

могал членам кружка в получении средств. Так, Леониду Красину поручили организацию ежегодного благотворительного институтского бала-концерта, на котором, благодаря его усилиям, удалось собрать около 2 тысяч рублей — сумму, по тем временам, не малую. Но не только организаторские способности Красина были тому причиной. В немалой степени этому способствовали безупречные манеры Леонида, его красивая и благородная внешность, врожденная эlegantность и светские манеры — черты, имевшие решающее значение для конспирации в будущем. Он создал на балу атмосферу особой респектабельности, сумев пригласить на студенческое мероприятие высший свет С.-Петербурга: министров и генералов, литераторов и журналистов, симпатизирующих радикально настроенной молодежи.

Это первое для Красина мероприятие по сбору денег для революционного движения предопределило его судьбу: со временем он станет главным организатором получения средств для РСДРП. В дальнейшем, балы с его участием проводились регулярно. На одном из них, по воспоминаниям М. Бруснева, «желторотый» Красин вступил в спор с самим Н. К. Михайловским¹⁰.

В конце 1889 г. М. Бруснев предложил Красину вступить в социал-демократический кружок и вести марксистскую пропаганду в рабочих кружках. На Бруснева произвела хорошее впечатление приверженность Красина идеям социализма. Однако Красин в кружок не вступил, хотя согласился быть пропагандистом. Он умел разговаривать с рабочими, понимал их нужды. Позже, организовав в Баку, совместно с Авелем Енукидзе, знаменитую подпольную типографию «Нина», он прекрасно продумал не только конспирацию, но и экономическую модель взаимоотношений «работодатель—рабочий»: заработки типографских рабочих, гибкий график работ и передовые технологии, внедренные им, были тогда редкостью¹¹.

Хотя в 1889 г. Красин формально и не вступил в социал-демократический кружок, его контакты с революционерами были замечены тайной полицией. Из циркуляра от 1 декабря 1889 г. понятно, что для начала за ним было установлено наблюдение. Рапорт агента от 12 января 1890 г. подтвердил подозрение полиции относительно «политической неблагонадежности братьев Красиных», «склонных к радикализму» и связям с «опасными, вредными людьми»¹².

В марте 1890 г. Л. Красин впервые участвовал в студенческих волнениях. Причиной послужило отчисление одного из студентов. Это стало поводом для того, чтоб существующий антагонизм между студентами и администрацией Технологического института, «тлевший» с 1888 г., вырвался на волю. Все студенты поднялись на защиту товарища, пытаясь доказать, что с ним поступили несправедливо. Они забаррикадировались в здании института, и с 14 по 17 марта произносили антиправительственные, «подстрекательные речи», призывая студентов всей страны присоединиться к

ним. Леонид Красин стал одним из лидеров протеста и впервые открыто проявил себя как талантливый организатор политической акции.

После неудачной попытки вступить в переговоры, власти взяли баррикады штурмом и арестовали демонстрантов. При расследовании инцидента, 25 студентов, включая братьев Красиных, были исключены из института и высланы из столицы. Причем Министр просвещения, граф И. Д. Делянов, назвал братьев Красиных «зачинщиками беспорядков»¹³.

Леонид и Герман Красиные прибыли в Казань в конце марта 1890 г. Агент тайной полиции, наблюдавший за братьями, доносил в С.-Петербург, что они установили контакты с другими революционно-настроенными студентами. Опасения Охранного отделения, что братья Красиные могут пагубно повлиять на студентов Казанского университета, пошли им на пользу: большую часть лета они провели в кругу семьи в Пермской и Тобольской губерниях. Их будущее было неопределенным. Указом от 12 мая 1890 г. въезд в Москву и Петербург высланным студентам был запрещен. Несмотря на это, братья уже на следующий день, 13 мая, подали прошение о восстановлении в Петербургском технологическом институте. 31 мая 1890 г. Ученый совет института, отметив их выдающиеся способности к техническим наукам, эту просьбу удовлетворил. Охранное отделение также поддержало просьбу братьев Красиных, желая, чтоб молодые марксисты поскорее покинули Казань: в Петербурге следить за ними было намного легче. Леонид вернулся в столицу 26 августа, Герман — 16 сентября. Администрация института предупредила, что они будут немедленно отчислены без права восстановления, если снова примут участие в студенческих беспорядках или свяжутся с революционерами. Несмотря на предупреждение, Леонид Красин немедленно принял предложение М. Бруснева стать членом Социал-демократического студенческого Центра. Так завершился первый малоизвестный период становления Красина-революционера.

Горький познакомился с Красиным зимой 1903 г. Инициатором этого знакомства была М. Ф. Андреева, собиравшая тогда в России деньги на издание в Женеве ленинской «Искры». В феврале 1903 г., когда Мария Федоровна уехала на гастроли в Ригу, Горький поселился в пансионе Мюллера на новом и модном тогда Сестрорецком курорте. «За сто рублей, — писал он друзьям, — имею большую комнату со столом и самоваром». Здесь он работал над пьесой «Дачники», здесь и познакомился с Л. Б. Красиным. Вот как сам писатель рассказал об этом:

«Я был предупрежден, что ко мне придет “Никитич”, недавно кооптированный в члены ЦК, но когда увидел в окно, что по дорожке парка идет элегантно одетый человек в костюме, в рыжих перчатках, щегольских ботинках без галош, я не мог подумать, что это и есть “Никитич”.

— Леонид Красин, — назвал он себя, пожимая мою руку очень сильной и жесткой рукой рабочего человека <...> Он представил вполне убедитель-

тельное доказательство своей “подлинности”, да, это — “Никитич”, он же Леонид Красин. О “Никитиче” я уже знал, что это один из энергичнейших практиков партии и талантливых организаторов ее»¹⁴.

Основные темы переписки Красина с Горьким и М. Ф. Андреевой берут свое начало с этой, описанной в очерке, встречи. Взаимоотношения с Красиным, начавшиеся в Сестрорецке, переросли в дружбу, деловое сотрудничество и продлились двадцать три года. Находясь в центре исторических событий, судьбоносных для России: подготовка революции 1905 г., Кровавое воскресенье, рост революционного движения, забастовки и демонстрации, вооруженные восстания на броненосце «Потемкин» и в Свеаборге, введение конституции, возникновение многочисленных политических партий, открытие I Государственной думы, — они обсуждали их при личных встречах и в письмах.

Настоящей переписке предшествуют следующие события горьковской биографии: депутация к Министру внутренних дел накануне 9 января 1905 г., явившаяся попыткой предотвратить кровавые события в С.-Петербурге; сам день Кровавого воскресенья, в течение которого Горький находился вместе с рабочими на улицах города, а вечером, потрясенный увиденным, написал воззвание «Всем русским гражданам и общественному мнению европейских государств»; месяц, проведенный Горьким в каземате Петропавловской крепости, откуда он был выпущен под денежный залог, предоставленный, по одним свидетельствам, Саввой Морозовым, по другим, — К. П. Пятницким, взявшим деньги из кассы издательства «Знание»; мировая известность, пришедшая к Горькому теперь уже как к борцу за свободу и гуманизм. Партийная работа и организация нелегальной деятельности большевиков сблизили Красина и Горького.

В 1905—1908 гг. значительное место в революционной деятельности обоих занимает проблема финансирования партии. Красин был организатором подпольных типографий в Баку, Москве и Петербурге. Он снабжал их новой техникой, финансировал их деятельность и распространял нелегальную литературу. Достаточно сказать, что через Н. Г. Гарина-Михайловского большевистская подпольная литература достигала русских войск в Харбине. Красин вместе с Н. Е. Бурениным и А. М. Игнатьевым также руководил Боевыми техническими группами, созданными Большевистским Центром (БЦ) при Петербургском комитете РСДРП, что подразумевало организацию и проведение экспроприаций денежных средств у государства и частных лиц, закупку оружия, материальную поддержку арестованных товарищей, организацию побегов нужных партии революционеров и переправку их за границу. Сбор денежных средств Большевистский центр и его Финансовая группа осуществляли также и с помощью Горького. На нужды партии деньги давали Савва Морозов, Николай Шмит и другие крупные промышленники. Судьбы этих денежных сумм, доставшихся партии

большевиков в нелегкой борьбе с правосудием, родственниками и претендентами из числа меньшевиков, — одна из основных тем переписки.

После поражения Декабрьского вооруженного восстания Горький и М. Ф. Андреева скрывались, а царское правительство готовило судебный процесс над Горьким. И тогда Красин подал Ленину идею поездки Горького и М. Ф. Андреевой в Европу и Америку с целью пропаганды дела русской революции, сбора средств на ее организацию и дальнейшее углубление. Другим важным мотивом будущей поездки было намерение помешать царскому правительству получить денежные займы у иностранных государств, так как они, без сомнения, были бы направлены на подавление революционной ситуации в стране. Горький, имевший в глазах мировой общественности репутацию защитника демократических свобод, как нельзя лучше подходил для этой роли. Ленин одобрил инициативу Красина, и в феврале 1906 г. Горький и М. Ф. Андреева отправились сначала в Финляндию, оттуда в Германию, Швейцарию, Францию и Америку. С письма Горького Красину из Америки и начинается настоящая переписка.

Из США Горький и М. Ф. Андреева уехали в Италию и с 20 октября (2 ноября) 1906 г. поселились на острове Капри. В течение 1907 г. — лета 1908 г. Горький лишь раз покинул Италию, выехав 19 апреля (2 мая) 1907 г. в Лондон, чтобы присутствовать на V съезде РСДРП в качестве гостя. На съезде Горький сблизился с Лениным, встретился и с Красиным. Красин неоднократно посещал Горького на Капри, в том числе — два раза за период переписки: в апреле и в конце июня 1908 г.¹⁵

Впоследствии, взаимоотношения Горького и Красина продолжали оставаться дружескими и идейно родственными. Ярким тому свидетельством можно считать их солидарность с А. А. Богдановым в период оппозиции Ленину. Эта тема проходит в переписке косвенно и нуждается в подробном пояснении, поскольку прямого повода комментировать ее в примечаниях нет. Действительно, более широко известно о разногласиях Ленина и Богданова, Ленина и Горького. Тем не менее, взаимоотношения Красина и Ленина, приведшие Красина к союзу с Горьким и Богдановым в 1907—1908 гг., а также заставившие привлечь Горького к решению вопроса о наследстве Н. Шмита в «третьей суде», а самого Красина принять участие в работе Каприйской партийной школы, — являются важным лейтмотивом внутрипартийной жизни 1907—1908 гг. и явным подтекстом настоящей переписки.

Начало расхождений Красина с Лениным следует искать намного раньше этих лет. Главная их причина заключалась в разном понимании революции. Непревзойденный конспиратор Красин на самом деле был верен не РСДРП и даже не ее большевистской фракции, как того хотел бы Ленин, а собственному представлению о революции. О'Коннор справедливо отмечает: «Его поддержка Ленина, Богданова, Луначарского (в 1903 г. — *Ред.*)

в борьбе против Плеханова, Аксельрода и Мартова имела в основе чисто прагматические, а отнюдь не идеологические соображения, к большой досаде Ленина. Красин умел гибко приспосабливаться к меняющейся политической ситуации ради того, чтобы принести наибольшую пользу революции, как он ее понимал¹⁶. Эту особенность Красина подчеркивала и М. Ф. Андреева в довольно откровенном письме Н. Е. Буренину от 1 августа 1936 г. по поводу его мемуаров: «...Не обидьтесь на меня, если вкратце напишу Вам сейчас о Красине. Вы не чувствуете, что писать о нем сейчас надо иначе? Да, он был крупным организатором, *мог бы быть* крупным революционером, но не был им, т. к. для него Революция была увлечением молодости, а не делом жизни»¹⁷. Действительно, в конце 1903 и в 1904 г. Ленин обвинял Красина в предательстве за отказ поддержать его инициативу о созыве внеочередного съезда РСДРП, с помощью которого он собирался взять под свой контроль все руководящие органы партии, а также за отказ прекратить выпуск «Искры», поскольку Ленин в тот момент утратил контроль над газетой и вышел из состава редколлегии. Ленин назвал Красина и поддержавших его И. Ф. Дубровинского, А. И. Любимова и Д. С. Постовского большевиками-«соглашателями». Больше всего Красина задела ленинская критика деятельности бакинской нелегальной типографии «Нина», которой он отдавал все силы. В этот период Красин позволял себе активно осуждать Ленина за стремление к единоличной власти в партии, за навязывание своей трактовки марксизма.

Расхождения между Красиным и Лениным касались не только политики. Обладая личностями лидеров, они не могли подчиняться друг другу. Красин, еще будучи студентом, не следовал советам Бруснева — своего руководителя по Петербургскому Социал-демократическому центру. Так же независимо держался он и с Лениным, что не способствовало сближению. Пожалуй, в конце 1903 г. и в течение 1904 г. Красин даже больше, чем Богданов и другие видные большевики, мешал Ленину играть главную роль в партии. В то время Красин был единственным серьезным конкурентом Ленина и, несомненно, превосходил его в умении руководить практической революционной работой — таково мнение зарубежных историков по этому вопросу¹⁸.

Следующей вехой разногласий между Красиным и Лениным стал III съезд РСДРП (1905). На съезде Красин произнес яркую речь об Уставе партии. В ней он обосновал всю глубину расхождений между ленинским БКБ (Большевицкий комитет большинства) — органом, альтернативным ЦК РСДРП в эмиграции и большевиками-«соглашателями». Красин призвал партию к единству и просил социал-демократическую эмиграцию поддержать революционное подполье в России. Выводы Красина были категоричны: пока в РСДРП верховодят эмигранты-литераторы, деятельность партии не может быть успешной, и, более того, эти люди приведут к гибе-

ли партию в России. От имени российского революционного подполья Красин высказал пожелание, чтоб эти якобы неразрешимые противоречия и споры между большевиками и меньшевиками поскорее закончились, так как они разрушают партию. Он заявил, что социал-демократическая эмиграция, далекая от политической жизни России, не понимает, что партия, ослабленная внутренними раздорами, может упустить исторический шанс возглавить народное движение против царского режима. Не теория, а сила и оружие в конечном итоге определяют судьбу революции, считал Красин. Он подчеркивал: только сотрудничество в решении тактических и организационных вопросов всех социал-демократов, независимо от их взглядов и пристрастий, способно обеспечить победу вооруженного восстания¹⁹. Красин отмечал, что политическая ситуация в России даже самого Ленина, оказавшись он там, заставила бы пойти на компромисс.

В результате, делегаты III съезда ликвидировали Совет партии и выбрали новый состав ЦК, причем один лишь Ленин был там представителем эмиграции, прочие члены являлись профессиональными революционерами из российского подполья.

Красин первый поднял ряд болезненных для партии вопросов, связанных с этим обстоятельством: где основное поле деятельности партии — в России или, пока монархия еще не свергнута, за границей? В чьи руки попадет власть? Социал-демократы власть захватят, а дальше? Будут ли у власти представители «литературной интеллигенции», далекой как от народных масс, так и от реальных проблем управления, либо власть попадет в руки рабочих и профессиональных революционеров, которые эту революцию совершали?

Вопросы, поставленные Красиным, взволновали не только делегатов съезда, но и добавили напряженность в его взаимоотношения с Лениным, который усмотрел мотив личного соперничества в самой постановке вопроса о том, где находится основное поле деятельности РСДРП — в России или Западной Европе?

И, наконец, последнее, имеющее отношение к данной переписке, обострение во взаимоотношениях Красина и Ленина произошло в середине 1907 г., в условиях политического кризиса, вызванного роспуском II Думы и принятием нового избирательного закона. К тому времени состав зарубежного Большевицкого Центра (БЦ) увеличился до 15 человек. (В течение последующих нескольких лет он будет действовать в виде расширенной редколлегии большевистской газеты «Пролетарий».) Центр был расколот внутрипартийной борьбой между Лениным, с одной стороны, Богдановым и Красиным — с другой. Разногласия были вызваны, в том числе, разными мнениями относительно участия социал-демократов в Думе. Однако, по вопросу экспроприаций и террористических действий, осужденных IV и V съездами РСДРП, Ленин, Богданов и Красин проявляли полное

единодушие. Ленину тогда еще не удалось установить полный контроль над финансами фракции. Несмотря на это, он охотно одобрял «эксы» банков и почтовых отделений, поскольку они давали гораздо больше денег БЦ, чем меньшевикам. Борьба за эти средства играла большую роль в соперничестве двух фракций.

К концу 1907 г. разногласия в БЦ усилились, так как Ленин раньше соратников понял, что революционный подъем закончен, и правительство взяло инициативу в свои руки. Желая дискредитировать конституционализм в глазах общества, Ленин поддержал участие социал-демократов в Думе. Красин и Богданов расходились с Лениным в оценках участия в парламентской деятельности. Углубил разногласия Ленина с Красиным скандал в партии из-за тифлисского ограбления. Ленин к этому времени изменил свою точку зрения и отказался от «эксов» как способа борьбы и «зарабатывания» денег. Он осудил их проведение и решил отстранить Богданова и Красина от партийной кассы. В 1908 г. разногласия Красина с Лениным углубились после приезда Леонида Борисовича в Западную Европу и вскоре стали широко известны соратникам. Истоки конфликта лежали в расхождении мнений относительно того, кто должен контролировать партийные средства и на что их тратить.

Красин проиграл Ленину. Решающую роль тут сыграло то обстоятельство, что Красину пришлось вести борьбу в непривычных для него условиях эмиграции, где Ленин чувствовал себя уверенно. Красин, долго работавший в подполье, не был подготовлен к тонким политическим интригам заграничных социал-демократов. О'Коннор весьма точно характеризует ситуацию, в которой очутился Красин: «Отрезанный от революционного подполья, он оказался в чуждой ему среде социал-демократов и теоретиков, живших в Западной Европе. Приехав сюда, Красин, казалось, утратил прежнюю энергию и жизненную силу, как будто адаптация к новым условиям измотала его больше, чем борьба с режимом. Хотя Красин и не отличался слишком большим честолюбием, все же — и он сам это признавал — власть влекла его к себе.

Однако ему далеко было до Ленина, стремившегося все партийные органы поставить под свой контроль и воспринимавшего любое несогласие с собой как политический выпад. Он яростно атаковал не только тех, кого считал своими непримиримыми противниками, — кадетов, октябристов, эсеров и меньшевиков, — но и людей, некогда являвшихся его главными союзниками среди большевиков — Красина и Богданова. Напротив, работа в подполье научила Красина ценить единство действий всех противников царизма. Он испытывал глубокое сожаление от того, что вынужден отказаться от борьбы за сплочение партии во имя радикализации ее политики. Ленин же не знал подобных чувств, благодаря чему и одержал верх над Красиным в борьбе за власть»²⁰.

В какой мере Горький был осведомлен о разногласиях между Красиным и Лениным, а также на чьей стороне он был по этим вопросам внутрипартийной жизни — еще предстоит выяснить исследователям биографии писателя. Красин же, как мы помним, отошел от революционной деятельности и вернулся в Россию победившей революции в конце 1917 г. по приглашению Ленина, безусловно, ценившего его личные качества, опыт и заслуги.

В 1918—1923 гг. он стал одним из организаторов снабжения Красной армии, членом Президиума ВСНХ, наркомом внешней торговли, затем — дипломатом (в этом качестве он подписывал англо-советский договор, участвовал также в Генуэзской и Гаагской конференциях). После революции Красин неоднократно поддерживал инициативы Горького и активно помогал ему в целом ряде общественных начинаний: в создании «Ассоциации по распространению положительных наук» и «Комиссии по улучшению быта ученых», в работе организованной Горьким Экспертной комиссии. После отъезда писателя из России Красин в 1922 г. оказал ему большую поддержку, способствуя заключению договора с Торгпредством РСФСР в Берлине на издание собрания сочинений писателя за рубежом, с последующим печатанием (с матриц) в Госиздате²¹. Это дало возможность Горькому получать гонорар одновременно в валюте и в рублях.

В 1924 г. Красин был назначен послом во Францию, а в 1926 г. — в Англию. В последний период жизни Красин часто болел. Его диагноз — «хроническая анемия». Он лечился в Кремлевской больнице, в Германии и Франции. В эмигрантской прессе появляются слухи о его ходатайстве перед советским правительством «об увольнении с поста советского полпреда»²². Но факты не подтверждают этой версии.

Видную роль в общих партийных делах Красина и Горького играла и М. Ф. Андреева. Ее взаимоотношения с Красиным были почти родственными и оставались таковыми до самой его кончины. В Архиве А. М. Горького и РГАЛИ хранятся их письма, охватывающие 20 лет. Красин не только был товарищем по партии, но и близким другом семей Андреевой-Крит. Он был влюблен в сестру Марии Федоровны Е. Ф. Крит, помогал материально, как самой Андреевой, так и ее дочери Е. А. Желябужской.

Личная жизнь самого Красина была, по воспоминаниям брата Германа, типичной для революционера. Познакомившись с Л. В. Миловидовой в 1890 г., он искренне ее полюбил, и это чувство было взаимным. «Пожениться, однако, они не могли, — пишет Г. Б. Красин, — ибо это неизбежно сопровождалось бы появлением детей, что в расчеты Леонида совсем не входило. Брак их тогда так и не состоялся, благодаря начавшимся для брата тюремным и прочим мытарствам. Я был свидетелем невольной драмы, необычайного самообладания, мужества и духовной мощи брата»²³. Л. В. Миловидова вышла замуж за некоего Кудрявского, уехала за границу, и вскоре Красин потерял ее из виду. Красин снова встретился с Лю-

бовью Васильевной в Крыму в 1902—1903 гг. К тому времени у нее было трое детей от двух браков — с Кудрявским и В. Б. Оксом (как написал Герман Красин: «два уже оксовой породы»²⁴). Вскоре после этой встречи Любовь Васильевна вышла замуж за Красина. В этом браке родилось три дочери: Екатерина, Людмила и Любовь²⁵. Официально их свадьба состоялась через 25 лет (для урегулирования юридического положения детей).

По мнению биографа Л. Б. Красина — Т. Э. О'Коннора, во время пребывания в Лондоне личная жизнь Красина значительно осложнилась: «Он обожал своих детей, иногда посещал с ними концерт, поощрял их занятия музыкой, учил фотографировать, однако на регулярное общение с ними времени катастрофически не хватало <...> Его невероятная занятость огорчала и волновала Любовь Васильевну, тем не менее, они часто ходили на фильмы Чарли Чаплина, нравились им ленты с участием Дугласа Фэрбенкса»²⁶.

Несмотря на свою привязанность к жене и детям, Красин был весьма неравнодушен к женщинам и имел у них успех.

В 1920—1921 гг. Красин познакомился в Берлине с молодой актрисой Тамарой Владимировной Миклашевской (р. 1893 г.), которая стала его гражданской женой. Там же, в Берлине, 17 сентября 1923 г. у них родилась дочь Тамара²⁷.

Красин не развелся с первой женой, предпочтя иметь две семьи. Любовь Васильевна восприняла случившееся как личную трагедию²⁸.

Умер Красин 24 ноября 1926 г. в Лондоне, находясь на посту полпреда СССР в Англии. Горький был очень удручен его смертью. В письме Е. П. Пешковой от 27 ноября 1926 г. он просил ее возложить на гроб Л. Б. Красина венок с надписью на ленте «Старому другу. М. Г.»²⁹. В письмах к Е. П. Пешковой, П. П. Крючкову, В. М. Ходасевич и др. в конце ноября 1926 г. он пишет об уме и талантливости Красина, приводит высокую оценку Красина Лениным, вспоминает, что Ленин очень ценил Красина и любил его.

Сразу после кончины Красина Горький начал писать воспоминания о нем и 5 декабря 1926 г. переслал их в Москву в «Международную книгу» на имя И. П. Ладыжникова³⁰. Одновременно очерк о Красине был представлен в издательство «Малик-Ферлаг» для перевода на немецкий язык и издания в Германии. Первоначально очерк назывался «Л. Б. Красин и Савва Морозов»³¹.

В представленной переписке личность Красина очерчена фрагментарно. События, упоминаемые в письмах, охватывают всего три года его жизни и революционной деятельности. С предлежащими годами, необходимыми для понимания текущих событий, этот хронологический отрезок составляет, приблизительно, десять лет. Не менее интересно и драматично развивались события его биографии в 20-е годы, когда Красин проявил себя как выдающийся экономист и дипломат, но это уже другой сюжет.

В Архиве А. М. Горького, кроме публикуемых писем, хранится одна телеграмма Горького Красину (б. д.; ПГ-рл-21-8-4), два письма — от декабря 1918 г. и от 15 июня 1921 г. (ПГ-рл-21-8-2 и 1), две телеграммы Красина к нему — от 1919—1920 гг. и недатированная (КГ-од-1-14-1 и 2).

Письма Красина к М. Горькому и М. Ф. Андреевой хранятся в Архиве Президента РФ и РГАЛИ. Они частично опубликованы (*Андреева*. Изд. 3-е. М., 1961). В настоящем сборнике представлены 8 писем. Они поступили в Архив А. М. Горького 13 июня 1992 г. из Архива Президента РФ, где хранились в фонде А. М. Горького, состоящем из материалов Архива А. М. Горького, изъятых для Архива ЦК КПСС по особому распоряжению и возвращенных на волне рассекречивания специального хранения.

В настоящем издании печатаются два письма М. Горького Л. Б. Красину, написанные около 15 (28) апреля 1906 г. из Нью-Йорка и не позднее 25 января (7 февраля) 1907 г. с о. Капри (напечатаны в кн.: Горький. *Письма*. Т. 5 и Т. 6) и восемь писем Л. Б. Красина М. Горькому и М. Ф. Андреевой за период 1906—1908 гг. (печатаются впервые, по автографам — АГ. КГ-од-1-14-3, 4, 5, 6, 7, 8, 9 и 10).

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ *Тютюкин С. В., Шелохаев В. В.* Марксисты и русская революция. М.: РОСС-ПЭН, 1996; *О'Коннор Т. Э.* Инженер революции: Л. Б. Красин и большевики. 1870—1926 / Пер. с англ. А. В. Чудинова, Е. В. Полевшиковой, Я. Я. Юрцыбы. М.: Наука, 1993 и др.

² Красин в Ясной Поляне. Воспоминания Окса (Перепечатка из французской газеты «Матэн») // *Возрождение*. 1934. № 3296. 22 июня.

³ Там же.

⁴ *Красин Л. Б.* Большевики в подполье. М., 1932. С. 16—17.

⁵ См.: *Алданов М. А.* Собр. соч.: В 6 т. М., 1991; *Гр. Д. Олсуфьев.* Революция: Из воспоминаний о девятистах годах и об моем товарище Савве Морозове, † 1905 г. // *Возрождение*. 1931. № 2236. 27 июля.

⁶ Красин в Ясной Поляне. Воспоминания Окса // *Возрождение*. 1934. № 3296. 12 июня.

⁷ Там же.

⁸ *О'Коннор Т. Э.* Инженер революции. С. 17.

⁹ *Бруснев М. И.* Возникновение первых социал-демократических организаций: Воспоминания // *Пролетарская революция*. 1923. № 14. С. 17—22.

¹⁰ Там же. С. 65.

¹¹ *О'Коннор Т. Э.* Инженер революции. С. 118.

¹² *ГАРФ*. Ф. 102. Дп. 00. 1901. Д. 649. Л. 3 и 32.

¹³ *ГАРФ*. Ф. 102. Дп. 00. 1890. Д. 527. Л. 2; 1889. Д. 569. Л. 7—8; 1890. Д. 137. Ч. 1. Л. 4—6, 12—13, 15—17, 20—22, 25—27, 35, 37, 53—54, 63, 65—92.

¹⁴ *Горький М.* Леонид Красин // *Горький. Сочинения*. Т. 20. С. 50—51.

¹⁵ См. примеч. к наст. письмам.

¹⁶ *Красин Л. Б. (Никитич). Годы подполья. Сб. воспоминаний, статей и документов / Сост. кружком друзей Красина под ред. М. Н. Лядова, С. М. Познера. М., 1928. С. 6—9, 172—173; Лядов М. Н. Памяти Л. Б. Красина // Там же. С. 33—35; Кржижановский Г. М. Избранное. М., 1957. С. 522, 526; О'Коннор Т. Э. Инженер революции. С. 58.*

¹⁷ *АГ. ПТЛ 1-38-18.*

¹⁸ *Ulman A. V. The Intellectual and Political History of the Triumph of Communism in Russia. N.Y. 1965. P. 524—525; О'Коннор Т. Э. Инженер революции. С. 57 и др.*

¹⁹ *Красин Л. Б. К вопросу о соглашении БКБ и ЦК // Пролетарская революция. 1926. № 1. С. 83—84; Красин Л. Б. (Никитич). Годы подполья. С. 351—355, 364—365.*

²⁰ *О'Коннор Т. Э. Инженер революции. С. 102.*

²¹ *Архив Г. 16. С. 346.*

²² *Руль. 1926. № 1602. 10 марта.*

²³ *Красин Г. Б. Детство и юность Леонида Борисовича Красина // Леонид Борисович Красин. ИСПАРТ ЦК ВКП(б): Госиздат. 1928. С. 29.*

²⁴ *Там же. С. 29.*

²⁵ *Krassin Lubov. Leonid Krassin: His Life and Work (by his wife Lubov Krassin). London: Skeffington & Son, LTD, 235. Regent street, Oxford ciceus, W. I. [1929].*

²⁶ *О'Коннор Т. Э. Инженер революции. С. 241—242.*

²⁷ *О'Коннор Т. Э. Интервью с Т. Л. Тарасовой-Красиной. Москва. 18 мая 1990 г. // О'Коннор Т. Э. Инженер революции. С. 242.*

²⁸ *О'Коннор Т. Э. Интервью с Матиас-Красиной. Лондон, 5—6 марта 1990 г. // Там же. С. 242.*

²⁹ *Архив Г. 9. С. 258.*

³⁰ *Архив Г. 7. С. 248.*

³¹ *Известия. 1926. № 294. 19 декабря.*

1. ГОРЬКИЙ — Л. Б. КРАСИНУ

Около 15 (28) апреля 1906, Нью-Йорк. Стейтен-Айленд

...Теперь, когда дело налаживается, могу дать нечто вроде отчета¹.

Встретили меня здесь очень торжественно и шумно², в течение 48 часов весь Нью-Йорк был наполнен различными статьями обо мне и цели моего приезда³. Застал я здесь Чайковского⁴ и Шидловского⁵, — первый — Вы знаете кто, второй — был антрепренером «бабушки»⁶ и с той поры околачивается здесь. Сии два господина попросили меня дать им немедленно свидание. Дал. Заявили, что они тут устроили «комитет знаменитых американцев для помощи русской революции»⁷ — понимай — с.-р'ам. (В компании с ними я нашел эста Сибуля⁸, того, который был делегатом из Нарвы на конференции в декабре⁹. Малый — мягкий и болезненный. Чайков-

ский, пользуясь этим, затуркал его.) Предложили мне «работать» вместе, а для дележки заработанных денег выбрать американца. Я отказался наотрез. В тот же день познакомился с «комитетом», в него входил М. Твен и несколько крупных капиталистов. Фактическим распорядителем среди них являлся Чайковский. Партия с.-р. в их глазах была всем, а с.-д. — не существовали. На митингах он говорит о с.-д. все, что угодно, кроме правды. Скверно говорит. Положение дел было таково, что мне оставалось только соединиться с ними, дабы везти их на своей шее. Но здесь случилась одна ошибка, которую — я не знаю, кто сделал. Заочно благодарю его.

Газета «Уордль» поместила статью, в коей доказывала, что я, во-первых, — двоеженец, во-вторых, — анархист. Напечатала портрет моей первой жены с детьми, брошенной мною на произвол судьбы и умирающей с голода¹⁰. Факт — позорный. Все шарахнулись в сторону от меня. Из трех отелей выгнали¹¹. Я поместился у одного американца-литератора¹² и ждал — что будет? Мои спутники раскисли. В газетах начали говорить о необходимости выслать меня из Америки¹³. Однако лучшие и наиболее влиятельные газеты — «Трибун»¹⁴, «Таймс»¹⁵, «Н.-Й.-Геральд»¹⁶ — молчали. То же и «Америкен», куда я подрядился написать 15 статей о России¹⁷. Надо жить. Нас — четверо¹⁸, а здесь считают на доллары. Предпочтение, данное мной «Америкену», раздражило другие газеты, и они начали лягаться¹⁹.

Явился Чайковский и спросил, не хочу ли я теперь работать вместе? Мне не захотелось. «Комитет» развалился. Причины сего были таковы — как говорят его члены. 1-е — американец — моралист, он не дает денег двоеженцу. 2-е — в русском посольстве, помимо двоеженства, есть еще кое-что против меня. Так, напр<имер>, известно, что я и М<ария> Ф<едоровна> украли 15.000.000 у С. Морозова и убили этого бедняка²⁰. 3-е — Чайковский вел и ведет себя в комитете по отношению ко мне так, что американцам стало ясно: в России есть партии, а между ними — раздор. Американцы желали бы помочь революции, но они не хотят помогать партиям. Поэтому — все кончено.

Итак — комитет погиб²¹. Чайковский предложил мне объявить себя социалистом и выступать на митингах рабочих с ним вместе. Но он уже окончательно надоел мне. В то время я начал составлять свой комитет²². Бунд, узнав, что дело идет успешно, выписал из России Максима²³. Сей зверь весьма раздут здешними газетами, и когда он приехал, то быстро погиб, ибо оказался несколько глуп. Проникнуть в среду буржуазии уже стало трудно — вдруг окажется, что у всех русских революционеров по две жены? А посему Чай-

ковский и Максим навалились на русских рабочих и евреев. И я. Первый митинг²⁴ дал 1200 дол<ларов> чистого. Потом стали присылать чеки для меня²⁵. Второй держу 4-го в Провидансе²⁶, 6-го — Бостон²⁷, до 12-го — 3 мит<инга> в Филадельфии²⁸, 12-го в Нью-Йорке — взяли самый большой зал, на 10 т<ысяч человек>²⁹. Потом еду в Чикаго³⁰ и т. д. Очень помешало Сан-Франциско³¹ и крах одного банка, занявши внимание газет дня на три.

В комитет мой входят: проф. Гиддингс, автор социологии — переведенной на русский язык³², проф. Мартэн³³, очень популярный во всех классах социалист-фабианец, некий финансист, фамилию коего выговорить я не могу³⁴, глава синдиката пневматических фабрик³⁵ и прочие люди разных рангов, числом до 50. Стараются они весьма, и толк от них будет большой, но для этого мне нужно остаться здесь до осени и говорить по-английски. Первое я, конечно, сделаю, второе — попробую. Пока же стараюсь занять у комитета т<ысяч> 50 дол. и послать Вам. Осенью покроем их. Сделаю первую посылку скоро, не всей суммой сразу.

Комитет основывается на долгое время. Он примет титул «Друзья русского народа», казначеем назначаем один из крупнейших банков. Деньги идут в мое личное распоряжение, под расписки мои. Я должен буду впоследствии указать то учреждение, которому передам деньги и которое выдаст расписку в получении. Лучшие люди комитета знают, каково будет это учреждение, но это их не пугает, хотя они тоже... «моралисты».

А Чайковский хочет уезжать отсюда. До сего дня он пожал 8 т<ысяч> долларов. О «Максиме» — не слышно, а когда он говорит, то говорит обо мне разные пакости³⁶. Мне и еще кое-кому думается, что он — не тот Максим, который делал революцию в Риге. Здесь, знаете, до такой степени Америка, что никто и ничем не стесняется. Даже здешние социал-демократы — народ очень строгий — того и гляди проглотят вместе с сапогами. Те же, которые получше — не американцы, — ничего не умеют делать. Сейчас все социалисты, с Моррисом Хилквитом³⁷ во главе, требуют, чтобы я всюду выступал как социалист, непременно!

Я спрашиваю их: «А буржуа денег давать будут?» — «Нет, говорят, не будут». — «Так я не выступлю лучше». — «А мы вас в газетах наших ругать будем». — «Тогда буржуа еще больше мне дадут, ибо ясно будет, что я не социалист, а жаждущий политической революции и больше ничего. Ругань же вашу — претерплю. То ли я терпел!» Хохочут и говорят, что я становлюсь американцем.

В конце концов я убежден, что достану много денег — вот главное³⁸.

А Вас прошу — пожалуйста, извещайте Вы меня о том, что делается в России! Просто беда, я как слепой! Некоторые ценные американцы отказались от участия в комитете только потому, что собирается какая-то Дума³⁹. Я им, чертям, должен изъяснить, что это не Дума, а — дрянь. А газеты мне присылают через час по чайной ложке! А журналов я не имею. Что делается в партии — не знаю.

Мне, например, надо книг о Сибири⁴⁰. Быть может, ознакомившись с ее жизнью, я продам ее американцам. Дайте книгу или статью о ввозе товаров в Приморскую, Приамурскую и Уссурийскую области! Ей-богу, надо!

Герман⁴¹ кланяется, М. Ф. тоже. Попало ей — здорово!

Пишите: Нью-Йорк, Staten Island — Статен Айленд. Мг. Джон Мартэн (J. Martin), для и т. д.

Ну, всего доброго! Крепко жму руку.

Возвращусь — куда? — в декабре, январе⁴².

А.

2. Л. Б. КРАСИН — ГОРЬКОМУ и М. Ф. АНДРЕЕВОЙ

9 июля 1906, Куоккала

Дорогие друзья!

Сегодня хлопнули Гос<ударственную> Думу¹.

Что и требовалось доказать!

Последствия этого, при данной политической ситуации во всяком случае, серьезного шага сейчас еще нельзя предвидеть, тем более, что известие только что получено, и мы, сидя на даче (воскресенье!), понятия не имеем, что творится в городе и как откликнется на этот акт правительства деревня (и армия).

Не думаю, что в ближайшие дни можно было ждать забастовки и восстания. Вероятнее всего, правительству не удастся спровоцировать открытое выступление, а революционерам придется вести свою работу кротов-могильщиков старого режима, по-прежнему рассчитывая, главным образом, на этот полу-стихийный процесс революционирования армии и деревни, успех которого только и может обозначить конечную победу революции над войсками правительства.

Да! Сколько иллюзий, сколько несбыточных кадетских мечтаний рухнуло сегодня, сколько людей (и партий) надолго вышиблено из политической Колеи².

Для нас наступающая перемена, неизбежность которой, рано или поздно, предсказывалась именно нашими теоретиками³, важна не столько своей политической стороной, сколько теми изменениями условий практической работы, которые она с собой несет. Аресты уже начинаются, и, после 2½ мес<ячного> периода свобод (и провокаций), департамент на Фонтанке обладает, конечно, значительно большей осведомленностью, чем в декабре⁴, по части же бесцеремонности за последние месяцы сделаны такие успехи, что сейчас никого не удивили бы массовые расстрелы арестованных и заподозренных, даже без комедии военного суда⁵. Газеты социалистические закрыты вот уже 3-ий день⁶, а завтра-послезавтра их участь разделят, по слухам, также и кадетские⁷, благо в Питере уже объявлено положение чрезвычайной охраны. Это вот самый больной для нас удар. Просто руки опускаются, о нелегальной печати и думать не хочется, после того, как все, — и рабочие, и солдаты, — привыкли в миллионах экземпляров получать газеты и брошюры. С последними сейчас тоже будет плохо, так как закрыты не только газеты, но и типографии. Не знаю, писал ли я Вам, что из той машины, которую мы заказали еще для «Нов<ой> Жизни»⁸, у нас сейчас выросла Типография с 5 плоскими и 2 ротационными машинами⁹. Работали вовсю, пока третьего дня нас, в компании с 5 другими, не запечатали¹⁰. Надо думать, распечатают теперь едва ли скоро! А между тем, без литературы, хотя бы в виде листовок или сборников, освещающих положение, обойтись никак нельзя. Вот тут и выворачивайся, как раньше!

Думал уж, было, использовать Вашего знакомого американца, открыв заведение на его имя, но его унесла нелегкая куда-то в Курскую губернию¹¹.

— Дело с полисом все еще не вырешилось окончательно, так как не удастся документально установить правильность первоначально показанного возраста С<аввы> Т<имофеевича>, теряя же 11 т., разумеется, не хочется¹². Но, если вопрос этот затянется, пожалуй, придется согласиться на получение и 89. Деньги нужны до зарезу, кроме того внутреннее положение так запутывается, что пройдет месяц-другой, и, пожалуй, все гражданские сделки и обязательства сделаются ни для кого не обязательными.

Кстати, я сейчас еще раз напоминаю о необходимости поскорее показать Мал<янтовичу> письмо М<арии> Ф<едоровны>¹³ с просьбой или уполномочием выдать деньги мне или моим правопреемникам (в случае моей безвременной кончины): речь идет о 60% общей суммы, — а также о том, что делать, куда положить и пр. остальные 40%.

Как я уже писал в предыдущем моем, конечно Вами уже полученном, письме¹⁴ — 60%, мы предполагали, согласно нашим прошлогодним разговорам, об отчислении их на нужды П<арт>ии, теперь же — расходувать на текущие нужды, выделив известный фонд на съезд¹⁵ и пр. и образовав для этой цели комиссию из меня, Ильича и Богданова¹⁶.

Еще раз усиленно прошу поскорее ответить на все мои вопросы, касающиеся этих полисных денег. Затем, еще один такой вопрос: как быть с Малянтовичем? Я предполагаю предложить ему назначить и удержать в его распоряжении сумму произведенных им по этому делу расходов и издержек¹⁷. Каково Ваше мнение?

Недавно я виделся с одним москвичем. Сообщил о предстоящем выпуске дяди Миши¹⁸, а также, как безусловно верный факт, — что против вас обоих обвинения прекращены и никаких оснований для какого-либо процесса не имеется. Все это было бы отлично, если бы в настоящий момент любезное отечество наше не вступало опять в такой период, когда для того, чтобы быть пристреленным, не требуется решительно никаких оснований.

Ну, пока прощайте.

Крепко вас обнимаю.

Привет горячий Н<иколаю> Е<вгеньевичу>¹⁹.

Ваш Леонид

3. Л. Б. КРАСИН — ГОРЬКОМУ и М. Ф. АНДРЕЕВОЙ

20 сентября 1906, С.-Петербург

Дорогие друзья!

Сегодня я узнал от Е<катерины> Ф<едоровны>¹, что скоро вы уже покидаете Америку² и будете, если не здесь, то все же ближе и доступнее для всякого рода сношений и переписки³, которая плохо налаживается, когда письма, высланные при созыве Думы, получают адресатом к ее разгону.

Ну, что касается меня, то я рад, что вы наконец выбираетесь из-за океана. Вся эта осенняя кампания мне не особенно импонировала, и, судя по всему, что за это время удалось узнать о стране «Желтого Дьявола»⁴, вероятно, превратилась бы в ряд утомительнейших мытарств без осязательных результатов.

Каюсь, м<ожет> быть, тут, до известной степени, сказывается хроническое пребывание в «меньшинстве» известной Коллегии⁵, которая, имея в своих руках печать и звания высокие, и находясь в

полной осведомленности, относительно предложенных Хозяином⁶, еще давным-давно, планов (образование О-ва с громкими именами и пр.), тем не менее, не шьет, не порет и до сих пор никаких практических планов с *ее* стороны не предпринимет⁷. При таких условиях, конечно, и вам трудно было бы что-нибудь там сделать, я же здесь уже и ругался немало, но без больших результатов.

Также мало толку вышло и из сообщения Коллегии последнего письма Хоз<яина>, с сообщением о Компании Ромма⁸ и др. Грешным делом, я подозреваю даже, не выступила ли эта К^о, если не с официального соизволения Ц<ентрального> К<омитета>⁹ (о чем было бы безусловно извещено и чего им никоим образом не удалось бы открыто провести), то с тайного попустительства некоторых влиятельных м<еньшевиков>. Иначе трудно объяснить равнодушие к сообщению об этой К^о и ее не вполне солидной финансовой репутации. Вполне возможно, что наши власть имущие коллеги, не очень обрадованные больш<евистской> позицией Хоз<яина>, а Стрелы¹⁰ и подавно (после того, особенно, как им улыбнулось испанское наследство¹¹), решили приспособить к делу людей более близких им по духу и общим политическим воззрениям. Условно оговариваюсь, что все это, с моей стороны, только предположения и догадки, которые я высказываю лишь как одно, из имеющихся у меня, оснований не жалеть (по меньшей мере) о вашем близком отъезде, *даже* из узко деловых соображений.

С другой стороны, я думаю, что еще *рано* было бы ему¹² радоваться как предвестнику скорого вашего (или даже хотя бы кого-либо из вас) приезда сюда. Пока что, это было бы, по-моему, в высшей степени нецелесообразно, и я пишу вам об этом, чтобы по возможности предупредить возникновение надежд, убедиться в неосуществимости которых в данный момент, было бы, особенно М<арии> Ф<едоровне>, вероятно, очень нелегко¹³. Положение продолжает оставаться крайне неопределенным и серьезным, и на близкий поворот к лучшему шансов мало. События зреют где-то там, в глубине, и, как ни непоколебима уверенность в конечной победе (а чем более неистовствует контрреволюция, — тем больше гарантий, что дело не остановится на кадетских полумерах¹⁴), ясно, что мы пережили, может быть, только еще начальную стадию в развитии революции, и впереди предстоит еще долгий-долгий и беспримерный по трудностям путь. И иного пути нет!

Приезжать же сюда раньше того, как эпоха скорорешительных полевых судов сделается достоянием отечественной истории, без крайней в том необходимости, ни к чему. Повидаться с детьми,

м<ожет> быть, даже пожить с ними некоторое время вместе, можно и не приезжая сюда¹⁵.

Конечно, пророком трудно быть, но, мне кажется, раньше лета ваше появление здесь едва ли полезно.

Недавно был здесь Пав<ел> Ник<олаевич>¹⁶.

Окончить дело не удалось, так как документ, привезенный им, оказался еще недостаточно доказательным¹⁷. Получили опять, в счет всего, с прежними 70; передано К<онстантину> П<етровичу> 40%, т. е. 28¹⁸. Пав<ел> Н<иколаевич> надеется еще до 1 октября осуществить свою последнюю попытку (опрос старожилов)¹⁹, таким образом, недели через 2 дело выяснится в окончательном виде, т. е. либо 89, либо 100.

Мы до крайности удивлены неисправным получением Вами газет. Все наши газеты высылались вам аккуратическим образом, притом всегда двумя путями: прямо и через Финляндию. Как могло случиться, что они не доходили, совершенно не понимаю. Дошли ли до вас самые последние издания? Литераторы²⁰ очень просят Хозяина сотрудничать. Во 2-м № совершили некоторый плагиат; надеемся, что автор не будет ругать за это, тем более, что журнал²¹, из которого сделана перепечатка, здесь *абсолютно* никем не получается и известен только по названию. Очевидно, в Россию его иначе, как в карманах действ<ительных> статских советников не перевозят. Пока до свидания!

Всего лучшего, привет от старика²², Ал<ександра> Ал<ея>²³ и П<етра> П<етровича>²⁴.

Ваш Красин

4. Л. Б. КРАСИН — ГОРЬКОМУ и М. Ф. АНДРЕЕВОЙ

16 ноября 1906, С.-Петербург

Дорогие друзья!

Давно я собираюсь писать Вам, но так и не мог собраться. Теперь, когда у Вас уже был, а может быть еще и есть, Ал<ександр> Ал<ександрович>¹, можно и не писать подробно: гораздо лучше узнаете обо всем из его рассказов.

Эти несколько строк пишу вот по какому неотложному поводу. На днях в театре мельком видел Михайловского-Гарина². Поговорить сколько-нибудь толком не удалось. Вчера же узнал, что Гарин выиграл дело с военным ведомством, или вообще с казной и что

ему предстоит получить, не мало-не много, 1.800 000 р.³. Спрашивается, позволительно ли таких баловней судьбы оставлять гулять по свету, не облагая контрибуцией?

Я постараюсь повидаться с ним завтра, напомним прошлогодною Куоккалу⁴, может быть, даже попробую добиться немедленной предварительной ассигновки на предвыборную кампанию⁵, но главную атаку, мне кажется, лучше всего повести Хозяину⁶: это выйдет вдесятеро солиднее, и результат будет, конечно, совсем иной, тем более, что, сколько мне помнится, он тем летом связал себя вполне определенными обязательствами.

Если вы оба того же мнения, то надо Хозяину составить ему соответствующую ноту и послать ее по адресу, который я вам телеграфирую⁷. (Жить М<ихайловский> будет в Севастополе, но когда он туда выедет, я пока еще не знаю.)

Необходимость несколько спешить с этим делом я усматриваю в том, что если М. скоро получит деньги, то *здесь уже не станет за охотниками* помочь ему от них скорее освободиться.

Наши финансы не то, чтобы очень были плохи, но и не блестящи. Военно-полевой режим⁸ стоит чертовских денег, тем более, что публика избаловалась за время свобод⁹ и требует все в таком масштабе, который представил бы трудности и при менее людоедских условиях. Да это необходимо, конечно, и по объективным условиям: радиус действия стал сейчас совсем иной, чем было два и даже год назад. Словом, ей-богу, не будет греха, если новоиспеченный Крез строго выполнит благочестивые обеты, данные им в пору, когда миллионы существовали только в его воображении.

Маленькая техническая подробность: надо иметь в виду, что мое самочувствие *за последние дни* сильно ухудшилось, и я не знаю, буду ли в состоянии заниматься делами к моменту передачи денег от М.¹⁰. Поэтому устройте так, чтобы ему было, куда направить соответственный куш, если бы даже эта досадная зависимость человеческого существования от космических причин стала реальностью.

Вот это пока все! Да! Чуть не забыл. Передал ли вам А. А., что мы очень соскучились по Герману¹¹ и сильно заинтересованы в его возвращении? Какие предложения на этот счет существуют в вашей небольшой колонии¹²?

Пожалуйста, пишите и попросите его написать.

Всего лучшего. Кланяюсь Н. Евг.¹³

Крепко жму Ваши руки.

Ваш Леонид

Ваши¹⁴ все здоровы и благополучны.

Детей¹⁵ недавно видел.

22 ноября 1906, С.-Петербург

Продолжаю осведомление вас относительно Н. Г. Михайловского. Я был у него на днях и выяснилось, что действительно ему предстоит получить с казны в два приема по 900 тысяч¹. Первая половина всей суммы в 1.800 тыс. будет получена в феврале; для получения второй надо вести процесс, исход которого несомненен, а продолжительность около 6—8 месяцев. По словам М<ихайловского> процесс этот он будет вести исключительно ввиду своего намерения дать деньгам общепольное употребление. Наконец, в ожидании первых 900 т., полученных в феврале, он предполагает в ближайшем же будущем перехватить где-нибудь тысяч 150. Такова фактическая сторона дела, исходя из которой приходится действовать. При разговоре с М. я не обращался к нему ни с какими просьбами, так как полагаю, что в данном случае не стоит разбиваться на мелочи, а надо постараться о крупном отчислении с его стороны, определить точно его размеры и, самое большее, получить в счет его известную сумму из тех 150 т., достать которые он предполагает в недалеком будущем. Удастся ли еще ему такой заем — это для меня большой вопрос, потому что по теперешнему безденежью приходится сомневаться, существует ли вообще в природе подобная сумма.

Но возможно, что и удастся. Около М. уже и сейчас увивается многое множество всякой публики, начиная с голодающих путейцев² и кончая мягковским «Колоколом»³, который, не получая дальнейших субсидий от своего хозяина, с утра до ночи рыскает по городу, ища где бы занять денег. Деньги и нам сейчас не повредили бы, потому что, несмотря на относительно безбедное существование, с имеющимся у нас остатком и тем, что еще предстоит получить от Пав<ла> Н<иколаевича>⁴ (дело еще все не кончено и требуемых доказательств правильности полисного возраста С<аввы>⁵ не получено), особенно широких дел не начнешь. Много денег идет на поддержание бесписьменной публики⁶ и разъезды: едва ли не больше, чем в старину, <далее> издательство газет и брошюр (не лег<альных>)⁷, наконец, уплаты по покрытию инвентаря большой нашей типографии⁸. Затеять при таких условиях новые дела, не имея специальных сумм, значило бы зарываться.

Между тем, для конца избирательной компании и в особенности для начала думского периода, нам непременно нужно было бы выступить с легальной газетой, или, вернее, газетами, так как каждая из них едва ли просуществовала бы более двух недель. Если бы

М. в конце декабря и в начале января мог дать нам 20—30 т., такие газеты несомненно были бы поставлены, и мы бросили бы в массу пролетариата и крестьянства еще несколько миллионов листов с<оциал>-д<емократических> изданий. М. в разговоре со мной, правда, в самой общей форме, упомянул, что он думает на издание большой, очень хорошо поставленной газеты ассигновать тысяч 300. Это, конечно, очень роскошно, но коли так, то 10% такой суммы можно было бы в ближайшем же будущем отделить на возобновление «Новой Жизни» или «Впереда»⁹. Далее же думать о постановке газеты на широкую ногу, т. е. готовить, напр<имер>, установку своих наборных машин, организовать осведомительную часть, м.б., свое телеграфное агентство и т. д. Я особенно настаивал бы на солидной организации технической стороны дела, так как современное полукустарное ведение дела страшно плохо отражается на газете и в коммерческом отношении, и, еще больше, в отношении быстроты печатанья и распространения. Из-за плохой техники не только мы, но и «Мысль»¹⁰, напр<имер>, гораздо более денежная, в свое время стояла перед такими курьезами: с одной стороны, отовсюду жалобы на недостаток тиража и неполучение газеты; с другой, и в то же самое время, завал тысяч №№, не попавших своевременно на определенный поезд, вследствие опоздания с набором или печатью. Впрочем, это уже детали!

До 1 декабря старого стиля Михайловский пробудет в Петербурге (Свечной пер., д. 5, кв. 22), после же, 1-го уедет в Севастополь, где и пребудет до лета; предполагает, кажется, работать над проектом южнобережной дороги¹¹.

Вот, собственно, и все данные по этому делу, которые я могу вам сейчас сообщить. Конечно, хорошо было бы, если А<лексей> М<аксимович> предпринял что-либо в ближайшем будущем, с целью возобновить с Мих. сношения по денежным делам, и чтобы вы уведомляли меня о наиболее важных своих шагах.

На днях видел одного парня из Берлина¹². Рассказывает, что Костров¹³ послал Вам оттуда письмо с просьбой сообщить отчет о заморской поездке, конечно, с ее финансовой стороны¹⁴. Мне интересно было бы в копии получить Ваш ответ. Не знаю, чего они еще пристают к Вам после того, как им обстоятельно сообщались извлечения из Ваших писем, включительно до Вашего проекта постановления этого дела, проекта, который, несмотря на все мои настояния, не только не был осуществлен, но даже не сделали ни малейшей попытки к его осуществлению, хотя составить Об-во бывших членов Думы и разных «видных общественных деятелей» было вовсе уже не так трудно. Но, конечно, тогда высокая коллегия еще

имела в своем распоряжении малую толику денег, препорученных ей наивными южанами¹⁵, для совсем иных целей, и ворочать мозгами, и что-либо предпринимать не представляло такой настоящей надобности, как теперь.

Впрочем, может быть, это и не совсем так, потому что мне очень подозрительно это выступление Ромма и К^о в немецкой газетке, вырезку из которой Вы присылали¹⁶. Вероятно, оно явилось результатом какого-нибудь официозного, или даже совсем частного письма от кого-нибудь из здешних м-ков. Костров сейчас ищет денег по сугубо важной причине, о которой вы оба, конечно, знаете от Ал. Ал-ча¹⁷. Его письмо к Вам рассматриваю, как замаскированную просьбу о деньгах. По имеющимся сейчас здесь сведениям, он необходимую сумму уже нашел, или, во всяком случае, получит ее от иностранцев.

Кстати, по поводу денег, переведенных летом в Гельсингфорс (что-то около 2.900 руб., не помню точно)¹⁸. Мы тогда получили их как деньги большевистские и извели на наши газеты¹⁹. Не помню, писал ли я об этом своевременно. Не вышло ли здесь путаницы? Во всяком случае, если этот перевод попал в «отчет», посланный Кострову, м-ки завопят и потребуют с нас деньги, давать же им такую сумму, да еще сейчас, положительно не хотелось бы. По этому пункту я жду от вас, хотя бы коротенького фактического сообщения.

Очень важно было бы знать, когда предполагает возвращаться сюда Герм<ан> Фед<орович>²⁰, и насколько необходимо его пребывание за рубежом? Нам он здесь сейчас крайне нужен, в особенности после того, как папаша увяз со своими эфиопами за границей²¹. Обдумайте сообща этот вопрос, приняв во внимание, что мы здесь все были бы крайне обрадованы приездом Г. Ф., если не сюда, то хотя бы только в Финл<яндию>, а у многих прямо гора свалилась бы с плеч с его приездом.

Ну вот, пока кажется, и все. Живется, в общем, так себе: очень уж поганые времена! Эта так называемая «избирательная кампания»²² при небывалых репрессиях грозит превратиться в какую-то пошлую, ни для кого, кроме правительства, не нужную комедию. Правда, из провинции отовсюду приходят известия, что настроение хорошее, но что ж настроение! Теперь этого мало, нужно нечто более осязательное, а вот в этом отношении дела обстоят крайне плохо, едва ли не хуже, чем прежде.

Пока до свидания. Поклон Г. Ф.

Ваш Леонид

Ноябрь—декабрь 1906, С.-Петербург

Дорогие друзья! Пишу Вам сейчас специально по одному определенному делу, разговор о котором откладывал, сколько мог, считая, вообще говоря, непозволительным отнимать у Вас и время, и силы на выслушивание и рассмотрение таких технических и непринципиальных вопросов. Мне очень неприятно и тяжело отступить от этого правила, но иного пути я не вижу, так как собственными силами мы здесь не смогли подвинуть дело ни на шаг, а, между тем, значение его для всего нашего хозяйства, теперь довольно уже крупного, немалое. Итак, выругайте меня за приставание с неинтересной и скучной материей, но все-таки выслушайте. Вы знаете, конечно, каков общий характер нашего хозяйства: из руки в рот, как говорят немцы, что получил, то немедленно проел. Обстоятельство это давно наводило на грустные размышления людей, близко стоявших к финансам, и издавна бродила мысль о создании какого-нибудь дела, которое, развившись, могло бы представить известную материальную базу и, хоть до некоторой степени, упрочить все хозяйство, давая известный, определенный доход, не в силу той или иной благоприятной случайности, а само из себя, как всякое другое промышленное или торговое предприятие. После долгой и упорной борьбы с известной косностью нашей публики, вообще говоря, ничего не понимающей в этого рода делах и склонной ставить ребром всякую копейку немедленно, по ее получении, удалось добиться принципиального согласия на отчисление некоторой части поступлений на создание таких предприятий, и еще во времена «Н<овой> Ж<изни>» было заложено основание собственной типографии. С марта взялись за это дело вплотную и к началу Думского периода¹ наша типография имела ротационную машину² для печатания газет («Эхо»³, «Вперед», «Волна»⁴ печатались на ней) и книг, три плоских машины⁵ для книжной работы и соотв<етствующее> количество шрифта. Наборщиков в типографии работало уже около 40 человек. Не говоря уже о громадных удобствах иметь свою типографию, — удобствах, которых у нас в Питере и, вообще, в России, не купите ни за какие деньги, — с марта по июль, когда с разгоном Думы закрыли наши газеты, а с ними вместе и типографию, типография дала свыше 5000 прибыли. Таким образом, возможность ведения дела на коммерческом основании была доказана опытом. С сентября типография была распечатана, и работа возобновилась, притом, в еще более широком масштабе,

так как успех дела в думский период и необходимость иметь оборудование для большой газеты и книжной работы в несколько большем формате, соблазнил заказать новую машину, и с ноября у нас пошла в ход новая ротационная машина, на которой можно печатать газету форматом больше «Нового Времени» и которая одновременно приспособлена для книжной работы, давая в час до 8000 листов формата «Знания», в 64 страницы каждый, притом с 5-кратной фальцовкой, так что остается только брошюровать, и книга готова. Ставя типографию, мы имели в виду работать, главным образом, на издательства, имеющие литературу определенного характера, и старались приспособить ее оборудование к потребностям таких заказчиков. Действительно, принципиальное согласие было получено почти от всех фирм, и еще с марта мы работали на «Новый Мир»⁶, «Донскую Речь»⁷, «Молот»⁸, «Колокол»⁹, «Молох» и пр., и пр. Между прочим, перед заказом новой машины и я, и управляющий типографией, обращались с вопросом и к К<онстантину> П<етровичу>, можно ли рассчитывать иметь работу от «Знания»¹⁰, и получили утвердительный ответ. Правда, весной мы на работе от «Знания» не настаивали, потому что формат нашей малой ротационной машины не вполне подходил к формату «Знания», да и другой работы с избытком хватало на одну машину. Зато новая ротационная была заказана нами с таким расчетом, чтобы сборники «Знания»¹¹, можно было печатать наивыгоднейшим образом и, действительно, сейчас в Петербурге нет ни одной типографии, кроме нашей, с книжной ротационной машиной, которая могла бы, за один оборот барабана, печатать сразу 64 страницы «Знания». С лета и осени, когда факт установки новой машины определился с достоверностью, типография начала снова напоминать о себе «Знанию», получая от конторы «Зн<ания>» ссылки на К. П., а от самого К. П. успокоительные обещания, что работа будет дана. Сам я, по разным соображениям, переговоров с К. П. не вел¹², да и вообще, в детали типографского дела я не вхожу, там есть своя администрация, но факт *многократных* переговоров с К. П. об этом деле я могу вполне удостовериться.

Наконец пошла в ход и новая машина; «Знание» обещало дать для нее XV сборник¹³; кто-то из конторы был в типографии, смотрел машину, подтвердил обещание работы и, тем не менее, воз и ныне там, и только недели две назад типография получила какую-то тощую книжечку, которая и была отработана и сдана в несколько дней. Что же касается XV сборника, который определенно был обещан типографии, — так, по крайней мере, передает дело наш

управляющий, говоривший об этом с К. П. и в конторе «Знания», — то он, как теперь оказывается, передан другим типографиям.

Я далек от мысли, что здесь имеет место какое-нибудь намеренное желание обойти нашу типографию, но *фактически*, со стороны издательства, стоящего к нам, большевикам, ближе, чем какое бы то ни было другое, наша типография подвергается форменному бойкоту. Я вполне понимаю известный скептицизм и осторожность, по отношению к такому делу, и знаю, что у издательства может быть веская причина вообще не сосредотачивать всех своих заказов в *одной* типографии. Но об этом и нет речи, и мы не только никогда не настаивали на какой-либо монополии, но даже фактически не могли бы ее осуществить: у «Знания» так много работы, что справиться со всей ею вряд ли под силу одной типографии. Верно, также, летом, после разгона Думы, мы 2 месяца простояли с замечательными машинами, но, во-1-х, мы тогда сознательно шли напролом со своими газетами, предвидели возможность закрытия, приняли меры к тому, чтобы никто из книжных заказчиков не пострадал и действительно осуществили это; во-2-х, от закрытия у нас не гарантирована ни одна типография, и после сент<ября> мы работаем безостановочно, а целый ряд обыкновенных буржуазных типографий были закрываемы; в-3-х, быстрота и производительность новой машины так велики, что мы можем напечатать сборник быстрее, чем кто-либо и, след<овательно>, в смысле конфискации, выгода даже на нашей стороне, особенно ввиду отпадения фальцовки, которая вся производится машиной. Типография работает, как-никак, около 9 месяцев, имеет дело с десятками фирм и, если этих данных мало для заключения с ней какого-либо прочного условия, то до выполнения пробной работы, она, во всяком случае, уже доросла. У нас печатают все, буквально все издательства, выпускающие соц<иал>-дем<ократическую> литературу, нас поддерживают своей работой с<оциалисты>-р<еволюционер>ы; н<ационал>-с<оциалист>ы все свои издания печатают почти исключительно у нас; Чарушников¹⁴ из Москвы находит выгодным давать нам книги с большим тиражом, кадетствующие господа Богучарские напрашиваются к нам со своим «Былое»¹⁵, какой-нибудь «Шиповник»¹⁶, только что узнав о характере типографии, сейчас же передает нам свою работу, и только «Знание», несмотря на многократные просьбы, продолжает кормить нас обещаниями, сдавая все свои работы десяткам всяких безвестных типографий, часто гораздо хуже оборудованных технически, и всегда с более архаическими формами эксплуатации своих наборщиков и рабочих. Так иногда поддерживают партийное дело!

Что говорить! Коммерческое предприятие не благотворительное общество. Но и наша типография не богадельня. Мы не просим никаких льгот или монополий. Мы согласны работать по тем же ценам, с теми же гарантиями и с большей быстротой, нежели остальные типографии. Мы настаиваем и просим об одном: поставить нас *на одну ногу* со всеми этими архибуржуазными типографиями, в которых выжатый пот идет в частный карман, и всякая лишняя копейка служит для расширения и дальнейшего укрепления того же выжимания пота. Дайте возможность, без малейшего ущерба для самих себя, заработать эту копейку нашему делу, вся прибыль с которого идет на цели и нужды, которые сами за себя говорят. Кажется, немного?

Я повторяю, мне очень неприятно писать о всем этом деле, я долго откладывал, думая, что оно как-нибудь уладится без моего вмешательства и вашего посредничества, но сейчас наша типографская публика пристала ко мне с ножом к горлу, и, как это ни тяжело по личным причинам, я должен, я обязан сделать со своей стороны все для улажения дела. Действительно, пора его выяснить в ту или другую сторону и получить тот или иной, но вполне определенный ответ.

Обращаясь к вам, я вполне сознаю и считаюсь с той возможностью, что, быть может, ни для хозяина, ни для хозяйки неудобно предпринимать даже каких-либо практических шагов во всем этом деле. Более того, если вмешательство в него может по мнению кого-либо из вас представить хоть малейшее неудобство, я категорически настаиваю на том, чтобы письмо это осталось между нами. Мы тогда выясним дело сами, путем простого официального запроса «Знанию» от соответствующего учреждения¹⁷. *Обязывать* кого-либо занимать по отношению к нашим п<артийным> предприятиям благожелательную позицию нам, конечно, и в голову не приходило. Бойкот, так бойкот, и, в конце концов, дело наше, вероятно, не пропадет и без содействия «Знания».

Но если вы считаете возможным участвовать в урегулировании вопроса, то это может очень нам помочь. Работа у типографии есть и сейчас, но для 2-х ротационных машин ее недостаточно. Кроме того, большинство этих «Колоколов»¹⁸, «Молотов»¹⁹, Глаголевых²⁰ и пр. фирмы очень ненадежные в денежном отношении: платят плохо, а иные, того гляди и вовсе прогорят. Между тем, если бы «Знание», убедившись в технической правоспособности типографии, давало нам, скажем, $\frac{1}{2}$ или треть своей работы, мы бросили бы погоню за всякой мелочью, работа стала бы однороднее, а, следовательно, и производительнее, и мы не стояли бы вечно перед гамлетовским вопросом наших дней: заплатит или не заплатит.

Ну вот, «сказал и облегчил свою душу».

Если потребуются какие-нибудь справки, цены, сметы и проч., все это, конечно, будет немедленно доставлено. Только, если вы решите этот вопрос на днях с К. П.²¹, то уже приходите к чему-нибудь с ним определенному, а то от его обещаний остается только горестное разочарование.

Ну, пока всего лучшего. По обыкновению, по проклятому обыкновению, уже должен торопиться.

Всего, всего хорошего.

Ваш Кр<асин>

7. ГОРЬКИЙ — Л. Б. КРАСИНУ

Январь, не позднее 25 (7 февраля) 1907, Капри

Почтенный товарищ!

Вмешиваться в дела типографии я не буду, ибо все такого рода предприятия считаю источником не доходов, а убытков и скандалов. Я хорошо знаю их, уже во многих принимал прямое или косвенное участие¹.

Принципиально такая «коммерция» тоже едва ли удобна². Но даже и при ином отношении я не стал бы по этому вопросу «влиять» на К<онстантина> П<етровича>, ибо, во-первых, — не имею права что-либо советовать ему в деле, которое создано исключительно его трудом³, во-вторых, считаю К. П. человеком недоступным чьим-либо влияниям, но — безусловно справедливым в отношениях к людям. Этот человек всегда был для меня образцом личной порядочности⁴. А поэтому меня крайне неприятно поразили Ваши намеки на умышленный бойкот «Знанием» Вашей типографии. Ничего подобного не было и не могло быть, ибо я, повторяю, слишком хорошо знаю К. П., знаю его отношение к делу, его симпатии к партийным начинаниям⁵ и т. д. Я знаю также, что если бы типография была работоспособна, — она, разумеется, получила бы работу от «Знания», — об этом не может быть речи.

Вообще, Ваше письмо и тоном своим, и отдельными фразами явилось для меня полной неожиданностью. Что с Вами? Такие фразы, как «бойкот так бойкот» нельзя писать, не подумав, и я вообще не могу себе объяснить, чем именно вызван столь задорный и совершенно неуместный, по отношению ко мне, тон Вашего письма.

А. Пешков

8. Л. Б. КРАСИН — ГОРЬКОМУ и М. Ф. АНДРЕЕВОЙ

26 мая 1908, Париж

Дорогие друзья!

Вторую неделю я в Зап<адной> Европе¹ и все это время с первого дня рвусь в ваши края. Страшно хотелось бы повидаться. Вначале это казалось так просто, но, по мере приближения к местам, населенным своими людьми, оказывается тут то, там другое, и вместо того, чтобы попасть на юг, я мыкаюсь из Брюсселя в Париж, из Парижа в Женеву, оттуда опять в Париж², где и застрял сейчас из-за суда о пресловутом наследстве³. Кажется, суд наконец-то состоится, и я пригвожден к нему до окончания дела. Как ни прискорбно это, с точки зрения личных моих планов и интересов, но вы понимаете, конечно, что уклонение от непосредственного участия в деле было бы для меня недопустимо.

Утешаюсь надеждой, что недели в 2 мы закончим это дело, и тогда я смогу удрать на Капри⁴. Шутка сказать, ведь мы почти 3 года не виделись!

Итак, пока до свидания, думаю, до скорого свидания.

Крепко жму вам руки.

Ваш Леонид

26/V

9. Л. Б. КРАСИН — ГОРЬКОМУ и М. Ф. АНДРЕЕВОЙ

26 июля 1908, Женева

Дорогие друзья!

Не успел я приехать в Берн, как уже посыпались со всех сторон письма, сообщения, телеграммы, часто не очень приятного свойства, и вот приходится скакать изерна в Цюрих, оттуда в Лозанну, сейчас я в Женеве, а дня через 2 должен двинуться в Париж и Лондон, с тем, чтобы недели через 1,5—2 опять возвратиться сюда¹.

Двухнедельное безмятежное житие на милom острове² представляется мне сейчас каким-то волшебным сном, а уж никак не действительностью, ибо действительность, что бы там ни говорили философы, состоит исключительно в перемене поезда на поезд, вагона на паром и одного № гостиницы на другой.

Об Италии вообще сохраняю самое светлое воспоминание. Я все-таки успел посмотреть Неаполь, раза 3 был в музее, слазил на

Везувий, оттуда спустился через разрушенную в посл<еднее> извержение деревню к Помпее, побывал на Сальфаторо³, вообще, если и не все видел, то достаточно много, чтобы прийти в восторг. В Риме прожил 3 дня и тоже многое успел посмотреть. Зато ни на Флоренцию, ни на Геную и Милан, не осталось времени вовсе, и я от Рима без остановок гнал в Берн. Там меня подвергли основательным исследованиям⁴ и изрекли приговор: весь организм вообще в порядке, за исключением только пищеварит<ельного> аппарата, который хронически не справляется со своим делом, в результате чего получается постоянное отравление организма различными токсинами, вызывающее те симптомы, которые, по мнению бернских врачей, ошибочно приписывались малярии. По их мнению малярии у меня никакой нет, да, вероятно, и не было, а просто с давних уж пор имеется эта история с периодическими усилениями и ослаблениями. Оказалось то же, что у сестры⁵, но в более зачаточной и слабой форме. Если оставить эти беспорядки без внимания, через пару лет можно сделаться таким же полуинвалидом, как Соня. С другой стороны, лечение может состоять только в диете (поменьше, или почти никакого, мяса и жира), а главное — в правильном образе жизни: есть в строго определенное время и т. п. Удивительно удобно исполнять все это при моем-то образе жизни и постоянных передвижениях!

Из здешних новостей главная состоит, пожалуй, в том, что этот прохвост Андриконис опять пустился на разные извороты, чтобы 6-го авг<уста> либо не заплатить нам 35 т., либо уплатить их путем перевода из Морозовской конторы на имя Елиз<аветы> Павл<овны>, что для нас вполне неприемлемо, так как компрометирует эту последнюю перед родственниками и может послужить поводом для учреждения над ней какой-либо опеки⁶, и проч. Занимаюсь теперь усиленно этим делом, виделся с Малянтовичем⁷ (он под Цюрихом), пишу десятки писем, а кроме того, надо будет ехать в Париж по этому же делу. Можете себе представить, как приятно затрачивать все время опять на эту кляузную историю. Между прочим, оказывается, что паи Морозовых стоят не 1, 1/2 т<ысячи>, а свыше 5 т. и, следовательно, передаваемая нам Елиз<аветой> П<авловной> часть наследства составляет свыше 1/2 миллиона⁸! Вопрос о выдаче ее замуж⁹ получает сейчас особую важность и остроту. Штуки Кониса¹⁰ неизвестно во что выльются далее. Поэтому необходимо спешить реализовать ее долю наследства, а это можно сделать только путем замужества, назначения мужа опекуном и выдачи им доверенности тому же Малянтовичу. Было бы прямым преступлением потерять для партии такое ис-

ключительное по своим размерам состояние, как это, только из-за того, что мы не смогли найти жениха.

Надо вызывать немедленно Ник<олая> Евг<еньевича>. Он писал, что у него есть какой-то будто бы необыкновенно подходящий для этого дела приятель¹¹, живущий сейчас в Мюнхене. Надо, чтобы Н. Е. заехал в Мюнхен, переговорил с этим товарищем и затем ехал бы в Женеву для совместных переговоров со всеми нами. Если же эта комбинация не удастся, тогда нет иного выхода, придется убеждать самого Н. Евг. жениться. Дело слишком важно, приходится всякую сентиментальность отбросить в сторону и прямо уговаривать Н. Е., так как мы не имеем другого кандидата. Важно, чтобы и Вы, М<ария> Ф<едоровна>, прониклись этими доводами, так как без Вашего содействия я не уверен, чтобы нам удалось уговорить Г. Ф.¹².

Повторяю, иного выхода нет, а если бы он был, мы не стали бы настаивать именно на этом плане. Да и, в конце концов, никто не помешает Н. Е. через 1/2 года устроить формальный развод, ведь это дело 5, ну 10 тысяч, которые ему всегда будут ассигнованы. Я очень прошу вас обоих обсудить этот вопрос и сообщить мне свои мнения. Ник. Евг. я об этом пока не пишу, так как возможно, в самом деле, что и его мюнхенский приятель окажется человеком подходящим. Если же нет, то здесь будет достаточно времени, чтобы привести ему все данные, сообщение которых в письме в Финляндию не особенно удобно.

Ну, какие же тут еще новости?

Да! Открыли в Женеве целых 2 семьи провокаторов, и сейчас идет суд над ними¹³. Главный из них был секретарем «Загр<аничной> газеты», которая выходила, значит, на деньги Охранного отделения! Как вам это понравится?! К Б. Ц. этому фрукту пролезть не удалось, но размен 500-рублевки был провален им несомненно, так как арестованные в Мюнхене¹⁴ получили свои паспорта именно от него. Этому-то можно сейчас порадоваться: по крайней мере выяснилась эта загадка.

Все сведения, конечно, только для вас двоих и *никого* больше.

Сейчас мне пришла в голову мысль: а не согласился ли бы Тихонов¹⁵ жениться? Он — горный инженер. Правда, особой быстроты и натиска в практических делах он никогда не разовьет, но тут вся его задача свелась бы только на выдачу доверенности и санкционирование тех шагов, которые будут обдуманы и подготовлены Б. Ц., совместно с адвокатами. Чин же у него достаточно внушительный для данного случая, в полицейском отношении он со-

вершенно чист. Как вы думаете? Если эта кандидатура не кажется вам нелепой, м. б. вы в общих чертах с ним переговорите?

На беду мою я затерял адрес Ник. Евг. Поэтому прошу Вас, М. Ф. отправить ему прилагаемую записку и перевести 300 frs., которые я перевожу Вам. Впрочем, сегодня воскресенье, и деньги пойдут к Вам только завтра. Если у Вас в данную минуту найдутся свободные 300 frs., сделайте, ввиду ускорения дела, перевод сегодня же, а завтра Вы получите мои 300 frs. Пока прощайте. Пишите на адрес Н. К.¹⁶, если же заберусь дальше, сообщу.

Всего, всего хорошего.

Еще раз спасибо вам за счастливые дни, что я у вас провел.

Поклон всем, «Куме»¹⁷ моей милой особо.

Ваш Леонид

10. Л. Б. КРАСИН — ГОРЬКОМУ и М. Ф. АНДРЕЕВОЙ

6 августа 1908, Лондон

Дорогие друзья! Околачиваюсь в Лондоне вот уже 70-й день и все никак не могу окончить дел. Канисовское дело¹ грозит превратиться в какую-то египетскую муку, коей не видно конца. Чуть не еженедельно получаем всякие лживые отписки и отговорки, денег 6/VIII не уплатили², взять же как следует за жабры, при помощи имеющихся у нас векселей, невозможно, пока мы не выручили Елизаветину половину³.

Перебрал всех возможных «женихов» в уме, — ничего не выходит. Евгений⁴, видимо, не приедет, и, кажется, в отношении его придется применить метод Магомета с горой. Очень жаль, что вы там тоже находитесь в разных тревогах и заботах⁵. Надо будет вам куму мою оставить подольше на Капри. Итальянское солнце наверное выгонит из нее малокровие, возвратившись же в Питер, она может опять все растерять. Надо ей основательно окрепнуть у вас. Я сужу по себе: от моего малокровья за 3-и недели пребывания в Италии не осталось и следа, а я почти не помню времени, когда бы у меня его не было.

Усердно осматриваю Лондон и выставку. Много мешает незнание языка, — эти просвещенные мореплаватели ни на каком, кроме собственного, не разговаривают, — но все же занято очень. Один Брит<анский> музей что стоит. Кстати, по поводу Брит. музея. Случайно я узнал, что у них сейчас вакантно место заведующего русским отделом⁶. Его занимал раньше какой-то поляк, но он

несколько лет назад умер, и вакансия так и остается незамещенной. Эмигранта бояться взять, предвидя неудовольствие русского посольства, кандидата же, официально рекомендованного русскими властями, — из боязни общественного мнения. У меня возникает мысль: нельзя ли было бы посадить туда своего человека? У нас есть подходящий, в лице тов. Орловского⁷.

Он очень образованный человек, владеет *minimum* двумя иностранными языками, кроме того, польским, литературу, для Брит. музея, знает достаточно и следить за ней будет, во всяком случае, не хуже того старика, который заведовал этим отделом раньше. Может быть, у Хозяина, при его всемирных знакомствах, есть какая-нибудь связь в Лондоне, пользуясь которой, можно выяснить этот вопрос и выставить кандидатуру Орловского? Оговариваюсь: эту и все вообще аналогичные просьбы ставлю условно и беру их назад, если вы найдете какие-либо препятствия или, хотя бы, простые неудобства, неловкость и т. п. для каких-либо шагов со стороны Хозяина в этом направлении. Вероятно, в этом деле мог бы оказать известное содействие Шкловский⁸, но у меня здесь нет к нему ходов помимо с<оциалистов>-р<еволюционеров>.

Другая просьба, с такой же оговоркой, имеет в виду судьбу Папаши⁹, которого я вызвал сюда для некоторых переговоров из Бельфаста. Бедняга бьется, как рыба об лед. Зиму и весну прожил в Бельфасте¹⁰, кое-как перебиваясь, в качестве «профессора» (громкое название, но, увы, нищенский «оклад») русского и франц<узского> языков в школе в <Берлице>. Теперь до глубокой осени школа будет закрыта, и он оказался на мели. Думает искать работу в Лондоне. Знает бухгалтерию, торговую корреспонденцию, нем<ецкий>, фр<анцузский> и англ<ийский> языки. Главная беда — подозрительное отношение публики к эмигрантам: без рекомендаций не возьмут никуда. Спрашивается: нет ли, опять-таки, у хозяина¹¹ в Лонд<оне>, или вообще в Англии, кого-нибудь, к кому можно было бы направить папашу (его фамилия Litvinoff-Harrison)¹², снабдив его рекомендацией, удостоверяющей, что он лично известен Вам за добросовестного и во всех отношениях надежного? Или, при отсутствии такого знакомого, дать ему хотя бы только подобную рекомендацию, которая, несомненно, облегчила бы ему мытарства по работодателям? Не будь этой травли, поднятой несколько месяцев назад против него меньшевиками¹³, я очень настаивал бы на такой поддержке папаши, потому что, действительно, за несколько лет знакомства с ним, имел множество случаев убедиться в его исключительной работоспособности и прочих, говорю это без всякого преувеличения, доблестных качествах. Сейчас дело

стоит иначе в том смысле, что я никому не хочу навязывать субъективную уверенность в невозможности каких-либо осложнений с этой стороны (тем более, что искать работу он будет в сферах, ни с какими нашими направлениями не имеющих нечего общего) и потому обставляю свою просьбу всякими оговорками: сочтете удобным и возможным — хорошо, нет — так нет. Может быть, я нехорошо делаю, обращаясь к хозяину с таким делом, — его, ведь, и без меня заваливают подобными просьбами со всех концов, — но тут случай для меня исключительный: речь идет об одном из лучших, испытаннейших наших товарищей, который очутился в исключительно неблагоприятных условиях единственно из-за своей самоотверженной преданности партийному делу. Фактически, тут он совершенно одинок, пользоваться же непосредственной поддержкой партии ему, конечно, очень тяжело, да и нет в этом необходимости, *п<отому> ч<то>* он достаточно вооружен, чтобы самостоятельно здесь держаться, лишь бы была какая-нибудь зацепка.

Я должен очень извиниться перед Вами, М<ария> Ф<едоровна>, за своих друзей, задержавших перевод денег для Г. Ф.¹⁴. Что будешь делать с публикой, у которой нигилистические навыки вошли в плоть и кровь: малого дела не могут сделать без того, чтобы чего-нибудь не забыть, перепутать, перевернуть! Сам я, отправив Вам письмо, уехал в Париж, а оттуда через 2 дня в Лондон и, таким образом, не мог *проследить* за точным исполнением моего обещания.

В Женеве встретил А<лександра> А-ча случайно на почте, только что выйдя с вокзала. Он оказался в расстроенных чувствах по случаю болезни Нат<альи> Богд<ановны>¹⁵: у нее не то инфлюэнца в какой-то очень тяжелой форме, не то даже тиф. При таких условиях и поговорить с ним основательно не удалось.

Ильич был здоров при моем приезде, но на третий день опять слег, кается из-за стакана вина, выпитого накануне. За пребывание в Лондоне он успел так основательно испортить себе желудок, что до сих пор не может оправиться¹⁶.

Накал между обеими сторонами по-прежнему весьма значительный. Видятся только в крайней надобности, либо при приезде кого-нибудь из нейтральных. Самое лучшее будет их развести без скандала. Кажется, удастся этого достигнуть на таких основаниях: Ал<ександр> Ал<ександрович> уходит из ред<коллегии>¹⁷ без всяких демонстраций, замещает его какой-либо бойкотист, которому гарантируется право на помещение известного минимального числа строк в каждом номере. Задержка вся сейчас из-за непринужденного товарища из России¹⁸.

Там многих из наших выпускали, что окрыляет известными надеждами и автора сего послания. Вообще же глухо в России, и известия оттуда, точно из могилы.

Пока прощайте! Привет мой всему Капри, включая и итальянскую часть Вашей колонии: несравненную сеньору Кармеллу¹⁹, Катальдо²⁰, Беттино²¹, Луиджи²² и рыбаков. Желаю вам успехов в деле истребления рыб Средиземного моря и вообще всяких успехов. А в Сицилию на лодке вы бы, все-таки, лучше не ездили! Или уж отложите поездку: когда-нибудь я еще буду на Капри, будем тонуть вместе.

Всегда рад даже самым маленьким письмам от вас. Будет время и охота — пишите. Адрес пока женевский. Надеюсь скоро переходить в Германию²³ и осесть, уж, где-нибудь надолго. Надоела эта вечная кочевка.

Всех благ.

Крепко жму руки.

Ваш Л<еонид>

ПРИМЕЧАНИЯ

1.

Печатается по А (АГ. ПГ-рл-21-8-5). Впервые: Г-30. Т. 28. С. 416—419, без точной даты.

Датируется по связи с письмами Горького к И. П. Ладыжникову (Г-30. Т. 28. С. 415) и Е. П. Пешковой (Архив Г. 9. С. 178—179), написанными около 15 (28 апреля) 1906 г.

¹ «Идею поездки в Америку для сбора денег в кассу “большевиков” дал Л. Б. Красин», — писал Горький в очерке «В. И. Ленин» (см.: Горький. *Сочинения*. Т. 20. С. 11, 539). Однако, Н. Е. Буренин вспоминает, что Горький поехал в Америку «по инициативе Владимира Ильича Ленина» (см.: *Горький и революция 1905 г.* С. 97). Красин же как член ЦК РСДРП подготовил отъезд Горького и вместе с М. М. Литвиновым 23 марта (5 апреля) 1906 г. посадил его и сопровождавших его в поездке М. Ф. Андрееву и Н. Е. Буренина в Шербурге на немецкий пароход «Кайзер Фридрих Вильгельм Великий», отплывавший в Нью-Йорк. Настоящее письмо-отчет было приложено к письму И. П. Ладыжникова. Позже Горький в том числе и через него посылал письма и деньги Красину для ЦК большевиков.

² Горький приехал в Нью-Йорк 28 марта (10 апреля) 1906 г. Навстречу ему в океан вышел катер «Гудзон», на борту которого находилась большая группа репортеров, знакомых писателя (З. Пешков, И. Народный, Д. Манделькern и др.) и представителей различных общественных и партийных организаций (издатель еврейского социал-демократического органа Абрам Каган, представитель от русского «Бунда» Максим Ромм, один из лидеров американских социалистов Морис Хилквит и писатель Лерой Скотт).

На пристани Горького встречала тысячная толпа эмигрантов из России, которую с трудом сдерживали команды полицейских. Однако встречающим пришлось подождать, пока таможенные чиновники и представители эмиграционных властей вели опрос пассажиров. Вопрос о том, «впустить ли Горького в Америку?», обстоятельно обсуждался в Вашингтоне до его приезда, и правительство США долго раздумывало над тем, не распространяется ли на него один из параграфов эмиграционного закона, запрещающий въезд в Америку «анархистам». Поэтому Горького спросили: не является ли он анархистом и признает ли закон и порядок? Писатель ответил: «Нет, я не анархист, я социалист. Я верю в закон и порядок и именно по этой причине и нахожусь в оппозиции к русскому правительству, которое в данный момент представляет собою организованную анархию» (см.: Там же. С. 100). Чиновники были удовлетворены этим ответом.

³ Американская пресса была переполнена статьями о Горьком. Газеты подробно описывали встречу на пристани Хобокэна, сообщали подробности, как Горький и М. Ф. Андреева ехали на пароходе, в каких каютах помещались, как писатель работал по 12 часов в день, какова цель его поездки. Почти во всех газетах появилось описание внешности Горького: какие у него глаза, нос, рот, усы, точно указывался рост (5 футов 12 дюймов), отмечалось во что он был одет. Не меньше внимания уделялось и М. Ф. Андреевой (см.: *New-York American*, *New-York Herald*, *New-York Times*. 1906. 11 & 12 apr.; *World*. 1906. 13, 14, 15 apr.; *Telegraph*. 1906. 13, 14, 15 apr.; *Star*. 1906. 13 apr. и др.). Во множестве публиковались сведения о его встречах с общественностью (см.: *Хьетсо*. С. 113—114).

⁴ Чайковский Николай Васильевич (1850—1926) — двоюродный брат композитора Петра Ильича Чайковского, дворянин, народник, богоскатель, затем один из лидеров партии эсеров. С 1904 г. — член заграничного комитета Партии социалистов-революционеров, его уполномоченный в Лондоне, один из организаторов доставки партийной литературы, а с 1905 г. — и оружия в Россию (см. о нем: *Мельгунов С. Л.* Н. В. Чайковский в годы гражданской войны (Материалы для истории русской общественности. 1917—1925). Париж. 1929; Горький. *Письма*. Т. 5. С. 560 и др.).

⁵ Житловский (Шидловский) Хаим Осипович (1865—1943, США). Н. Е. Буренин вспоминает: «Одними из первых, кого принял Горький, были Чайковский и Житловский — представители русских эсеров» (см.: *Буренин*. С. 101). Х. О. Житловский — мещанин, народник, эсер, деятель еврейского социалистического движения. После разгрома народовольческой группы, готовившей покушение на императора Александра III в 1887 г., эмигрировал за границу, где окончил Бернский университет с дипломом доктора философии. Активно участвовал в жизни народнической эмиграции. Основал «Союз русских социалистов-революционеров» (Берн, 1893) и руководил им, являлся редактором его печатного органа «Русский рабочий» (№ 31—11, 1894—99), автором программной брошюры «Социализм и политическая борьба» (Лондон, 1898), опубликованной под псевдонимом С. Григорович. Житловский обладал большим авторитетом в среде зарубежных и русских эсеров. В конце 1901 г. Житловский стал одним из активных пропагандистов идей «Партии социалистов-революционеров» за границей. Осенью 1904 г. он вместе с Е. К. Брешко-Брешковской выехал в США для сбора средств в фонд партии.

⁶ Имеется в виду Екатерина Константиновна Брешко-Брешковская (урожд. Вериги) (1844—1934, Париж) — дворянка, легендарная профессиональная революционерка, член-учредитель ЦК Партии социалистов-революционеров, прозванная «бабушкой русской революции». В сентябре 1904 г. уехала в США для сбора средств в фонд партии.

⁷ «Комитет знаменитых американцев для помощи русской революции» (13 человек) возник по инициативе эсеров Н. В. Чайковского и Ивана Народного. В него

вошли Роберт Хантер, Марк Твен, Уильям Дин Хоуэлс, Р. Колбер, Д. П. Дюн и другие писатели, финансисты, общественные деятели.

⁸ Сибуль Ян Янович (1869—1953, псевдоним — Иван Иванович Народный) — революционер, писатель, журналист, искусствовед. В 1905 г. занимался революционной агитацией. Скрывался за границей. Сотрудничал в эстонском журнале «EDU» («Успех»), выходившем в Шарлоттенбурге (Германия). В Америку прибыл 3 марта 1906 г., скрываясь от полиции. Еще до прибытия М. Горького в США Иван Народный задумал устроить торжественный обед в его честь. Обед состоялся 11 апреля 1906 г. в Нью-Йорке в помещении литературного клуба «А» (см.: *Александров В. А.* Переписка с Л. Н. Толстым Ивана Народного // Толстой и о Толстом. Материалы и исследование. Вып. 2-й. М.: Наследие, 2002. С. 329—330).

⁹ Имеется в виду Первая конференция РСДРП, состоявшаяся в Таммерфорсе 12—17 (25—30) декабря 1905 г. Конференция приняла решение о восстановлении единства партии и о бойкоте I Государственной думы.

¹⁰ 1 (14) апреля 1906 г. газета «New-York World» (еженедельная газета, издаваемая Дж. Пулитцером) вышла с богато иллюстрированной статьей, озаглавленной «Горький привез сюда актрису в качестве жены». В ней говорилось, что Горький, «русский писатель-анархист», выдает Марию Андрееву за свою жену, но женат на Екатерине Пешковой. И хотя газета признавала, что «мадам Андреева — милая, очень женственная и в высшей степени жизнерадостная миниатюрная дама», к тому же — «всегда в хорошем настроении», а «слова так и бьют из нее ключом», но... «Горький бросил жену и детей и сбежал с банальной актрисой!» (*World* (New-York). 1906. 14 apr.).

¹¹ 14 апреля 1906 г. Горького и М. Ф. Андрееву выселили из отеля «Бельклер». Владельцы двух других отелей — «Лафайет Бреворт» и «Риглэндер Апартаментс» тоже отказали ему. Когда писатель вернулся после грандиозного митинга в Гранд Централ Палас, он увидел свой багаж перед отелем, вокруг дежурили журналисты нью-йоркских газет. С трудом избежав интервью, преследуемый журналистами, Горький со своими спутниками, наконец, устроился на ночь в «Клубе “А”» на 5-й авеню (*Хьетсо*. С. 117, а также: Горький. *Письма*. Т. 5. С. 165).

¹² 21 апреля 1906 г. М. Горький и М. Ф. Андреева переехали в дом Престонии и Джона Мартинов на Стейтен Айленд, одном из островов в заливе Нью-Йорка. Супруги долгое время руководили Фабианским обществом в Америке (*Хьетсо*. С. 120). По свидетельству Буренина, П. Мартин сумела создать Горькому идеальные условия для работы (*Горький и революция 1905 г.* С. 110).

¹³ Критикуя Горького за то, что он не отнесся с достаточным вниманием к «чувствам, обычаям и глубоким убеждениям того народа, к которому пришел как миссионер и проситель», газета «Нью-Йорк Таймс» писала: «Старый мудрец сказал, что лучше жить в обществе, где ничего не разрешается, чем в обществе, где разрешается все. Максим Горький прибыл из страны, где ничего не разрешается. Он полагал, что приехал в страну, где разрешается все. Он понял свою ужасную ошибку, разрушившую все его надежды послужить делу, для которого он пересек Атлантику... Теперь он стал добычей общественного мнения, а это именно та сила, на которую он собирался повлечь» (*Хьетсо*. С. 119). Эмиграционный комиссар был вынужден официально заявить: «Если Горький женится на актрисе, предварительно не разведясь со своей женой в России, он подлежит высылке из Соединенных Штатов! Но в настоящий момент у нас нет ничего против Горького или женщины, которую он выдает за свою жену» (Там же. С. 118).

¹⁴ «New-York Tribune».

¹⁵ Возможно, речь идет о газете «Times» (Буффало), которая была единственной, как-то объяснившей обстоятельства возникновения травли вокруг Горького. В ста-

ть «Агент русской охранки следует по пятам за Горьким» (*Times*. 1906. 1 (14) апр.) газета сообщила, что вместе с Горьким и его спутниками на пароходе в Америку прибыл секретный агент царской охранки, неотступно следивший за ним все эти дни. В этой же газете «*Times*» (*Buffalo*) американские социалисты принесли Горькому извинение за травлю в прессе (см. заметку: «*Gorky's error*» // *Times*. 1906. 2 (15) апр. (Горький. *Письма*. Т. 5. С. 437 и 441).

¹⁶ «*New-York Herald*» — ежедневная газета (Нью-Йорк, 1835—1924), редактор Дж.-Г. Беннет.

¹⁷ «*New-York American*» — ежедневная газета, в которой 2 (15) апреля появилась телеграмма Горького Вильяму Хэйвуду и Чарльзу Мойеру, 7 (20) апреля — очерк «Сан-Франциско», 2 (15) апреля — статья «Сместить и покарать Витте».

¹⁸ С Горьким, помимо Андреевой, проживали Н. Е. Буренин и З. А. Пешков.

¹⁹ Предпочтение, отданное Горьким газете Уильяма Рэндольфа Херста «*New-York American*», объясняется несколькими причинами. Прежде всего, по свидетельству Г. Хьетсо, «имя Горького приобрело известность в Нью-Йорке, благодаря публикации здесь очерка «9 января». Позже, там же был напечатан рассказ «Однажды осенью», правда, под заглавием «Мой первый поцелуй: причудливый романс из жизни Максима Горького» (*Хьетсо*. С. 107). Затем, после выхода Горького из Петропавловской крепости 14 февраля 1905 г. корреспондент именно этой газеты побывал у него и взял интервью, которое 2 марта (н. ст.) 1905 г. было опубликовано под заголовком «Знаменитый писатель разоблачает тайны русской тюрьмы» («*Famous novelist reveals secrets of russian jail*») (Горький. *Письма*. Т. 5. С. 435). К моменту своего приезда в Америку, Горький был среди наиболее популярных беллетристов, возможно, именно благодаря газете «*New-York American*», а его пьеса «На дне» с успехом шла на сцене театра «Метрополитен». Кроме того, Уильям Р. Херст владел исключительным правом на издание всех произведений писателя (*Хьетсо*. С. 125).

²⁰ Имеются в виду просочившиеся, не без помощи русского посольства, в американскую печать сведения о деньгах С. Т. Морозова, якобы украденных М. Ф. Андреевой и Горьким. 3 (16) апреля 1906 г. американская газета «*Star Kansas City*» перепечатала телеграмму из Петербурга: «С. Морозов — один из московских купцов-миллионеров — выдал ей (Андреевой. — *Ред.*) 1/2 миллиарда долларов на революционные дела. Когда в прошлом году летом правительство получило доказательство этого факта, ему (Морозову. — *Ред.*) было дано 24 часа на выезд за границу, в противном случае арест. Он бежал в Париж, где и покончил самоубийством» (см.: Горький. *Письма*. Т. 5. С. 448). Слухи о миллионах, пожертвованных Морозовым на революцию, восходят к 1905 г.

Еще 25 декабря 1905 г. в газете «Новое время» появился фельетон В. А. Шуфа под названием «Миллионер-покойник. Московская легенда XX столетия», познакомивший в аллегорической форме русское общество с официальной трактовкой гибели Саввы Тимофеевича. Здесь впервые утверждается, что «один известный московский миллионер, общественный деятель и меценат в последние годы увлекся революцией в образе модной беллетристики или жены модного беллетриста», некоей «Василисы Прекрасной». Они-то и вытянули у миллионера, по простоте, половину его состояния. В фельетоне называлась сумма в 2 миллиона рублей. Витте и др. современники тоже считали, что Савва Тимофеевич отдавал революционерам миллионы.

²¹ «Комитет знаменитых американцев для помощи русской революции» был готов начать организацию общественных мероприятий, когда разразился скандал вокруг Горького. Буренин вспоминал: «Нас удивило, что члены Американского комитета по оказанию помощи Горькому в сборе средств, которые так горячо его

встретили, куда-то исчезли. Фактически этот комитет распался, и мы оказались предоставленными самим себе» (*Буренин*. С. 108—109).

Социалистический журнал «*Labog*» (Сент-Луис) объяснил причину охлаждения членов комитета борьбой крупных финансистов против Горького, который, по мнению журнала, стал помехой для «финансовых разбойников» (см.: Горький. *Письма*. Т. 5. С. 440).

²² Буренин вспоминает: «Желая помочь Горькому <...> Джон Мартин создал новый комитет из передовых деятелей культуры Нью-Йорка, который оказал немалое содействие писателю в организации митингов и собраний» (*Буренин*. С. 112).

²³ Имеется в виду Семен Клеванский (партийный псевдоним — Максим), один из лидеров Бунда, приехавший в США через неделю после Горького. 9 (22) апреля 1906 г. в американских газетах появилось сообщение о приезде Максима, «представителя фонда русской революции» (Горький. *Письма*. Т. 5. С. 443).

²⁴ Речь идет о митинге в Нью-Йорке в зале Гранд-Сентрал Палас, который состоялся 12 (25) апреля. Горький выступил с докладом «Еврейский вопрос».

²⁵ В начале апреля 1906 г. Горький получил денежные чеки от М. К. Кагана и А. Вассермана (Там же. С. 438).

²⁶ Митинг в Провидансе, назначенный на 21 апреля (4 мая) 1906 г., не состоялся. Горькому не разрешили выступать в помещении, которое снял для митинга рабочий кружок (*Tribune*. New-York. 1906. 4 may).

²⁷ Митинг в Бостоне не состоялся, так как Горькому не было предоставлено помещение. В назначенный день, 20 апреля (3 мая), около тысячи человек собрались на Южном вокзале Бостона для встречи Горького, но он не приехал. Один из членов комитета, организованного для приема писателя, зачитал полученную от него телеграмму (*World*. 1906. 4 may). Выступление было перенесено на 23 апреля (6 мая), но состоялось только 17 (30) мая (Горький. *Письма*. Т. 5. С. 448).

²⁸ В Филадельфию Горький приехал лишь 14 (27) мая. 15 (28) мая на митинге он сделал доклад «Царь, Дума и народ» (*Горький и революция 1905 г.* С. 399).

²⁹ Митинг в Нью-Йорке состоялся 6 (19) мая 1906 г.

³⁰ По документам, приведенным в комментариях к письмам Горького, сведений о митингах в Чикаго не имеется. Нью-йоркские газеты сообщали о двух митингах, которые должны были состояться 23 апреля (6 мая) 1906 г. по инициативе чикагских рабочих в поддержку горняков Колорадо и Айдахо (Горький. *Письма*. Т. 5. С. 448).

³¹ Имеется в виду землетрясение 5 (18) и 6 (19) апреля 1906 г. в Сан-Франциско. Горький писал Е. П. Пешковой: «Америка, я тебе скажу, это нечто изумительное по энергии, по темпу жизни. Вот тебе волшебный факт: Сан-Франциско разрушено вздремавши девять дней тому назад. Сегодня я получил оттуда фотографию *восстановленного* в главных частях Сан-Франциско. Через три дня все следы землетрясения исчезнут» (Горький. *Письма*. Т. 5. С. 177).

³² Гиддингс Франклин Генри (1855—1939), американский социолог, профессор Колумбийского университета (Нью-Йорк). Он выступил в защиту Горького и Андреевой в статье «Социальное линчевание Горького и Андреевой». В ней он обвинил буржуазную печать в сознательном стремлении сорвать миссию Горького по сбору денег в помощь русской революции (*Independent*. 1906. Т. 60. P. 976—978. Перепечатана «Русским словом». 1906. № 126. 13 (26) мая) (Горький. *Письма*. Т. 5. С. 443, 449).

³³ Мартин (Мартэн) Джон — см. примеч. 12.

³⁴ В комментариях к письмам Горького предполагается, что здесь может идти речь о Генри Гейлорде Уилшайре (1861—1927) — американском миллионере-социалисте, финансисте и золотопромышленнике, по приглашению которого Горький и

прибыл в Америку. Познакомил его с писателем Зиновий Пешков. Генри Г. Уилшайру принадлежал издаваемый им нью-йоркский журнал «Wilchire Magasine» (Горький. *Письма*. Т. 5. С. 433—436, 443, 552).

³⁵ О ком идет речь, установить не удалось. Возможно, Д. Манделькern (1868—1940), бизнесмен и антрепренер, который был среди тех, кто встретил Горького в день его приезда в США.

³⁶ С. Клеванский (Максим), давая интервью американским журналистам, заявил, что «работа Горького не имеет для революции никакого значения» (Journal. Detroit. 1906. 23 apr.).

³⁷ Хилквит Морис Вениаминович (1869—1933), юрист, один из основателей американской социалистической партии. Горький познакомился с Хилквитом в Америке. В течение нескольких лет Хилквит оставался представителем Горького в США по издательским вопросам. Так 2 (15) августа Горький подписал контракт с Центральным бюро новостей и прессы в Нью-Йорке (Centrale News & Exchange of New-York City) при посредничестве Хилквита, согласно которому Горький передавал фирме право «быть единственным агентством для продажи во всех странах, где говорят по-английски, всех своих литературных и драматических произведений...» (АГ. БИО-10-42-1).

³⁸ За период с 29 марта (11 апреля) до конца мая 1906 г. Горький собрал для партии большевиков около 10 тысяч долларов. Выступления писателя сумели повлиять на американское общество. Агитация Горького немало способствовала тому, что американские миллионеры не приняли активного участия в предоставлении денежного займа русскому правительству (см.: Горький. *Письма*. Т. 5. С. 457).

³⁹ Речь идет о созыве «законодательной Думы», закон о которой был издан 11 (24) декабря 1905 г. Инициатором ее созыва был премьер-министр С. Ю. Витте. Горький разделял позицию большевиков, призвавших бойкотировать ее работу (*Горький и революция 1905 г.* С. 395).

⁴⁰ 13 (26) апреля 1906 г. Горький писал К. П. Пятницкому: «Я очень прошу Вас, найдите *книг о Сибири*. Книг, где говорилось бы о ее торговле, о ввозе, вывозе и пр. О ее богатствах. Найдите книгу — или книг — *о русской индустрии* вообще, *статью или книгу о производстве сахара* в России, о нормировке и прочих пакостях. Очень прошу — сделайте это поскорее! очень прошу!» (см.: Горький. *Письма*. Т. 5. С. 173).

⁴¹ Буренин Николай Евгеньевич (партийный псевдоним — Виктор Петрович Герман, Герман Федорович, Том, Борис Иванович) — (1874—1962), дворянин, музыкант, участник революционного движения, член боевой технической группы при ЦК РСДРП во время революции 1905—1907 гг.

⁴² За участие в Декабрьском вооруженном восстании (октябрь — декабрь 1905 г.) Горькому и М. Ф. Андреевой в России угрожал арест, о чем они были предупреждены во время пребывания в Финляндии в январе—феврале 1906 г. финскими революционерами (см.: Горький. *Письма*. Т. 5. С. 446).

2.

Печатается по А (АГ. КГ-од-1-14-3), впервые.

¹ Указ о роспуске I Государственной думы был подписан 8 (21) июля, опубликован 9 (22) июля 1906 г. Узнав об этом, Горький написал воззвание «К честным людям», опубликованное под заглавием «Help Russia, cries Gorky» («Помогите России, — кричит Горький») в газете «New-York Sun» (1906. 15 (28) July) и в «New-York American» (1906. 16 (29) July, под заглавием «To the people of America» («К

народу Америки») с подписью и датой «Maxim Gorky. Hurricane. № 7. July 28, 1906».

² В I Государственную думу было избрано 524 депутата. После издания указа о роспуске Думы большая группа депутатов, в которую входили кадеты, трудовики и социал-демократы, выступила с протестом. Они провели 9—10 июля в Выборге совещание и приняли «Выборгское воззвание», в котором призывали народ к пассивному сопротивлению действиям правительства, предлагая не платить налоги, не давать рекрутов в армию и т. д. В сентябре 1906 г. кадеты отказались от «Выборгского воззвания» на своем съезде.

³ Имеется в виду тактика бойкота Государственной думы, которую проводили большевики с начала 1906 г., считая, что это будет не парламент, а уловка самодержавия (см. статьи В. И. Ленина «Бойкотировать ли Государственную Думу?», «Государственная Дума и социал-демократическая тактика» и др. — Полн. собр. соч. Т. 12. С. 158—174).

⁴ Речь идет о действиях Департамента полиции после Декабрьского вооруженного восстания в Москве.

⁵ Имеются в виду военно-полевые суды, созданные 19 августа (1 сентября) 1906 г. для подавления революции. Вводились в местностях, объявленных на военном положении или в чрезвычайной ситуации. За 6 месяцев их существования было расстреляно 950 человек.

⁶ Репрессии против социал-демократической прессы начались с лета 1906 г.: 24 мая была закрыта газета «Волна»; 14 июня — «Вперед»; 7 июля — «Эхо».

⁷ Кадетская газета «Речь» была приостановлена 22 июля (4 августа) 1906 г., журнал «Свобода и культура» закрыт 31 мая (13 июня) 1906 г., газеты «Молва» и «Двадцатый век» также разделили их участь.

⁸ «Новая жизнь» — ежедневная легальная социал-демократическая большевистская газета. Издавалась с 27 октября по 3 декабря 1905 г. в Петербурге (вышло 28 номеров, последний номер — нелегально). Печаталась в типографиях товарищества «Дело» и «Народная польза» тиражом 60—80 тысяч экземпляров. Первоначальный капитал (15 тысяч) внес Горький, финансовую помощь оказывали писатели Н. Г. Гарин-Михайловский и Е. Н. Чириков, актрисы В. Ф. Комиссаржевская и Л. Б. Яворская и др. Приобрести оборудование для типографии помогал коммерсант Н. Гольдберг. Официально редактором-издателем газеты числился поэт Н. М. Минский, на имя которого и получили разрешение на издание. В редакцию «Новой жизни» входили большевики В. А. Базаров, А. А. Богданов, В. В. Воровский, Л. Б. Каменев, Л. Б. Красин, В. И. Ленин, М. М. Литвинов, А. В. Луначарский, М. С. Ольминский, Т. П. Румянцев и др. Из литераторов — К. Д. Бальмонт, З. Венгерова, Л. Е. Габрилович (Галич), М. Горький, Н. Минский, Н. А. Тэффи. Газета была закрыта за публикацию «Финансового манифеста». Из 27 номеров 15 конфискованы и частично уничтожены, редакция и контора разгромлены.

⁹ Благодаря Красину подпольные типографии большевиков были оснащены по последнему слову техники. Это было вызвано тем, что макеты «Искры», привезенные из Швейцарии и выполненные по немецким стандартам, оказались большими для российских печатных станков и требовали переделки с использованием более мелкого шрифта, что заняло бы слишком много времени. Красин отправился в Германию, где в типографии ежедневной газеты СДПГ «Форвартс» изучил технику лнотипного набора, став одним из ведущих специалистов в России в этой области. Впоследствии, Красин заказал в Лейпциге печатный пресс «Аугсбург», а к 1905—1906 гг. оснастил типографии дополнительным оборудованием для фальцовки и обрезки, а также переплетными машинами, машинами для отливки литер и несколькими печатными прессами. Кроме того, типографии располагали шрифтами

русского, армянского, грузинского, немецкого и татарского языков. С 1905 г. большевики открыли в Петербурге легальное издательство «Дело» (*Красин Л. Б. Годы подполья. С. 155—156, 159—160, 168—170, 182, 187, 190, 192; Красин Л. Б. (Никитич). Большевики в подполье. М., 1932).*

¹⁰ Газета «Эхо» была закрыта 7 (20) июля 1906 г. В те же дни запрещено «Свободное слово» и др. большевистские издания, а также литературная газета «Наша жизнь».

¹¹ О ком идет речь, установить не удалось.

¹² Большевистский Центр (БЦ) испытывал острую нужду в деньгах. Турне Горького и Андреевой по США не оправдало надежд Красина: доходы от агитации и пропаганды русской революции оказались невелики. И все же в июле М. Ф. Андреева тайно переправила Красину 50 тыс. руб. для большевистской кассы. Еще некоторые суммы от деятельности Горького и Андреевой в США поступали с конца лета по начало осени 1906 г. Кроме того, большевикам полагалось получить от Андреевой еще средства по страховому полису С. Т. Морозова. Однако, в июле 1906 г., когда Андреева хотела получить эти деньги, начались осложнения. Жена С. Т. Морозова — Зинаида Григорьевна — предъявила через суд права на наследование этой суммы. Интересы Андреевой в суде защищал адвокат П. Н. Малянтович (*Андреева. С. 113—114; 539; Gley M. V. Leonid Krasin: The Years before 1917. An Outline // Soviet Studies. 1970. № 22. P. 203; Морозова Т. П., Поткина И. В. Савва Морозов. М.: Русская книга, 1998. С. 195).*

¹³ Речь идет о письме М. Ф. Андреевой к адвокату П. Н. Малянтовичу от 5 июля 1906 г., в котором она распорядилась: «Покорнейше прошу Вас выдать полученные по страховому полису покойного Саввы Тимофеевича Морозова сто тысяч рублей Леониду Борисовичу Красину» (*Андреева. С. 420*). Распоряжение было сделано заранее, так как к этому времени судебный процесс по делу о полисе С. Т. Морозова еще не был выигран Малянтовичем.

¹⁴ Вероятно, письмо Л. Б. Красина — Горькому и М. Ф. Андреевой от мая 1906 г. (*Андреева. С. 106—108*). В нем Красин, комментируя итоги IV съезда и прогнозируя дальнейшее развитие событий, подчеркивал важную роль БЦ в подготовке будущего вооруженного восстания и просил Горького и Андрееву поддержать этот фракционный орган. Большевики, по мнению Красина, должны на словах подчиняться решениям меньшевистского съезда, а на деле продолжать свою линию на подготовку вооруженной борьбы. Не признавая, в отличие от меньшевиков, московское восстание 1905 г. и первую революцию, в целом, ошибкой, Красин рекомендовал учесть опыт революции, позаботиться о грамотном плане выступления и о том, чтобы лучше вооружить и обучить боевые отряды. Более того, Красин охарактеризовал БЦ как единственный партийный орган, свободный от «киллюзий» конституционализма, рассчитывающий на «реальную силу маузеров, пулеметов и бомб». Он предложил Горькому и Андреевой внести в фонд ЦК (где преобладали после съезда меньшевики, занявшие умеренную позицию и выступающие против «экссов» и за политическую агитацию среди рабочих) лишь малую часть собранных в США средств, а все остальные деньги передать большевикам, т. е. ему, Красину, на закупку оружия. Красин был настолько уверен в их согласии, что даже взял на себя смелость еще до получения ответа придержать поступающие от Горького и Андреевой деньги для «специального назначения».

¹⁵ Имеется в виду подготовка к V (Лондонскому) съезду, состоявшемуся в мае 1907 года.

¹⁶ В 1906—1907 гг. Красин пользовался огромным влиянием в РСДРП и выполнял большой объем работы. Он и Богданов являлись членами ЦК, где им приходилось противостоять меньшевистскому большинству. Кроме того, Красин активно

участвовал в деятельности оппозиционного Центральному Комитету неофициального Большевистского центра. С конца 1905 г. большевики все чаще прибегали к экспроприациям. Красин лично организовал не одну сотню «эксов». Часть денег (если налет проводился не Боевыми техническими группами большевиков, а представителями других партий) всегда передавалась Красину. Поэтому закономерно, что он вошел в специально образованную БЦ Финансовую группу, в составе А. А. Богданова, Л. Б. Красина, В. И. Ленина, по распределению денежных поступлений в казну большевистской фракции. Историк Ю. Г. Фельштинский (Бостон, США), ссылаясь на статью О'Коннорта «Борьба в Большевистском центре в 1908—1909 годах» (Вопросы истории. 1991. № 1), утверждает, что этой работой «как раз и руководили через специально созданный для конспиративных дел “Большевистский центр” Ленин, Л. Б. Красин и А. А. Богданов», отнеся, во времени, начало их деятельности к маю 1907 г. (см.: *Фельштинский Ю. Г. Как добывались деньги для революции // Вопросы истории. 1998. № 9. С. 35*). Как видим, еще до Лондонского съезда, где большевики восстановили баланс сил в ЦК, Финансовая группа в этом же составе организовывала, контролировала и распределяла финансы партии (см.: *Неизвестный Богданов. С. 100—119*).

¹⁷ М. Ф. Андреева в сентябре 1906 г. писала сестре Е. Ф. Крит: «...Я считаю, что распорядиться деньгами следует так: 1) уплатить расходы Мальянтовичу, полагаю, это будет не больше тысячи, 2) отдать Л. Б. 60 тысяч целиком, 3) отдать долг К<онстантину> П<етровичу> (Пятницкому. — *Ред.*) — полагаю, что это будет тысяч 15; все, что останется — тебе на расходы! Исходя из расчета, что получено будет 89 000,

Мальянтовичу — 1 000 р.	
Л. Б. — 60 000 р.	89 000
К. П. — 15 000 р.	76 000

---

76 000 р.   13 000 — приблизительно — тебе» (*Андреева. С. 140*).

То же Андреева сообщала и К. П. Пятницкому в Петербург в письме, полученном им 19 сентября (2 октября) 1906 г.: «Много подумав и посоветовавшись с А. М-чем, я пришла к убеждению, что надо поступить так. По-видимому, всего не получить и вместо ста, приходится удовольствоваться 89. Приблизительно 1000 рублей придется уплатить расходов по ведению дела, приблизительно пятнадцать тысяч взяла Катя у Вас, 60 (шестьдесят) тысяч целиком надо будет отдать Л. Б. и, значит, то, что останется, около тринадцати тысяч, на прожитие моей семье» (*АГ. ПТЛ-3-7-68*).

¹⁸ Дядя Миша — партийный псевдоним деятеля революционного движения Михаила Александровича Михайлова (1878—1951). Смысл сообщения о выходе Михайлова из петербургской тюрьмы заключался в том, что он, будучи помощником присяжного поверенного и принадлежа к партии, имел прямое отношение к делу о наследовании большевиками капитала (около 500 000 р.), оставленного московским купцом Николаем Шмитом (племянником Саввы Морозова), неожиданно умершим в тюрьме. Михайлов, как зафиксировано в деле № 839 за 1905 г. Московского Охранного Отделения от 13 июня 1908 г., свидетельствовал, что Н. Шмит «предназначал свое состояние РСДРП фракции “большевиков”» (*Большевики. Документы по истории большевизма с 1903 по 1916 год бывшего Московского Охранного Отделения. Изд. 3-е. М., 1990. С. 174*). Очевидно, что выход на свободу столь важного свидетеля являлся сигналом к разработке и проведению операции по овладению наследством Шмитов для нужд партии.

¹⁹ Н. Е. Буренину.

Печатается по А (АГ. КГ-од-1-14-4), впервые.

Год установлен по содержанию и связи с предыдущими письмами.

¹ Крит (урожд. Юрковская) Екатерина Федоровна (1874—1940) — младшая сестра М. Ф. Андреевой. М. Ф. Андреева вспоминала, что в конце 1905 г. на квартире Е. Ф. Крит состоялась третья встреча Горького с Лениным: «Это было деловое собрание, в котором принимали участие В. И. Ленин, П. П. Румянцев, Л. Б. Красин и К. П. Пятницкий. Речь шла об издании в “Знании” серии социал-демократических книг» (Андреева. С. 120). В Е. Ф. Крит были влюблены Л. Б. Красин и К. П. Пятницкий (Горький. *Письма*. Т. 4. С. 429—430).

² 30 сентября (13 октября) 1906 г. Горький, М. Ф. Андреева и Н. Е. Буренин отплыли из Нью-Йорка в Европу на пароходе «Принцесса Ирэн» и 13 (26) октября прибыли в Неаполь.

³ Письма из России в Нью-Йорк шли не менее двух недель.

⁴ Красин именует США «страной “Желтого Дьявола”» по названию очерка Горького «Город Желтого Дьявола». (Впервые под названием «Город Мамоны. Мои впечатления об Америке» в журнале «Appleton's Magazine». 1906. Т. 8. С. 177—182.) Упомянув «осеннюю кампанию», Красин негативно оценивает финансовые результаты поездки Горького и Андреевой в США, давая понять, что виной тому не зависящие от них обстоятельства.

⁵ Речь может идти о меньшевистском большинстве (здесь: «коллегии». — *Ред.*) в объединенном ЦК, избранном на IV съезде РСДРП. Съезд, подготовке к которому Красин отдал много сил, прошел 10—25 апреля (23 апреля (8 мая)) 1906 г. в Стокгольме. На съезде Красин выступил с докладом о текущем моменте. Основные тезисы доклада не нашли понимания у делегатов, среди которых преобладали меньшевики (см. примеч. 14 к п. 2). В состав ЦК РСДРП были выбраны 7 меньшевиков и 3 большевика (В. А. Десницкий, Л. Б. Красин, А. И. Рыков). В редакцию центрального органа РСДРП газеты «Социал-демократ» вошли одни меньшевики. Большевики не признали решений съезда и заявили, что будут бороться против них.

⁶ В целях конспирации Красин пишет о Горьком в третьем лице: обращаясь к нему, он называет его партийным псевдонимом. Так «Хозяин», — Горький, — владел квартирой в Москве в доме 4/7 на углу Моховой и Воздвиженки. Здесь располагался штаб боевой технической группы большевиков в период революции 1905—1907 гг. Именно здесь, по свидетельству Троцкого, была оборудована мастерская Красина. Будучи инженером-химиком по профессии, он лично возглавил работу лаборатории, изготовлявшей бомбы и ручные гранаты (*Фельштинский Ю. Г.* Как добывали деньги для революции // *Вопросы истории*. 1998. № 8. С. 41).

⁷ Красин здесь — и далее в письмах — стоит на позициях БЦ и отстаивает его интересы. Стремясь восстановить контроль над ЦК, большевики после IV съезда, внешне поддерживая единство партии, создали в противовес ЦК свой Центр (БЦ) для разработки планов вооруженного восстания (см.: примеч. 16 к п. 2). По мнению О'Коннора, «историки затрудняются точно установить первоначальный состав этого Центра, но, конечно же, в него входили Ленин, Красин и Богданов» (*О'Коннор Т. Э.* Инженер революции. Л. Б. Красин и большевики 1870—1926. М.: Наука, 1993. С. 84). Несмотря на решение IV съезда об отказе от партизанской тактики, БЦ нацеливал БТГ именно на такую деятельность, занимаясь, в частности, подготовкой и осуществлением экспроприаций, что принесло большевистской фракции в 1906—1907 гг. сотни тысяч рублей. Красин как казначей контролировал эти поступления, передавая незначительную их часть в распоряжение меньшевист-

ского ЦК, а основную, — оставляя своему БЦ и большевистской фракции для финансирования вооруженной борьбы.

⁸ Имеются в виду представители Бунда в Америке — Максим Ромм, Р. Гуревич, И. Абрамс и А. Лисик. Письмо Горького («Хозяина») Красину не разыскано.

⁹ Речь идет о «меньшевистском» ЦК РСДРП (см. примеч. 14 к п. 2 и примеч. 5 к наст. п.).

¹⁰ «Стрела» — партийный псевдоним Марии Федоровны Желябужской (урожд. Юрковской, сценический псевдоним — Андреева; 1868—1953), актрисы, революционерки, государственной и общественной деятельницы, гражданской жены Горького, с которой он прожил более десяти лет (с 1904 г.), близкого друга С. Т. Морозова.

¹¹ «Испанским наследством» Л. Б. Красин, вероятно, называет деньги, выплаченные М. Ф. Андреевой по суду родственниками С. Т. Морозова («полис») в сентябре 1906 г.

¹² Имеется в виду меньшевистский ЦК РСДРП.

¹³ М. Ф. Андреева оставила в России двоих детей: сына Юрия Алексеевича и дочь — Екатерину Алексеевну Желябужских.

¹⁴ Речь идет о деятельности I Государственной думы. Большевики, в соответствии с решением конференции большинства в Таммерфорсе, участия в выборах не принимали. Меньшевики не смогли выработать по этому вопросу единой позиции, а эсеры бойкотировали выборы, потому доминирующие позиции в Думе (т. е. абсолютное большинство мест) получили кадеты. Партия выступала за обеспечение народа всех гражданских и политических свобод, а также за назначение правительства, ответственного перед Думой.

¹⁵ Так впоследствии и было сделано. К. П. Пятницкий выехал за границу с сыном М. Ф. Андреевой — Ю. А. Желябужским 11 (24) декабря 1906 г. (АГ. ФЕП-кр-23-30-27) и прибыл на Капри 16 (29) декабря.

¹⁶ Малянтович П. Н.

¹⁷ Речь идет о судебном процессе по поводу полиса С. Т. Морозова (см. примеч. 20 к п. 1 и примеч. 12 к п. 2). Эта история во многих деталях могла бы уточниться, если бы в архивах нашлись документальные материалы судебного процесса, о котором здесь идет речь. Но пока ситуация с полисом известна только с одной стороны (со стороны большевиков), а для объективного изложения фактов этого явно недостаточно (см.: *Морозова Т. П., Поткина И. В.* Савва Морозов. М.: Русская книга, 1998. С. 196—197). Зимой 1907 г. М. Ф. Андреева выиграла дело в суде и распорядилась суммой как преданный делу партии человек.

¹⁸ Отчитываясь перед Андреевой М. Ф. в денежных делах, К. П. Пятницкий писал ей 1 августа 1909 г.: «IV. Деньги, переданные мне для Вас Л. Б. Красным из полиса С. Т. Морозова: 38 000 р. В письме, присланном из Америки, Вы просили меня принять на хранение 40 000 р., которые доставит мне Красин. Из них Вы просили покрыть суммы, выданные Вашей семье. Л. Б. Красин доставил не 40 000 р., а только 38 000 р. Об остальных 2 000 р. в записке Л. Б. Красина сказано: “Остальные 2 000 р. пока находятся у поверенного”» (АГ. ПТЛ 13-23-1).

¹⁹ Вероятно, протест З. Г. Морозовой в суд по поводу полиса С. Т. Морозова основывался на двух медицинских свидетельствах — врачей Н. Н. Селивановского и Ф. А. Гриневского. Оба были написаны 22 и 23 мая, уже после трагической гибели С. Т. Морозова, и преследовали одну цель: доказать, что самоубийство произошло в результате «умопомрачения» (т. е. внезапно наступившего аффекта). Такое заключение было необходимо семье для того, чтоб Савву Тимофеевича разрешили похоронить по православному обряду, так как, согласно церковным правилам, самоубийц так хоронить запрещалось. Таким образом, оба медицинских заключения

носили характер формальной отписки (*Морозова Т. П., Поткина И. В.* Савва Морозов. С. 188—189). Однако, медицинское заключение как документ было официально признано и давало повод, основываясь на якобы имевшей место неадекватности С. Т. Морозова в момент распоряжения о заведении полиса, опротестовать его решение. По-видимому, Малянтович пытался осуществить опрос старожилов на фабрике и свидетелей последних месяцев жизни Саввы Морозова, чтоб опровергнуть утверждение о его психической невменяемости в момент распоряжения по заведению полиса.

²⁰ Имеются в виду члены редколлегии общественно-политической большевистской газеты «Пролетарий» (издавалась в России с 21 августа 1906 по 28 декабря 1909 гг., 21 номер вышел в Женеве, с № 41 «Пролетарий» издавался в Париже). Редакторы — В. И. Ленин и В. В. Воровский. В разное время в редакцию входили А. А. Богданов, И. П. Гольденберг, И. Ф. Дубровинский и др.

²¹ Во втором номере «Пролетария» было перепечатано воззвание Горького «Рабочим!» из журнала «Красное Знамя» (Париж. 1906. № 4), издаваемого А. В. Амфи-театровым.

²² «Старик» — один из партийных псевдонимов Владимира Ильича Ленина (Ульянова).

²³ Богданов (Малиновский) Александр Александрович.

²⁴ Румянцев Петр Петрович (партийный псевдоним — Шмидт) — член постоянного бюро ЦК вместе с Л. Б. Красиным и А. А. Богдановым. Участвовал в издании газеты «Новая жизнь» как представитель большевиков. До приезда Ленина фактически был первым редактором газеты. В 1905—1906 гг. Горький постоянно общался с Румянцевым по разного рода издательским делам (Горький. *Письма*. Т. 5. С. 549, 251—403).

4.

Печатается по А (АГ. КГ-од-1-14-5), впервые.

Год установлен по содержанию.

¹ А. А. Богданов приезжал на Капри не ранее 16 (29) ноября 1906 г. на несколько дней. После его отъезда Горький писал И. П. Ладыжникову: «А. А. очень меня обрадовал своим приездом. Знаете — это чрезвычайно крупная фигура, от него можно ждать оглушительных работ в области философии, я уверен в этом! <...> Монизм еще не имел столь яркого и глубокого представителя, как Богданов. Он меня — просто с ума сводит! И — страшно радостно» (Горький. *Письма*. Т. 5. С. 234). Помимо книги «Эмпириомонизм» (СПб., 1906. Кн. 3), Горький, очевидно, получил от Богданова исчерпывающие сведения о положении дел в партии и партийной печати.

² Гарин Н. (наст. фам. и имя — Михайловский Николай Егорович (Георгиевич), 1852—1906), писатель, инженер-путеец, в прошлом — богатый помещик. С осени 1896 г. обеспечивал выход в свет первой русской ежедневной марксистской газеты «Самарский вестник» (закрыта в марте 1897 г.), вступив пайщиком в издание. С начала 1900-х годов начинает печататься в сборниках «Знание» (пьеса «Деревенская драма», 1904). В течение 1903—1910 гг. в издательстве «Знание» выходило собрание сочинений Н. Гарина-Михайловского. Горький высоко ценил его творчество (О Гарине-Михайловском // Горький. *Сочинения*. Т. 20. С. 76).

³ Судебное дело против Гарина-Михайловского было возбуждено совместно Военным министерством и Казначейством России. Иск был предъявлен ему и ряду военных чинов Интендантской тыловой службы: генералам Литевину, Губеру, На-

дарову, начальнику Интендантской службы тыла генералу Иванову и главному интенданту тыла ген. Парчевскому.

Михайловский был привлечен к уголовной и имущественной ответственности по ст. 202, 197 и 201 «Свода военных постановлений» (кн. 22). Должностные лица, избравшие Михайловского «как исполнителя порученного дела», но не наблюдавшие за «исполнением поручения», подлежали ответственности по ст. 142 и 201 (Свод. Кн. 22).

Речь идет о следующей ситуации. 27 августа 1905 г. Н. Г. Михайловскому в Харбине поручили осмотреть линию Восточно-Китайской железной дороги. Когда выяснилось, что никакой инженерной работы для Михайловского нет, Интендантское ведомство предложило ему заняться поставками сена на коммерческой основе в объеме 10 мил. пудов. Михайловский, будучи предприимчивым и увлекающимся человеком, к тому же имевшим опыт сельскохозяйственных работ в своей усадьбе (с. Гундуровка, Самарской губ.), охотно взялся за это дело. Он арендовал у Китайского правительства для покоса полосу вдоль железной дороги шириной 5 верст и длиной в 400 верст, выписал из-за границы прессы, сенокосилки и проч., набрал большой штат служащих и принялся за дело.

Согласно актам двух комиссий, проверявших ход заготовок, Михайловский накопил 13 млн. пудов. К условленному сроку (1 октября 1905 г.) в наличии было 10 млн. пудов, т. к. 3 млн. сгорело, сгнило и усохло. Оставалось только поставить сено по графику к железнодорожным станциям и разъездам в условленные сроки: к 1 августа 1905 г. — 1 млн. пудов; к 1 сентября 1905 г. — 2 млн. пудов, к 1 ноября 1905 г. — 2 млн. пудов, к 1 декабря 1905 г. — 3 млн. пудов. По объективным причинам Михайловский поставил всего 1.700 000 пудов сена. Вскоре был заключен мир с Японией (5 сентября 1905 г.). Интендантское ведомство уже не нуждалось в таком количестве заказанного им сена. Ведомство придралось к Михайловскому из-за просроченной первой поставки и отказалось принять все заготовленное им сено. Казначейство, выдавшее Михайловскому ссуду в размере 2.400 000 рублей, предъявило ему иск за неустойку. Сам Михайловский за этот период времени предъявил через суд встречный иск Казначейству на сумму в 1.500 000 рублей (с учетом «прямых убытков и косвенных потерь»).

Он вернулся в Россию в сентябре 1906 г. В Петербурге Михайловский рассчитывал нанять «хорошего адвоката из знаменитостей» — М. Е. Кальмановича («прекрасного цивилиста и криминалиста»), ставшего позже адвокатом А. М. Горького в судебном разбирательстве с издательством «Знание» и К. П. Пятницким. Большую поддержку в эти месяцы оказывал Михайловскому бывший муж М. Ф. Андреевой — А. А. Желябужский, занимавший в то время пост «главного контролера при Главнокомандующем русской армии». Михайловский успел выиграть процесс, избежав, таким образом, исключения со службы или вынужденной отставки (*РО ИРЛИ*. Ф. 69: Ед. хр. 1. Н. Г. Гарин Михайловский. Письма к Н. В. Михайловской. 1886—1906 гг.; Ед. хр. 14. Н. Г. Михайловский. Материалы к биографии. С. 15).

⁴ Красин переехал в Петербург в середине сентября 1905 г. Здесь он получил место инженера в бельгийской электрической компании «Общество 1886 года», занимавшейся прокладкой электрокабелей для городского транспорта. Соображения конспирации подпольной работы и любовь к природе заставили Красина поселиться с семьей в Куоккале у финской границы (в Петербурге у него тоже была квартира) (*Krasina L. V. Leonid Krasin: His Life and Work. L., 1929.; O'Коннор Т. Э. С. 71*). Летом 1905 г. Куоккала по существу являлась местом подпольного транзита оружия, взрывчатки, денег и запрещенной литературы на так называемом «северном пути» из Швейцарии и Германии в Россию через Швецию и Финляндию. Главным перевалочным пунктом для транспортировки нелегальных грузов служило фа-

мильное поместье Н. Е. Буренина, расположенное прямо на русско-финской границе, а взрывчатку и оружие для Боевых технических групп Петербургского Комитета РСДРП испытывали на полигоне в поместье А. Игнатьева, близ Гельсингфорса (*О'Коннор*. С. 72, 75).

В конце мая 1905 г. Горький вместе с Андреевой поселился в Куоккале, где провел два летних месяца (с 25 мая по 15 июля) на мызе Линтула-Эрстрем. Гарин-Михайловский с женой Верой Александровной тоже снимали дачу в Куоккале этим летом. 28 мая 1905 г. (воскресенье) М. Ф. Андреева сообщила Пятницкому: «В среду у нас будут Михайловские (Гарины), Репины, Андреевы» (*Андреева*. С. 96). Таким образом, Гарин с женой были у Горького 1 (14) июня. Через несколько дней после этого Горького посетил Красин, приехавший за деньгами, переданными Гаринным-Михайловским для нужд партии (Горький. *Письма*. Т. 5. С. 314).

Дача Горького в Куоккале летом 1905 г. также использовалась большевиками для нелегальных встреч, передачи партийной литературы и денег (см.: *Горький и революция 1905 г.* С. 70).

⁵ Речь идет о предвыборной кампании во II Государственную думу (работала с 20 февраля по 2 июня 1907 г.). Для решения вопроса об участии в намеченных на январь 1907 г. выборах и подготовке V съезда РСДРП провела в Таммерфорсе 3—7 ноября 1906 г. свою I Всероссийскую конференцию. Делегатов конференции выбирали под руководством меньшевистского ЦК, потому меньшевики оказались в большинстве. Ленин на конференции был в политической изоляции и едва ли не единственный среди большевиков считал, что во время наступившей после поражения революции 1905 г. реакции Дума нужна как трибуна для борьбы (*Ленин В. И. Против бойкота // Полн. собр. соч.* Т. 13. С. 19—20). Красин поддерживал участие во II Думе, так как согласно резолюции I Всероссийской конференции, и большевики, и меньшевики согласились считать невозможным мирный исход борьбы за власть, что соответствовало его убеждениям. Форсируя события, БЦ, противопоставляя себя меньшевистскому ЦК, провел, при активном участии Красина, 16—22 ноября 1906 г. I Всероссийскую конференцию военных и боевых организаций, где призвал активизировать социал-демократическую агитацию и пропаганду в войсках, повышать боевую готовность и разрабатывать стратегию восстановления, которое может начаться в любой момент (*О'Коннор*. С. 86—87). Таким образом, Красин рассматривал деньги, выделенные на предвыборную кампанию большевикам и меньшевикам, как финансирование вооруженной борьбы.

⁶ Горький А. М.

⁷ По поводу участия большевиков во II Думе Горький высказывался негативно. В письме К. П. Пятницкому он сетовал: «Ваши сообщения о делах “Знания” не удивляют меня <...> И о “товарищах” — тоже. Люди! Будучи специалистами по подкрашиванию душ человеческих, тускленьких и жалких, я, вообще, знаю, как они хороши изнутри. Их “политика” — превосходна. Лаяли на эту Думу, громче, чем она заслуживала, по ничтожеству своему, потом рекомендуют ее народу как единственное прибежище. Все это — даже издали смешно и глупо» (Горький. *Письма*. Т. 5. С. 206).

⁸ См. примеч. 5 к п. 2. Военно-полевым «режимом» Красин называет установившийся в годы реакции порядок.

⁹ Временем «свобод» называли в русском обществе период с момента выхода Манифеста 17 октября 1905 г. до начала реакции и разгона I Государственной Думы.

¹⁰ Красин здесь намекает на предстоящую конспиративную работу. После 22 ноября 1906 г. он приступил к организации в Петербурге Центральной школы инструкторов подрывного дела и военного обучения, которая начала работать уже с

конца 1906 г. под патронажем Петербургского Комитета РСДРП. Далее, Красин планировал выехать за границу, с тем, чтоб приобрести в Берлине оборудование для печатания фальшивых трехрублевых купюр. Он предполагал наводнить страну фальшивыми деньгами и таким образом подорвать кредитно-финансовую систему России (*ЦГАОР*. Ф. 102. ДП. 00.1907. Д. 3288. Л. 17; *О'Коннор*. С. 87—88).

¹¹ Один из партийных псевдонимов Н. Е. Буренина.

¹² Имеются в виду Богданов А. А., Горький и Андреева М. Ф.

¹³ Н. Е. Буренин.

¹⁴ Речь может идти о Е. П. Пешковой, М. А. Пешкове, Е. Ф. Крит, В. А. Крит.

¹⁵ Дети М. Ф. Андреевой — Юрий и Екатерина.

5.

Печатается по А (*АГ*. КГ-од-1-14-5), впервые.

Год установлен по содержанию и сопоставлению с письмом от 16 ноября 1906 г.

¹ Гарин-Михайловский, действительно, выиграл первую половину судебного процесса и должен был получить в феврале 1907 г. сумму, приблизительно, в 900.000 рублей (*РО ИРЛИ*. Ф. 69. Ед. хр. 14). Красин позже вспоминал: «Было несколько случаев передачи на партийные цели некоторых наследственных имуществ, и предстояло получение большой сравнительно суммы от инженера Михайловского-Гарина, известного тогда беллетриста, к сожалению скоропостижно умершего до того, как он успел осуществить свои планы финансирования нашего дела (к тому времени к ним присоединился план нелегального пропагандистского издательства и легальной газеты)» (*Красин Л.* Как я не делал революцию в 1905 году в Орехове-Зуеве. (Страница воспоминаний) // *Красин Л. Б.* (*Никитич*). Годы подполья: Сб. воспоминаний, статей и документов / Под ред. М. Н. Лядова, С. М. Познера. М., 1928. С. 212). Письмо Красина написано за 5 дней до внезапной кончины Н. Г. Михайловского, последовавшей 27 ноября 1906 г., по одним сведениям, от кровоизлияния в мозг (*РО ИРЛИ*. Ф. 69. Ед. хр. 15. Паспортная книжка Михайловского Н. Г.), по другим сведениям — от «растяжения сердечной мышцы» (Там же. Протокол вскрытия тела Михайловского (Гарина) Н. Г., произведенного 29/30 ноября 1906 г. на квартире покойного в Свечном пер. 5).

² Каламбур Красина. Путьцы — обиходное название инженеров путей сообщения в дореволюционной России. Путьец — профессия Гарина-Михайловского. Но в данном случае Красин, вероятно, называет «путьцами» сотрудников ежедневной левокадетской, общественно-политической и литературной газеты «Путь», выходящей в Москве с 12 (25) марта по 30 апреля (13 мая) 1906 г.

³ «Колокол» — легальное издательство, созданное в июне—июле 1905 г. в Москве на средства купца Е. Д. Мягкова. В издательстве было две редакции: «Первая библиотека», выпускавшая марксистскую литературу, и «Вторая библиотека» — печатавшая литературу социалистов-революционеров. В редакцию «Первой библиотеки» входили большевики — члены литературно-лекторской группы МК РСДРП М. Г. Лунц, М. Н. Покровский, Н. А. Рожков. И. И. Скворцов-Степанов и др.; секретарем редакции был П. Я. Гуров. В начале 1907 г. из-за репрессий и конфискации выпущенной издательством литературы, его деятельность фактически была прекращена.

⁴ П. Н. Малянтович.

⁵ Предположительно, под формулировкой «правильность полисного возраста Саввы» имеется в виду дата завещания полиса М. Ф. Андреевой. Требовалось до-

казать вменяемость С. Т. Морозова в момент распоряжения по завещанию (см. примеч. 19 к п. 3).

⁶ Речь идет о политических заключенных, лишенных права переписки, т. е. находящихся в тюрьме большевиках, массовые аресты которых были не редкостью в годы реакции (1906—1908 гг.).

⁷ Красин вспоминал: «Держать десятки подпольщиков, оплачивать квартиры, занимавшие иногда несколько смежных владений с тайниками и прочими техническими фокусами, а главное, и самое ужасное, оплачивать бумагу и ежедневные расходы по транспорту печатных изданий во все уголки тогдашней России, — все это требовало весьма и весьма значительных сумм, а между тем через мои руки как главного финансиста партии проходили в то время буквально гроши, все организации были в катастрофически трудном положении, и от легальных политиков мы, конечно, не только не могли ожидать финансирования, но, напротив, вынуждены были не раз оказывать им поддержку, даже хотя бы из своекорыстного расчета избежать провала нашей же литературы и наших агентов» (*Красин Л.* Как я не делал революцию в 1905 г. в Орехове-Зуеве // *Красин Л. Б. (Никитич)*. Годы подполья. С. 211).

⁸ См. примеч. 9 к п. 2. Имеется в виду типография товарищества «Дело».

⁹ Речь идет о нелегальной большевистской газете «Вперед» (22 декабря 1904 г. (4 января 1905 г.) — 5 (18) мая 1905 г.), выходившей в Женеве под редакцией В. И. Ленина, В. В. Воровского, М. С. Ильинского и А. В. Луначарского. После III съезда РСДРП, проходившего в Лондоне 12—27 апреля (25 апреля—10 мая) 1905 г., центральным органом ЦК стала газета «Пролетарий». Большевистская газета «Вперед» была закрыта 14 (27) июня 1906 г., «Новая жизнь» — 3 декабря 1905 г.

¹⁰ Большевистский научно-политический журнал «Наша мысль» выходил в 1906 г. в Петербурге.

¹¹ В 1903 г. Н. Г. Гарин-Михайловский был назначен начальником работ по строительству Южно-бережной железной дороги. Он успел сделать только изыскания. Строительство дороги осложнилось из-за начавшейся войны с Японией (*РО ИРЛИ*. Ф. 69. Ед. хр. 10. *Михайловская Н. В.* Мои воспоминания о Гарине-Михайловском. 20 апреля 1926. С. 56; Ед. хр. 14. *Гарин-Михайловский Н. Г.* Материалы к биографии. С. 14).

¹² О ком идет речь, установить не удалось.

¹³ Жордания Ной Николаевич (парт. псевдоним Костров и др., 1869—1953), дворянин, публицист, писатель, член I Государственной думы, меньшевик. В 1906—1907 гг. работал в Петербурге, оказывая помощь социал-демократической фракции II Государственной думы. Печатался в сборниках «Отклики современности» и «Отзвуки». На V съезде РСДРП в Лондоне (1907 г.) избран членом ЦК. Выступал против экспроприации денежных средств в пользу партийной кассы, осуществляемой большевиками, и поддерживал решения съезда, запрещавшие «эксы». Осенью 1907 г. был направлен на Кавказ для расследования вместе с К. Х. Данишевским дела о тифлисской экспроприации, осуществленной большевиками вопреки решению V съезда.

¹⁴ Письмо Н. Н. Жордания (Кострова) к Горькому, с просьбой сообщить о денежных средствах, собранных в поездке по Европе и США, не разыскано.

¹⁵ Летом 1906 г. Красин организовал ряд экспроприаций в Закавказье (*Williams R. C.* *The Other Bolsheviks: Lenin and His Critics, 1904—1914.* Bloomington, 1986. P. 112—114). Обычно большая часть средств от «эксов» доставалась БЦ (см. примеч. 5 к п. 3). Вероятно, в данном случае произошел «сбой», и «наивные южане», доверив все деньги меньшевистскому ЦК («коллегии»), лишились средств.

¹⁶ Письмо Горького Красину с газетной вырезкой статьи М. Ромма не разыскано.

¹⁷ А. А. Богданов приезжал на Капри в ноябре 1906 г. на несколько дней (см. примеч. 1 к п. 4). Возможно «причина» Кострова, которую Богданов изложил Горькому и Андреевой, касалась организации финансовых дел в партии. Во всяком случае, Богданов в отчете о финансовой деятельности большевиков в мае 1913 г. писал следующее: «Еще в конце 1906 — начале 1907 г. на Кавказе организовалась группа из с<оциал>-д<емократов>, большевиков, людей вполне партийных, большей частью бывших техников (членов Боевых технических групп. — *Ред.*), поставившая себе задачей материально помогать партии путем экспроприаций; она решила делать это, ввиду Стокгольмской резолюции (запрет на «эксы», наложенный на I съезде РСДРП по настоянию меньшевистского большинства. — *Ред.*), не открыто, внепартийным путем. Один из членов группы должен был частным образом передавать деньги лично знакомому с ним члену большевистской, тогда существовавшей, финансово-технической группы, и тот должен был передавать их в партийные организации как анонимное пожертвование» (Отчет А. А. Богданова о деятельности частной Финансовой группы большевиков. Май 1913. (История «Частной Финансовой группы с. д. большевиков (1907—1912)» // *Неизвестный Богданов*. К. 2. С. 100). Тогда и была организована «коллегия трех», или «Частная Финансовая группа большевиков» в составе В. И. Ленина, А. А. Богданова и Л. Б. Красина, регулирующая общепартийные деньги в пользу БЦ (см. примеч. 16 к п. 2).

¹⁸ Речь идет, видимо, о денежном переводе, посланном Горьким из Америки.

¹⁹ О распределении денег между БЦ (Богданов, Красин, Ленин — частная Финансовая группа большевиков) и меньшевистским ЦК РСДРП см.: примеч. 5 к п. 3; примеч. 15 и 17 к п. 5.

²⁰ Бурения Н. Е. По свидетельству Горького, он уехал с Капри в Россию 24 января (6 февраля) 1907 г. (см.: Горький. *Письма*. Т. 6. С. 10). Бурения был нужен для продолжения подпольной революционной работы в России. Роль его была велика. Он отвечал за доставку оружия и взрывчатки, переправлял нелегальную литературу по «северному пути» (см. примеч. 4 к п. 4), а также — возглавлял созданную им сеть тайных агентов в Финляндии, среди которых были служащие железной дороги, таможи и полиции. Они обеспечивали безопасный провоз в Петербург ружей и револьверов из Бельгии и Германии, помогали переправлять за рубеж большевиков и «нелегалов».

²¹ «Папаша» — партийный псевдоним М. М. Литвинова: «Изыскивая все новые источники пополнения партийной казны, Красин предложил Литвинову на выбор: либо сопровождать Горького и Андрееву в США и организовать там чтение ими публичных лекций, выручка от которых пошла бы большевикам, либо отправиться в Западную Европу, закупить оружие и по Черному морю переправить его партийным комитетам Закавказья. Литвинов предпочел второе» (*О'Коннор*. С. 80). Выполняя поручение по закупке оружия, Литвинов вынужден был задержаться за границей.

²² Имеется в виду избирательная кампания во II Государственную думу.

6.

Печатается по А (АГ. КГ-од-1-14-6), впервые.

Датируется по содержанию и по сопоставлению с ответным письмом Горького от января 1907 г.

¹ Начало работы I Государственной думы — 27 апреля 1906 г.

² Вероятно, речь идет о ротационной скоропечатной машине с фальцовочным аппаратом (Р. Гое и К°). Таким образом, типография большевиков была оснащена по последнему слову техники, что в условиях предреволюционной России требовало больших политических связей и материальных средств (см. примеч. 9 к п. 2).

³ «Эхо» — легальная ежедневная газета большевиков. Издавалась (вместо закрытой газеты «Вперед») с 22.06 по 7.07.1906 г. в С.-Петербурге. Печаталась в типографии т-ва «Дело». Вышло 14 номеров. Фактическим редактором газеты был В. И. Ленин, хотя ее редактором-издателем значилась Е. С. Милованова. В газете принимали участие А. В. Луначарский, М. С. Ольминский, В. В. Воровский, Л. Б. Красин и др. Постановлением палаты от 10.07.1906 г. издание газеты «Эхо» было приостановлено.

⁴ «Волна» — легальная ежедневная газета большевиков. Издавалась в С.-Петербурге с 26.04 по 24.05.1906 г. Печаталась в типографии т-ва «Дело». Вышло 25 номеров. Финансировалась за счет денежных вкладов О. А. Мухиной (владелица меблированных комнат в С.-Петербурге), врача И. Г. Симонова и средств из партийной кассы. Редактором-издателем газеты «Волна» была Е. И. Ширяева, однако с № 9 от 5 мая 1906 г. фактическим редактором стал В. И. Ленин. В редколлективу входили В. В. Воровский и М. С. Ольминский. В газете сотрудничали В. Базаров, Горький, Г. А. Алексинский, А. А. Богданов, В. Д. Бонч-Бруевич, Л. Б. Каменев, А. В. Луначарский, И. И. Скворцов-Степанов и др. Против «Волны» было возбуждено 13 судебных дел, конфисковано 8 номеров и 24 мая 1906 г. газета была закрыта. С 26 мая 1906 г. вместо нее начала выходить газета «Вперед», закрытая 14 июня 1906 г.

⁵ Имеются в виду плоскочечатные машины, т. е. машины с плоской печатью.

⁶ «Новый мир» — общественно-политическая газета группы анархистов-коммунистов-синдикалистов. Основана в октябре 1905 г. лидером этой группы Д. И. Новамирским (он же — автор большинства статей) в Париже. Единственный номер от 15 октября 1905 г. полностью посвящен П. А. Кропоткину.

⁷ «Донская речь» — общественно-политическая и литературная газета. Выходила 4 раза в неделю в Новочеркасске. Основана в 1887 г.

⁸ «Молот» — легальное издательство, основанное в начале 1905 г. в Одессе С. А. Балиевым; в мае 1905 г. переведено в Петербург. Издательство выпускало, в основном, марксистскую литературу, в том числе произведения К. Маркса, Ф. Энгельса, А. Бебеля, П. Лафарга и др. С середины 1906 г. издательство подвергалось репрессиям со стороны властей. Это привело к разорению С. А. Балиева, объявленного в сентябре 1907 г. несостоятельным должником, в результате чего издательство прекратило свое существование.

⁹ См. примеч. 3 к п. 5.

¹⁰ «Знание» — петербургское книгоиздательское товарищество, 1898—1913. Основано К. П. Пятницким и рядом деятелей Комитета грамотности. Кроме Пятницкого пайщиками «Знания» были В. А. Поссе, братья В. Д. и Д. Д. Протопоповы, О. Н. Попова, В. И. Чарнолуцкий и Г. А. Фальборк. Первоначально издательство «Знание» выпускало общеобразовательную литературу по вопросам естествознания, истории и искусства. В 1900 г. в издательство вступил М. Горький, а с декабря 1902 г. он стал главным редактором. В 1912 г. Горький ушел из «Знания», а в 1913 г. издательство прекратило свою деятельность.

¹¹ Сборники товарищества «Знание» (вышло 40 книг) стали издаваться с 1904 г. В них сотрудничали: Чехов, Горький, Андреев, Скиталец, Чириков, Бунин, Скворцов-Степанов, Гусев-Оренбургский, Серафимович, Найденов, Шмелев, Куприн, Юшкевич, Шолом-Аш и другие. Из иностранных авторов в сборниках печатались

Флобер, Уитмен, Верхарн, Гауптман и другие. В 1913 г. был выпущен последний, почти не замеченный критикой, 40-й сборник.

¹² Л. Б. Красин имеет в виду непростые личные отношения, существовавшие между ним и К. П. Пятницким.

¹³ В *Сб. Зн.* 15 были опубликованы: С. Найденов «Стены»; А. Серафимович «Он пришел»; С. Скиталец «На Волге»; Ив. Бунин. Стихи; М. Горький «Мои интервью» и «Жрец морали»; Е. Чириков «Легенда старого замка».

¹⁴ А. П. Чарушников и С. П. Дороватовский — первые издатели сочинений Горького (*Горький М.* Очерки и рассказы. Т. I—III, 1898—1899).

¹⁵ Богучарский (наст. фам. Яковлев) Василий Яковлевич (1861—1915, литературный псевдоним: Б. Базилиевский) — писатель, историк революционного движения в России, в 1906—1909 гг. вместе с В. Л. Бурцевым и П. Е. Щеголевым редактировал исторический журнал «Былое» (1906—1907, № 22).

¹⁶ Имеется в виду издательство «Шиповник», организованное в Петербурге С. Ю. Копельманом и З. И. Гржебиным. Издательство просуществовало с 1906 по 1918 гг. Выпускало преимущественно произведения писателей-символистов и сочинения философов-идеалистов. Альманахи «Шиповника» были созданы в противовес сборникам издательства «Знание». В 1907—1909 гг. выходили под редакцией Л. Андреева.

¹⁷ Вероятно, Красин намекает на возможность применения к издательству «Знание» финансовых санкций: обращения в суд с опротестованием векселей и проч. (см. п. И. П. Ладыжникову от 15 (28) марта 1907 г. // *Горький. Письма.* Т. 7. С. 36 и 327).

¹⁸ «Колокол» — общественная, церковная, политическая и литературная газета. Выходила в Петербурге с 1905 по 1917 г. С № 295 стала называться «Церковно-народная газета», редактор В. Г. Сенатов (до № 36 редактор А. И. Платонов).

¹⁹ «Молот» — см. примеч. 8 к п. 6.

²⁰ Глаголев (Глаголин) Николай Матвеевич (1880—?), издатель. В издательстве Н. Глаголева публиковались, в основном, книги французского философа Ж. Э. Рена на под общим названием «История первых веков христианства» (СПб., 1907). Затем — польского этнографа и писателя В. Л. Серошевского. В мае 1908 г. Н. Глаголев предложил Пятницкому купить свое издательство (*Горький. Письма.* Т. 6. С. 515).

²¹ К. П. Пятницкий находился в Италии (путешествовал и жил на о. Капри) с 16 (29) декабря 1906 г. до 21 октября (3 ноября) 1907 г.

7.

Печатается по А (АГ. ПГ-рл-21-8-3).

Впервые: Горький. *Письма.* Т. 6. С. 14—15.

Датируется предположительно по сопоставлению с предыдущим письмом Л. Б. Красина от ноября—декабря 1906 г. и по времени выхода в свет *Сб. Зн.* 15, упомянутого в нем.

¹ Горький имеет в виду свое участие в конфликтах, возникавших между ним как автором, фирмой «Мархлевский и К^о» и Парвусом; между Ладыжниковым, представляющим авторские права писателя за рубежом, Л. В. Собиновым, переводчицей пьесы «Дети солнца» на итальянский язык г-жой Шретер и издателем Чезаре Кастелли, а также свой конфликт с американским газетным магнатом Жерстом, едва не приведший к судебному разбирательству и ряд других эпизодов (см.: Горький. *Письма.* Т. 2—5).

² Горький полагал неудобным использование типографии Красина, в ущерб имевшихся у издательства «Знания» многолетних договоренностей со своими деловыми партнерами — петербургскими типографиями.

³ См. примеч. 10 к п. 6.

⁴ Взаимоотношения Горького и К. П. Пятницкого были сложными, однако в период 1905—1907 гг. еще можно говорить о благополучном деловом партнерстве и дружеском взаимопонимании. Оценка Пятницкого, данная Горьким в письме к нему от 17 (30) августа 1906 г., особенно созвучна характеристике из комментируемого письма: «Знаете что? Ваш главный недостаток, источник Ваших больших мук — Ваше достоинство, добросовестность. Вы фанатически справедливы к людям, а это всегда приводит к тому, что человек начинает относиться несправедливо к себе и забывает себя в угол. Перед кем можно посторониться и ради кого? Я оставлю все это. Ибо уверен — не дойдет Вам до сердца, — Вы не допустите» (Горький. *Письма*. Т. 5. С. 205—206). Так же охарактеризовал писатель Пятницкого и в письме Е. П. Пешковой от 24 января (6 февраля) 1907 г.: «К. П. — повторяю — лучший человек из всех, кого знаю я. Ты можешь говорить с ним, как сама с собой. Удивительно честный он» (Там же. Т. 6. С. 10).

⁵ Горький, очевидно, имеет в виду согласие К. П. Пятницкого выпустить в издательстве «Знание» серию «Дешевая библиотека» (см. примеч. 10 к п. 6). Это начинание осуществлялось по инициативе ЦК РСДРП(б) при активном участии Горького и, как принято считать, на его средства (см.: *Пятницкий К. П. Договор между ЦК большевиков и товариществом «Знание» // АГ. МоГ 11-8-10*). 15 ноября 1905 г. объявление о выпуске «партийной социал-демократической литературы» в серии «Дешевая библиотека» поместила большевистская газета «Новая жизнь» (№ 13). Непосредственное участие в редактировании этой серии приняли В. И. Ленин, Л. Б. Красин, П. П. Румянцев, В. В. Воровский, М. С. Ольминский, А. В. Луначарский и др. Серия считалась партийным изданием (см.: Горький. *Письма*. Т. 5. С. 403).

8.

Печатается по А (АГ. КГ-од-1-14-7), впервые.
Год установлен по содержанию (см. примеч. 1).

¹ 9 марта 1908 г. Красина арестовали в Финляндии и передали в распоряжение начальника С.-Петербургского Охранного Отделения для привлечения в качестве обвиняемого по делу о С.-Петербургском Комитете РСДРП. Однако привлечение его к формальному дознанию в порядке 1035 статьи Уст. Угол. Судопроизводства не состоялось ввиду отсутствия улик. Освободившись из тюрьмы, Красин выехал за границу по делам ЦК РСДРП и заграничного БЦ (Большевистского Центра). Красин находился в тюрьме с 9 марта 1908 г. по 9 апреля 1908 г. Из Петербурга через Гельсингфорс выехал в Берлин около 14 мая 1908 г. (*Большевики*. С. 289—290).

² На V съезде РСДРП в Лондоне (1907) Красин был избран кандидатом в члены ЦК РСДРП, а также вошел в финансовую комиссию ЦК и в Большевистский центр; кроме того его избрали казначеем фракции, в должности которого он пробыл до августа 1908 г. Поэтому, Красин должен был участвовать в собраниях БЦ в Женеве, и позже — в начавшихся там же, в Женеве, 24 августа 1908 г. пленарных заседаниях ЦК РСДРП. В Париж Красин ездил на «третейский суд», устроенный им 16 мая 1908 г. для разрешения спора о наследстве Н. Шмита (см. примеч. 3 наст. п.).

³ Имеются в виду подробности судебного разбирательства по делу о наследстве Николая Павловича Шмита, 23-летнего фабриканта, владельца лучшей в России московской мебельной фабрики, расположенной на Нижней Прудовой улице в районе Пресни. Н. П. Шмит был сыном дочери Викулы Елисеевича Морозова, членом династии Морозовых, племянником Саввы Морозова, который и познакомил Горького с Н. Шмитом. Через Горького Шмит начал помогать большевикам: давал деньги на газету «Новая жизнь» и оружие. Полиция называла фабрику Шмита «чертовым гнездом». После декабрьского вооруженного восстания, в котором активное участие принимал сам Шмит и вооруженные им отряды фабричных рабочих, он был арестован. А. И. Рыков, познакомившийся с семьей Шмитов в 1905—1906 годах, описал события вооруженного восстания в своих воспоминаниях, опубликованных в 1918 г.: «Шмит <...> все состояние передал партии. Он был одной из самых интересных фигур того времени <...>. Он, начиная с 1905 года, все время оказывал всяческое содействие нашей партии <...> Благодаря участию, главным образом, рабочих его фабрики, произошли во время декабрьского восстания 1905 г. известные события на Пресне <...>. И до сих пор остается невыясненным вопрос, покончил ли он жизнь самоубийством в Бутырской тюрьме или же был убит наемным убийцей. В последние дни в тюрьме, до отправления меня этапом в Архангельскую губернию, ему было предложено освобождение на поруки, но через пять дней после этого предложения он был найден мертвым в одной из башен Бутырской тюрьмы» (Известия, 1918. 2 октября). Н. К. Крупская писала, что Шмита «зарезали» в тюрьме, но «перед смертью он сумел передать на волю, что завещает свое имущество большевикам».

По свидетельству Горького и М. А. Михайлова, незадолго до ареста, около середины декабря 1905 г., Н. П. Шмит высказал намерение передать свое состояние большевикам (АГ. КГ-од-1-22-2 и 3). В. Валентинов писал: «Шмит никаким физическим пыткам не подвергался. Охранка никогда бы не посмела применить к нему, члену фамилии Морозовых, приемов, ставших вещью нормальной и обычной в практике ГПУ и НКВД. Жандармский офицер из Московского охранного отделения, ведавший делом Шмита, “обработал” его другим способом <...>. Он вел с ним “сердечные” разговоры как бы тайком, без всякой протокольной записи <...>. Обстановка, в которой проходили “сердечные беседы”, походила более на отдельный кабинет ресторана (стол с различными яствами и напитками), чем на камеру допроса. Наивный, не умеющий лгать Шмит <...> однажды назвал фамилии рабочих, получивших через него оружие, назвал и других лиц, говорил о Савве Морозове и его субсидиях революции» (Малознакомый Ленин. Париж, 1972. С. 109—110). Ю. Фельштинский считает, что «такой Шмит большевикам был не просто бесполезен, но и опасен. Как и Морозова, Шмита убили, а оставшееся после него завещание принесло в кассу большевиков куда больше, чем морозовское. За эти деньги, однако, пришлось побороться, и сам факт этой борьбы также говорит в пользу версии об убийстве Шмита» (Фельштинский. С. 42).

Борьба за наследство Шмита проводилась в два этапа. Прежде всего, надо было решить вопрос с прямыми наследниками состояния Н. Шмита. У него были две сестры (совершеннолетняя Екатерина и несовершеннолетняя Елизавета) и 15-летний брат. Чтобы получить наследство, Ленину и Красину нужно было добиться отказа всех троих наследников от денег. Это было достигнуто при помощи большевиков В. К. Таратуты («Виктор») и Н. А. Андриканиса. Таратута, бежавший из ссылки через Кавказ, появился в Москве в ноябре 1905 г. и стал секретарем Московской организации большевиков, заведующим партийной кассой и издательством. Вероятно, желание завещать свое состояние партии Н. Шмит высказывал

неоднократно и до декабрьских событий, поскольку Таратута тут же начал ухаживать за младшей сестрой Шмита — Елизаветой, как потом оказалось, с явной целью подстраховать получение наследства Большевицским центром. Личность Таратуты загадочна. Начиная с 1906 г. про него ходили слухи, что он — сотрудник Охранки. Однако это не было точно установлено. Карьера Таратуты стремительно шла вверх: «Весной 1907 г., по распоряжению Ленина, на партийном съезде в Лондоне, Таратуту избрали членом Большевицкого центра и кандидатом в общепартийный ЦК.

Особое покровительство Ленина диктовалось именно тем обстоятельством, что через Таратуту Ленин планировал получить наследство Шмита. Впервые за историю социал-демократической партии кандидатом в ЦК избирался человек, заподозренный в связях с полицией. Понятно, что кандидатура Таратуты вызывала возражения, но Ленин сумел настоять на своем» (Там же. С. 43). Примерно в это же время Ленин в разговоре с Н. А. Рожковым по поводу Таратуты дал ему такую характеристику: «Тем-то и хорош, что ни перед чем не остановится. Вот, вы, скажите прямо, <...> могли бы за деньги пойти на содержание к богатой купчихе? Нет? И я не пошел бы, не мог бы себя пересилить. А Виктор пошел... Это человек незаменимый», и далее — «Партия — не пансион для благородных девиц». «Иной мерзавец может быть для нас именно тем и полезен, что он — мерзавец» (*Войтинский В.* Годы побед и поражений. Берлин, 1924. Т. 2. С. 103). Таким образом, Елизавета Шмит была «под присмотром».

О том, как удалось заставить отказаться от наследства младшего брата Шмита, рассказал С. П. Шестернин, старый социал-демократ из Иваново-Вознесенска, участвовавший в деле получения наследства Шмита и вывоза денег за границу. По его воспоминаниям, на первой же встрече представителей БЦ (Ленина, Красина и Таратуты) с братом Шмита и его адвокатами весной 1907 г. в Выборге Таратута «резким металлическим голосом» заявил: «Кто будет задерживать деньги, того мы устраним». Ленин «дернул Таратуту за рукав», а среди петербургских адвокатов молодого Шмита «произошло какое-то замешательство». Через несколько дней после этой встречи адвокаты сообщили, что брат Шмита от своих прав на наследство отказывается в пользу двух своих сестер (*Шестернин С. П.* Реализация наследства Н. П. Шмита и мои встречи с Лениным // *Старый большевик.* 1933. Т. 5 (8). С. 153). Оставалась одна старшая сестра Екатерина. На ней, в 1907 г. по поручению партии, женился молодой социал-демократ, помощник присяжного поверенного Андриканис и, таким образом, включился в хлопоты по «реализации» наследства. Однако, оказавшись в Париже, Андриканис раздумал отдать в партийную кассу принадлежавшие ему по закону деньги. Тогда Таратута пригрозил убить обеих сестер и самого Андриканиса, если тот не отдаст деньги большевикам. Андриканис обратился в ЦК. Был назначен для разбирательства «третьей суд». В январе 1908 г. Богданов просил Горького выступить судьей в суде. Горький отказался (см.: Горький. *Письма.* Т. 6, п. 193 и примеч.).

⁴ Согласно записи от 26 июня 1908 г. в дневнике гостившего на Капри писателя С. С. Кондурушкина, Красин появился у Горького вечером этого дня: «...Вечером приехал какой-то соц<иал>-демократ Леонид Борис<ович> (Николаевич?)» (*ЛН.* Т. 95. С. 989).

9.

Печатается по А (АГ. КГ-од-1-14-8), впервые.
Год установлен по содержанию.

¹ Красин должен был возвратиться в Женеву к 24 августа 1908 г., так как начинались пленарные заседания ЦК РСДРП.

² Представить себе «безмятежное житие» на Капри дает возможность дневник писателя С. Кондурушкина: «Горький устроил рыбную ловлю. Уехали на целый день. Рыбаки закинули для нас с утра 10 переметов, — корзины для раков. Поехала вся дом<ашняя> прислуга. В гроте завтракали и обедали. На переметы попала молодая акула, звезды, кораллы. Последние — мне. <...> Ночью ловили тотров. Тихое море. Горы точно застывшие фонтаны воды. Дивная ночь» (*ЛН*. Т. 95. С. 990). Однако, главной причиной визита Красина на Капри были обстоятельства, связанные с делом о наследстве Н. П. Шмита. Впоследствии, в течение 1908 г. Красин не раз навещал Горького и Богданова на Капри (*Красин Л. Б. Годы подполья*. С. 166—168, 246—247; *Крупская Н. К. Воспоминания о Ленине*. М., 1957. С. 149—150; *Лядов М. Н. Леонид Борисович Красин / Пролетарская революция*. 1926. № 11. С. 11—12).

³ Речь идет о дышащем серой подземном вулкане Сольфотара, расположенном в приморском городке Поццуоли, отдаленном от Неаполя на 15 км. На краю его кратера, несмотря на удушливый запах, местные женщины и ребятишки для забавы туристов пекли и продавали яйца (*Быковцева Л. П. Горький в Италии*. М., 1979. С. 159).

⁴ После ареста 9 марта 1908 г. и месячного пребывания в Выборгской тюрьме состояние здоровья Красина ухудшилось. Сказалась и напряженная работа. Он чувствовал слабость, жаловался на боли в сердце. О'Коннор по этому поводу пишет: «После всестороннего обследования бернские врачи обнаружили у него болезнь желудка. Они посоветовали ему совершать регулярный моцион и придерживаться вегетарианской диеты. К концу 1908 г., когда в Берлин прибыла его семья, здоровье Красина поправилось» (с. 103).

⁵ Лушникова (урожд. Красина) Софья Борисовна — родная сестра Л. Б. Красина.

⁶ Речь идет о «третьейском» партийном суде над Н. А. Андриканисом, помощником присяжного поверенного, членом московской организации РСДРП, мужем старшей сестры Н. П. Шмита — Екатерины, который отказался отдать в партийную кассу большевиков часть принадлежащего его жене наследства фабрикантов Шмитов. «Третьейское» разбирательство началось 17 декабря 1907 г. (н. ст.) и продолжалось полгода. Оно должно было возобновиться 31 мая — 1, 4—7 июня (н. ст.) 1908 г. в Париже, так как Андриканис и Екатерина Шмит теперь жили там. Красин как казначей фракций РСДРП имел по поводу «третьейского суда» партийное поручение от В. И. Ленина (см. примеч. 3 к п. 8).

Согласно донесениям агента Московского Охранного Отделения (дело № 839 за 1905 г.) от 13 июня 1908 г.: «Об этих (Шмита. — *Ред.*) деньгах идут нескончаемые споры и раздоры между большевиками и меньшевиками. <...> Происходившее на днях в Париже рассмотрение означенного спора закончилось мирным решением — поделить пополам между Большевистским центром и наследницей часть, причитающуюся по завещанию Екатерине Шмит и составляющую сумму в 170.000 р. Следующие, таким образом, «большевикам» с Екатерины Шмит 85 тыс. руб. будут ею отданы «наличными» в 3 срока: в конце мая — 20 тыс. руб., через полмесяца — 30 тыс. руб. и остальные — в октябре или ноябре месяце <1908 г.>».

Цифры Красина и даты выплат расходятся со сведениями «охранки», — одна его опасения по поводу учреждения опеки справедливы — младшей сестре, Елизавете Шмит, в это время было 18—19 лет, и она не могла самостоятельно распоряжаться наследством (*Большевики*. С. 174).

⁷ Малайтович П. Н. был «посредником в этом деле, по поручению обеих сторон». Избрали его представители большевистской фракции СДРП для участия в «третейском» партийном суде (Там же. С. 174).

⁸ Н. П. Шмит, умерший в тюрьме, располагал капиталом около 500.000 р. от деда В. Е. Морозова (Там же. С. 174).

⁹ Гражданский брак между Елизаветой Шмит и Таратутой не мог служить основанием для передачи денег невесты в кассу большевиков. Необходимо было вступить в церковный брак с человеком, не находящимся под надзором полиции. Только после этого можно было рассчитывать на пополнение партийной кассы за счет наследства невесты.

¹⁰ Кониц Хенрик (1860—1934), адвокат, член коллегии адвокатов, представитель польской социал-демократической партии. Здесь он упоминается в связи с «третейским судом» по делу о наследстве Н. Шмита, речь может идти о трудностях с финансированием партии, приведших к расколу БЦ. Известно, что после тифлисского «экса» ЦК РСДРП, резко выступавшее против их проведения, начало расследование, которое вновь активизировалось после неудачного обмена 500-рублевых купюр, предпринятого Литвиновым (Валлахом). Как вспоминает Богданов, «следствие это велось комиссией, состоявшей из большевика, меньшевика, бундовца, латыша и поляка»: «Подкладка дела была более или менее ясна для всех членов Комиссии; но Валлах взял всю ответственность на себя, и добраться до лиц, поручивших ему дело (размен денег. — *Ред.*), комиссия не могла, большевик и латыш тормовили работу комиссии, бундовец и меньшевик, по фракционным, как и те, мотивам старались разоблачить дело (экспроприацию и ее организаторов. — *Ред.*); все зависело от поляка. Но польское “Главное правление” получало субсидию от БЦ, размером от 250 до 150 руб. в месяц; размеры субсидии колебались в зависимости от соответствия политики польского центра с политикой БЦ» (*Неизвестный Богданов*. Кн. 2. С. 105—106). Возможно эти обстоятельства и являлись почвой для «штуки» Кониса, поскольку меньшевики оспаривали через «третейский суд» деньги Шмита так же, как они оспаривали свою долю от тифлисского «экса» (размен 500-рублевых), проводя следствие через специально созданную Комиссию ЦК. Таким образом большевики могли лишиться двух источников дохода, если ЦК и «третейский» суд признал бы эти источники морально нечистоплотными и осудил бы использование полученных таким способом денег.

¹¹ Н. Е. Буренин имел в виду Игнатьева Александра Михайловича (1879—1936), участника революционного движения, изобретателя, основоположника русской бионики. Он, впоследствии, и стал «мужем» Елизаветы Шмит.

¹² Герман Федорович — один из псевдонимов Н. Е. Буренина.

¹³ Речь идет о враче Якове Абрамовиче Житомирском (парт. псевд. «Отцов»; охранный кличка «Обухов», «Ростовцев», «Андрэ» и «Додэ»). Он являлся секретным сотрудником департамента полиции и охранных отделений с 1902 г., работавшим в партии социал-демократов. Жил в Париже. По свидетельству А. А. Богданова, был «специалистом по паспортному делу и транспорту» (Отчет А. А. Богданова о деятельности частной Финансовой группы большевиков // *Неизвестный Богданов*. Кн. 2. С. 102). Протоколы Московского Охранного Отделения свидетельствуют, что в 1907 г. Житомирский «присутствовал в Лондоне на V съезде РСДРП. В августе 1908 г. участвовал на происходящих в Женеве пленарных заседаниях ЦК РСДРП, а в декабре этого же года — на общерусской конференции РСДРП, проходившей в Париже»: «Ныне <в 1909 г.> Житомирский входит в состав “Заграничного Бюро”, находящегося в Женеве, а также состоит членом недавно сформированной Заграничной Агентуры Центрального Комитета РСДРП» (*Большевики*. С. 285).

Вместе с Житомирским подозревался «Виктор» (Таратута), однако Житомирский был раскрыт, а Таратуте удалось оправдаться.

Вторым провокатором был Берк Батушанский — владелец квартиры, где проводилось одно из собраний по делу (Там же. С. 102—103).

¹⁴ Речь идет о деньгах (100 000 руб.) в крупных купюрах по 500 рублей (из 250 тыс. руб., доставленных С. А. Петросьяном-Камо после экспроприации на Эриванской площади в Тифлисе 25 июня 1907 г. прямо в штаб-квартиру Большевицкого центра в Куоккале (Финляндия)). Номера этих банкнот царское правительство сообщило во все банки. Большевики переправили деньги за рубеж и попытались произвести обмен одновременно в Париже, Женеве, Стокгольме, Мюнхене и др. городах. Однако все явившиеся в банки для размена, были схвачены. Среди арестованных были известные революционеры, в частности М. М. Литвинов, Н. Александров (Н. А. Семашко) и др. В руках у западноевропейской полиции оказалось в общей сложности 50 пятисотрублевых билетов, и иностранная пресса теперь открыто писала о том, что тифлисская экспроприация была организована и осуществлена большевиками. Причина провала размена пятисотрублевок разъяснилась лишь после революции. Среди привлеченных к разработке плана по размену денег, действительно, был большевик Я. А. Житомирский, оказавшийся агентом охраны.

¹⁵ Тихонов (псевд. Серебров) Александр Николаевич — литератор, издательский работник, друг и помощник Горького. В то время — горный инженер, стипендиат Саввы Морозова. Горький познакомился с ним, приблизительно, в 1904 году через С. Т. Морозова, который устроил Тихонова на работу в Москве. Сочувствовал социал-демократическому движению.

¹⁶ Крупская Надежда Константиновна.

¹⁷ Вероятно, имеется в виду Катя Желябужская, дочь М. Ф. Андреевой.

10.

Печатается по А (АГ. КГ-од-1-14-9), впервые.

¹ См. примеч. 10 к п. 9. Имеются в виду дела по наследству Екатерины Шмит.

² См. примеч. 6 к п. 9.

³ В результате судебных разбирательств в России и заседаний «третейского» суда в Париже было достигнуто соглашение о передаче большевикам доли Елизаветы Шмит — полностью, а из доли Екатерины Андриканис — одну треть. В Протоколе передачи части наследства Н. П. Шмита Большевицкому центру от 8 (21) февраля 1909 г. «указывается размер доли Елизаветы Шмит. По закону доля включала восемьдесят три (83) акции т<оварищества> (NN) и приблизительно сорок семь (47) тысяч рублей наличным капиталом». Здесь же пересказываются слова Елизаветы Николаевны: «<...> выполняя наиболее правильно волю покойного брата своего, она считает себя нравственно обязанной передать БЦ переходящее по закону к ней имущество ее брата» (*Ленин В. И. Неизвестные документы: 1918—1920. М., 1999. С. 31—32*).

⁴ Буренин Н. Е.

⁵ Речь идет о семейных «тревогах и заботах». Катя и Юра Желябужские все лето жили на Капри.

⁶ В Британском музее до 1965 г. не существовал славянский (или русский) отдел. Обычно музей приглашал на службу отдельных специалистов для консультаций по тому или иному периоду славянской истории и культуры. Так, в 1900—1903 гг. в

Британском музее в этом качестве работал Лесли Кэлдрон. Затем, спустя несколько лет, Лоуренс Тэйлор и Роберт Несбиф Бейн (1909—1910). Их сменил Леонард Вэлтон (1910—1919), его — Роберт Хорн (1920) (*History of The British Museum (1753—1973)*, L., 1998). Факт работы Воровского (Орловского) в Британском музее не установлен. Очевидно, речь идет о неудавшемся проекте.

⁷ Воровский Вацлав Вацлавович (литерат. псевдоним — Орловский; другие псевдонимы: Ю. Адамович, Шварц, Фавн, П. Ор-ский, Г. О., 1871—1923), революционер-большевик, литератор, советский дипломат. С апреля 1907 г. жил в Одессе, руководил там работой городской большевистской организации и участвовал как сотрудник и член редакции в некоторых одесских газетах («Южное обозрение», «Одесские новости», «Ясная заря»). Арестован полицией 15 июля 1910 г. в Одессе. О конспиративной партийной деятельности Воровского в 1907—1910 гг. почти ничего не известно.

⁸ Шкловский (псевд. — Дионео) Исаак Владимирович (Вульфович) (1865—1935), писатель, критик, публицист. С лета 1896 г. жил в Англии в качестве лондонского корреспондента газеты «Русские ведомости» и журнала «Русское богатство».

⁹ Литвинов (наст. фам., имя, отчество — Валлах Меер (Макс) Генох Мовшеев (Моисеев)), Максим Максимович (1876—1951), видный большевистский деятель, дипломат.

¹⁰ 4 января 1908 г. Литвинов был задержан в Париже по настоянию Департамента полиции. При обыске у него обнаружили 12 пятисотрублевых кредитных билетов из числа похищенных во время экспроприации в Тифлисе (см. примеч. 15 к п. 9). Русские судебные власти предъявили Литвинову обвинение и потребовали его ареста. Однако, французское правительство лишь выслало Литвинова в Англию, в Лондон, где он и находился в течение десяти лет, ведя борьбу за обеспечение большевистского влияния на русскую эмиграцию в Англии и руководя, по указаниям Ленина, местной группой большевиков (*Большевики*. С. 279).

¹¹ Горький.

¹² Вероятно, «Гаррисон» — «легальная» фамилия Литвинова для заграничного паспорта.

¹³ Речь идет о партийной комиссии, созданной меньшевистским ЦК РСДРП, которая вела следствие по делу о тифлисской экспроприации и размене 500-рублевых купюр за границей. Деятельность комиссии носила сепаратистский характер и была направлена на раскол БЦ и борьбу за контроль над финансами партии. Литвинов находился под следствием комиссии ЦК (см. примеч. 10 к п. 9).

¹⁴ Буренин Н. Е.

¹⁵ Малиновская (урожд. Корсак) Наталья Богдановна (1865—1945), жена А. А. Богданова.

¹⁶ Лето 1908 г. Ленин провел в Лондоне, торопясь к осени 1908 г. закончить большую работу по философии «Материализм и эмпириокритицизм» (легально вышла в свет в 1909 г.). В этой книге он резко критиковал «буржуазных фальсификаторов марксизма» (А. А. Богданова, В. А. Базарова и др.) и одновременно «раскрывал ошибки Плеханова в области философии». Над «Материализмом и эмпириокритицизмом» Ленин напряженно работал в лучшей, тогда, библиотеке Британского музея, протудировав свыше 200 авторов по философии.

¹⁷ Речь идет о предположительном выходе А. А. Богданова из состава редколлегии центрального органа большевиков — газеты «Пролетарий». Конфликт между Лениным и Богдановым обострился в июне 1907 г., на 2-й общероссийской конференции (в Выборге), где Богданов, выступая в качестве докладчика от большинства большевистской фракции конференции (разошедшейся с Лениным), отстаивал

тактику бойкота III Государственной думы. Позднее, настаивавшая на тактике бойкота и на иной общей оценке ситуации в стране, часть большевиков образовала обособленную группу «ультиматистов» или «отзовистов» (Красин называет их «бойкотистами»). Ленин же ужесточил и обострил тактику большевиков, провозгласив новый период борьбы партии за власть, вызванный реакцией в России. Богданов, таким образом, оказался в числе оппонентов. Красин в этих вопросах тоже расходился с Лениным и являлся сторонником бойкота выборов во II и III Государственную думу, а в октябре 1908 г. выступал за предъявление ультиматума социал-демократической фракции Думы и даже отзыв ее. В 1909 г., по косвенным данным, Красин участвовал в организации и работе Каприйской партийной школы.

¹⁸ О ком идет речь, установить не удалось.

¹⁹ Кармелла — горничная в доме Горького и М. Ф. Андреевой на Капри.

²⁰ Катальдо — повар в доме Горького на Капри.

²¹ Беттино — вероятно, Бертино Спадаро — житель о. Капри, близкий друг семьи Горького.

²² Луиджи — возможно, один из каприйских рыбаков.

²³ Эмигрировав из России после ареста 9 марта 1908 г. в Куоккале, Красин, выплыв разъездные партийные задания, обосновался в Берлине.

«ЖИВУ В ДУШЕВНОМ ПРОТИВОРЕЧИИ С САМИМ СОБОЙ...»

ПИСЬМА ГОРЬКОГО Е. П. ПЕШКОВОЙ

*Вступительная статья, подготовка текста и примечания
Л. А. Спиридоновой*

Переписка Горького с Пешковой (1878—1965) началась в 1895 г., когда Екатерина Павловна была еще невестой писателя. Они познакомились в редакции «Самарской газеты», где он работал фельетонистом, а она — корректором. 30 августа 1896 г. они обвенчались, а в конце 1903 г. разошлись, но на всю жизнь остались друзьями. 12 октября 1897 г. Горький писал Екатерине Павловне: «Я люблю тебя не только как мужчина, как муж, люблю и как друг, может быть, больше как друг»¹. Переписка писателя с женой велась около сорока лет и насчитывает более тысячи документов. Она уникальна и по объему, и по содержанию. В этих письмах с наибольшей полнотой раскрывается личность Горького, мыслителя, художника, общественного деятеля. Доверяя близкому человеку самые сокровенные мысли о себе и мире, он писал откровенно и искренне, не думая, что когда-нибудь эти строки будут опубликованы.

Письма Горького Е. П. Пешковой были напечатаны в 1955 г. и 1966 г. в пятом и девятом томах «Архива А. М. Горького», но далеко не все и не полностью. Принимая активное участие в подготовке томов, Екатерина Павловна запретила печатать некоторые личные строки, в том числе слова «Обнимаю», «Целую». Не обошлось и без цензуры: из писем даже в научных изданиях исчезли все отрицательные отзывы о вождях Октябрьской революции, не совпадающие с общепризнанными оценки исторических событий. В 1986 г. в двухтомнике «Переписка М. Горького» впервые были опубликованы несколько писем Пешковой и восстановлены некоторые купюры. Но только в процессе подготовки второй серии Полного собрания сочинений Горького («Письма») обнаружилось, что в огромном массиве переписки есть неопубликованные документы, долгие годы находившиеся в особом хранении Архива А. М. Горького.

Это прежде всего письма 1917—1919 годов, написанные в наиболее сложный период духовной эволюции Горького. Как многие русские интеллигенты, он восторженно встретил Февральскую революцию. «Русский на-

род обвенчался со Свободой», — с пафосом заявил он в четвертом «Письме к читателю»². Горькому казалось, что в России наступила эра демократии, и страна, веками находившаяся под гнетом самодержавия, наконец, начнет развиваться как парламентская республика. После отречения Николая II от власти писатель со свойственной ему политической наивностью полагал, что теперь народная масса «сама будет выбирать и ставить министров», а Учредительное собрание «найдет, как надо управлять Русью с большей для нее пользой»³.

Казалось бы, для Горького настала пора осуществить давние мечты о культурном прогрессе и духовном развитии человека в России. Еще в 1910-х гг. он пытался создать энциклопедию для народа, написать историю освободительного движения, увековечить память борцов за свободу, наладить пропаганду научных знаний в широких массах. Но все эти проекты оставались нереализованными. Не удивительно, что с первых же дней после Февральской революции писатель энергично взялся за дело. Он выступал в Петроградском Совете рабочих депутатов, присутствовал на заседаниях Государственной думы, слушал речи А. Ф. Керенского, М. В. Родзянко и других политических деятелей. Со слезами на глазах он наблюдал за вооруженными солдатами и матросами с красными ленточками на штыках. Е. Зозуля вспоминал встречу с ним, возбужденным и встревоженным, на ступеньках Таврического дворца. «...я помню лицо Горького в это солнечное утро, в этой незабываемой обстановке: <...> оно было очень взволнованное, но в то же время энергичное, ясное, главное, деловитое. Он говорил группе окруживших его людей, что радоваться и ликовать можно и нужно, но надо закрепить победу. Надо позаботиться об этом. Жизнь не так проста, предстоит чрезвычайно много трудного, серьезного и, может быть, кровавого»⁴.

4 марта 1917 г. на квартире писателя состоялось совещание деятелей культуры, на котором было решено создать Комиссию по делам искусств во главе с Горьким. 5 марта по его инициативе был составлен проект этой организации, а 6 марта подписано обращение к Временному правительству об охране памятников старины и художественных ценностей. Горький вошел в состав этой комиссии. 12 марта он выступил с речью на митинге работников искусств в Михайловском театре, 13 марта был назначен председателем Художественной комиссии при исполкоме Совета рабочих и солдатских депутатов. В марте 1917 г. он выступил инициатором создания «Свободной ассоциации для развития и распространения положительных наук», а вскоре начал хлопотать об открытии «Дома-музея памяти борцов за свободу» (впоследствии — Музей революции), разрабатывать программу охраны здоровья детей для «Лиги социального воспитания» (открыта 4 (17) июня 1917 г.). Вместе с М. Ф. Андреевой Горький активно занимался становлением народных театров и Народного Дома в Петрограде.

Все это свидетельствовало о намерении писателя тесно сотрудничать с Временным правительством, помогая «постройке нового русского государственного здания»⁵. Однако вскоре Горький расстался с иллюзиями. Будучи пацифистом, он надеялся, что прекратится кровавая бойня на полях Первой мировой войны. Этого не произошло, и писатель все более резко высказывается о положении в стране, не смыкаясь, однако, с ленинцами, а во многом полемизируя с ними. Уже во второй половине марта в его письмах проскальзывают нотки разочарования в политике власти. «Конечно — свобода слова, но — все-таки на некоторые темы нельзя писать. Работать больше, чем при старом строе. Иллюзий не имею. Очень сложно все...», — жалуется он Е. П. Пешковой 17 марта. А 19 марта признается, что разочаровался в политике и в существующих партиях. «Теперь я сам составляю партию, но не знаю, как ее назвать. В этой партии один член — я», — пишет Горький⁶.

В марте 1917 г. не только Горький испытывал разочарование. Приехавший в Петроград А. И. Деникин не обнаружил в обществе никаких восторженных настроений. Он вспоминал: «Искусственный подъем, бодрящая, взвинчивающая настроение опостылевшая, вероятно, самому себе фраза и... тревога, глубокая тревога в сердце. И никакой практической работы: министры по существу не имели ни времени, ни возможности хоть несколько сосредоточиться и заняться текущими делами своих ведомств, и заведенная бюрократическая машина, скрипя и хромя, продолжала кое-как работать старыми частями и с новым приводом...»⁷. Это удручало Горького, все еще верившего в возможность обновления строя.

В эти дни он все больше начинает понимать, что его надежды на демократизацию страны иллюзорны. Романтическая мечта Горького о справедливом обществе будущего без лжи и насилия, без классовых и групповых столкновений не осуществлялась. Писатель верил, что непременным условием обновления России должна быть духовная революция. Проповедуя культ разума, он считал наиважнейшей задачей революции просвещение и образование народа. И хотя категория свободы личности для Горького неизменно связывалась с кардинальным изменением социального строя, он верил, что именно революция создаст все условия для духовного расцвета человека.

Однако Временное правительство не ставило перед собой таких задач и не торопилось менять старые порядки. Не случайно написанная Горьким речь, предназначенная для митинга на Марсовом поле 23 марта в день похорон жертв революции, не была произнесена. В ней прозвучало бы слишком много резких слов в адрес павшего царизма: «изгнившая монархия», «кровавая власть», «безумная, привыкшая к убийству, сила». Вряд ли она понравилась бы представителям Временного правительства, относившимся к свергнутому царю с величайшим почтением. Судя по воспоминаниям

А. Ф. Керенского, бывшего в те дни министром юстиции, он старательно обеспечивал охрану, покой и безопасность императорской семьи, жившей в Царском Селе под стражей. Он пишет: «Я сам 7 (20) марта в заседании Московского Совета, отвечая на яростные крики: “Смерть царю, казните царя”, сказал: “Этого никогда не будет, пока мы у власти. Временное правительство взяло на себя ответственность за личную безопасность царя и его семьи. Это обязательство мы выполним до конца. Царь с семьей будет отправлен за границу в Англию. Я сам доведу его до Мурманска”»⁸.

Временное правительство, действительно, вело переговоры о выезде царской семьи за границу, и тщательно оберегало ее от гнева народа. А. Ф. Керенский, неоднократно наносивший визиты в Александровский дворец, вскоре стал там желанным гостем. 22 июня (5 июля) 1917 г. Николай II записал в дневнике: «Этот человек положительно на своем месте в нынешнюю минуту, чем больше у него власти, тем лучше»⁹. А императрица Александра Федоровна отозвалась о Керенском так: «Он порядочный человек. С ним можно говорить»¹⁰. «Говорить» в данном случае означало «договориться».

Двойственность политики Временного правительства сказывалась не только по отношению к свергнутой династии Романовых. Эра великого культурного прогресса и духовного обновления нации, о которой мечтал Горький, не наступала. Продолжалась кровопролитная война, ежедневно обходившаяся России в 50 млн. рублей, разрушалась экономика страны, усиливалась разруха на транспорте, назревали топливный и продовольственный кризисы. В этой обстановке либералы и крайние правые сходились на мысли, что нужно сохранить «на всякий случай» свергнутого царя и любой ценой противостоять росту революционных настроений в массах. Все это порождало у Горького чувство тревоги. Вспоминая о встрече с писателем на выставке финского искусства в апреле 1917 г., Д. Бурлюк писал: «Горький был весел, острил, но в этих остротах была некоторая придиричность и желчность»¹¹.

Взгляды Горького в этот период наиболее полно отразились в двух циклах статей — «Революция и культура» и «Несвоевременные мысли», — печатавшихся в газете «Новая жизнь». Эта ежедневная социал-демократическая газета, выходившая с 18 апреля 1917 г., объединяла так называемых «интернационалистов» (Н. Н. Суханов (Гиммер), В. А. Базаров (Руднев), Ст. Вольский (А. В. Соколов), Б. В. Авиллов, В. А. Десницкий (Строев) и др.). По замыслу редакции и самого Горького, газета должна была консолидировать все здоровые силы общества без различия политических пристрастий. Главной задачей мыслилась широкая пропаганда духовных ценностей и национальных культур. Это подразумевало контакт с буржуазным правительством для организации культурного строительства и просвещения народа. Более того, Горький, по свидетельству И. Гронско-

го, стремился в начале 1917 г. «объединить все социал-демократические течения в одну партию, чтобы создать одну социал-демократическую партию»¹².

Позиция «Новой жизни» во многом противостояла политике большевиков-ленинцев, которую Горький в тот момент не понимал и не одобрял. Как известно, вернувшись из-за границы, В. И. Ленин 4 апреля 1917 г. провозгласил задачей момента перерастание буржуазной революции в социалистическую и заявил: «Никакой поддержки Временному правительству»¹³. Для Горького апрельские тезисы Ленина прозвучали как предвестие грядущей гражданской войны. Он считал, что Россия еще не готова к социалистическим преобразованиям, ибо в стране с преобладанием крестьянского населения, недостаточно экономически развитой, должны быть созданы вначале предпосылки таких преобразований. Главнейшим из них писатель мыслил создание культурных кадров, способных взять в свои руки управление страной.

Впоследствии, объясняя свою позицию накануне Октября, Горький писал: «Когда в 17 году Ленин, приехав в Россию, опубликовал свои “тезисы”, я подумал, что этими тезисами он приносит всю ничтожную количественно, героическую качественно рать политически воспитанных рабочих и всю искренно революционную интеллигенцию в жертву русскому крестьянству. Эта единственная в России активная сила будет брошена, как горсть соли, в пресное болото деревни и бесследно растворится, рассосется в ней, ничего не изменив в духе, быте и истории русского народа...»¹⁴.

Фактически позиция Горького, выраженная в «Несвоевременных мыслях», систематически публиковавшихся в газете «Новая жизнь», противостояла большевистским лозунгам: объединение вместо размежевания, попытка сотрудничества с Временным правительством, а не передача всей власти Советам. Стремительное развитие событий в мае—сентябре 1917 г. все больше убеждало Горького, что для социальных и культурных реформ в России еще не наступило время. Он с горечью обнаруживает политическое интриганство октябристов и кадетов, предпочитающих, по его мнению, военный переворот революции.

Опасения Горького подтверждались. 14 марта 1917 г. посол Франции в России М. Палеолог писал: «Около полуночи мне сообщают, что лидеры либеральных партий устроили сегодня вечером тайное совещание, без участия и ведома социалистов, чтобы сговориться насчет будущей формы правления. Они все оказались единодушными в своих заявлениях о том, что монархия должна быть сохранена, но что Николай, ответственный за настоящие несчастья, должен быть принесен в жертву для спасения России»¹⁵.

Горький видел закулисную игру, которую ведут за спиной народа Милюков и Керенский, договариваясь о спасении Романовых. Лидер кадетов Милюков достиг успеха на переговорах с кабинетом Ллойд-Джорджа и

английским послом Бьюкененом о предоставлении крейсера, на котором царская семья уедет в Англию. Одновременно лидер черносотенцев Марков 2-й сообщил Николаю II, что все готово для его побега.

Горького раздражает политика перераспределения власти между львовской и гучковской группами, а также активизация черносотенства, особенно заметная в Москве, где буржуазия объединяется под лозунгом «спасения Отечества». Он пишет Е. П. Пешковой 7 августа: «Здесь духота в прямом и переносном и в несносном смысле. Таковую гадкую политику развели умелые люди, что положительно нечем дышать. А земляки твои, москвичи, еще того хуже действуют, особенно дисконтеры из патриотов или патриоты из дисконтеров»¹⁶. Горький считает, что резкое поправление многих партий, начиная с кадетской, кончая охранительной (ДИСК), превращается в процесс «самоубийства революции, ограничения законных прав демократии»¹⁷.

Слабость Временного правительства, неспособного управлять страной, но желающего вести войну до победного конца, вызвала апрельский кризис. После ноты министра иностранных дел П. Н. Милюкова союзным державам о продолжении военных действий, солдаты и рабочие Петрограда вышли на демонстрацию под лозунгом: «Долой Временное правительство!». Ленин же уверенно заявил на I Всероссийском съезде Советов, что есть партия, которая скажет: «...дайте в наши руки власть, уйдите, мы займем ваше место»¹⁸. Двоевластие, сложившееся в стране летом 1917 г., вскоре кончилось. Июньский и июльский кризисы показали, что народ больше не желает мириться с существующим положением, а лозунги большевиков приобретают настоящую силу. 18 июня в Петрограде на демонстрацию под лозунгом «Вся власть Советам!» вышло уже 500 тысяч человек.

Кризис власти вызвала антинародная политика Временного правительства, однако выступление было стихийным и не управлялось социал-демократами. Большинство членов Петросовета составляли меньшевики и эсеры, предпочитавшие политику соглашения с властью и не решавшиеся взять ее в свои руки. После провала наступления на фронте, давшего десятки тысяч новых жертв, разразился июльский кризис. Измученные трехлетней войной, экономической разрухой и голодом, 3 июля на улицы Петрограда вышли солдаты, рабочие и балтийские моряки. Сдержанность народа уже было невозможно, и большевики, несмотря на запрет Петросовета, решили возглавить демонстрацию, попытавшись придать ей мирный характер.

К июлю 1917 г. по всей стране уже действовала хорошо организованная сеть большевистских ячеек, которые вели работу в войсках. Ф. Ф. Раскольников свидетельствует, что ЦК и ПК РСДРП(б) и Военная организация секции Петросовета приняли решение участвовать в демонстрации, чтобы превратить ее в «широкое и организованное выявление воли всего

рабочего, солдатского и крестьянского Петрограда»¹⁹. 3 июля на улицах столицы появился Первый пулеметный полк и рабочие-путиловцы, что, действительно, было смотром сил революции. Превратить это выступление в мирную, но вооруженную демонстрацию не удалось. На улицах началась стрельба: по приказу главнокомандующего петроградским военным округом по демонстрантам открыли огонь. Если жертвами выступления масс 21 апреля (3 мая) было трое убитых и шесть раненых, то в июле было убито 56 и ранено 650 человек. Правительство объявило Петроград на военном положении и вызвало войска с фронта.

Начались массовые репрессии. 7 июля было отдано распоряжение о расформировании воинских частей, участвовавших в демонстрации, 9 июля начался разгром социал-демократических и большевистских организаций, 12 июля введена смертная казнь на фронте, а 18 июля верховным главнокомандующим русской армии был назначен генерал Л. Г. Корнилов. Все это делалось по инициативе А. Ф. Керенского, который 8 июля сменил Г. Е. Львова на посту главы правительства. 22 июля он отдал приказ о расследовании июльских событий и привлечении к судебной ответственности «за измену и организацию вооруженного восстания» Ленина и других видных социал-демократов. Большевики ушли в подполье и начали готовить вооруженное восстание, Временное правительство сделало ставку на военную диктатуру, а Керенский пообещал раздавить революционное движение «железом и кровью».

В этот период Горький, несмотря на идейные разногласия с большевиками, подвергся такой же травле, как они. Его упрекали в пораженчестве и измене родине, называли в числе «предателей», активно работающих над разрушением России (Ленин, Троцкий, Каменев, Зиновьев, Луначарский и др.). Особенно старался В. Л. Бурцев, печатая в газете «Русская воля» статьи «Или мы, или немцы и те, кто с ними», «Не защищайте М. Горького», «О Ленине и М. Горьком» (№ 159, 161, 178). Горький потребовал от Бурцева опровержения, но в ответ на него обрушился шквал ругани. Его называли немецким шпионом, изменником родины, засыпали письмами с угрозой расправы, присылали веревочные петли и изображения плахи. Он жил «в душевном противоречии с самим собой» и чувствовал себя ярмарочным турком, которого любой может ударить по голове, чтобы испытать свою силу.

6 июля на даче Горького в Мустаяках появился отряд офицеров и юнкеров, которые искали большевиков. А он в это время был занят работой в «Лиге социального воспитания» и ежедневно встречался с десятками людей, ищущих его помощи. Среди них — А. А. Вырубова, освобожденная из заключения в Петропавловской крепости 24 июля. Скрываясь в мансарде на Петроградской стороне, она несколько раз тайком пробиралась на Кронверкский проспект, чтобы побеседовать с Горьким. Можно предполо-

жить, что темой их бесед была судьба Романовых, к этому времени уже высланных в Тобольск. (Известно, что впоследствии Горький спрятал в своей квартире и спас от смерти великого князя Гавриила Константиновича с женой.) Впрочем, Александра Федоровна не одобряла этих визитов. Она писала Вырубовой: «Что ты познакомилась с Горьким — меня так удивило... Ужасный он был, не моральный... Ужасные и противные книги писал. Будь осторожна, дорогая... Берегись, так как он нехороший человек, настоящий большевик»²⁰.

Между тем, «настоящий большевик» все больше расходился со своими единомышленниками. Продолжала разрастаться полемика «Новой жизни» с Лениным, Троцким, Зиновьевым и другими вождями революции. Накануне Октября Горький уже не питал никаких иллюзий относительно общей совместной работы с Временным правительством. 13 октября 1917 г. он писал Е. П. Пешковой о Керенском: «Я не могу узнать его мысли, ибо не пойду к нему ни в каком случае. Он стал капризен, как Бог, и — слишком, говорят, хорош с авантюристами»²¹. Но и с большевиками контакты не складывались. В дни июньского и июльского кризисов Горький убедился, что любое народное выступление используют в своих целях тайные силы, управляющие событиями. Поэтому, узнав о готовящемся вооруженном восстании большевиков, он опубликовал 18 октября 1917 г. в «Новой жизни» (№ 156) воззвание «Нельзя молчать!» В нем говорилось: «На улицу выползет неорганизованная толпа, плохо понимающая, чего она хочет, и, прикрываясь ею, авантюристы, воры, профессиональные убийцы начнут “творить историю русской революции”».

Такой вывод писатель сделал, наблюдая за событиями в июне—июле 1917 г. В отличие от большевиков, Горький не видел реальных сил, способных совершить государственный переворот. Впоследствии, в письме к Р. Роллану 3 января 1922 г. он напишет: «Ошибочно думать, что русская революция есть результат активности всей массы русского народа — нет, народная масса все еще не усвоила, не понимает значения событий <...>. Революции всегда совершались — Вы это знаете, — волею немногих безумцев...»²². В этом писателя убеждало поведение людей на улицах в дни июльского кризиса. Даже наиболее активная и сознательная сила революционного движения — кронштадтские моряки — не знали, зачем их привезли на демонстрацию и как действовать. Обратимся к воспоминаниям Ф. Раскольникова, который описывает сцену, разыгравшуюся на углу Литейного проспекта, когда началась стрельба: «Быстро израсходовав по первой обойме патронов и убедившись в безрезультатности пальбы в воздух, большинство, словно по команде, легло на мостовую, а другая часть успела скрыться в первые попавшиеся подъезды и ворота»²³.

Сопоставим с этим описанием письмо Горького к Е. П. Пешковой около 10 июля, где он рассказывает, как вооруженные солдаты прятались

и разбегались по подворотням, не понимая, зачем их вывели на улицу и что за «темные силы» управляют событиями. В написанных после Октября статьях «К демократии» и «Вниманию рабочих» Горький выражал тревогу за судьбы России, которую толкают к социалистической революции по методу Нечаева — «на всех парах через болото» и защищал народ от «бессовестных авантюристов», «сумасшедших догматиков», которые смотрят на Россию лишь как на опытное поле для социальных экспериментов. Боясь что народ, ввергнутый в гражданскую войну, заплатит за это озерами крови, Горький призывал все демократические силы к благоразумию и осторожности²⁴. Опасаясь за судьбы страны и народа, видя гибель национальной культуры, он засыпал советских вождей письмами с протестом против необоснованных арестов, требовал освобождения невинно заключенных. На страницах «Новой жизни» писатель полемизировал с новой властью, осуждая ее деспотизм и своеволие.

Позиция Горького вызвала ответную реакцию. В большевистских изданиях «буревестника революции» стали именовать Ужом и мещанином, его обвиняли в ренегатстве, перерождении и отказе от прежних идеалов. И. Ионов назвал его «певцом чужого стана», В. Быстрянский обвинил в демагогии, И. Книжник-Ветров заявил, что Горький — «прямой изменник» революции²⁵. Раздосадованный Горький отвечал в «Несвоевременных мыслях» очень резко, порой сгущая краски, критикуя большевистских вождей. В статье «Плоды демагогии» он заявил, что «в нашей стране нет должных условий для введения социализма», и упрекнул советскую власть в демагогии. Горький писал, что правительство Смольного относится к русскому рабочему, как к хворосту: оно «зажигает хворост для того, чтобы попробовать — не загорится ли от русского костра общеевропейская революция»²⁶. Социальный романтизм Горького, его мечта об общей совместной работе на благо русского народа, о предотвращении распри и кровопролития вели к конфликту с теми большевистскими лидерами, которые исповедовали иезуитский принцип: «Цель оправдывает средства».

Среди них наиболее рьяным поборником «крайних мер» был всесильный диктатор Северной области Г. Е. Зиновьев. Будучи с декабря 1917 г. председателем Петроградского Совета, он самовластно распоряжался в городе, не останавливаясь «перед нечистой политикой»²⁷. В частности, он предлагал разрешить рабочим расправляться с интеллигенцией прямо на улицах, «по-своему». Не удивительно, что Горький наиболее резко выступал в эти годы именно против Зиновьева. Отрицая террор, как красный, так и белый, он не без основания опасался, что большевистские лидеры используют диктатуру пролетариата как средство насилия.

Вскоре Зиновьев оказался в числе главных недругов Горького: по его распоряжению в доме произвели обыск, тормозили все дела, к которым был причастен писатель. Именно из уст Зиновьева Горький впервые услы-

шал упреки в том, что он не понял и значения Октября, и сути событий в июле 1917 г. В речи на заседании Петросовета, посвященной годовщине этих событий, Зиновьев заявил, что «Горький не оказался способен понять души третьейюльского движения, так как вместо революционного народа увидел лишь стихийное, неорганизованное, бегущее стадо»²⁸.

Горький расходился с большевиками не только в оценке движущих сил революции. В 1918 г. «Новая жизнь», где из номера в номер печатались его «Несвоевременные мысли», от политики неподчинения новой власти перешла к открытому противодействию ей. Особенно резко газета выступала против «экспроприации экспроприаторов» и лозунга «Грабь награбленное!». В первые месяцы после революции этот лозунг стал как бы официальным разрешением на грабежи и бесчинства. Не случайно в 1918 г. Ф. Э. Дзержинский был вынужден издать следующую инструкцию для правоохранительных органов: «Вторжение вооруженных людей на частную квартиру есть зло, к которому и в настоящее время необходимо еще прибегать, чтобы восторжествовали добро и правда. Но всегда нужно помнить, что это зло, что наша задача — пользуясь злом, искоренить возможность прибегать к этому средству в будущем. А потому пусть все те, которым поручено произвести обыск, лишать человека свободы и держать в тюрьме, относятся бережно к людям арестуемым и обыскиваемым, пусть будут с ними гораздо вежливее, чем даже с близким человеком, помня, что лишенный свободы не может защищаться и что он в нашей власти. Каждый должен помнить, что он представитель Советской власти — рабочих и крестьян, и что всякий его окрик, грубость, нескромность, невежливость — пятно, которое ложится на эту власть»²⁹.

К сожалению, эта инструкция далеко не всегда исполнялась. Случаи краж во время обысков были столь частыми, что Горький иронически отозвался о возможности пограбить «икрянного московского буржуя» после переезда советского правительства в Москву. Его письма Е. П. Пешковой полны бытовых зарисовок послереволюционного Петрограда, где свирепствуют болезни, голод и холод. Он описывает улицы, полные грязи и трупов, на которых днем и ночью убивают и грабят. Грабят «экспроприаторы» и анархисты, а то и просто воры. Писатель с издевкой сообщает Е. П. Пешковой, что раздели П. И. Стучку и М. С. Урицкого, показав тем самым большевистским лидерам, как воспринят в массах их лозунг «Грабь награбленное!».

Постоянная тема в письмах Горького начала 1918 года — наступление немцев на Петроград. Писатель не одобрял политики сдачи России иноземцам, лишь бы избавиться от большевистской революции. Но и заключение тяжелого Брестского мира не вызвало у него одобрения. За статью Н. Суханова «Капитуляция» 3 марта 1918 г. газета «Новая жизнь» была приостановлена. И хотя редакция сообщила, что не разделяет мнения ав-

тора, можно думать, что Горький, как многие, отнесся к заключению такого мира как к национальному позору. Кстати сказать, заявление редакции не спасло «Новую жизнь» от гибели: в июне 1918 г. газета была закрыта большевиками окончательно.

Этот период жизни Горького, драматичный и напряженный, полный противоречивых мыслей и чувств, как в дневнике, отразился в его письмах к Е. П. Пешковой, жившей с сыном Максимом в Москве. Максим, в отличие от отца, в 1917 г. вступил в партию, с юношеской горячностью поддерживал лозунги большевиков и сражался на их стороне в октябрьские дни. В конце октября его арестовали юнкера в Александровском саду и неделю продержали в арестном помещении на Арбатской площади. Знакомый семьи Пешковых летчик В. Г. Соколов взял его на поруки и привел домой. Этот инцидент, оставшийся за текстом писем (Горький сам приехал в Москву), отчасти объясняет постоянную тревогу писателя за сына.

Более подробно эта тема раскрыта в переписке Е. П. Пешковой с близким другом М. К. Николаевым. Выясняется, что в апреле 1917 г. Максиму нужно было выхлопотать отсрочку от призыва в армию, чтобы поступить в высшее учебное заведение. 29 апреля Екатерина Павловна писала: «Хочет сегодня-завтра ехать в Петроград, выяснять с Алексеем Максимовичем, куда поступать ему»³⁰. В августе 1917 г. М. А. Пешков сдал экзамены на естественный факультет Петроградского университета, а в сентябре Екатерина Павловна сообщила Николаеву, что сын «хочет идти в автомобильную роту»³¹. Этим объясняются настойчивые просьбы Пешковой узнать у Керенского о призыве и похлопотать за Максима.

Письма Е. П. Пешковой за этот период не сохранились. Письма Горького печатаются по автографам из Архива А. М. Горького. Впервые, п. 1—9: «Родина». 2001. № 9. С. 59—64. П. 10 печатается впервые.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Горький. *Письма*. Т. I. С. 241.

² Летопись. 1917. № 2, 3, 4. С. 305.

³ АГ. ГЗ. III-5-55.

⁴ М. Горький. Сб. статей и воспоминаний / Под ред. И. Груздева. М., 1938. С. 310.

⁵ Новая Цюрихская газета. 1917. № 517. 11 (24) марта.

⁶ Архив Г. 9. С. 196.

⁷ Слово. 1990. № 3. С. 74.

⁸ Керенский А. Ф. Издалека. Париж, 1921. С. 187.

⁹ Цит. по кн.: Касвинов А. Ф. Двадцать три ступени вниз. М., 1979. С. 364.

¹⁰ Там же.

¹¹ АГ. МоГ-2-8-2.

¹² Там же. МоГ-3-25-4.

- ¹³ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 31. С. 114.
¹⁴ Горький. Сочинения. Т. 20. С. 27—28.
¹⁵ Слово. 1990. № 3. С. 76.
¹⁶ Архив Г. 9. С. 201. Дисконтеры — члены охранительной партии ДИСК.
¹⁷ Новая жизнь. 1917. № 92. 4 августа.
¹⁸ Первый Всероссийский съезд Советов Р и С. Д. М.-Л., 1930. С. 65.
¹⁹ Раскольников Ф. Ф. Кронштадт и Питер в 1917. М., 1990. С. 288.
²⁰ Цит. по кн.: Касвинов А. Ф. Двадцать три ступени вниз. С. 434.
²¹ Архив Г. 9. С. 204.
²² Архив Г. 15. С. 23—24.
²³ Раскольников Ф. Ф. Кронштадт и Питер в 1917. С. 135—136.
²⁴ Новая жизнь. 1917. № 156. 18 октября.
²⁵ Литературное обозрение. 1988. № 9. С. 109. № 10. С. 111.
²⁶ Несвоевременные мысли. С. 230.
²⁷ Неизданная переписка. С. 194.
²⁸ Северная коммуна. 1918. № 45. 18 июля.
²⁹ Исторический архив. 1958. № 1. С. 5—6.
³⁰ АГ. ФЕП-рл-8-15-40.
³¹ АГ. ФЕП-рл-8-15-78.

1. ГОРЬКИЙ — Е. П. ПЕШКОВОЙ

14 июня 1917, Петроград

Я так и думал, что с тобой случилось что-нибудь неладное — или заболела, или неожиданно для себя улепетнула куда-нибудь. Очень советую тебе, как только встанешь на ноги, убраться в Крым, — с легкими нельзя шутить! К тому же ты так истощена и замучена. Если хочешь жить — пожалуйста, удирай скорее в спокойное, тихое место.

Города отравлены грязью, здесь, например, ужас что творится, не столица это, а клоака. Никто не работает, улицы безобразны, во дворах — свалки гниющего мусора. И жарко!

Думаю бежать куда-нибудь недели на две, на три¹. Вероятно, на Волгу. Устал душевно — до безумия! Физически еще держусь. Но каждый день усиливает тревогу, и я думаю, что безумная политика Ленина уже скоро вызовет гражданскую войну. Он совершенно изолирован, но его лозунги очень популярны в массе несознательных рабочих и среди некоторой части солдат².

Явился Зиновий, лейтенант французской армии, с тремя наградами, весь в орденах и в хорошем настроении³. То, что он рассказывает об Америке, Англии, Франции невольно возбуждает у меня чувство зависти и печали: какие люди! Какая сила! И как они лег-

ко, быстро организуются для жизни и смерти. А у нас — говорить не хочется, до чего плохо у нас!

Идет организация лени, трусости и всех тех подлых чувств, против которых я всю жизнь боролся, и которые, кажется, погубят Русь.

В конце концов я боюсь, что, будучи пацифистом и ненавидя войну, я скоро стану орать — в наступление! ибо необходима активность, необходимо живое отношение к жизни.

Вот когда сказалась проповедь Толстого о непротивлении⁴. Этого не замечают, полагая, что всему виной — Ленин. Нет, тут не Ленин, а наша русская подоплека, тут толстовская сказка о трех братьях⁵ действует, это сказался «пассивный анархизм» наш.

Будь здорова! Скоро еще напишу.

А.

2. ГОРЬКИЙ — Е. П. ПЕШКОВОЙ

Около 20 июня 1917, Петроград

Дочь моя!

Уехать из Петрограда, — это весьма приятная мечта, и я готов ехать в Конотоп, Камчатку, в Соловки — к чорту! Но — завтра у меня заседание «Св<ободной> Ас<социации>»¹, и как товар<ищ> Пред<седателя> Совета я не могу отсутствовать; послезавтра — беспартийная молодежь и народные театры², да еще Дом-Музей³, а 25-го — публичное заседание «Лиги социального воспитания» в Михайловском театре⁴. А 27-го принимаю театры «попечительства народной трезвости». И таким образом, раньше 5-го числа я никуда не поеду.

Вчера весь день валялся — что-то мучительно болело, так болело, что я при всем моем терпении скрипел вставными зубами, цена которых — 500 р. Видишь, как это опасно? Сейчас сижу полуодетый, с головной болью и мутью в душе. Выходить — не велено.

Демонстрация 18-го была демонстрацией бессилия лояльных элементов⁵. Демонстрировали только «большевики», которых я постепенно начинаю и презирать, и ненавидеть. Какие это истинно русские идиоты! Большинство лозунгов требовало «Долой 10 министров-буржуа». А этих министров — 8!⁶ Несколько раз я наблюдал панику — отвратительно! Дамы прыгали в канаву, отделяющую Марсово поле от Летнего сада, шли по воде, не щадя ботинок, задрав юбки и показывая огромное количество ног различной толщины, но — кривых.

Обалдение продолжается, но как-будто начинает утомлять людей. Пацифист, я приветствую наступление в надежде, что оно хоть немного организует страну, изленившуюся, истрепанную.

Вообще — живу в душевном противоречии с самим собой и не вижу иного исхода, кроме культурной работы.

Ты напрасно хвораешь. Это что же у тебя? Не следует ли приехать к Манухину, осветиться⁷? Приехала бы, как только тебе станет получше! Тревожно все и боязно, как-будто тебя на угольях жарят.

Друг мой, береги себя! Ты нужна Максиму до поры, пока он все-таки еще дитя. Я не умею, — разучился — говорить нежные слова, но хотелось бы сказать тебе парочку — милый ты мой человек. Выздоровливай!

Крепко жму руку. А. Н. — поклон и записка⁸.

А.

3. ГОРЬКИЙ — Е. П. ПЕШКОВОЙ

Около 10 июля 1917, Петроград

Извини, не писал тебе в эти тревожные дни, рука не доходила.

По газетам ты знаешь, какие ужасы разыгрались здесь¹; могу сказать, что непосредственное впечатление от них неизмеримо тяжелее словесного.

Творилось — и творится — нечто отвратительное по глупости, трусости и хамству. Ошибочно думать, что во всем повинны именно «большевики» и немецкие агенты, участие которых несомненно в событиях — нет, повинны в этой безумной путанице все: и кадеты, и обыватели, и, вообще, вся масса питерцев. Я не оправдываю «большевиков», — они сами знают, что у них нет оправданий². Их водили за нос, как ребят малых. Их спровоцировали, но провокаторами были не одни немцы, а и «культурнейшие» кадеты³.

Эмоциональный большевизм, действовавший на темные инстинкты масс, нанес сам себе смертельный удар, от которого ему не оправиться. Это — хорошо. Но — демократия Англии, Франции, Германии поймет разгром большевизма как поражение *всей* революции, и это отчаянно плохо, ибо понизит революционное настроение на Западе и бесконечно затянет войну. Это — самое худшее, и этого нельзя было ожидать.

Настроение здесь такое, что каждый ищет возможности стащить ближнего своего в комиссариат, в участок или натравить на

него озверевшую, сконфуженную и трусливую толпу. Это делается. «Большевиков» истребляют на улицах, точно крыс⁴, но теперь «большевик» — всякий, кто говорит о контрреволюции.

Гадина Бурцев допустил по отношению ко мне отвратительную выходку⁵, — чорт с ним, на меня это не действует, но должны быть имена, которые нельзя топтать в грязь. Этого не понимает даже «Речь»⁶.

Боюсь, что Ленин влопался в мерзкую историю, сам он, конечно, не при чем, но его ближайшие товарищи, кажется действительно, — жулье и подлецы. Всех их арестовали⁷. Теперь буржуазная пресса навалится на «Новую жизнь» и, вероятно, покончит с нею⁸. А затем начнет поход против вас, эсеров. Уже «Речь» начала открыто нападать на Чернова, а за «Речью» пойдет вся желтая пресса⁹.

Контрреволюция теперь — не предположение, а факт. Во главе ее встанут кадеты, люди, привычные политиканствовать и не стесняющиеся в средствах борьбы.

Бурцевы и прочая шваль в этом роде — ничуть не лучше черносотенцев. Можно ожидать, что скоро начнут требовать закрытия «Новой жизни».

Но самое главное и самое худшее — толпа, обыватель и тот «рабочий», тот солдат, который действовал 3-го — 4-го¹⁰. Это — сволочь, трусливая, безмозглая, не имеющая ни капли, ни тени уважения к себе, не понимающая, зачем она вылезла на улицу, что ей надо, кто ее ведет и куда? Видела бы ты, как целые роты солдат при первом же выстреле бросали винтовки, знамена и били башками окна магазинов, двери, залезая во всякую щель! Это — революционная армия, революционный свободный народ!

Ясно, что сознания того, зачем вылезли на улицу, у массы совершенно не было. И вообще все это — кошмар. Мотивы мятежа никому не понятны, и даже вождям его. Да и были ли вожди? Сомневаюсь. Да, Троцкий, Луначарский и tutti quanti* что-то болтали¹¹, но они болтали, подчиняясь настроению массы, созданному целым рядом условий и воздействием каких-то темных сил. Наличие работы таких сил невозможно отрицать, как это ни ужасно. Какие-то безумные подлецы расстреливали казаков и солдат — это факт. Кто они? Едва ли это узнают, ибо их убивали. Но ясно, что это были люди, обрекшие себя на гибель — чего ради? Не понимаю.

Но какие скоты все эти Алексинские и прочая больная, до безумия напуганная событиями шваль¹²!

---

* все прочие (лат.). — Ред.

Как ты живешь, как здоровье? Наверное, изволновалась? Ну что ж делать, голубчик! Такую махину, какова Русь, не сразу приведешь в порядок, и еще много сил, много бурь переживем мы все.

Хорошо, что сын вдали от этих событий, и они не отравят души ему.

Будь здорова! Едва ли я поеду куда-либо, где тут поедешь!
Всего доброго!

А.

4. ГОРЬКИЙ — Е. П. ПЕШКОВОЙ

25 июля 1917. Петроград

Письмо твое я получил уже после того, как Елена приехала и уехала¹ — Церетели и Рожков — плохие почтальоны²!

О дне рождения Максима я, конечно, забыл³, и мое поздравление — запоздало, сегодня — 25-е. Все-таки я напишу ему, поздравлю с двадцатилетием и посоветую не сердиться на людей, — я слышал, что его раздражают те, которые говорят, что его отец — германский шпион, провокатор и т. п. Надо жить, «хвалу и клевету приема равнодушно»⁴.

Едва ли я увижу тебя летом, мамаша, — ты согласишься с тем, что неудобно уезжать из Петрограда в те дни, когда обалдевшие «патриоты» так заняты мною. Еще скажут — ага, убежал! С Черновым у них позорно сорвалось⁵, а потому я для них особенно нужен. И я уверен, что на обязанности моей лежит — более, чем когда-либо — необходимость служения обществу, хотя бы в роли турка, над которым энергичные люди пробуют свою силу⁶. Так ли? Здоровье у меня — пока — в порядке. А тебе я решительно советую поскорее убраться в Крым и жить там подольше — береги себя, пожалуйста!

Новости здешние ты знаешь по газетам. Но — позволь предупредить, что никогда еще газеты не лгали так свободно, как лгут теперь. Пример — все, что пишется по поводу ареста Троцкого — Луначарского⁷. Оба они, разумеется, не скрывались, ежедневно выступая в Совете, оба ждали ареста совершенно спокойно, а в газетах изображают их и трусами, и прятавшимися и — даже! — уголовными преступниками. Ни тот, ни другой не пользуются моими симпатиями, но — честное слово! — обидно за страну, которая так легко делает дрянью своих лучших людей.

Тяжелое время. Я ожидал всего плохого — но не думал, что до такой степени плохо будет. И как мало даровитых людей, как ничтожно количество разумных работников. Ужас!

Ну, будь здорова, друг мой! Не сердись на меня за то, что не еду повидаться с тобою, пойми, что я должен неподвижно стоять «на славном посту».

10-го августа Елена приглашает меня открывать театр⁸. Обещал, но — «все в воле начальства». Жму руку.

А.

5. ГОРЬКИЙ — Е. П. ПЕШКОВОЙ

Январь 1918, Петроград

Получил ваши письма, а ответить вам не мог собраться до сего дня. Трудно писать, да и — о чем писать? Душа, как дорога, по которой медленно тащится бесконечный обоз идиотских телег, груженных всякой мерзостью. Сняли с России обручи самодержавия и вот — рассыпается «Святая Русь», как разошедшаяся бочка, изгнившая бочка. Ужасно гнило все, а людишки особенно. И теперь уже очевидно, что порядок на Руси снова будут вводить суровые варяги¹. Вчера был у комиссара юстиции, человека, видимо, порядочного, но — как все представители «власти» — бессильного².хлопотал, чтоб выпустили Бернацкого — кажется — безуспешно³. Говорят, Ленин очень стоит за общую политическую амнистию, но — не встречает сочувствия в окружающих его идиотах и шарлатанах.

Изумительно нелепо и смешно ведет себя Луначарский — комическая и несчастная фигура⁴! Да и вообще — все стали до отвращения жалки, несчастны.

Гвардии офицера скалывают лед на улицах, разгружают вагоны, «барышни» торгуют газетами, и все всё продают: посуду, иконы, кольца, белье — всё, что можно продать. Хлеба получаем $\frac{1}{8}$ -ю, а иногда и ничего не дают. Множество цинготных. Весной здесь будет чорт знает что: все эти Мойки, Фонтанки, Нева завалены грязным снегом с улиц, с мостов и дворов — зараза!

Людей режут на улицах каждую ночь, и помногу. Грабежи, конечно. И вообще — всякая пакость. А ко всему этому — подлые лживые газеты⁵.

Вот, видишь, как я настроен? Веселее — не могу, хотя и стараюсь. Здоровьишко — трещит.

Попаду ли к вам — не знаю. Трудно подняться с места, — очень занят, и трудно ехать. Но — попробую.

До свиданья, милые!

Как Максим? Напиши о нем, Катя, от него толку не добьешься, от анафемы.

Всего доброго, милый друг!

А.

6. ГОРЬКИЙ — Е. П. ПЕШКОВОЙ

26 января 1918, Петроград

Только сегодня — 26-го — получил ваше письмо, по штемпелю видно, что оно шло 9 суток. Скоро мы будем ездить по железным дорогам на извозчиках.

Вы собираетесь на юг? Очень хорошо и одобряю, но — почти уверен, что вас заберут в плен либо казаки, либо крымцы, либо какие-нибудь иные племена, враждебные столицам. Наверное, заберут и уморят голодом.

Мы здесь живем в плену «большевиков», как называют французы достопочтенных сотрудников Ленина. Житьишко невеселое и весьма раздражает, но — что же делать? Делать — нечего. «Претерпевый до конца, тот спасен будет»¹, — претерпели самодержавие Романова, авось и Ульянова претерпим.

Жизнь стала сплошным анекдотом — весьма мрачным. Не усмехнешься. А «Новая жизнь», вероятно, погибнет.

Настроение у меня — гнусное, к тому же я и физически плохо чувствую себя. На днях освещался².

Работать — не хочется. Да и вообще ничего не хочется, апатия какая-то, совершенно несвойственная мне.

Все разрушается понемножку, а чинить — некому. Партии? Партий нет, есть группы не очень умных, но весьма самолюбивых людей, которые не могут спеться между собою.

Говоря серьезно — я бы не советовал вам, дети мои, уезжать из Москвы, подождите, пока раздерутся и додерутся до чего-нибудь. Право. А то еще попадете в сражение и — так далее.

Будьте здоровы оба и берегите себя.

А. Н. Баху — привет³.

Обнимаю

А.

Письмо — кислое. Знаю, но ей-Богу — на душе тоскливо и тяжело.

7. ГОРЬКИЙ — Е. П. ПЕШКОВОЙ

Март, до 9, 1918, Петроград

Я очень усердно кричал в телефон, но мой аппарат — как всё здесь — плохо действует, и хотя твои вопросы я слышал четко, ты ответов моих, видимо, не понимала.

Отвечаю: если Максим хочет — пускай едет сюда¹, но — необходимости в этом я не вижу.

Сам я отсюда не собираюсь уезжать — смысла нет, и дела здесь много, да и здоровье не позволяет рисковать поездкой в вагоне с выбитыми стеклами.

Здесь немцы бросали бомбы, бросили штуки четыре, целясь в электрические станции, куда не попали. Людей убито 4—5, ранено 5—9.

Точная цифра — неизвестна. Придут ли сюда немцы²? Весьма вероятно. Юридически они имеют на это право, ибо хотя мир заключен, но, например, «Знамя Труда» не соглашается подписать оный³. И не одно «Знамя» стоит на точке продолжения обороны⁴. А если так, то немцы, конечно, воспользуются разногласием как предлогом для дальнейшего грабежа и порабощения России.

Полагаю, что с переездом «власти» к вам в Москву⁵, она не преминет затеять у вас гражданскую войнишку. Уж очень соблазнительно: «буржуя» у вас — много, и всё хороший, икряной буржуй, пограбить — есть чего. А здесь — что? Сухопарый чиновник да великие и малые князья, обладатели саженных картин, громоздкой мебели и прочих предметов, которые в карман не спрячешь, продать — не продашь, только изорвать да изломать можно.

Конечно, и это удовольствие, но реалист привык совмещать удовольствие с пользой. Пограбят вас!

«Новая Жизнь» на днях едет в Москву⁶, но я, Десницкий⁷ и еще человека два останемся здесь и тоже будем издавать «Новую Жизнь». Так что — будет две жизни.

Ну, что еще осталось сказать тебе? Все так скверно и тошно, что говорить ни о чем не хочется. Расхлябалась Русь окончательно.

Здоровье мое трещит, но бодрости духа не теряю. На что надеюсь? Не знаю. Но — надеюсь. В конце концов побеждает разум.

Мне сообщили, что М<аксим> уехал сражаться с немцем, разумеется, я в это поверил.

Поездка его сюда вызывает у меня двойственное отношение: и видеть его хочется, и боязно — за него, уж очень плохо ехать.

Отсюда все бегут пешком, на лошадях, по ж<елезной> д<ороге>. Стоит хорошая солнечная погода. Питер понемногу раскисает. На улицах лежат дохлые лошади, их грызут собаки, а обыватели ходят и завидуют собакам.

Весной здесь будет чорт знает что!

Город невероятно загрязнен. Мойки, Фонтанки, каналы и канавки завалены грудями грязного снега.

Сильно мрут дети. Вообще — плохо.

Что ты не пишешь? Писала бы, иногда письма доходят.

Ну, будь здорова, желаю всего лучшего!

Обо мне — не беспокойся, я достаточно притерпелся ко всему.

Обнимаю.

А.

8. ГОРЬКИЙ — Е. П. ПЕШКОВОЙ

Середина марта 1918, Петроград

С разными людьми, военными и штатскими, я посылаю тебе письма, — получаешь ты их? Макс приехал в добром порядке, и я не нахожу, чтоб он особенно был увлечен большевизмом; нет, напротив, мне кажется, что он достаточно умело оценивает все факты pro и contra*¹.

Конечно — он молод, а это немалый недостаток с нашей точки зрения, мы с тобой — люди солидные и уже чуждые увлечений, как это известно тебе и мне.

Ничего, друг мой, все обойдется, все перемелется. Сколько времени пробудет здесь М<акс> — не знаю, пусть живет, если нравится. Теперь вокруг меня атмосфера не политики, а — искусства: все говорят о картинах, о старине и т. д.²

Мы, Питер, будем «вольным городом», это значит, что нас принуждены будут освободить от «социализма», так я понимаю вольность. Вероятно, придут немцы и покажут всем нам, что есть «порядок». Публика ко всему, даже и к немцу, относится равнодушно. Все хотят есть.

Продают церкви, расхищают интендантские запасы, воруют, берут взятки, грабят. Между прочим, ограблены Гржебин и Ладыхников³.

* за и против (лат.). — Ред.

Ну, живи себе тихо, не занимайся политикой и будь здорова.
Ешь больше. Все ешь.
Крепко жму руку.

А.

9. ГОРЬКИЙ — Е. П. ПЕШКОВОЙ

Вторая половина марта 1918, Петроград

Милостями твоими, преблагая Екатерина, весьма тронут и утешен; хлеб получил и с наслаждением пожрал. Давно уж я не ел белого хлеба! Хорошая пища! У нас здесь и ржаной не каждый день, а когда есть — то гораздо больше соломенный, чем ржаной. Очень обидно есть такой хлеб мне, бывшему булочнику и пекарю¹.

А немцы-то и вам, Москва, угрожают²? Еще, пожалуй, вы скорее нас очутитесь в плену, а посему я советовал бы тебе и сыну иметь возможность переселения куда-нибудь на Волгу, что ли.

Кажется, — неизбежно, что Макс<иму> придется воевать, — это тоже следует иметь в виду³. Вообще я думаю, что воевать мы будем очень долго, еще года три, а то и пяток. Наверное, скоро будут втянуты в это гнусное дело Голландия, Дания, Скандинавия, а потом — Япония и различные Сиамы, Аннаммы. Америка едва ли даст победу в руки немцев, и почти неизбежны величайшие осложнения на Дальнем Востоке. Возможен и японо-германский союз — все скверное возможно, все!

Так-то, дружище. Здесь, когда «начальство ушло»⁴, все его ругают, и особенно крепко — рабочие, что вполне естественно, ибо никогда еще и никто не обманывал так нагло рабочий класс, как обманул его Ленин, «мужицкий вождь»⁵, и Чернов № 2-й⁶.

Плохо, брат! Так плохо, что опускаются руки и слепнут глаза.

Будь здорова, расти большая!

Как нашла спекулянта по маркам, сына своего⁷?

Дитятя все еще.

Ну, до свидания!

А.

Ты жалуешься: мука 5 р. фунт — здесь она стоит — 12!

10. ГОРЬКИЙ — Е. П. ПЕШКОВОЙ

Начало февраля 1919, Петроград.

Многоуважаемая!

Возвращаю тебе сына целым и невредимым. Жить здесь становится настолько гнусно, что — на мой взгляд — делать ему тут нечего, если он не желает расстроить свое «здоровье, самое лучшее, чем обладает человек», как говорит один мудрец из Антанты¹. Конечно, Антанта враждебна нам², свирепым и единственно истинным социалистам, но все-таки и в Антанте есть, вероятно, неглупые люди, — человек пяток хотя бы.

Купно с сыном посылаю денег 12 и две расписки на получение денег же с Малого театра и с Театрального о-ва³. Пожалуйста, не жалей оных и ешьте сытно, насколько возможно сие. Корми сына, ибо он кушает усерднее, чем работает. Засим — уплати, пожалуйста, Ольге Каменской 3 т. р. — старый долг⁴. Не забудь. И поскорее.

Относительно денег Максиму даны мною указания, он сообщит тебе их.

Как я живу — он тебе расскажет, и это будет неинтересный рассказ. Интересно живут теперь только комиссары, да и то те, которые воруют денег настолько много, чтобы платить кокоткам за различные нелегальные и несоциалистические удовольствия. Воровство — как я вижу — не есть искусство или болезнь, а — русская национальная привычка. Истинно русский человек — обязательно вор, если он не лентяй.

Заключив письмо сие этой мудрой фразой, в коей заключена очень тяжелая истина, — желаю тебе купить дешево и много разных вкуснейших вещей.

Что может быть лучше такого пожелания?

Затем — будь здорова на зло всем и всему.

Подписываюсь: *А. Пешков*, литератор, Председатель редакционной коллегии Союза литераторов, Председатель Антикварно-оценочной комиссии⁵, О-ва «Культура и свобода»⁶, Петроградской секции «Красного креста»⁷, член Совета Эрмитажа⁸, член президиума Исполкома⁹, член Высшего Совета Т. и З.»¹⁰, заведующий издательством «Всемирная литература»¹¹, председатель домового комитета д. 23 по Кронверкскому¹², почетный гражданин республики Сан-Марино¹³, цеховой малярного цеха и проч., и проч.

При всем этом я еще не совсем враг Советского Отечества.

Пожалуйста, не забудь напомнить Максиму, чтоб он отправил мне книги мои, связку!

ПРИМЕЧАНИЯ

1.

Печатается по А (АГ. ПГ-рл-30-18-601).

¹ 13 августа 1917 г. Горький уехал в Коктебель.

² Имеются в виду лозунги, выдвинутые Лениным в «Апрельских тезисах» и опубликованные в статье «О задачах пролетариата в данной революции» (Правда. 1917. 7 апр.): переход власти в руки народа, никакой поддержки Временному правительству, перерастание буржуазной революции в социалистическую, конфискация всех помещичьих земель, братание на фронте.

³ Зиновий Пешков (наст. фам. Свердлов Ешуа Золомон Мовшев) (1884—1955) — крестный сын Горького, служил в Иностранном легионе, впоследствии — генерал французской армии.

⁴ Толстовская теория непротivления злу насилieм воспринималась Горьким как отказ от активной борьбы с самодержавием.

⁵ «Сказка об Иване дураке и его двух братьях Семене-воине и Тарасе-брюхане, и немой сестре Маланье, и о старом дьяволе и трех чертенятах» — см. Толстой Л. Н. ПСС. Т. 25.

2.

Печатается по А (АГ. ПГ-рл-30-19-603).

Датируется по содержанию.

¹ «Свободная ассоциация для развития и распространения положительных наук» была основана 28 марта 1917 г. по инициативе Горького. Он был заместителем председателя Оргкомитета и Совета ассоциации, в которую входили крупные ученые, писатели и общественные деятели (И. П. Павлов, В. Г. Короленко, Л. Б. Красин, А. Е. Ферсман и др.). Председателем был В. А. Стеклов. Целью ассоциации была пропаганда научных и технических знаний. Речь, произнесенная Горьким 21 июня 1917 г., опубликована в «Летописи». 1917. № 5—6. С. 185—186.

² Имеются в виду Народный дом на Лиговке и клубы для народа в Петрограде, которыми руководила М. Ф. Андреева.

³ «Общество Дома-музея памяти борцов за свободу» было организовано 22 мая 1917 г. Горький был членом Временного совета общества, активно участвовал в сборе средств и документов по истории революционного движения в России.

⁴ 25 июня 1917 г. Горький выступил в Михайловском театре на собрании «Лиги социального воспитания», созданной 4 июня 1917 г. для охраны здоровья детей (см.: Летопись. 1917. № 7—8. С. 184—191).

⁵ 18 июня 1917 г. в Петрограде состоялась демонстрация под лозунгом «Вся власть Советам!» Большевики пытались сдержать стихийное выступление масс, считая, что для захвата власти еще не пришло время. Тем не менее, их обвинили в организации восстания с целью свержения Временного правительства.

⁶ Имеются в виду министры Временного правительства П. Н. Миллюков, А. И. Гучков, А. И. Коновалов, Г. Е. Львов, А. В. Карташев, М. И. Терещенко, Д. И. Шаховской, А. И. Шингарев.

⁷ Речь идет о методе доктора И. И. Манухина, который вылечивал легочные болезни с помощью рентгеновского облучения селезенки.

⁸ Академик А. Н. Бах жил в это время в квартире Е. П. Пешковой.

Печатается по А (АГ. ПГ-рл-30-19-605).
 Датируется по почт. шт.: 12.07.17. Москва.

¹ Речь идет об Июльском политическом кризисе. После расстрела демонстрации 4 июля Временное правительство объявило Петроград на военном положении и вызвало войска с фронта.

² Большевики вынуждены были возглавить демонстрацию 4 июля, когда выяснилось, что сдержать недовольство масс не удастся. Меньшевистско-эсеровское большинство ЦИК Советов поддержало Временное правительство, признав его «неограниченную власть».

³ Буржуазная печать, возложив всю вину за кровопролитие на большевиков, призывала к расправе с ними. Кадетская газета «Речь», с апреля до августа 1917 г., постоянно обвиняла большевистских лидеров, называя их немецкими агентами и требуя их ареста (Речь. 1917. 20 августа).

⁴ После того, как в Петрограде объявили военное положение, были закрыты большевистские газеты «Правда», «Солдатская Правда» и др., разгромлена типография «Труд», выдан ордер на арест В. И. Ленина, Г. Е. Зиновьева, Л. Б. Каменева и др. По обвинению в «государственной измене» были арестованы и заключены в «Кресты» Л. Д. Троцкий, А. В. Луначарский, В. А. Антонов-Овсенко и др.

⁵ Имеется в виду статья В. Л. Бурцева «Или мы или немцы и те, кто с ними» (Русская воля. 1917. 7 июля), в которой Горький обвинялся в измене родине.

⁶ С апреля до августа 1917 г. кадетская газета «Речь» активно полемизировала с «Новой жизнью», называя Горького большевиком, «пораженцем», изменником. Его обвиняли в использовании денежных средств, собранных для несостоявшейся газеты «Луч», содействии большевикам и замалчивании выступлений в поддержку Временного правительства (Речь. 1917. 22 апреля, 7 мая, 25 мая и др.).

Вслед за «Речью» бульварная газета «Живое слово» причислила писателя к германским шпионам (см. Речь. 1917. № 108, 109, 115, 116, 120, 122. 10 мая, 11 мая, 18 мая, 19 мая, 25 мая, 27 мая и др.; Живое слово. 1917. № 52. 7 июля). Горький ответил на упреки статьей «О полемике» (Новая жизнь. 1917. № 6. 23 апреля).

⁷ По постановлению ЦК РСДРП(б) партия ушла в подполье, было принято решение, что Ленин не должен являться на суд Временного правительства. Вместе с Зиновьевым он скрывался в Разливе.

⁸ 2 июля Временное правительство закрыло «Новую жизнь» и до 8 сентября 1917 г. она выходила под названием «Свободная жизнь».

⁹ Лидер партии эсеров министр Временного правительства В. М. Чернов (1873—1952) был обвинен буржуазной печатью в пораженчестве и предательстве. В знак протеста 20 июля он вышел из состава правительства, заявив, что вернется, если будут опровергнуты порочащие его слухи. После того, как публично была доказана несостоятельность обвинений, 5 мая вошел в состав коалиционного правительства Керенского в качестве министра земледелия.

¹⁰ Речь идет о событиях 3 и 4 июля, когда по инициативе 1 пулеметного полка начались выступления солдат и балтийских матросов против Временного правительства.

¹¹ В дни Июльского кризиса Троцкий и Луначарский пытались предотвратить вооруженные выступления рабочих, но делали это непоследовательно. 4 июля Луначарский выступил с речью на объединенном заседании ВЦИК и Исполкома Всероссийского Совета КД, в которой призывал взять власть в свои руки и передать ее правительству, состоящему из делегатов центрального органа Всероссийских Сове-

тов РСКД. Признаваясь, что он враг «вооруженной авантюры», Луначарский писал жене: «Большевики и Троцкий на словах соглашаются, но на деле уступают стихии. А за ними уступаю и я» (Вопросы истории КПСС. 1991. № 2. С. 35).

¹² Имеются в виду меньшевики и оборонцы. Член плехановского «Единства» меньшевик Г. А. Алексинский (1879—1966 или 1968) обвинил Ленина и его сторонников в том, что они являются агентами германского Генштаба (см. об этом: *Рабинович А. Большевики приходят к власти. М., 1989. С. 44.*

4.

Печатается по А (АГ. ПГ-рл-30-19-605).

Датируется по почт. шт.: 25.07.17. Петроград.

¹ Малиновская Е. К. (1878—1942) — друг семьи Пешковых.

² Меньшевик Церетели И. Г. (1881—1959) 5 мая 1917 г. занял во Временном правительстве пост министра почт и телеграфов. Рожков Н. Н. (1868—1927), приняв его предложение, с 17 мая 1917 г. стал товарищем министра почт и телеграфов.

³ М. А. Пешков родился 27 июля 1897 г.

⁴ Неточная цитата из стихотворения Пушкина «Я памятник себе воздвиг нерукотворный...».

⁵ Против министра земледелия Временного правительства эсера В. М. Чернова было сфабриковано «дело» по обвинению его в «измене родине». Инициатором «патриотической» кампании против него, как и против Горького, был В. Л. Бурцев (см. его статью «М. Горький и В. М. Чернов» — *Русская воля. 1917. № 172. 22 июля*). Выступления Бурцева вынудили Чернова подать в отставку, однако через три дня в газетах появилось сообщение о его реабилитации: «Временное правительство на заседании своем 24 июля, заслушав доклад министра юстиции И. Н. Ефремова и заключение министра-председателя А. Ф. Керенского, с удовлетворением убедилось в злостности тех слухов, которые распространялись в последнее время в печати и обществе по поводу деятельности В. М. Чернова в бытность его за границей» (*Русская воля. 1917. № 174. 25 июля; Русское слово. 1917. № 168. 25 июля*). См. также: *Церетели И. Г. Воспоминания о Февральской революции. Париж, 1963. Т. 2. С. 307—308.*

⁶ Горький вспоминал: «В старое время на ярмарках была весьма популярна проба сил на “голове турка”. Вырезанная из корневища и грубо раскрашенная, голова эта помещалась на тугой пружине в полый железной тумбе; люди, которым хотелось показать свою силу, били по этой голове деревянной колотушкой, от удара голова сжимала пружину, оседала, а циферблат сзади показывал силу удара в цифрах» (*Г-30. Т. 26. С. 50*).

⁷ Л. Д. Троцкий, А. В. Луначарский, А. М. Коллонтай и другие активные работники Петроградского совета рабочих и солдатских депутатов были арестованы Временным правительством после июльских событий, обвинены в государственной измене и посажены в «Кресты». 24 июля на заседании Центрального исполнительного комитета Д. Б. Рязанов внес запрос по поводу этого ареста. В тот же день в «Русской воле» появилось сообщение, что арестованные были допрошены судебным следователем по особо важным делам, после чего им предъявили обвинение по статьям 51, 106 и 108 в противоправительственной агитации среди войск и измене. Из «Крестов» обвиняемые были переведены на Фонтанку. Сообщалось, что их дело будет соединено с делом «Ленина и К^о». 30 июля в газетах появилось заявление министра юстиции А. С. Зарудного, что об освобождении арестованных не может быть и речи (*Русская воля. 1917. № 174. 25 июля; № 179. 30 июля*). Луначарский

пробыл в заключении до 8 (21) августа, остальные были тоже освобождены под давлением нараставшего революционного движения.

⁸ Комиссар Отдела театров и зрелищ в Москве Е. К. Малиновская приглашала Горького на открытие Большого театра. В августе 1917 г. он в Москву не приехал.

5.

Печатается по А (АГ. ПГ-рл-30-19-616).

Датируется по содержанию.

¹ Намек на историческую легенду, упоминаемую в древнерусской «Повести временных лет»: призвание в 862 г. варягов на Русь, чтобы «володеть и княжить».

² Возможно, речь идет о П. Д. Стучке, который с 13 декабря 1917 г. был членом коллегии Наркомата юстиции.

³ Бернацкий М. В. (1876—1944) — профессор политической экономии, с сентября 1917 г. — министр финансов Временного правительства, был арестован вместе с другими министрами 26 октября и заключен в Петропавловскую крепость. Горький хорошо знал Бернацкого, т. к. в 1916 г. предлагал ему возглавить радикально-демократическую газету «Луч» (издание не состоялось). После освобождения Бернацкий в 1918—1920 гг. был министром финансов в правительствах А. И. Деникина и П. Н. Врангеля, с 1920 г. — эмигрант (см.: Новый журнал. 1976. № 17. С. 322—328).

⁴ Речь идет о действиях А. В. Луначарского на посту наркома просвещения: 2 ноября 1917 г. он подал в СНК заявление о выходе из правительства в знак протеста против разрушения исторических памятников, но после разговора с Лениным сообщил, что останется на своем посту. В обращении «Ко всем гражданам России» Луначарский писал, что будет работать, «пока ваша воля не найдет более достойного заместителя» (*Политические деятели России*. С. 195).

⁵ Ср. свидетельство Ф. Ф. Раскольников: «Во всей истории русской журналистики нельзя найти более черной полосы буржуазного глганья, чем в этот период посленольских дней...» (*Раскольников Ф. Ф. Питер и Кронштадт в 1917*. М., 1990. С. 154).

6.

Печатается по А (АГ. ПГ-рл-30-19-617).

Датируется по первой фразе.

¹ Цитата из Библии (Новый Завет, Послание Иакова, 1).

² И. И. Манухин успешно лечил Горького от туберкулеза, облучая селезенку рентгеном.

³ См. примеч. 8 к п. 2.

7.

Печатается по А (АГ. ПГ-рл-30-19-618).

Датируется по почт. шт.: 11.03.13. Москва.

¹ Во второй половине февраля 1918 г. Горький писал М. А. Пешкову: «Я остаюсь здесь. Очень хотел бы и тебя здесь видеть» (*Архив Г. 13*. С. 169).

² 18 февраля 1918 г. немецкие войска нарушили временное перемирие, перешли в наступление и приблизились к Петрограду.

³ Речь идет о Брест-Литовском мире, подписанном 3 марта 1918 г. Тяжелейшие условия мирного договора вызвали ожесточенную полемику в партии. Против заключения мира выступала группа «левых коммунистов» во главе с Н. И. Бухариным (см. материалы IV Чрезвычайного Всероссийского съезда Советов 14—16 марта 1918 г., на котором договор был ратифицирован — *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 36. С. 89—123). Еще более резко критиковали Брестский мир левые эсеры в газете «Знамя труда». От имени их фракции на IV съезде Советов выступил Б. Д. Камков, протестуя против ратификации договора. Вскоре эсеры начали готовить убийство посла Мирбаха, чтобы спровоцировать новую войну с Германией.

⁴ Против заключения Брестского мира выступали также меньшевики, интернационалисты и близкие к ним члены редакции газеты «Новая жизнь». В статье «Капитуляция» Н. Суханов высказался за продолжение войны с Германией (Новая жизнь. 1918. 3 марта). М. Н. Покровский заявил на Московской партийной конференции, что подписанный мир «не следует исполнять» (*Политические деятели России.* С. 257).

⁵ В связи с приближением немецких войск к Петрограду 11 марта 1918 г. советское правительство переехало в Москву.

⁶ 3 марта 1918 г. «Новая жизнь» была временно приостановлена за статью Н. Суханова «Капитуляция», но вновь разрешена после того, как редакция заявила, что не согласна с точкой зрения автора статьи. С 1 июня 1918 г. газета выходила в двух городах — Москве и Петрограде. Оба отделения были закрыты по постановлению Советского правительства 16 июля 1918 г.

⁷ Десницкий В. А. (псевд. В. Строев, 1878—1958) — литературовед и публицист, член редакции «Новой жизни».

8.

Печатается по А (АГ. ПГ-рл-3-19-8-620).

Датируется по времени приезда М. Пешкова в Петроград.

¹ В октябре 1917 г. М. А. Пешков принимал участие в революционных событиях в Москве на стороне большевиков и был арестован юнкерами.

² В этот период Горький много сил отдавал организации новых культурных учреждений: созданию Большого драматического театра, издательства «Всемирная литература», «Театра трагедии», работе общества «Культура и свобода», союза художников и др.

³ Протестуя против стихии анархии на улицах города, Горький опубликовал статью «Веселенькое», в которой писал: «...для меня ясно, что грабители, буйствующие на улицах, — самые обыкновенные русские люди и даже, может быть, милые люди, из тех, что привыкли жить “на авось”. И вот именно то, что эти люди “обыкновенные” — самое страшное» (Новая жизнь. 1918. № 15. 21 января). Гржебин З. И. (1869—1929) — издатель. Ладыжников И. П. (1874—1945) — активный деятель РСДРП(б), издатель, друг Горького.

9.

Печатается по А (АГ. ПГ-рл-30-19-621).

Датируется по содержанию.

¹ В 1885—1888 гг., живя в Казани, Горький работал в булочных В. С. Семенова и А. С. Деренкова.

² Начав выступление в конце февраля 1918 г., немецкие войска продолжали его и в марте, захватив ряд городов центральной России.

³ В апреле 1918 г. М. А. Пешков уехал за хлебом в Барнаул с санитарным поездом (*Архив Г. 13. С. 170—173*).

⁴ Название книги В. В. Розанова «Когда начальство ушло» о событиях революции 1905 г. Здесь имеется в виду переезд советского правительства в Москву.

⁵ В первый же год после Октябрьской революции стало ясно, что советская власть, осуществляя политику пролетариата, на деле не считаете с интересами рабочих и их нуждами. Особенно возмутил Горького расстрел безоружной петербургской демонстрации 5 января 1918 г. В статье «9 января — 5 января» он писал, «что в манифестации принимали участие рабочие Обуховского, Патронного и других заводов, что под красными знаменами Российской с-д. партии к Таврическому дворцу шли рабочие Василеостровского, Выборгского и других районов. Именно этих рабочих и расстреливали...» (*Новая жизнь. 1918. № 6. 9 января*).

⁶ После Октября лидер эсеровской партии В. М. Чернов (см. примеч. 5 к п. 4) ратовал за перемещение «власти от России цензовой к России рабочей, трудовой» (*Краткий отчет о работе 4-го Съезда ПСР. Пг., 1918. С. 15*).

⁷ М. А. Пешков увлекался коллекционированием марок. Наиболее ценные из них он продавал в эти трудные годы.

10.

Печатается по А (*АГ. ПГ-рл-19-30-630*).

Датируется по времени отъезда М. А. Пешкова из Петрограда в Москву: он приехал 27 января 1919 г. и пробыл у отца не более недели.

¹ Возможно, речь идет о крестнике Горького Зиновии Пешкове, который приезжал в Россию в июне 1917 г. и позднее как уполномоченный Антанты (см. примеч. 3 к п. 1).

² Антанта («Тройственное согласие») — блок Англии, Франции и России, сформировавшийся в 1904—1907 гг., в годы Первой мировой войны объединял против Германии более двадцати государств, в том числе США, Японию, Италию и др. После Октября 1917 г. империалисты Антанты организовали военную интервенцию в Советскую Россию.

³ Деньги за постановку горьковских пьес («Старик», «На дне» и др.), шедших в 1917—1918 гг. в московском Малом театре и Театральном обществе.

⁴ О. А. Каменская — жена совладельца волжского пароходства «Братья Каменские» В. М. Каменского, который неоднократно давал деньги Горькому в долг.

⁵ Антикварно-оценочная комиссия была образована при Петроградском отделении Народного комиссариата торговли и промышленности в декабре 1918 г. 2 января 1919 г. Горький был избран ее председателем.

⁶ 29 марта 1918 г. Горький был избран председателем оргкомитета просветительского общества в память 27 февраля 1917 г. «Культура и свобода».

⁷ 7 июня 1918 г. на заседании президиума общества «Культура и свобода» было принято решение создать «Красный крест помощи лицам интеллектуального труда» и организовать пункты питания в Петрограде. 12 июня Горький опубликовал воззвание от имени уполномоченного «Красного Креста» с просьбой о сборе пожертвований (*Новая жизнь. 1918. № 114*).

⁸ С декабря 1918 г. Горький участвовал в работе Совета Эрмитажа, заботясь о сохранении ценностей музея. 15 января 1919 г. он был избран почетным председателем Совета Эрмитажа.

⁹ 17 апреля 1918 г. Горький был избран председателем президиума Исполнительного комитета Союза деятелей искусств.

¹⁰ 30 декабря 1918 г. писатель вошел в репертуарную комиссию Большого художественного совета Отдела театров и зрелищ союза коммун Северной области (Жизнь искусства. 1918. № 50).

¹¹ В сентябре 1918 г. по инициативе Горького было создано издательство «Всемирная литература», задачей которого было издание классических произведений зарубежной и русской литератур. Став заведующим этого издательства, писатель объединил вокруг него крупнейших писателей и литературоведов, дав им возможность выжить в годы разрухи и голода.

¹² Для наведения порядка в Петрограде по решению советской власти были образованы домовые комитеты. Горький стал председателем в доме на Кронверкском проспекте, 23, где жил вместе с семьей и друзьями.

¹³ Сан-Марино — древнейшая республика на Аппенинском полуострове. Живя на Капри, Горький в 1906 г. общался с социалистами из Сан-Марино и был избран почетным гражданином республики (см.: Горький. *Письма*. Т. 5. С. 227).

«ДЕЛО ДОЛЖНЫ СОВЕРШИТЬ ХУДОЖНИКИ НОВОГО ДУХА, ОТ НИХ ЖЕ ПЕРВЫЙ ЕСТЬ ВЫ...»

ПИСЬМА В. А. БАЗАРОВА к ГОРЬКОМУ

*Вступительная статья, подготовка текста и примечания
Е. Н. Никитина*

Публицист А. И. Изгоев, известный своим участием в сборнике «Вехи», писал в одной из статей: «Знаменосец “богостроительства” Горький, пророк — г. Луначарский (он даже сочинил акафист в честь Маркса — не шучу!), роль философа — хочет взять на себя г. Базаров»¹.

Если А. В. Луначарскому, не говоря уже о Горьком, посвящена обширная литература, то о В. А. Базарове известно мало². И это при том, что он на протяжении многих лет был одним из наиболее близких Горькому людей.

Владимир Александрович Руднев (Базаров) родился 25 июля (6 августа) 1874 года³ в Туле. Его отцом был дворянин, статский советник, старший врач земской больницы Александр Матвеевич Руднев (1842—1901), матерью — Анастасия Петровна Руднева (1853—?). В семье был еще один ребенок — девочка, Людмила Александровна Руднева (1876—1942)⁴.

Первоначальное образование мальчик получил в тульской гимназии. Его одноклассник Петр Гермогенович Смидович (1874—1935), впоследствии известный государственный деятель, вспоминал: «Сухие педагоги <...> без чести и самоуважения, — они ломали походя все живое в детях. Рядом с ними другие, с человеческими лицами, но страха ради прятавшие глубоко в себе все человеческое. Естествознание — это запретная область. Те же обедни и всенощные, под строгими глазами начальства. Унижения и карцер. А в наших душах — в одном классе были все время Малиновский (Богданов) и Руднев (Базаров) — зрела глубокая ненависть ко всему официальному, презрение ко всему насильственному строю. Все запретное было мило. Читали Писарева, Чернышевского, Добролюбова всасос. Естественные науки — здесь искали ответов на все вопросы. Противная до

тошноты водка — ее глотали ученики, потому что — запретная <...> Так кончилась гимназия, и начался Московский университет <...> Тимирязев, Сеченов, Мензбир, Столетов и др. — блестящая плеяда учителей, студенческие кружки, Маркс и Энгельс»⁵.

В 1892 году Руднев вместе с друзьями-однокурсниками поступил в Московский университет на естественное отделение физико-математического факультета. Молодые люди сразу же занялись активной общественной деятельностью — вошли в Союзный совет объединенных землячеств. Его членами в это время были такие известные впоследствии политические деятели, как Н. В. Тесленко, В. М. Чернов и А. И. Шингарев. По почину совета студентами в связи с теми или иными событиями устраивались сходки. Одна из них закончилась для Руднева исключением из университета. Его однокурсник М. В. Сабашников, впоследствии известный издатель, вспоминал: «Не могу восстановить в памяти, в чем было дело, но состоялась сходка в химической аудитории. Полиция оцепила здание университета. Она студентов выпустила, но переписала тех, кто выходил последними, очевидно, считая их наиболее упорными. Некоторые были затем исключены. Другие отделались выговором правления (в том числе и я). С нашего курса были исключены три студента Тульского землячества: Руднев, Смилович и Малиновский»⁶. М. В. Сабашников говорит о событиях декабря 1894 г. Студенческое выступление было вызвано смертью Александра III. В сходке принимал участие и Борис Васильевич Авилов (1874—1938), в то время студент медицинского факультета, впоследствии ближайший сотрудник горьковской «Летописи» и «Новой жизни». Полиция начала расследование (оно продолжалось почти два года). До окончательного решения их судьбы исключенных студентов отправили на родину. В это время (февраль 1896 г.) произошло примечательное событие — в Тулу был выслан московский учитель Иван Иванович Скворцов (1870—1928), ставший впоследствии известным под именем Скворцова-Степанова. Молодые люди подружились. Малиновский, Руднев и Степанов впоследствии не раз выступали в печати с совместными работами. Наиболее известная — выпуск трех томов «Капитала» К. Маркса (М.: Московское книгоиздательство, 1907—1909). А. С. Изгоев в статье «Из истории российского невежества», анализирующей все появившиеся к тому времени переводы «Капитала» на русский язык, писал: «...за перевод “Капитала” взялись большевики, печатавшие со второго тома. Переводом заведовали В. Базаров и И. Степанов, причем первые 40 страниц II тома проредактировал Н. Ленин, а остальной второй том, равно как и третий — А. Богданов <...> Я не сверял все 1300 страниц нового перевода с подлинником, но я сверил достаточно мест, чтобы иметь право сказать, что новый перевод — вполне серьезное, научное предприятие, выполненное, действительно, с полной добросовестностью и с полным знанием дела. Чего-либо подобного неве-

жественным курьезам Николая-она <псевд. Н. Д. Даниельсона, первого переводчика “Капитала”. — Е. Н.> здесь нет и следа»⁷.

По окончании следствия Руднев «на основании Высочайшего повеления 6 ноября 1896 года подлежал тюремному заключению на три недели и гласному надзору полиции на один год, вне столиц, столичных губерний и университетских городов»⁸, но даже тюремного заключения полностью отбыть не успел — в отношении него началось новое расследование, в связи с делом «Московского рабочего союза». В итоге Руднев «по Высочайшему повелению, последовавшему в 4 день февраля 1898 года и по вменении в наказание предварительного содержания под стражей, подлежал тюремному заключению на один месяц и подчинению гласному надзору полиции на два года в избранном месте жительства вне столиц, столичных губерний, университетских городов и фабричного района»⁹.

Выйдя из заключения, Владимир Александрович решил поселиться в Калуге. Здесь произошло еще одно примечательное знакомство — с А. В. Луначарским.

К концу 1890-х гг. относится начало литературной деятельности философа, экономиста и публициста, тогда родился его основной псевдоним — В. Базаров. Так была подписана брошюра «Труд производительный и труд, образующий ценность», вышедшая в Петербурге в 1899 г. в издательстве С. Дороватовского и А. Чарушникова, том самом, где годом ранее увидели свет «Очерки и рассказы» М. Горького.

Вскоре после окончания срока высылки, в июле 1900 г., Базаров выехал для продолжения учебы за границу, в Германию. Здесь он занимался не только повышением своего образовательного уровня в Берлинском университете, но и «вместе с В. Бухгольцем, И. Давыдовым, П. Куняевым и некоторыми другими социал-демократами, проживавшими в Берлине, образовал группу, которая поставила своей целью перебросить мост между “рабочедельцами” и только что возникшей организацией “Искры” и “Зари”»¹⁰. А. Мартынов вспоминал: «За границей я вступил в “Союз русских социал-демократов”. В это время там формировалась группа “Искры”, которая начала поход против “экономистов”, которых брал под свое покровительство орган союза — “Рабочее Дело”. Но мы понимали “экономизм” гораздо уже, чем искровцы; в организационных вопросах мы всецело разделяли взгляды “Рабочего Дела”, и мы возмущались тем, что искровцы вместо того, чтобы реформировать союз изнутри, стремятся его взорвать, ведя раскольническую политику»¹¹.

В Россию Базаров вернулся летом 1901 г. Об этом свидетельствует следующий документ, разосланный губернаторам, градоначальникам, оберполицмейстерам, начальникам жандармских, губернских и железнодорожных полицейских управлений и на все пограничные пункты 11 (24) августа 1901 г.:

«Упомянутые в циркуляре от 22 июня 1901 года за № 2234 крестьянин Михаил Алексеев *Медведев* и дворяне Павел Павлов *Покровский* и Владимир Александров *Руднев* до рассылки означенного циркуляра возвратились из-за границы в Россию, причем названные Покровский и Руднев ныне подчинены особому наблюдению филеров Летучего Отряда Департамента Полиции в гор. Москве; что же касается Михаила Медведева, то настоящее место его нахождения не известно.

В виду сего Департамент Полиции по розыскным соображениям, имеет честь покорнейше просить подлежащие власти не подвергать выше поименованных лиц обыску и аресту, приняв лишь меры к негласному выяснению места жительства Михаила Медведева, а по обнаружении последнего телеграфировать Департаменту.

Писал: Директор Зволянский.

Счел: Чиновник Особых поручений Ратаев.

Списано: Помощник Делопроизводителя Пешков»¹².

Сохранился словесный портрет Базарова, сделанный в это время царской охранкой: «Рост 2 арш. 8 $\frac{1}{2}$ верш., телосложение очень крепкое, волосы на голове темно-русые, волнистые, длинные, закидывает назад, носит короткую бороду и усы, глаза темно-карие, голова круглая, размером 13 $\frac{1}{2}$ верш., с плоским теменем, лоб правильной четырехугольной формы, средней высоты лобные и бровные бугры несколько выдаются, нос прямой не толстый размером $\frac{3}{4}$ верш., лицо круглое, черты его правильны, кожа белая и чистая, общий вид лица красивый, рот небольшой, губы тонкие, подбородок круглый, не достает двух передних коренных зубов на нижней челюсти слева (выдернуты), голос — баритон, уши правильные, среднего размера, походка развалистая»¹³.

27 сентября (10 октября) 1901 г. Базаров был кооптирован в члены Московского комитета РСДРП. В конце заседания всех присутствовавших (В. Базаров, И. Давыдов, П. Куняев, Б. Никифоров, И. Скворцов-Степанов, В. Шанцер) арестовала полиция. Базарова на три года выслали в Енисейскую губернию. По окончании ссылки он едет в Петербург, где становится членом местного комитета РСДРП. К этому времени относится первое упоминание имени философа в переписке Горького. Писатель 28 июня (11 июля) 1905 г. сообщал А. А. Дивильковскому: «Засим: с августа будет выходить газетина при участии Богданова, Степанова, Базарова, Рожкова, Румянцева, Луначарского, Иорданского, затем я, Чириков, Андреев, Гусев и т. д. И Вы тут же? Пожалуйста»¹⁴. Горький говорит о «Новой жизни». Ее первый номер увидел свет не в августе, а несколько позднее — в октябре. Официальным редактором газеты был поэт Н. М. Минский. Издателем — М. Ф. Андреева. В редакцию входили: В. Базаров, К. Бальмонт, А. Богданов, З. Венгерова, В. Воровский, Л. Габрилович (Галич), И. Гольденберг, М. Горький, Л. Каменев, Л. Красин, В. Ленин, М. Литвинов, А. Луначар-

ский, М. Ольминский, П. Румянцев, Н. Тэффи. Газета просуществовала недолго. Последний, 28-й, номер вышел 3 (16) декабря 1905 г.¹⁵

Работая в редакции одной газеты, писателю и философу встретиться не пришлось. Горький то и дело уезжал из Петербурга. Большую часть октября и почти весь ноябрь он провел в Москве, где, помимо других дел, участвовал в переговорах о создании еще одной марксистской газеты. В результате 24 ноября (7 декабря) 1905 г. «Новая жизнь» опубликовала объявление: «В самом непродолжительном времени начнет выходить в г. Москве большая соц.-демократическая газета “Борьба”. Ближайшее участие в газете будут принимать: Н. Ленин, М. Горький, А. Луначарский, М. Ольминский, М. Покровский, Л. Андреев, А. Богданов, В. Базаров, Н. Рожков, П. Румянцев, В. Шанцер, И. Степанов, В. Фриче, Е. Чириков и др. Редактор-издатель С. Скимунт». Первый номер «Борьбы» вышел 27 ноября (10 декабря), последний — 7 (20) декабря 1905 г.

В 1905—1906 гг. Базаров (как и Богданов) активно сотрудничает с Лениным. Об этом свидетельствует совместное участие в газетах «Новая жизнь» и «Борьба», а также работа в издательстве «Вперед». Его администрация 28 мая (ст. ст.) 1906 г. направила в Петербургский комитет РСДРП записку, в которой говорилось о том, что «“Вперед” намерено “издавать произведения соц.-дем. направления как переводные, так и оригинальные под общей редакцией т. т. Базарова, Богданова и Ленина”»¹⁶.

В 1906 г. в Петербурге увидела свет книга Базарова «Анархический коммунизм и марксизм». Позднее, в 1930 г., философ скажет, что в ней «в наиболее простом виде изложены <...> принципиальные установки»¹⁷ автора.

Рассматривая различные течения анархизма, он говорит: и мы (социал-демократы) выступаем за то, чтобы государства не стало, и мы за построение справедливого общества, лишённого всяческого (в том числе и государственного) угнетения. Но, утверждает Базаров, пути построения такого общества, предлагаемые анархистами, — утопичны. Реально возможный путь — один, предлагаемый социал-демократами.

Среди других обвинений в адрес социал-демократов, выдвинутых анархистами, было обвинение в авторитаризме. Базаров его отрицает: «Социал-демократию имело бы смысл упрекать в культе авторитарных отношений лишь в том случае, если бы она стесняла проявления критического духа, если бы она старалась скрывать колебания и разногласия, имеющие место в рядах руководителей, умышленно поддерживая в массах слепое доверие к вождям»¹⁸. Далее он говорит: «Пролетариату придется пустить в ход все средства принуждения, необходимые для того, чтобы быстро и решительно покончить с конвульсиями умирающего строя. Государство пролетариата в период не закончившейся еще революции не может не принять формы *политической диктатуры*. Это не значит, конечно, что

партия пролетариата ограничится простым захватом органов государственной власти в том виде, как они сложились в старом строе. Нет, немедленная и самая радикальная демократизация будет необходима именно для успеха пролетарской диктатуры»¹⁹. В конце автор делал вывод: «Бояться, что эти авторитарные отношения могут упрочиться и закрепиться, отдав снова мир в руки “насильников”, нет решительно никакого основания. В социалистическом обществе исчезает *объективная* почва для развития авторитарного духа и никакими ухищрениями зловердных “якобинцев” не удастся спасти престиж власти»²⁰.

Летом 1907 г., как видно из документов Департамента полиции, Базаров еще раз побывал за границей. Выехал не ранее 31 июля ст. ст. (дата получения заграничного паспорта), вернулся 22 августа ст. ст.²¹ Целью поездки было участие в работе Штутгартского конгресса 2-го Интернационала²².

Первая, личная встреча Горького и Базарова состоялась на Капри 9 (22) апреля 1908 г. Она оставила неизгладимый след в душе философа. Со временем Базарову стало казаться, что он пробыл на острове не две недели, а целый месяц. Об этом он скажет в письме к Горькому от 25 мая (7 июня) 1911 г. (п. 11) и много позднее, 20 сентября 1930 г., заявит следователю ОГПУ А. С. Славатинскому: «В 1908 году по особому приглашению Горького приехал в Италию, на остров Капри — где вместе с А. А. Богдановым и А. В. Луначарским пробыл около месяца»²³. Друзья-единомышленники беседовали о философии, о политике, обсуждали совместный литературный проект — выпуск серии книг «Русская энциклопедия».

Появление на Капри Ленина придало дискуссии резко полемический характер. Приглашая Владимира Ильича в гости, Горький хотел добиться примирения марксиста-ортодокса с коллективистами, пытавшимися развить философское учение автора «Капитала». Может быть, последовавшей вскоре «войны» и удалось бы избежать, если бы речь шла только о философии. 11 (24) марта 1908 г. Ленин писал Горькому: «Дорогой А. М. ! Получил Ваше письмо насчет драки моей с махистами <...> Я бы не поднял шуму, если бы не убедился безусловно (и в этом убеждаюсь с каждым днем все больше по мере ознакомления с первоисточниками мудрости Базарова, Богданова и К^о), что книга их <Очерки по философии марксизма. СПб., 1908. — Е. Н.> — нелепая, вредная, филистерская, поповская *вся*, от начала до конца <...> Плеханов *всецело* прав против них по существу, только не умеет или не хочет <...> сказать это *конкретно*, обстоятельно, просто, без излишнего запугивания публики философскими тонкостями. И я во что бы то ни стало скажу это *по-своему* <...> Нейтральности в таком вопросе быть не может и *не будет*. Если можно говорить о ней, то разве в *условном* смысле: надо *отделить* всю эту драку от фракции. До сих пор писали “на стороне”, вне фракционных изданий, пишете и дальше так»²⁴.

Дело в том, что ни Базаров, ни Богданов, ни даже Луначарский признать Ленина за безусловного лидера, за вождя — не хотели. Более того, сами (прежде всего Богданов) подумывали о лидерстве и, что с точки зрения Ленина не менее тяжкий грех, решили организовать школу, которая должна была готовить смену нынешним партийным функционерам.

Когда Ленин узнал о начале организационной работы по созданию Каприйской партийной школы, он решил как можно быстрее осуществить свою угрозу — сказать все, что он думает о коллективистах, сказать «*конкретно*», обстоятельно, просто, без излишнего запугивания публики философскими тонкостями».

Работа над «Материализмом и эмпириокритицизмом» началась еще до посещения Капри — в феврале²⁵. О ее ходе Ленин с предельной откровенностью написал Горькому 3 (16) марта 1908 г.: «Газету <“Пролетарий”> я забрасываю из-за своего философского запоя: сегодня прочту одного эмпириокритика и ругаюсь площадными словами, завтра — другого и матерными»²⁶.

Книга была написана быстро — за 8 месяцев, но увидела свет только в мае 1909 г. (не сразу удалось найти издателя, даже В. Д. Бонч-Бруевич, возглавлявший издательство «Жизнь и знание», не решился ее напечатать). Внимательные читатели не могли не заметить, что дело тут не в философии (или не столько в философии). Сталин писал М. Торошелидзе по поводу работы Ленина: «...материализм Ильича во многом отличается от такового Плеханова, что вопреки требованиям логики (в угоду дипломатам?) Ильич старается затушевать»²⁷. Подмечено правильно. Ленину в это время был нужен союз с Плехановым для борьбы с более опасными, с его точки зрения, коллективистами. В чем же была их опасность? Богданов позднее разъяснял: «В борьбе за единоличную диктатуру он <Ленин> был объективно прав: таков был уровень его стада, это была необходимость; а единоличные, случайно развившиеся сильные индивидуальности европейского типа не могли столько прибавить, сколько отнять, подрывая самим своим существованием в организации основной ее, авторитарный тип связи — при его ограниченном образовании, целые области “духа” его стада остались бы вне его контроля, под воздействием этих индивидуальностей»²⁸.

Разумеется, на Капри Ленина переубедить не удалось. Но и коллективисты остались верными своим убеждениям.

Базаров при личной встрече с Горьким (особенно после того, как услышал авторское чтение «Исповеди») увидел, сколь одинаково они смотрят на развитие событий в России, на общий ход истории (см. п. 4). Писатель предлагает философу поселиться на Капри — так легче будет осуществлять совместные литературные (и не только) проекты. Базаров, взвесив все за и против, решает последовать данному совету. Он сообщает Болга-

нову в марте 1909 г.: «Принципиально решено поселиться на Сарги»²⁹. Но что-то помешало это решение воплотить в жизнь. Базаров даже на время не смог выехать за границу — для того, чтобы принять участие в работе Каприйской партийной школы. Оставаясь в Петербурге, он «оказывал спорадические услуги товарищам, возвращавшимся в Россию из Италии, после окончания ими школы на Капри»³⁰.

В начале 1911 г. А. В. Амфитеатров при деятельном участии Горького воссоздает «Современник». В мае М. С. Ольминский от имени группы социал-демократов (В. Базаров, В. Д. Бонч-Бруевич, В. М. Величкина, Б. Б. Веселовский, А. Е. Лосицкий, И. В. Чернышев) делает предложение В. В. Водовозову, представителю редакции в Петербурге: «...они входят в журнал в качестве сотрудников, но только групповым образом с следующей конституцией:

1. Они имеют право отвода сотрудников.
2. Рекомендации сотрудников.
3. Внутреннее обозрение должно быть в руках одобренного ими человека <...>
4. Должны быть регулярные собрания ближайших сотрудников»³¹.

Это предложение не было принято. Затем, 30 сентября (13 октября) 1911 г., Горький советует Амфитеатрову: «Обзор “течений общественной мысли” сделал бы Базаров <...> Базарова вообще следовало бы привлечь к журналу, это человек серьезный, за что и зачислен в еретики правоверными с.-д.»³². И получает ответ: «Против Базарова решительно ничего против не имею и буду очень рад его статьям»³³. Но вскоре Горький, не соглашаясь с принятым Амфитеатовым решением стать единоличным редактором, уходит из журнала. Вероятно, по этой причине Базаров тогда сотрудником «Современника» не стал.

В январе 1912 г. Амфитеатров покидает журнал. Место редактора занимает Е. А. Ляцкий. После встречи с ним Горький решает возобновить сотрудничество, но ставит условие: редакцию необходимо укрепить Базаровым, И. И. Скворцовым-Степановым и А. Н. Тихоновым. Руководство «Современника» это предложение не устраивает. Горький в марте 1913 г. вновь уходит из журнала. Но у Базарова уже завязались свои отношения с «Современником» (об этом он говорит в письме от 17 (30) июня 1913 г. — см. п. 12). Философ остается в журнале.

«В октябре 1915 г. вышел последний номер “Современника”, а в декабре под редакцией Горького появился первый номер антивоенного журнала “Летопись”, в который перешли ряд сотрудников прекратившегося издания»³⁴.

Горький давно хотел иметь собственный журнал. Еще весной 1911 г. писатель предлагал И. Д. Сытину начать его выпуск. Целью издания ставилось всестороннее изучение России (журнал предполагалось назвать

«Новая Россия»). К сотрудничеству одним из первых был приглашен Базаров (см. п. 11). Но план удалось реализовать только в 1915 г.

«Летопись» была одним из немногих изданий, которые выступали против войны, за скорейшее заключение мира. В письме к сосланному в Иркутск В. С. Войтинскому — он вскоре станет автором журнала — Горький сообщал: «Дабы пояснить Вам платформу и программу “Летописи”, скажу следующее: в наши дни публика резко делится на интернационалистов и националистов. Эта линия деления проходит сквозь всю демократию, разъединяя и пролетариат. В то же время она крепко объединяет командующий класс — торгово-промышленный — под знаком национализма: это вполне естественно при наличии возможности грабить Русь как хочется и сколько угодно»³⁵. Открыто позиция редакции была высказана после Февральской революции, в № 2/4 за 1917 г.: «Полтора года назад, когда не только либеральная и консервативная, но и так называемая “демократическая” печать была сплошь заражена шовинизмом, мы начали кампанию против военной идеологии, старались систематически разоблачать те захватные планы, которые преследуют империалисты всех воюющих стран под лицемерным прикрытием разных благородных девизов» (с. 7).

В первом номере «Летописи» Базарову принадлежат статьи «Единство культуры и национализм», «Дорожный разговор» (подп.: В. Плуталов) и две рецензии — на первую часть «Очерка истории русской культуры» М. Покровского (М., 1915) и на книгу А. Немова «Идея славянского возрождения» (М., 1915).

Важно отметить то, что идея «Дорожного разговора» была подсказана Базарову Горьким. Такой вывод можно сделать из письма от 6 (19) июля 1915 г. (п. 14). Во всяком случае, мысли, высказанные в статье, еще до ее написания обсуждались Базаровым и Горьким.

События в стране с февраля 1917 г. стали так стремительно развиваться, что ежемесячный журнал явно не успевал на них реагировать. Встал вопрос о создании ежедневной газеты. Н. Н. Суханов вспоминал: «“Новая Жизнь” была и задумана и основана редакцией “Летописи”, состоявшей из четырех лиц: Горького, Базарова, Тихонова и меня. Деньги дал Горький <...> Но для газеты этих сил, даже в качестве центральных, было недостаточно <...> Горький привлек в наш кружок своего старого приятеля, бывшего большевика Десницкого-Строева. А затем мы услышали, что большую социал-демократическую газету основывают <...> Стеклов, Гольденберг и Авилов. И мы решили предложить им объединиться <...> Объединение состоялось, но со Стекловым мы не ужились лично, и через месяц он оставил газету, а Гольденберг не чувствовал с нами надлежащего внутреннего, идейного контакта и уже не вернулся в редакцию после своей заграничной командировки в качестве советского делегата. Только Авилов остался до конца»³⁶. О позиции Б. В. Авилова в 1917 г. оставил воспоми-

нения Ф. Ф. Раскольников. Он писал: «Я вошел в комнату, где происходило собрание <Петроградского комитета РСДРП. — Е. Н.>, во время речи Б. В. Авилова <...> Он немилосердно цитировал свои старые статьи, приводил в подкрепление выдержки из резолюций партийных съездов, и все это только для того, чтобы обосновать типично меньшевистское положение, что мы переживаем буржуазную революцию и потому задача пролетариата заключается в том, чтобы полностью и целиком, не за страх, а за совесть, поддерживать Временное правительство»³⁷. В это время (до возвращения Ленина в Россию) за поддержку Временного правительства выступала не только «Новая жизнь», но и «Правда», редактируемая Сталиным и Каменевым.

Позиция Б. В. Авилова во многом совпадала с точкой зрения Базарова. На допросе, 20 сентября 1930 г., он скажет: «В течение развертывания революции, — начиная с октября, у меня наметились серьезные разногласия с большевиками <...> Что меня оттолкнуло от Октября? — Я считал, что большевики искусственно сузили базис революционной власти и что кроме интернационалистов и левых эсеров — следовало привлечь к управлению страной меньшевиков типа Мартова и некоторых правых эсеров»³⁸.

В марте 1917 г. Базарова приглашали стать членом редакции большевистской «Правды», но он выбрал другую газету — «Новую жизнь». Ее первый номер вышел 18 апреля (1 мая) 1917 г. На первой странице была напечатана программная статья «Наши задачи», написанная Авилковым, Базаровым и Сухановым³⁹. В ней говорилось:

«Возрождающийся пролетарский интернационал уже противопоставил планам капиталистов и их правительств пролетарскую волю к прочному миру, к миру без аннексий и контрибуций. Наша газета будет самым решительным образом отстаивать этот лозунг. Никаких насильственных присоединений! <...> Призывая к скорейшему заключению мира на основе требований, провозглашенных интернационалом в Циммервальде и Кинтале, мы, само собой разумеется, мыслим прекращение войны лишь в организованных формах и менее всего склонны содействовать разрушению или ослаблению боевой мощи нашей революционной армии <...> Было бы <...> роковой ошибкой немедленно объявить советы единственными органами революционной власти. Рабочий класс и крестьянская беднота еще так слабо организованы, так мало подготовлены к политическому господству, что преждевременно провозглашенная их диктатура, возбуждая отчаянное сопротивление всех слоев буржуазии, неизбежно привела бы, в обстановке еще не законченной войны и ужасающей хозяйственной разрухи, к поражению революции. Мы полагаем, поэтому, что рабочие, солдатские и крестьянские депутаты должны пока поддерживать связь с буржуазным правительством, толкая его вперед по пути революции <...> Для того, чтобы упрочить приобретения демократической революции и проложить ши-

рокий путь к социализму, надо не только победить врагов, но и стать достойными своей победы: надо заботливо растить зародыши нового сознания, нового отношения к человеку, новой социалистической культуры».

Рядом с «Нашими задачами» была помещена статья Горького «Революция и культура». Писатель предостерегал: «Революция низвергла монархию, так! Но, может быть, это значит, что революция только вогнала накожную болезнь внутрь организма. Отнюдь не следует думать, что революция духовно излечила или обогатила Россию. Старая, неглупая поговорка гласит: “Болезнь входит пудами, а выходит золотниками”, процесс интеллектуального обогащения страны — процесс крайне медленный». Заканчивалась статья призывом: «Мы должны дружно взяться за работу всестороннего развития культуры».

В первом номере была напечатана также статья Базарова «Отечество в опасности!». В ней говорилось: «Наш “хозяйственный строй” не только “подорван”, — он находится в процессе полного распада <...> Но не может быть никакого спора о том, что мы испытываем абсолютный и при том обостряющийся недостаток в главнейших продуктах промышленного производства <...> Десятками приостанавливаются заводы вследствие невозможности добыть металл и топливо <...> И если этому разрушительному процессу теперь не будет положен конец, если на пути этой лавины не будет воздвигнута мощная преграда, мы через два—три месяца низвергнемся в хаос, который поглотит не только приобретения нашей революции, но, может быть, и всю нашу культуру».

Россия, российская культура в опасности. Спасти положение может только безотлагательное прекращение войны. Об этом во весь голос ежедневно говорила «Новая жизнь». Но власть была глуха. Если Николай II, не взвесив всех последствий, необдуманно ввязался в войну, то Временное правительство ничего не сделало для того, чтобы как можно скорее из нее выйти. Базаров писал позднее: «Наш “выход из войны” фактически уже совершился, когда началась революция, и вина вождей революции в первые ее месяцы не в том, что они признали этот факт, а наоборот в том, что они слишком поздно и недостаточно откровенно его признали»⁴⁰.

Германия неоднократно давала понять, что она готова заключить с Россией сепаратный мир. Но все предложения о мирных переговорах были отвергнуты Временным правительством, остававшимся верным лозунгу: «Война до победного конца». Оно не хотело видеть того, что солдаты устали и при первой возможности бегут с фронта. Проведение аграрной реформы также было отложено до созыва Учредительного собрания. Усугубляло недовольство широких слоев российского общества и то, что неоднократно переносились сроки созыва Учредительного собрания. Временное правительство явно не хотело расставаться с властью. К тому же определенные круги специально обостряли обстановку, желая прихода диктатора.

«Новая жизнь» выступала за скорейший созыв Учредительного собрания. Базаров писал: «В то время как в Питере “Речь” и другие либеральные, национал-либеральные, социал-патриотические и социал-черносотенные газеты замечают следы, пугают всероссийского мещанина призраком большевистских насилий, уверяют, что именно большевики хотят сорвать Учредительное собрание, в это самое время в Москве кадеты и кадетообразные “общественные деятели” начинают агитацию за новую отсрочку Учредительного собрания <...> Времена и сроки давно уже исполнились, — более недопустимы никакие оттяжки, ни под какими предложениями!»⁴¹.

К осени 1917 г. для многих стало ясно, что Временное правительство не в состоянии вывести страну из глубочайшего кризиса. Какой же выход? Восстание? Нет. Оно приведет к гражданской войне, к еще большим страданиям и так уже до предела измученного народа. 8 (21) октября 1917 г. в статье «Предостережение» Базаров писал: «Петербургская атмосфера более чем когда-нибудь насыщена тревожными слухами. Везде — в “хвостах”, в кучках, случайно скопляющихся на улице, в трамваях — повсюду эти, неизвестно откуда взявшиеся слухи о готовящемся “большевистском” восстании <...> называют даже определенные сроки <...> Надежды на те новые “права”, которые дадут большевики, причудливо переплетаются в сознании обывателя с упованиями на пришествие Корнилова <...> Какой же расчет нашим бонапартистам подыгрываться под “большевика”, звать массы к восстанию, к низвержению “безнадежного” Керенского не во имя военной диктатуры, а во имя передачи всей власти Советам. Расчет простой и, к сожалению, до сих пор всегда оправдывавший надежды провокаторов. Поднять восстание прямо во славу Корнилова в Петербурге невозможно; на одних обывательских “хвостах” далеко не уедешь, а ни рабочих, ни солдат Бонапартом пока не прельстишь. Гораздо выгоднее разжечь движение под ультрареволюционными, “большевистскими” лозунгами <...> Можно было бы ожидать, что большевистские центры первые забьют тревогу, вступят в решительную борьбу с провокаторами <...> Вместо этого мы находим в последнем № “Рабочего Пути” пламенную статью Н. Ленина, зовущую пролетариат перейти “от слов к делу”». Через несколько дней Базаров опять возвращается к той же теме. В статье «Марксистское отношение к восстанию» он пишет: «Положение слишком серьезное. Провал политики Съезда Советов взять власть в свои руки нанес бы слишком тяжелый удар пролетариату и революции <...> Большевики — противники выступления должны самым решительным образом агитировать на митингах, по заводам, в прессе, должны употреблять все усилия к тому, чтобы удержать от безумного шага сбитые с толку рабочие и солдатские массы. Вместо всего этого по городу пущен *в рукописи* листок, высказывающийся от имени двух видных большевиков против выступления. Этого немножко маловато, товарищи!»⁴².

На следующий день, 18 (31) октября 1917 г., «Новая жизнь» опубликовала заметку без подписи «Ю. Каменев о “выступлении”». В ней говорилось: «Во вчерашней статье В. Базарова упоминается о листке, выпущенном от имени двух видных большевиков против выступления. По этому поводу Ю. Каменев сообщает: Ввиду усиленного обсуждения вопроса о выступлении, я и тов. Зиновьев обратились к крупнейшим организациям нашей партии в Петрограде, Москве и Финляндии с письмом, в котором решительно высказывались против того, чтобы партия наша брала на себя инициативу каких-либо вооруженных выступлений в ближайшие сроки. Должен сказать, что мне неизвестны какие-либо решения нашей партии, заключающие в себе назначение на тот или на другой срок какого-либо выступления». В этом же номере была напечатана статья Горького «Нельзя молчать!». Писатель предостерегал: «Все настойчивее распространяются слухи о том, что 20-го октября предстоит “выступление большевиков” — иными словами: могут быть повторены отвратительные сцены 3—5 июля <...> повторится та кровавая, бессмысленная бойня, которую мы уже видели и которая подорвала во всей стране моральное значение революции, пошатнула ее культурный смысл <...> Уместно спросить: неужели есть авантюристы, которые, видя упадок революционной энергии сознательной части пролетариата, думают возбудить эту энергию путем обильного кровопускания? Или эти авантюристы желают ускорить удар контрреволюции и ради этой цели стремятся дезорганизовать с трудом организуемые силы? Центральный Комитет большевиков обязан опровергнуть слухи о выступлении 20-го, он должен сделать это, если он действительно является сильным и свободно действующим политическим органом, способным управлять массами, а не безвольной игрушкой настроений одичавшей толпы, не орудием в руках бесстыднейших авантюристов или обезумевших фанатиков».

Временное правительство явно не способно было поправить положение в стране. Базаров предложил выход: необходимо создать правительство общественного спасения — «правительство, способное, опираясь на поддержку всех сознательных элементов нации, проводить в жизнь необходимые для спасения страны меры с беспощадною решительностью; правительство строго деловое и дельное, чуждое всякого доктринерства, всякого дипломатничания, строго единое, до конца солидарное в своей работе»⁴³. В статье Базарова «В чем сила большевиков», опубликованной 25 октября (7 ноября) 1917 г., говорилось: «Во вчерашнем № мы уже писали, что Съезд Советов может предотвратить гражданскую войну только в том случае, если он восстановит “единый революционный фронт”, решительно и бесповоротно вступив на путь демократического блока <...> Почему эти организующие, творческие, эти в высокой степени “государственные” силы рабочего класса идут за “анархо-бланкистскими” лозунгами больше-

виков? Да по простой причине, что им приходится выбирать между неизвестным еще режимом бланкистов и слишком хорошо, горьким опытом изведанным режимом коалиционного безвластия. Когда все усилия профессиональных союзов наладить нормальную промышленную жизнь разбиваются о сопротивление промышленников, отвергающих, в надежде на близкое пришествие Корнилова, самый принцип коллективного договора <...> Но позвольте, скажут нам, можно ли думать о демократизации власти теперь, за три недели до выборов в Учредительное собрание? Не безумие ли подвергать в такой момент родину риску тяжелых внутренних осложнений, вызывать призрак гражданской войны? На это мы без малейших колебаний отвечаем: демократический блок не только не вызвал бы призрака гражданской войны, но явился бы единственным средством *предотвратить* ту гражданскую войну, которая в настоящий момент уже не “призрак”, а увя — почти осязаемая реальность». Уже после переворота, 26 октября (8 ноября) 1917 г., Авилов в статье «Трудная задача» говорил: «Преодолеть все эти невероятные трудности возможно только объединением всех сил демократии». А на следующий день Базаров повторил: «Выход в создании власти, опирающейся на широкий демократический блок <...> Блок наиболее влиятельных советских партий — вот тот минимум сплочения социальных сил, при котором вообще возможно образование устойчивого правительства». Но пойдут ли на создание блока большевики, фактические обладатели власти в стране? Ответ на поставленный вопрос дает неподписанная передовая статья «Что же дальше?», опубликованная в «Новой жизни» 28 октября (10 ноября) 1917 г.: «События принимают поистине трагический оборот. До сих пор не только не намечилось какой-либо почвы для соглашения между победоносными большевиками и демократическими партиями, но с каждым часом пропасть, разделяющая революционную демократию на два враждебных лагеря, становится глубже. Сформировано чисто большевистское правительство с Н. Лениным и Л. Троцким во главе. Воскресшая из мертвых “Правда” <...> в качестве официоза новой власти, — гордо заявляет: “Мы берем власть одни”».

С первых минут правления большевиков внимательный взгляд мог увидеть, что они не захотят делиться властью, а также — какова эта власть (формально — народная, фактически — власть партии, точнее — ее руководства, оно принимает решения; избранные органы должны лишь «утверждать» их). Базаров в статье «Блестящее одиночество или блок?» писал: «Большевики сделали все возможное для того, чтобы пожать плоды своей “блестящей победы” в полном одиночестве. Съезд Советов был лишен возможности свободно решить важнейший вопрос современности, ибо военный заговор, искусно разыгранный как раз в часы открытия съезда, поставил этот последний перед свершившимся фактом захвата власти. Конструкция новой власти (республика советов) и ее политическая программа

(немедленное предложение мира и перемирия на всех фронтах, передача всей земли крестьянам, рабочий контроль над промышленностью) также предрешены воззванием Военно-Революционного Комитета, выпущенным накануне открытия съезда. Для проформы съезду было предложено принять те же самые тезисы *без прений*, в виде торжественного обращения к народу. Таким образом, “парламент революционной демократии” был остроумно превращен в аппарат, механически накладывающий штампель всенародного одобрения на директивы большевистского Ц. К.»⁴⁴. Протестуя против такой процедуры, представители других партий, а среди них были и согласные с сутью большевистских предложений, покинули съезд.

Блок демократических партий не состоялся. 6 (19) января 1918 г., убедившись, что среди избранных делегатов они составляют меньшинство, большевики разогнали Учредительное собрание. Началась гражданская война.

Пока это было возможно, «Новая жизнь» выступала с критикой узурпаторов власти. В статье «К демократам» Горький говорил: «Ленин, Троцкий и сопутствующие им уже отравились гнилым ядом власти, о чем свидетельствует их позорное отношение к свободе слова, личности и ко всей сумме тех прав, за торжество которых боролась демократия. Слепые фанатики и бессовестные авантюристы сломя голову мчатся, якобы по пути к “социальной революции” — на самом деле это путь к анархии, к гибели пролетариата и революции. На этом пути Ленин и соратники его считают возможным совершать все преступления <...> все мерзости, которые делали Плеве и Столыпин <...> Я спрашиваю: помнит ли русская демократия — за торжество каких идей она боролась с деспотизмом монархии? Считает ли она себя способной и ныне продолжать эту борьбу? <...> Единственным честным ответом на эти вопросы должно быть немедленное требование освободить министров и других безвинно арестованных, а также восстановить свободу слова во всей ее полноте. Затем разумные элементы демократии должны сделать дальнейшие выводы, — должны решить, по пути ли им с заговорщиками и анархистами Нечаевского типа?»⁴⁵.

Большевики, называвшие себя выразителями интересов рабочего класса, своей политикой вызывали недовольство не только крестьян, но и рабочих. Базаров в статье «Антибольшевистское движение пролетариата», опубликованной в московском издании «Новой жизни» 8 июня 1918 г., писал: «Летом прошлого года, когда по России прокатилась волна аграрных погромов, Н. Ленин, тогда еще лидер оппозиции, написал громовую статью против эсэров. Наличие “аграрной революции” свидетельствовала, по мнению автора статьи, о полном банкротстве партии, управлявшей страной от имени крестьянского большинства. Если крестьянские волнения, носившие местный характер и направлявшиеся против помещиков, а не против правительства, знаменовали собой крах крестьянской прави-

тельствующей партии, то что сказать о правительстве самого Н. Ленина, о правительстве “пролетарской диктатуры”, в наши дни, когда прямо и непосредственно против него направляются стихии массового пролетарского движения». Далее Базаров предостерегал и советовал: «Провоцировать восстание на почве голода — задача очень нетрудная. Но ни одна ответственная партия, как бы ни была она далека от сочувствия советскому строю, на такие авантюры не пойдет. Ибо всякому понятно, что результатом стихийно-голодных движений, даже если бы они увенчались низвержением существующих властей, будет не благоустроенная демократическая республика, а еще больший разгул анархии, еще большее обострение голода и разрухи. Для того, чтобы оппозиционное движение рабочих масс могло привести к хозяйственному и политическому возрождению страны, оно должно быть сцементировано ясным сознанием, проникнуто твердой решимостью сплотить в этой трудной и ответственной работе все дееспособные элементы демократии. В формах советского строя, на почве коммунистической программы, такая задача невыполнима. Но подготовить силы для ее выполнения возможно не посредством “заговоров”, а путем планомерной социал-демократической организации и пропаганды. Образовав в советах сознательное, выдержанное социал-демократическое большинство, настояв на созыве съезда советов и послав на него стойких сторонников демократической республики, антибольшевистское движение пролетариата без всяких заговоров добьется того, что непримиримым коммунистам придется, по известной французской поговорке, “покориться или удалиться”».

Горький еще в марте 1918 г. был избран председателем президиума организационного комитета «Просветительного общества в память 27 февраля 1917 г. “Культура и свобода”». Через несколько дней, 8 апреля 1918 г., писатель сообщил Е. П. Пешковой: «Затеяно общество “Свобода и культура”, хотим координировать работу *всех* культурно-просветительных обществ, клубов, кружков. Вчера в цирке Чинизелли был первый наш митинг, прошел весьма успешно, множество народа, прекрасно принимали ораторов: В. Фигнер, Базарова, Архангельского, Колосова, Потресова <...> Если нам удастся сделать то, что хочется, — это будет хорошо»⁴⁶. Сделать не удалось. Норвежский исследователь Г. Хьетсо пишет: «Деятельность Горького в “Культуре и свободе” вскоре прекратилась, что, наверняка, произошло из-за покушения на Ленина в конце 1918 года»⁴⁷. Выстрел в вождя, конечно, ускорил закрытие общества. Но в любом случае оно долго не просуществовало бы, так как было не совместимо с новой властью.

В 1918 г. Базаров с семьей из голодной России уезжает на Украину. С января следующего года при его ближайшем участии в Харькове начинает выходить еженедельный «научный марксистский» журнал «Мысль».

В открывавшей первую книжку статье «От редакции» говорилось: «Рассыпались не только “колоссы на глиняных ногах” вроде Российской и Австрийской монархий, — в груды развалин превращен даже такой железобетонный шедевр государственно-капиталистического строительства, как бывшая империя Гогенцоллернов <...> Вместо того, чтобы образовать Соединенные Штаты социализированной части Европы, революционные республики усиленно укрепляют свою самостоятельность “старым испытанным” методом междоусобных войн <...> сказанного, думается нам, достаточно для того, чтобы оправдать наше убеждение в своевременности и настоятельности самой серьезной и самой свободной критической переработки опыта последних лет русской и мировой истории. Содействовать этой работе является главнейшей целью нашего журнала».

Кроме Базарова в «Мысли» печатались и другие авторы «Новой жизни» — Б. Авилов, Раф. Григорьев, Ф. Кон, М. Кричевский, М. Левидов, Н. Рожков. Всего вышло 15 номеров. Последний — в июле 1919 г.

Что делать дальше? Жизнь в крупных городах Украины была очень дорогой. И. С. Соколов-Микитов, недавно побывавший в Крыму, писал А. М. Ремизову из Киева 26 июня 1919 г.: «В Киеве всего вволю, хлеб продают открыто, но цены нестерпимые. А в Крыму было дешево»⁴⁸. Этого не мог не знать Базаров. В Алуште у него жила теща. Решил ехать в Крым. Здесь удалось найти работу — редактора ялтинской газеты «Наш путь», органа местного совета профсоюзов.

Владимир Александрович также сотрудничал с Народным университетом. 16 июня 1920 г. «Наш путь» сообщал своим читателям: «Сегодня в 7 ч. в. очередная лекция В. А. Базарова на тему “Хозяйственный строй позднего капитализма”».

В ноябре 1920 г. в Крым вошла Красная Армия. Базарова арестовали. Только вмешательство Горького помогло ему попасть в Москву.

Для беспрепятственного проезда в столицу философу и экономисту был выдан скрепленный печатью документ следующего содержания:

Р. С. Ф. С. Р.

Крымская

Литературно-историческая

Комиссия

9 марта 1921 г.

№ 17

г. Симферополь, Нов.-Город

Земская ул. Д. Рыкова

Удостоверение

Предъявитель настоящего, литератор Базаров-Руднев, Владимир Александрович, состоит сотрудником Особой Литерат. Историч. Комиссии при Р. В. С. Южфронта по составлению Сборника Красная Крымская

Кампания, и в настоящее время, вследствие особого распоряжения, вместе со всей семьей в составе 3-х человек (жена, сын, дочь) следует в Москву.

За пред. Комиссии *Влад. Покровский*
Секретарь *Блох*⁴⁹.

В октябре 1921 г. Горький покидает Россию. Но и из-за границы он в очередной раз приглашает Базарова к сотрудничеству — зовет в «Беседу». Философ начинает писать статью, но она не была опубликована в журнале.

В 1922 г., в самом начале нэпа, у Базарова появились надежды на благополучное развитие событий в России, на то, что авторитаризм и бюрократизм удастся победить здоровым силам общества, ведь даже в «сферах», как он заметил в последнем из сохранившихся писем к Горькому, все сильнее ощущается потребность «очухаться» (п. 16). В это время выходит знаменитая книга немецкого философа и историка Освальда Шпенглера «Закат Европы». Она привлекла Базарова, прежде всего, оригинальностью, свежестью мысли. В своей рецензии он писал: «Книга О. Шпенглера “Закат Европы” является одним из самых поучительных событий в умственной жизни современной Германии <...> Книга Шпенглера — не научная или наукообразная “система”, а скорее художественное произведение: портретная галерея культур и культурных феноменов»⁵⁰.

А. К. Воронский, главный редактор «Красной нови», посылая Ленину в апреле 1922 г. только что вышедшую 2-ю книжку журнала со статьей Базарова и воспоминаниями Н. Н. Суханова «В июне 1917 года», в сопроводительном письме вынужден был извиниться: «В номере есть два имени — Базарова и Суханова, которые “режут ухо”. И по содержанию в их статьях не все наше. Я очень далек и от Базарова и от Суханова, и если дал место их статьям, то это произошло вот почему <...> Журнал должен быть *распродан*, а не *рассован*»⁵¹. Неудивительно, что в следующем номере «Красной нови», с подачи ли главного редактора или самого председателя Совнаркома, появилась разгромная статья Г. Л. Пятакова. Он писал: «“Философия” Шпенглера — это плоская идеалистическая мешанина, совершенно антинаучная претенциозно-мистическая галиматья <...> Эта философия, говорит Базаров, “слабо обоснована”. Да чем же она вообще-то обоснована? Ничем решительно! Уж видно такова “судьба” Базарова соблазняться всякой новейшей философской выдумкой реакционной буржуазии <...> Тот, кто знает историю Базарова, нисколько не удивится тому, что он у Шпенглера (у Шпенглера!) отыскал “завещание грядущим поколениям” — ему это так и положено. Мы и не удивляемся новому увлечению Базарова и потому лишь покорнейше просим его публично, в печати заявить наконец, что он с научным марксизмом порвал окончательно и бесповоротно»⁵². Через некоторое время, 20 октября 1922 г., в Кремле состоялась встреча Ленина и Базарова. О чем они говорили — не знаем. Возможно, предсовнаркома посоветовал своему давнему знакомцу впредь быть более

аккуратным в печатных высказываниях (не этот ли разговор стал причиной неоявления статьи Базарова в «Беседе»?).

В 1928 г. Горький возвращается на родину. Он много ездит по стране, встречается со множеством людей, знакомых и незнакомых, в том числе и с Базаровым. Такой вывод можно сделать из письма к А. Н. Тихонову от 23 октября 1928 г.:

«Дорогой Александр Николаевич — о решении, принятом Базаровым — Боголеповым — Рыковым, Вы, конечно, уже знаете. Мне думается, что решение это — правильно, А. И. Рыков обосновал его весьма хорошо.

Вы пишете: “организовать журнал без Вас — невозможно”; не вижу — почему? Вы — человек достаточно опытный в этом деле и Вы знаете современных литераторов лучше, чем я. К тому же речь идет — пока — об альманахах, а не о журнале.

Так же, как Вы, я убежден, что журнал и нужен, и будет. Базарову я сказал, что для первого альманаха мог бы дать очерк московского восстания 5-го года, — из 3-го тома “Самгина”.

Ограничиваюсь этой запиской, ибо чувствую себя прескверно. Жду Ваших писем. Жму руку.

*А. Пешков*⁵³.

По всей видимости, в письме речь идет об альманахе «Советская страна» и о журнале «Наши достижения». Оба издания начали выходить в 1929 г. Рядом с именем философа и экономиста названо имя председателя Совета Народных Комиссаров СССР. Близость к А. И. Рыкову сыграла роковую роль в судьбе Базарова. В двадцатых числах августа 1930 г. Сталин напишет В. М. Молотову: «Надо обязательно арестовать Суханова, Базарова, Рамзина. Нужно пощупать жену Суханова (коммунистка!): она не могла не знать о безобразиях, творившихся у них дома. Следовало бы все без исключения показания (и основные и дополнительные) раздать членам ЦК»⁵⁴ (Горький также получил протоколы допросов⁵⁵).

Сталина прежде всего интересовал, конечно, не Суханов, не Базаров и не Рамзин, а председатель Совнаркома СССР. Это видно из письма, отправленного Сталиным тому же корреспонденту через две с небольшим недели: «Очень хорошо, что ПБ открыл атаку против Рыкова и К°. Хотя Бухарина и не видно, будто бы, в этом деле, но он, несомненно, является главным поджигателем и науськивателем против партии. Понятно, что в партии Суханова—Кондратьева, где он (Бухарин) будет “крайним левым”, он будет чувствовать себя лучше, чем в ВКП, где он может быть лишь *прогнанным насквозь пораженцем и дохлым оппортунистом*. Конечно, Боголепова надо прогнать. Но дело не может этим ограничиться. Надо прогнать еще учеников Боголепова — Громана — Сокольников — Кондратьева. Надо прогнать, стало быть, Рыкова и его компанию»⁵⁶. Здесь главное: прогнать Рыкова, занимавшего тогда ключевой пост в государ-

стве (напомним: именно его в свое время занимал Ленин). Ослабить позицию правых (Рыков, Томский, Бухарин) было одной из основных целей уже прошедших и готовящихся процессов («шахтинского» — май—июль 1928 г., «Промпартии» — ноябрь—декабрь 1930 г., «контрреволюционной организации меньшевиков» — март 1931 г.).

Атака на Рыкова и его единомышленников была начата на июльском, 1928 г. Пленуме ЦК ВКП(б)⁵⁷. Незадолго до его созыва, в июне, Бухарин обратился к Сталину с письмом, в котором говорил: «...внутреннее и внешнее положение в стране очень тяжелое, и партия не имеет целостного плана и действует лишь эмпирически! Хлеба в стране *вообще* мало и дело вовсе не в том, что нас “регульнул” кулак. Мы не в состоянии сразу дать колхозам оборотный капитал и машины, поэтому нельзя сбрасывать со счета и необходимость подъема индивидуальных хозяйств. Нельзя обострять отношения с мужиком». В этом же письме обращалось внимание генсека на то, что в партии «существует боязнь обсуждать политические вопросы»⁵⁸. Конечно, Бухарин ни в чем Сталина не убедил. Еще в декабре 1927 г., на XV съезде партии, с подачи генсека, «когда шло голосование по резолюции о сельскохозяйственной политике, в ее текст была поспешно включена следующая поправка: “В настоящий период задача преобразования и объединения мелких индивидуальных хозяйств должна быть поставлена в качестве основной задачи партии в деревне”»⁵⁹. И этот курс Сталин не намеревался изменять, хотя бы потому, что он шел вразрез с предложениями Рыкова и Бухарина и позволял таким образом представлять их другим членам ВКП(б) и всем гражданам СССР как отступников от генеральной линии партии. Что же касается того, что даже коммунисты стали бояться обсуждать политические вопросы, то этого как раз и добивался Сталин.

Современные историки пишут: «В 1930 год СССР вступал в состоянии, близком к гражданской войне. В январе—феврале правительство развернуло массовую насильственную коллективизацию. В короткое время, к 10 марта, в колхозы согноли 58% всех крестьянских хозяйств. Многие крестьяне были арестованы и сосланы. Деревня ответила массовыми волнениями, о подлинном размахе которых мы до сих пор не имеем истинного представления. В результате коллективизации и “раскулачивания” сотен тысяч крестьян сельское хозяйство пришло в упадок. Страна существовала на полуголодном пайке, который постоянно сокращался»⁶⁰. Этому внутриполитическому курсу пытались противодействовать «правые», но безуспешно.

Еще в середине 1900-х годов Горький увлекся коллективистской идеей, вытекающей из философии А. А. Богданова. Особенно ярко это увлечение отразилось в повестях «Мать» и «Исповедь». Свое представление о том, что такое социализм, Горький также выразил в письме к Г. А. Алексинскому от 16 (29) мая 1908 г.: «Мне кажется, что социализм должен переродить-

ся в культ, что его основной стержень — сознание человеком своей связи с массой — окрепнет лишь тогда, когда избыток опыта жизненного, излишек доказательств в пользу исторической логической необходимости осуществления социализма, — когда этот избыток и излишек образует жизне-радостное, активное чувство родства всех и каждого со всеми, и с этого момента способна возникнуть коллективистическая психика. Подобное чувство возможно лишь в среде пролетариата и невозможно в других классах, ибо они сойти с почвы индивидуализма — самозащиты в узком, личном смысле слова — не могут...»⁶¹. Этому своему убеждению Горький остался верен и в 30-е годы. Поэтому он приветствовал коллективизацию. По всей видимости, так же отнесся к ней другой последователь философии А. А. Богданова — Базаров. Такой вывод можно сделать из записи в дневнике М. М. Пришвина от 16 марта 1930 г.: «...все ужасающие преступления этой зимы относят не к руководителям политики, а к “головотяпам”. А такие люди, как Тихонов, Базаров, Горький, еще отвлеченнее, чем правительство, их руки чисты не только от крови, но даже от большевистских портфелей... Для них, высших бар марксизма, головотяпами являются уже и Сталины... Их вера, опорный пункт — разум и наука. Эти филистеры не подозревают, что именно они, загородившие свое сердце стенами марксистского “разума” и научной классово-борьбы, являются истинными виновниками “головотяпства”. Они презирают правительство, но сидят около него и другого ничего не желают»⁶².

Об определенной «отвлеченности» Базарова от жизни говорит одна из его последних статей — «О перспективах хозяйственного и культурного развития». В ней читаем: «После социалистической революции не только 20%-ные, но и 40—50%-ные коэффициенты ежегодного <экономического> роста могли бы оказаться вполне достижимыми, при одном, однако, непременном условии: при условии, что общество, совершившее социалистический переворот, обладает достаточной общей культурностью и всей той суммой технико-экономических знаний и умений, которые необходимы для рационализации народнохозяйственного развития»⁶³.

Однако автор статьи считает: «Но как раз этого-то у нас и нет»⁶⁴. Базаров говорит: «“Культурная революция” есть основа всех наших реконструктивных надежд. Но центр тяжести лежит здесь не в количественном росте культурно-просветительных учреждений, не в устранении “диспропорций”, наблюдаемых в системе нашего народного и рабочего образования, и даже не в пересмотре самой этой системы, а в гораздо более мощных и глубоких, стихийно развивающихся процессах ломки наших социально-бытовых укладов <...> И если эта жизненная, почвенная социально-культурная революция развернется в надлежащих формах, масштабах и темпах, победа *нашего* социалистического строительства, а вместе с ним и социализма “планетарного”, будет обеспечена»⁶⁵. Конкретный совет: «Делу

могло бы помочь создание такой общественной среды, таких ассоциаций, где систематически культивировался бы дух творчества и изобретательства, где сформировалось бы новое понятие о чести, о человеческом достоинстве, новое общественное мнение, стимулирующее творческие искания и способствующее естественному отбору семян подлинно творческой критики от плевел пустопорожного самодовлеющего скепсиса <...> Профсоюзы, в особенности в переходный период, должны быть в первую очередь органами коммунистического перевоспитания рабочих масс, главными очагами культурно-бытовой революции»⁶⁶.

Основную опасность автор статьи видит в бюрократе: «Представим себе губернию, администраторы которой аккуратны, без всякой волокиты исполняют свои текущие обязанности <...> Такая идиллическая администрация как раз и представляет собой чистейшую форму бюрократизма. На творческую инициативу низов она действует, как масло на морские волны. Именно деятельность бюрократа, горячая преданность делу, сознание свято выполненного долга делает его непримиримым врагом всякого радикального новаторства, всякой принципиальной критики сложившегося положения вещей. Идеальный чиновник не меньший враг творческого изобретательства, нежели чиновник-шкурник, но враг более принципиальный, а следовательно, и более опасный»⁶⁷.

Понимал ли Базаров, что в СССР наступает эра тотальной бюрократизации, что на его советы и предостережения никто не обратит внимания? Вряд ли. Во всяком случае, он никак не мог предположить, что его, коллективиста, скоро посадят на скамью подсудимых вместе с Н. Д. Кондратьевым и А. В. Чайновым, защитниками интересов крестьянина.

Горький одним из первых узнал о произведенных арестах, но помогать своим бывшим соратникам по «Летописи» и «Новой жизни» не спешил. Причину можно понять, прочитав письмо к Р. Роллану от 30 октября 1930 г. Горький в нем говорит: «Я крайне поражен тем, что Вы тоже верите в возможность “выдуманных или вынужденных пытками” признаний <...> Мне кажется, Роллан, что Вы судили бы о событиях в Союзе Советов более спокойно и более справедливо, если б усвоили простой факт: Советская власть и авангард рабочей партии находятся в состоянии гражданской, — т. е. классовой — войны. Враг, против которого борются — и необходимо бороться, — интеллигенция, стремящаяся реставрировать буржуазный строй, и зажиточное крестьянство, которое, защищая частное, мелкое хозяйство, основу капитализма, вредит делу коллективизации, прибегая к террору <...> и прочим приемам партизанской войны <...> Все враждебные Советской власти вредительские организации внутри Союза Советов работают в расчете на эту войну <...> Вы ошибаетесь, если думаете, что Советская власть недостаточно ценит людей, обладающих знаниями <...> Людей ценных не вышвыривают из жизни, если они работают честно <...>

Относительно недавно арестованных других вредителей могу сообщить Вам, что они будут судимы Верховным судом, вероятно, уже в текущем месяце»⁶⁸. Через три дня Горький счел нужным написать заместителю председателя ОГПУ Г. Г. Ягоде: «Дорогой Генрих Георгиевич <...> не удивлен тем, что Суханов, мальчишка с болезненным самолюбием и психикой авантюриста, оказался на скамье уголовных преступников, но никак не мог представить, что скептицизм Базарова доведет его до той же скамьи <это сказано до вынесения приговора!>. Базарова я очень любил, хотя Владимир Ильич предупреждал меня: из тройки — Базаров — Богданов — Скворцов — первый дальше от нас, чем второй, а третий с ними по недоразумению <...> “симпатия” Роллана <к СССР> уже отравлена обывательщиной, как Вы увидите из моего письма к нему <от 30 октября 1930 г.>, копию которого считаю нужным послать Вам»⁶⁹. Создается впечатление, что рукой писателя водил страх. Он явно заискивает перед Г. Г. Ягодой, пытается его убедить: я — свой. Но не чувство страха было определяющим в поведении Горького. Увлеченный идеей построения бесклассового общества, он, не понимая того, что происходит в стране, верил официальной пропаганде. Объявляемые ею вредителями были в его представлении людьми, мешающими построению нового общества, а следовательно — их необходимо уничтожить. 10 декабря 1930 г., вскоре после вынесения приговора обвиняемым по делу «Промпартии», Горький написал полпреду СССР в Италии Д. И. Курскому: «Неожиданное смягчение приговора очень удивило и взволновало меня. Акт, бесспорно, мудрый политически: он должен произвести определенное и положительное впечатление в европейском “обществе” <...> поможет Сов. власти и рабочему классу исправить действия вредителей, подробно узнать, где и в чем они напакостили. Но — как отнесется рабочий класс, требовавший “высшей меры”? Вот вопрос, который смущает. И затем: 48 организаторов пищевого голода казнены без суда, а их вредительство, по размаху, меньше гнусностей Рамзина и К^о»⁷⁰.

Об очередных арестах в СССР стало известно за границей. 8 сентября 1930 г. Е. Д. Кускова написала Горькому из Праги: «Уважаемый Алексей Максимович! Двадцать или более людей высокой квалификации и совершенно бесспорной честности в своих действиях, профессора Макаров, Чаянов, Кондратьев, Рамзин, Юровский, кооператор Садырин (член ВЦИК’а), большевик Базаров, статистик Громан, Суханов и др. сидят сейчас в Сов. России в тюрьме и находятся перед величайшей опасностью <...> Я хорошо знаю, что положение в России дошло до высшей точки неблагоприятия <...> Но кто же может поверить, что 20 или более людей — в большинстве своем кабинетных работников, — людей, все время работавших под руководством коммунистов и по их директивам, являются причиной этого тяжелого положения страны? Остается, следовательно,

предположение, что их хотят сделать ответственными или за их несогласие с новейшим направлением политики власти, или же за неудачи этой власти»⁷¹.

Второе предположение Е. Д. Кусковой верно. Руководство страны провал своей экономической политики объясняло гражданам СССР действиями вредителей. Историк В. П. Данилов говорит: «Коренная реконструкция народного хозяйства была необходима. Несчастье в том, что ей с самого начала придавали невероятные темпы, которые отозвались авариями на шахтах, на электростанциях, на стройках, нарушениями технологических требований, падением качества работ и производственной продукции, перебоями в продовольственном снабжении, невыполнением плановых заданий, напрасной тратой средств. Отвечать за это пришлось инженерам, снабженцам, “хозяйственникам” вообще и в первую очередь представителям старой технической интеллигенции»⁷².

В конце письма Е. Д. Кускова просила: «Теперь надо действовать, чтобы их спасти»⁷³.

Что же сделал Горький, получив это письмо? Он написал статью «Об умниках» и опубликовал ее 16 октября 1930 г. в «Известиях». В статье говорилось: «Умник прочитал, вероятно, не менее 16 тысяч книг по разным вопросам, и этот полумеханический труд усвоения чужих мыслей развил в нем уродливо преувеличенное мнение о силе и широте своего разума <...> умник крепко убежден, что без его мудрого совета в делах мира мир — погибнет, но участвовать он способен только посредством языкоблудия. Он вполне уверен, что все знает и все для него совершенно ясно. Книжность убила в нем чувство скромности и осторожность суждений, свойственную людям, которые, активно участвуя в строении жизни, относятся к ней внимательно и серьезно. Он пишет откуда-нибудь, например из Праги:

Я хорошо знаю, что положение в России дошло до высшей точки неблагополучия.

На самом деле он ничего не знает, потому что не хочет видеть того, что необходимо знать»⁷⁴.

Такой ответ, вероятно, был вызван тем, что Горький, поверив брошюре «Материалы по делу контрреволюционной “Трудовой крестьянской партии” и группировки Суханова—Громана», посчитал Е. Д. Кускову и ее мужа С. Н. Прокоповича сообщниками обвиняемых. Не случайно он красным карандашом подчеркнул в письме фразу: «Мы с Сер. Ник. лично знаем их, и знаем также, как велики были среди них личные антагонизмы»⁷⁵.

Горький поверил ОГПУ, потому что хотел поверить. Еще в 1905 г. он написал одному из своих многочисленных корреспондентов: «...всё должно служить великому делу возрождения жизни, делу Всемирной Революции, которая поднимет нации от рабства к равенству, братству, радости

жизни, которая должна стать праздником *для всех*; если же это будет не так, то это будет уродливая комедия, сознательно участвовать в которой было бы низостью»⁷⁶.

Горький искренно считал: строительство социалистического общества идет не так гладко и не так быстро, как того хотелось бы, не по вине немелких строителей, а потому, что им мешают «вредители» и поддерживающие их материально и морально эмигранты. Так думать было легче, чем отказаться от мечты всей жизни. Если прямо взглянуть в глаза «проклятой правде», то станет видна «уродливая комедия», участвовать в которой — низость.

Эмоционально реагировала на случившееся М. Ф. Андреева. 7 марта 1931 г., во время процесса по делу «Союзного бюро меньшевиков», она писала Горькому: «О Галине Конст. <Сухановой-Флаксерман> ты, д. б., уже знаешь? Не могу поверить, чтобы она так свихнулась мозгами! Знали мы ее с тобой с 13-го года и всегда она была 100%, чистой воды большевичкой... Досадно и противно за старика, такое великолепное дело сделал и так отвратительно закончил свою карьеру. Правда — он всегда был сумбурным человеком... вспоминается, как Вл. Ильич на Капри огорчался уходом Базарова во впередовцы — и сейчас? Невероятно, какими путями мог дойти такой человек до столь позорного состояния и — вместе с меньшевиками, которых он так презирал и ненавидел... Ну, да что об этом много писать, ты сам все знаешь»⁷⁷.

Имя философа и экономиста прозвучало на процессе уже в первый день, в весьма опасном контексте. В обвинительном заключении говорилось о пяти письмах, исходящих от «Союзного бюро меньшевиков» (о чрезвычайных мерах по заготовке хлеба — весна 1928 г., о пятилетнем плане и правой оппозиции — осень 1928 г., о продовольственных затруднениях и правой оппозиции — весна 1929 г., о массовой коллективизации, а также о капитуляции правых — осень 1929 г., о положении, созданном письмом И. В. Сталина о головокружении от успехов — весна 1930 г.), и утверждалось: «Письма редактировались руководящей пятеркой — Шер, Громан, Базаров, Суханов, Гинзбург»⁷⁸.

Однако Базаров на процессе не присутствовал — ни в качестве обвиняемого, ни в качестве свидетеля.

Дело Базарова и еще нескольких лиц было выделено в отдельное производство. 25 апреля 1931 г. бывшего сотрудника Госплана Коллегия ОГПУ приговорила к пяти годам лишения свободы с конфискацией имущества.

Но у Базарова нашлись защитники (вероятнее всего, ими были: товарищ со времен учебы в гимназии — П. Г. Смидович и Н. К. Крупская, дружившая с Е. Т. Рудневой⁷⁹). 15 мая 1931 г. Коллегия ОГПУ отменила свое предыдущее решение о конфискации имущества.

Срок Базаров отбывал сначала в Бутырке, затем в Ярославле. Друзья продолжали добиваться смягчения наказания. В 1932 г. тюремное заключение было заменено ссылкой в Саратов. Здесь Базаров пробыл до конца лета следующего года. Затем ему было разрешено поселиться у сына (на метеорологической станции, расположенной недалеко от города Гагры). В мае 1935 г. позволили вернуться в Москву.

Начались хлопоты о прописке. Наконец, было получено письмо (от 11 сентября 1935 г. за № 6526 на бланке: «Е. П. Пешкова. Помощь политическим заключенным»): «В ответ на Ваш запрос сообщая, что, согласно полученной справке, ГУРКМ <Государственное управление рабоче-крестьянской милиции> дано распоряжение 15/VIII с. г. за № 35848 о выдаче Вам паспорта в Москве сроком на 1 год, с пропиской на 6 месяцев.

*М. Винавер*⁸⁰.

Теперь философ и экономист был вынужден заниматься переводами и литературоведческими изысканиями — подготовил к печати «Разговоры с Гете» И. Эккермана, сочинения Г. Бюхнера. Но и эти работы под своим именем Базаров обнародовать не мог. На титульных листах было обозначено: перевод и примечания Е. Т. Рудневой (она помогала мужу, с нею, вероятно, при содействии Горького, были заключены договоры издательством «Academia»). Книги увидели свет в 1934 и 1935 гг.

Последние годы жизни были отданы переводу «Опытов» Монтеня (кропотливый труд остался неопубликованным). В отличие от Суханова и других обвиняемых по делу «Союзного бюро меньшевиков», Базаров умер у себя на квартире от воспаления легких 16 сентября 1939 г.

Ниже печатаются 16 писем Базарова к Горькому (1908—1922), сохранившиеся в Архиве А. М. Горького. Источники названы в примечаниях. Письма 1, 4 и 10 частично воспроизведены в кн.: *Никитин Е. Н.* «Исповедь» М. Горького: Новое прочтение. М.: Наследие, 2000. С. 127—131. Остальные — печатаются впервые.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ *Изгоев А.* «Богостроители» // Речь. 1909. № 25. 26 января.

² Список работ В. А. Базарова и перечень литературы о нем дан в публикации: *Никитин Е. Н.* Философ-коллективист // Библиография. 2002. № 4. С. 100—120.

³ Эту дату В. А. Базаров собственноручно написал в анкете в марте 1924 г. (см.: *Бусьгин В. П., Красильников С. А.* Диалог через пропасть // ЭКО: Экономика и организация промышленного производства. 1989. № 5 (179). С. 20). В справочнике «Научные работники Москвы» (Л., 1930) приведена другая дата — 26 июля (ст. ст.) 1874 г. В 3-м издании БСЭ сказано, что В. А. Базаров родился 27 июля (8 августа) 1874 г. Эта дата повторена во всех энциклопедиях, вышедших позднее.

⁴ Сведения о матери и сестре взяты из дела, заведенного на В. А. Руднева Департаментом полиции (ГАРФ. Ф. 102. 00. 1898 г. Д. 6. Ч. 935. Л. 36). Здесь же, в доку-

менте, составленном в декабре 1899 г., сказано: «отец статский советник Александр Матвеевич 54 лет». Год смерти Л. А. Рудневой сообщен Е. А. Рудневым. Годы жизни А. М. Руднева даны по публикации: *Дрейер Р. А. Памяти Александра Матвеевича Руднева // Труды VIII съезда земских врачей и представителей земств Тульской губернии. Тула, 1902. С. 9—12.*

⁵ Деятели СССР и революционного движения в России. М., 1989. С. 674.

⁶ *Сабашников М. В. Записки / Под общ. ред. А. Л. Паниной. М., 1995. С. 149.*

⁷ Русская мысль. 1908. № 8. С. 144, 158.

⁸ *ГАРФ. Ф. 102. 00. 1898 г. Д. 6. Ч. 935. Л. 72.*

⁹ Там же.

¹⁰ Деятели революционного движения в России: Биобиблиографический словарь / Под ред. В. И. Невского. М., 1931. Т. 5. Вып. 1. Стлб. 192.

¹¹ Деятели СССР и революционного движения в России. С. 528.

¹² *ГАРФ. Ф. 102. 00. 1898 г. Д. 6. Ч. 935. Л. 87.*

¹³ Там же. Л. 72.

¹⁴ Горький. *Письма*. Т. 5. С. 61.

¹⁵ См.: *Максимова В. А. «Новая жизнь» и «Вестник жизни» // Рус. лит. и журн. 1905—1917. С. 4—27.*

¹⁶ Цит. по: *Бонч-Бруевич В. Д. Большевистские издательские дела в 1905—1907 гг.: Мои воспоминания. Л., 1933. С. 37.*

¹⁷ Протокол допроса Базарова Владимира Александровича от 20 сентября 1930 года // *Меньшевистский процесс 1931 года*. Кн. 1. С. 48.

¹⁸ *Базаров В. Анархический коммунизм и марксизм. СПб., 1906. С. 175.*

¹⁹ Там же. С. 181.

²⁰ Там же. С. 182.

²¹ *ГАРФ. Ф. 102. 00. 1898 г. Д. 6. Ч. 935. Л. 111.*

²² См.: *Далин В. М., Зельдович В. Д. Луначарский о Ленине на Штутгартском конгрессе // ЛН. Т. 80. С. 613—625.* В публикуемых здесь письмах Луначарского к жене говорится и о Базарове.

²³ *Меньшевистский процесс 1931 года*. Кн. 1. С. 48.

²⁴ *Ленин и Горький. С. 38—39.* Подробнее см.: *Луценко А. В. Начало конфликта В. И. Ленина и А. А. Богданова (1907—1909 гг.) // Вопросы истории. 2003. № 1. С. 28—47.*

²⁵ См.: *Даты работы В. И. Ленина над книгой «Материализм и эмпириокритицизм» // Ленин В. И. Материализм и эмпириокритицизм. М., 1989. С. 489.*

²⁶ *Ленин и Горький. С. 37.*

²⁷ Цит. по: *Такер Р. Сталин: Путь к власти. 1879—1929. История и личность. М., 1990. С. 145.*

²⁸ Цит. по: *Коргунок Ю. Г. Материализм и эмпириокритицизм» и его критики // Вопросы философии. 1991. № 12. С. 27.*

²⁹ *АГ. ПТЛ-14-21-1.*

³⁰ Протокол допроса Базарова Владимира Александровича от 20 сентября 1930 года // *Меньшевистский процесс 1931 года*. Кн. 1. С. 48.

³¹ Письмо В. В. Водовозова А. В. Амфитеатрову от 15 (28) мая 1911 г. // *ЛН. Т. 95. С. 315.*

³² Там же. С. 352.

³³ Там же. С. 355.

³⁴ *Муратова К. Д. «Современник» // Рус. лит. и журн. 1905—1917. С. 201.*

³⁵ Цит. по: *Дубинская И. Т. «Летопись» // Рус. лит. и журн. 1905—1917. С. 208.*

³⁶ *Суханов Н. Н. Записки о революции: В 3 т. / Примеч. А. А. Корникова. М., 1994. Т. 2. С. 91—92.*

³⁷ *Раскольников Ф. Ф.* Кронштадт и Питер в 1917 году. М., 1990. С. 30, 35. Воспоминания были написаны и впервые опубликованы в 1925 г.

³⁸ *Меньшевицкий процесс 1931 года.* Кн. 1. С. 48.

³⁹ Статья напечатана без подписи. Авторство установлено в кн.: *Архив Г. 9.* С. 376.

⁴⁰ *В. Б-ов* <В. Базаров>. Что такое «государственность»? // Наш путь. 1920. № 86. 3 (16) июня. Назовем еще несколько известных нам статей Базарова, опубликованных в ялтинской газете «Наш путь» в 1920 г.: «Современный капитализм и прочный мир» (№ 59. 1 (14) мая); «От классического капитализма к упадочному» (№ 66. 9 (22) мая); «Патриотизм и “Веселье устрицы”» (№ 90. 7 (20) июня); «Восточная политика Антанты» (№ 98. 17 (30) июня).

⁴¹ *Новая жизнь.* 1917. № 144. 4 (17) октября.

⁴² Там же. № 155. 17 (30) октября.

⁴³ Там же. № 159. 21 октября (3 ноября).

⁴⁴ Там же. № 164. 27 октября (9 ноября).

⁴⁵ Там же. № 174. 7 (20) ноября.

⁴⁶ *Архив Г. 9.* С. 205.

⁴⁷ *Хьетсо.* С. 171.

⁴⁸ *Соколов-Микитов И. С.* Собр. соч.: В 4 т. М., 1987. Т. 4. С. 282.

⁴⁹ Личный архив Е. А. Руднева.

⁵⁰ *Базаров В. О.* Шпенглер и его критики // *Красная новь.* 1922. № 2 (6). С. 211—213.

⁵¹ *Воронский А. К.* Искусство видеть мир / Сост. Г. А. Воронская и И. С. Исаев. М., 1987. С. 356.

⁵² *Пятаков Г.* Философия современного империализма // *Красная новь.* 1922. № 3 (7). С. 182.

⁵³ АГ. ПГ-рл-44-10-62.

⁵⁴ Письма И. В. Сталина В. М. Молотову. 1925—1936 гг. Сборник документов / Сост. и коммент. Л. Кошелевой, В. Лельчука, В. Наумова, О. Наумова, Л. Роговой, О. Хлевнюка. М., 1995. С. 198.

⁵⁵ «По его <Сталина> приказу показания были собраны и изданы типографским способом в виде брошюры “Материалы по делу контрреволюционной “Трудовой крестьянской партии” и группировки Суханова—Громана. (Из материалов следственного производства ОГПУ)”» (Там же. С. 183). Материалы подобного рода и ранее высылались писателю. 8 июля 1930 г. А. Б. Халатов сообщал Горькому: «Мне на днях тов. Сталин посоветовал послать Вам материал “К отчету ЦКК ВКП(б)”, составленный ОГПУ — о работе вредителей, так как, по его словам, Вы сейчас работаете по этому вопросу. Материал посылаю» (*Архив Г. 10.* Кн. 1. С. 206).

⁵⁶ Письма И. В. Сталина В. М. Молотову. С. 220.

⁵⁷ Если быть точным, она началась в июле 1927 г., когда Г. Е. Зиновьев выступил в «Большевике» со статьей «Манифест кулацкой партии» (№ 13). Формально «разоблачающая» группу ученых (Н. Д. Кондратьев, А. В. Чаянов и др.), она была направлена, прежде всего, против А. И. Рыкова, Н. И. Бухарина и М. П. Томского.

⁵⁸ Цит. по: *Соколов Г.* Эпизод о переломе. О «секретной» встрече Н. И. Бухарина и Л. Б. Каменева в июле 1928 года // *Трудные вопросы истории. Поиски. Размышления. Новый взгляд на события и факты.* М., 1991. С. 104.

⁵⁹ *Тейкер Р.* Сталин: путь к власти. 1879—1929. История и личность. М., 1990. С. 367. Отметим, еще в 1919 г. Горький писал: «Косность деревни может быть побеждена только наукой и крупным социалистическим хозяйством» (Коммунистический Интернационал. 1919. № 2. С. 172).

- ⁶⁰ Письма И. В. Сталина В. М. Молотову. С. 177.
⁶¹ Горький. *Письма*. Т. 6. С. 241.
⁶² *Пришвин М. М. Дневник 1930 года // Октябрь*. 1989. № 7. С. 146.
⁶³ Экономическое обозрение. 1928. № 6. С. 60.
⁶⁴ Там же.
⁶⁵ Там же. С. 64.
⁶⁶ Там же. С. 66.
⁶⁷ Там же. С. 65.
⁶⁸ *Архив Г. 15*. С. 170—172.
⁶⁹ *Неизвестный Горький*. Вып. 3. С. 174.
⁷⁰ АГ. ПГ-рл-21-31-6.
⁷¹ АГ. КГ-п-41-22-20.
⁷² Московские новости. 1987. № 33 (371). 16 авг. С. 12.
⁷³ АГ. КГ-п-41-22-20.
⁷⁴ *Г-30*. Т. 25. С. 206—208.
⁷⁵ АГ. КГ-п-41-22-20.
⁷⁶ Горький. *Письма*. Т. 5. С. 168.
⁷⁷ АГ. КГ-рзн-1-159-20.
⁷⁸ Процесс контрреволюционной организации меньшевиков (1 марта — 9 марта 1931 г.). Стенограмма судебного процесса, обвинительное заключение и приговор. М., 1931. С. 26.
⁷⁹ У Е. А. Руднева хранятся книги Н. К. Крупской «Политико-просветительная работа. Сборник статей (1920—1923)» (М., 1924) и «Воспоминания о Ленине» (М., 1932) с дарственными надписями: «Дорогой Евгении Товиевне от автора», «Дорогой Евгении Товиевне от Н. Крупской».
⁸⁰ Личный архив Е. А. Руднева.

1. В. А. БАЗАРОВ — ГОРЬКОМУ

11 февраля 1908, Петербург

11.2.1908. СПБ. В.О. 18 л. д.15, кв. 9.

Многоуважаемый Алексей Максимович!

Я не могу выразить, до какой степени обрадовало меня Ваше письмо. Именно со стороны такого художника, как Вы, особенно ценно признание правильности того пути от «я» к «целому», которое нащупывается мною и моими товарищами по духу¹. В конце Вашего письма Вы говорите, что по отношению к современным литераторам нельзя ограничиваться критическим «не так», — необходим положительный ответ на вопрос «как?». Мне кажется, что этот ответ с достаточной убедительностью может быть дан не теоретически, а только практически, не аналитиками, а артистами, воплощающими новую тенденцию в художественном творчестве.

Философский анализ, конечно, необходим. Необходимо показать с полной ответственностью, что в искусстве, в характерном для его развития чередовании эпох классицизма и романтизма, прогресс реализовался в таком же искаленном, однобоко изуродованном виде, как и в остальных сферах деятельности скованного социальным рабством человечества. Чем сильнее революционный порыв искусства, чем независимее его искания, тем уже его горизонт, тем глубже забывается оно, забывается в область все более и более микроскопических «неповторимо-единичных» мотивов субъективной лирики. И наоборот, чем шире горизонт искусства, чем ярче выступает в нем общечеловеческое, тем интенсивнее его тенденция к застыванию в достигнутых уже формах, к окаменелой казенщине академизма. В рамках этого противоречия вращалась до сих пор история искусства. Философия может и должна показать, что дело тут не в «природе» человека, как таковой, а лишь в данных, т. е. рабских условиях его коллективного существования; что человечество как целое вовсе не есть «по существу» своему консерватор, а «я» — революционер по призванию; что как раз наоборот, «целое» порождало до сих пор «я» как орудие своих революций, именно потому, что было сковано в своих непосредственно коллективных движениях. Социалистическая философия может и должна *показать* с полной конкретностью, почему «так было», но она может лишь совершенно абстрактно (как «тенденцию развития») *доказать*, что «так не будет». До сих пор был такой разрыв, — социализм несет с собою синтез. Но как конкретно осуществить этот синтез, — на этот вопрос литератор-беллетрист не найдет ответа у теоретика социализма. Тут требуется не анализировать, а демонстрировать. «В начале было дело», — и это дело должны совершить не аналитики, а художники нового духа, *от них же первый есть Вы*. Само собой разумеется, в настоящее время едва ли возможно дать образцы действительно коммунистического искусства или создать действительно коммунистическую философию. Все мы, строго говоря, не коммунисты, а лишь «мости» к коммунизму. Но что за беда! Без прерафаэлитов² не было бы Рафаэля, без прекоммунистов не родится коммунизма.

Что касается Ваших литературных проектов³, то я подробнее уже писал о них Луначарскому⁴. Я горячо им сочувствую. И если будет какая-нибудь возможность, с огромным удовольствием приеду на Капри.

Жму руку.

В. Руднев

2. В. А. БАЗАРОВ — ГОРЬКОМУ

14 (27) марта 1908¹, Мустамяки

Уважаемый Алексей Максимович!

Я сделал все от меня зависящее, чтобы ускорить отъезд, — но все-таки раньше 19—20 апр. по *новому* стилю едва ли сумею попасть на Капри².

Книги, конечно, захвачу³. Ваше письмо переслал Пятницкому⁴.
До скорого свидания.

Ваш В. Руднев

3. В. А. БАЗАРОВ — ГОРЬКОМУ

14 (27) марта 1908, Мустамяки

14 марта 1908 г.

Уважаемый Алексей Максимович!

К сожалению, я получил Ваше письмо — где говорится о книгах — уже находясь в Мустамяках. Когда я был у Пятницкого с Вашей телеграммой¹, он мне ни слова о книгах не сказал. Как я Вам уже писал², для меня было бы крайне затруднительно выехать раньше 1 апр. (по старому стилю); — если Вы не прочь подождать книг до этого времени, я конечно, с удовольствием захвачу их с собой. Черкните мне, заезжать ли мне перед отправлением в путь за книгами в «Знание», или Вы предпочтете их выписать по почте³?

В последних письмах от Вас и от Анатолия Васильевича⁴ ни слова не говорится о том, приедут ли на Капри Ильич⁵ и Ал. Ал.⁶, как это предполагалось раньше. От А. А. я недавно имел письмо с разными поручениями, — и в них также нет указаний на предполагаемый отъезд. В виду тех практических результатов, к которым должно повести наше свидание⁷, мне представлялось бы очень желательным застать <их> у Вас, по крайней мере А. А. Луначарский первоначально писал, что в первых числах апреля я его застану. Как обстоит дело на этот счет?

Что касается денег, то я не скрою от Вас, дорогой Алексей Максимович, что мне было очень неприятно начинать наше знакомство с «субсидий», — но «обижаться», конечно, было бы смешно. Тем более, что наше свидание (наша «спевка», как я его не раз мысленно называл), на мой взгляд, действительно должно помочь нам выработать линию дальнейших совместных выступлений; т. е. значение его не исчерпывается удовлетворением моего горячего

желания свести с Вами личное знакомство, но имеет и общественную сторону.

До свидания. Жму руку.

В. Руднев

Адрес: Мустамяки, станция Финл. ж. д., пансион Ланг⁸.

4. В. А. БАЗАРОВ — ГОРЬКОМУ

28 апреля (11 мая) 1908, Рим

Roma 11.5.08.

Дорогой Алексей Максимович!

Не прошло еще и 5 дней со времени моего отъезда¹, а я уже чувствую неукротимую потребность побеседовать с Вами. Казалось бы, в течение 2 недель, проведенных на Саргi, можно было сказать все, по крайней мере, самое существенное. Между тем, многое из того, чем мне хотелось бы поделиться с Вами, не сказано. Впрочем, может быть, и не могло быть сказано, так как впечатления, полученные мною на Саргi, являются для меня источником нового света в различных областях, и только теперь начинают укладываться в душу и уясняться для меня самого. Но о выводах еще будет время говорить и писать, а пока о самих этих впечатлениях.

Я должен признаться, что когда я ехал сюда, у меня было немного смутно на душе, — буду говорить прямо: во мне сидела значительная доза Грузенберга², — вот почему я и понял его с первого взгляда. Я, конечно, не думаю, что социализм, «губящий» Вас как художника, чисто внешним образом прилепился к Вам и подавил Вас. Но мне казалось, что социализм провел глубокую борозду в самой Вашей душе и расколол ее, так сказать, на две части, причем социалистическое «я» наложило цепи на свободные порывы художественного «я», творческий пафос которого в основе своей индивидуалистичен. Когда я писал Вам из России о коллективном творчестве как синтезе классицизма и романтизма³, я только увлеченно намечал «тенденцию», но нигде не видел еще ее реализации, не чувствовал еще — интуитивно, непосредственно — возможности ее реализации.

Вы спросите, каким образом мог я иметь о Вас столь превратное представление, зная Вас не только по Вашим произведениям, но и по рассказам друзей и т. п. Каюсь, несмотря на всякие «рассказы очевидцев», я не мог поверить в существование писателя, который в течение многих уже лет литературной деятельности успел раскрыть перед публикой лишь небольшую долю своего со-

держания, сказать, может быть, всего десятую часть скрытых в нем богатейших возможностей. Ведь современная литература совершенно отучила нас от такого целомудрия и приучила к прямо противоположному: писатель, выступающий всего две недели, успева­ет обыкновенно показать весь свой товар лицом, мало того, <стре­мится> показывать в десять раз больше, чем у него действительно имеется («символизм» — незаменимое средство для этого). Вот по­чему для меня была истинным праздником «Исповедь»⁴, — да и не «Исповедь» одна, — ведь это только первая ласточка, — а вообще личное знакомство с Вами. Тут я воочию увидел, что социалисти­ческое сознание и социалистическое творчество — не мечта и не абстрактная тенденция, лишь предугадываемая «научно», — а ре­альный факт. И притом не случайный какой-нибудь факт, не оазис, куда могут спастись измученные буржуазной пошлостью души, — а громадная скала, которая уже становится основанием нового строительства, едва она успела сама показаться над поверхностью индивидуалистического моря. Я видел, как люди, шедшие иными путями, точно магнитом притягиваются к этой скале и начинают неумелыми еще руками, но уже бодро и радостно, строить храм бу­дущего искусства или, хотя бы, расчищать для него место.

Все это я видел, я вложил «персты свои» и теперь по совести могу сказать: *верую, чувствую, знаю*. «Ты еси Петр, и на сем камне созижду церковь мою, и силы адовы не одолеют ее»⁵.

Как важно для меня такое сознание — об этом нечего распро­страняться. Что бы ни случилось, дни, проведенные на Саргі, никог­да не изгладятся из моей памяти.

В моей жизни была только раз такая же светлая полоса: это когда я после гимназической казенщины услышал первые лекции в университете, увидел лицо подлинной науки в передаче такого уче­ного, как Климентий Тимирязев⁶.

Крепко, крепко жму Вашу руку.

Привет Марии Федоровне и всему Саргі.

Ваш В. Руднев

5. В. А. БАЗАРОВ — ГОРЬКОМУ

15 октября 1908, Петербург

15.X.08.

Дорогой Алексей Максимович!

Получил оба Ваши письма и взял в «Знании» «Диалоги» Ал. Ал.¹ и присланную мне для редактирования часть рукописи Le Dantec'a².

Пятницкого еще не видел. Был у него, но не застал дома³. На днях надеюсь поймать его. По поводу его отъезда на Саргі служащие в «Знании» с улыбкой сообщают, что он собирается ехать каждый день... в течение двух месяцев⁴.

Что касается моего приезда, то его придется отложить на неопределенное время. Ни одно из тех благоприятных условий, которые предполагались весной, не осуществилось, но зато возникло много новых неблагоприятных условий.

Здесь все ужасно сыро и слякотно, — не только в природе, но и в людях, и не только в людях вообще, но и в среде «товарищей». С тем большей радостью вспоминаются те три недели, которые я провел весной у Вас. На фоне петербургской психики та духовная атмосфера, которой я дышал тогда, на Саргі, представляется поистине чем-то «трансцендентным». Я, впрочем, вовсе не хочу ныть, — я прекрасно понимаю, что теперешняя кислятина есть процесс глубокого духовного брожения, из которого, по устранении случайных и ненужных в нашей среде элементов, получится как раз то, к чему мы стремимся. Но практически, пока «улита» еще только едет, приходится все-таки переживать немало скверных минут. Однако оставим эти невеселые остроты.

Ваши опасения относительно Ив. Ив., к счастью, оказались преувеличенными. Его болезнь не имела ничего общего с холерой, — это был маленький припадок обыкновенного желудочного расстройства и теперь он вполне здоров⁵.

«Лит. Распад» т. II немедленно вышлю Вам, как только он выйдет, — к сожалению, это будет не так скоро⁶. По составу он будет чуть ли не пестрее I тома⁷. Но, повторяю, с этим ничего не поделаешь: у «нас» есть люди с одинаковыми *формулами*, но почти нет возможности найти что-нибудь вроде общего *духовного склада*, — да и самая постановка о таком «складе» коллективной психики многим кажется неуместным «идеализмом». Кстати, по поводу «Лит. Распада». Со статьей Анат. Вас. случился скандал: письмо, посланное по тому же адресу, как и статья, переслано в Петербург, а статья завязла неизвестно где⁸. В Териокское почтовое отделение отправлено письмо, но пока ответа нет. Пусть сам Ан. Вас. через почту Саргі сделает запрос о судьбе посылки (конечно, *заказной?*). Если у него есть черновик, пусть вышлет немедленно, хотя бы на *мой адрес: С.П.Б. Тарасов переулоч, дом 4, кв. 8.*

Всего хорошего. Крепко жму руку.

Ваш В. Руднев

6. В. А. БАЗАРОВ — ГОРЬКОМУ

17 (30) октября 1908, Петербург

17.X.08.

Дорогой Алексей Максимович!

Вчера я переговорил с Пятницким относительно фил. сборника¹. Он *принципиально* выразил полное согласие (к сожалению, я не мог ему вполне точно сообщить предполагаемые условия — из одного мельком брошенного замечания в письме Ал. Ал.² я вынес заключение, что гонорар предполагается 100 р. с 40000-го листа, причем $\frac{1}{2}$ уплачивается по предоставлении рукописи³, кажется так?). Главную трудность для Пятницкого представляет вопрос о величине завода. Он ни в коем случае не хочет поднимать цену сборника выше 1 р.⁴, а при таких условиях — определяя размеры сборника в 18—19 листов (2 Ваших, 7 Ан. Вас., 5—6 Богданова, 3—4 моих) — необходим большой завод. Несмотря на то, что до сих пор философские книги выпускались обыкновенно в количестве 3—4, максимум 5 тысяч, Пятницкий предполагает пустить завод в 10000, надеясь на свой хорошо поставленный распространительный аппарат и дешевизну книги. Но для того, чтобы окончательно решить этот вопрос, он хочет иметь более конкретное представление о содержании сборника. Я мог, конечно, сообщить ему об этом лишь самые общие сведения, так как только Ал. Ал. довольно подробно писал мне о содержании своей статьи. Поэтому Пятницкий решил так: отдать распоряжение о том, чтобы статьи для сборника принимались в конторе «Знания», и тотчас же по свидании с Вами, по телеграфу сделать распоряжение о заводе и др. технических обстоятельствах, необходимых для того, чтобы приступить к печатанию.

Выехать на Саргі он предполагает числа 22, 23 по ст. стилю, и уверяет, что больше откладывать этой поездки не будет ни в коем случае.

Крепко жму руку.

Ваш В. Руднев

7. В. А. БАЗАРОВ — ГОРЬКОМУ

19 ноября 1908, Петербург

19.XI.08.

Дорогой Алексей Максимович!

Только что отправил письмо (Ал. Ал-чу)¹, в котором писал, что, несмотря на обуревающие меня болезни, надеюсь на днях кон-

читать статью. Сегодня астма разыгралась настолько, что я убедился в полной невозможности продолжить работу. Придется сделать перерыв минимум на 5—7 дней. Не знаю, как и быть? Надеюсь, впрочем, что недельная отсрочка моей статьи не задержит выхода сборника. К осеннему сезону он все равно опоздал, а к началу след. сезона я поспею. Я, быть может, слишком залез в тонкости гносеологии и психологии, — при астме удовлетворительно отпрепарировать нужную мне линию анализа совершенно невозможно. По существу же дела, разбор более или менее специальных тем, поскольку они непосредственно связаны с такими большими вопросами, как «социальная орган<изация> опыта» и т. п. — мне кажется желателен.

Простите за беспорядочность изложения, — мысль плохо слушается.

Всего хорошего.

Ваш *В. Руднев*

8. В. А. БАЗАРОВ — ГОРЬКОМУ

27 ноября 1908, Петербург

27.XI.08.

Дорогой Алексей Максимович!

Астма моя — о которой я писал в прошлом письме — начинает проходить, и через 3—4 дня рассчитываю стать работоспособным. 3 рукописи — Ваша, Ан. Вас. и А. А. — мною получены¹. Я заглянул в них пока очень бегло, — и потому от всяческих замечаний воздерживаюсь, впредь до окончательного освежения головы². Надеюсь во время печатания закончить свою статью, переслать ее Вам и получить обратно.

Всего хорошего.

Ваш *В. Руднев*

9. В. А. БАЗАРОВ — ГОРЬКОМУ

17 декабря 1908, Петербург

17 дек. 1908.

Дорогой Алексей Максимович!

Я так долго провозился со своей статьей (которая, несмотря на все, далеко не удовлетворяет меня), что только теперь могу, нако-

нец, написать Вам по поводу Вашей статьи (о статьях Ан. Вас. и Ал. Ал. одновременно посылаю отзывы на имя авторов¹).

Картина разложения современной индивидуалистической психики нарисована, по моему мнению, мастерски. Страничка, где характеризуется «хулиганство» как социально-психологическое явление, несколько страничек в середине статьи, где обрисовывается психология интеллигентов, осевших на землю (80-е годы), наконец, весь конец статьи о современной русской литературе, — все это, на мой взгляд, прекрасно не только по содержанию, но и по художественности изображения.

Но именно в силу художественного совершенства этих мест (и многих других), производят впечатление некоторого диссонанса места сравнительно сухие и отвлеченные, т. е. те, где анализ сжат, а, следовательно, по необходимости слишком абстрактен. Так, например, в начале II главы страничка о коллективном характере техники и познания (совершенно правильная по существу) показалась мне каким-то инородным телом, нарушающим общий стиль статьи; то же самое я сказал бы о самом последнем абзаце (не могу сейчас припомнить его содержание, но помню, что это 7—10 заключительных строк). Я предложил бы поэтому заключительный абзац выпустить, — что же касается «коллективности опыта», то я затрудняюсь: для цельности развиваемой в статье точки зрения он полезен, но по архитектурным соображениям лучше было бы без него².

Перехожу затем к основной *положительной* мысли Вашей статьи. Я всецело подписываюсь под всем тем, что Вы говорите о коллективном и личном творчестве, и считаю именно в настоящий момент такую разработку этой темы особенно важной. Чрезвычайно важно обстоятельно выяснить, насколько обедняется, обеспоживается и опошляется творчество даже самой талантливой личности при отсутствии живых связей с коллективом, при замирании всенародного творчества. Необходимо ярко противопоставить идею коллективного творчества современным пошлякам, для которых «коллектив» рисуется в виде каких-то гигантских ножниц, подстригающих всех под одну гребенку. Я приведу только один пример, показывающий, до какой беспредельной пошлости возвышаются современные буржуазные интерпретаторы Ваших идей о личности и коллективе. В одном из недавних рефератов фраза из «Исповеди» о том, что художник «шлифует» продукты народного творчества, была истолкована так: «Если Фидий высекает из глыбы мрамора статую Зевса Олимпийского, то, *по Горькому* он только шлифовщик, а творец тот “народ”, те рабочие, *которые вылома-*

ли эту глыбу из горы»³. И это не какой-нибудь фельетонист, это один из бесчисленных теперь утонченных «религиозных» искателей занимался таким толкованием!

Ругать нас, в особенности Вас, будут еще пуще после философского выступления⁴, но это-то и хорошо: коли именно на нас обрушивается главная брань, значит, именно мы мешаем «последнему» торжеству и успокоению.

Между прочим. Как я понял из письма Ал. Ал., на Вас (не лично на Вас, а вообще на заграничную часть «нас») произвело странное впечатление мое вступление в «рел.-фил.» общество⁵. Теперь обстоятельства изменились, и, по всей вероятности, центр баталий удастся перенести в открытые собрания совершенно нейтрального «Литерат. общества». Недели через 3 я выступлю там с рефератом против мистиков⁶.

Ну, пора кончать.

Всяких благ. Привет.

В. Руднев

10. В. А. БАЗАРОВ — ГОРЬКОМУ

3 февраля 1909, Петербург

3 фев. 1909.

Дорогой Алексей Максимович!

Целую вечность я не писал Вам, — и происходило это от того, что я все колебался, не зная, как отнестись к Вашему предложению переселиться на Саргі. Сначала я был убежден, что мне надо оставаться в Петербурге как единственному человеку из нашего кружка, который может жить в России, а, следовательно, отстаивать наши взгляды не только печатно, но и устно. Как я предвидел еще летом, полемика между нашим направлением и богоискателями всех сортов стала злобой дня. Из газет Вы знаете об этом (мой реферат в «Лит. обществе» выйдет в печати на днях¹). С внешней стороны все обстоит как будто бы благополучно. Разные Галичи, вздумавшие было хвалить меня² (их, очевидно, обманул тон моих последних статей), подняли лай³, несравненно более ласкающий мой слух, чем их прежние похвалы.

Публика относится к дебатам с большим интересом. И тем не менее, я все более и более убеждаюсь, что мои устные выступления — дело, не стоящее никакого внимания. Я все более и более убеждаюсь, что пока еще нет ни малейшего контакта между нами и

публикой, даже враждебной мистицизму, и что создание этого контакта требует упорной, серьезной пропагандистской, а не агитационной работы. Решительно ни в ком мне не пришлось встретить двух чувств, лежащих, как мне кажется, в самой основе того мироозерцания, которое объединяет нас. Это, во-первых, чувство, что невозможность абсолютно-завершенной гармонии — не трагизм, не унижение человеческого разума, а, наоборот, его освобождение, предпосылка его торжества, основное условие восприятия творчества человека как самодовлеющей ценности. Это, во-вторых, то чувство, которое так естественно связывает переживания единичных индивидов в одно целое, ничуть не урезывая самобытности каждого индивидуума, а, наоборот, безмерно обогащая последнего. Первого чувства нет решительно ни у кого. Что же касается второго, то у некоторых врагов, у мистиков вроде Вяч. Иванова⁴, есть по крайней мере желание верить в то, что Бог после второго пришествия ниспослет людям нечто вроде коллективного чувства. У «друзей» же (в кавычках, потому что выступают только самые кадетообразные м<еньшеви>ки, Столпнер⁵, Неведомский⁶ и т. п.) нет в этом пункте абсолютно ничего, кроме пустых слов; люди просто хлопают глазами, когда говоришь им об этом, видят в коллективном чувстве величайшую ересь, ниспровержение основ марксизма, уступку мистикам и т. п. При виде этой стены пропадает всякая охота «полемизировать», т. е. ниспровергать и разделявать этих противников, — хочется прежде всего *положительно* выяснить то, о чем идет речь, дать возможность публике почувствовать то, что чувствуешь сам. Но именно благодаря «стене» это невозможно сделать в кратких словах, не обладая художественным даром, которого у меня, к сожалению, совершенно нет. В результате получается, несмотря на весь интерес и шум, поднятый в публике, нуль, или даже меньше нуля. Положительное содержание осталось никому не понятным, а разные полемические красоты противников не отпарированы. О чем я сожалею, так это о том, что не могу уступить своего «поста» Анатолию Васильевичу; он мог бы быть тут гораздо более на месте. Таким образом я прихожу к убеждению, что моя деятельность в качестве устного агитатора гроша медного не стоит, и что надо всецело заняться серьезной и обстоятельной разработкой тем, составляющих главный камень преткновения для психологии современного интеллигента. А для такой работы жить в Петербурге не только нет надобности, но даже и вредно: Саргійское уединение гораздо более благоприятно, не говоря уже о том громадном плюсе, который представляет личное общение с людьми, близкими по духу.

У меня была и другая причина, привязывающая меня к Петербургу: это надежда работать в «обществах самообразования» для рабочих. Но и на это, кажется, приходится махнуть рукой. Я сделал три попытки, и три раза моя фамилия была вычеркнута градоначальником из списка лекторов⁷.

Меня задерживает, кроме разных материальных препятствий, которые, может быть, скоро будут устранены, одна работа, требующая пользования Публ. библиотекой: для серии, задуманной Московским книгоиздательством, я собираюсь написать брошюру о французских матерьялистах⁸. Это интересно потому, что, по-видимому, Бельтов в характеристике их допустил много неточностей⁹, которые — не в полемической, конечно, форме, а в форме простого противопоставления других взглядов — можно будет устранишь.

Как бы то ни было, я надеюсь, что рано или поздно — и скорее именно рано, чем поздно — наше переселение на Capri все-таки состоится¹⁰.

Напишите, как Вы поживаете!

Всего хорошего.

Ваш В. Руднев

P. S. То, что я пишу выше, может показаться противоречащим письму моей жены¹¹, отправленному месяца 2 тому назад. Но как раз опыт последних недель убедил нас в неосновательности тогдашних надежд.

11. В. А. БАЗАРОВ — ГОРЬКОМУ

25 мая 1911, Петербург

25/V.1911.

Дорогой Алексей Максимович!

Вы напрасно думаете, что мне нужны какие-либо особые напоминания о Капри. Месяц на Капри — один из немногих месяцев моей жизни, о котором я никогда не забуду; и, несомненно, единственный месяц, воспоминание о котором сплошь приятно¹. Правда, факты как будто бы показали, что мы ошиблись в своих тогдашних мечтах о зарождении нового всечеловеческого сознания; но именно здесь, как мне кажется, можно с полным правом сказать: «тем хуже для фактов». Победа фактов только мнимая. И несом-

ненное, теперь уже вполне обозначившееся, разложение тех религиозных искателей и «революционеров», которые свысока третировали нас года 2—3 тому назад², лучшее доказательство этому. Если мы — вернее, некоторые из нас — кое в чем виноваты, то только в слишком нетерпеливом желании схватить, оформить окончательно и зафиксировать то, что еще только бродит, что находится еще *in statu nascendi*³. Предтеча — а кто в настоящее время сможет претендовать на большее? — никогда не должно забывать, что ему не дано явить лик божества, что его дело только «уготовати пути Господу», и что он, во всяком случае, обречен быть «гласом вопиющего в пустыне»⁴.

Простите, что я невольно начал нашу беседу с того пункта, на котором она прервалась три года тому назад, — хотя теперь дело идет совсем о другом.

Насколько я понял из объяснения Алекс. Николаевича⁵, основная тенденция предполагаемого журнала⁶ и в то же время его отличие от наших обычных предприятий этого рода — большая глубина и независимость научного исследования. Предполагается обращаться к современному экономическому развитию России не для того, чтобы подбирать иллюстрации к заранее составленным и санкционированным формулам фракционных резолюций, лозунгов или программ; определенная точка зрения должна дать лишь метод исследования, а отнюдь не предрешать во всей конкретности его выводов.

Если я верно уловил Вашу мысль, то могу только ей сочувствовать и готов по мере сил содействовать. Боюсь только, что на практике, по крайней мере, в ближайшие месяцы, содействие это не сможет выразиться ни в чем осязательном. Вы не можете себе представить, до какой степени мы все здесь распылены, и как трудно собрать эти пылинки, в особенности теперь, летом, когда они разлетелись на все четыре стороны по бесчисленным «лонам природы», не говоря уже о других, несравненно менее значных местах⁷. Мне представляется, что даже в том случае, если бы матерьяльная организация дела, которую взял на себя Алекс. Ник., пошла успешно, раньше осени едва ли можно было бы сделать какие-либо серьезные шаги, хотя бы и подготовительного характера.

Это — все, что я пока могу сказать о деле.

Если у Вас выдастся свободная минута, быть может, Вы черкнете мне, хотя бы в самых беглых чертах, не только о делах и предприятиях, но и о своих личных впечатлениях за последние годы, о том, что Вас лично больше всего занимает. Вы, может быть, найдете, что такая претензия неуместна со стороны человека, который

не писал Вам ровно три года. Что делать, каюсь! Как и почему это вышло, ей-Богу, сам не могу объяснить. Могу только засвидетельствовать, что это решительно ничего не доказывает.

Мой сердечный привет Марии Федоровне.

Крепко жму руку.

В. Руднев

Адрес мой с 1 июня по 15 августа: С.-ПБ. 5 Рота, дом 17, кв. 39.

12. В. А. БАЗАРОВ — ГОРЬКОМУ

17 июня 1913, Астрахань

Астрахань. Б. Демидовская ул.

д. Агамжановых. 17.VI.1913.

Дорогой Алексей Максимович!

Мне очень хочется посоветоваться с Вами по поводу следующего дела. Ранней весной нынешнего года я приступил к ряду статей о Бергсоне¹, которые должны были пойти в «Новой Жизни». Первая из этих статей попала в Петербург как раз в тот момент, когда «Новая Жизнь» была поглощена «Современным Миром»², и когда находились в самом разгаре переговоры Тихонова с «Современником». Естественно, что статья моя попала в «Современник»³. Между тем стало выясняться, что переговоры о вступлении в редакцию «Современника» затягиваются. Получив это известие, я просил мою жену, находившуюся в то время в Петербурге, запросить Тихонова, не лучше ли попытаться пристроить статью в другом месте. Тихонов очень отговаривал ее от этого, находя, что не только мои личные интересы, но и интересы того общего плана, который он старался тогда осуществить, требуют, чтобы статья осталась в «Современнике». Таким образом вопрос был решен окончательно, и не только о первой статье, но и о двух последующих, которые составляют ее непосредственное продолжение: они пойдут в ближайших книжках «Современника»⁴ и взять их обратно представляется уже затруднительным. Если тут и сделана была ошибка, то ответственность за нее я не могу принять всецело на себя, и, во всяком случае, этот шаг уже трудно поправить. Но теперь возникает новый вопрос, относительно которого я и хотел бы выслушать Ваше мнение. Редакция «Современника», как видно из ее последнего

письма, очень не прочь закрепить мои отношения к журналу в качестве сотрудника: они без всякой просьбы с моей стороны прислали мне две книги⁵ для рецензии, запрашивают, не склонен ли я рецензировать другие книги и т. п.⁶

Удобно ли, допустимо ли, несмотря на крушение наших редакционных планов, остаться сотрудником «Современника»? Я спрашиваю Вас об этом потому, что мне самому история переговоров с «Современником» известна лишь в самых общих чертах, на основании очень лаконических сообщений Тихонова, и многое остается до сих пор неясным. Для того, чтобы Вам было легче высказать свое мнение, считаю необходимым пояснить, в каком смысле для меня лично представляется ценным сотрудничество в «Современнике». Каждому литератору, конечно, важно иметь такой журнал, где бы он мог в любой момент сказать то, что он хочет, и так, как хочет. Для моей «философии» такого журнала до сих пор не находилось, и найти его нелегко, ибо слишком марксистские (в области общей теории) журналы — не только такие, как «Просвещение»⁷, но и такие, как «Совр. Мир», — не склонны, конечно, распространять мои ереси, а слишком немарксистские журналы неприемлемы для меня по другим соображениям. С такой точки зрения для меня было бы существенно, если бы такой журнал, как «Современник», т. е. довольно приличный по направлению и совершенно еще не определивший своей философской позиции, предоставил мне некоторую свободу действий. Что касается других соображений, напр. материальных, то они не играют в данном случае особенно важной роли. Само собой разумеется, материальное положение ссыльного человека никогда не может быть блестящим, но кое-какая работишка у меня есть, и даже в случае упрочения моих связей с «Современником», не он явился бы основным источником моих доходов (вообще, оригинальная статья, да еще по философии, всегда обходится «себе в убыток»). Итак, сотрудничество в «Современнике» ценно для меня, выражаясь высоким штилем, лишь как «трибуна», лишь как некоторый, по крайней мере, доступ к свободе слова, а не как «вопрос ножа и вилки». Примите это во внимание, и ответьте мне совершенно прямо и по-товарищески. Впрочем, об этом Вас не надо просить, ибо я уверен, что иначе Вы и не умеете отвечать.

Всего хорошего.

Ваш В. Руднев

13. В. А. БАЗАРОВ — ГОРЬКОМУ

20 декабря 1914, Петроград

СПб. 20.XII.14.

Дорогой Алексей Максимович!

Статистическая статья, которой я теперь занят¹, сильно затянулась, но в январе я все же надеюсь приступить к работе о влиянии немецкой философии на русскую мысль². Готовиться к этой теме по-настоящему я еще не имею времени, но об общем направлении работы думал неоднократно и очень хотел бы еще раз, на этот раз уже окончательно, переговорить обо всем этом с Вами. Если в течение праздничных каникул Вы останетесь в Мустамяках, я явлюсь к Вам, если же куда-нибудь уедете, то не забудьте проездом через Петербург известить меня, чтобы можно было перехватить Вас по дороге³.

Крепко жму руку!

Ваш В. Руднев

NB. Пишите мне по адресу: Плуталова ул., д. 2, кв. 18. Для устных переговоров телефон (у швейцара) 563-54.

14. В. А. БАЗАРОВ — ГОРЬКОМУ

6 июля 1915, Петроград

6.VII.15.

Дорогой Алексей Максимович!

Мне помнится, уже в первых числах прошлого месяца Вы сообщили мне, что рукопись В. П. Ногина отослана по адресу с приложением соответствующей рецензии¹. Между тем вчера я получил письмо от Ногина, датированное 27 июня, из коего видно, что он ни рукописи, ни ответа не получил. Очевидно, произошла какая-то путаница. Быть может, у Вас был неточный адрес? Викт. Павл. Ногин живет в *Саратове*, на *Большой Казачьей ул., д. 100*.

Обратили ли Вы внимание на фельетон Чуковского во вчерашнем № «Речи»². Конечно, Корней не был бы Корнеем, если бы не попытался разок-другой высунуть язык, и нельзя с него строго спрашивать за то, что он вульгаризировал Вашу «человекобожескую» веру. Ибо, само собой разумеется, беспечальное «ангельское» житие ни в коем смысле и ни в коей мере не является Вашим идеа-

лом, а потому о Максиме «Сладчайшем» говорить вовсе не остроумно. Но важно то, что он, — *даже* он, — не мог не почувствовать, при чтении «Детства», что в этой вере есть нечто, огромное, творческое и подлинное, — гораздо более подлинное, чем все те «религиозные сознания», которые с таким пренебрежительным высокомерием противопоставляли себя ей за последние годы. Я вижу в этом симптом большой победы. Не смейтесь, пожалуйста! Победа над Корнеем как симптом, по-моему, важнее и значительнее, чем все те овации, которые выпали на Вашу долю в качестве председателя лиги³. Именно потому, что Корней есть типичный представитель нашей интеллигентской богемы, самое яркое воплощение психологии бульвара, я считаю этот факт значительным! Он свидетельствует, что Вы не только как проповедник или общественный деятель, но и как художник, то есть вооруженный самым могучим и действительным из всех орудий, данных Вам природой, снова получаете доступ к душе массового русского интеллигента. А отсюда, в свою очередь, следует, что на почве той бестолковщины и сумятицы, которая в настоящее время характеризует психику интеллигентской толпы, вырастают не одни только плевелы, а быть может, уже пробиваются побеги крепкого, хорошего будущего.

Всего хорошего!

Мой искренний привет Марии Федоровне!

Ваш В. Руднев

Р. S. В пятницу или субботу уеду в Крым. Сообщаю, на всякий случай, свой тамошний адрес: *Алушта, дача А. Б. Марголиной⁴, мне*. Диалог непременно постараюсь написать⁵.

15. В. А. БАЗАРОВ — ГОРЬКОМУ

16 декабря 1920, Симферополь

16.XII.1920.

Дорогой Алексей Максимович!

Вчера мне передали Ваше письмо, которое, по-видимому, было написано более чем год тому назад. Те литературные работы, которые Вы мне там предлагаете¹, конечно, давно уже выполнены другими. Я надеюсь, однако, что и теперь у Вас нашлась бы для меня работа; я давно уже мечтал о возобновлении совместной работы с Вами, как только Крым соединится с остальной Россией... Но «человек предполагает», а бог (или черт?) располагает: воссоединение

Крыма ознаменовалось для меня целым рядом весьма неприятных и непонятных приключений, о которых и приходится Вам прежде всего рассказать.

Через несколько дней после установления здесь Советской власти² я был арестован в Ялте, но скоро выпущен, причем выяснилось, что арест произошел помимо местного ревкома, по требованию из Симферополя, куда я должен был немедленно явиться для объяснений. В Симферополе Бела Кун³, принявший меня очень любезно, заявил, что, согласно постановлению крымского Областкома, я высылаюсь в Москву, и обещал отвезти меня туда вместе с семьей в своем вагоне в десятых числах декабря. Жена, снабженная надлежащими ордерами и пропусками, отправилась на южн. берег за деньгами, а я остался в Симферополе, где у меня вскоре разыгрался жестокий припадок астмы. Между тем последовал новый приказ о моем аресте, и только ввиду болезненного состояния мне пока разрешают пребывать под домашним арестом.

Когда и как отправят меня в Москву — неизвестно, — Бела Куну Областком запретил взять меня с собой. Жена и дочь в ожидании пребывают со мной в одной комнате — сырой и холодной, где, кроме нас троих, помещается еще и караул. В чем меня обвиняют, никто не может мне толком объяснить. Член Областкома, тов. Самойлова («Землячка»)⁴, глухо сообщила мне, что в газете Ялтинского Совета Профсоюзов, которую я редактировал, было что-то криминальное⁵. Но это явное недоразумение. Инкриминируемая газета («Наш Путь») была единственным в Крыму «пораженческим» органом, избегала полемики с большевиками, писала, поскольку это можно было в условиях военной цензуры, о захватных планах Японии, Польши и др. союзников Врангеля, — вообще ничего одиозного, с точки зрения Сов. власти, там не было и быть не могло.

Как бы то ни было, положение создается глупейшее. Я и моя семья выбиты из колеи и, наконец, просто лишены средств к существованию. Официально мне ничего не объявляют. А через знакомых приходят ежедневно самые противоречивые сведения: сегодня мне передают, что Областком в сущности ничего против меня не имеет и готов выпустить меня на свободу до полного выздоровления; завтра приходит сообщение, что о снятии ареста не может быть и речи.

Ввиду всего вышеизложенного, дорогой Алексей Максимович, я был бы Вам очень обязан, если бы Вы посодействовали тому, чтобы Москва как можно скорее вызвала меня для объяснений⁶, га-

рантировав мне — ввиду болезни — проезд скорый, в теплом классном вагоне и в сопровождении жены.

Об очень и очень многом хотелось бы поговорить с Вами. Крепко жму Вашу руку.

В. Руднев

16. В. А. БАЗАРОВ — ГОРЬКОМУ

8 мая 1922, Москва

8.V.22. Москва, Шереметевский пер., д. 1, кв. 2.

Дорогой Алексей Максимович!

Недели две тому назад А. П. Пинкевич переслал мне Ваш привет с предложением сотрудничества в непартийном и неполитическом журнале, проектируемом в Берлине при Вашем ближайшем участии. Так как Альб. П. сообщил, что он остается в Берлине всего несколько дней, а я не успел ответить ему немедленно, то пишу об этом Вам.

Я охотно приму участие в проектируемом издании¹ и совершенно согласен с Вами в том, что оно должно быть, в строгом смысле, непартийным, т. е. внутренне независимым не только от тенденций правительствующей партии, но и от всякого иного из имеющихся у нас политических направлений. В настоящее время надо серьезно осмотреться и одуматься, а прежде всего «очухаться», — а для этого необходима свобода от всяких традиционных «позиций».

Потребность очухаться все сильнее ощущается даже в «сферах». Ужасающая картина морального и вообще духовного распада наводит уныние на стариков-партийцев и вызывает острую реакцию в среде наиболее чутких элементов советской молодежи. Правда, таких пока немного: большинство «без страха и сомнения»² приемлет всякую действительность, — лишь бы она открывала достаточно простора для карьеры.

Тем не менее, критически задумавшаяся и серьезно задумавшаяся молодежь есть³. Одна из таких групп предпринимает в настоящее время в Москве книгоиздательство⁴, которое должно содействовать оздоровлению атмосферы. Предполагается выпустить ряд книг и брошюр, которые возможно более объективно характеризовали современный «культурный кризис», экономическое положение Европы, ее социальные течения и т. п. Анализ русской действительности по понятным соображениям отодвигается пока на зад-

ний план. Инициаторы предлагают мне взять на себя идейное руководство. В материальном отношении издательство, по-видимому, достаточно обеспечено, по крайней мере на первых порах. Разумеется, при существующих обстоятельствах трудности, стоящие на его пути, колоссальны, и я счел своей обязанностью подчеркнуть их с особенной резкостью при переговорах с инициаторами. Но так как последние твердо и во что бы то ни стало решили выполнить свое намерение, то, мне кажется, им следовало бы помочь. И было бы очень хорошо, если бы и Вы, Алексей Максимович, согласились дать молодому издательству какую-нибудь, хотя бы небольшую, вещицу, — беллетристическую или публицистическую, все равно. Появление Вашего произведения одним из первых выпусков даст для определения культурного лица издательства больше, чем десяток редакционных проспектов или программ.

Как Вы поживаете? Очень хотелось бы порасспросить Вас о том, какое впечатление производит на Вас современная Европа.

Крепко жму Вашу руку!

Ваш *В. Базаров*

ПРИМЕЧАНИЯ

1.

Печатается по А (АГ. КГ-п-67-1-2).

¹ Речь, прежде всего, идет об А. А. Богданове и А. В. Луначарском.

² Базаров по-своему трактует термин прерафаэлиты, подразумевая под ним таких итальянских живописцев, как Пьетро Каваллини (между 1240 и 1250 — ок. 1330) и Джотто ди Бондоне (1266 или 1267—1337), на работах которых учился Рафаэль Санти (1483—1520). Обычно прерафаэлитами называют группу английских художников и писателей 1840—1850-х гг., избравших своим идеалом «наивное» искусство Средних веков и Раннего Возрождения (Д. Г. Россетти, Х. Хант, Дж. Э. Миллес).

³ Речь идет о намерении Горького ввести в сборники «Знания» литературно-критические и философские статьи, а также о выпуске в издательстве серии книг «Русская энциклопедия». Горький писал Г. А. Алексинскому 16 (29) мая 1908 г.: «Первая книга является как бы общим философским введением ко всему ряду: эту книгу должен написать Богданов, она трактует об организации человеческого опыта. Вторая — “История народного творчества” — строится на противопоставлении силы коллективной психики бессилию индивидуального, в области мифа, поэзии и т. д. <...> К осени сюда на Капри соберутся главные участники и инициаторы предприятия: В. А. Базаров, Степанов, Луначарский, Рожков» (Горький. *Письма*. Т. 6. С. 240—241). За Базаровым были закреплены темы: «Статистика, ее роль в современном обществе, в частности, в рабочем движении», «Обзор современной борьбы классов в политической и экономической обстановке», «История русской философии» (Там же. С. 512—513). План реализован не был.

⁴ Анатолий Васильевич Луначарский (1875—1933), литератор, социал-демократ, советский государственный деятель, в это время один из тех, кого вместе с Горьким и Базаровым называли «богостроителями». В автобиографии 1907 г., написанной по просьбе А. Н. Чеботаревской для неосуществленного «Словаря писателей», Луначарский говорил: «В 1898 году я вместе с братом <...> вернулся в Москву <...> Был арестован <...> Отпущенный под надзор полиции до приговора, я отправился к матери в Киев. Здесь я прочел ряд рефератов на философские темы. На одном из них, посвященном Ибсену, я был арестован вместе со всеми слушателями. Около двух месяцев продержали меня в тюрьме, а потом выслали из Киева. Совершенно случайно я выбрал для своего местопребывания г. Калугу. Там <в конце июня 1900 г.> я нашел группу молодых марксистов, находившихся в том же положении, что и я. То были Авилов, Скворцов-Степанов, Руднев-Базаров и Малиновский-Богданов. Случай, сведший меня с ними, можно вполне назвать счастливым» (ЛН. Т. 82. С. 551—552). Упомянутое письмо Базарова не разыскано.

2.

Печатается по А (АГ. КГ-п-67-1-1).

¹ Датируется по сопоставлению с п. 3 и письмом Базарова К. П. Пятницкому от 14 (27) марта 1908 г. (см. ниже).

² Базаров приехал на Капри 9 (22) апреля 1908 г.

³ В письме без даты Горький писал К. П. Пятницкому:

«Теперь прошу Вас прислать:

из шкафа:

Грот. Саги о Фритиофе;

Де-ля-Барт. Песнь о Роланде;

Стасюлевич, томы 1-й, 2-й — в них — “Эдда”.

Не знаете ли Вы *полного перевода* “Эдды”?

Если “*Ист. всеоб. литературы*” *Корша и Кирпичникова* не передана Вами г-же Псиол, то пришлите и эти 4 т. с данной опиской» (Горький. *Письма*. Т. 6. С. 210; письмо опубликовано с неверной датой: 24 марта (6 апреля) 1908 г.).

⁴ Базаров переслал директору-распорядителю издательского товарищества «Знание» Константину Петровичу Пятницкому (1864—1938) процитированное выше письмо Горького, сопроводив его следующим письмом:

«Мустаямки 27.3.08.

Многоуважаемый Константин Петрович!

Пересылаю Вам только что полученное мною для Вас письмо. “Оказия”, о которой там говорится, — моя поездка в Италию.

Выезжаю я в понедельник вечером, — самое позднее во вторник (1 апр.) утром. Поэтому будьте добры устроить так, чтобы в *понедельник утром* я мог получить указанные в письме книги в конторе “Знания”.

С истинным уважением. В. Базаров» (АГ. ПТЛ-5-2-1).

3.

Печатается по А (АГ. КГ-п-67-1-3).

¹ Речь идет о телеграмме Горького от 6 (19) марта 1908 г., адресованной К. П. Пятницкому. По ней 8 (21) марта 1908 г. Базаров получил 150 руб. для поездки на Капри. См.: Горький. *Письма*. Т. 6, п. 268.

² Имеется в виду п. 2.

³ Книги были посланы по почте.

⁴ А. В. Луначарский в это время уже находился на Капри.

⁵ Владимир Ильич Ленин (наст. фам. Ульянов; 1870—1924) приехал на Капри 10 (23) апреля 1908 г.

⁶ Александр Александрович Богданов (наст. фам. Малиновский; 1873—1928), философ-марксист, по профессии врач, приехал на Капри не позднее 21 марта (3 апреля) 1908 г.

⁷ Базаров говорит о совместной литературной работе (см. примеч. 3 к п. 1). Горький хотел во время встречи на Капри помирить Ленина с коллективистами-богдановцами. Сделать это не удалось.

⁸ Позднее, в 1914 г., в этом же пансионе проживал Горький (см.: воспоминания Александры Павловны Горбик-Ланг: *АГ. МоГ-3-8-1*).

4.

Печатается по А (*АГ. КГ-п-67-1-4*).

¹ Базаров выехал с Капри вечером 23 апреля (6 мая) 1908 г. 29 апреля (12 мая) 1908 г. А. В. Амфитеатров писал Горькому: «Дорогой Алексей Максимович! “Понту преплывше”, свершили мы странствие благополучное и приятное. Федор <Шаллапин> все время спал, как сурок, Марья Валентиновна <Петцольд> немножко пострадала, а мы с Базаровым созерцали прыгающих дельфинов. В Неаполе потеряли было Базарова, но он обнаружил находчивость гениальную и сам обрел нас в ресторане “Giardini internazionali”. Уехали в Рим ночью» (*ЛН. Т. 95. С. 97*).

² Оскар Осипович Грузенберг (1866—1940), петербургский адвокат, к услугам которого обращался Горький. Их переписка напечатана: *ЛН. Т. 95. С. 993—1033*.

³ См. п. 1.

⁴ Горький только что закончил повесть «Исповедь». Он читал ее гостям, приехавшим на Капри.

⁵ Матф. 16, 18.

⁶ Климент Аркадьевич Тимирязев (1843—1920), один из основоположников русской научной школы физиологов растений, чл.-кор. Петербургской академии наук (1890), проф. Московского университета (1878—1911), ушел в отставку в знак протеста против притеснений студентов. Позднее Базаров писал: «Еще на гимназической скамье мы жадно поглощали такие произведения Тимирязева, как “Жизнь растений” и в особенности “Учение Дарвина”. Среди той духовной спячки, в которую было погружено провинциальное общество того времени, в атмосфере той всеусыпляющей казенщины, какой являлась наша тогдашняя гимназическая наука, блестящие популяризации Тимирязева были для нас поистине родниками воды живой» (*Новая жизнь. М., 1918. № 3. 4 июня (22 мая). С. 1*).

5.

Печатается по А (*АГ. КГ-п-67-1-11*).

¹ Речь идет о рукописи статьи А. А. Богданова «Наука и философия. Диалоги», опубликованной позднее в сборнике «Очерк философии коллективизма» (СПб., 1909).

² Речь идет о рукописи кн.: *Ле-Дантек Ф. Основные начала биологии / Пер. с 2-го франц. изд. Э. Спилис под ред. В. Базарова. СПб.: Знание, 1910. 20 октября (2 нояб-*

ря) 1908 г. Базаров писал Пятницкому: «Многоуважаемый Константин Петрович! Я просмотрел различные части перевода Le-Dantec'a. Работа очень неровная. Местами стиль легкий и передача подлинника вполне удовлетворительная, но немало мест, крайне неуклюжих по форме и существенно искажающих смысл. Я берусь привести перевод в удовлетворительное состояние, но это потребует большого и кропотливого труда, так что меньше 20 р. за лист взять абсолютно невозможно. Что касается размеров книги, то она действительно не превышает 7—8 листов. В присланной мне — по словам Богданова $\frac{1}{3}$ части — около 100 000 знаков. С совершенным почтением. В. Руднев» (АГ. ПТЛ-14-20-1). Редактировать перевод книги французского биолога и философа Феликса Ле-Дантека (1869—1917) Базаров закончил в феврале 1909 г. Тогда он сообщил Пятницкому: «Многоуважаемый Константин Петрович! Посылаю Вам рукопись и оригинал Le-Dantec'a. Как я уже Вам писал, мне хотелось бы лично побеседовать с Вами по этому поводу. К сожалению, ответа от Вас я не получил. Здесь могу только прибавить, что окончательные стилистические поправки рассчитываю внести в корректуру, — так как рукопись настолько перечеркнута, что не всегда легко уловить мелкие неловкости фраз. Еще раз позволю себе напомнить, что мне *очень нужно бы переговорить с Вами лично*. Как я слышал от Семена Павловича, и Вы выражали аналогичное желание, — тем более необъяснимо для меня, что мои последние письма в течение недели остаются без ответа. С совершенным почтением. В. Руднев» (АГ. П-ка «Зн»-33-50-1). Базаров также перевел работу Ф. Ле-Дантека «Познание и сознание. Философия XX века» (СПб., 1911).

³ 13 (26) октября 1908 г. (дата по почт. шт.) Базаров отправил Пятницкому следующее письмо: «Многоуважаемый Константин Петрович! Вчера я получил письмо от Алексея Максимовича, в котором он просит меня переговорить с Вами по поводу одного задуманного им, Богдановым и Луначарским предприятия. Я был у Вас сегодня утром и не дозвонился. Будьте добры сообщить, когда Вас можно застать дома. С совершенным почтением. В. Руднев» (АГ. П-ка «Зн»-83-50-3). Встреча с Пятницким состоялась 16 (29) октября 1908 г.

⁴ Пятницкий приехал на Капри только 1 (14) сентября 1909 г.

⁵ До Горького дошли слухи о грозящем Ивану Ивановичу Скворцову-Степанову (1870—1928) аресте. Своими опасениями в неизвестном нам письме он поделился с Базаровым, который в иносказательной форме успокаивает писателя. Слухи были не беспочвенными. В. М. Викторов и В. А. Куманев пишут: «В апреле 1908 года Скворцову-Степанову удалось на два месяца уехать за границу, что спасло его от неминуемого ареста» (Викторов В. М., Куманев В. А. Скворцов-Степанов. М., 1986. С. 87). В это время Скворцов-Степанов вместе с сестрой Ленина готовил к выходу в свет «Материализм и эмпириокритицизм». А. И. Ульянова-Елизарова вспоминала: «Я высказывала Ильичу свое мнение, что ругательства часто лишь ослабляют, что без них получается сильнее <...> Возражал против многих резкостей и Иван Иванович Скворцов-Степанов, мой единственный тогда советчик в Москве <...> Осталось в памяти, что Иван Иванович находил особенно недопустимыми и часто несправедливыми нападки на Базарова и Богданова и настаивал на смягчении их» (Ульянова-Елизарова А. И. В. И. Ульянов (Н. Ленин): Краткий очерк жизни и деятельности. Л., 1934. С. 133).

⁶ Вторая книга «Литературного распада» вышла в Петербурге в декабре 1909 г. В нее вошли статьи: В. Базаров «Христиане Третьего Завета и строители Башни Вавилонской», Л. Войтоловский «Сумерки искусства», Ю. Каменев «О робком племени гг. Антонов Крайних», А. Луначарский «Двадцать третий сборник "Знания"», М. Морозов «Старосветский мистик. Творчество Бориса Зайцева», П. Орловский «Базаров и Санин. Два нигилизма», Ю. Стеклов «О творчестве Федора

Сологуба», В. Фриче «Основные мотивы западно-европейского модернизма», В. Шулятиков «Неаристократический аристократизм», П. Юшкевич «Современные религиозные искания». А. А. Блок в статье «Мережковский» писал: «И сам Мережковский не защищен от нападок таких критиков, как, например, Базаров («Литературный распад», кн. 2-я) с его отчетливостью и внимательностью. Этот критик среди своих товарищей по “Литературному распаду” производит странное впечатление, так он индивидуален и вдумчив» (*Блок А. А. Собр. соч.: В 8 т. М.; Л., 1962. Т. 5. С. 363*).

⁷ Первая книга «Литературного распада» вышла в Петербурге весной 1908 г. В нее вошли статьи: Ю. Стеклов «Социально-политические условия литературного распада», Ю. Каменев «О Ласковом Старике и о Валерии Брюсове», П. Юшкевич «О современных философско-религиозных исканиях», Ст. Иванович «Пресса-Модерн», Н. Троицкий «Франк Ведекинд», В. Базаров «Личность и любовь в свете “нового религиозного сознания”», М. Морозов «Пред лицом смерти», М. Горький «О цинизме».

⁸ Речь идет о рукописи статьи Луначарского «Двадцать третий сборник “Знания”».

6.

Печатается по А (*АГ. КГ-п-67-1-5*).

¹ Речь идет о кн.: Очерки философии коллективизма. Сборник первый. СПб.: Знание, 1909. Предисловие «От редакции» (без подписи), а также статьи «Наука и философия. Диалоги» (подп.: Н. Вернер) и «Философия современного естествоиспытателя» написал Богданов. Горький — «Разрушение личности», Луначарский — «Мещанство и индивидуализм», Базаров — «Материал коллективного опыта и организующие его формы».

² А. А. Богданов. Письмо не разыскано.

³ Действительно, было решено половину гонорара выплачивать авторам сборника по представлении рукописи. Это видно из письма Базарова к Пятницкому от 29 декабря 1908 г. (11 января 1909 г.): «Многоуважаемый Константин Петрович! Богданов извещает меня, что моя рукопись рассмотрена заграничными членами редакции, принята для “Философск. сборника” и переправлена в “Знание” для печатания. Ввиду этого я очень просил бы Вас выдать мне условленную половину гонорара в один из ближайших дней, — если возможно, не позднее 1 января. Мне придется еще взять рукопись на дом, чтобы внести несколько поправок, предложенных редакцией, — но это работа двух—трех часов; я сегодня же зайду в “Знание” и, если рукопись уже там, сделаю эту работу к вечеру, — так что завтра она будет вполне готова. С совершенным уважением. В. Руднев» (*АГ. П-ка «Зн»-33-50-4*).

⁴ «Очерки философии коллективизма» сразу по выходу в свет (конец апреля — начало мая 1909 г.) стоили 1 рубль 50 копеек.

7.

Печатается по А (*АГ. КГ-п-67-1-6*).

¹ Письмо к Богданову, вероятнее всего, находится в недоступной нам коллекции «Archivio della Fondazione Lelio e Lisli Basso-Issoco» в Риме.

Печатается по А (АГ. КГ-п-67-1-7).

¹ Речь идет о статьях Горького, Луначарского и Богданова для сборника «Очерки философии коллективизма».

² Авторы сборника были и членами его редколлегии. В России их представителем (и последним редактором) был Базаров. 27 февраля (12 марта) 1909 г. он писал заведующему конторой «Знания» С. П. Боголюбову: «Милостивый государь! Мое издание — сборник “Очерки философии коллективизма” № 1 — прошу выпустить в продажу немедленно по напечатании. В. Руднев» (АГ. П-ка «Зн»-33-49-2).

Печатается по А (АГ. КГ-п-67-1-8).

¹ Отзывы не разысканы.

² Речь идет о статье «Разрушение личности» (в процессе работы автор давал ей также названия: «От Прометея до хулигана», «Личность и творчество»), которая сначала предназначалась для выходящей в Женеве газеты «Пролетарий» (редакторами ее были А. А. Богданов, И. Ф. Дубровинский и В. И. Ленин). 13 (26) февраля 1908 г. Богданов сообщал Горькому: «Дорогой товарищ, при обсуждении Вашей статьи в ред<акции> “Пр<олетария”> мнения разделились, формального решения не принято, постановлено обратиться для совещания к Вам, и каждый редактор пишет Вам за себя. Моя позиция такова. Ввиду полного единогласия коллегии относительно того, что статья хороша и вполне соответствует той подписи, которая под ней значится, и что помещение статьи было бы выгодно для успеха и распространения газеты, остаются, по-моему, только вопросы о том, подходит ли она к газете по сюжету и направлению. По сюжету — я полагаю, подходит <...> что касается направления, то ни один из редакторов не указывает на какое бы то ни было противоречие статьи с принципами революционного марксизма. Этим исчерпывается материал, на основании которого должен быть решен вопрос о статье. Внесение сюда постороннего вопроса об (якобы или действительно) «эмпириомонистической» окраске изложения и метода, налагающей якобы на газету отпечаток определенной философской школы, я считаю неправильным...» (*Неизданная переписка*. Вып. 5. С. 34—35).

Дубровинский 16 (29) февраля 1908 г. написал Горькому: «...личная моя точка зрения <...> сводится к немногим положениям: 1) Всякая попытка придать нашему политическому направлению “эмпириокритический” или “эмпириомонистический” отпечаток неминуемо повела бы к разложению нашего партийного соединения. 2) Решительно все т. т., каковы бы ни были их философские взгляды, понимающие практические потребности переживаемого времени, не могут не отвергнуть мысль о таком разединении как совершенно безумную. 3) Таким образом, газета должна твердо держаться в “нейтральной” в данном отношении позиции, избегая всего, что могло бы дать нашим противникам право квалифицировать ее как орган распространенного в рядах беков философского течения» (Там же. С. 63). Аргументация Ленина против публикации статьи была та же, что и у Дубровинского. 12 (25) февраля 1908 г. он писал Горькому: «...Вы явным образом начинаете излагать взгляды одного течения <...> “Пролетарий” должен остаться абсолютно нейтрален ко всему нашему расхождению в философии...» (*Ленин и Горький*. С. 33).

³ Базаров приводит фразу из доклада студента-филолога Германа Александровича Баронова «Обожествление народа (по поводу “Исповеди” М. Горького)». Доклад был зачитан Д. С. Мережковским на заседании Религиозно-философского общества в Петербурге 13 (26) ноября 1908 г. Работа Г. А. Баронова опубликована не была. О ее содержании можно судить лишь по кратким газетным изложениям. Например, хроникер петербургской «России» сообщал своим читателям: «Докладчик приходит к выводу, что Горький вступает в новую область развития своего таланта, в область религиозную. По мнению Г. Баронова, М. Горький потерпел неудачу в своей публицистической деятельности и, чувствуя свое отчуждение, оторванное положение, так как от народа он сам ушел, а интеллигенция его не признала за своего — ищет прочной основы и обращает взоры к народу. Г. Баронов не может согласиться с идеей “обожевления народа”. “Довольно обожествлять народ, — надо работать для него, надо вытаскивать его из духовной темноты” и в этой работе самим возвышаться духом, совершенствуя его» (Россия. 1908. № 921. 21 ноября).

⁴ Позиция коллективистов-богдановцев ярко выражена в повести Горького «Исповедь». Ее опубликование летом 1908 г. вызвало большую полемику (см.: Горький. *Сочинения*. Т. 9. С. 538—560). Выход «Очерков философии коллективизма» усилил дискуссию (особенно среди социал-демократов). Известие о подготовке к печати сборника заставило Ленина поторопиться с опубликованием «Материализма и эмпириокритицизма» (М.: Звено, 1909). Эта работа, как известно, имеет подзаголовок «Критические заметки об одной реакционной философии». «Реакционная философия» — это проповедуемая Богдановым, Горьким и Базаровым философия коллективизма. Их книга вызвала рецензии: *Поссе В.* Книга не для читателей // Слово. 1909. № 783. 2 мая; *Войтоловский Л.* Кризис индивидуализма и преодоление личности // Киевская мысль. 1909. № 152. 4 июня; *Разрушение личности* // Новое слово. 1910. № 6. С. 152 (рецензия не подписана). Poleмика с коллективистами присутствует в книге Д. С. Мережковского «Болезнь Россия» (СПб., 1910).

Нередко философия коллективизма пропагандировалась Базаровым, Горьким и Луначарским с использованием религиозных терминов, неприемлемых для Богданова, за что все трое именовались в печати «богостроителями». Сама же идея создания бога человечеством была высказана до них Ж. Э. Ренаном. С. Н. Булгаков в статье «Религия человекобожия у Л. Фейербаха» писал: «Кроме этой альтернативы, что или бог существует, или есть лишь продукт фантазии, оказывается, возможна еще и третья, согласно которой бога еще нет, но он будет создан человечеством. Это философское изобретение, представляющее собой, на наш взгляд, самую безбожную и нечестивую выдумку всего XIX века, принадлежит эстетическому скептику и умственному гастроному Эрнесту Ренану <...> К удивлению, эти идеи в последние годы нашли себе отголосок и на русской почве среди разочарованных марксистов» (*Булгаков С. Н.* Сочинения: В 2 т. М., 1993. Т. 2. С. 205).

⁵ В 1901 г. теми, кого обычно принято называть богоискателями, были основаны Религиозно-философские собрания. Членами-учредителями, по свидетельству З. Н. Гиппиус, были Д. С. Мережковский, Д. В. Философов, В. В. Розанов, В. С. Миролубов и В. А. Тернавцев (см.: *Гиппиус З. Н.* Дмитрий Мережковский // *Мережковский Д. С., Гиппиус З. Н.* 14 декабря: Роман. Дмитрий Мережковский: Воспоминания. М., 1991. С. 354). В 1903 г. собрания были запрещены. После вынужденного пятилетнего перерыва они возобновили свою работу в виде Религиозно-философского общества.

⁶ Реферат Базарова, зачитанный им в Литературном обществе в январе 1909 г., был опубликован: *Базаров В. А.* Богоискательство и «богостроительство» // Вершины. СПб., 1909. Кн. 1. С. 331—363.

Печатается по А (АГ. КГ-п-67-1-9).

¹ См. примеч. 6 к п. 9.

² Леонид Евгеньевич Галич (наст. фам. Габрилович; 1878—1953), критик и публицист, вместе с Базаровым и Горьким был членом редакции газеты «Новая жизнь» (1905), в 1909 г. в Томском университете выдержал экзамен на степень магистра по историко-филологическому факультету и был допущен к чтению лекций на кафедре философии в звании приват-доцента. В рецензии на вторую книгу «Литературного распада» Галич писал: «“Хорошее вино” книги содержится в статье В. Базарова (первой в сборнике): “Христиане третьего завета и строители башни Вавилонской”. Самое заглавие говорит, что тут полемика с идеями Мережковского, с религиозно-философской его проповедью. Всякая полемика подозрительна; чем больше привлекает она читателя, как самый “современный” вид драки — тем сильнее должна отталкивать от себя тонкий вкус. Особенно полемика с мистицизмом, идущая от правоверных марксистов. Ждешь заранее борьбы “общих мест” против, может быть, неверных и смутных, но искренних и *личных* высказываний. Именно с таким ожиданием — встретить нечто совершенно безличное, давно идущее из рук в руки, как разменная монета начитанности — принимаешься за чтение статьи, занимающей около 2-х листов, очень мало (особенно для большевика) “пустых мест”, где замолкал собственный его голос и размеренно скрипела “начитанность” <...> Базаров говорит “из себя”, от *личных* чувств, *личных* вкусов, *лично* отношения к “философии” и умеет говорить нетопорно. Спор его с “идеей конца” — с упованием на “заключительную гармонию” — неглупая и поучительная попытка» (Речь. 1909. № 11. 12 (25) января; — подп.: Леонид Г.).

Поэт и литературный критик Лев Маркович Василевский (1876—1936) писал в рецензии на сборник «Кризис театра» (М., 1908): «Роль программной в сборнике играет открывающая его статья Ю. Стеклова “Театр или кукольная комедия”, где с чрезмерной страстностью и оттого совсем необедительно опровергаются взгляды на реформу театра, высказанные в книге “Шиповника” гг. Мейерхольдом, Чулковым, Белым и особенно Брюсовым и Сологубом <...> Напротив, статья “Быт или мистерия?” В. Базарова, написанная сдержанно или даже суховато, с любопытной стороны берет одну сторону современной драмы, именно ее мистицизм; в самой мистике ее автор констатирует наличность бессознательно просачивающихся элементов быта, и на этом строит свое отрицание вневременности и отрешенности от среды этой драмы» (Речь. 1909. № 4. 5 (18) января; подп.: Л. Вас-ий).

³ По всей видимости, имеется в виду статья «Мысли», написанная Галичем после посещения Литературного общества, где Базаров выступил с рефератом «Богоискательство и “богостроительство”». В статье говорится: «На тринадцатом году от роду, когда я перешел в пятый класс и впервые, после куцых штанишек, облекся в настоящие панталоны, во мне сложилось нечто вроде мировоззрения. Всех подробностей сейчас не припомню, но очень помню основные черты: все условно, философия — чепуха, Бога сочинили попы. Затем, конечно, — надо быть эгоистом и поэтому сражаться за угнетенных. Это было ясно, как день, и притом необычайно солидно, совсем в рендант к брускам навыпуск. Очень огорчаюсь при мысли, что тогда не было “Литературного общества”, где я мог бы рассказать свои взгляды. Это сделал за меня посторонний и то спустя почти четверть века — марксист Базаров, изложивший мою юношескую систему под заглавием: “Богоискательство и Богостроительство” <...> Пришел к Платону “положительный” киренаик и стал бранить его учение об идеях. — Лошадь, говорит, — вижу, а “лошадность”, т. е.

идею лошади, не вижу. — Голубчик, — отвечает Платон, — те глаза, какими усматривается лошадь, у тебя есть; а вот того глаза, которым усматривается “лошадность”, ты себе еще не завел <...> Гимназисты, заведите себе глаза!» (Речь. 1909. № 14. 15 (28) января).

⁴ Д. В. Философов в статье «Друзья и враги» описал участие поэта Вячеслава Ивановича Иванова (1866—1949) в обсуждении повести Горького «Исповедь»: «В январе месяце нынешнего года <1909-го> г. Базаров прочел в Петербургском Литературном Обществе реферат как раз на тему “Богоискатели и богостроители” <...> бой вышел странным. Вячеслав Ив. Иванов приветствовал в докладе г-на Базарова возрождение идей, дорогих и ему, Иванову» (*Философов Д. В. Неугасимая лампада*. М., 1912. С. 171).

⁵ Борис Григорьевич Столпнер (1871—1937), философ-марксист. А. А. Богданов писал о нем в 1914 г.: «Был некий меньшевик Столпнер, который, между прочим, выступал публично против меня в защиту взглядов Плеханова. В последнее время он куда-то повернул и начал призывать к религии» (Неизвестный Богданов: В 3-х кн. М., 1995. Кн. 3. С. 99). Базаров вместе со Столпнером перевел 1-й том «Скептицизма в философии» Р. Рихтера (СПб.: Шиповник, 1910).

⁶ Михаил Петрович Неведомский (наст. фам. Миклашевский; 1866—1943), публицист и литературный критик, принадлежал к меньшевистской фракции РСДРП, иногда участвовал в собраниях партии кадетов, выступал с обзорами ее деятельности (см. статью О. Е. Блинкиной — Русские писатели. 1800—1917: Биографический словарь. М., 1999. Т. 4. С. 247).

⁷ Как пишет А. Морозова, Базаров в «1907—11 читал лекции в Смоленской вечерне-воскресной школе для рабочих и в Нар. ун-те в Петербурге» (*Политические партии России*. С. 53).

⁸ Брошюра, вероятно, не была написана, «Книжной летописью» она не зарегистрирована (просмотрены 1909-й, 1910-й и 1911 гг.). «Московское книгоиздательство» выпустило «Капитал» К. Маркса в переводе Базарова и Скворцова-Степанова (1907—1909), собр. соч. в 17 т. Е. Н. Чирикова (1910—1916), книгу М. М. Пришвина «Заворошка. Отклики жизни» (1913).

⁹ Речь идет о книге Георгия Валентиновича Плеханова (псевд. Бельтов; 1856—1918) «Очерки по истории материализма» (Штутгарт, 1896; на нем. яз.). Базаров на смерть одного из первых русских марксистов откликнулся статьей «Памяти Г. В. Плеханова», в которой писал: «Двойственная задача стояла перед Плехановым как реформатором нашего революционного движения. С одной стороны, надо было сорвать те идеалистические покровы, которыми тогдашняя интеллигенция, в своем увлечении самобытными путями развития, окутала нашу земельную общину и другие пережитки крепостнической стороны. С другой стороны — и это особенно важно — надо было вызвать внутренний перелом в самом строе тогдашнего интеллигентского мышления, надо было разрушить ту психологию, которая заставляла революционеров 70-х годов идеализировать в нашей жизни как раз то, что годилось только на слом <...> Никто из учеников Маркса не видел с такой глубиной и талантливостью органической связи между гегелианством и марксизмом, как Г. В. Плеханов <...> И вообще, раскрытие революционной стороны гегелианства, интерпретация его как совершеннейшей матери революционности и реализма, как такой точки зрения, которая по существу “преодолеывает” противоположность между идеалом и действительностью, — вот та область, в которой творческие силы Плеханова проявили себя наиболее самобытно, в которой он имеет крупнейшие заслуги не только перед русской, но и перед мировой культурой <...> И особенную, непроходящую ценность имеют эти труды Плеханова для нас, русских интеллигентов, ухитрившихся через все революционные бури последних десятилетий, через

все наши бесконечные партийные и фракционные дробления пронести нашу исконную сектантскую психологию иступленной мечтательности в соединении с поразительной практической беспомощностью в деле воплощения своей мечты» (Новая жизнь. М., 1918. № 4. 5 июня (23 мая). С. 2).

¹⁰ В марте 1909 г., после получения неизвестного нам письма Базарова (см.: *Архив Г. 14*. С. 44), Горький написал Богданову с Капри: «Базаров едет в Крым, вместо того, чтобы ехать прямо сюда, где через 1½—2 месяца его присутствие будет необходимо для школы» (*Неизданная переписка*. Вып. 5. С. 47). В это же время в письме без даты Базаров сообщал Богданову: «Мы выселяемся из Петербурга (по случаю хронических болезней детей и жены). Принципиально решено переселиться на Саргі, но по разным причинам немедленно это осуществить не удается. Пока жена с детьми поедет в Крым (где живут старики Марголины), я последую через некоторое время за ними, а осенью надеемся выехать за границу» (*АГ*. ПТЛ-14-21-1). Однако обстоятельства сложились так, что Базаров в Италию приехать не смог и в работе Каприйской партийной школы участия не принимал (см.: *Щелоков О. В.* РСДРП: Проблемы лидерства и обновление руководства (1906—1911 гг.). М., 1995. С. 181—185).

¹¹ Женой Базарова была Евгения Товиевна Руднева (урожденная Марголина; 1877—1942), переводчица с датского, немецкого и французского языков, сотрудница петербургского журнала «Русская школа», в советское время — редактор московского журнала «Искусство в школе», сотрудница Наркомпроса. Ее писем в *АГ* нет. Е. Т. Руднева занималась общественной деятельностью. Она была делегатом 1-й международной женской конференции, состоявшейся в августе 1907 г. в Штутгарте (см.: *ЛН*. Т. 80. С. 620). У Рудневых было двое детей: сын — Александр (1903—1935), метеоролог, и дочь — Анастасия (1908—1974), геолог. О Е. Т. Рудневой см.: *Доброчаева Н. Е. Т. Руднева — ответственный редактор «Искусства в школе» // Искусство в школе*. 1992. № 2. С. 61—62.

11.

Печатается по *А* (*АГ*. КГ-п-67-1-12).

¹ Речь идет о пребывании Базарова на Капри весной 1908 г. Он пробыл на острове не месяц, а две недели — см. п. 4.

² Имеются в виду богоискатели, а также критики «богостроительства» из числа социал-демократов — см. примеч. 4 к п. 9. Позднее мысли, во многом схожие с идеями коллективистов-богдановцев, высказал А. Белый в работе «История становления самосознающей души» (см.: *Белый А.* Душа самосознающая. М., 1999. С. 62—476).

³ В состоянии зарождения, возникновения (*лат.*).

⁴ В «Книге пророка Исаии» сказано: «Глас вопиющего в пустыне: приготовьте путь Господу» (Гл. 40. Ст. 3).

⁵ Александр Николаевич Тихонов (1880—1956), писатель, друг Горького, участник многих его издательских начинаний.

⁶ Речь идет о журнале «Новая Россия». В конце апреля — начале мая 1911 г. Горький писал И. Д. Сытину: «Только что удалось, кажется, организовать журнал <<Современник>>, думаю о другом, необходимом, по нынешним временам. Этот другой журнал — давняя моя мечта; его основная цель — всестороннее изучение России, а не проповедь каких-либо партийных взглядов. В нем должны быть совершенно новые отделы, например: Обзорение торгово-промышленной и экономической жизни России. Обзорение иностранной экономической политики и торговли.

Обозрение провинциальной жизни, поставленное на совершенно новых началах. Это должен быть журнал, который читался бы с одинаковой пользой купцом и крестьянином, чиновником и интеллигентом» (Горький. *Письма*. Т. 9. С. 30—31). Переговоры с издателем по поручению Горького вел А. Н. Тихонов. Они продолжались до апреля 1912 г. и закончились безрезультатно. Только в 1915 г. Горькому удалось создать свой журнал — «Летопись». В нем финансовое участие принял Сытин, а среди сотрудников был Базаров.

⁷ Сам Базаров летом 1911 г. был арестован по обвинению в связях с революционной эмиграцией и выслан на 3 года в Астраханскую губернию. Причина ареста становится ясной из следующего заявления Базарова, сделанного на допросе 20 сентября 1930 г.: «С 1908 по 1910 год я работал, главным образом, в легальной прессе и, кроме того, вел нелегальную пропаганду среди рабочих района Невской заставы, — в Смоленской школе. Кроме этого, я оказывал спорадические услуги товарищам, возвращавшимся в Россию из Италии после окончания ими школы на Капри» (*Меньшевицкий процесс 1931 г.* Кн. 1. С. 48).

12.

Печатается по А (АГ. КГ-п-67-1-13).

¹ Анри Бергсон (1859—1941), французский философ, представитель интуитивизма и философии жизни. Базаров перевел его работу «Материя и память» (*Бергсон А. Сочинения*: В 5 т. СПб., 1914. Т. 3). Имеется в ЛБГ (ОЛБГ. 8).

² Событие, о котором говорит Базаров, произошло весной. 1 (14) апреля 1913 г. А. Н. Тихонов сообщал Горькому. «Я уже Вам писал, что кроме “Сов. Мира”, очурилась также и “Нов. Жизнь” и также ведет переговоры с Певиным» (АГ. КГ-п-76-1-4). Однако слияния с «Современником» названных петербургских журналов не произошло. «Новая Жизнь» выходила до 1917 г., «Современный мир» — по январь 1918 г. См. также: *Скворцова Л. А. «Современный мир» // Рус. лит. и журн. 1905—1917*. С. 118—161.

³ Переговоры с «Современником» по поручению Горького вел А. Н. Тихонов. 9 (22) марта 1913 г. он писал на Капри: «Получил письмо из Астрахани: и Базаров и Скворцов — солидарны с намеченной программой журнала и с удовольствием будут в нем работать. Могут ли? С-в совсем освобожден и на днях будет здесь, Б-у остался еще целый год, но он собирается перевестись в Лугу (это недалеко от СПб) и надеется, что ему это удастся» (АГ. КГ-п-76-1-2). А через три недели сообщил: «Был у меня вчера Скворцов, говорил я с ним вечер, очень милый человек, я еще раз почувствовал, как бы можно хорошо все это дело устроить! Не успели мы сказать друг другу трех слов, и уже все было ясно. Вы представить себе не можете, до чего наш выбор удачен, — человек этот говорит то же, и почти теми же словами, что и Вы. Не знаю, насколько он талантлив как писатель, но как единомышленник он подходит к нашим задачам, как нельзя более. И вот уехал в Москву на поля орошения! О Баз. — теперь хлопочет М. М. Ковалевский и есть надежда его выгнать не только в Лугу, но даже и в Питер» (АГ. КГ-п-76-1-4). Однако предложенная Горьким реорганизация редакции затягивалась. Тогда он 14 (27) марта 1913 г. поставил Е. А. Ляцкому ультиматум: «...заявляю, что я останусь сотрудником “Современника” только при том условии, если редакция его составит так: Вы, Базаров, Степанов, Тихонов. Никакой иной комбинации я не могу принять» (*ЛН*. Т. 95. С. 561). См. также: Горький. *Письма*. Т. 10. С. 278. Это требование вполне не было, и Горький ушел из журнала.

⁴ Три статьи Базарова о Бергсоне, под общим заглавием «О философии действия», были опубликованы в № 6, 7, 10 «Современника» за 1913 г.

⁵ Редакция «Современника» прислала кн.: *Штенберген А.* Интуитивная философия Анри Бергсона. СПб., 1912 и *Бергсон А. И.* Интеллектуальное усилие. II. Заметка о психологическом происхождении нашей веры в закон причастности. СПб., 6 г. Написанные Базаровым рецензии опубликованы в № 9 «Современника» за 1913 г.

⁶ В объявлениях о подписке на «Современник» в 1914 и 1915 г. среди сотрудников журнала назван и Базаров.

⁷ «Просвещение» — петербургский ежемесячный общественно-политический, экономический и литературный журнал марксистского направления, выходил с декабря 1911 по июнь 1914 г. Подробнее см.: *Ревакина И. А.* «Мысль» и «Просвещение» // *Рус. лит. и журн. 1905—1917.* С. 28—42.

13.

Печатается по А (АГ. КГ-п-67-1-10).

¹ О какой статье идет речь, установить не удалось.

² Речь идет о двух статьях, напечатанных в «Современнике» под общим заглавием «О современном идеологическом кризисе». В первой статье, имеющей подзаголовок «Византийская ориентация общественного мнения», говорилось: «...во главе военно-патриотической мобилизации русского “общества” стали те же лица, которые были его идейными вождями и выразителями в предшествующую мирную эпоху. Это — кадеты и их ближайшие друзья, — либералы, полулибералы и бывшие либералы, — люди, не очень устойчивые в политике, но во всяком случае старающиеся сохранить верность основным традициям западничества. Чем легче они идут на компромиссы с политической практикой нашего византийства, тем горячее отстаивают свое антивизантийство в теории <...> “Оправдание войны”, пишет г. Франк, “должно опираться на интересы или блага общечеловеческие, которые одинаково ценны и обязательны для всех. Оправдать войну можно, лишь приведя такие аргументы, с которыми противник обязан был бы согласиться”. Т. е., разумеется, *логически и нравственно* обязан: на деле такое соглашение не достижимо <...> Я остановился так подробно на статье г. Франка потому, что весь ход, а следовательно, и исход его философствования чрезвычайно типичен для нашего либерального национализма: продолжая считать себя западником, отбиваясь от славянофильства и полемизируя с ним, автор фактически обеими ногами стоит на славянофильской почве» (1915. № 5. С. 159—160, 166). Во второй статье, с подзаголовком «Византийство против “новоевропейской” культуры», автор писал: «Виднейший из теоретиков современного византийства, С. Н. Булгаков, усматривает первородный грех Запада в его “мещанстве” <...> В этой аргументации, развитой С. Н. Булгаковым в его лекции “Война и русское сознание” <...> нет ничего существенно нового. Бессмысленность прогресса без веры в сверхъестественное преображение мира как завершение человеческой и космической истории; феноменализм классической немецкой философии как результат обоготворения человека и человеческого разума; мещанская религия комфорта как результат феноменалистического мировоззрения, — вот мотивы вещей песен византийства, — мотивы, с которыми мы обстоятельно познакомились еще в “Проблемах идеализма”, которых власть заслушали в нудные дни веховщины <...> Многие из участников этого сборника (Струве, Франк, Изгоев) выступали определенными западниками; да и славянофильская фаланга “Вех” сражалась не столько с духом самой “новоевропейской” культуры, сколько с тем несовершенным, по ее мнению, усвоением этого духа, которым отли-

чаются русские радикалы. В настоящее время все эти *qui pro quo* <смешения понятий (лат.). — *Red.*> устранены. Византийство завершило процесс самопознания, утвердилось на действительно ему принадлежащей позиции» (1915. № 10. С. 233—234). Базаров здесь продолжает давний спор. В свое время на сборник «Проблемы идеализма» (М., 1902) он откликнулся статьей «Авторитарная метафизика и автономная личность», опубликованной в «Очерках реалистического мировоззрения» (СПб., 1904).

³ Встреча, вероятнее всего, состоялась в конце декабря (ст. ст.) в Петрограде, откуда 6 (19) января 1915 г. Горький выехал в Москву.

14.

Печатается по А (АГ. КГ-п-67-1-14).

¹ Виктор Павлович Ногин (1878—1924), большевик, позднее в первом составе Совнаркома будет занимать пост наркома по делам торговли и промышленности. Речь идет о рукописи воспоминаний Ногина «На полюсе холода», предлагавшейся для опубликования издательству «Парус». Рукопись представлялась в цензуру, но книга увидела свет только в 1919 г. в московском отделении издательства «Коммунист». Автор в предисловии ко второму изданию пояснял: «Первое издание, вышедшее в 1919 г., напечатано по рукописи, которая прошла царскую военную цензуру: как при первом издании у меня не было никакой возможности пополнять или изменять свою первоначальную работу, так нет этого и сейчас» (Ногин В. П. На полюсе холода. М.; Пг., 1923. С. 5). См. также: *Архангельский В. В.* Ногин. М., 1964. С. 365.

² Речь идет о статье критика Корнея Ивановича Чуковского (наст. фам. и имя Николай Васильевич Корнейчуков; 1882—1969) «Утешеньишко людишкам» (Речь. 1915. № 182. 5 июля; вторая часть статьи была опубликована в № 189 от 12 июля).

³ Возможно, речь идет о выступлении Горького в адвокатском клубе на собрании, посвященном отъезду делегации адвокатов на фронт (см.: *ЛЖТ.* 2. С. 497).

⁴ Анна Борисовна Марголина (1854—1929), теща Базарова.

⁵ Речь идет о статье Базарова «Дорожный разговор», написанной в виде диалога двух пассажиров (Летопись. 1913. № 1. С. 183—196; подп.: В. Плуталов — от названия улицы, на которой жил Базаров — см. п. 13).

15.

Печатается по А (АГ. КГ-п-67-1-15).

¹ В неизвестном нам письме Горький, вероятно, предлагал Базарову сотрудничество в журнале «Завтра». В направленном в июне 1919 г. в Госиздат проспекте «Издательства З. И. Гржебина» сказано, что в намечаемом к изданию ежемесячном внепартийном журнале «Завтра» (редактор Горький) Базаров будет вести отдел философии и участвовать в написании обзоров провинциальной жизни (*ГАРФ.* Ф. 395. Оп. 10. Д. 44. Л. 31). План создания журнала «Завтра» реализован не был. Письмо Горького долго не могло найти Базарова по той причине, что было послано в Харьков тогда, когда философ с семьей уже переехал в Крым. О существовании неизвестной нам переписки Горького с Базаровым весной 1919 г. говорит помещенное в № 12 (май) «Мысли» объявление о намечаемых к выпуску книгах «Издательства З. И. Гржебина» и «Всемирной литературы», а также рецензии Н. Свир-

ского на сборник статей Горького «Несвоевременные мысли: Заметки о революции и культуре» (Пг.: Культура и свобода, 1918).

² В результате успешного проведения Перекопско-Чонгарской операции, продолжавшейся с 7 по 17 ноября 1920 г., Красная Армия освободила Крым от войск генерала Петра Николаевича Врангеля (1878—1928).

³ Венгерский коммунист Бела Кун (1886—1939) с ноября 1920 г. был председателем Крымского областного ревкома.

⁴ Розалия Самойловна Землячка (партийный псевд.; урожденная Залкинд, в замужестве Самойлова; 1876—1947) в октябре 1919 — ноябре 1920 г. была начальником политотдела 13-й армии, по заданию партии вместе с Бела Куном и Г. Л. Пятаковым возглавляла работу по «наведению порядка в Крыму».

⁵ Скорее всего, Базаров инкриминировалось не редактирование газеты «Наш путь», а участие в научном марксистском журнале «Мысль». Е. И. Короткий в комментарии к статье В. И. Ленина «В лакейской» писал: «“Мысль” — еженедельный научный журнал, издававшийся правыми меньшевиками в Харькове с января по июль 1919 г. при ближайшем участии В. Базарова, Л. Мартова, С. Девдариани (Сана) и М. Кричевского. Сотрудники: Н. Александров, Н. Рожков, Я. Пилецкий, В. Рожицин, Л. Любимов, М. Либер, Н. Колесников, П. Колокольников, М. Левидов, Д. Далин, М. Гинзбург, П. Шубин, Раф. Григорьев, Б. Авилов, М. Александровский, Ю. Владимиров, В. Коган, Б. Штейн и др. Всего вышло 15 номеров. Журнал приветствовал “смену власти”, т. е. приход Деникина, и высказывался за интервенцию» (*Ленин В. И. Сочинения. 2-е изд. М.; Л., 1932. Т. 24. С. 793*). Первый номер «Мысли» открывался статьей «От редакции», в которой говорилось: «Первая книжка нашего журнала выходит в свет в тот момент, когда социально-политическая катастрофа, переживаемая цивилизованным миром, достигла величайшего размаха». Интересен помещенный в журнале отзыв Базарова на работу Ленина «Пролетарская революция и ренегат Каутский» (М., 1918): «Опровергнуть критику Каутского невозможно, ибо сама жизнь с каждым новым месяцем, с каждой новой неделей все более и более подтверждает справедливость этой критики. Однако, ввиду того, что Каутский мог еще сохранять известный авторитет в большевистских кругах, облить его помоями, отделать на все корки за ренегатство, было по тактическим соображениям необходимо. Остается только пожалеть, что эту черную, неблагодарную работу взял на себя лично глава правительства, пожертвовав для нее несколькими днями своего драгоценного для государства рабочего времени. Проще было поручить изничтожение нового ренегата обслуживающим советскую печать Стекловым» (*Мысль. 1919. № 7. С. 235—236*).

⁶ Базарову пытался помочь его коллега по «Новой жизни» и «Мысли» Б. В. Авилов. В письме без даты он просил Горького: «Дорогой Алексей Максимович! Мне сообщили, что в Крыму был арестован В. А. Базаров-Руднев. Кажется, его привезли или привезут в Москву. Я писал уже о нем Каменеву, но не очень надеюсь на успех. У В. А. астма в тяжелой форме, и заключение в тюрьме для него может оказаться роковым. М. б., Вы напишете прямо Ленину, что будет вернее. Жму Вашу руку. Преданный Вам. *Б. Авилов*» (*АГ. КГ-од-1-39-1*). О положении Базарова писатель, находившийся в это время в Москве, узнал 25 января 1921 г. Он сразу же позвонил в Кремль Ленину, которого на месте не оказалось. Просьбу Горького записал секретарь. Ленин, приехавший в Кремль позднее, на записке секретаря написал: «Распоряжение запросить отзывы члена коллегии Всероссийской чрезвычайной комиссии <...> В. Р. Менжинского и секретаря Исполнительного Комитета Коммунистического Интернационала <...> Б. Куна» (*Владимир Ильич Ленин: Биографическая хроника. М., 1979. Т. 10. С. 8*). Вскоре Базаров оказался в Москве.

Печатается по А (АГ. КГ-п-67-1-16).

¹ Доктор педагогических наук Альберт Петрович Пинкевич (1883—1939) 17 июня 1922 г. сообщал Горькому: «Дорогой Алексей Максимович, восемь дней в России. Существенно нового мало: она все та же. Удивляет абсолютная (не относительная) дороговизна; здесь жить раза в три дороже, чем в Берлине. Но, в общем, все живут не так трудно, как раньше. Базаров статью пишет. Я ему передал о Ваших пожеланиях, и он принялся за дело. Другие тоже дадут материал» (АГ. КГ-п-57-23-13). Речь идет о журнале «Беседа», который издавался в Берлине при ближайшем участии Б. Адлера, А. Белого, Ф. Брауна, М. Горького и В. Ходасевича. Всего в 1923—1925 гг. вышло семь номеров. Произведений Базарова в «Беседе» опубликовано не было.

² Базаров перефразирует известное выражение римского историка Тацита — «без гнева и пристрастия».

³ В России в начале 1920-х годов существовало социал-демократическое молодежное движение. Позднее один из его участников, Д. М. Бацер (псевд. Я. Мееров), в беседе с А. Ю. Даниэлем (псевд. Т. Сонин) сообщил о том, что его товарищи «в 1920—23 гг. встречали сочувствие со стороны рабочих, когда выступали на фабричных и заводских собраниях», и добавил: «Сведения эти относятся, главным образом, к печатникам Москвы, металлистам Тулы, рабочим Кременчуга, Ростова-на-Дону, Екатеринослава, Витебска» (Минувшее. М., 1992. Т. 7. С. 234). Среди политических активной молодежи 1920-х годов были последователи А. А. Богданова. С ними поддерживал контакты Базаров. С его слов на допросе 19 сентября 1930 г. следователь А. С. Славатинский (он же в 1923 г. допрашивал А. А. Богданова в связи с делом «Рабочей правды») записал: «Действительно в моем присутствии Богданов приблизительно в 1923 году вел разговор с кем-то из молодых работников Пролеткульта у себя на квартире о способах осуществления идей Пролеткульта, — причем Богданов убеждал этих молодых людей не прибегать к таким формам работы, как создание нелегальных организаций. “Рабочую правду” я действительно видел и читал один или два номера ее; — где и при каких обстоятельствах не помню». На следующий день на тот же вопрос А. С. Славатинского Базаров ответил так: «Приблизительно в 1922—23 году мне пришлось присутствовать несколько раз при беседах А. А. Богданова, у него на квартире, с молодыми пролеткультовцами. Эти пролеткультовцы выдвигали в беседах с Богдановым, между прочим, вопрос о способах пропаганды идей Пролеткульта, причем Богданов убеждал их не прибегать к таким формам работы, как создание нелегальных организаций. Журнал “Рабочей правды” я действительно видел и читал. От кого и при каких обстоятельствах я получил этот журнал, не помню. Шуцковер Фанни, Вернера и Шульмана я действительно встречал в Пролеткульте, где я иногда выступал с небольшими сообщениями. Добавляю, что я не помню, читал ли я “Рабочую правду” до или после ликвидации ГПУ одноименной с этим журналом организации» (протоколы допросов Базарова цитируются по копиям, предоставлены нам Е. А. Рудневым, оригиналы находятся: Центральный архив КГБ. Арх. № Н-7824. Дело № 580822; протокол допроса от 20 сентября 1930 г. опубликован (с купюрой): *Меньшевицкий процесс 1931 г.* Кн. 1. С. 50).

⁴ Видимо, речь идет об издательстве «Красная новь». Оно было основано в Москве в январе 1922 г. на базе редакционно-издательской коллегии Главполитпросвета Наркомпроса РСФСР. Сначала существовало как автономная часть Госиздата РСФСР. В июле 1922 г. «Красная новь» стала самостоятельным издатель-

ством. С января 1923 г. — издательство ЦК РКП(б), затем Исполнительного Комитета Коммунистического Интернационала, в августе 1924 г. слилось с Госиздатом РСФСР. Одним из сотрудников издательства был Н. Осинский (наст. имя и фам. Валерьян Валерьянович Оболенский; 1887—1938). В «Красной нови» вышла его книга «Мировое хозяйство в оценке наших экономистов» (М., 1923). Н. Осинский известен тем, что на VIII съезде РКП(б) в марте 1919 г. открыто заявил: «Партийная политика определяется лишь Лениным и Свердловым путем разговоров друг с другом» (цит. по: *Бордюгов Г. А.* Ленину о Ленине: Письма. 1918—1921 гг. // *Неизвестная Россия. XX век.* М., 1992. Кн. 1. С. 13). А несколько месяцев спустя он не побоялся указать Ленину на его недостаточно хорошие организаторские способности. 16 октября 1919 г. Н. Осинский писал руководителю партии и государства: «У нас есть политический вожь, которому принадлежит бесспорное руководство партией и революцией — т. Ленин. Это великий и тактический политик и несравненный создатель политико-организационных линий и лозунгов — политический алгебраик. Но в то же время он не организатор-техник по индивидуальным особенностям — не знаток организационной арифметики» (Там же. С. 17). Базаров на 12 лет был старше Н. Осинского. Возможно, к нему имеет отношение фраза о «наиболее чутких элементах советской молодежи». Личное знакомство могло произойти в ВСНХ, первым председателем которого был Н. Осинский. Базаров выпустил в «Красной нови» свой перевод работы К. Маркса «Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта» (М., 1923). Произведения Горького в издательстве «Красная новь» не печатались.

А. А. ЗОЛОТАРЕВ — КОРРЕСПОНДЕНТ И МЕМУАРИСТ ГОРЬКОГО

---

*Вступительная статья, подготовка текста и примечания
И. А. Ревякиной*

Алексей Алексеевич Золотарев (1879—1950) был в близких человеческих, творческих и деловых отношениях с М. Горьким в годы его дореволюционного эмигрантства на о. Капри. Имя Золотарева в это время особенно часто встречается в переписке писателя. Горький, как правило, общался близким и друзьям об участии Золотарева в обсуждении новых литературных произведений в каприйской среде, считаясь с его суждениями. О Золотареве нередко писал с Капри также И. А. Бунин, подолгу там живший. Например, извещая брата Юлия Алексеевича о чтении в доме Горького своих новых рассказов — «Веселый двор», «Иоанн Рыдалец», «Захар Воробьев». С Алексеем Алексеевичем переписывались, советуясь о своем, желая узнать нечто существенное или совсем свежее, многие русские каприйцы, не похожие друг на друга. Это потом забытый журналист М. К. Первухин, один из зарубежных корреспондентов нескольких русских газет, молодые начинающие литераторы И. Вольнов, Б. Тимофеев и др. Многому и многим в каприйской среде Золотарев был по-особому — общественно и духовно — открыт, сопричастен. Так проявлялось, пожалуй, важнейшее его личностное качество: тяготение к религиозной соборности в отношениях людей, воспитанное определенной средой (он родился и вырос в семье священника) и поддержанное широким гуманитарным образованием и самообразованием, которые включали не только литературу, но также и философию, научные и культурные знания.

Именно религиозная духовность, в качестве главной составляющей мироотношения Золотарева, определила своеобразие его художественных опытов 1910-х гг. — повестей «В Старой Лавре» и «Во едину от суббот», одобренных Горьким и появившихся в *Сб. Зн. 23, 40*. Это сказалось и в литературно-публицистических выступлениях Золотарева в 1909—1910-м гг. в печати родного Рыбинска, в частности, в статьях об устройстве Городской публичной библиотеки. Тогда молодой журналист называл «неустанный творческий» труд «просвещения» в «новом историческом бытии», освященным традициями «христианской цивилизации»¹. Позднее, в советские годы,

то же самое четко выразилось в неординарных мемуарных материалах Золотарева под названием «Campo santo <Святое поле (о кладбище), *итал.*> моей памяти: Образы усопших в моем сознании»². Они записывались в последние десятилетия жизни автора и запечатлели память о десятках людей — знаменитых и малоизвестных, — с которыми жизнь сводила Золотарева. В «траурных заметках» оказались и профили тех, с кем довелось непосредственно встречаться на Капри — Горького и К. П. Пятницкого, Ф. И. Шалыпина³, А. Л. Волынского, А. С. Новикова-Прибоя и др., а также тех, кого узнал благодаря каприйским знакомствам: например, отца и брата поэта А. К. Лозина-Лозинского, более года прожившего на острове — яркого, но мучительно больного человека, покончившего самоубийством.

Духовно-религиозная направленность мироотношения Золотарева определила в дальнейшем закрытость его творчества для полного и адекватного изучения. В советские годы Золотарев не избежал преследований по мировоззренческим причинам, несмотря на связи с Горьким и его заступничество. Поздние работы Золотарева — культурно-исторического и религиозно-философского характера, посвященные русскому духовенству и церкви, не могли быть опубликованы. Их гласное признание началось только в 1990-е годы⁴. Литературные опыты Золотарева — и его знаиьевские повести, благожелательно принятые старшим современником, и воспоминания о знаменитом писателе и его окружении, написанные в конце 1930-х гг. — тоже были в определенном смысле под спудом. Так или иначе, но они заключали в себе неизбежную частицу *потанности*, потому что далеко не во всем были созвучны советской эпохе. Дооктябрьские произведения Золотарева (как, впрочем, и вся литература этого времени) истолковывались упрощенно-социологически: в частности, в излишнем «приближении» к Горькому, стирающем черты самобытности и несходства («ученик» не только следовал за «учителем», которому он оставался всегда глубоко благодарным за свое признание, но и сознательно полемизировал с ним, отстаивая свое). Сами воспоминания Золотарева о Горьком стали для него подлинной драмой: он знал и понимал своего наставника разнообразнее и глубже, чем мог об этом сказать; публиковать мемуары было возможным лишь частично, а о том, что явно противоречило «иконографии Горького» 30-х годов, Золотарев вынужден был умалчивать⁵.

Предлагаемая статья (включает фрагменты из воспоминаний Золотарева, разбор его повестей 1910 г.), а также публикация части переписки этого времени с Горьким помогут более полному воссозданию характера взаимоотношений с писателем одного из близких к нему современников, несомненно, обладавшего «лица не общим выраженьем», а кроме того — и уяснению той внутренне сложной картины литературной жизни на Капри в 1907—1913 гг., которая отражала черты, свойственные эпохе в целом с разными общественно-культурными оппозициями и сближениями.

А. А. Золотарев приезжал на Капри трижды: осенью 1907 г., потом был здесь с лета 1908 до весны 1909 г. и длительное всего оставался на острове в последний раз: с лета 1911 почти до конца 1913 г. С первой встречи начались, а затем упрочились дружеские и деловые отношения с Горьким. Во многом именно на Капри осуществились главные литературные замыслы молодого писателя 1910-х гг. — его повестей-диспутов о недавней революции. Здесь он увлеченно входил в русско-итальянские контакты и связи, изучал труды великих итальянцев — Леонардо да Винчи, Джордано Бруно, осваивал переводческие навыки. В переводе Золотарева в 1914 г. впервые в России появился философско-нравственный трактат Дж. Бруно «Изгнание Торжествующего Зверя» (см. п. 1 и 5).

Приезд на остров в 1907 г. стал знаменательным и органичным вхождением начинающего литератора в горьковскую среду и шагом к признанию первой его большой повести «В Старой Лавре». О том и другом Золотарев позднее писал в воспоминаниях «Горький-каприец». Вот их благодарное начало: «Время, проведенное мною на Капри, крохотном островочке Средиземноморья с пестрой — во все цвета радуги! — легендарной историей и сказочным былинным прошлым, что древнее и глубже Троянской войны, — было счастливым временем моей жизни. Встречи с Горьким — яркие вспышки радости на этом ясном, счастливом фоне. Знакомство с Алексеем Максимовичем — это даже не событие, а целая эпоха моей жизни.

Горький ввел меня в “большую литературу”.

— Мы с Пятницким берем Вашу “Старую Лавру” к себе в “Знание”. Пора, пора, сударь, Вам в большую литературу. Пора! — несколько раз ласково повторил он, выслушав как-то (уже после чтения “В Старой Лавре”) мой взволнованно-путаный рассказ о том, как и чем я жил до Капри <...>.

— Очень хорошо! — уже спустя долгое время говорил мне Алексей Максимович. — Очень хорошо, что Вы начали писать рано и работали юные годы в нашей провинциальной печати. Эта безвидная газетная работа обостряет зрение, создает навыки ежедневного упорного литературного труда и — что важнее всего! — крепко ставит нас на своей родной земле. Это, знаете ли, расчудесно!

Вот это — самое горьковское, полное, круглое “Очень хорошо!” или “чудесно!”, потому что — наше волжское, широко-раздольное утверждение пережитого опыта; это какой-то изумительно ясный и бодрый вариант античной *amor fati* <лат. — любовь к судьбе; имеется в виду благосклонность судьбы. — *Ред.*> — любви к своей судьбе! — остался у меня на всю дальнейшую жизнь как ценнейший подарок, полученный мною от Алексея Максимовича в пору нашего одновременного пребывания на Неаполитанском поморье...»⁶.

Начало воспоминаний, при объяснимой эмоциональной расцветности, тем не менее точно намечает главные акценты. Несомненно, что Золотарев «совпал» со старшим по литературному цеху в радостной полноте жизнеощущения: это их сближало. Их роднил и завязавшийся на всю жизнь интерес к Италии с ее богатейшей культурой, особая готовность принять иное «поморье», не волжское, а средиземноморское — с его «античным вариантом» жизнелюбия.

Симпатии Горького к Золотареву, конечно, были связаны с его радикально «окрашенной» биографией, а также и широким кругом интересов, серьезными образовательными стремлениями. Золотарев, не кончив Духовной академии в Киеве, поступил в С.-Петербургский университет на естественное отделение. Однако учеба там была прервана арестом за участие во время событий 1905—1906 гг. в студенческих революционных сходках. Ссылку в Сибирь, по ходатайству родителей, обеспокоенных слабостью здоровья сына, удалось заменить высылкой за границу на три года (часть этого срока Золотарев и провел на Капри в два первых приезда туда). Оказавшись сначала в Париже среди других многочисленных русских эмигрантов, самых разных политических пристрастий, Золотарев поступил в Сорбонну, но вынужденно оставил учебу и здесь из-за обострения болезни легких. Необходимость лечиться переносит его на несколько месяцев в Швейцарию, а потом в Италию. Таким, еще на перепутьях жизненных выборов, Золотарев встретился с Горьким, уже начав работу над повестью о духовных исканиях своих современников, которые вызывались мощным общественным брожением начала XX в.

Завершение повести «В Старой Лавре» Золотарев и позднее считал рубежным событием своего творческого становления, в чем особенно ценил участие Горького: «На Капри я закончил повесть “В Старой Лавре” и одним поздним вечером явился к Алексею Максимовичу с рукописью. ...Он, как это было с ним в первый вечер встречи, шумно обрадовался <...> Я начал читать и скоро забылся <...> Вышел я из своего авторского забытья, когда Горький ходил около меня по студии крупными легкими шагами и говорил мне то, что, вероятно, говорил многим <...> Это был новый для меня, еще не виданный мною Горький, очень грустный, очень нежный, тихий <...> Говорил он о подвиге писателя, очень трудном, полном соблазнов, падений, срывов, не всякому под силу, если бы ни с чем не сравнимая радость рождения и зачатия все новых и новых образов <...>

— Читали Вы кому свою “Лавру”?

Я сказал, что читал своим на Волге и, кажется, не всем и не совсем угодил. Стиль тяжел... Периоды большие, толкотни много <...> надо бы разрядить, прибрать, принарядить мою “Лавру”.

— Нет, нет! Оставьте все так... Ничего не надо убавлять. Пусть себе толкаются. Вам уж, сколько я Вас понял, всегда будет тесно в жизни. И

сами стесняетесь, и других стесняете... А я бы Вам так и еще фигурку прибавил, ей-богу, у Вас ее не хватает. Молодого, знаете, монаха, забавника, озорника, сметливого, любопытного. Он всюду бегаёт, везде заглядывает. Вот об этом подумайте. А переделывать — Вас не переделаешь: Вы с Волги. Несите скорее рукопись!»⁷

Даже начало воспоминаний Золотарева насыщено реалиями каприйской жизни, ее людским разнообразием. Вероятно, только «в присутствии Горького» могли встретиться такие разные представители «русского мира», как члены очень состоятельного семейства знаменитого доктора С. П. Боткина, литераторы леводемократического круга и безвестный питерский рабочий: «Прикатили мы на Капри целую шумною ватагою, “русской бандой”, как звали нас в деревушках на берегу Женевского озера. Банда наша возглавлялась критиком “Современного мира” Василием Львовичем Львовым-Рогачевским. Это он увлек, сманил нас вместе с собою на Капри.

Сам он ехал семейно — с женою Верой Матвеевной и маленьким сыном Сережей. Мы — это были два волгара: я и друг, земляк и тезка мой Алеша (Алексей Васильевич) Буров, питерский рабочий, организатор и активный участник первого Совета депутатов. И еще: Анна Николаевна — тогда Ася Миславская (впоследствии Колпинская), тоже связанная с Питером, с движением 1905 года и с Парижем, где мы зиму зимовали вместе <...> Веселый, шумный и шуточный, Алексей Максимович потащил нас на свет, в большую комнату, где полон стол был гостей и где за настоящим семейным самоваром сидела Мария Федоровна. Усадив “критика” и “тезку с Волги” чай пить, Горький стал расспрашивать о Париже, о Швейцарии, о впечатлениях от Италии.

Ему в тот вечер не сиделось на месте. Он высказывал из-за стола и поношески легко, танцуя выходил на чудесную перголетту <итал. — открытую террасу. — *Ред.*> любоваться полной луной, морем, Форголонами, причем они обращались у него в “Фараонов” <речь идет об известных скалах “Фараньоны” на южном берегу острова>, как за минуту перед тем сестры Боткины (они были в числе гостей) — в Беззаботкиных, а вилла лорда Дугласа, над виллою Сеттани <где жил в этот момент Горький>, в виллу Двуглаза...»⁸

Память Золотарева сохранила по меньшей мере два важнейших акцента горьковской оценки его первой повести. Молодой писатель в разговоре с Горьким нашел подтверждение своих ощущений о несовершенстве «Старой Лавры» и вместе с тем признание ее определенной самооценности — в новизне и серьезности изображенных фигур. Разнородность такой оценки — похвалы и критики — выступает характерной и для Горького, и для каприйской литературной среды: уже известный писатель никогда не уставал искать молодые таланты, даже обманываясь подчас в надеждах на

них, а для тех лет в целом показательно щедрое привлечение им в издания, где он печатался, еще безвестных литераторов, которые перекликались с ним радикально-демократическими настроениями. Именно потому вместе с «Исповедью» в том же знаиьевском сборнике печаталась «Старая Лавра», а, например, в «Современнике» (1913, № 2) рядом со своим рассказом «Кладбище» — по согласию с настроением и психологией «проходящего» (своего героя) — Горький просил печатать «бодрые» стихи рабочего-эмигранта С. Г. Астрова. Такого рода «эксперименты» не всеми одобрялись. И. А. Бунин едко заметил однажды, что Горький «ценит не талант, а направление»⁹. И был во многом прав. То же раздосадованно утверждал и Л. Андреев, приехав на Капри в 1913 г.: в окружении Горького он увидел лишь «полуизгнанников, полуписателей», как он замечал в одном из писем к И. С. Шмелеву¹⁰.

Горьковское пестование «полуписателей» было частью его позиции демократа и радикала, особой приверженности к идее пролетарской культуры: писатель указывал на дорогу к храму искусства и творчества «самоучкам», одаренным людям с самых низов жизни. Эту «не общую», не всеми признаваемую, но исторически неизбежную ценность «каприйской кузницы слова», как определял Золотарев, он справедливо выделял в своих позднейших воспоминаниях.

* * *

Какое же столкновение идей, мнений, вопросов, «фигур» (напомним метафорически выраженные оценки Горького: «Ничего не надо убавлять. Пусть себе толкаются. Вам уж, сколько я Вас понял, всегда будет тесно в жизни...») одобрял Горький в повести «В Старой Лавре»? Почему остановил свой выбор на этом, пусть и не вполне зрелом, произведении для очередного сборника «Знания», где оно тоже неслучайно оказалось вместе со «Сказками земли» С. Гусева-Оренбургского и, конечно, заглавной для издания его собственной «Исповедью»?

Переключка тем в сборнике определялась жгуче современным интересом каждого из его участников к обсуждению в литературе и критике религиозно-философских вопросов. Показательно, что очень скоро на острую их постановку откликнулись представители разных общественных и философских лагерей: Д. С. Мережковский — полемикой, в то время как А. В. Луначарский и В. А. Базаров — поддержкой. Совпадение авторов сборника заключалось в несомненной левизне их общественных позиций, а также в стремлении соединить вопросы религиозного и революционного мировоззрения.

И то, и другое было решающим для Горького в качестве составителя сборника и ее ведущего автора. Так, в первых его эпистолярных оценках

«Сказок» Гусева проскальзывает сомнение в их художественной ценности: «Приехал Гусев. Его рассказ — хорош как тема, а исполнение могло бы быть не так вычурно. Все впадают в этот приподнятый стиль...» — писал он в марте 1908 г. Е. П. Пешковой. Однако через месяц высказывал уже решительное одобрение произведения: «Повесть Гусева идет рядом с “Исповедью” — она посвящена тебе, — отмечал Горький в письме Пешковой, — и я тебя искренно поздравляю: гусевская повесть — литературное событие. Это — новый и крутой подъем реализма»¹¹. Несомненно, что писатель ждал отклика на сборник: ведь на его страницах были поставлены принципиальные философско-религиозные и остро социальные вопросы с дорогих ему позиций «демократизма, позитивизма» и в противостоянии тому «направлению» общественного распада и мистики, «коему столь усердно служат ныне Минские, Мережковские и т. д.», как подчеркивал Горький почти в то же время в одном из писем Пятницкому¹².

В весенние месяцы 1908 г., когда на Капри собирался 23-й сборник «Знания», этот своеобразный художественный радикально-демократический манифест о религии и революции, противостоящий выступлениям из лагеря модернизма, именно в это время обозначились первые открытые столкновения по философии и религии среди русских социал-демократов. Горький горячо поддерживал в тот момент искания «неортодоксов» в русском марксизме. Его увлекали монистические идеи, философия коллективизма, которые отстаивали в среде революционной социал-демократии сторонники А. А. Богданова. Разделял Горький также идеи Луначарского о социализме как религии масс. Этот комплекс философских, а также историко-культурных проблем будет страстно обсуждаться в 1908—1909 гг. непосредственно на Капри. Он будет высказан и в теоретических работах, которые выйдут в России. Сборник «Очерки по философии марксизма» (1908), который выпустят сторонники Богданова, будет восхищать Горького, а В. И. Ленин тогда же начнет, как он определял, «драку» с богдановцами и всеми их теоретическими выступлениями, в которых принимал участие Горький, мечтая о «пролетарской культуре». Ленин объявлял искания марксистов-неортодоксов «реакционными» и в 1908 г. писал Горькому по поводу «Очерков по философии марксизма» — «бердяевщина и поповщина», книга «нелепая, вредная, филистерская»¹³.

В дискуссию о новом сборнике «Знания» вступили участники 2-го выпуска «Литературного распада» (М., 1909) — Базаров и Луначарский. Первый приветствовал горьковскую религию разума, коллективного творчества культуры, «религию» человеко-бога, «человеческого, слишком человеческого»¹⁴. Луначарский в статье «Двадцать третий сборник “Знания”» заявлял боевую позицию защиты «пролетарского искусства» в противостоянии «сумеркам» культуры в стане модернизма с его «религиозными исканиями». Этот «литературный распад», с радикально-позитивистских

позиций марксистов-неортодоксов, объявлялся общественной реакцией, враждебной демократии. Луначарский выделял созвучность трех авторов сборника (в надеждах на пробуждение «растущих душ», захваченных общественным обновлением), но также и различия в их настроениях, в пластике образов. Однако первое было, пожалуй, важнее, т. к. обосновывало тезис-прогноз критика о зарождении небывалого культурного явления: «Почти неожиданно, прямо резким пятном на сером фоне нашей литературы да, по правде сказать, и на фоне последних книжек “Знания”, — утверждал он, — выделяется 23-й сборник <...> по художественному своему значению “Исповедь” гораздо выше “Матери”, ибо тут чувствуется полная свобода, выражение личности автора, сливающейся с основной нотой нового искусства: коллективизмом.

Рассказ Гусева-Оренбургского, — продолжал Луначарский, — конечно, уступает “Исповеди” в широте захвата, в пластической силе образов, в музыкальном ритме всего повествования, в глубине проникновения в “новью” растущей души, но и это замечательная вещь, полная радости обновления.

Несколько более особняком стоит повесть Золотарева. В тех двух увидели люди свет истинный и пришли, и восприняли его, и понесут его в мир. Здесь только ищут лихорадочно, часто сбиваясь с пути, но готовые уже принять благую весть.

Нам известно, что между авторами 23-го сборника не было никакого уговора, само собою вышло это появление трех разноценных и разным тоном поющих, но во всяком случае замечательных и к одному направленных произведений¹⁵.

«Богоискательство» демократии было громко отмечено в стане оппонентов. Бурно проходило обсуждение нового горьковского произведения на заседаниях Религиозно-философского общества в С.-Петербурге, где выступали и с одобрениями, и с отрицаниями — Г. Баронов, А. Блок, В. Розанов, Д. Мережковский, Вяч. Иванов и др. Мережковский развенчивал попытку примирения религии и социализма в статье «Сердце человеческое и сердце звериное»¹⁶.

Три автора «Знания», безусловно, перекликались в отношении к недавним революционным событиям. И тем не менее, их *религиозные ответы* на самые большие и тревожные вопросы времени не были однозначными. Луначарский упоминал об этом с полным основанием, оставляя тем не менее на втором плане своих размышлений.

«Сказки земли» Гусева состоят из двух частей. Первая представляет лирико-философское вступление к теме радикальных перемен в жизни, а во второй, собственно повествовательной части этого цикла, рассказана история священника, истово преданного вере и принимающего, как разумом, так и сердцем, дело сына-революционера. В первом «рассказе» оче-

видна общность с горьковским «Человеком», этим гимном человеческому разуму. Во втором, где только намечено духовное прозрение отца-священника, ощутимы отголоски истории с горьковской Ниловной, матерью, идущей в революцию вслед за своим сыном. Рассказ выдержан в романтической образности, фигуры революционеров выступают как христианские праведники, готовые к жертве собою ради любви к другим.

В исканиях священника, принимающего необходимость революционных деяний, Луначарский видел родственное идеям пролетарского гуманизма, т. е. коллективизму. Но смысловая направленность произведения могла быть прочитана и в общегуманистическом плане. Не один Гусев в то время искал «союза» религии и общественного прогресса, органической роли церкви — живой религии — в современной жизни. Именно такой осознал позицию Гусева несколько позднее Золотарев. Он отметил «стремительную страстность и чувственную пылкость увлечения социальной революцией» писателя и в то же время выделил важность темы «службы духовенства родной земле»¹⁷. По его определению, именно это получит эпическое освещение в многочисленных рассказах Гусева. В его изображении жизнь духовного сословия, которую он хорошо знал, содержала «и свет, и тени», она представляла «не только приходскую службу, но *служение*, не только попование, но и *пастырство*». Так писал Золотарев в 1914 г. в статье «Бытописатель современного духовенства»¹⁸.

Различие у Горького и Гусева в отношении к религии проявлялось достаточно наглядно в том, что один преимущественно негативно рисовал лиц духовного звания, а у другого подобной, несомненно субъективной, последовательности не было. Это несходство очевидно и на страницах 23-го сборника. В «Исповеди» — целая вереница монахов и церковников, которые раскрываются, за редкими исключениями, негативно. В «Сказках земли» — на первом плане именно драматическая история отца-священника, вызывающая глубокое сочувствие.

Есть принципиальная непохожесть в постановке религиозно-философской проблематики в «Исповеди» и «Старой Лавре». В народном богоискательстве Горький хотел видеть религию переустройства жизни — социального в первую очередь, обретение идей социализма, с его новой соборностью — коллективизмом. При определенном социальном пафосе повести Золотарева, главными в ней остаются философско-нравственные проблемы.

Всем персонажам повести присуще искательство. Это и «мятущийся» студент духовной академии Платоныч, который не верит в «академического Бога», но «ждет откровения, Божьего зова ждет»¹⁹. Это и Юноша, тоже студент академии, устремленный к «мировым загадкам» жизни и смерти. Он — «на краю Истины»: его «уставка мысль» мечется «между страхом и жадной жизнью», хотя сам он доживает «последние дни» (с. 345).

В спор с Юношей вступает революционерка-анархистка Лидия, призывающая ради «грядущего обновления» к «непрерывному разрушению» (с. 359, 358).

Золотарев стремится передать бурную дискуссионность времени, споры по остро злободневным и вечным вопросам. Сама повесть построена как продолжающийся диспут между героями. Таково главное событийное содержание произведения.

В разгоряченных речах героев узнаются отголоски самых обсуждаемых идей времени. Так, призывы юной Лидии явно одушевлены нищенством. Она не знает компромиссов: «Нас мало, но мы сильны своей бесконечной ненавистью к старому <...> силы наши удесятерятся, когда люди, наконец, устанут от серых будней своего голодного, тоскливого и тихого существования, наши силы станут неисчислимыми, когда на землю налетит грозный ураган безумия <...> Счастье людей впереди, а не сзади, в щедром и расточительном безумии творчества Нового, а не в жадном и бережном уме сохранения Старого» (Там же).

Предостережением против «безумия творчества» в ответ на речи юной анархистки звучат слова Платоныча о «ярких огнях» новых «религиозных верований»: «Но уже семена страстных религиозных исканий снова оплодотворяют человеческий дух; рождаются новые символы; глубже, проникновеннее вглядывается стоящий на распутье современный человек в тайну жизни и смерти; теснее стремится связать то, что было, с тем, что будет — и мне все время кажется, что вот-вот зажжется огонь Новой Религии и согреет собою всех нас, холодных и неспособных к действию, объединит нас, нелюбимых, одиноких, и осветит нам путь вперед» (с. 364—365).

В «узурчатой нити мысли», «все крепче и ближе связывающей собеседников» (с. 330), выступают парадоксы, с которыми сталкивались еще герои Достоевского, мечтая о вселенском счастье. Так, Юноша говорит о проповеднице «пожара разрушения»: «Сдается мне, из тех она, что с самим Богом спорят, из-за порядка в мире тягаются, с Господом не дружны, а больше всех ему милы и нужны» (с. 335). Разрушительные речи Лидии наполнены «бесконечной ненавистью к старому», ко «всему, что угнетало и калечило человека», а ее призывы к борьбе выражены узнаваемыми словами горьковского гимна Человеку: «Мы знаем, пройдет еще немного времени, и бешеный вихрь подымет по всей земле, сметет трусливое людское стадо и оставит на земле только гордого, смелого, свободного Человека...» (с. 360). Юноша отвечает ей тревожным раздумьем о противоречиях, поджидающих победителей: «Вы поднимете знамя восстания <...> против насилия человека над человеком, но уверены ли вы, что более мятежных, более справедливых среди вас не возьмет ужас пред свободным и счастливым властелином Земли — Человеком? Уверены ли Вы, что они не поднимут знамя беспощадного бунта против самого Человека за его насилие, за его

власть и истребление всего остального живущего?» (с. 363). Любопытно, что в «метафизической» тревоге Юноши автор повести как бы предварил возражения Мережковского против религии богостроительства: принципы «только человеческого» чреваты оправданием насилия, как напишет вскоре философ «религиозной общественности» по поводу «Исповеди» в статье «Сердце человеческое и сердце звериное».

Оказался затронутым в повести и спор о монизме разных философских систем. В реальных дискуссиях он обострился в связи с обсуждением новейших открытий в строении материи. В каприйской среде отклики на него зазвучали по поводу чтения здесь в начале 1908 г. А. А. Богдановым рефератов об эмпириомонизме. В повести перекличку с этим продолжающимся в реальности научным диспутом можно отметить в речах Геолога, одного из друзей Платоныча. Геолог размышляет о бесконечном движении самой жизни, а также познания ее (о невозможности «бездонный мир вычерпать и в свое сознание перелить») и говорит об этом языком библейских символов и в то же время научных терминов. Он явно адресует к слушателям-оппонентам, которые — на разных сторонах поисков: «...бескровными формулами и законами — блудными детьми своего монашеского мозга — силятся вселенную обезличить, хотят задушить и сжать все живое и пышное разнообразие мира в единую, все пожравшую, как фараонова корова, математическую Формулу <...> ...тоже, как и вы, богословы, переварить не могут и не смеют <...> Они даже названием у вас позаимствовались: выпотрошили ваше неуклюжее слово и из монотеистов — монистами стали. <...> Никому <...> до поры до времени в Тришкином кафтане щеголять не возбраняется. Но зачем такая тьма гордости и такая бездна серьезности? Следовало бы быть повеселее» (с. 324).

Одним из главных во всей дискуссионно-полюемичной ткани повести, пестрой, подчас сложно-сжатой до чрезвычайности, являлся вопрос о соотношении веры и знания, богословия и науки. Именно пересечения проблем, с ними связанных и актуальных для своего времени, представлялись жгуче интересными самому А. А. Золотареву — как в начале его литературного пути, так и позднее. В первой своей повести он связал горячими спорами студентов духовной академии, в той или иной степени богословов, с представителями, тоже юными, естественных наук. Таковы «В Старой Лавре» Платоныч и Геолог. И оказывается — каждая из сторон черпает что-то у другой. То же было свойственно и самому автору произведения, охваченному религиозными исканиями, но, в немалой степени, также злободневно-земным — войной, революцией. Именно неоднозначностью, широтой стремлений Золотарев был близок Горькому, соприкасаясь с его собственной неоднозначностью, органически присущим ему пафосом исканий.

Роднило их и чувство внутренней свободы, сознание ее необходимости. Вероятнее всего, Горький это имел в виду, когда подчеркивал в ново-

обретенном товарище особые свойства *волгаря*. Не случайно Горький и Золотарев так пристально вглядывались в неумную силу северо-русского богатыря Василия Буслаева. Знаменательно, что Горький достаточно тактично рекомендовал Золотареву, исправляя рукопись только что законченной повести, добавить фигуру «озорника», который в то же время был бы «монахом, забавником». В совете отчасти подразумевался и комплекс вольномыслия одного из любимых былинных персонажей писателя. Однако Горький только предлагал, не настаивая и уважая свободу выбора менее опытного в творчестве товарища. Но совет едва ли был приемлем для «тезки с верхнего волжского плеса» (см. п. 1).

В «Исповеди» немало эпизодов, которые «озорниково» рисуют религиозный быт и обычаи. Хотя бы с Савелкой Мигуном: у него всегда на языке «похабные сказки» о попах, царях, помещиках. Или — с Титовым, любящим «прибаутки» о вере и праведниках. Все это включено в общую линию снижения, критики церковности и религии. Правдоискатель Матвей, отталкиваясь от такой неистинности в религиозной жизни, обретает иную — *новую веру*.

По-другому предстают религиозные ценности в поисках героев повести «Старая Лавра». Ее персонажи находятся в пути к познанию великих религиозных истин, их нового обретения. Если герои впадают в неверие или кошунство, то это вызывает драматическое либо гротескное изображение, но не забавно-комическое. Золотарев-автор развенчивает нелепицы духовных срывов и опустошений. Это свойственно, например, сцене с возгласом «Выдыбай, Боже!». Она предстает, как выделено в повествовании, — «трагикомической вариацией на старую тему» (с. 325): с таким кликом новообращенные христиане когда-то низвергали с днепровского обрыва языческого бога Перуна. В гротескно-символической форме сцена подчеркивает один из лейтмотивов повести: драматизм искания Веры в новом времени и опасность ее утраты. К той же линии изображения относится образ Геолога. Юноша переживает «процесс выщелачивания и выветривания старых идей». Его, отравленного «нечеловеческой тоскою по грядущему всемирному пожару», подстерегает трагедия. «Богатырской силы человек» кончает с собой (с. 327—328). Золотарев реализует свой замысел, явно опираясь на значимые традиции, идущие от Достоевского. Это относится к изображению парадоксальных ситуаций — выбора, на пограничном рубеже веры и безверия, между добром и злом, Послушанием и Бунтарством. Усвоена Золотаревым также эпическая традиция былинного творчества в символически знакомом осмыслении как будто повседневно-реальных событий. Конец рассказа о Геологе построен именно на таких былинных ассоциациях: «Большущий, богатырской силы был человек, а как-то совсем зря, самым страннейшим образом самолично ушел отсюда <...> Былинный человек! Святогорское что-то в нем было: притянула к

себе его тяга земная, и в землю ушел он со всею своею силой...» (Там же). Весь колорит происходящего, казалось бы, включающий в чем-то озорниковатую сцену (у днепровского обрыва), не мог у Золотарева однако обрести комическую окраску в главном, усиления чего хотелось Горькому.

Разделяет Горького и Золотарева сама ситуация соотношения героев и народной среды. Матвей обретает новую веру именно в рабочей слободке. Герои Золотарева, бунтующие и сомневающиеся, раскрыты на фоне непрекращающейся религиозной жизни народа. Переменам их судеб и переживаний аккомпанирует музыка народной духовности в канун «весеннего Николина дня»: «Казалось, вся Старая Лавра жила сейчас напряженно особою, чуждою для остального мира, жизнью. Богатая верою давно умерших поколений, она ревниво берегла в своих стенах тысячи верующих, пришедших почтить память великого святого, и, обвеянная молитвенными звуками, встречала надвигающуюся ночную темноту строгая, высокая, в своей вековой святости недоступная призрачному и мимолетному весеннему очарованию» (с. 286).

Векторы утверждения и критики у Горького и Золотарева явно расходились. Луначарский в статье о сборнике отмечал это, однако предлагал, хотя и ясные, но упрощенные оценки опыта молодого писателя, который пытался показать сложный драматизм современности. «Апостол пролетарской религии» выносил свои приговоры как неопровержимо истинные. Он писал: «...герои Золотарева пока проходят мимо нового света и ищут в полутьме. Пусть они и им подобные не замыкаются в своем искании, воображая, что оно выше и красивее той большой дороги, на которую зовет их пролетариат. Вы ищите — глядите же внимательно и честно, не это ли тот спаситель, которого ищите? <...> ...именно тут бьется сердце человечества, именно серые ряды армии труда идут навстречу жизни во всей ее неизмеримой, ужасной красоте»²⁰.

То разнообразие общественных, социокультурных, религиозных пристрастий, которое проявилось в 23-м сборнике «Знания», было свойственно каприйской среде, что оставило след, например, в переписке Золотарева и Львова-Рогачевского, Горького и А. В. Амфитеатрова.

Уже после отъезда Золотарева с Капри в конце 1907 г. Рогачевский писал ему о том, что явно представлялось важным обоим. Так, в марте 1908 г. он сообщал о чтении Горьким «новой повести из жизни богоискателя и богоборца»²¹. Речь шла об «Исповеди». В апреле упоминал о дискуссии, вызванной выступлением А. А. Богданова об эмпириомонизме: «Был <...> у Горького на реферате Богданова. Он под конец вступил в спор о религии и индивидуализме — галопом <...> Разозлил, по-видимому, всю публику (народу было много) страшно»²². Почти в то же время и о том же Горький извещал Амфитеатрова, однако явно с другой интонацией заинтересованности: «...и вдруг посыпался на Капри русский народ. Прекрас-

ный русский народ — Гусев-Оренбургский, Винниченко, малорус-беллетрист, Богданов, еще один хохол, еще беллетрист, и еще! <...> Богданов прочитал два чудесных реферата о своем “Эмпириомонизме” — прочитает и третий, а это дьявольски интересно — и освежает»²³. Из переписки Горького в марте—апреле 1908 г. можно узнать о присутствии на Капри Луначарского, интересе писателя к первому выпуску «Литературного распада» (М., 1908), где печатались литераторы-марксисты (неортодоксы).

На Капри, как и в России, завязывались дискуссии вокруг радикально-демократической литературы, марксистской критики, выдвигаемых их сторонниками общественных и философских приоритетах, в том числе и связанных с религией. И здесь проявлялись притяжения и противостояния, сводимые одними и не сводимые другими к первенству политики во всей сфере духовной жизни современности. Прецеденты тому вскоре были выказаны и авторами 23-го сборника «Знания».

* * *

А. А. Золотарев вызывал интерес и симпатии у Горького с первых же дней пребывания на Капри. В сентябре 1907 г. писатель сообщал И. П. Ладыжникову наряду с другим именно о нем, воспринимая нового знакомого прежде всего как «партийца»: «Приехал Рогачевский-Львов, критик из “Образования”, парень большой и скучный, а с ним один ярославец, естественник и партиец, славный, интересный человек»²⁴. Так, «ярославцем» Горький называл Золотарева: он был родом из Георгиевской слободы, близ Рыбинска Ярославской губернии. В декабре писатель опять передавал Ладыжникову свое благоприятное и заинтересованное мнение: «Не помню, писал ли я Вам, что один партиец, живший здесь на Капри, Алексей Золотарев, сочинил рассказ “В обители” <имелась в виду “Старая Лавра”>. Рассказ этот будет напечатан в “Знании”, написан он очень оригинально и по мысли и по форме. Вещь удивительно русская, оптимистическая, светлая.

М. б., Вам бы прочитать его? <...> Вы увидите, как широко раскидывается русская социалистическая мысль и как она освещает жинь.

Ах, если б Вы знали, какие великие надежды возбуждает у меня все то, что творится ныне в головах наших товарищей! Какая живая душа этот Луначарский, и какой благородный мыслитель Богданов»²⁵.

Горьковская воодушевленность «широтой» социалистической мысли явно не согласовывалась с той партийно-жесткой ее направленностью (большевистской), которую представлял в это время В. И. Ленин. Не случайно и не вдруг очень скоро в среде большевиков начнутся разногласия — и тактические, и философские. Писатель видел в социализме «великие надежды», оттенки мнений, даже разные взгляды на соотношение ре-

лигии и социализма его нисколько не смущали. Потому и те искания, которые представлял Золотарев, для него укладывались именно в новизну и творчество «товарищей».

Несколько позднее Горький выскажется по поводу Золотарева и критично. Видимо, отчасти это будет вызвано нарастанием непонимания между ними, а главное — упорством Золотарева в отстаивании *своего*, в чем он был несходен с другими «товарищами». Писатель отзовется о нем в письме к Е. П. Пешковой как о человеке, который не может найти себя²⁶. Несомненно, что их объединяли надежды на обновление жизни, но «состав» их «великих надежд» не был однородным. Горький выделял, и достаточно пристрастно, «партийность» Золотарева, но это было явным преувеличением. Справедливым было то, что Золотарев-студент увлекался социал-демократическими идеями и пострадал за это: был арестован, сослан. На Капри он появился как бы в «терновом венце» борца, но от последовательно-революционной социал-демократии, т. е. от большевизма, был далек. Тем не менее, революционное просветительство его захватывало всерьез.

С приездом Золотарева, несомненно, расширились контакты Горького с Тургеневской эмигрантской библиотекой в Париже, которая имела широкую общественную ориентацию, была связана с разными революционными партиями. Ее библиотекарем в это время являлся старший брат А. А. Золотарева — Николай Алексеевич, необычайно близкий ему и духовно, и политически. Братья не раз и успешно обращались к Горькому с просьбами о присылке книг для парижской библиотеки. Так было, например, в 1909 г. Видимо, в осенне-зимние дни Н. А. Золотарев писал брату, уехавшему в Россию: «...с каприйцами у меня совсем не осталось связей. Сносился только с одним Первухиным, я ему поставлю разные романы, он мне стал присылать итальянские книжки». Несколько позднее Николай Алексеевич извещал брата уже о получении ответа от Горького (возможно, не без содействия Алексея Алексеевича — ср. с упоминанием библиотеки в п. 1): «Недавно мы получили весточку от Горького. Наш Михайлов писал ему и между прочим упрекнул его, что он забыл Тургеневскую библиотеку. В ответ на это Горький и написал, что отнюдь не забыл, а что очень занят и только потому не может собрать и послать книг» <заметим, что в конце 1909 г. писатель был с головой погружен в работу Каприйской партийной школы с ее страстными дискуссиями. — *Ред.*>²⁷. 29 декабря 1909 г. Н. А. Золотарев послал на имя М. Ф. Андреевой письмо-благодарность: «За все Ваши хлопоты, многоуважаемая Мария Федоровна, которые выпали на Вашу долю в деле содействия Тургеневской библиотеке, приношу Вам горячую благодарность и позволю себе высказать искренние и наилучшие пожелания на предстоящий Новый Год»²⁸.

А. А. Золотарев был в центре главных общественно-культурных инициатив русской колонии на острове в 1910-х гг.: организации Каприйского

общества взаимопомощи, а также создания Русско-итальянской библиотеки. О первом из них интересно рассказано художником Николаем Адриановичем Праховым в очерке «Алексеич», законченном в 1940 г.

Семья молодого художника (сам он учился в Неаполе художественному литью) обосновалась на Капри почти в одно время с Горьким и счастливо прирастала рождением детей. Праховы жили на острове около семи лет, хорошо знали приезжавших русских и местных жителей. Н. А. Прахов в 1930-х годах писал воспоминания о разнообразной каприйской среде²⁹. Очерк «Алексеич» посвящен им Золотареву — одному из самых близких людей и особенно ценимому в годы собственного становления, которое и пришлось на время пребывания в Италии³⁰.

Учреждение «Русско-итальянской библиотеки» имело уже не только местное, но и широкое культурное значение (см. п. 6 и примеч.). Библиотека получила признание в качестве одного из эмигрантских центров русско-итальянских связей. Она сохранялась на острове долгое время и после значительного сокращения каприйской русской колонии в 1913 и 1914 гг.: когда была объявлена амнистия (по случаю 300-летия царской династии Романовых), а потом началась Первая мировая война, многие русские вернулись на родину. Библиотека перестала существовать при режиме Муссолини. И тем не менее, о ней до настоящего времени — как явлении культурно-историческом — говорится даже в серьезных справочных итальянских изданиях. Так, в большом альбоме «Искусство и история Капри: 185 цветных фотографий: Русское издание» (издан с очерком Дж. Вальдеса в переводе и с дополнениями М. Талалая — во Флоренции, в 1996 г.) среди других сведений об истории, археологии и культуре острова читаем: «В Чертозе <современном Музее Чертозы, расположенном в картезианском монастыре XIV—XVI столетий, который стал с начала XX в. большим культурным центром на Капри, где собраны историко-культурные ценности разных эпох — от древнеримских до новейших. — *Ред.*> также размещена Муниципальная библиотека, в состав которой включены остатки Итало-русской библиотеки, основанной на острове в 1913 г. видным деятелем культуры У. Дзанотти Бьянко, при содействии Максима Горького, и ликвидированной при Муссолини»³¹.

Справедливость выделения роли Умберто Занотти (Дзанотти) Бьянко и Горького в «основании» библиотеки не подлежит сомнению. Следует однако подчеркнуть, что она создавалась — если разуместь само книжное собрание, инициативы выбора и получения книг по русско-итальянской тематике — конечно же, усилиями русских эмигрантов и неэмигрантов, живших на Капри. Горький помогал большими вкладами собственных книг. Энтузиастами библиотеки — установления через нее культурных контактов в среде эмиграции, развития русско-итальянского общения — являлись братья А. А. и Н. А. Золотаревы. В переписке русских каприйцев

1910-х гг. достаточно постоянна тема «россики», т. е. новых книг о России и ее разнообразных культурных взаимосвязях. Так, в ряде писем 1912 г. К. П. Пятницкому А. А. Золотарев просит передать такого рода сведения, если они поступили, через А. К. Лозина-Лозинского³². Или, показательна переписка А. К. Лоренц-Метцнера. Он оставался на Капри и после начала мировой войны (до конца своих дней), а в письмах 1915 г. горячо откликнулся на выход сделанного Золотаревым перевода трактата Дж. Бруно и просил непременно выслать два экземпляра — для библиотеки и для себя³³.

Заметна роль Золотарева на «римском съезде» всей русской довоенной эмиграции в Италии. Это важное событие состоялось в марте 1912 г. Как отмечал М. А. Осоргин, один из самых известных русских журналистов в Италии, обстоятельные отчеты о нем появились во всех больших газетах России. Съезд представлял пять русских колоний: из Рима, с Капри, из Неаполя, Нерви, Милана. В центре внимания был, о чем писал в своем отклике Осоргин, доклад А. А. Золотарева. От каприйской колонии им предлагалась идея организации Музея-библиотеки русского освободительного движения с самыми широкими планами собирания и изучения исторических документов. Вместе с тем, Золотарев подчеркивал, что эмиграция должна выдвигать в качестве главного в своей работе задачу культурного сближения русских и итальянцев, пропаганды культурных достижений каждого из народов — на иной почве: своей «второй родины». Автор доклада ссылался при этом на мысли великого итальянца Дж. Бруно о единой культуре человечества³⁴. Начавшаяся через год мировая война помешала осуществлению всех этих замыслов. Но после «римского съезда» началось собирание русско-каприйского сборника: такого рода сообщения рассылались многим русским и итальянским деятелям. Вероятно, отчасти с результатами съезда связано и основание У. З. Бьянко в 1913 г. книжной серии «Молодая Европа». К участию в ней приглашались также русские друзья публициста с Капри (см. также п. 6 и примеч.).

В советские годы Золотарев получил известность как краевед, особенно в родном Рыбинске, но не только в нем. И это свое призвание он вел также от Капри, его культурной среды, прежде всего — итальянской, где наиболее важными были интересы археологии, исторического изучения острова с его очень давними истоками. Сам Алексей Алексеевич считал, что для него путь приобщения к традициям, собирательству культурных ценностей во многом был открыт одним из талантливейших каприйских интеллигентов — Игнацио Черио. Он являлся профессиональным врачом и, вместе с тем, стал археологом, организатором и вдохновителем музейного дела на острове. При его инициативе создавалась в начале XX в. одна из богатейших коллекций «Каприйского этнографического центра», которая объединила разнообразные материалы: скульптуру и керамику эпохи

неолита, окаменелости и другие находки археологов, работавших на острове. И. Черио первым в начале XX в. предпринял здесь научные раскопки. Благодарные слова его учительству, обращенному также к русским, Золотарев оставил в своих воспоминаниях «Горький-каприец»³⁵.

* * *

Воспоминания о Горьком каприйских лет писались Золотаревым в конце 1930-х гг. (текст помечен датой — «3 янв. 1938»), когда, конечно, и речи не могло быть о том, чтобы говорить о моментах неприятия чего бы то ни было в самом Горьком или его окружении. Тем не менее, мемуарный очерк Золотарева в определенной степени полемичен. Это проявилось в стремлении подчеркнуть разносторонность натуры писателя, его широту, а в том большом влиянии, которое он оказывал на младших своих современников, особое качество: это влияние не сковывало их индивидуальности, помогало самостоятельности поисков. Такая неоднозначность подхода к наследию «советского классика» в годы, когда классовые доминанты в творчестве утверждались прежде всего — содержала несомненную долю оппозиционности, хотя и выраженной скрыто. Сохранился отрывок письма Золотарева к Н. А. Прахову (вероятно, не случайно только отрывок, плохо читаемый), где весьма зашифровано говорилось именно об этом. Прахов, писавший свои каприйские воспоминания о встречах с самыми разнообразными людьми, с которыми ему довелось пересечься, несколько раз упоминал в письмах к Золотареву о том, что не решается высказать свои негативные оценки М. Ф. Андреевой. В ответ на это в одном из писем Золотарев заметил: «...когда Горький подвергся дивинизации, эта постановка вопроса не ко времени»³⁶. Обращение к малоупотребительному галлицизму — дивинизация от французского *diviniser*, что значит обожествлять — вызвано, вполне вероятно, опасением цензурного просмотра письма, но вместе с тем выражает четкую позицию Золотарева.

Свое неприятие чрезмерного возвеличивания фигуры Горького в советские годы Золотарев своеобразно высказал в воспоминаниях тем, что подчеркнул в облике писателя периода 1910-х годов прежде всего то, что ему было близко: не партийную или политическую нацеленность его как художника, свойственные ему уже и в то время, а другую сторону: искания общегуманистической направленности, интерес и уважение к культуре. От Золотарева ждали иного, потому его воспоминания и остались в те годы «несвоевременными».

Однако в таком выборе точки зрения заключалась не только полемичность, но и историческая правота Золотарева: Горький был — и в ту эпоху — шире своих социал-демократических пристрастий. Тем не менее, условия времени обрекали Золотарева, при всей подлинности стремления к

объективности, на явную неполноту: он вынужден был достаточно тщательно обходить все, что вызывало в позиции Горького на споры, несогласие. Например, свое критическое восприятие статьи «Разрушение личности» (1908). В письме к Горькому по поводу этого его выступления, как и других участников сборника «Очерки философии коллективизма», Золотарев был откровенно и резко критичен³⁷, но в воспоминаниях он не вернулся к столь важному моменту разногласий. Несомненно, что на Капри, как и в России, остро воспринимались горьковские статьи «О “карамазовщине”», «Еще о “карамазовщине”». Негативизм писателя, его сосредоточенность на политических оценках «достоевщины» были чужды Золотареву. Но об этой позиции Горького в воспоминаниях сказано лишь намеком. Описывая одну из прогулок с Горьким по горным тропам острова, Золотарев привел очень краткое признание писателя в том, что он способен не только ругать знаменитого классика, но и ценить его³⁸. Это был в сущности скрытый намек на ту бурю критических откликов, которую вызвали горьковские статьи об инсценировке Художественным театром Достоевского. Иное выражение такой взрывной темы для эпохи «дивинизации» Горького как основоположника советской литературы и времени последовательного уничтожения классика другого века (с развенчанием его представителями революционной «бесовщины») было невозможно. Идеологические приоритеты «30-х годов» вели к фальсификации облика и творчества Горького. Золотареву в определенной степени удавалось этому противостоять: он свидетельствовал о сложности большого писателя, его исканиях, его открытости к опыту других.

* * *

В Архиве Горького хранятся 2 письма Горького А. А. Золотареву (относятся к 1910 г.) и 76 писем Золотарева писателю (за 1908—1932 гг.). Известно еще о 2 письмах Золотарева (в собрании Ю. Г. Оксмана; см. их публикацию: Встречи с прошлым. Вып. 5. М., 1984. С. 144—149). В переписке Золотарева 1910 г. упоминается о 20 ответных письмах Горького, которые тщательно сберегались адресатом, но два из них были утрачены при одном из обысков этого года. Тогда Золотарев сообщал Горькому: «Письма Ваши по счастливой случайности, кроме последних двух, все целы»³⁹. В дальнейшем потеря почти всех писем Горького оказалась связанной с арестом Золотарева в 1930 г., когда они были конфискованы, а потом не возвращены. Ничего об их общем количестве и о том, сохранились ли они, не известно⁴⁰.

Преобладающая часть писем Золотарева Горькому не опубликована. Отрывки из ряда его писем, а также 4 письма (16 июля 1909, 6 сентября 1910, 7 февраля и от конца сентября 1916 гг.) впервые полностью, с необхо-

димыми комментариями, опубликованы в работе: Из писем А. А. Золотарева А. М. Горькому / Публикация И. Н. Веселовского. Вступительная статья В. Е. Хализева // Известия РАН. Серия литературы и языка. Т. 53. № 2. 1994. С. 56—73. Работа содержит аналитический разбор коллекции писем Золотарева и его отношений с Горьким.

Весной 1909 г., когда кончился срок первой заграничной высылки, Золотарев возвращается на родину и большую часть времени до мая 1911 г. (тогда под угрозой новой высылки в Сибирь он вновь уезжает за границу) живет в Рыбинске, бывая однако в Петербурге, Москве, Нижнем Новгороде и занимаясь литературной работой. Он выступает в газете «Рыбинский вестник» с очерками «Из иностранной жизни», в которых с революционно-просветительских позиций пишет о социализме и интернационализме, высказывая неприятие любого кровопролития. Небольшой цикл статей «Городские впечатления», отразивший впечатления от поездок по городам Италии, знакомство с историей ее культуры и злободневными вопросами современности, также появляется в рыбинской печати (см. п. 3 и примеч.). Для этих публицистических и культурно-просветительских выступлений Золотарева характерно совмещение радикальных общественных идей и спасительной необходимости для возрождения человека и человечества нравственных и религиозных основ (см. также п. 1 и примеч.). Современный исследователь пишет об этом: «Идея радикального обновления жизни <...> в сознании Золотарева гармонически соединялась с его глубинной причастностью к христианству, в его православной ветви, чему сопутствовал уважительный интерес к иным религиям и культурным традициям — к исторической судьбе разных народов, прежде всего — романских»⁴¹. Откликнулся Золотарев на вопросы местной культурной жизни (гастрольные концерты), отстаивал необходимость организации городской публичной библиотеки. В 1910 г. им завершена вторая крупная повесть «На чужой стороне», одобренная Горьким и вскоре увидевшая свет (1911, *Сб. Зн.* 35). Во второй половине лета 1910 г. в рыбинском доме Золотаревых был сделан обыск, изъяты рукописи, письма, книги (см. п. 5). Это вынудило Золотарева жить некоторое время на нелегальном положении в Финляндии. В мае 1911 г., после допросов и принятия административного решения, Золотарев по требованию властей снова уехал на три года за границу, поселившись на Капри. Здесь он продолжил уже определившиеся замыслы — большую повесть, перевод трактата Дж. Бруно; в 1912—1914 гг. как критик-публицист и рецензент выступал в журналах, организованных при участии Горького — «Современник», «Заветы», а также и в провинциальной печати: «Рыбинская газета», «Вестник Рыбинской биржи», ярославских — «Голос» и «Северная газета»⁴².

Сохранилось 18 писем Золотарева Горькому за 1910 год. В настоящем издании впервые публикуются 5 из них: 1 и 23 января, 21 февраля, от ап-

реля и после 5 июня 1910 г. Выделенные письма позволяют судить о разных сторонах работы и жизни Золотарева этой поры. В них шла речь о замысле повести «Во едину от суббот» (см. п. 1), начатой еще на Капри, а также о продолжении работы над переводом трактата Дж. Бруно «Изгнание Торжествующего Зверя» (см. п. 1 и 5). Золотарев сообщал Горькому о своем восприятии происходящего в России: явных признаках общественно-экономического подъема («эпохи Столыпина»), реформаторских усилиях в это послереволюционное время (см. п. 3); писал о своих новых планах в научных переводах (над Ламарком; см. п. 1), а также о поисках литературных связей в Москве, Петербурге и наблюдениях над культурной жизнью там (п. 3).

Два из сохранившихся писем Горького к Золотареву относятся как раз к 1910 г.: очень заинтересованно относясь к личности Золотарева, писатель горячо и скоро отозвался в них на присланную новую повесть («На чужой стороне»), что определило ее быстрое продвижение в печать. Они были опубликованы: *Архив Г. 7. С. 92—94*; Горький. *Письма. Т. 8. С. 52—53, 214—216*.

В настоящем издании печатается также и 1 письмо Золотарева итальянскому общественному деятелю У. З. Бьянко от 9 октября 1913 г. (хранится в итальянском архиве — см. об этом в примеч. к письму).

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ *Рыбинец* (Золотарев А. А.). Об устройстве Рыбинской Городской Публичной библиотеки: Статья первая // Рыбинский вестник. 1909. 19 сент. См. газетные вырезки литературно-публицистических статей Золотарева в рыбинской печати в *РГАЛИ*: Ф. 218. Оп. 1. Ед. хр. 36.

² См. там же: Ед. хр. 11—19.

³ Заметки-воспоминания Золотарева о Ф. И. Шаляпине, написанные в 1938 г., после смерти артиста, публиковались автором данной работы. См. в кн.: *Ревякина И. А. Шаляпин и Горький: Двойной портрет в каприйском интерьере. М., 2002. С. 50—54*.

⁴ См. публикации: Из истории русской публицистики и критики 1910-х годов. Наследие А. А. Золотарева / Вступит. ст. и коммент. В. Е. Хализева // *Контекст*. 1991: Литературно-теоретические исследования. М., 1991. С. 167—184; Богатырское сословие: А. А. Золотарев о роли духовенства в истории России: У Света Незаходящего; Богатырское сословие / Публикация, вступ. ст. и примеч. В. Е. Хализева // Литературное обозрение. М., 1992. № 2. С. 98—105; *Федорова Л. Д.* О роли духовенства в развитии культуры (По материалам творчества А. А. Золотарева) // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная литература: Реферативный журнал. Серия 7. Литературоведение. М., 1994. № 1. С. 87—104; *Золотарев А. А.* О Гегеле и гегельянстве / Публ. В. Е. Хализева // Вопросы философии. 1994. № 5; *Золотарев А. А.* Савро Савро моей памяти / Вступ. ст. В. Е. Хализева. Подготовка текста и примеч. А. Н. Аниковской // Новая Европа. 1996. № 9. С. 39—60.

⁵ Фрагменты воспоминаний публиковались самим автором: Горький-каприец: Отрывок воспоминаний // Северный рабочий. Ярославль. 1939. 18 июня; Из воспоминаний о Горьком // Там же. 1940. 17 июня. См. также публикацию: Золотарев А. А. Горький-каприец // Позывные сердца. Ярославль, 1969. В полном объеме мемуары «Горький-каприец: Отрывки из воспоминаний о жизни и встречах с Алексеем Максимовичем на Капри (1907, 1908—1909, 1911—1913 гг.)» (1936—1938) (АГ. МоГ-4-16-1. 75 л.) не публиковались, их цитировали многие исследователи.

⁶ АГ. Горький-каприец. Л. 1—2.

⁷ Там же. Л. 7.

⁸ Там же. Л. 5.

⁹ Высказывание И. А. Бунина, записанное его племянником Н. А. Пушешниковым, см.: ЛН. Т. 95. С. 635.

¹⁰ ЛН. Т. 72. С. 538.

¹¹ Горький. Письма. Т. 6. С. 208, 229.

¹² Там же. С. 238.

¹³ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 47. С. 150—151.

¹⁴ См. статью В. Базарова в сб. «Литературный распад. Кн. 2» (СПб., 1909. С. 36, 37).

¹⁵ Там же. С. 88—89.

¹⁶ См.: Речь. СПб., 1909. 8 февраля; см. также кн.: Д. С. Мережковский: Мысль и слово. М., 1999. С. 249—250. См. статью А. Блока «Народ и интеллигенция», а также дискуссию по поводу «Исповеди» Горького в Религиозно-философском обществе: Блок А. Собр. соч.: В 8 т. М.; Л., 1962. С. 318—328, 742—745.

¹⁷ Цит. по изд.: Русские писатели. 1800—1917: Биографический словарь. Т. 2. М., 1992. С. 66.

¹⁸ Голос. Ярославль, 1914. 15 ноября.

¹⁹ Сб. Зн. 23. С. 312. Далее ссылки даются в тексте с указанием страниц сборника.

²⁰ Литературный распад. Кн. 2. С. 118.

²¹ РГАЛИ. Ф. 218. Оп. 1. Ед. хр. 101. Л. 8.

²² Там же. Л. 9.

²³ ЛН. Т. 95. С. 90.

²⁴ Горький. Письма. Т. 6. С. 82.

²⁵ Там же. С. 143.

²⁶ Архив Г. 9. С. 131.

²⁷ См. оба письма: РГАЛИ. Ф. 218. Оп. 1. Ед. хр. 87. Л. 40, 40 об.

²⁸ АГ. ПТЛ-8-25-1. Об основании Тургеневской библиотеки см.: Литературная энциклопедия русского зарубежья. 1918—1940: Т. 2. Периодика и литературные центры. М., 2000. С. 476—479; см. также: М. Горький и М. А. Осоргин. Переписка / Вступит. ст., публикация и примечания И. А. Бочаровой // С двух берегов. С. 508—509.

²⁹ О литературно-художественной жизни русской колонии на Капри и участии в ней А. А. Золотарева см.: Ревякина И. А. «Русский Капри» (1907—1914) // Россия и Италия. Вып. 5: Русская эмиграция в Италии в XX веке. М., 2003. С. 12—32.

³⁰ См. очерк Н. А. Прахова «Алексейч» в АГ и РГАЛИ (Ф. 218).

³¹ См. указанное в тексте издание. С. 37.

³² См. в АГ переписку А. А. Золотарева с К. П. Пятницким.

³³ См.: РГАЛИ. Ф. 218.

³⁴ Осоргин М. Русская эмиграция и «римский съезд» // Вестник Европы. СПб., 1913. № 7. С. 289—298.

³⁵ См. также об И. Черио в альбоме: Искусство и история Капри. Флоренция, <1996>. С. 21.

³⁶ РГАЛИ. Ф. 218. Оп. 1. Ед. хр. 20. Л. 13.

³⁷ См. письмо от 16 (29) июля 1909 г. // Известия РАН. Серия литературы и языка. 1994. Т. 53. № 2. С. 64—65.

³⁸ А. Г. Горький-каприец. Л. 35.

³⁹ См. об этом: Известия РАН. Серия литературы и языка. 1994. Т. 53. № 2. С. 56.

⁴⁰ О попытке помочь арестованному А. А. Золотареву, однако не облегчившей его участь, см. письмо Горького к Г. Г. Ягоде от 18 августа 1930 г. // *Неизвестный Горький*. Вып. 3. С. 173, 196 (публикация и примеч. Л. А. Спиридоновой).

⁴¹ *Контекст*. 1991. С. 168.

⁴² Сведения о «высылках» Золотарева за границу см. в его позднейших воспоминаниях 1940-х г. О первой, начавшейся в 1906 г., он писал так: «Революционные волны, одна за другой, ударив тяжелым прибоем в наш столичный университет, вышибли нас не только из его уютных стен, но и из родного Рыбинска — сначала в тюрьму, а затем через тесные ворота — тоже родного узилища — в дикие просторы Сибири, а затем на вольную волю европейской жизни» (Новая Европа. 1996. № 9. С. 51). О второй вынужденной поездке за границу и возвращении в Россию он в тех же воспоминаниях замечал: «После второй высылки за границу (1911—1914) и начала европейской войны (1914—1918) я крепко засел в Рыбинске и здесь в эпоху Октябрьской революции, вновь, уже не теряя друга своего из виду, сошелся с Ал. Ал. <речь шла об А. А. Ухтомском, ученом и религиозном деятеле, которому и посвящены воспоминания>. Это была радость сердечного духовного общения, задушевных долгих бесед, дружеской переписки и совместной работы в Рыбинском религиозно-философском обществе и в Церковном Соборе в 1917—18 гг.» (Там же. С. 52). Биографические данные об А. А. Золотареве в аннотированном указателе к изд. — Горький. *Письма*. Т. 8. С. 532 — содержат ошибочные сведения: Золотарев родился не в Нижнем Новгороде, а близ Рыбинска; первый раз приехал на Капри безо всякого приглашения Горького; в большевистской фракции РСДРП не состоял; писатель не мог «высоко оценивать» воспоминания Золотарева о себе, т. к. они писались после его смерти, в 1936—1938 гг.

1. А. А. ЗОЛОТАРЕВ — ГОРЬКОМУ

1 января 1910, Рыбинск

Рыбинск.

1 января 1910 года.

В Рождественский сочельник я читал дома свою первую главу из «Во едину от Суббот»¹. Окончательно остановился на эпиграфе, подсказанном Вами — беру только все восемь последних строчек:

«Блажен, кто посетил сей мир
В его минуты роковые:
Его призвали Всеблагие
Как собеседника на Пир.

Он их высоких зрелищ зритель,
Он в их совет допущен был
И заживо, как небожитель,
Из чаши их бессмертье пил»².

А посвящение мое будет такое:

«Великому историческому Перекрестку, Царским Вратам истории человечества, настезь открытым в грядущую даль веков —
Городу Парижу
посвящая».

Как и в первом отрывке, это не просто литературная форма, это мой самый искренний дар этим двум городам³ за всё то душевное неизмеримое богатство, кое они дали мне.

Рассказ мой и теперь взъерошен, торчит в разные стороны, разбегается вперед, назад, вверх и вниз, так что когда здесь был Львович и я читал ему самое начало — он первым делом стал советовать выключить в отдельный рассказ первый же эпизод с учителем «Ножичек»⁴. Но я не могу этого сделать, во-первых, потому что не способен к миниатюрной работе мысли — у меня все-все неуклюже — во-вторых, потому что всю жизнь я представляю себя какого-то сплошного, без конца и края.

И мысли свои мне всегда представляются какими-то большими глыбами⁵ — я порою жду, что их станет помаленьку тесать и тесать кропотливая работа сознания — ан смотришь, к ним прирастают каким-то неведомым процессом новые наслоения.

Я потому и ждал отсрочки со своею «Субботой», что думал — пусть отлежится кой-что, отщелочится кой-что, выветрится — получится выпуклее скульптурная форма, но от скульптуры я дальше, чем когда-либо, и знаете, Алексей Максимович, всё сильнее и сильнее во мне пробуждается любовь к архитектуре⁶.

Я и занимаюсь сейчас в комнате, откуда виден здешний собор — очень славная постройка⁷. Пишу и вспоминаю рассказ о том, что, когда строилась колокольня Собора, один из здешних купцов Григорьевский — теперь вся их фамилия лежит на кладбище под тяжелыми купеческими памятниками — ходил к рабочим камнетёсам и каменщикам и штукатурам с пышками и блинами и всякой снедью, кормил их и приговаривал — «Стройте, ребята, выше!».

Меня почему-то до слез трогает эта картина — и если б я умел рисовать, я непременно бы увековечил эту своеобразную сцену. Ведь это есть до сих пор в человеке — вавилонская черточка достроиться до небес.

И часто, очень часто не о Великом Инквизиторе⁸ я думаю, который смирил все языки земли, а о великом Архитекторе, который вознес бы нас и каждому из нас нашел бы свое место на великой и высокой звоннице человеческого духа⁹.

Вы пишете о том, что сказочного человека, которого Вы видали, может сыграть только Бетховен¹⁰. Я это вполне чувствую и знаю, что есть вещи, которые можно только или петь, или играть, или танцевать.

Повинюсь Вам даже — нынче весною, приехав на свой родимый север, некою весенней ночью я пережил то, что, должно быть, называли древние экстазом. Мне, правда, стыдно сознаться, но вдруг первый раз, после очень глубокого и отдаленного детства, почувствовал в себе музыку стиха. Никому я не показывал своего стихотворения, но Вам, своему крестному отцу по литературе и человеку, которого я часто вижу во сне (сегодня ночью я с Вами имел очень сердечный и долгий разговор), я сознаюсь.

Тема для северной симфонии

посвящаю русскому Бетховену, в пришествие которого я верую — и жду.

Часть первая.

На север угрюмый и тусклый, зимой зачарованный злою,
Приходят весною извечные дивные ночи:
Всё в пламени зорь незакатных целуется Солнце с Землею,
И радостно смотрят на Вечно-невестную
Мудрые звездные очи.

<Часть> II.

Одежды сброшены... Без покрывала небо...
Земля нагая вся... И ночь без сна... без тьмы...
О, дети севера! Великой тайны мира
Призваны быть свидетелями вы.
Миг чуда!.. Грядет поэт... Исчезла власть заклатья...
Ночь обратилась в день, тьма в свет, сны в явь и явь во сны...
О, дети севера! Внемлите Гимн закатный,
Молитву страстную восторженной Весны.

<Часть> III.

Только музыка.
Весенний гимн заклатья —
Единой Богине богов и людей,
Царице Вселенной — Любви.

Я, как после сна, вспоминал то, что так отчетливо звучало в моей душе, вспомнил немного начало — две первые части, но самый гимн Залесья не могу вспомнить и чувствую, что его можно

только спеть, и ещё больше того, чувствую, что его когда-нибудь — и, может быть, и мы еще доживем — сыграет именно славянский композитор.

С тех пор я вижу, что могу писать стихи и, написав их несколько, никому не читал и потом по своей растрепанности потерял. И Вас прошу, милый Алексей Максимыч, не показывайте никому — кроме Марии Федоровны — в этом отношении я больше, чем в каком ином, боюсь «явиться мертвым».

Перевод «Изгнания торжествующего Зверя» я начерно совсем кончил. Самая главная часть этой работы осталась сзади и я иной раз осмеливаюсь мечтать о том, как вся работа придет к концу и Дж. Бруно выйдет на русском языке¹¹.

Последнее время у меня возникла мысль о необходимости перевода на русский язык «Philosophy zoologique» Ламарка. В прошлом году как раз исполнилось столетие со дня появления (Париж, 1809 г.) этой книги, которая, по моему глубочайшему убеждению, значительно выше дарвиновской «Происхождение видов»¹².

В каждой строчке у Ламарка кипит и пенится мысль, он щедро бросает плодотворные мысли, которые только сейчас через сто лет прорастают — в разрыхленной усилиями упорной научной работы — в умах его правнуков.

Я с большим удовлетворением прочел объявление «Знания» о переводе Ле-Дантека и Пуанкаре. Наконец, мы пробили глухую и солидную стену немецкой науки и философии и вырвались на простор к латинской культуре.

Мне думается, что издательство «Знание» возьмется и за Ламарка¹³, мы, право, насыщены и перенасыщены Дарвином, мы, на слово не сердитесь, Алексей Максимович, поверили немцам о связи дарвинизма с социализмом и др. тому подобных противоестественных связей.

Нам нужна творческая эволюционная теория, ибо когда Герцен писал свои вдохновенные строки — ...в истории всё импровизация, все воля, все *ex tempore*, впереди, ни пределов, ни маршрутов нет, есть святое беспокойство, огонь жизни... — то он писал за всю русскую мысль, это она билась у него в каждом слове, неутомная, ненасытная, неутоленная любовница жизни.

В скором времени я поеду в Питер и думаю — там удастся набрать компанию для перевода Ламарка и, если, напр., изд. «Знание» возьмется за это дело, можно будет найти подобающего редактора из ламаркистов, хотя их у нас мало <...>; официальная наука — дарвинистична и очень многие у нас здесь о Ламарке знают только то, как он объяснил, почему у жирафа длинная шея.

Большинство же совершенно не подозревает, насколько была уже разработана эволюционная теория Ламарком к тому самому моменту, когда Дарвин только что родился.

Не подумайте, что я хочу отнять какие-либо заслуги у Дарвина. Ведь это не первый и не последний раз в истории — ученик заслоняет учителя. И если Дарвин ссылается во введении на своих европейских и нашей эры предшественников, то Ламарку, как и Копернику, приходилось указывать на древнегреческих философов — а сколько еще гениальных мыслей этих мудрецов древности было заслонено позднейшими толкователями, даже и не исключая Платона и Аристотеля, которые, если можно выразиться, встали между ними и европейскими предшественниками и затмили собою седую отдаленную от нас старину.

Еще когда я был в Париже и читал о том, как японцы работают над распространением культуры у себя путем всевозможных выставок плавающих, мне казалось, что у нас могла бы привиться эта мысль. И вот теперь я думаю — хорошо бы подбить наших художников (напр., передвижников), чтобы они отправились или из Москвы по Оке на Волгу, или из Питера по Мариинской системе и затем вниз по Волге с выставкою художественной (живопись, скульптура, архитектура) и с рядом чтений.

Теперь всюду такая жажда, такая жадность к украшению умножений <?> жизни. Все читают, все смотрят, все слушают, как раньше не было. Чувствуется, что народ все еще переживает то состояние, которое известно у химиков под ярким образом, называемым *status nascendi* <лат. — состояние зарождения, возникновения. — *Ред.*>, когда соединяются несоединимым и рождают неизвестное.

Я думаю, что эта задача могла бы удасться. Как Вы смотрите на эту вещь и к кому бы можно было обратиться для проведения в жизнь этой мысли¹⁴?

Пока всего лучшего. Всем вашим привет и поздравления с Новым годом.

Интереснейший разговор мы вели сегодня с Вами во сне и затем — я думаю, Вам это не покажется странным — мы говорили «о материнской правде мира»¹⁵.

Всего лучшего.

Ваш тезка с верхнего волжского плеса. Так ли?

С своей стороны шлю Вам большую благодарность за поддержку Тургеневской библиотеки¹⁶: она мне дорога, как и почти всё в Париже.

2. А. А. ЗОЛОТАРЕВ — ГОРЬКОМУ

23 января 1910, Рыбинск

Посылаю открыточку, где на переднем плане видно здание бирж (означенное), которое город предполагал отдать под библиотеку¹. На самом берегу, с подходами на Волгу — лучше не надо.

А. А. Золотарев

3. А. А. ЗОЛОТАРЕВ — ГОРЬКОМУ

21 февраля 1910, Петербург

Петербург, 21 февр. 1910 г.

Посылаю Вам, Алексей Максимович, маленькую весточку из Нижнего Новгорода. Здесь несколько строк об основании в Нижнем Биржи труда¹.

Если только на первых же порах администрация не поставит рогаток, то, несомненно, новое учреждение быстро привьется у нас на Волге и вызовет сочувственные начинания в других поволжских городах, как, напр., и в нашем Рыбинске.

Во всяком случае это один из тех фактов, которые как-то не входят в общее сознание, но вместе с тем свидетельствуют о том, что народная жизнь пробивает себе новые исторические русла, по которым рано или поздно, но в ближайшие к нам времена направятся свежие и сильные струи.

Первая Биржа труда основана была в Париже всего двадцать лет с небольшим назад — в 1887 г., а сейчас то рабочее движение, которое группируется около бирж труда во Франции, является, несомненно, наиболее исторически-творческим.

Обратили ли Вы внимание на следующий крайне серьезный факт. — В Англии в начале этого года было одновременно открыто около 80 бирж труда по разным городам и т. о. и в английскую рабочую жизнь вращается это новое учреждение.

Живу я здесь в Питере что-то с месяц уже, хожу около людей, встречаю старых знакомых, вижу с новыми. Боюсь быть пристрастным в своих впечатлениях от Питера — никогда не любил и не люблю этот город.

Книги по сегодняшним вопросам продаются сейчас прямо за бесценок, за бесценок можно купить очень интересные книги издания 1906—00-х гг.

Очень много народу ходит в картинные галереи, на концерты. На днях видел Сергея Ив. Гусева, буду завтра у него вечером вместе с Львовичем².

Очень мне понравился и произвел сильное впечатление рассказ Касаткина «Веселый Батя»³.

Шлю Вам случайно найденный мною лоскуток из бывшего у меня громадного собрания частушек Тверской губернии. Собирали, по моей просьбе, мои товарищи по гимназии в последней поездке 1895-го г.

Если мне удастся разыскать всё собрание, непременно вышлю Вам⁴.

Целую Вас.

Алеха

Посылайте Зину⁵ в Россию — теперь здесь очень много нового и такого, чего, пожалуй, нигде сейчас, кроме как у нас, не увидишь.

Читали ли Вы о выставке плавучей, которую хочет организовать нижегородский купец Бреев (было в «Русском Слове»)⁶.

Поклон всем каприйцам — у вас там теперь весна и по ночам на Nicola Marina⁷ поют Сирены⁸.

Дорогая Мария Федоровна, шлю Вам привет, передайте письмо Алексеичу⁹.

4. А. А. ЗОЛОТАРЕВ — ГОРЬКОМУ

Апрель 1910, Рыбинск

Милый, Алексей Максимович!

Я только что вернулся из Петербурга и не знаю почему, но именно сейчас хочется мне рассказать Вам о своем обратном путешествии из-за границы в Россию.

Три раза за это время переживал я мгновения восторга, когда вдруг становилось ясным то, что раньше или совсем ускользало от сознания или было освещено каким-то негреющим бездейственным светом.

Первый раз со мной случилось это в гроте Кумской Сивиллы¹. Я точно перевоплотился на миг: таким родным, таким близким стал для меня эллинский культ женщины, как будто я сам кланялся Венере, «*deum hominumque voluptas*» <лат., богине людских желаний>, как будто это я сам благоговейно ждал мудрых пророчеств Сивиллы.

За всю красоту созданного греческими художниками я вдруг ощутил самый творческий, могучий и необъятный восторг перед могуществом женской силы, восторг, который вызвал к жизни все эти статуи, все эти образы и мифы — и на мгновение потонул в этом мире творческой красоты и силы².

И когда затем я смотрел в Риме на картины Мадонн, моя мысль как-то обычно уносилась от картины к творцам ее и от творцов к той женской силе, перед кою падали ниц, мне чудился восторг возрождения перед творческою зиждительно-обновляющею силой женщины.

Уже воротясь домой в Россию, я, чтоб провериться, разыскал у церковных писателей места, посвященные, напр., Благовещению. Привожу вот эти восторженные строки: «...оттыдуже бе смертнаго входа начаток, оттуда жизнь себе вход отверзает; женою истекоша злая на род человеческий, женою истекоша лучшая благая... Радуйся, благостная, не срамляйся, яко жена виною бе осуждения, Ты бо Судии и Искупителю Милости будеши... Радуйся, обрадованная, родительнице жизни, ею же непразднится смерть... Радуйся, овдовешему миру женихородательнице непорочная. Радуйся запустевшаго мира обновление... Радуйся, тебе бо ради всему миру радость возсия и *человеческий род в первый сан входит*... сия же вся слышавше Мария помышлявше и себе, что сие есть, — некая ли прелесть, и прииму Смерть вместо целования, якоже древле Ева Праматерь наша» (из слова Иоанна Златоуста на Благовеще<ние>)³.

Не посетуйте на меня за выписки. Мне хочется указать, на основе каких глубоких и всеобъемлющих обобщений рождался творческий восторг художников. В этот же поток идей, может быть, вливались древние верования, древние чаяния о Спасителе мира, который, как прорицала Сивилла, «родился от Девы».

Перед отъездом из Рима я пошел на кладбище, где находится скульптура Антокольского⁴ (там же и могила Шелли с надписью Байрона — *Cog cardium — Сердце Сердец*). Изображена русская девушка, но так, что я долго не мог оторваться и все глядел с каким-то странным душевным трепетом. В этой скульптуре, несомненно, было что-то общее с классическими и в то же время — совсем-совсем свое и родное. И мне смутно сначала, затем вдруг опять с поразительной ясностью вспомнилась вся галерея женских образов, созданных русским искусством. Мне почудилось, что в этих восторженных попытках воскресла снова, снова воплотилась в жизнь жажда и тоска по новому творчеству, по новому миру. И первый раз у меня проснулась самая твердая непоколебимая уверенность в том, что все последнее стремление унижить женщину —

не наше, чужое⁵, наносное, что это пройдет, отпадет, как короста. Опять за образом я почувствовал художников, а за художниками самое жизнь, которая снова, как в былые времена, достигает высшего напряжения творчества.

Уже в Варшаве после тяжелой и отвратительной атмосферы Вены с ее культом Kaiser⁷ а я в третий раз испытал удивительное чувство. Мне показалось, что я слышу музыку города, гармоничный ритм городского движения. Снова я чувствовал себя, как в Италии среди певучего и танцующего народа. Об этом славянском Париже, бродя по улицам среди массы народа около памятников Мицкевичу и Копернику, по громадным садам, я читал в только что купленной книжке «Пан Тадеуш» Мицкевича:

O Matko Polsko! Ty tak świeżo w grobie
Złożona... Nie masz sił mówić o tobie!..⁶

читал и волновался так, как волнуется человек, вернувшийся после долгой разлуки на поруганную родину.

Это был — с утра до глубокой ночи — изумительный день моей жизни, я ходил один по улицам и мне как-то ясно было, что всюду в искусстве, где необходимы стихийно-глубокие зиждательные силы — в архитектуре, в литературе, в музыке, в танце — славянство себя должно проявить. Там, где требуется ещё стихийная мощь, там где человек, высвобождаясь от сил природы, готовится вступить «в первый сон», там нельзя обойтись без того обожествления творческого начала, которое — я был тогда в этом уверен — хранится, как священный огонь, только у нас⁷.

Может быть, всё это глупость и одни сплошные фантазии, но я решился написать это Вам, милый Алексей Максимович, после того, как взглянул на Питер и поглядел снова и внимательно на русскую живопись в Музее Ал<ександра> III.

У <1 нрзб.> достал сборник: Фил. Канта <?>. Прочту — напишу.
А. А. Золотарев

5. А. А. ЗОЛОТАРЕВ — ГОРЬКОМУ

Июль, после 5, 1910, Рыбинск

Милый Алексей Максимович!

На меня посыпались обыски. Не знаю, чем всё это объяснить, но сегодня в ночь опустошили всю мою комнату и увезли прямо на возу все книги, имевшиеся у меня, начиная от журналов 60-х годов,

кончая латинским словарем. Иностранные книги почему-то подвергли сугубому преследованию. Их брали без разбора. Обыск был дома опять без меня и снова обрушился на мать. На этот раз обыскали даже комнату отца.

Взяли снова «Изгнание Торжествующего Зверя», на $\frac{1}{4}$ уже перепечатанного мною на машинке¹.

Пишу к Вам об этом потому, что, если со мной, паки чаяния, что приключится и меня уберут — мне очень бы не хотелось, чтоб пропадала моя работа. Над ней я трудился усиленно и хотя вполне не могу ручаться за добротность и точность перевода, но во всяком случае сама вещь достаточно говорит за себя и переводил я ее с таким настроением, как древние книжники — одним словом, я бы желал, чтоб в случае чего «Знание» похлопотало об этой вещи.

В деревне, где я ночевал эту ночь, даже их обыскивали — целая кавалерия стражников и уж на восходе солнца ходили все осматривать «пустыньку», какую выстроила себе мать в лесу.

Не сердитесь, что докучаю своим.

Писем не пишите: попадут в охранное отделение и только. Мне и так неловко перед Вами. Я берег Ваши письма и они, кажется, все попались. Пока всего лучшего. Напишу, когда выяснится результат последних двух обысков.

Ал. З.

6. А. А. ЗОЛОТАРЕВ — У. З. БЬЯНКО

25 сентября (9 октября) 1913, Капри

Капри, 9 октября. 1913.

Дорогой Занотти,

через несколько дней (14 октября) я уезжаю с Капри в Париж. В Риме я пробуду 4 или 5 дней. В Риме мой адрес: улица Ripetta, 41, корреспонденция для г-на Первухина; мой адрес в Париже: 8, улица Pontois.

В Риме я, само собой, поговорю с моими друзьями, и, возможно, информационный центр мы организуем в Риме. Причина такова. Хотя сейчас здоровье Горького улучшилось, он, кажется, не хочет больше оставаться здесь и надеется вернуться в Россию¹. Но после его отъезда с Капри кто сможет координировать наши литературные дела? Любарский всегда мечтает о том, чтобы уехать с «имперского» острова, т. к. он «демократ чистых кровей»². Возмож-

но, кто-нибудь приедет на сезон, но все равно, я не верю, что этот центр будет функционировать на Капри достаточно хорошо...

С Библиотекой, конечно, все дальше будет развиваться без перебоев³, но мне кажется, драгоценнейший Занотти, что с одним условием: если Вы не оставите Капри без своей моральной поддержки⁴. А теперь в Библиотеке больше 800 томов на русском языке и среди них есть очень интересные книги. Все это постоянно увеличивающееся богатство принадлежит Итало-русскому обществу и поэтому Библиотека всегда должна оставаться на острове.

В конце декабря надеюсь увидеть Вас, потому что перед возвращением в Россию, как я Вам это уже говорил, хочу попутешествовать по Италии и Греции.

Что касается Вашего «письма», то я думаю, его полемическая часть не нужна. И более того, бессмысленна, если не сказать — опасна. Само собой разумеется, что цель защиты угнетенных народов заключается в том, чтобы объяснить всем людям существующие проблемы, относящиеся к угнетенным или еще пока неразвившимся (каковы, например, народы Африки или Полинезии). Однако поиск истины — всегда творчество, и каждый, кто к этому стремится, будет искать опоры не во мнениях, а в конкретной работе.

Уточняю свое высказывание: на 1-ой странице нужно все до слов «Но если эти надежды...», а потом все, по моему мнению, не нужно до слов «способные почувствовать эту ответственность...».

Горячий привет.

А. З.

ПРИМЕЧАНИЯ

1.

Печатается по А (АГ. КГ-п-29-2-11), впервые.

Ответ Горького, как и на другие письма Золотарева, публикуемые в данном издании, не сохранился; далее это не оговаривается (о том, когда были утрачены письма Горького, см. вступит ст.).

¹ Т. е. в канун праздников Рождества и Богоявления. Первая глава повести также начинается в Сочельник. В своих письмах Золотарев в названии повести использует написание с заглавной буквы — «от Суббот», очевидно так подчеркивая обобщающий (не повседневный — день недели) смысл слова: кануна духовного Воскресения. В печатном тексте эта особенность заглавия не была передана.

² Эпиграф из стихотворения Ф. И. Тютчева «Цицерон» («Оратор римский говорил», 1830).

³ Под другим городом подразумевается Рим, с которым связано цитируемое стихотворение Тютчева.

⁴ В печатном тексте первой главы эпизода с «Ножичком» нет. Однако эпизод «с учителем» является ключевым для сюжетного развития всего произведения. Именно рассказ учителя открывает юной героине Ольге (ее прозвище Рюриковна, как и других персонажей, значимо) «свое место в жизни»: она осознает свой путь среди «неисчерпаемого богатства и разнообразия парижской жизни» — в «Историческом Городе», символе и олицетворении человеческой цивилизации, ощущая связь отдельного человеческого существования со «звездным» движением России (см. в тексте повести, опубликованной в *Сб. Зн. 40. С. 52*; далее отсылки даются на страницы этого издания без оговорок).

⁵ Золотарев размышлял о своеобразии замысла повести и ее стиле. В его философии (и поэтике) главным выступает соединение отдельных человеческих судеб с «потоком исторической жизни» (см. в повести с. 97) и борьбой «всеземных идей». К «проповеди» «во всех концах земли» таких мыслей и приобщаются герои произведения — беглецы из революционной России, которые «каждую субботу» встречаются в среде парижской русской колонии. В их спорах Золотарев сталкивал самые жгучие и глубокие идеи времени — о кровавой изнанке революции, о социализме, о Знании и Вере, о развитии науки.

⁶ Образы, связанные с архитектурой и скульптурой, Золотарев использует для философских диспутов между персонажами, что и становится главным руслом сюжетного развития повести. Один из героев назван Зодчим, чем подчеркивается важность творчески-созидательных устремлений и деклараций для авторского замысла в целом, а образы европейской архитектуры (в частности, Собор Парижской Богоматери) имеют в повести знаковый характер: через них сопоставляются разные культурные эпохи.

То же свойственно и публицистическим выступлениям Золотарева из цикла «Городские впечатления», в которых подводились итоги заграничной жизни и путешествий автора 1910-х гг. Отдельные очерки посвящены им Парижу, Лозанне, Милану, Болонье. В каждом из них, говоря о современном ритме жизни этих европейских городов («быстром экономическом и промышленном росте», «внутренних противоречиях, титанической борьбе враждующих не на жизнь, а на смерть сил»), Золотарев рассказывал и о своем «поклонении» их архитектурным святыням: они запечатлели «премущественную работу многих веков и многих поколений», возвращали к надеждам на новые импульсы исторического творчества — в Италии и «дома», в России. Так, Золотарев восторженно писал о знаменитом миланском Соборе, подчеркивая неразрывную связь религиозной духовности и человеческого прогресса: «Изумлению моему не было границ, когда <...> утром при ярком свете, под густо синим куполом неба, я увидел храм, созданный Миланом во славу Девы Марии <...> ...я тихо-тихо среди леса колонн и толпы молящихся пробирался вперед к алтарю и — точно само собой — вспомнил слова католического гимна Марии: “Ave, stella maris”... — “Радуйся, звезда моря”... И тотчас ярко вспомнилась далекая Россия, далекое детство, наши церкви, наше служение, наше пение, вспомнилось: “Свете тихий, святые славы... пришедшие на запад солнца, видевшие свет вечерний, поем”... Да это же впервые здесь в Милане пропетая песнь. <...> Что когда-то воплотил в слове медиоланский епископ, то миланцы впоследствии воссоздали в камне, в своем Соборе — торжественный гимн христианства. <...> Выходя из Собора, я бережно нес в себе свою новую любовь. Я любил Италию, а с нею и в ней всю Европу, которую до сих пор умел только уважать. Я любил Италию, а с новой любовью, которая, по бессмертному слову Данте, движет Солнце и звезды, начиналась для меня новая жизнь...» (*Рыбинец. Городские впечатления. III. Милан // Рыбинская газета. 1914. № 34*; см. в газетных вырезках — *РГАЛИ. Ф. 218. Оп. 1. Ед. хр. 36. Л. 65*).

⁷ Имеется в виду Спасо-Преображенский собор Рыбинска и его колокольня. Собор сооружен в позднеклассическом стиле в 1838—1851 гг. по проекту архитектора А. И. Мельникова. В основу проекта легли чертежи, представленные им на конкурс проекта Исаакиевского собора в Петербурге. Колокольня возводилась раньше. См. об этом в современном издании: «Вскоре после пожара, опустошившего Рыбинск в 1797 г., началось строительство ныне существующей колокольни, завершившееся в 1802 г. Огромное сооружение, высота которого превышает 60 м, горделиво выситя над старым городом, являясь его главной вертикальной доминантой. Неизвестный зодчий в работе над проектом, несомненно, действовал с оглядкой на уже существовавшие в крупнейших городах Верхнего Поволжья соборные колокольни. Повторение наиболее известных, получивших всеобщее одобрение образцов, было свойственно русской провинциальной архитектуре той эпохи. Соборные колокольни в Романово-Борисоглебске, Ярославле и Угличе были решены во вкусе XVII или первой трети XVIII в. Поэтому гораздо больший интерес для создателя рыбинской колокольни представляли аналогичные сооружения в Твери и Костроме. <...> Костромская соборная колокольня была сооружена в 1776—1791 гг. архитектором-самоучкой С. А. Воротиловым. В ее классическом решении сохранились и многие элементы барокко. <...> Несомненно, именно костромская колокольня, завершенная незадолго до начала строительства рыбинской, и послужила ее прообразом.

Конструктивную основу <...> составляют четыре поставленные друг на друга кубических объема, со всех сторон прорезанные арками. Нижний ярус занимает площадь более 30 кв. м. Его углы обработаны каннелированными пилястрами с капителями ионического ордера. <...> В четвертом ярусе проемы также фланкированы колоннами, но не двумя, а одной. <...> Верхний, пятый ярус <...> это четверик, на срезанных углах которого помещены характерные для барокко крупные парные волюты. Прежде они служили основанием для утраченных ныне каменных ваз. <...> В целом архитектурное решение <...> оказалось очень удачным. В нем гармонично соединились порыв вверх и величая торжественность. <...> Соборная колокольня стала едва ли не самым красивым зданием в Рыбинске. Видимая издалека, она служила своего рода символом города, была известна всему Поволжью» (*Борисов Н. С., Марасинова Л. М.* Рыбинск. Мышкин. Пошехонье: архитектурно-художественные памятники XVII—XIX вв. М., 2001. С. 45—47).

⁸ В основе размышлений Золотарева ключевые идеи Ф. М. Достоевского, высказанные в «Легенде о Великом Инквизиторе» (вошла в роман «Братья Карамазовы») и «Пушкинской речи» («Дневник писателя», 1880). См. в последней: «...Представьте, что вы сами возводите здание судьбы человеческой с целью в финале оспасти людей, дать им наконец мир и покой. И вот, представьте себе тоже, что для этого необходимо и неминуемо надо замучить всего только лишь одно человеческое существо... Согласитесь ли вы быть архитектором такого здания на этом условии?». Эти мысли Достоевского многократно горячо обсуждались на рубеже XIX и XX столетий русскими писателями и философами, в том числе Мережковским и Розановым. Фундаментальное место в творчестве Розанова заняла работа «Легенда о Великом Инквизиторе Ф. М. Достоевского», выдержавшая несколько переизданий. На нее откликнулись К. Н. Леонтьев, Н. Н. Страхов, Ю. Н. Говоруха-Отрок, Н. А. Бердяев и др. См. об этом: *Розанов В. В.* Собрание сочинений: Легенда о Великом Инквизиторе Ф. М. Достоевского. Лит. очерки. О писательстве и писателях. М., 1996. С. 638—642 и др. О резонансе обсуждения двухтомной работы Мережковского «Л. Толстой и Достоевский» (1900—1902) см. в кн.: Д. С. Мережковский: Мысль и слово. М., 1999.

О пристальном внимании Золотарева к творческому миру Достоевского можно судить и по следующему замечанию С. А. Аскольдова, друга и адресата его поздних лет: «Напишите к себе, Алеше Карамазове» (из письма 28 июня 1941 г. — См.: Минувшее: Исторический альманах. 9. М., 1992. С. 376). Споры об идеях Достоевского занимают важное место в сюжетном развитии уже первой повести-диспута Золотарева «В Старой Лавре» (см. об этом во вступит. статье). А. В. Луначарский отмечал в отклике на повесть, что напряженность ее тона напоминает Достоевского: Литературный распад. Кн. 2. СПб., 1909. С. 108.

⁹ Ср. в повести спор юноши-революционера Егора с героиней, прозванной Аввакумовной (т. е. несущей идеи созидания и веры): «Не люблю я вашего Зодчего... Сила в нем — большая... и строить ему хочется — верю, до того хочется, что кажется мне: не дай ему вовремя построить храм Всечеловечества, о котором он мечтает тут, ходя по Парижу, он — пождет-пождет, да и на тюрьму Всечеловечества согласится. Не люблю я их всех: и художников, и летописцев революции; кому — кровь и смерть, а им — хлеб и бессмертие...» (с. 123).

¹⁰ Имеется в виду письмо Горького (не сохранилось), с которым, судя по контексту ответного письма, Золотарев во многом спорил.

¹¹ См. о работе над переводом и его издании во вступит. статье, а также п. 5 и примеч.

¹² Речь идет о существенных различиях в концепциях Ламарка и Дарвина как представителей эволюционной теории. Ж. Б. Ламарк, французский естествоиспытатель, первым сформулировал целостную концепцию эволюции живой природы. Виды животных и растений, по Ламарку, постепенно изменяются, усложняясь в своей организации в результате влияния внешней среды. Принципы приспособляемости и естественного отбора как главные факторы эволюции органического мира утверждал и Ч. Р. Дарвин, английский естествоиспытатель, в труде «Происхождение видов путем естественного отбора» (1859). В работе «Происхождение человека и половой отбор» (1871) Дарвин дал естественнонаучное объяснение происхождения человека от животных предков. Если Дарвин выделял всеобщность закона борьбы за существование в природе и эволюции человека, то в концепции Ламарка вопрос стоял сложнее: ученый обосновывал также закономерности взаимодействия и взаимопомощи как в природе, так и в человеческом обществе.

Негативное отношение Золотарева к социологическим трактовкам дарвинизма отчетливо проявилось в его рецензии на повесть Б. Тимофеева «Сухие сучки». Рецензию начинает исторический экскурс о предшественнике Дарвина — А. Р. Уоллесе: «Независимо друг от друга, но оба под влиянием публициста Мальтуса, и Дарвин, и Уоллес выдвинули принцип борьбы за существование как основную движущую силу восходящего развития жизни на нашей планете. Однако, в противоположность многим дарвинистам, Уоллес решительно встал на сторону бесправных и обездоленных <...> заявив себя во имя науки убежденным социалистом и непримиримым врагом одно время очень модного и воинствующего “по Дарвину” индивидуализма». Общественное значение повести Тимофеева Золотарев видел в том, что в ней показана опасность «для человека звериного быта», в том, что она «делает для нас ясными самих себя, служит развитию самосознания» (цит. по: РГАЛИ. Ф. 218. Оп. 1. Ед. хр. 36. Л. 44—47; рецензия напечатана в рыбинской прессе в 1912 г.).

В позднейшей своей работе «Вера и знание: Наука и открытие в их современном взаимодействии на человека» (вошла в неопубликованный цикл его статей «Своею дорогой: Сб. ст., 1941—1949» // РГАЛИ. Ф. 218. Оп. 1. Ед. хр. 38) Золотарев, полемизируя с социологическим истолкованием дарвиновской концепции извечной борьбы за существование, писал об «исходных точках гармонического строения жизни»: «Космос, т. е. красота и порядок, согласно теории великого есте-

ствоиспытателя, помимо его воли превратились в чудовище Хаоса, в творчество случая и в конечное торжество смерти». По убеждению Золотарева, нравственный закон духовных существ — это «послушание высшей тебя и совершеннейшей воле». При этом человеческая личность осознавалась им как реализующая себя в подвижническом служении всеобщей и единственной истине: «Важно <...> глубокое смиренное сознание малости сделанного перед бесконечностью и трудностью пути к Богу, важна и та сила стремления, какую имеет, какую запаса человек на пути своем к Божьему оправданию». См. об этом: *Хализев В. Е.* Забытый деятель русской культуры // Литературное обозрение. М., 1992. № 2.

Ср. также оценку С. А. Аскольдовым широких научно-гуманистических интересов Золотарева в их позднейшей переписке: «Что Вы часто передумываете астрономическую проблему, это очень хорошо. Она имеет для христианства значение самого острого взрывающего конфликта (недаром Бруно подвергся сожжению). Но надо научиться так с нею справляться, чтобы она не взрывала, а лишь создавала идеологическую реформу, если угодно эволюцию <...>. Как это Вы умудряетесь за всем следить (и Резерфорд, и Вавилов) <...>. Ваши соображения о “сопряженности” мира для меня сейчас имеют наиболее актуальное значение...» (Минувшее. 9. С. 364).

¹³ Золотарев имел в виду планы издания «Знанием» серии философских работ. Они были реализованы лишь частично. См. об этом в переписке Горького с А. А. Богдановым: Горький. *Письма*. Т. 7. С. 22, 269 и др.; *Неизданный Горький*. С. 41, 47 и др. Издание перевода Ламарка в «Знании» не состоялось, его осуществило другое издательство: *Ламарк*. Философия зоологии / Пер. с фр. С. В. Сапожникова; Ред. и вступ. статья В. Карпова. М., 1911. В ЛБГ сохранилась эта книга с дарственной надписью Золотарева, в которой приводится высказывание Ламарка: «Алексею Максимовичу в день рождения 27 марта 1912 г. “Я понял, что природа, вынужденная вначале заимствовать от окружающей среды возбуждательную силу для жизненных движений и действий несовершенных животных путем все большего и большего усложнения организации, сумела перенести эту силу внутрь этих существ и, наконец, всецело отдать ее на распоряжение особи. Ламарк”» (ОЛБГ. 72).

¹⁴ Вопрос о путях культурно-просветительской работы на родине, в родном крае, волновал Золотарева: это, как потом оказалось, было связано с его призванием. Ср. также в п. 3 его обращение к Горькому по поводу «плавучей» выставки, организуемой нижегородским купцом Бреевым.

¹⁵ Сходные философско-гуманистические идеи нашли выражение в повести. См. рассуждение о русской песне: «Широкие, полные, баюкающие волны звуков наводнили комнату и сразу у всех стало легче, вольнее и тише на сердце. Только в музыке и пении человек, как сын, роднится с материнской душой мира; нет такого горя, нет скорби, что не забавокались, не утешились, не утишились, не унялись бы под песню и музыку» (с. 105). Ср. также об этом в п. 4 (примеч. 2).

¹⁶ Об отношении братьев Золотаревых к Тургеневской библиотеке см. во вступит. статье, а библиографические сведения о ее истории в примеч. к ней.

2.

Печатается по А (АГ. КГ-п-29-2-12), впервые.
Датируется по почт. шт.: 23.01.10. Рыбинск.

¹ См. во вступит. статье о выступлениях Золотарева в местной печати по вопросу об организации в Рыбинске городской библиотеки. На присланной открытке виден и силуэт Спасо-Преображенского собора с колокольней. См. п. 1 и примеч.

Имелась в виду старая хлебная биржа на Волжской набережной (около нее в 1912 г. была построена монументальная новая биржа — в неорусском стиле, по проекту московского архитектора А. В. Иванова). Здание старой биржи — одно из лучших образцов архитектуры классицизма в Рыбинске. Выстроено в 1806—1811 гг. по проекту ярославского губернского архитектора Г. В. Петрова. Возведено на мощном основании из камня, имеет спуск к причалам. В начале XX в. возле старой биржи была главная грузовая пристань города. Двухэтажное здание невелико, но отличается хорошо найденными пропорциями. Умелое применение классических форм делает его монументальным и величественным. См.: Рыбинск. Мышкин. Пошехонье. С. 55—56.

3.

Печатается по А (АГ. КГ-п-29-2-13), впервые.

¹ Речь идет о пересылке газетного сообщения из нижегородской прессы. Не сохранилось.

² Львов-Рогачевский. Вместе с ним Золотарев впервые приехал на Капри. См. отрывок из воспоминаний, приведенный во вступит. статье.

³ Рассказ напечатан в *Сб. Зн. 29*, который вышел в феврале 1910 г. См. оценку его Горьким в письме к автору от середины декабря 1909 г.: Горький. *Письма*. Т. 7. С. 220.

⁴ Учась в Рыбинской классической гимназии (окончил в 1897 г.), Золотарев вместе с братом Сергеем (потом стал филологом) записывал народные песни и кладбищенские надписи. См.: *Хализев В. Е., Чуваков В. Н. А. А. Золотарев // Русские писатели 1800—1917*. Т. 2. М., 1992. С. 347—348. Горький ценил разносторонние знания Золотаревым народного творчества. В их переписке не раз упоминаются новые книжные издания по народному творчеству. См. об этом: Горький. *Письма*. Т. 8. С. 52. Ср. также интерес автобиографического героя Горького — «проходящего» — к кладбищенским надписям в рассказе «Покойник» (написан в 1912 г., вошел в цикл «По Руси»).

⁵ Имеется в виду З. А. Пешков.

⁶ Горький знал В. И. Бреева с 1880-х гг., когда тот был еще только мелким торговцем. В «Путеводителе по Нижнему Новгороду», изданном в 1904 г., уже указывалась «Торговля В. И. Бреева: книги, канцелярские принадлежности и писчебумажные товары». Была расположена на Рождественской улице, вблизи известной Рождественской (Строгановской) церкви. О встречах с Бреевым в разные годы (в начале 1900-х, в 1917-м), его предложениях сотрудничать Горький писал позднее в очерке «Монархист», который вошел в книгу «Заметки из дневника. Воспоминания» (1924). См.: Горький. *Сочинения*. Т. 17. С. 191—204. В ноябре 1911 г. в ответ на обращение Бреева с призывом вернуться на родину и сотрудничать Горький написал открытое «Письмо монархисту» в памфлетном духе, отослал его адресату и в эмигрантскую газету «L'Avenir», где оно и было напечатано. В Л. Бурцеву, издателью газеты, Горький при этом сообщал: «Это ответ на письмо ко мне от одного черносотенца, довольно известного и влиятельного в Поволжье» (Там же. *Письма*. Т. 9. С. 174).

Возможно, до сообщения Золотарева Горький не знал об инициативе Бреева с «плавучей выставкой», которая имела успех. Позднее в очерке «Монархист» Горький рассказывал о ней словами своего «героя», несомненно ярко и убедительно, но явно не сочувствуя и этой монархической акции: «...Ожесточенно начал я готовиться к юбилейному торжеству трехсотлетия Романовых <...>. Позвал учеников

Академии художеств <...> они действительно постарались, превосходные картины были написаны ими; я потом открытые письма напечатал с этих картин и расторгнулся в десятках тысяч. Нанял баржу, устроил на ней выставку картин и повез ее вверх по Волге: гляди, народ, на какие дела ты был способен! Народ шел тысячами» (Там же. *Сочинения*. Т. 17. С. 201). Свое обращение к Горькому в 1911 г. Бреев сопровождал пересылкой ряда «открытых писем» с картин «из истории Нижнего». С ними Горький вскоре познакомил сына (Там же. *Лисьма*. Т. 9. С. 160). Однако, если для Золотарева акции «плавающих выставок» (ср. об этом в п. 1) имели прежде всего общекультурную значимость, то для Горького на первом плане был (и потом остался) их политический смысл.

⁷ Залив и пляж на южном берегу острова был популярен в среде русской колонии на Капри.

⁸ С первого приезда на Капри Золотарев вошел в молодежный круг русской колонии, в котором были и студентки неаполитанской консерватории, учившиеся пению. По давней поэтической традиции, восходящей еще к легендарной «Одиссее», Капри называли островом Сирен: пением и красотой эти фантастические существа, коварные и соблазнительные, завораживали путешественников. См. об этом в позднейшем рассказе-очерке И. А. Бунина «Остров Сирен».

⁹ Рабочий из Петербурга, с которым Золотарев вместе приехал на Капри. См. об этом в отрывке воспоминаний, приведенном во вступительной статье.

4.

Печатается по А (АГ. КГ-п-29-2-18), впервые.

Датируется по сопоставлению фактов, приводимых в других письмах Золотарева.

¹ Легендарная прорицательница Кумская Сивилла. Она наиболее известна среди упоминаемых античными авторами: их насчитывалось до двенадцати. Ей приписывались «Сивиллины книги», сборник изречений и предсказаний, служивших для официальных гаданий в Древнем Риме. См. статью: *Ботвинник М. Н.* Кумская Сивилла // *Мифы народов мира*. М., 1982. Т. 2. С. 430—431. Изображения сивилл были приняты в античности, а также в эпоху Возрождения (например, у Микеланджело Буонарроти в росписи Сикстинской капеллы в Ватикане).

² Этими мыслями Золотарев наделил героев повести «Во едину от суббот» — Зодчего, а также Гришу-сказочника. См. в повести предсмертное письмо Гриши, обращенное к любимой, главной героине произведения Ольге: «...Только вам, рождающим новых богов Земли, дано зреть и ходить по всем человеческим мукам. Вы — самая прекрасная, самая последняя греза Земли; в вас воплотилась исконная, изначальная материнская правда и мудрость мира» (с. 46).

³ См.: Творения Иоанна Златоуста, архиепископа Константинопольского. Кн. 5. Птб., 1916. Ср. в повести со сценой воспоминаний Ольги о празднике Благовещения в родном селе: «...Маленькая, светлая, уютная, какая-то веселая, как солнце... церковка села Воскресенского... совсем не такая, как этот — из дикого камня мрачный старый собор <т. е. Нотр-Дам в Париже. — *Ред.*>. Благовещеньев день... девичья радость... птичья воля... встреча весны... ангельский праздник... Горят огненные венчики свеч пред иконой праздника, горят позлащенные венцы икон, горит сердечным пламенем сам отец Василий и радуется, и плачет от радости, прославляя Божью Матерь.

“Радуйся, Звезда, рождающая Солнце!” — падает ниц на землю большой человек с детской душой, и за ним падает ниц со слезами радости вся церковь...» (с. 53—54).

⁴ Имеется в виду римское некатолическое кладбище Тестаччо, где хоронили представителей разных конфессий, в том числе православных.

⁵ В русской литературе конца 1900 — начала 1910-х гг. заявляют о себе авторы с «новой моралью». На первое место они ставили вопросы «пола», как М. П. Арцыбашев, А. Каменский и др. Арцыбашев как автор шумевшего романа «Санин», был привлечен к суду за безнравственность. Л. Толстой отзывался об этом произведении: «...ни одного истинного человеческого чувства, а описываются только самые низменные животные побуждения...» (цит. по: Русская литература рубежа веков (1890-е — начало 1920-х годов). Кн. 1. М., 2000. С. 675). См. об этом в статье Горького «Разрушение личности» (1909).

⁶ См. в русском переводе: «О Матьер-Польша! Ты в разверстой яме... / Нет сил. Молчу. Что выразишь словами?» — Эпилог к «Пану Тадеушу» (Из посмертных рукописей) // *Мицкевич А.* Пан Тадеуш / Перевод, послесловие и комментарии Святослава Свяцкого. СПб., 1998. С. 325. Сообщено О. В. Цыбенко.

⁷ Эти мысли раскрываются в повести в речах Зодчего. См. с. 56, 58.

5.

Печатается по А (АГ. КГ-п-29-2-17), впервые.

Датируется по сопоставлению фактов, упоминаемых в письмах.

¹ Над переводом трактата Золотарев работал несколько лет. Об этом и его издании см. во вступит. статье. В интересе к наследию великого итальянца проявлялся особый склад личности Золотарева — его тяготения к сочетанию философских и научных знаний с культурой и религией. Дж. Бруно, великий протестант, философ-богослов и ученый, привлекал Золотарева «проповедью новой религии человечества, религии разума и борьбы за свободу мысли и совести», как им было подчеркнуто в предисловии к переводу, вышедшему в свет в 1914 г. В воспоминаниях о Горьком Золотарев писал, что его работа встретила поддержку со стороны итальянских ученых: «Как-то в неаполитанской газете “Secolo” появилась статья о русской колонии на Капри, причем было указано, кто над чем работает. Вскоре <...> я получил из Сицилии от Грасси Бертацци увесистый том “Джордано Бруно и его время” и крайне ценное для меня как переводчика <...> письмо. Итальянец писал в нем о радости узнать, что рядом, на о. Капри, работает над Бруно русский, кому он и предлагает всяческое свое содействие и помощь. Я показал книгу и письмо Алексею Максимовичу и заодно рассказал ему, как областал меня в Неаполе Вердинуа, показав лично все свои книжные сокровища, когда я пришел в Библиотеку <...>. Алексей Максимович заволновался, засветился доброю радостной улылкой: — Это — культура! Этому всем бы нам учиться здесь» (АГ. Горький-каприец. Л. 31). При обысках в доме Золотарева в 1910 г., а затем и конфискации его бумаг сделанная им переводческая работа была частично утрачена. Ее пришлось возобновлять, поэтому издание осуществилось позднее, чем сначала предполагалось.

6.

Печатается по тексту публикации в изд.: Archivio storico per la Calabria e la Lucania. Anno LXIII (1996). Roma, 1998. P. 240—241. Перевод текста письма сделан Е. В. Лозинской.

¹ Горький вернулся в Россию в самом конце 1913 г., воспользовавшись амнистией, объявленной по поводу празднования 300-летия царствующей династии Рома-

новых. См. об этом также: *Бочарова И. А. М. Горький и М. А. Осоргин. Переписка // С двух берегов. С. 389—392.*

² Любарский Н. М. (псевд.: Карло, Николини, 1887—1938) — член РСДРП с 1906 г. С 1908 г. жил в эмиграции, на Капри. В 1917 г. вернулся в Россию. В 1918 г. — секретарь советской миссии в Швейцарии. В 1919—1920 гг. на нелегальной работе в Западноевропейском бюро Исполкома Коминтерна в Берлине, в 1920 г. — эмиссар ИККИ в Италии. Позднее репрессирован. См.: *Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 51. С. 111, 507; Политбюро ЦК РКП(б) — ВКП(б) и Коминтерн: 1919—1943. Документы. М., 2004. С. 863.*

³ См. во вступит. статье. В личных архивах нескольких русских «каприйцев», например А. К. Лозина-Лозинского и А. А. Золотарева, сохранился учредительный документ — «Устав Русско-Итальянской библиотеки на о. Капри». Текст напечатан типографски, на двух языках, в Париже. Приведем его с некоторыми сокращениями:

«1. На Капри основывается Русско-Итальянская Библиотека, ставящая себе целью: а. Развить широкую культурную работу, оживить сочувственные связи между Россией и Италией; б. Содействовать взаимному ознакомлению с литературными и художественными, с политическими, общественными и экономическими задачами обоих народов — среди лиц, живущих на острове; в. доставлять через “Справочное бюро” всем, кто пожелает, сведения о жизни и культуре обеих стран.

2. Действительными членами Библиотеки считаются все итальянцы и русские, платящие ежегодно взнос в размере 6 лир <...>

4. Почетные члены Библиотеки — лица, способствующие развитию ее щедрыми книжными или денежными вкладами. Эти члены избираются по предложению Правления Общим собранием членов, которое бывает 2 раза в год: в мае и декабре...»

В других пунктах речь шла о регламенте работы Библиотеки: выборе секретаря, кассира, двух корреспондентов, выдаче книг «добровольными дежурными», статистике выдачи книг, времени работы и т. д. (*РГАЛИ. Ф. 293. Оп. 1. Ед. хр. 7; см. также в АГ*).

⁴ По всей вероятности, «моральная поддержка» Библиотеки со стороны У. З. Бьянко стала реальной заботой о том, чтобы обеспечить ее постоянный статус при муниципальных учреждениях города Капри. Это стало важным в момент, когда русская колония на острове существенно уменьшилась. Важен также в письме Золотарева вопрос об информационном центре в Риме как посредническом звене в библиотечном деле. Подчеркнем, что в уставе Библиотеки говорилось о «Справочном бюро», которое было, возможно, несколько преобразовано (либо по-иному названо). Само внимание Золотарева к этому вопросу — это свидетельство его значимости: русские эмигранты, находившиеся в разных европейских городах, искали реальных путей связи и общения. Несомненно, что каприйцы были в контактах с римской русской диаспорой, представители которой собирались вокруг двух русских библиотек: одной — имени Л. Толстого и другой — при посольстве. С первой был близок М. К. Первухин, журналист и беллетрист, долго живший в Италии (его иногда называли даже русским Жюль Верном). Он был итальянским корреспондентом нескольких русских газет, некоторое время — «Русского слова». Его семья и брат — художник К. К. Первухин, известный каприйскими пейзажами, некоторое время прожили на Капри (до 1908 г.). С М. К. Первухиным был дружен А. А. Золотарев, о чем можно судить по их многолетней переписке (см. ее в *РГАЛИ*, в фонде 218). О помощи Первухина в собирании книг для парижской эмигрантской библиотеки писал своему брату Н. А. Золотарев (см. об этом во вступит. статье).

Современные итальянские исследователи уделяют большое внимание интересу Бьянко к русской колонии на Капри, его тесным связям с ее представителями (см.

публикацию его переписки в указанном архивном томе: Archivio storico per la Calabria e la Lucania...). Об этом пишет М. Джабмальво в небольшой монографии «Умберто Занотти Бьянко и колония на Капри: от возникновения мифа о России к ее исчезновению» (Палермо, 1998 — на итал. яз.). В реферате по этой работе читаем: «...Бьянко регулярно отправлял на остров десятки итальянских изданий как общественно-политического содержания, так и предназначенные для изучения языка, часть из них была позаимствована из личного архива итальянского публициста. Наличие в библиотеке русских текстов было, в свою очередь, предметом неустанных забот М. Горького вплоть до его возвращения в Россию <...>».

Результатом расширяющихся личных и общественных контактов Бьянко с русскими социал-демократами стало основание в 1913 г. книжной серии “Молодая Европа”, в рамках которой должны были издаваться исследования по национальным вопросам и выработываться программы конкретных действий для каждого из народов». (Возможно, что конец октябряского письма, публикуемого в нашем издании, и был посвящен обсуждению одного из таких вопросов.) Опираясь на архивные материалы, итальянская исследовательница сообщает о предполагавшемся участии русских в серии: «В русском разделе планировалось опубликовать, по рекомендации М. Горького, переводы произведений Радищева, Чаадаева, Герцена, Щедрина и Успенского. <...> Золотарев по собственной инициативе предложил перевести на итальянский язык очерки Г. Успенского “Большая совесть” и В. Короленко “Турчин и мы”, поскольку в этих работах освещался вопрос соотношения русского и европейского самосознания и анализировалось промежуточное положение России между Западом и Востоком» (см. реферат Е. В. Лозинской на указанную книгу // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 7. Литературоведение: Реферативный журнал. М., 2000. № 3. С. 68—69). Отметим, что и проблема положения России между Западом и Востоком также ставилась Золотаревым в повести «Во едину от суббот».

ГОРЬКИЙ и И. Д. СУРГУЧЁВ

ИСТОРИЯ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ

Вступительная статья, подготовка текста и примечания

Т. Р. Гавриш

Илья Дмитриевич Сургучёв — прозаик, драматург и публицист, один из корреспондентов Горького — родился 15 (27) февраля 1881 г. в Ставрополе. «Была это большая, богатая, многогранная натура... — писал о нём один из современников, Н. Веритинов. — Пришёл он из вековых глубин народной жизни: правнук и внук “мужиков”, сын мелкого промышленника»¹. После окончания гимназии (или, согласно свидетельству сотрудника журнала «Возрождение» Н. К. Клименко, духовного училища) Сургучёв учился в ставропольской духовной семинарии. Эта сфера навсегда осталась определяющей для Сургучёва — человека и писателя: «...в духовном мире и церковных науках живёт и подчёркивается идея надмирного, необходимость чувствовать над собой это высшее начало и им определять свои шаги в жизни»². В 1903 г. Сургучёв поступил в Петербургский университет на факультет восточных языков, где учился «с большим увлечением и усердием»³. «Поехал он из своего Ставрополя в Петербург, а не в другой университет, “чтобы быть, — как он говорил, — поближе к литературе”, — вспоминал Н. Веритинов. — Факультет окончил прекрасно и даже и после оказал родному университету услугу переводом и комментариями случайно найденного им на Кавказе монгольского манускрипта»⁴. Ответом была «лестная благодарность и предложение продолжать научные работы»⁵. «Но профессуре, с её трудными поисками истины, он предпочёл не более лёгкую работу — поиски истины в области слова»⁶.

«Совершенно особый путь, самостоятельно, почти самодельно, проложил себе в литературе Сургучёв», — писал литературный критик Георгий Мейер⁷. Первые произведения Сургучёва, тогда ещё студента, появились в ставропольской газете «Северный Кавказ» (повесть «Из дневника гимназиста») и петербургском «Журнале для всех» (в VI номере этого издания за 1906 г. был напечатан его рассказ «Следствие»). Ещё чуть позже, в 1909 г., в журнале «Вестник Европы» (№ 1) был опубликован рассказ «Соседка». Д. Н. Овсяннико-Куликовский, к которому молодой писатель был направлен А. С. Сувориным, редактором газеты «Новое время», с гордостью го-

ворил, что открыл в лице Сургучёва «новый, молодой, многообещающий талант»⁸.

Последующая судьба Сургучёва-писателя оказалась тесно связанной с Горьким. В 1910 г. в «Знании» вышел первый, а в 1913 — второй том его рассказов. Горький с большим интересом и участием — хоть вначале и не без иронии — отнёсся к молодому писателю-провинциалу. «Вероятно, “Знание” прислало Вам Сургучёва и Шмелёва? — писал Горький М. М. Коцюбинскому 8 (21) ноября 1910 г. — Первый — тоже обещает не мало, но пока — несколько небрежен и зря кокетничает, подобно телеграфисту на захудалой, степной станции. Любит слишком пёстрые галстучки, будем думать, что это пройдёт у него»⁹. В одном из писем А. В. Амфитеатрову Горький спрашивал: «Сообщите, получены ли Вами последние издания “Знания” — Сургучёв, Шмелёв, “Чудаки”, Роллан? <...> Обращаю внимание Ваше на Сургучёва»¹⁰. Е. П. Пешковой Горький советовал: «Прочитай рассказы Сургучёва, — очень недурно и возбуждает хорошие надежды»¹¹.

«Привлекли бы Вы к себе Сургучёва, да и Коцюбинского тоже — приятные писатели», — такой отзыв содержится в письме Горького М. К. Иорданской, соредактору журнала «Современный мир», от 16 (29) ноября 1910 г.¹². В конце июля 1911 г. Горький отправил В. С. Миролубову рукопись рассказа Сургучёва «Сон», советуя поместить его в сентябрьском номере журнала «Современник»¹³; в ноябре 1911 г. рекомендовал молодого писателя в сотрудники журнала «Путь» его редактору И. А. Белоусову¹⁴.

После женитьбы в 1907 г. Сургучёв вернулся в Ставрополь; здесь он публиковался в различных периодических изданиях, вёл переписку с Горьким, Андреевым, Буниным, активно участвовал в общественно-политической жизни, в частности выдвигался кандидатом в Государственную думу (см. п. 7, 8, 12). Летом 1911 г. на Капри состоялось личное знакомство Горького с Сургучёвым. «Недавно был здесь славный парень Сургучёв», — писал Горький К. А. Тренёву между 18—28 июля (между 31 июля—10 августа) 1911 г.¹⁵. По собственному признанию Сургучёва, он «обожал этот остров, игрушечку, упавшую с ёлки Господа Бога»¹⁶, называл его «блистательным тибериевским Капри»¹⁷.

«Горький жил на Пиккола Марина, в вилле “Серафина”, — вспоминал Сургучёв. — На этой вилле было два домика: в одном из них жил сам Горький с Марьей Фёдоровной, а в другом была столовая и комната для гостей. В эту-то комнату меня и вселили.

Горький относился ко мне с исключительной дружественностью: он издал первые мои книги, писал мне письма, которые теперь вышли у Советов, в его “Архиве”. Я никогда не исповедовал каких-нибудь социалистических взглядов. Напротив, я всегда был в оппозиции, спорил и приводил в ужас каприйских эмигрантов <...>.

На вилле “Серафина” я почти лишался свободы. То есть: на вилле “Серафина” нужно было работать, чего я терпеть не могу, когда у меня

есть деньги. Живя у Горького, нужно было писать, — и он это контролировал самым бесцеремонным образом. В час дня сервировался завтрак, и за пять минут до этого он появлялся на пороге моей комнаты и проверял: сию ли я за чернильницей? Я показывал ему исписанные листы:

— Ну вот и ладно, — говаривал он глуховатым баском, — дам вам сегодня настоящего бордосского вина. А то там, у Манфреда, бегали б за Еленучей <именем дочери “старого Манфреда”, хозяина отеля, где некоторое время жил Сургучёв, назван один из его рассказов; эпитафией к нему служит горьковское двустишие из песни о Матери (IX сказка об Италии). — *Ред.*>. Вы вообще смотрите: поосторожнее здесь с этими Еленучами. Это Вам — не Калуцкая губерния. Повторяю, у неё — братья. Всодят ножик меж лопаток, и это будет ваше рódное.

С ударением на первом “о”¹⁸.

В 1912 г. в *Сб. Зн. 39* была напечатана повесть Сургучёва «Губернатор», получившая очень высокую оценку современной критики. В письме Миролюбову после 7 (20) января 1912 г., ещё до выхода повести в свет, Горький, отмечая некоторую её «растянутость и хаотичность», говорил о «Губернаторе» как о «вещи <...> весьма значительной» и отзывался о Сургучёве как о «большом поэте»¹⁹, а 23 мая (5 июня) 1912 г. писал Коцюбинскому: «Хорошие задатки у автора, мне думается»²⁰. К 1912 г. относится ещё один приезд Сургучёва на Капри (во время его путешествия за границу); в том же письме Коцюбинскому Горький писал: «Около месяца прожил здесь у меня, в Вашей комнате — Сургучёв». В этот период он изредка приезжал в Москву и Петербург, в основном по издательским делам и — чуть позже — для решения вопросов, связанных с его драматургической деятельностью. Позднее Сургучёв принимал участие в издании альманаха, где печатались местные авторы, и сотрудничал в газете «Северный Кавказ».

Перед Первой мировой войной писатель обратился к драматургии; именно этот род художественного творчества, при том, что литературой Сургучёв «интересовался до конца и страстно»²¹, стал его непреходящей любовью. «...он неоднократно любил повторять, что в театре “рельефность, скульптурность, полная выразительность”», — вспоминал Н. К. Клименко²². В «Краткой заметке о себе» Сургучёв писал: «По театральной части работал в обоих Императорских Театрах (Александринском и Малом) и в Московском Художественном»²³.

Дебютом Сургучёва-драматурга стала пьеса «Торговый дом». «Сюжет этой пьесы был навеян подлинными событиями, происшедшими в доме ставропольского купца Меснянкина, большого самодура и в то же время тонкого ценителя искусств и знатока театра»²⁴. В конце 1913 г. «Торговый дом» был поставлен на сцене Александринского (одну из ролей играла Мария Гавриловна Савина), а в 1919 — Малого театров. «По просьбе при-

существовавшего на спектакле К. Станиславского следующую свою пьесу “Осенние скрипки” Сургучёв передал в Московский Художественный театр»²⁵. «Дивные, узорно-тонко и трогательно написанные “Осенние скрипки”»²⁶ с большим успехом были показаны в Москве и Петербурге в 1915 г.; в роли Варвары выступила Ольга Леонардовна Книппер-Чехова. «Неоднократно приходилось слышать от “многих, судей решительных и строгих”, и притом весьма компетентных, что лучшей вещью Сургучёва, заслуженно давшей ему имя, являются его “Осенние скрипки”, всё же последующее лишь в большей или меньшей степени приближается к ним»²⁷, — писал Н. К. Клименко. По-прежнему не прерывал Сургучёв в эти годы своей работы прозаика. В 1915 г. им была написана повесть «Песни о любви»; в 1916 — «Книгоиздательством писателей в Москве» были изданы I и III тома его сочинений, в 1917 — IV том.

Новой власти, установившейся в России после октября 1917 г., Сургучёв не принял. «...смертельную тоску и беду переживает родная русская земля», — свидетельствовал он²⁸. «Громы и молнии октябрьской революции»²⁹ пронеслись и над родным городом писателя; чудовищные события в захваченном большевиками Ставрополе потрясли Сургучёва. «...монголы — щенки, телята в сравнении с нашими социалистами. Чингис-Хан, Тамерлан — да это же гуманисты», — писал он в книге «Большевики в Ставрополе», изданной в 1919 г.³⁰. «...большевизм как учение социал-демократическое ничего общего не имеет с тем, что сейчас на Руси ложно именуется большевизмом, — продолжал писатель. — Просто мы сейчас больше душевной болезнью. Нас укусила вошь, привезённая, как в колбе, в германском запломбированном вагоне»³¹. В своих убеждениях Сургучёв «был твёрд и непоколебим до конца: был он действительно рождён “русским националистом”, — Россия — так с Царём! — писал И. Мартыновский-Опишня. — Большевиков, коммунизм, марксизм ненавидел он люто:

— Это всё от дьявола, всё бесовское наваждение!»³².

В 1920 г. писатель эмигрировал. С частями белой армии Сургучёв добрался до Константинополя, где написал третью свою пьесу «Реки Вавилонские», окрашенную ностальгией по оставленной родине (опубликована: Современные записки. 1922. № 11). Позднее тот же мотив прозвучал в написанной Сургучёвым в Париже «Ротонде» — романе «из повседневного быта одноимённого, популярного в Париже на бульваре Распай ресторана, где ежедневно, в особенности по вечерам, встречалась парижская литературная богема»³³.

В 1921 г. писатель переехал в Прагу, где создал русскую театральную труппу, в постановке которой в 30-е гг. шла пьеса «Осенние скрипки» (перед самым началом Второй мировой войны она была поставлена на чешском языке и имела большой успех). Одновременно Сургучёв писал сцена-

рии для кинематографа; по его собственным словам, «за границей работал в театрах и синема (Холливуд и Лондон)»³⁴.

Париж стал конечной остановкой в пути Сургучёва: здесь он провёл оставшуюся часть жизни — с 1924 по 1956 гг. Он активно публиковался в эмигрантской прессе: «Возрождении», «Гранях», «Современных записках», «Литературном современнике», «Русской мысли», «Иллюстрированной России» и др.

В 1927 г. вышли его «Эмигрантские рассказы», вызвавшие широкий резонанс в литературной среде³⁵. Читатели-современники отмечали необыкновенную «глубину прозрений в самую суть вещей»³⁶, выделяли в написанном им «...две основные черты: поражающую порой глубинность его подмечаний (это его подспудное “я”) и всегда точнейшую выразительность в словах»³⁷. Все три пьесы Сургучёва, написанные им ранее, продолжили свою сценическую жизнь на эмигрантской сцене. В период с 1922 по 1936 гг. во Франции ставились «Осенние скрипки» в исполнении различных театральных трупп (в том числе в Русском театре в Париже, в Русском интимном театре Д. Н. Кировой, в составе Пражской группы МХТ, в Русском драматическом театре, в Еврейском драматическом театре на идиш; сохранилась экранизация на фр. яз.). Постановки пьесы «Торговый дом» были осуществлены в Русском интимном театре Д. Н. Кировой и в Русском камерном театре, «Реки Вавилонские» — в Театре драмы и комедии под управлением О. В. Барановской. В это время Сургучёвым также были написаны пьесы «Рука Бетховена» (Русский театр в Париже, 20 мая 1924 г.); «Человек, сорвавший банк в Монте-Карло» (Русский камерный театр, 6 мая 1936 г.); «Пять минут» (представлена в программе франко-русского вечера писателя Д. Н. Крачковского 13 февраля 1937 г.). Сургучёв был постоянным участником литературных и музыкальных вечеров, нередко представлявших собой благотворительные мероприятия. Как и когда-то в России, он продолжал вести активную общественную деятельность.

В сентябре 1940 г. Париж был оккупирован немецкими войсками; менее чем через год началась Великая Отечественная война. Сургучёв оказался в том лагере русской эмиграции, который не выступил против гитлеровского вторжения: даже эта война воспринималась им как война с «бесовским наваждением». Сургучёв был сотрудником единственной в период оккупации Франции русскоязычной газеты «Русский вестник», а в 1942 г. открыл «Театр без занавеса», где в течение двух лет выступал как режиссёр, актёр и чтец собственных рассказов. Естественно, что политические взгляды людей, фактически поддержавших идею гитлеровского нашествия, осудили многие русские эмигранты — их современники, среди которых были активные участники французского Сопротивления — такие, как Е. Ю. Кузьмина-Караваева (мать Мария), В. А. Оболенская, Б. В. Вильде, А. Н. Левицкий и многие другие. Очень резко позднее отзывалась о Сургу-

чёве, например, Нина Берберова: «В Париже перед войной — реакционный и arrogantный <«высокомерный», «надменный» (фр.). — *Ред.*>; во время войны — симпатизировал Гитлеру и чувствовал себя при немецкой оккупации, как рыба в воде. Умер после войны — вполне незаметно, и теперь прочно уложен в мусорный ящик истории»³⁸.

После войны Сургучёв работал в качестве постоянного сотрудника отдела прозы и очерка в журнале «Возрождение» (с этим изданием он был связан много лет до самой своей смерти). Только в последние годы жизни писателя в «Возрождении» были опубликованы несколько его рассказов, очерков, воспоминаний, повесть «Чёрная тетрадь» (1955), а также статьи, в числе которых «Горький и дьявол». В журнале «Грани» были напечатаны рассказы Сургучёва «Кающийся бес» (1953), «Письмо Периколы» (1954) и «Бред» (1955). Журнал «Литературный современник» в 1954 г. опубликовал его пьесу «Три часа». В 1956 г. (посмертно) в «Возрождении» был опубликован отрывок из пьесы Сургучёва «Мусоргский и Анна» (№ 51), очерки «Китеж» (№ 53) и «Северный Кавказ» (№ 59); в 1957 — «Два незаконченных отрывка» (№ 70); в 1958 (частично) — афоризмы Сургучёва, собранные в «Записных книжках» (№ 84) и повесть «Ночь» (№ 73—75, 77—79); в 1959 — оставшиеся незаконченными воспоминания «Студенческие годы» (№ 90). В 1953 г. отдельным изданием вышел роман Сургучёва «Детство Императора Николая II», «написанный просто, без малейшей льстивости или угодливости»³⁹.

«...главной болью всей его жизни была тоска по навеки им и нами утраченному отечеству. Оно часто снилось ему, и в его сердце не заживала глубокая, страшная рана, имя же ей — изгнание. Утрата родины мучила Сургучёва наяву, и в глубине его творческих снов жила великая печаль»⁴⁰, — писал Г. Мейер. Тем не менее, в эмиграции «Сургучёв не стал пессимистом, “нытиком”, как многие писатели, оторванные от России, — нет, бодрость духа во всём, до последней минуты, сохранил он»⁴¹, — вспоминал И. Мартыновский-Опишня.

Умер И. Д. Сургучёв 19 ноября 1956 г. в загородном парижском госпитале «Божон», похоронен на русском кладбище Сен-Женевьев де Буа под Парижем.

История эпистолярных отношений Горького и Сургучёва необычна: по утверждению Н. К. Клименко, «покидая Россию, Илья Дмитриевич зарыл эту переписку с другими ценными вещами где-то у себя в саду. И вдруг... она появляется в печати, кажется, в “Красном архиве”. Те, кому ведать надлежит, обратились к Горькому с “вопросом” (Илья Дмитриевич работал в антибольшевистской печати и в России, и затем за границей). Горький не только “отрёкся”, но и охарактеризовал своего собрата с такой стороны, с какой могло понравиться лишь кремлёвским владыкам»⁴² (это

ошибка: в журнале «Красный архив» ни переписка Горького с Сургучёвым, ни отдельные их письма напечатаны не были; свидетельств «отречения» также разыскать не удалось). Тем, что часть переписки, опубликованной в результате стечения столь драматических обстоятельств, очевидно, была утрачена или уничтожена, может объясняться отсутствие первых четырёх писем Горького: это «первое письмо, очень тёплое и ласковое», — ответ на п. 1; второе, содержащее, вероятно, согласие Горького на издание рассказов Сургучёва в «Знании» — ответ на п. 2 (на нём есть помета, сделанная рукой Пятницкого: «отв. 26 июня 1910, принято»); третье, в котором Горький, видимо, высказывал свои замечания по поводу повести «Губернатор» (над ней в это время работал Сургучёв), писал о «предполагающей петиции» и размышлял о «схеме» повести «Мельница» (реально существовавшие прототипы главных героев которой и суть их конфликта были описаны Сургучёвым в п. 5); и четвёртое, в котором Горький, предположительно, говорил об одном из персонажей «Мельницы» и с присущей ему скромностью отказывался от определения Сургучёва «Ваш» старик, — ответ на п. 6. О своём первом письме, написанном Сургучёву в конце июня 1910 г., Горький писал Амфитеатрову 24 февраля (8 марта) 1911 г.: «Кто такой Сургучёв — не ведаю, никогда его не видал... Моя переписка с ним ограничилась тремя письмами: он спросил, может ли издать рассказы в “Знании”? Я ответил: погодить бы, мала книжка-то, для рубля цены. Он стал иронизировать: литература-де, не ситец. Ну, — издавай! Больше ни слова пока»⁴³. Также отсутствуют по крайней мере ещё девять писем и одна телеграмма Горького, в которых содержится: упоминание о «новой стройке» в жизни России (п. 15); о ходе работы Сургучёва над повестью «Мельница» (п. 17); о весне на Капри и артистах Художественного театра (п. 18); о постановке пьесы «Торговый дом» (п. 20); согласие выслать «Жизнь Матвея Кожемякина» В. А. Тихонову (п. 30); вопрос о поездке в Афины и Константинополь (п. 31); о каком-то из рассказов Сургучёва, которого тот не написал, и с просьбой сообщить, «нет ли чего нового у литераторов, в литературе» (п. 39, 40); о рецензиях на второй том «Рассказов» Сургучёва, вышедших в «Знании» в 1913 г. (п. 43).

Судя уже по первым письмам Сургучёва и по тому, как он отзывался в них об ответных неразысканных письмах Горького, между корреспондентами достаточно быстро установились тёплые, доверительные отношения. Тем не менее, отношения эти не были равными и в конце концов постепенно охладились почти до открытой неприязни. Определённую роль в этой ситуации, возможно, сыграл — вольно или невольно — Амфитеатров. В тех письмах Горькому, где Амфитеатров впервые упоминал о Сургучёве, он отзывался о нём очень хорошо. «Сургучёв мне понравился весьма. Хороший акварелист и жизнерадостный человек. <...> Я хочу звать его в “Современник”», — писал Амфитеатров 7 ноября 1910 г.⁴⁴. «От Сургучёва

получил очень милое письмо. Вот этот со способностями», — читаем в письме Амфитеатрова от 4 декабря 1910 г.⁴⁵. Впоследствии планы Амфитеатрова относительно участия Сургучёва в «Современнике» изменились: 11 февраля 1911 г. Амфитеатров писал Горькому: «Навязывал мне Тихонов в редакцию Сургучёва секретарём. А теперь получились об этом Сургучёве сведения такие, что, если правда, то его ни к какой редакции подпускать нельзя: будто он, как Тихонов выражается, “двуручничают” — “Знанию” даёт рассказы, а в Ставрополе редактирует черносотенную газету и держит весьма грязного типа трактир, в коем мордобойствует во вкусе подьесаула Родионова. <...> Смугило меня это очень. <...> Не знаете ли чего об этом парне и нет ли кого нейтрального в Ставрополе, у кого возможно было бы справки собрать?»⁴⁶. Настораживает в этом письме всё: и не скрываемая Амфитеатровым недостоверность сведений, сообщаемых им; и ссылка на В. А. Тихонова, к которому Сургучёв был по-человечески очень привязан; и сообщение о «черносотенной газете» — такую характеристику (к тому же с чужих слов) могла получить ставропольская общественно-литературная газета «Наш край», издаваемая Обществом Северокавказских овцеводов и в 1911 г. (с № 8) действительно редактируемая Сургучёвым (издание прекратилось в том же 1911 г.). Ещё более странным кажется упоминание Амфитеатрова о «весьма грязного типа трактире» и «подьесауле Родионове» — И. А. Родионове, авторе книги «Наше преступление. Не бред, а быль. Из современной народной жизни», вышедшей в 1909 г. С именем Родионова — подьесаула, земского начальника — было связано жестокое избивание крестьян.

Но с этим, в свою очередь, очень сложно связать образ Сургучёва и, в частности, его глубокую религиозность. Однако попытка Амфитеатрова бросить тень на Сургучёва, по-видимому, была безуспешной: 4 (5) июля 1911 г. Горький написал Амфитеатрову о впечатлении, произведённом на него молодым писателем: «Сургучёв — парень симпатичный и серьёзный. Знает китайский язык, изучал философию и литературу китаев»⁴⁷. В переписке Горького с Сургучёвым нашёл отражение факт серьёзной ссоры между ними в начале лета 1912 г. на Капри; однако отношение Горького к Сургучёву оставалось вполне доброжелательным. 25 апреля 1912 г. Горький писал Амфитеатрову: «По скорости к Вам, пожалуй, свалится Илья Дмитриев Сургучёв из Ставрополя Кавказского и Парижска; прошу — примите ласково! Славный парень, обещает быть хорошим писателем»⁴⁸. В конце мая — начале июня 1912 г. в письме Амфитеатрову Горький, не соглашаясь с оценкой адресатом повести Сургучёва «Губернатор», писал о ней как о «вещи <...> недурной» и также давал молодому писателю снисходительно-шутливую характеристику, подчёркивая, впрочем, в ней его «природную», глубинную «русскость»: «Он — порядочный увалень, и хотя изучал китайский язык, но это сошло с него, как пудра со щеки дамы»⁴⁹.

Несмотря на размолвку, контакты между писателями продолжались: об этом говорит неосуществившееся намерение Сургучёва посетить Горького на Капри зимой 1912—1913 гг. «Приехал Бунин, скоро приедет ещё Гребенщиков и, вероятно, Сургучёв»⁵⁰, — писал Горький Амфитеатрову между 16 и 22 декабря 1912 г. (в 1913 г. Сургучёв был на Капри с 10 (23) мая по 14 (27) июня). Доброе отношение Горького к Сургучёву в итоге повлияло даже на Амфитеатрова, изначально относившегося к начинающему автору скептически и очень осторожно: в письме Горькому от 26 сентября 1913 г.⁵¹ он сообщал о предполагаемом участии Сургучёва в литературно-художественных сборниках «Энергия», три номера которого вышли в Петербурге в 1913—1914 гг. Планировалось также сотрудничество Сургучёва в новом ежемесячном журнале, который был задуман Н. К. Муравьёвым летом 1912 г. Горький видел это издание как «орган всероссийский, имеющий целью объединение всей разноплемённой демократии нашей на почве социализма»⁵². В письме Муравьёву от 27 августа (9 сентября) 1912 г. он давал программу нового журнала и рекомендовал, в числе возможных сотрудников, Сургучёва как беллетриста. Однако и творческие, «рабочие» связи, и человеческие, личные отношения писателей, которые казались вполне восстановленными, были уже во многом осложнены. Достаточно резкое письмо Сургучёва по поводу неуместной, на его взгляд, редакторской правки рассказа «Следы вчерашнего», напечатанного в январском номере журнала «Современник» за 1913 г. (см. п. 37 и примеч.), оказалось причиной того, что ответное письмо Горького (п. 41) стало, видимо, одним из последних. Определённую роль в этой ситуации сыграла отрицательная оценка Горьким письма Сургучёва, опубликованного в № 1 журнала «Кругозор» за 1913 г. В нём Сургучёв, обращаясь к редактору «Кругозора» В. А. Тихонову, писал: «...хочется, чтобы Ваш новый журнал положил начало хорошему, по моему мнению, делу <...> нужно, чтобы наши молодые, талантливые, начинающие писатели ездили за границу. <...> смотри чужую жизнь; смотри, как разукрашена земля, вспомни свою родину, почувствуй её на чужбине, и тогда ты в душе своей ясно увидишь то, что они воспринимали тайно от тебя, тайно от твоей мысли, тайно от твоего сердца. Ты тогда из сравнения правильной и ясней услышишь ритм своей жизни, жизни своего народа; в своих песнях ты услышишь нелепые, раньше не замеченные тобой скорби и радости, на своём небе ты увидишь новые краски и в своих звёздах — новое серебро. Ты увидишь в чужой земле то, чего не увидит рядовой обыватель, помни, то твои глаза раскрыты рукою самого Бога. Одним словом, моя мысль такова: если пансионеру Академии нужно ехать за границу; если человеку, оставленному при университете, нужно ехать за границу, — то и русскому начинающему писателю тоже нужно ехать за границу. Не думаю, чтобы писательство было бы делом менее важным, чем художество и наука.

Но... русский писатель, а особенно начинающий — беден: он зимой часто без калош ходит. Где же тут думать о загранице? В странах культурных в таких случаях приходит на помощь государство, — и Кнут Гамсун, например, мог съездить в Россию только потому, что получил казённую помощь <...> Если государство откажет нам, — дело общества подумать об этом; и пусть Ваш журнал, долженствующий, судя по заглавию, кругом зорко смотреть, поднимает свой голос. Не думаю, чтобы он остался вопиющим в пустыне. Ведь все же мы любим нашу литературу и жалуемся, что оскудевает родник её»⁵³. Сургучёв заботился не о себе: он происходил из достаточно состоятельной семьи, был обеспеченным человеком и первые заграничные путешествия летом 1911 и 1912 гг. предпринял на собственные средства. Тихонов поддержал инициативу Сургучёва. В небольшой заметке «К письму г. Сургучёва», напечатанной в журнале ниже, он писал: «Нет никакого сомнения, что путешествия — за границу ли, по России ли, расширяют кругозор каждого осмысленно путешествующего человека — и тем более талантливого писателя, который с особой напряжённостью и энергией отзывается на новые впечатления и усваивает их. И, конечно, не для одних только “путевых очерков” поедут за границу молодые таланты, но преимущественно для поднятия своей культурности и для обогащения своего духа, и для большего ознакомления с жизнью, которую они обязаны изучать и воплощать в своих произведениях»⁵⁴.

Идея Сургучёва, действительно, была вполне разумной; Горький (к этому времени оторванный от России уже на протяжении семи лет) прекрасно понимал это. Однако инициатива Сургучёва не встретила поддержки Горького. Более того, даже слишком «простой», по его выражению, тон сургучёвского письма вызвал у него явное, нескрываемое раздражение (об этом Горький писал Сургучёву в п. 41, а также В. А. Тихонову 12 (25) февраля 1913 г.). Возможно, что причиной этого стало недовольство, накопившееся за три года их тесных и небесконфликтных отношений. Горький видел, что достаточно ранний и быстрый успех Сургучёва — прозаика и драматурга — вскружил ему голову. Именно этим объясняется совет Горького молодому писателю вести себя «поскромнее, потише» и бережнее относиться к своему таланту, не разменивая его на мелочи.

31 мая 1928 г. Сургучёв, уже будучи в эмиграции, прислал из Парижа ещё одно — и последнее — письмо (№ 45), написанное с несвойственной Сургучёву краткостью, в очень сдержанном, почти суровом тоне. Оно обращено к Горькому как к одной из самых авторитетных фигур. В письме выражено критическое отношение писателя к Союзу пролетарских драматургов. Сургучёв писал о неэтичном поведении руководства этой организации в финансовых вопросах, касающихся драматургов-эмигрантов (чьи пьесы шли в советской России, а гонорары перечислялись Союзу), и просил Горького повлиять на сложившуюся ситуацию. «Пишу это не потому,

что сам хочу пользоваться своими деньгами (их даже не дали моей матери, умиравшей в России), — продолжал Сургучёв, — но потому, что такой образ действий жесточайше отталкивает нас от современных российских литературных нравов»⁵⁵. Отношение советской власти к матери Сургучёва, с которой его связывали очень тёплые чувства любви и благодарности (после смерти молодой жены писателя Ольги Григорьевны она воспитывала двух его малолетних дочерей), стало, видимо, последней каплей, переполнившей чашу отторжения писателем нового режима.

Очень важными в переписке Горького с Сургучёвым были актуальные для того времени общественно-политические вопросы: проблема интеллигенции и революционного движения, анализ умонастроений современного русского общества во всех его социальных слоях, выборы в IV Государственную думу. Немалое место в письмах занимало также обсуждение различных аспектов общественной деятельности Сургучёва в Ставрополе, вплоть до перспективы выдвижения его кандидатуры в IV Государственную думу, вследствие чего Сургучёв оказался перед выбором между деятельностью писателя и драматурга и политической карьерой. Не последнюю роль в самоопределении Сургучёва сыграла, видимо, и позиция Горького, в одном из писем убеждавшего его «оставаться литератором: у нас на Руси это самый ответственный и трудный пост»⁵⁶. Мнение Горького помогло Сургучёву прислушаться к себе и понять, «что все эти разговоры о политике, о Г<осударственной> д<уме> <...> просто мешают»⁵⁷, и не изменить своему призванию художника в те «дни, когда так много можно и должно рассказать миру»⁵⁸. Размышления о сущности художника в самом широком смысле этого слова, о необходимости сохранения и развития в человеке творческого начала, о значении писателя в современной России представляют собой один из важнейших тематических блоков переписки.

В письмах 1910—1913 гг. другим корреспондентам Горький достаточно часто упоминал о Сургучёве, особенно на протяжении 1910 г., когда в «Знании» вышел первый том его рассказов. Однако стоит обратить внимание на одно из поздних упоминаний о Сургучёве в горьковской переписке — на письмо П. Х. Максимова от 13 января 1928 г. «Илья Сургучёв, кажется, в Праге, возится с театром»⁵⁹, — писал Горький. Очевидно, он следил за судьбой писателя-эмигранта (в частности, знал о его театральной деятельности в Праге), но потом перестал интересоваться им: уже с 1924 г. Сургучёв жил в Париже. «Я его мало знаю и, может быть, поэтому недолюбиваю»⁶⁰, — продолжал Горький, прямо говоря адресату о своём отношении к Сургучёву и в то же время явно лукавя: достаточно длительное личное общение и обширная (во всяком случае со стороны Сургучёва) переписка едва ли давали Горькому основание говорить так. Тем не менее, творчество Сургучёва Горький высоко ценил до конца жизни. Об этом говорит такой, например, эпизод: в марте 1935 г. Горький получил «Анти-

кварный каталог» № 61, изданный «Международной книгой» (М., 1935). Среди указанных в каталоге книг он отметил, в частности, первый том рассказов Сургучёва, изданный в Москве в 1916 г.⁶¹.

Сургучёв до конца жизни сохранял двойственное отношение к Горькому. В 1955 г., незадолго до смерти писателя, в журнале «Возрождение» были опубликованы две его статьи, посвящённые — полностью или частично — воспоминаниям и размышлениям об Алексее Максимовиче. В статье «Горький и дьявол» (№ 46) Сургучёв писал: «Я знаю, что много людей будут смеяться над моей наивностью, но я всё-таки теперь скажу, что путь Горького был страшен: как Христа в пустыне, дьявол возвёл его на высокую гору и показал ему все царства земные и сказал:

— Поклонись, и я всё дам тебе.

И Горький поклонился.

И ему, среднему, в общем, писателю, был дан успех, которого не знали при жизни своей ни Пушкин, ни Гоголь, ни Лев Толстой, ни Достоевский. У него было всё: и слава, и деньги, и женская лукавая любовь.

И всё это было <...> только наваждение.

И этим путём наваждения он твёрдой поступью шёл к чаше с цикутой, которую приготовил ему опытный аптекарь Ягода...»⁶².

Строки же, посвящённые Горькому в статье «Из театральные воспоминаний» (№ 40), звучат совершенно в иной тональности: «О Горьком в нашей эмиграции существуют самые разнообразные мнения, большею частью — осудительные. Лично я — на стороне положительной. Конечно, этот человек ошибся, и крупно ошибся, но пусть в него бросают камень люди, никогда в своей жизни не ошибавшиеся. Я считаю его одним из самых лучших людей, которых я знаю: он был добр, снисходителен к людям, необыкновенно умён, легко прощал и забывал обиды, безумно любил русскую литературу, поощрял молодых начинающих писателей, раздавал деньги, когда они у него были, направо и налево, и часто сам сидел без гроша. Его обожал весь этот чудесный итальянский остров, он перекумился со всем населением, и странно: в спорах с кюре — всегда отстаивал православие. И ловко отстаивал, с пониманием предмета и догматических тонкостей. Недаром большевики его отравили: в конце концов он оказался им не ко двору»⁶³. Каким полемичным ни представлялся бы заключительный тезис в контексте современных исследований⁶⁴, но неприятие советской власти и сохранившаяся симпатия к Горькому в итоге объединились в восприятии Сургучёва. Достаточно взыскательная и строгая оценка человеческого и творческого пути Горького, данная Сургучёвым в статье «Горький и дьявол», тем не менее, не заслоняет того, каким мягким и человеческим он остался по отношению к Горькому — и именно эти личные и писательские качества Сургучёва в самом начале их заочного знакомства были отмечены Горьким.

Сохранившаяся переписка Горького с Сургучёвым включает 45 писем: 5 писем Горького и 40 писем Сургучёва. Она охватывает период с 9 (22) апреля 1910 г. по 11 (24) декабря 1913 г., то есть более трёх с половиной лет. К 1910 г. относятся 3 письма Сургучёва; к 1911 — 2 письма Горького и 5 писем Сургучёва; к 1912 — 2 письма Горького и 26 писем Сургучёва; к 1913 — 1 письмо Горького и 5 писем Сургучёва; к 1928 г. — 1 письмо Сургучёва. Три письма Горького (11, 13, 41) впервые были опубликованы в кн.: *Горький. Материалы*. Т. I. С. 308—309, 309—311, 314—315. Письмо Горького (16) впервые было опубликовано в Г-30. Т. 29. С. 234; письмо 9 — в Т. 9. Горький. *Письма*. В кн.: *Горький. Материалы*. Т. I были частично напечатаны (в примечаниях) отрывки или отдельные предложения из писем Сургучёва (4—8, 10, 12, 14, 15, 17, 18, 26, 33). 18 писем Сургучёва полностью в наст. изд. печатаются впервые. Источники названы в примечаниях.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ *Веритинов Н.* Человек глубоких прозрений (К годовщине смерти И. Д. Сургучёва) // *Возрождение*. 1957. № 72. С. 139.

² *Клименко Н. К.* Памяти И. Д. Сургучёва // *Возрождение*. 1962. № 132. С. 113.

³ *Клименко Н. К.* Памяти И. Д. Сургучёва (К пятилетию со дня его смерти) // *Возрождение*. 1961. № 119. С. 82.

⁴ *Веритинов Н.* Человек глубоких прозрений (К годовщине смерти И. Д. Сургучёва). С. 140—141.

⁵ *Клименко Н. К.* Памяти И. Д. Сургучёва // *Возрождение*. 1957. № 61. С. 137.

⁶ *Клименко Н. К.* Памяти И. Д. Сургучёва (К пятилетию со дня его смерти). С. 82.

⁷ *Мейер Г.* На грани сна и бдения. О российских грёзах и о «Ротонде» Сургучёва // *Возрождение*. 1957. № 62. С. 109.

⁸ *Клименко Н. К.* Памяти И. Д. Сургучёва // *Возрождение*. 1959. № 96. С. 95.

⁹ АГ. ПГ-рл-21-4-4.

¹⁰ АГ. ПГ-рл-1-25-80.

¹¹ АГ. ПГ-рл-30-19-430.

¹² АГ. ПГ-рл-17-13-1.

¹³ АГ. ПГ-рл-26-1-11.

¹⁴ АГ. ПГ-рл-4-5-7.

¹⁵ АГ. ПГ-рл-45-11-15.

¹⁶ *Сургучёв И. Д.* Из театральных воспоминаний // *Возрождение*. 1955. № 40. С. 65.

¹⁷ *Сургучёв И. Д.* Горький и дьявол // *Возрождение*. 1955. № 46. С. 21.

¹⁸ *Сургучёв И. Д.* Из театральных воспоминаний. С. 65—66.

¹⁹ АГ. ПГ-рл-26-1-39.

²⁰ АГ. ПГ-рл-21-4-9.

²¹ *Яконовский Е.* De profundis // *Возрождение*. 1956. № 60. С. 99.

²² *Клименко Н. К.* Памяти И. Д. Сургучёва // *Возрождение*. 1959. № 96. С. 98.

²³ *Сургучёв И. Д.* Краткая заметка о себе // *Возрождение*. 1957. № 70. С. 31.

²⁴ *Сургучёв И. Д.* Губернатор: Повесть. Ставрополь: Книжное издательство, 1983. С. 10.

²⁵ Золотая книга эмиграции. Первая треть XX века. Энциклопедический биографический словарь. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 1997. С. 617.

²⁶ *Клименко Н. К.* Памяти И. Д. Сургучёва // *Возрождение*. 1959. № 96. С. 98.

²⁷ Там же. С. 95—96.

²⁸ *Сургучёв И. Д.* Большевики в Ставрополе. Ростов-на-Дону: типография товарищества «Обновление», 1919. С. 3.

²⁹ Там же.

³⁰ Там же. С. 31.

³¹ Там же. С. 9.

³² *Мартьяновский-Опишня И.* Илья Сургучёв — человек и писатель // *Возрождение*. 1956. № 60. С. 102.

³³ *Клименко Н. К.* Памяти И. Д. Сургучёва (К пятилетию со дня его смерти). С. 84.

³⁴ *Сургучёв И. Д.* Краткая заметка о себе. С. 31.

³⁵ *Айхенвальд Ю.* Рец.: «Эмигрантские рассказы» // *Руль*. 1927. 18 мая; *Адамович Г.* Рец.: «Эмигрантские рассказы» // *Звено*. 1927. 22 мая; *Зайцев К. Б.* Рец.: «Эмигрантские рассказы» // *Возрождение*. 1927. 5 мая.

³⁶ *Веритинов Н.* Человек глубоких прозрений (К годовщине смерти И. Д. Сургучёва). С. 141.

³⁷ *Клименко Н. К.* Памяти И. Д. Сургучёва // *Возрождение*. 1957. № 61. С. 137.

³⁸ *Берберова Н.* Курсив мой. Автобиография. М.: Согласие, 1996. С. 696.

³⁹ *Клименко Н. К.* Памяти И. Д. Сургучёва (К пятилетию со дня его смерти). С. 84.

⁴⁰ *Мейер Г.* На грани сна и бдения. О российских грёзах и о «Ротонде» Сургучёва. С. 119.

⁴¹ *Мартьяновский-Опишня И.* Илья Сургучёв — человек и писатель. С. 102.

⁴² *Клименко Н. К.* Памяти И. Д. Сургучёва // *Возрождение*. 1957. № 61. С. 138.

⁴³ АГ. ПГ-рл-1-25-105.

⁴⁴ АГ. КГ-п-2-1-58.

⁴⁵ АГ. КГ-п-2-1-62.

⁴⁶ АГ. КГ-п-2-1-74.

⁴⁷ АГ. ПГ-рл-1-25-146.

⁴⁸ АГ. ПГ-рл-1-25-155.

⁴⁹ АГ. ПГ-рл-1-25-156.

⁵⁰ АГ. ПГ-рл-1-25-178.

⁵¹ АГ. КГ-п-3-1-154.

⁵² АГ. ПГ-рл-26-18-2.

⁵³ *Кругозор*. 1913. № 1. С. 245—246.

⁵⁴ Там же. С. 246—247.

⁵⁵ АГ. КГ-п-74-6-34.

⁵⁶ АГ. ПГ-рл-42-7-3.

⁵⁷ АГ. КГ-п-74-6-10.

⁵⁸ АГ. ПГ-рл-42-7-3.

⁵⁹ АГ. ПГ-рл-25-4-7.

⁶⁰ Там же.

⁶¹ *ЛЖТ*. 4. С. 470.

⁶² *Сургучёв И. Д.* Горький и дьявол. С. 24—25.

⁶³ Сургучёв И. Д. Из театральных воспоминаний. С. 66.

⁶⁴ См. кн.: *Вокруг смерти Горького*.

1. И. Д. СУРГУЧЁВ — ГОРЬКОМУ

9 (22) апреля 1910, Ставрополь

Милостивый Государь
Алексей Максимович,

«Знание» сообщило мне, что мои рассказы, которые я предложил этому книгоиздательству для издания, направлены к Вам. Я бы, разумеется, не стал лезть в такое издательство, как «Знание», но о некоторых рассказах (о «Соседке» наприм.) были очень лестные отзывы Айхенвальда¹, Булковича², — решил дерзнуть.

Я знаю, что Вы, Алексей Максимович, человек отзывчивый, к молодёжи снисходительный, — прочтите рассказы и, если будет охота, напишите мне о результатах сюда, в Ставрополь.

Адрес такой:

Ставрополь-Кавказский,
Илье Дмитриевичу
Сургучёву.

И. Сургучёв

1910 г.,
9 апреля.

2. И. Д. СУРГУЧЁВ — ГОРЬКОМУ

Середина июня (начало июля) 1910, Ставрополь

Уважаемый Алексей Максимович, совершенно напрасно извиняясь, Вы говорите, что издаваться мне ещё рановато.

Издаваться я вздумал вот почему. Через «Вестник Европы», через редакцию¹, мне присылали довольно много писем на эту тему.

Я нарочито начал печататься в этом журнале, сравнительно малораспространённом, полагая, что если есть что во мне заметить, то заметят везде. Заметили. Написал фельетон в «Слове» Айхенвальд, — очень лестный². Отозвалась провинция, и настолько

значительно, что одного моего критика (Булковича в «Приднепр<овском> Крае») губернатор посадил на месяц в тюрьму. Я не посылал Вам этих отзывов потому, что считал их не особенно нужными.

В Петербурге, на Невском, открылась библиотека новых книг. Пришёл я этой зимой записываться, и библиотекарь, узнав фамилию, говорит: «Пора бы издаться. Вас спрашивают. Я бы, говорит, 5 книг сразу купил».

Пошёл я по Невскому и стал думать думу о том, что и в самом деле, может быть, надо издаться.

Потом, по моему мнению, к 30 годам каждый человек должен издать свою первую книгу, а если она, первая книга, не выдержит трех изданий, то лучше этому человеку заняться торговлей мылом или адвокатурой, т. е. вообще чем-нибудь более подходящим.

Та книга, которую я Вам послал, для меня составляет нечто целое, определённо начатое и определённо законченное. Я послал Вам этюдик: «В поезде» (отдельно), только что напечатанный, — этот этюдик можно включить в книгу. То, что у меня пишется теперь, — это уже другая опера. Увеличить объём этой книги я уже органически не могу.

Если «Знание» привыкло давать за рубль 17 листов, то дайте мои 14—15 листов за 80 копеек. Если это несёт материальные недочёты, я отказываюсь от всякого вознаграждения или, если этого не захочет издательство, удовлетворюсь минимальным.

Относительно того, что рассказы «Счастье» и «Жизнь» нужно бы перечитать, — Вы, может быть, и правы. За них меня и ругали, и с одинаковой силой хвалили. Недавно одна актриса, умная и чуткая, сказала, что «Счастье» — лучший мой рассказ. Между прочим, она же сказала, что Петухин написан под влиянием Горького. Не знаю, насколько она права. Изменять в них что-нибудь было бы трудно и едва ли производительно потому, что я сейчас далеко уже ушёл от них.

Сейчас я вчерне закончил сравнительно большой рассказ «Губернатор». Название андреевское³, — но, конечно, ничего андреевского в нем нет. К зиме я его отделаю и потом пошлю Константину Петровичу⁴, — если сгодится, он тогда скажет⁵.

Вы мне написали: «Сообразите, как быть», — вот я и сообразил: издайте книжку за 80 копеек.

Потом, Вы простите, меня немножко рассмешило: если на рубль, то непременно 17 листов. Есть даже ситец иной по пятаку, а иной и по 8 копеек. Я не говорю, что мой ситец по 8 копеек, но всё-таки обидно: если хочешь рубль стяжать, вытяни на 17 листов.

Простите за это. Жду Вашего ответа с нетерпением.

И. Сургучёв

Ставрополь-Кавказский

P. S. Всё-таки письма в Италию скоро ходят: я думал, что это ужасно долго.

3. И. Д. СУРГУЧЁВ — ГОРЬКОМУ

Октябрь, до 24 (ноябрь, до 6) 1910, Ставрополь

Уважаемый Алексей Максимович,
нет ли чего-нибудь нового в моих судьбах?

Я знаю, что не особенно нужно было бы беспокоить Вас этим письмом, но Вы понимаете, что такое для человека первая книга и каково то нетерпение, когда ожидают решения её участи¹.

Если что-либо выяснилось ещё, — напишите, пожалуйста. За Ваше первое письмо, очень тёплое и ласковое, благодарю Вас искренно. Адрес мой: Ставрополь-Кавказский, Илье Сургучёву.

И. Сургучёв

4. И. Д. СУРГУЧЁВ — ГОРЬКОМУ

3 (16) октября 1911, Ставрополь

Дорогой

Алексей Максимович,

когда я был у Вас¹, то как-то зашла речь о статьях Арцыбашева² о Толстом³. Я вызвался достать их Вам и только вот теперь получил из Москвы и спешу Вам их переслать.

Газеты пишут о Вашем нездоровье, — искреннейше желаю Вам скорого выздоровления. Как увидите сами из последнего номера «Живого Слова», в обществе назревает мысль о петиции перед правительством⁴. Тихонов⁵ ждёт не дожждётся Вашей книги⁶. Адрес его всё тот же: Гатчина, Багговутская, 5. Владим<иру> Алексеев<ичу> Тих<онову>.

Читал III ч. «Матвея»⁷, и первое, что в ней бросилось в глаза, это то, что она сейчас ох как нужна обществу. Нужна.

Ещё раз желаю Вам поскорее выздороветь.

Поклон Марье Фёдоровне.

И. Сургучёв

Вчера у нас ставили «На дне»⁸. Посылаю Вам программу: нет ли знакомых⁹.

5. И. Д. СУРГУЧЁВ — ГОРЬКОМУ

Около 23 октября (около 5 ноября) 1911, Ставрополь

Дорогой Алексей Максимович,

жил в Ставрополе купец Баринов. Была у него красная лавка и три сына. Сыновья его учились в городском училище, когда кончили, — много читали, поделались людьми интеллигентными. Когда окончательно сделались «людьми», начали смеяться над отцом, — вот-де, мол, нужно не красным товаром торговать, а мельницу строить. Чтоб дело было широкое, не копейное.

Отец послушался, привёл в деньги лавку, вот, отдаю детям всё: стройте мельницу.

Построили мельницу — и так как, видимо, муки они молотить не умели, — прогорели и вылетели в трубу.

И ходит теперь старик по бульвару и нуждается в двугривенном.

Так сейчас и в России.

Делали люди революцию — и прогорели. Когда была красная лавка, то хоть мечтали о революции — мельнице. Теперь ни лавки, ни мельницы.

Я не знаю, никогда не видал ненависти большей, чем та, которая теперь существует меж братьев Бариновых. Каждый из них упрекает друг друга:

— Это ты всё надумал...

— Нет, ты...

И я никогда не думал, что неудачи революции породят такую ненависть между людьми, которые вот теперь населяют Россию.

Живу вот я в губ. городе. Были здесь до революции кружки, соборьяница, чтения... Мечтали люди:

— Вот придёт она!

Пришла, — и шиш масленый.

И теперь, вместо кружков, — ненависть друг к другу:

— Это вы дураки!

— Нет, вы дураки.

— Это вы...

— Нет, вы...

И теперь, как никогда, нужно особенно кричать о человечности, о примирении меж собой для дальнейшей работы.

И когда Вы написали, что в моём рассказе чувствуется эта человечность, — эти слова были большой для меня радостью и отрадой. Рассказ Вам показался растянутым, — может быть. Но знаете, бывает так: войдёшь в вагон, и кажется: бездна людей, некуда сесть. А поезд пошёл, — народ разместился, — места свободного много...

Эта растянутость — кажущаяся: будет написано ещё три тетради, — и всё станет на своё место. В рассказ должна влезть, кроме города, — губерния. Город я умышленно не показал с горы, я его покажу в другом месте. Возможно, что и есть, впрочем, растянутость, — мне-то это трудно, конечно, увидеть.

Скоро пошлю В<иктору> С<ергеевичу>¹ другую тетрадь.

Я нарочито взял фигуру администратора, ненавистного, за которым читатель почувствует ужасное, отвратительное прошлое, — и хочу показать — и в нём есть человек. Чувствую, что найдётся дурачье, которое охает меня за это, — но ведь есть же дурачье, которое пишет, что читать III ч. «Кожемякина» — скучно. А по-моему так: если бы Вы после таких куличек, какие Вы описали в II ч., дали бы 200 скучнейших страниц, — то по инерции после такой силищи эта скука 200 страниц показалась бы незаметной. Даже так.

А по-моему — III ч. — звон, который тревожит душу человеческую.

Десну, в которой растут зубы, можно убить кокаином. Есть и души, убитые кокаином. Конечно, тем «Кожемякин» — скучен.

Если бы я говорил о «Кожемякине» с человеком другим, я бы сказал больше, а Вам боюсь говорить. Помню, как Вы у Бродского играли с ребёнком, а губернаторская дочка хвалила «Городок Окуров», а Вы делали вид, что не слышите, а в душе — посылали её к чертям².

Если здоровье Ваше ничего, — то Вы немало бы посмеялись, если бы почитали, что пишут газеты. Вот врут, — как календари³. «Вызывали к Горькому Пятницкого», «Горький уезжает, по совету врачей, в Каир»⁴ etc.

Получил я от В. С. письмо, — пишет, что ушёл из «Совр<еменника>»⁵. Жаль.

Вышла II-я часть арцыбашевской «Последней черты»⁶, — вот чепуха! Реникса⁷! Нельзя же в самом деле бесконечно описывать пышные груди и совокупленья! Если Вы ещё этой книги не покупаете

ли, то не тратьте зря полтора рубля. Черкните мне открытку, — и я Вам вышлю её.

Тихонову старику Вы доставите огромное наслаждение, если пошлёте ему «Кожемякина». В каждом письме он пишет о Вас.

То, что Вы написали о предполагающейся петиции, — совершенно совпадает и с моими взглядами. Я и говорил, что Горький такую петицию покажет, что чертям тошно станет⁸. А всё-таки, надо бы Вам, хоть на месяц, в Расею приехать. Переменилась она лицом, — как будто оспа по нём прошла.

Поклон Марье Фёдоровне и Катерине...⁹ вот грех: опять отчетство забыл.

И. Сургучёв

6. И. Д. СУРГУЧЁВ — ГОРЬКОМУ

Около 17 (30) ноября 1911, Ставрополь

Дорогой Алексей Максимович, Ваша схема «Мельницы»¹ прямо ушибла меня. Братьев я представлял себе почти так же, как и Вы, — но старик, Ваш старик, ослепил меня. Утром я получил Ваше письмо, но до сих пор дрожу от волнения. Целый день бегал по саду — и прямо до жути боюсь представить себе ночь, холодную комнату, Евангелие, напечатанное в две колонки на блестящих листиках (свет полосой падает на них), почти догоревшую свечу, чёрную тень на стене — и этот разговор с Христом!

Мороз по коже бежит!

Это нужно сделать так, чтобы человек не слезьми ответил, а стоном, глубоким, отчаянным стоном, чтобы заскрежетали зубы, — от своей пакости, нечисти или даже, может быть, не от этого...

Работать не мог.

Получил от В. С. письмо, — требует скорее конца. Он, вероятно, послал Вам 2-ю тетрадь. Пишу теперь последнюю, 3-ю.

«Мельницу», если Вы позволите написать Вашего старика, я напишу, но не раньше, как через год. Пусть выварится. После «Губ<ернатора>» я думаю написать пьесу: «Торговый дом». Пришла ему пора.

Последней части «Кожемякина» я ещё не читал, не пришла она в Ставрополь ещё. Вы пишете, что это вещь, по-Вашему, неудачная, тяжёлая, загромождённая и что «многое, существенно необходимое для неё — осталось вне».

Относительно того, что многое, необходимое осталось вне, я, разумеется, спорить не могу: это Вам виднее. Может быть, поэтому она и кажется Вам неудачной.

Но что она «тяжела и загромождена» — я не согласен.

Самая форма, в которой написаны три части романа, — особенно третья — даёт уже что-то новое, в котором ещё трудно разобраться.

У меня лично было две оценки:

— Как это хорошо.

— Как это нужно.

Я готов был плюнуть в лицо Измайлову, когда он написал, что «К<ожемякин>» не находит читателей»².

«Ясинский³ роди Измайлова...»

Если бы этот пономарь российской «критики» пожил бы вот в Ставрополе, в такой глухой провинции, — он бы увидел, как здесь люди читали «К<ожемякина>». Сам неудавшийся беллетрист, он, как глист, источает слюну и, вероятно, делает «улыбчистое» лицо и не знает, что его уже давно презирают. Есть в российской драматической литературе роль, которая могла бы обессмертить его. Это в «Мещанах». Помните, в 3 акте, когда отравилась Таня, — пришла в дом группа любопытных, и один из них докладывает:

— А она у вас булочку украла⁴.

Если бы писатели поставили этот спектакль, я бы уговорил Санина, чтобы эти слова он поручил Измайлову⁵.

Ну откуда он узнал, что «Кожмякин» не находит читателя? Проехал ли он по России? Побывал ли среди читающей молодёжи, которая не одними «Бирж. Вед.» питается?

Так ляпнул, «источил».

Толстовские вещи ещё не пришли в Ставрополь⁶. Что-то долго. Жду с нетерпением. Судя по отзывам, Толстой кое-где тряхнул кудрями. Бывают такие старики. Суровые, хмурые, на козе к нему не подъедешь — а начнёт сына любимого женить, — и пройдёт по зале с платочком. И так это в нём неожиданно, так тепло, так нежно. Променяет молнии на улыбку.

Хотел поехать в Питер, но, право, после истории в ходотовской квартире⁷ таким холодом повеяло оттуда, что лучше просидеть здесь до весны, а то и дольше.

Наступает интересное время. Выборы в Гос. Думу. Оживится публика. Тихонов, после ходотовской истории, разразился письмом. И плюётся старик, и ругается, — бегаёт, должно быть, у себя в Гатчине по комнате, — в тёплых неслышных туфлях...

Вы написали, что приезжает к Вам Каррер⁸ — вот посмотрел бы его. Мне очень бы хотелось посидеть с иностранным писателем — никогда их не видал. Видал в Альбано — корреспондента «Тribun'ы» — сидели мы с ним в кофейной, пили вино и ели мороженое. Пьём, едим, посматриваем друг на друга и помалкиваем — а приятно!

Вот бы теперь Вам хорошо поехать в Венецию. Хотя если холодно и нельзя кататься по воде, — не ездите.

Весной, в марте, хочу махнуть в Париж.

Рассмешил меня последним письмом В. С. Он всё хочет, чтобы я женился.

Он до сих пор не знает, что я уже был женат и вот 5-й год вдовою. И теперь, когда я напишу ему об этом, — вот будет удивлён. Или нет. Я ему ничего не буду писать, а когда Вы увидите с ним, скажите. Мне давно хочется посмотреть, как удивляется Мироллюбов. У него всё такое большое. И рост, и голос, и смех. Как жаль, что не пришлось увидеть его летом!

Что пишете, Алексей Максимович? Правда, пишут газеты, пьесу из неаполитанской жизни⁹?

От души желаю Вам здоровья, а остальное всё у Вас есть.

Письмо в «Живом» Слове» отлично прозвучало¹⁰!

Поклон Марье Фёдоровне.

И. Сургучёв

7. И. Д. СУРГУЧЁВ — ГОРЬКОМУ

Декабрь, до 20, 1911 (январь, до 2, 1912), Ставрополь

Потому, дорогой Алексей Максимович, я назвал старичка Вашим и называю его так же и теперь¹, — что Вы дали положение в рассказе и осветили его огромным, ясным светом, — и при том совершенно просто, без рефлекторов. Он сразу вселился в меня и живёт — и пусть живёт год, два хотя бы потому, что чувствовать его в себе — большая мне радость и наслаждение — и не хочется его так скоро отдать на столы Измайловых, Философовых² и прочих. Хочется иметь в душе этого старика. А когда он будет напечатан — будет уже не то. Прощай, старик, тогда. Я думаю, что тот, кто смотрит теперь «Джиоконду», испытывает двойное счастье потому, что смотрит на неё один, запершись, перед окном, которое выходит в стену³. Ходить, напр., ночью по тёмной комнате и шептать самому себе слова старика — ей-богу, хорошие минуты!

Читал IV часть «М. Кожемякина»⁴. Должен признаться, что третья часть влегла в меня сильнее, чем эта. Третья часть — расцвет книги, — именно книги, потому что «Кожемякина», по-моему, никак иначе нельзя назвать. «Роман, повесть, рассказ», — всё это к нему не идёт. Это — *книга* о людях и о жизни. Βιβλίον по-гречески. В здешних кружках произвёл сильное впечатление — Тиунов и, особенно, его слова о том, что «народ подкис»⁵. Это шлёпнуло по головам. Слово сказано. Сформулировано то, о чём ползли какие-то нелепые мысли, что смутно чувствовалось и проч. Теперь встаёт вопрос:

— Что же делать?

Ведь если подкис, — то и прокиснуть не мудрено!.. Призадумались.

В IV части чудесно написан Никон и Марья. Не доказаны, по-моему, психологически, — отношения Матвея к Марье и в особенности убийство Марфы. Не вижу *глаз* в этих сценах.

Почему «Матвей» кажется Вам уродцем, — в толк не возьму. Просто это Вы наслушались со стороны и поверили. Когда явится на Руси настоящий большой критик, — а явится же он когда-нибудь? — он хорошо расскажет об этой книге. Что собираетесь писать теперь? Газеты сообщали, что не роман из неаполитанской жизни Вы пишете, а пьесу⁶, — ну да, конечно, это всё равно.

Сейчас готовлюсь к новому делу. 20 декабря выступаю в суде как защитник⁷.

Дело такое.

Праздновал ставропольский губернатор свой 25-летний юбилей. Так как положение его служебное — очень прочно, то Вы, конечно, можете себе представить, что делалось с чиновниками: каких речей они наговорили, какие адреса написали, какие тосты за обедами провозглашали.

Но всё это — в порядке вещей. Беда в том, что юбилей этот соблазнил своим блеском местных «прогрессистов» — издателей местной «прогрессивной» газеты⁸, — и они тоже «проздравили и пожелали», — но губернатор, не будь дурак, взял да и не пригласил их на обед. «Прогрессисты», конечно, из партии ка-де.

Взял я да и натравил одного мальчика на них, и он так отщёлкал их за это деяние в другой газете, что ка-де чесали, чесали голову, думали, думали, — да и в суд подали и по 1040 ст<атье> его привлекли не за клевету, а за «злословие»... Так и написали: «*За злословие!*»

Сами адвокаты, — выписали на меня из Ростова адвоката Карякина, чтобы так или иначе упечь моего клиента.

И решил я: чёрт с ними, пусть хоть и меня упекут, — а скажу я им слово на суде! Накипело во мне это, — и пора давно подчеркнуть этот сволочной дух русской, со значками, интеллигенции, тот дух, о котором так хорошо написал Чехов.

Готовлюсь теперь, — первый раз в жизни на суде защитником! Злость кипит, сам как на огне, — хорошо, как в холодной воде на заре купаешься.

Была у нас здесь актриса Карелина-Раич⁹. Она прежде служила у Корша¹⁰ — и её, вероятно, знает Марья Фёдоровна. Играла она репертуар коршевский — и между прочим ставила пьесу Р. Бракко «Конец любви»¹¹, вещь пустейшую и написанную, мне кажется, для русских купчих, которые во время действия едят яблоки.

Вы, кажется, знакомы с Бракко¹², — по крайней мере, где-то я видел портрет Ваш и его, — сняты вместе, на Капри¹³.

Если поддерживаете с ним сношения, напишите ему, что вот-де в России, на Кавказе, в городе, про который он никогда не слышал, ставили его пьесу. Итальянцу приятно будет — а когда итальянец зазнается, — то это вещь весёлая.

Сказку¹⁴ матери прочту, как только приедет она: сейчас её нет. Старуха-то неграмотная, — но художник большой в душе, и я люблю с ней разговаривать, напр., о колдунах и о мощах.

У Миролюбова есть одно качество, которое прощает в нём всё: это его великая, святая любовь к литературе. Этой любовью можно оправдать не только одну его, но и три таких, как его, жизни. Хотя человек он — не тонкий и часто говорит ерунду. С ним разговаривать за чаем — хорошо. Притом он — любопытен, как баба.

Поклоны всем. У нас в экскурсии был человек, черниговский чиновник, который знал Коцюбинского¹⁵. Хорошо.

Прелестны стихи Черемнова: «Будь благословенна»¹⁶.

Ваш *И. Сургучёв*

8. И. Д. СУРГУЧЁВ — ГОРЬКОМУ

1 (14) января, 1912, Ставрополь

Хоть и умерли, но на щите.

«Мы» смело можем сказать:

— Всё погибло, кроме чести.

«Они» подло не скажут, — а только подумают:

— Ничего не погибло, кроме чести.

Есть упоение в бою¹, ей-Богу. Человек, отличавшийся защитой многих добрых политических процессов, вчера соблазнился 300 рублями и защищал кадетов, ходивших поздравлять губернатора и (о милый губернатор!) *демонстративно* им на обед не приглашённых... Это великолепно же! Ну, подумайте, Алексей Максимович.

Я говорил им:

— В 905 году вы кричали об учредительном собрании, вы подписывали смертный приговор русской администрации, а в 1911 вы на задних лапках, с папками адресов в руках, поползли в губернаторские приёмные. Ваших поздравлений не могли не принять, но от своего хлеба-соли вас отшвырнули, — и, ей-Богу, это красивый и похвальный жест!

«Злословие». Есть такая статья: 1040. Защита не имеет права пользоваться не только свидетелями, но даже письменными документами. Защита связывается по ногам и рукам. И в таком положении не постеснялся за 300 р. выступить обвинителем один типичнейший ростовский суко-интеллигентский сын², гремевший год тому назад в политических процессах. Се — человек³, типичнейший русский беспринципный интеллигент.

Российская земля — огромная люлька. Спит в ней огромное дитя — Иванушка-дурачок. И ползают в его матрасе клопы — вот эти самые господа, которые, как Фигаро, и si, и la⁴.

Мальца моего заперли на 3 м. в тюрьму. Но в палате, безусловно, я его отобью, а в Сенате, может, и совсем оправдаю. В таких случаях чем дальше, тем лучше. Ибо — и судейский народ — двоюродный брат этой клоповни. Собака собаке хвост понюхает, вот те и родня, — вот и пристрастие.

Странно, что истая, сушая «интеллигентность» никогда не бывает в наших дипломированных людях, в жизни которых, чёрт их возьми совсем, была же всё-таки молодость. Уже вот на моих глазах мои товарищи по университету, хорошие ребята, эс-эры, эс-деки, — как цветы на морозе вянут, вянут, тают и бледнеют их хорошие, но, должно быть, малокровные души и превращаются они в глупых, скопидомных обывателей. Или потому, что они в молодости объедаются этим эс-дечеством или эс-эрством? Или эта пища — не по русскому желудку? И я вот, никогда в сущности не бывавший никаким правоверным и благоговейным, — выгляжу, не похвально скажу, куда бодрее, чем все эти «мои милые», когда-то даже с сожалением относившиеся ко мне. Истая, сушая интеллигентность, как ручей под снегом, пробивается в таких незаметных слоях, как фельдшера, сельские учительницы, как все вот те люди, с которыми

летом я ездил за границей. Чертовски хорошие ребята были! Любо вспомнить. Ни крика, ни поз, ни упрёков, ни «бла-ародства»...

А народ наш не прокис, а отравлен медленным ядом. Совершенно верно, по-моему, писал Кондурушкин, что земля российская напоминает ему тот липкий лист, на который летом ловят мух и на котором написано: «Смерть мухам»⁵. Это, по-моему, совершенно верно. Если что ещё есть хорошее в России — это женщины. На женщин не действует тот яд, который смертелен для наших организмов. Русская женщина — это то, за что ещё земля держит нас.

Приехала мать, и читал я ей Вашу сказку⁶. Она ничего не сказала — и только гордо и молчаливо улыбнулась — и улыбку такую я видел у ней за 31 год первый раз. Хорошая, должен сказать, сказка, а стихи в конце просятся в музыку — и у меня уже вышел первый куплет.

Был у нас здесь Глаголин⁷, рассказывал много о старике Суворине⁸: он был у него секретарём. Всё, что я думал о нём, почти подтвердилось — и какая, знаете, это чудесная фигура для трагедии совести человеческой! Какие же, напр., в дни юбилея своего⁹ сны видел! Бог даст, свидимся — расскажу. Интересная штука, но вещь эту писать нужно, когда стукнет 40 лет, не раньше. Человек этот, понимаете ли, 25 лет тому назад был похоронен. Проснулся в гробу и 25 лет не может умереть в нём и лежит — и темь, и сырость, и холод.

Нужно Вам сказать, что мне жестоко досталось от Тихонова за то, что я послал Вам письмо¹⁰. Может быть, это действительно нехорошо, но я рассуждал так: если бы Тихонов говорил всё это мне, а Вы сидели бы и слушали, — что ж тут особенного? В письме том никаких «интимов» не было, и скорее оно не письмо, а статья. Есть там хорошие слова о Вас, — это и волнует старика:

— А вдруг, — пишет он, — Горький подумает, что я хочу к нему подлизаться?

Послал я его потому, что там была написана правда о болезни Куприна, который собирался ехать к Вам, на Капри, и чёрт его знает чего по пьяному делу мог бы наделать¹¹. Вот и всё.

Решил умиловить старика и принести ему, как идолу, жертву: пошлю ему сантуринского вина, он его любит, как медведь — мёд.

С Новым годом поздравлю и Вас, и Марью Фёдоровну, с русским Новым годом. Скоро Рождество, а у нас тепло и небо синее, и ходим мы в пальто без ваты.

И. Сургучёв

9. ГОРЬКИЙ — И. Д. СУРГУЧЁВУ

20 декабря 1911 (2 января 1912), Капри

Дорогой мой Илья Дмитриевич, —
сейчас прочитал конец «Губернатора» и отправил рукопись обратно Миролюбову.

Мне кажется — Вы написали весьма значительную вещь и несомненно, что Вы большой поэт, дай Вам Боже сил, здоровья и желаний. Ещё раз скажу — человечно написано, матерински мягко, вдумчиво, и мне жаль, что я читал эту повесть с антрактами по две недели.

Пометки карандашом на рукописи сделаны не мною, а В. С., я только в одном месте позволил себе заменить «доски» — брусьями, ибо тяжесть в 513 пуд доски не выдержат, даже и половые: прогнутся, дадут концы вверх, колокол встанет криво¹. Потом: у Вас как подняли колокол — так и ударили в него — верно ли? Надо его повесить на клеть — это дело трудное и тяжкое, скоро его не сделать, иной раз сутки трои возьмётся с этим². Засим: заголовок «Губернатор» — притягивает моё внимание читателя к этой фигуре, а история полицеймейстера, Азы и многое ещё кажется не связанным с центральной-то фигурой, — как Вы полагаете?

Мир. написал в конце: «конец не сделан» — он, пожалуй, прав в этом: не хватает чего-то, какого-то последнего удара. Благовестия примирение, внимание к человеку, Вам бы не надо бы обрывать так — у звонарей последний удар всегда даётся с большей силой, прислушайтесь-ка! Остаётся мало заметным то, что понял, почувствовал в конце пути человек, именуемый губернатором. Эти натуры, не торопясь воинствующие на протяжении $\frac{9}{10}$ жизни — воинствуют механически, выполняя «волю пославшего»³, но остальную десятую жизни воюют сами с собою — в прошлом, — очень напряжённо, очень безжалостно.

Я, конечно, не о «покаянии» говорю и не о «сознании ошибок жизни» — нет, только о тоне, о звуке. Умирает некто, полицейский и авантюрист, существо жестокое, умное, красивое, но — при всём этом мне лично бывшее весьма противным, умирает и говорит:

«Превосходный я был человек, А. М., а жизнь прошёл криво и сукиным сыном, да-с! И — вы поверить не можете, как *обидно за себя и за всё*, — *за всех* — что никто в своё время не догадался, что я именно превосходный человек, и сам я не догадался об этом. Вот гляжу на эти деревья и на луга, и на реку, и на Вас и всё думаю — эх, вы, милостивые государи и прекрасные травы, река, и небо —

прозевали вы человека хорошего, позволив ему зря жить, впустую. И, в зеркало глядя, тоже соображаю: что, Сушков, дурак?

— Да ведь если б я Вам, Михаил Митрич, сказал, что Вы неправильно, ниже сил живёте — я, или кто другой — ведь Вы бы не поверили, конечно?

— И даже к чорту бы, извините, послал. Человек самолюбив, так ему внушено и дано. Но — тут ошибка, ибо, любя свою харю, — неизвестно, что любит человек; любить же надобно, как я теперь понимаю, свои поступки, вот что-с! Выстроил, например, превосходный дом — все удивились, — а ты его подожги. Не ради получения страховки, а так — для красного словца.

Умирал он от рака в желудке и ещё от чего-то — запах изо рта у него шёл подлейший, дышит в нос мне этим запахом и бормочет:

— Бог, А. М., есть тоже не более как эдакое красное словцо, а отнюдь не деспот, как внушают. И пойми-ка я это в свои сильные часы, я бы его и ещё разукрасил. А так — Бог, Бог — получается беззвучное слово и пугало. Шёпот-с, робкое дыханье⁴, так себе, что-то не внушающее почтения, — вроде нашего губернатора Унтербергерга⁵: существо большое, а глупое и ненужное. И всё время хочется с ним спорить: ты — так? Ну, тогда я — эдак! Ты — эдак? А я — так!

Милый Илья Дмитрич, я тут не сказал ни слова отсебятины, это всё подлинные и живые речи умиравшего, и это очень *русские, очень типичные для нас слова*. Имейте в виду, что злой наш гений Фёдор Достоевский, «рыцарь горестной фигуры»⁶, отнюдь не «вскочил на носу литературы», как неожиданный «некий прыщ»⁷, — он есть лицо вполне оправданное русской жизнью, нашей историей и — я скажу — не очень оригинальное лицо. Но имейте также в виду, что сей мрачный Фёдор нигде не возможен, кроме как в России — у других славян есть литературы не хуже нашей — напр. у поляков — а «карамазовское» ими не вскрыто в человечьей душе.

Зачем я всё это пишу? Право — уж совсем не в целях учительных, — Вы меня не обижайте такими подозрениями. Пишу даже и не по поводу «Губернатора», а, вероятно, потому лишь, что взволновал меня Ваш «Губернатор», с головы до пят взволновал.

Милый человек — очень трудно быть русским человеком, очень это мучительная позиция на земле, и, мне кажется, я чувствую, как ноет Ваша душа — трудно! И хочется сказать Вам тоже по душе — ничего! Трудно, а и — почётно, интересно же! Особенно — теперь, когда мы, «мудрецы и поэты»⁸ — столь одиноки, заторканы, а в жизни пробуждена тёмная сила ненависти, мести, жес-

токости грязной и всякого зверства, и вот — на нас, честных людях, лежит обязанность претворить это тёмное, разрушающее — в светлое, созидающее. Никогда ещё русский честный человек не стоял пред задачами столь огромными.

А посему и для сего — будьте здоровы, будьте бодры!

Вы не из тех, что уносят «зажжённые светы в катакомбы, пустыни, пещеры»⁹ — Вам надобно много силищи — чего всей душой и желаю Вам. Жму руку.

А. Пешков

10. И. Д. СУРГУЧЁВ — ГОРЬКОМУ

2 (15) января 1912, Ставрополь

Дорогой Алексей Максимович, Ваше последнее письмо глубоко меня обрадовало, — мало того, я почувствовал всю глубину Вашего замечания: «у звонарей последний удар делается с большей силой». Совершенно верно.

Я уже отправил В. С. конец.

Относительно того, что, подняв колокол, не начинают сейчас же звонить в него, должен сказать, что бывает и так: подняв его, действительно скрепляют его там дня три, но для эффекта налаживают его так, на живую нитку, что после молебна ударяют несколько раз, и выходит это чертовски эффектно. Мороз по коже подрать может, коли настроение есть — мороз этот самый в себя впустить.

Относительно заголовка — шут его знает: думал целую неделю — и ничего придумать не мог. Не посоветуете ли Вы чего-нибудь?

Душевная ситуация того «некоего полицейского, авантюриста» совсем не похожа на моего губернатора, хотя, конечно, я ни на одну минуту не думаю, что Вы хотели сказать: похожа. Ваш говорит: «Превосходный я был человек, А. М.»

Мой — ни на минуту не думает, что он был не только хорошим, но даже порядочным человеком...

Мой ни на одну минуту не чувствует в себе «раскаяния».

Мой чувствует только глубокую жалость к себе: не жил в жизни, делал чёрт его знает что, глупости и гадости.

И знает теперь, когда поверил в смерть, как жить.

Дело в том, по-моему, ужас наш весь в том, что мы не верим в смерть. Мы знаем, что вот такой-то умер. Никто из нас, не будучи сумасшедшим, не скажет: я не умру. Но это чепуха, лицемерие.

В самом глубоком углу души живёт мысль: не умру. Может быть, в этом-то и заключается та лёгкость, с которой мир верил, верит и будет ещё много веков верить в бессмертие. А по-моему, никакая холера, никакая чума, татарщина, монголовщина, тамерлановщина не принесла столько зла человеку, сколько эта вера в бессмертие, переданная мне отцом моим. На Руси же вместе с остальной коллекцией наших бед эта вера была всегда особенно сильной — и отсюда наше разрыхление.

Смотрите, как азиатские страны, — буддисты — которые верят только в небытие, в нирвану, легко скидывают с себя всё, что им не нужно, — при первом прикосновении к ним культуры.

Я великолепно знаю китайскую и монгольскую литературы — и знаю, что Китай не «дремал», как о нём говорили люди его не знающие, а не «хотел», — и был в этом своём «нехотении» глубоко прав и мудр.

Был один народ, который я любил и уважал, это китайцы с своей поразительной философией. Теперь — конец всему, — дай Бог, чтобы я ошибся¹. Если бы Вы могли прочесть в подлиннике «Чимэк тонилхуйн» — буддийский катехизис! В нём много ерунды, — но учение о нирване — богодухновенно.

Если человек поверит в смерть — он Бог, но это для нас, христиан, тысячелетие впитывавших эту веру в себя — уже невозможно.

Убедите вы сегодня Россию в том, что бессмертия нет, — завтра у нас будет республика.

Я знаю, что мои слова Вам кажутся чепухой и Вы улыбаетесь, но я не смущён.

И вот эта-то тема о споре смерти и бессмертия, — одна из трагических и мучительнейших для меня тем.

И потому лично для меня кажется весьма несущественным говорить: «3-я Дума плоха, а 2-я хороша».

Дума — это для меня та чёрточка, которая проводится одним волоском кисти художника.

Я думаю: если я тебе докажу, что ты умрёшь, — так ты 3-ю Думу одним дыханием сотрёшь с лица земли.

Иногда это мне кажется сумасшествием, но я с этим живу — и впервые об этом, робко, чтобы сразу не засмеяли, заговорил в «Губернаторе»... И слава Богу, что такие трезвые люди, как Миролубов, как Вы — не засмеялись.

Земля вместе с капустой растит и чудеснейшие, волшебные цветы, и таит в недрах своих бриллианты.

И художник должен писать не только о капусте, но и о цветах, и о бриллиантах.

Страшно важно быть хотя и изруганным, но правильно истолкованным и понятым.

Написал я рассказ «Жизнь» — и в критике хотя бы один чёрт понял его, — понял его по-настоящему, — смешно сказать, один только какой-то Басаргин из... «Московских Ведомостей»².

Но раз нашёлся хоть один человек, который понял, то я смею думать, что сказал свою мысль так, как и нужно её сказать. Но говорить с обществом, которое целует ноги Вербицкой³, и тяжело и обидно, и хочется плюнуть.

Жму Вашу руку.

Будьте здоровы.

Ваш И. Сургучёв

Если это письмо покажется Вам смешным, порвите его и забудьте, пожалуйста.

11. ГОРЬКИЙ — И. Д. СУРГУЧЁВУ

28 декабря 1911 (10 января 1912), Капри

Милый Илья Дмитриевич — боюсь я Ваших подвигов.

Чего боюсь? А того, чтобы Ваша история с действительным губернатором не отразилась на губернаторе Вашей повести, чтобы нищая и уродливая *правда нашего момента жизни* не нарушила высокой правды искусства, жизнь которого длительнее нашей личной жизни, правда — важнее жалкой правды нашего сегодня.

С унынием читал Ваше письмо и удручён тоном его. Было бы лучше, если бы Вы отнеслись ко всей этой истории и к своему в ней участию немножко юмористически, не теряя — отнюдь не теряя! — жара, но всё-таки со смешком в душе.

Каждый из нас, пишущих, Янус¹, Вы это знаете, Илья Сургучёв, тот, который ходит в гости по знакомым ставропольцам и который часто, быть может, чувствует себя скучным и неуклюжим человеком среди весёлых или озабоченных решениями глубоких проблем пошляков, — это ведь не тот Илья, который, сидя у себя дома, ночью, один, слушает вой степного ветра и чувствует одинокое движение земли в пространстве. Берегите Сургучёва второго, которому столь трудно жить и без людей и с ними. Кадеты — зло нехорошее, вонючее, чисто русское зло, золотушные люди, убийственно бездарные, с плохой кровью в жилах! Но — ведь это накожная бо-

лезнь от худосочия нашего и от грязи, в которой мы живём, мы же — вылечимся от этого, будьте покойны.

Вы меня простите, что я так пристал к Вам с этими рацеями. А Вашей маме — поклон почтительный за её улыбку².

Вам же — всего доброго.

10-го янв.

912.

12. И. Д. СУРГУЧЁВ — ГОРЬКОМУ

Около 17 (около 30) января 1912, Ставрополь

Ваше последнее письмецо, дорогой Алексей Максимович, сделало то, что в голове моей «зашевелились мысли».

Совершенно верно, что к этой «истории» с кадетами нужно бы отнестись юмористически, но, ей-богу, когда держишь в руках подлинный, живой, бьющийся кусочек жизни, тогда всякая юмористика выскользает из сознания.

На кадетов, чёрт с ними, наплевать, тем более, что им стыдно, их прорвало, ибо один из защитников их Евсеев¹, 66-летний старец, подходил ко мне недавно и говорил, что ему стыдно было на суде и т. д. Вся эта история сама собой уладится — и всё будет кончено.

Ну а ещё дело вот в чём — и я прошу у Вас совета и того, чтобы всё это было в секрете.

Ко мне на днях приходили представители левых групп нашего города и предлагали выступить с кандидатурой в Гос<ударственную> Думу².

Есть основания полагать, что можно пройти, ибо наш город и губерния всегда сажали своих представителей на левые скамьи. Онипко³ ведь наш.

Что Вы мне скажете на это?

Лично я, должен сказать, чувствую в душе своей тревогу, которая характеризуется 2 словами: и хочется, и колется.

Идти ли направо: законы заводить?

Идти ль налево: сказки говорить?

Положение — пушкинского кота.

Ответа Вашего жду с нетерпением глубоким.

И. Сургучёв

Вчера, понимаете, был на ёлке, на которую привели 300 душ детей. Удивительная штука! И девчонок больше, чем мальчишек.

13. ГОРЬКИЙ — И. Д. СУРГУЧЁВУ

13 (26) января 1912, Капри

Вы поставили предо мною весьма трудную задачу, Илья Дмитриевич, я — смущён. Очень сомневаюсь в моём праве советовать Вам тот или иной выбор пути, ибо для меня здесь дело идёт именно о выборе, вернее, об изменении пути. Положим — Вы даёте мне это право, но — всё-таки.

Я знаю Вас литератором, человеком несомненного и, мне кажется, крупного дарования, — это мне дорого, близко, понятно; я хочу видеть Вас растущим и цветущим в этой области; каждое Ваше литературное начинание возбуждает у меня тот же острый органический интерес, какой, вероятно, чувствует девица к своей беременной подруге. Не смейтесь сравнению: истинный литератор пред каждой новой темой — девственник.

Я не знаю Вашего темперамента, но — он мне не кажется активным и гибким в той степени, в какой это необходимо для политического деятеля, мне думается, что преобладающим Вашим свойством является созерцание, а не деяние. Я не знаю также объёма Ваших политико-экономических сведений и не могу поэтому судить о степени подготовленности Вашей к политической работе. Главное же, чего я не знаю, — нравится ли Вам политика, любите ли Вы борьбу.

Говоря безотносительно, я скажу более определённо: литератор, если он себя чувствует таковым, — должен оставаться литератором: у нас на Руси это самый ответственный и трудный пост.

Не знаю, удовлетворит ли Вас этот ответ, меня он *не* удовлетворяет, я привык говорить более решительно, но в данном случае что-то мешает мне сказать прямо: не уходите в политику, оставайтесь литератором. Что мешает? Не могу определить.

Засим — отвечаю на предшествовавшее письмо.

Как назвать повесть. «Губерния» — широко, «Губернский город» — тоже, кажется, не идёт, а «Губернатор» — слишком фиксирует внимание на одном лице и может повредить рассказу. «Перед концом» — шаблонно. Не знаю.

Я отнюдь не сравнивал Вашего героя с моим полицейским: мой — «богоборец», он, будучи обвинён в «неосторожном обращении с оружием, последствием чего была смерть» одного человека, судим и приговорён к церковному покаянию; сидя в монастыре, из жалости к самому себе, обвинил во всех пакостях своих Бога, который якобы всегда мешал ему жить. Он подобен Вашему только

вот этой жалостью к себе — в высшей степени свойственной всем россиянам на закате их дней. А с Вашей мыслью «ужас в том, что мы не верим в смерть», — в корне не согласен и даже возмущён ею. Как!

Нет, мы не верим в возможность хорошей жизни на земле и отсюда — «самосожжения», секта «Красной смерти»¹, Терновская трагедия², бегство от жизни в леса и пустыни — у мужика, нигилизм, анархизм и периодические эпидемии самоубийств у интеллигентов.

Имейте в виду, что разница между интеллигенцией и народом, так сказать, формальная, внешняя, а не по существу психики, — мужик выдумал нигилизм и анархизм раньше Писарева³ и Бакунина⁴, возьмите — бегунов.

Мы — пассивисты, вот в чём дело, у нас пониженное ощущение жизни и отсюда — социальная анестезия, осуждающая нас — как нацию — на великие муки и, может быть, гибель, — как личностей — на одиночество, на жизнь вразброд.

Буддийский катехизис — читал⁵, читал «Сутту-Нипату»⁶, «Буддийские сутты» в переводах Герасимова⁷, читал Арнольда⁸ и «Душу одного народа» — Фильдинга⁹, что ли, не помню автора. Читал также архиепископа Хрисанфа¹⁰, и всё это купно с Шопенгауэром¹¹, который значительно красивее и проще, — не нравится мне. Очевидно — необходимо быть индусом и жить в жарком, влажном климате, где тело должно ощущать таяние, — тогда, может быть, эта жёлтая скука будет понятна.

Бегите от Востока — пора. Кстати — он исчезает, погружаясь в арийскую культуру, с её активной верою в будущее, чем она и ценна и дорога мне.

Бессмертие? Не надо. Не хочу.

Повторяю — «благословен закон бренности, обновляющий дни жизни»¹². Аллилуйя.

Басаргин — умная голова. Он меня весьма не любит, но — я думаю, это в нём сословное и предрассудок. А вообще он — значительно умнее всех газетных критиков, типа Измайлова, и старую литературу знает прекрасно, не им чета! И — любит её, за это ему простятся многие его грехи!

Дорогой мой — останьтесь литератором! Что может быть лучше этого?..

Особенно — в наши дни, когда так много можно и должно рассказать миру.

Будьте здоровы.

Крепко жму руку.

26 января 1912 г.

Капри.

14. И. Д. СУРГУЧЁВ — ГОРЬКОМУ

2 или 3 (15 или 16) февраля 1912, Ставрополь

Дорогой Алексей Максимович, говоря высоким штилем, это время было «временем сомнений». Но, слава Творцу, всё окончилось благополучно: я почувствовал, — как-то это вышло само собой, — что все эти разговоры о политике, о Г. Думе мне просто мешают; когда слышен стук в двери людей, моих будущих «кормчих» — то на душу спускается какое-то досадливое чувство. И по всему этому — выпили мы попросту водочки, закусили белыми грибами, улыбнулись и разошлись. И теперь я опять заложил шляпу набекрень и думаю о пьесе, которая в черновике, в эскизных набросках, почти сделана — время работать¹. Благо наступил Великий пост — тишина, после весенней погоды выпала зима, — такая, что катаемся на санях и бережём носы.

На душе — хорошее, радостное настроение, будто вылез из болезни. Да и на самом деле перед масленицей был болен — так, какая-то ерунда, от которой теперь остался насморк.

«Губернатору» моему так, видно, и оставаться «Губернатором». Не идут к нему новые прозвища. За письмо Ваше последнее — большое спасибо. Оно сделало мне экзамен «от разума». Это хорошо.

Писать пьесе — в высшей степени, оказывается, любопытное дело, — куда легче, чем беллетристику. В этом сезоне я почти каждый вечер ходил в театр — и порою — руками разводил. В провинции так было поставлено, что нужно ставить всё, что играет столица, — поэтому пьес перевидал тьму — и диву подчас давался: какую галиматью пишут люди. Но публика! Но зрительный зал! Ах — беда да и только. Караул кричать хочется. Выйдешь в антракте курить — говоришь с обывателем — и ведь этикие олухи! Между писателем и тем, кто его читает, расстояние — в миллионы вёрст. Трагедия, и большая!

В. С. писал мне о новом журнале, который будет издаваться в Москве, — но кто он, что он, — почти ни звука². Это хорошо, что нарождаются именно ежемесячники. Это те плуги, которыми нужно поднимать новь, русскую, корявую, толстокожую.

Ах, не дают мне спать китайцы!

Новая история начинается в жизни мира — глазом не оглянешь всех перспектив, которые открываются ХХ веком.

Никак не могу достать нового андреевского романа³, у нас книжные магазины не выписывают «Шиповника», а прочитать хочется: говорят, слабо.

Видел в «Искрах» копии с Вашего портрета и портрета Марьи Фёдоровны — мало похоже, очень, — особенно Ваш⁴.

Что пишете? Скоро ли выйдет в России «Матвей»⁵? Третью часть этой книги очень люблю и перечитывал несколько раз. Важная штука.

Поклон Марье Фёдоровне.

Крепко жму руку.

И. Сургучёв

P. S. Не знаете ли Вы, когда пойдёт «Губернатор»?

15. И. Д. СУРГУЧЁВ — ГОРЬКОМУ

Около 5 (около 18) марта 1912, Ставрополь

Дорогой Алексей Максимович, через недельку, если жив буду, думаю двинуться отсюда, сначала в Новочеркасск, — там в Палате будет рассматриваться апелляциянная жалоба¹ — а потом — на Запад. Думаю сначала поехать в Париж, — надо посмотреть, что это за чудо-юдо, о котором я слышу так давно, с трёхлетнего возраста. Из Парижа покружусь, вероятно, по Швейцарии, а там осяду в Италию. 8 месяцев промелькнули в Ставрополе незаметно — как летит жизнь! Сейчас у нас хорошая опера Южина²: 34 человека оркестр, хорошие солисты, Шевелев³, между прочим. Для провинции — штука первый сорт. Ставят хорошие новые вещи: «Тоску» и «Чио-чио-сан», «Таис», «Измену»⁴, Чайковского: «Онегина» и «Пиковую даму». Купаюсь в музыке. Вы как-то писали мне, что собираетесь засесть за либретто для оперы⁵, — интересно, для кого? А это, кажется, выйдет у Вас хорошо, судя по стихам Кермани (в «Матери» — сказка)⁶.

Отличное впечатление произвела статья в «Русском Слове». Так и надо: торжников из храма — вон, плетью⁷. Теперь на Вас зарычат: разворошили клубки змей... Но не беда: Бог не выдаст... И впредь советовал бы не забывать аудитории «Русского Слова»: и большая, и чистая⁸.

Губернатор мой с ума не сходит и, если это так кажется, то, значит, последняя глава сделана плохо: признаться, это мне и самому так сдавалось⁹. В корректуре постругаем.

Альманаха писателей¹⁰ не читал, как не читал ещё «Сашки» Андреева¹¹. Нет их в городе, а интересно.

Касательно Руси — согласен: перебарщивают <<нрзб>>. У нас всё вот так: или в ручку, или в шею. То кричат: «Ах, народ! Ах, ми-

лый народ», ну а увидали, что народ «подкис», и начали «тюкать» да уж без пощады. Истерика, а не психика. Что верно — начинается в нашей жизни — новая стройка. Старую строили, строили, а она и рухнула, как венецианская кампанилла¹². Задавила народу много, задавила, покалечила, да так, что думать можно было: ну теперь сады зелёные всему! Нет! Присмотришься, прислушаешься: жива душа! Жива. Скоро ли выздоровеет, — Бог весть, но жива. Всё-таки в «Ныне отпускаеши» веры нет¹³.

Целую руку Марье Фёдоровне и благодарю за ласковую приписку на письме.

Ваш *И. Сургучёв*

16. ГОРЬКИЙ — И. Д. СУРГУЧЁВУ

Около 20 марта (около 2 апреля) 1912, Париж

Дорогой Илья Дмитриевич!

Вы сообщаете о намерении Вашем посетить город Парижск, а я вот сижу в нём и — наслаждаюсь: снег идёт рязанский, густой и тяжёлый, деревья — в цвету, трубят автомобили, нет-нет — пролетит дирижабль или ещё какая-то чудасия в этом роде и всюду, и везде — россияне.

К летающим машинам здесь стали уже относиться почти без интереса: вскинут головы на секунду вверх, посмотрят и — к делу! — добывать франки.

Французы — очень скучная нация, но — бойкие, вроде ярославцев.

Музеи, музеи — вот что изумительно!

А впрочем — Вы сами увидите всё это. Я же — в большом удовольствии, что скоро увижу Вас.

Будьте здоровы, будьте веселы!

А. Пешков

17. И. Д. СУРГУЧЁВ — ГОРЬКОМУ

Начало (середина) апреля 1912, Ставрополь

Дорогой Алексей Максимович, непременно постараюсь пробраться на Капри весной к тому времени, о котором Вы мне писа-

ли. С артистами Художеств. театра я познакомился давно, ещё в годы студенчества, когда театр привозил в Питер «Ю. Цезаря»¹. Тогда я был там статистом, играл сенаторов и руководил бунтом во время речи Антония² (с ростры)³. Воспоминания об этом театре особенно ярко проснулись, когда я был в Риме, на Форуме, у подножия настоящей «ростры»⁴.

2-ю неделю поста в Ставрополе можно назвать литературной. Приезжал Г. С. Петров⁵ и прочитал 3 публичных лекции на темы: «Литература и жизнь», «Идейная пустота совр. литературы». Говорит он отлично, народу собирались тысячи, яблоку негде было упасть, чувствуется, как публика, только что униженная и оскорблённая, начинает поднимать голову и искать выхода из положения. На многие годы пойдёт новая работа, искание новых путей борьбы: когда всё это созреет — страшно подумать.

Во время 3 лекции предполагалось всей аудиторией отправить Вам телеграмму, но побоялись сделать это потому, что тогда Петрову, наверное бы, воспретили чтение лекций. Пришлось сделать это под сурдинку, маленькой группой⁶.

Между прочим Петров вспоминал, как Вы собирались написать рассказ о Кувалде, когда он за городом на прогулке ушиб больно палец о камень и сказал речь, обращённую к этому камню⁷. Вот бы теперь Вам заняться этим рассказом. Если напишете автобиографию, — то это будет, вероятно, — книга в отличном значении этого слова. Завидую Вашей энергии, Вашей любви к острым, твёрдым перьям. Эх, проехаться бы Вам теперь по России! Стон пошёл бы... Это я думал, когда слушал Петрова. Чёрт его знает — смотришь на этот вот городишко и думаешь: спит, окаянный, спит, собачий сын... А он спит и кур бачит, как лиса. Один глаз прищурит, а другим — поглядывает — и этак себе на уме...

Начинается уже в России весна, тает снег, капает с крыш, по вечерам — изморозь. Хорошо! Думаешь вот так, думаешь, — проклятая страна, чёрт бы её взял, ругаешься, а всё равно: уйти в англичане, французы не ушёл бы ни за какие деньги.

Глубокий поклон Марье Фёдоровне.

Крепко жму Вам руку.

И. Сургучёв

Р. С. Тихонов послал Вам свой роман, вышедший отд. изданием, и беспокоится, получили ли Вы её⁸?

Читали путешествие «Сатириконцев»⁹?

18. И. Д. СУРГУЧЁВ — ГОРЬКОМУ

Конец апреля (начало мая) 1912, Париж

Дорогой Алексей Максимович, сейчас только получил из Питера от Котляревского¹ письмо. Он читал мою пьесу, и постановка её на казённой сцене обеспечена. Но дело в том, что до февраля репертуар составлен и утверждён, так что пойти она может только в конце сезона или в начале 1913—14 года².

Не знаю, как и быть. Но дело в том, что теперь прочесть её художникам я решился бы³. Вот если бы она была принята в Худож. театре, тогда ждать можно было бы сколько угодно, но на это я, разумеется, не рассчитываю, потому что там, кроме пьесы, должно быть ещё и авторское «имя», каким я не располагаю⁴.

Что Вы мне посоветуете? Возможно, что Котляревский перешлёт пьесу прямо на Ваше имя (я ему писал об этом), — тогда Вы, пожалуйста, прочтите её⁵. В Париже скучно и пыльно и, если бы не корректуры «Губернатора», я бы охотно удрал отсюда, но Семён Павлович⁶ и так ругает меня, аккуратнo через 3 дня, за дальность расстояния.

Мой адрес такой: rue Racine, 2. Hotel des étrangers.

Крепко жму Вашу руку. Если бы Вы меня не познакомили здесь с русскими, то я уже был бы, как собака на луну.

И. Сургучёв

Скульптор — талантливый парень⁷. Я был у него в мастерской, — там есть отлично задуманная композиция Бетховена.

19. И. Д. СУРГУЧЁВ — ГОРЬКОМУ

Конец апреля (начало мая) 1912, Париж

Дорогой Алексей Максимович, отправляю Вам сегодня пьесу, — на суд и расправу. Милости-вы не будьте¹.

Пьеса на казённую сцену официально ещё не принята. Читал её только Котляревский, которому я послал её как человеку очень близко стоящему к рампе, — и он написал, что пьеса на казённой сцене идти может. Ни через Комитет, который соберётся ещё толь-

ко в сентябре, ни даже через цензуру я её не проводил — и как это делается — не знаю. Так что говорить о конкуренции нельзя.

В Александринке всё время — до февраля уже расписано и утверждено, так что ждать мне пришлось бы до весны, т. е. до конца сезона, а то и совсем до осени. Поэтому очень охотно я отдал бы её не только в Худож. театр, на который я, признаться, рассчитываю очень мало, но, например, к Незлобину², — лишь бы она пошла в эту осень.

Парижск надоел, — и сегодня иду заказывать билеты на Северогерманский Ллойд. Когда пьесу прочтёте, черкните³. Я ещё думаю поработать над ней.

Крепко жму Вашу руку.

И. Сургучёв

Р. S. Пьесу сюда не присылайте.

20. И. Д. СУРГУЧЁВ — ГОРЬКОМУ

9 (22) мая 1912, Неаполь

Многоуважаемый Алексей Максимович,
сейчас я в Италии, буду на Капри. Очень хотел бы увидеть Вас, — займу у Вас не более часа. Если Вы ничего против этого не имеете, сообщите по адресу: Napoli,
Vamero Vicchio, via
Luco Giordano, № 1
al signor Voronez (Воронец) для
передачи Илье Сургучёву.

21. И. Д. СУРГУЧЁВ — ГОРЬКОМУ

Июнь, до 4 (17), 1912, Капри

Многоуважаемый
Алексей Максимович,
вчера Вы назвали меня невеждой и купцом. Я ничего не ответил Вам на это тогда, но сегодня я уже позволяю сказать Вам: «Вы — неправы».

Почему «невежда»? И что такое «невежда»? По точному смыслу слова невежда — это тот, кто «не ведаёт» чего-то.

Я, всё-таки, смею сказать, что если, может быть, и немного, то кое-что, всё-таки, «ведаю». Если я многого не знаю из того, что Вы знаете, то уверяю Вас, что и Вы кое-чего не знаете из того, что я знаю. Поэтому «да не хвалится премудрый премудростью своею»¹. Величайший из мудрецов Сократ² говорил, что он знает только то, что ничего не знает. Многого, всё-таки, и Вы, вероятно, не ведаете. Посему как же можно другого человека называть «невеждой»?

Совершенно не понимаю: почему я «купец»? На женщин я не кричу. Психология Рябушинского, который говорит: «Я плачу — я могу быть невеждой»³, — мне противна. Ваша психология, когда Вы кричали, что «в своём доме я могу выражаться как хочу», — мне непонятна, ибо культурный человек должен выражаться везде одинаково: и в своём доме, и на улице, и в кафе. Я на Вас не кричал, я Вас не обижал и не хотел обидеть, — почему же я «купец»?

Вы сказали:

— Горе России в том, что в ней есть люди, думающие, как Вы. А я говорю Вам:

— Горе России в том, что даже лучшие из её сынов относятся к человеку так, как Вы, ибо: до тех пор покамест мы 1) не создадим ласкового отношения к человеку; до тех пор покамест мы не станем уважать всякое мнение; до тех пор покамест мы, желая опровергнуть чужую мысль, не станем спокойно спорить с ней, а будем по-прежнему кричать и требовать: «Мысли тако, а не инако», — до тех пор будет существовать черносотенство и т. п. явления. Помните, что старообрядчество только потому существовало и существует, что господствующая церковь никогда не хотела по-человечески разговаривать с ним, а всегда кричала и требовала:

— Мысли тако.

Почему у нас вышел спор?

Потому, что я вчера всё время говорил о значении знания для художника. Вы всё время говорили о значении знания вообще. Ясно, что понять друг друга мы не могли.

Я сказал, конечно, глупость: «Не нужно мне учиться», но сказал это в раздражении, в ответ Елене Константиновне⁴, которая «советовала» мне учиться: непрошенных советов людей, мало мне известных, я не слушаю, они меня раздражают и вызывают меня не только на глупости, но и на дерзости.

И вообще я, быть может, говорил много ерунды, но вещи смешные говорили и Вы (лошадь в роде Толстого — отсюда «Холстомер»)⁵.

Посему не сердитесь.

Ваш И. Сургучёв

22. И. Д. СУРГУЧЁВ — ГОРЬКОМУ

Середина (конец) августа 1912, Ставрополь

Дорогой
Алексей Максимович,

посылаю Вам книгу: «Сказания древней Японии»¹, — некоторые вещи в ней прелестны, благоуханны.

Если, паче чаяния, эта книга есть уже у Вас², подарите её Кате. Назвал бы её по отчеству, да не знаю, как.

В Афины и Константинополь нам тогда не удалось поехать, так как запугали карантинном — и мы опять направились через Будапешт на границу³.

Теперь сижу в Ставрополе. Здесь пока ничего. Есть недурной симфонический оркестр в 50 человек, есть (вчера только начала), кажется, приличная драматическая труппа.

Прислал письмо В. А. Тихонов, зовёт к себе в Гунгербург, соблазняет кавказской простоквашей и раковым супом. Не знаю, может, поеду.

Иногда, знаете, Капри мне снится. В особенности вода и тот миноносец, что пускал тогда фейерверк.

Приехал ли Виктор Сергеевич? Я ему послал письмо и рассказ: «Сон»⁴.

Жив ли тот воробей, которому я ловил мух? Которого спасала Марья Фёдоровна?

А сатириконцы-то тогда проспали пароход...

Поклон Марье Фёдоровне и Кате.

Вам желаю здоровья, бодрости.

Ваш И. Сургучёв

23. И. Д. СУРГУЧЁВ — ГОРЬКОМУ

Начало (середина) сентября 1912, Ставрополь

Дорогой Алексей Максимович,

не знаю: худо это или хорошо, но ввёл я в «Мельницу» бабу, — этакого красивого дьявола, который, обыкновенно, перепутывает человеческую жизнь, хорошие человеческие отношения, и берёт чем? Единственно своей плотской привлекательностью. Рассказ эскизно окончил и теперь, уже спокойно, работаю.

Прочёл я 3-ью книжку «Заветов». Ах, хорош Ванюха Вольный¹, ах, хорош, ересиарх этакий! Пусть умрёт: лучше не напишет². Такие вещи только в конце жизни писать надо, потому что, что бы он теперь ни написал, этой чашки ему уже не миновать.

Как он живёт? Ладно ли склеивает его семейная жизнь? Жаль, 2-ой книжки не читал, но эта хороша! Давай ему Господь Бог всего доброго.

Прибегал ко мне тут Лещинский³, посылал он Вам рассказ, на котором Вы написали: «Малограмотно»⁴. Рассказ этот я прочёл до конца, и казалось мне, что парень он — не без дарования, хотя, конечно, не особенно грамотен. Вы, видимо, не дочитали рассказ до конца, — а там есть места хорошие. Он — рабочий, портной, выдержал на аттестат зрелости, бросил портняжество и живёт теперь уроками: решил посвятить себя писательству. И пишет, пишет! Дописался до того, что пишет левой рукой: правая уже не может, заболела аграфией. Убили Вы его. Но всё-таки говорит:

— Не только Горькому, — сатане не поверю!

И рукопись, которая была у Вас, написана левой рукой.

У меня дома новости: пошла в гимназию моя вторая дочь Вера, и я, вероятно, уже солидный родитель, и мне вот сегодня повестку прислали на родительское собрание. Каково?

Хочу после 1-го числа⁵ в Питер поехать. Год там не был, соскучился. Сестра поехала на курсы, к Лохвицкой⁶, и пишет мне восторженные письма оттуда. Вот завидую тому, кто впервые в Питер учиться едет.

Что Алексеич⁷? Мне нужно очередной взнос в каприйскую касу сделать, — пусть не беспокоится: сделаю⁸. Скоро ли пойдёт его вещь⁹?

Идут теперь на Руси выборы¹⁰, хожу на предвыборные собрания, смотрю на выступающих попов, правителей губернаторских канцелярий и, ей-Богу, не скучно, жить на Руси ещё можно! Много комиков.

Жму Вам руку и желаю Вам здоровья.

Ваш И. Сургучёв

24. И. Д. СУРГУЧЁВ — ГОРЬКОМУ

29 октября (11 ноября) 1912, Петербург

Дорогой Алексей Максимович,
давно от Вас — ни слуху, ни духу. Как живёте? Здоровы ли?
Я — теперь в Питере, наслаждаюсь этим окаянным городом.

Что там ни говори, а он, по-моему, в Европе, из тех, что я видел, самый красивый.

Был я сейчас в «Знании». Картина: сидит Гусев-Ор^{<енбургский>}¹, Семён Павл. и... инспектор печати. Читают «Призрак»² — и думают, как его обезвредить. И инспектор даёт советы. Умора! Тема для пьесы в театр миниатюр.

«Т^{<орговый>} Д^{<ом>} я переделал и пушу его таки на Алекс^{<андрин>}ку. Пусть!

Черкните о себе. Адрес мой: Загородный 4, кв. 5, телеф. 72-15.

Ваш И. Сургучёв

25. И. Д. СУРГУЧЁВ — ГОРЬКОМУ

Октябрь, после 29 (ноябрь, после 11), 1912, Петербург

Дорогой Алексей Максимович,

упросил я Семёна Павлыча¹, и он дал мне прочитать «Во едину от суббот»²... И вот мне показалось нужным написать Вам то, что сейчас я напишу. Пишу даже не уверенный, что Вы — на Капри: тут пустили слух, что Вы уехали на войну³.

Алексеич удивительно почувствовал Париж и русских в нём. Я в П^{<ариже>} жил мало, только месяц⁴, людей русских видел мало, и говорил с ними мало, — но тон Алексеича мне кажется верным и лично мне знакомым, очень понятным. Алексеич нарисовал фон романа и угольком нарисовал на нём фигуры, — но налить их кровью не налил. У Алексеича напряжённая, творческая, не только ищущая, но и отыскивающая мысль, — но во всём том, что он написал, включая сюда и во «Едину от суббот», я мало вижу от художника. Вы смотрите, что у Алексеича центрально: пирушки, длинные, с бесконечным упоминанием «браги», какие-то протяжённо-сложенные⁵; и кажется, что у Алексеича весов не две чашки, а пять. Какие-то странные веса.

И мне кажется, что он идёт не по своему пути. Мне кажется, что со своим чутьём, со своим восторженным восприятием земли, тяги земной, тяжести жизни человеческой — он критик, тот самый критик, — истолкователь художественных образов, — который так сейчас нужен русским людям, которого у нас нет⁶. И мне кажется, что сюда, вот в эту область, ему и нужно направить свою работу.

Сравните его с Ванюхой Вольным⁷: по-моему, в Ваньке сидит драматург, — чудеснейший, знаете ли, драматург! И никогда Ва-

нюха этого не напишет, как А<лексеи>ч, — и никогда А<лексеи>-чу не написать так, как может писать Ванька.

Что такое, по-моему, истинный критик? Критик настоящий, как и художник, рождается, по-моему, от Духа Свята. Критик — это человек, затравивший в себе художника. А<лексеич> — художник, истинный художник, — но, по-моему, недоношенный. На руке у него не пять, а три пальца. Трудно писать, держа кисть в трёх пальцах... Но как бы мне хотелось посмотреть его в критике!

Вы, конечно, не говорите ему, что я пишу. Это я только для Вас. Свои, так сказать, впечатления выкладываю.

Живу я во граде С<анкт>-Петербурге⁸. Погода, знаете ли, отвратительнейшая. Легла было зима, но невинности своей долго не сохранила — и потаяла! И потаяла! А тут ещё, что ни день, Баранцевича⁹ вижу.

Вожусь с пьесой¹⁰. Пойдёт в будущем сезоне в обоих Императорских¹¹. В Питере Савина, должно быть, будет играть старуху. Пьеса-то совсем не та, что Вы читали. Актёрам здешним пришлось по нраву.

Бываю у Тихонова. Работает человек! Давал бы ему Бог успеха.

Вот ждём Сологуба¹² на Александринке. Аж дух захватывает. Мейерхольд¹³, ставящий Сологуба на Александринке! 666! Бо-ойтесь, православные! Ка-айтесь, православные! Черти на улицах, уже не скрываясь, бесстыдники, пляшут¹⁴!

Как работается? Как у Вас зимушка? Губеренка-то наша, а? Слава те, Господи! Онипку, три раза трудовиков посылала — а ноне двух истинных¹⁵! Интересны были в Ставрополе предвыборные собрания:

«Мохрин, бывший мещанский староста, говорит, что мещане не понимают ни кадетов, ни октябристов: кадет у них — ученик кадетского корпуса (смех), а октябрист — что поспекает в октябре (тоже смех); трудовик же — это для них вполне понятно — за трудящихся, а потому, граждане, предлагаю подавать свои голоса за трудовика (одобрение...)»¹⁶.

Черкните о себе, хоть немного.

Адрес: Загородный, 4, кв. 5.

Жму Вам руку.

Ваш И. Сургучёв

26. И. Д. СУРГУЧЁВ — ГОРЬКОМУ

13 (26) декабря 1912, Петербург

Дорогой Алексей Максимович,

Вы помните картину Англада¹: «Семь влюблённых»? Была в Риме на Всемирной выставке², в испанском отделе. Так вот. Пятницкий из их числа. Дайте Вы ему в руки гитару — и получится герой Англада.

С каким бы удовольствием я сейчас поехал на Капри! Но... если К<онстантин> П<етрович>³ не выздоровеет и не пошлёт Семёну Павловичу⁴ соответствующего письма, то мне придётся в поте лица своего зарабатывать хлеб свой⁵. Что я надумал. Мне хочется написать одну книгу во вкусе Альтенберга⁶. Хочется. Ну, понимаете, каприз беременной женщины. Тут в Питере основалась новая газета «Русс<кая> Молва»⁷. Хочу всю эту глисту протянуть через оную.

Был в «Современнике». У них, видимо, нет критики. Просят и критику. Хочется мне написать одну таковую статью и озаглавить её так: «Обиженные медведем»⁸. Поручили мне в этой газете прорецензировать пьесу Беляева «Дама из Торжка»⁹. Пойду и буду подлизываться, чтобы и Беляев написал хорошо о «Т<орговом> Д<оме>»¹⁰. А завтра андреевская премьера¹¹. Идём. Леонид трусит и хотел снимать с постановки пьесу. Уж очень его проткнули киевские рецензенты¹². В общем, в Питере жизнь идёт так: войдёшь в какое-нибудь строение — хорошо, выйдешь из строения на улицу — арестантские роты. Вы подумайте: сегодня 13 декабря и целый день не осенний мелкий дождик брызжит, брызжит сквозь туман. И извините меня, пожалуйста, Вы — хороший человек, но когда Вы пишете, что у Вас — тёплые, солнечные дни, много цветов и тихое море, то я Вам не верю: дни Ваши рождены электричеством, цветы Ваши бумажные (от старых постановок Александринского театра), а моря совсем нет: его каприйцы вместо вина выпили. Больше всех Алексеич. Сейчас получил письмо от Семёна Павловича. Сдаёт в набор мой 2-ой том¹³. Входят «Губернатор», «Сон». Хочется мне, чтобы заглавий на обложке было больше и хочу, поэтому, смесь «Губернатора» с «Сном» заткнуть «Письмом». Помните рассказышко короче воробьиного носа в ставропольском альманахе, который лежал у Вас когда-то на окне и любовался морем. Посоветуете ли?

Слушайте, Алексей Максимович. Сходите Вы в «Gaudeamus», загримируйтесь разбойником и прочтите следующую роль из моей новой пьесы:

— Несчастный! Пиши Сургучёву письмо¹⁴!

Подражайте при этом Ге¹⁵.

Завтра же я, заgrimировавшись привидением, пойду в «Кругозор»¹⁶ и скажу Тихонову¹⁷:

— Несчастный! Тебе Горький не даст в январе статьи¹⁸.

Тихонов умрёт и будет, значит, всё благополучно.

А рассказ у Вас в «В<естнике> Е<вропы>» чудесный, молодой¹⁹.

Жму Вам руку, бывайте здоровеньки и почаще молитесь Богу и поминайте меня, недостойного, прикоснувшегося устами своими к газетной блевотине.

Ваш *И. Сургучёв*

Такой росчерк я буду делать, когда меня постригут в редакторы петербургские и ладожские.

27. И. Д. СУРГУЧЁВ — ГОРЬКОМУ

21 декабря 1912 (3 января 1913), Петербург

Дорогой Алексей Максимович,

написал для газеты¹ рассказ², но когда написал, то захотелось послать его Вам.

Если подойдёт «Совр<еменнику>»³, берите, если нет, мгновенно, с первой же почтой — возвращайте в Питер.

Рассказ маленький, — но это, полагаю, не беда.

Не всегда же писать простыню!

А пока будьте здоровеньки и благополучны, и в делах Ваших — скорого и счастливого успеха. И с Новым Годом Вас, с новым счастьем!

Ваш *И. Сургучёв*

28. И. Д. СУРГУЧЁВ — ГОРЬКОМУ

Конец декабря 1912 (начало января 1913), Петербург

Дорогой Алексей Максимович,

в моём рассказе¹, в письме Ёлочки², в конце стояла такая фраза: — И пришли ещё рубль денег. На дело нужно³.

В «Совр.» напечатано:

— И пришли ещё рубль.

«Денег» и остальная фраза вычеркнуты.

И потом авторская реплика:

— Раз на дело, то что ж тут разговаривать⁴?

Переделана:

— Раз нужно, — то что ж тут разговаривать?

Если в вино насыпать соли, — вино пропадёт.

Есть в иных рассказах такие фразы, которые создают их аромат, — и такие фразы не выбрасываются. Кому помешала последняя фраза Ёлочки? Раз нужно вообще «править» рассказ, — то ну правь начало, середину, есть же там неуклюжая фраза о чашах слёз⁵, — но зачем касаться письма Ёлочки? Вы не поверите, как мне сейчас тяжело и больно. Я так любил эти письма девочек⁶. Пришёл кто-то и их «выправил». Я знаю, что это — не Вы, — но кто? Кому это нужно было⁷? Правил меня Миролюбов, правил меня Боголюбов, — я молчал, и всё это казалось мне пустяками. Но сейчас, в холодную ночь, я два часа бегал по Петербургу и ругался, как последний сукин сын.

Вообще заметна тенденция правки.

Было заглавие: «Следы вчерашнего». Это заглавие целой серии рассказов, которые я задумал⁸. Внизу стояло другое заглавие, — заглавие *этого* рассказа: «Профессор». Кому оно мешает?

Я просил Ляцкого (словно чувствовала моя душа) прислать корректуру рассказа. Он обещал и не прислал, — по-моему, это свинство.

И. Сургучёв

29. И. Д. СУРГУЧЁВ — ГОРЬКОМУ

Конец декабря 1912 (начало января 1913), Петербург

Дорогой Алексей Максимович,

утром Вам отправил письмо¹, а вечером получил прилагаемое при сем письмо Тихонова². «Интимностей» в нём никаких нет, а интересно оно по оценке «текущего в литературе момента».

Ввиду того, что возможны всякие сюрпризы и ещё, — мне кажется, Вам нелишне ознакомиться с ним.

И. Сургучёв

30. И. Д. СУРГУЧЁВ — ГОРЬКОМУ

Начало (середина) января 1913, Петербург

Дорогой Алексей Максимович,

телеграмму и письмо я получил, но рассказа не написал, ибо выбился из колеи¹. Сейчас окончательно решается вопрос: пойдёт ли пьеса в январе или будет поставлена в будущем сезоне. Если бы она прошла в январе, был бы очень рад, ибо сезон уже пошёл вниз, а пьеса, по существу, такова, что лучше ей проскочить тихенько и смирененько. Актёрам она оч. нравится: роли. Переводят её на латышский язык².

Если только это «всё» случится в январе, то придётся застрять здесь ещё на месяц, т. е. до 10 января³. Если пойдёт осенью, уеду через неделю в Ставрополь и буду писать новую, «психологическую» пьесу⁴. Проживу в Ставрополе месяца два и, если будут деньги, махну за границу.

Новый год встречали у Тихонова. Старик бьётся как рыба об лёд. Жутко смотреть. Пришлите Вы ему, Бога для, что-нибудь. Серьёзно. 22 несчастья⁵.

Были Рославлевы-супруги⁶. Были модернисты. Ах, как всем им хочется в «Знание»! Потекут, как в Каноссу⁷. Нравится ли Вам Пришвин в «Заветах», как ежемес. обозреватель⁸? Говорил ему: бросьте, нет! Разводит антимионию.

Света здесь нет, мрак Аида⁹, а на столе у меня, понимаете ли, как невеста, стоит чудеснейшая белая сирень, — такая, какая и у Вас не снилась. Какая-то добрая душа прислала на Новый год. Пошлю Вам лепестки. Что ни говори — север лучше, богаче: у нас 4 времени года, а у Вас одно: скюшно!

Голова трещит — ой-ой-ой!

И. Сургучёв

31. И. Д. СУРГУЧЁВ — ГОРЬКОМУ

6 (19) января 1913, Петербург

Дорогой Алексей Максимович,

письмо Ваше давно получил, но ответ писать могу только вот сейчас, в воскресенье, — так питерская жизнь крутит и вертит человеками.

А сейчас обстановка такова: 2 часа дня. На столе горит электричество. Жарко топится печка. На дворе белыми коврами лежит зима и правильными квадратами сложены дрова, — великолепнейшие северные, русские дрова, берёзовые, которые на смерть идут как-то радостно, будто они её только и ждали весь свой век. Как они горят! Умные дрова...

Не могу не похвалиться: а на столе у меня много цветов: присылают поклонницы, — а больше — увы! — актрисы, которым хочется в «Т<орговом> Д<оме>» иметь роль. Сам я встал поздно, — вчера был субботник в «Бродячей собаке», — есть такое «кабарэ» в Питере, на Михайловской площади, — учреждение довольно весёлое, с дешёвыми винами и дешёвыми представлениями¹.

Вы просите написать — нет ли чего нового у литераторов, в литературе. — Реакция-с!

Везде — реакция. Политическая жизнь уже как будто «очухивается» от неё. 4-я Дума выходит как будто «фиником», совсем неожиданным. 4-й блин вышел, кажется, комом².

А в литературе — только начинается реакция. Ясно, очень уж ощутительно — разлагаются и смердят живые трупы, недавно бывшие героями «понедельников»³.

Анатолий Каменский никак не может употребить в дело свою «Леду»⁴. Сначала противилась цензура, а теперь актрисы не хотят выходить на сцену голышом. Каково? Актрисы!

Гефсиманскую ночь⁵ переживает, кажется, Арцыбашев. Заскучал он смертельно, — так-таки заскучал. «Смертник». Молится деревянному чурбану⁶ — не помогает.

Агония у «Шиповника». Распродает свою гвардию: Сологуба, Ремизова⁷. Окончательная распродажа за прекращением торговли, с разрешения торговой депутации. Скупает, или как он сам говорит: «надо выручить» — их киевский купец Терещенко⁸. Иными словами: начинается искусственное дыхание.

Вот, Алексей Максимович. Тут бы надо «Знанию» познергичнее выступить. Меж тем 40-й сб. задерживается⁹. С ним лежат без движения — Пришвин и Г<усев>-Оренбургский¹⁰. Семён Павлович рвёт и мечет. И прав. Между прочим, он собирается к февралю выпускать 2-й том мой, — не знаю, как «Знание» посмотрит на сие¹¹. Были у меня предложения от иных фирм. Семён Павлович отстаивает меня от всяких покушений и сам, кажется, вёл личные дебаты, — с Андриановым¹², напр.

Литературная реакция — опять ведёт к Тургеневу, к Достоевскому, к Толстому. Давай Бог.

Бешеный натиск сделали «новаторы» на Бастилию (читай: Алекс. театр) с «Заложниками жизни»¹³. На 4 первых представлениях расписали сами места. Поставили. Имели успех, сопровождавшийся аккомпанементом свиста и пощёчин¹⁴. Но... ещё одна такая победа, и у Сологуба не останется ни одного солдата. Он не спокоен, нервничает, полемизирует с Батюшковым¹⁵, со мной¹⁶, пишет глупости и всё больше тонет. В Москве никто не хочет ставить «Заложников». Ни один театр.

Нервничает и делает явные глупости Андреев. Полемизирует с киевскими рецензентами, обругавшими пьесу¹⁷. А теперь боится: ставить ли её в Питере? Кажется, всё-таки решился¹⁸.

Мережковский решил изничтожить мою особу, но был побеждён и отступил на заранее приготовленную позицию, объявив, что я хоть и талант, но напрасный.

Высунулся в бой Д. Философов и, не читав и не видев пьесы, — объявил меня третьестепенным учеником Островского¹⁹. Я его припёр к стенке (частным образом).

— А пьесу Вы читали? Видели?

— Нет!

— Как же Вы судите о ней?

— Уж Вы тово... Не сердитесь. Ляпнул. Очень был раздражён статьёю Батюшкова. Он Вами захотел против Сологуба драться. И письменно заявляет об этом²⁰.

Вчера был у Котляревского²¹, тот одно просит:

— Вы это письмецо, батюшка, поберегите. Поберегите письмецо. Такое письмецо нужно беречь...²².

Комедь!

Хожу я среди этих комиков — и весело мне! Они проржавели от Петербурга. И хочется поскорее домой, в провинцию, переждать там до весны, а весной опять в Италию, опять поболтаться по Европе, о новой пьесе подумать.

Пьеса моя может пойти в январе, на этом настаивает Савина²³. Очень ей хочется к будущему сезону новую мою пьесу, сюжет которой я ей рассказывал²⁴. Но мне просто невыгодно ставить её во второй половине сезона, и я строю интриги, чтобы перенесли её на осень. А впрочем, чёрт с ними! И Южин тоже, по слухам, всходил на ставить её теперь — и там интригу пустил²⁵. Скоро жду назначения в министры иностранных дел.

«Мельница» моя выстроена, но ещё не убраны леса, нет столярных работ. Машины пришли из-за границы, но ещё не поставлены. Хотя хозяева зерно уже покупают, ибо прежде чем его перемолоть, нужно, чтобы оно вылежало шесть месяцев.

Выходит тихоновский «Кругозор»²⁶. Человек решил крепко бороться с предрассудками и выпускает № 1 13-го января. Собирается печатать моё письмо, в котором я провожу мысль, что нужно русских молодых начинающих писателей, обнаруживших несомненное дарование, отправлять за границу, как отправляют пансионеров Академии, или оставленных при университетах. Только на чужбине можно правильно почувствовать свою родину. Образовать фонд пока что и усиливать его всякими законными и незаконными способами²⁷.

Тихонов ждёт от Вас статьи²⁸. Ублаготворите старика, пошлите. Если «Кругозор» крикнет — старику смерть. И у меня, глядя на него, иногда заколыхивается душа. Пошлите статью.

Вы не правы, что теперь не нужны художники. Ах, как они теперь нужны! Настоящие художники! Настоящий художник-писатель далеко выше просто писателя. Пример: Д. С. Мережковский!

Секрет: из «Заветов» не прочь выжить Миролюбова и Чернова²⁹. Стою за него горой, боюсь, клянусь. Хотят, кажется, разводить там модернизм: в ноябре И<ванов>-Неразумник³⁰ совершил, кажется, первое хождение к Ремизову³¹. Вы теперь, как «Современник», можете сказать:

— Баба с возу — коню легче.

Собираются печатать роман Рукавишников: «Слуги царские»³².

А пока до свиданья. Бывайте здоровеньки, веселеньки, передайте мой привет Катерине Павловне³³, Максусу и прочим каприйцам.

Крепко жму Вам руку.

Ваш И. Сургучёв

Алексей Мақсимович! Скажите Вы Константину Петровичу: пусть скорее вышлет в Контору условия, на которых печатался «Г<убернато>р». Когда я посылал Миролюбову рукопись, то писал ему о 200 рублях за лист, разумея обычный печатный лист в 36—37 тыс. букв. Семён Павлович считает лист в 40 т. букв. Я и писал Пятницкому, что за такой лист «увеличенный» нахожу справедливым получить по 225 руб. Послал ему 2 письма — и ни строчки в ответ. А деньги нужны позарез. Авансы брать где бы то ни было считаю ниже достоинства, не хватает духу заговорить даже о них, — а Семён Павлович не знает, как быть. 8-й месяц уже идёт с выхода сборника — не грех написать письмо в Контору. Простите, что лезу к Вам с этими разговорами, самыми неприятными для меня на земле, — но, правда, безденежье сейчас роковое. Получил я из Конторы 1200 рублей.

И. С.

32. ГОРЬКИЙ — И. Д. СУРГУЧЁВУ

13 (26) февраля 1913, Капри

Уважаемый Илья Дмитриевич,
только сейчас собрался ответить Вам на огорчённое письмо Ваше по поводу рассказа.

Прочитав внимательно рассказ, мне думается, что редакторских поправок в нём нет, а есть ошибки корректора в конце рассказа.

Но, если б даже это были и поправки редактора — право же, они не столь важны, чтоб из-за них можно было возбуждаться до такой степени, как пишете Вы.

А вот Вы меня огорчили очень сильно, — если позволите говорить об этом. Думаю, что позволите: дружеское отношение Ваше ко мне и моё к Вам даёт мне право говорить откровенно.

Убит я Вашим письмом к Тихонову, напечатанным в «Кругозоре»¹.

Во-первых — в наши дни, когда литератор русский своим пьянством и пошлостями совершенно уронил себя в глазах общества, лишился у читателя всякого престижа, — читателю этому дано право ответить на Ваше письмо в самом амикошонском и юмористическом духе:

«За границу захотели? Дома-то тесно стало скандалить и паясничать?»

Во-вторых — тон письма Вашего убийственно нелитературен, точно Вы, сидя в халате после бани и выпивки, рассуждаете. Подумайте сами: хороша ли эта «простота» тона для литератора молодого, вчера только обратившего на себя некоторое внимание, — для литератора, который весь ещё в будущем? Вы странно смешали журнал с предбанником, чего не надо было делать.

Вы, вероятно, рассердитесь и, может быть, закричите мне, какое право имею я учить Вас?

Право сказать молодому литератору, что он не понимает, куда пришёл и как надобно себя вести в этом месте, — мне дано двадцатью с лишком годами работы моей в русской литературе. Это — неоспоримое право. У Вас его пока нет ещё. И Вы, пожалуй, вовсе и никогда не приобретёте его, если будете вращаться среди Ясинских, Сологубов и прочих артистов для кинематографа и уличных забавников, недостойных стоять рядом с Вами, человеком талантливым и, как показалось мне, относящимся к литературе с тем священным трепетом, которого она — святое и чистое дело — необхо-

димо требует. Поверьте, что всё это написано отнюдь не в целях только поучать, но с чувством искренней дружбы к Вам и с большим уважением к Вашему дарованию. И смысл письма очень прост, вовсе не обиден; всё, что я хотел сказать Вам, складывается так.

Дорогой друг Илья Дмитриевич! Видите себя поскромнее, потише, стойте подальше от авантюристов и пьяниц; это для Вас — для Вашего таланта — гораздо лучше.

Вот и всё.

1913

февр.

33. И. Д. СУРГУЧЁВ — ГОРЬКОМУ

25 февраля (10 марта) 1913, Ставрополь

Дорогой Алексей Максимович, —

вот я и плюхнулся в Ставрополь. Сегодня — первый день Великого Поста. Грязь, солнце, за завтраком — редька и постное масло, превосходное подсолнечное масло, голубые небеса (не за завтраком, а наверху) — просто прелесть! Провинция, тишина, — хотя шум Петербурга ещё стоит в ушах.

Думаете ли Вы теперь ехать в Россию? И если думаете, то когда¹? Дело в том, что 14 числа я думаю вырваться в чужие края, и если Вы уедете с Капри, то я туда не заверну². А так очень хочется Вас видеть и во-ушию слышать поругание по поводу письма в «Круг<озор>»³, о котором на днях писали мне Тихоновы. Письмо, правда, поругания заслуживает, но не такого большого. Его хорошо приняла старая, почтенная русская печать (между проч<им> — «Рус<ские> Вед<омости>»)⁴ и даже, кажется, московские тузы готовы тряхнуть мошной, что и требовалось доказать. А поехать писателю за границу, а в особенности молодому, чего же и не поехать? Хорошо и даже очень. Я вот прямо мечтаю посмотреть Боттичелли⁵ в Берлине⁶. Этакая Пасха души...

А ещё у меня к Вам просьба. Есть в Ставропольской губернии — удивительная женщина Марья Митрофановна Жукова⁷. При всём отвращении к посвящениям, — я всё-таки посвятил ей свою вторую книжку, — ибо просто не знал, как иначе выразить ей ту теплоту душевную, которая у меня к ней питается. Ей страшно нравятся Ваши сказки. Пошлите ей экземпляр с надписью! Право, а? Чем она удивительна, — расскажу, писать не хочется. Если толь-

ко ничего против посылки иметь не будете, то вышлите её или на моё имя в Ставр<ополь>, или по такому адресу: «Ставропольская губ<ерния>, сел<о> Воронцово-Александровское, для передачи в сел<о> Фёдоровку на квартиру инженера Жукова, М. М. Жуковой». Доставите хорошему, редкому человеку радость большую⁸.

Понемногу стихает у меня вражда к Ляцкому. Вот никогда не думал, что у меня могут загореться такие злобные по отношению к другому человеку чувства. И почему? Ведь в сущности — пустяки, мир и по выходе янв<арской> книжки «С<овременник>а» стоит на прежнем месте, — но ненавидел я этого человека остро, до желанья прибить⁹.

Хочется мне ещё увидеть Борджана¹⁰, — хороший малый! Среди армян — этакие редкость.

Поклон передайте Катерине Павловне. Давненько ничего от неё не слышать¹¹. Как поживает Максим? Мне казалось, что без авиации он будет как рыба без воды. Поклон ему!

И. Сургучёв

34. И. Д. СУРГУЧЁВ — ГОРЬКОМУ

Около 23—25 августа (около 5—7 сентября) 1913, Ставрополь

Дорогой Алексей Максимович,

в России лето вышло дождливое — этакое, с дождями поутру и с ясным полднем, — и жить, напр<имер>, в Ставрополе, где есть в центре города отличная каштановая роща, — большое сейчас удовольствие. Насилу понемногу стал забывать за границу. А и хорошо я проехался на этот раз — и, знаете, в Италию ещё больше тянет и, понимаете, схема жизни вырисовывается мне теперь в таком виде: жить, — ездить в Италии, — этак по ранней весне, по нежаркому солнцу.

Отзывов из «Ниж<егородского> Листка» и «Сиб<ирской> Ж<изни>»¹ я не получил, может быть, пропали. Статью Айхенвальда² читал: во многом он прав, многого не понял.

Курьёзно: при «Речи» издаётся (почти специально для провинции) ежен<евная> газета: «Соврем<енное> Слово»³. И контора одна, и редакция одна. И вот: в «Речи» статья почти укоряющая, а в «Совр<еменном> Слове» — восхваляющая⁴. Выходит так, что и направо, и налево. В «Совр<еменном> Слове» пишет некий

Ал. Ожигов⁵. В общем критика, как вижу, вещь курьёзная и сильно, подчас, в лужу дающая. В «Утре России»⁶ Ермилов в трёх строках с лица земли меня стёр⁷, но это, я думаю, старые счёты: я его в «На дне» в 3 акте сильно-таки помял (он играл Костылёва) — и он, должно быть, этого до сих пор не забыл⁸. Много и, подчас, очень курьёзно пишут в провинции. В одной газете («Куб<анском> Крае»)⁹ напечатали между прочим, что моё лицо похоже на французскую булку и что говорю я басом. Вы подумайте!¹⁰

Вожусь сейчас с пьесой¹¹, — уж такой характер. Сильно изменилась она теперь и сократилась и надоела мне. И о «Мельнице» думаю с вожделением в сердце своём¹².

Завидую Вам в одном: купаетесь, да ещё с сыном¹³. Это великолепная вещь. Я всегда мечтаю о том, как у меня вырастет старшая дочь (а она у меня красавица будет, — в мать) и будем мы с нею ходить под руку, — по улице, этак вверх, потихоньку. Приехал, понимаете, я домой, а дома только старая нянька одна да собаки. Все уехали на Минеральные Воды. И теперь обед мне носят из гостиницы, — зато тишина!

Кланяйтесь от меня Катерине Павловне, бабушке¹⁴ и Максусу.

Крепко жму всем руку.

Катерине Павловне скажите, что Амфитеатрова я не заматаю и вышлю скоро. Взял книгу на 2 дня, — да и до сих пор не возвратил¹⁵.

35. И. Д. СУРГУЧЁВ — ГОРЬКОМУ

11 (24) декабря 1913, Петербург

Многоуважаемый
Алексей Максимович,

недавно очень обрадовался, встретив подтверждение своей мысли у Рескина¹. Посылаю Вам вырезку² и снова утверждаю, что как художник Вы, по-моему, стоите на неправильной точке зрения.

Может быть, — это не надо писать, — но напишу: сердитесь — не сердитесь.

И. Сургучёв

11 дек. 1913 г.

36. И. Д. СУРГУЧЁВ — ГОРЬКОМУ

31 мая 1928, Париж

Многоуважаемый
Алексей Максимович,

Вы сейчас в Москве¹, — и я прошу Вас не отказать — и внушить там кому следует, насколько нехорошо: 1) отбирать гонорар у эмигрантских писателей-драматургов за те их пьесы, которые и сейчас идут в России. 2) Насколько нехорошо Союзу пролетарских драматургов пользоваться этим гонораром (Союзу его передают), т. е. есть хлеб, заработанный чужими руками: ничего «буржуазного» в писательском труде нет.

Вы сами были эмигрантом — и никогда Царь не отбирал его у Вас.

Пишу это не потому, что сам хочу пользоваться своими деньгами (их даже не дали моей матери, умиравшей в России), но потому, что такой образ действий жесточайше отталкивает нас от современных российских литературных нравов.

С совершенным уважением.

И. Сургучёв

ПРИМЕЧАНИЯ

1.

Печатается по А (АГ. КГ-п-74-6-1), впервые.

¹ Сургучёв имеет в виду статью Ю. И. Айхенвальда «Литературные наброски (Авель убивающий)», напечатанную в газете «Слово» за 11 (24) февраля 1909 г. (№ 705), с. 2. По мнению критика, от «талантливого и трогательного» рассказа Сургучёва «веет теплотой и жизнью»; он «...сердечен и прост дорогою простотой». Отмечая художественные достоинства произведения, Айхенвальд пишет о «...всей грусти и всей художественной силе, пластичности и юморе, которыми проникнут рассказ даровитого автора».

² Булкович — сотрудник газеты «Приднепровский край», издаваемой в г. Екатеринославе в 1898—1916 гг. Рецензия не разыскана.

2.

Печатается по А (АГ. КГ-п-74-6-37), впервые.

Датируется по помете на письме, сделанной Пятницким: «отв. 26 июня 1910, принято».

Ответ на разысканное письмо Горького.

¹ В № 1 журнала «Вестник Европы» за 1909 г. был напечатан рассказ Сургучёва «Соседка».

² См. примеч. 1 к п. I.

³ Сургучёв упоминает о повести Л. Н. Андреева «Губернатор», впервые напечатанной в журнале «Правда» (1906. Кн. 3).

⁴ Пятницкий К. П. (1864—1939) — директор-распорядитель и основатель книгоиздательского товарищества «Знание».

⁵ Повесть Сургучёва «Губернатор» была опубликована в 1912 г. в *Сб. Зн.* 39.

3.

Печатается по А (АГ. КГ-п-74-6-2), впервые.

Датируется по фразе из письма Горького Амфитеатрову около 24 октября (около 6 ноября) 1910 г.: «Сообщите, получены ли Вами последние издания “Знания” — Сургучёв, Шмелёв, “Чудаки”, Роллан?» (АГ. ПГ-рл-1-25-80).

Ответ на неразысканное письмо Горького.

¹ Первый том рассказов Сургучёва вышел в издательстве «Знание» в 1910 г.

4.

Печатается по А (АГ. КГ-п-74-6-3). Впервые, отрывок: *Горький. Материалы*. Т. I. С. 307.

Датируется по времени публикации в газете «Живое слово» (3 (16) октября 1911. № 31) статьи П. Ордынского «В защиту изгнанника».

¹ Сургучёв вспоминает о своём первом посещении Капри и знакомстве с Горьким летом 1911 г. во время заграничного путешествия, в котором Сургучёв находился с 16 (29) мая по 30 июня (13 июля) 1911 г.

² Арцыбашев М. П. (1878—1927) — русский писатель, автор романа «Санин» (1908).

³ «Отрывок из письма о Толстом» и статья «О Толстом», опубликованные в литературном альманахе «Наши дни» (СПб., 1911).

⁴ 3 (16) октября 1911 г. газета «Живое слово» (№ 31) опубликовала статью П. Ордынского (псевдоним Плохова П. Л. (1882—19??)) «В защиту изгнанника», в которой автор выступил с проектом «всеобщей петиции императору» о разрешении Горькому вернуться в Россию.

⁵ Тихонов В. А. (1857—1914) — писатель, драматург, публицист; редактор журнала «Север», соредактор А. Амфитеатрова и В. Дорошевича в газете «Россия», сотрудник редакции газеты «Русь», в конце 1910 — начале 1911 гг. — сотрудник журнала «Современник».

⁶ «Жизнь Матвея Кожемякина».

⁷ III часть повести Горького «Жизнь Матвея Кожемякина» была опубликована в *Сб. Зн.* 36 в 1911 г.

⁸ Сведения об упоминаемой Сургучёвым постановке пьесы «На дне» в г. Ставрополе не разысканы.

⁹ Программа спектакля не разыскана. Возможно, Сургучёв имеет в виду себя: к этому времени у него уже был опыт участия в постановке пьесы «На дне», которая была осуществлена в 1907 г. в театре В. Ф. Комиссаржевской в Петербурге Кружком писателей — любителей театра. Сургучёв играл роль Васьки Пепла.

Печатается по А (АГ. КГ-п-74-6-4). Впервые, отрывок: *Горький. Материалы*. Т. I. С. 307.

Датируется по времени написания Горьким письма М. М. Коцюбинскому, в котором он опровергает газетные слухи о своём отъезде в Каир (АГ. ПГ-рл-21-4-8).

Ответ на неразысканное письмо Горького.

¹ Миролубов В. С. (1860—1939) — издатель и редактор ряда популярных журналов (в частности, «Журнал для всех», «Заветы», «Современник»).

² Бродский И. И. (1883/84—1939) — живописец и график.

В мае—августе 1911 г. И. Бродский во второй раз был на Капри, и Горький посещал его мастерскую. «На Капри я усердно работал, писал этюды и большое полотно “Италия”. Картина давалась с трудом; когда у меня не выходили те или иные куски, я в отчаянии швырял кисти и палитру в картину с такой силой, что мог повредить холст. Алексей Максимович часто приходил ко мне в мастерскую, успокаивал меня и очень любил наблюдать за моей работой. Не раз он говорил, что его мечта — научиться живописи», — писал Бродский в книге «Мой творческий путь» (ВС. Т. I. 1981. С. 259—260). О каком именно эпизоде вспоминает Сургучёв, установить не удалось.

³ Слова Фамусова: «Всё врут календари» (из комедии А. С. Грибоедова «Горе от ума»).

⁴ 23 октября (5 ноября) 1911 г. Горький писал Коцюбинскому: «Газеты, конечно, врут, я здоров, как только могу, и в Каир не собираюсь...» (АГ. ПГ-рл-21-4-8).

⁵ В конце октября 1911 г. А. В. Амфитеатров принял решение упразднить редколлегию журнала «Современник», куда входил, в частности, В. С. Миролубов (в связи с этим см. письмо Горького Амфитеатрову от 25 или 26 октября (7 или 8 ноября) 1911 г. (АГ. ПГ-рл-I-25-2)).

⁶ Вторая часть романа М. П. Арцыбашева «У последней черты» вышла в VII сборнике «Земля» (М.: Московское кн-во, 1911).

⁷ Реплика Кулыгина: «В какой-то семинарии учитель написал на сочинении “чепуха”, а ученик прочёл “реникса” — думал, что по-латыни написано...» (из драмы А. П. Чехова «Три сестры»).

⁸ 8 (21) октября 1911 г. Горький написал открытое письмо в редакцию газеты «Живое слово», напечатанное 24 октября (№ 34), в котором протестовал против выдвинутого П. Ордынским предложения о выступлении с «всеобщей петицией императору» (см. примеч. 5 к п. 4).

⁹ Екатерине Павловне Пешковой.

6.

Печатается по А (АГ. КГ-п-74-6-7). Впервые, частично: *Горький. Материалы*. Т. I. С. 307.

Датируется по записи в Дневнике Пятницкого от 17 (30) ноября 1911 г. о чтении Горьким произведений Л. Н. Толстого.

Ответ на неразысканное письмо Горького.

¹ Повесть Сургучёва «Мельница» была напечатана в V сборнике «Слово» (Книгоиздательство писателей в Москве, 1915); в письме Е. П. Пешковой после 24 ноября 1915 г. Горький отметил подражательный характер этого произведения (АГ.

ПГ-рл-30-19-547). Позднее «Мельница» была опубликована в 1917 г. в IV томе сочинений Сургучёва, изданном «Книгоиздательством писателей в Москве».

² Измайлов А. А. (1873—1921) — критик, сотрудник газет «Биржевые ведомости» и «Русское слово». Сургучёв мог иметь в виду одну из его следующих рецензий: «Куда надлежит мешанская душа» («Городок Окуров» М. Горького) (Русское слово. 1910. № 2. 3 янв.); «Городок Окуров» М. Горького (Биржевые ведомости. 1910. № 11497. 2 янв. и № 11498, 5 янв.); неозаглавленную статью (Биржевые ведомости (веч. вып.) 1910. № 11733, 26 мая); Из записной книжки критика (Русское слово. 1911. № 43, 24 февр.) (см.: *Балухатый С. Д.* Критика о Горьком. Библиография статей и книг 1893—1932 г. Л.: Государственное издательство художественной литературы, 1934. С. 211, 212, 219).

³ Ясинский И. И. (псевд. Максим Белинский, Чуносков, Независимый (1850—1931)) — беллетрист, публицист. Автор романов «Иринарх Плутархов» (1886), «1-е марта 1881 года» (1900), «Под плащом сатаны» (1911). Редактор журналов «Ежемесячные сочинения», «Беседа», «Новое слово», «Живописец», сотрудник газеты «Биржевые ведомости» и других изданий. А. А. Измайлов (см. примеч. 2) писал о нём в книге «Литературный Олимп» (М., 1911) (глава «Иероним Ясинский»). Деятельность Ясинского вызывала неизменно отрицательное отношение Горького.

⁴ Реплика одного из персонажей пьесы («Седенький старичок с подвязанной щекой»), который в ответ на слова Бабы («На несчастье посмотреть зашла...») говорит Тетереву: «Господин! Она у вас тут со стола булочку стащила...» (Горький. *Сочинения*. Т. 7. С. 65).

⁵ О постановке пьесы «На дне», осуществлённой в 1907 г. в театре В. Ф. Комиссаржевской в Петербурге Кружком писателей — любителей театра, Сургучёв писал в статье «Три топора»: «Шло “На дне”, ставил Санин, исполнителями были писатели: Чириков играл Луку, Дымов — Алёшку, Найдёнов — полицейского, Лазаревский — татарина, Арабажин — барона, Баранцевич — Клеща, Тихонов — актёра и я — Пепла» (Возрождение. 1955. № 42. С. 103). Санин А. А. (настоящая фамилия Шенберг) (1869—1956) — русский актёр и режиссёр.

⁶ I том сочинений Толстого, изданных посмертно, куда вошли «Дьявол», «После бала», «Алёша Горшок», «От ней все качества», «Что я видел во сне», «Фальшивый купон», «Живой труп» (Посмертные художественные произведения Л. Н. Толстого. Под ред. и с предисл. В. Г. Черткова. Т. 1—3. М.: Изд. А. Л. Толстой, 1911—1912). Значительное место в печати занимали отзывы о пьесе «Живой труп»; 21 октября (3 ноября) 1911 г. Горький писал Л. Андрееву: «...как противна эта возня мёртвых душ с Живым трупом и как бесстыдно сказалось в ней полное отсутствие уважения к Л<ьву> Н<иколаевичу> и в об<щест>ве и — особенно! — в прессе» (АГ. ПГ-рл-2-1-96).

⁷ Ходотов Н. Н. (1878—1932) — актёр Александринского театра; его петербургская квартира была местом встреч писателей и актёров. Говоря об «истории в ходотовской квартире», Сургучёв имел в виду ссору Куприна и Андреева, получившую широкую огласку в печати. 15 (28) ноября 1911 г. Ф. И. Шаляпин писал Горькому: «Мне очень жаль Александра Ивановича, потому что я не могу понять, для чего он так пьёт и усиленно дружит с какими-то акробатами и клоунами в цирке. Недавно был у меня Леонид Андреев — у них, в квартире Ходотова, произошло что-то нелепое. Андреева чуть не задушил не то Куприн, не то Скиталец — одним словом, была какая-то отчаянная драка. В этот вечер приглашали туда и меня, но, наученный горькими опытами, от посещения я отказался. Слава Богу...

Ужасно неприятно было мне это узнать, — ей-Богу, немножко совестно за людей, кои занимают культурную ступень в общественной жизни. Хотя наша культурная жизнь тоже какая-то странная, чтоб не сказать больше, в настоящее время» (АГ. КГ-ди-12-2-9).

⁸ Каррер Жан — французский журналист, корреспондент газеты «Le Temps». В это время на Капри не приезжал.

⁹ Гораздо позднее, 15 (28) июня 1913 г., газета «Речь» (№ 160) сообщила, «что, по сведениям иностранной прессы, Горький закончил четырёхактную пьесу из итальянской жизни «Шарманщик Беппо», которую предполагают ставить в Художественном театре» (*ЛЖТ*. 2. С. 363). Ещё чуть позже, 14 (27) июля 1913 г., газета «День» написала о том, что эта пьеса принята к постановке; в Архиве М. Горького, впрочем, нет никаких сведений об этом произведении. Возможно, что ещё в конце 1911 г. до Сургучёва доходили слухи об этой «пьесе». В действительности на момент написания Сургучёвым данного письма, «к середине ноября 1911 г. было написано и отослано в газеты и журналы 11 “сказок” об Италии» (Горький. *Сочинения*. Т. 12. С. 544). 14 (27) декабря 1911 г. Горький писал Е. П. Пешковой: «Пишу “сказки”, Бунин очень хвалит и Коцюбинский, а я им верю, оба — люди со вкусом. Написал уже 14, будет 25, вероятно» (*Архив Г.* 9. С. 131). Таким образом, 12-ю, 13-ю или 14-ю сказку газеты могли неверно подать как «пьесу из неаполитанской жизни».

¹⁰ См. примеч. 7 к п. 5.

7.

Печатается по А (*АГ*. КГ-п-74-6-5). Впервые, частично: *Горький. Материалы*: Т. I. С. 308.

Датируется по фразе: «20 декабря выступаю в суде как защитник». Ответ на неразысканное письмо Горького.

¹ Старик — один из персонажей повести Сургучёва «Мельница»; в создании этого художественного образа, имевшего в качестве прототипа реально существовавшее лицо, Горький принял непосредственное участие (см. вступ. статью).

² Философов Д. В. (1872—1940) — критик, публицист, общественный деятель.

³ «Джоконда» Л. да Винчи в это время была украдена.

⁴ IV часть повести «Жизнь Матвея Кожемякина» вышла в 1911 г. в *Сб. Зн.* 37.

⁵ Реплика Тиунова из его диалога с Кожемякиным: «Я прямо скажу: народу, который весьма подкис в безнадёжности своей, проповеди эти прямой вред, они ему — как вино и даже много вредней. Людей надо учить сопротивлению, а не терпению без всякого смысла, надобно внушать им любовь к делу, к деянию» (Горький. *Сочинения*. Т. 10. С. 496).

⁶ См. примеч. 10 к п. 6.

⁷ Возможность выступать в суде в качестве защитника мог иметь присяжный поверенный, т. е. лицо, имеющее юридическое образование (сведения о юридическом образовании Сургучёва, впрочем, не разысканы).

⁸ Возможно, газета «Приднепровский край», которая была анонсирована как «ежедневная внепартийная прогрессивная политическая, общественная и научно-литературная газета».

⁹ Сведения об упоминаемом лице не разысканы.

¹⁰ Театр Ф. А. Корша (1852—1923) — крупнейший частный театр в Москве, прославившийся сильным актёрским составом. Основан 30 августа 1882 г., закрылся в 1932 г. Наряду с пьесами классического русского и зарубежного репертуара в театре ставились «лёгкие развлекательные пьесы, фарсы, мелодрамы» (Театральная энциклопедия: В 5 т. Т. 3. М.: Изд-во «Советская энциклопедия», 1964. С. 223).

¹¹ *Бракко Роберто*. Конец любви. Сатира в 4-х действиях / Пер. В. К. Божовско-го. М.: Театр. б-ка М. А. Соколовой, 1908.

¹² «Август, 3 (16) 1910 г. Встречается с итальянским драматургом Роберто Бракко» (*ЛЖТ*. 2. С. 143).

¹³ Сургучёв мог видеть одну из трёх следующих фотографий: «Горький и Р. Бракко на фоне Монте Соларо» (№ 485); «Горький и Р. Бракко на Пьяцетте, Капри» (№ 487); «Горький и Р. Бракко 1910, авг. 3» (фото Ю. А. Желябужского) (№ 491) // А. М. Горький и его современники: Фотодокументы. Описание. М.: Наследие, 1997. С. 123, 125.

¹⁴ Сургучёв имеет в виду IX сказку из «Сказок об Италии» (Киевская мысль. 1911. № 301. 31 окт.).

¹⁵ Коцюбинский М. М. (1864—1913) — украинский писатель, автор лирико-психологических новелл, повести «Фата моргана» (1904—1910).

¹⁶ Стихотворение А. Черемнова «Будь благословенна», напечатанное в 1911 г. в *Сб. 3н. 37*.

8.

Печатается по А (*АГ*. КГ-п-74-6-6). Впервые, частично: *Горький. Материалы*. Т. I. С. 309.

Датируется по фразе: «С Новым годом поздравляю и Вас, и Марию Фёдоровну, с русским Новым годом. Скоро Рождество>...».

¹ Цитата из песни Председателя — одного из персонажей «Пира во время чумы» А. С. Пушкина (1830).

² Адвокат Карякин, приглашённый на процесс из Ростова (см. п. 7).

³ Слова, сказанные Понтием Пилатом об Иисусе Христе перед распятием в споре с иудейскими священниками: «Тогда вышел Иисус в терновом венце и в багрянице. И сказал им Пилат: се, Человек!» (Иоанн. 19,5).

⁴ Музыкальная «цитата» из арии Фигаро (опера Дж. Россини «Севильский цирюльник», 1816 г.).

⁵ Кондурушкин С. С. (1874—1919) — русский писатель, журналист. Что именно цитирует Сургучёв, не установлено.

⁶ См. примеч. 14 к п. 7.

⁷ Глаголин (Гусев) Б. С. (1879—1948) — драматург, театральный критик, актёр и режиссёр.

⁸ Суворин А. С. (1834—1912) — журналист и издатель, редактор петербургской газеты «Новое время» (с 1876 г.), журнала «Исторический вестник» (с 1880 г.).

⁹ 50-летний юбилей творческой деятельности А. С. Суворина.

¹⁰ Письмо не разыскано.

¹¹ Куприн А. И. (1870—1938) — русский писатель. Зимой 1911—1912 гг. на Капри не был.

9.

Печатается по А (*АГ*. ПГ-рл-42-7-1). Впервые, частично: *Пенчковский Н. Горький о писателе* // Красная панорама. Л., 1928, дек. С. 57; полностью: *Горький. Листья*. Т. 9. С. 210.

Датируется по помете адресата: «Получ. в Ставрополе 28 дек. 11 (Сарги. 2.1-12)». Ответ на письмо Сургучёва от конца декабря 1911 г. (*АГ*. КГ-п-74-6-6).

¹ Горький имеет в виду XXX главу повести «Губернатор», в которой описана сцена подъёма нового колокола на главную колокольню женского монастыря. По

совету Горького Сургучёв внёс в текст предложенное исправление: «Колокол они уже видели: стоял он, похожий на огромный колпак, на деревянном, из свежих, не-струганных брусьев сделанном помосте перед колокольной» (см.: *Сургучёв И. Д.* Губернатор: Повесть, рассказы / Вступ. статья А. М. Кузнецова. М.: Современник, 1987. С. 188).

² В окончательном варианте текста повести это замечание Горького не было учтено Сургучёвым.

³ Слова Иисуса Христа из Его диалога с учениками после беседы с самарянкой у колодца. «Пища Моя состоит в том, — сказал Иисус, — чтобы исполнить волю пославшего Меня, и совершить его дело» (Иоанн: 4, 34).

⁴ Цитата — первая строка стихотворения А. А. Фета «Шёпот, робкое дыханье...» (1850).

⁵ П. Ф. Унтербергер был губернатором Нижнего Новгорода.

⁶ Горький приблизительно цитирует первое четверостишие пародии Н. А. Некрасова и И. С. Тургенева на Ф. М. Достоевского:

Витязь горестной фигуры,
Достоевский, милый пыщ,
На носу литературы
Рдеешь ты, как новый прыщ.

Некрасов Н. А. Полное собрание сочинений и писем. 1948. Т. I. С. 423.

⁷ Там же.

⁸ Цитата из стихотворения В. Я. Брюсова «Грядущие гунны» (осень 1904, 30 июля — 10 августа 1905).

⁹ Там же:

«А мы, мудрецы и поэты,
Хранители тайны и веры,
Унесём зажжённые светы
В катакомбы, в пустыни, в пещеры».

10.

Печатается по А (АГ. КГ-п-74-6-8). Впервые, частично: *Горький. Материалы*. Т. I. С. 312, 313.

Датируется по приписке: «Саргі 2.1.-12».

¹ Сургучёв имеет в виду свержение маньчжурской династии Цин в Китае в результате Синьхайской революции 1911—1913 гг., началом которой стало движение во главе с Сунь Ят-сеном.

² Басаргин А. (псевд. А. И. Введенского (1861—1913)) — критик, сотрудник газеты «Московские ведомости».

³ Вербицкая А. А. (1861—1928) — прозаик, драматург, автор русской «женской» беллетристики, имевшей огромную популярность в начале 1910-х гг.

11.

Печатается по АМ (АГ. ПГ-рл-42-7-2), дата и правка — автограф. Впервые: *Горький. Материалы*. Т. I. С. 308—309.

Ответ на письмо Сургучёва от конца декабря 1911 г. (АГ. КГ-п-74-6-6).

¹ Янус — в римской мифологии божество дверей, входа и выхода, затем — всякого начала. Изображался с двумя лицами, одно из которых обращено в прошлое, другое — в будущее.

² См. п. 8 и примеч.

12.

Печатается по А (АГ. КГ-п-74-6-9). Впервые, частично: *Горький. Материалы*. Т. I. С. 309, 311—312.

Ответ на письмо Горького от 28 декабря 1911 г. (АГ. ПГ-рл-42-7-2).

¹ Евсеев Д. И. — адвокат, основатель газеты «Северный Кавказ», в которой были опубликованы первые произведения Сургучёва.

² Живя в Ставрополе, Сургучёв вел активную общественную деятельность; в политических взглядах был близок к трудовикам. Трудовики («Трудовая группа») — мелкобуржуазная демократическая фракция депутатов-крестьян и народнической интеллигенции в I—IV Государственных думах (1906—1917).

³ Оникко Ф. М. (1880—1938) — в 1906 г. — депутат I Государственной думы. После июля 1906 г. был приговорен к каторге, сослан в Туруханский край; бежал, жил в Париже, после Февральской революции вернулся в Россию. 31 декабря 1917 г. был избран членом Учредительного собрания от Ставропольской губернии. Член Общества политкаторжан и ссыльно-переселенцев; репрессирован.

13.

Печатается по МК (АГ. ПГ-рл-42-7-3). Впервые, с купюрой: *Горький. Материалы*. Т. I. С. 309—311; полностью: Г-30. Т. 29. С. 219—222.

Ответ на предыдущие письма Сургучёва (АГ. КГ-п-74-6-8,9).

¹ «Секта “Красной смерти” — раскольническая секта самосожжения» (Г-30. Т. 29. С. 568). См. также: *Сапожников Д. И.* Самосожжение в русском расколе (со второй пол. XVII в. до конца XVIII): Ист. очерк по архив. документам. М.: Унив. тип., 1891. 161, VIII, 169—170. Имеется в ЛБГ (ОЛБГ. 5409).

² Тема терновской трагедии остро интересовала Горького. В ЛБГ хранится книга В. В. Розанова «Тёмный лик. Метафизика христианства», изданная в Санкт-Петербурге в 1911 г. (ОЛБГ. 35/5-13). В письме Розанову от июля 1911 г. Горький просил прислать ему эту книгу. «Тёмный лик», видимо, был прочитан Горьким сразу же, в августе—сентябре; на полях книги им сделано около 80 помет» (Вопр. лит. 1989. № 10. С. 162). Одна из глав книги — «Русские могилы» — представляет собой развернутое описание и почти документальное исследование событий конца 1896—1897 гг. близ села Терновское, в нескольких километрах от Тирасполя, в районе нижнего течения Днестра. Члены старообрядческой секты, доведенные до болезненного экстаза ее главой Виталией, постоянно говорившей о необходимости «спасения», 23 и 27 декабря, 12 и 28 февраля совершили четыре групповых самоубийства: по собственной воле они вошли в заранее вырытые могилы («мины») и были заживо замурованы или засыпаны землей своими же «единоверцами», так же добровольно входившими в очередную «мину» в следующий раз. Тема терновской трагедии затронута Горьким в статье «О современности» (Русское слово. 1912. № 51, 52. 2 и 3 марта). В частности, он писал: «...надобно, наконец, понять, что это “бегство от жизни” может явиться началом уклонения нации от общечеловеческих

целей, может обречь нас на роль мертвого тела в живой и творческой работе человечества».

³ Писарев Д. И. (1840—1868) — русский публицист и литературный критик, философ-материалист и утопический социалист, революционный демократ. Главный сотрудник ежемесячного журнала «Русское слово» (1859—1866, Петербург), пропагандировавшего идеи революционного демократизма и выступавшего за гражданское и реалистическое искусство.

⁴ Бакунин М. А. (1814—1876) — русский революционер, теоретик анархизма, один из идеологов революционного народничества.

⁵ Речь может идти об издании катехизиса в переводе с немецкого свящ. Буткевича (Харьков, 1888) или в переводе с монгольского, издание Мичуринкова (СПб., 1902) (*Горький. Материалы*. Т. I. С. 313). В ЛБГ среди книг, посвящённых жизнеописанию Будды и философии буддизма, указанного катехизиса нет.

⁶ Сутта-Нипата. Сборник бесед и поучений: Буддийская каноническая книга, пер. с пали на англ. яз. Фаусболлем / Рус. пер. Н. И. Герасимова. М.: Т-во скоропечатан. А. А. Левенсон, 1899. XXXII, 33—155, III с. Имеется в ЛБГ (ОЛБГ. 5290).

⁷ Лунный свет: Санкья-истины / В пер. с санскр., с вступ. статьей и примеч. Р. Гарбе; Рус. пер. и предисл. Н. И. Герасимова. М.: Типо-литогр. т-ва И. Н. Кушнерёв и К^о, 1900. [I], 174: [I] с. — Имеется в ЛБГ (ОЛБГ. 5290).

⁸ *Арнольд Эдвин*. Свет Азии / Пер. А. Анненской под ред. В. Лесевича. СПб.: тип. и лит. В. А. Тиханова, 1890. — 243 с. (В ЛБГ нет).

⁹ *Фильдинг*. Душа одного народа: Рассказ англ. офицера Фильдинга о жизни его в Бирме / Пер. с англ. П. А. Буланже. 3-е изд. М.: Посредник, 1905. Имеется в ЛБГ (ОЛБГ. 612).

¹⁰ Архиепископ Хрисанф — В. Н. Ретивцев (1832—1883), епископ Нижегородский (Горький упоминает о нём в XII главе повести «Детство»), автор ряда трудов по богословию. В ЛБГ сохранилось издание: Хрисанф. Религии Древнего мира в их отношении к христианству / Ист. исслед. архимандрита Хрисанфа, епископа Астраханского. Т. 1—3. СПб., 1873—1878. Т. I. Религии Востока: Тип. духов. журн. «Странник», 1873. Есть в ЛБГ с пометами Горького (ОЛБГ. 5320).

¹¹ Шопенгауэр А. (1788—1860) — немецкий философ-иррационалист, представитель волюнтаризма. Главная работа — «Мир как воля и представление». Сущность мира, по Шопенгауэру, — неразумная воля, слепое бесцельное влечение к жизни. «Освобождение» от мира происходит через сострадание, бескорыстное эстетическое созерцание; аскетизм достигается в состоянии, близком буддийской нирване.

¹² Цитата из романа Бернгарда Келлермана (1879—1951) «Море».

14.

Печатается по А (АГ. КГ-п-74-6-10). Впервые, частично: *Горький. Материалы*. Т. I. С. 308, 312, 313.

Ответ на письмо Горького от 13 (26) января 1912 г. (АГ. ПГ-рл-42-7-3).

¹ Речь идёт о пьесе Сургучёва «Торговый дом».

² Журнал «Заветы», об организации которого В. С. Миролубов писал Горькому 12 (25) января 1912 г. (АГ. КГ-п-51-6-7).

³ Роман Л. Н. Андреева «Сашка Жегулёв» (1911 г.).

⁴ Речь идёт о портретах: «М. Горький» К. Шлейна (Искры. 1912. № 1. С. 8) и «Портрет М. Ф. Пешковой (артистки Андреевой)» И. Бродского (Искры. 1912. № 2. С. 11).

⁵ Видимо, Сургучёв имел в виду отдельное издание повести Горького «Жизнь Матвея Кожемякина», которая печаталась в сборниках «Знание» в течение 1910 г. «Одновременно каждая часть выходила отдельной книгой: М. Горький. Матвей Кожемякин. Повесть. Berlin: Verlag I. Ladyschnikow, <1910—1911>» (Горький. *Сочинения*. Т. 10. С. 716). «Закончив публикацию повести в сборниках “Знание”, Горький намеревался выпустить её также отдельной книгой в издательстве “Знание”: об этом он вёл переговоры с Пятницким (Д-Пят., 1911, л. 185), однако замысел этот остался неосуществлённым». После этого Горький обратился к Ладьжникову: «Мне кажется, мы могли бы в первую же голову издать “Кожемякина»» (*Архив Г.* 8. 214). И через некоторое время — ещё раз к нему же: «... Вас очень прошу похлопотать о продаже “Окурова”, “Кожемякина” и “По Руси” кому-нибудь для отдельного издания» (Там же. С. 226). Но и эти намерения не реализовались (Там же. С. 724—725). Возможно, Горький упоминал об этом в своих более ранних (неразысканных) письмах Сургучёву. В 1913 г. «Жизнь Матвея Кожемякина» вошла в т. 12 и 13 Сочинений Горького (СПб.: «Жизнь и Знание»).

15.

Печатается по А (АГ. КГ-п-74-6-13). Впервые, частично: *Горький. Материалы*. Т. I. С. 307.

Датируется по упоминанию публикации в газете «Русское слово» статьи Горького «О современности» (1912. № 51, 2 марта и № 52, 3 марта).

Ответ на неразысканное письмо Горького.

¹ См. п. 6.

² Южин (Сумбатов) А. И. (1857—1927) — русский актёр, драматург, театраль-ный деятель. Речь здесь идёт, видимо, о гастрольных выступлениях театральной труппы, организованных Южиным.

³ Шевелёв (Шевелюхин) Н. А. (1869 или 1874—1929) — русский артист оперы, исполнитель главных партий в произведениях крупнейших русских и зарубежных композиторов.

⁴ «Тоска» (1899) и «Чио-Чио-сан» (1903) — оперы Дж. Пуччини (1858—1924); «Таяс» (1894) — опера Ж. Массне (1842—1912); «Измена» (1903) — пьеса А. И. Южина.

⁵ «1910... 1913. Пишет либретто оперы (не закончено). Заглавия нет, начало: “Праздник и ярмарка в заводском посёлке...”» (*ЛЖТ*. 2. С. 176).

⁶ Сургучёв пишет о IX сказке из «Сказок об Италии», одним из персонажей которой является придворный поэт Тамерлана Кермани, в конце повествования слагающий стихи, в которых прославляет Мать.

⁷ Речь идёт о статье Горького «О современности», напечатанной в газете «Русское слово» 2 и 3 марта 1912 г. Вероятно, здесь Сургучёв выражает согласие с проводимой в статье мыслью об упадке современной литературы, забвении её корней современными литераторами, об «утрате русской литературой её социально-педагогического значения». «Литератор», который «идёт за тем, кто больше платит», ассоциируется у Сургучёва с торговцем в храме («храме литературы», по выражению Горького): «Приближалась Пасха Иудейская, и Иисус пришёл в Иерусалим. И нашёл, что в храме продавали волов, овец и голубей, и сидели меновщики денег. И сделал бич из верёвок, выгнал из храма всех, также и овец и волов, и деньги у меновщиков рассыпал, а столы их опрокинул; И сказал продающим голубей: возьмите это отсюда, и дома Отца Моего не делайте домом торговли. При сем ученики Его вспомнили, что написано: “ревность по доме Твоем съедает Меня”» (Иоанн: 2, 13-17).

⁸ «Русское слово» — газета, издававшаяся в Москве в 1894—1916 гг.

⁹ Сургучёв пишет об одной из последних сцен своей повести (когда главный герой, жестокий и деспотичный губернатор, перед смертью приказывает начальнику тюрьмы выпустить на свободу всех заключённых), а также о сцене его предсмертных видений.

¹⁰ «Наш альманах». Литературно-художественный сборник. При участии И. Д. Сургучёва. Ставрополь — губ., тип. «Северный Кавказ», 1912.

¹¹ Роман Л. Н. Андреева «Сашка Жегулёв».

¹² Колокольня на площади св. Марка в Венеции, обрушившаяся 9 июня 1897 г. (восстановлена в 1912 г.).

¹³ «Ныне отпускаеши» — первые слова обращения к Богу праведника Симеона, жившего в Иерусалиме. Святым Духом Симеону было открыто, что он не умрёт, не увидев Мессии. Когда Симеон увидел принесённого в храм младенца Иисуса, он воскликнул: «Ныне отпускаешь раба Твоего, Владыко, по слову Твоему, с миром; Ибо видели очи мои спасение Твое, Которое Ты уготовал пред лицом всех народов, Свет к просвещению язычников, и славу народа Твоего Израиля» (Лука: 2, 29—32).

16.

Печатается по А (АГ. ПГ-рл-42-7-6). Впервые: Г-30. Т. 29. С. 234.

Датируется по времени пребывания Горького в Париже — с 15 (28) марта по 5 (18) апреля 1912 г.

Ответ на предыдущее письмо Сургучёва.

17.

Печатается по А (АГ. КГ-п-74-6-12). Впервые, частично: Горький. Материалы. Т. I. С. 306—307.

Датируется по времени издания романа В. А. Тихонова «Карьера» и предстоящей поездки Сургучёва на Капри.

Ответ на неразысканное письмо Горького.

¹ Спектакль «Юлий Цезарь» был поставлен на сцене Московского Художественного театра в 1903 г.

² Антоний Марк (около 83—30 до н.э.) — римский полководец, сторонник Цезаря.

³ Об этом эпизоде Сургучёв писал позднее в автобиографическом рассказе «Неиспользованная тема» (Возрождение. 1954. № 32), вспоминая об одной из своих встреч с Вл. И. Немировичем-Данченко. Познакомившись с Сургучёвым уже как успешным начинающим драматургом, Немирович-Данченко отозвался о нём как о «на сто процентов театральном человеке» с «абсолютным театральным слухом» и вспомнил, как он — тогда ещё студент-статист — играл роль сенатора в спектакле «Юлий Цезарь».

⁴ Форум — в Древнем Риме площадь, центр политической жизни. Главный Форум Рима — Форум Романум (VI в. до н.э.). Ростра (от латинского «rostrum» — «нос корабля») — украшенная носами трофейных кораблей ораторская трибуна на Форуме.

⁵ Петров Г. С. (1866—1925) — священник, религиозный писатель, популярный проповедник.

⁶ Телеграмма не разыскана.

⁷ Аристид Фомич Кувалда, содержатель ночлежки, любитель «витиеватых речей» — герой рассказа Горького «Бывшие люди» (1897). Очевидно, Сургучёв имел в виду сюжет, в котором фигурировал бы этот персонаж более раннего произведения Горького.

⁸ Тихонов В. А. Карьера: Роман в 2 ч. СПб.: М. Г. Корнфельд, 1912. Имеется в ЛБГ с дарственной надписью: «Любимому всем сердцем, глубоко чтимому, светлому человеку, гражданину и писателю Алексею Максимовичу Пешкову (М. Горькому) от беспредельно признательного ему В. Тихонова, 22 января 1912 г., Гатчина» (ОЛБГ. 8413).

⁹ См.: Экспедиция в Западную Европу сатириконцев: Южакина, Сандерса, Мифасова и Крысакова. СПб.; журнал «Сатирикон», 1912.

18.

Печатается по А (АГ. КГ-п-74-6-17), впервые.

Датируется по времени пребывания Сургучёва в Париже и по времени отправления им двух писем Е. П. Пешковой: от 29 апреля 1912 г. из Парижа и от 24 мая 1912 г. с Капри.

¹ Котляревский Н. А. (1863—1925) — литературовед, критик, публицист; первый директор Пушкинского Дома (с 1910 г.). В 1908—1917 гг. — зав. репертуаром Русской драматической труппы.

² Пьеса Сургучёва «Торговый дом» была поставлена в начале театрального сезона 1913—1914 гг.

³ Сведения о предполагаемом чтении Сургучёвым пьесы «Торговый дом» не разысканы.

⁴ В 1915 г. в Московском Художественном театре была поставлена вторая пьеса Сургучёва «Осенние скрипки» (см. вступ. статью).

⁵ Сведения о чтении Горьким пьесы «Торговый дом» не разысканы.

⁶ С. П. Боголюбов (?—1927) — заведующий конторой издательства «Знание».

⁷ Гюрджян А. М. (1881—1948) — армянский скульптор, своеобразно сочетавший в своем творчестве черты древнего восточного и современного западноевропейского искусства. Автор портретов С. В. Рахманинова (1915), М. С. Сарьяна (1927). В то время, когда Сургучёв посетил его мастерскую, жил в Париже. Возможно, о Гюрджяне Сургучёву рассказал Горький: над его портретом скульптор работал в марте—апреле 1912 г. (ЛЖТ. 2. С. 263).

19.

Печатается по А (АГ. КГ-п-74-6-18), впервые.

Датируется по времени пребывания Сургучёва в Париже.

Ответ на разысканное письмо Горького.

¹ В статье «Из театральных воспоминаний» (Возрождение. 1955. № 40) Сургучёв писал, что работу над пьесой «Торговый дом» он начал летом 1912 г. на Капри, и Горький уже тогда частично ознакомился с набросками к ней. Оценка написанного Горьким была неопределённой и весьма сдержанной.

² Незлобин (Алябьев) К. Н. (1857—1930) — актер, режиссер, антрепренер, в 1909—1917 гг. владелец театра в Москве.

³ Письмо Горького с отзывом о пьесе «Торговый дом» не разыскано.

Печатается по А (АГ. КГ-п-74-6-14), впервые.

Датируется по записи в Дневнике Пятницкого о приезде Сургучёва к Горькому 9 (22) мая 1912 г.

Печатается по А (АГ. КГ-п-74-6-39), впервые.

Датируется по примечанию к письму Горького Амфитеатрову между 20 и 27 мая 1912 г.: «Сургучёв приехал на Капри в конце мая 1912, уехал 4 июня 1912» (ЛН. Т. 95. С. 395).

¹ «Да не хвалится мудрый мудростью своей» — I Цар. 2, 10; Иер. 9, 23.

² Сократ (около 470—399 до н. э.) — древнегреческий философ, один из родоначальников диалектики.

³ Рябушинский Н. П. (1877—1951) — меценат, коллекционер, книгоиздатель; основатель ежемесячного художественного и литературно-критического журнала «Золотое руно» (1906—1909, Москва), во главе которого стоял А. Бенуа.

⁴ Малиновская Е. К. (1870—1942) — друг Е. П. Пешковой, общественная и театральная деятельница.

⁵ Сургучёв имеет в виду повесть Л. Н. Толстого «Холстомер» («История лошади»), 1885 г.

Печатается по А (АГ. КГ-п-74-6-22), впервые.

Датируется по времени возвращения Сургучёва из заграничной поездки летом 1912 г.

Ответ на неразысканное письмо Горького.

¹ Сандзин Сандзами. Нихон Мукаси Банаси: Сказания древней Японии (изд. А. Ф. Девриена). Речь может идти о петербургском издании этой книги.

² В ЛБГ указанной книги нет.

³ Вероятно, Сургучёв пишет о завершении летней поездки за границу в 1912 г.

⁴ В. А. Тихонову Сургучёв писал тогда же: «Есть небольшая новость. Миролюбов просил у меня рассказ для сборника “Знания”, т. к. он редактирует их. Послал ему “Сон” и сообщил, что пишу “Губернатора”. Он взял “Сон”, передал в “Современник”. <...> Написал, что “Сон” пойдёт в сентябре» (РГАЛИ. Ф. 34). Рассказ в «Современнике» напечатан не был, т. к. Сургучёва не удовлетворила сумма предложенного ему гонорара. Был напечатан в т. II «Рассказов» И. Сургучёва (СПб.: «Знание», 1913).

Печатается по А (АГ. КГ-п-74-6-19), впервые.

Датируется по фразе: «Хочу после 1-го числа в Питер поехать» и по времени отправления Сургучёвым письма Е. П. Пешковой от 30 октября 1912 г. из Петербурга.

¹ В третьем номере журнала «Заветы» было опубликовано продолжение «Повести о днях моей жизни, радостях моих и злоключениях. Детство» И. Е. Вольнова (Вольного) (начало в № 1, 2). После выхода первого номера журнала (май 1912), между 20—27 мая 1912 г. Горький писал Амфитеатрову: «Если попадет Вам в руки книжка “Заветов” — обратите внимание на повесть Вольного: вот как деревня пишет о себе самой!» (АГ. ПГ-рл-1-25-162).

² Слова Г. А. Потемкина, обращенные к Д. И. Фонвизину после премьеры комедии «Недоросль» в сентябре 1782 г.: «Умри, Денис, лучше не напишешь».

³ Лещинский Н. Е. (1879—1961) — писатель. В АГ хранится одно письмо Горького Лещинскому (от 21 апреля 1934 г.) и одно письмо Лещинского Горькому (от 28 марта 1928 г.).

⁴ Этот эпизод использован Сургучёвым как сюжет первой части рассказа «Следы вчерашнего» — «Длинные мундштуки».

⁵ Видимо, после 1 октября 1912 г.

⁶ Лохвицкая (Тэффи) Н. А. (1872—1952) — прозаик, поэт, драматург.

⁷ А. А. Золотарёв.

⁸ А. А. Золотарёв являлся председателем «Общества взаимопомощи русской колонии на Капри». Главной задачей Общества было оказание помощи русским интеллигентам, живущим в основном литературными заработками. Средства Общества складывались из членских взносов и благотворительных пожертвований, получаемых при посредстве Горького.

⁹ Повесть Золотарёва «Во едину от суббот» была опубликована в *Сб. Зн.* 40 в феврале 1913 г.

¹⁰ Выборы в IV Государственную думу.

24.

Печатается по А (АГ. КГ-п-74-6-23), впервые.

Датируется по почт. шт.: 29.10.12.

¹ Гусев-Оренбургский (Гусев) С. И. (1867—1963), писатель.

² Повесть С. И. Гусева-Оренбургского «Призрак» (Современный мир. 1912. № 6, 7, 8).

25.

Печатается по А (АГ. КГ-п-74-6-24), впервые.

¹ С. П. Боголюбов.

² Повесть А. А. Золотарёва, см. п. 23.

³ Сургучёв имеет в виду Первую Балканскую войну (9.10.1912 — 30.05.1913) между Балканским союзом (Болгария, Сербия, Греция, Черногория) и Турцией, закончившуюся поражением Турции.

⁴ В конце апреля — конце мая 1912 г., во время летней поездки во Францию, Италию (в том числе на Капри) и Швейцарию.

⁵ Слова священника о. Христофора Сирийского: «Едешь, едешь, прости Господи, взглянешь вперёд, а степь всё такая же протяженно-сложённая, как и была: конца-краю не видать!» (из повести А. П. Чехова «Степь», гл. VIII).

⁶ Эту мысль Сургучёв также развивает в одном из своих первых писем Горькому (см. п. 7).

⁷ Вольнов И. Е. (псевд. Вольный) (1885—1931) — писатель.

⁸ Судя по датировкам пяти писем Сургучёва Е. П. Пешковой, отправленных им из Петербурга, писатель находился там в период примерно с октября 1912 г. до конца января 1913 г. (по ст. ст.): 30 октября (12 ноября); после 7 (после 20) ноября; 25 ноября (7 декабря); 26 декабря 1912 (8 января 1913 г.) и 21 января (2 февраля) 1913 г.

⁹ Баранцевич К. С. (1851—1927) — писатель.

¹⁰ «Торговый дом».

¹¹ Александринском в Петербурге и Малом театрах в Москве.

¹² Сологуб Ф. К. (1863—1927) — поэт, прозаик, драматург, переводчик, теоретик символизма.

¹³ Мейерхольд В. Э. (1874—1940) — режиссёр. С 1898 г. — актёр Московского Художественного театра, позднее — актёр и режиссёр (Херсон, Николаев, Петербург). В 1920—1938 — главный режиссёр театра в Москве (театр имени Мейерхольда). Для режиссуры Мейерхольда характерен поиск новых форм агитационного, публицистически острого зрелищного театра.

¹⁴ Пьеса Ф. К. Сологуба «Заложники жизни» была поставлена в Александринском театре 6 ноября 1912 г. (режиссёр — В. Э. Мейерхольд, художник — А. Я. Головин; в роли Лилиг — Н. К. Тхоржевская). Ироничный тон Сургучёва объясняется тем, что модернистская пьеса Сологуба ставится на сцене государственного академического театра, следующего классической традиции.

¹⁵ См. примеч. 3 к п. 12.

¹⁶ Приклеенная на лист письма газетная вырезка.

26.

Печатается по А (АГ. КГ-п-74-6-26), впервые.

Датируется по почт. шт.: 13.12.12.

Ответ на неразысканное письмо Горького.

¹ Эрменхильдо Англада-и-Камароса (1872—1959) — испанский художник. О сильном впечатлении от его работ, которые Горький видел на Международной художественной выставке в Риме (см. примеч. 2), он писал художнику С. М. Прохорову в июне 1911 г.

² Горький посетил Международную художественную выставку в Риме около 11 (24) апреля 1911 г. (ЛЖТ. 2. С. 194).

³ К. П. Пятницкий.

⁴ С. П. Боголюбов.

⁵ Слова Бога, обращённые к Адаму перед изгнанием из Эдема: «В поте лица твоего будешь есть хлеб, доколе не возвратишься в землю, из которой ты взят, ибо прах ты, и в прах возвратишься» (Первая книга Моисеева: Бытие: 3, 19).

⁶ Альтенберг Петер (псевд. Р. Энглендера) (1859—1919) — австрийский писатель.

⁷ «Русская молва» — газета, издаваемая в Петербурге в 1912—1913 гг.; редактор — С. А. Адрианов.

⁸ В первом полугодии 1913 г. (№ 1—6) в журнале «Современник» не были опубликованы ни статья Сургучёва «Обиженные медведем», о которой он упоминает, ни ещё какие-либо его критические статьи.

⁹ Беляев Ю. Д. (1876—1917) — русский театральный критик и драматург. Премьера пьесы Ю. Беляева «Дама из Торжка» прошла 15 декабря 1912 г. на сцене московского театра Незлобина. 17 декабря 1912 г. в газете «Русская молва» (№ 9. С. 4) была опубликована рецензия на спектакль («Театр К. Незлобина. “Дама из

Торжка”, пьеса Ю. Беляева) за подписью «И-н». Авторство Сургучёва установить не удалось.

¹⁰ Рецензия Ю. Беляева на пьесу И. Сургучёва «Торговый дом» в газете «Новое время» не разыскана.

¹¹ Премьера пьесы Л. Н. Андреева «Профессор Сторицын» в Александринском театре состоялась 14 декабря 1912 г.

¹² Пьеса Л. Н. Андреева «Профессор Сторицын» вызвала ряд рецензий в киевской печати, в частности отзыв Бикмана в газете «Последние новости» (1912. № 1860. 3 (16) нояб. С. 3), Н. Николаева в газете «Киевлянин» (1912. № 306. 4 (17) нояб. С. 4), В. Чаговца в газете «Киевская мысль» (1912. № 306. 4 (17) нояб. С. 4). 8 (21) ноября Андреев обратился с открытым письмом «гг. В. Чаговцу, Н. Николаеву и Бикману». Ответом на него были публикации: «Андреев сердится» (Последние новости. Киев. 1912. № 1867. 10 (23) нояб. С. 4); «Г. Андреев жалуется» (Последние новости. Киев. 1912. № 1869. 12 (25) нояб. С. 4); № 1887. 30 нояб. (13 дек.). С. 4); «Андреев обиделся» (Киевская мысль. 1912. № 314. 12 (25) нояб. С. 2); статья Н. Николаева «“Профессор Сторицын” г. Л. Андреева в отзывах столичной печати» (Киевлянин. 1912. № 352. 20 дек. 1912 (2 янв. 1913). С. 4).

¹³ Второй том «Рассказов» Сургучёва вышел в «Знании» в 1913 г.

¹⁴ Смысл эпизода восстановить не удалось.

¹⁵ Ге Г. Г. (1867—?) русский актёр и драматург, заслуженный артист государственных академических театров. На сцене с 1889 г.; с 1897 г. и до конца жизни служил в Александринском театре. Исполнитель ролей Гамлета, Шейлока, Яго, Иоанна («Смерть Ивана Грозного» А. К. Толстого); Веррины («Заговор Фиеско» Ф. Шиллера) и др. Автор около 20 пьес (в основном мелодрам), поставленных на столичных и провинциальных сценах.

¹⁶ Литературно-политический журнал, начавший издаваться в Петербурге. Вышло два номера журнала (январь и февраль 1913).

¹⁷ Тихонов В. А., редактор журнала «Кругозор».

¹⁸ «Среди сотрудников журнала “Кругозор” был указан М. Горький, и в сообщении от редакции в № 1 была анонсирована статья М. Горького. Однако статья М. Горького в № 2 не появилась, а на странице объявлений напечатано: “По не зависящим от редакции обстоятельствам, статья М. Горького помещена не будет”» (Горький. Материалы. Т. 1. С. 316).

¹⁹ Рассказ «Ледоход» («Из впечатлений проходящего») — Вестник Европы. 1912. № 12. Впоследствии был включен Горьким в цикл «По Руси».

27.

Печатается по А (АГ. КГ-п-74-6-25), впервые.

Датируется по почт. шт.: 21.12.12.

¹ Газета «Русская молва».

² Рассказ «Следы вчерашнего».

³ Рассказ был опубликован в журнале «Современник» (1913. № 1).

28.

Печатается по А (АГ. КГ-п-74-6-27), впервые.

Датируется по времени выхода № 1 журнала «Современник» (1913).

¹ Рассказ «Следы вчерашнего».

² Ёлочка — один из персонажей рассказа; ее прототип — семилетняя, младшая, дочь Сургучёва Вера.

³ Сургучёв неточно цитирует текст рассказа. Следует: «И пришли ещё рубль денег. Потому что на дело нужно» (см.: *Сургучёв И. Д.* Губернатор: Повесть, рассказы. М.: Современник, 1987. С. 426).

⁴ Также неточное цитирование. Следует: «Раз на дело, — что ж тут ещё разговаривать?» (Там же).

⁵ «И подумал тогда я: есть в сердце человеческом две чаши слёз: одна полна слезами радостными, другая — до краёв налита слезами печальными. Умирает человек и оставляет на земле одну чашу печальную, вероятно, всегда пустую. Бывает ли так же опустошена чаша со слезами радости?» (Там же. С. 425). Образ «чаши слёз» восходит к библейской Чаше — символу страдания.

⁶ Рассказ «Следы вчерашнего» представляет собой своеобразный триптих; в сюжетной основе каждой его части угадывается определённый эпизод биографии Сургучёва. Последняя, третья, часть («Профессор») связана с одним из самых трагических событий в жизни писателя — смерти его молодой жены, оставившей двух малолетних дочерей: на момент повествования Ёлочке и Колокольчику (это «домашние» имена девочек) семь и девять лет. Исходя из смысла комментируемой фразы Сургучёва и учитывая автобиографичность произведения, можно предположить, что письма девочек, данные в тексте рассказа, действительно существовали и были очень дороги Сургучёву; поэтому именно их правка (а следовательно, искажение) вызвала возмущение и протест писателя.

⁷ Редакционная правка рассказа Сургучёва была сделана Е. А. Ляцким — соредактором Горького по отделу беллетристики и критики в журнале «Современник». В связи с этим Горький писал Ляцкому 10 (23) января 1913 г.: «Боюсь, что Сургучёв обидится на поправки, ибо он считает себя писателем законченным» (АГ. ПГ-рл-24-9-42). Действительно, вторая миниатюра «Следы вчерашнего» была опубликована в журнале «Кругозор» (1913. № 2).

⁸ Рассказ «Следы вчерашнего» включает три части: «Длинные мундштуки», «Письмо», «Профессор».

29.

Печатается по А (АГ. КГ-п-74-6-28), впервые.
Датируется по предыдущему письму Сургучёва.

¹ Видимо, п. 28.

² Письмо В. А. Тихонова не разыскано.

30.

Печатается по А (АГ. КГ-п-74-6-29), впервые.
Датируется по фразе: «Новый год встречали у Тихонова».
Ответ на неразысканные телеграммы и письмо Горького.

¹ О каком из рассказов Сургучёва идёт речь, не установлено. Возможно, Сургучёв имеет в виду рассказ, о работе над которым он писал Горькому в письме 30.

² Сведения о переводе пьесы «Торговый дом» на латышский язык не разысканы.

³ Видимо, описка Сургучёва. Учитывая то, что письмо датируется началом января 1913 г., следует: «до 10 февраля».

⁴ Пьеса «Осенние скрипки».

⁵ Прозвище конторщика Епиходова, персонажа комедии А. П. Чехова «Вишнёвый сад».

⁶ Рославлев А. С. (1883—1920) — поэт.

⁷ В Каноссе — замке маркграфини Матильды в Северной Италии — в январе 1077 г. император «Священной Римской империи» Генрих IV, отлучённый от церкви и низложенный, молил о прощении своего противника Папу римского Григория VII. В XI—XII вв. между императорами «Священной Римской империи» и римскими папами происходила борьба за инвеституру — право введения вассала во владение феодалом и утверждения епископов и аббатов в духовном сане. Переносное значение выражения «идти в Каноссу» — согласиться на унижительную капитуляцию.

⁸ В качестве ежемесячного обозревателя журнала «Заветы» М. Пришвин опубликовал семь статей в постоянной рубрике «По градам и весям» (№ 8, 9 за 1912, № 1, 2, 3 за 1913 и № 1, 4 за 1914). Отзыв Горького о Пришвине не разыскан.

⁹ Аид — в греческой мифологии имя бога царства мёртвых, а также название собственно царства мёртвых.

31.

Печатается по А (АГ. КГ-п-74-6-30), впервые.

Датируется по упоминанию о времени написания письма — первом воскресенья января 1913 г. — 6 (19) января.

Ответ на неразысканное письмо Горького.

¹ «Бродячая собака» — петербургское литературно-художественное кабаре (1912—1915). Посетив его 25 февраля 1915 г., Горький выступил на литературном вечере, посвящённом творчеству футуристов.

² Партийный состав IV Государственной думы почти не изменился по сравнению с III-й: сохранилось два большинства (правооктябристское и октябристско-кадетское). Однако общественное движение заметно оживилось: была создана новая либеральная Прогрессивная партия, которую возглавили представители крупной буржуазии — А. И. Коновалов, П. П. Рябушинский, С. Н. Третьяков и др. В своей программе они выступали за конституционную монархию, расширение прав Думы и ответственность министров перед ней. Прогрессивная партия, задачей которой была консолидация либеральных сил, занимала «промежуточное» положение между октябристами и кадетами.

³ После смерти супруги В. Иванова Л. Д. Зиновьевой-Аннибал 22 октября (4 ноября) 1907 г. петербургские «ивановские среды» были возобновлены и проходили по понедельникам с весны 1909 г., когда на «башне» проводились собрания «поэтической академии».

⁴ Каменский А. П. (1876—1941) — прозаик, драматург, киносценарист. Сургучёв имеет в виду рассказ Каменского «Леда» (Образование. 1906. № 12), «в котором героиня, призванная олицетворить тезис Каменского о победе над низменной похотью плоти, появляется перед гостем нагой» (*Русские писатели. 1800—1917*. Т. 2. С. 454). В 1907—1909 гг. Каменский пытался переработать рассказ в пьесу, которую запретила цензура.

⁵ Гефсиманская ночь — ночь, проведённая Иисусом Христом в саду в Гефсимании, где Он произнёс моление о Чаше.

⁶ Сургучёв упоминает о рассказе М. Арцыбашева «Деревянный чурбан», напечатанном в 1912 г. в X сборнике «Земля».

⁷ В 1909—1912 гг. издательство «Шиповник» выпустило Собрание сочинений Ф. К. Сологуба в 12 томах; кроме того, в «Шиповнике» вышли его романы «Мелкий бес» (1907) и «Тяжёлые сны» (1909, 3-е изд.); сборник рассказов «Книга разлук» (1908) и «Политические сказочки» (1906). Также «Шиповником» было издано Собрание сочинений А. М. Ремизова в 8 томах (1910—1912).

⁸ Терещенко М. И. (1886—1956) — меценат, из украинской династии сахарозаводчиков и землевладельцев. В ноябре 1912 г. основал петербургское издательство «Сириин» (руководитель — Р. В. Иванов-Разумник), в котором увидели свет произведения А. Ремизова, А. Блока, В. Брюсова, Ф. Сологуба.

⁹ *Сб. Зн.* 40 вышел в феврале 1913 г. и стал последним.

¹⁰ *Пришвин М. М. Сочинения.* Т. 3. «Славны бубны» и другие рассказы. СПб.: Знание, 1914; *Гусев-Оренбургский С. И. Сочинения.* Т. 4. Рассказы. СПб.: Знание, 1913.

¹¹ Второй том произведений Сургучёва вышел в «Знании» в 1913 г.

¹² Адрианов С. А. (1871—1942) — литературный критик, публицист, историк литературы, переводчик; в 1912—1913 гг. редактор газеты «Русская молва».

¹³ См. примеч. 14 к п. 25.

¹⁴ В статье «В поход против драмы (По поводу “Заложников жизни” Ф. Сологуба)», опубликованной в журнале «Современный мир» (1912. № 12), театральный критик Ф. Д. Батюшков писал: «Были и резко отрицательные отзывы, как и в самом театре раздавались протесты части публики, не удовлетворённой показанной ей новинкой».

¹⁵ Батюшков Ф. Д. (1857—1920) — историк литературы, журналист, общественный деятель, литературный и театральный критик. Сургучёв имеет в виду следующие публикации: «Ф. Д. Батюшков против Ф. Сологуба» за подписью «Театрал» (Петербургская газета. 1912. № 317. 17 нояб. С. 5); «Открытое письмо г. Сологуба — г. Батюшкову» (Петербургская газета. 1912. № 321. 21 нояб. С. 6); «Письмо в редакцию Ф. Д. Батюшкова» (Петербургская газета. 1912. № 322. 22 нояб. С. 4).

¹⁶ Публикации, отражающие полемику Ф. Сологуба с И. Сургучёвым, не разысканы.

¹⁷ См. примеч. 12 к п. 26.

¹⁸ См. примеч. 11 к п. 26.

¹⁹ Сургучёв имеет в виду отзывы Д. Мережковского и Д. Философова о пьесе «Торговый дом», опубликованной в № 8 журнала «Заветы» за 1912 г. (не разысканы). Островский А. Н. (1823—1886) — русский драматург, театральный деятель.

²⁰ Творчество И. Сургучёва и, в частности, пьесу «Торговый дом» Ф. Батюшков оценивал достаточно высоко (см. его статью «Новая пьеса» — Речь. 1912. № 304. 5 нояб. С. 3). В «Письме в редакцию Петербургской газеты» (см. примеч. 15) Батюшков также писал: «Я люблю Александринский театр, радуюсь его успехам, когда есть чему радоваться, огорчаюсь неудачами, если бывают и таковые, ценю нашу славную “гвардию” заслуженных артистов, приветствую молодые таланты, и всячески желал бы, чтобы наша национальная сцена действительно стояла на высоте “образцового театра”».

²¹ Котляревский Н. А. (1863—1925) — литературовед, критик, публицист; первый директор Пушкинского Дома (с 1910 г.). В 1908—1917 гг. — заведующий репертуаром Русской драматической труппы.

²² Видимо, «Письмо в редакцию» Ф. Батюшкова (см. примеч. 15).

²³ Премьера пьесы Сургучёва «Торговый дом» прошла в конце 1913 г.

²⁴ «Осенние скрипки».

²⁵ Постановка пьесы Сургучёва «Торговый дом» на сцене Малого театра была осуществлена в 1914 г. (см. вступ. статью).

²⁶ См. примеч. 17 к п. 26.

²⁷ Письмо И. Сургучёва появилось в № 1 журнала, и тотчас же по прочтении номера М. Горький написал его редактору В. А. Тихонову о своём отрицательном отношении к публикации письма-обращения Сургучёва: «Письмо И. Сургучёва Вы поместили напрасно: оно написано в таком “простом” тоне, точно Илья Дмитриевич беседует с Вами не в журнале, а в торговой бане. Как старый литератор и редактор Вы должны были сказать ему, человеку молодому, в литературе новому, что беседы в таком тоне — не хорошего тона беседы, и в серьёзном издании им не место» (*Горький. Материалы*. Т. I. С. 315).

²⁸ См. примеч. 19 к п. 26.

²⁹ Чернов В. М. — один из основателей партии эсеров, член её ЦК. Сотрудник журнала «Современник» (вместе с В. С. Миролубовым вошёл в редакционный совет в мае 1911 г.); также совместно с В. С. Миролубовым руководил редакцией журнала «Заветы», начавшего выходить с апреля 1912 г.

³⁰ Иванов-Разумник Р. В. (наст. фам. Иванов) (1878—1946) — русский литературовед и социолог.

³¹ Ремизов А. М. (1877—1957) — русский прозаик. Сургучёв пишет о ноябрьской публикации в журнале «Заветы» произведения А. Ремизова «Бисер малый от словес Дебренского старца» (Заветы. 1912. № 8. С. 42—60). Позднее в «Заветах» были также напечатаны следующие произведения А. Ремизова: «Сказ и рассказы» (Заветы. 1912. № 9. С. 9—25); «Свет немерцающий» (Заветы. 1913. № 3. С. 102—120); «Россия в письмах» (Заветы. 1914. № 3, 6. С. 136—154, 178—188).

³² Роман И. С. Рукавишникова (1877—1930) «Слуги царские» в журнале «Заветы» опубликован не был. Во втором номере журнала за 1913 г. был напечатан рассказ Рукавишникова «Карма» (с. 34—57).

³³ Екатерине Павловне Пешковой, приехавшей на Капри с М. Пешковым 7 (20) ноября 1912 г.

32.

Печатается по АМ (АГ. ПГ-рл-42-7-4,5). Впервые: *Горький. Материалы*. Т. I. С. 314—315.

Ответ на письмо Сургучёва от конца декабря 1912 г. (ст. ст.).

¹ См. примеч. 27 к п. 31.

33.

Печатается по А (АГ. КГ-п-74-6-31). Впервые, отрывок: *Горький. Материалы*. Т. I. С. 315.

Датируется по упоминанию о начале Великого Поста.

¹ В Россию Горький вернулся 31 декабря 1913 г.; 26 февраля (11 марта) 1913 г. в № 47 газеты «Правда» была опубликована заметка «21 февраля и Горький», в которой сообщалось: «По сведениям присяжн<ого> поверен<ного> О. Грузенберга, писатель М. Горький никаких дел, кроме литературных, не имеет, а потому никаких препятствий к его возвращению в Россию в настоящее время нет» (*ЛЖТ*. 2. С. 344).

² Речь идёт о заграничной поездке Сургучёва летом 1913 г.; на Капри писатель был с 10 (23) мая по 14 (27) июня.

³ См. примеч. 27 к п. 31.

⁴ «Русские ведомости» — одна из крупнейших русских газет, издаваемая в Москве в 1863—1918 гг. Отзыв на инициативу Сургучёва не разыскан.

⁵ Боттичелли Сандро (1445—1510) — итальянский живописец, представитель Раннего Возрождения.

⁶ Сургучёв имеет в виду Берлинские художественные музеи — один из крупнейших музейных комплексов в Европе, основанный в 1830 г. и включающий 13 музеев.

⁷ Неустановленное лицо.

⁸ Сведения о том, выслал ли Горький книгу указанному адресату, не разысканы.

⁹ См. примеч. 7 к п. 28.

¹⁰ Ошибка Сургучёва: видимо, «Гюрджана» (см. примеч. 7 к п. 19).

¹¹ В переписке с Е. П. Пешковой Сургучёв состоял с 1912 по 1925 гг.; в АГ хранится 40 писем Сургучёва и одно письмо его сестры Елизаветы Дмитриевны и дочерей Клавдии и Веры (от 17 апреля 1914 г.) Екатерине Павловне. На момент написания Горькому данного письма Сургучёвым было также отправлено письмо Е. П. Пешковой от 12 марта 1913 г. (АГ. ФЭП-кр-56-8-19).

34.

Печатается по А (АГ. КГ-п-74-6-32), впервые.

Датируется по времени пребывания Горького в Неаполе 23—25 августа (5—7 сентября) 1913 г.

Ответ на неразысканное письмо Горького.

¹ Сургучёв имеет в виду рецензии на второй том его «Рассказов», изданных в «Знании» в 1913 г. «Нижегородский листок» — ежедневная общественно-литературная, политическая и биржевая газета, издаваемая в Нижнем Новгороде в 1895—1916 гг. «Сибирская жизнь» — ежедневная политическая и экономическая газета, издаваемая в Томске в 1897—1916 гг.

² Статья Ю. Айхенвальда в газете «Речь», издаваемой в Петербурге в 1906—1916 гг. (не разыскана).

³ «Современное слово» (ранее — «Ежедневная почта») — ежедневная газета, издаваемая в Петербурге в 1907—1916 гг.

⁴ Рецензия А. Ожигова (не разыскана). А. Ожигов — псевдоним Ашешова Н. П. (1866—1923).

⁵ В газете «Современное слово» Ал. Ожигов вёл рубрику «Литературные мотивы».

⁶ «Утро России» — газета, издаваемая в Москве в 1907, 1909—1916 гг.

⁷ Рецензия Ермилова не разыскана.

⁸ См. примеч. 9 к п. 4; примеч. 5 к п. 6.

⁹ «Кубанский край» — ежедневная общественно-политическая и литературная газета, издаваемая в Екатеринодаре в 1909—1916 гг.

¹⁰ Постоянно повторяющаяся в III действии пьесы А. П. Чехова «Вишнёвый сад» реплика Симеонова-Пищика.

¹¹ «Торговый дом».

¹² Слова Иисуса Христа из Нагорной проповеди: «А Я говорю вам, что всякий, кто смотрит на женщину с вожделением, уже прелюбодействовал с нею в сердце своём» (Матфей: 5, 28).

¹³ В конце лета 1913 г. — 23—25 августа (5—7 сентября) — Горький находился в Неаполе в связи с лечением М. Пешкова (ЛЖТ. 2. С. 373). Об этом Горький писал Ладыжникову 23 августа (5 сентября) 1913 г. (АГ. ПГ-рл-22-1-154) и, очевидно, Сургучёву.

¹⁴ М. А. Волжиной, матери Е. П. Пешковой.

¹⁵ Речь может идти об одной из книг Амфитеатрова, изданных в этот период: «И черти и цветы» (СПб.: Знание, 1913); «...На всякий звук (Заметки)» (СПб.: Знание, 1913); «Наследники» / Повесть. Изд. 2-е (СПб.: Прометей, 1913); «Паутина» / Роман (СПб.: Прометей, 1912—1913); «Разбитая армия» / Роман (М.: Л. А. Столяр, 1913).

35.

Печатается по А (АГ. КГ-п-74-6-33), впервые.

¹ Рескин (Раскин) Джон (1819—1900) — английский писатель, теоретик искусства, идеолог прерафаэлитов — группы английских художников и писателей XIX в., избравшей эстетическим идеалом искусство Средних веков и Раннего Возрождения (до Рафаэля).

² К письму Сургучёва приложена газетная вырезка; её содержание представляет собой обширную цитату Дж. Рескина, по мнению которого «вся суть художника — прозревать и чувствовать. Не его дело думать, рассуждать, доказывать или знать».

36.

Печатается по А (АГ. КГ-п-74-6-34), впервые.

¹ Горький приехал из Сорренто в Москву 20 мая 1928 г.

«...КАКОЙ-ТО КУСОК МОЕГО СЕРДЦА КРЕПКО СРОСЯ С ТОБОЮ»

ИЗ ПЕРЕПИСКИ ГОРЬКОГО и ЗИНОВИЯ
ПЕШКОВА. 1922—1925 гг.

*Вступительная статья, подготовка текста и примечания
А. В. Евдокимова*

Личность Зиновия Пешкова в полной мере отражает дух своего времени. Разведчик, солдат, дипломат, писатель, он мог бы стать героем не только и не столько научного исследования, а, скорее, приключенческого романа.

Зиновий Пешков родился 16 октября 1884 г. в Нижнем Новгороде в обычной для того времени еврейской семье владельца граверной мастерской Михаила Израилевича Свердлова. Его младший брат, Яков Михайлович Свердлов, как известно, позднее вошел в историю, в качестве соратника вождя русской революции В. И. Ленина.

Сразу два сподвижника — де Голля и Ленина — в одной семье скромного нижегородского гравера. Этот удивительный акт всегда порождал массу слухов и гипотез порой самого фантастического свойства. Однако никаких загадок в этом нет. В конце концов, отечественная и мировая история знает и другие, не менее удивительные совпадения. Вряд ли стал бы знаменитым Зиновий Пешков, если бы не «его величество» случай — знакомство семьи Свердловых на Нижегородской ярмарке с Максимом Горьким. Зиновий больше других сошелся с писателем, одно время выполняя обязанности секретаря в его доме.

30 сентября 1902 г. Зиновий Свердлов крестился и стал Зиновием Алексеевичем Пешковым. По некоторым, хотя и неподтвержденным свидетельствам, родной отец проклял его за это. Разругавшись с родным отцом, Зиновий еще больше сблизился с Горьким. С этого момента и до самой смерти писателя они, действительно, стали относиться друг к другу, как близкие родственники. В одном из писем Горький признался крестному сыну: «...какой-то кусок моего сердца крепко сросся с тобою»¹. Когда Горький умер в 1936 году, Зиновий, по воспоминаниям его последней жены Эдмонды Шарль-Ру, очень переживал и все время повторял: «Мой обожаемый отец... Мой обожаемый отец...»².

Нет смысла в кратком предисловии излагать все отнюдь не простые перипетии в отношениях Горького и Зиновия. Они нашли детальное отражение в 42 письмах Горького Зиновию и 84 ответных. На самом деле, писем было еще больше, но не все из них в силу разных причин сохранились.

Подробно история отношений Горького и его крестного сына излагается в публицистической книге Михаила Пархомовского «Сын России, генерал Франции». В настоящем издании рассказывается лишь об одном, но достаточно насыщенном событиями периоде — 1922—1925 гг., времени участия Зиновия Пешкова в составе так называемого Иностранного легиона французской армии в колониальной войне в Марокко. И об отношении к этому Алексея Максимовича Горького. Развернувшаяся между ними полемика наиболее полно отражена в приведенных ниже 8 письмах Горького этого времени и 8 ответных.

Иностраннный легион, в ряды которого в 1922 г. влился на тот момент еще капитан французской армии Зиновий Пешков, — это особый мир свободы и сумасшедшего геройства искателей приключений со всего мира. Возникновение Иностранного легиона историками датируется 1831 г., когда был издан декрет короля Луи-Филиппа Орлеанского о формировании специального войска из наемников, предназначенного для колонизации Алжира. В 1855—1856 гг. легионеры приняли самое активное участие в агрессии против России, штурмуя твердыню Черноморского флота Севастополь. Звездный час Иностранного легиона пришелся на период Первой мировой войны, когда французское правительство решило в очередной раз объединить добровольцев из числа иностранцев, включая Зиновия Пешкова, в рядах единого подразделения. Воины Иностранного легиона отличились во время сражений под Верденом, а также на реках Маас и Сомма.

В бою под Аррасом 9 сентября 1915 г. Зиновий Пешков был тяжело ранен, потерял правую руку, что, однако, не помешало ему вскоре принять участие в разведывательно-дипломатической миссии в России. В период Гражданской войны он был направлен французским правительством в качестве так называемого ответственного секретаря Международной комиссии помощи голодающим России. Зиновий встречался тогда несколько раз с Горьким, довольно откровенно беседовал с ним, а потом сообщал полученную информацию своему начальству: «Горький говорит, что положение в России гораздо хуже, чем это представляют в Европе, и что оно ухудшается с каждым днем, несмотря на все старания большевиков уверить в обратном <...> Горький покинул Россию окончательно. Горький считает, что продажность и взяточничество созданы и поддерживаются режимом. Они повсеместны, ими пронизаны все органы, заражено население.

На русский народ Горький смотрит крайне пессимистично»³.

В результате Франция отказалась предоставить большевистскому правительству кредиты.

Марокко стало для Зиновия очередной «невыполнимой» миссией. В 1920-х гг. французы в союзе с испанцами вели там крайне ожесточенную и несправедливую колонизаторскую войну против Рифской республики. В сентябре 1921 г. племена Северного Марокко, разгромив испанские колониальные войска, провозгласили свое независимое государство. Президентом образованной тогда Рифской республики стал национальный герой арабов и берберов Абд Аль-Керим.

В задачу Иностранного легиона в Марокко входило подавление этого, по сути, национально-освободительного движения. В рядах французских экспедиционных войск было очень много русских наемников из числа бывших белогвардейцев и эмигрантов. Русские радикально изменили отношение местного населения к легионерам. Один из них, казак Николай Матин, спустя многие годы вспоминал: «Слово “легионер” в местном понимании — бандит. Не так давно, всего за 2—3 года до приезда в легион русских (1920 г.), взгляд на легионера был таков: после занятий трубач выходил и особым сигналом извещал жителей, что легионеры “идут гулять”. Все магазины закрывались. По приезде же русских отношение жителей резко изменилось к лучшему, и многих из нас принимали в частных семейных домах»⁴. В кратком предисловии к своей книге воспоминаний «Звуки горна» Зиновий Пешков совсем иначе оценил эффект, который производили на местных жителей команды легионерского трубача. «Местные жители радуются, — писал он, — когда слышат этот звук. Они чувствуют себя защищенными, они чувствуют уверенность в завтрашнем дне, они знают, что могут работать в мире и безопасности, что соберут то, что посеяли...»⁵. Вот такая идиллическая картина братания берберов и опьяненных жаждой крови, славы и денег легионеров.

Основу Иностранного легиона в Африке составляли два полка. Один был размещен в тунисском городе Сус. Второй полк, в котором служил Зиновий Пешков, базировался в Алжире, периодически совершая походы, а по существу карательные марши по крепостям в Марокко. Крепости служили опорными пунктами военного присутствия Франции в этом регионе. Комендантом одной из них Казба-Табла (Kazba-Tabla) и был назначен Зиновий.

«Можно ли оправдать З. Пешкова, участника колониальной войны против рифских повстанцев?»⁶ — задает вопрос в своей книге Михаил Пархомовский. По его мнению, это участие было вынужденным, сродни вовлеченности Михаила Лермонтова в Кавказскую войну. Подобное сравнение достаточно спорно. Лермонтов в составе русских войск отстаивал интересы своего Отечества и, самое главное, никогда не был наемником. Зиновий Пешков, как явствует из писем к Горькому и автобиографической книги «Звуки горна», участвовал в войне в Марокко совершенно осознанно. Как будет отмечено ниже, Горький явно не одобрял этого поступка

крестника, хотя и считал, по-видимому, что эта колониальная война — всего лишь очередное приключение в жизни Зиновия.

15 декабря 1923 г. Горький писал Зиновию: «Я не мог думать, что ты снова пошел на военную службу и уехал в Африку, это, на мой взгляд, было поступком против того настроения, в котором я видел тебя при последнем свидании»⁷. Удивление Горького было вызвано, очевидно, тем, что потерявший руку крестный сын, постоянно уверявший его и всех окружающих в том, что война ему ужасно надоела, едва представилась возможность, снова отправился на поля сражений. О намерении уйти с военной службы Зиновий, действительно, говорил во многих своих письмах к отцу. Уверял постоянно в этом и во время своих приездов в гости к писателю. Как явствует из письма Горького Е. П. Пешковой от 25 октября 1922 г., при встречах в Сорренто они с Зиновием обсуждали варианты его новой, мирной жизни: «На днях приехал ко мне из Марокко Зиновий Пешков и сказал, что военная служба надоела ему, и он хочет заняться культурной работой»⁸. Но любой подобный план изначально был обречен на неудачу. Прирожденный солдат, Зиновий уже не видел своего существования вне кровавой бойни, в какой бы точке земного шара она ни происходила. Да и сам Горький после получения писем от него с восхищенными рассказами об Африке и традициях Иностранного легиона утвердился во мнении, что его крестный сын стал наемником, повинувшись какому-то подсознательному влечению к приключениям. «Я так и предполагал, — отвечал он Зиновию, — что тебя бросило в Африку силою некоего сердечного припадка»⁹.

Горький очень точно определил главный, основной конфликт колониальной войны в Марокко — это столкновение цивилизаций. Столкновение разных мировоззрений — европейского и афро-азиатского. Война Севера и Юга. Причем симпатии Горького в этой и грядущей схватке, конечно же, на стороне Европы, на которую со всех сторон наступают «...люди иных рас, люди, усваивающие только ее технику и чуждые ее духа»¹⁰.

В подобной экспансии с Юга и Востока, по его мнению, скрыта вполне определенная угроза ни больше ни меньше, как гибели европейской цивилизации и культуры. В том же письме он высказал это опасение: «Может быть, наступает новая эпоха, культуры — черных, желтых, а белая раса должна сыграть роль Греции или Рима, расплыться в массе новых людей?»¹¹.

Маловероятно, что Горький пытался в этом письме оправдать колониальные войны. Как писатель и гуманист, он был против войны как таковой, но и тревога за будущее европейской культуры, как известно, была ему присуща всегда.

Зиновий в одном из ответных писем, кстати, полностью согласился с ним в оценке разрушения европейских ценностей. «То, что ты пишешь о

Европе, — замечает он, — в том согласен с тобою. Страшное мы время переживаем...»¹². В этом и других своих письмах Зиновий словно оправдывается перед отцом за участие в постыдной войне. Он понимает несправедный ее характер, но считает, что огнем и мечом европейцы несут берберам цивилизацию. Сам он далек от тщеславных устремлений и якобы не ищет славы на фронтах в Марокко. Зиновий приводит в финале этого письма весьма показательный для себя диалог с французским маршалом Льотэ с отказом от производства в очередной чин.

Горький почти не затрагивал в своих письмах к крестному сыну марокканскую войну, прекрасно понимая, что их точки зрения здесь никак не совпадают друг с другом. Молчание Горького в этом плане тем более показательно, если учесть, что сам Зиновий очень подробно и красочно описывал ему свои фронтовые будни, а также быт и нравы берберов и солдат Иностранного легиона. Но один раз он уже не смог сдержать своих эмоций, когда получил известие о ранении Зиновия в ногу в июне 1925 г.

В своем письме на адрес госпиталя в Рабате он выразил надежду, что это для Зиновия уже должно быть точно «последнее <...> сражение на войне бесполезной». Причем это был не какой-то умозрительный пацифизм Горького, а по-настоящему выстраданная позиция. «Это уж не философия, а нечто органическое»¹³, — заключил он.

В этих словах наиболее полно и точно выражено отношение Горького к войне. И не только к колониальной кампании в Марокко, но, вообще, к войне как делу «бесполезному». Более того, Горький, похоже, старался при встречах убедить в этом и Зиновия. О своих пацифистских разговорах с ним в Сорренто он, в частности, упоминает в письме от 8 октября 1925 г. В. М. Ходасевич: «Да, — был одорукий и хромой Зиновий Пешков, очень интересно рассказывал, как дерутся в Марокко. Хорошо дерутся. Я посоветовал ему все-таки отказаться от этого дела, жениться на богатой американке»¹⁴. Однако Зиновий остался при своем мнении: еще через год он, «одорукий и хромой», отправится на новую колониальную войну, на этот раз против друзей в Сирии. Не случайно в одном из писем к Е. П. Пешковой Горький назвал его «неуемным парнем»¹⁵.

Именно тогда, летом 1925 г., находясь на лечении в рабатском госпитале, «неуемный парень» Зиновий Пешков задумал написать свою ставшую позднее знаменитой книгу «Звуки горна». Она была подготовлена им очень быстро, буквально за четыре месяца, во многом благодаря тому, что основу мемуаров составили заранее заготовленные дневниковые заметки. Скорее всего, именно Горький посоветовал в свое время Зиновию вести подобные записи. Не случайно многие письма Зиновия к нему буквально насыщены красочными описаниями. В них он, очевидно, стремился, что называется, отточить перо. И этот замысел ему вполне удался — книга «Звуки горна» вышла сначала во Франции, а затем в английском

переводе в США и Англии. Причем, в Америке книга увидела свет в том же самом издательстве Appleton, где была опубликована первая редакция «Матери» Горького.

Интересна судьба самих горнов, давших название книге. По свидетельству его жены Эдмонды Шарль-Ру, Зиновий собственноручно купил их перед отъездом в Африку в «известном ему магазине на Пале-Ройяль»¹⁶.

Предисловие к «Звукам горна» написал знаменитый французский писатель Андре Моруа. В нем он дал достаточно точный, хотя и усредненный портрет легионера. «...для тех, кого Достоевский назвал “Униженные и оскорбленные”, Иностраннный легион предлагает свое убежище. Это могут быть русские, которые не приняли большевизм, которые были раздавлены революцией и были не в силах жить как чернорабочие»¹⁷.

Вступительное слово Моруа Зиновию не понравилось. В письме Горькому он даже пожаловался на него: «Maugois написал довольно недурное предисловие, издатель очень доволен. А мне вот кажется, что Maugois книжки моей не читал, а написал предисловие после долгого разговора со мной. Мне это, конечно, не очень приятно и даже несколько обидно»¹⁸. Возможно, Зиновий хотел бы, чтобы именно Горький был автором предисловия, но книга была написана на французском языке, Горький же, как известно, не знал ни одного иностранного языка. Книгу, причем ее американское издание, читала Мария Игнатьевна Будберг. Только с ее слов писатель и мог оценить творчество крестного сына. В письме от 3 декабря 1926 г. из Сорренто Горький вскользь упомянул о «Звуках горна»: «Да. Получил — от издателя — твою книгу. Мария Игнатьевна читает ее и говорит, что очень хорошо написаны некоторые фигуры и хорош язык. Я ей верю, она человек — литературно — очень знающий, а язык английский знает лучше русского»¹⁹.

Но именно Горький двумя годами раньше посоветовал Зиновию обратить внимание на типы своих сослуживцев. В письме от 15 января 1924 г. он прямо попросил своего крестного сына больше рассказывать о русских солдатах в Африке. «...ты очень обрадовал бы меня, — обращался он к Зиновию, — если б дал краткие характеристики тех русских, которые около тебя. Что это за люди? Как они относятся к туземцам, друг к другу, к России? К тебе?»²⁰.

И Зиновий выполнил эту просьбу. На страницах его писем к Горькому проходит целая галерея ярких образов наших соотечественников, волею трагических судеб оказавшихся в Африке в составе войск Иностранного легиона. Наиболее подробно рассказал Зиновий о русских легионерах в письме от 2 апреля 1925 г., отмечая, что лишь солдаты и унтер-офицеры бывшей врангелевской армии, бежавшие из Новороссийска или Крыма, достаточно хороши. В то время как ранее не воевавшие эмигранты «никуда не годятся»²¹.

Зиновию легко было давать оценки людям в письмах и дневниках — он все-таки служил офицером. Куда сложнее приходилось тем, кто завербовался в легион рядовым солдатом. Отношение к ним было далеко не таким радужным. Поскольку большинство русских наемников сами в прошлом были офицерами царской армии, их французским командирам из легиона доставляло особое удовольствие поизмываться над ними лишний раз. Вот, например, что вспоминал об этих унижениях легионер Николай Матин: «...французский офицер, заведомо зная, что я такой же офицер, как и он, явно издевался надо мной, заставляя без передышки садиться на лошадь и слезать с нее без седла 48 раз. Когда я не мог уже даже подпрыгнуть, то не французский офицер, а лошадь догадалась, нагнула голову и форменным образом вкатила меня на себя. Закончил я словами. “Мы, русские офицеры, попавшие в легион, потеряли обманном путем свою Родину, но чести мы не теряем, и смешно говорить о чести французскому офицеру, позорящему не только свою честь, но даже нацию такими поступками”»²².

Мы, к сожалению, почти ничего до сих пор не знаем и, наверное, теперь уже никогда не узнаем о трагической судьбе русских воинов, вынужденных сражаться за чужие интересы. Многие из них сложили свои головы в африканской пустыне, куда завлекли их вербовщики в Константинополь — часто обманом, обещая большие деньги за сравнительно легкую службу. Николай Матин рассказал об этих пустых обещаниях: «...французы говорили, что наши обязанности будут состоять исключительно из охраны караванов и защиты жителей от диких зверей»²³. Русские солдаты и офицеры наивно полагали, что будут в Марокко охотиться на диких животных. Однако вместо сафари измученных войной казаков ждал новый сильный противник, отчаянно сражающийся за свою землю и свободу. Но все равно дрались наши соотечественники отлично. Безвестные русские люди, сами того не ведая, своим мужеством и военной выучкой во многом и сделали Иностраннный легион символом солдатской удали. Именно такому маленькому человеку — солдату — и посвятил свою книгу «Звуки горна» Зиновий Пешков. «На флаге французской армии есть два слова — *Честь и Страна*, — замечает он в мемуарах. — На флаге французского Иностранного легиона также есть два слова — *Честь и Верность*»²⁴.

В письмах Горькому Зиновий создал романтический образ Марокко. Для него эта страна — символ душевного спокойствия. В этот период, причем в условиях войны, он почувствовал себя наконец-то счастливым, радующимся жизни умиротворенным человеком. Это было время его духовного подъема. Об этом Зиновий искренне рассказал Горькому в письме от 15 сентября 1922 г.: «Я проникаюсь такой любовью, такой печалью и — вместе — радостью, и так я люблю жизнь, и все, и всех, и такую я ощущаю необходимость поделиться со всеми и всем своей радостью Бытия и верою в Божье Провидение и в лучшую жизнь людей на земле, что хочется уйти,

раствориться с этой ночью, превратиться в ветер и нести людям благоуханье животворящее любви и радости...»²⁵.

У Горького было совсем другое видение и этой очередной колониальной бойни, и перспектив всего миропорядка в целом. Собственно, Зиновий отвечал столь цветисто на письмо крестного от 28 августа 1922 г. с очень пессимистическим взглядом на происходящее вокруг. Горький, судя по тексту этого послания, уже тогда, в начале 1920-х годов, нисколько не сомневался, что Европа движется к самой страшной в своей истории войне и что свидетельством этому является происходящий на его глазах «процесс общего одичания людей»²⁶.

Провидческий дар писателя подсказывал Горькому, что внешне благополучный мир катится к новой мировой войне. И катится давно, сразу же после заключения Версальского договора. По малозаметным для обычного человека фактам духовного одичания он очень точно угадывал контуры будущей вселенской катастрофы. Весь мир, как, кстати, и сам Зиновий, жаждал новых кровавых приключений. Грязная война в Марокко, по его мнению, один из ярких тому примеров. Вот почему Горький не разделял и не мог разделять жизнеутверждающего пафоса крестного сына. Его очень беспокоила перспектива «общей драки». Об этом он прямо написал Зиновию 13 июня 1924 г.: «Нужно быть готовым к эпохе потрясающих трагедий, пред коими все трагедии прошлого — сущие пустяки, детская игра. И, поверь, — милые твои арабы, как все, вообще, белые, черные, красные и желтые люди, примут в этих трагедиях деятельнейшее участие»²⁷.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ АГ. ПГ-рл-30-46-21.

² См.: Пархомовский. С. 198.

³ Горький о Ленине и революции // Новый журнал. Нью-Йорк, 1976. № 124. С. 289—291.

⁴ Матин Н. Русские в Иностранном легионе // Солдат удачи. 2001. № 10.

⁵ Цит. по изд.: Peshkoff Z. The Bugle Sounds. New York, London, 1926. P. 9 (здесь и далее перевод мой).

⁶ Пархомовский. С. 186.

⁷ АГ. ПГ-рл-30-46-21.

⁸ АГ. ПГ-рл-30-19-653.

⁹ АГ. ПГ-рл-30-46-23.

¹⁰ АГ. ПГ-рл-30-46-29.

¹¹ Там же.

¹² АГ. КГ-рзн-7-1-61.

¹³ АГ. ПГ-рл-30-46-30.

¹⁴ АГ. ПГ-рл-48-9-8.

¹⁵ АГ. ПГ-рл-30-19-671.

¹⁶ См.: Пархомовский. С. 185.

- ¹⁷ The Bugle Sounds. Preface by Andre Maurois. New Jork, London, 1926. P. 3.
¹⁸ АГ. КГ-рэн-7-1-64.
¹⁹ АГ. ПГ-рл-30-46-37.
²⁰ АГ. ПГ-рл-30-46-23.
²¹ АГ. КГ-рэн-7-1-69.
²² *Матин Н.* Русские в Иностранном легионе.
²³ Там же.
²⁴ The Bungle Sounds. P. 12.
²⁵ АГ. КГ-рэн-7-1-32.
²⁶ АГ. ПГ-рл-30-46-19.
²⁷ АГ. ПГ-рл-30-46-18.

1. З. А. ПЕШКОВ — ГОРЬКОМУ

18 июля 1922, военный лагерь Аураp в Марокко

Camp L'Aourar, sur l'Oued

L'Oulghes, Maroc

18 pillet 1922.

Дорогой мой и милый Алексей.

Я пишу тебе, сидя на походной кровати, в своей палатке, обе стороны полотнища открыты, видны огромная долина, которую замыкает цепь гор¹ на горизонте. Две реки пересекают вдоль эту долину, земля которой крепка, как густая закопченная кровь. Есть вспаханные пространства, но эти квадраты зеленой травы невелики. Около обработанных человеческими руками кусков земли построены обнесенные высокими стенами с бойницами по сторонам жилища Ait-Azash², племени берберов. Берберы разделены на массу подплемен, групп и фракций, все они враждуют между собою, все вооружены холодным и огнестрельным оружием, все прекрасные стрелки и наездники, и каждая большая семья живет в этих защищенных домах, напоминающих средневековые замки. Такая семья, владеющая замком, берет под свое покровительство один или несколько дуаров, или таборов, в десять или двадцать закопченных, черных палаток, в которых живут оборванные люди, пасущие несколько голов своего скота или работающие на владельца замка; они же вооружаются, когда это надобно владельцу, или Канду³: дерутся за его и свое благополучие... А вокруг меня наша солдатская, походная жизнь. Скоро солнце сядет, наверно, через час станет темно, и я спешу писать, чтобы отправить завтра утром это письмо. Вдали отбивает дробь барабан, играет рожок, только что про-

играл “Почта”, сейчас играет “К поверке”, затем “ужин офицеров” и потом, наконец, “Тушить огни”»⁴.

Твое письмо с доверенностью графа Толстого⁵ я получил три недели спустя моего приезда в Марокко⁶. Я тут же переслал доверенность моей приятельнице и хорошей знакомой А. Н., которая постарается сделать все необходимое для получения и пересылки рукописи. Надеюсь, что к этому времени она уже получена. Что тебе писать о моей жизни? Внешне было интересно, все ново. И теперь на открытом воздухе, в опасности лишь по утрам. Весь день жарит солнце, и лицо мое и руки не загорели, а обгорели. Лошадь у меня хорошая, быстрая, несколько дней тому назад был в рекогносцировке с полужэскадромом, вдаль увидел шакала, погнался за ним и догнал его, стреляя из револьвера, но в самый горячий момент я упал с лошади, позабыв, что у меня не хватает одной руки, и слишком перегнувшись вправо. Другие всадники подошли, здорово я грохнулся, но все-таки сел на лошадь и теперь чувствую себя великолепно. Через десять дней кончится военная операция в этой местности: я поеду в Мекнес⁷, где находится штаб дивизии, и потом не знаю. Вот моя военная жизнь, а внутренне — скучно, бесцельность того, что я делаю теперь. Так, мне очевидно, что я стараюсь усталостью и сном задушить скуку. Сделал над собой усилие и — не пью. Здесь пьют много, целый день, как только возможно пьют крайние попойки. Может быть, иначе и нельзя здесь. Тут есть офицеры, находящиеся в Африке десять и больше лет, потерявшие всякую связь с Францией, многие, как только кончилась европейская война, сейчас же приехали сюда. Есть нечто захватывающее в Африке, в этом солнце, в этой горячей пыли, знойных долинах и уюте гор, а мы теперь, за последние три недели прошли всю цепь Среднего Атласа⁸, огромную долину, разрезающую Сред<ний> Атлас от Великого, и теперь мы заняли и строим укрепления на первой горе в две тысячи метров вышиною, уже Великого Атласа. А ночи здесь свежие и даже холодные. Вот уже становится свежо, и надо одевать тужурку потеплее. До свидания, дорогой мой, пиши мне. Будь здоров. Вот приеду из Марокко, может быть, Господь даст увидиться и пожить вместе некоторое время. Полжизни я прожил за границей <нрзб.> в Россию, и чувствую, что мне мое место там. Кланяйся всем, кто меня помнит.

Крепко тебя целую и обнимаю.

Твой *Зина*

Вот мой адрес: М. С^{не} Pechkoff,
4^{ме} Regiment de le Legion, Meknes, Maroc.

2. З. А. ПЕШКОВ — ГОРЬКОМУ

5 августа 1922, Мекнес

Мекнес, 15-го Августа 1922.

Мой дорогой Алексей,

Получил ли ты мое письмо, посланное недель шесть тому назад¹? Как твое здоровье?

Пожалуйста, ответь и напиши о себе несколько слов. Не забывай меня, пожалуйста, прошу тебя. Я все время думаю о тебе и очень хочу знать, как ты живешь.

Буду тебе благодарен, если пришлешь несколько книжек.

Я живу хорошо. Только что вернулся из экспедиции. Два месяца купался в солнце и в песках, немного устал, но теперь отдыхаю². Живу одиноко. Много читаю и думаю.

Крепко тебя обнимаю, дорогой мой.

Твой *Зина*

Мой адрес: С^{не} Pechkoff

Etut-Major de La Region Meknes, Maroc.

3. ГОРЬКИЙ — З. А. ПЕШКОВУ

28 августа 1922, Герингсдорф

28.VIII.22.

Сегодня получил твои открытки, милый мой друг, а письма — не получал.

Живу я — с июня — на берегу Балт<ийского> моря; лето холодное, дождливое, десять раз в день дует сильный ветер, сегодня — седьмой солнечный день за все время. Хорошо, что мне некогда было выучиться скучать, а то бы я очень скучал. Написал книгу «Юность»¹ — в ней есть интересные страницы. Продам ее американцам² и поеду на Канарские острова, — это недалеко от Западного берега Африки, дня два пути. В Европе все — и всё быстрее сходят с ума, настроение — на всеобщую драку. Народные массы — рычат и, надо ожидать, скоро будут крушить и громить всё и вся. Речь идет уже не о революциях, а — об анархии и очень свирепой. Верхние слои — воют, одни — со зла, другие — со страха, третьи — желая показать, что они еще не вполне сгнили и что-то чувствуют.

Ехать в Россию — не позволяет здоровье, его у меня осталось мало и хватит не надолго. К тому же в России на меня рассердились³ и на митингах говорят о немедленном истребовании меня в Москву, ибо заграница действует на меня разлагающе⁴. Там снова не хорошо — аресты, расстрелы и прочее.

Был у меня недавно Андрэ Жермэн, симпатичный человек, — он говорил, что знает тебя. Жил Исай Добровейн, талантливый композитор и превосходный пианист, наш земляк, нижегородец. Жила Лидия Шаляпина, был Федор⁵. Часто бывает Алексей Толстой⁶ и прекрасный поэт Владислав Ходасевич⁷.

Пришли тебе его и всякие другие книжки, сделаю это на днях.

Чувствую, что устал жить и ничего не могу делать, только — писать. А так как я никогда не жил *только* литературой, — это меня смущает. В общем, я настроен неважно: угнетают меня чудеса мира сего, — процесс общего одичания людей и страшные факты одичания. Разумеется — все войдет в свои рамки «лет через двести, триста»⁸ — как обещал Антон Чехов. Если б он был жив, то чувствовал бы себя черносотенцем и монархистом. Наверное! Пиши в Берлин. Будь здоров! Спасибо, что не забываешь.

Всего доброго!

А. Пешков

4. З. А. ПЕШКОВ — ГОРЬКОМУ

9 сентября 1922, Мекнес

Meknes. Maroc. 9 September 1922.

Дорогой мой Алексей,

Слышал я, что ты написал повесть «Юность»¹. Не хорошо, правда, забывать африканских жителей, прислал бы несколько книжек и особенно вновь написанное.

Солнце здесь печет ужасно. Я совсем прожарился за это лето. Теперь ночи стали прохладнее, а то даже после заката невольно было и утром приходилось вставать и идти на занятия, не отдохнув достаточно за ночь.

А я, мой милый Алексей, кажется, доживаю последние месяцы своей военной жизни. Давно бы надо было прожить, да так уж хотелось завершить круг своих расхождений, не говоря уж о том, что теперь *весь* во всех частях света побывал, кроме Африки; так что теперь все в порядке. Много интересного все-таки повидал здесь. И когда встретимся, наконец, будет что рассказать тебе. А я очень

много мечтаю о том, чтобы пожить с тобою некоторое время и много, много поговорить².

Назрело во мне что-то. И сам не могу объяснить. Особое чувство мира и людей, трудно написать об этом, а рассказать я смогу. Особенно тебе хочется сказать. Ты меня поймешь.

Пожалуйста, Алексей, прошу напиши. Любящему тебя горячо и искренне *Зине*.

Вот адрес: С^{пе} Pechkoff Etut Major de la Region Meknes, Марок.

5. З. А. ПЕШКОВ — ГОРЬКОМУ

15 сентября 1922, Мекнес

Мекнес 15го Сентября 1922.

Дорогой мой Алексей,

Вчера получил твое письмо от 28-го августа, спасибо, что написал.

Никак не могу разделить твой пессимизм. Не то, что я не соглашался бы с тобою в твоей оценке современной жизни; все дело в ощущении. Я чувствую жизнь совсем иначе. Испытываю огромную радость и счастье жить, участвовать в том, что делается в мире и наблюдать изменение форм человеческого существования на земле. Без страха и отчаяния. Могло бы быть иначе, но раз так случилось, что мир пришел в такое смятение, нужно в этом смятении и одичании меньшинства или даже большинства различить также попытки людей внести спокойствие и равновесие. Зло может быть побеждено только добром, печаль — радостью, горе — счастьем и хаос — спокойствием. Я немного знаю людей, Алексей, и не столько знаю, сколько чувствую всем своим существом, что родились люди с большой, всепоглощающей любовью и радостью в своем сердце и энтузиазмом, наполняющим их душу.

Ты говоришь: «В Европе все и всё быстро сходят с ума, настроение — на общую драку... народные массы рычат, и — надо ожидать, скоро будут крушить и громить всё и вся».

Если старые политические деятели, — правые и левые одинаково, — не могут справиться с новым элементом, вошедшим в жизнь за последние годы, после войны, и если их поступки безумны, то еще не значит, что «всё и вся сходят с ума».

Одни — правые старики — думают, что массы ничему не научились за последние десять лет, что политика и интересы всего мира сосредоточены в Европе, они не допускают и не хотят и физи-

чески не могут воспринять новый мир, ощутить его пути в будущем. Другие — левые — стараются доказать, что спасение и счастье человечества заключается в рабочем интернационализме, ставя, таким образом, рабочий класс в корень человеческого развития. Но эти — левые — доказывают уже доказанное и идут в хвосте событий, делая всевозможные усилия, чтобы не отстать от быстрого темпа, которым идет изменение форм человеческого общежития. Думать же, что одна форма совершеннее другой и прогрессивнее другой и что существует какой-то прогресс, устанавливаемый сознательно людьми, — могут только люди, надевшие шоры и скрывшие нарочито от себя мир вокруг них или родившиеся слепыми¹. Есть и шарлатаны и демагоги, которым жажда власти над темными массами затемняет глаза, и они барахтаются в своей жалкой слепоте, бессильные подняться, встряхнуться — и страшатся взглянуть правде в глаза. Рабочий интернационал уже существует, но он только малая часть существующих других интернационалов, гораздо более сплоченных, может быть, между собою. Интернационал финансов существует, интернационал науки существует, и — наконец — все мы перед Богом интернациональны и пути Господни неведомы нам.

Два знамения дано людям за последнее десятилетие — война и русская революция. И тот, кто способен проникнуться и внять тому знамени и воспылать любовью ко всему живущему без различия классов и народностей, тот человек спасется от разъедающей его сердце ненависти и злобы и поможет восстановлению спокойствия и равновесия и созданию такой атмосферы благожелания и симпатии, при которой созидательная работа станет возможной. Безумные те, которые заглушают в себе голос сердца своего. «Горе вам, законники, что вы взяли ключ разумения: сами не вошли и входящим воспрепятствовали», — говорится в Евангелии (от Луки, гл. I, ст. 52).

Ты пишешь: «Угнетают меня чудеса мирские, процесс общего одичания и страшные факты одичания».

Я понимаю и чувствую, как такой человек, как ты, должен страдать, наблюдая и видя дикость и жестокость людей... И, позволь мне, родной мой, разделить твои страдания, сделай милость. Я тоже, ты не можешь себе представить до какой степени, страдаю. Иногда невыносимо больно всему моему существу, до скрежета зубовного, видеть скотство и разнузданность и звериную оголенность людей... но я не могу не видеть и не ощущать в то же время, как животворяюще действует на людей симпатия, любовь и доброта. В моей военной жизни мне близко приходится сталкиваться со

всякими людьми, каждый день. Нужно, чтобы кристалл души нашей отражал в себе блеск и жар солнца, и тогда он прожжет самое твердое тело. А душа, пылающая любовью Божьей к человеку, и подавно пронзит самую твердую и ожесточенную душу... Только любовью может спастись мир! Миллионы людей были преданы на растерзание за эти годы, и — если люди не одичают² — то мир погибнет и одичание людей дойдет до того, что они пожрут друг друга на обломках аэропланов, телеграфов, микроскопов и реторт.

Но этого не будет. Надо верить. Я верю и ощущаю всем своим существом, что нарождаются и уже родились люди, которые внесут свет и успокоение в мир. Надо выйти на большую дорогу, пойти к людям всех народностей, всех цветов и всех рас и говорить о любви людей к людям и всех людей вместе — к Богу...

Очень, очень мне хочется повидаться с тобою и о многом поговорить и спросить твоего совета. Ты дал мне много любви и ласки; и много раз доброта твоя ко мне умиляла меня лучше, добрее и совершеннее. Я ничего не забыл и не забываю, Алексей, и чем больше живу, тем все ярче перст Провидения в нашей встрече и во всем последующем... В прошлом у меня богатая, пестрая и красочная жизнь. Скольких людей я близко знал, сколько стран изъездил и в какие только разнообразные условия жизнь меня не ставила³.

И вот теперь, живя здесь в одиночестве, в военном лагере, в Африке, я выхожу ночью на холм, откуда виден по другую сторону реки старый город и откуда легкий, южный ветер приносит звуки песни бедуина, тамбура, рожка и плачущей молитвы муэдзина; смотрю я на бархатное небо и яркие звезды. Я проникаюсь такой любовью, такой печалью и — вместе — радостью, и так я люблю жизнь, и все, и всех, и такую я ощущаю необходимость поделиться со всеми и всем своей радостью Бытия и верою в Божье Провидение и в лучшую жизнь людей на земле, что хочется уйти, раствориться с этой ночью, превратиться в ветер и нести людям благоухание животворящее любви и радости...

Скоро оставлю службу, — подам в отставку. Может быть, еще до весны придется терпеть. Все зависит от того, удастся ли достать денег на первое время. У меня ведь ничего нет. А кроме того, у меня дочь в Италии, которая растет умной и чудесной девицей. Ее письма доставляют мне истинное наслаждение и счастье.

А ты, правда, едешь на Коморские острова⁴?

Вчера посмотрел на карту, где они находятся. Климат там, должно быть, хороший. Нужно нам повидаться, все-таки. Когда ты думаешь ехать?

Оставив службу, я хочу ехать в Россию. Знаю, что мне будет очень трудно, предвижу все, что меня может ожидать при всяком режиме, но все-таки поеду⁵.

Пока, до свидания, дорогой мой, прости за длинное и, может быть, несвязное письмо. Не умею я писать.

Крепко тебя обнимаю.

Твой *Зина*

Где Максим? Кланяйся ему от меня и Надежде Алексеевне тоже.

Мой адрес все тот же:

С^{не} Pechkoff

Etut-Major

Meknes

Марок.

6. ГОРЬКИЙ — З. А. ПЕШКОВУ

15 декабря 1923, Мариенбад

Чорт побери — как я рад, я, ведь, был уверен, что ты погиб? За все это время, почти год, я не получил ни одного письма от тебя, и кого ни спрашивал — никто не мог сказать мне, где ты. Я не мог думать, что ты снова пошел на военную службу и уехал в Африку, это, на мой взгляд, было поступком против того настроения, в котором я видел тебя при последнем свидании¹. Но, вот, оказалось, что это так. Ну, и пускай так, а я очень обрадован тем, что ты жив и, кажется, здоров?

Письмо твое попало в мои руки лишь сегодня 15.XII, значит, шло оно до меня 35 дней. Очень устало, измято.

Я нестерпимо хочу знать — что с тобой, как знаешь, что чувствуешь? Это не простое любопытство праздного человека, ты знаешь, что я человек не праздный, любопытствовать давно устал, и ты должен знать, что какой-то кусок моего сердца крепко сросся с тобою. Напиши мне и — скорее:

Чехословакия, Marienbad,

Otel «Markhof»².

Чувствую я себя плохо и морально, и физически. Здоровье — быстро уходит. Вероятно, скоро начну умирать. Это меня не печалит, я прожил жизни три и ничего не имею против того, чтоб переменить профессию жителя обезумевшей и все более звереющей

земли на какое-нибудь более приличное и менее утомительное дело.

16-го ноября в Москве спокойно помер доктор Алексин³, милый и дорогой мне человек. Ты знаешь, как он был хорош и как близок мне. Но смерть его мало огорчила меня, — последние годы ему жилось крайне тяжело.

Собираюсь в Италию, но — пустит ли Муссолини? А очень хочется пожить тихо и спокойно где-нибудь на юге, в деревне, на берегу моря⁴.

Много писал и пишу, посылаю тебе оттиск моего рассказа⁵, хотел бы послать новую книгу, но не уверен, что дойдет: ты очень неразборчиво написал твой адрес.

Хочу, чтоб это письмо пошло сегодня же.

Милый мой друг — желаю тебе всего доброго, а главное — спокойствия души. Что-то как будто бы мятешься, а?

Пожалуйста, пришли мне марокканских и всяких африканских, — сиречь, колониальных, — марок гашеных, для ребят-коллекционеров.

Будь здоров! Пиши, прошу!

Алексей

7. З. А. ПЕШКОВ — ГОРЬКОМУ

4 января 1924, Танжер

Taghirt, le 4 janvier 1923.

Дорогой мой Алексей,

Ты не можешь представить себе, до чего я обрадовался, получив твое письмо и книгу: рассказ о безответной любви¹. Вчера Чехословацкое Министерство Иностранных дел известило меня, что письмо мое было вручено тебе 15-го Декабря и что ты находишься в Мариенбадене. Хотел написать тебе сегодня вечером и так, как хотел получить от тебя весточку.

Что сказать тебе после столь долгого перерыва. Впрочем, проходили годы, за которые мы не обменивались ни словом — и все-таки находили общий язык, на котором обменивались несколькими строками. И разве время, годы и годы могут изгладить из памяти прошлое. Чем больше живешь, тем ценнее и значительнее становятся времена, когда жизнь казалась на земле такой легкой, волшебной, прекрасной. Хотя я до сих пор еще не исправился и считаю себя энтузиастом, но многое и многое тяготит мою душу, —

особенно та жизнь, которая считается нормальной в больших городах и столицах Европы... Много, много тяжелого переиспытал и пережил в прошлом году, после того как я пробыл у тебя в Германии. Но рассказать в письме и долго, и не сумею. Разучился письменно разговаривать. Да и вообще-то разговариваю мало, да и не совсем. Если ты только представить себе мог мою жизнь, такую непохожую на все, что даже ты в свою жизнь видел... Как и почему, и что меня побудило снова отправиться в Африку — говорить не стану. Я верю твердо, что мы с тобою увидимся и хорошо поговорим. Люблю я говорить с тобою и смотреть на тебя, милый ты мой и самый дорогой!

Приехал в Африку обратно в январь. Ни в Рабате, ни в Касабланке, ни в нашем Штабе не хотел оставаться. Попросил командование. Думаю — рискну. Никогда в жизни не командовал ротой. Взялся за регламенты, стал изучать. А рота моя находилась в Онадоре — семнадцать дней пути. Поехал за своей частью. Привел ее в Марракен, четыре дня отдыха и — в поход; шагала девять дней пути до Kazba-Tabla (Это древняя Нумидия). Там несколько дней отдыха и — затем в поход. Воевали Март, Апрель, Май, Июнь. Рота моя всюду отличилась, и сам я был награжден Колониальной медалью с аграфом Марокко. Июль, август, сентябрь, октябрь и половину ноября провел в крепости Опаоijert. Все мои офицеры и большая часть роты — тоже в крепостях, построенных на востоке гор Атласа. Командовал группой крепостей: Bon Straonen, Diebel Sshkern, Askerassen, Bon Marag и Опаоijert. Местность богатая. Чудные сады, оливковые рощи, виноградники и быстротекущие реки у подножия гор. У моей крепости протекала широкая и быстротечная Онеад-el'abid. Четыре с половиной месяцев жил таким образом в одиночестве. Один садился за стол и утром и вечером... Много читал, много думал. Было светло и спокойно на душе и радостно от красоты окружающей и тишины. Получил газеты, но голос их звучал глухо и отдаленно, и не прельщала меня лихорадочная жизнь больших городов. Кроме того, большое удовлетворение нашел в своих людях. Вся моя забота, все внимание и любовь трачу на этих людей, судьба которых, некоторым образом, вручена мне. От меня зависит хорошо их одеть, обусть, накормить. И зная, до чего дорога человеку ласка, я стараюсь приласкать хорошего человека... Могу с гордостью и радостью сказать тебе, что моим людям лучше живется, чем другим. Вся моя жизнь уходит на них. Отдаю им все, что только у меня есть. У меня довольно много русских. Четыре сержанта. Смолин, Нащокин, Головлев, Слесарчук, есть капрал Кареев, Молча-

нов. Два моих ординарца — русские. Новиков — вятич, а верховой ординарец — кубанский казак Щепетко²...

Офицеры — все французы — милые люди, некоторые женаты и потому озабочены. Отношения у нас очень хорошие наладились — чему я очень рад...

В начале декабря, как только пришли мы обратно в Kazba-Tabla, попросил я отпуск, дали двадцать дней. Пробыл в Париже три недели. Не нужно было бы ездить, а поехал. У меня, видишь ли, драма, Алексей. Очень я любил одну женщину за последние три года... Теперь все кончено. Она вышла замуж и т. д. и т. п. Через несколько дней после моего возвращения из Франции получил приказ двинуться со своей ротой дальше и теперь, по всей вероятности, до Марта или Апреля месяца снова буду в одиночестве. Теперь у меня семь крепостей: Bon-Mhach, Bon-Djemib, Anoup, Bridja, Thibant, Aouddinen и Taghjirt, в которой я нахожусь с остатками своих людей. Крепость эта — большая, кроме легионеров, имеются марокканские кавалеристы — moghjeni — 50 человек. Их жены, дети и стадо помещаются внутри стен крепости. Местность богатая. Сейчас здесь ярко светит солнце весь день. В полях работают крестьяне. В прошлом году вся местность была пустынна, сильные племена грабили слабых, уводили их скот, теперь под нашей защитой все ожило и сердце радуется, смотря на зеленеющие поля и убранные сады... День идет за днем — среди занятий, разездов и прогулок незаметно проходит время. Эти дни возимся с огородом. Расчистим кусок земли, посадим морковь, редиску, горох, капусту, салат, фасоль — здесь все быстро растет. Через месяц смогу послать своим людям свежих овощей, а потом — приятно видеть результаты работы и землю...

В Париже встретил Марию Валентиновну и детей Федора Ивановича³, был у Генриетты. Она в Comedie Française и — играет с успехом. Она за этот год помолодела и похорошела. Говорили и ласково вспоминали о тебе. Получил недавно письмо от Александра Валентиновича⁴ — ему живется очень и очень плохо, они бедствуют, заработка никакого... Дочь моя, Елизавета, растет, пишет мне часто очень милые письма. Она хорошо и прилежно учится и, кажется, растет хорошей девицей. Вот — приблизительно моя жизнь внешняя, это оболочка моего существа, а душа — молчит и, кажется, — печальна... Ты меня прости за такое несурзное и разбросанное письмо, но ты поймешь меня. Знаю, что настоящая моя жизнь — это не то добровольная ссылка, не то подготовка к еще более одинокой жизни. Несчастливым я себя не считаю, во всяком случае, и иногда ощущаю дикую радость жизни. Здоровье мое ве-

ликолепно, и — не знаю, куда девать силы. Вчера сделал более шестидесяти верст верхом, а после играл со своей собачкой, как в былое время с Волчком и Надькой...

Алексей, напиши мне скорее еще... В будущем году обязательно надо подольше увидеться. Хочу пожить с тобою хотя бы несколько месяцев. Ты мне бесконечно дорог и любим. И несмотря на разность нашей жизни, ты единственный мне родной и самый близкий человек. Сколько, сколько раз вспоминая о тебе и прошлом, я плачу о том, что я не с тобою, что ты далеко, далеко. Крепко обнимаю тебя и целую, желаю тебе здоровья в наступившем Новом Году.

Всегда преданный тебе *Зиновий*.

Где Максим?

Посылаю тебе свою карточку. Один приятель снял меня в Париже. А другая карточка — снимок части моей роты со мною⁵. *Пиши*. И пришли все, что написал за прошлый год.

Адрес тот же: Capitaine Pechkoff, Commandant la 12°.

С^{не}, 4 Regiment a la Legion Etrangere. Kasba-Tabla, Maroc.

К сожалению, у меня никаких марок нет пока. Постараюсь достать.

8. ГОРЬКИЙ — З. А. ПЕШКОВУ

15 января 1924, Мариенбад

Получил открытки — спасибо! Ты — трогательно любезен, честное слово!

Посылаю тебе мою книжку, — я ведь еще не послал ее раньше?² Посылаю также книжку Шагинян³. Она начала свою карьеру сборником хороших стихов «Orientalia»⁴ и — вот какова теперь. Таких превращений в России — немало, увы! Гауптмана посылаю, чтоб ты видел, как плохо стал писать старик⁵.

Я так и предполагал, что тебя бросило в Африку силою некоего сердечного припадка. Об этом, кажется, даже говорили. Ты знаешь, что люди охотнее всего говорят о том, что их не должно бы касаться. Ну, что ж — Африка, так Африка. Я думаю, что уж если необходимо воевать, — так пускай люди воюют в Африке, а не в Европе.

Скоро пошлю тебе 4-ю книгу «Беседы», обрати в ней внимание на рассказ Сизова⁶ и переводный рассказ Истрати⁷, которого

Р. Роллан рекомендует как человека очень талантливого. Пишет Истрати по-французски.

В Москве — очень тревожно. Коммунисты — ссорятся, левые и правые⁸, а мужик притаился и молчит, ожидая, когда придет час его торжества. Мужик, это, брат, нечто вроде зимы — неизбежное явление природы, временно прекращающее всякий рост и цветение в мире социальном. Замечательное существо — мужик! Русский же особенно замечателен хитростью своей.

Я буду очень благодарен тебе, если ты не поскупишься писать мне; ты очень обрадовал бы меня, если б дал краткие характеристики тех русских, которые около тебя. Что это за люди? Как они относятся к туземцам, друг к другу, к России? К тебе? Сделай это! Думаю, что и лично тебя это развлекло бы, а, м. б., и научило б писать. Мне все кажется, что ты должен писать. Люди очень мало пишут о том, что и как они видят, поэтому-то мы так плохо знаем наш мир и так часто, так трагически ошибаемся в оценках его явлений.

Пока — не пишу больше, торопясь послать письмо сегодня же, желаю тебе всего доброго, не сомневайся в полной искренности такого желания. Ты знаешь меня четверть века и должен знать, что я отношусь к тебе с большой любовью. Любовью — тем более ценной для меня, что она не причиняла мне горя, хотя я, во многом, не согласен с твоими поступками. Некоторыми, конечно.

Обнимаю.

А. Пешков

15.1.24

Marientbad. Чехословакия.

9. 3. А. ПЕШКОВ — ГОРЬКОМУ

6 мая 1924, Казба-Табла

Kasba-Tabla, 6 Mai 1924.

Дорогой Алексей,

Очень ты меня обрадовал твоим письмом, написанным в первый день Пасхи в Неаполе¹. А что ты «детски» хорошо себя чувствуешь — это очень хорошо. Эту детскость и особенно чудесную радость жизни, когда все в природе и в людях мило — я часто, глубоко и сильно ощущаю. Иногда сердце от радости хочет выскочить, — радуешься и сам знаешь чему! Я счастлив за тебя, что ты снова в Италии и что будешь жить в таком чудном месте, как Сор-

ренто. Теперь, ранней весной там особенно хорошо, должно быть. Желаю тебе здоровья и душевного спокойствия. Долго ли ты будешь в Сорренто?

Сегодня я получил извещение пароходной компании, что место мне оставлено на пароходе, отходящем из Касабланки 25-го июля. Следовательно, в Париже я смогу быть 1-го Июля. Июль-месяц мне необходимо будет, пожалуй, прожить в Париже и постараться устроить свои дела. И в конце этого месяца или в самом начале августа я смогу приехать в Италию². Даже не могу поверить такому счастью. Моя Лизунька до того стосковалась по мне, что даже хотела бежать ко мне в Марокко. Накопила немного денег из тех, что я ей лично, помимо ее матери, посылаю, подговорила еще одну свою подругу — гимназистку, и обе укатили из Каррары, но, доехав до Специи, испугались, расплакались, слезли в Специи и предались в руки знакомого семейства, которое известило Карреру о задержании и раскаянии беглянок. Все мне поведали в тех длиннющих письмах. Мы с нею большие друзья, и это меня радует...

Не понимаю, куда могли деться и твои письма ко мне, и мои к тебе. Кого-нибудь эти письма, по всей вероятности, интересуют. Прошу тебя, если будешь писать мне, то отправляй корреспонденцию заказным...

25-го марта я покинул свою крепость, как я уже писал тебе, моя рота еще оставалась в крепостях, в городе, ожидая смены, но дожди размыли все тропинки горные и дорогу неутрамбованную в долине, и со дня на день все откладывали посылку другой на смену моей. Всего у меня оставалось семь отрядов, мой, восьмой, пришел в Тадлу, потому что нашу крепость разоружили и, кажется, скоро она будет превращена в электрическую станцию, которая дает свет и орошение всей богатой долины. На глазах моих, в один только год с лишним самые невероятные перемены происходят там, где сейчас деревянная соха только сверху царапает землю и где от недостатка воды невозможно земледелие, скоро, через несколько <лет>, все оживет, зазеленеет. За неимением природных оазисов — люди создадут оазисы там, где это требуется. Иногда ловлю я взгляд моих русских, как они взором обнимают бесконечную эту долину, глубоко вздыхают, и слова, выходящие из глубин сердец, отрывочно произносятся: «Эх, земля-то какая», «Нам бы» — «Мы бы», «Тут бы воды», «Чтобы», «Тоже»...

Через десять дней около тридцати человек моей роты кончают свой срок двухгодичной службы в Марокко. Пришли ко мне, говорят: «Остаться хотим». Я им говорю, что рад буду, если останутся.

Чем в Алжир, кончать последние два года, пусть лучше здесь остаются. «Двум смертям не бывать, а одной не миновать». А один мой легионер, калмык с Дона, говорит мне: «Ваш Благородь, ребята останутся, да Ваш Благородь не остаются, так без Вас лучше идти <в> Алжир». Я к ним всей душой привязался, и они ко мне, уверяю тебя. Вдесятеро платят своим сильным, человеческим и требовательным вниманием, спасибо им. Я им по правде сказал, что вряд ли возвращусь сюда. Скучно мне будет без этих живых людей, составляющих одну из самых странных семейств, спаянных строгой дисциплиной и особым уважением друг к другу и к своим начальникам и, главное, гордостью — традициями боевыми иностранного Легиона. Недавно нужно мне было в рапорте указать количество моих легионеров по национальности. Двадцать одна национальность, и двое легионеров не смогли указать, какой они национальности — пришлось поместить их в рубрику «Livers», разные... Родились эти двое в Солониках. Какому теперь государству Солоники принадлежат, они не знают, также не могут они сказать, македонцы они, турки, греки, болгары или сербы, говорят одинаково плохо на всех языках...

Теперь вся моя рота в сборе. Все пришли с гор. Но за день до смены, в одной из моих крепостей случилось несчастье. Старый прапорщик — француз, начальник крепости, был тяжело ранен в голову, еще один сержант тоже был ранен, и несколько людей вместе с ним в ночной перестрелке с разбойниками. Прапорщик умер от ран три дня спустя. Был он тихий хороший человек, должен был уехать в отпуск в одно время со мною?...

Вот, пока все. Пиши, как тебе живется в Сорренто. Максим с тобою? Кланяйся всем, кто с тобою. Крепко тебя обнимаю.

Зина

10. ГОРЬКИЙ — З. А. ПЕШКОВУ

15 мая 1924, Сорренто

Да, письма — очевидно — пропадают, ибо ты не получил двух моих, одно с открыткой Marienbad, самое скучное и пошлое место на земле.

Живя здесь — вспоминаю Прагу, город, в котором, кажется, все сыты и телесно и духовно, хотя это, конечно, не верно: «духовный глад» меньшинства становится все более острым по мере того, как большинство все напористее стремится к телесной сытости.

У чехов есть хороший писатель — Чапек и свой собственный Вудро Вильсон — Масарик¹, они очень гордятся этим. Они были бы интереснее и, тем самым, лучше, если б их не сбивали с толка русские эмигранты, этот «очес» человечества русского², люди, которых никому уже не нужно³ и которым нечего делать на земле. Очень жалкие, но жутко обозленные люди. Здесь — дышится легче, несмотря на фашизм и на то, что конец его будет неизбежно трагичен. Итальянцы мало изменились, все так же любят делать приятное, так же шумят, по праздникам жгут порох, пускают фейерверки. В Неаполе стало, как будто, чище и больше порядка, хотя движение по улицам носит прежний путаный характер, и, как раньше, удивляешься: почему извозчики и автомобили не давят людей?

Я очень рад тому, что ты приедешь, это хорошо. Приключение дочери твоей очень тронуло меня, — она, должно быть, девочка с хорошим воображением и горячим сердцем.

У тебя дочь!.. Гм!.. Время бежит, действительно, быстро. А я вот, все еще не дедушка: у Максима ничего не родится. Не хотят детей эти эгоисты, он и его жена.

Ну, милый мой капитан, до свидания! Пиши. Присылай марки. Не надо ли книг?

Будь здоров.

А. П.

Очень хорошо снимает твой сержант⁴.

Жму руку.

А.

11. ГОРЬКИЙ — З. А. ПЕШКОВУ

13 июня 1924, Сорренто

Итак — в августе жду тебя¹. Это — не плохо.

Но — плохо для тебя, что ты так уныло настроен по отношению к современности, — она тебя за это неизбежно и мстительно поколотит. «Свет», который способен «зажечь сердца людей добром и любовью», не может придти ниоткуда, кроме как от человека, самого умного из всех зверей земли. Свет этот не иссякает, но разгорается все более ярким огнем. Нет сомнения, что он сожжет в пепел всю европейскую культуру, но из пепла она возродится новым фениксом. Нужно быть готовым к эпохе потрясающих трагедий, пред коими все трагедии прошлого — сущие пустяки, детская игра. И, поверь, — милые твои арабы, как все, вообще, белые, черные, красные и желтые люди, примут в этих трагедиях деятельней-

шее участие. Мир — весь мир — желает перевернуться на другой бок, вероятно, лишь для того, чтобы дремать под солнцем более спокойно, чем дремал он до сих лет. Переворот такой пестрой громады будет, конечно, тяжел, длителен и безжалостен к человеку. Но — он неустранимо будет. Вооружись спокойствием, дядя!

Пишу — наспех, только для того, чтоб ты знал: письмо твое получено, я тебя люблю и жду.

А фотографии превосходны².

Эх, я бы тоже хотел побыть годик в тихом месте, куда мне не писали бы писем из России и где почта не читала бы их раньше, чем я.

Будь здоров, араб!

А. Пешков

13.VI.24

Sorrento. Villa Massa

12. ГОРЬКИЙ — З. А. ПЕШКОВУ

20 марта 1925, Сорренто

Дорогой Зина,

не жалуйся на меня за то, что ты, будто бы забыт мною; вот тебе доказательство противного — обложка с тех книг, которые были посланы тебе и возвращены мне почтой¹, а — почему? Не понимаю.

Не писал же я так долго потому, что был жестоко занят работой, наездом разных людей и болезнью, — инфлюэнцией, которая, поочередно, перебрала всех в доме и особенно строго Марию Игнатьевну².

Весна здесь — окаянная: ветер, холод, дождь, снег. Событий никаких нет. Работаю и не выхожу из дома. Из России — много не веселых вестей, трудно живется там?

Крестьянство крепнет, сознает свою силу, требует, чтоб ему разрешили организовать Всероссийский крестьянский союз³, требует «крестьянских газет»⁴, т. е. свободы печати, и, наконец, хочет, чтоб рабочие работали 10 часов в день. Дескать — мы работаем целые дни, а рабочие — барствуют.

Некоторых это радует, многие находят, что «Россия просыпается, настоящая Россия».

Я — не очень радуюсь, потому что для меня «настоящее» не в деревне, а в городе, не в «большинстве», а в меньшинстве⁵. И, ко-

нечно, я не вижу, кроме большевиков, никаких сил, способных править Россией. Эмигрантщина — гнильё.

Конечно — одолеет мужик, но радости в этом мало.

А вот интересного и талантливого в молодой русской литературе — много.

Удивительно талантлив наш народ! Такие молодцы теперь пишут и так страстно хотят писать. В каждом городе есть кружок «начинающих» писателей и почти в каждом кружке есть одна—две фигуры, возбуждающие большие надежды. Это явление — исключительной важности, оно говорит о быстром росте духовных сил страны. Так я смотрю, и кажется, взгляд верный. Пока — до свидания! Пришел писатель Соболев⁶, недавно явившийся из России.

Жму руку. Пиши. Не обращай внимания на то, что я пишу тебе редко. Уж очень мне трудно. Но — не думай, что я тебя будто забыл. Жаль, что вернули книги. Одна из них очень интересна, роман молодого писателя К. Федина «Города и годы»⁷.

Будь здоров.

20.III.25

А.

13. З. А. ПЕШКОВ — ГОРЬКОМУ

2 апреля 1925, Крейдер

Le Kraider, 2.IV.1925.

Спасибо, что написал¹. Письмо твое, дорогой Алексей, совпало с получением приказа о вступлении в Марокко. В этом году предстоят большие операции, следовательно, потребовались батальоны из Алжира. Можно ожидать стычки с берберами в горах, но, в общем, военные операции будут заключаться в постройке крепостей, прокладывании дорог и т. п. работ. Племена, с которыми будем драться, сегодня-завтра будут самыми нашими верными союзниками и будут просить у нас защиты от более сильных и притесняющих их племен. Так что сегодня туземцы будут сжигать и разрушать свои селения перед нашим приходом, но завтра, уверенные в наших добрых намерениях, они будут строить дома, засеивать, прясть. (Кстати, у меня очень хороший повар, которого я намерен подарить тебе при следующей встрече, если Господь даст.) Вообще очень интересна наша жизнь в Марокко, и мне хорошо там. Чувствую, что <нрзб...> большая и человеческая работа, гораздо больше, чем это кажется, на первый взгляд.

За эти последние дни не выходил из роты. За всех сам гляжу. Хочу, чтобы люди выступили в поход в самых хороших условиях. Слежу, чтобы сапоги у человека пришлись ему по ноге, чтобы одежда его была впору, меняю все рваное и гнилое². У меня 247 человек, — я знаю их всех в лицо и не только, но имею о каждом свое мнение. Есть хорошие ребята — очень много немцев. Русских не очень много, причем состав несколько хуже, чем тот, который у меня был в моей Марокканской роте. Солдаты и унтер-офицеры, вступившие в Легион после эвакуации Новороссийска или Крыма, — отличные ребята, русские же, поступившие на службу в 1921—1922 году и, следовательно, поэмигрантствовавшие, — никуда не годятся. Одного нужно наказывать за воровство, другого — за пьянство, третьего — за игру в карты, — одного русского мне очень и очень жалко. Старый подполковник еще Императорской Армии служит простым капралом. Он был несколько раз ранен и контужен. Тяжело ему, но он стойко несет свою службу. Предлагал ему облегчить его судьбу, он не желал никаких послаблений, — представил его в сержанты — хочу надеяться, что пройдет, очень мне больно смотреть на этого почти старика, гнущегося под тяжестью ранца. Как только могу, показываю ему свою симпатию, но ему от этого не легче, я думаю. Он суров и никогда не улыбнется, но на меня иногда ласково глядит, и меня это трогает. Нелегка эта служба командира в Легионе, но иногда получаешь большое удовлетворение, когда видишь, что в чем-то помог человеку.

Очень удивляюсь, что книги, посланные тобою, вернулись тебе обратно. Я получаю книги из Франции, Америки и Италии, и все доходят. Лизынька часто присылает мне итальянские журналы, а иногда и книги, я их аккуратно получаю; я думаю, что просто ошиблись в адресе. Я знаю, что офицерская корреспонденция не подвергается цензуре, а впрочем, Бог их знает.

Здесь тоже было холодно, выпал даже снег и покрыл всю пустыню, — это было смешно, право. Но вот уже два дня, как наступила весна. Тепло, небо синее, синее, и солнышко чудесно греет, чувствуешь себя молодым и сильным. Надеюсь, что в Сорренто теперь хорошо. Красиво там, наверное, весной. Если Максим снял кое-какие фотографии вашего дома, или личных, или <нрзб...> он тебя снимал, пришли, пожалуйста.

От Лизочки получаю регулярно письма, очень короткие, правда, — видно, не любит она писать. Когда-то снова придется быть в Европе? Пока можешь мне сюда писать. Заказная корреспонденция никогда не пропадет. Что ты пишешь теперь? Прислал бы что-ни-

будь свое. Как ты здоров, дорогой, и как чувствуешь себя? Часто, часто я мысленно и душевно с тобою.

Посылаю тебе небольшую вырезку из американской газеты. Это Грейс прислала мне. А знаешь, Алексей, вот уже 20 лет с тех пор, как мы жили у Мартинов в Соммер Брукс в Адирондаксе. Какое было счастливое и беззаботное время! Жизнь я люблю, несмотря ни на что, и много хорошего пришлось мне испытать на своем веку.

Целую Максима и кланяюсь всем домашним. Всего, всего тебе хорошего. Дай тебе Бог много здоровья и душевного мира.

Любящий тебя *Зина*.

14. ГОРЬКИЙ — З. А. ПЕШКОВУ

3 июня 1925, Сорренто

3.VI.25.

Дорогой мой Зина,

сейчас получил твое письмо, очень рад. Ты снова воюешь!¹ Тревожно за тебя. Когда думаешь об этой войне — тревожно за будущее Франции. Страна обескровлена, ей следовало бы отдохнуть, а не истощать подорванные силы на новую войну.

Да и не только о Франции — о всей Европе думается с грустью и тревогой, в трудное время живет Европа, очаг мировой культуры и *единственно ценной* культуры на мой взгляд. Все более энергично наступают на нее отовсюду люди иных рас, люди, усваивающие только ее технику и чуждые ее духа. Может быть, наступает новая эпоха, культуры — черных, желтых, а белая раса должна сыграть роль Греции или Рима, расплыться в массе новых людей? Их — миллиард. И, разумеется, они имеют все права жить так, как им хочется. Но — это от философии истории, а текущая действительность внушает иные мысли и чувства. Европейские массы духовно ближе естественным врагам Европы и далеко от лучших и людей и так же идей ее.

Вот в чем суть, и вот, где исток трагедии, пожалуй, неизбежной.

Ты меня очень обрадуешь, если станешь писать почаще. И скажи друзьям, чтоб они, в случае твоего ранения или болезни, известили меня. Пожалуйста.

Я послал тебе книги² на Париж Буа де Булонь и т. д. В Алжир послал письмо со смешными вырезками из эмигрантских газет³. Получил? Я здоров. Как всегда — много работаю, никуда не хожу.

Большая переписка с русскими писателями и все растет.

Мои кланяются тебе. Будь здоров, дружище.
Крепко жму руку. Береги себя.

А. Пешков

15. 3. А. ПЕШКОВ — ГОРЬКОМУ

Конец июня 1925, Рабат

Hospital Maric Faeillet Rabat

Дорогой мой Алексей,

Вчера меня перевезли сюда. Здесь хорошо и спокойно. Я начинаю понемногу отходить и душевно и физически отдыхаю. Вот уже сижу в кресле с вытянутой больной ногой¹. Из окна вижу океан, пишу сейчас и слышу шум его. Как хорошо! Радуюсь душой. Дали мне, по приказанию Маршала, прекрасную отдельную комнату; как только приехал сюда, снова осматривали мою ногу. Никаких осложнений. Кость заживает, и, наверное, через месяц смогу уже снова возвратиться к своей роте. Через некоторое время, после моего приезда, старшая сестра мне объявила, что адъютант Маршала Лютэ телефонировал, чтобы предупредить, что Маршал приедет. Через некоторое время старик вошел в мою комнату. Он был очень любезен и чрезвычайно мил².

Я был очень тронут вниманием этого мудрого старика и большого человека. Но как, как он пострадал!

Здесь со мною мой офицер и, могу сказать, мой собрат и оруженосец. Ухаживает он за своим калекой-капитаном с такой чуткостью, с таким вниманием, и — отношение его ко мне так просто и такое хорошее, что мое сердце преисполнено к нему самой глубокой благодарностью.

Еще не могу ступать на больную ногу. Пробовал, но больно. Но, наверное, через несколько дней смогу понемногу начать ходить. После выхода из госпиталя должен буду снова предстать перед комиссией. А что если вдруг скажут мне: «Довольно вам, сударь, воевать». Что делать: придется ехать во Францию. Если по-го<нят> в Европу, то некоторое время хотелось бы отдохнуть и привести себя в некоторый душевный порядок. Смогу ли я приехать к тебе, не стесню ли очень? Как получишь это письмо — напиши мне, будь добр.

А пока всего, всего хорошего.

Крепко обнимаю.

Привет всем домашним.

Твой Зина

Ответь на этот раз по следующему адресу:
m. c. Capitane Pechkof
Hospital Maric Feuillet
Rabat, Марок
(письмо отправь заказным).

16. ГОРЬКИЙ — З. А. ПЕШКОВУ

10 июля 1925, Сорренто

Мне было так тревожно думать о тебе, что я рад теперь, зная, как дешево — сравнительно — ты отделался и что, м. б., это уже последнее твое сражение на войне бесполезной. Ты не должен обижаться на определение войны как дела бесполезного, ты знаешь, что я вообще против всех и всяких сражений кроме непрерывного и неустрашимого сражения человека с природой. Это уж не философия, а нечто органическое. Ну, ладно, не будем говорить об этом, здесь мы с тобою мало понятны друг другу. Приехать сюда ты, разумеется, можешь как только захочешь этого. Было бы хорошо, если б ты мог приехать скорей: ты нашел бы здесь компанию очень интересных людей: знаменитого музыканта и милого человека Рамшу¹, певицу Зою Лодий², прелестных ребят Марии Игнатьевны³ и много всякого иного народа. Но все они в конце июля разъедутся.

Лизе я не писал, находя, что в разноязычной и шумной этой компании ей, пожалуй, было бы неловко одной, а Тимоша присмотреть за нею не могла бы, ибо она — Тимоша беременна и в августе я буду дедушкой. Вот какие дела.

Посылаю тебе несколько книжек, две — очень смешные⁴. Пишу так плохо, потому что болит рука.

Выздоровливай и приезжай отдыхать, есть виноград. Очень хорошо, что тебе не нужно уже ехать на фронт. Жму руку.

10.VII.25.

А. Пешков

ПРИМЕЧАНИЯ*

1.

Печатается по А (АГ. КГ-рзн-7-1-29), впервые.

---

* На первоначальном этапе с письмами Горького Зиновию Пешкову работала С. С. Зимина, сотрудник Архива А. М. Горького.

¹ Атласские горы в Марокко.

² Ait — по-берберски племя, род.

³ Возможно, это неточная этимология З. Пешкова. Каждое племя берберов поклоняется своему Хамму, основателю деревни. «В деревне на вопрос “кто вы?” вам могут ответить: “Мы — уялд Хамму”, то есть “дети”, потомки некоего Хамму, основавшего эту деревню» (*Верин В.* На марокканской земле. М., 1972).

⁴ Жена З. Пешкова Э. Шарль-Ру вспоминала, что горны для солдат купил сам Зиновий в Париже. См. вступ. статью.

⁵ Возможно, речь идет о писателе Алексее Николаевиче Толстом, которого упоминает Горький в своих письмах к Зиновию.

⁶ Упомянутое письмо не сохранилось.

⁷ Мекнес — один из древнейших и красивейших городов Марокко — во время колониальной войны был местом расположения командования французских экспедиционных сил.

⁸ Риф и Средний Атлас заселяли самые непокорные племена берберов — тамазигов. Хотя сами они «предпочитают другое название — “имазиген” (“свободные люди”))» (*Верин В.* На марокканской земле).

2.

Печатается по А (АГ. КГ-рзн-7-1-30), впервые.

¹ Видимо, письмо от 18 июля 1922 г.

² Скорее всего, З. Пешков по цензурным или этическим соображениям скрывает подлинные причины своей «экспедиции». 1922 г. — это начало колониальной войны против Рифской республики, время самых жестоких боев с восставшими берберами.

3.

Печатается по А (АГ. ПГ-рл-30-46-19), впервые.

¹ Повесть «Мои университеты». Горький сообщал о завершении работы над ней М. Ф. Андреевой (конец августа — начало сентября). «Мои университеты» вместе с другими произведениями (рассказы «Сторож», «О первой любви», «О вреде философии» и очерки «Время Короленко» и «В. Г. Короленко») были впервые напечатаны отдельным изданием в изд. «Книга». Берлин, 1923. В Советском Союзе повесть вместе с примыкающими к ней очерками и рассказами увидела свет в журнале «Красная новь» (1923. № 1, 3, 4).

² На английском языке в США «Мои университеты», действительно, вышли в 1923 г.

³ Горького резко критиковали в Советской России за его выступления в поддержку арестованных эсеров и статью «О русском крестьянстве».

⁴ На организованных властью митингах рабочие замоскворецких заводов в письме к Горькому призывали его вернуться в Россию, чтобы, оказавшись в пролетарской среде, поскорее изжить заблуждения и ошибки (Известия ВЦИК. 1922. 11 августа).

⁵ Федор Иванович Шаляпин гостил у Горького в Герингсдорфе летом 1922 г. (см.: *ЛЖТ.* 3. С. 285).

⁶ В августе 1922 г. Горький встречался с приехавшим в Герингсдорф А. Н. Толстым. Познакомил его со своим новым рассказом «Отшельник», слушал чтение

Толстым отрывков из повести «Аэлига». См.: *Толстой А.* Великая страсть // Накануне. 1920. № 20.

⁷ Поэт В. Ходасевич встречался с Горьким в Герингсдорфе в августе 1922 г. по делам, он был в этот момент одним из редакторов журнала «Беседа».

⁸ Горький использует высказывание Вершинина, одного из героев пьесы А. П. Чехова «Три сестры». Полностью оно звучит так: «Через двести, триста лет жизнь на земле будет невообразимо прекрасной, изумительной...» (*Чехов А. П.* Полн. собр. соч. Т. 13. М., 1978. С. 131).

4.

Печатается по А (АГ. КГ-рзн-7-1-31), впервые.

¹ Речь идет о повести «Мои университеты». См. п. 3.

² З. Пешков ежегодно гостил у Горького в Сорренто. Обычно вместе с дочерью Елизаветой.

5.

Печатается по А (АГ. КГ-рзн-7-1-32). Впервые: *Пархомовский М.* Сб. Евреи в культуре Русского Зарубежья. Вып. II. Иерусалим, 1993. С. 321—325.

¹ Прежде придерживавшийся левых взглядов, З. Пешков в 1920-е годы окончательно отходит от них и пытается убедить сделать то же самое М. Горького.

² Так в тексте.

³ В разные годы Зиновий Пешков жил в России, Канаде, Новой Зеландии, Франции.

⁴ На самом деле, Горький собирался на Канарские острова. См. п. 3.

⁵ В Россию З. Пешков так и не вернулся, несмотря на не раз высказывавшееся им желание.

6.

Печатается по А (АГ. ПГ-рл-3-46-21), впервые.

Датируется по фразе в тексте письма: «...сегодня, 15.XII...»

¹ Последняя по времени на тот момент встреча Горького и З. Пешкова состоялась в январе 1923 года. Вскоре после нее Зиновий вернулся в Марокко.

² Описка Горького. Правильно: Hotel «Maxhof».

³ С врачом А. Н. Алексиним, работавшим в земской больнице в Ялте, Горький познакомился в феврале 1897 г. в Алушке, куда он приезжал лечиться от туберкулеза легких. Они быстро подружились. Горький и Алексин неоднократно встречались и переписывались. Узнав о смерти Алексина, писатель начал работу над воспоминаниями о нем, которые, впрочем, остались незавершенными (см.: Горький. *Сочинения.* Т. 16. С. 527—532, 629).

⁴ В следующем 1924 году Горький, как и планировал, переехал в Италию, в Сорренто.

⁵ Горький послал З. Пешкову оттиск «Рассказа о первой любви», напечатанного в «Беседе» (1923. Кн. 3. С. 15—72).

Печатается по А (АГ. КГ-рзн 7-1-39), впервые. Письмо ошибочно датировано З. Пешковым 1923, а не 1924 годом.

¹ «Рассказ о первой любви». См. п. 6.

² Писать о русских З. Пешкова не раз просил сам Горький. См., в частности, п. 8.

³ Пешков упомянул жену и детей Ф. И. Шалапина.

⁴ Речь идет об Амфитеатрове, с которым Зиновия связывали теплые дружеские отношения. Одно время он работал у Амфитеатрова секретарем.

⁵ См.: АГ. КГ-рзн-7-1-49.

Печатается по А (АГ. ПГ-рл-3-46-23), впервые. На это письмо З. Пешков ответил краткой запиской от 9 февраля 1924 г. (АГ. КГ-рзн 7-1-41).

¹ См. п. 7 и примеч.

² Скорее всего, Горький послал З. А. Пешкову книгу «Избранные рассказы. 1893—1915». Берлин; Петроград; М., изд. З. И. Гржебина, 1923.

³ Возможно, Горький отправил Зиновию повесть М. Шагинян «Перемена» (Красная новь. 1922. Кн. 6; 1923. Кн. 2, 4, 6).

⁴ Книга «Orientalia», высоко оцененная Горьким; именно она принесла М. Шагинян известность.

⁵ Возможно, речь идет о романе «Фантом» (пер. с нем. Д. Горфинкеля. Петроград, 1923).

⁶ Горький говорит о своем «Рассказе об одном романе» («Беседа». 1924. Кн. 4. Март. С. 117—148), опубликованном под псевдонимом «Василий Сизов», которым он подписывал свои произведения в «домашнем» журнале «Соррентийская правда» (Архив Г. 9. С. 400).

⁷ Рассказ румынского Панаита Истрати «Кира Киралина» с предисловием Р. Роллана был опубликован в четвертой книге «Беседы» за 1924 г.

⁸ Горький, по всей видимости, имел в виду ожесточенные дискуссии, которые развернулись между различными группировками большевистского руководства на XII съезде ВКП(б). Спорили сталинцы, троцкисты и так называемые «правые» (Н. Бухарин и Г. Сокольников) вокруг стратегии развития страны и партии. В начале 1920-х годов и прежде свойственное Горькому недоверие к крестьянству как к классу приняло особенно резкий характер. Об отношении Горького к русскому крестьянству в этот период см.: *Примочкина Н.* Писатель и власть: М. Горький в литературном движении 20-х годов. М., 1996.

Печатается по А (АГ. КГ-рзн 7-1-48), впервые.

¹ Данное письмо не сохранилось.

² О пребывании сохранилось свидетельство И. И. Вольнова, сына писателя И. Е. Вольнова: «Впервые увидел Зиновия в Сорренто в августе 1924 года на вилле “Масса” у А. М. Горького. Он был с Лизой. Ей было 13, а мне 11 лет. Очень сильное и угнетающее впечатление от его безрукости. Любопытно было, как он завязыв-

вает шнуры левой рукой. Возил нас на извозчике на экскурсию в Помпею. Был замкнут и задумчив. В то время он уже был лысым» (цит. по изд.: *Пархомовский*. С. 193—194).

³ В книге воспоминаний «Звуки горна» З. Пешков с особой грустью вспоминает об убитом как раз 4 января 1924 года своем адъютанте Дювале: «Я только что потерял адъютанта в моей компании. Очень жаль. Кто-то должен был получить пулю, которую он получил, и возможно это был его день. Бедный Дюваль! Он был очень веселый и яркий, довольно маленький и щуплый на вид, но вместе с тем сильный, крепкий солдат, который, несмотря на две раны и отравление газами, полученные в большой войне, был одним из лучших из числа унтер-офицеров батальона» (*Peshkoff Z. The Bugle Sounds. New York; London, 1926. P. 108*).

10.

Печатается по А (АГ. ПГ-рл-39-46-25), впервые.

¹ Горький сравнивает президента Чехословацкой республики Т. Масарика с американским президентом Вудро Вильсоном, очевидно, в силу схожести их политических взглядов. Оба на всем протяжении своей политической карьеры были резко настроены против Советской России. Масарик перенес эту нелюбовь и на Горького. По сообщению чешской газеты «Rude Pravo» от 28 декабря 1923 г., Масарик старался избежать встречи с писателем, с которым он был знаком и даже в свое время гостил на Капри. Встречались они и позднее в Москве. Чешский исследователь Михал Лаштовичка в передаче, посвященной бывшему президенту Чехословакии, коснулся темы его отношений с русским писателем: «Про Томаша Гаррига Масарика даже рассказывают, что когда он в Москве спел Максиму Горькому чешскую народную песню “Течет вода, течет”, тот даже прослезился и сказал: “Такие прекрасные песни могут быть только у великого народа!”» (*Лаштовичка М. Томаш Гарриг Масарик, его сын Ян и их любовь к музыке. Radio Praha. 11.03.2002 г.*).

² Горький критически относился к эмигрантским кругам, в свою очередь ненавидящим его за «большевизм». См. также п. 12.

³ Так у Горького.

⁴ О каких photographиях идет речь — не ясно. В Архиве А. М. Горького хранится несколько снимков с видами Казба-Тадла и коллективных портретов роты Зиновия Пешкова.

11.

Печатается по А (АГ ПГ-рл-30-46-18), впервые.

Адресат ответил на это письмо 3 июля 1924 г. (АГ. КГ-рзн-7-1-50).

¹ См. п. 9. В августе Зиновий, действительно, гостил вместе с дочерью Елизаветой у Горького в Сорренто.

² См. п. 10.

12.

Печатается по А (АГ. ПГ-рл-30-46-28), полностью впервые; частично в ст.: *Зимина С. С. Архив великого писателя // Русская литература. 1968. № 2. С. 7.*

З. А. Пешков ответил 2 апреля 1925 г. из Крейдера в Марокко (АГ. КГ-рзн-7-1-59).

¹ О каких книгах идет речь — не установлено. В конце письма Горький упоминает только об одной из них, романе К. Федина «Города и годы» (см. ниже).

² Речь идет о М. И. Будберг.

³ Всероссийский крестьянский союз (ВКС) — антисоветская, антибольшевистская организация, созданная группой русских эмигрантов в 1925 г. в Париже. Несмотря на широко распропагандированное в эмигрантских кругах влияние Союза на крестьянство внутри Советской России, сколько-нибудь заметную деятельность эта группировка в СССР не вела. Руководивший ВКС М. Е. Акацатов (Михаил Антонов) видел цель его деятельности в «проповеди беспартийного Крестьянского «Зеленого» движения», стремящегося «поставить во главе Государства высшее, точное знание» (Вестник Всероссийского крестьянского Союза. 1926. № 2—3). Вместе с тем, возможность создания Крестьянского союза обсуждалась в СССР и была, судя по конспективным записям разговоров деятелей антисталинской оппозиции, подвергнута жесткой критике со стороны И. В. Сталина: «Крестьянский союз? Тоже уступить?» (Вопросы истории. 1991. № 2—3).

⁴ ВКС издавал в Париже собственный журнал «Вестник Всероссийского Крестьянского Союза».

⁵ Горький, по его собственному признанию, плохо верил «в разум масс вообще, в разум же крестьянской массы — в особенности» (В. И. Ленин // Горький. *Сочинения*. Т. 20. С. 27). Он не принимал ««зоологический индивидуализм» крестьянства», в котором видел препятствие на пути России к «европеизации и культуре», в то время как единственная движущая сила заключена, по его мнению, в «политически грамотных рабочих в тесном союзе с интеллигенцией» (Русский современник. 1924. № 1. С. 235, 249). Позднее, в очерке «В. И. Ленин» (1931), Горький признал свою ошибку: «Так думал я 13 лет тому назад и так — ошибался» (Горький. *Сочинения*. Т. 20. С. 29). О «крестьянофобии» Горького см.: *Сухих С. И.* Заблуждение и прозрение Максима Горького. Н. Новгород, 1992. С. 64—69.

⁶ Андрей Соболев (наст. имя Юрий Михайлович) — советский писатель, приехал в 1925 г. к Горькому в Сорренто.

⁷ *Федин К.* Города и годы. Л.: Госиздат, 1924. Эта книга с дарственной надписью автора хранится в ЛБГ (ОЛБГ. 1588). Очевидно, у Горького был еще один экземпляр, который он и отправил З. Пешкову в Марокко.

13.

Печатается по А (АГ. КГ-рзн-7-1-59), впервые.

¹ Речь, видимо, идет о письме Горького Зиновию от 20 марта 1925 г.

² Зиновий Пешков подробно рассказал о подготовке к походу 1925 г. в Марокко и в своих мемуарах «Звуки горна». В частности, о важности подбора хорошей обуви для легионеров: «Особое внимание было уделено обуви, поскольку она самая важная вещь, ведь для легионеров, которые должны много маршировать, ее нужно подбирать точно» (*Peshkoff Z.* The Bugle Sounds. New York; London, 1926. P. 145).

14.

Печатается по А (АГ. ПГ-рл-30-46-29), впервые полностью на русском языке; на франц. языке опубликовано в каталоге коллекции Альфреда Дюпона. На рус-

ском языке в обратном переводе отрывок напечатан в кн.: *Пархомовский*. С. 192. К этому письму приложен перевод на франц. языке.

3. Пешков ответил 22 июня 1925 г. (АГ. КГ-рзн-7-1-61).

¹ В 1925 г. в Марокко развернулись ожесточенные бои между армией Рифской республики и французскими колониальными войсками в долине реки Уэгра. Марокканская война вскоре приняла кровопролитный характер. Иностраннный легион понес тяжелые потери, летом 1925 г. сам З. Пешков был тяжело ранен.

² О каких книгах идет речь — не установлено.

³ Очевидно, имеется в виду письмо 12, упомянутые вырезки не сохранились.

15.

Печатается по А (АГ. КГ-рзн-7-1-18), впервые.

¹ Ранение в одном из тяжелых боев 1925 года было не первым в жизни З. Пешкова. Во время Первой мировой войны он потерял руку. После марокканской кампании Зиновий Пешков стал еще и прихрамывать.

² Командующий французскими войсками в Марокко маршал Льотэ и раньше, до ранения Зиновия в ногу, благоволил к нему, поддерживал и не забывал награждать.

16

Печатается по А (АГ. ПГ-рл-30-46-30), впервые.

¹ Рамши — известный музыкант, знакомый Горького. Писателю особенно нравилось исполнение им романа «Последний нынешний денечек».

² Зоя Лодий — известная в Советской России камерная певица (лирическое сопрано). В 1925 г. она с мужем профессором-литературоведом С. А. Адриановым находилась на отдыхе в Сорренто. Как вспоминала потом В. Ходасевич: «Жили они через дорогу от виллы “Иль Сорито”, и Зоя Лодий часто приходила по вечерам к нам и пела. Репертуар у нее был огромный. В ту поездку в Италию она нашла в архивах и разучила необыкновенной красоты итальянские песни и романсы Средневековья и Возрождения, которые она впервые исполняла. Конечно, уж тут приходилось Алексею Максимовичу все время сидеть, опустив голову...» (*Ходасевич В.* Таким я знала Горького // *Новый мир*. 1968. № 3. С. 35). Сама З. П. Лодий с теплотой вспоминала те дни у Горького: «Я в этот месяц, проведенный в “Sorrento”, много пела Алексею Максимовичу. Он говорил, что любит во мне “светлый трагизм”, несмотря на нежность звучания. Слушая музыку, он часто плакал» (*Лодий З. П.* Мои встречи с А. М. Горьким. 1925—1933 гг. — АГ. МоГ-8-13-1).

³ В Сорренто гостили дети М. И. Будберг — Павел и Татьяна.

⁴ Какие книги были посланы — не установлено.

Л. Б. Красин. 1890-е гг. Фото П. Милевского

*М. Горький и Е. П. Пеškова. 1902–1903 гг. Н. Новгород. Фото
М. П. Дмитриева*

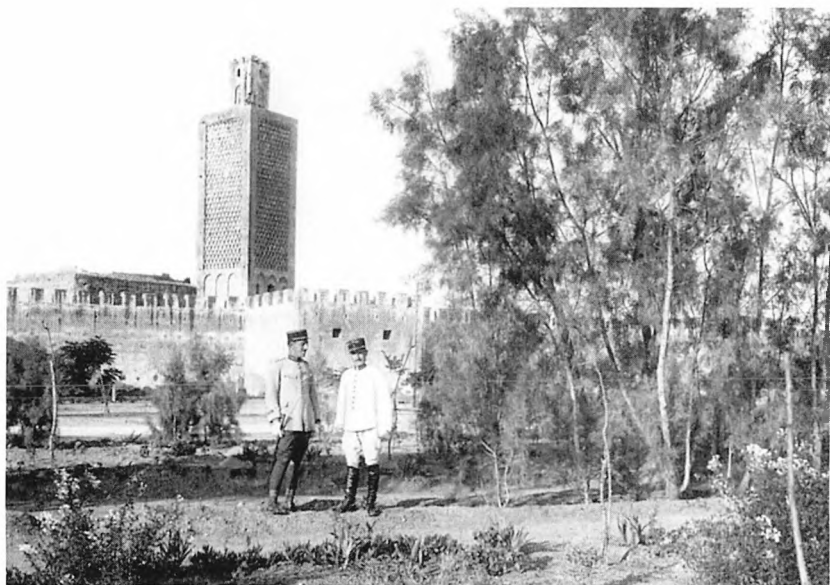
В. А. Базаров. 1930 г. Фото из следственного дела

А. А. и Н. А. Золотаревы. 1912. Капри. Фото Ю. А. Желябузского

И. Д. Сургучев

З. А. Пешков с сослуживцем в Марокко. 1923–1924 гг.

З.А. Пеиков – офицер Иностранного легиона французской армии. На обратной стороне фотографии надпись: «Le Kreider 14.III.1925»

М. Дмитриевъ

Н. НОВГОРОДЪ

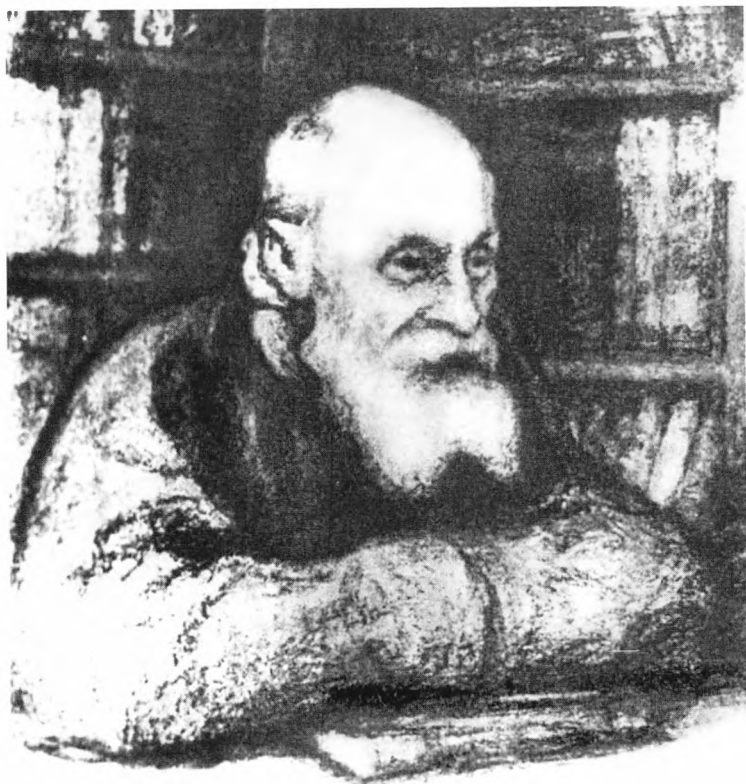
*О. Ф. Каменская (Лошакова-Ивина). 1894. Н. Новгород. Фото
М. П. Дмитриева*

О. Ю. Каменская. 1892. Тбилиси. Фото Б. Мищенко

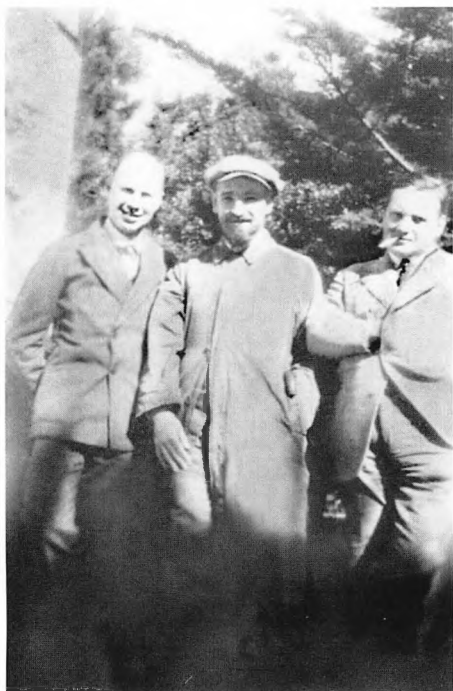
О. Ф. Лошакова-Ивина с Ф. Гафнером. 1906

Н. Ф. Федоров

Н. А. Сетницкий и А. Г. Горский

С. С. Прокофьев, Д. П. Святополк-Мирский, П. П. Сувчинский. 1920-е гг.

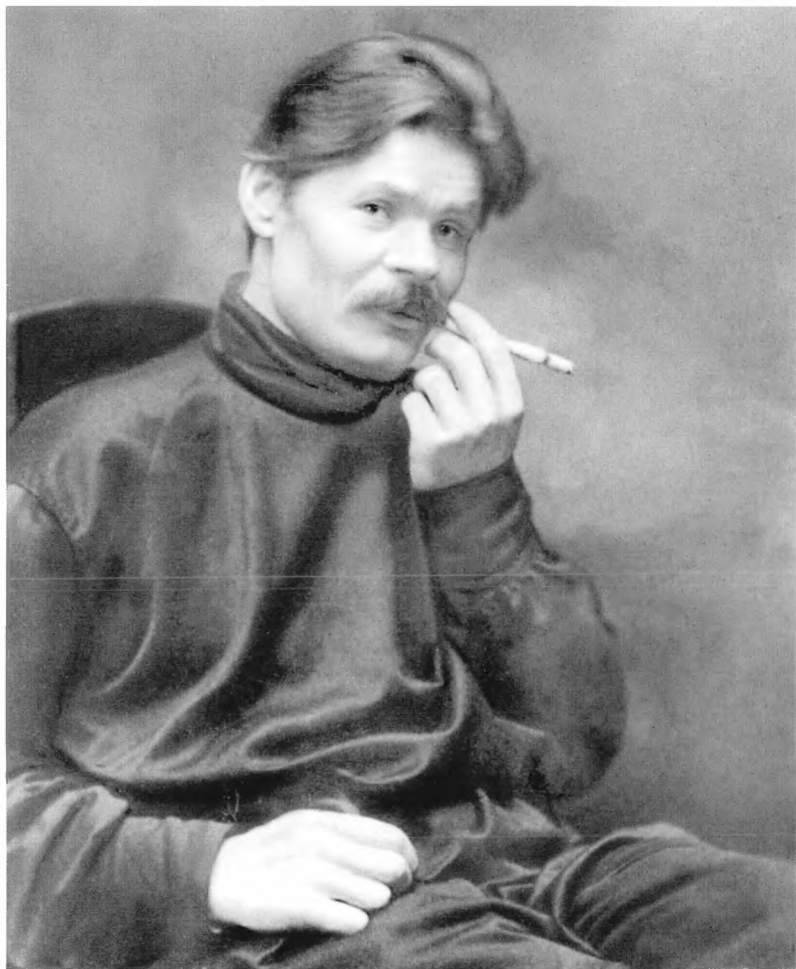

М. Горький и Л. Л. Авербах. 1931. Фото М. А. Пешкова

*Л. Л. Авербах, Н. А. Пеикова и О. Д. Черткова. Сорренто. Фото
М. А. Пеикова*

М. Горький. 1906. Филадельфия. Фото Э. Гольденский

«...Я НЕ ЛЮБЛЮ СВОЮ ЛИЧНУЮ ЖИЗНЬ!»

---

*Вступительная статья, подготовка текста и примечания
М. А. Семашкиной*

Леонид Андреев, многие годы бывший рядом с Горьким, любил и глубоко чувствовал его душу. После очередной размолвки в письме от 28 марта 1912 г. он горько сетовал: «...ты аскет: я не встречал человека, который так упорно и жестоко умерщвлял бы личную жизнь, личный разговор, личные страдания»¹. Эта черта горьковского характера имеет свои истоки: «У меня была бы семья» — когда-то мечтал мальчик Алеша, юноша Алексей и взрослый мужчина Алексей Максимович Пешков. С внезапной смертью его отца — мальчик остался (при матери) сиротой, подкидышем к деду... затем жизнь «в людях», тяжкие «университеты», долгие скитания по чужим углам, изнурительная работа в булочной, торговля квасом, жизнь впроголодь... и мечты о необычайном, необыкновенном.

Но вот пришло лето 1889 года, которое перевернуло жизнь юноши. Судьба «в целях воспитания» подарила ему восхитительную женщину с «милыми васильковыми глазами». С первого взгляда он полюбил ее «до бреда, до безумия». В любви своей он был по-юношески бескорыстен и щедр: он не брал, а отдавал себя без меры, верил в любовь как силу, создавшую весь мир, верил, что «самое умное, чего достиг человек, — это меньше любить женщину, поклоняться ее красоте; от любви к женщине родилось всё прекрасное на земле»². Он встретил Ольгу Юльевну Каменскую, пылко ответившую на его любовь.

Каменская Ольга Юльевна (1859—1939) — урожденная Гюнтер (по матери — Николаева), гражданская жена Горького в 1892—1894 гг. (Ольга К. — в его повести «О первой любви»). Родилась в многодетной семье врача и акушерки. Воспитывалась в семье дяди, отставного военного — в Белостоке. После окончания Института благородных девиц училась на акушерских курсах в Москве, когда и познакомилась со студентом Петровско-Разумовской сельскохозяйственной академии Ф. Ф. Каменским. Вышла за него замуж. В 1883 году у нее родилась дочь Ольга (Лёля). После тяжелого нервного заболевания мужа его друг, бывший ссыльный, Б. П. Корсаков

уговорил Ольгу Юльевну уехать с девочкой в Тифлис. Там она стала его гражданской женой, прошла вместе с ним через тюрьму, ссылку, пока не оказалась отправленной по месту рождения в Н. Новгород, где летом 1889 г. и познакомилась с А. М. Пешковым. Юноша влюбился в незаурядную женщину, отличавшуюся оптимистическим мироощущением, ясным умом и многосторонней одаренностью (она умела шить, рисовать, чертить карты, играть на сцене и пр.). Он поверил в то, что «именно эта женщина <...> может сделать нечто волшебное», отчего душа его «вспыхнет огнем великой силой»³.

На деле же его первая любовь оказалась несчастливой. Снедаемый ревностью, Б. П. Корсак уехал в Париж, слал оттуда одно за другим умоляющие письма и сумел уговорить Ольгу Юльевну приехать к нему, как она напишет в своих воспоминаниях⁴. «Не пиши мне. Разрыв — так разрыв навсегда», — сказал А. М. Пешков, прощаясь, но разлуку переживал тяжело. Несколько десятилетий спустя О. Ю. Каменская утверждала: «...весной 1891-го года он ушел из Нижнего, решив пробраться во Францию, чтобы там искать меня»⁵. Этот факт фигурировал 13 мая на первом допросе Горького по делу Ф. Афанасьева⁶. В отчете Департаменту полиции полковник Дебиль тоже писал: «...до своего прибытия в 1891 году в Тифлис Пешков, пройдя пешком из Нижнего Новгорода в Бессарабию, хотел оттуда проникнуть в Румынию, чтобы затем пройти во Францию, но не быв пропущенным через границу, он направился в Крым и Закавказье»⁷.

Между тем жизнь О. Ю. Каменской с Б. П. Корсаком так и не сложилась. Проведя более двух лет в эмигрантских кругах Франции, Англии, Болгарии, Румынии, Каменская приехала в Тифлис и здесь — неожиданно и для себя, и для него — встретила с влюбленным в нее А. М. Пешковым. «Трудно поверить, — вспоминала она — что я, будучи уже два раза замужем, только теперь поняла, что в первый раз полюбила. По-настоящему, прочно, навсегда. И чувствовала, что и его любовь ко мне никогда не остынет»⁸.

Вернувшись из Тифлиса в Н. Новгород, Горький 25 октября 1892 г. послал свою фотокарточку О. Ю. Каменской с дарственной надписью: «Все порядочные и любящие хорошее люди будут любить Вас. Ничего, что Вас трудно понять, — труд этот щедро оплачивается — и, ей-богу, я сказал гораздо больше, чем тут написано. Ваш *Максим*»⁹.

1892—1895. Эти годы их семейной жизни подробно зафиксированы в документах Департамента полиции, в жандармских донесениях. Вот одно из первых донесений в Департамент полиции: «Ольга Юльевна Каминская вчера — 4 декабря — прибыла в Н. Новгород из г. Тифлиса и поселилась в квартире негласно поднадзорного мещанина Алексея Максимова Пешкова...». Через неделю в «Ведомости» о поднадзорных было зафиксировано:

«Номер по порядку — 1. Пешков Алексей Максимович, Нижегородский цеховой малярного цеха, 24 года. Надзор учрежден по распоряжению Нижегородского полицмейстера (за политическую неблагонадежность) с 26 октября 1892 г., секретный, без срока. Пешков проживает по Жуковской улице, дом Андреева, служит у Ланина письмоводителем, холост. Как Пешков, так и Каминская живут в нижнем этаже в смежных квартирах, внутри соединяющихся дверью, Пешков ходит только во второй этаж на занятия к Ланину, а Каминская никуда не ходит. Их также никто не посещает. Аттестация: за краткое время проживания в первом участке как Пешков, так и Каминская в дурных поступках замечены не были, а также не было замечено за ними никаких действий, за которые они подвергнуты надзору»¹⁰.

Так, с приездом зимой 1892 г. любимой женщины у юноши появилась надежда обрести семью. Началась трудная, неустроенная семейная жизнь: «Нищета — порок, который меня лично не смущал и не терзал, но для маленькой изящной институтки и особенно для дочери ее эта жизнь была унижительна, убийственна»¹¹. Он работал не покладая рук, пытаюсь хоть как-то наладить сносный быт. В эти годы были созданы ранние рассказы, принесшие ему признание и славу. Он верил, что женщина, которую он принял всем сердцем «вместо матери», напоит его «пьяным медом, возбуждающим творческие силы», он ждал, что ее влияние смягчит грубость, привитую ему «на путях жизни»¹².

И не ошибся, в ней пылал романтический огонь, жажда познания мира, она любила жизнь, людей, свое окружение, была необыкновенно нежной и щедрой на внимание к близким и отдавала им себя без остатка. Многому научился он около своей «первой дамы»: но по складу души, по способу ощущения мира, по устремленности мысли она существенно отличалась от него. Ее жизненная философия была на редкость оптимистична: лучше жить в ожидании хорошего и порой испытывать разочарование, чем вечно готовиться к худшему. «В ее отношении к жизни было нечто сродное вере ребенка в безграничную ловкость фокусника: все показанные фокусы интересны, но самый интересный еще впереди. Его покажут в следующий час, может быть — завтра, но — его покажут!»¹³. Здесь он и она были непримиримо различны между собой: для него жизнь была «серьезной задачей», он много думал, много пережил, находясь в «непрерывной тревоге» за себя, за нее. «В душе моей нестройным хором кричали вопросы, чуждые духу этой славной женщины»¹⁴. Но несмотря на эти различия, их костер любви, пусть недолго, горел трепетно и жарко.

Всем сердцем принял юноша и дочь ее Лёлю; она запомнилась ему милым красивым ребенком, «бойкой и грациозной, точно козленок», девочкой, изящной, «как фарфоровая куколка с чудесными глазами»¹⁵. Более

того, чтобы быть рядом с ними, он готов был принять и Болеслава Корсака, второго мужа Ольги Юльевны, думая, что у нее есть определенные обязательства перед этим человеком (летом 1893 г., покидая Пешкова, она уехала в Петербург вызволить Корсака из тюрьмы). Знаменательно письмо Алексея Максимовича Ольге Юльевне от 18 июня 1893 г., в котором отражены все мучительные переживания и боль за любимую женщину, его мечты о настоящей семье: «Не могу выразить, какое скорбное, грустное чувство охватило меня, когда я прочитал его <письмо, в котором Ольга Юльевна сообщила, что она уезжает на Кавказ с Корсаком>. Я вообще страшно тревожусь за твое будущее, и эта тревога, вместе с тоской о тебе, с каждым днем все возрастает...»¹⁶. Позже, в повести «О первой любви», Горький, вспоминая о ее непостоянстве, о ее поисках новых и новых впечатлений бытия, предвидел полное одиночество любимой женщины и жалел ее. Он готов был в то время поехать вместе с ними в Тифлис, устроиться с помощью А. М. Калюжного на хорошую работу, мечтал, что, может быть, «Болеславу позволят жить там и — как бы мы зажили! Я стал бы работать в “Кавказе” — и имел бы место. Он тоже нашел бы для себя что ни то — отдохнув от мук и передрыг. Ты была бы нашей общей и очень плохой — хозяйкой, Лёлька училась бы. Хорошо! У меня была бы семья!»¹⁷ Вспоминая прошлое, Ольга Юльевна возмущалась: «В ответ на мое письмо об отъезде с Корсаком в Тифлис, получила я от Ал. М-ча ряд очень странных писем <...> Разве я давала какой-нибудь повод к его странным фантазиям жить втроем?!»¹⁸. Намерение юноши сохранить семью даже такой ценой, забота о ней, дочери ее и опальном Корсаке было воспринято Ольгой Юльевной как болезненное отклонение от нормы: «Я сделала вывод, что он очень болен, что психика его расстроена»¹⁹.

Однако, отправив Корсака на Кавказ одного, она вернулась к Алексею: «Бурная радость Ал. М-ча при встрече со мной сняла много тяжести с души моей. Размолвки нашей мы больше ни разу не касались»²⁰. И снова их отношения сложились, как и прежде, прекрасно: они жили одной семьей, не теряли интереса друг к другу, не гасла страсть, «но на третий год совместной жизни я стал замечать, в душе у меня что-то зловеще поскрипывает и — всё звучнее, заметней»²¹. Погибала вера в семью, взаимную любовь. Это чувство недоверия преследовало Пешкова почти с первых дней знакомства и совместной жизни с О. Ю. Каменской: она трижды уезжала из дома и не было уверенности, что вернется, не способствовало их семейному союзу и непримиримое различие между ними. После долгих и мучительных переживаний, тяжелых вспышек ревности, по совету В. Г. Короленко, он, больной, в полном отчаянии в конце февраля 1895 г. уезжает в Самару. Они расстались летом 1895 г. (см. письмо Ольги Фоминичны и примеч.). Его мысли и чувства того времени нашли отражение в стихотворении «Прощай»²².

Прощай! Я поднял паруса
И встал со вздохом у руля,
И резвых чаек голоса
Да белой пены полоса —
Всё, чем прощается земля
Со мной... Прощай!
Мне даль пути грозит бедой,
И червь тоски мне сердце гложет,
И машет гривой вал седой...
Но — море всей своей водой
Тебя из сердца смыть не может!..
О нет!.. Прощай!
Не замедляй последний час,
Который я с тобой вдвоем
Переживал уже не раз!
Нет, больше он не сблизит нас,
Напрасно мы чего-то ждем...
Прощай!

В апреле 1895 г. Горький написал Ольге Юльевне: «Я не могу верить в то, что ты меня любишь <...>. Если ты способна не говорить со мной о твоей любви ко мне — о чувстве, в которое я не верю и которое больше не нужно мне, — если ты способна на это — можешь смотреть на меня как на человека тебе близкого и всегда готового помочь тебе жить»²³. Совместная жизнь их была недолгой, но Горький продолжал трогательно заботиться о матери и дочери. На его средства Лёля в 1902—1904 гг. лечилась в Ялте от туберкулеза²⁴. В АГ хранится Кассовая книга «Знания», где значится: по счету 71 в адрес О. Ю. Каменской только за 1904 г. выслано 601 руб. 95 коп.²⁵ С помощью Горького и М. Ф. Андреевой Ольга Фоминична (Лёля) начала свою сценическую работу в театре Незлобина²⁶. В конце декабря 1902 г. умер Ф. Ф. Каменский (первый муж Ольги Юльевны). Горький выслал деньги на похороны²⁷. После его смерти Ольга Юльевна осталась одна (в 1899 г. Корсак женился на своей домработнице), но ее романтическую натуру не изменило даже тройное неудачное замужество. Это свойство души помогло ей выжить: разносторонне образованная, прекрасная мастерица творить из ничего — нечто, неплохая художница-график, она нашла свое место в жизни — стала хорошей, характерной актрисой, по сцене — Ольменской. Ей было уже 45 лет! В АГ хранятся письма ценителей ее таланта, грамоты за прекрасную службу на сцене «пролетарского театра». С уходом на пенсию 27 мая 1921 г. Ольге Юльевне был вручен «Аттестат»²⁸.

«Артистке
Ольменской Ольге Юльевне
РСФСР
Командир

19-й
Отдельн. Стрелков. Бригады
Войск ВЧК Украины
27 мая 1921 г.
№ 495
г. Екатеринослав.

АТТЕСТАТ.

Несмотря на Ваши преклонные лета, имея от роду 60 лет, выступая при морозе и прочих недостатках нашей пролетарской сцены, Вы, уважаемая Ольга Юльевна, посвятив себя всецело искусству, смогли дать его широким красноармейским массам именно потому, что Вы умело подошли к нашей еще незрелой в просвещении душе и вложить в нее много светлого, жизненного идеала, который широко открывает нам дорогу к будущей нашей светлой жизни.

От имени красноармейцев и остального состава 19-й Бригады мы выражаем Вам наши признания и товарищескую благодарность. С болью сердца и души мы смотрим на Ваш уход со сцены пролетарского театра имени тов. Дзержинского.

Желаем Вам дальнейших успехов в работе пролетарского искусства.
Комбриг и военком 19
Пом. по политчасти
Режиссер труппы».

Позже, вспоминая свою юность, институтские годы, Ольга Юльевна с горечью отмечала: окруженная красотой, роскошью, любовью, она была «в совершенном неведении, что существует другой мир, в котором есть и тяжелый труд, и борьба за существование»²⁹. Все это в «другом мире» пришлось испытать сторицей в 20-е годы и ей, и ее дочери.

Щедрая помощь Горького пришла вовремя, и они старались использовать ее максимально (см. их письма Горькому и примеч.). Появились деньги, которых, как обычно, вечно не хватало. Сказывалась неприспособленность этих женщин к суровой жизни и полная зависимость от человека, теперь далекого, очень занятого и больного. Обе они почувствовали себя членами большой горьковской семьи. 11 сентября 1929 г. Ольга Юльевна писала: «Не пеняйте на меня, что я так бесцеремонно обращаюсь к Вам, — за все эти с лишком тридцать лет я не научилась смотреть на Вас, как на чужого человека»³⁰.

Трудная жизнь, подлинная нищета, болезнь и старость уже кажутся ей случайными: неужели я состарилась непоправимо в глазах твоих? Так появляются иногда требовательные письма, в которых утрачиваются чувство меры и такта: в ноябре 1929 г. (после состоявшегося свидания) благода-

рит за деньги «на сценический гардероб» для Лёли (1000 р.) и просит еще на 2—3 платья для первых спектаклей: «Мне уж, наверно, недолго осталось жить и потому я так смело обращаюсь к Вам с моей просьбой. Успокойте меня, дорогой мой! Кто знает, что ожидает нас там, за рубежом»³¹.

Весь 1930 год прошел с еще большими запросами, а 19 марта 1932 г. Ольга Юльевна обращается с просьбой, чтобы их с дочерью прикрепили к магазину, где продают вещи на валюту — «Торгсин»³²; в июне и июле 1932 г. просит устроить Лёлю в санаторий «пока среднего типа»³³ и др. На эти письма Горький не ответил, а, возможно, их не читал. П. П. Крючков мог эти письма и последующие не передать ему. Кроме писем Горькому шли бесконечные записки П. П. Крючкову и секретарю «Наших достижений» Н. П. Баркову. Характерно письмо Баркову от 19 декабря 1935 г., где Ольга Юльевна просит, чтобы он взял деньги для нее у Крюčkова «на январь» (к этому времени она получала по 300 р. ежемесячно); от Лели нет писем с 22 ноября, «я больна и расстроена донельзя <...> войдите в мое положение, меня ведь пожалеть некому»³⁴.

В АГ хранится 16 писем и записок О. Ю. Каменской подобного типа Крючкову³⁵ и несколько уцелевших записок Баркову³⁶; О. Ф. Лошаковой-Ивиной к тем же адресатам³⁷, а также переписка матери и дочери с М. Ф. Андреевой³⁸ и Е. П. Пешковой³⁹, которые, частично, печатаются впервые. Эти письма позволяют представить последующие три года жизни Ольги Юльевны после смерти Горького, узнать о замечательных чертах характера Екатерины Павловны Пешковой, которая не оставила своим вниманием Каменских — мать и дочь.

Умерла Ольга Юльевна после тяжелой болезни печени. Похоронена на Введенском кладбище. На мраморной плите надпись: «Все порядочные и любящие хорошее люди будут любить Вас. Горький».

В АГ хранится 30 писем Горького к О. Ю. Каменской, из них 27 относятся к периоду с октября 1892 г. по март 1904 (напечатаны: Горький. *Письма*. Т. I и 3), 3 письма — к послеоктябрьскому периоду (здесь печатаются впервые). По свидетельству адресата это была лишь незначительная часть переписки: «Письма от Ал. М-ча я получала каждый день <...> к большому для меня сожалению, я очень много его писем сожгла впоследствии в Петербурге, когда ожидала возможного обыска и ареста. Не хотелось, чтоб дорогие мне письма были захватаны нечистыми руками»⁴⁰. По воспоминаниям Е. П. Пешковой, все ранние письма О. Ю. Каменской (1892—1895) тоже были сожжены Горьким⁴¹. 21 письмо О. Ю. Каменской к Горькому позднего периода (1928—1934) хранятся в Архиве писателя, из них в настоящем издании печатаются впервые 7 писем и 2 совместных с дочерью, остальные письма использованы в примечаниях. В АГ находятся также и ее воспоминания⁴² (частично опубликованные в кн.: ГНЛ. С. 26—50).

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Горький. *Письма*. Т. 9. С. 205, 526.
- ² Горький. *Сочинения*. Т. 16. С. 218.
- ³ Там же. С. 217.
- ⁴ АГ. МоГ-5-5-1.
- ⁵ Там же.
- ⁶ Молодая гвардия. 1927. № 10. С. 209.
- ⁷ Там же. С. 207.
- ⁸ АГ. МоГ-5-5-1.
- ⁹ АГ. ПГ-рл-18-76-1.
- ¹⁰ См. ст.: Позднин Е. Н. Героиня рассказа «О первой любви: Документы к портрету // Горький и его эпоха. Вып. I. С. 124.
- ¹¹ Горький. *Сочинения*. Т. 16. С. 225.
- ¹² Там же. С. 232.
- ¹³ Там же. С. 239.
- ¹⁴ Там же. С. 238.
- ¹⁵ Там же. С. 212, 221, 224.
- ¹⁶ Горький. *Письма*. Т. 1, п. 14. С. 52.
- ¹⁷ Там же.
- ¹⁸ АГ. МоГ-5-5-1.
- ¹⁹ Там же.
- ²⁰ Там же.
- ²¹ Горький. *Сочинения*. Т. 16. С. 230, 231.
- ²² Цит. в сокращении, полностью см.: Самарская газета. 1895. № 50. 5 марта // Горький. *Сочинения*. Т. 2. С. 238—239.
- ²³ Горький. *Письма*. Т. 1, п. 39. С. 78, 79.
- ²⁴ Там же. Т. 3, п. 40; Т. 4, п. 59, 106 и примеч.
- ²⁵ АГ. П-ка «Зн»-37а-6.
- ²⁶ Горький. *Письма*. Т. 3, п. 301 и примеч.
- ²⁷ Там же, п. 208 и примеч.
- ²⁸ АГ. Ком.
- ²⁹ АГ. МоГ-5-5-1.
- ³⁰ См. п. 13 О. Ю. Каменской — Горькому.
- ³¹ АГ. КГ-рзн-3-43-7.
- ³² АГ. КГ-рзн-3-43-20.
- ³³ АГ. КГ-рзн-3-43-3, 8.
- ³⁴ АГ. ПТЛ-9-10-2.
- ³⁵ АГ. КК-рл-7-28-1 — 16.
- ³⁶ АГ. ПТЛ-9-10-1 — 5.
- ³⁷ АГ. КК-рл-7-6-1 — 6; Сек-Г-1-2 — 20 и др.
- ³⁸ АГ. ПТЛ-8-35-1 — 3; РГАЛИ. Ф. 2052. Оп. 1. № 27—28.
- ³⁹ АГ. ФЕП-кр-29-32-1 — 6; ФЕП-кр-30-17; ФЕП-рл-7-92-1 — 3.
- ⁴⁰ АГ. МоГ-5-5-1.
- ⁴¹ См. примеч. Е. П. Пешковой к письму Горького от 28 июля 1896 г. — АГ. ПГ-рл-30-19-67.
- ⁴² АГ. МоГ-5-5-1, 2.

Лошакова-Ивина Ольга Фоминична (1883—1979) — дочь О. Ю. Каменской, по второму мужу — Лошакова, актриса, по сцене — Ивина. В течение всей жизни, с 1889 г., ее связывала с Горьким преданная дружба. К сожалению, многие письма Горького к ней утрачены: в Архиве писателя хранится 1 письмо 1895 г. и 7 писем 1928—1934 г.¹, а также 25 писем О. Ф. Лошаковой-Ивиной Горькому, из них, частично, печатаются впервые 14 писем (2 из них написаны вместе с матерью), являющиеся ответом на письма Горького, остальные письма используются в примечаниях. Кроме того, в Архиве Горького хранится машинопись воспоминаний О. Ф. Лошаковой-Ивиной в нескольких вариантах: жизнь О. Ю. Каменской (по ее рассказам), впечатления детства, фрагменты из семейной жизни Горького 1888—1895, 1903—1936 г.² Частично напечатаны в кн.: *ГНЛ*. С. 51—85. Там же хранятся наиболее полные воспоминания, состоящие из 3-х частей, повествующие о раннем детстве Ольги Фоминичны, первой встрече с Алексеем Максимовичем, странствиях матери и дочери за границей (до отъезда из Парижа) и 14 рукописных тетрадей, посвященных жизни в Болгарии, Румынии, возвращению в Россию, Тифлис³. Частично (гл. IV, II часть) были напечатаны в газ. «Горьковская правда»⁴: «Ольга Лошакова. Воспоминания» с комментариями Н. Ф. Жадаевой. Фрагменты из воспоминаний прозвучали в радиопередаче в марте 1993 г., с повтором в 2000 г. (автор передачи Н. Ф. Жадаева).

В повести «О первой любви» Горький так описал обстоятельства рождения Лошаковой-Ивиной: ребенок, случайно родившийся «где-то на пути между двумя романами»⁵. Прошли годы, и Ольга Фоминична раскрыла тайну своего рождения: «Родилась я от человека пожилого, очень видного, красивого, которому светское общество г. Вильны дало название “король”⁶ <...>, несмотря на прекрасные средства к жизни и служебное положение, — не смог добиться развода с женой <...>, и я родилась незаконной — от девицы фон Гюнтер — как стояло в метрике»⁷. Разумеется, все родственники прислали письма с проклятиями и матери, и ребенку: «...проклинали нас обеих за то, что мое появление на свет опозорило все аристократическое семейство»⁸.

До самых последних дней она осталась романтической натурой, человеком не от мира сего. Свои воспоминания она начинает с фразы: «Жизнь моя — сплошная романтика, хотя в ней не фигурировали ни рыцари, ни таинственные похищения, ни даже пруд с лебедями. И тем не менее романтикой пропитана вся жизнь моя. Жилось как-то всегда над землей <...>. Со мной была моя мать — существо такой искренности и правдивости, что по безыскусственности она порой походила на ребенка милого, весело-озорного и очаровательного <...>. Жизнь она любила светло и радостно <...>».

Детство и юность моя прошли под ее крылом, как один занимательный день, несмотря на то, что мы с ней переживали нередко неудачи, и острые материальные нужды (и сколько раз, о боже!), и тюрьмы, и этапный путь, и семейные перипетии, и множество других житейских бед»⁹. Она была неплохой актрисой, но только для любительских спектаклей, для провинциальных театров. Как и мама ее, она не получила должного образования. Обе они мечтали о большой московской сцене. Во всех письмах Ольги Фоминичны к Горькому звучала настоятельная просьба: устроить ее в один из московских театров. Однако Горький, видимо, знал о ее скромных способностях и не предпринял должных шагов для ее устройства на профессиональную сцену. В письме Е. П. Пешковой 21 августа 1964 г. она рассказывала о своей сценической жизни: служила во многих городах России «бывала и в большом городском масштабе как, например, в Кинишме. Моя мама и (венчанный) муж мой Лошаков Иван Яковлевич служили зиму в этом театре <...> Из Кинишмы я с мамой уехала на Украину, разойдясь с мужем. Служила в Екатеринославе, и вокруг, надо проверить, так же помню — Кривой Рог и еще город, где много играла для больницы “холерной”»¹⁰. Большим подвигом для нее была поездка в Якутск в составе московской труппы. См. примеч. к письму 21.

Годы войны для хрупкой и маленькой женщины стали подлинным испытанием на стойкость, отзывчивость и доброту. Ольге Фоминичне около 60-ти, но она пошла работать в госпиталь санитаркой: «...считалась ударницей, — писала она Е. П. Пешковой. — К этому еще сдавала кровь. Начальство госпиталя предложило мне держать экзамен на сестру», но от тяжелого труда она почти потеряла зрение и в «59 лет вышла на пенсию»¹¹. По рекомендации врачей: «“...надо пожить на юге, в Крыму” <...> я сменялась тогда и уехала больная. Через 5 лет вернулась от тоски по Москве, по друзьям, по жизни, привычной мне, по театрам, по музыке, по родине, я ведь уроженка Москвы. На даче родилась в селе Алексеевском <...> Окрепшая, после моря, принялась за работу литературную. Ее хвалят и говорят, что интересно, и что чувствуется правдивость написанного. Но целое лето ничего не писала, мучилась духотой, не имея возможности побыть вдали от города»¹².

Пятидесятые—шестидесятые годы ее жизни можно узнать лишь по трем письмам Ольги Фоминичны к Е. П. Пешковой¹³. Искренние строки этих писем вызывают доверие.

Последующую историю ее трудной и невероятно долгой жизни (она скончалась 96-ти лет) хронологически проследить невозможно. Ее личный архив был варварски уничтожен в пансионате ВТО, где она находилась с 1973 по 1979 г. Сохранились лишь разрозненные листки и тетради воспоминаний, несколько писем и открыток из переписки с Ольгой Юльевной, в основном раннего периода (переданы в Нижегородский музей) и заявление

Ольги Фоминичны, вероятно, в Собес, написанное чужой рукой с ее подписью¹⁴:

«Начала свою работу в театре 1905 г. в антрепризе Незлобина, под режиссурой Марджанова, затем в г. Вильно. Летом под режиссурой Марковского (созидателя Саратовского народного дома). Начиная с Севастополя, почти по всей Руси — до Якутска. Всего теперь я и не вспомню в должном порядке. Служила, куда звали, а потом вскоре работала под управлением Гиацинтова в товариществе — 8 лет. (в Московской области) за что он получил звание Заслуженного деятеля искусств.

В 1936 году, по болезни матери — оставила театр (она также была актрисой). В этот период я работала по единичным вызовам, в основном по замене заболевших, т. к. не могла надолго оставить маму. Таким образом, мой артистический стаж составляет 40 лет.

В настоящее время мне (девяносто) 90 лет, у меня катаракта обеих глаз, потому пишу не сама, а лишь подписываюсь.

Справку о моем тяжелом болезненном состоянии из поликлиники персональных пенсионеров представляю по Вашему требованию.

Никого из близких или родных у меня нет уже 30 лет.

С глубоким уважением.

28/III.73 г.

Лошакова-Ивина».

В том же году Елена Митрофановна Шатрова, председатель бытовой комиссии Всероссийского театрального общества, разыскала Ольгу Фоминичну и помогла ей поселиться в пансионате ВТО. Первую встречу с ней Е. М. Шатрова описала в своей книге с удивлением и восхищением: «То, что я увидела, оказалось чудом. Я увидела создание хрупкое, грациозное, с милым узким личиком и громадными глазами, услышала ласковую речь. И вот из ее рассказа в крохотной комнатке возник передо мной образ Алексея Пешкова. И пусть воспоминания Ольги Фоминичны о молодом Горьком были очень субъективны, а порой и пристрастны, пусть юноша, о котором услышала я на Пятницкой, несколько отличался от Пешкова из рассказа Горького, но мне показалось, что он выглядел еще живее, проще и... еще обаятельней»¹⁵. Последующие встречи двух актрис окрашены дружескими отношениями. Елена Митрофановна заканчивает свою главу, посвященную Ольге Фоминичне и ее матери, словами, полными внимания и заботы: «Ольга Каменская умерла. Ее дочь жива. Ей скоро девяносто лет. Живет она теперь в лучших жилищных условиях, пенсию ей увеличили. С нею в комнате живет большая пальма. Но пальма гибнет — земля в кадке истощена.

Надо будет прислать кого-нибудь из соцбытсектора ВТО помочь пересадить пальму»¹⁶.

В этом пансионате Ольга Фоминична Лошакова-Ивина скончалась в марте 1979 г. в возрасте 96 лет. Похоронена на Введенском кладбище в могиле Ольги Юльевны Каменской-Ольменской.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ См.: Горький. *Письма*. Т. 1, п. 41 и примеч.
² АГ. МоГ-5-2-1, 2, 3, 4.
³ АГ. МоГ-5-2-3.
⁴ Горьковская правда. 1990. № 71, 72, 26, 27 марта.
⁵ Горький. *Сочинения*. Т. 16. С. 214.
⁶ Левандовский Михаил Иванович — генерал, главный корпусной интендант г. Вильно.
⁷ АГ. МоГ-5-2-3.
⁸ Там же.
⁹ АГ. МоГ-5-2-4.
¹⁰ АГ. ФЭП-кр-29-32-1.
¹¹ АГ. ФЭП-кр-29-32-1-3.
¹² Там же.
¹³ Там же.
¹⁴ АГ. Ком.
¹⁵ *Шатрова Е. М.* Жизнь моя — Театр. М., 1975. С. 347.
¹⁶ Там же. С. 354.

1. ГОРЬКИЙ — О. Ф. ЛОШАКОВОЙ-ИВИНОЙ

14 апреля 1928, Сорренто

Дорогая Ольга Фоминишна, —
осенью 21-го года, письмом из Вятки я был извещен, что Ольга Юльевна скончалась от воспаления легких¹.

Сегодня получил письмо, что обе вы живы, здоровы, но живете трудно в смысле материальном². Я очень хотел бы помочь вам, если это вы допустите, если моя помощь не обидит О. Ю. и Вас.

Скажите мне попросту, по чувству старой дружбы — можно послать вам денег³? Пошлю телеграфом.

Мне телеграфировать и писать так:

Италия, Сорренто. М. Горькому.

Сердечный привет вам.

А. Пешков

14.IV.28
Sorrento

2. О. Ф. ЛОШАКОВА-ИВИНА — ГОРЬКОМУ

23 апреля 1928, Москва

Дорогой Алексей Максимович!

Известие, которое Вы получили из Вятки, касалось, вероятно, смерти Иды Зиновьевны Каменской, которая и служила и жила в Вятке и, кажется, в ту осень, действительно, умерла.

В третий раз проходит слух о нашей смерти, каждый раз причина своими последствиями большое огорчение то мне, то маме. Это становится фатально.

Несколько лет тому назад похоронили нас обоих. Мой муж¹ получил официальное извещение из комиссариата, что вагон, где мы с мамой находились, разбит в щепы в прифронтовой полосе — и советовали не пытаться пробираться к месту происшествия, п. ч. наших костей все равно не соберешь. Муж поседел, получив это известие. А когда через три с лишним года я вернулась в Москву осенью 21-го года — я узнала, что муж давно считал себя вдовцом и... недавно женился. И мне не осталось ничего больше, как предложить развод.

И до этого тоже был слух о смерти, и тоже с печальными последствиями. Надо полагать, что, когда мы действительно умрем, то этому уже никто не поверит.

Добавлю еще, что, если б мама действительно умерла, то я написала бы Вам об этом, — мне не нужно брать книгу в руки, чтобы вспомнить какое неподдельное чувство Вас когда-то связывало, и если она была Вашей первой любовью², то Вы были ее единственной. Теперь об этом можно сказать, п. ч. ее жизнь уже вся позади, со всеми ее радостями и огорчениями.

Хотела бы знать, кто теперь известил Вас, что мы живем плохо? — моя подруга Соня Потехина, или ее сестра Эсфирь Азарх — моя большая приятельница? — или наш старый друг В. М. Любомирский-Гохгейм³? Кроме этих людей никто не знает по-настоящему, как мы живем, и почему именно. Ваше письмо было для нас большой неожиданностью, и обоих нас взволновало, каждую по-своему.

Когда мы с Вами виделись в последний раз в Москве осенью, в 21 году — я только что вернулась с фронта и так обрадовалась, что Вы в Москве — мне так нужен был друг и добрый совет, но... Вы меня не узнали⁴. Теперь я понимаю, что у меня в те дни, вероятно, было совсем не свойственное мне лицо, и эта солдатская шинель, и мы так давно не виделись...

Но, когда у человека горе, то он или тупеет, или воспринимает всё болезненно. Я отупела — еще больше ушла в себя и промолчала обо всем, с чем пришла. Нескладно поговорила насчет театральной работы и ушла, заранее зная, что из Вашего письма к Малиновской ничего не выйдет⁵. Не может возбудить к себе доверия актриса в солдатской шинели, без башмаков, да еще с таким тяжелым камнем на сердце, что слова нейдут с языка!

Мне пришлось беспорядочно халтурить — плохо зарабатывать, я портилась как актриса, п. ч. в театрах играют кое-как и кое с кем. За эти годы только два раза удалось прослужить в приличном деле, и мама ездила служить раз в Тверь, да один раз уехала из Москвы с группой актеров Мал. театра — где ее любили как человека и ценили как актрису — а затем наступили годы без работы по обстоятельствам, не от нас зависящим.

Вы спрашиваете: можно ли прислать нам денег, не обидит ли это нас. Нет, Алексей Максимович, *это* нас не обидит. Мы живем так плохо, что нам обеим тяжело смотреть друг на друга, и если б я не бодрилась, мы бы давно повесились. К тому же в известном возрасте начинаешь ценить в людях не героические подвиги, а их сознание своих ошибок.

У Вас, наверное, нет времени читать письмо, поэтому хотела написать мало, а вышло много. Извините и позвольте проститься.

Желаю всего самого лучшего.

О. Ивина

Примите привет и от мамы.

3. ГОРЬКИЙ — О. Ф. ЛОШАКОВОЙ-ИВИНОЙ

8 мая 1928, Сорренто¹

Дорогая Ольга Фоминишна, —
просил по телеграфу, чтоб Вам передали 500 р.². В конце месяца буду в Москве³, — разрешите повидаться с Вами и О<льгой> Ю<льевой>⁴?

В Москве я остановлюсь: Машков переулок, 1, кв. 16, это у Чистых прудов⁵.

Сердечный привет.

А. Пешков

8.IV.28

Sorrento

4. О. Ф. ЛОШАКОВА-ИВИНА — ГОРЬКОМУ

12 мая 1928, Москва

Дорогой Алексей Максимович, позавчера мы получили деньги (500 р.)¹. Это очень много, и мы так отвыкли от настоящих денег. Вот уже третий день как мы обладатели солидной суммы, а мы почти еще ничего не купили.

Отчасти нас удовлетворяет сознание, что теперь мы всё «можем», а с другой стороны, не знаем с чего начать. Но с чего бы ни начали, а прежде всего примите от нас обеих большую, сердечную благодарность и как знак благодарности узнайте от чего Вы нас избавили. Мы живем в очень сырой комнате (с черным потолком), которая отапливается в хорошие дни железной печкой, в плохие — керосинкой, а в скверные — ничем.

И если б добрый волшебник спросил меня чего я хочу — я не раздумываясь ответила бы — хорошего воздуха и хорошую постель. Мы спим на ящиках и утром встаем усталые, точно окончился трудный день и пора ложиться спать. Несколько лет не иметь отдыха по ночам — это очень, очень неприятно. И получить, наконец, этот отдых — это исполнение мечты. Потом можно полечиться, мама очень плохо себя чувствует, плохо от скверных условий жизни, — не от болезни.

У меня же полное расстройство нервов, выражающееся в самых неожиданных явлениях: потери осязания месяца на 2, на 3, в потере зрения на месяц, в распухании носа и всего лица до полной потери человеческого облика, или же в мучительной боли в какой-нибудь одной точке тела — такой внезапной боли, что я кричу на весь дом. Кончается это все внезапно, как и начинается. Остается только усталость, да хрипота от крика.

В Москве есть прекрасный доктор — Соколов — гомеопат. Он берет дорого, но теперь я схожу к нему.

И потом, когда наступит лето, можно будет поехать куда-нибудь в деревню. Это для мамы. А для меня только в том случае, если не будет на лето театральной работы. Но я надеюсь, что приведя себя в приличный вид, я найду ее. Способности работать я не потеряла, работаю с увлечением, когда оно у меня бывает, вношу в нее все свои силы, независимо от того сезонная ли это работа или разовый спектакль. Между спектаклем сезонным и разовым — разница громадная, но в своей домашней работе над ролью я еще честна.

Буду стараться попасть на лето в маленький городок, где есть река, где на улицах трава, а на траве — поросята. Я тоже, наконец, хочу увидеть лето. И где не больше двух спектаклей в неделю.

Последнее время я не ходила в Рабис² — не в чем было. И взяла нам с мамой одну работу на дом, но дело было ужасно вонючее. Даже соседи ходили от нее с головной болью. И в результате за эту работу нам не заплатили. То нужный человек уехал, то некому принять работу — и т. д. Я многое бы еще могла Вам рассказать, но и этого довольно, чтоб поверить как я деньгам рада и как благодарна — не раз, не два, а сотню раз.

5. ГОРЬКИЙ — О. Ф. ЛОШАКОВОЙ-ИВИНОЙ

5 июня 1928, Москва

Дорогая Ольга Фоминишна, —
я попаду к Вам не ранее воскресенья, т. е. — через шесть дней, загруженных всяческими «свиданиями» общественного порядка.

Получили ли Вы деньги?

Привет О. Ю.

Жму руку.

5.VI.28.

А. Пешков

6. О. Ф. ЛОШАКОВА-ИВИНА — ГОРЬКОМУ

Около 10 июня 1928, Москва

Дорогой Алексей Максимович, деньги получили (500 р.) в начале мая месяца. Ответила сейчас же в Сорренто очень подробным письмом, написав в нем и как мы жили, и сколько хороших перемен внесли в нашу жизнь присланные Вами деньги.

Буду — будем ждать Вас с нетерпением. Ваше письмо по гор. почте шло изумительно долго, я только сегодня его получила. Вероятно, и Вы еще получите мое письмо, посланное в Италию.

Два сердечных привета.

Ивина

7. О. Ф. ЛОШАКОВА-ИВИНА — ГОРЬКОМУ

Середина июня 1928, Москва

Дорогой Алексей Максимович, в продолжение недели ждали мы Вас каждый день и никуда не выходили из дому¹. Но, по-видимому, у Вас нет времени посетить нас. Это очень жаль, тем более что через три дня я, возможно, уеду. Получила предложение поехать до 1 сентября служить в Закасп. край. Не знаю, застану ли Вас по возвращении. Мама огорчается, что я еду в такое место, где совсем нет зелени и только песок и нефть (нефтяные промыслы) и где вода в паек дается, но мне хочется сдвинуться с мертвой точки и поехать хоть куда-нибудь. 18 утром окончательные переговоры, а если подпишу — числа 20, 21 уеду.

На случай, если я за эти дни не увижу Вас — то у меня к Вам две очень больших просьбы. Одна очень серьезная относительно мамы, другая трагикомическая относительно моей подруги Сони Потехиной.

Нельзя ли, Алексей Максимович, поговорить Вам с кем-нибудь из имеющих вес, чтоб маме немного увеличили пенсию²? Она выхлопотала пенсию в 36 р., но многие актеры с таким же стажем и окладом получают больше. Видно, она начала хлопотать свою в полосу не особенно денежную, — к людям, подавшим свою просьбу о пенсии месяца через три после мамы — правительство было пощедрее, п. ч. большими суммами в тот момент касса располагала. Если кто-либо прибавит доброе слово к ее просьбе — мне кажется, это дело могло бы устроиться.

Что касается подруги, то тут дело вот в чем. Соня Потехина в хороших отношениях с Вашим хорошим знакомым Ганецким и однажды попросила его — не может ли он устроить нам *небольших* по две сухих комнаты (у моей подруги маленький идеефикс, что многие мои дела не налаживаются, благодаря отсутствию приличного угла, где я могла повидать нужного человека), и Ганецкий был так добр, что ее просьбу уважил, а я, узнав об этом, расстроилась, п. ч. прекрасно знаю, что мама ни от кого и ничего не примет во имя Ваше, Алексей Максимович, не поговорив сначала с Вами, не узнав, как *Вы* на это смотрите.

Я очень попеняла Соне за то, что она говорила с Ганецким, не поговорив предварительно со мною. И такого страха на нее нагнала, что, когда Ганецкий спросил у нее наш адрес, она ответила, что этого нельзя, что она не может адреса сказать, что ей не позволили.

Естественно, Гонецкий ничего из этого всего не понял, рассердился, сказал, что это женский саботаж, что он с ней больше не знаком, и бросил трубку. Соня Гонецкому обязана лечением за границей, службой мужа, ученьем сына, она его и ценит, и уважает. Дорогой Алексей Максимович, скажите ему, что Соня не виновата, пусть эти хорошие люди помирятся. Так неприятно, что это из-за меня случилось, и из-за этих глупых комнат.

Ах, как жаль, что я не смогла Вас увидеть, так хотелось, так хотелось! Но, м. б., еще увидимся?

Сердечно Ваша *Ольга Ивина*.

8. О. Ф. ЛОШАКОВА-ИВИНА — ГОРЬКОМУ

Начало июля 1928, Москва

Дорогой Алексей Максимович.

Мой отъезд в Закаспийский край не состоялся¹. Посредрабис предложил на мое место другую, несмотря на то, что режиссер договорился со мной. Это можно довести до общего собрания, но сезон потерян. Таким образом, я осталась в Москве и мы с мамой ждем Вас, если Вы еще не изменили своего намерения повидаться с нами.

Мы знаем, что Вы устали, что у Вас мало времени — потому вкладываю открытку с моим адресом — черкните два слова — ждать ли нам Вас?

Сердечный привет от нас обоих.

Ольга Ивина

9. ГОРЬКИЙ — О. Ф. ЛОШАКОВОЙ-ИВИНОЙ

6 июля 1928, Москва

Ольга Фоминишна, —

я весьма смущен тем, что до сего дня не мог посетить Вас и О<льгу> Ю<льевну>¹, но у меня есть оправдание: нездоров был и не хватает времени².

Сегодня я должен ехать в Курск дня на три, возвратясь — приду к Вам³, а пока посылаю 500 руб.⁴

Извините мне то, что не мог исполнить обещания, и поверьте: не потому, что не хотел.

Привет.

А. Пешков

10. О. Ф. ЛОШАКОВА-ИВИНА — ГОРЬКОМУ

20 октября 1928, Москва

20 октября 1928 г., г. Москва,

Гороховский, 1/6, кв. 7

Дорогой Алексей Максимович, бесконечно жаль, что мы не повидались с Вами¹. Но я напишу все, что хотела сказать при встрече, не могу не сделать этого. На Ваши лаконичные письма отвечала подробно и откровенно² не потому, что навязчива, а п. что никогда Вы не удалялись из моего сердца совсем, никогда я не забывала, чем Вы были для меня, когда я была ребенком, как не забывала и годы, прожитые вместе. И вместе с мамой испытывала боль ото всего потом случившегося. Вы дали много любви и ей, и мне, а потом столько же горя. Я думаю Вы многого не знаете из того, что пережила мама после Вашего отъезда из Нижнего — и я не стану Вам об этом рассказывать, от Вас скрыли, чтоб Вам легче было. Но у меня все происходило на глазах, и надо удивляться, как я при этом сохранила на многие годы мою детскую привязанность к Вам.

Однажды ночью она писала Вам письмо громко плача, а через несколько дней Вы вернули ей это письмо с припиской, что оно слишком литературно, чтоб быть искренним³. Вот причина, почему и я в детстве не стала Вам писать, не выражала желания повидать Вас и не говорила о Вас. Я думала: он все равно ничему не верит.

Вы знаете, что у меня не было отца, как руководителя⁴, ни брата — друга, и жизнь крепко соединила меня только с мамой и невозможно обидеть одну, чтоб не стало больно другой.

Когда я увиделась с Вами в Москве, в доме Марии Федоровны⁵ — я инстинктивно поняла, в атмосферу каких переживаний я попала — и не пришлось мне сказать Вам всего, что просилось из сердца. Я поняла для Вас ненужность этого <...>⁶.

Из слов М. Ф-ны я поняла, что Вы рассказали ей о маме, что она ревнует Вас к прошлому, и поэтому чистого друга я в ней не нашла, а благодаря этому не приблизилась и к Вам настолько, насколько мне этого хотелось и насколько я себя считала вправе. Можете ли Вы это понять? Можете Вы понять, что мне хотелось от

Вас не только возможности попасть на сцену, выйти из тесного положения, но просто — а м.б. и более всего — побыть с Вами? Просто побыть с Вами без всех этих чужих и ненужных мне людей? <...>⁷. И когда Вы однажды вздумали опуститься в прошлое сами, и спросили меня за обедом про всех, кого я помню из общих знакомых в Нижнем? — Мне вспомнились эти знакомые, дежурившие по ночам по очереди возле мамы, уберегая ее — мелькнули в памяти эти ночи — и я поглядела на Вас, на сияющую радостью Марию Федоровну, и сказала — «нет, не помню». И когда Вы отвели от меня недоуменно глаза, добавила Вам мысленно: «Ну вот, теперь ты будешь думать, что из меня выросла тупоумная, дура беспамятная. Ну и пусть!» А ночью, оставшись одна — плакала. Так много еще во мне было тогда детской любви к Вам, и детского горя <...>⁸.

Мне было тяжело в ту первую встречу с Вами в Москве, что пришлось брать у Вас деньги, не приблизившись к Вам душевно, и когда М. Ф-на написала мне в Ялту, что Ваши дела очень плохи, а «стипендиатов», как я, у Вас очень много — я с облегчением отказалась. Если бы Вы написали сами, выбрали меня за расточительность, хотя это было бы несправедливо, п. ч. я скромно жила — и написали бы, что будете высылать мне лишь 10 р. — а не 50, как писала М. Ф-на — я бы извинилась перед Вами и согласилась, п. ч. это было бы от Вас. Теперь я понимаю, что *Вы поручили* М. Ф. не из чувства деликатности, женщины, мол, лучше сговорятся, но тогда у меня все мысли шли из больной точки. И все же, за пребывание в Ялте я Вам бесконечно благодарна, примите еще раз от меня эту благодарность — я запаслась там силами на несколько лет и прожила в Ялте бездумно, спокойно, красиво. Пожалуй, я никогда больше и не жила так. Точно во сне.

Теперь вернусь снова к прошлому. С течением времени мама успокоилась и объяснила мне, ребенку, что Вы правы, что и она, и я были для Вас большой тяжестью. Но всё, имевшее соприкосновение с Вами, всегда живо ее интересовало и стоило завязаться разговору о Вас или выйти Вашей новой книге — чтоб она не заснула ночь. Не спала и я, случалось, за компанию. Ваша повесть о первой любви подняла в ней снова все, что улеглось на дно души — и совершенно неожиданно пришедшая от Вас помощь теперь, в поспешности которой почувствовалось участие — смягчило ее. И ей захотелось Вас видеть. И еще была мысль, что, если не теперь, то уж и никогда. Мы ждали Вас, как праздник, когда Вы написали, что будете у нас дней через 6. Я приготовила пасху, кулич, сварила особым способом варенье, удалось достать хорошего вина. Я написала Вам, что мы ждем и послала розы, лучшие, какие были в оран-

жерее, не знаю, получили ли Вы их свежими. Но Вы уехали, написав, что будете по возвращении. Мы не поехали в деревню и стали ждать Вас. А Вы по возвращении... Вы, вернувшись, уехали совсем <...>⁹. Я очень удивилась, что Вы ни словом не ответили на мое письмо об увеличении пенсии маме¹⁰. Почему Вы промолчали? На письмо совершенно чужого человека Вы ответили и письмом и деньгами по телеграфу, а на мое письмо о маме ни слова. Хоть написали бы, что, мол вы, Леля, пишете глупости, и что это невозможно — раз это невозможно. А молчать в ответ на такую просьбу — обидно, ведь это вопрос насущной необходимости.

Деньги, присланные Вами, ушли на уплату некоторых долгов, на покупку необходимой мебели, необходимого платья, на жизнь, — на приличную еду после ужасной зимы. И снова мы стоим перед задачей — как жить дальше, как прожить и эту зиму? Неужели снова так же мучиться? <...>¹¹ А увеличенная пенсия могла бы успокоить нас за завтрашний день. Про себя не говорю, но мама этого заслужила. Заслужила она и Вашего участия к ее судьбе, — и более вдумчивой заботы о ней и ее старости со стороны человека, которого она так сильно любила — любила, когда у него не было ни славы, ни денег, ни ореола — а самую сущность редкого, хорошего и тем дорогого сердцу, человека <...>¹².

Алексей Максимович, жить без денег, это не только не иметь шубки, ботишков, вкусного обеда — это не иметь валенок, даже и теплого платка, не иметь не только билета в театр, но и *книги*. Как мне хотелось поговорить об этом с Вами. Ведь через Вас, наверное, я могла бы *иметь книги* много дешевле, по продажной цене это недоступно, и не будет нам доступно, а у мамы даже *нет собрания Ваших сочинений*.

Сначала мы все разъезжали, багаж очень стеснял, а теперь ей это было бы страшно приятно. Ведь многие вещи она любила еще в рукописи, переписывала их по нескольку раз, часто по ночам, волновалась, дожидаясь ответов из редакций — и некоторые Ваши повести, это повесть и ее собственной жизни, с ними связана память — так много и личного, хорошего. Вы дали мне письмо к Малиновской¹³ — кстати, она лишь сказала следующее: «Я могу Вам предложить вступить только в одно дело, идеальное, там все работает бесплатно, и каждый — из актеров — с собою на спектакль приносит по паре стульев для публики, а после спектакля уносит их домой, п. ч. помещение не запирается».

Написала обо всем, самом задушевном, вывернулась наизнанку — и не знаю как Вы это примете (Я это не часто делаю). Вы писали, чтоб мы приняли деньги, посланные по «чувству старой

дружбы». Примите и Вы это письмо, положите его поближе к дружбе. И не оставьте без ответа.

По-прежнему любящая Вас — *Лёля Ивина*.

11. ГОРЬКИЙ — О. Ф. ЛОШАКОВОЙ-ИВИНОЙ

27 октября 1928, Сорренто

Милая Ольга Фоминишна, — я не люблю мою *личную* жизнь¹ и не люблю вспоминать о ней иначе, как о литературном материале; что это — правда, это должно быть видно из моих книг, в которых я участвую как лицо наблюдающее, рассказывающее, но — мало действующее. Этим я вовсе не хочу сказать, что не посетил О<льгу> Ю<львену> и Вас из нежелания «окунуться» в прошлое, — этим я говорю только то, что прошлое для меня вообще — материал мало приятный, ибо он крайне плохо обработан мною. Боюсь, что это не вполне понятно Вам, но объясню уже при свидании, весною.

А не попал я к Вам потому же, почему не мог попасть к А. М. Калюжному² и еще к некоторым, очень дорогим для меня людям: был очень занят, оглушен, устал, не очень здоров, я устаю легко. В этом состоянии я, для близких, чужой человек и знаю, что держусь с ними как-то не естественно, говорю — одно, думаю о другом, о том, что [только] испытано за текущий день.

Весною, в мае, мы увидимся³. До той поры, недели через две, три к Вам пойдет П. П. Крючков, мой секретарь и приятель, принесет денег и мои книги⁴. И, вообще, какие бы книги ни понадобились Вам или О. Ю. — обращайтесь к нему, он пришлет. Не посылаю денег отсюда потому, что это сопряжено с разными затруднениями и возьмет времени не меньше, чем его нужно на возвращение Крюčkова в Москву.

Вот и все, пока. Можете быть уверены, что весною встретимся, ибо тогда уже не будет такого нелепого шума и такой не нужной суеты, как в этот мой приезд.

Сердечно приветствую О. Ю. и Вас.

А. Пешков

27.X.28.

S.

12. О. Ф. ЛОШАКОВА-ИВИНА — ГОРЬКОМУ

Декабрь 1928, Москва

Дорогой Алексей Максимович!

12 декабря к нам заехал П. П. Крючков и привез нам чек на 500 р. Мама и я сердечно Вас благодарим. Но вот Ваших сочинений он не привез¹. Как я поняла, он думает это все-таки сделать со временем, а также доставить мне необходимые учебники, о которых я его просила.

Еще раз спасибо за внимание и деньги.

Сердечно Ваша

Ольга Ивина.

13. О. Ю. КАМЕНСКАЯ — ГОРЬКОМУ

17 сентября 1929, Москва

Дорогой Алексей Максимович!

Я узнала, что Вы приехали, телефонировала Вам, — хотела повидаться с Вами, — но узнала, что Вы на даче.

Вы сообщили мне перед отъездом¹, что в смысле сцены не можете быть полезны Лёле². Но, быть может, Вам не трудно будет в иной области труда придумать для нее работу, или для меня. Вот на эту тему и необходимо поговорить с Вами лично.

Голубчик, это надо сделать как можно скорей, — сидим без заработка и без копейки денег³.

Я знаю, что деньгами Вы с нами поделитесь — не раз Вы это уж делали, — но согласитесь, что денежная помощь, от кого бы она ни была, все-таки «помощь», а не заработок. Не пеняйте на меня, что я так бесцеремонно обращаюсь к Вам, — за все эти с лишком тридцать лет я не научилась смотреть на Вас как на чужого человека.

Жду с нетерпением скорого ответа и горячо жму Вашу руку.

О. Каменская

17 сентября.

Гороховский переул., д. 6/1, кв. 7. Ольменской (или Ивиной).

14. О. Ф. ЛОШАКОВА-ИВИНА — ГОРЬКОМУ

21 октября 1929, Москва

Дорогой Алексей Максимович!

Я получила предложение на сезон и рада этому, разумеется, п. что хотя работа и в коллективе, и неизвестно как заработаем, но главное я после такого громадного перерыва вновь *вступаю в работу!*

Но у меня ничего нет для сцены и мне необходимо сделать себе сценический минимум в смысле гардероба¹. Вы, ведь, знаете, что в годы голодовки я все распродала и надо начинать сначала: сшить несколько платьев, купить обувь, чулки. К тому же у нас с мамой одна шубка на двоих — и все это вместе взятое — задача колоссальной трудности.

Будьте к нам добры до конца и дайте мне возможность начать работать.

Если я возьму деньги, присланные недавно Вами — истрочу их на себя — мама на зиму останется без копейки. А в коллективах наших актерские заработки неважные по большей части, но надо работать, надо ехать, надо проработать хоть год, как бы ни были тяжелы условия. Я отстала от репертуара, теряю квалификацию — мне надо снова найти себя.

Я так надеялась на свидание с Вами, хотела посоветоваться, но, очевидно, этой надежде снова не суждено осуществиться. Я слышала, Вы скоро уезжаете², хотелось поговорить сердечно с Вами, дорогой Алексей Максимович, это было бы для меня большой моральной поддержкой даже в том случае, если Вы не могли оказать мне помощь в приискании работы. Ведь у нас с мамой решительно никого нет.

Я заходила к Вам на днях, хотела повидать Вас, поблагодарить за присланные деньги (к 1 октября)³ — но мне сказали, что Вы больны и я не решилась потревожить Вас.

Любящая Вас

Лёля Ивина.

21 октября

1929 г.

Гороховский пер., д. 6/1, кв. 7.

15. ГОРЬКИЙ — О. Ф. ЛОШАКОВОЙ-ИВИНОЙ

22 октября 1929, Москва

Ольга Фоминишна, —

вот уже третью неделю не высовываю носа на улицу¹, ибо это мне запрещено: бронхит и прочее.

Мне крайне неприятно то, что я не мог прийти к Вам, мне очень неловко перед О<льгой> Ю<льевой>² — но хотя я не выхожу из дома, — дома у меня люди целый день и до времени за полночь.

Передайте привет мой и мои извинения О. Юльевне.

Желаю Вам всего доброго и — успеха.

А. Пешков

22.X.29.

16. О. Ю. КАМЕНСКАЯ и О. Ф. ЛОШАКОВА-ИВИНА — ГОРЬКОМУ

1 ноября 1929, Москва

Огромное, огромное спасибо Вам, дорогой Алексей Максимыч, за присланные Лёле деньги. Я очень была тронута Вашим вниманием.

Алексей Максимыч, мы с Лёлей очень хотели бы иметь Ваш портрет, именно лично Вами подаренный; пришлите, пожалуйста!

Очень грустно, что не повидались мы с Вами до отъезда, будем надеяться, что летом увидимся.

С сердечным приветом.

О. Каменская

Дорогой Алексей Максимович, Вы прислали мне денег ужасно много!! Я в первую минуту даже испугалась, я столько денег не ждала для себя. Но, конечно, это страшно хорошо и я рада, рада! И бесконечно благодарна. Только бы наше дело не провалилось, да не провалиться на квалификации. И тогда можно еще будет поработать со спокойной душой. Жалко, что мне не удалось даже и взглянуть на Вас; то Вы усиленно заняты, то хвораете, и я боюсь увеличить собою толпу, которая не может не утомлять Вас, человека и занятого, и не совсем здорового.

Не написала Вам сию же минуту, п. что заболела, съев «нехорошей» колбасы, и вот только сегодня встала. Дорого обошлось.

Ник. Петр. Барков не задержал чека ни на один час (Это очень деликатный человек)¹. В случае каких-либо театральных неудач он обещал мне дать работу в Вашем журнале, если я сама буду навещать время от времени к нему в редакцию. Хотя сама не знаю, что я могла бы там делать? Кем Вы думаете?..

Я говорила с ним давно (до возможности театральной работы). Я сказала ему, что сцена для меня, как дорогой покойник, который лежит на столе, связь с ним порвана, но пока он не похоронен — куда же от него уйдешь?..

Он меня так сердечно понял, точно сам актер. Сердечно пожал руку и обещал помочь чем сможет, когда понадобится.

Я так напугана годами безработицы, что всего ожидаю и всего боюсь. Боюсь и за начатое дело.

Еще раз благодарю Вас от всего сердца и за деньги, и за пожелание успеха и за Ваше очень какое-то простое, милое письмо.

Спасибо, спасибо, спасибо!

Любящая Вас

Лелея Ивина.

Гороховский пер.

д. 6/1, кв. 7.

О. Ф. Ивиной

1 ноября 1929 г.

Простите за бумагу, знаете почему так...

16а. О. Ю. КАМЕНСКАЯ — ГОРЬКОМУ

11 июня 1930, Москва

Дорогой Алексей Максимович!

Вы, вероятно, хорошо понимаете, как мне тяжело и неприятно говорить с Вами о деньгах, с Вами, к которому и так слишком многие обращаются. Каждый раз, как приходится Вам писать об этом, я мучаюсь и не нахожу слов. А потому пропускаю обычные в этих случаях извинения и скажу прямо — мы опять без денег.

Я многого не могу сказать в письме, чтобы Вы уяснили себе картину нашей жизни, но дайте себе труд подумать и Вы поверите, что нам очень, очень тяжело. Тяжело то, что нет работы, тяжело то, что приходится просить денег, тяжело то, что получив их, не

знаешь что с ними делать — растянуть ли их на годы и питаться крысами, или питаться чем-ниб. получше и купить башмаки и платье, как вообще все люди, а месяца через четыре снова писать Вам слезное письмо. Ведь это ужасно. Поверьте, мы тратим деньги очень аккуратно, только на то, что действительно необходимо. За эти два года я не позволила себе ни разу сходить ни в Художественный, ни в Малый, я не вправе тратить на удовольствия при-сылаемые Вами деньги, они и без того слишком быстро расходятся.

Научите меня, Алексей Максимович, что мне делать? Избавьте меня от этого ужаса, если можете. Быть может, Вам покажется глупым, но я до сих пор считаю Вас близким мне, родным человеком; я забываю, что между нами легло такое невероятное количество лет, и думая о Вас, я вижу Вас всё тем же, каким Вы были для меня там, в прошлом.

Лёле не удалось устроиться, несмотря на все ее старания и хлопоты, которые в результате привели ее только к нервному расстройству. Ведь важен не только заработок сам по себе, человеку хочется иметь работу не только для желудка, но и для души. Переговоры у нее есть, Рабис ставит ее в списки, но как дойдет дело до разговора с режиссером и он узнает, что она отстала от репертуара на три года, то находит ее неподходящей, несмотря на все хорошие о ней отзывы, и берет другую. Не может же она убедить его, что работает она быстро и наверстает все без всякого урона для дела. — И вот так все время. И вот почему ей необходима была чья-то сильная и заботливая рука, и вот почему мы и обращаемся к Вам с просьбой помочь ей в этом деле. В прошлом году мне так хотелось при свидании с Вами о многом поговорить, хотелось рассказать Вам как и почему случилось, что Лёля сидит так долго без работы, но Вы уделите мне только пятнадцать минут, и сами не побывали у нас, как обещали.

За все 9 лет Лёля не получала даже пособия, т. к. на фронте исчезли все ее документы, а когда они через три года наконец отыскались, время для получения пособия было упущено, и даже этой маленькой помощи она была лишена, так же как и связанных с этим льгот.

Вы, мож. быть, спросите, почему она не ищет работы в иной области. Мы не раз обдумывали с нею этот вопрос и советовались с друзьями. Конторская служба не по ней по очень многим обстоятельствам. Мало-мальски ответственной работы она в этой области нести не сможет, да и с ее уходом на целый день на службу, надо брать прислугу мне в помощь, т. к. я ведь уже не молода¹ и не совсем здорова и всего делать не могу при теперешних условиях жиз-

ни. Кроме того, прислугу теперь могут иметь только люди, получающие большой оклад. И выйдет, что Лёля будет терять последнее зрение на непосильной работе только для того, чтоб оплатить прислугу. И в результате выйдет чепуха. Уйти из своего союза ей тогда придется, а вернуться в него будет очень нелегко. Как мы ни вертели этот вопрос, все же возвращаемся к тому, что надо выжидать, хлопотать, терпеть, но не оставлять сцены. — Простите за длинное письмо. — Напомните, пожалуйста, Петру Петровичу, если он от Вас еще не уехал, чтоб он не забыл о Лёлиной просьбе².

Желаю Вам, дорогой Алексей Максимович, всего наилучшего. Крепко жму Вашу руку.

О. Каменская

Лёля шлет Вам сердечный привет.

Москва.

Гороховский переул.

д. 6, кв. 7

11 июня 30 года.

17. ГОРЬКИЙ — О. Ю. КАМЕНСКОЙ

20 июня 1930, Сорренто

Дорогая Ольга Юльевна!

Не думаю, что могу помочь Лёле¹, в театральной среде у меня нет связей и я не знаю: с кем нужно говорить по этому поводу? Напишу в Ленинград, где затевается «рабочий театр»² и, кажется, это все, что могу сделать.

П. П. КРЮЧКОВУ СООБЩЕНО, чтоб он распорядился по поводу денег³.

А я, тут, хворать начал, что весьма раздражает меня, ибо для [нездорово<вья>] болезней у меня совершенно нет времени⁴.

Жму руку.

А. Пешков

20.VI.30.

18. О. Ф. ЛОШАКОВА-ИВИНА — ГОРЬКОМУ

Конец июля 1930, Москва

Дорогой Алексей Максимович, мама все хотела написать Вам сама, но у нее болят пальцы. Ей прищемили их у самых ногтей дверью в трамвае и, вероятно, будет еще долго болеть. А Вы, пожалуй, назовете нас неблагодарными невежами, если не известили Вас, что письмо Ваше получили, деньги получили (500 р.) в начале июля.

Сердечно Вам обе благодарны, дорогой Алексей Максимович.

Мама просит Вам сказать, чтоб Вы берегли себя и не хворали, что здоровье дар драгоценный и что если Вы, живя в таком чудном климате хвораете, то это значит, что Вы себя совсем, совсем не бережете. Она говорит еще, что если б *она* была на Вашем месте, то она наново расцвела бы, и лет 40 с плеч стряхнула.

Не знаю было ли бы это так, но что наша мокрая зима и дождливое лето здоровью не содействуют — это верно. К тому же Москва из эпидемий не вылезает.

Видела три раза П. П-ча Крючкова, но он так занят, что каждый раз мог мне только сказать — «Зайдите через неделю».

Я не могу сердиться на это, *я вижу* он действительно занят, но мне не весело. Сейчас такое время, что еще можно кое-что сделать. Послезавтра я еще раз увижу его, но я начинаю терять последнюю надежду.

Я уже с зимы обдумываю о какой службе мне хлопотать, если поставить крест на театре. На какой-нибудь другой работе в театре я не буду спокойна, всякую другую работу в театре я залью слезами, я себя знаю.

В канцелярию? в контору — для меня — что в могилу — разницы никакой.

Я привыкла работать запоем в театре; а потом лежать пластом, обдумывая новую работу. Всякая другая система меня пугает. Размеренная механическая работа — не смогу я ее, я задумаюсь над ней, я или просчитаю, или... если это машина, она унесет мои пальцы, да еще хорошо если только пальцы!

Единственно, чем я еще интересовалась сильно, это — древностями. В Музей — хоть сторожем, это я стерплю. Мой интерес к этого рода вещей привлек ко мне внимание одной научной работницы, она захотела познакомиться поближе, и вот теперь она читает лекции иногда у нас, дома, — составилась небольшой кружок. Я познакомила лекторшу с моими приятельницами (одна из них, по фамилии Рихтер работает теперь у Вас в журнале «Наши Дост.») и

вечера лекций — это очень интересные вечера. Об этом вот я поговорю с П. П., если ничего не выйдет с театром. И о службе в Музее я и Вас буду просить, но это после, а пока пусть он все-таки попробует меня в театр пропихнуть. Я уже ему сказала, что ему придется сильно толкать, п. ч. все будут отпихиваться, п. ч. у каждого есть или жена, или друг сердечный, или кандидат в друзья — и что ему, П. П-чу, трудно будет пропихнуть так мало ему знакомую женщину, как я. Ну там видно будет.

Я начинаю терять соображение, я дурею. Я пробую всякими работами заниматься — но это все не то, не то! Это не дело, а времяпрепровождение, которое едва оплачивается.

В нашем Посредрабисе даже обществ. работа — есть мертворожденное дитя.

Составили «ударную бригаду» — наклеили плакаты, читали нам лекции, что не так важен наш будет спектакль в колхозе, как наши правильные ответы на вопросы крестьян, и потому мы прежде всего сами должны учиться. Ну мы учились, а между тем срепетировали 2 пьесы... и чем кончилось через 2 месяца?.. Пьесы нашли запоздалыми в смысле идеологии. И никто никуда не поехал. Так плакатами и ограничились. Надоело мне там все! Только и работа, что в «Красном уголке». Для него и я стараюсь сделать, что могу. Но он очень беден, у нас денег нет даже на книги. Я выпросила кое-что у Н. П-ча Баркова. Петр Петр. тоже обещал книг, — но вот до сих пор без движения это дело. Но если это устроится — будет чудесно. Я Вас поджидала, тоже и у Вас хотела поклянчить для «Красного уголка» наших Ваших книг, да вот не удалось.

П. П. говорит, что в сентябре поедет к Вам¹, пожалуй. Вот счастливец, как он катается! И дал слово, и даже на сердце руку положил, что у него там, около сердца, лежит записка с моим поручением и что он не забудет в следующий раз пополнить. Терпение — вот все, что мне осталось.

Наш «Красный уголок» дает мне на 2 недели бесплатно дом Отдыха. Я рада этому. Я несколько лет не видела ни леса, ни поля. И строго говоря нет, ведь, у меня здоровья настоящего, да и не было никогда, всегда нервами держалась.

Дома отдыха, экскурсии, лекции, журналы, газеты бесплатно — вот плоды работ нашего «Кр. уголка». Иногда там бывают и путевки на временную работу, но редко и мало, и получают их безработные актрисы, у которых малые ребята.

Пора закончить и перестать утомлять Вас моим нескладным почерком.

Дорогой Алексей Максимович, не хворайте, не хворайте! Будьте всегда, всегда бодры, здоровы, будьте веселы — этого мы обе желаем Вам от всей души.

И не забывайте о нас и напишите нам хоть немного о себе, когда думаете приехать, и собираетесь ли?

И если б Вы дали себе труд прислать нам Вашу карточку! Ну как Вам не стыдно? Ведь Вы должны понять, что *очень хочется* нам иметь ее, и не какую-нибудь, а такую, домашнюю, милую, где Вы у себя, дома, в кабинете, или в саду, *под пальмой*, или без пальмы, все равно, но дома, дома, у себя. Пожалуйста, пришлите. Официальных снимка у нас есть два, давно уже. Так нам мало, и потом на тех снимках Вы очень *Горький*, а мы хотим Алексея Максимовича.

Обнимаем Вас. До свидания.

Ольга Ивина

Гороховский пер.
дом 6, кв. 7.

19. О. Ю. КАМЕНСКАЯ — ГОРЬКОМУ

20 сентября 1930, Москва

Дорогой Алексей Максимович!

Не знаю, не помню, писала ли Вам Лёля, что она получила, наконец, службу. Да, уехала она на целый год в Якутск и, кажется, до сих пор еще в дороге, а уехала она 19-го августа.

Я часто получаю от нее письма. Едет бодрая, радостная и всем восхищается в пути, а главное — воздухом Сибири. Такого воздуха, говорит, нет даже в горах Кавказа.

Очень я рада за нее, но не очень рада за себя. Осталась я одна, что, думала, буду делать, если захвораю. И словно накликала — простудилась в холодную погоду, стоя три часа в очереди и схватила грипп. Очень мне трудно сейчас. Алексей Максимыч, милый, не сердитесь, если я попрошу Вас прислать мне немного денег, сколько Вам совсем-совсем не трудно. Надо расплачиваться с женщиной, которая приносит мне обед из столовой, хлеб. Дрова очень нужны — холода стоят. А дрова очень дороги, а главное — трудно их достать, а надо их достать как можно скорее, и должен это сделать кто-то другой, пока я больна.

Лёля, конечно, хочет присылать мне, но что она сможет прислать, особенно в первое время, когда ей придется и с комнатами, и

с портниками дело иметь; да аванс вычитать будут, да за пайки, котор. выдали ей и здесь, и в Иркутске, и в Качуге; да там где-то еще на краю света. меховые вещи выдадут, за котор. тоже надо платить. Пожалуй, что на собаках им еще придется ехать в конце пути. Но зато она встала на ноги, и ей обеспечена и дальнейшая служба, даже в том городе, где она захочет. Они ведь поехали пионерами, первая труппа в Якутске, и их там ждут с нетерпением. — Очень трудно писать, Вы уж простите, если неразборчиво, — мне очень плохо.

Конечно, я тоже могла бы работать, я для своих лет достаточно бодрa и энергична, да кто же даст мне работу? Молодежь пришла нам на смену. Я иногда слышу в очереди мне говорят: «бабка, когда ты подохнешь?» Оно, конечно, не очень вежливо, но, пожалуй, и справедливо. А что поделать — живешь все-таки неизвестно почему, и живому как-никак кое-что тоже нужно.

Как Вы себя чувствуете? Напишите хоть словечко. От всей души желаю Вам всего наилучшего и крепко жму Вашу руку.

Ваш друг

О. Каменская.

20 сентября

Гороховский переул., д. 6, кв. 7.

20. О. Ю. КАМЕНСКАЯ — ГОРЬКОМУ

21 декабря 1930, Москва

Дорогой Алексей Максимович!

Простите, что беспокою Вас и отрываю от работы. Дело в том, что у меня душа изболела за Лёлю мою. Вы подумайте, морозы там 70 град., а у ней легкая шубка до колен, ни теплых чулок, ни валенок до сих пор купить не может. Она ведь уехала без копейки денег и залезла в огромный аванс — в 300 р., котор. и вычитают из жалованья. И она не может купить ничего теплого. А там сейчас эпидемия тифа, скарлатины. Доха стоит 150 р. — 200 р., шапка меховая — 50 р., а у ней фетровая шляпочка. Имеет право по кооперат. книжке взять великолепного сукна по 20 р. метр, шерстяной материи даже по 1 р. 80 к., но тоже взять не может. Из полученных от Вас в последний раз денег я ей послала 100 р. и постель, как она просила, керосинку, туфли и разную косметику для сцены; даже зубного порошка там нет, ни пасты для обуви. Все это пришлось

купить на базаре, на руках, и стоило дорого. Это я говорю потому, чтоб Вы не удивились, что я послала ей из 500 р. только сотню.

Кроме того, комната ее стоит дорого, одни дрова в месяц — 50 р. Телеграммой просит меня выслать ей чулки; но здесь их нет, а если когда и появятся, то я не могу их уловить: очередь уже с 6 ч. утра стоит бесконечная и всё разберут. Голубчик, Алексей Максимыч, посочувствуйте мне, пришлите денежку. Распорядитесь так, чтоб получила их я, а я уже ей отошлю по телеграфу. Так, я думаю, будет удобнее для П. П-ча, а себе оставлю сотню. Хорошо? Вы не сердитесь, правда? Заранее сердечно благодарю Вас. Как много интересного пишет Лёля¹. Какая изумительная там жизнь! Она и Вам пишет. Несет она там общественную работу в областном музее и от этого музея полна восхищения. Всё *подлинное*, начиная с рыб, птиц, зверей, чудного подбора мехов и до мумий древнего, воздушного погребения. Изучает материалы по истории Якут. костюма, а изучивши, будет устраивать выставку. Я хоть и тревожусь за нее безумно, но рада, что она «живет» и полна энергии. Здесь, в Москве, эта безработица ее губила, она вконец изнервничалась.

Крепко жму Вашу руку.

Всегда Ваш друг

О. Каменская.

21 декабря

Гороховский пер. д. 6, кв. 7.

Хоть строчку-то напишите — как Вы себя чувствуете, здоровы ли.

21. ГОРЬКИЙ — О. Ю. КАМЕНСКОЙ

31 декабря 1930, Сорренто

Дорогая Ольга Юльевна!

Вчера написал Крючкову¹, чтоб он прислал Вам 500, немедля.

На днях получил от Лёли из Якутска большое, очень интересное письмо², сегодня отвечаю ей³.

Вы спрашиваете меня о здоровье? Похвалиться — не могу, но жить можно и работать — тоже. Вот зима в этом году скверная, ежедневно дожди, ветер и отсюда — сырость.

Поздравляю с Новым годом и будьте здоровы!

А. Пешков

31.XII.30

22. О. Ю. КАМЕНСКАЯ — ГОРЬКОМУ

27 марта 1931, Москва

Дорогой Алексей Максимович!

Что же Вы молчите? Я послала Вам в феврале 2 письма: 7-го и 23-го, и ни на одно Вы мне не ответили¹. Очень меня это тревожит. Если моя просьба оказалась для Вас неудобной, Вы бы так мне и сказали. Я писала Вам о моем большом горе, писала, что труппу, где служила Лёля, прикрепляют на три года и пошлют на Алдан. Для Лёли это невыносимо, здоровье ее плохое, а теперь она и вовсе слегла. Я тоже хвораю после гриппа, и мне очень тяжело быть одной, особенно при теперешних условиях. Лёле придется уехать из Якутска одной, и по этой причине денег казенных на обратный путь ей не дадут, и ей придется жить на свой счет. А счета этого у нее нет, у меня — тоже, я давно сижу без денег и не могу ей в этом помочь. Вот поэтому я и просила Вас дать ей денег на дорогу, т. е. дать мне, а я ей отсюда переведу, если это для Вас удобно. Так я поступила с полученными от Вас деньгами в прошлый раз.

Сегодня я получила ее письмо от 18 февраля. Она несет много разнообразной общ. работы. Между прочим, руководит драмат. кружком молодежи. Пошла туда на репетицию, уже чувствуя себя плохо, и, не дойдя до места, упала в обморок от страшных болей в желудке. К счастью, какой-то прохожий помог ей дойти — и там, на лестнице снова обморок. Оттуда ее сейчас же отвезли домой и дали знать в ее театр. Пришел врач и нашел острый катар кишечника. У ней очень давно с желудком неблагополучно, еще с детства, когда она напилась воды из Терека во время этапного пути. А когда ехала в Якутск, то в дороге отравилась консервом. А теперь, в Якут. приходится ей есть черный хлеб, очень скверный, гнилой, как она пишет.

Вы простите меня, Алексей Максимович, что я отнимаю у Вас время на чтение подробностей о своем, о личном, но это сильнее меня.

Еще раз решаю просить Вас прислать денег, по крайней мере хоть известить меня пришлете ли, чтоб я могла немедленно сообщить это Лёле, чтоб она не беспокоилась. Она пишет, что хоть пешком уйдет, но там не останется. Хоть она и не жалеет, что поехала туда и даже очень довольна, многому, говорит, научилась. Пишет, что послала Вам два письма и пишет третье. От Вас еще не получила, но ждет с нетерпением. Почта туда дико ходит, напр., в феврале получали сентябрьские письма и веселится. А в апреле ей уже нельзя писать — река тронется, только телеграммами можно сносятся.

Мне очень тяжело писать Вам только о деньгах, но так случилось, к сожалению. Хочется поговорить о другом, о многом, хочется сказать Вам о Ваших книгах, которые я читаю и перечитываю, — и не могу. Вкрадываются в душу плохие мысли. Деньги многое портят, а когда, к несчастью, приходится их просить, они портят еще более.

А может быть, Вы уехали куда-либо и не получили моих писем? Тогда, боюсь, и это письмо до Вас не дойдет. Правда ли, что в мае, Вы будете в Москве²?

Алексей Максимович, дорогой, отвечайте, пожалуйста, поскорей³. Успокойте меня, я измучилась.

Будьте здоровы. Всего Вам самого лучшего!

О. Каменская

27 марта, 1931 г.

23. ГОРЬКИЙ — О. Ю. КАМЕНСКОЙ

3 апреля 1931, Сорренто

Дорогая Ольга Юльевна!

Отсюда не могу выслать денег¹, а в Москве у меня нет никого, кто мог бы достать их Вам. Крючков — здесь, но не в Сорренто, вернется в понедельник, т. е. через 3 дня. Немедля телеграфирует, чтоб деньги принесли Вам.

От Лёли получил еще одно письмо², на днях ответил ей³.

Не сердитесь на то, что я не пишу, страшно занят и собираюсь в Союз⁴.

Всего доброго!

А. Пешков

3.IV.31

24. О. Ф. ЛОШАКОВА-ИВИНА — ГОРЬКОМУ

Начало декабря 1931, Москва

Дорогой Алексей Максимович!

Хотелось бы знать, почему ни мне, ни маме не удалось повидать Вас? Когда мы с Вами виделись летом, Вы, прощаясь, сказали, что, если мне нужно будет видеть Вас, то я должна буду ска-

зять об этом Петру Петровичу — и мы повидаемся. И вот мне нужно было увидеть Вас, когда я собрала все сведения о театрах, узнала все фамилии людей, от которых я могла ждать своего устройства (я уверена, что среди полсотни фамилий нашелся бы хоть один знакомый Вам, тем более, что среди директоров сейчас коммунисты в большинстве случаев).

Вы хотели поговорить с Коном¹. И я так и не знаю результата. И если нет — то в чем препятствие? Мож. быть, я могла бы устранить? Я видела Ваше полное желание помочь мне, а раз Вы желали, то для меня было вне сомнений, что Вы это и сделаете. И я все время добивалась свидания с Вами, но меня не допустили. Не допустили даже и маму². Хуже того, П. П-вич назначил ей час, когда придти, а когда она пришла, то два часа сидела в передней, а потом ей сказали, что видеть Вас нельзя. Мама была этим оскорблена и подавлена, и до сих пор не может успокоиться, п. ч. не знает, от кого это исходило. Ей пришлось наскоро, на клочке бумажки, нехотя данной ей П. П-чем, написать Вам хоть записку и попросить денег. А П. П. стоял за ее спиной, и вышло как-то это все нехорошо, уничительно и нескладно.

Для устройства в театр время было пропущено. И передо мной снова встал призрак безработицы и только случайность теперь может отогнать его <обещал похлопотать Халатов... «если будет что-либо от А. М-ча по этому поводу, то дело может быть устроено»>³.

Алексей Максимович, милый, хороший, тяжело мне без работы, и тоскливо переживать периодически безденежье... Будь у меня служба все-таки реже будем просить у Вас денег! Не чаще пяти раз в год!..

Дорогой Алексей Максимович, это шутка сквозь слезы! Не думайте, что присылаемые Вами деньги мы тратим на духи или пирожное, мы, поверьте, живем очень скромно, но так как-то все складывается, что к нашему порогу прибывает людей еще более нуждающихся, чем мы. Вот в настоящее время некто (имени его в письме называть не стоит) вывез из Якутска в Москву юношу 17 лет⁴, здесь запил сильно, спяна уехал, а юноша остался на улице. Вместо обещанной службы или школы, — ноль. И когда мальчик пришел ко мне за советом — Что делать? — Мы могли ему только сказать, что еда у нас пока есть, а спинку с маминого дивана можно положить на три стула. Тесно у нас и неудобно, но лучше, чем на мостовой.

Мы поддались естественному чувству жалости, а дальше я поговорила об нем с Н. П. Барковым, и Н. П. сказал, что Вас трево-

жить не надо, что устроить мальчика учиться и он сможет. И устроил. Ему дали даже маленькую стипендию — на тетради и книги, и трамвай хватит. А если б удалось увидеть Вас — м. б. мальчика удалось бы устроить в общежитие, т. ч. положение его было отчаянное. А мальчик хороший и внимания стоит. Не смогли мы выкинуть его на улицу без денег, без теплого платья. Он остался у нас, живет с нами <...>

Помню когда-то давно Вы мне сказали: «Вам не нужно, Лёля, отдавать мне долг, отдадите когда-нибудь кому-нибудь другому, кому они (деньги) нужны будут»⁵. Я никогда не забыла этих Ваших слов и *во всю мою жизнь* не было человека, который обратился бы с просьбой ко мне — и ушел ни с чем. И про нас, про нашу комнату всегда говорили: «Свято место, пусто не бывает».

Так вот, свои ли заработанные, Вами ли присланные тратим мы деньги на нужду, а не на прихоть <...> И Вы, дорогой Алексей Максимович, не можете не понимать, что маме тяжело так часто обращаться к Вам с просьбами о деньгах <...> И как было бы хорошо, если б этот денежный вопрос Вы захотели для нее урегулировать <...> Вот начались морозы, а мы без дров и я хожу с мешком в древообделочную мастерскую собирать опилки, стружки, щепки, чтоб топить печь. Раньше не было ордера, а теперь нет денег <...>

Сердечно обнимаю Вас, желаю здоровья, хорошего настроения.

Ваша *О. Ивина*

Мама шлет привет и еще раз просит Вас сказать: почему Вы не могли дать возможность увидеть Вас на 5 минут, хотя бы.

Адрес: п. о. № 66. Ст. Басманная,

Гороховский пер.

д. 6, к. 8.

25. ГОРЬКИЙ — О. Ф. ЛОШАКОВОЙ-ИВИНОЙ

12 декабря 1931, Сорренто

Ольга Фоминишна, —

О<льгу> Ю<львну> я не мог принять¹, вероятно, потому что был болен, заболел гриппом². Но возможна и другая причина: у меня очень мало свободных минут.

Халатов никакого отношения к театрам не имеет³, насколько я знаю. Секретарей у него двое: Проскураков и Либерзон, но об их отношении к театрам я тоже ничего не знаю.

С Коном я не успел поговорить⁴, а Вы опоздали напомнить мне в свое время и напоминаете в декабре, — поздногато!

Вопрос о деньгах постараюсь урегулировать⁵.

Простите, пишу неразборчиво, потому что лежа.

Привет.

А. Пешков

26. О. Ф. ЛОШАКОВА-ИВИНА — ГОРЬКОМУ

18—20 декабря 1931, Москва

Дорогой Алексей Максимович!

Вы пишете, что Вы не успели поговорить обо мне с Коном, а я в свое время не напомнила, и напоминаю в декабре. И добавляете, что это «поздногато». Вы были бы совершенно правы, если б это было так, и даже слово «поздногато» слишком мягко было бы для такого глупого поступка. Но я *напоминала*, я в течение 3-х месяцев почти — звонила к П. П-чу и просила напомнить Вам и написала 3 письма Вам с вопросом¹ — говорили ли Вы с Коном? Что он ответил? И как мне надо действовать дальше?

Но П. П. только отвечал: «Позвоните завтра». И я звонила до муки.

Я пишу это, чтоб оправдать себя, а не для того, чтоб пожаловаться на П. П-ча. Мой упрек ему — я высказала на днях ему самому². И хочу только добавить, что хоть в одном случае «поздногато» вышло (хотя не по моей вине), но совсем не поздно в другом.

Вкладываю вырезку из «Веч. Москвы» 4 или 5 дней тому назад³. Если б вместе с упреком мне Вы написали бы два слова Ко-ну — было бы как раз в точку. Но я уже не прошу об этом, я больше не могу просить. Так же я бессильна и перед ответом, что труппа полна. Кем полна-то? Бездарью! Но не в моих силах удалять из театра бездарь, это должны сделать комиссии, и, возможно, делают, а пока бездарь крепко ухватилась друг за друга и не впускает в труппу свежую струю. Знакомая художница работает в Историко-Революционном театре (вырезку об организации которого я Вам дала при свидании летом); до сих пор актрис нет ни одной, чтоб была или опытна, или *талантлива*⁴, и вся работа еще не налажена помимо состава труппы, и будет перед летней поездкой по Кавказу перекраиваться.

Я почувствовала в Вашем письме недовольство мною, но если и виновна в чем-либо, то, поверьте, невольно.

И самое нехорошее в Вашем письме это то, что Вы пишете лежа. Значит, снова нездоровы. Вы, верно, себя не бережете! Ведь Сорренто не наша промозглая Москва, а Вы все же хвораете. У нас тает, кругом вода, и скользко, и пасмурно, и противно. И мама все время кашляет, не спит по ночам — это все от гнилой зимы.

Поздравляем Вас обе с Новым Годом! Будьте здоровы и бодры! И в новом году, в 32-м, чтоб Вы *ни разу*⁵ больше не прихворнули, даже ни на один час.

Сердечно Ваша

О. Ивина.

Поздравляю с Нов. годом⁶, дорогой Алексей Максимович! Желаю всего наилучшего.

С сердечным приветом.

Ольга

27. О. Ю. КАМЕНСКАЯ и О. Ф. ЛОШАКОВА-ИВИНА — ГОРЬКОМУ

Начало июля 1932, Москва

Дорогой Алексей Максимович!

Лёлина болезнь помешала мне поблагодарить Вас за деньги (400 р. что я получила через Петра Петровича 29-го июня). Я замоталась и сбилась с ног, да и денег надо было много. К счастью, у нас есть друзья — и все пришли нам на помощь. А теперь Вы помогли нам расплатиться с ними. Еще раз примите сердечную благодарность от нас обеих.

Я бы очень хотела просить свидания с Вами, но прежде, чем увидеть Вас, меня осмотрят много разных лиц, а я так одета и обута плохо, что мне неловко. У нас с Лёлей одна пара туфель на двоих, и они уже не похожи на туфли. Мы каждые два дня что-нибудь несем на базар или продать, или обменять на съестное. И благодаря дикой дороговизне и Лёлиной болезни, мы скоро снова придем к тому безвыходному положению, из которого Вы нас вытянули четыре года тому назад¹.

Я Вам писала, что Лёля больна, что оба врача по нервным болезням сказали, что ей нужна санатория, *пока* среднего типа², но что необходимо обратить серьезное внимание на ее болезнь. И вот я просила Вашей помощи для устройства Лёли хоть на месяц

в санаторию, где-либо поблизости. На это письмо я не получила от Вас ни слова в ответ. Почему Алексей Максимович? Ведь это так на Вас не похоже. Я начинаю думать, что Вы не получили этого письма почему-либо. Или, быть может, Вы рассердились на нас за что-нибудь? Но за что — ума не приложу. Я теряюсь в догадках. Молчание Ваше меня прямо угнетает. Знаете ли Вы причину Лёлиной болезни? Мне хочется Вам это сообщить. Месяца через полтора по возвращении Лёли из Якутска, ее вызвали в Отдел Кадров и огорошили вопросом — не желает ли она переменить профессию? Это вместо обещанной службы в Москве, как награды за трудную командировку в Якутию. Она ответила, что прослужив на сцене 27 лет, она считает подобный вопрос для себя оскорбительным. Тогда ей объявили, что ее снимают с учета, потому что биржа расформировывается за неимением безработных. А снятие с учета повлекло за собой механическое исключение из союза. А биржа-то через 3—4 месяца снова открылась; но в союз Лёля уже не попадает. И теперь, если даже и признают за ней инвалидность, то все равно она пенсию не получит; и вся ее 27-летняя работа пошла к чорту. Какая вопиющая несправедливость! И так поступить с работником на ходу, так сказать, который только что вернулся из такой мучительной командировки. Как же было не растрепать нервы от такого сюрприза! Теперь она, конечно, взяла бы всякую мало-мальски подходящую работу и вне театра, чтоб хотя бы не лишиться продовольственной карточки. А тогда уж совсем разрез — ни чаю, ни сахару, ни хлеба.

Лёля обсуждала этот вопрос с Марьей Федоровной³, и Мар. Федор. пришла к выводу, что все-таки Лёлю надо устроить в театр.

Вот выложила я Вам все, что у меня наболело. А теперь до свидания, дорогой Алексей Максимович! Пожалуйста не обижайте меня Вашим молчанием и ответьте хоть несколькими строками, — это для меня всегда большая радость.

От всей души желаю Вам всего наилучшего.

Всегда Ваш друг

О. Каменская.

Алексей Максимович, любимый!

Если в ответ на это письмо опять будут только голые деньги через П. П-ча, эти бесконечно — нужные, ужасные деньги, не одетые ни в одно слово привета от Вас, не согретые словом участия или надежды на улучшение моей участи — я приду в отчаяние, ведь я и так в тупике!

Лёля Ивина

Будьте здоровы, ради Бога не хворайте, и если снова уедете в конце лета, то дайте возможность нам на прощанье хоть поглядеть-то на Вас!

28. О. Ю. КАМЕНСКАЯ — ГОРЬКОМУ

20 декабря 1933, Москва

Дорогой Алексей Максимович!

Вскоре после Вашего отъезда из Москвы я послала Вам письмо в Сорренто, не зная, что Вас там нет. Ответа, естественно, я не дождалась и пишу Вам снова.

Дело в том, что еще летом я просила у Вас через Петра Петровича тысячу рублей, т. к. мы совершенно обносились, особенно в смысле теплого. Лёля давно без работы и не может ее искать, т. к. я почти все время хвораю и потому не могу остаться одна. А кой-какой ее случайный заработок нас, конечно, устроить не может. Это только намек на деньги. Я же — в данный момент лежу с вторичным воспалением легких. После первого воспаления легких, которое было у меня летом, Лёля просила Петра Петровича устроить меня хоть на две недели куда-либо в санаторию. Он сказал, что постарается; но это ему, очевидно, не удалось, или, быть может, позабыл, что тоже естественно, ведь он всегда так занят, а напоминать мы стеснялись.

Да, так еще летом Петр Петров. предложил мне дать ему список вещей, в котор. мы нуждаемся. Я дала. В этом списке был минимум белья, одежды и главное — теплого на зиму. П. П. обещал достать эти вещи, а в конце осени сообщил мне, что это трудно, и даже невозможно. Потому-то я и беспокою Вас теперь, т. к. думаю, что П. П. не уполномочен самолично разрешить этот вопрос в нашу пользу.

Алексей Максимович, голубчик, если Вы согласны помочь нам в этом деле, буду бесконечно Вам благодарна. И очень, очень прошу Вас поскорее ответить нам, — лежу больная, беспокоюсь, расстраиваюсь, страшно боюсь за Лёлю, — хлопочет одна около меня, бегаёт на базар, стоит в очередях, и все это в летнем пальтишке, на морозе, на ветру. Если еще и она свалится, я уж не знаю, что будем делать.

Простите великодушно, что отнимаю собой у Вас время, такое Вам необходимое. Но ведь у меня никого нет, кроме Вас, кто мог бы мне помочь.

Обнимаю Вас сердечно, желаю Вам всех благ.
Всегда Ваш друг

О. Каменская.

20-е декабря, 33 г.
Гороховский переулок, д. 6, кв. 8.

29. О. Ю. КАМЕНСКАЯ — ГОРЬКОМУ

Середина мая 1934, Москва

Дорогой
Алексей Максимович!

У меня нет слов, чтобы выразить Вам наше с Лёлей глубокое сочувствие Вашей ничем незаменимой потере. Всем сердцем чувствую Ваше огромное горе и плачу вместе с Вами, — можете мне поверить — ведь у меня тоже единственное дитя, которое вечно хворает и над которым я дрожу всю мою жизнь. Будьте здоровы, — берегите себя. Горячо жму Вашу руку.

Ольга К.

30. О. Ф. ЛОШАКОВА-ИВИНА — ГОРЬКОМУ

25 мая 1936, Москва

На днях я вернулась из Красноярска¹. Пережила там много борьбы, много неожиданных неприятностей, потратила нервы зря, усомнилась в порядочности людей как ни разу в жизни — и вернулась в Москву и расстроенная, и огорченная. В результате борьбы за улучшение работы — нас дирекция сократила под благовидным предлогом: «Театр переходит на передвижной, смета урезана» и надо пожертвовать профессионалами, а не людьми, «оторванными для театра от производства»².

Против этого в принципе ничего не скажешь, но в данном случае принципом люди только прикрылись. Нам ничего не пришлось возразить, а только получить расчет и вернуться сюда. Нас несколько человек во главе с режиссером Яковлевым. Я хочу хлопотать, чтоб нам не остаться без работы на лето.

Иду сегодня к Петру Петровичу и Николаю Петровичу — буду просить их устроить нам поскорее свидание с каким-нибудь мужем власть имущим в театральном мире, чтоб рассказать ход событий и просить для нашей группы какое-нибудь театральное помещение, чтоб начать работать.

Я в отчаянии от прекращения работы.

При расчете я получила отпускные и выходные деньги и против ожидания могу вернуть часть долга моего осеннего Вам³, Вы помните? Мне нужно было купить туфли и выкупить исторические платья из ломбарда и Вы передали мне через Петра Петровича 400 р., 300 р. возвращаю. Остальные придержу, чтоб не навалиться на маму, пока найду работу.

Если можете, если есть желание, помогите Вы нашей группе повидать кого надо, не остаться в Москве во власти безработного мучения, мы этого не переживем. Мы хотим хлопотать в Главискусстве, не знаю, что выйдет. Помогите добрым словом.

Сколько было напрасной борьбы с администрацией красноярского Дворца культуры! Сколько мы выслушали нелепых обвинений в ответ на справедливое требование, сколько вредной клеветы! Был момент, когда я даже испугалась, что одна из клевет искалечит мне остаток жизни — но люди в одном учреждении оказались умнее, чем в других там, и меня даже не вызвали на объяснение. Уж было слишком гадко и малоправдоподобно. Я вернула свое профсоюзное членство, сохранили мне и стаж за мою аккуратность и честное отношение к работе. И теперь устранены некоторые препятствия, смущавшие меня до моего отъезда в Красноярск.

Очень хотела бы Вас увидеть хоть на 15, 20 минут, дайте мне эту радость, когда Вы будете в Москве, мне нужно, мне нужно для души — сказать Вам несколько слов и услышать Ваше мнение.

Буду просить Петра Петровича помочь мне увидеть Вас, когда Вы будете в Москве⁴, я знаю, Вас ждут здесь.

Будьте здоровы, здоровы и еще раз здоровы.

Я рада, что нашла маму не больной. И сама сейчас здорова. Остальное приложится.

Еще раз сердечно благодарю за помощь и желаю всех благ.

Ваша Лёля Ивина.

Примите и мой сердечный привет, дорогой Алексей Максимович, и глубочайшую мою благодарность за всю Вашу помощь нам с Лёлей.

Всего Вам от души самого лучшего.

О. Каменская

25 мая 1936 г.

31. О. Ю. КАМЕНСКАЯ — Е. П. ПЕШКОВОЙ и П. П. КРЮЧКОВУ

Начало ноября 1937, Москва

Уважаемые Екатерина Павловна
Петр Петрович!

В рассказе Алексея Максимовича «О первой любви» очень много фантазии и литературы¹. Моя дочь высказала ему однажды в письме в Сорренто обиду, удивление и огорчение наше по поводу этого рассказа, несоответствующего истине. И он написал ей в ответ, что по приезде поговорит с ней об этом при свидании в Москве. Он написал ей, что не любит свою личную жизнь, т. к. это материал крайне плохо им обработанный и что для него личная жизнь есть только литературный материал. Но когда он приехал, не удалось увидеться с ним.

Я очень тяжело пережила этот рассказ, не только потому, что там было обо мне плохо сказано, а потому, что это плохое мне не было присуще. У меня много других недостатков, но равнодушия к его творческой работе у меня не было. Я никогда не окружала себя глупыми и пошлыми людьми, никогда не была бесстыдна и никогда не веселилась, никогда не пела шансонеток, ни в каких кабачках Монмартра никогда не бывала и никогда я не была ему в тягость в смысле денежном. В ту пору я зарабатывала вровень с ним, даже больше. Я получала в статистике 90 р. в месяц, одновременно рисовала картины и портреты, за которые тоже мне платили. И я работала день и ночь. Когда же работа в статистике прерывалась, я уезжала к моему мужу, Ф. Ф. Каменскому, который был мне другом и возвращалась в Нижний с деньгами, с нужными вещами, с цветами, чтобы украсить нашу квартиру. (Мой муж был цветовод.) Никогда мы с Ал. М-чем не жили в бане.

Сначала мы жили в двух больших комнатах полуподвального этажа того дома, где наверху жил Ланин. А потом, когда наши материальные обстоятельства стали лучше, мы переехали в хорошенький домик в саду, с квартирой в три комнаты, с передней, кухней, с большими сенями. К дому еще примыкала двухэтажная беседка. И за два года, что мы там прожили, я не видела попа.

Недавно на страницах полудетской книжки А. Раскина «М. Горький», на стр. 54-й — есть такие строки: «Они поселились в старой бане, в саду, у пьяньенького попа. Наступила зима; в бане стоял жестокий холод, а когда топилась печь, все жильё наполнялось нестерпимым запахом веников и мыла».

Когда мы с Ал. М-чем расстались и оставили эту нашу квартиру в домике с беседкой, в нее сейчас же переехали Черновы с маленькими детьми. Они здесь, в Москве, как мне сказал Ал. Макс., они могут подтвердить, что никаких зловоний от веников и мыла там не было. И многие находили наше гнездо даже уютным.

Затем на стр. 55-й вот что напечатано: «Короленко слышал про нужду Горького, про его нескладное существование в бане; слышал про то, что семейная жизнь молодого писателя была не слишком счастлива. Горький и сам понимал, что надо изменить жизнь и, может быть, расстаться с Ольгой. Он любил эту женщину, но жизнь представлялась ей занимательным фокусом, не более. С равнодушием относилась она к рукописям Горького, к его любимым книгам и дорогим ему мечтам. Короленко предложил ему работать в Самарской газете, Горький принял это предложение. Скучная жизнь с судебными бумагами и гербовыми марками, война с мокрицами в тесной бане, борьба за двугривенные и полтинники, все это внезапно осталось позади».

Я стара и больна. Я хочу кончить жизнь без незаслуженных оскорблений в печати. Я твердо верю, что вы оба порядочные, умные и сердечные люди. Уделите время этому делу. Дайте себе труд убедиться в том, что я говорю правду. И прекратите в дальнейшей печати подобный вздор, т. е., изъять эти строки из следующих изданий.

С Короленко я познакомилась задолго до встречи с Алексеем Мак-чем, выйдя из тюрьмы и пережив этапный путь. Он бывал у меня ежедневно, приносил заказы на портреты, научил чертить карты и устроил меня в статистику к Никол. Федор. Анненскому, потому что он знал меня как человека трудоспособного и энергичного. Он принимал во мне сердечное участие и был расположен ко мне. И не мог он поверить слухам и нелепым сплетням обо мне. До сих пор не знаю, почему расстался со мной Ал. Макс. У нас никогда не было с ним никаких недоразумений.

Единственно, чем он был недоволен, это письмами ко мне Бол. Петр. Корсака, человека, который меня любил. Он ревновал. И неосновательная ревность окрашивала ему людей и события в неверные цвета.

Уважающая Вас

О. Ю. Каменская.

15 ноября 1937, Москва

Вы не дали своего адреса, а потому я не могла сразу ответить Вам.

Ведь рассказ «О первой любви» точно так же, как и другие произведения этого порядка не является буквально автобиографическим.

Тот или иной комментатор произведений Ал. М. делает из них свои выводы.

Я думаю, что сделаю лучше всего, передав Ваше письмо ко мне и П. П. в комиссию Лит. Насл. Ал. Макс., членом которой состоит и П. П., с просьбой довести до А. Раскина и других биографов Ал. М. о Ваших пожеланиях.

Надеюсь, что они примут их во внимание.

Как жаль, что Вы не написали об этом еще при жизни Ал. М.

ПРИМЕЧАНИЯ

1.

Печатается по А (АГ. ПГ-рл-17-6-2), впервые.

О. Ф. Лошакова-Ивина ответила 23 апреля 1928 г. из Москвы (АГ. КГ-рзн-3-4-1). На конверте рукой Горького расшифрованы инициалы: «Ольге Фоминишне».

¹ Накануне, 13 апреля 1928 г. Горький писал И. А. Груздеву: «Воскресают люди, которых я давно похоронил. Иван Картиковский действительно “друг детства” моего. Оказалось, что жива и героиня рассказа “О первой любви” и дочь ее. Живут в Москве, бедствуют» (АГ. ПГ-рл-12-1-51). См. п. 2 и примеч.

² В 1926 г. О. Ю. Каменская, заболев, вышла на пенсию, дочь ее — Ольга Фоминична долгое время не могла устроиться на работу: «...наши денежные дела, — вспоминала она, — пришли в такое состояние, что наши друзья решили написать об этом Алексею Максимовичу» (АГ. МоГ-5-2-1). Это сделал В. М. Любомирский-Гохгейн, «старинный знакомый» О. Ю. Каменской по Минску. Его первое письмо, упоминаемое Горьким, не разыскано. В АГ хранится следующее письмо этого же адресата от 25 октября 1928 г., в нем снова речь идет о их бедственном положении: «Мне известен Ваш молниеносный отклик, в связи с письмом моим в феврале с. г. по поводу К... в дальнейшем я не посвящен в детали переписки с О. Ф., но я хорошо знаю и лично видел <...> что единовременная мат. помощь не вполне достигла цели, т. к. ее хватило на некоторое обзаведение (ведь почти ничего не было: ни на себе, ни — при себе) и скромное прожитие эти 6 месяцев» (АГ. КГ-рл-7-54-1).

³ В ответ О. Ф. Лошакова-Ивина писала: «Вы спрашиваете: можно ли прислать нам денег, не обидит ли это нас. Нет, Алексей Максимович, *это* нас не обидит. Мы

живем так плохо, что нам обeim тяжело смотреть друг на друга, и если б я не бодрилась, мы бы давно повесились». См. вступ. статью и п. 2.

2.

Печатается по А (АГ. КГ-рзн-3-4-1), впервые.

Датируется как ответ на письмо Горького от 14 апреля 1928 г.

¹ Иван Яковлевич Лошаков — второй муж Ольги Фоминичны, актер.

² См.: Горький. *Сочинения*. Т. 16 — повесть «О первой любви».

³ См. п. 1 и примеч.

⁴ Ольга Фоминична посетила Горького накануне его отъезда в Германию в середине октября 1921 г.

⁵ Последние дни перед отъездом, тяжело больной Горький нашел возможность помочь своей падчерице. Он написал записку Е. К. Малиновской, которая в это время ведала театрами Москвы:

«Елена Константиновна —

вот еще актриса, которая нуждается в работе, и я очень прошу Вас — помогите ей, если только у Вас есть хоть малейшая возможность для этого!

Ее зовут Ольга Фоминична Каменская.

Жму руку. А. Пешков» (АГ. ПГ-рл-25-44-46).

И, действительно, актрису в шинели, не имевшую даже своего угла, встретили по-барски. См. п. 10 и примеч.

3.

Печатается по А (АГ. ПГ-рл-17-6-1), впервые.

Ответ на письмо О. Ф. Лошаковой-Ивиной от 23 апреля 1928 г. из Москвы (АГ. КГ-рзн-3-4-1). Адресат ответил 12 мая 1928 г. (АГ. КГ-рзн-3-4-2).

¹ Передатировано по содержанию: «В конце месяца буду в Москве» и по первому письму к этому же адресату от 14 апреля 1928 г. Здесь описка Горького: вместо «мая» машинально поставлена дата «апрель».

² См. п. 4.

³ Горький приехал в Москву в середине дня 28 мая 1928 г.

⁴ В этот приезд свидание не состоялось (см. п. 5, 6, 9).

⁵ Квартира Е. П. Пешковой в Москве.

4.

Печатается по А (АГ. КГ-рзн-3-4-2), впервые.

Ответ на письмо Горького от 8 мая 1928 г. из Сорренто (АГ. ПГ-рл-17-6-1).

¹ См. п. 3 и примеч.

² Рабис — профессиональный Союз работников искусств.

5.

Печатается по А (АГ. ПГ-рл-17-6-3), впервые.

Адресат ответил около 10 июня 1928 г. (АГ. КГ-рзн-3-4-19) и в середине июня 1928 г. (АГ. КГ-рзн-3-4-25).

6.

Печатается по А (АГ. КГ-рзн-3-4-19), впервые.

7.

Печатается по А (АГ. КГ-рзн-3-4-25), впервые.

Ответ на письмо Горького от 5 июня 1928 г. из Москвы (АГ. ПГ-рл-17-6-3).

Датируется по смежным письмам.

¹ См. п. 9. Свидание в этом году не состоялось.

² См. п. 10.

8.

Печатается по А (АГ. КГ-рзн-3-4-16), впервые.

Горький ответил 6 июля 1928 г. из Москвы (АГ. ПГ-рл-17-6-5).

Датируется как ответ на данное письмо.

¹ См. п. 7 и примеч.

9.

Печатается по А (АГ. ПГ-рл-17-6-5), впервые.

Датируется по фразе: «Сегодня я должен ехать в Курск...» (*ЛЖТ. 3. С. 637*) и почт. шт.: 6.07.28. Москва.

Ответ на письмо адресата предположительно от начала июля (АГ. КГ-рзн-3-4-16): «...мы с мамой ждем Вас, если Вы еще не изменили своего намерения повидаться с нами <...> черкните два слова — ждать ли нам Вас?». См. п. 8.

¹ См. письмо Горького от 5 июня, в котором он обещал посетить О. Ф. Лошакову-Ивину и ее мать О. Ю. Каменскую.

² Время Горького действительно было расписано по часам и минутам: только за первую половину июня состоялись встречи с членами правительства, писателями (Дом Герцена), артистами и Станиславским (МХТ), рабочими и рабкорами завода «АМО», Трехгорки, пионерами, детьми и др. Горький посетил Музей Революции, Музей кустарных искусств, Болшевскую трудовую колонию, Октябрьские красноармейские лагеря, целый ряд редакций газет и журналов и т. п. За это время Горький получил от 72 городов Советского Союза приглашения приехать к ним в гости. 6 июля Горький выехал из Москвы, это было начало его первой поездки по стране (*ЛЖТ. 3. С. 633*).

³ Из Курска Горький выехал в Харьков, затем в Куряж, Днепрострой, Крым, Кавказ, Казань, Н. Новгород. Поездка длилась до 11 августа. Затем две недели относительного отдыха в Морозовке и 29 августа он уезжает в Ленинград.

⁴ Деньги были получены и «ушли на уплату некоторых долгов, на покупку необходимой мебели, необходимого платья, на жизнь, — на приличную еду после ужасной зимы». См. п. 10.

10.

Печатается по А (АГ. КГ-рзн-3-4-3), впервые.

Горький ответил 27 октября 1928 г. из Сорренто (АГ. ПГ-рл-17-6-4).
Письмо на 14 страницах, печатается в сокращении, с краткими пояснениями.

¹ См. п. 3.

² Часть писем Ольги Фоминичны и Ольги Юльевны, видимо, утрачены.

³ См.: Горький. *Письма*. Т. 1. С. 78—79, 421.

⁴ См. вступ. статью.

⁵ Свидание с Горьким состоялось в августе — начале сентября 1903 г. в Москве на квартире М. Ф. Андреевой (Горький. *Письма*. Т. 3. С. 181—182, 407—408).

⁶ Вспоминает о том, как встретили Горького в доме Марии Федоровны и как Ольга Фоминична узнала его (пряталась за портьерой) «по выражению ботинок».

⁷ Описание квартиры Марии Федоровны и чувство неудобства от роскоши: «Я была там, как рыба, вынутая из воды и, как рыба, вела себя — немом».

⁸ Вспоминает о прошлом подробно и детально, о своей памяти: «...помню, п.ч. все это было мною любимом».

⁹ Предполагает, что Горький опасался встретить в них «механических граждан». И далее подробно описывает как они с мамой работали и терпели жестокие дни революции и гражданской войны: обе были на фронте.

¹⁰ См. п. 7.

¹¹ О поисках работы, о бирже.

¹² Снова о необходимости работы, о трудной жизни, больной маме, но не потерявшей интереса к жизни.

¹³ См. п. 2 и примеч.

11.

Печатается по А (АГ. ПГ-рл-17-6-4), впервые.

Ответ на письмо адресата от 20 октября 1928 г. из Москвы (АГ. КГ-рзн-3-4-3). Адресат ответил недатированным письмом (декабрь, 1928 г.) из Москвы (АГ. КГ-рзн-3-4-1).

¹ Ответ на слова Ольги Фоминичны: «Я очень удивилась <...> На письмо совершенно чужого человека Вы ответили и письмом и деньгами по телеграфу, а на мое письмо о маме ни слова <...>. Мама заслужила Вашего участия в ее судьбе, — и более вдумчивой заботы о ней и ее старости со стороны человека, которого она так сильно любила — любила, когда у него не было ни славы, ни денег, ни ореола — а самую сущность редкого, хорошего и тем дорогого сердцу, человека» (см. п. 10).

² Калюжный А. М. — давний друг Горького (см. Горький. *Письма*. Т. 2. С. 31, 191, 448).

³ Короткое свидание состоялось у Горького с О. Ю. Каменской 17 июня 1929 г. (перед отъездом в Ленинград). «В прошлом году, — писала О. Ю. Каменская 11 июня 1930 г., — при свидании Вы уделите мне только пятнадцать минут, и сами не побывали у нас, как обещали» (АГ. КГ-рзн-3-43-17). Об этом свидании она позже вспоминала: «Он радостно встретил меня в дверях своей комнаты, обнял и расцеловал, но назначил время» (АГ. КГ-рзн-3-4-10). «По возвращении из Якутска удалось хорошо повидаться с Алексеем Максимовичем», — вспоминала О. Ф. Лошакова-Ивина (АГ. МоГ-5-2-1).

⁴ В АГ среди многих записок хранится и эта записка П. П. Крючкову: «Дать денег р. 500 О. Ф. Ивиной, Гороховецкий, 6, кв. 7. Ей же “Собрание сочинений” Горького и послать книг, какие она спросит» (АГ. ПГ-рл-21а-1-353).

Печатается по А (АГ. КГ-рзн-3-4-13), впервые.

Датируется по содержанию как ответ на письмо Горького от 27 октября 1928 г. из Сорренто (АГ. ПГ-рл-17-6-4).

¹ 4 июня 1929 г. Ольга Фоминична писала Горькому: «Когда П. П. Крючков в начале зимы вернулся из заграницы, я послала ему в письме список книг (как Вы мне позволили) и как я с ним условилась <...>, но ответа не было, как не получила и книг <...>. Я просила учебники и беллетристику...» (АГ. КГ-рзн-3-4-4).

В АГ хранится письмо Ольги Фоминичны П. П. Крючкову от 3 января 1929 г.: «Уважаемый Петр Петрович!

Пользуясь Вашим любезным разрешением — я прилагаю список книг, которые нам хотелось бы иметь <...> А. Макс. писал, что Вы привезете маме его книги». Здесь же дан список книг:

- «1. Хороший учебник французск. языка.
2. —»— учебник англ. языка.
3. Дневник Соф. Андр. Толстой.
4. Моя жизнь дома и в Ясной Поляне Кузьминской.
5. Дневник Панаевой.
6. Роман без вранья. Мариенгоф.
7. Женщина на перепутьи —
8. Новый потоп — Розля.
9. Города и годы — Федина.
10. Письма Чехова.
11. Махатма Ганди (с индусского) и что можно.
12. Рабиндр. Тагора — что есть в Госиздате.
13. Разгримированная Красавица.
14. Новые скрижали (автора не помню)» (АГ. КК-рл-7-6-4).

13.

Печатается по А (АГ. КГ-рзн-3-43-13), впервые.

¹ Письмо Горького не разыскано, возможно, разговор состоялся по телефону.

² В письме от 21 июля 1929 г. Ольга Фоминична просила Горького о свидании, «чтоб поговорить “о театре”. Это дело не терпит большого отлагательства — я могу опоздать к работе зимнего сезона <...>. Живу в Москве, ожидая свидания с Вами» (АГ. КГ-рзн-3-4-5).

³ Деньги были высланы, см. п. 14.

14.

Печатается по А (АГ. КГ-рзн-3-4-6), впервые.

Горький ответил на следующий день — 21 ноября 1929 г.

¹ Деньги на «сценический гардероб» были переданы через Н. П. Баркова. См. п. 16.

² Горький уехал в Сорренто 23 октября (ЛЖТ. 3).

³ В АГ хранится расписка Ольги Фоминичны: «Чек на пятьсот рублей (500 р.) получила от М. Горького. О. Ивина» (АГ. КК-рл-7-6-5).

Печатается по А (АГ. ПГ-рл-17-6-6), впервые.

Ответ на письмо О. Ф. Лошаковой-Ивиной от 21 октября 1929 г. (АГ. КГ-рзн-3-4-6). Написано накануне отъезда в Италию. Адресат ответил 1 ноября 1929 г. (приписка на письме О. Ю. Каменской) (АГ. КГ-рзн-3-43-16).

¹ Во время поездки по югу страны «от чрезмерной нагрузки, постоянного нервного напряжения и возбуждения Алексей Максимович заболел, — вспоминала Н. А. Пешкова, — горлом пошла кровь, поездку прервали. Врачи предписали полный отдых и немедленный отъезд в Италию» (*Архив Г. 13. С. 277*).

² При свидании с О. Ю. Каменской Горький обещал навестить их, «поглядеть, как мы живем». См. п. 14 и примеч.

Печатается по А (АГ. КГ-рзн-3-43-16), впервые.

Ответ на письмо Горького от 22 октября 1929 г. из Москвы (АГ. ПГ-рл-17-6-6).

¹ Барков Николай Петрович — работник редакции журнала «Наши достижения». В АГ хранятся денежные документы и расписки на получение денег. Среди прочих записей отмечено: «8) О. Ф. Ивиной — 1000 (октябрь 1929 г.)», а также расписка о получении: «Чек на тысячу рублей получила от тов. Ник. Петр. Баркова 23 октября 1929 г. *Ольга Фомин. Ивина*» (АГ. Сек-Г-1-2-5).

Печатается по А (АГ. КГ-рзн-3-43-17), впервые.

Горький ответил 20 июня 1930 г. из Сорренто (АГ. ПГ-рл-18-76-28).

¹ О. Ю. Каменская написала данное письмо в день своих именин, 11 июня. 18 июня 1930 г. ей исполнился 71 год.

² См. п. 18 и примеч.

Печатается по А (АГ. ПГ-рл-18-76-28), впервые.

Ответ на письмо О. Ю. Каменской от 11 июня 1930 г. из Москвы (АГ. КГ-рзн-3-43-17).

За О. Ю. Каменскую ответила О. Ф. Лошакова-Ивина: «...мама все хотела написать Вам сама, но у нее болят пальцы...» (АГ. КГ-рзн-3-4-15). См. п. 18.

¹ В АГ хранится несколько записок и писем О. Ю. Каменской с просьбой помочь дочери устроиться в один из московских театров (АГ. КГ-рзн-3-43-5, 6, 7, 8). 11 июня она писала, что вот уже 9 лет ее дочь без постоянной работы в театре и за «все 9 лет Лёля не получала даже пособия, т. к. на фронте исчезли все ее документы» (более подробно об устройстве Ольги Фоминичны в театр см. п. 18 и примеч.).

² 13 апреля 1930 г. в письме М. Ф. Чумандрину Горький, одобряя идею создания рабочего театра, вспоминал: «...20 лет тому назад я предлагал К. С. Станиславскому организовать студию, в коей молодежь, изучая театральное искусство, пробовала бы вместе с этим создавать коллективно и пьесы...» (АГ. ПГ-рл-52-9-2).

11 (24) октября 1912 г. он поддержал инициативу рабочих московской мебельной фабрики Шмита, обратившихся к нему с просьбой оказать помощь советом и участием в организации рабочего театра. В этот же день он пишет Станиславскому, который горячо поддержал начинание рабочих (см.: Горький. *Письма*. Т. 10, п. 201, 202 и примеч.). Для создания рабочего театра в Ленинграде нужна была основательная «материальная база» и чтобы добиться необходимой суммы, потребуется от организаторов «невероятная энергия и настойчивость». Однако денег не хватало и в июне Чумандрин вновь обращается к Горькому, теперь уже походатайствовать перед А. Е. Бадаевым о материальной помощи новому театру. В это время Бадаев занимал пост Председателя Правления Центросоюза, и Горький просит его помочь нужному «хорошему делу». Рабочий театр так и не был создан.

³ См. п. 18.

⁴ В письмах различным адресатам Горький в это время сообщал, что он заканчивает работу над третьей частью «Жизни Климса Самгина», над статьями для трех журналов. А, кроме того, ему хочется написать две пьесы, три рассказа и маленькую повесть.

18.

Печатается по А (АГ. КГ-рзн-3-4-15), впервые.

Ответ на письмо Горького от 20 июня 1930 г. из Сорренто (АГ. ПГ-рл-18-76-28).

¹ В 1930 г. Горький не приезжал в Советский Союз.

П. П. Крючков в этом году несколько раз побывал в Сорренто.

19.

Печатается по А (АГ. КГ-рзн-3-43-14), впервые.

Год установлен по содержанию: отъезд О. Ф. Лошаковой-Ивиной в Якутск.

20.

Печатается по А (АГ. КГ-рзн-3-43-18), впервые.

Горький ответил 31 декабря 1930 г. из Сорренто (АГ. ПГ-рл-18-76-29).

На письме помета Горького красным карандашом для П. П. Крючкова: «Пожалуйста, пошлите 500».

¹ В АГ хранятся письма только Ольги Фоминичны из Якутска, но ни одно ответное письмо Горького не разыскано, об этом свидетельствует сам адресат, см. п. 21 и примеч.

21.

Печатается по А (АГ. ПГ-рл-18-76-29), впервые.

Ответ на письмо О. Ю. Каменской от 21 декабря 1930 г. (АГ. КГ-рзн-3-43-18).

На письме помета Горького синим карандашом для Крючкова: «Пожалуйста, пошлите 500».

Не ожидая ответа, адресат пишет снова 4 января 1931 г., получив «отчаянную телеграмму» Лёли из Якутска: «...ей совершенно жить не на что, да еще больна» (АГ. КГ-рзн-3-43-9).

¹ Черновик текста телеграммы П. П. Крючкову о деньгах для О. Ю. Каменской хранится в Архиве Горького (ПГ-рл-21а-1-353).

² Из Якутска от О. Ф. Лошаковой-Ивиной Горький получил несколько «больших, интересных писем» с описанием дорожных приключений на долгом пути (выехала из Москвы 19 августа, приехала в Якутск 3 октября), нравов и быта якутян, тяжелой, полной лишений жизни актеров, непривычных к суровому климату Севера, и т. д. (АГ. КГ-рзн-3-4-20, 22, 23, 24). Здесь имеется в виду первое письмо из Якутска от октября 1930 г. (АГ. КГ-рзн-3-4-20). Свои путевые заметки и дневниковые записи по приезде в Москву она хотела «сдать в редакцию <...>, чтоб кто-нибудь владеющий пером сделал очерк» для журнала «Наши достижения» (АГ. КГ-рзн-3-4-22).

³ Письмо не разыскано. Позже О. Ф. Лошакова-Ивина вспоминала, что ни одного ответа от Горького на свои письма она не получила: «Скорее всего, их кто-то присвоил на почте» (АГ. МоГ-5-2-3).

22.

Печатается по А (АГ. КГ-рзн-3-43-11), впервые.

Горький ответил 3 апреля 1931 г. из Сорренто (АГ. ПГ-рл-18-76-30).

¹ Вероятно, эти письма Горький не читал: в огромной корреспонденции они могли затеряться. Хранятся в архиве писателя (АГ. КГ-рзн-3-43-19, 10).

² См. п. 23 и примеч.

³ Вероятно, в начале мая О. Ю. Каменская телеграфировала Горькому о срочной помощи, не дождавшись от П. П. Крюčkова денег. Об этом свидетельствует документ — письмо Владимира Рихтера П. П. Крючкову от 23 мая 1931 г.: «Уважаемый Петр Петрович!

Я имею поручение переговорить с Алексеем Максимовичем лично. Поручение исходит от Ольги Фоминичны Ивиной. Вероятно, Ал. Макс. уже извещен об этом телеграммой из Якутска.

Прошу Вас указать день и час, когда я могу выполнить это.

Я займу у Ал. Макс. не более 10-ти минут.

Вл. Рихтер» (АГ. КК-рл-13-12-1).

См. также п. 23 и примеч.

23.

Печатается по А (АГ. ПГ-рл-18-76-30), впервые.

Ответ на письма О. Ю. Каменской от 7 февраля, 23 февраля и 27 марта 1931 г. (см. примеч. к п. 22. Февральские письма не печатаются).

¹ О. Ю. Каменская пишет отчаянное письмо с просьбой помочь Лёле выбраться из Якутска. См. п. 22.

Об этом же сообщает и О. Ф. Лошакова-Ивина в письме от начала февраля 1931 г.: «Недавно нам написали из Москвы, что прикрепят работников к краю! Я нигде не буду жить без мамы. Если меня оставят здесь насильно — я продам все до нитки — и уйду в Москву пешком» (АГ. КГ-рзн-3-44-22). Несомненно, деньги были высланы: в начале июня О. Ф. Лошакова-Ивина вернулась в Москву. См. п. 22 и примеч.

² Вероятно, письмо от 20 и 23 февраля 1931 г. (АГ. КГ-рзн-3-4-22 и 24), где описываются быт и нравы жителей Якутска.

³ Письмо не разыскано.

⁴ Горький приехал в Москву 14 мая 1931 г.

24.

Печатается по А (АГ. КГ-рзн-3-4-11), впервые.

Горький ответил 12 декабря 1931 г. из Сорренто (АГ. ПГ-рл-17-6-7).

¹ Кон — Ф. Я. Кон (1864—1941), публицист, общественный деятель; в 1930-е годы зав. Музейным отделом Коллегии Наркомпроса РСФСР.

² См. п. 25 и примеч.

³ См. п. 25.

⁴ Речь идет о знакомом Ольги Фоминичны по Якутску, оказавшемся в бедственном положении.

⁵ Осенью 1903 г., когда Ольга Фоминична заболела (горлом пошла кровь), Горький настоял на ее лечении в Крыму: «И сказал, чтоб деньги на это я взяла у него, — вспоминала Ольга Фоминична. — Я возразила с робостью.

— А когда ж я смогу вернуть такую большую затрату денег на меня? Как сейчас помню ответ его:

— Деньги совсем не обязательно возвращать мне, когда они у вас будут, вы отдадите их тому, кому они будут нужны» (АГ. МоГ-5-2-1). См. также: Горький. *Письма*. Т. 3, п. 40, 301 и примеч.

25.

Печатается по А (АГ. ПГ-рл-17-6-7), впервые.

Датируется по почт. шт.: 12.12.31. Sorrento.

Ответ на письмо адресата от начала декабря 1931 г. из Москвы (АГ. КГ-рзн-3-4-11).

О. Ф. Лошакова-Ивина ответила письмом без даты (предположительно 18—20 декабря 1931 г.) из Москвы (АГ. КГ-рзн-3-4-7).

¹ В АГ хранятся записки (простым и синим карандашом) О. Ю. Каменской (АГ. КГ-рзн-3-43-5, 6), в которых она просит помочь устроить Лёлю в новый театр им. Крупской и дать денег: «Дочь моя до сих пор без работы». См. также п. 24.

² В декабре 1931 г. Горький был тяжело болен: очередной грипп вызвал воспаление легких (см. воспоминания врачей в кн.: *Вокруг смерти Горького*. С. 41—55).

³ О. Ф. Лошакова-Ивина писала, что «Халатов шефствует над одним Московским театром. От секретаря его был такой ответ: “Если будет что-либо от А. М-ча по этому поводу, то дело может быть устроено”. Теперь вопрос — захотите ли Вы написать несколько слов Халатову». См. п. 24.

⁴ См. п. 26 и примеч.

⁵ В начале декабря 1931 г. Ольга Фоминична писала о том, что «маме тяжело так часто обращаться к Вам с просьбами о деньгах вместо того, чтоб написать Вам письмо просто от сердца <...> как было бы хорошо, если б этот денежный вопрос Вы захотели для нее урегулировать» (АГ. КГ-рзн-3-4-11). Ранее в письме от 27 марта 1931 г. О. Ю. Каменская горько сетовала на то, как «тяжело ей писать только о деньгах». См. п. 22 (АГ. КГ-рзн-3-43-11). Вопрос о денежной помощи, действительно, был урегулирован: каждые три месяца О. Ю. Каменская получала 500 руб. через П. П. Крючкова и Н. П. Баркова, позже (с 1933 г.) ежемесячно — 300 р. как персональный пенсионер.

26.

Печатается по А (АГ. КГ-рзн-3-4-7), впервые.

Ответ на письмо Горького от 12 декабря 1931 г. (АГ. ПГ-рл-17-6-7).

Датируется по данному письму с учетом почтового коэффициента.

¹ Письма не разысканы.

² Вероятно, при встрече; письма с таким сюжетом не разысканы.

³ Вырезка в АГ не сохранилась.

⁴ Подчеркнуто Горьким красным карандашом.

⁵ Подчеркнуто Ольгой Фоминичной.

⁶ Приписка О. Ю. Каменской.

27.

Печатается по А (АГ. КГ-рзн-3-43-8), впервые.

Датируется по фразе: деньги «я получила через Петра Петровича 29-го июня», год установлен по предыдущему письму.

¹ Несмотря на то, что каждые три месяца мать и дочь получали от Горького 500 рублей, этих денег не хватало на их возросшие нужды и желание жить «не хуже других». Они считали себя членами семьи Горького и иногда теряли чувство такта.

² Слово «пока» подчеркнуто Горьким красным карандашом.

³ В АГ хранится недатированная записка синим карандашом (АГ. КГ-рзн-3-43-6) с просьбой денег, ибо дочь ее «до сих пор без работы»: «Надеюсь, что Лёля более или менее в скором времени устроится с помощью Марии Федоровны», которая в это время руководила Домом ученых. При нем были организованы различные секции, кружки, объединяющие «ученых всех отраслей науки» (Андреева. С. 654). Дом ученых славился своими спектаклями и концертами (Там же. С. 655). Возможно, Ольге Фоминичне и помогли получить работу, но как обычно, она была не продолжительна.

28.

Печатается по А (АГ. КГ-рзн-3-43-15), впервые.

Письма Горького О. Ю. Каменской и О. Ф. Лошаковой-Ивиной отсутствуют. Позднее, при разборе архива Ольги Фоминичны были найдены ветхие мелкие обрывки бумаги, напоминающие записки, почерк Горького на них не выявлен.

29.

Печатается по А (АГ. КГ-рзн-3-43-21), впервые.

Датируется по содержанию: 11 мая 1934 г. скончался сын Горького — Максим Алексеевич Пешков.

30.

Печатается по А (АГ. КГ-рзн-3-4-9), впервые.

Последнее письмо из переписки Горького с О. Ф. Лошаковой-Ивиной и О. Ю. Каменской (АГ. КГ-рзн-3-4-9).

¹ «Осенью 1935 г. я поехала служить в Красноярский театр <...> Весной в конце мая» вернулась в Москву, — вспоминала Ольга Фоминична (АГ. МоГ-5-2-2).

² «Борьба за улучшение работы» и условия жизни в провинциальных театрах значительно сокращали сценическую жизнь Ольги Фоминичны. Об этом свидетельствуют ее письма (см. п. 26 и примеч. Письма из Якутска — АГ. КГ-рзн-3-4-20, 22, 23, 24; письма красноярские — АГ. КГ-рзн-3-4-8 и наст. письмо).

³ 26 марта 1936 г. Ольга Фоминична писала из Красноярска: «...устала смертельно, у меня много работы <...> Я служу в железнодорожн. театре в г. Красноярске, играю в помещении “Дворца культуры”», и сообщала, что «1-го апреля будет у меня <...> получка» и обещала выплатить долг 400 руб. (АГ. КГ-рзн-3-4-8).

⁴ Горький вернулся из Тессели в Москву 28 мая 1936 г. и сразу же уехал на дачу — Горки 10.

31.

Печатается по А (АГ. ФЕП-кр-30-17), впервые.

¹ Об истории создания рассказа см.: Горький. *Сочинения*. Т. 16. С. 569–570. См. также письмо Горького С. В. Короленко от 7 октября 1925 г. (Там же. С. 570–571).

32.

Печатается по А (АГ. ФЕП-рл-6-8-1), впервые.

«ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ РОССИИ — ЛОМОВАЯ ЛОШАДЬ РУССКОЙ ИСТОРИИ...»

ИЗ НЕОПУБЛИКОВАННОЙ ПЕРЕПИСКИ
ГОРЬКОГО и ЭЛЬ МАДАНИ. 1923—1924 гг.

*Вступительная статья, подготовка текста и примечания
С. Д. Островской**

Имя Эль Мадани появилось в горьковедческой литературе в 1969 году, когда вышло в свет третье, дополненное издание сборника «Ленин и Горький»¹.

В книге впервые опубликованы отрывки из трех писем Горького к Эль Мадани и дана короткая биографическая справка на этого адресата².

Эль Мадани — так и не раскрытый псевдоним некоего Александра Андреевича, как помечено на одной из папок сотрудниками личного архива Горького. Условно указывается и год его рождения — 1884. Умер Мадани в Ницце в 1965 году. Незадолго до смерти он через посольство СССР во Франции передал в Россию пятнадцать писем Горького к нему (автографы) и короткие воспоминания автобиографического характера, в которых, в частности, рассказывается:

«По отцу — я испанец и по матери тоже. Бабушка моя была чистойшей россиянкой. Она эмигрировала еще при Николае II, а в России принадлежала к какой-то революционной группировке, но не могу припомнить, к какой <...>».

Ленина <...> читать-то я что-то читал, но с ним я не совсем согласен <...> я читал всего Бакунина и Петра Кропоткина, и я скорее с ними согласен <...>. Горький послал мне записочку, приглашая меня навестить его. Тут-то в продолжение не менее трех часов Алексей Максимович рассказывал мне о происшествиях в России, о Ленине, которого, как он говорил, очень любит, о его дружбе с ним, весьма печалился его болезнью. Он же весьма интересовался испанскими писателями и их произведениями. Про-

---

* Тексты писем М. Горького и примечания к ним подготовлены при участии Е. А. Тенишевой.

сил меня перевести на русский язык кое-что литературного хороших испанских писателей <...> В тот же день Алексей Максимович пригласил меня к ужину, и все время только мы двое говорили то о России, то об Испании. Я был восхищен этим милым, таким добрым человеком <...>. Горький говорил мне: “Ну, это ничего, согласны ли Вы с одним или другим большевиком; я надеюсь, что мы будем с Вами друзьями и кое-что вместе поработаем в “Беседе”, которую Горький издавал в Берлине...”³.

Из воспоминаний Мадани известно, что он покинул Россию вместе с отцом после событий 1905—1906 гг. В эмиграции скитался по Африке и Европе, 14 месяцев находился в одной из тюрем Испании, куда попал за пропагандистскую деятельность среди рабочих. Из тюрьмы ему помогли освободиться испанские писатели супруги Мария и Грегорио Мартинес Сьерра.

Один из арестов Мадани пришелся на время его переписки с Горьким.

Мадани перенес тяжелую операцию и находился в Саарове (Германия) на лечении. Шел декабрь 1922 г. Весь европейский мир тогда уже знал о том, что в Саарове живет Горький, уехавший из России осенью 1921 г.

Писатели М. и Г. Мартинес Сьерра подготовили для Мадани рекомендательное письмо к Горькому, после чего состоялось их личное знакомство, которое сразу приняло деловой характер.

По предложению Горького Мадани перевел с испанского на русский язык для журнала «Беседа» статью Г. Мартинеса Сьерра об испанском поэте и драматурге Хасинто Бенаvente; повесть «Дневник девочки», а также рассказ Грегорио и Марии Мартинес Сьерра «Слепые дети»⁴. (О деятельности Мадани, связанной с журналом «Беседа», упоминается в кн.: *Архив Г. 8, Архив Г. 16*⁵.) На испанский язык Мадани предполагал перевести ряд произведений Горького. Среди других, это: «Двадцать шесть и одна», «Человек», «Мать», «Калинин», «Женщина», «Страсти-мордасти», «На Чангуле», «Рождение человека», «Едут», «На дне», «Мещане», «Жизнь ненужного человека», «Заметки из дневника», «Рассказ о герое»⁶.

В Архиве А. М. Горького сохранилась расписка М. И. Будберг, свидетельствующая о получении ею 26 мая 1925 г. (в Сорренто, Италия) 750 франков от издательства «Кальдерон» за том рассказов Горького в переводе Эль Мадани на испанский язык⁷.

В настоящем сборнике впервые публикуются полностью двенадцать писем Горького к Мадани, как указывалось выше, переданных адресатом в архив писателя. Здесь следовало бы отметить, что условия хранения различных документов у Мадани, видимо, были сложными. Неизвестно, долго ли он вел активный образ жизни, но в воспоминаниях Мадани рассказывал, например, о своем участии в испанской гражданской войне. Он служил переводчиком, помогал советским летчикам и, якобы, встречался даже с М. Н. Тухачевским.

Переписка охватывает 1923 г. (конец января) — 1924 г. (начало июля). Мадани в феврале 1923 года покинул Сааров и ездил по городам Германии, Испании, Франции, Италии. Горький также переезжал из одного города в другой, менял страны пребывания. Жил в Германии и Чехословакии, поселился в Италии.

Кроме того, в Архиве А. М. Горького сохранилось два коротких письма Мадани от 1934 и 1935 гг., присланных им в Москву. В последнем — Мадани просил познакомиться с рукописью его книги о Вере Фигнер. На эти письма Горький, по-видимому, не ответил. Рукописей Мадани в архиве писателя не имеется.

Из всего массива писем Мадани к Горькому публикуются тринадцать: те, которые как бы спровоцировали, вынудили писателя на развернутые ответы, написанные на определенную тему — судьба интеллигенции России.

Переписка Горького и Мадани по этому вопросу полемически острая и в основе своей, с той и с другой стороны, опирается на большое количество значительных фактов.

Купюры в письмах Мадани сделаны в случаях неразборчивости написания (автор существенно забыл русский язык), опущены некоторые повторы и сокращены те фрагменты писем, где речь шла о подготовке Мадани материалов для «Беседы», о контактах Горького с М. и Г. Мартинес Сьерра по издательским вопросам и несколько частных моментов. Эти материалы использованы в комментариях к письмам Горького.

В данной публикации сохранены все пометы Горького, сделанные им при чтении. Характер маргиналий раскрывается в комментариях к письмам Мадани.

По своим убеждениям Мадани — революционер анархического толка. Что касалось Горького, то его отношение к нему было сочувственным. В предпоследнем письме, написанном уже после резких обращений к Мадани, Горький писал ему: «Я <...> очень хорошо чувствую, кто Вы, и, поверьте, умею ценить людей Вашего типа. Разумеется, между нами есть непримиримые разногласия...» (п. 23).

Мадани тревожило то, что происходило в Советской России. Как следует из переписки Горького с Мадани, они не раз беседовали об этом, встречаясь в течение января 1923 г. в Саарове. Впоследствии, вероятно, впечатления от этих разговоров и дали возможность Мадани ставить соответствующие вопросы перед Горьким в своих письменных обращениях к нему.

Речь, прежде всего, шла о жестокостях, проявленных Лениным в борьбе за власть большевиков. Мадани защищал иные политические течения и выражал свое возмущение, указывая на неправомочность расправы с движением Н. И. Махно, разгрома эсеров (в частности, упоминалась М. А. Спиридонова). Мадани осуждал преследования «махаевцев». Он пытался разобраться в причинах, побуждающих политических идеологов и лидеров, лю-

дей образованных и, может быть, не всегда лично жестоких, проявлять «свирепость» и «дикость» в борьбе за победу над другими, прежде всего, такими же людьми, как они сами. Критиковал он также произвол нового советского чиновничества, в чем Горький с ним, видимо, был согласен.

Большое место отводил Мадани разговору о возникшем у него недоверии к художественной литературе. Он с горечью констатировал расхождение между реальными поступками своих бывших кумиров — писателей, в основном, «знаниевцев», в двадцатые годы ставших уже эмигрантами по политическим соображениям, настроенных антиреволюционно, таких как И. А. Бунин, Е. Н. Чириков, А. И. Куприн, — и той порой утопией, создавая которую в своих ранних сочинениях, они пытались, воздействовать на жизненную позицию читателей демократического круга.

Подобный вопрос возникал у Мадани и к Горькому, несмотря на весь пиетет перед ним. Строго относился Мадани к литераторам нового поколения — К. Федину, В. Шкловскому и другим. Его мнение о французских писателях — А. Барбюсе и Р. Роллане являлось противоположным распространённому. Особенно интересны рассуждения Мадани о Л. Андрееве, в героях которого он видел отражение собственного «я». Эти размышления адресата Горький выделил пометами (п. 3, 20).

Мадани поднимал множество трагических вопросов, которые волновали революционеров, оказавшихся в эмиграции в результате событий Первой русской революции 1905—1907 гг. и не возвратившихся на родину после 1917 г.

Можно сказать, что имя Эль Мадани вошло в летопись судеб российской интеллигенции во многом благодаря его переписке с Горьким. Взгляд Мадани на жизнь не только российского, но и европейского политического и культурного социума двадцатых годов XX века в контексте откровенной, ничем не скованной переписки с Горьким, несомненно интересен и для горьковедов, и для историков, и для других читателей, которых не могут не волновать духовные поиски недавно ушедшего поколения, его огромный опыт и связанные с ним представления о морали и этике, политике и революционной борьбе, насилии, о значении литературы.

Горький обычно отвечал на все письма адресата, но, судя по замечаниям Мадани, случались и пробелы. Возможно, также не все ответные письма Горького дошли, либо не все сохранились у Мадани. В письмах Горького, как указывалось выше, затрагивались вопросы, касающиеся деятельности адресата в кругу испанских литераторов и его переводческой работы. Речь шла также о скандальных происшествиях среди испанских писателей, например, — убийстве, совершенном одним из литераторов в театре во время представления. Из чувства зависти он убил своего бывшего друга, тоже писателя.

В целом, публикуемые документы являются важнейшими для понимания серьезных политических процессов, последствия которых обсуждаются и оспариваются по сегодняшний день (п. 4, 6, 21, 23).

В тех случаях, когда в переписке говорилось о людях, которых Горький знал лично, таких, как Л. Толстой, П. Кропоткин, В. Фигнер, В. Ленин, В. Кибальчич, Л. Андреев, — писатель давал развернутые и, надо сказать, убедительные ответы своему оппоненту.

В письмах Горького проясняется особая трактовка темы интеллигенции России. Писатель прибегнул, может быть, к недостаточно изысканному, но зато точному сравнению ее с «ломовой лошадию русской истории». В письмах он дважды употребил такое определение, говоря о грузе, который на своих плечах несла российская интеллигенция на протяжении смеявшихся друг друга исторических эпох.

Выделяется письмо к Мадани от 7 марта 1923 г. из Саарова, в котором содержится четко сформулированная главная мысль Горького, подкрепленная образной формой ее изложения: «Я с начала сознательной жизни моей видел — с болью — огромные недостатки нашей интеллигенции, но видел и огромнейшие достоинства ее. Интеллигенция России — ломовая лошадь русской истории. Это та дрожжа, которая брожением своим подняла русскую массу...» (п. 2).

В следующем письме от 16 марта 1923 г. Горький продолжал развивать эту тему. Обращает на себя внимание то обстоятельство, что он находил, пусть не оправдание, но объяснение причин ухода части русской интеллигенции, в первую очередь, художественной, от тех идей, которые для самого писателя оставались демократическими. Он считал, что корни этих процессов лежат в области психологии и пытался наглядно разъяснить адресату: «...Человек еще не урод только потому, что рост его 2 аршина 5 вершков, а не два-десять. Не забывайте, что близорукие и пятивершковые люди сыграли огромную роль политических воспитателей ваших, роль дрожжей, поднявших, в конце концов, русскую, тяжелую массу <...> не забудьте это им в прошлом и не забудьте о них в настоящем <...> Но — так говорит разум человека, знающего людей и привыкшего относиться к ним снисходительно... “Выше головы не прыгнешь” — это очень верно...». Писатель не винил других.

Но далее он немедленно возражал сам себе: «А вслед за этим пред лицом *моей* совести встают люди, которые говорят и пишут *мне* так, как Вы, люди, оскорбленные, с надорванным сердцем. Это — самые близкие мне и самые дорогие для меня люди, с ними я жил всю жизнь, с ними и живу <...>. И по требованию и совести, и *воли* я должен бы идти с ними.

Отсюда начинается противоречие, принимающее совершенно реальные и практические формы...» (п. 4).

В письмах Горького к Мадани налицо фактичность, убежденность, но, вместе с тем, терпимость, отличающая позицию подлинного интеллигента.

И только, когда в своем очередном письме к Горькому, ссылаясь на беседы с ним в Саарове, Мадани выразил свое недоумение противоречиями между тем, что слышал ранее от Горького, а теперь увидел написанным в очерке «В. И. Ленин», отрывок из которого он прочитал в итальянской газете «Unita», Горький постарался оспорить резкие суждения адресата. Именно черновик этого своего ответа писатель сохранил в личном архиве. В письме Горький высказал осуждение анархизма, определив его как выражение «отчаяния и бессилия — в <...> практике» и, назвав «фантазией», «утопией» — в теории (п. 21). Он закончил свое письмо пророческой фразой, согласившись с Мадани в одном: «Увы, мы еще долго будем жить в “эпохе вождей”. Это — так».

Горький написал еще два письма Мадани, в которых, фактически, не пытался больше переубедить адресата, но отправил ему несколько книг. Получив их, Мадани сообщил: «...еще раз сердечно благодарю за посылку книг; понимаю — не зря послали Вы их мне, в них много из того, что меня волнует...» (п. 24).

Горький, видимо, счел свою дальнейшую переписку с Мадани для себя нежелательной, хотя в предпоследнем письме к нему от 12 апреля 1924 г. из Неаполя сообщил: «Однако все эти вопросы лучше обсуждать при свидании личном, надеюсь — мы увидимся? Но — не сейчас...».

В этом же письме содержался точно характеризующий не только ушедшее, но и наступившее новое время афоризм Горького: «Черепаший шаг истории все более отстает в сравнении с Ахиллесовым бегом личности» (п. 23).

Итак, ёмкость мысли, убежденность Горького, присущая стилистике писателя афористичность во многом сделали его письма к Мадани публицистически убедительными. А драматическая судьба «рядового» революционера — Эль Мадани подтверждает правильность слов Горького об исторической участи интеллигенции России.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ *Ленин и Горький*. 3-е изд. С. 9, 287, 337—338, 339, 594, 597, 598.

² Там же. С. 287, 337—338, 339, 534.

³ АГ. МоГ-9-36-1.

⁴ «Беседа». 1923. № 1. Май—июнь; 1923. № 2. Июль—август; 1924. № 5. Июнь—июль.

⁵ *Архив Г.* 8. С. 236—239; *Архив Г.* 16. С. 82.

⁶ В источниковедческую книгу — «Произведения А. М. Горького в переводах на иностранные языки» (М., 1958) эти сведения не включены.

⁷ АГ. РД-Г-4-1-6. Произведения Горького указаны в том хронологическом порядке, как их переводил Мадани. О гонораре см.: *Архив Г.* 8. С. 238. Само издание не обнаружено.

1. Э. МАДАНИ — ГОРЬКОМУ

Около 4 марта 1923, Берлин

...Прочел «Бакунин в Дрездене»; веет плесенью и мертвецкою; Вагнер — не Вагнер, а Бакунин — какой-то карикатурный Илья Муромец¹. Читая эту книжку, припомнилась мне другая, написанная каким-то дураком-французом, в которой он изображает Л. Н. Толстого чуть ли не христарадничающим, днем и ночью расхаживающим по Москве предупреждать революционеров об <...> обысках, и впоследствии, освобождая их из тюрьмы благодаря своим хорошим «родственным» сношениям с царем. Есть люди, и даже хорошие писатели (Бунин, Чириков, Мережковский, Куприн и др.), ничего не смыслящие в эпохе, в которой они живут. Кстати: на царя они никогда не дулись и за пазухой его весьма хорошо ужились; ни на одно мгновение они не чувствовали себя оскорбленными в своем человеческом достоинстве, и к разным Бурцевым и Врангелям не уезжали. Но Ленин вот, мол, им не по нутру и, — черт побери Россию, над которой они проливали столько потоков интеллигентских слез, — давай мчаться на всех парах к доблестным генералам. А если уж трудно понимать, что делается в нашей эпохе, то зачем воспроизводить и восстанавливать лица дальних эпох, об общей психологии которых даже приблизительного представления иметь нельзя. Это искусственно, неискренне, а потому и веет холодом и карикатурой. Ведь недостаточно (повторяя Ваши слова) уметь писать более или менее грамотно, чтобы присвоить себе право надоедать нам, читателям: Федин — своей плесенью, Шкловский — своей биографией², которой мы не интересуемся, и в которой он нам повествует с бойкостью базарного продавца и кинематографическим языком, что, хотя он и еврей, но всё-таки оказывается полу-евреем или осьмушкой немцем; или про свое великое открытие, про которое мы, — читатели дураки, так-таки ничего не знали, а именно: что Х — хороший писатель, когда имя его даже кабиллам Абд-Эль-Карима известно. Про Россию же, мы ровно ничего там не узнали.

А Андрей Белый своей пляской слов³. Маленькие люди приезжают в Венецию: Большой канал обдает их не совсем приятным запахом, но в скромности воспитанные, они ничего не говоря, уезжают во Флоренцию наслаждаться ароматным запахом садов. Наслаждаются добросовестно, пропорционально потраченным деньгам, но в скромности воспитанные, совсем безмолвно, тем более,

что не испытывают категорического императива пережёвывать свое наслаждение. Но это ведь маленькие людишки, а А. Белому этого нельзя. Никак нельзя! Срамно-то как будет! И Гейне писал про свои путешествия, и Гёте... Быть в Италии и не обмолвиться о ней ни словом! *Vedere Napoli e morire*!!* Никак нельзя! И давайте пустословить об итальянцах, о философском атавизме арабов, которых он не знает, с которыми объясняться не умеет, в жизнь которых он не проник, хотя бы лишь потому, что он европеец, с которым ни один араб не позволит себе искренно поговорить. Мы же — дураки — читатели — должны принимать за чистую монету болтовню Белого и перелистывать 400 страниц одну за другою, в надежде найти хотя бы одну фразу с кой-каким смыслом, но увы, садизм Белого неистощим, ибо долго и медленно упиваясь дерганием наших нервов, мы доходим до последней страницы, ничего не находя, а в довершение — остаемся в пренеприятном недоумении: неужели мы — читатели, действительно, такие тупые идиоты, что ничего не поняли из 400 страниц полностью заполненных словами, или же наоборот... Но тут уж Белый сжаливается над нами, и, делая апологию своей книги, доказывает нам метафизически через а+в, что, действительно, тупые идиоты-то мы — дураки читатели. Спасибо и на том, что, по крайней мере, он вывел нас из недоразумения. <...> А я все-таки, закоренелый читатель-дурак, спрашиваю, зачем писать скучные и никому не нужные книги. Впрочем, я испытываю большую благодарность к Белому: ведь он мог бы написать своё пустословие в 20 томах, подобно тому как это сделал Romain Rolland лишь в 10 томах в своем «Jean Christophe», что наглядно доказывает беспредельность человеческой бессмыслицы.

Достал «Исповедь» Бакунина, с предисловием Вяч. Полонского⁴. То, что я уже из нее прочел, вполне достаточно характеризует Бакунина. Несмотря на все мое безграничное доверие к Вам (по совершенно особым причинам), мне трудно согласиться с Вами относительно неискренности «Исповеди». Вспоминается при этом прочитанное мною уж давным-давно тому назад: как-то К. Маркс, в своей газете, оклеветал Бакунина, подозревая его агентом русского правительства, когда тот находился в австрийских тюрьмах. Правда, Маркс, личность порядочно-таки антипатичная, хотя бы уж потому, что выдавал за свое то, что он самым бесцеремонным образом списывал у других (см.: *Les precurocurs du socialisme* — Предшественники социализма, Черкезова)⁵. Бакунин, узнавши про

---

* Увидеть Неаполь и умереть (*итал.*). — *Ред.*

выходку Маркса, обозвал его не то жидом, не то евреем. Все языки изобилуют ругательными словами, и он мог бы точно так же обозвать его подлецом и пр. и если он обозвал его жидом, это наглядно доказывает, как мало он отделался от предрассудков своего класса, и что в душе он всегда оставался барином-дворянином. *In vino veritas**, и одним этим импульсивным в гневном слове он всего себя высказал. Нечего поэтому удивляться, что и под влиянием долголетней тюрьмы в нем пробудился дворянин-интеллигент, с присущей ему склонностью к «раскаянию». В его «Исповеди» столько искренних нот и жалоб, присущих только русским «с душою нараспашку», что в искренности ее сомневаться невозможно. Бакунин хотя и писал, но беллетристом не был, и не мог поэтому так умело доминировать над своими чувствами, как это свойственно беллетристам доминировать над чувствами описываемых ими лиц. Он был просто интеллигентом, как все вообще интеллигенты, т. е. слабохарактерным, неустойчивым. А когда интеллигентам наступают на их интеллигентскую мозоль, они сейчас же давай кричать, как зарезанные свиньи. Поэтому-то в настоящее время такое несметное количество интеллигентных русских свиней находится за границей. А Бакунин... Ну да, разумеется, от этого паршиво на душе, но это по нашей же вине. Сказал же нам бог: не делайте себе ни кумиров, ни идолов, а мы едва успели свергнуть одного из них, сделали себе тысячи других фетишей. Фейербах, уставши смотреть на бога в небе, снял его на землю, а мы, не довольствуясь этим, делаем себе богов из каждого более или менее видного человека, и никак нас не переубедить, что человек есть только человек и больше ничего, со всеми его слабостями и маленькою подленькою человеческою душонкою <...>.

Почему я Вам пишу то, что Вам лучше меня известно? Ей, ей, не знаю. Должно быть, от слишком долгого одиночества, а может быть, потому, что некуда идти и не к кому обратиться и некем быть понятым. А почему человеку надо быть понятым? К чему и зачем? Вот что именно и есть сей дурацкий гвоздь жизни.

Ну и разболтался же я, не хуже Белого в Тунисе!

Эль Мадани

---

* В вине истина (лат.). — Ред.

2. ГОРЬКИЙ — Э. МАДАНИ

7 марта 1923, Сааров

Книги в Испанию я посылаю заказными бандеролями¹, почта берет за это довольно много, но никаких разрешений у меня не спрашивает. Вы, м. б., посылаете «посылкой»? Этого не надо делать, это будет считаться «товаром» и подлежит оплате пошлиной.

Спасибо за марки², троим ребятам Вы доставили искреннюю радость³.

«Созданные интересы», м. б., точнее перевести: «Искусственные»? О переводе этой пьесы⁴ я напишу Вам дней через 5—6, тут возникает вопрос места и времени.

Хорошо бы получить для «Беседы» книгу Сиерра о театре и литературе Испании⁵, мы напечатали бы ее частями, а затем, возможно, и отдельное издание.

Ваш взгляд на интеллигенцию стал теперь весьма обычным *интеллигентским* взглядом. Согласитесь, что его не мог выработать ни мужик, слишком мало знакомый с интеллигенцией, ни рабочий, слишком много обязанный ей, и уж, во всяком случае, обязанный всем своим политическим развитием.

Русская интеллигенция сегодня не впервые приходит к самоосуждению и самоотрицанию. Впервые это настроение — с особенной силой — было пережито ею в 70-х годах⁶. Ныне это тоже достаточно остро, хотя, порою, едва ли искренно, пример — «сменовеховцы»⁷. В общем же: всегда, ныне и присно, настроение это было, есть и будет болезненным и ошибочным. И — кстати — оно наиболее резко выражается людьми, которые не успели или не сумели «приспособиться» к жизни.

Я с начала сознательной жизни моей видел — с болью — огромные недостатки нашей интеллигенции, но видел и огромнейшие достоинства ее. Интеллигенция России — ломовая лошадь русской истории. Это та дрожжа, которая брожением своим подняла русскую массу на высоту революции небывалой по широте и глубине.

Я бы очень рекомендовал Вам пересмотреть и проверить Ваше отношение к этому вопросу, важному и объективно, и субъективно.

Секретарь «Беседы»⁸ не мог зайти к Вам, ибо не нашел времени, принужденный выехать из Берлина сюда в тот же день. Зайдет. Желая всего доброго и — здоровья!

7.III.23.

Saarov, больше ничего, это весь адрес.

А. Пешков

3. Э. МАДАНИ — ГОРЬКОМУ

15 марта 1923, Берлин

Берлин. 15/3-23

<...> Позвольте, Алексей Максимович, побеседовать еще с Вами об интеллигенции¹. Это не только важный вопрос вообще, но и очень мучительный для меня лично. От разрешения его зависит, какое направление или конец я дам своей теперешней жизни. Но раньше, чем начать — маленькая оговорка: я знаю, что в выражениях я резок и иногда саркастичен, но это не я, это набросанное, маска, за которою скрывается просто боль. Почему я ношу маску? Потому что 14 лет живу я за границей между чучелами, пустыми бочками, а в России — детство мое было одинокое и холодное, а самые лучшие переживания — во время революции 5—6 г.

Нет, мой взгляд на интеллигенцию не может быть интеллигентским, *сменовеховским*, хотя бы мой взгляд и совпадал со взглядом сменовеховцев, которых я совершенно не знаю. Я 14 лет вне России и в продолжение семи лет ничего о ней не читал; только теперь я начинаю сводить опять знакомство с нею. Говоря о себе как о сером, рядовом революционере, я в то же самое время говорю о тех легионах рядовых революционеров (русских) умерших, казненных, погибших, или еще где-то, как щенки, скитающихся по белому свету. Где мы воспитались? В казенных гимназиях или в семье? Это воспитание Вам известно. Настоящее наше воспитание от Белинских, Писаревых и др. Знакомство с деятельностью, жизнью и мучениями, начиная с декабристов до народников, Желябовыми, Перовскими и более близкими нашей эпохе, заставляло бурлить нашу кровь, негодование и т. п. все то хорошее или менее хорошее, что заставило нас избрать тот же путь. Кто нас поддерживал на нашем пути, в ссылках и тюрьмах? Писатели, беллетристы, драматурги. Лично у меня были товарищи по революции, но друзей не было. С детства ни ласки, ни любви не знал, а мой характер, совсем некстати, как раз и очень в ласке нуждается. Вполне поэтому понятно, что замкнутый в себе, моими лучшими друзьями были наши писатели, хотя лично знакомства я с ними не вел, но тем не менее любил их так, как никогда женщину не люблю. Я, как Петр или Иван, был им незнаком, но они, писатели, жили во мне. Леонид Андреев меня не знал, но зато как я его знал! Но он все-таки знал меня, потому что постоянно писал обо мне и, казалось, что он только единственно для меня и писал, а лучше его никто меня не знал². И вот

Андреев, хотя измучил и истерзал меня, но был мне самым лучшим другом, т. е. он был всецело во мне и я в нем, а иногда даже, он и совсем не существовал, а существовал только я, а говорил за меня некто Андреев, умеющий талантливо разъяснить меня, делая вивисекцию надо мною. А когда мать моя с горя умерла, вдали от нас, потому что отца отправили в ссылку, а меня арестовали, я, несмотря на все свое внутреннее одиночество, не заплакал, хотя я тогда еще очень юный был. А когда, находясь в одиночном заключении в Испании, изрядно потрепанный жизнью и мучимый еще более отчаянным внутренним одиночеством, я узнал о смерти Андреева³, я, — не привыкший плакать, разрыдался, хотя я очень стыжусь слез.

Но если Андреева я любил болезненно, или лучше, себя самого в нем, или его во мне, я тем не менее так же сильно, но более здорово, любил многих из других наших писателей. Но ни один из наших писателей не дал нам той бодрости и энергии, как Вы, со своими мало болтающими героями; их иронические усмешки нужны были нам, даже их резкость, за которой мы всё-таки чувствовали, если не любовь, то симпатию к нам. И вот каждый из нас делал свою маленькую, серую кропотливую работу, отказываясь от своего истинного призвания. Ведь мы же могли быть музыкантами, сапожниками, химиками, скульпторами и обнаружить и проявить кой-какие таланты, обзавестись пухленькою хозяйкою, домом, строить свою династию и жить, как все честные лавочники. Но мы отбросили все это, пошли другими путями, и на которых 90% из наших так или иначе погибло. Оставшиеся щенки — оказались после многих мытарств, в заграничном раю, голодными, ободранными, бездомными босяками, без языка, без ремесла, а т. к. мы были только рядовыми революционерами и членами Ц. К. не состояли, то, разумеется, помощи нам ни от кого не было. (Правда, я всегда был анархистом и от какого-нибудь Ц. К. мне нечего было ожидать, но это неважно, ведь я только один из многих.) Генералы же от революции, на Женевских или других озерах, с серьезным видом пережевывали притчи Марксова евангелия и спорили со своими противниками, генералами от какой-нибудь другой догматики, кто из них глубже вник в смысл 1393-ей притчи того же евангелия. Но за исключением таких генералов, я любил всю революционную интеллигенцию и нельзя было не любить ее. Щенки же, несмотря на всю свою одинокую, скитальческую и голодную жизнь, продолжали свою работу среди всей Европы, и где всегда и везде они чувствовали себя одинокими, не воображали, что можно перестать

быть революционером, раз избрали это ремеслом. Единственным отголоском того, что когда-то было и никогда не переставало быть им близким, были произведения русских писателей. Правда, ни одному из русских писателей не пришло в голову поинтересоваться, как⁴ живут эти бездомные щенки среди заграничных пустых бочек, но они этого и не требовали; им достаточно, и даже праздником было, достать и прочесть произведение любимого писателя. Это было единственным лучом солнца в их более печальной жизни, чем жизнь мужицкая, описанная Подъячевым. Есть писатели, которым обидно быть учителями кого бы то ни было, — искусство, мол, для искусства, а не для черни, хотя бы и интеллигентной. Что же поделаешь, молодо-зелено, мы были юными, наивными, и писатели были нам чем-то большим, чем учителями. Но были и другие писатели, не считавшие это обидным для себя; наоборот, они нам прямо указывали, что делать. Писатели же вообще — высший слой интеллигенции, а т. к. пишут для общества, класса или партии или группы, то самое меньшее, что можно требовать от них, это ответственность за то, что пишут, точно так же, как рядовой революционер, если он не мерзавец, должен быть ответственным за то, куда он хочет водить за нос мужика или рабочего, если это ему удастся.

Чего хотели мы все, и писатели, и революционеры? Свержения чего-то и лучшего будущего. Но все те погибшие революционеры и оставшиеся щенки вряд ли бы согласились погибнуть или оставаться щенками единственно для того, чтоб в угоду Бурцеву свергнуть царя и дать ему Бурцеву возможность стать начальником охраны и устроить специальную говорильню пустословья для Милюкова и ему подобных Мартовых⁵ и проч. Ведь мы же, щенки и не щенки, на собственной нашей шкуре извели все наслаждения европейской цивилизации. И вот революция свершилась, и генералы Женевского озера на всех парах скачут в Россию воспользоваться кто чем лучше (*post factum* конечно!). Когда все более или менее улеглось, оказывается, что интеллигенту Бурцеву не того хотелось, ему просто хотелось натравить наивного революционера, чтоб убить царя и не больше. Наивный революционер был бы убит, а Бурцев в награду получил бы охранку. Но получив ее, он старался натравить всю Европу на Россию, которую он, ах как любил. Не буду говорить про тысячи подобных ему интеллигентов. Не буду говорить и о тех интеллигентах, которые проникши в самую бездонную глубь смысла такой-то марксовой притчи, черным на бело доказывают, что раньше нужно осуществить минимум, а уж затем... ну затем все что угодно, найдем способы еще пуще прежнего

обмануть рабов и рабочих скотов. Обо всех адвокатах, нотариусах и прочей гнили, в продолжение тысячелетий бывших столпами «закона правосудья», т. е. рабства, а теперь, за неимением дела, потерявших свои паразитные привилегии, говорить не стоит. Это та интеллигенция и подобные им лавочники, которые так хорошо негодуют в разных заграницах. И вообще, большого доверия ко всяким профессионалам — интеллигентам и их представителям в разных с.-д. с.-р. и др. партиях, мы чрезмерно не питали даже с первой революции 5—6 г., которая породила хотя маленькое, но вполне обоснованное движение «Махайщина» или — «Махаевщина»⁶, т. е. анти-интеллигентское, хорошо предвидя экономическую подкладку этого четвертого сословия. Но если в России нашлись и феодалы, и графы и князья, ставшие вне своей классовой подкладки, почему же с интеллигентами этого случиться не может? И, действительно, немало их было, и народников и с.-д. <нрзб> на к<аторге> и др. Были, разумеется, и такие, которые рассчитывали на устройство себе легкой политической карьеры и подобн. Но чего же ждала для себя та часть хороших русских писателей, которая звала нас к революции, которую мы лелеяли и взлелеяли в душе, произведения которой мы никогда без волнения не читали, и которая так искусно обманывала⁷ нас на протяжении стольких лет, изменила нам, всему и всем. Бакунин обратился со своей исповедью к царю, но он нам не изменил, он испортил лишь цельность картины, а у нас некоторое тяготение к красоте. Но кто посмеет бросить камнем в Бакунина? Он не только писал, но и сам был рядовым революционером, вел ту же голодную и скитальческую жизнь что и мы, и долгие годы в тюрьмах и, кто из нас, бывших в тюрьмах, посмеет упрекнуть его? Никто, полагаю, разве лишь господа чистые эстеты, но те тюрьмы никогда не изведали. Но почему же нас обманули и так ехидно и подло изменили некоторые писатели? Для чего звали они нас на голодную и тюремную жизнь⁸? Я — аморален и мне нечем упрекнуть их, но всё-таки что за болотная грязь или садизм в их душе, чтоб спокойно знать всю историю того, чем мучилась и страдала Россия на протяжении столетий, а в момент, когда там происходит перемена к лучшему, нагло изменить и действовать как самые худшие... из Бурцевых, что ли! Но Бурцев ведь малая шишка, где же ему сравниться с писателем всем народом любимым! Да разве Бурцев когда-нибудь копался в наших душах и был ли он когда-либо для нас тем, чем русский писатель-беллетрист. И вот Куприн восхваляет доблестную врангельскую армию в продажной газете продажного Бурцева и зовет Европу на истребление

России и революционеров, которых он так ловко обманул. Бунин — <нрзб>! Чириков⁹, написавший «Еврей»¹⁰, стал помощником явно-го погромщика. Зачем перечислять их всех? И этих достаточно! А все-таки я не понимаю, к чему и для чего им понадобилось так низко и жестоко издеваться над нашей душой, и я, Алексей Максимович, очень прошу Вас объяснить мне это, Вы их лично знали, и мне это нужно, нужно потому, что если наш писатель, человек живой, чувствующий и мыслящий, не какая-нибудь заграничная пустая бочка, не в состоянии быть человеком, то кто же тогда будет когда-либо человеком? И зачем тогда делать¹¹ революцию и писать книги и жить вообще, если это только для того, чтоб можно было нажраться больше теперешнего. И зачем тогда продолжать мне жить, мне лично, с одиночеством и тоскою, когда достоверно знаешь, что жизнь чепуха и чепуха, а не будешь жить, то и то, чем страдает сосед, перестанет волновать тебя, а страдающий сосед тоже ведь когда-нибудь да умрет или убьет себя, ну и успокоится, да и на кой чёрт жить ему?

Все это бессвязно и уродливо написано, я знаю, но я и не старался делать статьи, а просто самое что ни на есть простое письмо, как «бог на душу положит». Вот точки над *i* не нужны.

Ещё несколько слов о моем доверии к Вам. Доверие это от Ваших произведений! В них сила вообще и в меня они её влили; в них чувствуется, что Вы всегда остаетесь самим собою, не поддаваясь ничему, а к сильному человеку всегда чувствуешь доверие. То, что Вы, не будучи совсем согласны с режимом, остались в России, увеличило это доверие, потому что ясно было зачем и почему Вы остались. Не буду говорить о Вашем влиянии на меня, потому что боюсь, что могу выразиться так, что это покажется лестью, и это неприятно. Но я Вам очень благодарен и очень люблю за то, что Вы — Горький и Горьким остались. Даже пожатие Вашей руки чисто горьковское, выразительное, сильное и русское. Вы не догматик и поэтому Вы нам очень близки. Даже когда Вы нас браните, — и поделом, — Вы близки нам; в этой брани чувствуется искренность, боль и любовь и это еще увеличивает наше доверие к Вам. А самое главное это то, что с Вами мы не чувствуем себя совершенно одинокими.

Ну будет.

Желаю Вам всего доброго.

Эль Мадани

Только что получил письмо от М. Сьерра.

Письмо Ваше они получили и на днях напишут Вам¹².

4. ГОРЬКИЙ — Э. МАДАНИ

16 марта 1923, Сааров

Дорогой Мадани,

разумеется, Ваше письмо, — слова честного человека, искреннего революционера — очень взволновало меня¹. В нем есть вопрос, давно знакомый мне, и страшный вопрос человека — «просто» к человеку — «вождю»: «Для чего звали нас на голодную тюремную жизнь?»². Сейчас вопрос этот ставят в России сотни и тысячи людей и, — поверьте! — я не преувеличу, сказав, что мне приходится отвечать на него два, три раза в месяц. Не скрою: отвечать на него мне всегда трудно, и, отвечая, я всегда впадаю в противоречие с моей, революционной совестью.

Я говорю вопрошающим — и Вам, в их числе: «Известная часть русской либерально и радикально демократической интеллигенции могла идти с вами только до границ конституционной монархии, до республики демократической и — в лучшем случае — до государственного социализма». Близорукого человека нельзя обвинять за то, что он близорук, пороки органические — вне моральных оценок. Человек еще не урод только потому, что рост его 2 аршина 5 вершков, а не два-десять. Не забывайте, что близорукие и пятивершковые люди сыграли огромную роль политических воспитателей ваших, роль дрожжей, поднявших, в конце концов, русскую, тяжелую массу на высоту самой грандиозной революции, когда-либо бывшей в мире, не забудьте это им в прошлом и не забудьте *о них* в настоящем. И т. д. в этом духе. Но — так говорит разум человека, знающего людей и привыкшего относиться к ним снисходительно... «Выше головы не прыгнешь» — это очень верно. А вслед за этим пред лицом *моей* совести встают люди, которые говорят и пишут *мне* так, как Вы, люди, оскорбленные, с надорванным сердцем. Это — самые близкие мне и самые дорогие для меня люди, с ними я жил всю жизнь, с ними и живу. Их боль — моя боль и вопросы их — мои вопросы. И по требованию и совести, и *воли* я должен бы идти с ними.

Отсюда начинается противоречие, принимающее совершенно реальные и практические формы. История сделала так, что люди масс, — крестьяне, рабочие, — совершенно лишены организаторских талантов, и — более того: они *по воле* своей органически сопротивляются организационным требованиям во всех случаях, когда эти требования не ставят пред ними близкой, вполне конкрет-

ной и легко достижимой цели. Они воспитаны историей индивидуалистически, и социализм для них не путь ко всеобщей справедливости, но средство удовлетворения частных и личных интересов. Взяв в свои руки власть, русская масса перестала не только работать, но и думать о завтрашнем дне, хотя бы так мало думать, как думают муравьи, пчелы, осы. Ей необходимы организаторы антииндивидуалистического характера. Когда умирающий Ленин³, ломовая лошадь истории, вопит: «Нам бы хоть немного хорошей буржуазной культуры»⁴, он, этими словами, говорит лишь о недостатке в стране организующих сил, о том, что основа культуры, дорога в будущее — труд человека трагически понижается в продуктивности своей. Никогда еще ценность интеллектуального организующего начала не была так высока, как сейчас на Руси. Нам нужны десятки тысяч и сотни агрономов, инженеров, врачей, учителей, нам необходима огромная армия интеллигентов-рабочих.

Бурцев, Куприн — все люди этой линии — прошлое, оно не нужно никому и даже не интересно⁵, интересен и необходим рядовой интеллигент, способный что-нибудь делать, работать, учить работать. То, что называется «завоеваниями русской революции», может быть укреплено только разумным и бескорыстным трудом, — таким же бескорыстным, каким был труд наших рядовых революционеров. Увлеченный поглощением ничтожных благ, которые принесены революцией, рабочий и крестьянин, в массе своей, живет иллюзией прочности этих благ и меньше всего заботится о расширении их как базиса дальнейшего развития революции.

Все это сказано мною очень схематично⁶, и, должно быть, неясно, но я очень скверно чувствую себя: подавлен сведениями о Ленине, которого люблю, у меня кровохарканье третий день и еще куча сквернейших известий отовсюду. Безнадежен Мартов, умирает Потресов⁷ — первые строители партии. Возможная, — почти неизбежная — смерть Ленина отзовется очень скверно на всех делах России.

«Беседа» выйдет в апреле⁸. Не напишете ли Вы об убийстве Vidal y Planas?⁹ Очень прошу.

«Дон Жуан Испанский»¹⁰ — конечно. Ибо, кроме Tenorio, был еще Д. Жуан Австрийский¹¹.

Иглезиас'а, разумеется, давайте¹².

Мне очень хочется видеть Вас, но я переехал из санатория в какой-то идиотский трактир, грязный и шумный¹³, скоро — в апреле — перееду на дачу, и тогда Вы, м. б., приедете?

Будьте здоровы. Спасибо Вам за дружеское отношение ко мне, это меня очень трогает.

Желаю Вам всего хорошего.

Работайте!

А. Пешков

16.III.23.

5. Э. МАДАНИ — ГОРЬКОМУ

20 марта 1923, Берлин

...Очень жалею, что сейчас же не мог ответить на Ваше письмо. Я им очень тронут¹, больше нежели я это словами выражу, и мне особенно ценно все то доброе и сложное, что побудило Вас ответить мне немедленно и так обстоятельно, и это, находясь в плохом состоянии здоровья <...>.

Хотя и схематично² все то, что Вы мне говорите, но оно вполне ясно и законченно, и я думаю, что понял и то, что Вы не сказали; у меня некоторая привычка вдумываться в недосказанное. Вы хорошо разобрались в моем бессвязном письме и отлично поняли то, что меня особенно мучило. Скажу больше: мне нужны были эти разъяснения, именно, от Вас; я был на распутьи и никак из него выпрыгнуть не мог, а теперь мне ясно, что, где и как мне работать, да и того полного одиночества, как прежде, нет больше во мне. Конечно, я уеду в Россию лишь только здоровье мое несколько поправится³. Специальных технических знаний у меня нет, но я владею 6-ю языками, могу быть учителем, наборщиком, да, впрочем, чем угодно, лишь бы действительно быть полезным. Я об этом подробнее поговорю, когда приеду к Вам. Большое спасибо Вам за приглашение⁴. И мне очень хочется видеть Вас; я приеду, когда это Вам удобнее будет. Еще раз, спасибо.

Об убийстве Vidal у Planas я, разумеется, напишу, но я попросил бы Вас сказать мне желательно ли это для Вас лично, или для «Беседы» <...>⁵.

Относительно «Беседы» в «Накануне» я прочел, что в числе сотрудников «Беседы» есть и М. Сьерра. Это не совсем правильно: Сьерра много в Испании, нужно писать Мартинес-Сьерра, т. к. Мартинес не имя, а фамилия (имя: Грегорио и Мария).

По газетным сведениям, здоровье Ленина поправляется. Верно ли это, я не знаю, но знаю, что он очень России нужен...

Эль Мадани

Berlin 20/<марта> — 23⁶.

6. ГОРЬКИЙ — Э. МАДАНИ

24 марта 1923, Сааров

El. Madani.

Об убийстве Vidal — надо для «Беседы»¹.

Объявление набрано весьма нелепо, будет исправлено².

Здоровье Ленина — весьма плохо³, общее убеждение: к работе он навсегда неспособен, так сообщают из Москвы немцы-медики⁴.

Я убедительно прошу Вас с отъездом в Россию не торопиться⁵. Сначала приведите в порядок Ваше здоровье⁶ и, по возможности, ознакомьтесь с положением вещей там, дабы не испытать разочарований. Разумеется — там не так плохо, как пишут газеты эмигрантов, но и не так великолепно, как рассказывает «Накануне»⁷. Вам надо понять, что Нэп⁸ чрезвычайно сильно спутал игру сил революции и все более путает ее, вовлекая в свои делишки огромное количество людей и развращая их. Он неизбежен, Нэп, но — как возбудитель работы, труда, на что и рассчитывали, допуская его бытие. Но он превратился в чистую торговлю, в спекуляцию остатками богатств и товаров, в игру бумажными деньгами. И — в разврат. Культурных сил, честных людей, которые могли бы сдержать Нэп в границах полезного, не хватает.

Но, разумеется, кроме затруднений, созданных Нэпом, в России много и других: все они требуют огромного количества организованных сил для того, чтоб преодолеть их. Учтите это. Сейчас каждый честный человек — величайшая ценность, каждая здоровая энергия имеет небывалое значение.

Я очень тронут Вашим дружеским письмом и тревогой о моем здоровье, — спасибо Вам!

Но — все уже прошло. Здесь превосходная погода, и я дышу свободно. Ехать же в иную страну — не могу; во-первых, здесь у меня дело, журнал⁹, во-вторых, — для жизни в странах с высокой валютой у меня нет средств.

Крепко жму Вашу руку. Берегите себя.

А. Пешков

24.III.23.

Saarow (Mark)

Furstenwalde

7. Э. МАДАНИ — ГОРЬКОМУ

27 марта 1923, Берлин

Дорогой и уважаемый Алексей Максимович, я Вам весьма благодарен за все те сведения, которые Вы мне даете о России. Из бесед с Вами я узнал о ней больше и точнее, чем из всего прочитанного мною в русских и заграничных газетах, хотя уже давно я научился читать между строчками. Все же сказанное Вами — особенно ценно, потому что «между строчек» в нем искать не приходится, и потому что Вы — именно Вы; и это не будет фразеологией, если я скажу, что Россия для меня теперь, и все то хорошее, большое и мучительное, что меня когда-то и всегда связывало с нею, выражается в Вас. Это вполне естественно, хотя, быть может, несколько туманно, но я не привык к излишностям и очень стесняюсь говорить о себе. От России же, как ни отделаться, никогда от нее не отделаешься. <...> Разочарования? Разочарованиями я, кажется, всю жизнь живу, с того момента, как держась юбки мамы, я заметил, что и она боится быть перееханной трамваем, а я так был уверен, что трамвай может всех переехать, но маму — никогда! Ведь мама... и т. д. Есть большие и маленькие разочарования: когда я в первый раз очутился в Париже, то первым делом, пошел посетить «товарища» Жан Граву. Шутка ли сказать: ведь ученик он Кропоткина, вместе с ним в тюрьме жил. Ну, а когда узрел его, то и глазам своим не поверил: самое обыкновенное лавочническое лицо, порядочное брюшко; и сидит наш страшный анархист за прилавком, спокойно продавая пятисантимовые брошюрки собственного издания. И, конечно, как честный и уважающий себя француз, и он оказался патриотом, посылая других на войну. Это безопаснее и куда прибыльнее.

Да, в России сейчас не то, мы читали про «на следующий день после революции», но мы анархисты знали, что революция — это постоянная продолжительная борьба, даже после того, как осуществится анархическое общество. Революция не пошла в ту сторону, в какую мы бы хотели, надо поэтому еще поработать, но эта же революция уж немало упразднила и немало предрассудков изъела из обращения. Это — ценно.

В России не все благополучно обстоит, наоборот, даже. Но, если бы там все благополучно обстояло, тогда зачем бы ей нужен я и тысячи мне подобных в таком море людей как Россия, где я только песчинка. И если в худшем случае, я лишь замену там какого-нибудь взяточника — чиновника, то это уже будет одним маленьким злом меньше. Многое из того, что происходит в России, удивляет меня. Я думал, что при диктатуре можно было бы совершенно

упразднить проституцию, влияние и последствия которой Вам куда лучше известны, чем мне. Но в России все так сложно, вся ее история так мучительна, что я не осмеливаюсь судить о чем бы то ни было, находясь вне ее. Нужен ли был «НЭП»¹ или нет — я не знаю, можно ли было заменить его чем-нибудь другим — как анархист — я полагаю, что это было возможно. Но я всегда старался не быть сектантом. При том, Вы знаете Россию и всегда там жили, и Вам лучше знать. Но «НЭП» опасная вещь. «НЭП» опасен не только сам по себе, но и неизбежными с ним последствиями: разворотом и проституцией, не говоря уж о том, что порождает новую буржуазию и то, на что она «в душе» надеется. И с этим надо бороться, в особенности, когда предстают все те, которые боролись и погибли за осуществление чего-то лучшего в России. Медлить или колебаться уехать в Россию — я *никогда* не медлил. Еще при Керенском я собирался уехать, но, к сожалению, перипетии моей заграничной жизни были хуже губернаторских положений, и чтобы спастись от полиции Трех стран, я тогда очутился в Африке и не мог выбраться из нее. Позже, я должен был уехать в качестве переводчика с франц. социалистической миссией, но и этого ничего не вышло. А два года тому назад, из Антверпена перед моим носом отправили пароход с русскими в Россию, но меня не допустили, т. к. тогда я был итальянцем. После же — новые перипетии и тюрьма, а затем болезнь, операция и т. п. Да и, вообще, не многим пришлось пережить такую горькую и сложную заграничную жизнь, как мне. Но говорить об этом и больно, и неинтересно. — Что меня колебало, так это не поездка в Россию, а, вообще, стоит ли жить и работать, потому что с некоторыми разочарованиями я никогда, должно быть, не сумею примириться; не примирюсь, потому что не понимаю, а так хотелось бы пробить стену, чтоб понять. И думается, что понявши, тогда и примириться, и забыть легче...

Торопиться с поездкой в Россию, к сожалению, я не могу, мне придется, должно быть, 2—3 месяца лечиться <...>. В России <...> болеть никакого смысла не имеет². Уеду я туда довольным, если дадут мне быть полезным, но и с грустью, потому что никого у меня там нет кроме сестры, которую разные там исполкомы посылают то в Москву, то в Саратов, то в Орел; но что меня особенно смущает, так это Мартинес Сьерра, которых я очень люблю и которые и ко мне привязались и многое уже для меня сделали <...>. Они — славные люди и в них много русского.

<...> Не странно ли и больно подумать, чтобы у одного из самых искренних писателей, давших уж так много, не было средств на то, чтобы подышать более теплым необходимым воздухом³. Ваши произведения просто не вполне использованы, и я очень про-

шу Вас позволить мне поговорить об этом с секретарем «Беседы», если он зайдет ко мне, или же когда я в Saagow приеду <...>. Без Ленина дела в России, может быть, примут плохой оборот, но без Вас — куда ужаснее; это обречь нас на пожизненное удручающее одиночество. Это не фраза! Мы живем в эпоху очень печальной действительности и если мы поголовно не кончаем самоубийством, то это потому, что Вы с нами, и надо долго еще продолжать быть с нами. Непременно надо мне поговорить с секретарем!

Очень прошу ответить мне по этому поводу.

Желаю Вам всего доброго.

Эль Мадани

P. S. O Vidal у Planas напишу для «Беседы»⁴.

Berlin, 27/3-23

8. ГОРЬКИЙ — Э. МАДАНИ

2 апреля 1923, Сааров

Дорогой Мадани,

к Вам звонила Мария Игнатьевна Закревская, секретарь журнала¹ и мой добрый друг; я просил ее навестить Вас и узнать: не нуждается ли Вы в чем-либо? Сейчас она уехала — до 10-го числа — в Эстонию к своим детям, возвратясь — зайдет к Вам. Я просил также зайти к Вам Виктора Шкловского², он мог бы снабдить Вас всеми книжными новинками, да и вообще знакомство с ним, вероятно, было бы полезно для Вас, хотя бы тем, что развлекло. Он — умный человек, с ним интересно спорить. Он хорошо знает Россию, дрался с Врангелем, жил в Персии, очень много испытал³.

Тревожит меня состояние В<ашего> здоровья и Ваше настроение. Больше бодрости и веры в себя, — это всего крепче ставит на ноги!

А. Пешков

2-IV-23.

Saagow

9. Э. МАДАНИ — ГОРЬКОМУ

5 апреля 1923, Берлин

...Чем больше я знакомлюсь с теперешней Россией, с психологией ее новых людей, тем больше и сильнее сознаю насколько Вы нужны мне и многим мне подобным. Мне вполне понятна их

грубость, жестокость и утилитарность, я их оправдываю и считаю даже нужными до некоторой степени. При всякой революции, а тем более в России, выплывает наружу некоторая, столетиями спящая гниль, от которой нужно защищаться и отстоять завоеванное этой же революцией. К сожалению, прибегая к некоторой жестокости, даже лучшие из людей, незаметно меняются и уклоняются от своей первоначальной человечности, которая побуждала их стремиться к чему-то лучшему. Это хотя и понятно, но печально и отчуждает. И я рад, очень рад, что благодаря Вам, и несмотря на все, я не только не чувствую себя одиноким, но всякий раз, когда Вы мне пишете, я ощущаю что-то теплое; Вы многое затрагиваете во мне и я хотел бы как-то иначе благодарить Вас, чем мертвыми, с трудом из горла вылезавшими словами, — я — какой-то внутренний дикарь — но я не знаю как. Постараюсь во всяком случае последовать Вашему совету, хотя мое настроение с некоторого времени пришлось к лучшему <...>

Р. С. Не знаете ли Вы вышла ли уже «Этика» Кропоткина¹? Есть ли что-нибудь нового Зоценко и Подъячева²? Издана ли уже «Беседа»³?

Эль Мадани

Берлин, 5-го/4-23.

10. ГОРЬКИЙ — Э. МАДАНИ

17 апреля 1923, Сааров

Дорогой друг — не везет мне! Был на днях в Берлине, промочил ноги, простудился и сбежал в Сааров, увозя с собою дьявольский бронхит, кашляю, чихаю, голова трещит, не могу работать.

М<ария> И<гнатъевна>¹ еще не вернулась из Эстонии. Шкловский куда-то пропал, говорят — в Дрездене².

Куда же Вы едете³? Мне совершенно необходимо видеть Вас перед отъездом и уговориться о разных работах Ваших⁴. Очень жду Вас!

Простите, не могу писать, отчаянно болит голова и замаял кашель.

Жму руку.

А. Пешков

17.IV.23

11. ГОРЬКИЙ — Э. МАДАНИ

5 июня 1923, Сааров

Дорогой Мадани,

получил Ваши письма¹, чудесный подарок из Венеции² и миниатюрное издание Савонаролы³ — сердечное спасибо Вам, милый человек.

Очень огорчают меня Ваши жалобы на состояние здоровья, и боюсь я: не поддерживаете ли Вы Вашу болезнь самогипнозом, слишком упорно фиксируя мысль на этой точке? Разумеется, я знаю: «В здоровом теле здоровый дух», но я плохо верю в это, а неверию учит меня Белинский, Гейне и множество других людей большого тела, но здорового духа.

Вот и я тоже болен настолько, что сегодня еду в Шварцвальд по настоянию доктора⁴; у меня температура, кровохарканье и все прочее, что полагается туберкулезному. Но — не жалуюсь и бодр, чего сердечно желаю Вам. Уверен, что солнце Италии и морской ветер вылечат Вас. Главное же: будьте бодры несмотря ни на что. Лозунгом таких ребят, как мы, должны быть слова: «Они свое, а мы — свое». Они — это все злые силы жизни: болезни, политика, дурная погода, пошлые люди...

О дурной погоде: за весь май здесь было три солнечных дня, в июне — ни одного еще.

О хороших людях: вчера на меня точно с неба свалились двое: учительница и рабочий металлист, Александр Эстрин⁵, бывший анархист. Они четыре года путешествовали по Востоку — Китаю, Индии, были на островах Бали, Яве, Гаити и т. д., собрали 25 ящиков коллекций по зоологии и этнографии, а теперь едут в Россию, везут свои коллекции в дар Академии Наук. Эстрин — специалист по пайке металлов кислородом, зарабатывал в портах кучи долларов, гульденов и т. д. и покупал разные вещи.

Но — они уже несколько месяцев хлопочут о визе в Россию, огорчены грубостью и невежеством русских чиновников, им угрожают взять за их подарок России дьявольскую пошлину в десятках, миллиардах! Чорт знает, как глупо! И люди поедут уже с предубеждением к ней. Эстрин — еврей и очень огорчен, конечно, русским антисемитизмом. Сейчас еду в Берлин, устраивать его дело.

До свидания, дорогой! Живите в Италии побольше⁶, это Вам полезно. Жму руку.

А. Пешков

5.VI.23.

12. Э. МАДАНИ — ГОРЬКОМУ

Около 4 сентября 1923, Ницца

...Сейчас я занят переводом Ваших рассказов на испанский. Они выйдут в двух книгах того же формата и издания, что и *Don Juan de España*¹. Мною уже переведены: Двадцать шесть и одна; Человек; Мать; Калинин; Женщина; Страсти-Мордасти; Книга; На Чангуле; Рождение Человека; Едут... К сожалению — Весельчак не переводим. Приготавливаю Ваши рассказы ко второй книге. М. Сиерра² помогла мне во всем том, что у Вас в стихотворной форме и т. п. Я очень доволен переводами, потому что Ваш стиль и ритм вполне сохранились. В Испании Вы в первый раз появитесь³ настоящим русским, а не французским, т. к. то, что до сих пор появилось на испанском, было переведено с французского...

Эль Мадани

13. ГОРЬКИЙ — Э. МАДАНИ

8 сентября 1923, Гюнтерсталь

Дорогой Мадани,

статью о женском конгрессе я получил с большим опозданием¹, в измятом, испачканном виде: она оказалась очень субъективной, небогатой фактическим материалом, и напечатать ее в «Беседе» я, к сожалению, не могу.

«Беседу» вышлю Вам — и 1-й, и 2-й NN-а — на днях.

Дрофа² крупная, степная птица, кажется, иначе ее зовут: стрепет.

«Мордасти» — едва ли переводимое слово; это — от морда, по-французски — енюзо.

«Страсти-мордасти»³ можно, пожалуй, перевести так: «Страшные морды».

Из пьес Пиранделло была бы интересна «Шесть действующих лиц в поисках за автором»⁴, но ее, кажется, переводит уже Анжелика Балабанова⁵.

Известна ли Вам «История махновского движения» и две другие книги, изданные русскими в Берлине⁶? Если не знаете — сообщите, пришлю⁷.

М<арии> И<гнатьевны> нет здесь⁸, она давно, еще в июне уехала в Эстонию, скоро вернется.

Я за это время перенес два хороших бронхита, но сейчас — благополучен. Зиму буду жить здесь:

Freiburge Günterstal.

Тороплюсь послать письмо и — кончаю. Очень рад, что получил весть от Вас, думалось тревожно. Будьте здоровы!

А. Пешков

«Дон Жуан» будет печататься в России, куда его послали уже⁹.
Статья об Иглезиасе еще ждет своей очереди¹⁰.

Привет мой обоим Сиерра¹¹.

Крепко жму руку.

А. Пешков

8.IX.23

Freiburg. Günterstal

M. Gorki.

Чинец — должно быть, синец, самец синицы¹².

14. Э. МАДАНИ — ГОРЬКОМУ

Конец сентября 1923, Сан-Ремо

Дорогой Алексей Максимович,

письмо Ваше получилось вовремя, но в мои руки попало лишь несколько дней тому назад, и то через специального курьера из Мадрида. Дело в том, что я был в Париже и по доносу «друзей» — прелести послевоенного времени — тамошние блюстители прогресса слишком усердно заинтересовались моей скромной личностью и мне поэтому пришлось «скоропостижно» уехать. И вот временно я в Италии, в ожидании лучшего исхода. <...> По поводу книг: конечно, я буду очень рад, если Вы сможете послать мне о махновском движении, по беллетристике и пр.¹ Тут у меня даже простой русской газетки нет. Очень благодарю. <...> В предыдущем моем письме я сообщил Вам, что было бы желательно предисловие к испанскому изданию Ваших рассказов. Насчет этого Вы забыли ответить². Если Вы полагаете, что оно не излишне, будьте добры сделать это по-возможности скорее и послать мне для перевода, т. к. первую книгу рассказов уже набирают <...>.

Но с Вами мне хотелось бы поделиться следующим: переводя Ваш рассказ «Мать», я думал про себя: написали ли бы Вы этот рассказ, если бы Вы скитались за границей так, как Вы скитались в России? И я полагаю, что нет, потому что в иностранной женщине

нет ничего того, чем живет русская женщина, что каким бы хулиганом³ не был бы самый подлый из россиян, в нем все-таки найдется что-то «человеческое» и чего нет даже у очень порядочного иностранца.

Сопоставляя всю историю России с историей прочих стран, факты, наблюдения и т. п., я, несмотря на всю кажущуюся нелепость, прихожу к тому заключению, что русские — совсем особая порода людей; <...> у иностранцев нет того «живого» — человеческого (в нашем русском смысле), чем отличаются русские, или то есть, что русские совсем особая порода людей⁴. Пишу я Вам лишь маленькое бессвязное письмо, а не докторскую диссертацию, но вот маленький из многочисленных примеров: многие из русских писателей всемирно известные: Тургенев, Достоевский, Толстой, Вы... Но иностранцы их читают не так, как мы, их не волнует то, что нас в них волнует, они даже не понимают этого волнения и считают нас сумасшедшими. То, что они понимают, это единственно: красиво написано! Даже лучшие из иностранных писателей не понимают того, что наших писателей и нас волнует. Впрочем, у всех них очень мало искренности и поэтому они так отличаются от наших писателей. Вы как-то писали, что со смертью Толстого⁵ Вы почувствовали себя одиноким. Многие из иностранцев (писателей) очень этому удивляются, им это непонятно, а нам — понятно. Вот тут-то и вся суть. И вот почему нам так трудно жить в подобной атмосфере. Неясно, но Вы поймете...

Эль Мадани

15. Э. МАДАНИ — ГОРЬКОМУ

20 ноября 1923, Сан-Ремо

...Надо знать при каких условиях я работал: болезнь, истощение сил, преследования, забота о ежедневном пропитании, невозможность найти себе работы ввиду исключительного положения, несравнимого с каким бы то ни было губернаторским, постоянно переезды, а из Мадрида торопят — покончить поскорее с переводом Ваших рассказов <...>¹.

За посланные книги — большое спасибо². Я уж кое-что читал об этом в наших <нрзб>, заграничных газетах, но, конечно, не так обстоятельно. Это хуже николаевских времен. Г<оспода> политики от старых приемов не отказываются: идейный противник мешает — следовательно — он провокатор, изменник, погромщик и

т. п. А лучшую молодежь так самоотверженно отдавшуюся... посылают в Сибирь на гниение, расстреливают, и даже от мордобитья не отказываются. Подлые, подлые людишки! Хотелось бы уйти от всего и всех, не видеть больше людей, хамьё, кретинов, умных негодяев, но злоба растёт и удерживает. Когда читаешь про мордобитие, сам ты чувствуешь себя избитым и хочется отомстить. Даже Спиридонову три года продержали³! Никогда даже еврейский бог не проявил такой мстительности! Что ж! Последняя война не будет последней, пусть и последняя борьба не будет последней! Не все мы еще околели.

Почему бы Вам и в самом деле не приехать в Италию? Если газеты не врут — жизнь в Германии теперь дороже, чем в Италии <...> Сравнивают человека с животным. Нахожу, что подобное сравнение оскорбительно для животного и вовсе им не заслужено. И физически, и нравственно. Оно живет чище человека. Я со многими животными знаком, знаю их обычаи, уловки и т. п. и чувствую себя ближе к ним, чем к людям. И не будь во мне злобы, ушёл бы от людей, чтоб жить с животными. Да, очень даже не удались людишки, по собственному Вашему выражению.

Ну, всего лучшего.

<...>

20/XI-23.

Эль Мадани

16. ГОРЬКИЙ — Э. МАДАНИ

5 декабря 1923, Прага

Дорогой Мадани,

ничем Вы меня не обидели¹, но, — кажется, — я обидел Вас моим письмом², написанным спешно и сухо? Если — так, не вменяйте мне в вину эту сухость, верьте, что она звучит в моем письме к Вам, так это вызвано только каторжным количеством работы, одолевающей меня. Только этим.

По поводу письма к Барбюсу: писать ему³? Разумеется, я не понимаю это письмо как просьбу о «помиловании», — с чего Вы это взяли, чудаки? Мне кажется, Вы не должны бы подозревать меня в том, что я могу поставить Вас в неловкое положение пред Б<арбюсом> или кем бы то ни было.

О марках, Вы, сударь, рассуждаете ригористически⁴. Вы поймите: это не только дает детям некоторое удовольствие и расширяет их географические познания, но — в данное время — и подкармли-

вают их. Продавая в лавочки дубликаты, дети покупают хлеб. Положение детей в Германии — ужасно. Америка организует широкую помощь им, но когда-то еще явится эта помощь, а пока — дети голодают.

Дети и ученые, профессора. Вообще в Германии — тяжело. Как выскочит она из этой петли. Никто не видит и не знает.

Я уехал в Прагу потому, что серьезно заболел, четыре дня харкал кровью. Сажу в Праге, завтра поеду куда-то в провинцию, или Мариенбад.

Чехословакия — очень спокойная и очень сытая страна, давно не видал я таких здоровых и спокойных людей, каковы они здесь.

«Полицейского»⁵ я немножко переделаю и напечатаю в 5-й «Беседе». Но — дайте мне короткие сведения об авторе: давно ли пишет, что написал и т. д.

Что же Г. М. Сиерра — не напишет об испанской литературе или о театре? И — нет ли человека, который дал бы статью об отношении испанцев к русскому искусству⁶.

Ну, будьте здоровы! Очень тревожит меня состояние Вашего здоровья и Ваше мрачное настроение.

Вы слишком требовательны к людям⁷ и, кажется, очень небрежно относитесь к себе самому. Лечитесь ли Вы? Вероятно — нет?

Пишите на адрес: Берлин, Limmerstr. 7/8. Verlag «Epocha»; когда найду себе место — извещу Вас.

Всего, всего доброго!

А. Пешков

17. Э. МАДАНИ — ГОРЬКОМУ

12 декабря 1923, Рим

Рим, 12/ХІІ-23

Дорогой Алексей Максимович,

я Вас достаточно знаю, чтоб быть уверенным, что Вы не в состоянии обидеть кого бы то ни было, и ничем Вы меня не обидели. Я просто терзался мыслью, что, быть может, я не совсем ясно выразился по поводу предисловия¹ и этим как-нибудь задел Вас, и мне было бы очень больно потерять Ваше доброе отношение ко мне. Оно мне необходимо не только потому, что я внутренне одинок, «биологический» пессимист и что меня все больше и сильнее тянет к самоубийству — (хроническая болезнь, вкус которой изведал, когда мне было 14 лет) — но еще потому, что единственно Вы свя-

зываете меня с людьми и помирили меня с ними. Вы это поймете без лишних объяснений. Каюсь: я, действительно, требователен к людям², хотя и стараюсь избавиться от этой погрешности. Но требователен я не к людям, испокон веков находящимся в рабстве, к рядовым, а к главарям. Не говоря уже о том, что всеми своими благами сии обязаны рабочим, нахально ими воспользовались, они в высшей степени подло с ними поступили. Мрачным своим настроением я главным образом обязан вот этим главарям. К рабочему народу я пошел не с сухим сердцем, а глубоко тронутый его несчастной жизнью³. Да и вообще он куда проще и добрее нашего брата — интеллигента. Благодаря же всем этим главарям — изменникам, мы теперь находимся в очень неловком и подозрительном положении: нам приходится или лгать и кривить душою или же совсем уйти из движения. Вот в Италии, например, я долгое время жил и вращался среди рабочих, никогда не переставал интересоваться ими. Они — дети, хотя и бородатые, и не любить их невозможно, потому что народ — действительно добрый. Также и они меня любили и даже уважали, благодаря не моим личным качествам, а просто как русского и революционера. Мы для них какие-то сказочные герои. Теперь же у них ничего не осталось, все разгромили, разбили, в тюрьму засадили. Кто их палач? Вся поголовно соц. и анарх. интеллигенция. Единственной и последней их надеждой была Россия, от неё ждали они спасения, и вдруг оказывается, что в этой революционной и рабочей России преследуют, мучают, расстреливают рабочих и революционеров. Как им это понять? Чем объяснить? Претонкостью ли НЭПа или военным мундиром Троцкого? Хмелью власти батюшки Ленина, которого они воспевали, на которого чуть ли не молились? Разве я сам понимаю почему мы, воспитанные лучшими в мире писателями, звереем лишь только становимся у власти. Сказать ли им, что мы весьма милые люди и любим рабочих до тех пор, пока они нам нужны и своего не добились, и что добившись своего, мы, в виде вознаграждения, их расстреливаем? Что интеллигенция не хуже буржуазии умеет пользоваться рабочей силою? Тогда они окончательно впадут в уныние и в бездействие. Извращать же действительное положение в России — я не могу, обманывать не умею, сознаю свою ответственность. Но говорить о том, что делается в России — невозможно, события в России имели громадное значение, и рабочие, понятно, интересуются ими. Несмотря на все, мне все-таки удалось наладить что-то, но это, главным образом, благодаря тому, что меня они уже долгие годы знают, ну а товарищам моим туго приходится. Да и сделанное — лишь капля в море. Ну, а внутренне считаешь

себя виновным в том, в чем повинны другие, сознаешь, что хотя бы старался не врать, а все-таки так или иначе, но душою ты кривил. Без вины виноват, а на душе скверно, тем более скверно, что любишь их и вместе с ними страдаешь. А хуже всего то, что они так доверчиво относятся к нам. Внедрить недоверие — бесполезно, т. к. их невежество таково (они сами это сознают), что без нас им все-таки не обойтись. Вот откуда мое мрачное настроение и требовательность к людям. Как можно так подло и нахально пользоваться чужой жизнью? Понять этого я не в состоянии! Сам я истрепан жизнью и скитаниями, постоянным одиночеством, рвался в Россию по легко понятным причинам, хотелось работать и отдохнуть в более близкой мне среде. А теперь незачем идти туда, чтоб держать язык за зубами и опасаться какого-то чекиста. Поневоле станешь мрачным, а от окружающего — не весело на душе. И не будь Вас и доброй Вашей дружбы ко мне, то и совсем не стоило бы жить. Кстати: итальянские рабочие много расспрашивают про Вас, интересуются Вашим здоровьем, мнением, последними произведениями и т. п., отзываются о Вас с истинной любовью. Это очень трогательно <...>.

Вы спрашиваете: лечусь ли я? Мне, главным образом, нужен был бы некоторый отдых, а где же его взять при теперешних условиях жизни? Нервы всклокочены, а преследования продолжаются и некуда идти. Впрочем, это неважно, особенной ценности своей жизни я не признаю. Вот Вы — совсем другое; Вы очень нужны и очень многим. Приезжайте же скорее выздоравливать, а вблизи Вас и мне станет лучше. В Чехословакии же, хотя люди и очень сыты, но вряд ли можно пылать к ним особенной страстной любовью, уж слишком они родственны полякам.

Ну, будет. Приезжайте! Ужасно хочется пожать Вам руку. Всего лучшего.

Мадани

18. Э. МАДАНИ — ГОРЬКОМУ

23 января 1924, Рим

Рим, 23/1-24

Дорогой Алексей Максимович,

Мария Игнатьевна пишет¹, что Вам лучше. <...> я радовался: надеюсь, что свидимся здесь, а теперь почему-то не верится, что приедете. От этого тоскливо на душе. В исп. газ. «El Sol» сообщали

даже, что Вы возвратились в Россию и что в Петрограде Вам устроили всякого рода торжества²!

Не утруждайте себя ответом. Пишите когда совсем выздоровеете.

Эль Мадани

19. ГОРЬКИЙ — Э. МАДАНИ

27 января 1924, Мариенбад

Дорогой Мадани,

не еду я в Италию потому, что синьор Муссолини все еще не дает мне визу¹. Думаю: и — не даст. Это будет очень скучно. Пожить в тепле мне нужно бы.

Вот что, дорогой друг, Вы напрасно тратитесь на марки, бросьте это! Тем более напрасно, что, оказывается, имеют интерес только марки, уже бывшие в употреблении.

Очень огорчен смертью Ленина², хотя и ожидал ее, конечно. Пишу воспоминания о нем³. Я крепко люблю этого человека, и для меня он — не умер. Это был настоящий большой человек, по своему — идеалист. Он идею свою любил, в ней была его вера. Очень крупная потеря. Я не знаю, чем заполнится и кто заполнит это зияние.

Здоровье — потрескивает. Недавно был насморк, бронхит, дьявольский кашель и прочая чепуха. Все это мешает работать. Работаю — много, почему и не написал Вам. Письмо М. И. передал⁴.

Крепко жму руку.

А. Пешков

27.1.24.

20. Э. МАДАНИ — ГОРЬКОМУ

Около 8 марта 1924, Рим

Дорогой Алексей Максимович,

вряд ли я могу сердиться за то, что Вы указываете мне неправильности моих переводов. Мое самолюбие направлено в другую сторону. Наоборот: я Вам весьма благодарен, и удивляюсь, что у Вас хватает терпения на исправление подобных дурацких ошибок. В будущем, если в моих работах найдете подобную чепуху, прошу Вас, бросьте в корзину мои переводы. Ужасно совестно утруждать

именно Вас чтением подобной ерунды. Однако... добросовестному переводчику приходится иногда повторить чушь, совершенную автором. Бывает! <...> Что же касается «болотоотвода», то Вы, видимо, не получили моего письма¹. В нем я говорил, что слово это надо будет заменить другим, что оно моего собственного изделия, т. к. никак не находил как по-русски <...> Теперь нашел: крыло от грязи (у коляски), по всей вероятности, есть еще другое техническое название. Тем не менее, Вы совершенно правы; мой русский язык ужасно хромает, я это ясно сознаю. Четырнадцать лет оторванности от России, без всяких сношений с русскими, а тем менее с сегодняшней эмигрантщиной, от которой пахнет мертвечиной, когда глазами не видишь перед собою русской книжки, и приходится говорить и писать на всех вавилонских языках... Все это не шутка... Позабудешь не только родной язык, но и собственное имя. Иногда спрашиваешь себя: как это ты назывался там, в России? И нужно усилие, чтобы припомнить. Надо бы мне в Россию, не только для того, чтоб наверстать русский язык, но и для успокоения нервов. Не видеть вокруг себя вечно одни и те же бессмысленные, тупые рожи. Помните «рожи» в Савве — Андреева²? Ну вот, в моей голове, в глазах, на душе и во всех порах тела — только рожи. Рожи меня из'едают, но если заблаговременно не уеду в Россию, предвижу — до истерики доведут. Уя, как рожи-то ненавистны! С каким наслаждением я бы их истребил. Случился последний катаклизм в Японии³, и я воскликнул, это-то и нужно было! Одной опасностью меньше для России и Китая. И слава моему теперешнему богу — аллаху — земля избавилась от нескольких тысяч рож. Жестоко, но так я чувствую. Ничего не поделаешь.

Алексей Максимович, я полагаю, что Вам и понятно, и знакомо мое отношение к Вам, и поэтому, если встретятся некоторые резкости, которые, косвенно, могут Вас задеть, Вы все-таки не обижайтесь. Вы правильно поймете причину моих резкостей. Спорить с Вами не буду. С моей стороны это было бы смешно. Вас не переубедишь, мне это весьма понятно. Но, вкратце, я выскажу свое мнение. Это необходимо, потому что так, как я думаю, я уверен, думают десятки тысяч людей мне подобных. Их, в том числе и меня, Вы сильно задели, конечно, не желая. Задели **Вы** и мертвых.

Хотя я и буду говорить о Ленине, но дело не в нем, а поглубже. Я не осмеливаюсь ни порицать, ни осуждать то, что Вы о нем писали; мне просто непонятно, **почему Вы** так писали. Русского текста я не читал, но присоединяю выдержку из итал. коммунистической газеты «Unita»⁴. Добавлю, что если бы Вы лично мне не

писали⁵, я отказался бы верить, что это именно Вы могли так выразиться.

Ленин разбудил Россию? Или благодаря ему она пробудилась? По-моему: по мановению палочки невозможно пробуждение какой бы то ни было страны. Честь пробуждения народа в России принадлежит **всему** русскому революционному движению, и начало его теряется в истории. Но нам известно, что существовали Петрашевские, Желябовы, Перовские, Нечаевы⁶ и десятки тысяч других. Нам еще известно, что громаднейшее участие в пробуждении народа принимали и наши писатели; в их числе и Вы находитесь. Как же можно приписать одному Ленину то, что сделано сотнями тысяч? И еще скажу — пока Ленин был рядовым революционером, деятельность его была полезна, но с того момента, когда он попал в централку партии, он лишь пустословил и пережевывал ветхие притчи своего анахронического божка Маркса. Деятельность его же в последней революции — чисто отрицательная. Революцию не он «делал», а **массы**, и он лишь покорно шел **позади** их, а когда эти массы готовы были все разрушить, покончить со всеми подленькими рабствами, предрассудками и прочей дрянью, он выскочил вперед и кричал: «Стой, братцы! Дальше не иди!» И воспользовавшись передышкой массы, ловко выдал себя за спасителя народа (на то ведь и существуют умные интеллигенты!) и с того момента взялся за устройство народного счастья. Как он создал это счастье, мы сейчас же это увидим.

Вы говорите о его прямолинейности. Совершенно верно! Нет ничего глупее прямой линии, и она означает односторонность, т. е. умственную ограниченность⁷. Что это так, видно из того, что он не знал к чему доведет его пресловутая прямолинейность, или скорее помешательство над марксовыми притчами, а когда покойный Кропоткин предупреждал⁸, что эти притчи доведут назад к буржуазному капитализму, он не только не был способен понимать почему и как, но просто заупрямился, как бессмысленный козёл. Так же бессмысленно он истребил так называемую «махновщину», движение, которое стремилось покончить со многими его, ленинскими, предрассудками, и организовать Россию на истинных революционных началах. И Вы не можете говорить о прямоте Ленина, когда всем нам известно, как хитро и предательски он истребил «махновщину» после того, как она так самоотверженно и активно боролась против Деникина, Врангеля и т. п.⁹. Это уж не прямота, а иезуитизм!

Что при нем сравнительно мало людей перебито?

Да перебил бы он их хотя в двадцать тысяч раз больше! Но дело в том, что главный контингент перебитых им людей состоял

из рабочих и революционеров¹⁰. Всем еще памятен погром анархистов, максималистов и других эсеров, крестьян и рабочих; расстрелы, ссылки и гниение в тюрьмах¹¹. Неужели Вы думаете, что за все это мы можем сделать Ленина божком, только потому что какие-то истерические девицы и глупые бабы плакали над его трупом, или что мы не скажем всей правды о Ленине, потому что «*de mortuis aut nihil aut bene*»*. Нет, мы способны на всякие святотатства, на то мы и революционеры. Излишняя деликатность неуместна по отношению к Ленину.

Нельзя еще учесть сделанное Лениным? Нет, можно! Это он один из первых саботировал революцию. Благодаря его безграничной тупости, Россия вернулась к капитализму, стыдливо называемому НЭПом, к проституции еще более обширной, чем при царизме, к огромнейшей взяточной бюрократии, к холопским держимордам. Трудящиеся зарабатывают мизерные гроши. Своими истреблениями революционеров и рабочих Ленин и его шайка политиканов оттолкнули от себя 90% европейского и американского пролетариата. В их погоне за «*de jure*» (адвокатишки!), дабы закрепить за собою дрянную олигархию, кланялись в ножки такому жулику как Муссолини¹², чем кровно оскорбили итальянских рабочих. Выгод для России от Италии нет никаких: кроме *vinò* <...> да *тасагоні*, более нечего получить от нее, за исключением еще скверных инженеров. И за подобные выгоды «*de jure*» ленинская шайка готова продать всю Россию европейским капиталистам. Наконец, благодаря им же, всем ленинским политиканам, мы, своей жизнью, давшие доказательства нашей бескорыстности, вместо того, чтобы полезно работать в России, торчим по заграницам, приготовляя новую революцию, в России мы или в других странах, безразлично; наша работа везде полезна, хотя мы только подземные червячки, потомственные нелегальники, и в божки не метим, а не метим потому, чтобы не создавать новой ненужной морали, предрассудков о «спасительных вождах», потому что никакие вожди никогда ничего не спасали, а только дурачили народ, будь они ограниченные социал-демократишки, как Ленин, или божественны, как Иисус, Моисей или Будда. И когда нам стоит столько труда искоренить вековые предрассудки в тупых деревянных башках людей, внедрить в них такую элементарную истину, что нечего им надеяться на бога, божков и прочих спасителей, что им самим надо взяться за свое освобождение от всякого рабства, вдруг Вы, своим веским авторитетным словом, утверждаете обратное, проклами-

---

* О мертвых — ничего, или — хорошо (*лат.*). — Ред.

руете какого-то спасителя, возносите его до небес, прославляете его небывалым до сих пор величайшим фетишем, и это, когда всю свою жизнь Вы боролись за то же, что и мы, надрываясь над работой, чтобы из раба сделать человека, а не послушную овечку, искренить в нем всех фетишей. А вот прославлением Ленина Вы ему создали нового фетиша, закрепили в нем веру, что ему нечего делать, а сидеть сложа руки и надеяться, что уж «вождь» все для него преумно устроит! Это, исходя именно от Вас, непонятно, тем более непонятно, когда читаешь писанное Вами про «бегство» Толстого¹³. Мы любим и уважаем Толстого. Мы любим и уважаем Толстого и Кропоткина и многих других, но фетишей, ни даже авторитетов делать из них не желаем. Это хорошо для безмозглых марксистов, которые не в состоянии думать собственным умом, и бессмысленно поэтому повторяют и щелкают мудреные притчи. И наконец, никто из нас (всех живых и умерших подземных червяков русского революционного движения) не желает работать и гнить в тюрьмах только для того, чтоб нашей же работой и нашей спиной объявляли фетишем кого бы то ни было, а тем менее того, кто нас так подло истреблял. Мы далеко не дураки, разве только в том, что убедившись насколько тупа башка человека и дрянна его подленькая душонка, мы все-таки продолжаем работу подземного червяка, и единственной нашей наградой — гнить в тюрьмах или одиноко умирать на каком-то чердаке, в лучшем случае. Награды нам не нужны и памятников ставить нам не будут. Потому-то мы так умиленно восхищаемся благородством души семьи Ленина, которая довольствуется полдюжиной памятников Ленину, вместо двух сотен, особенно когда за границей попрошайничают в пользу голодающих ученых и детей¹⁴.

А вот позвольте рассказать две краткие истории фабрикации фетишей и светил. Таких историй я могу насчитать тысячами. Henri Barbusse¹⁵ был офицериком и сражался против немцев <...> Конечно, он был против войны, еще бы! Но не сражаться не смел. Обыкновенный солдатик — совсем не европейское светило — за свой антимилитаризм, которого не скрывал, отправлялся на каторгу, или дезертировал. Во всяком случае, поступал логично, соответственно своим убеждениям. Ваш покорнейший слуга, и с ним многие другие, пошел добровольцем на войну для антимилитаристской пропаганды. Но Barbusse ни словом не обмолвился о его нежелательстве войны и храбро убивал немцев. На то ведь он светило, и поэтому-то написал романчик, в котором весьма неуклюже водит за нос своего никогда не существовавшего безжизненного героя, точно плохой актер, который тупо кривляется на сцене. Достигнув

славы — в особенности благодаря большевикам, которые в виде вознаграждения за его «идеи» благоприятные для них, даровали ему титул «европейского светила». Но «светило» этим не довольствовался и поступил депутатом, т. е. обманщиком народа в парламенте, заведомо публичном доме, и обирает народ — трудовой — по сорок тысяч франков в год. Светило знает, что никакие парламенты ничего не дадут и никогда ничего не дали рабочему, но все-таки продолжает обирать его и обманывать. А когда вспыхнет революция, он ловко сумеет «сделаться» спасительным вождем, будет продолжать обирать и обманывать трудящихся, истреблять их не хуже Ленина, а когда, наконец, земля избавится от него, и ему будут ставить памятники. Недаром же существуют умницы и дураки!

Впрочем, нечего надоедать другими историями; достаточно и этой. В общем, я не сказал и сотой части того, что надо было бы, но тогда не письмо, а книжку пришлось бы писать.

Краткое заключение всего невысказанного то: земля засорена сотнями миллионов кретинов — вера в божественного заместителя бога — папу — наглядно это доказывает — кретины эти завалены богами, святошами, божками, фетишами и прочим предрассудочным хламом. Наша задача — освобождать их от всего этого мусора, но ни в коем случае не создавать для них новых идолов и кумиров.

Кроме того, у литературы, у писателей много задач, и если одной из них было призвать нас на борьбу, другой задачей было еще уточнить наши холопские чувства и наше отношение к нашим товарищам, по крайней мере, Ленин, видимо, умел читать только Маркса, иначе он бы нас не истреблял, если бы даже ошибся не он, а мы, т. к. ему известно было, что мы искренно работаем в пользу чего-то лучшего. Наша единственная родня — наши товарищи, и смерть каждого из них больно отзывается на душе. Вы, Алексей Максимович, прославляя Ленина, вдвойне отрицали самого себя, и это возвеличение истребителя тех, кого Вы призывали к борьбе — означает одобрение преследований против нас. Отсюда — разлад между Вами и нами, разлад тем более мучительный, что Вы почти единственный теперь писатель, оставшийся с нами, а что Вы для нас — Вам известно. Вы — один из главных наших современных воспитателей, нам не нужно было личное с Вами знакомство, чтоб любить и уважать Вас; мы Вас всегда знали и понимали. А вот теперь мы Вас не понимаем, и это непонимание, по крайней мере, для меня — самое большое огорчение, которое я когда-либо испытывал в жизни.

Следствием же этого разлада или непонимания будет то, что одни из них будут рассуждать так: «Уж если и Горький против нас

и одобряет преследования против нас, то, право, незачем было червятничать. Будем делать, как другие — станем лавочниками и заживем припеваючи». Все-таки лучше, чем торчать в тюрьмах и быть преследованными какой-нибудь полицейской «харей». Другие — отдадутся Бахусу и разврату; это единственное забвение, когда нет силы покончить самоубийством. Третьи — продолжают работу подземного червяка, но на душе у них скверно будет и будут терзаться затаенной болью. Вот.

Еще раз прошу Вас: не обижайтесь на меня, если даже я Вас задел. Я этого хотеть не мог. Вы правильно поймите некоторые из моих резкостей. Примите также во внимание, что теперь я весьма скверно и с некоторым трудом выражаюсь на русском языке. Мне пришлось основательно и солидно изучать иностранные языки для того, чтоб писать в наших газетах. На каком-нибудь иностранном языке я, несомненно, выразился бы менее резко.

Если у Вас будет минута времени, будьте добры ответить, хотя бы кратко; постараюсь понять недосказанное. Заранее благодарю.

Пока я еще в Риме. Непредвиденная задержка. Уезжаю на днях <...>.

Адрес на следующей странице¹⁶.

Поправилось ли Ваше здоровье?

Всего, всего доброго. Крепко жму руки.

Привет Марии Игнатьевне.

Мадани

21. ГОРЬКИЙ — Э. МАДАНИ

15 марта 1924, Мариенбад

Эль Мадани.

Ваше письмо¹ несколько удивило меня: разве Вы не знали, что я и раньше писал о Ленине как великом человеке мира сего и действительном вожде трудового народа²? Я давно и хорошо знал его, а также мог сравнить с таким колоссом, каков Лев Толстой³. Знал я и Кропоткина⁴, человека, который мог бы быть хорошим ученым, но революционера по недоразумению.

Мало того, что я знал Ленина⁵, я его люблю, и для меня он не умер. Он обладал редчайшим, широко разработанным и удивительно искренним чувством *ненависти* к несчастиям и страданиям людей. Я думаю, что Вы не можете оценить значения *такого* чув-

ства, у Вас нет его. Вот Вы по поводу японской катастрофы⁶ пишете: «Это-то и нужно было! Одной опасностью меньше для России и Китая»⁷. С моей точки зрения, такие слова уместны только в устах националиста-черносотенца или — больного, мизантропа. Ленин, разумеется, не мог бы сказать или подумать что-либо подобное. Далее Вы пишете: «Да перебил бы он людей хоть в двадцать тысяч раз больше». Это — тоже слова сумасшедшего или озверевшего со зла человека. Я думаю, что они написаны Вами безотчетно. Если Вам не дороги люди, — что же дорого Вам? Странно. Если же Вы действительно так думаете, — у Вас нет права говорить о жестокости Ленина, это — ясно. Кстати: его жестокость — легенда, созданная партийными врагами и эмигрантами. Конечно, при нем убивали людей; война без убийств — невозможна, как Вы знаете, а на него нападали, и он оборонялся.

«Прямолинейность — умственная ограниченность», пишете Вы. Простите, но это, как раз, именно Ваше качество, прямолинейность. И позвольте напомнить, что именно это качество считается достоинством революционера. Вы ошибаетесь, считая меня, очевидно, анархистом, я никогда не был таковым и не буду. Анархизм — выражение отчаяния и бессилия — в его практике, фантазия — или «утопия» — в теории.

Вы, должно быть, питаетесь эмигрантской литературой и Вам не известно, что в «шайке политиканов» Ленина около 90% рабочих. Вы плохо знаете русскую действительность, а современную — особенно плохо. И Вам, видимо, непонятно, что Россия теперь является страной, которая работает на весь мир в целях новой организации человечества. Силу к этой работе в ней разбудил Ленин.

С Вашей марксистской оценкой роли масс я не согласен. Увы, мы еще долго будем жить в «эпохе вождей». Это — так.

А. Пешков

15.III.24.

22. Э. МАДАНИ — ГОРЬКОМУ

2 апреля 1924, Италия

Дорогой Алексей Максимович,
мне надо было пробыть некоторое время в Генуе, и только позавчера приехал сюда, где меня уже ждало Ваше письмо¹.

Всю свою жизнь я внутренне жил писателями и поэтому часто

упускаю из виду, что я совсем им не знаком, так как они мне знакомы. Этим объясняется, что или я недостаточно ясно выразился, или же полагал, что без особенных объяснений, Вы верно поймете все те совсем не мелочные чувства, побудившие меня писать Вам. Я, однако, ссылаясь на мое отношение к Вам, и если бы Вам было известно, какое оно на самом деле, Вы бы поняли, как чудовищно с Вашей стороны считать себя уязвленным тем, что я Вам писал. Прощения не прошу — не привык я к этому — да и не за что: ни малейшего намерения не было задеть Вас. <...> Или виноват еще я в том, что Вы — единственный человек, с кем я позволил себе быть совершенно искренним и откровенным? Писал я Вам не с легким сердцем, а терзаемый всем тем, что накопилось в душе. Ждал чего-то от Вас, не то объяснений, не то разрешений, которые облегчили бы борьбу, в какой я нахожусь с самим собою. Но, увы, дождался лишь не совсем лестных эпитетов — больного мизантропа, сумасшедшего, озверевшего человека и кроме других, еще ... черносотенца². Обозвали бы вы меня негодяем, подлецом, мерзавцем и т. п., вряд ли бы это произвело то действие, какое имело на меня данный мне Вами титул черносотенца. На душе прегорько и так гадко... Апатия ко всему, да безграничное желание уйти от всего, куда-то очень далеко, или покончить с этой идиотской жизнью... черносотенца.

Пощечина, конечно, весьма даже чувствительная, и не потому, что мне необходимо, чтобы обо мне благоприятно думали — это меня ни в чем утешить не может — тем более, что находясь в своей собственной коже, мне лучше, чем кому-либо может быть известно, что я птица или негодяй, но когда подумаешь, с какой легкостью из революционера становишься черносотенцем, переживаешь весьма странные ощущения. Несомненно, однако, что Вы ошиблись, когда будучи в Saagow, Вы мне писали, что я честный человек и искренний революционер³, или же теперь — считая меня черносотенцем.

Как бы то ни было, у меня всегда было мужество быть ответственным за свои слова и действия. Уже в предыдущем письме я сказал, что спорить с Вами не буду, и это потому, что Вы из тех людей, которые думают собственными мозгами, и этих людей могут убедить лишь их собственные рассуждения. Я постараюсь затем лучше объяснить свою мысль.

По поводу фразы «Да перебил бы он людей хоть в двадцать тысяч раз больше»⁴. Писал я это ничуть не безответно, как Вы предполагаете, для этого во мне слишком развита ответственность за свои поступки. Нет войны, ни революции без убийств, и как ни

печально убивать, но нам достоверно известно, что в обществе есть строптивый консервативно-реакционный элемент, который прогрессу не поддается, которого ничем обуздать, ни укротить невозможно. Это те горбатые, которых и могила не исправит, и если их не убить, то мало что они нас убьют, но уничтожат и дело, за которое мы боролись. «Мы» — это все те и все наши предшественники, которые боролись, страдали и погибли, «мы» — все те лучшие люди, которых мы любили и любим, их страданиями мы страдали, их самоотверженностью мы восхищались, их мучения нас волновали. Вполне естественно с моей стороны, что мои предпочтения идут к ним и к одержанным завоеваниям, и если для сохранения этих побед пришлось бы убивать не в двадцать, а в пятьсот тысяч раз больше аристократов и прочих денкинцев, я бы ни на минуту не колебался.

Относительно японской катастрофы <...>⁵. Япония — хищная птица. <...> Что ж поделаешь? Погибли и японцы совсем ни к чему не причастные. Но когда в России приходилось взорвать какого-нибудь губернатора или министра⁶, погибал и ни в чем не повинный их кучер. Делалось это не из жестокости, а по тяжелой необходимости. Это старая истина, которая и Вам известна. И если бы одной подобной катастрофы не было достаточно, чтоб оградить Россию от опасности, я бы желал еще другой, более сильной.

Что же мне дорого? Реакционеры и прочие горбатые люди мне ничуть не дороги. Мне дорого дело, за которое борюсь, дороги мои товарищи, настолько же дороги эсдеки, как и анархисты, если эти эсдеки революционеры, а не парламентские политиканы. Теория марксизма мне даже органически противна, но ее носители революционеры, мне это известно, так же искренно борются, как и мы, и участь их та же, что и наша. Вот почему они мне дороги. Это то, чего Ленин не понял по отношению к нам, анархистам и эсерам. Мне дороги все те, что трудятся, голодают, и страдают. Но я — пропагандист и агитатор, и этих трудящихся я зову и посылаю на борьбу и на смерть. Серьезно сознаю свою ответственность, и если я все-таки ни их, ни моей жизни не щажу, и если для сохранения завоеваний или для борьбы нужна какая-нибудь японская или польская катастрофа, скажу Вашими же словами: «И пусть она сильнее грянет»⁷! Именно из нелюбви к страданиям, чувство, которое будто бы монополизировано так исключительно Лениным, что моя тупая башка даже не в состоянии оценить его.

Что же мне дорого? На протяжении столетий нам долбят о каком-то альтруизме⁸. Это пустое слово не отвечает ни одному из реальных чувств в человеке. Желаем ли мы того или нет, но мы дви-

жимы исключительно эгоизмом, который принимает тот или иной вид или оттенок, в зависимости от нашего темперамента. Любить же людей не за что, в них нет ничего красивого. Отличительной чертой человека является его гадкая жестокость. То, что человек делает с человеком, ни лев, ни тигр, ни пантера не сделает с **ближними** их породы. И вместо того, чтобы обзвать меня «озверевшим»⁹ человеком, по-моему было бы правильной сказать «очеловечившимся» человеком. Это понятнее. О животных мы напрасно злословим. Человека как такового и Вы не любите. Так, меня — черносотенца, Вы не любите; Вы тотчас же изменили свое отношение ко мне. Я — как революционер Вам более или менее дорог, только потому что так или иначе приближаюсь к Вам. И так — любим мы лишь некоторую часть людей, но не **всех** людей. Мы охотно принесли в жертву людей, которых не любим, ради благосостояния тех, кого любим. Ну вот, я и отдаю в жертву критиков и прочих горбунов, сознательно или бессознательно, преграждающих путь к лучшему. А в общем — думаю я — никого-то мы не любим. Мы обладаем некоторой чувствительностью или впечатлительностью, и смотря по степени ее развития, вид страданий наших ближних мешает нам спать, т. е. нам нестерпим, и для того, чтобы успокоить нашу впечатлительность или нервы, мы вступаем в борьбу для истребления страданий. Оказывается — неприязню к страданиям страдал не один только Ленин¹⁰, но все вообще более или менее впечатлительные люди одержимы этим чувством.

Унизить же меня тем, что во мне нет таких редких чувств, как в Ленине — напрасно. Если бы Вы меня сравнивали с таким гигантом как Толстой и серьезно утверждали, что мой гений грандиознее его — мне это не было бы лестно, потому что в душе сознавал бы, что я совсем не гениальный человек. Никаких усилий Толстой не делал, чтоб обладать гением; это природа его одарила; он — избалованный счастливец природы. Ну, а ко мне природа отнеслась мачехой. Чем же я виноват, что я не гений? Чем я виноват, что во мне нет ленинских чувств? Вините природу, не меня. Но оттого, что я не гений и чувствами Ленина не одарен, как человек я не ниже и не выше Ленина или Толстого. У меня та же человеческая кожа, как у них, так же чувствителен к голоду, ко сну, к смерти, как они. Во мне нет гения Толстого, и это для меня очень печально. Но у Толстого, если не ошибаюсь, не было мужества бросить свою семью, а у меня было мужество бросить семью, зная заранее, что мать от этого умрет, и отказаться от моего истинного призвания — музыки — которая могла бы еще быть единственным опиумом для моей тоски или хандры, которой я безуданно страдаю. Неужели я

поэтому выше Толстого? Ничуть! К этому у него просто не было мужества. Чем он виноват? В этом отношении природа и к нему была мачехой. Только.

С эмигрантами я не встречаюсь и газет их не читаю¹¹. Но если бы и читал, будьте уверены, газетной литературой я не заражаюсь. С детства я привык думать собственным мозгом. Зато читаю такой ортодоксальный журнал, как ком. «Интернационал»¹², и там мне встречаются такие фразы подписанные Лениным: — «гони его», — «в шею его» — анархиста-то! И невольно припоминаешь некую царскую литературу — «бей жидов и крамольников».

Я не думаю, что лично на Ленина нападали анархисты и Махно, что этих последних разгромили без ведома Ленина и помимо его воли¹³. В противном случае, у Ленина хватило бы мужества публично осудить своих товарищей или подчиненных, принимавших участие в их разгроме. И если жестокость Ленина — легенда, созданная партийными врагами, то как же все-таки согласовать эти разгромы с его нежестокостью? Поэтому, **логически**, позволительно сомневаться. Или тут что-то, чего я не знаю или не понимаю? Во всяком случае, и Махно оклеветали, создав ему репутацию антисемита, погромщика, грабителя и контрреволюционера. Кто они? Насколько я Вас знаю, я уверен, что Вы не одобряете подобных партийных методов. Вы скажете, что и я Ленина оклеветал. Это не так. Припомните, что в беседе со мною¹⁴, Вы сами сказали о правильном предсказании Кропоткина, что его считали выжившим из ума стариком; Вы сами сказали, что Ленин не так талантлив и способен, как об этом молва. И если я назвал Ленина¹⁵ умственно-ограниченным, мог основываться на том, что Вы признали верным суждение Кропоткина, следственно — ошибочной тактику Ленина. А когда Вы прославляете Ленина великим человеком, утверждая, что вне его, все бездарны, у меня было право удивляться, припоминая Вашу беседу о том, что молва превеличивает его талантливость и способности. Уничижительными терминами я Ленина не называл, но считал его виновником (быть — может, я и ошибаюсь) в разгроме анарх. и др. революционеров, основываясь на этих фактах, а не на моей фантазии, **логически**, я мог обозвать его истребителем революционеров, потому что на всех языках, тот, кто истребляет, именуется истребителем. А тех, что при царизме громили революционеров и евреев, называли погромщиками, и только из **особого уважения к Вам**, я воздержался от логики по отношению к Ленину. Повторяю, я, быть может, ошибаюсь, но я основываюсь на том, что знаю. И будьте уверены,

мне совсем даже не легко думать так, как я думаю о Ленине. Мне это более больно, чем Вы предполагаете.

Нет, мне давно известно, что Вы считаете себя с.-д. и я читал писаное Вами в с.-д. журналах¹⁶. Тем не менее, и хотя Вы отнекиваетесь от анархизма, по-моему, Вы все-таки анархист, во всяком случае, в самом главном. Вы не можете отрицать, что в ваших произведениях Вы старались разбудить инициативу в человеке, а человек с инициативой ни в вожде, ни в кнуте более не нуждается, т. е. в государстве. Понукивать можно лишь безвольным стадом. Главный принцип анархизма — отсутствие кнута. Но мне безразлично анархист ли Вы, с.-д. или с.-р. я исключительно обращаюсь к Вам как к писателю, которому я многим обязан, и к человеку. И пишу я Вам не как анархист, а просто, как человек, который, на другом поприще, хотя и с весьма ограниченными силами и умственным тупоумием, но одинаково искренно с Вами стремится к чему-то лучшему.

Ваше мнение о Кропоткине¹⁷ интересно; к сожалению, Вы его не мотивировали и для меня пока оно остается только голым утверждением, с которым позволительно не согласиться. Как бы то ни было, Кропоткин, главным образом, имеет для меня значение человека, которого можно любить и уважать, а в мире очень мало людей достойных уважения. Леонида Андреева я люблю сильнее и иначе, чем Кропоткина, но у меня нет к нему того уважения, какое у меня к Кропоткину.

Меня несколько удивляет Ваше определение анархизма¹⁸. Не что подобное я часто слышал и читал. Г-н Макс Нордау — ученик псевдо-ученого Ломброзо¹⁹ — мне тоже знаком, и мне, право, весьма приятно, когда и меня зачислят к таким вырожденным и отчаянным сумасшедшим, как Толстой, Ибсен, Вагнер и др. Все то, что еще не осуществилось — утопия или фантазия. Поэтому социализм — нигде еще не осуществленный — такая же утопия, как анархизм, а 50 лет тому назад и аэроплан был утопией. А что мы еще долго будем жить в «эпохе вождей»²⁰ — не важно. Наши предшественники тоже работали, не зная, когда вспыхнет революция.

Если в России работают для всего мира²¹, то этому я могу лишь радоваться. Но, видимо, там, хотя и искренно, но неправильно принимаются за эту работу, если вместо того, чтобы привлечь, отталкивают от себя рабочих Европы. Это не мое голословное утверждение, а печальный факт, легко проверяемый.

Когда я говорил о «шайке политиканов»²², то, конечно, не подразумевал рабочих. Возможно, что эту «шайку» 90% рабочих поддерживают добровольно, но, возможно, что и принудительно. У всякого правительства, особенно диктаторского, в запасе есть при-

нудительные меры. Поэтому-то в Италии 90% рабочих находятся в фашистских синдикатах. Это ровно ничего не значит.

В Вашем письме я чувствую все Ваше презрение ко мне²³. Это Ваше право; каждый волен презирать все, что ему угодно. Но я полагаю, что Вы меня неправильно поняли, быть может, потому что я не люблю высказывать своей боли и маскирую ее некоторой резкостью выражений. Никогда публично ни за, ни против Ленина я не выступал и выступать не буду. Даже с М. Сиерра отказываюсь говорить о нем. Ленин для меня двуличен: Ленин-революционер, пострадавший революционер; этот Ленин мне дорог; и Ленин, которого я считаю виновником гибели других революционеров, которые мне тоже дороги. И если на этого Ленина я нападаю, то — с болью. Вы же нападаете на меня со всей тяжестью Вашего презрения, которое я заслужил только тем, что не могу равнодушно относиться к смерти и страданиям моих товарищей, будь они с.-д., анарх. или с.-р. Эти товарищи мне стали тем более дороже, что со времени моих скитаний по всяким заграницам, я нигде не заметил такой самоотверженности, как у русского революционера. Вот почему я такой русский «националист»²⁴. Затем, Ленин — общественный деятель, и у меня есть право критики, тем более, что как-никак, и я на пылинку причастен к русск. революционному движению. От этого права критики я отказался, потому что нападать на Ленина мне нестерпимо. О нем я говорил единственно с Вами, и то в надежде, что Вы как-нибудь сумеете помирить то двойственное чувство, которое у меня к нему; оно гложет, как наболевший нарыв. Я думал, что Вам все можно сказать, что Вы все поймете. К сожалению, вышло не так.

Мне хотелось от Вас объяснений относительно чего-то еще более мучительного. Кроме Вас, мне не к кому обратиться. Но теперь я даже не уверен ответите ли Вы, да и боюсь утомить Вас. Спросить, не спросить? Была не была, спросим. Вы говорите: анархизм — утопия, а мне теперь все более и более начинает казаться, что литература — большущая утопия²⁵. Я заметил, что вне России литература в других странах не имеет почти никакого влияния. Это «почти» — почти что излишне. Даже культурные люди — не считая очень редких исключений — читают книжку, как приятное развлечение, и идут спать, как ни в чем не бывало; их ничто не волнует. Что литература не сыграла большой роли у европейских народов, свидетельствует еще тот факт, что во время и после войны у людей выплыло наружу все то, что есть самого гадкого в человеке. Не буду говорить о том, что нет теперь страны, у которой нет своих продажных писателей, хотя это имеет не малое значение. Разни-

цу, которую я вижу между русск. революционером и революционером других стран, я также отличаю между русск. народом и другими народами. Но в России есть что-то непонятное для меня. Значительная часть интеллигенции отступилась и этим показала, что влияние литературы на нее было лишь поверхностное. Но что я особенно не понимаю, это то, как образованный, начитанный, мыслящий и даже великий человек (без иронии) и искренний революционер мог так хладнокровно пожертвовать другими революционерами. Он даже был Вашим личным другом. Неужели действительно ни Толстой, ни Достоевский не оставили в нем никакого следа? **Искренно и серьезно** говорю: я не понимаю! И это меня очень терзает. Я думаю: если в таких людях литература не сумела пробудить более гуманного отношения к своим товарищам, то начинаешь отчаиваться и сомневаться утончится ли вообще когда-либо человеческая натура. И если это так, какое у меня право продолжать звать людей на борьбу и на смерть? Как успокоить то чувство, что до сих пор я понапрасну посылал людей на смерть и попусту убил мать? Не говорю уже о том, что в этом случае и писатели бесполезны и литература, в лучшем случае, может быть, только детской игрушкой. Главное, как продолжать жить с подобным сомнением и с чернейшим червяком на душе? Вот! Захотите ли надоумить меня?

Будьте здоровы. Всего лучшего. Не проклинайте за длинное письмо.

<нрзб.>; 2/4-24

Мадани

<На обороте>

Одновременно посылаю Вам экземпляр Вашего рассказа в испанском популярном издании²⁶.

23. ГОРЬКИЙ — Э. МАДАНИ

12 апреля 1924, Неаполь

Вы, Мадани, совершенно неосновательно обиделись и неосновательно заподозрили меня в желании обидеть Вас¹. Признавая за собою право выражать свои мысли в резкой форме, Вы не должны отказывать и мне в этом праве. Ведь *формально* Ваши мысли действительно совпадают с мыслями националистов и черносотенцев,

это не моя вина, а — Ваша. Я Вам и указал на это², отнюдь не желая как-либо задеть Вас, я очень хорошо чувствую, кто Вы, и, поверьте, умею ценить людей Вашего типа. Разумеется, между нами есть непримиримые разногласия³: по вопросу об оценке роли Ленина, об анархизме и еще по некоторым пунктам, но — разве разногласия думающих людей не являются вполне естественными? Одно из этих разногласий отпадает, когда Вы продумаете дело Ленина и увидите, как далеко он двинул людей по пути и сознанию *внутренней* их свободы и к уничтожению фетишей. Анархизм — ну, тут я с Вами соглашусь лет через 200, не раньше. Черепаший шаг истории все более отстает в сравнении с Ахиллесовым бегом личности. И я вижу, что пока анархизм отбирает не наиболее сильных, а лишь наиболее раздраженных.

Однако все эти вопросы лучше обсуждать при свидании лично, надеюсь — мы увидимся⁴? Но — не сейчас, — дорогой я простудился и едва пишу. Здесь — холод, ветер, дороговизна, город набит немцами, в гостиницах нет комнат, мы, четверо, живем в одной. Так-то. Собираюсь ехать дальше на юг, в деревню.

Будьте здоровы, сердечно желаю всего доброго.

Адрес: Неаполь, отель «Континенталь», весьма нелепый отель. Жму руку.

А. Пешков

12.IV.24.

Посылаю Вам интересную книжку Щеголева⁵ и мою⁶, изданную потому, что «пить-есть надо».

А. П.

24. Э. МАДАНИ — ГОРЬКОМУ

7 мая 1924, Испания

7/5-24

Дорогой Алексей Максимович,

еще раз сердечно благодарю за посылку книг¹; понимаю — зря послали Вы их мне, в них много из того, что меня волнует; читал с увлечением и Вы доставили мне огромное удовольствие; — это, — так сказать, — мой национальный праздник. Однако, Вы — удивительно скромный человек! Издали книгу, потому что «пить-есть «надо»²? Когда Вы даете массу разнообразнейших и

интереснейших «типов», которых вне России и двумя солнцами не увидишь! А сколько в них удивительных художественных картин, не говоря обо всем прочем! Как хотите, а уж в этом никогда я с Вами не соглашусь!

Из Вашего «Вместо послесловия»³ вижу прежде всего, что писано оно умышленно сухо и сдержанно, но что в душе Вы такой же «националист»⁴, как и я, по тем же самым причинам, потому что Россию невозможно не любить, потому что все в ней — mio generie*. Излишне говорить об этом более обстоятельно, Вы вполне хорошо понимаете, что я чувствую. А из стихотворения Вашего видно, что мои «рожи»⁵ и Вам понятны и порядочно-таки и Вас они хлестали.

Вы, — конечно, мыслитель, и в «Рассказе о герое»⁶ Вы разрешаете вопрос, очень меня волнующий. Разумом я воспринимаю и соглашаюсь, чувствами же — нет, не могу. В этом во мне то же противоречие, что у Вас по отношению к некоторым отступившимся русским писателям и общ. деятелям⁷. Впрочем, много в нас подобных противоречий. Как бы то ни было, я охотно займусь пересмотром жизни и деятельности Ленина — sine ira et studio**.

Не смотря на все мои желания свидеться с Вами, не думаю, что это скоро сбудется⁸. Если Вы останетесь в Италии на более долгое время, тогда возможно будет, пока же у меня тут неотлагательные работы...⁹

Мадани

25. ГОРЬКИЙ — Э. МАДАНИ

11 июля 1924, Сорренто

Эль Мадани.

Не только не могу ручаться за удовлетворение ходатайства Вашего¹, но нахожу нужным предупредить, что от Вас потребуют заполнить анкету, в которой Вы должны будете дать подробные биографические сведения о себе, особенно — за годы 917 по текущий. Конечно, требуются и сведения о парт. принадлежности. Затем эти сведения будут проверяться, — это процедура длительная.

Вообще у меня нет уверенности в благополучном исходе Ваших хлопот.

* моё родное (итал.). — Ред.

** без гнева и пристрастия (лат.). — Ред.

Письма Вы пишете удивительно злые². Неужели Вам кажется, что Ваша психология, Ваше настроение объективно ценнее и полезнее психологии Р. Роллана³? Полагаете ли Вы, что мир может быть обновлен психологией злобы? Если же непримиримость вражды дана людям навсегда, то — с какого же, по Вашему мнению, момента вражда должна пойти на убыль?

Вы очень больной человек, должен я сказать, Вы загипнотизированы фактами, а при этом как же, чем Вы можете бороться против них? Что ставите Вы против зла жизни?

Наверное, Вы рассердитесь на меня за эти вопросы⁴. Что же делать? Я думаю во многом иначе, чем Вы.

Жму руку.

А. Пешков

11.VII.24.

ПРИМЕЧАНИЯ

1.

Печатается по А (АГ. КГ-п-48-1-17), впервые.

Ответ на письмо Горького от 1 марта 1923 г. из Саарова (АГ. ПГ-ин-59-66-3).

Горький ответил 7 марта 1923 г. из Саарова (АГ. ПГ-ин-59-66-4).

Датируется по связи с п. 2.

¹ Речь идет о кн.: *Федин К. Бакунин в Дрездене: Театр в двух актах*. Пб.: Госиздат, 1922. Имеется в ЛБГ с дарственной надписью Горькому (ОЛБГ. 1586).

² Имеется в виду кн.: *Шкловский В. Б. Сентиментальное путешествие: Воспоминания. 1917—1922*. М.; Берлин: Геликон, 1923. Имеется в ЛБГ с дарственной надписью Горькому (ОЛБГ. 3356).

³ Имеется в виду кн.: *Белый А. Путевые заметки. Т. I. Сицилия и Тунис*. М.; Берлин: Геликон, 1922. Хранится в ЛБГ с дарственной надписью Горькому (ОЛБГ. 2930).

⁴ Видимо, речь идет об издании: *Бакунин М. А. Исповедь и Письмо Александру II*. Вступ. ст. Вяч. Полонского: М. Бакунин в эпоху 40-х — 60-х годов. М.: Госизд-во, 1921.

⁵ Вероятно, речь шла о книге: *Черкезов Варлаам Николаевич. Предтечи Интернационала*. СПб.: Изд-во «Друг народа», 1907. То же: 1919 г.

Также известна его книга на русском языке: *Доктрины марксизма*. Вып. I. Женева: Группа русских коммунистов-анархистов, 1903.

2.

Печатается по А (АГ. ПГ-ин-59-66-4), впервые.

Ответ на письмо Э. Мадани около 4 марта 1923 г. из Берлина (АГ. КГ-п-48-1-17).

Адресат ответил из Берлина 15 марта 1923 г. (АГ. КГ-п-48-1-8).

¹ Адресат в своих письмах к Горькому сожалел, что действуют высокие пошлины при пересылке книг в Испанию.

² Э. Мадани отправил с письмом около 4 марта 1923 г. из Берлина, как писал он Горькому, «две маленькие коллекции марок <...> для “наслаждения”».

³ Вероятно, речь (в шутку) идет о сыне Горького — М. А. Пешкове, его жене, Н. А. Пешковой и М. И. Будберг. Также ср.: п. 16, примеч. 4.

⁴ Речь идет о пьесе Х. Бенаvente «Искусственные интересы». Э. Мадани сообщил Горькому около 4 марта: «...Сперва прислали мне “Письма женщины” и “Созданные интересы” Бенаvente. Последняя вещь — пьеса. Желаете ли Вы, чтобы я ее перевел на русский язык для “Беседы”?»). В «Беседе» эти пьесы не печатались.

⁵ Книга Грегорио Мартинеса Сьерра «Un teatro de Arte» издана в Мадриде в 1926 г. издательством «Esfinge» (*Архив Г. 8. С. 239*). В «Беседе» работа Г. Мартинеса Сьерра на эту тему не публиковалась.

⁶ Речь идет о народническом движении, идеологами которого являлись М. А. Бакунин, П. Л. Лавров, П. Н. Ткачев.

Основными народническими организациями в 1860—1880-х гг. были ишутинцы, чайковцы (организаторы «хождения в народ»), «Земля и воля», «Народная воля» и т. п. В России 1870-х гг. бакунизм стал одним из главных направлений народничества.

М. А. Бакунин — русский революционер, один из теоретиков революционного народничества, участник революции 1848—1849 (Париж, Дрезден, Прага). С 1864 г. член I Интернационала (в 1872 году исключен за раскольническую деятельность).

Со второй половины 1880-х гг. произошел кризис народничества, рост влияния либерального народничества («малых дел теория» и др.), выступавшего против марксизма. Идеологом являлся Н. К. Михайловский. Ср.: М. Горький о кризисе народничества в 1870-е годы XIX в. // Горький М. История русской литературы. М.: Госиздат, 1939. С. 231.

⁷ Группа эмигрантской интеллигенции (в основном — из бывших кадетов), которая в середине 1921 г. объявила о своем признании Советской России, о желании вернуться на родину и принять активное участие в ее экономическом восстановлении. Эта группа в июне 1921 г. выпустила в Праге сборник «Смена вех». Один из авторов сборника проф. С. С. Чахотин писал: «События нам показали, мы ошибались, что путь наш лежал в неверном направлении. И, осознав это, увидя, чего требуют от нас интересы родины, мы готовы сознаться в своей ошибке и изменить дорогу...» (см.: Смена вех. Прага, 1921. С. 159). Один из ведущих идеологов этого движения проф. Н. В. Устрялов в статье «Духовные предпосылки революции» заявлял, что у эмигрантских интеллигентов «заговорила тоска по государству, тоска по отечеству, тоска по внутреннему духовному содержанию жизни» (Смена вех. Париж, 1921. № 9. 24 дек. С. 20).

В ЛБГ сохранилась книга: Смена вех. Сб. статей: Ю. В. Ключников, Н. В. Устрялов, С. С. Лукьянов, А. В. Бобрищев-Пушкин, С. С. Чахотин и Ю. Н. Потехин. Прага, 1921 (*ОЛБГ. 6588*).

⁸ М. И. Будберг.

3.

Печатается по А (*АГ. КГ-п-48-1-8*), впервые, частично: *Островская С. Д.* «Литература — большущая утопия» (из переписки М. Горького и Э. Мадани. 1923—1924 гг.) в кн.: Максим Горький и литературные искания XX столетия. Н. Новгород, 2004. С. 476—478.

Ответ на письмо Горького от 7 марта 1923 г. из Саарова (*АГ. ПГ-ин-59-66-4*). Адресат ответил 16 марта 1923 г. из Саарова (*АГ. ПГ-ин-59-66-5*).

¹ См. п. 1.

² Помечено Горьким красным карандашом волнистой линией на полях со слова «постоянно» до слова «не знал». Слова: «казалось, что он только единственно для меня и писал, а лучше его никто меня не знал» — Горький подчеркнул красным карандашом.

³ Л. Андреев умер в 1919 году в Финляндии.

⁴ Горький подчеркнул красным карандашом: «ни одному из русских писателей не пришло в голову поинтересоваться как...»

⁵ В эмиграции В. Л. Бурцев продолжал выпуск газеты «Общее дело» (Париж. 1918—1922 гг., 1928—1933 гг.); П. Н. Милуков в эмиграции с 1921 по 1940 гг. редактировал одну из центральных русских газет «Последние новости» (Париж); Л. Мартов в 1921 г. организовал журнал «Социалистический вестник» (Берлин). См. также п. 4, примеч. 5, 7.

⁶ Речь идет об одном из маргинальных течений русского освободительного движения в конце XIX в., названного по имени своего теоретика В. К. Махайского, считавшего интеллигенцию силой, враждебной пролетариату.

⁷ Горький подчеркнул красным карандашом: «которая так искусно обманывала».

⁸ Со слов «Но почему» — до слов «тюремную жизнь» — две фразы подчеркнуты Горьким.

⁹ Мадани имел в виду сотрудничество А. И. Куприна, И. А. Бунина и Е. Н. Чирикова с В. Л. Бурцевым в его газете «Общее дело» (См. также выше, примеч. 5). «Вот теперь стали “реакционерными” <...> “бурцевскими молодцами” и мы — Куприн, <...> Чириков... Ну, что же, не пропадем <...>», — писал Бунин в статье «Литературные заметки» (Слово. 1922. № 10. 28 авг. Париж). Цитируется по кн.: И. А. Бунин. Публицистика 1918—1953 годов. М.: Наследие, 1998. С. 147. См. также п. 4, примеч. 5.

¹⁰ Пьеса «Евреи» напечатана в т. 4 сочинений Е. Н. Чирикова (изд. «Знание». 1904).

¹¹ Горький красным карандашом волнистой линией на полях выделил весь абзац со слов: «им понадобилось <...> жестоко издеваться» до слов: «И зачем тогда делать?».

¹² Письма Горького к Г. Мартинес Сьерра не разысканы. Письма Сьерра находятся в Архиве Горького, опубликованы: *Архив Г.* 8. С. 236—238.

4.

Печатается по А (АГ. ПГ-ин-59-66-5), впервые, частично: *Островская С. Д.* «Литература — большущая утопия» (из переписки М. Горького и Э. Мадани. 1923—1924 гг.) в кн.: Максим Горький и литературные искания XX столетия. С. 479—480.

Ответ на письмо Э. Мадани из Берлина от 15 марта 1923 г. (АГ. КГ-п-48-1-8). Адресат ответил из Берлина 20 марта 1923 г. (АГ. КГ-п-48-1-2).

¹ См. п. 3.

² См. п. 3, примеч. 8.

³ 6 марта и в ночь на 7 марта произошло резкое ухудшение в состоянии здоровья Ленина, развивался паралич правой стороны тела. В прессе сообщалось: «За последние сутки состояние здоровья Ленина заметно ухудшилось, и вследствие этого правительство вынуждено с сегодняшнего дня возобновить печатание бюллетеней о состоянии здоровья Ленина». Первая публикация этого сообщения и бюллетень от 12 марта появились в вечернем (экстренном) выпуске газеты «Петроградский пролетарий» 13 марта 1923 г. Текст этого сообщения и бюллетени о состоянии здо-

рвью Ленина за 12, 13, 14 марта перепечатала газета «Накануне» (Берлин). 1923. № 286. 16 марта.

⁴ В 1923 г. В. И. Ленин в статье «Лучше меньше, да лучше» (впервые опубликована в газете «Правда». 1923. № 42. 4 марта) писал: «Для создания социализма требуется определенный уровень культуры <...>. Нам бы для начала достаточно настоящей буржуазной культуры» (Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 45. С. 389).

⁵ См. п. 3, примеч. 5, 9. Также: Флейшман Л. Материалы по истории русской и советской культуры. Из Архива Гуверовского Института. Stanford, 1992.

В работе, в частности, сообщалось: «По делам “Общего дела” Бурцеву пришлось быть в тесных сношениях с руководителями Добровольческого движения. <...> Бурцев <...> слыл “официальным бардом” белого дела (Деникина, Колчака и Врангеля), газета его привлекла ряд ведущих представителей эмигрантской интеллигенции. На страницах ее выступали <...> З. Гиппиус, И. Бунин, А. Н. Толстой, А. Куприн <...> Милюков, <...> Г. Алексинский» (С. 67, 68).

Кроме того, в исследовании Л. Флейшмана дан обзор всей общественной, публицистической и издательской деятельности В. Л. Бурцева.

⁶ В ответе от 20 марта 1923 г. (п. 5) Мадани поблагодарил Горького за подробное письмо.

⁷ Л. Мартов (наст. фам. и имя Цедербаум Ю. О.) умер пятидесяти лет в 1923 г. в эмиграции. В ЛБГ сохранилась кн.: *Мартов Л.* (Цедербаум). Записки социал-демократа. Кн. первая. Берлин: Изд-во З. И. Гржебина, 1922 (ОЛБГ. 6444). На книге словесные пометы Горького. А. Н. Потресов, находясь в эмиграции, умер в 1934 г. (родился в 1869). В ЛБГ сохранилась кн.: *Потресов А. Н.* (Старовер). Этюды о русской интеллигенции. Сб. статей. СПб.: Изд-во О. Н. Поповой <б.г.> (ОЛБГ. 3218). Оба деятеля являлись лидерами меньшевиков.

⁸ Первый номер журнала «Беседа» был отпечатан в мае 1923 г., поступил в продажу в июне 1923 г. Адресат ранее просил Горького прислать ему этот номер, по выходе в свет.

⁹ Мадани сообщал Горькому в своем письме от 15 марта 1923 г. (в этом месте письма есть подчеркивания Горького), что в театре, директором которого был Мартинес Сьерра, писатель Vidal у Planas убил наповал выстрелом из револьвера другого писателя Anton'a del Olmet, «своего явного друга и тайного недруга».

¹⁰ Ответ на вопрос Э. Мадани в письме от 15 марта: «<...> Позвольте мне попросить у Вас совета насчет перевода заглавия: <пьесы Г. Мартинеса Сьерра. — *Red.*> “Don Juan de España”. Перевести “Дон Хуан из Испании” — не по-русски звучит; “Испанский дон Хуан” — чересчур безлично и неопределенно, тем более, что речь об определенном историческом лице, и что его нельзя смешивать с другой исторической личностью, не менее донжуан, чем первый, а именно: “Don Juan Tenorio”. Совершенно же переиначивать заглавие я не решаюсь. Не придумаю! Посоветуйте, пожалуйста!».

¹¹ В основе литературного образа Дон Жуана лежит средневековая испанская легенда, сложившаяся вокруг конкретного исторического лица — придворного при кастильском дворе Дон Хуана Тенорио (XIV в.). Дон Жуан Австрийский (1547—1578) — побочный сын германского императора Карла V, испанский полководец, посланный на пост правителя Нидерландов своим братом королем Испании Филиппом II.

¹² Адресат предложил в своем письме от 15 марта Горькому передать статью «Pablo Iglesias'a». В «Беседе» статья не печаталась.

П. Иглесиас (1850—1925). Один из первых пропагандистов марксизма в Испании. Первый и бессменный председатель Испанской социалистической рабочей партии и Всеобщего союза трудящихся. В последние годы жизни реформист.

¹³ По словам В. Шкловского, Горький переехал «в единственную, плохо благоустроенную гостиницу в Саарове, расположенную на железнодорожной ветке» (*Шкловский В. Пафос количества // Горький М. Сб. статей и воспоминаний о М. Горьком. М.; Л.: Госиздат. 1928. С. 385*).

5.

Печатается по А (АГ. КГ-п-48-1-2), впервые.

Ответ на письмо Горького из Саарова от 16 марта 1923 г. (АГ. ПГ-ин-59-66-5).

Адресат ответил 24 марта 1923 г. из Саарова (АГ. ПГ-ин-59-66-6).

Датируется по связи с п. 4.

¹ Ср. со словами Горького: «<...> сказано <...> схематично <...>» (п. 4).

² См. п. 4, примеч. 6.

³ Ответ на слова Горького: «<...> Руси <...> необходима <...> армия интеллигентов-рабочих <...>» (п. 4). См. также п. 6, примеч. 5.

⁴ См. п. 4, примеч. 13.

⁵ См. п. 6, примеч. 1.

⁶ На месте, где отмечен месяц — дефект хранения.

6.

Печатается по А (АГ. ПГ-ин-59-66-6), впервые.

Ответ на письмо Э. Мадани из Берлина от 20 марта 1923 г. (АГ. КГ-п-48-1-2).

Мадани ответил из Берлина 27 марта 1923 г. (АГ. КГ-п-48-1-9).

¹ В «Беседе» эта информация не печаталась. См. также п. 4, примеч. 9; п. 5, примеч. 5.

² Ответ на замечание Э. Мадани в п. 5.

Объявление о подготовке к выходу первого номера «Беседы» появилось в газете «Накануне» (1923, № 288, 18 марта).

³ Ответ на вопрос адресата в п. 5.

17 марта 1923 г. в «Накануне» (№ 287) в перепечатанном бюллетене о здоровье Ленина на 15 марта сообщалось, что в общем состоянии его здоровья намечается улучшение.

⁴ Для консилиума к больному В. И. Ленину были приглашены из-за границы врачи: С. Е. Хеншен, А. Штрюмпель, О. Бумке, М. Нонне.

⁵ См. п. 5, примеч. 3.

⁶ См. п. 7.

⁷ Газета «Накануне» (1922—1924) издавалась группой эмигрантов-сменовеховцев. По мнению некоторых историков, «<...> поощрение советскими властями сменовеховских тенденций выражалось в создании газеты “Накануне”, редакция которой находилась в Москве и Берлине <...>» (*Геллер М., Некрич А. История Советского Союза с 1917 года до наших дней. Утопия у власти. В 3 кн.: Кн. I. М.: Изд-во «МИК», 1995. С. 187*).

В Архиве МИД РФ хранится документ, подтверждающий причастность правительства СССР к изданию газеты «Накануне». Это письмо Наркома иностранных дел Г. В. Чичерина полпреду СССР в Германии Н. Н. Крестинскому: «19 августа 1924 года. Поступило 22 августа 1924 — штамп “0102”.

Тов. Крестинскому

Уваж. Товарищ,

Постановление о том, что Вам дается поручение ликвидировать “Накануне”

вовсе не означает, что высшая инстанция ассигновала средства. При этом говорилось о том, что надо захватить все активы погибшего “Накануне”. И так, имелось в виду, что из этих активов что-нибудь удастся сколотить. Никакой ассигновки не было произведено. У НКВД для этой цели абсолютно нет денег, ибо все средства точно распределены, расписаны и уже поглощены или предназначены к поглощению в определенном порядке. Речь идет, таким образом, о том, чтобы Вы своими средствами произвели ликвидацию. Если бы это было невозможно, Вам всегда открыт путь к высшей инстанции <...>.

С товарищ. приветом, *Чичерин*».

(Полпредство в Германии. Дело № 73, папка № 113. Начато май 13, 14 1923 г., оконч. декабрь 1924 г.).

⁸ Новая экономическая политика. Называлась новой в отличие от политики «военного коммунизма». Начала осуществляться в 1921 г. по решению 10-го съезда партии большевиков. Завершилась постепенно, начиная с 1926 г., во второй половине 1930-х годов. В соответствии с Нэпом в Советской России была разрешена частная торговля, организация мелких капиталистических предприятий, допущен государственный капитализм в виде концессий, разрешена аренда земли под строгим контролем государства, происходило развитие рыночной экономики, создавались государственные тресты, связанные с рынком, развивались товарно-денежные отношения. Ср.: «<...> Введение НЭПа вызвало к жизни — нэпманов, новую буржуазию, социальную группу, лежавшую как бы за пределами советского общества <...>. Новая экономическая политика нуждалась в нэпманах, но питала к ним отвращение. Частных дельцов не оставляет чувство временности <...>. Поэтому в частную деятельность бросаются прежде всего авантюристы, спекулянты, как можно быстрее сорвать куш <...>. Присутствие в советском общественном организме чужеродного капиталистического тела создает особую атмосферу НЭПа: с громкими процессами взяточников <...>. Нэпманов делают виновными в деморализации коммунистов» <...> (*Геллер М., Некрич А.* Кн. 1. С. 178).

⁹ Журнал «Беседа» выходил в Берлине на русском языке. Литературным отделом руководили Горький и В. Ф. Ходасевич, научным — Ф. А. Браун. См. подробнее: *Архив Г. 16.* С. 287—288.

Периодичность издания была следующей: № 1. Май—июнь. 1923; № 2. Июль—август. 1923; № 3. Сентябрь—октябрь. 1923; № 4. Март. 1924; № 5. Июнь—июль. 1924; № 6—7. Март. 1925.

В личной библиотеке Горького хранится экземпляр журнала: Беседа. Журн. лит. и науки / Изд. при ближайшем участии: Адлера Б. Ф., Белого А., Брауна Ф. А., Горького М., Ходасевича В. Ф. № 1. Май—июнь. Берлин, 1923 (*ОЛБГ.* 8797).

Также см.: *Вайнберг И. И.* Жизнь и гибель берлинского журнала Горького «Беседа» // Новое литературное обозрение. 1996. № 21. С. 361—376.

7.

Печатается по А (*АГ.* КГ-п-48-1-9), впервые.

Ответ на письмо Горького из Саарова от 24 марта 1923 г. (*АГ.* ПГ-ин-59-66-6). Горький ответил 2 апреля 1923 из Саарова (*АГ.* ПГ-ин-59-66-7).

¹ Ответ на п. 6, примеч. 8.

² Ответ на предостережения Горького в п. 6, примеч. 6.

³ Ответ на слова Горького в п. 6: «для жизни <...> нет средств».

⁴ См. п. 4, примеч. 9; п. 5, примеч. 5; п. 6, примеч. 1.

Печатается по А (АГ. ПГ-ин-59-66-7), впервые.

Ответ на письмо Э. Мадани из Берлина 27 марта 1923 г. (АГ. КГ-п-48-1-9).

Э. Мадани ответил из Берлина 5 апреля 1923 г. (АГ. КГ-п-48-1-10).

¹ М. И. Будберг (Закревская) была секретарем журнала «Беседа».

² В. Шкловский сотрудничал с Горьким в журнале «Беседа».

³ В журнале «Беседа» № 1, 1923 г. помещены 4 письма из книги «ZOO» В. Шкловского (отдельное издание этой мемуарной книги: «ZOO. Письма не о любви, или Третья Элоиза». Берлин, 1923. Л., 1924).

В книге: *Шкловский В.* Сентиментальное путешествие. М.: Новости, 1990 на С. 24 указано: «<...> Воспоминания. 1917—1922. Петербург-Галиция-Персия-Саратов-Киев-Петербург — Днепр-Петербург-Берлин <...>». Ср.: п. 1, примеч. 2.

Печатается по А (АГ. КГ-п-48-1-10), впервые.

Ответ на письмо Горького из Саарова от 2 апреля 1923 г. (АГ. ПГ-ин-59-66-7).

Адресат ответил 17 апреля 1923 г. из Саарова (АГ. ПГ-ин-59-66-8).

¹ *Кропоткин П. А.* Этика. Т. I. Происхождение и развитие нравственности. Пг.; М., 1922.

² Среди книг М. М. Зощенко в личной библиотеке Горького сохранилось изд.: Рассказы Назара Ильича господина Синебрюхова. Петербург; Берлин: Эпоха, (1922) (ОЛБГ. 1006).

В 1923 году вышли: *Зощенко М.* Рассказы. Картонный домик. Пг.; Юмористические рассказы. Пг.: Радуга.

В бельгийском журнале «Disque vert», 1923, № 4—6 под заглавием «“Серапионовы братья”». Неопубликованное письмо Максима Горького с пометкой «Saagow, 15 mars 1923» впервые напечатана эта статья Горького в переводе с автографа на французский язык. На русском языке (в переводе с французского) она опубликована под названием «Горький о молодых», в сокращенном виде (Жизнь искусства. 1923. № 22). В статье Горького речь шла в том числе о книге Зощенко «Рассказы г. Синебрюхова», рассказах «Виктория Казимировна», «Аполлон и Тамара» (См. подробнее: ЛН. Т. 70. С. 562, 563, 564).

Статья Горького «Семен Подъячев» была впервые напечатана в виде редакционного предисловия к книге: *Подъячев С.* Жизнь мужицкая. Изд. 3. Гржебина. 1923 (см. подробнее: Г-30. Т. 24. С. 238—242; 547—548).

³ Речь идет о первом номере журнала «Беседа». См. также п. 4, примеч. 8.

Печатается по А (АГ. ПГ-ин-59-66-8), впервые.

Ответ на письмо Э. Мадани из Берлина от 16 апреля 1923 г. (АГ. КГ-п-48-1-11).

¹ М<ария> И<гнатъевна> — Будберг.

² 16 апреля Мадани писал: «<...> ни Мария Игнатъевна, ни Шкловский ко мне до сих пор не зашли. Также и от Вас письма не получил, и это меня очень беспокоит, т. к. не от кого узнать, каково теперь состояние Вашего здоровья. Очень прошу, сообщите мне об этом немедленно <...>».

³ Адресат 16 апреля извещал о своем отъезде в Италию: «<...> Я уезжаю 25 или 26 <его> <месяца>. <...> Мне надо было бы Вам передать некоторые работы, поговорить о чем-нибудь, не говоря уже о том, что очень не хочется уехать, не повидавшись с Вами <...>».

⁴ Для журнала «Беседа».

11.

Печатается по А (АГ. ПГ-ин-59-66-9), впервые.

Ответ на недатированное письмо Э. Мадани из Сестри (АГ. КГ-п-48-1-14).

¹ Мадани в своем письме к Горькому от 20 марта 1923 г. из Берлина сообщил: «Мне в мае месяце надо свидеться с Мартинес Сьерра в Италии» (АГ. КГ-п-48-1-2). В АГ сохранилось письмо на французском языке от писательницы Марии Мартинес Сьерра от 5 мая 1923 г. из Венеции Горькому, где есть приписка по-русски, сделанная Мадани: «Можете писать нам по-русски, не посылая французской копии» (АГ. КГ-ин-ф-13-58-2).

Полностью опубликовано в кн.: *Архив Г. 8. С. 237*.

² Возможно, имеется в виду книга, сохранившаяся в ЛБГ: *Достоевский Ф. М.* Село Степанчиково и его обитатели. Повести и рассказы. Берлин: И. П. Ладыжников, 1922. В книгу вложена записка с дарственной надписью: «Дорогой и уважаемый Алексей Максимович, очень прошу Вас принять сию маленькую вещицу в знак моих к Вам чувств. Всего доброго. Мадани. Венеция. 9/IV-23 г.» (ОЛБГ. 936).

³ Адресат писал из Сестри: «Одновременно с настоящим письмом посылаю Вам экземпляр маленького издания в Италии». В ЛБГ книги нет.

⁴ Горький выехал в местечко Гюнтерсталь (близ Фрейбурга) в Шварцвальде через Берлин и 7 июня поселился в санатории-пансионате «Кюбург», прожив здесь до 5 сентября, затем снял дачу неподалеку на Дорфштрассе, где прожил до середины ноября 1923 г.

⁵ В АГ сохранился конверт № 20 (П Г-3 П 2-51) с горьковским текстом об Эстрине и Смотрицкой: «А. Эстрин, рабочий, еврей; А. Я. Смотрицкая, учительница, русская.

Бежали от колчаковщины и вообще “от всего” в Японию, затем попали на Яву <...>».

Дал им письма в Акад<емию> наук С. Ф. Ольденбургу».

Из отчета Академии за 1923-й год:

«Коллекция эта <...> служит прекрасным дополнением к <...> материалу по Индонезии» (Опубл. полностью в *Архиве Г. 12*. Раздел [Наброски к портретам]. С. 221).

В АГ сохранилось письмо Горького к неперемому секретарю Акад. наук СССР С. Ф. Ольденбургу от 3 мая 1923 г. (ПГ-рл-29-6-19).

28 июля 1924 г. Горький писал Федину: «в <...> “Отчете Акад. наук” Вы найдете хвалу и благодарность Эстрину и Смотрицкой <...> Я знаю этих людей <...>

Вот — люди наших дней <...> радуюсь. Удивительный народ. Всё поглощающий народ, толк — будет» (ЛН. Т. 70. С. 477, 478. Также: АГ. ПГ-рл-47-5-3). Речь идет об Эстрине Александре Яковлевиче.

⁶ Ответ на слова Мадани из его письма из Сестри: «...Сейчас я занят вопросом: остаться ли мне в Италии, уехать во Францию, вернуться в Германию или же совсем уехать в Россию?».

Печатается по А (АГ. КГ-п-48-1-18), впервые.

Адресат ответил 8 сентября 1923 г. из Гюнтерстала (АГ. ПГ-ин-59-66-10).

Датируется по связи с п. 13. См. ниже.

¹ См. п. 4, примеч. 10.

² Испанская писательница Мария Мартинес Сьерра.

³ См. предисловие и примеч. к нему 6.

Также: п. 22, примеч. 10.

Печатается по А (АГ. ПГ-ин-59-66-10), впервые.

Ответ на письмо Э. Мадани около 4 сентября 1923 г. из Ниццы. (АГ. КГ-п-48-1-18).

Ответ адресата из Сан-Ремо в конце сентября 1923 г. (АГ. КГ-п-48-1-19).

¹ В письме, на которое отвечал Горький, адресат сообщал: «Последнее Ваше письмо от 5/6 <п. 11> получил еще в Sestri <Италия>, а днем раньше послал Вам в Saagow письмо со статейкой о женском конгрессе. Получили ли Вы его?». По сообщениям газет, в том числе «Накануне» (1923, 16 мая), конгресс Лиги женского равноправия открылся 14 мая 1923 г. в Риме. В основном он был посвящен вопросу об избирательном праве женщин. На конгресс прибыло 2000 делегатов от сорока государств, с речью выступил Муссолини.

² Горький отвечал на вопросы Мадани, который переводил произведения писателя на испанский язык.

В письме Марии Мартинес Сьерра от 6 января 1924 г. из Мадрида Горькому сообщалось: «Дорогой учитель и друг: давно уже хотела написать Вам, чтобы поговорить с Вами об издании Ваших “рассказов” в Испании, но я не знала Вашего адреса и просила Мадани послать мне его. <...> Мадани очень хорошо перевел Ваши рассказы» (АГ. КГ-ин-ф-13-58-3). Письмо полностью опубликовано в кн.: *Архив Г.* 8. С. 238. См. также п. 12 и примеч.

³ Рассказ Горького написан на Капри в 1913 г. Впервые напечатан в журнале «Летопись» (1917. № 1. С. 12—28).

⁴ Адресат в своем письме спрашивал: «<...> Есть некоторые интересные пьесы Rigandello: желательны ли они для “Беседы”?» Пьесы Л. Пиранделло в «Беседе» не печатались. Пьеса Л. Пиранделло «Шесть действующих лиц в поисках автора» в переводе с итальянского Е. Лазаревской была опубликована на русском языке в журнале: «Современный Запад». Кн. 1 (5). 1924. С. 44—90. См. также ЛН. Т. 70. С. 477, 478.

⁵ Деятельница итальянской социалистической партии, с которой Горький познакомился на Капри в конце 1906 г. (ЛЖТ. I. С. 637).

⁶ Видимо, речь идет о кн.: *Аришинов П.* История махновского движения (1918—1921). Берлин, 1923; *Записки Н. Махно.* Анархический вестник. Берлин, 1923. Июль. № 1; *Гонение на анархизм в советской России.* Берлин, 1923. В ЛБГ сохранились кн.: *Эльцбахер П.* Сущность анархизма. 3-е изд. СПб.: Простор, 1908 (ОЛБГ. 5827); *Герасименко Н. В.* Батько Махно. Мемуары белогвардейца / Под ред. П. Е. Щеголева. М.; Л.: Госиздат, 1928. Экземпляр с пометами Горького (ОЛБГ. 6236).

⁷ См. п. 15, примеч. 2.

⁸ См. п. 7, 8.

⁹ Пьеса: «Дон Жуан Испанский» Г. Мартинеса Сьерра на русском языке не издавалась. См. также п. 4, примеч. 10.

¹⁰ См. п. 4, примеч. 12.

¹¹ См. п. 11, примеч. 1.

¹² Ответ на вопросы Мадани, касающиеся его работы над переводами. См. выше, примеч. 2.

14.

Печатается по А (АГ. КГ-п-48-1-19), впервые.

Ответ на письмо Горького от 8 сентября 1923 г. из Гюнтерстала (АГ. ПГ-ин-59-66-10).

Датируется по связи с п. 13. Также по содержанию: «письмо <...> в мои руки попало <...> несколько дней <...> назад».

¹ См. п. 13, примеч. 6.

² Сведения не разысканы. См. также п. 16, примеч. 1.

³ Горький подчеркнул красным карандашом от слов «каким бы хулиганом» до слов: «порядочного иностранца» и на полях написал: «О!»

⁴ Горький подчеркнул красным карандашом: «русские <...> особая порода людей; <...> у иностранцев нет того “живого” — <...> чем отличаются русские <...> русские совсем особая порода».

⁵ Ср.: *Горький М.* Лев Толстой // *Горький. Сочинения.* Т. 16. С. 296: «Не сирота я на земле, пока этот человек есть на ней!»

15.

Печатается по А (АГ. КГ-п-48-1-12), впервые.

Адресат ответил 5 декабря 1923 г. из Праги (АГ. ПГ-ин-59-66-11).

¹ См. п. 13, примеч. 1.

² См. п. 14, примеч. 1.

³ Спиридонова Мария Александровна (1884—1941), русская политическая деятельница, эсер. В 1917—1918 гг. один из лидеров партии левых эсеров. С ноября 1917 г. член ВЦИК. С середины 1918 г. решительно выступила против большевиков. В октябре 1920 г. была задержана, некоторое время провела в лазарете ВЧК и в тюремной психиатрической лечебнице. С сентября 1921 г. жила в изоляции и под контролем ВЧК в подмосковной Малаховке, с 1925 г. в ссылке, с 1938 г. в тюрьме. 11 сентября 1941 г. по приговору Военной коллегии Верховного суда СССР расстреляна (*Бунин И. А.* Публицистика 1918—1953 годов. С. 492).

16.

Печатается по А (АГ. ПГ-ин-59-66-11), впервые.

Ответ на письмо Э. Мадани из Сан-Ремо (Италия) от 20 ноября 1923 г. (АГ. КГ-п-48-1-12).

Адресат ответил из Рима 12 декабря 1923 г. (АГ. КГ-п-48-1-21).

¹ 20 ноября 1923 г. Э. Мадани писал Горькому: «...Я очень огорчен Вашим письмом. <См. ниже, примеч. 2.> Боюсь, что чем-то неволью обидел Вас. Полагаю,

что по поводу просимого предисловия, Вы ошибочно истолковали: дело не в само-рекламе — ни М. Сьерра, ни я к подобным приемам не прибегаем, причем Вы в них не нуждаетесь, а в том, что желательно было, чтоб истинный, настоящий человек <...> обратился к испанскому народу, дабы вытянуть его из той тины равнодушия, в которую он погружен <...> мы полагали, что непосредственное Ваше обращение к нему могло бы содействовать его пробуждению <...>».

² Письмо не разыскано.

³ В конце сентября 1923 г., в письме из Сан-Ремо Мадани советовался с Горьким: «<...> Мне до разреза нужно прожить несколько месяцев в Париже, я начал уже некоторые работы и без парижских библиотек мне окончить их невозможно <...> единственный человек, который способен заинтересоваться и заступиться за меня, это Henri Barbus <...>. С Barbus'ом я незнаком, но если бы Вам было возможно, я просил бы Вас написать ему обо мне <...>» (АГ. КГ-п-48-1-19). Письмо Барбюсу, вероятно, написано не было.

⁴ В неразысканном письме Горький, видимо, рассказал адресату о том, как используются марки, которые Э. Мадани неоднократно посылал ему. В письме 20 ноября 1923 г. Э. Мадани выразил свое неудовольствие: «<...> Очень удручило меня, что посылаемые мною марки идут на торговлю <...>».

Возможно, в неразысканном письме Горького к Мадани содержались также размышления Горького по поводу просьбы Мадани о необходимости обратиться за помощью к Барбюсу (в организации пребывания адресата во Франции). См. об этом выше, примеч. 3.

⁵ «Полицейский» — пьеса испанского драматурга С. Русинёля (Santiago Rusinó). 20 ноября 1923 г. Э. Мадани сообщал: «<...> Русинёль пишет на каталанском диалекте <...> У меня было намерение перевести его пьесу “El Nerve” или “El Místico”, но до сих пор мне не удавалось еще найти их на испанском языке <...>. За неимением лучшего перевел “Полицейского” <...> автор пишет <...> уже давно, лет 30 или 40 (ему, кажется, 65 лет), но писать уже перестал. Много занимается живописью, также и музыкой <...>». В «Беседе» произведения Русинёля не печатались.

⁶ Сведения о том, что такая работа готовилась кем-либо, не разысканы.

⁷ Ср.: п. 15.

17.

Печатается по А (АГ. КГ-п-48-1-21), впервые.

Ответ на письмо Горького от 5 декабря 1923 г. из Праги (АГ. ПГ-ин-59-66-11).

Адресат ответил 27 января 1924 г. из Мариенбада (АГ. ПГ-ин-59-66-12).

¹ См. п. 16, примеч. 1.

² См. п. 16, примеч. 7.

³ Имеется в виду пропагандистская работа Мадани в рабочих кружках.

18.

Печатается по А (АГ. КГ-п-48-1-22), впервые.

Адресат ответил 27 января 1924 г. из Мариенбада (АГ. ПГ-ин-59-66-12).

¹ М. И. Будберг. Письмо Будберг к Мадани не разыскано.

² Ср.: в письме Горькому Марии Мартинес Сьерра об этом же (Архив Г. 8. С. 237).

Печатается по А (АГ. ПГ-ин-59-66-12). Впервые, частично, в кн.: *Ленин и Горький*. С. 287.

Ответ на письма Э. Мадани из Рима 12 декабря 1923 г. и 23 января 1924 г. (АГ. КГ-п-48-1-21, 22).

Адресат ответил: около 8 марта 1924 г. из Рима (АГ. КГ-п-48-1-24).

¹ Визу Горький получил в марте 1924 г. и 3 апреля 1924 г. уехал из Мариенбада в Неаполь. См.: *ЛЖТ*. З. С. 363, 369.

² В. И. Ленин умер 21 января 1924 г. в Горках.

³ Очерк «В. И. Ленин». См. также п. 20, примеч. 4.

⁴ Письмо не разыскано. Оно упомянуто в письме Мадани к Горькому около 4 сентября 1923 г. из Ниццы. В нем сообщается, что ранее Э. Мадани послал деньги на имя М. И. Будберг в Мариенбад, с просьбой купить для него какие-либо русские книги (АГ. КГ-п-48-1-18).

Печатается по А (АГ. КГ-п-48-1-24), впервые.

Ответ на письмо Горького от 27 января 1924 г. из Мариенбада (АГ. ПГ-ин-59-66-12).

Адресат ответил 15 марта 1924 г. из Мариенбада (АГ. ПГ-ин-59-66-14).

Датируется по связи с п. 21. См. ниже.

¹ Как видно, не все письма Мадани и Горького доходили до адресата.

² *Андреев Л.* Савва (Ignis sanati): Пьеса в 4-х действиях // *Сб. Зн. 11.* Горький помнил текст. В 1921 г. писал: «“Тюха” — это есть у Андреева в “Савве”» (*ЛН*. Т. 70. С. 560).

В личной библиотеке Горького среди книг Л. Андреева с его дарственными надписями и сочинений о нем находятся: Книга о Леониде Андрееве / Воспоминания М. Горького, К. Чуковского, А. Блока, Г. Чулкова, Б. Зайцева, Н. Телешова, Е. Замятина. Петербург; Берлин: Изд-во З. И. Гржебина, 1922 (*ОЛБГ*. 5054).

Горький М. Воспоминания о Леониде Андрееве. Петербург; Берлин: Изд-во З. И. Гржебина, 1922 (*ОЛБГ*. 5055).

³ Фраза: «Случился последний катаклизм в Японии» — подчеркнута Горьким. См. также п. 21, примеч. 6.

⁴ Выдержка из газеты «Упіта», посланная Мадани, в архиве Горького не сохранилась. Имеются в виду воспоминания Горького о Ленине («В. И. Ленин»). Впервые опубли.: «Владимир Ленин» — в журн. «Русский современник». 1924. № 1. Май. См. подробнее: Горький. *Сочинения*. Т. 20. С. 7—50, 527—531.

У Мадани и Горького были устные беседы о Ленине (п. 22, примеч. 14).

⁵ О каких письмах идет речь, не установлено.

⁶ Русские революционеры (XIX в.) — утописты-социалисты, народники.

⁷ Фраза в письме подчеркнута Горьким красным карандашом.

⁸ П. А. Кропоткин встречался с В. И. Лениным в 1918—1920 гг.

В эмигрантской прессе появились воспоминания Мануила Сергеевича Маргулиса (адвоката, члена партии кадетов) о Кропоткине и об одной из встреч последнего с Лениным: «Кропоткин <...> был в добрых отношениях с Бонч-Бруевичем, и вот у него-то в Кремле и состоялось это свидание <...>. Кропоткин <...> пытался <...> повернуть большевистские деяния на путь гуманности, права! А потерпев не-

удачу, “разочаровался” в Ленине и говорил: <...> — Оказывалось, что убеждать этого человека в чем бы то ни было напрасно» (Цит. по кн.: *Бунин И. А.* Публицистика 1918—1953 годов. С. 213. См. подробнее: Там же. С. 212—214, 550—551). См. также: *Пирумова Н. М.* Письма и встречи. Оpubл.: журн. Родина. 1989. № 1. См. также п. 21, примеч. 4.

⁹ Н. И. Махно (1884—1934), анархист, лидер крестьянского движения в Южной Украине во время Гражданской войны. «В июне 1918 года Н. И. Махно долго беседовал с Лениным и пытался объяснить ему отношение украинских крестьян к революции. Крестьянская масса, объяснял Махно, — видит в революции “средство избавления себя от гнета помещика и богатея-кулака, но и от слуги этих последних — власти политического и административного чиновника сверху...”». Махно пишет в своих воспоминаниях: «Ленин переспрашивал меня три раза и все три раза удивлялся тому, что лозунг “власть советов на местах” воспринят крестьянами не так, как имел в виду вождь Октября. Крестьяне полагали — власть советов на местах — это “значит, что вся власть и во всем должна отождествляться непосредственно с сознанием и волей самих трудящихся”. Ленин возразил на это: “крестьянство из ваших местностей заражено анархизмом”».

Политический ярлык не объяснял главного: крестьянство шло <...> за “анархистом-коммунистом” Махно <...> в надежде найти землю и свободу» (Цит. по кн.: *Геллер М., Некрич А.* История Советского Союза с 1917 года до наших дней. Т. 1. С. 111—112).

Когда командование красных осенью 1920 года сосредоточило все силы для борьбы с Врангелем, «было даже заключено “Военно-политическое соглашение” между советским правительством Украины и революционной повстанческой армией Украины (махновцев), подписанное с советской стороны командующим Южным фронтом Фрунзе и членами Реввоенсовета Бела Куном и С. Гусевым. <...> В первой половине ноября советские войска заняли Крым. Остатки врангелевской армии эвакуировались за границу. Белое движение потерпело поражение» (Там же. С. 102).

Однако волнения крестьян перерастали в вооруженные восстания, партизанскую войну, «охватывавшие многие губернии России. Они прокатились в 1920—1921 гг. по Украине (повстанческое движение Н. Махно и др.), в Воронежской и Тамбовской губ. (“антоновщина”) и др.

Примерно в то же время общая картина антибольшевистских выступлений получила известное завершение в первом со времени Октября серьезном вооруженном восстании военных моряков в Кронштадте в феврале—марте 1921 г. (“Кронштадтский мятеж”), которое в зарубежной литературе характеризуется как “известная революция” против деспотизма большевиков» (*Шшишкин В. А.* Власть и реформы. От самодержавной к Советской России. С.-Петербург, 1996. С. 772).

Фигурой Н. И. Махно интересовался Горький. Так, 12 сентября 1935 г. по его просьбе для передачи Р. Роллану были посланы книги о Махно, «чтобы нейтрализовать публиковавшиеся в западной и эмигрантской прессе статьи, восхвалявшие “батюшку”» (*Архив Г.* 15. С. 501). Ср.: *Горький М.* Две культуры // Коммунистический Интернационал. 1919. № 2. 1 июня; *Горький М.* О русском крестьянстве. Берлин: Изд-во И. П. Ладжикова, 1922 (См. подробнее: *Архив Г.* 15. С. 351).

См. также п. 13, примеч. 6.

¹⁰ Абзац со слов: «Да перебил бы» до слов: «из рабочих и революционеров» Горький отчеркнул на полях красным карандашом и подчеркнул фразы внутри абзаца.

¹¹ В Москве 6—7 июля 1918 г. Красной Армией был ликвидирован левозсеровский мятеж.

¹² Признание СССР Италией де-юре и установление между 2 государствами дипломатических отношений было оформлено обменом нотами от 7—11 февраля 1924 г.

7 февраля 1924 г. в Риме был заключен договор между СССР и Италией о торговле и мореплавании (Дипломатический словарь. М., 1986. С. 186).

¹³ См.: Горький М. Воспоминания о Льве Николаевиче Толстом. Изд. 3. И. Гржебина; изд. 2-е, доп. Берлин, 1922. Имеется в виду часть текста с подзаголовком — «Письмо».

См. подробнее: Горький. *Сочинения*. Т. 16. С. 287—295; 578—580.

¹⁴ Речь идет о голоде в России 1921—1922 гг. Инициативы Горького и других по организации продовольственной помощи России способствовали созданию комитетов и отделений для этой работы в разных странах мира (См. подробнее: *Архив Г. 16*. С. 274—276).

¹⁵ А. Барбюс (1873—1935) — французский писатель и общественный деятель. Участие в Первой мировой войне привело его в ряды революционеров. Автор ряда романов. В России наиболее известен роман «Огонь» (1916).

Являлся автором публицистических книг — «Свет из бездны» (1919), «Слова бойца» (1920).

Горький написал предисловие к книге А. Барбюса «В огне» под заглавием «Замечательная книга (“В огне” Анри Барбюса)» — впервые напечатано в журнале «Коммунистический Интернационал». 1919. № 3. 1 июля (Также: *Г-30*. Т. 24. С. 196—201, 543—544).

Горький отозвался на смерть А. Барбюса статьей «Замечательный человек эпохи» (Впервые: газ. «Правда». 1935. № 241. 1 сент. То же: *Г-30*. Т. 27. С. 469—470).

После Первой мировой войны, в 1919 году, А. Барбюс создал группу «Clarté» как антивоенное объединение известных писателей разных стран. Группа имела свой печатный орган — газету «Clarté» (1919—1921), затем журнал того же названия (1921—1924), редактор Барбюс.

См. подробнее: *Архив Г. 15*. С. 341—343, 345.

Переписка Горького и Барбюса опубли.: *Архив Г. 8*. С. 369—391.

¹⁶ Адрес не сохранился.

21.

Печатается по А (*АГ. ПГ-ин-59-66-14*). Впервые, с небольшой купюрой, в кн.: *Ленин и Горький*. С. 337, 338.

В *АГ* сохранился *ЧА* от 12 марта 1924 г. (*ПГ-ин-59-66-13*).

Ответ на письмо Э. Мадани около 8 марта 1924 г. из Рима (*АГ. КГ-п-48-1-24*). Адресат ответил 2 апреля 1924 г. из Италии (*АГ. КГ-п-48-1-25*).

¹ П. 20.

² Статья Горького «Владимир Ильич Ленин» (Коммунистический Интернационал. 1920. № 12). См. также п. 20, примеч. 4.

³ Почти одновременно (3 марта 1924 г.) Горький писал Р. Роллану: «Да, дорогой мой друг, смерть Ленина лично для меня — тяжелый удар, не говоря о том, что для России это огромная, незаменимая утрата <...>. Я — знаю, что он любил людей, а не идеи, Вы знаете, как ломал и гнул он идеи, когда этого требовали интересы народа. <...> Он был очень большой русский человек. <...> Толстой и он — двое чудовищно больших людей, я горжусь, что видел их» (*Архив Г. 15*. С. 91—92).

Ср.: в очерке «В. И. Ленин» описание разговора Горького и Ленина о Л. Толстом (Горький. *Сочинения*. Т. 20. С. 41).

⁴ П. А. Кропоткин (1842—1921). Горький встретился с П. А. Кропоткиным в мае 1907 г. во время работы V съезда РСДРП в Лондоне (*ЛЖТ. I. С. 665*). Они переписывались.

В горьковском издательстве «Знание» вышли книги: *Кропоткин П. Сочинения*. В том числе: Т. 1. Записки революционера. 1906; Т. 4. В русских и французских тюрьмах. 1906; Т. 5. Идеалы и действительность в русской литературе. 1906; Т. 7. Взаимная помощь как фактор эволюции. 1907 и др.

Горький размышлял об идейном наследии Кропоткина в своих статьях «История молодого человека» (1931) — *Г-30. Т. 26. С. 165*; «Об анекдотах и еще кое о чем» (1931) — *Г-30. Т. 26. С. 205*; «Прекрасным героическим трудом вы удивляете мир» (1932) — *Г-30. Т. 26. С. 319*.

См. также: упоминание Горького о Кропоткине в письме к Р. Роллану от 29 января 1928 г., где говорится о России как стране «максимальных требований» (в кн.: *Архив Г. 15. С. 150*).

В *ЛБГ* сохранились сочинения П. А. Кропоткина — 16 названий, в том числе кн.: Переписка Петра и Александра Кропоткиных. М.; Л.: Academia, 1932—1933. Т. 1, 2. Т. 1 с пометами Горького (*ОЛБГ. 4853*).

⁵ См.: «В. И. Ленин» (Горький. *Сочинения*. Т. 20. С. 7—50).

⁶ Речь идет о землетрясении в Японии 1 сентября 1923 г., сопровождавшемся почти полным разрушением городов Токио и Йокагама. Численность погибших достигла, по сообщениям газет, 100000 человек (Руль. 1923. № 840. 4 сент.), см. также: *Архив Г. 15. С. 68, 366*.

⁷ Здесь и далее Горький цитирует письмо Мадани около 8 марта 1924 г. (п. 20). Слова Мадани, которые цитирует Горький, помечены им в письме адресата.

22.

Печатается по А (*АГ. КГ-п-48-1-25*), впервые, частично: *Островская С. Д. «Литература — большущая утопия»* (из переписки М. Горького и Э. Мадани. 1923—1924 гг.) в кн.: Максим Горький и литературные искания XX столетия. С. 480—482. Ответ на письмо Горького 15 марта 1924 г. из Мариенбада (*АГ. ПГ-ин-59-66-14*). Адресат ответил 12 апреля 1924 г. из Неаполя (*АГ. ПГ-ин-59-66-15*).

¹ П. 21.

² Там же.

³ См. п. 4.

⁴ П. 20, примеч. 10.

⁵ П. 20, примеч. 3.

⁶ Имеется в виду деятельность по уничтожению самодержавия организации «Народная воля». Возникла в Петербурге в 1879 году.

⁷ Неточная цитата из произведения Горького — «Песня о Буревестнике».

⁸ Термин введен О. Контом как противоположный по смыслу эгоизму. О. Конт (1798—1857) — французский философ, один из основоположников позитивизма.

См. также в *ОЛБГ* — описание трудов О. Конта (№ 93, 3917 (3), 5823 (Т. 2)).

⁹ См. п. 21.

¹⁰ Там же.

¹¹ Возражение на слова Горького в п. 21. О белоэмигрантской печати с откликами на смерть Ленина см., например, письмо Горького Е. П. Пешковой от 11 февраля 1924 г. (*Архив Г. 9. С. 232—233*). Также письма 1924 года М. Ф. Андреевой — 4 февраля, С. Ф. Ольденбургу — 12 февраля (*Ленин и Горький*. 3-е изд. С. 287—288; 289; 594—595). Ср.: *Бунин И. А. Миссия русской эмиграции: Речь, произнесенная в*

Париже 16 февраля 1924 г. Опубл.: газ. «Руль». 1924. 3 апреля (№ 1013). Опубл. также в кн.: *Бунин И. А.* Публицистика 1918—1953 годов. С. 148—157; 535—541.

О белоэмигрантской прессе Горький писал и позже. См. письмо Р. Роллану 29 января 1928 г. (*Архив Г. 15.* С. 147—151; 406—414). Также: *Горький М.* О белоэмигрантской литературе. Послесловие к книге Д. Горбова. Впервые напечатано в газ. «Правда». 1928. № 108, 11 мая (Г-30. Т. 24. С. 336—350). Замысел статьи возник в феврале 1924 г. под названием «Психология каторжников» (см. подробнее: *Архив Г. 9.* С. 397—398).

¹² «Коммунистический Интернационал», журнал Исполкома Коминтерна (1919—1943). Издавался на русском, английском, французском, немецком, испанском и китайском языках.

В журн. «Коммунистический Интернационал» с 1919 по 1923 гг. опубликовано около 25 статей за подписью — «Н. Ленин» (См.: Указатели к журналу Коммунистический Интернационал. 1919—1923. № 1—25. Пг., 1923).

¹³ См. п. 21, также п. 20, примеч. 9.

¹⁴ Имеются в виду встречи Горького и Мадани в январе 1923 г. в Саарове.

О характере этих бесед можно судить и по тому, о чем размышлял Горький во многих своих письмах к Р. Роллану. Так, 15 января 1924 г. из Мариенбада Горький писал: «В начале 18-го года я понял, что никакая иная власть в России невозможна и что Ленин — единственный человек, способный остановить процесс развития стихийной анархии в массах крестьян и солдат. Однако, это не значит, что я солидаризировался с Лениным; в течение четырех лет я спорил с ним, указывая, что его борьба против русского анархизма принимает, приняла характер борьбы против культуры. Указывал, что истребляя русскую интеллигенцию, он лишает русский народ мозга. И, несмотря на то, что я люблю этого человека, а он меня, кажется, тоже любил, моментами наши столкновения будили взаимную ненависть».

Основной недостаток Ленина — это его русская, мужицкая вера в необходимость “упростить” жизнь. Он думал, что этого можно достигнуть механизацией труда и отношений между людьми. Нет сил, нет средств убедить его в том, что “упрощение” неизбежно грозит вызвать <...> не развитие энергии и трудоспособности, а, наоборот, стремление к покою <...>, культурному застою.

Ленин — государственный (Цит. по кн.: *Архив Г. 15.* С. 88).

¹⁵ См. п. 20, примеч. 7.

¹⁶ О каких социал-демократических журналах идет речь, установить не удалось. В кн.: *Балухатый С.* Литературная работа М. Горького (М.; Л.: Academia, 1936) указано, что в 1919 году Горький опубликовал пять статей в журнале «Коммунистический Интернационал», в 1920 году там же — две статьи (См. также выше, примеч. 12). По 1924 год писатель печатался, например, в изданиях: «Berliner Tageblatt», «Былое» (1921); «Летопись Революции», «Новая Русская Книга», «Avanti!», в «The Living Age» (Англия), «Politiken» (Копенгаген), в газете «Secolo» (Италия) — (1922); в журнале «L'Europe» (Париж), «Disque vert» (см. п. 9, примеч. 2) и в «Русском современнике» (Л.) — (1923—1924). Также в журнале «Беседа» (Берлин). См. п. 6, примеч. 9.

¹⁷ См. п. 21, примеч. 4.

¹⁸ См. п. 21.

¹⁹ Чезаре Ломброзо (1835—1909) — итальянский психиатр и криминалист. Выдвинул положение о существовании особого типа человека, предрасположенного к совершению преступлений в силу определенных биологических признаков.

В ЛБГ находятся книги: *Ломброзо Ц.* Гениальность и помешательство: Параллель между великими людьми и помешанными. Перевод с 4-го ит. изд. К. Тетюшиновой. СПб.: изд. Ф. Павленкова, 1892 (Попул. науч. б-ка). (*ОЛБГ. 7492*); *Нор-*

дау М. Возрождение (Entartung) / Пер. с нем. под ред. и с предисл. Р. И. Сементковского. 2-е изд. Ф. Павленкова. СПб.: Тип. П. П. Сойкина, 1896 (ОЛБГ. 7593).

Еще в ранней своей статье «Поль Верлен и декаденты» (1896) Горький упомянул Нордау (Г-30. Т. 23. С. 134). В другой статье «Заметки о мещанстве» (1905) Горький писал о том, что «мещане становятся Мальтусами, Спенсерами, Ле-Бонами, Ломброзо» (Г-30. Т. 23. С. 342).

В более поздней статье «О предателях» (1930) Горький напомнил: «В 1915 году полиция Берлина посадила Азефа в тюрьму; там он читал сочинения анархиста Макса Штирнера “Единственный и его собственность”, книгу, которую можно назвать евангелием мещанского индивидуализма; читал Ломброзо “Гений и безумие” <...> Азеф, профессиональный Иуда <...> Двусторонняя работа эта не требовала никаких прикрытий идеологией» (Г-30. Т. 25. С. 192, 193).

По мнению Горького, Азеф был движим «чувством ненависти к людям» и «мстительным желанием уничтожать людей, кто бы они ни были» (Там же. С. 193).

В ЛБГ имеется в двух изданиях указ. выше труд М. Штирнера и изложение его учения (ОЛБГ. 5818; 5819; 5827).

²⁰ См. п. 21.

²¹ Там же.

²² См. п. 20.

²³ Слева, перед строкой, возможно, помета Горького: большая галка.

²⁴ См. п. 21.

²⁵ Ср.: п. 20.

²⁶ В АГ материал не обнаружен.

23.

Печатается по А (АГ. ПГ-ин-59-66-15).

Впервые, частично, в кн.: *Ленин и Горький*. 3-е изд. С. 339.

Ответ на письмо Э. Мадани от 2 апреля 1924 г. из Италии (АГ. КГ-п-48-1-25).

Адресат ответил 7 мая 1924 г. из Испании (АГ. КГ-п-48-1-27).

¹ См. п. 22, примеч. 23.

² См. п. 21.

³ См. п. 20, 22.

⁴ Встреч между ними больше не было. См. также п. 24.

⁵ Видимо, речь идет о книге: Падение царского режима: Стенографические отчеты допросов и показаний, данных в 1917 г. в Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства / Ред. П. Е. Щеголева. Т. 1. М.; Л.: Госиздат, 1924. Экземпляр книги сохранился в ЛБГ с пометами Горького (ОЛБГ. 6492).

⁶ *Горький М.* Заметки из дневника. Воспоминания. Berlin: Verlag. «Книга», 1924. Подробнее: Горький. *Сочинения*. Т. 17. С. 5—233; 564—602. Также: *Архив Г.* 16. С. 290.

См. также п. 24 и примеч.

24.

Печатается по А (АГ. КГ-п-48-1-27), впервые.

Ответ на письмо адресата от 12 апреля 1924 г. из Неаполя (АГ. ПГ-ин-59-66-15).

¹ См. п. 23, примеч. 5, 6.

² Слова Горького из его п. 23.

³ «Вместо послесловия» — заключительная часть книги Горького «Заметки из дневника. Воспоминания» (Berlin: Verlag. «Книга», 1924).

⁴ Ср.: «Совершенно чуждый национализма, патриотизма и прочих болезней духовного зрения, все-таки я вижу русский народ исключительно, фантастически талантливым, своеобразным» (*Горький М.* Заметки из дневника. Воспоминания. Часть: «Вместо послесловия». Цит. по кн.: Горький. *Сочинения*. Т. 17. С. 230—231). См. также п. 23, примеч. 2.

⁵ См. стихотворение, входящее в главу «Из дневника» в книге «Заметки из дневника. Воспоминания» Горького (Указ. изд.). Также: Горький. *Сочинения*. Т. 17. С. 174—175.

Ср.: п. 20, примеч. 2.

⁶ В состав книги Горького «Заметки из дневника. Воспоминания» вошел антивоенный рассказ «Герой». Однако, по читательской реакции Мадани (см. ниже, примеч. 7) и по написанию в автографе его письма: «Рассказ о герое» — можно предположить, что речь шла об одноименном произведении, которое вошло в книгу Горького «Рассказы 1922—1924 годов» (опубл. в конце 1924 г.). Вместе с тем, отдельно «Рассказ о герое» был впервые напечатан в журнале «Беседа» (1924. № 4. Март).

Мадани, видимо, имел этот номер журнала.

⁷ См. п. 4. Ср.: 6 августа 1923 г. Горький сообщил Р. Роллану: «Написал злой “Рассказ бандита”» (Цит. по кн.: *Архив Г.* 15. С. 61). Ранние названия «Рассказа о герое» — «Рассказ о страхе», «Рассказ бандита» (См.: *Архив Г.* 16. С. 291).

⁸ См. п. 23, примеч. 4.

⁹ Далее в письме речь шла о желании Мадани перевести на испанский язык ряд произведений Горького, в том числе — «Жизнь ненужного человека», «Заметки из дневника», «Рассказ о герое», «На дне», «Мещане».

См. также вступ. ст., примеч. 6.

25.

Печатается по А (АГ. ПГ-ин-59-66-16), впервые.

Ответ на неразысканное письмо Э. Мадани.

См. примеч. ниже.

¹ Очевидно, это ответ на неразысканное письмо Э. Мадани (после 7 мая 1924 г. до 11 июля 1924 г.). На пожелание Э. Мадани вернуться из эмиграции в Россию, выраженное ранее, Горький ответил в письме 24 марта 1923 г. из Саарова (п. 6).

² См. п. 20, 22.

³ В письме около 4 марта 1923 г. из Берлина Мадани с сарказмом отзывался о многотомном романе Р. Роллана «Жан Кристоф» (п. 1).

⁴ В Архиве Горького сохранилось еще два письма Мадани 1934 и 1935 гг. Во втором письме адресат просил прочитать его рукопись о В. Фигнер. Ответы Горького не разысканы. Рукопись в АГ не хранится.

См. также вступ. ст., примеч. 6.

«ОТ ЕВРАЗИЙСТВА К ПРИЗНАНИЮ КОММУНИЗМА»

ПЕРЕПИСКА ГОРЬКОГО с П. П. СУВЧИНСКИМ

*Вступительная статья, подготовка текста и примечания
Н. Н. Примочкиной*

Особую актуальность и остроту в наше время приобрели идеи евразийства. Им посвящаются специальные научные конференции, телевизионные диспуты, в России создана и официально зарегистрирована политическая партия «Евразия». В связи с этим представляется особенно важным изучение евразийской идеологии, осмысление уроков евразийского движения русской эмиграции 1920-х гг.¹ Публикация переписки Горького с одним из основателей и главных идеологов этого движения П. П. Сувчинским в какой-то мере послужит более глубокому изучению названных проблем, а также внесет новые штрихи в портреты обоих корреспондентов.

Следует сразу подчеркнуть, что в данной работе мы не ставили перед собой задачу рассмотреть и дать определение весьма сложной философской, историко-культурной и общественно-политической концепции евразийства, и если ее отдельные стороны и грани попадут в поле нашего внимания, то только в связи с обозначенной темой.

Петр Петрович Сувчинский (граф Шелига-Сувчинский)² происходил из рода потомственных польских дворян. Родился он в 1892 г. в Петербурге, в семье председателя правления русского Товарищества «Нефть». Вырос в имении под Полтавой. После окончания Тенишевского училища учился в Петербургском университете. Получил прекрасное общее и музыкальное образование, был пианистом профессионального уровня. Входил в круг деятелей культуры, близких к «Миру искусства», дружил с И. Стравинским, Н. Мясковским, С. Прокофьевым, С. Дягилевым, А. Ремизовым, В. Мейерхольдом, встречался с А. Блоком, Ф. Шаляпиным и др. В 1915—1917 гг. вместе с сыном известного композитора А. Н. Римским-Корсаковым издавал в Петрограде журнал «Музыкальный современник», в котором пропагандировал новаторские сочинения современных композиторов. В 1917—1918 гг. выпустил с Б. В. Асафьевым два литературно-музыкальных сборника «Мелос». И журнал, и сборники щедро финансировались Сувчинским.

По свидетельству Дж. Мальмстада, «весной 1917 Сувчинский и Асафьев вращались в литературно-художественной среде, объединявшейся вокруг петроградской квартиры Горького...»³. Факт знакомства и неоднократных деловых встреч с Горьким в годы революции позже подтвердил сам Сувчинский. «Позвольте Вам напомнить, — писал он Горькому в 1927 г., — что мы встречались у Ф. И. Шалапина и на некоторых заседаниях в начале революции при участии А. Н. Бенуа» (см. п. 1).

Осенью 1919 г. Сувчинский эмигрировал из Советской России, в 1920 г. через Турцию приехал в Болгарию. Сразу по прибытии в Софию он основал «Российско-болгарское книгоиздательство» и выпустил в нем книгу культуролога и лингвиста Н. С. Трубецкого «Европа и человечество» (1920), а также сборник статей Трубецкого, П. Н. Савицкого, Г. В. Вернадского, Г. В. Флоровского и П. П. Сувчинского «Исход к Востоку. Предчувствия и свершения. Утверждение евразийцев» (1921). В обоих трудах авторы отрицали превосходство романо-германской культуры над другими мировыми культурами, призывали бороться с отрицательными последствиями европеизации человечества. Авторы сборника называли исповедуемые ими взгляды и основанное ими направление политической, общественной, исторической и культурной мысли евразийством. Они писали о возрождении самобытности России, ее культуры и государственности, о необходимости выбора пути между Востоком и Западом. При этом симпатии евразийцев склонялись в сторону Востока, к Азии. В понятие «Евразия» идеологи движения вкладывали разный смысл. Одни видели возможность осуществления в России спасительного синтеза Европы и Азии. Другие полагали, что Россия — не Европа и не Азия, а совершенно особый культурный мир. Этот первый сборник евразийцев стал своего рода манифестом нового течения русской зарубежной философско-политической мысли, а его авторы были признаны основателями евразийского движения.

В 1922 г. Сувчинский переезжает в Берлин, где организует и возглавляет издательство «Евразия» (1922—1928), на протяжении ряда лет выпускавшее журналы, периодические сборники и другие труды евразийцев.

В Берлине он знакомится и дружески сближается с критиком и литературоведом князем Д. П. Святополком-Мирским, который становится вскоре ярким приверженцем евразийства и организатором евразийского движения в Англии⁴. В 1925 г. Сувчинский переезжает во Францию и поселяется в Кламаре близ Парижа. Туда же перемещается и евразийское издательство. В это время он вовлекает в евразийское движение мужа М. И. Цветаевой, бывшего белого офицера С. Я. Эфрона⁵, в конце 1925 г. перебравшегося с семьей из Праги в Париж.

В 1926 г. три друга — Мирский, Сувчинский и Эфрон — при ближайшем участии А. Ремизова, М. Цветаевой и Л. Шестова — начали издавать

«толстый» литературно-критический журнал «Версты», который пропагандировал идеи евразийства в литературе (за 1926—1928 гг. вышло 3 номера). Название «Верстам» дал одноименный стихотворный сборник М. Цветаевой. В журнале перепечатывались многие произведения советской литературы, а в критических статьях Мирского утверждалось превосходство советской прозы и поэзии над эмигрантскими. В результате члены редакции поссорились со значительной частью русской литературной эмиграции.

К середине 1920-х гг. в едином движении евразийства наметились серьезные противоречия между консервативным, правым крылом, представленным П. Н. Савицким, Г. В. Вернадским, Н. С. Трубецким, Н. Н. Алексеевым и др., и леворадикальным, в которое входили парижские евразийцы Л. П. Карсавин, П. П. Сувчинский, С. Я. Эфрон, проживавший в Лондоне Д. П. Святополк-Мирский и др. Глава евразийства Савицкий, мечтавший о создании евразийской партии в России, которая постепенно заменит большевистскую, поручил парижанам установить связи с приезжавшими из СССР учеными, писателями, художниками, дабы влиять на них и внушать им евразийскую идеологию и философию. Однако в результате подобного общения произошло обратное: часть парижских евразийцев сама «заразилась» коммунизмом.

Все более отдаляясь от духовных вождей русского зарубежья, в том числе и от консервативного крыла евразийцев, все сильнее симпатизируя коммунистической идеологии и стране Советов, Сувчинский, Мирский и их друзья к осени 1927 г. оказались в тяжелом состоянии внутреннего кризиса и осознали необходимость пересмотра прежних убеждений и переоценки ценностей. В поисках ответов на мучившие их вопросы они решили списаться с Горьким и договориться с ним о личной встрече. Позже Сувчинский вспоминал об этой истории: «Я знал Горького еще в Петербурге-Ленинграде, познакомился с ним у Шалапина. Д. П. <Святополк-Мирский. — *Ред.*> не знал его и просил меня с ним познакомиться. Я списался с Горьким, и мы получили визы через поэта Унгаретти, что было в то время нелегко»⁶. Побудительным внешним толчком к этому шагу могла стать оживленная переписка их близкого друга М. Цветаевой с Горьким в августе—сентябре 1927 г.⁷, а также восторженные рассказы о писателе Анастасии Цветаевой, гостившей у Горького в Сорренто и в сентябре приехавшей оттуда в Париж навестить сестру. Первое письмо Горькому от 14 сентября 1927 г. Сувчинский передал через А. И. Цветаеву, возвращавшуюся в Сорренто.

Горький ответил 1 октября с максимальной вежливостью и доброжелательностью, а подпись «А. Пешков» свидетельствовала о его желании установить со своим корреспондентом не официальные, а дружеские, простые отношения. Он пригласил Сувчинского и Мирского приехать в Сорренто «на Святки», то есть в начале 1928 г.

Чтобы лучше понять причины подобной благосклонности Горького, его интереса к своим будущим гостям и желания встретиться с лидерами нашумевшего в эмиграции движения, нужно сказать несколько слов об отношении писателя к евразийству.

Все проблемы, которые поставили в 1920-е гг. евразийцы, Горькому были близки, но решал он их совершенно иначе. Еще до революции, в конце 1915 г. писатель выступил с программной статьей «Две души», вызвавшей острую и оживленную полемику в прессе. Страстный призыв к русскому человеку ориентироваться в развитии страны на Запад, учиться культуре труда, жизненной активности у Европы, утверждение губительности азиатского, восточного влияния на душу россиянина, зовущего к фатализму, мистике, пассивности и пессимизму, — все это характеризовало Горького как убежденного западника, преданного поклонника европейской культуры.

Размышления писателя о путях развития России, о ее месте между Востоком и Западом значительно усилились и обострились в связи с осмыслением уроков русской революции. Поэтому не случайно Горький сразу обратил пристальное внимание на самые первые труды евразийцев. Всего через два месяца после того, как писатель покинул Россию и прибыл в Германию, 22 декабря 1921 г. он писал А. П. Пинкевичу об интересе немцев к Востоку и передавал мнение своего крестного сына Зиновия Пешкова о том, «что и во Франции интерес к Востоку все растет <...> и что очень многие начинают говорить о гибели европейской культуры, за которой — возможно — последует и политический ее распад под давлением враждебного Востока, и что — поэтому — необходимо немедленно начать искание синтеза двух культур».

У нас, — продолжал от своего лица Горький, — уже начали: в Софии некие умники российские с кн. Трубецким во главе нарекли себя Евразийцами и в этом смысле действуют, — а не обратили Вы внимание на роль князей Трубецких? Не нравятся мне эти князья, с 1606 года не нравятся, от времен Тушинского вора»⁸.

Сравнение роли одного из идеологов евразийства Н. С. Трубецкого с ролью предателя, которую сыграл его давний предок, примкнувший к войску Лжедмитрия II, а затем служивший полякам, свидетельствует об отрицательном отношении Горького к деятельности евразийцев, приносящих, по его мнению, большой вред России и русским за границей. Сам он в это время видел будущее родины в ее скорейшем включении в европейский культурный мир. Этому была посвящена деятельность писателя на посту главного редактора журнала «Беседа» и многие другие его литературно-издательские начинания. Еще более определенно Горький высказался 26 декабря 1921 г. в письме к И. П. Ладыжникову: «Разительно глупа книжка князя Трубецкого — “Европа и человечество” — этот “благородный” отказ бездельника пользоваться результатами чужого труда»⁹.

Горький и в последующие годы продолжал внимательно следить за выступлениями евразийцев. Особый интерес вызвал у писателя доклад П. Н. Савицкого «О современной литературе в евразийском освещении», который тот прочитал 8 февраля 1926 г. в Союзе русских писателей в Праге. Содержание доклада было изложено А. С. Изгоевым в статье, опубликованной в берлинской газете «Руль» 13 февраля. А уже 16 февраля Горький общался в Россию писателю И. М. Касаткину: «...есть такая секта эмигрантов, утверждающих, что Русь — не Европа, не Азия, а Евразия <...>. А недавно, в Праге, “евразиец” Савицкий уже сделал доклад на тему, что текущая русская литература утверждает именно истины евразийства. И, представьте, он, отчасти, прав, хотя и глуп. Жалею, что не могу послать Вам полный отчет о его докладе, а посылаю лишь статейку злыдаря Изгоева...»¹⁰.

Не обошел Горький своим вниманием и новый журнал «левых» евразийцев Сувчинского, Святополка-Мирского и Эфрона «Версты», причем отнесся к нему достаточно благосклонно. Писатель оценил внимание журнала к новым литературным именам советской России, но скептически отозвался об участии в этом органе «евразийских» и зарубежных авторов. В июле 1926 г. он писал А. К. Воронскому: «Здесь, — т. е. в Париже, — вышла первая книга журнала “Версты”, очень толстая. Редактор — князь Святополк-Мирский <...>. Он — очень умный и независимый критик, превосходно характеризовал Зайцева и Мережковского, Ходасевича и др. В журнале перепечатан Артем Веселый “Вольница”, Бабель “Голубятня”, Пастернак “Потемкин”. Но — тут же евразийцы, Лев Шестов, Артур Лурье и, конечно, Марина Цветаева с Ремизовым. Дело — княжеское»¹¹.

Приведенные оценки и отклики Горького свидетельствуют о том, что для него были неприемлемы основные идеи евразийцев, а их антизападные настроения казались ему опасными и «глупыми». Однако это не исключало, а может быть, даже усиливало его интерес к своим идейным противникам. Можно предположить, что писатель был заинтригован предложением евразийских лидеров встретиться с ним и с нетерпением ждал их прибытия.

Сувчинский и Мирский приехали в Сорренто 4 января 1928 г. и пробыли там несколько дней. Вспоминая об этом визите через сорок с лишним лет, Сувчинский писал: «Горький уговаривал нас ехать в Россию: “Я вас устрою”, и он убедил Д. Мирского и меня»¹². Видимо, беседы Горького с молодыми евразийцами касались не только политических и житейских вопросов, но имели более глубокий философский и литературный характер. Писатель предстал перед своими гостями с неожиданной стороны, человеком и мыслителем, в котором трудно было узнать автора злободневных публицистических статей, печатавшихся в советской прессе. Об одной такой беседе Сувчинский вспомнил в статье 1975 г. об Игоре Стравинском: «Как-то в Сорренто (это было в 1928 году) Максим Горький в оживленном разговоре внезапно произнес: “Я вам сейчас нарисую знак, формулу чело-

века: это — восьмерка, перечеркнутая посередине. Верхняя петелька — это открытая сторона человека, то, что он знает, может знать; нижняя петелька — это то, что скрыто, то, чего он не знает и никогда не узнает...” Он сказал это дурачась, но на самом деле очень серьезно. Подобные слова в устах человека, всегда проповедовавшего победоносный и жизнеутверждающий рационализм, да еще друга Ленина, показались странными и неожиданными»¹³.

Собираясь к Горькому, Сувчинский и Мирский, которые в это время уже планировали издание газеты «Евразия», вероятно, хотели убедить писателя принять евразийство и участвовать в будущем еженедельнике. Это им не удалось, основные принципы евразийства оставались для Горького неприемлемыми. Однако в их идеологии были моменты, которые могли заинтересовать и привлечь писателя. Самое главное — это признание русской революции как закономерной исторической силы, плодотворно воздействующей на Россию и весь мир. Евразийцы отдавали должное большевикам, сумевшим достичь больших успехов в государственном и промышленном строительстве, — это тоже не могло не импонировать Горькому. Возможно, его также заинтересовало особое отношение евразийцев к марксизму. Они признавали учение Маркса единственной достойной внимания исторической концепцией, но одновременно критиковали его за догматизм и одностороннюю материалистичность. Пытаясь «одухотворить» марксизм, евразийцы хотели соединить его с учением Н. Федорова о бессмертии. Подобные стремления были близки и Горькому. Он также осуждал марксизм за излишний плоский рационализм и тоже в те годы увлекался «Философией общего дела» Н. Федорова. Кроме того, Горького как писателя и идеолога социалистического строя могла заинтересовать психологическая и идейная «перестройка», перелом в сознании бывших аристократов Сувчинского и Мирского, их стремление понять и принять «правду» большевизма. Подобные факты «психологической перестройки» Горький собирал и отмечал. В 1932 г., например, он писал о них Р. Роллану, упомянув в числе других русских аристократов, перешедших на коммунистические позиции, имя Святополка-Мирского¹⁴. Наконец, Сувчинский и Мирский могли привлечь Горького как богато одаренные натуры, тонкие знатоки литературы и искусства, как личности, которые «оставили за собою очень яркие тени, очень “пластическое” впечатление» (см. п. 5).

Из писем, посланных друзьями-евразийцами в Сорренто по возвращении домой, видно, какое огромное впечатление произвел на них Горький и в каком направлении воздействовал на них, помогая встать на новый духовный и общественно-политический путь. Мирский, например, писал ему 2 февраля 1928 г.: «...у меня чувство, как будто бы я был не в Сорренто, а в России, и эта поездка в России меня страшно *выпрямила*. И нет, наверно, другого такого человека, который бы так носил в себе Россию, так как Вы,

и не только Россию, но и то, без чего Россия не может быть — человечество. Мне даже стыдно, что мы такими упырями сидели на Вас и пили эту Вашу русскую и человеческую кровь, и только уверенность, что ее в Вас хватит и на нас, позволяет не слишком каяться. Уходя от Вас, Сувчинский сказал мне: “А вот Толстого мы никогда не видели!” Только о Толстом мы и могли вспоминать. Но Вы более русский, больше “представляете собой” Россию, чем Толстой»¹⁵.

Насколько труден был для Сувчинского переход на новые позиции, свидетельствует его эпистолярная полемика с Горьким, которая возникла сразу после его отъезда из Сорренто. Из этих писем от января 1928 г. видно, что евразийскому лидеру не во всем удалось согласовать свои взгляды с горьковскими. Главное, что их разделяло — кардинальный для обоих вопрос об устройстве мироздания, о Боге. Сувчинский безуспешно пытался уговорить писателя признать существование Высшего начала, Горький упрямо отстаивал свои «антропofilские» взгляды, свою веру только в Человека (см. п. 4, 5).

Поездка Сувчинского и Мирского к Горькому в начале 1928 г. стала поворотным событием в их дальнейшей судьбе, началом трудного пути к принятию коммунистической идеологии. Осенью того же года они вместе с Н. Трубецким, С. Эфроном и Л. Карсавиным приступили к изданию еженедельной газеты по вопросам культуры и политики «Евразия». Газета выходила в Кламаре с ноября 1928 по сентябрь 1929 г. Всего вышло 35 номеров. Под заголовком из номера в номер печатался главный девиз евразийцев, определявший особое положение и всемирно-историческую роль России в современном мире: «Россия нашего времени вершит судьбы Европы и Азии. Она — шестая часть света ЕВРАЗИЯ — узел и начало новой мировой культуры». Русская революция рассматривалась евразийцами как исторически закономерная, великая органическая сила, способная возродить не только Россию, но и весь мир. Коллектив газеты уделял большое внимание успехам государственного и экономического строительства в СССР и посвящал им регулярные обзоры и сводки. Свою главную задачу авторы «Евразии» видели в выработке «новой культурно-исторической идеологии», которая должна будет заменить официальную идеологию советского государства — марксизм¹⁶. Таким образом они хотели помочь большевистскому правительству. «Наше преимущество в том, — писал, например, Л. П. Карсавин в статье «О смысле революции», — что мы лучше и дальше видим, в том, что мы яснее и точнее формулируем, чем бессознательно еще двигающий Русскую Революцию новый правящий слой, еще не освободившийся от преднаучных и условных понятий узкого материалистического социализма»¹⁷.

Примерно так же определял задачи своих друзей — «левых» евразийцев — и Сувчинский. 11 февраля 1930 г. он писал Горькому: «Ведь без ин-

теллигенции не может создаться революционная психология; одних профессионалов революции недостаточно» (см. п. 6). Сувчинский регулярно выступал на страницах «Евразии» с теоретическими и философско-политическими статьями, в которых пытался связать историческое прошлое России с ее будущим («О революционном монизме», № 5), оправдать «формулу Ленина» о нераздельности революции и власти («Революция и власть», № 7), расширить и «переформулировать» в евразийском духе саму идею революции («Третье начало», № 9), доказать, что «русская революция отчетливо определила Россию как самодовлеющий евразийский мир» («Pax Eurasiana», № 10) и т. п.

Постепенно избавляясь от материалов на религиозно-философские темы, главные участники «Евразии» максимально сблизили свою идеологию с коммунистической. В газете продолжалась начатая «Верстами» популяризация новой советской литературы, которую эмиграция воспринимала как пропаганду советского строя. Все это привело к расколу евразийского движения на «левое» и более консервативное «правое» крыло. 5 января 1929 г. в № 7 газеты появилось письмо Н. С. Трубецкого, заявившего о выходе из редколлегии «Евразии» и из евразийской организации. Вслед за ним газету покинули Н. Н. Алексеев, В. Н. Ильин, П. Н. Савицкий и др. Трое названных евразийцев вскоре опубликовали брошюру с резкой критикой «клармарского уклона» под названием «О газете “Евразия”, газета “Евразия” не есть евразийский орган» (Париж, 1929). Таким образом издание еженедельника оказалось в руках «левых». С 10-го номера (26 января 1929 г.) «Евразия» начала выходить в новой редакции. В нее вошли П. С. Арапов, Л. П. Карсавин, А. С. Лурье, П. Н. Малевский-Малевич, В. П. Никитин, Д. П. Святополк-Мирский, П. П. Сувчинский и С. Я. Эфрон¹⁸. В результате раскола евразийское движение понесло ощутимые потери и начало клониться к упадку, просуществовав до конца 1930-х гг. «Левые» евразийцы (Мирский, Сувчинский, Эфрон и др.), оказавшись за бортом движения, вскоре окончательно перешли на коммунистические позиции.

В сентябре 1929 г. газету «Евразия», в которой «левые» евразийцы могли проповедовать свои новые взгляды, пришлось закрыть из-за отсутствия средств. В поисках новых источников финансирования своего печатного органа Сувчинский через два года после встречи с Горьким решил вновь обратиться к нему за советом и помощью. «...имеется группа людей, — писал он 11 февраля 1930 г. в Сорренто, — окончательно принимающая сов. власть и все советское дело считающая своим делом; эта группа хочет и может работать по пропаганде своих идей — что можно сделать, чтобы осуществить ее действительно горячее желание?» (см. п. 6).

Горький считал необычайно важным издание за рубежом просветского печатного органа, в котором бы разъяснялась политика и идеология

новой власти. Блестяще образованные бывшие аристократы, принявшие коммунистическую идеологию, какими были Сувчинский и Мирский, как нельзя лучше, по его мнению, подходили для этой цели. Не теряя времени, Горький уже 17 февраля написал Сталину, приложив к посланию машинописную копию письма Сувчинского: «Дорогой Иосиф Виссарионович! Считаю необходимым сообщить Вам письмо, полученное мною из Парижа от Петра Петровича Сувчинского. Вместе со Святополком-Мирским Сувчинский был основоположником “евразийской” теории и организатором евразийцев. <...> Оба они были у меня в Сорренто. Это — здоровые энергичные парни, в возрасте 30—35 лет, широко образованные, хорошо знают Европу. Мирский показался мне особенно талантливым <...>. У него и Сувчинского широкие связи среди литераторов Франции и Англии.

У нас — делать им нечего. Но я уверен, что они могли бы организовать в Лондоне или Париже хороший еженедельник и противопоставить его прессе эмигрантов <...>.

Ко всему сказанному могу с полной уверенностью добавить, что эти “евразийцы” — люди несравнимо более крупного калибра, чем Дюшен, Кирдецов¹⁹ и другие, безуспешно пытавшиеся поставить за рубежом советский журнал.

Отвечая Сувчинскому, я не сообщу, что его письмо отправлено мною в Москву, но спрошу его: на какую сумму он рассчитывает поставить журнал»²⁰.

В тот же день, 17 февраля, Горький запросил Сувчинского о денежных средствах, необходимых на организацию еженедельника. Кроме того, писатель, который в это время занимался организацией журнала «За рубежом», предложил Сувчинскому и его единомышленникам писать для него очерки из жизни русской эмиграции, а также очерки быта французской столицы и провинции.

Однако планы Сувчинского и его друзей к тому времени поменялись. Теперь они предлагали выпускать не еженедельник, а «независимые» периодические сборники. Конечно, Сувчинский был наивен, полагая, что советское руководство позволит ему и его товарищам выпускать «независимый» орган печати за рубежом. Да и Горький, вдохновленный идеей выпуска за границей острого социально-политического еженедельника, был явно разочарован новыми предложениями адресата. 7 марта 1930 г. он послал своему секретарю П. П. Крючкову составленную им «записку о “евразийцах”» с новыми предложениями Сувчинского и просил ознакомить с ней Сталина и заместителя председателя ОГПУ Г. Г. Ягоду, заключив от себя: «Мое мнение: сборники — оружие недостаточно активно-боевое и поэтому не нужны. “Евразийцев” хорошо бы использовать для журнала “За рубежом”. Хорошо зная быт интеллигенции и мелкой буржуазии, они могут быть полезными осведомителями»²¹.

Как и следовало ожидать, из затей Сувчинского издавать «независимые» сборники за границей ничего не вышло. В дальнейшем Горький сосредоточился на вовлечении Сувчинского, Мирского и его друзей в работу для журнала «За рубежом». Журнал выходил с июня 1930 по март 1938 г. Горький был инициатором его создания и ответственным редактором. Он был задуман писателем с целью ознакомления советского читателя с бытом и культурой Запада. Статья Горького в первом номере «За рубежом» так и называлась: «Освещать быт, обнажать скрытую в нем политику!». Массовость издания диктовала тип изложения материала — не в виде научно-политических статей, а в форме беллетризованного очерка. Перед редакцией остро встал вопрос о возможных авторах. Советские журналисты в те годы редко выезжали в страны Запада и не были осведомлены о бытовых подробностях жизни трудящихся и «буржуазии» за рубежом. В этих условиях русские эмигранты, вставшие на коммунистические позиции и в то же время хорошо знакомые с культурой и бытом европейцев, были находкой для журнала. К тому же Горький надеялся, видимо, использовать сотрудничество этих «заблудившихся овец» как шаг для дальнейшего их возвращения на родину, чего многие из молодых литераторов русского зарубежья страстно желали.

Сувчинский с энтузиазмом принялся готовить для журнала материалы на разнообразные темы зарубежной культуры и быта. Работа в советской печати давала ему ощущение полезности своего труда, служения читателям новой России и надежду хоть немного поправить весьма плачевное материальное положение. Сувчинский не только сам начал сотрудничать в журнале «За рубежом», но организовал и других авторов. Он послал Горькому для журнала статью ученого А. С. Адлера, статьи А. Берга о французской прессе и об Индокитае, «Письмо» о жизни во Франции бывшего белогвардейца, а ныне рабочего-эмигранта Н. В. Афанасова. Горький поддерживал через Сувчинского связь с предполагаемыми авторами «За рубежом», посвящал своего корреспондента во все перипетии и трудности становления нового печатного органа, намечал темы статей и очерков.

Переписка Сувчинского с Горьким не ограничивалась вопросами участия бывшего евразийца и его друзей в советской печати. Широко образованный музыковед, пианист и литературный критик, Сувчинский был вхож в музыкальные круги эмиграции и имел связи с французской художественной интеллигенцией. Он рассказывал Горькому о последних культурных новостях столицы мира — Парижа, о своих друзьях И. Стравинском и С. Прокофьеве, о гастролях театра В. Мейерхольда, о современных французских писателях и композиторах, о семнадцатилетнем вундеркинде, будущем известном дирижере и композиторе И. Маркевиче, о встречах с Ф. Шаляпиным, которого оба корреспондента близко знали с дореволюционных времен.

Дальнейшая переписка Сувчинского с Горьким (1931—1932) раскрывает обоих корреспондентов в новом качестве. Сувчинский открывает в себе редкий по тембру голос и приступает к обучению оперному пению. Теперь он выступает чаще всего скромным просителем средств, необходимых для оплаты уроков дорогого педагога. Горький предстает как щедрый меценат, искренно желающий помочь своему корреспонденту. Однако далеко не сразу Сувчинский решился прямо обратиться к Горькому за материальной помощью. Сначала он получал ее через своего друга С. Эфрона, не зная даже имени человека, который ее оказывает.

28 ноября 1930 г. С. Эфрон обратился к Горькому с письмом, в котором сообщал: «У меня есть друг — Петр Петрович Сувчинский — человек, с которым Вы знакомы и с которым переписываетесь. Но Сувчинский Вам известен главным образом по его литературной деятельности. Вы вряд ли знаете, что он обладает редчайшим голосом (баритональный тенор), может быть, совершенно единственным и по силе и по тембру <...>. По отзыву таких представителей музыки — как Прокофьев, Стравинский и др. — в лице Сувчинского музыкальному миру суждено обрести изумительного как по голосовым, так и по музыкальным данным — певца <...>. Материальное положение Сувчинского очень тяжелое. Оно усугубляется тем, что, благодаря своим идеологическим высказываниям, Вам хорошо известным — П. П. живет в Париже в совершенной изоляции. Русская эмиграция затрудняет каждый шаг его...» Подробно описав «тягчайшую» обстановку, в которой оказался его друг, Эфрон попросил Горького одолжить Сувчинскому на время некоторую «сумму денег, которая обеспечила бы ему <...> нормальную работу» над голосом. «Кроме Вас, — продолжал далее Эфрон, — я не вижу никого, кто бы сейчас мог ему помочь. Само собой разумеется — Петр Петрович не только ничего о моем письме не знает, но, если бы узнал, то пришел бы в величайшее негодование (на мои советы обратиться к Вам — он затыкал уши). Поэтому очень прошу Вас — каково бы ни было Ваше решение в связи с моим письмом — никогда ничего Петру Петровичу о нем не говорите. Ведь он даже скрыл от Вас, что поет»²².

Письма Горького к Эфрону пока не разысканы. Но по следующим письмам Эфрона к нему можно понять, что писатель откликнулся на призыв о помощи без промедления. Не будучи лично знаком со своим корреспондентом, он сразу поверил ему и тайно от Сувчинского послал для него Эфрону крупную сумму, которой начинающему певцу хватило на несколько месяцев. В Архиве Горького хранится расписка Сувчинского в получении через С. Я. Эфрона в декабре 1930 г. четырех тысяч франков (см. п. 22).

Благодаря материальной помощи Горького Сувчинский начал брать уроки пения у известного итальянского педагога Альберто де Горостьяга. В конце марта 1931 г., когда деньги кончились, Эфрон вновь написал в Сорренто, напоминая писателю о его обещании «в апреле найти для П. П.

ту же сумму денег»²³. Горький опять отреагировал очень скоро. Уже 6 апреля Эфрон извещал его: «Деньги получил и вчера передал Петру Петровичу»²⁴. В Архиве Горького хранится его записка с указанием суммы — три тысячи лир — и адреса Эфрона на французском языке²⁵. Вероятно, она предназначалась для одного из помощников Горького, посылавшего деньги.

Осенью 1931 г. Сувчинский развелся с женой (дочерью известного государственного и политического деятеля А. И. Гучкова, В. А. Гучковой), которая «держала кассу» в их семье. Сам музыковед в обыденной жизни был крайне непрактичен. Затянувшееся обучение пению тоже требовало затрат. Все эти личные неурядицы развертывались на фоне все более углублявшегося европейского экономического кризиса. Видимо, Сувчинский в конце концов все же вынудил Эфрона раскрыть тайну тех сумм, которые он получал от неизвестного благодетеля. 3 ноября Сувчинский напрямую обратился к Горькому за помощью, чтобы «дотянуть до весны», когда он рассчитывал закончить обучение пению. Горький и теперь готов был помочь музыканту и критику, но, в связи с экономическим кризисом, Италия ввела запрет на денежные переводы в другие страны. Приходилось ждать «оказии».

И без того тяжелое положение Сувчинского усугублялось враждебностью окружавшей его эмигрантской среды и невозможностью получить хоть какую-то работу. В эмигрантской прессе его не печатали как «предателя» и «агента ГПУ», бывшие единомышленники — евразийцы во главе с Савицким стали злейшими врагами. Следует отметить, что в отличие от С. Эфрона, пошедшего на сотрудничество с советскими спецслужбами, Сувчинский агентом ГПУ никогда не был — слишком был независим и свободолюбив. По свидетельству В. Козового, дружившего с Сувчинским в последние годы его жизни, в ответ на обвинения эмигрантской прессы бывший евразиец подал иск в суд и выиграл дело: обвинения были признаны бесосновательными²⁶.

Вероятно, деньги были посланы Горьким адресату в конце января — феврале 1932 г. 27 февраля Сувчинский благодарил писателя за помощь и просил «еще раз, в последний» выручить его деньгами. В этом же письме бывший евразиец сообщил также Горькому о том, что он несколько месяцев тому назад подал прошение о восстановлении советского гражданства и просил оказать ему содействие в этом деле. Вероятно, Сувчинский был вдохновлен примером своего друга Мирского, уже получившего к тому времени советское гражданство. Много позже он вспоминал об этом эпизоде из своей жизни: «Я тоже подал прошение о визе. Странно, в один день с Мирским: он в Лондоне, я в Париже — о возвращении в Россию. Ему дали, а мне отказали. Это ведь был настоящий белогвардеец, он был начальником штаба дивизии, которая шла на Харьков. Социально мы были одинаковы. И вот ему дали, а мне отказали»²⁷. Однако, если судить по

упомянутому выше письму Сувчинского Горькому, он подал прошение о советском гражданстве не весной 1931 г., как Мирский, а поздней осенью.

Линии судеб трех товарищей — Сувчинского, Мирского и Эфрона, — близко сойдясь в конце 1920-х — начале 1930-х гг., затем круто разошлись. В отличие от своих целеустремленных и фанатично настроенных друзей, Сувчинский не проявил достаточной твердости и решимости для возвращения в СССР. Как видно из эпистолярных признаний Сувчинского Горькому, он, несмотря на увлеченность коммунистическими идеями, не отступил от веры своих предков, оставался человеком религиозным. Возможно, и это обстоятельство охлаждало его намерение вернуться в страну воинствующего атеизма. После многолетних раздумий и мучительных колебаний, которые продолжались во время Второй мировой войны и после ее окончания, Сувчинский в 1946 г. сообщил Стравинскому, что решил не возвращаться в СССР²⁸.

Последнее письмо Сувчинского Горькому датировано 10 ноября 1932 г. В нем бывший евразиец благодарил писателя за все, что тот для него сделал, и попытался определить особую роль Горького в своей судьбе: «Всегда помню, что Вы два раза и в самом главном определили события моей жизни. Один раз — тем, что направили все мое мирозерцание в другую сторону — без всякого усилия с Вашей стороны — одним Вашим видом и существом, и другой — тем, что помогли в моей новой профессии» (см. п. 30). На этом переписка, а с нею и литературные контакты Сувчинского с Горьким закончились.

Отторгнутый эмиграцией, отошедший от евразийства, Сувчинский в 1930-е гг. продолжает общаться с тесным кругом представителей русского культурного зарубежья: М. Цветаевой, А. Ремизовым, С. Прокофьевым. Он написал для Прокофьева вариант текста «Кантаты о Ленине», а тот посвятил ему свою Пятую сонату для фортепьяно. Особую роль «интеллектуального наставника»²⁹ Сувчинский сыграл в жизни И. Стравинского. Они познакомились в 1922 г. в Берлине и пронесли свою дружбу через десятилетия, продолжая тесное духовное и эпистолярное общение и после переезда композитора в США. Именно Сувчинский познакомил Стравинского с богатым наследием русской философии и литературы, с творчеством А. Герцена, В. Розанова, Л. Шестова, Н. Бердяева и многих других, ввел его в круг историко-культурных идей евразийства, нашедших отражение в его музыке в 1920-е гг.³⁰ Стравинский использовал музыкально-теоретические изыскания своего «философа-друга» в знаменитом цикле лекций «Музыкальная поэтика» (1942). По признанию этого композитора, Сувчинский был «единственным русским», который олицетворял для него Россию³¹. «Именно благодаря этой дружбе и воздействию Сувчинского на интеллектуальную жизнь выдающегося композитора двадцатого века, — полагает Дж. Мальмстад, — у него <Сувчинского. — *Red.*> останется скромное, но настоящее место в музыкальной истории нашей эпохи»³².

Сделать карьеру оперного певца бывшему евразийцу так и не удалось, несмотря на природное дарование и годы учения. Стравинский высоко ценил певческий талант друга и одну из ролей в своей «Персефоне» написал специально для него. Однако Сувчинский исполнил ее лишь на одной репетиции, в январе 1934 г. Возможно, причины неудач певца крылись в его характере. С. Эфрон писал Горькому о «совершенно болезненной застенчивости» Сувчинского «по отношению к своему голосу», о том, что «у него отвращение к сцене, вернее, к своему выходу на сцену. Вообще ему оч^{ень} трудно выступать. Он ужасно стыдится этого»³³. Зато Сувчинский постепенно сблизился с художественно-музыкальными кругами Франции. После войны он был консультантом постановок русских пьес, вместе с французскими композиторами-авангардистами в течение многих лет проводил концерты современной музыки, пропагандируя молодые таланты, в том числе и из России. В последние годы жизни Сувчинский написал на французском языке большой труд «Век русской музыки», а также ряд статей о музыке и литературе. Он стремился к активному общению с деятелями искусства из России, переписывался с Б. Пастернаком, пианисткой М. Юдиной.

Умер Петр Сувчинский в 1985 г. в Париже, прожив тяжелую, но интересную, насыщенную разнообразными событиями и встречами, богатую духовно и творчески жизнь.

Публикуемая переписка состоит из 8 писем и 1 телеграммы Горького и 21 письма Сувчинского. Она охватывает период с 1927 по 1932 г. Письма Горького впервые опубликованы Дж. Мальмстадом в сб.: *Диаспора I. Новые материалы*. Париж; СПб., 2001. С. 327—347. Отрывки из некоторых писем Сувчинского напечатаны в статье: *Примочкина Н. Н.* М. Горький и «левые» евразийцы // *Известия АН. Серия литературы и языка*. 2001. Т. 60. № 2. С. 17—32. Телеграмма Горького (№ 26), а также полные тексты всех писем Сувчинского печатаются впервые; телеграмма и письма Горького подготовлены по ксерокопиям с подлинников, хранящихся в Национальной библиотеке Франции в Париже (АГ. ПГ-рл-42-2/4-11). Письма Сувчинского печатаются по автографам (АГ. КГ-п-74-1/1-21).

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Подробно об основных идеях и принципах евразийства, трудах главных идеологов этого движения, отражении евразийства в искусстве см.: *Савицкий П. Н.* В борьбе за евразийство: Полемика вокруг евразийства в 1920-х годах // *Тридцатые годы. Утверждение евразийцев*. Кн. VII. 1931. С. 1—52; *Лубенский Степан* (псевд. П. Н. Савицкого). *Евразийская библиография 1921—1931. Путеводитель по евразийской литературе* (Там же. С. 285—317); *Евразия: Исторические взгляды русских эмигрантов*. М., 1992; *Россия между Европой и Азией: Евразийский соблазн*. Антология. М., 1993; *Волгогонова О. Д.* Евразийство: Эволюция идеи // *Образ Рос-*

сии в философии русского зарубежья. М., 1998. С. 43—76; Евразийское пространство: Звук и слово. М., 2000.

² Биографическую справку о Сувчинском см.: *Русское зарубежье*. С. 614—615. Ценные сведения о культурно-просветительской, музыкальной и евразийской деятельности Сувчинского содержатся во вступительной статье Дж. Мальмстада к его публикации «К истории “евразийства”: М. Горький и П. П. Сувчинский» (*Диаспора I*. С. 327—335). Избранные литературно- и музыкально-критические статьи Сувчинского, а также воспоминания и исследования о нем напечатаны в книге: Петр Сувчинский и его время. М., 1999.

³ *Диаспора I*. С. 329.

⁴ Святополк-Мирский Дмитрий Петрович (литер. псевд. Д. Мирский, 1890—1939), историк литературы, критик, публицист. Принадлежал к древнему княжескому роду, восходящему к Святополку Окаянному (IX—X в.). Его отец П. Д. Святополк-Мирский был видным государственным деятелем, в 1904—1905 гг. занимал пост министра внутренних дел. В 1910-е гг. Мирский был близок к «Обществу свободной эстетики» при журнале «Аполлон», в 1911 г. издал книгу стихов, написанную под влиянием символизма и акмеизма. Учился в Петербургском университете на факультете восточных языков и на классическом отделении историко-филологического факультета. Служил в 4-м Гвардейском полку в Царском селе. Участник Первой мировой войны. С 1919 г. сражался в рядах белой армии Деникина, в 1920 г. эмигрировал через Константинополь в Афины. С весны 1921 г. жил в Англии, где до 1932 г. преподавал русскую литературу в Школе славянских исследований Королевского колледжа Лондонского университета. В эти же годы Мирский написал большое количество статей и рецензий для английской, французской и русской эмигрантской печати, а также ряд трудов по истории русской литературы. В 1931 г. вступил в коммунистическую партию Великобритании. В 1932 г. вернулся в СССР. Арестован в 1937 г. Умер в лагере под Магаданом 6 сентября 1939 г.

О жизни, литературной деятельности и творческих связях Святополка-Мирского с Горьким в 1920—1930-е гг. см.: *Казнина О. А. Русские в Англии: Русская эмиграция в контексте русско-английских литературных связей в первой половине XX века*. М., 1997. С. 119—155. Глава «Д. П. Святополк-Мирский».

⁵ Эфрон Сергей Яковлевич (1893—1941), писатель, общественный деятель, муж М. И. Цветаевой. Учился на историко-филологическом факультете Московского университета. Участник Первой мировой войны и белого движения. В 1920 г. эмигрировал из Крыма в Галлиполи (Турция). В 1921 г. переехал в Прагу. В 1925 г. окончил философский факультет Карлова университета, в декабре переехал в Париж, где примкнул к евразийскому движению. С 1927 г. был председателем Парижского клуба евразийцев. Соредатор журнала «Версты», член редколлегии газеты «Евразия». В 1931 г. завербован агентами иностранного отдела ОГПУ. С 1934 г. — генеральный секретарь парижского «Союза возвращения на Родину». В 1937 г. в связи с участием по заданию НКВД в подготовке убийства «невозвращенца» И. Рейсса тайно бежал из Франции в СССР. В 1939 г. был арестован, 16 октября 1941 г. — расстрелян.

⁶ Цит. по: D. S. Mirsky to Maksim Gor'ky: Sixteen Letters (1928—1934) / By Ol'ga Kaznina and G. S. Smith // *Oxford Slavonic Papers*. New series. Vol. XXVI. Oxford, 1993. P. 90.

⁷ Письма Горького М. Цветаевой не разысканы. Письма Цветаевой Горькому напечатаны в статье: *Примочкина Н.* «...Просто — от сердца к сердцу». К истории литературного секвестра в России: М. Горький и Марина Цветаева // Лит. газета. 1997. № 42. 15 окт. С. 12.

⁸ АГ. ПГ-рл-30-41-11.

- ⁹ *Архив Г. 7. С. 239.*
- ¹⁰ *Горький М. Письма о литературе. М., 1957. С. 316.*
- ¹¹ *Архив Г. 10. Кн. 2. С. 40.*
- ¹² Цит. по: *Лосская В. Марина Цветаева в жизни. М., 1992. С. 206.*
- ¹³ *Петр Сувчинский и его время. С. 284.*
- ¹⁴ *Г-30. Т. 30. С. 241—242.*
- ¹⁵ *Oxford Slavonic Papers. New series. Vol. XXVI. P. 93.*
- ¹⁶ *Алексеев Н. Н. Отправные точки нашей политики // Евразия. 1928. № 1. 24 нояб.*
- ¹⁷ Там же.
- ¹⁸ Подробнее см.: *Шевеленко И. К истории евразийского раскола 1929 года // Темы и вариации. Сборник статей и материалов к 50-летию Лазаря Флейшмана. Stanford Slavonic Studies. Vol. 8. Stanford, 1994. С. 376—416.*
- ¹⁹ Дюшен Борис Вячеславович (1886—1949), журналист, соредaktor берлинской газеты «Накануне»; Кирдецов Григорий Львович (наст. фам. Дворецкий, 1880-е — 1938), журналист, главный редактор «Накануне», с 1923 г. — зав. отделом печати при советском полпредстве в Берлине.
- ²⁰ «Жму Вашу руку, дорогой товарищ»: Переписка Максима Горького и Иосифа Сталина / Публикация, подготовка текста и комментарии Т. Дубинской-Джалиловой и А. Чернева // *Новый мир. 1997. № 9. С. 171.*
- ²¹ *АГ. ПГ-рл-2а-1-273.*
- ²² *АГ. КГ-рл-29-80-1.*
- ²³ *АГ. КГ-рл-29-80-4.*
- ²⁴ *АГ. КГ-рл-29-80-5.*
- ²⁵ *АГ. ГЗ. 10-11-51-1.*
- ²⁶ См.: *Петр Сувчинский и его время. С. 28—29.*
- ²⁷ Цит. по: *Oxford Slavonic Papers. Vol. XXVI. P. 99—100.*
- ²⁸ См.: *Диаспора I. С. 330.*
- ²⁹ Там же. С. 329.
- ³⁰ См.: *Taruskin R. Stravinsky and the Russian Traditions. Berkeley; Los-Angeles. 1996. P. 1124—1127, 1133—1134, 1188—1189.* О воплощении евразийских идей в музыке И. Стравинского, С. Прокофьева, А. Лурье и В. Дукельского см. ряд статей в сборнике докладов международной конференции «Евразийское пространство: Звук и слово» (М., 2000).
- ³¹ Цит. по кн.: *Русское зарубежье. С. 614.*
- ³² *Диаспора I. С. 330.*
- ³³ *АГ. КГ-рл-29-80-4.*

1. П. П. СУВЧИНСКИЙ — ГОРЬКОМУ

14 сентября 1927, Клармар

14 сент. 1927.

Глубокоуважаемый
Алексей Максимович,

пользуюсь возвращением Анастасии Ивановны¹, чтобы обратиться к Вам с большой просьбой.

Дело в том, что мой большой друг и соредaktor по «Верстам» Дм. Пет. Св<ятополк>-Мирский и я хотели бы на Рождестве поехать на короткое время в Италию, причем целью нашей поездки является встреча с Вами.

Все возможности для осуществления этого намерения у нас есть. Хотелось бы только получить Ваше разрешение и согласие. Могли бы Вы нам уделить в течение тех дней, что мы пробудем в Сорренто, хоть несколько часов? Будете ли Вы в это время в Италии?

Простите, что так прямо обращаюсь к Вам, не сочтите это за навязчивость и не откажите нам в осуществлении нашего давнишнего и искреннего желания.

Позвольте Вам напомнить, что мы встречались у Ф. И. Шаляпина² и на некоторых заседаниях в начале революции при участии А. Н. Бенуа³.

Примите уверение в моем глубоком уважении.

П. Сувчинский

Петр Петрович

Сувчинский.

26, rue Paul Bert, Clamart (Seine), France.

2. ГОРЬКИЙ — П. П. СУВЧИНСКОМУ

1 октября 1927, Сорренто

Уважаемый Петр Петрович, на Святках¹ не собираюсь уезжать из Sorrento и буду рад встретить Вас и Дмитрия Петровича. Просил бы Вас заранее сообщить о дне приезда.

Живу я в десяти минутах пешего хода от города на Capo di Sorrento, через дорогу от моей квартиры недорогой и чистенький отель «Minerva», где Вы могли бы остановиться. Дорога — приятная. Извозчик — 5 лир.

Всего доброго.

А. Пешков

1.X.27.

3. П. П. СУВЧИНСКИЙ — ГОРЬКОМУ

2 января 1928, Рим

2/Л.28. Рим.

Глубокоуважаемый
Алексей Максимович,

мы собираемся завтра, в 10 выехать в Неаполь и на следующий день быть <в> Сорренто.

Ввиду того, что я не знаю распределения Вашего дня, м. б. Вы не откажете оставить на мое имя в гостинице «Minerva» записку с указанием, в котором часу можно прийти к Вам¹.

Искренно уважающий Вас

П. Сувчинский.

4. П. П. СУВЧИНСКИЙ — ГОРЬКОМУ

20 января 1928, Клармар

20/Л.28.

Глубокоуважаемый и дорогой
Алексей Максимович,

только сегодня вернулся в Париж — задержался в Ницце. Позвольте Вас поблагодарить от всей души за все. Никогда не забуду «вечеров и дней в Сорренто». Но как бы мне хотелось, чтобы Вы — величайший «антропofil» — признали бы третье начало, третье слагаемое!¹.. Ведь и тройственная система включает в себя человека — но только по-иному.

Дай Вам Бог здоровья и во всем успеха. Неужели не будете писать генеалогического романа²?

Мой сердечный привет всем Вашим³.

Искренно Вас любящий и преданный

П. Сувчинский.

26, rue Paul Bert
Clamart (Seine).

5. ГОРЬКИЙ — П. П. СУВЧИНСКОМУ

24 января 1928, Сорренто

Уважаемый Петр Петрович, —
посылаю Вам письмо, полученное с неделю тому назад¹.

Спасибо Вам за добрые пожелания. Сердечно рад сказать, что Вы и князь оставили за собою очень яркие тени, очень «пластическое» впечатление.

А признать «третьего» — не могу. Это у меня не столько «интеллектуальное», как эмоциональное, органическое отрицание. Разумеется — очень «большая тема», да, и долго будет волновать, ссорить, озлоблять до ненависти. Но для меня мир и я всегда будут восьмеркой, одно кольцо — он, т. е. Вы, — другое — я. И там, где кольца перекрещиваются петлей, там — все чудеса.

Сердечный мой привет.

А. Пешков

24.I.27.
Sorrento.

P. S. Читали Вы «Дневник» А. А. Вырубовой, в декабрьской книге «Минувшие дни»? Какой ужас!

А. П.

6. П. П. СУВЧИНСКИЙ — ГОРЬКОМУ

11 февраля 1930, Клармар

11/2.30.

Глубокоуважаемый и дорогой
Алексей Максимович,

пишу Вам, надеясь, что Вы меня немного помните и вспомните, как мы два года тому назад были у Вас с Мирским. Давно хотел Вам написать, но все не решался. Боюсь и теперь, что Вы удивитесь и не совсем поймете, что я хочу Вам высказать.

Дело в том, что всю прошлую зиму мы издавали газету «Евразия»*. Газета эта, наконец, к нашему счастью, окончательно отделила нас от прочих евразийских деятелей и вскрыла все ребячество, хотя и не бескорыстное, т. наз. «Евразийского движения»¹. На № 35

---

* кот<орую> Вам высылали.

нам пришлось прекратить работу, т. к. не было больше денег. Возле газеты объединялась небольшая группа людей (10 человек), которые проделали вместе с нами большую идеологическую работу и которые — *я за это ручаюсь* — являются вполне сознательными и выработанными идеологами советского дела.

Одному из нас посчастливилось побывать этим летом в Москве². Там нам сказали, что наша группа гораздо нужнее за границей, чем в Союзе. Я, пожалуй, с этим согласен: во-первых, наш путь к окончательному и полному признанию советской власти был настолько путаным и долгим, что в Москве вправе поставить нас еще раз как бы перед испытанием. Кроме того, я считаю, что за границей и среди русских и иностранцев — действительно нужно *разъяснять* (не агитировать, это не наше дело) современную Сов. Россию и СССР. Но для этого нужно, конечно, получить возможность издавать хотя бы ежемесячный журнал³.

Думаю, что для этого у нас хватит сил и умения. Поэтому я решаюсь Вас спросить: стоит ли начинать такое дело и если стоит, то к кому следует обратиться для того, чтобы получить материальную возможность его поднять? Кроме Мирского мы располагаем несколькими очень квалифицированными людьми, кот<орые> находятся в большой нужде и не знают, что с собой делать. Некоторые из них подали прошения о восстановлении в правах гражданства, но когда придут разрешения?..

Пишу Вам это письмо с ведома и согласия Мирского. Мы решили поставить перед Вами вопрос очень конкретно: имеется группа людей, окончательно принимающая Сов. власть и все советское дело считающая своим делом; эта группа хочет и может работать по пропаганде своих идей — что можно сделать, чтобы осуществить ее действительно горячее желание?

Наше положение и без того трудное среди эмигрантов, с которыми у нас больше ничего общего нет — ухудшается еще тем, что представители *старого* евразийства получили опять деньги и будут очень скоро наново заталмуживать головы молодежи всякой ерундой.

Что эмиграция какую-то силу собой представляет, видно хотя бы из того шума, кот<орый> удалось ей поднять возле исчезновения Кутепова⁴.

Следует признать, что в данном случае удар был нанесен верно (хоть я и не знаю, кто мог организовать похищение. Кутепов был в сущности шпионом. Шпиону — шпионская судьба!). Теперь эмигрантская молодежь остается действительно без возглавления и, несмотря на ее убожество, все-таки жаль, если она пойдет в сторону Милюкова⁵ и К°.

Как-никак под конец у нас расходилось (покупалось) около 1000 № «Евразии». Сознаю, что газета была скучная, трудная и неопределенная...

Конечно, м. б., следовало бы мне с Вашего разрешения — побывать у Вас, чтобы обо всем подробно переговорить и все Вам разъяснить. Но в настоящее время — я в трудном положении и выехать не могу.

Вы можете, конечно, сказать — что в России в нас не нуждаются. Но я думаю иначе. Наблюдая всеобщее кругом одичание и по-мрачение — я прихожу к выводу, что ценен каждый человек, кот<орый> добровольно, собственными силами наконец увидел правду законов жизни и получил верную перспективу в будущее.

Что касается меня лично, то, проделав весь путь от Евразийства к признанию коммунизма, я все-таки остаюсь при моих религиозных убеждениях, но это никому и ничему помешать не может. Наблюдая церковные круги — только и можно прийти к заключению, что все гонения на них — по заслугам. Какая это жуткая среда⁶.

Из русских почти никого не вижу; иногда Эренбурга⁷, Савича⁸. Из французов довольно интересен Jean Guehenno⁹. Он написал книгу «Le Caliban parle»¹⁰. В нем странно сочетается коммунист с каким-то мечтательным персонажем из Чехова. Впрочем, для французской среды он, пожалуй, больше делает, чем Cachin¹¹ или кто другой.

Ведь без интеллигенции не может создаться революционная психология; одних профессионалов революции недостаточно.

Как хорошо, что Вы помогли Неандеру¹². Он живет недалеко от меня, и я вижу, как он нуждается. Собирается на этих днях в Москву.

Простите, дорогой Алексей Максимович, что я беспокою Вас этим письмом. Простите и за его путанность. Хочется многое Вам сказать, но не знаю как.

Буду Вам бесконечно благодарен, если Вы ответите.

Если найдете, что в моем предложении есть нечто приемлемое — можно будет обсудить и все подробности этого дела.

Мирский Вам очень кланяется. Он пишет книгу о Ленине на английском языке¹³.

Искренно любящий Вас

П. Сувчинский.

Петр Петрович Сувчинский
P. Souvtchinski
26, rue Paul Bert
Clamart (Seine).

7. ГОРЬКИЙ — П. П. СУВЧИНСКОМУ

17 февраля 1930, Сорренто

Уважаемый Петр Петрович —
я буду искренно рад, если мне удастся помочь Вам в деле, серьезное значение которого мне совершенно ясно.

Совершенно согласен с тем, что работая за рубежом России, Вы и Ваша группа принесете значительно больше пользы родине, чем принесли бы, работая в ее границах, в хаотическом и мощном грохоте ее строительства.

Для того, чтоб действовать, мне нужно знать: могу ли я сообщить Ваше предложение в Москву¹ и какие — в цифрах — средства необходимы на организацию еженедельника, на издание его в течение года?

Затем — моя просьба: нет ли среди Вашей группы человека, который мог бы давать для журнала «Наши Достижения»² бытовые очерки из жизни эмиграции, а также очерки быта французской интеллигенции, мелкого чиновничества и быта провинции? Может быть, это работа не для одного человека — все равно, пусть будут двое, трое.

Передайте сердечный мой привет Мирскому, таковой же шлю и Вам.

Всего доброго!

А. Пешков

17.II.30.

8. П. П. СУВЧИНСКИЙ — ГОРЬКОМУ

27 февраля 1930, Клармар

27/2.30.

Дорогой и глубокоуважаемый
Алексей Максимович,

простите, что не ответил Вам сразу на Ваше письмо, за которое очень благодарю. Я уезжал на несколько дней из Парижа. Конечно, если это Вас не затрудняет, напишите о нас в Москву кому следует и что найдете нужным. Будьте вполне уверены, что наше решение и ориентация приняты нами раз навсегда и колебаться не могут. Хочу сообщить Вам некоторые дополнительные данные: в прошлую осень через парижское полпредство (точнее через Гель-

фанда) я подавал нечто вроде докладной записки и смету для издания журнала. Несмотря на то, что моя инициатива была встречена сочувственно, никакого последствия дело не получило. У меня сложилось впечатление, что парижское пол<пред>ство вообще не влиятельно и не на очень хорошем счету.

Боюсь, что политическое положение во Франции не позволит нам в настоящее время приступить к организации журнала или газеты. За нами и без того идет слежка¹. Практичнее было бы говорить сейчас о серии *сборников*.

Смета приблизительно такова: нужно иметь L.30 (анг<лийских> ф<унтов>) в месяц на содержание аппарата и выписку книг и журналов и по L.100 на каждый сборник, причем можно было бы выпустить 4 сб<орника> в год. Не знаю, покажется ли Вам эта смета высокой, или нормальной, но мы твердо решили — если начинать, то иметь настоящую базу и уверенность, что дело не прекратится после выхода первого №. Я знаю, что значит работать в чуждой и враждебной среде и с людьми, для которых важны каждые 10 fr. Опыт газеты «Евразия», когда мы погибали от долгов, векселей и невозможности занять у кого-либо хотя бы 500 f. — до сих пор приводит меня в ужас и, конечно, о повторении даже и думать не приходится. У нас должна быть уверенность в том, что мы можем защищаться и защищать свое дело хотя бы на протяжении года. В противном случае — лучше и не начинать. Чтобы поставить работу хорошо — нужно иметь возможность покупать книги, поехать в Германию, где есть подходящие люди и настроения, нужно иметь возможность поддерживать связь с иностранцами. Я убежден, что в среде даже французской интеллигенции есть элементы, кот<орые> можно включить в наш психологический круг, но для этого нужна конкретная работа и планомерное общение.

Я бесконечно рад, что Вы обратили внимание на наше дело, т. к. по совести считаю, что нам действительно нужно помочь. *Биографическое* значение того пути, кот<орый> нами проделан, уже само по себе есть нечто такое, что должно быть <1 нрзб.> и использовано в дело русской революции. Но для этого я всегда настаиваю на сохранении внешней независимости нашей газеты, т. к. наше вольное и партизанское положение — необычайно убедительно для эмигрантской молодежи².

В случае, если бы наше дело встало на путь реализации — я, конечно, пришлю Вам подробный план 1-го сборника и его содержание, или еще лучше, найду какую-нибудь возможность с Вами повидаться. Можно было бы через Вас получить мне и моей жене визы в Италию на короткий срок?

Хочу еще раз подчеркнуть, насколько важным для нас является вопрос *систематической* организации нашего дела. Без этого мы лучше будем пребывать в том состоянии убожества, в котором находимся сейчас.

Что касается очерков социального быта современной Франции — то я говорил о них с очень подходящими людьми и первый очерк пришлю на пробу недели через две.

Простите, что утруждаю Вас своими письмами и делами.

Искренно преданный

П. Сувчинский.

9. П. П. СУВЧИНСКИЙ — ГОРЬКОМУ

14 марта 1930, Клармар

14/3.30.

Глубокоуважаемый
Алексей Максимович,

пошляю Вам первый очерк¹. После него имеются в виду следующие темы: 1) современный французский синдикализм, 2) французская пресса, 3) Сорбонна, 4) рабочее движение, 5) интеллигенция.

Буду Вам очень благодарен за указания и критику.

Искренно преданный

П. Сувчинский.

10. ГОРЬКИЙ — П. П. СУВЧИНСКОМУ

20 марта 1930, Сорренто

Уважаемый Петр Петрович —

очевидно, я недостаточно определенно изобразил Вам цель журнала «За рубежом», и результатом этого явилось недоразумение.

Цель журнала — освещение *быта* современной Франции, ее столицы и провинции, очерки и эскизы будничной жизни буржуазии и пролетариата: питание, развлечения, отношение к женщине, детям и т. д.

Вы прислали «политическую» статью, к тому же придав ей словесную форму, недостаточно удобочитаемую для массы. Наш чита-

тель — жаден до печатного слова, но — он требует простого, ясного языка.

А насколько он жаден, это явствует из того, что «Крестьянская Газета» печатается 1.730.000 экз. — выходит 3 раза в неделю, «Примерный устав сельхоз. артели» напечатали 11.450.000 — по 2 копейки экз. — не хватило! «Наши Достижения» в прошлом году печатали 35 тысяч, в этом — 60, думаем, что к концу года будем печатать 100. «За рубежом» тоже рассчитываем выпустить 1-ю книгу 40 т. Вот какие дела!

Ответа на мое письмо по поводу издания сборников еще не имею². Получив — немедленно сообщу Вам.

Всего доброго!

А. Пешков

20.III.30.

11. П. П. СУВЧИНСКИЙ — ГОРЬКОМУ

30 марта 1930, Кларам

30/3.30.

Глубокоуважаемый
Алексей Максимович,

Ваше письмо с возвращенной статьей получил. В дальнейшем мы постараемся выполнять все Ваши требования. Пожалуйста — если только это Вас не затрудняет — критикуйте самым беспощадным образом.

Сегодня я посылаю Вам статью А. С. Адлера¹, на мой взгляд, исключительно способного человека. Он прекрасный ученый и в то же время из него мог бы выработаться первоклассный публицист. Думаю, что его статья Вам также не подойдет, но, если она Вам понравится — нельзя было бы пристроить ее в какое-нибудь другое издание? Мне очень досадно, что за границей имеются силы, которые никак не могут найти себе нужного применения.

Нельзя ли было бы получить несколько номеров Ваших изданий, здесь их очень трудно раздобывать, а без этого трудно попасть в стиль издания.

Надеюсь, что следующие статьи Вас удовлетворят.

Искренно преданный Вам

П. Сувчинский.

12. П. П. СУВЧИНСКИЙ — ГОРЬКОМУ

8 июня 1930, Клармар

8/VI.30.
26, rue Paul Bert
Clamart (Seine)

Глубокоуважаемый
Алексей Максимович,

посылаю Вам еще раз на пробу статью о Франции¹. Не сочтите это навязчивостью и поступите с ней — как хотите; ее можно сократить, воспользоваться как материалом или просто выбросить... Мне кажется, что она все-таки интересна.

На днях виделся с Шалапиным и проговорил с ним несколько часов. Он производит тяжелое впечатление — много говорит, но все как-то невпопад, растерянно и, что печальнее всего, — очень неинтересно. По-видимому, он перестал вообще что-либо понимать не только в политике, но и в музыке и искусстве. С виду он очень похудел и как-то сжался в объеме².

Еще раз простите, что беспокою Вас.
Искренно преданный Вам

П. Сувчинский.

P. S. Если мы здесь не умеем писать статьи, то м. б. Вы могли бы давать задания по собиранию материалов и данных. Кроме статистических данных, мне кажется, было бы интересно собирать «обличительную хронику европейской буржуазной жизни», т. е. *faits divers*³, смысл которых понятен только тогда, когда смотришь *извне* самой культуры и европейской жизни.

13. ГОРЬКИЙ — П. П. СУВЧИНСКОМУ

15 июня 1930, Сорренто

Уважаемый Петр Петрович —

мне Ваша статья весьма понравилась, содержательна, написана просто; я отправил ее в Москву и, уверен, она пойдет¹. Как только получу ответ оттуда — сообщу Вам, какие темы были бы желательны для журнала.

Статья Адлера — не интересна и тускловата. Огорчило меня то, что Вы сказали о Ф. И. Шалапине, но я вынес от встречи с ним

в Риме почти такое же впечатление². Много сделал он, а — мог бы сделать в 10 раз больше, если б не счел себя — преждевременно — равным всему великому. Самонадеянный русский талантище, он никогда не заботился о том, чтоб немножко поучиться, почитать. Живопись? И я могу! Пишет картины, но — в музеи ходить — не любит. Скульптура? Могу и лепить, как Паоло Трубецкой³, а — посмотреть на греков — лень, времени не хватает. В конце концов: из всех искусств он больше всего любил преферанс.

Тридцать лет знаю я его. 130 раз ругался с ним, люблю его, восхищаюсь и — обидно за него. Очень.

Крепко жму руку.

А. Пешков

Как со сборниками⁴? Мне сказали, что это дело осуществимо.

14. П. П. СУВЧИНСКИЙ — ГОРЬКОМУ

21 июня 1930, Клармар

21/VI.30.

26, rue Paul Bert

Clamart (Seine)

P. Souvtchinski

Глубокоуважаемый
Алексей Максимович,

Ваше письмо было для меня величайшей радостью. Наконец-то и мы на что-нибудь пригодимся!

Что касается сборников — то я буду ждать Ваших дальнейших указаний. Как приступить к реализации этого дела, через кого? Что я должен предпринять? Конечно, нам было бы приятнее всего, чтобы материал первого № был бы просмотрен и одобрен Вами. Мне очень стыдно надоедать Вам — но если это дело еще затянется, то нам будет трудно его поднять. Двое из возможных сотрудников должны в начале июля так или иначе устроиться, т. е., вероятно, вынуждены будут уехать из Парижа. Кроме того, мы потеряем помещение в Клармаре — дешевое и удобное для работы.

Буду ждать от Вас по этому делу всяческих указаний.

Хочу Вам написать несколько слов об *Игоре Маркевиче*¹, мальчике 17 л<ет>, кот<орый> в этом году впервые выступает со своими сочинениями. Я положительно скажу, что такого композитора

и такого начала музыкальной деятельности — я еще не встречал, хотя помню, как начинали Стравинский² и Прокофьев³. Маркевича открыл еще Дягилев⁴, и он должен был писать для него балет⁵. В этом году Маркевич написал Кантату⁶, кот<орая> была сыграна с огромным успехом. В настоящее время хочу его познакомить с Мейерхольдом⁷ и устроить их сотрудничество. Боюсь, однако, что ничего из этого не выйдет, т. к. Мейерхольд при исключительном таланте — человек очень растерянный и ненадежный. Интересно, что Стравинский — поднял буквально травлю против Маркевича. Марк. родом из Киева, но всю жизнь прожил в Швейцарии. Делаю все, чтобы его «разъевропеизировать», и т. к. он очень умен — то этого легко достигаю. Во всяком случае — русская музыка опять имеет героя.

Видели ли Вы «Ревизора» Мейерхольда? — Это замечательная вещь⁸.

Искренно преданный Вам

П. Сувчинский.

15. П. П. СУВЧИНСКИЙ — ГОРЬКОМУ

11 июля 1930, Клармар

11/VII.30

26, Paul Bert

Clamart (Seine)

Глубокоуважаемый
Алексей Максимович,

спасибо за письмо¹. Очень рад, что статья понравилась и в Москве². Нельзя ли было бы получать мне «За Рубежом»? Относительно последних статей — у нас имеются на очереди следующие темы: «1830—1930» и «о современной французской прессе». Теперь много пишут о романтизме и об этих двух датах. Мне кажется, было бы интересно попробовать раскрыть действительный смысл понятия «романтизм». Кроме того, попробуем осветить и вопросы французской школы и женский вопрос.

Журнал и гонорар — можно присылать по моему адресу: 26, rue Paul Bert. Clamart (Seine).

Но очень Вас прошу все статьи, — в том числе и первую — подписать инициалами А. С. ³.

К сожалению, никаких денег на издание сборников я не получал и очень скорблю об этом, т. к. не могу равнодушно видеть

ежедневного растления и развращения, которые производит эмигрантская пресса. Пусть эмигрантская масса — по существу мало стоящая, но иногда дух захватывает от злобы и беспомощности: ведь не все же подлецы, хамы или ослепленные. Ведь все-таки можно добраться до совести хотя бы даже и галлиполийца⁴!

Как Вы лично относитесь к Em. Verl'ю⁵? По-моему, это самый «пронзительный» из современных французских писателей. К сожалению, в глубине его сознания находится какой-то своего рода стерильный нигилизм, но как диагност — он замечателен. Переведены ли на русский язык его 2 книги и переводятся ли некоторые статьи из «Monde»⁶?

Если бы Вы нашли нужным и интересным сделать эти переводы — то я бы мог предложить Вам очень хорошую переводчицу. Я думаю, что в особенности 2-ая книга Verl'я «Mort de la morale bourgeoise»⁷ — была бы очень интересна для России как симптом и диагноз современной Франции. Но, конечно, нужно этот перевод снабдить не только вступительной статьей, но и большим количеством *разъяснительных и критических примечаний*, т. к. Verl' все время оперирует с огромным количеством имен французских и иностранных писателей, философов, политиков и т. п., которые, конечно, не знакомы русским читателям.

Я все еще не теряю надежды, что мы получим возможность начать серьезное дело. К сожалению, только материальная сторона жизни для нашей группы становится все труднее, и я не знаю — доживем ли мы все вместе до счастливого дня, когда сможем найти себе конкретное применение. Делаю все что могу, но нужда большая.

Собираетесь ли Вы в этом году в Москву? И когда⁸? Я м. б. получу возможность поехать в Россию в конце августа или в сентябре⁹. Голова кружится при одной мысли об этом.

Еще раз, глубокоуважаемый и дорогой Алексей Максимович, спасибо Вам за письмо и за все вообще.

Преданный Вам

П. Сувчинский.

16. ГОРЬКИЙ — П. П. СУВЧИНСКОМУ

16 сентября 1930, Сорренто

Уважаемый Петр Петрович, —

за статью Вашу Вы получили мало потому, что редколлегия сильно сократила ее. Основание сокращений: «для автора многое

внове из того, что для нас пройденная истина». Сведений о второй Вашей статье еще не имею¹. Фактический редактор — в Боржоме, в отпуске².

Два №-а журнала были посланы Вам, но — возвращены почтой Франции. С моими посылками такие «ретуры»³ бывают не редко.

Редколлегией проведена анкета среди подписчиков: они требуют статей на темы:

Положение женщины в буржуазной и рабочей среде.

Проституция. Дети. Молодежь. Подготовка к войне. Спорт. Литература.

Техника, военная техника, междуклассовые отношения. Театр, кино, живопись. Отзывы бур<жуазной> прессы о пятилетке. Колонии. Религия, церковь, духовное закрепощение масс. Быт рабочих.

Журнал придется расширять с нового года⁴.

Всего доброго!

А. Пешков

16.IX.30.

17. П. П. СУВЧИНСКИЙ — ГОРЬКОМУ

19 сентября 1930, Клармар

19 сент. 1930.

26, rue Paul Bert

Clamart (S<eine>)

Глубокоуважаемый и дорогой

Алексей Максимович,

подтверждаю получение 1344 fr.¹ и очень Вас благодарю.

Вы мне ничего не написали, как Вам понравилась последняя статья А. Берга о французской прессе². Ваши указания крайне необходимы для дальнейшей работы.

Получили ли Вы мое письмо, в котором я писал Вам о переводах Верг'я?

По-видимому, из нашего проекта издания сборников ничего не выйдет. Время идет, а ничего не слышно. Поэтому я еще больше дорожу связью с Вами и возможностью через Ваше посредство участвовать в русских журналах.

Очень Вас прошу — не откажите прислать уже вышедшие №№ «За Рубежом».

Поездка моя в Россию не состоялась — не было ни денег, ни других личных возможностей³.

Что же Вам нужно в ближайшее время, т. е. какие статьи и на какие темы?

Искренно преданный Вам

П. Сувчинский.

18. П. П. СУВЧИНСКИЙ — ГОРЬКОМУ

19 декабря 1930, Клармар

19/XII.30

26, rue Paul Bert
Clamart (Seine)

Глубокоуважаемый и дорогой
Алексей Максимович,

вместе с этим письмом посылаю Вам заказной бандеролью статью А. Берга об Индокитае¹. Возились мы с ней очень долго.

К сожалению, несмотря на все заказы — мне так и не удалось раздобыть ни одного экземпляра «За Рубежом». Выходит ли он и как обстоит дело с нашими статьями?

Разрешите обратиться к Вам с большой просьбой: не могли бы Вы до пересылки статей в Москву — просмотреть ст<атью> об Индокитае и написать хотя бы несколько слов — что Вы о ней думаете. Боюсь, что статьи пишутся не так, как нужно.

Здесь становится жить очень скверно во всех отношениях². Одно время думал переезжать в Берлин, но и там теперь не лучше.

Нужно ли приступать к дальнейшим статьям?

Искренно преданный Вам

П. Сувчинский.

19. ГОРЬКИЙ — П. П. СУВЧИНСКОМУ

24 декабря 1930, Сорренто

Уважаемый Петр Петрович —

посланные Вам три книжки «За рубежом» возвращены французской почтой. Это — не первый случай французского остроумия. Письмо мое, посланное одновременно, Вы, должно быть, тоже не получили!¹

В письме этом я писал, что требуются статьи по вопросам быта, а не политики. Темы, интересные для редакции: чему учатся,

чем забавляются дети, как живет женщина буржуазных групп и рабочего класса, что читают, что дает кино, что привозит с собой иностранец, чем его угощают и пр. и т. д. Вообще — быт!

Статью об Индокитае не успел прочитать, напишу о ней позднее. Журнал — очень плох, ибо все пишут о политике и — газетно. А тут еще — горе: фактический редактор умер². Теперь это место займет, вероятно, Карл Радек³. Сие было бы прелестно.

Жму руку.

А. Пешков

24.XII.30.

20. П. П. СУВЧИНСКИЙ — ГОРЬКОМУ

29 декабря 1930, Клармар

29/XII.30

26, rue Paul Bert

Clamart (Seine)

Глубокоуважаемый и дорогой
Алексей Максимович,

посылаю Вам небольшое дополнение к статье об Индокитае¹. Спасибо большое за Ваше письмо. Я действительно одного Вашего письма не получил и, по-видимому, дело не в итальянской цензуре — а в французской. Нельзя ли было бы получить экземпляры «За Рубежом» — через Берлин?

Только что был у меня очень толковый рабочий, наш большой друг, кот<орый> работает в районе Гренобля². Говорил с ним о бытовых очерках французской жизни. Он обещал в ближайшее время написать несколько «Писем». Я их Вам перешлю, но как сырой материал.

Очень хорошо, что Радек примет участие в журнале «За Рубежом». Но мне кажется, что он человек сугубо политический?

Что касается статей А. Берга — то вряд ли можно изменить их характер в сторону большего бытоописания. Он человек исключительно политический и научный. Постараюсь все же и здесь раздобыть нужный Вам материал. Будем с нетерпением ждать Ваш отзыв о статье об Индокитае.

Преданный Вам

П. Сувчинский.

21. П. П. СУВЧИНСКИЙ — ГОРЬКОМУ

6 февраля 1931, Клармар

6/2.31.
26, rue Paul Bert
Clamart (Seine)

Глубокоуважаемый
Алексей Максимович,

посылаю Вам первое письмо Н. В. Афанасова, о котором я Вам уже писал¹. Боюсь, что оно недостаточно содержательно. Во всяком случае он человек очень хороший, исключительно правдивый, наблюдательный и с очень хорошими идеологическими установками. Со временем он, конечно, будет писать лучше. Я так и не получил Вашего отзыва о статье об Индокитае. Не хочу Вас утруждать напоминанием, но иногда пропадают письма, поэтому буду Вам очень благодарен за хотя бы краткое уведомление о ней.

Искренно преданный Вам

П. Сувчинский.

22. П. П. СУВЧИНСКИЙ — ГОРЬКОМУ

19 марта 1931, Париж

Настоящим подтверждаю получение через Сергея Яковлевича Эфрона — четырех тысяч (4000) франков в декабре 1930 г.¹

П. Сувчинский

Париж, 19 марта 1931.

23. П. П. СУВЧИНСКИЙ — ГОРЬКОМУ

3 ноября 1931, Клармар

3/XI.31.
26, rue Paul Bert
Clamart (Seine)

Глубокоуважаемый и дорогой
Алексей Максимович,

боюсь, что это письмо доставит Вам огорчение. Тем не менее решаюсь Вам написать обо всем.

Дело в том, что С. Я. Эфрон вынужден был мне сказать, что то вспомоществование, которое я получал через него от неизвестного лица — шло от Вас. М. б. это разоблачение Вам будет неприятно, но С. Я. в данном случае не виноват. Что же касается меня — то Вы сами понимаете, какую радость я от этого известия получил. Не знаю, как Вас благодарить и за Ваше доверие ко мне и за доброе отношение. Мне кажется, что никогда ничто не доставило мне такую радость и моральную поддержку. Этой своей помощью Вы окончательно заставили меня довести мое пение до конца, т. к. очень долго я колебался и, правду сказать, не раз собирался все бросить.

Теперь все идет очень хорошо. Я занимаюсь у совершенно замечательного учителя пения Alberto de Gorostiaga; он напоминает в виду и по некоторым приемам циркового дрессировщика, но занимается прекрасно. Caruso, Volpi, Gigli¹ — были и есть его лучшие друзья. Кроме того, он работает вместе с Ferrone, самым большим импрессарио в Италии. Так что с весны — дорога будет открыта во все стороны. Я хочу некоторое время еще после окончания учения пробыть в Европе, если можно, поехать в Америку, чтобы расплатиться с долгами. И тогда ехать в Россию².

Весь вопрос — как мне дотянуть до весны? Не подумайте, что я хочу, — теперь это я знаю все от С. Я. — обратиться к Вам с просьбой мне помочь. Я и так в ужасе, что причинил Вам столько хлопот и расходов, и поверьте, что как только я начну зарабатывать — первым своим долгом буду считать ту сумму, что я получил от Вас.

У меня явилась мысль: м. б. можно было бы получить какую-нибудь ссуду из какого-нибудь московского учреждения? Моя политическая благонадежность известна. Что же касается голоса и моих успехов, то ведь это очень легко проверить через какое-нибудь лицо (более-менее сведущее) в Полпредстве.

Искать денег у русских или иностранцев — трудно, даже невозможно, т. к. я и мои ближайшие друзья окончательно «изгнаны» из всякой русской общественности, да и сам я таких ссуд не хочу брать.

Простите, пожалуйста, что затрудняю Вас такими делами, но я думаю, что действительно смогу пригодиться и в смысле пения, и в смысле работы по организации нового *музыкального театра*. Как-то реформировать оперу и балет необходимо... Что же касается самого голоса — то он, кажется, действительно хороший. Во всяком случае я начинаю в него верить сам.

На днях виделся с Прокофьевым и убеждал его ехать в Россию, где против него очень настроены молодые круги музыкантов. Боюсь, что он уже обуржуазился, но зато здесь есть несколько русских и французских музыкантов, которые очень хотят ехать в Россию. Очень жаль, что так затруднен обмен. Между прочим, я могу очень рекомендовать молодого французского дирижера Roger Desogniéге'a³ (он когда-то дирижировал у Дягилева), кот<орый> и по своим общим убеждениям, и по музыкальным воззрениям очень бы подошел в Москве. К кому можно обратиться, чтобы вошли с ним в переговоры?

Простите еще раз, что беспокою Вас, и еще раз примите мою самую глубокую и искреннюю благодарность.

Преданный Вам

П. Сувчинский.

24. ГОРЬКИЙ — П. П. СУВЧИНСКОМУ

15 ноября 1931, Сорренто

Не отвечал Вам, уважаемый Петр Петрович, так долго, потому что искал способа обойти как-нибудь запрещение переводов за границу и в лирах, и в инвалюте.

Приходится ждать «оказии», каковая и будет в первых числах декабря, не раньше.

Удивительно дурацкие выходки совершают здешние власти под толчками кризиса и, право, кажется, что обыватель скоро не вынесет дальнейшего давления — взорвется.

Слышал, что предполагено ввести налог на балконы, по 50 лир со штуки, ибо они — балконы — «пользуются общественной площадью». После Москвы, Ленинграда чувствуешь себя здесь как-то очень неловко¹, как бы принужденным сдерживать «свободу дыхания».

Желаю Вам всего доброго. Весьма смущен тем, что задерживаю исполнение обещания, мною данного г. Эфрон². Чертовщина какая.

А. Пешков

15.XI.31.

25. П. П. СУВЧИНСКИЙ — ГОРЬКОМУ

22 декабря 1931, Клармар

22/ХІІ.31.

26, rue Paul Bert

Clemart (Seine)

Глубокоуважаемый и дорогой
Алексей Максимович,

Я в отчаянии, что должен Вас беспокоить, но у меня другого выхода нет. Вот уже месяц, как мне пришлось бросить уроки пения, т. к. все мои кредиты истощились. Сейчас пишу какие-то статьи в южно-американские журналы о пятилетке, но от такой двойной профессии толку мало и никаких денег. Я готов бросить свое пение, но у меня столько обязательств, связанных с этим начинанием, что не имею права это сделать. Чувствую, насколько я не имею права затруждать Вас собой, — но кругом ни к кому обратиться не могу, особенно после того, что Бурцев¹ написал в «Иллюстрированной России», что я агент ГПУ²! Если я к весне не кончу своих занятий — то это будет для меня катастрофой, <потому> что время уходит, и нужно возвращаться в Россию, а все-таки учиться пению можно только у итальянцев и испанцев. Будет смешно ехать обратно в Москву доучиваться туда — откуда приехал.

Вы писали, что Вам могла бы представиться okazия переслать деньги в начале декабря. М. б. то лицо, которое должно было ехать во Францию — забыло про это. Вы только поймите, как мне невыносимо трудно писать Вам обо всем этом. М. б. я бы мог исполнить по заказу какого-нибудь учреждения или издательства в Москве — какое-нибудь поручение (в Парижск<их> библиотеках, архивах) или получить просто какую-нибудь временную службу, кот<орая> давала бы мне 1500—2000 fr. в месяц. С такой суммой я бы справился и кое-как закончил бы свои занятия.

На всякий случай сообщаю Вам фамилию и адрес моего учителя пения. М. б. он понадобится Вам для справок обо мне: *M-r Alberti Gorostiaga. 29, rue Boulainvilliers. Paris 16-e.* Он работает как антрепренер с Ferrone, у кот<орого> самый большой театральный трест.

Только что закончились гастролы Шаляпина в Д<он> Кихоте и Сев<ильском> цир<юльнике>³. Кажется, в первый раз — публики было мало и, говорят, впечатление было грустное.

Не сердитесь на меня. Только моя самая искренняя любовь к

Вам и полная безвыходность позволяют мне Вас еще раз беспокоить со своими делами.

Преданный Вам

П. Сувчинский.

26. ГОРЬКИЙ — П. П. СУВЧИНСКОМУ

24 декабря 1931, Сорренто

Prie attendre dix jours.

Peschkoff¹

27. П. П. СУВЧИНСКИЙ — ГОРЬКОМУ

25 декабря 1931, Кламар

25/XII.31.

26, rue Paul Bert

Clamart (Seine)

Глубокоуважаемый и дорогой
Алексей Максимович,

я сейчас получил Вашу телеграмму и хочу Вас как только могу поблагодарить за внимание. Простите, что утруждаю Вас всем этим.

Искренно преданный

П. Сувчинский.

В таком убожестве я еще никогда не был. Имеешь против себя и иностранный кризис, и русскую эмиграцию.

28. П. П. СУВЧИНСКИЙ — ГОРЬКОМУ

15 января 1932, Кламар

15/I.32.

26, rue Paul Bert

Clamart (Seine)

Глубокоуважаемый
Алексей Максимович,

мне ужасно совестно, что я опять Вас беспокою. Но я очень опа-

саюсь, что кроме других затруднений между Вами и мной существуют еще препятствия в смысле почтовых сношений — чисто местного, полицейского характера. После статей Бурцева¹ я наверное знаю, что за моей почтой следят. Я получил Вашу телеграмму 25-XII «*prie attendre dix jours*» — и после этого никаких известий от Вас не было. Опасаюсь, что письмо пропало или задержано в Париже, и Вы об этом не знаете, думая, что я Вам не сразу написал в ответ. М. б. дело обстоит и иначе, но я все-таки решил Вам написать, тем более, что положение стало действительно катастрофическим.

Сегодня 15-ое, т. е. нужно платить за квартиру, а не только у меня, но и кругом ни у кого ни сантима. Под видом кризиса — все вообще перестали платить, и ни один журнал мне ничего не платит, хотя в общей сложности мне должны около 1200 fr.

Я Вас очень прошу меня простить и не сердиться. На всякий случай сообщаю Вам адрес жены Карсавина², на кот<орый> можно мне писать. Сам он в Ковно, а с его семьей у меня сохранились хорошие отношения вопреки всему³. *M-me L. Karsavina, 11-bis, rue de St. Claud, Clamart (Seine), France.*

Искренно преданный Вам

П. Сувчинский.

Мирский, кот<орый> только что уехал в Лондон — хотел переговорить с женой Сокольников⁴.

29. П. П. СУВЧИНСКИЙ — ГОРЬКОМУ

27 февраля 1932, Клармар

27/II-32.

26, rue Paul Bert
Clamart (Seine)

Глубокоуважаемый
Алексей Максимович,

я хочу написать Вам с полной откровенностью о своих делах и опять прошу прощения, что беспокою Вас ими. Те деньги, кот<орые> Вы прислали мне в январе¹ и за которые я Вас еще раз очень очень благодарю — пошли частично на уроки пения, а частично на уплату квартиры. Теперь я опять начал брать уроки, и Alberti меня уверяет, что все идет идеально и что у меня голос «на 1000 дол<аров> за вечер!» Надеюсь, что к концу лета, или к середине — я кон-

чу заниматься и буду уже только разучивать партии. Во всяком случае — я теперь сам, в смысле голоса — собой доволен и вижу просвет. Главное, что я сам для себя поверил в свой голос, кот<орый> очень долго был какой-то чужой и даже враждебной функцией.

В смысле приработка — также стало немного лучше, т. к. я получил заказ на несколько статей. Но у меня будет очень трудный — март месяц (около 15-го), т. к. мне нужно переезжать из Кламара на другую квартиру и внести Alberti. Поэтому — я решаюсь еще раз, *в последний*, обратиться к Вам с просьбой: м. б. Вы могли бы мне помочь в этот срок? Это меня окончательно бы выручило, т. к. в мае надеюсь получить один заказ на небольшую книгу, кот<о-рая> меня устроит на несколько месяцев, а с осени — я уже начну зарабатывать пением и тогда же начну выплачивать Вам мой долг. Если это Вам трудно — Вы простите меня и не сердитесь и не думайте, что бессовестно причиняю Вам заботы. Я делаю это с ужасной мукой и только потому, что хочу довести свое дело до конца.

Несколько месяцев тому назад я подал прошение о восстановлении своего гражданства². В полпредстве отнесли ко мне очень внимательно, но я думаю, что мне все-таки откажут. Как быть тогда? М. б. Вы разрешите мне в этом случае обратиться к Вам также за помощью. Надеюсь, что Мирский, когда будет в Москве³, и если Вы его расспросите — сможет Вам дать относительно меня более подробные сведения. Мне очень совестно, что я Вас все время беспокою — а Вы про меня так мало знаете. Простите мне это письмо.

Искренно преданный Вам

П. Сувчинский.

30. П. П. СУВЧИНСКИЙ — ГОРЬКОМУ

10 ноября 1932, Париж

10/XI.32.

263, rue Lecourbe, Paris 15-e

Глубокоуважаемый и дорогой
Алексей Максимович,

только на днях — почему-то, Мирский написал мне, что Вы справлялись у него обо мне¹. Я много раз собирался Вам написать, но всегда не решался этого сделать, т. к. сознавал и сознаю, какая огромная работа легла на Вас; мне не хотелось утруждать Вас лишним письмом. Как Ваше здоровье?

Пение мое идет очень хорошо. Последний этап затянулся, т. к. он оказался самым трудным, но теперь уже конец виден. На днях я пел И. Э. Бабелю², и ему, кажется, очень понравилось — а ведь он человек, кот<орый> «все понимает», и у меня в него огромная вера.

Благодарю Вас очень, от всего сердца, за память. Всегда помню, что Вы два раза и в самом главном определили события моей жизни. Один раз — тем, что направили все мое мирозерцание в другую сторону — без всякого усилия с Вашей стороны — одним Вашим видом и существом, и другой — тем, что помогли в моей новой профессии. Очень трудно посередине жизни менять то и другое — особенно, конечно, профессию.

Всегда преданный Вам

П. Сувчинский.

Знаете ли Вы книгу L.-F. Céline: Voyage au bout de la nuit³? Мне кажется, она очень замечательная, и ее нужно было бы перевести на русский. Во всяком случае она очень показательная.

ПРИМЕЧАНИЯ

1.

¹ Цветаева Анастасия Ивановна (1894—1993), писательница, мемуаристка, в 1920-е гг. сотрудница московского Музея изящных искусств. В конце 1926 г. вступила в переписку с Горьким. По его приглашению гостила у писателя в Сорренто в августе—сентябре 1927 г. В конце августа на две недели уезжала во Францию для встречи с сестрой М. И. Цветаевой и ее семьей, после чего снова вернулась в Италию. Подробнее см.: *Цветаева А.* Воспоминания. М., 1984. С. 644—708.

² Шаляпин Федор Иванович (1873—1938), певец. В июне 1922 г. выехал на гастроли в Европу и США, в Советскую Россию не вернулся. Умер в Париже.

³ Бенуа Александр Николаевич (1870—1960), живописец, график, театральный художник, историк искусства, мемуарист. С 1924 г. жил в Париже, работал в крупнейших театрах Европы и США. Умер в Париже.

2.

¹ Святки — 12 дней от Рождества до Крещения.

3.

¹ Записка не сохранилась.

4.

¹ Под «третьим» Сувчинский и Горький подразумевают Бога (см. п. 5).

² Вероятно, речь идет о каком-то творческом замысле Горького, которым он поделился с Сувчинским во время беседы.

³ В доме писателя в начале января 1928 г. проживали сын Максим с женой Надеждой Алексеевной и двумя маленькими дочерьми — Марфой и Дарьей, а также художник И. Н. Ракицкий.

5.

¹ О каком письме идет речь, установить не удалось.

² Речь идет об издании: Дневник А. А. Вырубовой // Минувшие дни: Иллюстрированный исторический альманах. Л., 1927. Декабрь. № 1. С. 5—76. В ЛБГ хранится издание дневников с пометами писателя: *Вырубова А. А.* Дневники. Л., 1927 (ОЛБГ. 6228). См. также: Дневники и воспоминания Анны Вырубовой. М., 1991.

А. А. Вырубова — фрейлина последней русской императрицы Александры Федоровны. Была близка к Г. Распутину.

6.

¹ Намек на раскол, произошедший в евразийском движении в январе 1929 г. Подробнее см. вступ. статью.

² Возможно, речь идет о П. С. Арапове, бывшем гвардейском офицере, друге Сувчинского, одном из руководителей евразийского движения. По свидетельству В. Козового, близко знавшего Сувчинского в последние годы его жизни, Арапов дважды нелегально ездил в СССР, в третий раз из поездки не вернулся (*Козовой В.* О Петре Сувчинском и его времени // Петр Сувчинский и его время. С. 26). В. Л. Бурцев в 1931 г. высказал подозрение в том, что Арапов был связан с ГПУ и причастен к похищению генерала А. П. Кутепова. «Он много лет, — писал, в частности, Бурцев, — несомненно, был тесно связан с ГПУ. При помощи ГПУ, он “нелегально” ездил 18 раз в Россию. Не так давно он, говорят, был расстрелян в России как человек, который много мог рассказать о ГПУ интересного» (Иллюстрированная Россия. 1931. № 47. 14 нояб.).

³ Издание журнала не состоялось.

⁴ Кутепов Александр Павлович (1882—1930), генерал от инфантерии. Участник Первой мировой войны и белого движения, командующий армейским корпусом, а затем 1-й Добровольческой армией. В 1920 г. эмигрировал из Крыма. С 1924 г. жил в Париже. В 1928 г. стал председателем Русского общевоинского союза (РОВС). В конце января 1930 г. был похищен в Париже агентами иностранного отдела ОГПУ и нелегально вывезен из Франции. Умер в пути недалеко от Новороссийска (*Вильданова Р. И., Кудрявцев В. Б., Лапко-Данилевский К. Ю.* Краткий биографический словарь русского зарубежья // *Струве Г.* Русская литература в изгнании. Изд. 3-е. Париж; М., 1996. С. 326).

⁵ Милюков Павел Николаевич (1859—1943), общественно-политический деятель, историк, публицист. Член ЦК партии кадетов, депутат 3-й и 4-й Государственной думы, министр иностранных дел Временного правительства. В 1918 г. эмигрировал в Лондон. В 1921 г. поселился в Париже. В 1921—1940 гг. был редактором газеты «Последние новости», в 1938—1939 гг. — журнала «Русские записки». Умер во Франции.

⁶ В. Козовой свидетельствует, что Сувчинский был человеком верующим, хорошо знал богословие, но в церковь ходил редко и ненавидел «попов» старой России: «...его отрицание прошлой России подчас выглядело (и выглядит) утрированным и даже нарочитым» (Петр Сувчинский и его время. С. 14—15).

⁷ Эренбург Илья Григорьевич (1891—1967), поэт, прозаик, публицист, мемуарист. С 1921 г. Эренбург в качестве корреспондента газеты «Известия» жил в основном в Берлине, с 1923 г. — в Париже. Часто совершал поездки в другие страны Европы. Участвовал в гражданской войне в Испании. После начала Второй мировой войны, в 1940 г. вернулся в СССР.

⁸ Савич Овадий Герцович (1896—1957), прозаик, поэт, журналист. В 1924 г. эмигрировал в Германию, с 1925 г. жил в Париже. В 1932—1936 гг. был парижским корреспондентом газеты «Комсомольская правда». Участвовал в гражданской войне в Испании. В 1939 г. вернулся в СССР.

⁹ Геенно Жан (1890—1978), французский писатель и эссеист. С 1929 г. — один из редакторов журнала «Эроп».

Р. Роллан писал 22 января 1932 г. Горькому: «Жан Геенно — человек, наиболее достойный уважения и симпатии в редакции журнала “Эроп” <...> Сам он выходец из рабочей среды; угнетенный бедностью и заботами, он немало трудился, чтобы добиться теперешнего своего положения писателя и преподавателя <...> Как это бывает со многими самоучками — выходцами из народа, он находится под сильным гипнозом буржуазной классической культуры» (*Архив Г.* 15. С. 209). См. также письмо Роллана Горькому о Ж. Геенно от 6 марта 1932 г. (Там же. С. 214).

¹⁰ «Калибан говорит» (*франц.*).

¹¹ Кашен Марсель (1869—1958), один из основателей Французской коммунистической партии (1920), член ЦК и Политбюро ФКП. В 1940—1944 гг. — участник Движения сопротивления. С 1918 по 1958 г. — директор газеты «Юманите».

¹² Неандер Борис Николаевич, бывший врангелевский офицер, председатель Объединения русских студенческих организаций (ОРЭСО). В 1930 г. уехал в Москву, работал там выпускающим газеты «Вечерняя Москва». 28 ноября 1931 г. в парижском еженедельнике «Иллюстрированная Россия» сообщалось, что Неандер, этот «последний сменовеховец», который «долгое время в Париже владил жалкое существование», скончался в Москве от туберкулеза (№ 46. С. 20).

¹³ Книга Мирского «Ленин» на английском языке вышла в 1931 г. в Лондоне и в Бостоне (США). 14 марта 1931 г. Д. П. Святополк-Мирский писал из Лондона Горькому: «Книга моя о Ленине только что вышла и надеюсь, что Вы ее получили» (*Oxford Slavonic Papers. New series. Vol. XXVI. 1993. P. 95*).

7.

¹ В тот же день, не дожидаясь согласия Сувчинского, Горький переслал его письмо И. В. Сталину и предложил вождю использовать «левых» евразийцев для издания за границей просоветского органа печати. Замысел осуществить не удалось. См. об этом подробнее во вступ. статье.

² «Наши достижения» (1929—1937) — ежемесячный иллюстрированный журнал. Горький был инициатором создания журнала и его редактором. В данном случае Горький имел в виду журнал «За рубежом», который готовил в это время к выпуску. См. п. 10.

8.

¹ После раскола в рядах евразийского движения «правое» крыло евразийцев обвинило Сувчинского, Мирского, Эфрона и других «отступников» в связях с советскими спецслужбами. Ср. письмо М. Цветаевой своей приятельнице А. Тесковой от 22 января 1929 г.: «У евразийцев раскол <...> Проф. Алексеев (и другие) утверждают,

что С. Я. <Эфрон. — *Ред.*> чекист и коммунист <...> Очень страдаю за С., с его чистотой и жаром сердца» (*Цветева М.* Собр. соч.: В 7 т. М., 1995. Т. 6. С. 375).

Эти обвинения были подхвачены эмигрантской прессой. Положение Сувчинского и его друзей еще более усугубилось после похищения генерала Кутепова, в причастности к которому французская полиция подозревала сочувствующих идеям коммунизма русских эмигрантов. Подробнее см. п. 25, примеч. 2. Судя по «делу» С. Я. Эфрона и его товарищей, некоторые из «левых» евразийцев действительно были завербованы органами ОГПУ, но произошло это несколько позже, в 1931 г. (см.: *Кудрова И.* Последнее «дело» Сергея Эфрона // *Звезда.* 1992. № 10).

² В данном вопросе Сувчинский, видимо, опирался на мнение Д. П. Святополка-Мирского. Ср. его письмо Сувчинскому от 31 октября 1929 г.: «Только здесь <т. е. за рубежом. — *Ред.*> мы можем сохранить ту внешнюю независимость, которая одна может дать нам известный авторитет <...> Как организация Евразийство может иметь только одну цель: быть группой независимо пришедших к признанию коммунизма эмигрантов, работающих на пользу коммунизма в среде коммунизму враждебной или полувраждебной» (*The Letters of D. S. Mirsky to P. P. Suvchinsky. 1922—31 / Ed. by G. S. Smith // Birmingham Slavonic Monographs. 1995. № 26. P. 93.*)

9.

¹ Имеется в виду очерк Сувчинского о современной Франции, напечатанный в ноябрьском (№ 5) номере журнала «За рубежом». Подробнее см. примеч. 3 к п. 15.

10.

¹ Ср. письмо Горького Р. Роллану от 1—2 августа 1933 г.: «...у нас “бумажный кризис” и — отсюда — “книжный голод” <...> Причина явления — рост грамотности и быстрое развитие потребности знания. Спрос на книгу выражается в цифрах почти астрономических: в текущем году Госиздат уже выпустил 45 миллионов учебников для низшей и средней школы, но — этого все-таки еще мало. “Известия” печатают миллион 600 т., а спрос читателей — 5 миллионов. Такое же положение у “Правды”, у “Крестьянской Газеты”, хотя ее тираж 1700 т. Журнал “Наши Достижения” печатается в 60-ти т., а нужно — 200» (*Архив Г. 15. С. 272.*)

² См. п. 8.

11.

¹ Адлер Александр Севастьянович, сотрудник еженедельника «Евразия». Б. Н. Лосский позже вспоминал о «ведшем с беспредельной преданностью “кухню” газеты Шуре Адлере, авторе заметок, где особенно доставалось парижской эмигрантской прессе» (*Лосский Б. Н.* В русском Париже (1927—1935) // *Минувшее: Исторический альманах.* Вып. 21. М.; СПб., 1997. С. 19).

О какой статье Адлера идет речь — установить не удалось. В журнале «За рубежом» не печаталась.

12.

¹ См. п. 9. примеч. 1, и п. 10.

² Эту часть письма Сувчинского, начиная со слов «На днях виделся с Шалапыным...», Горький процитировал в письме П. П. Крючковой от 15 июня 1930 г. и сле-

дом добавил: «Очень тяжело знать это, а я знаю, что это — верно» (АГ. ПГ-рл-21а-1-296).

³ Происшествия (франц.).

13.

Датируется по сопоставлению с письмом Горького П. П. Крючкову от 15 июня 1930 г. (см. ниже).

¹ См. п. 9 и примеч. 1. 15 июня 1930 г. Горький писал Крючкову: «Передайте статью и письмо Кострову, сообщите ему о позиции автора, впрочем — ясной и по его статье. Автор — Сувчинский» (АГ. ПГ-рл-21а-1-296). В начале июля 1930 г. зам. ответственного редактора журнала «За рубежом» Т. Костров сообщал Горькому: «Материал о Франции, который Вы нам прислали, содержит в себе достаточное количество живых и интересных фактов. Мы его несколько сократили и даем в № 3» (Архив Г. 10. Кн. 2. С. 213).

² 15—21 апреля 1929 г. Горький провел с Ф. И. Шаляпиным в Риме несколько вечеров (ЛЖТ. 3. С. 718).

³ Трубецкой Павел Петрович (Паоло, 1866—1938), скульптор. Родился, учился и умер в Италии. С 1897 по 1906 г. жил в России, затем в Париже. Вылепил бюст Шаляпина и фигуру левца в рост.

⁴ См. п. 8.

14.

¹ Маркевич Игорь Борисович (1912—1983), композитор, дирижер, пианист. Родился в Киеве, в раннем детстве был увезен родителями в Париж, затем в Швейцарию. Учился в Парижской музыкальной школе. Симфоническую музыку начал сочинять в 15—16 лет. С 1960 г. неоднократно приезжал с гастрольями в СССР. Умер во Франции.

² Стравинский Игорь Федорович (1882—1971), композитор, дирижер, пианист. Как композитор дебютировал в 1907 г. в Петербурге. В 1914 г. навсегда покинул Россию. Жил в Швейцарии, в 1920 г. переехал в Париж, в 1939 г. поселился в США. В 1962 г. посетил СССР. Умер в Нью-Йорке, похоронен в Венеции, рядом с С. П. Дягилевым.

³ Прокофьев Сергей Сергеевич (1891—1953), композитор, пианист, дирижер. Начал сочинять музыку в пять с половиной лет, в 13 — поступил в Петербургскую консерваторию. В 1918 г. эмигрировал через Сибирь и Японию в США. С 1921 г. жил в Париже, часто гастролируя по всему миру. В 1936 г. вернулся на родину. Умер в Москве.

⁴ Дягилев Сергей Павлович (1872—1929), импрессарио, писатель, театральный деятель. Один из основателей художественного объединения «Мир искусства», редактор одноименного журнала. Устроитель Русских сезонов в Париже — ежегодных выставок и спектаклей, демонстрирующих Западу достижения русского искусства, прежде всего — балета. Создатель знаменитой труппы «Русский балет». Умер в Венеции.

⁵ В 1928 г. С. П. Дягилев обратил внимание на подающего надежды молодого композитора И. Б. Маркевича и заключил с ним контракт на сочинение музыки. По контракту Маркевич сочинил концерт для фортепьяно с оркестром и начал работать над балетом по сказке Андерсена «Новый наряд короля». Хореографию

должен был осуществить С. Лифарь, декорации — Пабло Пикассо. Смерть Дягилева помешала осуществлению этого замысла (см.: *Русское зарубежье*. С. 391).

⁶ Вероятно, имеется в виду кантата для сопрано и мужского хора с оркестром на слова Жана Кокто, созданная Маркевичем в 1930 г.

⁷ Мейерхольд Всеволод Эмильевич (1874—1940), режиссер, актер, театральный деятель.

⁸ В 1930 г. Мейерхольд со своим театром гастролировал в Европе, в том числе в Париже, где показал свою интерпретацию комедии Н. В. Гоголя «Ревизор». Премьера спектакля состоялась 17 июня 1930 г. в театре Монпарнас. Французская публика отнеслась к постановке с большим интересом. «Ревизор» был сыгран вместо запланированных трех — шесть раз. Эмигрантская пресса осудила режиссера-новатора за слишком вольное обращение с классикой. Например, газета «Возрождение» назвала постановку «мейерхольдовской отсебятиной» и глумлением над Гоголем (см. подробнее о спектакле, а также об откликах советской и эмигрантской прессы о нем: *Архив Г. 16*. С. 436—438).

15.

¹ Письмо разыскать не удалось.

² Вероятно, в неразысканном письме Горький передавал мнение заместителя ответственного редактора «За рубежом» Т. Кострова о статье Сувчинского для этого журнала. См. примеч. 1 к п. 13.

³ Статьи за подписью «А. С.» в журнале «За рубежом» не печатались. Сначала статью Сувчинского предполагалось опубликовать в № 3 «За рубежом», но из-за сокращения формата журнала ее пришлось задержать (см. письмо зав. редакцией «За рубежом» А. С. Гуровича Горькому: *Архив Г. 10*. Кн. 2. С. 220). Первые бытовые статьи о Франции были напечатаны в пятом, ноябрьском номере журнала: «Налог на нищету» за подписью В. Аллари и «Мещанское царство», подписанная «А. Ассар». Видимо, по крайней мере, одна из них принадлежит перу Сувчинского.

⁴ Речь идет об офицерах и солдатах, которые после разгрома Белой армии в Крыму эвакуировались в Турцию. Там они жили в военном лагере в городке Галлиполи на Галлиполийском полуострове, сохраняя готовность при первой возможности вернуться в Россию, чтобы продолжить борьбу с большевиками. После расформирования лагеря, рассеянные по Европе, галлиполийцы, продолжая хранить в эмиграции верность традициям и идеалам белого движения, образовали Общество галлиполийцев. В 1923 г. в Белграде этим обществом издавалась газета «Галлиполи» (вышло 2 номера, 15 февраля и 8 апреля). В единственном номере газеты «Галлиполиец», вышедшем 27 июня 1927 г. в Париже, утверждалось, что Галлиполи — это явление не только географическое, но и идеологическое, культурное. «Галлиполи — действенная любовь к Родине», — писал Н. Рыбинский в статье «Тайна Галлиполи», помещенной в этой газете.

⁵ Берль Эммануэль (1892—1976), эссеист, мемуарист, историк.

⁶ «Монд» («Мир») — французский литературно-политический журнал, издавался А. Барбюсом в конце 1920-х — начале 1930-х гг. в Париже.

⁷ Смерть буржуазной морали (*франц.*).

⁸ В 1930 г. Горький в СССР не ездил.

⁹ Некоторые из лидеров евразийского движения в конце 1920-х гг. «тайно» (на самом деле под контролем органов ОГПУ) посещали СССР. Например, зимой 1927 г. в России «нелегально» побывал П. Н. Савицкий. Осенью 1929 г. планы поездки на родину Сувчинский обсуждал в переписке с Мирским. «К посылке Эфрона, Родзевича или кого другого в Союз, — писал Мирский, — я отношусь отрицательно

<...>. Если кому ехать, то только тебе, с Араповым или одному или с Родзевичем» (цит. по: *Диаспора I*. С. 331). Однако в 1930 г. Сувчинскому посетить Россию не удалось. См. п. 17.

Вообще вопрос о поездке Сувчинского в СССР до конца не прояснен. Дж. Мальмстад, например, утверждает, ссылаясь на переписку Сувчинского с И. Стравинским, что бывший лидер евразийского движения побывал в России в 1937 г. (*Диаспора I*. С. 329, 335). Исследовательница творческого наследия Сувчинского А. Бретаницкая затронула эту тему в беседе с близко знавшим Сувчинского В. Козовым. «В архиве Стравинского в Базеле, — сообщила она, — хранится открытка Сувчинского, — я, к сожалению, не знаю точно, когда она послана, это 30-е годы, — со следующим текстом: “Хорошо во Франции после Казани!”. На этом основании можно ли делать предположение о реальном факте посещения им СССР?» (Петр Сувчинский и его время. С. 26). «Нет, это полнейший абсурд, — ответил Козовой. — Такая поездка совершилась бы в одну сторону, без возврата, и Петр Петрович это отлично понимал. Не знаю, с чем была конкретно связана фраза в открытке» (Там же. С. 27).

16.

¹ Вероятно, статья Сувчинского о романтизме (см. п. 15). В журнале «За рубежом» не печаталась.

² Костров Тарас (наст. фам. и имя — Мартыновский Александр Сергеевич, 1901—1930), журналист. В 1925—1928 гг. был редактором газеты «Комсомольская правда», в 1929 г. — редактором журнала «Молодая гвардия». Принимал активное участие в выпуске первых четырех номеров журнала «За рубежом». Внезапная смерть во время отпуска в Гаграх (18 сентября 1930 г.) оборвала его работу в журнале.

³ От французского *retour* — возвращение.

⁴ Поначалу издание журнала «За рубежом» не удовлетворяло Горького. Его оценки первых номеров за 1930 г. носили неизменно отрицательный характер. Он постоянно искал путей улучшения журнала. В 1931 г. был создан широкий редакционный совет, обновлена редколлегия. Однако эти меры не дали ожидаемых результатов, и в 1932 г. по инициативе Горького была предпринята коренная перестройка «За рубежом». Подробнее см.: *Архив Г. 10*. Кн. 2. С. 198—253.

17.

¹ Видимо, гонорар за принятую журналом «За рубежом» статью Сувчинского о Франции.

² Статья А. Берга о французской прессе в журнале «За рубежом» не печаталась. См. п. 19.

³ См. п. 15.

18.

¹ Статья А. Берга об Индокитае была напечатана в журнале «За рубежом» под заглавием «Алкоголь, опиум, расстрелы» (1931. № 2—3. С. 98—102).

² Общемировой экономический кризис начала 1930-х гг. во Франции наиболее сильно ударил по бесправной русской эмиграции. Ее представителей первыми увольняли с работы, им часто не выплачивали зарплату, выгоняли за неуплату из квартир и т. п. Ср. письмо М. И. Будберг Горькому из Парижа от 17 июня 1930 г.:

«...что за уныние здесь, если б Вы знали. Во Франции — тоже кризис, отражается он, конечно, в первую голову на эмигрантах» (*Архив Г. 16. С. 199—200*).

19.

¹ Вероятно, упомянутое письмо Горького не сохранилось.

² См. п. 16, примеч. 2.

³ Радек Карл Бернгардович (наст. фам. Собельсон, 1885—1939), политический и государственный деятель. В 1917 г. вошел в ЦК большевиков. В 1920—1925 гг. — член Исполкома Коминтерна. На 15-м съезде ВКП(б) за оппозиционную деятельность исключен из партии, в 1928 г. приговорен к 3 годам ссылки. После публичного «покаяния» в мае 1929 г. возвращен из ссылки, в 1930 г. восстановлен в партии. В 1936 г. арестован, на процессе по делу «Параллельного антисоветского троцкистского центра» приговорен к 10 годам заключения. Убит уголовниками в тюрьме Верхнеуральска.

25 октября 1930 г. Горький писал А. С. Гуровичу о кандидатуре Радека на пост своего заместителя в журнале «За рубежом»: «По вопросу о редакторе скажу: ничего не имея против М. Е. Кольцова, все-таки предпочел бы т. Карла Радека, который отлично знает Европу и, наверное, не так перегружен работой, как Кольцов» (*Архив Г. 10. Кн. 2. С. 222*). О своем желании работать с Радеком Горький писал также 11 декабря 1930 г. И. В. Сталину: «Дорогой Иосиф Виссарионович — извините, что снова беспокою Вас! Я опять хочу просить Вас назначить т. Карла Радека замредактором журнала “За рубежом”, вместо Кострова. Теперь, в связи с углублением кризиса в Европе и с тем возбуждением, которое вызвал процесс вредителей среди пролетариата, — необходимо усилить нагрузку журнала статьями политико-экономического характера, не отступая, однако, и от статей по вопросам быта, точнее — культурного развала и гниения буржуазии. Журнал необходимо сделать популярным информатором массы по всем вопросам текущей европейской действительности. Лучше Радека никто не справится с этой нелегкой задачей» (*Новый мир. 1997. № 9. С. 181*). По желанию Горького Радек был назначен заместителем ответственного редактора «За рубежом» и с января 1931 г. приступил к работе в журнале. После реорганизации «За рубежом», с осени 1932 г., журнал стал издаваться под редакцией Горького и М. Е. Кольцова.

20.

¹ См. п. 18, примеч. 1.

² Речь идет о евразийце Николае Вонифатьевиче Афанасове.

В конце мая 1931 г. Д. П. Святополк-Мирский писал о нем Горькому: «...один мой хороший приятель, бывший белогвардеец, но теперь рабочий и почти совсем коммунист, Николай Вонифатьевич Афанасьев <так в письме. — *Ред.*> подал заявление о возвращении. Мне кажется, что он вполне заслуживает этого. Он большой работник (хотя и без квалификации, он полуинтеллигент из крестьян), и из него должен выйти хороший ударник. Нельзя ли помочь ему?» (*Oxford Slavonic Papers. New series. Vol. XXVI. 1993. С. 98*). Как и его друг С. Эфрон, Афанасов был завербован органами и стал секретным агентом ОГПУ. Ему удалось вернуться в СССР в 1936 г. 29 января 1940 г. он был арестован (в связи с делом С. Я. Эфрона), 27 июля 1941 г. — расстрелян (см.: *Кудрова И. Последнее «дело» Сергея Эфрона // Звезда. 1992. № 10. С. 125, 129—130*).

В журнале «За рубежом» «Письма» Афанасова не печатались.

21.

¹ См. п. 20, примеч. 2.

22.

¹ Передав Сувчинскому деньги, посланные для него Горьким, С. Я. Эфрон взял с Сувчинского данную расписку и отослал ее Горькому. Подробнее см. вступ. статью.

23.

¹ Карузо Энрико (1873—1921), Вольпи, Джильи Беньямино (1890—1957), итальянские певцы.

² Планы и мечты Сувчинского о карьере профессионального певца не осуществились. См. вступ. статью.

³ Дезормьер Роже (1898—1965), французский дирижер, композитор. Дирижировал, в частности, спектаклями «Русского балета» С. П. Дягилева. В конце 1940-х гг. концертировал в СССР.

24.

¹ Горький находился в СССР с 13 мая по 18 октября 1931 г.

² Видимо, речь идет о письменном, не дошедшем до нас обещании Горького помочь Эфрону добиться возвращения на родину. 29 июня 1931 г. Эфрон сообщил Горькому, что подал прошение о принятии советского гражданства и просил дать ему рекомендацию. Подробнее см.: *Примочкина Н. Н.* М. Горький и «левые» евразийцы // Известия АН. Серия литературы и языка. 2001. Т. 60. № 2. С. 26.

25.

¹ Бурцев Владимир Львович (1862—1942), историк, публицист, издатель. До революции собирал и публиковал документы, разоблачающие провокаторов и агентов царской охранки. С 1907 по 1914 г. находился в эмиграции, затем вернулся в Россию. В годы революции кардинально изменил свои политические взгляды, перешел на монархические позиции. В 1918 г. эмигрировал, поселился в Париже. Издавал газету «Общее дело» (1918—1922, 1928—1933), был соредактором журнала «Борьба за Россию» (1926—1931). В эмиграции продолжал дело разоблачения провокаторов и агентов, уже не царской охранки, а ВЧК, ГПУ, НКВД. Умер в Париже.

² «Иллюстрированная Россия» (Париж, 1924—1939) — еженедельный иллюстрированный журнал. В 1930—1931 гг. выходил под ред. А. И. Куприна. В № 47 еженедельника за 14 ноября 1931 г. была напечатана статья В. Л. Бурцева «Не азефы, а сверхазефы! Большевицкие провокаторы в России и за границей», в которой сообщалось об установлении с середины 1920-х гг. связей евразийских организаций с ОГПУ. «...вся деятельность евразийцев в те годы в России и за границей, — утверждал автор, — происходила под контролем ГПУ с ведома большевицкого ЦК» (с. 1—2). Имя Сувчинского упоминалось в статье в связи с его переговорами с представителями советского посольства в Париже о финансировании печатного органа «левых» евразийцев. «Такие наиболее ответственные евразийские члены организации, как Сувчинский, Родзевич и др., — писал Бурцев, — ходили на рю Гренель в большевицкое посольство и вели там переговоры о субсидии для их журнала с Беседов-

ским, когда он был заместителем полпреда <...>. Надо изумляться, что связи этих евразийцев с большевиками до сих пор не вскрыты, и о них не рассказано в печати...» (с. 2). Здесь же Бурцев высказал подозрение о том, что близкий друг Сувчинского П. С. Арапов и евразиец А. А. Зайцев могли быть причастны к делу похищения генерала Кутепова.

³ В течение декабря 1931 г. Ф. И. Шаляпин выступил в 10 спектаклях в парижской «Опера комик»: в заглавной роли в опере Ж. Массне «Дон Кихот» и в роли дона Базилио в опере Д. Россини «Севильский цирюльник» (Летопись жизни и творчества Ф. И. Шаляпина: В 2 кн. Л., 1985. Кн. 2. С. 237—238).

26.

Телеграмма на бланке. Датируется по времени отправления.

В АГ сохранился черновик телеграммы, написанный рукой Горького:

«Souwtchinski
26 rue Paul Bert
Clamart (Seine)

Очень прошу подождать дней десять.

Пешков (ПГ-рл-42-2-1).

На черновике помета рукой неустановленного лица: «Отпр<авлено> 24.XII.31».

¹ Прошу подождать десять дней. *Пешков (франц.)*.

Речь идет о материальной помощи Сувчинскому. См. п. 25.

28.

¹ См. п. 25, примеч. 2.

² Карсавин Лев Платонович (1882—1952), историк, философ, богослов, публицист. В ноябре 1922 г. был выслан из Советской России, поселился в Берлине. В 1926 г. переехал в Кларам под Парижем, сблизился с «левыми» евразийцами. Член редколлегии газеты «Евразия». В 1928 г. уехал в Литву, преподавал историю в Каунасском университете. В июле 1949 г. арестован в Вильнюсе органами НКВД. Умер в заключении в лагере инвалидов в Коми.

³ Осенью 1931 г. Сувчинский развелся с первой женой В. А. Гучковой и вскоре женился на дочери Карсавина М. Л. Карсавиной.

⁴ Сокольников Григорий Яковлевич (наст. фам. Бриллиант, 1888—1939), государственный и партийный деятель, экономист, дипломат, и его жена Серебрякова Галина Иосифовна (1905—1980), писательница. В 1936 г. Сокольников был арестован, по делу «Параллельного антисоветского троцкистского центра» приговорен к 10 годам заключения. Умер в Верхнеуральском политизоляторе. Серебрякова была арестована в 1937 г. и провела 17 лет в заключении.

С 1929 по 1934 г. Сокольников был советским послом в Англии. Вероятно, предполагаемая встреча Д. П. Святополка-Мирского с Серебряковой была связана с его планами возвращения в СССР. Ср. письмо Мирского Горькому от 14 мая 1931 г. из Лондона: «Дорогой Алексей Максимович, я на днях, наконец, встретился с Сокольниковыми, которые мне сказали, что были недавно у Вас в Сорренто и говорили с Вами обо мне. Он мне объяснил, что мое дело по самому существу не может не затянуться и обещал со своей стороны мне помочь» (Oxford Slavonic Papers. New series. Vol. XXVI. 1993. P. 96). При посредстве Горького и Сокольникова в июле 1931 г. Мирский получил советское гражданство.

¹ Сохранилась записка Горького с указанием посылаемой суммы — 1035 лир — и адресом Сувчинского на французском языке (АГ. ГЗ. 10-11-50-1).

² Подробнее см. вступ. статью.

³ Мирский вернулся в СССР в сентябре 1932 г., в Москву приехал в начале октября. Ср. его письмо Горькому от 30 сентября 1932 г.: «...я наконец в Ленинграде и надеюсь послезавтра (2-го октября) уехать в Москву» (Oxford Slavonic Papers. New series. Vol. XXVI. 1993. P. 101).

¹ Вероятно, письмо не сохранилось.

² 12 апреля 1933 г. И. Э. Бабель приехал из Парижа к Горькому в Сорренто и прожил там до середины мая. 13 апреля Е. П. Пешкова писала из Сорренто М. К. Николаеву: «С приездом П. П. <Крючкова. — *Ред.*>, с ним Маршака, с приездами Бабеля из Парижа и Никулина из Турции, — все в один день вчера приехали, — в доме стало суматошно и шумно» (Архив Г. 16. С. 488). 19 апреля 1933 г. Бабель писал Сувчинскому из Сорренто: «Могучий старик в порядке, по вечерам ведем нескончаемые беседы, вспоминаем Вас. Я хвастал Вашими успехами, — всем это доставило удовольствие» (Петр Сувчинский и его время. С. 238).

³ Книга французского писателя Луи-Фердинана Селина (наст. фам. Детуш, 1894—1961) «Путешествие на край ночи» сразу по ее появлении в 1932 г. вызвала оживленные споры во французской прессе. Демократическая критика обвиняла автора в нигилизме и цинизме. 4 января 1933 г. Р. Роллан писал Горькому о «внезапной, неожиданной популярности <...> страшной (в смысле “*страшно жестокой*”) книги новичка в литературе, врача, обладающего большим, но горьким талантом, по имени Селин (д-р Детуш) — “Путешествие на край ночи”...» (Архив Г. 15. С. 247). На русском языке роман Селина в переводе Э. Триоле вышел в 1934 г. Горький подверг его резкой критике во время выступления на I Съезде советских писателей (Г-30. Т. 27. С. 312—313).

ПЕРЕПИСКА ГОРЬКОГО с В. С. ЯНОВСКИМ

---

*Вступительная статья, подготовка текста и примечания
И. А. Зайцевой*

Кратковременная переписка между Горьким и В. С. Яновским завязалась в 1930 г. Инициатором ее был Яновский, отправивший Горькому свою первую книгу «Колесо», вероятно, с сопроводительным письмом (не разыскано).

Василий Семенович Яновский (14.IV.1906, Полтава — 20.VII.1989, Нью-Йорк) — прозаик, мемуарист, по образованию врач. С 1922 г. — эмигрант, четыре года провел в Польше, затем переехал во Францию, поселился в Париже, окончил медицинский факультет Сорбонны (1937), с 1942 г. — в США. Начал печататься в 1928 г., через два года выпустил первую книгу: Колесо. Париж; Берлин. 1930. Автор рассказов, повестей и ряда романов: «Мир» (Берлин: Парабола, 1931), «Портативное бессмертие» (сокращенный вариант, отрывки — 1938—1944, отд. изд.: Нью-Йорк: Изд-во имени Чехова, 1953); «Американский опыт» (1946—1948; отд. изд.: Нью-Йорк: Серебряный век, 1982) и др. В 1983 г. вышли в свет воспоминания Яновского «Поля Елисейские: Книга памяти» (Нью-Йорк: Серебряный век, 1983; переиздание с предисловием С. Довлатова: СПб.: Пушкинский фонд, 1993), воссоздающие духовную атмосферу русского интеллектуального Парижа, насыщенные фактами, психологическими наблюдениями, острыми, неожиданными характеристиками и оценками. С. Довлатов, относя Яновского «к числу самых талантливых, глубоких и уж во всяком случае — наиболее оригинальных прозаиков первой эмигрантской волны», писал о его мемуарах: «...продиктованы стремлением к правде, той окончательной, выверенной временем правде, каковая доступна лишь умному, внимательному и тонкому очевидцу» (*Довлатов С. Против течения леты // Яновский В. С. Поля Елисейские... 1993. С. 5, 7*). Подробнее об этой книге см.: *Голубева Л. Г. Яновский Василий Семенович (1906—1989). «Поля Елисейские: Книга памяти» // Литературная энциклопедия русского зарубежья (1918—1940). Т. 3. Ч. III. М., 2000. С. 246—249. О жизни и творчестве В. С. Яновского см. также: Мельников Н. Г. Яновский Василий Семенович // Писатели русского зарубежья (1918—1940). Справочник. Т. 1.*

Ч. III. М., 1995. С. 173—179 (Литературная энциклопедия русского зарубежья); Примочкина Н. Н. Горький и писатели русского зарубежья. М., 2003. С. 300—303.

В Архиве А. М. Горького хранятся: одно письмо Горького Яновскому (черновой автограф и второй, авторизованный экземпляр машинописи без подписи — ПГ-рл-58-10-1, 2); два письма Яновского Горькому (КГ-нп/а-25-37-1, 2); шмуцтитул романа Яновского «Мир» с дарственной надписью: «Алексею Максимовичу, — с настоятельной, с почтительнейшей просьбой: напишите мне откровенно о “Мире”! Часто Вас поминающий, — В. С. Яновский. 13, rue de l’Avenir. Vanves (Seine)» (Дн-рл-кн-6-57-1). Из второго письма Яновского ясно, что оно является ответом на другое письмо Горького, которое осталось неразысканным. Письмо Горького впервые было напечатано в журнале «Вопросы литературы» (1962. № 9. С. 163—164; публикация Ф. М. Иоффе). Воспроизведение его в настоящем издании объясняется тем, что оно исчерпывающе комментирует ответное письмо Яновского от 11 февраля 1930 г. Горьковское письмо печатается по авторизованной машинописи с исправлением опечаток по черновому автографу; письма Яновского печатаются впервые, по автографам.

1. ГОРЬКИЙ — В. С. ЯНОВСКОМУ

Конец января 1930, Сорренто

В. С. Яновскому.

Получил Вашу книгу; спасибо за подарок и за надпись — спасибо!¹

Но должен сказать, что при неоспоримом наличии литературного дарования книгу-то Вы написали непродуманно и небрежно.

Непродуманность, — кстати: она всегда влечет за собою и надуманность, — допущена Вами в изображении Сашки², небрежность — в языке.

На стр. 16-й «Сашку поражает мысль, что, может, когда-то, когда у него был свет, сидел кто-то другой, так же, как и он сейчас, в тоске и голоде».

Возраст Сашки у Вас не указан, но, по поступкам судя, ему — 10—12 лет. Мысль, приписанная Вами ему, — старше этого возраста, но это еще не так плохо, как то, что по всей, данной Вами, обстановке — читателю крайне трудно допустить, чтобы в ней, у мальчика, явилась *такая* мысль и все за нею следующие социаль-

но-экономические соображения³. Так как, в дальнейшем, они не повторяются в такой определенной форме, — читатель убеждается, что и в первом случае они приписаны автором мальчугану — облыжно.

Вы изображаете Сашку так, что на одной стр. ему — 8 л<ет>, на другой — 18. Столь широкая «амплитуда» колебаний психики неестественна и неубедительна. Вы напомните мне: о времени, о его толчках и ударах. Но и это не оправдывает Вас, т. е. — не сделает Сашку живым человечком. Каждый живой человек качается на некоем стержне, стержень этот: его биологическое, наследственное «я» и его социальный опыт. Сашкин опыт до такой степени узко и надуманно ограничен инстинктом голода, что Вам следовало поступить так, как, в этом случае, сделал Кнут Гамсун⁴. Вообще Сашка у Вас — неубедителен, не волнует, и наконец, — до чего же он дошел? Книга — не кончена.

На некоторых страницах, — напр<имер>, — в покушении убить старуху — Вы не дали надлежащего простора Вашей «выдумке» и «смазали» эту сцену. То же и с кражей столбов для скамей в саду. Кстати: не верю, что столбы — дубовые. И пекарь не мог нуждаться в них: булочную печь сырым дубом не натопить до Т°, требуемой тестом. На 85-й стр. Сашка думает у Вас словами не того языка, которым он говорит, и думает так, как будто ему лет 20.

Язык: «Каждый думал свое и издали они» — крик? Нет, оказывается, «они странно друг на друга походили». Мне кажется, что это — плохо. «Мыши прыгали по столу и по никем...», «неожидание мировыми таинствами...», «Но наплевать, оказалось, было именно лошади на Сашку, и шла она, как желала». Сырое тесто и сырой картофель не «горьки». «Простокваша», если снять с нее творог, оставит не «кислую водицу», как у Вас, а — сыворотку. Труп убитого не может «простоять» на ногах «две недели».

Весьма раздражает, а, местами, и смешит немножко, — обильное употребление междометия «О». «О, ему», «О, Сашка», «О, Оля» и т. д. Это лирическое «О», как попытка автора углубить настроение читателя, удается крайне редко, вообще же оно звучит фальшиво. Случай изумительно удачного употребления этого междометия смотрите у И. А. Бунина в рассказе «Захар Воробьев»⁵, где одна фраза начата: «О, какая тоска..» Но Бунин так подготовил это «О», что не скажи он его сам — сказал бы читатель.

Не сердитесь на меня за эту воркотню, м. б., она окажется полезной Вам. Учитесь побольше, посерьезней и — не очень торопитесь писать большие книги, а, лучше, разрабатывайте Ваши способности на маленьких рассказах, на этюдах.

2. В. С. ЯНОВСКИЙ — ГОРЬКОМУ

11 февраля 1930, Париж

11-II-1930

Дорогой Алексей Максимович!

Я удручен Вашим письмом. Тем тяжелее мне, что я знаю: всю Вашу жизнь всё, более или менее талантливое, проходя близко Вас, — находило признание. Думаю, что Вы немного несправедливы ко мне, судя меня немного как чужого.

То, что я хочу Вам возразить, можно поделить на три категории: 1) По существу, 2) Язык, 3) «Профессиональное».

Итак первое... Сашку действительно на стр. 16 «поражает мысль, что когда-то...» и т. д., но во всей книге органически вплетены эмоции Сашки, что голодать никому не надо, — вырастающие в какую-то социальную систему; его любовь к красноармейцам; «у комхоза нельзя красть» и т. д. Это не мимоходом!

Духовная жизнь подростков гораздо богаче взрослых, — больше времени у них! Я мог бы указать на Алешу Карамазова в ответ на указание, что Сашка думает не по-детски, но, не любя его, я лучше сошлюсь на Костю¹ Красоткина (кажется), который, конечно, в эмбриональной стадии, высказывает все, что волнует Достоевского, — и удачно. А если Вы вспомните о *том времени*, так, может, станет понятнее, почему Сашка — вытянувшись в длинную струну — часто в ином измерении недоразвит. В столице беды революции тоже воспринимались как некий праздник (были праздничны). В то время как в какой-то Чухроме для старух и детворы революция была прежде всего буднями. И что еще кроме голода докатила она в первые 3—4 года на периферию?! Мне кажется, что Сашка не мертв, что его слезы и сжатые ручонки — трогают. Мне важно, что Сашка не погиб, не опустился нравственно, а, неся с собой известную культуру (нужную), свойственную людям его класса (психологию!) — встал в новую жизнь бодро и неанемично. И встет. От начала до конца повести, — прошло около 2 лет!!

Я мог избрать своим героем душу, выдающуюся тем или иным (чуткостью), но условия и испытанья, которыми я ее окружал, *должны* были быть *обыкновенными*, средними, «для всех». Вот почему Сашка не мог убить старуху. Убийство создало бы роман, быть может, интересный, но это создало бы много индивидуального, и эпоха ступешалась бы. Не могу хорошо объяснить то, что чувствую наверняка.

2) Язык. Согласен с Вами. Но думаю, что этого не избежал *никто* в своих первых изданиях: если хотите — и Бунин. Даже о Толстом написали: «наряду... (лестное)... встречаются ошибки армейского юнкера»². Когда моя книга выйдет вторым изданием в России (во что верю! во что, в какой-то мере, смутно, надеялся на Вас), — то все эти «О!» и другие мелочи выметутся вон мною, — метлой.

3) «Профессиональное»... В то время топили печи не чем нужно, а чем Бог послал; «невыпеченный хлеб» — тогда не знали. И пекли-то, — тонкие лепешки с соломой и отрубями. Сырое тесто, погруженное в *горячую, соленую* воду, дает ощущение горечи. Сырой картофель: холоден, скользкий, сладковат... но, проглоченный, оставляет ощущение горечи, — здесь, разумеется, назвать мое определение в книге точным нельзя. Мертвый солдат мог бы простоять так долго, если б зацепился за что-то шинелью; но ведь Вы *знаете*, что если б Кулик не хвастал и не привирал — то какой же это Кулик был бы? Он должен сочинять!

Вот постарался Вам ответить по пунктам. Как мечтаю встретиться когда-нибудь с Вами. Давно мечтаю. Из всех «генералов» я мог рассчитывать понравиться только Вам. Потому мне так тяжело было прочесть, что книга не хороша. Я даже прекратил рассылку моей книги переводчикам, что здесь принято. Не думайте, что я мало самостоятелен. Я отполирован неплохо жизнью. Но Вы... о Вас часто думаешь, когда пишешь. При удачном образе вскрикнешь мыслью: «вот это понравится Горькому...» и счастлив на минуту. Спасибо за «воркотню».

Примите же мою искреннюю, молодую (автор весьма молод), *любовь* и уважение, — вместе с этим письмом (фу, как громоздко!).

Вас. Сем. Яновский

Адрес: 50, rue Mazarine, Paris VI

P. S. Следовало сказать: «кислую водицу, — сыворотку».

3. В. С. ЯНОВСКИЙ — ГОРЬКОМУ

13 мая 1930, Париж

13-V-1930

Дорогой Алексей Максимович!

Я получил от В<ас> письмо давно¹ и не ответил. Я знаю, Вы меня простите: мне было тяжело писать. Сейчас я очень занят: со-

чинительствую, работаю (в мастерской — «красильня»), и кроме того пытаюсь теперь сдавать экзамены, т. к. числюсь на медицинском факультете. Но недавно прочел в газетах, что Вы возвращаетесь в Россию², и, — непреодолимо желание Вам написать; словно, если Вы увезете какое-то воспоминание вот об этих моих каракулях — то увезете и часть меня.

Вы будете осведомлять — в России — о «зарубежье». Вы должны, Вы должны рассказать о нас. Вы можете рассказать о великих исторических несправедливостях, о нищих, которым приходится платить по чужим векселям. Вы должны объяснить, что мы не все так плохи, что о нас стоит подумать без злобы, что пора этому учиться (как мы привыкли уже различать и узнавать близкие, дорогие черты издалека!)! Что время это настало! Что мы не враги: ибо одно с достоверной ясностью уже можно сказать, — стрелять друг в друга нам не придется!.. И еще многое: о синем небе, о воде, о звездах... и о жгучей тоске. — Туда! Туда! Помните: за этими восхлещательными знаками стоит душа человека. Д-у-ш-а. Одна, другая, десятая. Об этом уже неопасно вспомнить. И Ваш долг. Какую-то стену надо пробить! *Уже можно.*

Кстати: я говорю о молодежи. «Бывшие» — «скука».

Прошу Вас, пишите, напишите мне!

Пресса о «Колесе» была хорошая³. Оно будет переведено на французский и немецкий языки в ближайшем будущем. Мой адрес: 3, rue Champollion. Paris V.

Пишите же, прошу: я о Вас очень скучаю (именно: скучаю!). Счастливого пути!

Ваш В. С. Яновский

ПРИМЕЧАНИЯ

1.

Датируется по сопоставлению с ответным письмом Яновского от 11 февраля 1930 г. и по содержанию (книга, о которой идет речь в письме, вышла в начале 1930 г.).

¹ Речь идет о книге: *Яновский В. С. Колесо: Повесть*. Париж; Берлин: Новые писатели, 1930. Действие повести происходит в провинции в первые послереволюционные годы. 1 декабря 1929 г. М. А. Осоргин сообщал Горькому о предстоящем издании книги Яновского в издательстве «Новые писатели» (Осоргин был его редактором и руководителем): «Вскорости издается книжка другого недавнего “российского” юноши, менее грамотного, но немало пережившего; она также будет Вам послана автором» (АГ. КГ-п-55-12-30). 9 февраля 1930 г. Осоргин писал: «Вы

уже получили, дорогой Алексей Максимович, книжки Болдырева и Яновского. <...> Яновский совершенно безграмотен — а книжка его интереснее Болдыревской. Ни одной строки Яновского нельзя печатать без редакции. <...> Рукопись его я выправлял 48 часов — и все же не мог выправить. А что-то вроде таланта в нем есть. Рассказ целиком автобиографичен, только его “герой” вышел немного слезливым, а сам автор оборотлив и несколько надоедлив. Этот выйдет в “писатели” — до предела, ему положенного» (Там же. КГ-п-55-12-32; первой в издательстве «Новые писатели» вышла книга И. Болдырева «Мальчики и девочки». Париж, 1929). Сам Яновский рассказывает об издании книги следующее: «В 1929 году мне было двадцать три года; в моем портфеле уже несколько лет лежала рукопись законченной повести — негде печатать!.. Вдруг в “Последних новостях” появилась заметка о новом издательстве — для поощрения молодых талантов: рукописи посылать М. А. Осоргину <...> А через несколько дней я уже сидел в кабинете Осоргина <...> и обсуждал судьбу своей книги: “Колесо” ему понравилось, он только просил его “почистить”» (*Яновский В. С. Поля Елисейские: Книга памяти.* Нью-Йорк, 1983. С. 195). Яновский отмечает, что рассылал отпечатанную книгу по списку, составленному Осоргиным: «По его совету я послал “Колесо” Горькому в Сорренто и получил от него два письма, вскружившие мне голову» (Там же. С. 198, 200). Экземпляр, отправленный Горькому, не разыскан.

² Главный герой повести.

³ «Социально-экономические соображения» (с. 16—18 указ. издания) — размышления Сашки о грядущей всеобщей справедливости и о том, что придти к ней можно лишь ценой гибели ныне живущих: «Только мы должны погибнуть, которые уже родились. Потому, колесо революции!» — тихо шепчет Сашка такое важное слово»; «И Сашке вдруг хочется отдать свою жизнь, отдать этому колесу, на котором играет музыка, но только чтобы всем было хорошо, всем, всем» (с. 17—18).

⁴ Горький имеет в виду роман К. Гамсуна «Голод» (1890, рус. пер. 1892).

⁵ Рассказ «Захар Воробьев», написанный в 1912 г. на Капри, был напечатан в *Сб. Зн.* 38 за 1912 г.

2.

¹ Правильно: Колю.

² Ср. в письме А. В. Дружинина к Л. Н. Толстому от 6 октября 1856 г.: «...вы сильно безграмотны, иногда безграмотностью нововводителя и сильного поэта, переделывающего язык на свой лад <...> иногда же безграмотностью офицера, пишущего к товарищу и сидящего в каком-нибудь блиндаже» (Л. Н. Толстой. Биография / Сост. П. Бирюков. Т. 1. М., 1911. С. 295). Впоследствии Яновский неоднократно с осуждением писал о стремлении литераторов уличать друг друга в безграмотности: «Толстого ловили на грамматических ошибках. Достоевского, Пушкина, Лермонтова, Гоголя, Державина и Пастернака. Кого в русской литературе не распинали на синтаксисе!» (*Яновский В. С. Поля Елисейские...* 1983. С. 153); «Когда-нибудь я соберу и издам антологию отзывов одних знаменитых сочинителей относительно грамматики, синтаксиса и даже орфографии других не менее удачных современников. Это будет воистину грустная и поучительная книга» (Там же. С. 196).

3.

¹ Письмо не разыскано.

² 9 апреля 1930 г. газета «Последние новости» сообщила, что «Горький уезжает

в Сов. Россию в июле и поселится в Москве» (раздел «Вечерние известия»). Горький приехал в СССР через год — в мае 1931 г. (см.: *ЛЖТ*. 4. С. 112—113).

³ Рецензенты «Колеса», в отличие от Горького, обратили внимание прежде всего на тему повести (судьба подростка в послереволюционной России), признав ее заслуживающей внимания (*В. Л. Новые книги // Возрождение*. 1930. № 1714. 10 февр. С. 3), «жгучей и ответственной» (*Зайцев К. «Новые писатели» о советских детях // Россия и славянство*. 1930. № 65. 22 февр. С. 3) и т. п. В оценке художественного мастерства автора мнения разошлись: рецензент «Возрождения» написал, что повесть сделана наивно и неумело, другие критики, указав на ряд недостатков («...в литературном отношении <...> сырой материал» — *К. Зайцев*; «Яновскому нужно еще много поработать над очищением стиля» — *Кельберин Л. В. Яновский. Колесо... // Числа*. 1930. Кн. 2/3. С. 251; «проглядывает неумелость, робость, неуверенность, часто отсутствие вкуса, встречаются утомительные повторения» — *П. П. В. С. Яновский. Колесо... // Сегодня*. 1930. № 76. 17 марта. С. 6), однако, те же критики отметили и достоинства повести: силу художественного воздействия («Это вещь очень сильная и очень яркая»), живость характеров, мастерство изображения духовного мира (*К. Зайцев*); психологическую глубину, умение заинтересовать читателя (*Л. Кельберин*); «хорошо нарисованные сцены», искренность (*П. П. В. С. Яновский. Колесо... // Сегодня*. 1930. № 76. 17 марта). Положительную оценку дал повесть *В. Зензинов*, подчеркнув, что автор даровит и что в книге есть «очень сильные страницы» (*Современные записки*. 1930. Т. 42. С. 525—529). В ряде отзывов отмечалось воздействие на Яновского творческой манеры Горького: «В тоне Яновского чувствуется что-то от Горького» (*Л. Кельберин*); «В иных местах чувствуется явное влияние Горького, его холодная рассудительность» (*П. П. В. С. Яновский. Колесо. Повесть... // Сегодня*. 1930. № 76. 17 марта).

ГОРЬКИЙ И МИР ФИЛОСОФСКИХ ИДЕЙ Н. Ф. ФЕДОРОВА

ПЕРЕПИСКА с А. К. ГОРСКИМ и Н. А. СЕТНИЦКИМ

*Вступительная статья, подготовка текста и примечания
И. А. Бочаровой и А. Г. Гачевой*

Настоящая публикация представляет ряд новых материалов к теме «М. Горький и Н. Ф. Федоров», уже неоднократно становившейся предметом специальных исследований¹. Хронологические рамки печатаемой переписки писателя с философами-единомышленниками, последователями идей Н. Ф. Федорова А. К. Горским и Н. А. Сетницким, — 1923—1936 гг. Публикация подготовлена по материалам четырех архивных фондов: Архива А. М. Горького в ИМЛИ РАН, фонда *Fedoroviana Pragensia* в Литературном архиве Музея чешской литературы (Прага), в составе которого хранится харбинский архив Н. А. Сетницкого, Московского архива А. К. Горского и Н. А. Сетницкого² и фонда Н. П. Петерсона в НИОР РГБ.

Внимание Горького к личности и идеям Н. Ф. Федорова (1829—1903), русского религиозного философа, родоначальника течения русского космизма, не ослабевало на протяжении всего его творчества. Горький вспоминал, что как-то даже видел знаменитого библиотекаря Румянцевского музея³, собеседника Л. Толстого и В. Соловьева. Возможно, что тогда, при жизни Федорова, интерес к нему Горького был больше личного, психологического, «писательского» свойства — как к колоритному персонажу, уникальной фигуре Москвы последней трети XIX — первых лет XX вв.: аскет, подвижник в миру, человек, обладавший поистине энциклопедическими познаниями (по преданию — знал содержание всех книг Румянцевской библиотеки), самобытный мыслитель, искатель «высшей идеи», причем глобального, космического масштаба... Однако знакомство с трудами Федорова, состоявшееся, как можно предположить, в 1910-е годы⁴, после выхода в свет I и II томов «Философии общего дела»⁵, когда учение «всеобщего дела» активно обсуждалось в религиозно-философских и литературных кругах, затрагивая творчество Н. А. Бердяева и С. Н. Булгакова, П. А. Флоренского и Вяч. Иванова, В. Брюсова и А. Белого, Н. Клюева,

В. Хлебникова, В. Маяковского, — перевело этот интерес на идейный, мировоззренческий уровень.

Что же привлекло Горького в Федорове, «интереснейшем старике», «весьма оригинальном мыслителе»⁶, как выражался о нем писатель в одном из писем к М. М. Пришвину? Прежде всего то представление о человеке и его назначении в бытии, которое поставило философию Федорова фундаментом активно-эволюционной, ноосферной мысли XX в., сделал его своего рода предтечей В. И. Вернадского. Человек, по Федорову, заветное дитя природы, породившей в нем инстанцию сознания, которое и должно явиться орудием дальнейшего, уже разумного и творческого, развития мира. Делом человечества становится сознательная регуляция природы: овладение стихийными, слепыми силами материи, перестройка собственного несовершенного организма, выход в космос и, наконец, вершина регуляции, в которой сосредоточиваются все ее усилия, — победа над смертью, возвращение к жизни всех когда-либо живших на земле. Федоровский пафос *активности* человека в бытии, причем активности как требования самой эволюции, имеющей векторный, направленный характер, вызывал особое сочувствие Горького. «Мне у него ценна и близка проповедь “активного” отношения к жизни»⁷, — читаем в том же письме Пришвину. Идеал активности — не только общественной, но планетарной, и даже космической — основа антропологического видения писателя.

Федоров предлагал свою радикальную переоценку ценностей современного мира, его конечных устремлений и установок, ставя во главу угла философской и нравственной рефлексии не вопрос «о богатстве и бедности», а вопрос «о жизни и смерти»⁸, призывая к ориентации всех сфер дела и творчества человека в поле воскресительного идеала. Он рисовал контуры новой науки, отказывающейся от служения нынешней безбожной, торгово-промышленной цивилизации, отдающей себя делу регуляции природы и борьбы со смертью. Поприщем такой науки становится уже вся вселенная, «все небесные, ныне бездушные, холодно и как бы печально на нас смотрящие звездные миры»⁹, и самый организм человека, несовершенный, несамодостаточный, принципиально смертный. В той же космически-преобразовательной, имморталистической перспективе видел будущее науки и Горький. В лекции «О знании», прочитанной в рабоче-крестьянском университете 30 марта 1920 года, писатель выражал надежду на то, что научное знание «со временем будет настолько острым и мощным, что, очень вероятно (и об этом многие думают и теперь), даже физического бессмертия добьется человек... <...> Я не вижу вообще пределов мощи человеческого разума, я не вижу пределов работе его, я не вижу пределов его творчеству. <...> Может быть, он (человек. — *Ред.*) и межпланетные пространства победит, победит и смерть, и все болезни свои, и все внутренние недостатки, и тогда, весьма вероятно, будет рай на земле»¹⁰.

В человечестве, вставшем на воскресительный путь, все становятся познающими и всё — предметом познания. Мыслителя не удовлетворяла отвлеченная, «кабинетная» наука, «знание для знания», знание без действия, «знание лишь того, почему сущее существует, а не того, почему живущее страдает и умирает»¹¹. Такое знание есть знание неполное, фиктивное, гипотетическое, оно довлеет себе самому и не ищет выхода в практику жизни, к ее реальному усовершенствованию и преобразению, тем самым как бы становясь поперек эволюции, закрывая переход к новому, сознательно-творческому ее этапу. Ведь деятельность человека в природе, по самой своей сути, есть деятельность преобразующая, претворяющая окружающий мир в соответствии с планом, проектом, идеальным заданием, когда место лабораторных и кабинетных опытов, «на фабриках и заводах прилагаемых», заступит «опыт единый, производимый всеми живущими в совокупности, над всюю землею как одним целым»¹².

Читая в конце 1920-х — начале 1930-х годов очерки А. К. Горского «Н. Ф. Федоров и современность», присланные Н. А. Сетницким, Горький особенно отмечает те места, в которых речь идет о сущности познания — как активного овладения действительностью — и разоблачается разрыв мышления и действия, этот «первородный грех философии». Мысль, не влекущая за собой дела, вырождается в «ученом», интеллигентском сословии в отвлеченное теоретизирование, в мысль ради мысли, в нескончаемые игры ума, столкновения бесчисленных философских концепций, которые никак не влияют на жизнь, идущую своим, фатальным и смертным, чередом. Вавилонское смешение философских теорий, мировоззрений и схем, каждая из которых претендует на истину и абсолют, представляет писатель в «Жизни Клима Самгина».

В «Жизни Клима Самгина», равно как и в других произведениях Горького, дана художественная характеристика современной цивилизации, с ее неродственностью, обособлением, «войной всех против всех», с ее искаженной, неязыческой, потребительски-плоской, мещанской системой ценностей, культом наслаждения, комфорта, развлечения, игры, — всего того, что Федоров называл «несовершеннолетием» человеческого рода. По справедливому замечанию С. Г. Семеновской, писатель прямо перекликается с Федоровым в своей трактовке мещанства — не только как социального явления, но, прежде всего, как *мировоззрения*, принципиально отрицающего «саму онтологическую, эволюционную цель человека: быть сознательным, активным орудием преобразования мира и себя, восхождения на все более высокую ступень власти над стихией, над материей»¹³.

В многогранном и полифоническом целом «Философии общего дела» Горький выделял то, что было созвучно ему самому, отодвигая на задний план, а порой и активно отталкивая построения, не вступавшие в резонанс с его собственной мыслью. Так, писатель не принимал федоровскую апо-

логию патриархально-сельского, общинного уклада жизни, целостного, органического, сохраняющего интимные, корневые связи с землей и предками и призванного на новом, совершеннолетнем уровне стать ячейкой будущей родственно-сыновней, соборной общности, которая перейдет с путей эгоистической эксплуатации и истощения природы, характерных для нынешней городской технической цивилизации, на путь просветляющей ее регуляции, любовного одухотворения мира. Для Горького, напротив, именно город, во всеоружии науки, техники, индустриального производства, призван стать во главе преобразовательной деятельности человека в природе, деревня же с ее отсталостью, невежеством, закоренелыми предрассудками неспособна осуществить эту задачу.

Федоров, несмотря на то, что обращался он к «верующим и неверующим», был прежде всего христианским мыслителем. Идея всеобщего воскрешения разворачивалась им в евангельской системе координат, представляла как высшее задание, принесенное Христом человечеству. В «Философии общего дела» закладывались основы того активного, творческого христианства, которое в разной степени и в разных аспектах проявится в конце XIX — начале XX в. у целого ряда русских религиозных философов, от В. Соловьева до Н. Бердяева, С. Булгакова, В. Ильина... Горького этот важнейший пласт мысли Федорова, на первый взгляд, совсем не волнует, недаром пишет он Н. А. Сетницкому в черновом письме 1933 г.: «Будучи материалистом, — я могу думать о борьбе со смертью только как о деле практическом»¹⁴. Однако это только на первый взгляд. Ведь философ, видевший в человеке соратника Божия, соучастника дела спасения, выдвигал борьбу со смертью, «последним врагом» человека, именно как *практическую задачу*, как главный долг христианина в мире. А сам Горький, несмотря на неоднократно декларируемый им материализм и даже атеизм, в сущности был религиозным искателем, и критика христианства, которая неоднократно разворачивалась и в художественных его произведениях, и в публицистике, была критикой как раз того *пассивного*, нетворческого христианства, которое, по словам Федорова, приняло «напутственный молебен, крестное знамение, полагаемое пред начатием дела, за самое дело»¹⁵. Примечательна приписка Горького на письме к нему С. Т. Григорьева, сделанная в разъяснение того, почему писатель избрал для своего псевдонима имя отца: «...мне патрон мой, Алексей человек Божий, не нравился. Я вообще не любил рабов божьих, а любил соратников его, Аввакумов, [Францисков], сотника Логина, Ивана Воина и т. д.»¹⁶.

При всем неоднозначном отношении Горького к религиозно-философскому учению Федорова, был один основной и главный пункт, который безусловно сближал обоих мыслителей, — последовательное неприятие смерти как безусловного и абсолютного зла, унижающего человека, вступающего в противоречие с его нравственной и духовной природой, как

того, что должно быть преодолено. Это неприятие, равно как и мысль о необходимости победы над смертью, неоднократно выражалось у Горького и устами его героев (Саввы Хорвата из рассказа «Кладбище», Егора Булычева из пьесы «Егор Булычев и другие»), и прямым эпистолярным или публицистическим словом («Из воспоминаний», «Разрушение личности», «О знании», «О темах» и т. д.). С. Т. Григорьев в одном из писем Горькому утверждает прямо и просто: «Если Вы ни разу не *улынулись смерти* (как писатель), то философский большевизм Федорова в его отношении к смерти Вам ближе, чем испуг перед смертью Льва Толстого»¹⁷.

Примечательно, что внимание Горького к вопросу «о жизни и смерти» отметил еще на рубеже веков... сам Федоров в единственном известном нам отзыве о нем, содержащемся в письме философа к своему ученику В. А. Кожевникову от 3 июля 1900 г. Письмо это публиковалось не раз и хорошо известно исследователям философии Федорова, но не пользуется еще достаточным вниманием в горьковедении, — именно оно предваряет в данной публикации переписку Горского и Сетницкого с Горьким, и это совсем не случайно. Федоров как бы задает ту главную тему, вокруг которой и будет развиваться в дальнейшем эпистолярный диалог с писателем последователей учения «всеобщего дела».

В творчестве раннего Горького Федорова интересует то, что как раз было вне поля зрения социальной критики, которая еще в 1890-е годы задавала тон в оценке нового явления русской литературы, да и в последующие десятилетия во многом определяла восприятие Горького. Федоров смотрит на Горького философским взглядом, вычленяет мировоззренческое ядро его творчества, подчеркивая ориентацию писателя на ту шкалу ценностей, вершиной которой является *жизнь*, причем жизнь бессмертная и неветшающая, пусть и утверждается она пока методом «от противного» (см. п. 1).

Пришедшееся на 1920-е гг. обращение Горского и Сетницкого к Горькому не было первым обращением к писателю последователей Федорова. Впервые такое обращение состоялось... еще при жизни философа «всеобщего дела». Весной 1903 г. в газете «Асхабад» была напечатана статья ученика Федорова Н. П. Петерсона, написанная в форме отклика на рассказ Горького «Читатель», в котором поднимался вопрос «о целях литературы». Подчеркнув смелость и беспощадность горьковской саморефлексии (писатель укорял себя за то, что не умеет находить «ничего, кроме печальных, крошечных истин, устанавливающих только, что человек зол, глуп и бесчестен»), приветствуя поставленный в рассказе вопрос об идеалах, проповедуемых художником, об ответственности перед «тысячами людей», читающих его произведения, Петерсон переходил к тому «вечному вопросу» о цели и смысле жизни, который, по его словам, неотступно занимает и Горького. Этот главный вопрос человеческого существования, «в чем наш

долг, какому делу мы должны отдаться»¹⁸, публицист раскрывал на основе учения Федорова, приводя обширные фрагменты из II части главного произведения философа «Вопрос о братстве, или родстве...» и других его статей и заметок. Экземпляр статьи был послан им Горькому — об этом мы узнаем из письма другого ученика Федорова В. А. Кожевникова Н. П. Петерсону от 25 апреля 1903 г.¹⁹ Факт этот заслуживает серьезного внимания. Если статья Петерсона дошла до Горького, то первое знакомство писателя с идеями Федорова следует отнести уже к 1903 г. Возможно, что и увидеть, хотя бы мельком, Николая Федоровича Горький захотел именно после этой статьи.

В. А. Кожевников негативно отреагировал на инициативу Петерсона: «В отсылке статьи Горькому вижу, впрочем, некоторое увлечение, вызванное его покаянием в “Читателе”. Ради сказанного в этой его статье он заслуживает, конечно, ознакомления с напечатанным теперь в “Асхабаде”, но вообще знающие поближе Максима скажут Вам, что он безнадежен в смысле возможности обращения к “учению”, Вами излагаемому. Это выраженный атеистище и нигилистище, еще недавно у наших знакомых здесь в Москве похвалявшийся, что Луку (в “Дне”) он “сочинил”, чтобы попротиворечить Басаргину, осуждавшему его за отсутствие в его произведениях положительных типов»²⁰. Как показало время, Кожевников ошибся в своих прогнозах. Горький к «Философии общего дела» был внимателен на протяжении всего своего зрелого творчества, и хотя это внимание в разные годы было неодинаково, то усиливаясь, то ослабевая на время и, разумеется, от обращения в «федоровскую веру» отстояло весьма далеко, целый ряд мыслей философа «всеобщего дела» нашел воплощение и на страницах художественных произведений писателя, и в его публицистике.

В поддержании интереса Горького к Федорову в 1920-е — начале 1930-х гг. переписка с его последователями философом и поэтом Александром Константиновичем Горским (1886—1943) и философом и экономистом Николаем Александровичем Сетницким (1888—1937) сыграла весьма важную роль. Оба были личностями незаурядными. А. К. Горский, происходивший из потомственной священнической семьи, блестяще окончил Московскую духовную академию, однако церковной карьеры не сделал: по благословению одного из старцев Троице-Сергиевой лавры он, подобно герою последнего романа Достоевского, ушел в мир, взыскав его спасения и преображения. Влияние В. С. Соловьева и Н. Ф. Федорова, испытанное еще в период учебы, дало обильные духовные и мыслительные плоды: в своем философском творчестве Горский оригинально поставил и развил идеи христианского эволюционизма, богочеловечества, оправдания истории, обращения догмата в заповедь. В Одессе в 1918 г. состоялось знакомство Горского с Н. А. Сетницким, бывшим выпускником Санкт-Петербургского университета по юридическому факультету, учеником проф. Л. И. Пет-

ражицкого, — знакомство, быстро переросшее в дружбу и творческое сотрудничество на почве пропаганды и развития федоровских идей²¹.

Мыслители активно-христианской ориентации, Горский и Сетницкий заняли особую позицию по отношению к пореволюционному переустройству страны, всего ее жизненного и духовного уклада. Да, они ясно видели изъяны насильственного, революционного пути, глубинные слабости идеалов времени. Но обречь себя на бездействие, на принципиальное невмешательство, на благородную позицию сторонних и ни за что не отвечающих наблюдателей они не могли — им в высшей степени была свойственна деловая, проективная установка. К тому же настроения первых пореволюционных лет были гораздо объемнее и богаче лозунгов, выдвигаемых по «генеральной линии»: в них вплетались мечты не просто о социальном, но о вселенском преобразовании, о разумной, творческой регуляции материи, о будущем бессмертном человечестве, одухотворяющем Вселенную. Эти мечты нашли свое выражение у поэтов «Кузницы» — И. Филипченко, М. Герасимова, у раннего А. Платонова, у С. Есенина и Н. Клюева, В. Хлебникова и В. Маяковского, в манифестах биокосмистов. И Горский с Сетницким, откликаясь сочувственной мыслью на попытки расширить горизонты нового строительства, в свою очередь осмыслили идею социального и экономического переустройства в активно-эволюционной, житнетворческой перспективе, стремились рассматривать насущные проблемы и начинания эпохи 1920-х гг. в свете конечных, метаисторических, религиозных целей и задач. И не раз говорили о необходимости преодолеть узкий взгляд на главную причину неравенства, бедности, нищеты, выдвигаемый в социалистическом учении. Эта причина, по их убеждению, заключается не только в недостатках социально-экономического строя, но и в несовершенстве мира в целом. А значит, и сама активность объединенного человечества должна быть смещена с борьбы классово-уничтожающей мнимых виновников несправедливости и несчастья, на борьбу с натуральными природными бедствиями: голодом, засухой, эпидемиями (которые, кстати, особенно сокрушительно и жестоко явили свой убийственный лик в годы революции и гражданской войны), и наконец, с самой смертью. В проспекте второго выпуска «Вселенского Дела» и в однодневной газете «На помощь!», выпущенной Сетницким и Горским в Одессе в 1920 г., был выдвигнут лозунг «Смертные всех стран, соединяйтесь!», прозвучал призыв «всех, без различия пола, возраста, расы, класса, вероисповедания и мировоззрения, на борьбу с врагом извечным и сильным, но победимым и побеждаемым»²². А с 1923 г. в Москве, вместе с философом, правоведом, одним из участников сборника «Из глубины» В. Н. Муравьевым друзья-философы начинают углубленно заниматься проблемой научной организации труда²³, одной из актуальных проблем эпохи 1920-х гг., рассматривая человеческий труд не столько с точки зрения политэкономической, сколько в

плане философской онтологии и антропологии, определяя его как мироустроительную, созидательную деятельность человека в бытии, деятельность целенаправленную, сознательно-творческую, противостоящую силам дезорганизации и распада.

Стремясь внедрить в сознание своих современников федоровские мировоззренческие установки, переориентировать бурное строительство, разворачивавшееся в советской России, с односторонне-социальных и классовых проблем на проблемы всечеловеческого и даже вселенского масштаба, Горский и Сетницкий особенно внимательно присматриваются к литературе, видя именно в ней ростки нового, планетарного мирознания. Горький — один из тех, кто особенно привлекает тогда их внимание, тем более что друзьям становится известно об интересе писателя к идеям Федорова.

Весной 1923 г. Горский письмом обращается к Горькому, предлагая для опубликования ряд своих работ и надеясь глубже заинтересовать его федоровской тематикой. Горький немедленно откликается, выражая готовность предоставить для такой публикации свой журнал «Беседа», первый номер которого тогда готовился к выпуску в Берлине. Сочувственно реагирует он и на предложение Горского составить своего рода хрестоматию из двух первых, изданных Кожевниковым и Петерсоном, и третьего неизданного, томов «Философии общего дела», взявшись найти для нее издателя. Кстати, уже в первом письме Горского содержалось весьма важное указание на имевший место несколькими годами ранее контакт Горького со вдовой В. А. Кожевникова А. В. Кожевниковой, указание, которое спустя три года предстало в более развернутом виде в цитировавшемся выше письме Горькому С. Т. Григорьева: «Вдова Кожевникова года три—четыре тому назад мне говорила, что Вы, Алексей Максимович, интересовались литературным наследством Н. Ф. Федорова»²⁴. Употребленное Григорьевым выражение — «интересовались литературным наследством» — наводит на мысль, что Горький мог разузнавать у вдовы ученика Федорова, столь скептически в свое время отреагировавшего на отправку ему статьи Петерсона, не просто о I—II томах «Философии общего дела», но и о неопубликованных материалах мыслителя, так что поддержка им проекта издания федоровской хрестоматии вполне закономерна.

После состоявшегося обмена письмами последовал трехлетний перерыв. Переписка возобновилась лишь летом 1926 г., когда корреспондентом Горького выступил Н. А. Сетницкий, к тому времени уже полгода как живший в Харбине. Сотрудник Экономического бюро КВЖД, преподаватель Юридического факультета, ученый-экономист, занимавшийся проблемами торговли и экономики Северной Маньчжурии, он развернул в Харбине и активную печатную деятельность, выпустив с 1926 по 1935 г. целую библиотечку федоровской литературы. Первая же из вышедших

брошюр — богословский трактат «Смертобожничество», написанный Сетницким совместно с Горским еще в Москве, — была отправлена им писателю в августе 1926 г. (п. 4). В этом трактате Горский и Сетницкий рассматривали историю христианского вероучения в плане раскрытия в ней идеи о творческом назначении человека в мире. Они стремились показать, что христианство есть религия, принципиально враждебная смерти, утверждающая необходимость человеческой активности в деле преобразования мира из падшего и смертного в благой и бессмертный, и что всякое признание неизбежности и неодолимости смерти для человека и человечества приводит к языческому поклонению природному порядку вещей, к смертобожничеству (обожествлению смерти).

Письмо Сетницкого, сопровождавшееся посылкой брошюры, не прошло бесследно для Горького. Осенью 1926 г. он вызывает О. Форш и М. Пришвина на интересный обмен мнениями о Федорове и его учении. «Вы знакомы с “Философией общего дела” Н. Ф. Федорова? Как будто — да. Сейчас, в Харбине, издают 3-й том его статей»²⁵, — спрашивает он писательницу 5 сентября, опираясь на сведения, данные ему Н. А. Сетницким. «Удивительно, что Вы помянули Федорова, — отвечает Форш 20 сентября. — Как раз читаю его II том (других не знаю). Есть вещи неприемлемые, но зато есть нечто поражающее, как *жизнь*, — чего никогда не встретишь у Вл. Соловьева. Тот рядом с Федоровым — просвещеннейший гид по “святым местам”, никак не участник и разоблачитель творческих сил, еще не опознаваемых нашим дневным сознанием. Потому нелепое у Федорова волнует больше самого раз-умного соловьевского»²⁶. В следующем письме Горький передает свои впечатления от «Смертобожничества»: «...Цель книжки — реформа православия в духе “активности”. Ход мысли обнаруживает явное влияние Федорова и, на мой взгляд, нечто языческое от В. В. Розанова. В критической части книжки немало интересного, но, к сожалению “новая вера” закончена пятикратной анафемой инаковерующим. <...> Это уж нечто от протопопы Аввакума и от *разумного* фанатизма, а посему неприемлемо для меня. А в общем, как признак неугасающей *сердечной* мысли, весьма интересно и гораздо ценнее малокровных размышлений князя Трубецкого о “евразийстве”, размышлений, тоже поэтизированных у Федорова, о чем князь и соратники его — молчат»²⁷.

Обращение Сетницкого к Горькому имело своей целью далеко не только посылку «Смертобожничества». Сетницкий надеялся побудить писателя высказаться о Федорове в печати. Появление такого отзыва, по его убеждению, могло бы привлечь внимание к идеям философа всеобщего дела в Советской России, а этого-то как раз и добивались Сетницкий и Горский, правда пока прикровенно, без упоминания имени, выдвигая на первый план те грани учения Федорова, которые должны были быть более внятны пореволюционной эпохе, одушевленной пафосом радикального пе-

реустройства жизни. Сетницкий даже выражал пожелание, чтобы Горький написал хотя бы несколько слов предисловия к переизданию I—II томов «Философии общего дела», которое философ намеревался выпустить в Харбине.

В целом доброжелательный ответ Горького, последовавший 31 августа 1926 г., ободрил Сетницкого — несмотря на то обстоятельство, что писатель никак не откликнулся на предложение о предисловии и сообщил, что о Федорове вряд ли ему «удастся написать что-либо», ибо «негде писать»²⁸. Николай Александрович решил продолжать переписку. С перерывами, подчас довольно большими, она длилась до 1935 г., когда Сетницкий вместе с семьей вернулся в Россию. Регулярно он посылал Горькому оттиски своих статей, печатавшихся в «Известиях Юридического факультета» в Харбине, работы Горского о Федорове и Толстом, Федорове и Достоевском, первые выпуски начатого им переиздания «Философии общего дела»... Горький, надо сказать, внимательно их читал. На многих оттисках и брошюрах, хранящихся в его библиотеке, имеются следы пометок писателя.

Поднимался в переписке Горского и Сетницкого с Горьким и вопрос издания «Биографии» Федорова. Эта «Биография», включавшая в себя как жизнеописание Федорова, так и характеристику его философских идей, была написана Горским для книгоиздательства «Колос» зимой 1922—1923 гг., однако выпустить книгу так и не удалось. В 1926—1927 гг. Горский существенно расширил и доработал ее. Было решено издать работу в Харбине и Сетницкий в очередном письме Горькому (от 31 мая 1927 г.) попросил его написать к ней краткое предисловие.

Ответа на это письмо не последовало. Сетницкий недоумевал. Горский пытался его успокаивать: «С Горьким б. м. произошло нечто случайное и непредвиденное (недоставка письма, потеря адреса и т. п.). Я знаю, что он переписывается с массой людей и очень аккуратен в ответах»²⁹. Однако дело было не в потере письма и не в неаккуратности адресата. Получив письмо Сетницкого, Горький, не теряя времени, попытался найти издателя для книги Горского в России, включив имя Федорова в задуманную им серию биографий людей науки. Но эта попытка оказалась, увы, неосуществима. 15 июля 1927 г. Горький получил от А. Н. Тихонова следующий ответ: «Биографию Н. Ф. Федорова напечатать не можем, т. к. это не входит в рамки нашего издательства. Главлит не разрешит»³⁰. Вероятно, именно этот ответ и явился главной причиной молчания Горького на просьбы и вопросы Сетницкого. А Николай Александрович в конце концов все же напечатал работу Горского в Харбине под заглавием «Николай Федорович Федоров и современность» и псевдонимом «А. Остромиров» — правда, печатание растянулось почти на пять лет (1928—1933): работа выходила отдельными выпусками и все они тут же отправлялись издателем Горькому (См. п. 2, примеч. 2).

Горький читал присланные выпуски с карандашом в руках, а особенно внимательно — третий выпуск, появившийся в 1932 г. и носивший название «Организация мировоздействия». Речь здесь шла о тех планетарно-космических задачах, которые выдвигало перед объединенным человечеством учение Федорова, о синтезе науки, искусства и религии в деле сознательно-творческого преобразования мира. Горький специально выделяет те места работы Горского, где подчеркивался проективный характер мышления Федорова, говорилось о его стремлении навести мосты между идеалом и действительностью, теорией и практикой, идеей и ее воплощением, говорилось о практике как критерии прочности и достоверности знания: *«Для неопровержимого доказательства движения земли требуется управление ходом этого движения. Иначе теория остается непроверенной гипотезой»; «...легко догадаться, как реагировала бы мысль Федорова на теоремы Эйнштейна. Приветствуя теорию, он, несомненно, потребовал бы сейчас же соответственной практики, работы. В противном случае, теория останется опять лишь одним из мнений»*³¹. Особенно отмечает писатель финал третьего выпуска, где Горский выдвигал задачу планетаризации науки, ссылаясь на В. Оствальда, который еще в 1910-е годы *«призывал к международной консолидации ученого мира, к образованию “всемирного ума”, мозга земного шара»*³².

Завершавшая III выпуск очерков «Н. Ф. Федоров и современность» мысль о необходимости союза деятелей науки всех стран, всемирного съезда ученых, который поставил бы перед человечеством практическую задачу регуляции природы и преодоления смерти, перебрасывала мостик к IV выпуску — «Острие мирового кризиса», где говорилось об угрозе всемирной войны. По мысли Горского, избежать этой угрозы можно только встав на путь «всеобщего дела», перейдя, как говорил Федоров, от борьбы с себе подобными на борьбу с общим и главным врагом — смертью. Оставаясь же на нынешних путях, современная — потребительская — цивилизация, в которой бурное развитие научно-технического прогресса никак не подкреплено прогрессом нравственным, обречена на вечную рознь, а в перспективе — и на неизбежную гибель. Делая этот прогноз, Горский прямо ссылаясь на Горького: в предисловии к переводу книги Л. П. Локнера «Генри Форд и его корабль мира» (Л., 1925) писатель пророчил европейскому региону, раздираемому внутренними противоречиями и международной враждой, новую мировую войну, которая, обращая себе на потребу все научные завоевания человечества, все новейшие технические средства, фактически уничтожит цивилизацию, обратит «в прах очаги европейской культуры, а людей — тех, что не будут убиты, искалечены или повержены в безумие, — превратит в диких животных»³³. Обильно цитируя предисловие Горького, Горский сравнивал нарисованную в нем картину будущего Европы и мира с апокалипсическим сном Раскольникова о пораженной че-

ловечество мировой язве, о безумии и бешенстве, охватившем погрязших во зле людей, и с пророчествами Н. Ф. Федорова о будущей «сциентифичной битве», которая неминуема для человечества, упорствующего на путях вражды и розни³⁴.

Подобная опора на авторитет Горького присутствовала и в работе Горского «Перед лицом смерти. Л. Н. Толстой и Н. Ф. Федоров», вышедшей в 1928 г. в Харбине. Горский приводил здесь характеристику писателя, данную Горьким в «Воспоминаниях», где Толстой предстал человеком, который «с величайшим напряжением всех сил духа своего одиноко всматривается в самое главное: в смерть»³⁵, и, называя эту характеристику «самой острой и меткой», именно на ее основе выстраивал свою «концепцию Толстого»³⁶. Без внимания Горького такая апелляция к его мнению, разумеется, пройти не могла.

В «федоровском» эпистолярном сюжете Горького стоит выделить специально 1928 год. Как тогда считалось, это был год столетия со дня рождения Федорова³⁷ и двадцатипятилетия со дня его смерти. С самого первого письма Горькому Сетницкий неоднократно просил писателя откликнуться на эту дату. И в конце января 1928 г. он отправил Горькому очередное письмо с напоминанием о грядущем юбилее и давнишнем, правда весьма расплывчатом, обещании Горького поместить заметку о Федорове, если представится такая возможность.

Ответа на это письмо опять не последовало, но Сетницкий надежды не потерял, тем более что Горский, который весьма поддерживал друга в его сношениях с Горьким и время от времени в письмах, отправлявшихся из Москвы в Харбин, давал прямые советы (о чем следовало бы написать Горькому, какие издания ему послать и т. д.), 2 февраля 1928 г. сообщил то, что явно должно было воодушевить и ободрить горьковского корреспондента: «Только что виделся с одним человеком, который был за границей и три месяца прожил около Горького, в тесном общении с ним. По его словам, Горький о Федорове говорит захлебываясь — весьма его чтит, изучил все, что о нем было написано — и т. д. Заговорив о разных предметах, переводит речь на “Фил<ософию> Общего Дела”. Все это наматывает себе на ус»³⁸.

Горский и сам рассчитывал встретиться с Горьким, который должен был в ближайшие месяцы вернуться в Россию. «О Горьком пишут, что его ждут сюда к маю... Тогда я его живьем поймаю»³⁹, — шутивно сообщал он Сетницкому. В 1928 г. Горский, действительно, дважды встречался с писателем. О чем именно шел тогда разговор, мы не знаем. Но, по-видимому, Горький как-то намекнул собеседнику на достаточно сложное свое положение⁴⁰, обязывающее его быть осторожным и не дающее ему возможности прямо высказаться на страницах печати о том, о чем неоднократно просил его Сетницкий. Не исключено, что и переписку с Сетницким Горький в

1927 г. оборвал в преддверии своего возвращения в Москву, а в 1928 г. из соображений той же осторожности.

Между тем к числу сторонников учения «всеобщего дела», уговаривавших Горького писать и говорить о Федорове, присоединилось в 1928 г. еще одно лицо. 6 марта 1928 г. Горькому отправляет письмо И. И. Алексеев, известный краевед г. Богородска (нынешний Ногинск), где Федоров в 1858—1864 гг. работал учителем истории и географии. Незадолго до этого он вступил в переписку с Горским, от него и узнал об интересе писателя к Федорову. Сообщая о том, что уже двадцать лет он знаком с идеями необычайного мыслителя, раз и навсегда его поразившими, Алексеев просит Горького высказаться: «Как Вы смотрите на Федорова, его учение, на его созвучность и ритмичность с нашим великим строительством. К Вам сильно прислушиваются и конечно Ваше письмо сразу заставит по-другому, *по-верному* смотреть на Федорова»⁴¹. Вдогонку первому письму спустя полтора месяца посылает второе, где повторяет ту же настоятельно звучащую просьбу: «Ваше слово заставит обратить внимание на этого забытого замечательного нашего русского мыслителя»⁴². Спустя еще два месяца — третье. Четвертое письмо отправляется к Горькому 3 октября 1928 г. — здесь Алексеев, недоумеая по поводу того, что от писателя ответа все нет, просит его дать «характеристику Федорова» хотя бы в небольшом частном письме⁴³.

Такая массированная атака сразу из нескольких точек (Горский, Алексеев, Сетницкий, который 2 августа 1928 г. отправляет Горькому очередное письмо) в конце концов возымела действие. 27 ноября 1928 г. в газете «Известия» была напечатана статья Горького «Еще о механических гражданах». Указывая на опасность обмещанивания революции, утраты того вселенски-преобразовательного пафоса, который звучал в ней, прежде всего благодаря литературе (Есенин, Маяковский, пролетарские поэты), в первое пореволюционное десятилетие, редукации революционных чаяний до «дешевенького и уютного» потребительского идеала, Горький писал о неуклонном истощении естественных ресурсов земли, понуждающем мыслящее человечество к выбору новых ориентиров развития. И в связи с этим тезисом приводил слова Н. Ф. Федорова: «Свобода без власти над природой — то же, что освобождение крестьян без земли». Надо сказать, что источником этой цитаты был второй выпуск работы Горского «Н. Ф. Федоров и современность», где она специально была подчеркнута Горьким⁴⁴. А дальнейшие рассуждения писателя — о капитализме, который не щадит землю и «добывается власти над силами природы только для того, чтоб укрепить свою власть над источником живой силы, над физической силой трудового народа», и социализме, задача которого — не истощать ресурсы земли, а учиться добывать энергию из ветра, «морских приливов и отливов», использовать «энергию солнца», восходили, хотя и в достаточно ре-

дуцированном, спрямленном виде, к тезису о различии капиталистического и социалистического строя как двух принципов отношения к природе (хищнически-эксплуататорском и регулятивном), выдвинутом в работе Н. А. Сетницкого «Эксплоатация», отправленной автором Горькому в конце июля 1928 г. (п. 3, примеч. 5).

Спустя две с половиной недели после выхода статьи Горького «Еще о механических гражданах», 14 декабря 1928 г. в «Известиях» была опубликована речь М. И. Калинина на четвертой сессии ЦИК Союза ССР IV созыва (произнесена 11 декабря). Говоря о задачах и путях строительства социализма, председатель ЦИК сослался на статью Горького и повторил приведенные в ней слова Федорова, подчеркнув, что задача реального и существенного улучшения материальной жизни трудящихся, «такого улучшения, которое нам сейчас не снится», «может быть разрешена только тогда, когда мы овладеем полностью силами природы». В выступлении Калинина был уже полностью сведен на нет тот этико-философский подтекст, который, пусть и в ослабленном виде присутствовал в рассуждениях Горького о задачах социализма. В качестве высшей цели социализма выдвигалось то самое материальное — мещанское — благосостояние, которое писатель считал губительным как для отдельного человека, так и для общества. Более того, судя по характеристике Федорова, данной в речи Калинина и фактически повторявшей сведения из статьи Горького «Еще о механических гражданах» («известный мыслитель, автор многочисленных афоризмов» — над последней характеристикой добродушно иронизировал Горский в письме к Сетницкому от 14 декабря 1928 г.: «Диалог: *Н. Ф. Ф.*: Я не ждал, не гадал, я нежданно попал в “авторы многочисленных афоризмов”. *М. И. К.*: Я коня разнуздал, наудачу погнал вслед М. Горькому»⁴⁵), председатель ЦИК вряд ли пользовался каким-либо другим источником, кроме статьи Горького.

И тем не менее, как писал Горский Сетницкому, «лед сломан, брешь пробита!»⁴⁶. 28 декабря 1928 г., в день смерти Федорова, в газете «Известия» под псевдонимом «А. К. Горностаев» печатается небольшая заметка Горского, посвященная памяти мыслителя. Главная цель публикации состояла в том, чтобы хотя бы напомнить о Федорове, заинтересовать как можно больше людей неординарной фигурой мыслителя (упоминалось о «несомненном влиянии Федорова на многих крупнейших его современников», приводился отзыв о мыслителе Л. Н. Толстого). Об учении «всеобщего дела» Горский писал самым общим и неопределенным образом, христианский аспект этого учения, по понятным соображениям, не затрагивался (в прессе всюю шла антирелигиозная кампания). Федоров был представлен как сторонник «грандиозной технической революции», идеи которого о борьбе «с эпидемиями, стихийными бедствиями и слепыми силами природы», о разоружении и переоружении весьма актуальны в современ-

ную эпоху, наконец, приводились высказывания о Федорове Горького и Калинина, благодаря которым, в сущности, и стало возможным появление данной заметки.

Сообщая о выходе заметки Сетницкому, Горский замечал: «Удастся ли развить дальнейшее наступление, покажет время»⁴⁷. Однако время обернулось против сторонников федоровских идей. Во-первых, сам Горький, по всей видимости, решил ограничиться статьей «Еще о механических гражданах» и не собирался писать специально о Федорове, к чему его весь год так или иначе подталкивали Алексеев, Сетницкий и Горский. 15 декабря 1928 г., на другой день после напечатания речи Калинина, он отвечал Алексееву: «Писать о Н. Ф. Федорове не могу, не имею времени. Да и напечатать негде, — журнал “Наши Достижения” имеет целью давать читателю очерки и картины текущей работы в стране»⁴⁸. Что же касается Горского, то он начал было готовить статью о Федорове для «Правды», однако 10 января 1929 г., меньше чем через две недели после выхода поминальной заметки в «Известиях», был арестован и спустя полгода приговорен к десяти годам лагерей.

Надо сказать, что Сетницкий связывал этот арест именно с публичным упоминанием Федорова Горьким и Калининым и с вышеописанной заметкой в «Известиях». В сопроводительной записке к письмам А. К. Горского 1925—1928 гг., переданным им в 1933 г. в Чехословацкий национальный музей для фонда *Fedoroviana Pragensia*, он сообщал: «Заметка привлекла внимание весьма широких кругов, в редакцию стали поступать письма с запросами по поводу этого автора. Политическая полиция заинтересовалась этим делом. Некто Знаменский, московский юрист и знаток философии, в прошлом адвокат, а в дальнейшем коммунист и советский дипломат, уверил редакцию, что Н. Ф. Федоров — ярый контрреволюционер, и что «редакция “Известий” была введена в заблуждение относительно этого автора»⁴⁹. До Николая Александровича дошли даже слухи о том, что «Горький, опрошенный по этому поводу, отрекся от своих суждений о Н. Ф. Федорове и сообщил, что их ему подsunул тот же Горностаев»⁵⁰. Трудно сказать, насколько были верны эти слухи: они вполне могли представлять собой обыкновенную сплетню. Да и напрямую связывать арест Горского с упомянутыми публикациями в «Известиях» тоже проблематично. Как показал изучавший дело Горского В. Г. Макаров, этот арест был связан не столько с распространением им идей Федорова, сколько с ликвидацией в конце 1928 г. религиозно-философского кружка А. А. Мейера «Воскресенье», с некоторыми членами которого Горский был знаком и встречался во время поездок в Ленинград, а также основанного С. А. Аскольдовым «Братства Серафима Саровского»⁵¹.

Впрочем, в протоколе допроса Горского от 10 января 1929 г. содержалось упоминание о Горьком и о статьях в «Известиях». «В течение года, —

показывал Горский, — вышло, что главное общение у меня происходило с толстовцами, которые увидели, что замалчивать Федорова нельзя <...>. Одновременно — начиная с Максима Горького, который еще с 20 г. усердно изучал Федорова, начала о нем писать советская печать, как об особенно “интересном для нас мыслителе”»⁵². Такое свидетельство, в принципе, могло навести соответствующие органы на мысль расспросить о Горском и Федорове самого Горького. Как бы то ни было, об аресте Горского Горский должен был знать. И уверенности в том, что о Федорове можно говорить в советской печати, это ему, конечно, не прибавляло.

Между тем И. И. Алексеев не терял решимости добиться от писателя материала о Федорове. 22 апреля 1929 г. он пишет ему «по поручению Богородского научно-педагогического института краеведения», почетным членом которого Горский являлся: «...я официально передаю Вам просьбу названного института о написании Вашей статьи о Н. Ф. Федорове, которую мы издадим отдельной брошюрой, заплатив Вам гонорар, какой вы назначите»⁵³. На это письмо Горский отвечает уже почти резко, сообщая о том, что не станет писать о Федорове и вообще не имеет времени для подобной работы⁵⁴.

Ответ Горького Алексеев привел в письме Сетницкому от 6 июня 1929 г.⁵⁵ Разумеется, продолжать после этого переписку с писателем Николай Александрович не решился. И прошло больше трех с половиной лет до того момента, как на стол Горького легло новое письмо из Харбина.

Это письмо, от 3 мая 1932 г., сопровождало посылку именного экземпляра книги Сетницкого «О конечном идеале» (Харбин, 1932), ставшей главным сочинением его жизни. Сетницкий развивал в ней историософскую концепцию, основанную на федоровской идее истории как «работы спасения», и выстраивал собственное учение об идеале как «крайнем, последнем и величайшем задании, к которому стремится человечество»⁵⁶. Отправляя книгу Горькому, он подчеркивал, что всякое суждение писателя примет «с огромным интересом». Горский опять не ответил, но посланную книгу прочел, сделав сочувственные пометы на тех листах книги, где Сетницкий вел спор с концепцией П. И. Новгородцева, критиковавшего различные утопии «земного рая» и утверждавшего принципиальную невоплотимость идеала в истории⁵⁷.

Реконструируя историю переписки Сетницкого с Горьким, нельзя не остановиться на исповедальном письме философа, которое так и не было отослано Горькому и осталось в его личном архиве. Письмо это относится ко второй половине 1932 г. (п. 15). Этот год, начавшийся довольно удачно — книгу «О конечном идеале», наконец, удалось выпустить в свет, — был омрачен цепью тяжелых событий. В апреле скончалась В. Н. Миронович-Кузнецова, последовательница идей Федорова и большой друг Сетницкого. В июле он узнал от ее племянницы Н. П. Миронович о том, что

Горский не выйдет на свободу ранее 1939 г.⁵⁸. В том же году пришло известие о смерти В. Н. Муравьева. Нарастало чувство безысходности и одиночества. Периодически возникало желание оставить службу на КВЖД и вернуться в Россию по собственной воле, не дожидаясь разрешения конфликтной ситуации с дорогой, несмотря на всю самоубийственность подобного шага («Вы меня очень смутили, даже испугали словом “переехать”... — писала та же Н. П. Миронович. — Приехать это одно, но “переехать”...»⁵⁹). Посещала даже безумная мысль как-то устроиться так, чтобы оказаться поближе к местопребыванию Горского — Сетницкий глубоко страдал от отсутствия связи со своим главным другом и единомышленником. В ситуации глубокого душевного кризиса и созрело в нем намерение обратиться к Горькому с обширным и откровенным письмом, касающимся вопроса о возможности или невозможности распространения идей Федорова в СССР, о его последователях, подвергшихся репрессиям, о собственном сложном положении советского служащего, не желающего переходить на эмигрантское положение и в то же время внутренне несогласного с узколобой идеологией власти. Но, написав письмо, Сетницкий так и не отправил его — по-видимому, сознав всю необдуманность и рискованность подобного шага. И напомнил о себе Горькому спустя только два года — в октябре 1934 г.

Это развернутое, вдохновенное письмо разительно отличается от писем 1926—1928 гг. В них Сетницкий достаточно сдержан — в большинстве случаев он лишь почтительно и осторожно наводит Горького на то, чтобы высказаться или написать о философе «всеобщего дела», не позволяя себе прямых советов и рекомендаций. Здесь же корреспондент писателя впервые говорит с ним абсолютно на равных. Более того, прямо призывает его стать рупором федоровских идей, заявить во всеуслышание о необходимости борьбы со смертью, видя в этом моральный долг, миссию Горького.

Что способствовало этому изменению тона Сетницкого? Вероятно, далеко не последнюю роль сыграло то обстоятельство, что в статьях и выступлениях Горького начала 1930-х гг. Сетницкий находил те самые темы, которые прямо исходили от Федорова, хотя и без упоминания имени философа: борьба с засухой и регуляция метеорологического процесса («О борьбе с природой», 1931; «Засуха будет уничтожена», 1931; «О “праве на погоду”», 1932), преодоление разрыва между делом и знанием, наконец, борьба со смертью («О “Библиотеке поэта”», 1931). Горький фактически шел по тому же пути, по которому в свое время еще в начале 1920-х годов шли последователи философии Федорова — Горский, Сетницкий, Муравьев, писавшие о тех аспектах учения о воскрешении, которые могли быть поняты и востребованы в современности, но при этом не называвшие имени Федорова. (Впрочем, после статьи «Еще о механических гражданах» Горький еще один раз упомянул Федорова в печати — в статье «О женщине», помещенной в 1930 г. в журнале «Наши достижения» (см. п. 5, примеч. 2).)

Сетницкий выражал надежду на то, что Горький наконец заговорит об идеях Федорова без компромиссов и его авторитетное слово сможет привлечь к философии бессмертия и воскрешения многих людей. Всей сложности и трагичности положения Горького, для которого подобное вестничество в эпоху 1930-х гг. было совершенно исключено, Николай Александрович, к сожалению, не понимал.

Тем не менее, Горький попытался ответить на это письмо (попытка, правда, так и не была доведена до конца). В сохранившемся черновом наброске он говорил о своем внимании именно к практическому аспекту проблемы бессмертия и сообщал Сетницкому об организации Всесоюзного института экспериментальной медицины, своего любимого детища, целью которого должно было стать «комплексное изучение жизни» (п. 17).

В первой половине 1930-х гг. о Федорове Горькому писал не только Сетницкий. В декабре 1933 г. писатель получил официальное письмо из Чехословакии от Национального музея, в котором несколькими месяцами ранее писатель и философ-евразиец К. А. Чхеидзе, являвшийся одним из убежденных сторонников учения «всеобщего дела» в эмигрантской среде и состоявший в переписке с Сетницким, заложил фонд *Fedoroviana Pragensia*, целью которого являлся «сбор и хранение материалов, относящихся к автору “Философии общего дела”»⁶⁰. В письме сообщалось о том, какие издания уже имеются в фонде и была выражена просьба присылать новые материалы «на основе обмена»⁶¹.

Несмотря на то, что Горький не ответил ни на это письмо, ни на письма Сетницкого 1932 и 1934 гг., к самому Николаю Александровичу он относился, правда заочно, с доброй симпатией. Вот, к примеру, как описывал С. Г. Скиталец, вернувшийся в 1934 г. в Советскую Россию, свою встречу с Горьким: «Дня через три по приезде был у А. М. в знаменитом имении Горки. Встреча была душевная: восстановлена прежняя дружба.

Провел у него весь день до глубокой ночи в числе большой компании гостей. Расспрашивал о Харбине: первый вопрос был об Устрялове и Сетницком, книги которых он читал и знает. Я рассказал довольно подробно»⁶². А когда Сетницкий в 1935 г. вернулся в СССР и тяжело заболел миокардитом, Горький, узнав об этом через третьих лиц, отправил к нему врача.

Завершающим аккордом переписки философа и писателя стало последнее письмо Сетницкого Горькому (от 3 мая 1936 г.), написанное после возвращения Николая Александровича в Советскую Россию, где он оказался в полной изоляции, не имея ни малейшей возможности говорить и писать о том, чем жил и дышал более восемнадцати лет. Письмо так и не было отправлено адресату: Горький умер, а Сетницкий 1 сентября 1937 г. был арестован и вскоре расстрелян.

Что касается Горского, то ему было отпущено еще несколько лет. Вернувшись из лагерей и ссылки в 1937 г., он поселяется в Калуге. В 1938—1942 гг. пишет три обширные работы о Горьком: «Укрыватели убийц» (1938), «Воинствующий оптимизм» (1939) и «Преодоление Фауста» (1939—1940), где разбирает имморталистические тенденции в творчестве Горького, подчеркивая интерес писателя к проблемам регуляции природы, борьбы со смертью; дает религиозно-философский анализ горьковской темы мещанства, выделяет активно-творческие, жизнеутверждающие черты мировоззрения Горького, полагающего начало преодолению европейской «фаустианской» культуры с ее языческим культом настоящего и «убеждением в неустранимости смерти»⁶³. Ни одна из указанных работ не была опубликована, хотя Горский прилагал к этому немало сил, надеясь, что данная им трактовка творчества Горького вызовет внимание к федоровской теме преодоления смерти. 28 ноября 1940 г. он передал в сектор изучения жизни и творчества Горького Института мировой литературы свои работы о Горьком «Преодоление Фауста» и «Воинствующий оптимизм», однако поддержки они не нашли. А 9 марта 1943 г. последовал новый арест. В протоколах допросов Горского фамилия Горького мелькает неоднократно: «После освобождения я занимался тем, что было связано с творчеством Горького, так как Горький был мне дорог», «Я с Горьким виделся всего два раза, но я чрезвычайно дорожил тем, что делает Горький»⁶⁴. Горский говорил и о том, что еще в лагере он предчувствовал: НКВД плетет вокруг Горького какую-то сеть, — признание, вызвавшее настоящую ярость следователей.

24 августа 1943 г. Горский скончался в Тульской тюремной больнице.

Ниже печатаются: письмо Н. Ф. Федорова 1900 г.; два письма А. К. Горского 1923 г., двенадцать писем Н. А. Сетницкого Горькому (1926—1936) и три письма Горького к Сетницкому. Источники названы в примечаниях.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ *Сухих С. И.* «Жизнь Клима Самгина» М. Горького и «Философия общего дела» Н. Ф. Федорова // М. Горький и вопросы литературных жанров. Межвузовский сборник. Горький, 1978. С. 3—38; *Сухих С. И.* М. Горький и Н. Ф. Федоров // Русская литература. 1980. № 1. С. 160—168; *Семенова С. Г.* Человек и мещанин. Отношение к смерти у Максима Горького // *Семенова С. Г.* Преодоление трагедии: «Вечные вопросы» в литературе. М., 1989. С. 285—298; *Семенова С. Г.* Николай Федоров. Творчество жизни. М., 1990. С. 358—363; *Семенова С. Г.* Мыслительные диапазоны Максима Горького // *Семенова С. Г.* Русская поэзия и проза 1920—1930-х годов. Поэтика — Видение мира — Философия. М., 2001. С. 248—289; *Hagemeyer M.* Neue Materialien zur Wirkungsgeschichte N. F. Fedorovs; M. Gor'kij und die Anhänger Fedorovs in Moskau und Harbin // *Studia Slavica. Beiträge zum VIII*

Internationalen Slawistenkongreß in Zagreb 1978. Gießen, 1981. S. 219—244; *Hagemeister M. Nikolaj Fedorov. Studien zu Leben, Werk und Wirkung.* München, 1989. S. 368—379, 392—403.

² Это архивное собрание составилось в 1960-е годы из соединения личных архивов А. К. Горского и Н. А. Сетницкого. Хранителями собрания были старшая дочь Сетницкого О. Н. Сетницкая и ее подруга Е. А. Крашенинникова. После смерти О. Н. Сетницкой большая часть собрания перешла к ее младшей сестре, историку и библиографу Е. Н. Берковской. В настоящее время хранителем архивной коллекции является муж Е. Н. Берковской художник Ю. Р. Берковский. Архив находится в Москве.

³ Горький — С. Т. Григорьеву. 15 марта 1926 г. // *ЛН.* Т. 70. С. 136.

⁴ В протоколе допроса А. К. Горского от 10 января 1929 г. утверждается, что изучать Федорова Горький начал в 1920 г. (см.: *Вопросы философии.* 2002. № 8. С. 111).

⁵ I том вышел в г. Верном в 1906 г., II — в Москве в 1913 г.

⁶ Горький — М. М. Пришвину. 17 октября 1926 г. // *ЛН.* Т. 70. С. 335.

⁷ Там же.

⁸ *Федоров Н. Ф.* Собр. соч.: В 4 т. Т. I. М., 1995. С. 390.

⁹ Там же. Т. II. С. 202.

¹⁰ Архив Г. 12. С. 114.

¹¹ *Федоров Н. Ф.* Т. I. С. 398.

¹² Там же.

¹³ *Семенова С. Г.* Мыслительные диапазоны Максима Горького. С. 265.

¹⁴ См. п. 17.

¹⁵ *Федоров Н. Ф.* Т. II. С. 378.

¹⁶ *ЛН.* Т. 70. С. 138.

¹⁷ Там же. С. 134.

¹⁸ *Петерсон Н. П.* М. Горький. «Читатель» // Асхабад. 1903. № 78.

¹⁹ *Федоров Н. Ф.* Т. IV. С. 626.

²⁰ Там же.

²¹ Работы А. К. Горского и Н. А. Сетницкого в настоящее время собраны в следующих изданиях: *Горский А. К., Сетницкий Н. А.* Сочинения. М., 1995; Из истории философско-эстетической мысли 1920—1930-х годов. Вып. 1. Н. А. Сетницкий. М., 2003.

²² «Вселенское Дело» в прошлом // Вселенское Дело. Вып. 2. <Харбин>, 1934. С. 115.

²³ *Горностаев А.* <А. К. Горский>. Экономика научного производства // Октябрь мысли. 1924. № 3—4. С. 43—57; № 5—6. С. 59—67; *Гежелинский Н.* <Н. А. Сетницкий>. НОТ и НОУТ // Октябрь мысли. 1924. № 1. С. 65—69; *Сетницкий Н. А.* Единство трудового процесса // Там же. 1924. № 3—4. С. 58—73; *Его же.* Труд ученого // Там же. № 5—6. С. 68—73; *Муравьев В. Н.* Овладение временем как основная задача организации труда. М., 1924.

²⁴ *ЛН.* Т. 70. С. 134.

²⁵ Там же. С. 584.

²⁶ Там же. С. 588.

²⁷ Там же. С. 589.

²⁸ См. п. 5 наст. изд. С. 528.

²⁹ А. К. Горский — Н. А. Сетницкому. 5—8 декабря 1927 г. // Литературный архив Музея чешской литературы (Прага). Ф. 142 (*Fedoroviana Pragensia*). I.3.27 (далее при ссылках на данный фонд указывается аббревиатура фонда — *FP* — и номер архивной коробки).

- ³⁰ АГ. КГ-п-77-1-10.
- ³¹ *Остромиров А.* <А. К. Горский>. Николай Федорович Федоров и современность. Вып. 3. Организация мировоздействия. Харбин, 1932. С. 2, 4.
- ³² Там же. С. 25.
- ³³ *Горький М.* <Предисловие> // *Локнер Л. П.* Генри Форд и его корабль мира. Л., 1925. С. 11.
- ³⁴ *Остромиров А.* <А. К. Горский>. Николай Федорович Федоров и современность. Вып. 4. Острие мирового кризиса. Харбин, 1933. С. 20—23.
- ³⁵ Г-30. Т. 14. С. 280.
- ³⁶ А. К. Горский — Н. А. Сетницкому. 2 февраля 1928 г. // *FP.* I.3.27.
- ³⁷ В настоящее время разысканиями В. С. Борисова установлено, что год рождения философа — 1829.
- ³⁸ *FP.* I.3.27.
- ³⁹ А. К. Горский — Н. А. Сетницкому. 5—8 декабря 1927 г. // Там же.
- ⁴⁰ Об этом трудном положении Горького Горский коротко сообщил Сетницкому в письме от 9 (22) сентября 1928 г. // Там же.
- ⁴¹ АГ. КГ-уч-1-8-7.
- ⁴² АГ. КГ-уч-1-8-8.
- ⁴³ АГ. КГ-коу-7-9-1.
- ⁴⁴ *Остромиров А.* <А. К. Горский>. Николай Федорович Федоров и современность. Вып. 2. Проективизм и борьба со смертью. Богословие общего дела. Харбин, 1928. С. 7.
- ⁴⁵ *FP.* I.3.27.
- ⁴⁶ А. К. Горский — Н. А. Сетницкому. 14 ноября 1928 г. // *FP.* I.3.27.
- ⁴⁷ А. К. Горский — Н. А. Сетницкому. 28 декабря 1928 г. // Там же.
- ⁴⁸ АГ. ПГ-рл-1-18-3.
- ⁴⁹ *FP.* I.3.27.
- ⁵⁰ Там же. См. также письмо Н. А. Сетницкого К. А. Чхеидзе от 22 июня 1933 г. (*FP.* I.3.37).
- ⁵¹ См.: *Макаров В. Г.* Александр Горский: судьба, покалеченная «по праву власти» // *Вопросы философии.* 2002. № 8. С. 98—133.
- ⁵² Протокол допроса А. К. Горского-Горностаева от 10 января 1929 // Там же. С. 111.
- ⁵³ АГ. КГ-1-8-9.
- ⁵⁴ Текст этого письма Горького от 9 мая 1929 г. опубликован М. Хагемейстером: *Hagemeister M.* Nikolaj Fedorov. Studien zu Leben, Werk und Wirkung. S. 398.
- ⁵⁵ *FP.* I.3.27. В собрании *Fedoroviana Pragensia* хранится 9 писем И. И. Алексеева Н. А. Сетницкому за 1928—1929 гг.
- ⁵⁶ *Сетницкий Н. А.* О конечном идеале. Харбин, 1932. С. 12.
- ⁵⁷ См. пометы Горького — *ЛБГ (ОЛБГ).* 148.
- ⁵⁸ Н. П. Миронович — Н. А. Сетницкому. 8 июля 1932 г. // *FP.* I.3.28.
- ⁵⁹ Там же.
- ⁶⁰ *FP.* I.3.37.
- ⁶¹ АГ. КГ-ин-коу-3-10-1.
- ⁶² С. Г. Скиталец — Н. В. Устрялову. 3 сентября 1934 г. // *FP.* I.3.36.
- ⁶³ *Горский А. К.* Преодоление Фауста. Машинопись // Московский архив А. К. Горского и Н. А. Сетницкого.
- ⁶⁴ Протокол допроса А. К. Горского от 9 марта 1943 г. // *Вопросы философии.* 2002. № 8. С. 123, 124.

3 июля 1900, Подольск

Дорогой и глубокоуважаемый и любвеобильный Владимир Александрович.

Хозяин мой, находясь несколько лет без места, просит Вас, не можете ли Вы доставить ему какое-нибудь место? Человек он способный, трезвый.

Эпиграфы и комментарии¹ ждут Вас в Подольске, а еще больше я сам жду Вас, хотя бы без эпиграфов, которые Вы — если вспомните — хотели приискать, находя эту работу даже приятною. В настоящем письме я не буду говорить о Китае, который по-детски чтит прах предков, и о Европе, которая по-ребячески боготворит золото, а наполню это письмо выписками из Чехова, которого читал я очень мало, и особенно из Горького, которого я совсем не читал, а Вы хорошо знакомы с тем и другим. Выписки взяты из статьи Протопопова «Беллетристы новейшей формации»². Вместо международного Китайско-Европейского вопроса *о прахе и золоте* у Чехова можно взять вопрос *о богатстве и смерти*; в рассказе «Сапожник (вместо профессора) и нечистая сила (вместо Мефистофеля)» — говорится: «Теперь ему казалось, что *богатым и бедным одинаково дурно...* в общем всех ждет одно и то же, *одна могила*, и в жизни нет ничего такого, за что бы можно было отдать нечистому хотя бы малую часть души»³. Остается узнать, что Чехов разумеет под «душой»; т. е. вопросом о богатстве и бедности заниматься не стоит, а чем нужно заниматься, вероятно, Чехов не говорит? Читали ли Вы этот рассказ? У Горького ставится вопрос уже не о богатстве и смерти, а *о добродетели и смерти*, и если эта добродетель — не воскрешение (т. е. <если> смерть сильнее добродетели), то *издевательство Горького над нею вполне основательно*⁴. Воскрешение, как добродетель, не награда, а соединение с нравственной силою силы умственной и живой художественной мощи. Лишить добродетель силы воскрешающей, оживляющей — значит лишить ее силы умственной, признать, что Бог создал существа ограниченные, создал дураков. Как ни противны мне наши нитчеанцы, но они в тысячу тысяч раз лучше всех западников и славянофилов, начиная от Белинского, Хомякова, Ап. Григорьева до Михайловс<кого>, Протопопова, Волынского, Киреева⁵. «Смена поколений — процесс естественный и разумный», — говорит простодушный Протопопов⁶, быть может, не замечая, что делается панегиристом смерти. *Как ни живи, а все умрешь*, — как бы отвечает Горький и во имя

этого убеждения, т. е. смены-то поколений, обращается к юродивому (очень вероятно, к Толстому): *«Зачем ты, брат, скандалишь?.. — Стремлюсь к самоусовершенствованию. — Чего же, мол, ради?.. — Как так, чего ради? В совершенствовании человека — смысл жизни. — Ну, я этого не понимаю. Вот в совершенствовании дерева смысл ясен... его употребят на оглоблю, на гроб»?*... или вот еще: *«Ну, будет у него белая хата, а из меня лопух будет расти*», — ну а дальше»* (Тургенев, вложив эту фразу в уста Базарова, думал вконец уничтожить все молодое поколение, которое, по всей вероятности, этого и не говорило в 60-х годах, а вот чрез 50 лет эта фраза получила, наконец, должную оценку). *«Умнее этих слов никогда и ничего не было сказано»*⁸. И это, не фраза, а искреннее слово было еще противопоставлено фразе, действительно уже фразе, Белинского, фразе пошлой и ограниченной: *«Я не хочу счастья и даром, если не буду спокоен за каждого из своих братьев по крови»*. — *«Глупее этих слов никогда ничего не было сказано»*⁹, — говорит какой-то нитчеанец. Судя по статье Протопопова, появление партии наших нитчеанцев составило новую эпоху. Она напугала, сблизила все прежние партии, как ни велика была вражда между ними. Протопопов признает свое родство с семидесятниками, шестидесятниками, с людьми сороковых годов, и не только с западниками, но и с славянофилами...

Мне нужно знать, какая разница между нашими нитчеанцами и западными? Мне кажется, что у Горького гораздо сильнее отвращение к *действительному злу* (смерти), чем любовь к *мнимому благу* (власти и богатству). Потому в первом эпитафии нужно, мне кажется, сделать такое изменение: *«Пока будет смерть, будут униженные и обиженные»*. Следовательно, настоящее, коренное зло не там еще, как оно ни велико, *«Где (хотя) трудно, (но еще) дышится»* и *«Где горе (еще) слышится»*¹⁰, а там, где совсем не дышится и где горе уже не слышится: умершие — это уже самые униженные и оскорбленные смертельно. Здесь не кончается вопрос, а только начинается. *«Иди к униженным, Иди к обиженным»* — чье это стихотворение? Протопопов называет его первую заповедь, которою держались все поколения, начиная от людей 40 годов до него, Протопопова, включительно. Нитчеанцы, сокрушается Протопопов, уничтожают заповедь и не сменяют, а *упраздняют* и Протопопова, и всех его предшественников. 50 лет господствовали эти на-

---

* Т. е. ценою жизни одного поколения доставить другому возможность жить в белых, вместо курных, избах... Даже бессмертие одного поколения, купленное ценою смерти другого, будет ли благом?

халы и наглецы, у которых под любовью к бедным таилась ненависть к богатым и неутолимая жажда к богатству. Неумолимые враги своих противников, они, казалось, достигли полного торжества. «Русский Вестник» погиб, «Русское Обозрение» — тоже. Но вот являются новые враги, которые заставляют победителей испытать, пережить все прелести прогресса, который они так прославляли. Можно ли и Европейско-Китайский вопрос и вопросы Нитчеанские считать началом вопроса о смерти и богатстве, о смерти и добродетели, о смерти и знании... Чтобы спасти добродетель, нужно Критику практического разума признать *Суеверием* практического разума... Это не м. б. предметом письма.

Свидетельствую мое глубочайшее почтение Марии Григорьевне¹¹ и всем Вашим.

Искренно и сердечно преданный
3 июля 1900

Н. Федоров.

2. А. К. ГОРСКИЙ (ГОРНОСТАЕВ) — ГОРЬКОМУ

19 марта 1923, Москва

Москва
1923.
19 марта.

Многоуважаемый Алексей Максимович!

Мне не раз приходилось слышать от вдовы Вл. Ал. Кожевникова¹ и из других источников о Вашем интересе к «философии общ<его> дела» Ник<олая> Фед<оровича> Федорова. Я уже около 10 лет занят разработкой вопросов, связанных с личностью и учением Федорова. В настоящее время мной закончена книга (3¹/₂ печатных листа) для биографич<еской> библиотеки издательства «Колос». Здесь сводки биографических данных и характеристика научно-философской стороны учения Федорова и его значения в современности². Мне советовали предложить ее Вам для напечатания в Германии — в журнале или отдельным изданием. У меня собран также ряд материалов, отчасти уже обработанных, выясняющих жизненные и идейные взаимоотношения — Н. Федорова и Л. Толстого, Федорова и Достоевского и пр.³. Возможно также сделать выборку (хрестоматию) из произведений Федорова (первых двух томов) и третьего, еще неизданного, находящегося сейчас у проф. М. Н. Петерсона⁴, и вообще поднять ряд смежных тем.

Будьте добры уведомить меня, что из этого — могло бы для Вас понадобиться и каким образом тогда вести с Вами сношения.

Адрес свой я оставил в издательстве «Книга», но на всякий случай сообщаю его Вам.

Москва, сел. Богородское, Напрудная улица, д. 14, кв. 2, Александру Константиновичу Горностаеву (Горскому).

Уверен, что Вы не откажете сделать все возможное, чтобы ознакомить Запад с одним из величайших порождений русской мысли.

Сердечно уважающий Вас.

А. Горностаев

3. А. К. ГОРСКИЙ (ГОРНОСТАЕВ) — ГОРЬКОМУ

12 апреля 1923, Москва

Москва

1923 — Апреля 12.

Многоуважаемый Алексей Максимович!

Очень признателен Вам за быстрый и обстоятельный ответ на мое письмо¹. Итак, я принимаюсь в первую очередь за статью о Н. Ф. Федорове и Достоевском. Думаю, что месяца чрез 1½ сумею ее закончить и переслать Вам². Также начата работа и над подбором хрестоматии. М. Н. Петерсон согласен представить для этой цели неизданный третий том «Фил<ософии> общ<его> дела»³. Меня очень интересует программа «Беседы»⁴. Если можно, вышлите печатные проспекты. В Москве почти никто еще не знает о задуманном Вами издании.

Потребность в журнале такого типа для всех бесспорна. Кое-кого обижает исключение политики и экономики. Но мне совершенно понятны Ваши мотивы. Между прочим, один московский ученый (Н. А. Сетницкий) заканчивает сейчас интересную работу, где определяется учение Федорова в экономической плоскости. Заглавие книги: «Экономика регуляции» или «Экономический динамизм»⁵.

Не знаю, насколько входит в задачи «Беседы», стремящейся Россию информировать о духовной жизни мира, — печатание художественных произведений русских авторов⁶. Но мне хочется кстати осведомить Вас о существовании одной вещи исключительной ценности, опубликование которой в России в последнее время встреча-

ет препятствие. Это посмертная повесть покойной Елены Гуро «Бедный Рыцарь». В мае исполняется десятилетие ее смерти. Сестра умершей Е. К. Гуро-Эрлих приготовила к печати — фрагменты этой рукописи и <1 нрзб.> могла бы дать к ней биографическое предисловие⁷.

Желаю всего хорошего.

А. Горностаев

Р. С. Адрес мой прежний: Москва, село Богородское, Напрудная ул., д. 14, кв. 2.

4. Н. А. СЕТНИЦКИЙ — ГОРЬКОМУ

Первая половина августа 1926, Харбин

Многоуважаемый Алексей Максимович, по просьбе некоторых моих друзей, находящихся в Москве, и, в частности, по указанию Александра Константиновича Горского (Горностаева) посылаю Вам брошюру, озаглавленную «Смертобожничество», которая, б<ыть> м<ожет>, будет для Вас интересной¹. Одновременно пользуюсь случаем сообщить Вам следующее: биография Н. Ф. Федорова была своевременно для «Беседы» написана по Вашему желанию (сколько я понял), но на письма, посланные Вам А. К. Горским, от Вас ответа не последовало, а переправлять рукопись на удачу без Вашей санкции и подтверждения о том, что она будет напечатана, он не решился². Теперь рукопись эта находится у меня и я думаю, что возражений с Вашей стороны, хотя бы за давностью переговоров и прекращением «Беседы», не последует и я не совершу некорректности, напечатав ее. Одновременно позволю себе сообщить Вам, что часть рукописей Н. Ф. Федорова (приблизительно третья часть того, что должно было войти по мысли покойных В. А. Кожевникова и Н. П. Петерсона в III-й том «Философии Общего Дела») находится у меня и я думаю выпустить их отдельной книжкой³. Между прочим, там имеются несколько слов, посвященных Вам⁴. Если бы Вы захотели, я пошлю Вам это место, не ожидая публикации. Вообще же в 1928 году исполнится 100 лет со дня рождения и 25 лет со дня смерти Николая Федоровича. Моим (и не только моим, а всех нас, стоящих на почве «философии Общего Дела») желанием является переиздание первых двух томов этой книги. Так как средств на это никаких нет,

то пока что я собираюсь приступить к печатанию в форме отдельных выпусков, небольших по объему и позволяющих рассчитывать хотя бы на частичный сбыт⁵. Если Вы по-прежнему заинтересованы идеями Николая Федоровича, то не откажите помочь мне в этом деле. Конечно, о материальной поддержке говорить не приходится. Здесь я сам что-нибудь организую, но было бы важно, чтобы Вы написали что-нибудь по поводу обоих наступающих юбилеев. Лучшим было бы несколько слов вроде предисловия к II изданию, но и я и весьма многие оставшиеся в пределах Союза (я недавно выехал оттуда) были бы весьма рады, если бы Вы любым способом помянули Николая Федоровича. Конечно, это автор, о котором писать трудно, особенно трудно было раньше, но сейчас время, видимо, созрело. Вы очень обяжете меня ответом. Приступить к печатанию я рассчитываю не позже октября месяца. Одновременно я позволю себе утрудить Вас просьбой следующего содержания: Меня просят один экземпляр брошюры послать Вячеславу Ивановичу Иванову в Рим⁶. Более точный адрес его мне не известен. Вы меня очень обяжете, если сообщите мне его, или сообщите Вячеславу Ивановичу мой адрес со ссылкой на Александра Константиновича Горского-Горностаева или В. И. и Б. И. Шманкевичей⁷ (лично меня он не знает) и с просьбой снестись со мной на предмет дел, которые могут его интересовать.

Пока же позволю себе пожелать Вам всяческого благополучия.

Н. Сетницкий

5. ГОРЬКИЙ — Н. А. СЕТНИЦКОМУ

31 августа 1926, Сорренто

Уважаемый Николай Александрович,

Само собою разумеется, что Вы совершенно вправе располагать рукописью Вашей, как Вам это будет угодно, мне же остается лишь просить извинения за то, что понудил Вас потрудиться, а воспользоваться ценным Вашим трудом — не мог. Впрочем — тут не одна моя вина.

Я был бы весьма тронут Вашей любезностью, если бы Вы прислали слова, посвященные мне Н. Ф., а еще того лучше, если б послали оттиски Вашей статьи.

Два оттиска я получил: «Капиталистический строй» и «Русские мыслители»¹ — очень благодарен!

А, вот, по поводу юбилея Н. Ф. едва ли мне удастся написать что-либо, негде писать. Хотя, кажется, с осени в Петербурге будет издаваться журнал², в котором, м. б., я помешу заметку, чего мне очень хотелось бы.

Адрес В. И. Иванова: (Ему написано)

Roma.

172, via delle Quattro Fontane

р° III (presso Placidi).

Будьте здоровы!

А. Пешков

31.VIII.26.

Сорренто

6. Н. А. СЕТНИЦКИЙ — ГОРЬКОМУ

27 ноября 1926, Харбин

27/XI.1926.

Глубокоуважаемый Алексей Максимович, простите, что задержал отправкой выписку из письма Николая Федоровича. На днях у меня закончится переписка рукописи¹, и тогда я Вам отправлю выборку. Пока что посылаю открытку портрет. Это публикация третья по порядку. Впервые он был воспроизведен в «Весах», затем во «Вселенском деле»² и сейчас (одновременно) для перепечатки I-го тома Философии общего дела.

Примите мои уверения в совершенном к Вам уважении.

Н. Сетницкий

7. Н. А. СЕТНИЦКИЙ — ГОРЬКОМУ

6 февраля 1927, Харбин

Глубокоуважаемый Алексей Максимович, посылаю, наконец, письмо Николая Федоровича, о котором писал. Простите, что делаю это с таким запозданием. Одновременно посылаю брошюру — первый оттиск начатого печатанием первого тома Философии Общего Дела¹. Что касается писем, то с ними у меня вышла задержка, обусловленная трудностью связи с Москвой, но, кажется, вскоре это удастся закончить и в этом году все же я выпущу часть третьего тома². Буду очень признателен,

если Вы найдете нужным уведомить о получении этого письма и брошюры. Всегда готовый к услугам

Н. Сетницкий.

Маньчжурия
Харбин Почтовая 83, кв. 1
6 февраля 1927 г.

8. ГОРЬКИЙ — Н. А. СЕТНИЦКОМУ

16 марта 1927, Сорренто

Н. А. Сетницкому.

Сердечно благодарю Вас за брошюру Н. Ф. Федорова и за интереснейшее письмо его.

Не могу ли я просить Вас послать «Смертобожничество» Ольге Дмитриевне Форш¹ по адресу: Ленинград, Литейный просп. — Волodarского — дом 9, кв. 6?

Если можно — сделайте это, пожалуйста. Еще раз — спасибо Вам!

16.III.27

Всего доброго.

А. Пешков

9. Н. А. СЕТНИЦКИЙ — ГОРЬКОМУ

5 апреля 1927, Харбин

Глубокоуважаемый Алексей Максимович,

Записку Вашу я получил и немедленно отправил по указанному Вами адресу брошюру. Буду надеяться, что посылка О. Д. Форш дойдет¹. Дело в том, что мои попытки посылать что-либо в Москву и Ленинград обычно оканчивались неудачно. Теперь же я послал ей брошюру в закрытом конверте и заказным.

Ваша просьба дает мне основания для сообщения Вам некоторых фактов из области цензурных нравов. В мои цели не входила и не входит пропаганда и распространение тех идей, которые нашли отражение в моих статьях и в посланной О. Д. Форш брошюре. Я не делал попыток посылать их в частные руки, если не считать нескольких друзей, которые заинтересовались и моими статьями, и брошюрой «Смертобожничество». Тем не менее, я считал себя обя-

занным послать в качестве дара по одному экземпляру нашим крупнейшим и заграничным книгохранилищам. Делал я это в исполнение идей Н. Ф. Федорова². И вот в настоящее время у меня накопился почти полный ящик (10—12) возвращенных мне цензурой бандеролей (я посылал только заказными). Должен прибавить, что от всех европейских и американских книгохранилищ мне были присланы подтверждения в получении³. Из Союза же, видимо, только одна библиотека Румянцевского Музея (ныне Публичная библиотека имени В. И. Ленина) получила мои отправления⁴. Так как, не получая обратно адресованных ей бандеролей, я запросил ее и получил (после пятой посылки) письмо с уведомлением о принятии посланной книжки. В числе прочих моих адресатов были такие библиотеки, как Государственная Публичная в Ленинграде, Украинской Академии наук в Киеве, Академии Художественных наук в Москве и другие (университетские и музейные) книгохранилища. В подтверждение моих слов посылаю образец возвращенной мне бандероли.

Распространяться о недопустимости такого рода цензуры для крупнейших государственного и даже мирового значения книгохранилищ, ведущих кроме того цензуру выдачи книг, не приходится. Я хотел было затеять по этому поводу дело, но по зрелом рассуждении решил, что это бесполезно. Теперь я пишу об этом Вам, полагая, что у Вас больше шансов быть услышанным, если Вы захотите при случае сказать об этом Ваше авторитетное слов<о>⁵.

Между прочим (о другом): к учению Н. Ф. Федорова появился, видимо, интерес и в коммунистических кругах, как об этом свидетельствует полемика между Цейтлиным и Дебориным в январской книжке «Под знаменем марксизма»⁶.

Примите мои искренние уверения в всегдашнем к Вам уваженьи.

Н. Сетницкий

Харбин

Почтовая 83 к. 1

5-IV-27.

10. Н. А. СЕТНИЦКИЙ — ГОРЬКОМУ

31 мая 1927, Харбин

Глубокоуважаемый Алексей Максимович,

Работа, которая в свое время вынудила меня обратиться к Вам с письмом — я имею в виду биографию Н. Ф. Федорова — ныне в

переработанном и значительно дополненном виде закончена¹. В ближайшие дни я рассчитываю получить последние страницы ее². Она сильно разрослась и, по-видимому, должна вылиться в книжку страниц на 250. Печатать ее в форме биографического очерка при «Философии Общего Дела» не имеет смысла. Это самостоятельная работа, которая будет носить название: «Н. Ф. Федоров и современность». Я надеюсь, что к будущему юбилейному году мне удастся отпечатать ее³.

Мои друзья и автор работы писали мне, чтобы я обратился к Вам с такой просьбой: не напишете ли Вы несколько вступительных слов к этой книге? Я не чувствую себя вправе просить Вас написать предисловие, хотя и рад был бы, если бы Вы согласились на это. Издание это не имеет коммерческого характера и я не могу гарантировать Вам соответственного гонорара. Все, что я могу обещать, это нужное Вам количество экземпляров.

Если Вы найдете возможность исполнить мою просьбу, то не откажите в любезности сообщить мне это, а я, со своей стороны, немедленно вышлю Вам экземпляр рукописи для ознакомления⁴.

Между прочим в этой книге большое количество страниц посвящено Вам и поднятой Вами борьбе за мир в связи с появлением в русском переводе книги «Корабль Мира»⁵. Пока же в ожидании Вашего ответа разрешите пожелать Вам всяческого благополучия.

Н. Сетницкий

31/V.1927

Харбин Юридический факультет преподавателю Ник. Александр. Сетницкому
China Harbin Law. College N. A. Setnitzky.

11. Н. А. СЕТНИЦКИЙ — ГОРЬКОМУ

25 декабря 1927, Харбин

Николай Александрович Сетницкий просит глубокоуважаемого Алексея Максимовича принять его искреннейшие поздравления с новым 1928 годом.

Харбин 25 декабря 1927.

12. Н. А. СЕТНИЦКИЙ — ГОРЬКОМУ

30 января 1928, Харбин

Глубокоуважаемый Алексей Максимович, одновременно отправил Вам по просьбе А. К. Горностаева книжечку его стихов: «Лице Эрь»¹. Одновременно пользуюсь случаем напомнить Вам, что в текущем году мы празднуем 100 лет со дня рождения Н. Ф. Федорова² и поминаем 25 лет <со дня> его смерти. Хотя очень уклончиво, но все же в Вашем письме от 31-VIII-1926 года Вы обещали поместить заметку о Н. Ф. в этом году (Ваши слова: «м<ожет> б<ыть>, я помещу заметку, чего мне очень хотелось бы»). Я думаю, что помещением такой заметки Вы обрадовали бы очень многих. На этих днях я посылаю Вам несколько номеров газеты «Новости жизни», где помещена статья А. К. Горностаева о Н. Ф. Федорове и Л. Н. Толстом «Перед лицом смерти»³. Это глава из книги, посвященной Толстому⁴. Вся статья построена на Ваших словах о Толстом⁵. Надеюсь на днях также послать Вам отрывок Биографии Н. Ф. Федорова, которую я, хотя и с запозданием, но все же печатаю.

Примите мои лучшие пожелания всяческого благополучия и здоровья.

Н. Сетницкий

30/I 1928.

13. Н. А. СЕТНИЦКИЙ — ГОРЬКОМУ

2 августа 1928, Харбин

Многоуважаемый Алексей Максимович,

Я опять позволяю себе писать Вам. На этих днях я выслал на имя Екат. Петр.¹ в Москву несколько брошюр и оттисков, связанных с идеями Николая Федоровича Федорова. Так как все мои попытки послать эти брошюры нескольким лицам (очень небольшому числу) кончались возвращением их мне с запретительной цензурной пометкой, то я просил бы Вас распорядиться Вашему секретарю уведомить меня о получении или о неполучении этой посылки. Посланы Вам следующие вещи: брошюра «Н. Ф. Федоров и со-

временность» — А. Остромирова², брошюра — «Эксплоатация», написанная мной и составляющая главу книги «Эксплоатация или регуляция?»³ и, наконец, несколько заметок из неизданного III-го тома, каковые — мне удалось обнаружить в журнале «Путь»⁴. Помимо этого первого дела у меня к Вам еще два вопроса. В прессе было много сообщений о том, что Вы собираетесь издавать не один, а даже два журнала⁵. Можно ли там будет писать о Н. Ф. Федорове и «Философии общего дела»?

Я послал Вам в начале этого года несколько номеров местной советской газеты со статьей, посвященной взаимоотношениям Л. Н. Толстого и Н. Ф. Федорова, озаглавленной «Перед лицом смерти»⁶. Статья эта должна была выйти в толстовском юбилейном сборнике, но сейчас, сколько можно судить по ряду данных, сборник этот по причинам, независящим от авторов, не выйдет⁷. Во всяком случае цензура уже дважды его не пропустила. Я же считал и считаю, что к юбилею эту статью надо выпустить и, как ни бесплодно это делать здесь, но, очевидно, придется пойти на это. Итак, мое предложение сводится к следующему — быть может, Вы напечатаете эту статью в одном из журналов, которые должны (по слухам) выходить под Вашей редакцией и руководством⁸. Если это неудобно или невозможно, б. м. тогда Вы позволите мне послать Вам несколько брошюр с этой статьей для лиц, интересующихся и Л. Н. Толстым, и Н. Ф. Федоровым (к числу их относится и хорошо известный Вам М. М. Пришвин⁹). Как Вы знаете, статья эта вполне лояльна, по духу вполне приемлема и вообще цензурный запрет необходимо отнести за счет нормального у нас цензурного перепуга. — Всякая цензура и попечительное начальство боятся и боялись смелых мыслей и ясных слов. Это в сущности все, о чем я хотел Вас просить. Пока же разрешите пожелать Вам всяческого благополучия и здоровья.

Н. Сетницкий

Харбин

2 августа 1928 г.

Адрес мой:

Маньчжурия, Харбин.

Большой проспект 65.

Юридический факультет.

14. Н. А. СЕТНИЦКИЙ — ГОРЬКОМУ

3 мая 1932, Харбин

3.V.1932

Глубокоуважаемый Алексей Максимович!

Одновременно с этим письмом я посылаю Вам свою книжку «О конечном идеале»¹. Она не предназначена для сколько-нибудь широкого распространения, но я хотел бы, чтобы небольшое число лиц, весьма мною чтимых с давних лет, прочли или по крайней мере просмотрели ее. Это дало мне смелость послать Вам именно экземпляр.

Я буду очень признателен Вам за уведомление о получении этой книжки. Вообще я не упоминал бы об этом, если бы не теперешние смутные времена в Маньчжурии². Еще большее и крайнее мое желание было бы получить отзыв Вашего впечатления об этой вещи. Я не считаю желательным обсуждение ее в печати, но если оно выйдет на страницы прессы, это будет обозначать, что я оказался не в силах удержать эти мысли под спудом. Книга эта даже не поступит в общую продажу. — Всякое Ваше суждение я приму с огромным интересом и не сомневаюсь, что Ваша критика, хотя бы самая жестокая, как всегда будет плодотворной.

Кроме Вас я должен был послать эту книгу М. Н. Покровскому³, который в свое время был ознакомлен с источником мыслей, из которого она вытекла, и относился к нему сочувственно. Если Вы найдете желательным, чтобы ее прочел еще кто-нибудь, то я почту за удовольствие послать ее, кому прикажете.

Примите мои приветы и уверение в совершеннейшем моем к Вам уважении.

Н. Сетницкий

Harbin. Manchuria.

Харбин. Маньчжурия.

Модягоу, Бельгийская 81.

15. Н. А. СЕТНИЦКИЙ — ГОРЬКОМУ

Вторая половина 1932 г.

... [считаю] себя в праве говорить, что в первичном звене причинного ряда, приведшего к современной постановке вопроса о дождевании¹, я и мои друзья кое-что сделали. Мы исходили при

этом из общего стремления внедрить в жизнь и осуществить на деле и практически то, что проповедывал Н. Ф. Федоров. И вот в 1923 году три человека, кроме меня, поставили передо мною общий вопрос об учении этого мыслителя и о необходимости распространить его широчайшим образом². Это был единственный случай за всю мою жизнь, когда четыре человека, почти одинаково серьезно считавшие федоровское учение музыкой будущего, встретились вместе. Речь шла о том, что наша эпоха и происшедший на наших глазах переворот открывает широчайшие перспективы для создания грандиозных предприятий типа тех, о которых идет речь в философии общего дела. При этом была выдвинута мысль о необходимости ознакомить с этим учением вождей коммунистической партии и через согласование его с учением Маркса поставить вопрос о разработке и о практическом проведении в жизнь его учений (трудовые армии, союз науки и труда, новые формы организации умственного труда, связь умственного и физического труда, использование речных систем России, атмосферная регуляция, борьба со смертью и т. д.). Однако, такая общая постановка, выдвинутая одним из моих друзей³, встретила возражения, поскольку ясно было, что политические вожди в сущности неспособны привить ни одной мысли стране, поскольку ее нет в сознании самого населения, и с этой стороны такая прививка идей жизни бесплодной смковнице политического руководства совершенно нецелесообразна и способна скорее дискредитировать эти идеи, а не укрепить и расширить круг их распространения. В связи с этим у нас создалось убеждение, что для данного момента представляется правильным фиксировать внимание не на всем круге идей Философии Общего Дела, а на отдельных задачах, которые выдвигал Н. Ф. Федоров, и среди них главное внимание было обращено нами на атмосферную регуляцию в том ее варианте, где шла речь о дождевании при помощи электричества.

Выполнение этой задачи привлечения внимания к проблеме дождевания взял на себя П. И. Иваницкий⁴, один из моих друзей, затративший на осуществление этого дела три трудных года. Сейчас в прессе, посвященной дождеванию, я не нахожу его имени, но это вполне естественно, если учесть тот тяжкий путь, который ему пришлось пройти, и то, что каждому из людей, сейчас делающих карьеру в связи с этим предприятием, неприятно вспоминать человека, который поставил перед ними эту задачу и которого они достаточно высокомерно осмеяли.

П. И. Иваницкий с большими трудностями пробил в 1923—24 году путь в НКЗем, где добился некоторого внимания к идее дожде-

вания при помощи электричества. Им было собрано все, что в это время можно было найти по вопросу о дождевании в литературе за исключением постановок Федорова, ибо мы тогда считали, что упоминание этого имени преждевременно. Эти материалы были им сведены в доклад, который многократно представляли кому следует в НКЗеме и его органах и в конце концов в результате настойчивости П. И. Иваницкого было созвано совещание из метеорологов и агрономов по вопросу о дождевании, где им был сделан доклад по собранным материалам и поставлен вопрос о необходимости разработки этой проблемы в целях борьбы с засухой. Все основные установки, которые сейчас встречаются в прессе в связи с проблемой дождевания, все те методы и ссылки на европейские и американские попытки в этой области, о которых говорят сейчас, кроме самых последних работ, имели место в этом докладе. Нечего и говорить, что как и в прежние времена еще при жизни Н. Ф. Федорова, так и теперь эта идея была встречена со стороны присяжных специалистов далеко не лестно, и П. И. Иваницкому, рискнувшему занять их внимание столь странными вещами, пришлось выслушать немало неприятных слов по своему адресу. При всем том, однако, ему удалось в окончательном итоге все же добиться того, что его «материалы» были изданы НКЗемом в виде отдельной брошюры, выпущенной издательством «Новая деревня»⁵. В ней, как и во всех докладах и сообщениях по этому делу, имя Н. Ф. Федорова вполне сознательно элиминировалось.

Я не располагаю в настоящее время экземпляром этой брошюры; она была конфискована у меня китайскими властями при переезде границ вместе с прочей советской литературой. Мой личный архив, если он уцелел, в настоящее время для меня недоступен. Но я и по памяти могу утверждать, что большинство лиц, выступающих сейчас по вопросу о дождевании, так или иначе имели отношение или к НКЗему в те времена, когда П. И. Иваницкий обивал их пороги, или участвовали в упоминавшемся выше заседании, или были лично им посещены и одарены его брошюрой.

Все эти обстоятельства я позволил себе описать Вам потому, что в связи с настоящим положением вопроса о дождевании я намерен опубликовать небольшую работу на тему «Борьба с засухой и учение Н. Ф. Федорова об атмосферной регуляции»⁶. Я думаю, что современные руководители хозяйственной жизни Союза идут путем, в значительнейшей степени предуказанным Н. Ф. Федоровым. Я думаю даже больше, что именно поэтому только они держатся и будут держаться, так как исполняют то, что завещано этим выдающимся человеком. Но, конечно, делая это вслепую, сами не

зная того, куда и к чему ведут и выводят те пути, на которые им пришлось встать, они многое не только упускают, но даже прямо искажают во вред и себе, и стране, и будущему. С этой точки зрения мне думается, что пора привлечь их внимание к Федорову, тем более, что сейчас уже доктринеров и далеких от практики людей, которые в начале прошлого десятилетия боялись всякого подозрения в отступлении от чисто формальных начал революционности, казавшихся им единospасающими, уже нет у кормила хозяйственной и политической жизни СССР. В то же время в ряде работ нашли себе, без поминания имени, идеи Федорова и их можно считать уже внедренными в общее сознание, хотя пока что в смутном и непроясненном виде. И вот таким образом основной вопрос, по которому я хотел бы получить от Вас ответ, заключается в том, можно ли сейчас уже от крупнейших теперешних руководителей жизнью СССР ждать реального понимания тех великих и величественных проблем, которые ставил в свое время в полном одиночестве скромный работник библиотеки Румянцевского Музея или по-прежнему от его имени будут шарахаться, как от призрака, а всех решившихся говорить о нем будут хватать и проделывать с ними все то, что в таких случаях полагается. Мне приходится говорить об этом, т. к. если я буду печатать работу, о которой упомянуто выше, то высказываясь сколько-нибудь серьезно о засухах и о тех путях, по которым должны идти все дела, связанные с дождеванием, мне совершенно нельзя обойти источник этих построений (Федорова) и по моральным соображениям, и по соображениям деловым, т. к. только зная предпосылки этого учения (борьба с природой и в конечном итоге со смертью), можно осмыслить и понять соответственные учения; иначе они кажутся фантастикой даже при наших масштабах. С другой стороны, если у нас умы еще недостаточно созрели для восприятия этих мыслей и постановки этих задач, то, конечно, рациональнее всего ждать. Года четыре тому назад, когда я имел смелость писать Вам в связи с 100-летним юбилеем со дня рождения Федорова (1928 год), в результате чего (смею думать) Вы бросили пару строк об этом авторе в одной из Ваших статей, помещенных в московской прессе⁷, несомненно, ставить вопрос о нем перед советской аудиторией было, пожалуй (я готов сейчас это признать), и преждевременно, и небезопасно, не для Вас, конечно, а для других. В результате этих упоминаний, повторенных вслед за Вами М. И. Калининым⁸, в «Известиях» появилась маленькая заметка биографического характера о Федорове⁹. После этого по компетентному требованию некоего гражданина Знаменского было произведено расследование, как подобного рода зло-

вредные мысли заползли в Вашу голову и как вообще упоминающая о Федорове и такая заметка могла появиться в нашей прессе. В результате из ничтожного количества лиц, которые непосредственно работали и работают над осуществлением идей Н. Ф. Федорова, число которых при личном общении со мною никогда не превышало трех, большая часть была арестована и выслана. Один из них, я думаю, известный Вам лично по встречам в 1928 году, добрый знакомый М. М. Пришвина, писатель А. К. Горностаев (Горский) сейчас находится в ссылке и еще жив¹⁰, а другой уже погиб¹¹. При всем том, конечно, ни тот, ни другой ни в какой мере не могли быть заподозрены ни в каком не только жесте, но даже и в помысле, направленном против властей предержажших.

Конечно, такое положение не смущает и не может смущать ни меня, ни Горностаева. Последний раз в 1928 году встречаясь с ним¹² и предвидя возможность этого рода печальных, но обычно неизбежных в большинстве случаев событий, мы выработали определенную формулу: «преследуют, значит научатся следовать». Но сейчас в условиях, когда я один остаюсь ответственным за судьбы учения Н. Ф. Федорова, мне приходится взвешивать почти каждый мой шаг и думать о результатах при каждом упоминании этого имени.

Мы втроем всегда считали, что в Вашем лице мы имеем дело с крупнейшим после Толстого и Чехова писателем, из числа пишущих на русском языке, к тому же с писателем исключительно чутким ко всем основным вопросам человеческой жизни. В настоящее время Вы являетесь кроме того в моих глазах единственным человеком хорошо и лично знающим современных главнейших руководителей политики и хозяйства СССР и мне кажется естественным спросить именно Вас о том, насколько сейчас они способны воспринять и допустить распространение идей Федорова (хотя бы только в части, касающейся ученья об атмосферной регуляции). Ни я, ни мои друзья, из которых теперь остался только один, не являемся пустыми доктринерами, во что бы то ни стало отстаивающими определенную формулировку в ущерб смыслу и существу дела. В свое время, не добиваясь признания в официальных кругах, мы все оказались в состоянии ряд федоровских постановок передвинуть из сферы чистой теории в область практики. Некоторые установки ЦИТ'а, современная постановка вопроса о умственном и физическом труде, некоторые наметки плана ныне осуществляемого Капитального строительства¹³ и много значительно меньших дел могут быть отнесены за счет наших попыток продвинуть ученье Н. Ф. Федорова в жизнь. Вопрос о дождевании это только наиболее яркий пример, в котором участие наше к тому же может быть

документировано. Я думаю, Вам приходилось слышать о внедрении в севооборот Союза Культуры соевых бобов. Это дело, если вдуматься в него, отчетливо восходит к циклу задач, которые Н. Ф. Федоров на своем образном языке называл «продовольственным вопросом». С 1925 по 1928 год я принимал самое деятельное участие в деле внедрения в сознание ряда лиц необходимости для нас соевых бобов¹⁴, и непосредственно мной писались в это время на эту тему записки, доходившие до наших органов верховного управления, хотя мое имя нигде прямо не упоминалось, а самый начальный момент вынесения соевой проблемы на поверхность общественного обсуждения прямо связан с одним из моих выступлений в соответствующем учреждении.

В какой мере все эти вопросы, связанные с именем Н. Ф. Федорова, актуальны, можно судить хотя бы по тому, что еще сегодня я подсчитывал, что осуществление одной мелкой идеи, восходящей к тому же циклу, за осуществление которой я боролся в течение двух с половиной лет, за первые полгода выполнения дало Союзу почти два миллиона золотых валютных рублей. Сам я сейчас в свободное время разрабатываю проект, связанный с столь близкой Федорову идеей орошения Туркестана и восстановления его ирригационной системы, план, который вместе с идеями «Большой Волги» позволит говорить о прямом водном пути из всех наших морей в центр Азии, в предгория Памира, в котором Философия Общего Дела видит могилу праотца рода человеческого¹⁵. Конечно, проект этот, если только он пойдет надлежащим образом, будет осуществляться в 1934—35 годах и тогда он будет так же рекламироваться, как и многие другие. Я не говорю уже о том, что это предприятие включено в план капитального строительства СССР еще в 1924—25 году, причем и я имел к этому некоторое отношение.

И вот при таком положении я не могу не спросить: неужели же все эти дела на 14 году революции надо проводить из-под полы, скрывая источник, из которого они исходят из-за предрассудков, которые господствуют с этой стороны в руководящих кругах. Я думаю, что Сталин, который как-никак все же получил церковническое образование, способен больше чем кто-либо другой понять и осмыслить установки «Философии Общего Дела».

Я не говорю уже о том, что самая возможность фиксировать внимание хотя бы только на некоторых сторонах этого учения способна сильнейшим образом разрядить тяжелую атмосферу на религиозном фронте в отношении к православию в СССР, создав почву для самого серьезного и делового конкордата, что необычайно усилило бы наши позиции в ряде вопросов и смягчило бы имеющие

место трудные и обостренные отношения на этой почве, которые, как Вы знаете, сильно вредят СССР за границей.

Я заканчиваю это растянувшееся письмо такими просьбами моими к Вам: я буду очень признателен за сообщение Вашего мнения по вопросам: 1) насколько идеи «Философии Общего Дела» в их прямом и неприкрытом виде могли бы быть в настоящее время сознательно положены в основу хозяйственного строительства Союза и 2) в какой мере появление работы, посвященной вопросам атмосферной регуляции, могло бы быть интересным в настоящее время для советского читателя, и 3) в какой степени имело бы смысл поставить вопрос о Федорове и о его мыслях, о борьбе с природой перед советскими деятелями.

Должен сказать, что вот уже восемь лет я держу у себя в портфеле вполне законченные работы, связанные с проблемами, поставленными Философией Общего Дела в самых разных областях: философской, литературной, религиозной, научной и т. д., написанные, как мною, так и моими друзьями, из коих один уже погиб, а другой в Соловках. Я публиковал только то, что казалось мне неотложным по обстоятельствам времени. В этих публикациях я руководился мыслью о том, что необходимо сохранить эти мысли, а сохранение их в одном экземпляре только в рукописях равносильно их гибели в наших условиях. При этом особенно нужно считаться с тем, что я в этом деле абсолютно одинок и не стремлюсь выйти из этого одиночества, так как образование группы лиц, хотя бы только сочувствующих взглядам Н. Ф. Федорова, равносильно обращению внимания на это дело тех, кому сие ведать надлежит и следующее за этим уничтожение и гибель тех материалов, которые я храню. Сейчас этому положению отчетливо приходит конец. Маньчжурия — снаряд, готовый разорваться¹⁶. Если взять историю распространения идей Философии Общего Дела, то уже дважды общественная и военно-политическая катастрофа губила побег и ростки этого дела (1914 и 1917 годы)¹⁷. Вряд ли можно ждать третьего раза. Я боюсь, что мне придется заняться распространением этих взглядов независимо и вопреки мнениям советских кругов, с которыми я связан, и отсутствие в этом отношении сколько-нибудь ясной и авторитетной установки способно создать для меня весьма трудную дилемму личного порядка. Я абсолютно чужд эмиграции, однако вопрос о тех отношениях, которые должны создаться на этой почве, для меня исключительно сложен. Меня иногда даже соблазняет мысль о репрессиях. Они могли бы послужить прекрасной отговоркой и поводом для снятия с себя ответственности за то дело, которое несешь. С этой стороны, тюрьма и ссылка были бы

освобождением от тяжелой ответственности в своих собственных глазах, но это не решение вопроса. Я убежден, что СССР идет по пути, предуказанному Н. Ф. Федоровым, и стыдно было бы умыть руки в этом деле, создавая условия, способствующие не прояснению сознания, а наоборот затемнению его, тем самым задерживая этот процесс.

Я буду очень признателен Вам за ответ по существу поставленных мною вопросов и я думаю, что Вы сейчас единственный человек, от которого можно ждать прямого и искреннего ответа по этому делу. Я думаю, что нет надобности посылать Вам издания вещей, связанных с Философией Общего Дела. В свое время я посылал их Вам.

Примите мои уверения в глубоком моем к Вам уважении и пожелания всяческого благополучия.

16. Н. А. СЕТНИЦКИЙ — ГОРЬКОМУ

29 октября 1934, Харбин

N. A. Setnitsky
Harbin, New Town
Post, box 91
29-X.1934

Многоуважаемый Алексей Максимович.

Только сейчас в мои руки попал, правда неполный, комплект Литературной Газеты, содержащей отчеты о съезде писателей¹. Вам пришлось в деле организации и проведения этого съезда сыграть исключительную роль. Я всегда думал, что одна из важнейших задач в деле приступа к преобразованию мира является объединение деятелей искусства и художественного слова в первую очередь. Мне пришлось писать о месте художника, в ряду деятелей других категорий. Книжка «О конечном идеале» Вам посылалась и там можно найти мои утверждения по этому поводу².

Чтение материалов съезда заставило меня задуматься о многом из того, что уже сделано Вами за эти годы. Для меня исключительно важным было, что за последнее пятилетие дважды в печати Вы упомянули имя Н. Ф. Федорова³.

Но, конечно, не менее значительным является то, что Вами сделано и помимо упоминания этого имени. Попытки мои и моих друзей с 1918 по 1928 г. провозгласить лозунг борьбы с природой в ка-

честве основной задачи нашей современности, поставить вопрос об единстве умственного и физического труда в деле строительства культуры⁴ и другие не имели успеха. Теперь, благодаря Вам, они не только провозглашены, но стали программными элементами происходящего у нас строительства. Ваше значение и роль в этом деле достаточно велики и Вы лучше многих это знаете. Но вот теперь, когда ряд идей «общего дела» стали и становятся действительностью и осуществление их идет уже по определенному руслу⁵, мне кажется необходимым сосредоточить внимание на новых, более далеких и, может быть, странных для широкой публики точках.

Я думаю, что ни с надвигающейся войной, ни с глубоким подспудным влечением к ней (что есть у очень многих) нельзя справиться, не сделав дальнейших шагов: лозунг борьбы с природой должен быть раскрыт и заострен в направлении необходимости борьбы со смертью до победного конца.

Я очень хорошо представляю все трудности и общественные, и индивидуальные, которые стоят на пути такого провозглашения. Уже шесть лет тому назад их пришлось испытать моим друзьям, которые стремились привлечь к этому делу общественное внимание, базируясь на имя Н. Ф. Федорова. Во взглядах даже самых атеистически мыслящих людей смерть — вещь священная и всякое покушение на нее достойно казни, а всякие вопросы о победе над смертью расцениваются нашими не по разуму рьяными людьми как беспросветная мистика и т. п. Известный Вам лично (Вы встречались с ним в 1928 году) литературный критик и поэт А. К. Горностаев (это псевдоним Александра Константиновича Горского) был арестован в 1929 году, а затем сослан и я совершенно потерял его из виду⁶. В таком же положении оказался и Валерий Муравьев, интереснейший мыслитель (книга его «Овладение Временем» издана в Москве в 1924 году), погибший в ссылке в Нарыме⁷. Я не присоединился к этим людям и не испытал их судьбы в силу чисто случайных причин, задержавших меня за границей во время советско-китайского конфликта.

Конечно, выступление этого рода трудно. Вы знаете, как страшился прямо и откровенно поставить этот вопрос Л. Н. Толстой, смущаемый смехом не слишком умных людей⁸. Вам известно, с какими экивоками и ужимками подходил к этому делу В. С. Соловьев⁹. Я думаю, Вам придется сделать то, на что не решились эти люди. Та характеристика, которую дал Вам Николай Федорович на заре Вашей литературной деятельности¹⁰, и вся Ваша последующая деятельность, в особенности последние годы, говорит о том, что Вам на этом пути обеспечен успех.

Вы, может быть, спросите: почему же это надлежит делать Вам? Почему не я или кто-нибудь из более молодых не сделают этого шага. Дело в том, что момент требует сосредоточения внимания на этом деле масс, необходимо, чтобы была понята массами задача борьбы со смертью. Я и упомянутые мною люди и говорили, и говорим об этом, но наши имена ни для кого не авторитетны, и скорее могут вызвать лишь сомнения в ценности наших высказываний. Что же до Вас, то, в чем я полагаю также и Ваше мастерство, так это в исключительном умении сказать и показать дело так, что оно никого не обременяет и никого не связывает и никого не нудит.

Это последнее обстоятельство весьма важно, ибо и мой опыт, и опыт моих друзей показывает, что нельзя в этом деле опираться на голый авторитет. Простая апелляция к нему, как это обычно делается, создает почву для ряда трудностей в дальнейшем продвижении. Такого рода положение, как Вы знаете, уже имело место в отношении учения Н. Ф. Федорова, когда была сделана попытка монополизировать его со стороны весьма авторитетных мистиков типа Н. А. Бердяева и С. Н. Булгакова¹¹. Отрывка этой вульгарной апелляции к авторитету до сего времени дает себя знать и препятствует усвоению идей «Философии Общего Дела» именно там, где она может дать наибольшие результаты, — у нас.

В то же время нельзя в этом вопросе рассчитывать на специалистов ученых, которые заняты непосредственной борьбой со смертью. Они это делают в порядке профессиональном и сколько я ни следил за работами в этой области, часто ценнейшими, то всегда они высказываются до крайности ограничительно, умаляя свои же собственные открытия и их смысл. Они сами под гипнозом «курноски».

Это не все, о чем я хотел Вас просить, так как по обстоятельствам моего местонахождения многого нельзя отсюда писать. Поверьте, что я не стал бы беспокоить Вас с этими вопросами, если бы не ощущал их неотложности и видел бы кого-нибудь кроме Вас, кто мог бы их разрешить. Что они настоятельны, можно судить еще потому, что дважды в материалах съезда писателей я услышал ноты той же тревоги, которая обуревает меня.

Заканчивая это письмо, я позволю себе пожелать Вам всяческого благополучия и здоровья.

С искренним приветом.

Н. Сетницкий

Р. С. Мне пришло в голову, что, может быть, Вы могли бы содействовать облегчению положения или просто отыскать Горно-

стаева (Горского), если он уцелел за эти годы¹². Он очень талантливый человек, я не думаю, чтобы за ним были какие-либо особенные вины. Его работа «Перед лицом смерти» напечатана на японском и чешском языках, переведена на немецкий и на английский и должна быть напечатана в 1935 г. в Америке к юбилею Л. Н. Толстого¹³.

В свое время (1928 год) профессор Гудзий высказался о ней в том смысле, — что эта брошюра обозначает поворот в деле изучения Л. Н. Толстого¹⁴. А ведь она представляет лишь главку книги, которая была написана Горностаевым о Толстом¹⁵. Было бы своевременно познакомиться с этой работой ввиду наступающего 25-летия со дня смерти Льва Николаевича, и особенно в связи с происходящим сейчас в эмиграции недостойным перетряхиванием семейного белья Толстых. Работа Горностаева по своим установкам позволяет ликвидировать всю путаницу и мусть, которая скопилась вокруг последних лет жизни великого человека.

Н. С.

17. ГОРЬКИЙ — Н. А. СЕТНИЦКОМУ

Не ранее ноября 1934, Москва

Н. А. Сетницкому.

Уважаемый А. А. ¹ —

будучи материалистом, я могу мыслить о борьбе со смертью только как о деле практическом, требующем экспериментального исследования. [По моей инициативе]

Правительство наше, весьма чутко относящееся к идеям «фантастического» характера, постановило в 32 г. создать «Всесоюзный институт экспериментальной медицины» — ВИЭМ, цель института: комплексное изучение жизни, работы и изнашиваемости человеческого организма². Впервые за всю историю развития медицинских наук к этому делу привлечены физики, химики и впервые же обращено должное внимание на медицину Востока, для чего при институте будут организованы клиники Восточных методов изучения здорового и больного человека и будут привлечены к работе медики Монголии, Тибета и Китая. Институт строится под Москвой, это огромное строительство, на которое уже ассигновано 140 миллионов, кроме того будут созданы филиалы: в Казани, Харькове, в Сухуми — в Ташкенте, в одном или двух городах Сибири и на Шпицбергене. Под Москвой уже заготавливается материал для стройки.

В данный момент [около] вокруг института организовалось почти три тысячи крупнейших ученых различных специальностей.

Сейчас подлинным революционером в области медицины является профессор Алексей Дмитр. Сперанский³. Это — человек из ряда тех, которые в прошлом обычно возбуждали к своим домыслам и лично к себе ненависть всех консерваторов и чиновников науки. В скором времени выйдет его книга, в которой он подвергает критике все установившиеся в медицине теории и доказывает их несостоятельность⁴.

18. Н. А. СЕТНИЦКИЙ — ГОРЬКОМУ

3 мая 1936, Москва

Глубокоуважаемый и дорогой
Алексей Максимович!

Уже несколько раз я принимался писать с тем, чтобы в первую очередь поблагодарить Вас за внимание Ваше ко мне, проявленное Вами во время моей болезни¹. Но множество всяких причин, как всегда бывает в подобных случаях, то тормозили, то просто сводили на нет эти мои попытки вступить в общение с Вами. То мне казалось нелепым писать Вам теперь, когда расстояние между нами сократилось с 12 тысяч километров, то казались напряженными письма, то, наконец (был и такой случай), вполне готовое письмо было украдено у меня вместе с пачкой документов и т. д. Сейчас, я думаю, это письмо я не только кончу, но и отправлю. Надеюсь, что оно будет получено и прочитано Вами. Но естественно спросить: почему же, в конце концов, я все же так поздно взялся за это письмо и неужели эти задержки и затяжки были столь серьезны, что помешали мне исполнить хотя бы элементарный долг вежливости по отношению к Вам? Я не хотел посылать бессодержательное письмо — это первая причина, что же касается других, то они сводятся к следующему: я не чувствовал в себе уверенности в том, что я правильно ориентируюсь в теперешнем положении на Москве. Я уезжал отсюда в 1925 году и после десятилетнего отсутствия не хотел ошибиться в оценке. Сейчас уже год, как я в Союзе, и, кажется, осмотрелся. Должен сказать со всей искренностью, что, по субъективным оценкам, положение для меня и моих основных идей рисуется не очень благоприятно. Я много и читал, и слышал о том творческом подъеме, который царит в стране, о той заботе и вни-

мании, которыми здесь окружена каждая творческая личность, и т. д. Но в отношении себя не испытал и не испытываю ничего подобного. При этом я должен отметить, что политические и социальные моменты, равно и мои личные и материальные дела, отнюдь не влияли и не влияют на эти мои оценки. С момента моего первого соприкосновения² с советской властью (это было в 1919 году³) я твердо и решительно определил свою позицию. Мой отъезд за границу был вполне легален и работа моя там была нужна Союзу, о чем могут засвидетельствовать люди достаточно веские. Мои взгляды, от которых мне ни при каких условиях не приходилось отречься, таковы, что за 16 лет я мог отмечать, как многие из моих мыслей становились едва не программными лозунгами в нашей стране. Я думаю, что даже в тех пределах, в каких это произошло (с моей точки зрения этого мало), всякий на моем месте должен расценивать это как большое счастье. Но тем более серьезно то, что сейчас мне приходится быть неудовлетворенным. Речь идет о творчестве.

До 1935 года я 22 года работал по разным вопросам в теории и практике. Писать я начал в 1913 году, в 1917 начал печататься. Только часть моей работы, исключая вопросы философии общего дела и еще нескольких тем, меня занимающих, такова, что с 1917 по 1935 год я сотрудничал в 22 газетах и журналах и количество написанных мною статей (преимущественно экономических и статистических) давно превышает 100. Я участвовал в 9 больших коллективных работах, из которых некоторые имели и имеют значительное государственное значение и опубликованию не подлежат. Оттисков отдельных моих статей, брошюр и книг я насчитываю 18, но это только то, что появилось за моим именем и с моего ведома. Чтобы судить о размахе моей работы, достаточно сказать, что, уезжая в СССР, я уничтожил 3000 страниц из числа вещей, которые я не хотел оставлять в чужих, могущих стать враждебными Союзу руках и которые я затруднялся взять с собою⁴. Сожженье рукописей, мучительный опыт Гоголя и Н. Ф. Федорова⁵, мне знаком — должен сказать, что он колоссально тяжок. И вот после такого труда и такого — я думаю, что я вправе не все употребить это слово, — такого творчества, в стране, где это слово звучит из всех громкоговорителей, я уже год не сделал ничего, не написал ничего и не сказал ничего, и даже больше того — нахожусь в положении, при котором, по-видимому, не могу ничего сделать, и особенно по делу, которое считаю делом своей жизни: по борьбе со смертью. Недавно в двух шагах от одной из людных улиц Москвы я наткнулся на свежеприколотого человека и я был в положении, когда

даже в таком прямом случае не мог не только помочь, но даже остановиться, и прошел мимо.

Я думаю, что Вы, Алексей Максимович, очень много сделали на пути этой борьбы. Постороннему глазу это не видно, но Ваш анализ, непревзойденный по точности и остроте, фигуры Л. Н. Толстого⁶, образ Булычева, Ваши статьи 1928 года о борьбе с природой с цитацией Н. Ф. Федорова⁷ и даже Ваше последнее упоминание этого имени в одной из Ваших книг⁸ — все это вещи большого значения. Поэтому я с особым вниманием следил и слежу за всеми Вашими высказываниями. Это тем более важно сейчас, когда подготовка к мировой войне идет нарастающими темпами. Фашизм действительно готовит гибель мира и человечества. Побойище в Валгалле — вот завершительная цель этой системы. Для себя фашисты видят какого-то спасительного Бальдура⁹, но это никого не обманывает. И вот именно сейчас, мне кажется, необходима настоятельная борьба за жизнь и разоблачение всех личин смерти, появляющихся на основных направлениях нашей современности. То, что сейчас ведется в этой области, совершенно недостаточно. Оно сводится к простейшему рецепту: «отрази фашиста», а чаще даже более простому: «убей его». — Мне кажется, что в этих условиях Ваша позиция, дорогой Алексей Максимович, необычайно сложна и трудна и даже противоречива. Я не могу не вспомнить Л. Н. Толстого, судьбу которого Вы воспроизводите с обратным знаком. Проблема неветшающей жизни была ему ясна, но голоса сказать это у него не хватало. Его отход от искусства и уход в благочестивую публицистику и пресную философию — все это маски, которые он одел на себя перед лицом смерти. — Я думаю, что и Вас, как и Л. Н. Толстого и как многих меньших, мучит тот же вопрос о смерти и о борьбе с ней. Как Л. Н. Толстой на этой стадии своей внутренней борьбы разразился двусмысленным, до сего дня еще не прочитанным «Воскресеньем», так и Ваша публицистика и Ваши последние пьесы исходят из того же импульса. «Егор Булычев» с непередаваемой резкостью для умеющего читать ставит вопрос о том, что стоит религия, которая не спасает от смерти, хотя и обещает такое спасение, а «Достигаев» в своем заключении ставит вопрос: а что дает революция? М<ожет> б<ыть>, она спасет? надо попробовать?.. — Но вот сейчас эти постановки приобретают перед угрозой новой бойни необычайно острый смысл. Ведь в Маньчжурии за 4 года убито до полумиллиона мужчин, не считая женщин и детей, а это даже не рассматривается как война.

Вывод, который напрашивается в этих условиях, таков — больше всего в создавшемся положении виноваты сторонники жизни

и борцы со смертью, ибо никто, как они и они одни должны были думать о результатах своего молчания. Я думаю, что и я слишком слаб и пассивен и слишком долго молчал и молчу, а если говорил и говорю, то в большинстве случаев обиняками. Фашизм в этом отношении только мишень — это только статист и бить по фашизму это значит только подменивать адресата. Ведь ряд лет и коммунизм для многих искренних людей в Европе был таким же статистом, на которого они направляли свою ненависть против действительного врага. — Я думаю, что далее нельзя оставаться в неопределенном и двусмысленном положении. Невозможность нанести удар подлинному врагу ведет лишь к бесплодному раздражению и ожесточению, выливающемуся в бессильной брани, которая никого не убеждает и только смущает. Я по себе знаю, что дальнейшее молчание чревато гибелью, и в первую очередь для самого молчащего. Всякая смерть всегда есть бессознательное убийство и самоубийство; для того, кто вдумывается в нее, это попытка уйти из тупика, гневная ярость скорпиона, безвыходно мечущегося в огненном кольце. Когда я разбираюсь в своих теперешних затруднениях, болезнях и бедствиях, обступивших меня, то в себе самом я вижу это скрытое желанье уйти с поля битвы (хорошо и соблазнительно сказать: ведь я кое-что сделал и уйду под давлением превосходящих сил врага). До 1925 года в Союзе у меня были друзья, с которыми я мог говорить на эти темы, кое-что проектировать и осуществлять. Десять лет я работал и боролся в одиночку. Но вот сейчас весь вопрос заключается именно в этом — можно ли дальше действовать в одиночку? Трагизм этого вопроса заключается в том, что ставить его приходится в стране, строящей новый мир. Трагично то, что никто из строителей социализма не рискует сказать, что без борьбы со смертью нельзя и думать о социализме и что коммунизм не может быть построен без победы над смертью. Поразительно и то, что во всем этом строительстве нет никого, кто бы ясно и понятно сказал, что позиция в отношении смерти есть прежде всего позиция самооценки и оценки того дела, которое делает человек.

Мне думается, что Вы, Алексей Максимович, сейчас единственный человек в Союзе, который прямо и ясно видит врага, с которым надо бороться. Ваша напряженность и острое раздражение, которое прорывается в Ваших статьях, свидетельствует для меня, что Вам трудно бить по манекену. Я думаю, что, может быть, Вам, как и мне, было бы полезно повидаться. — Я не решался говорить и даже думать о встрече с Вами, хотя и Степан Гаврилович Скиталец и Николай Васильевич Устрялов¹⁰ передавали мне о Вашем

внимательном ко мне отношении. Я даже должен был бы поблагодарить Вас за посылку ко мне доктора во время моей болезни, но я не хотел прийти к Вам лишь для формального знакомства, едва ли не в порядке визита. Но сейчас мне думается, такого рода встреча была бы плодотворной, поскольку не только я мог бы почерпнуть от Вас некоторые указания относительно места, где я сделал бы максимум того, что можно сделать, но со своей стороны мог бы познакомить Вас с тем, как и что можно сделать в одиночку на пути столь странном для современного человека¹¹.

Я работаю сейчас на М. Каз. ж. д. в плановом отделе, но не знаю, долго ли буду работать там. Я бы очень просил Вас подтвердить получение этого письма, и если Вы захотите меня видеть, просил бы сообщить, где и когда могла бы состояться наша встреча. В случае чего я мог бы даже поехать к Вам в Крым, если в это лето Вы не думаете жить под Москвою.

Примите мои лучшие пожелания всяческого благополучия и здоровья.

Н. Сетницкий

Р. С. Думаю, что до осени мне можно написать по адресу: Пушкино, Сев. ж. д., 2-ая Домбровская ул., д. № 2.

3/V-36.

ПРИМЕЧАНИЯ

1.

Печатается по А (НИОР РГБ. Ф. 657. К. 10. Ед. хр. 33. Л. 85—87 об.). Впервые: Евразия. 1929. № 24. 4 мая. С. 7—8, а также: *Контекст* 1988. М., 1989. С. 348—349; *Федоров Н. Ф.* Собр. соч.: В 4 т. Т. IV. М., 1999. С. 430—432.

¹ Летом 1900 г. Н. Ф. Федоров во время своего пребывания в Подольске продолжил начатую еще в Асхабаде работу над изложением учения «всеобщего дела» в виде «двенадцати Пасхальных вопросов». В. А. Кожевников помогал Федорову в переписке и систематизации фрагментов «Пасхальных вопросов», а также в подборе *эпиграфов*. Тогда же Н. Ф. Федоровым были написаны «Пояснения к Пасхальным вопросам», называемые в данном письме *Комментариями* (*Федоров Н. Ф.* Т. III. С. 328—342).

² *Протопопов М. А.* Беллетристы новейшей формации. М. Горький. Очерки и рассказы. Т. III. СПб., 1899. *Тан.* Чукотские рассказы. СПб., 1900. *Вересаев В.* Очерки и рассказы. СПб., 1899 // *Русская мысль*. 1900. № 3—4.

³ Цитата из рассказа А. П. Чехова «Сапожник и нечистая сила» (1885).

⁴ В статье «Беллетристы новейшей формации» Протопопов подробно разбирал творчество раннего Горького и писал о двух противоположных идейных тенденци-

я, присутствующих в рассказах писателя: безусловное смирение, граничащее с фатализмом («не кобенясь, против закона не попрешь»), и крайний нигилизм, переходящий во «все позволено» («живи и кобенясь усиленно»). При этом публицист выражал убеждение в том, что эти тенденции разрешатся в благотворном третьем пути и писатель «придет к тому не эффектно, прозаическому, но правильному убеждению, что человеку не подобает ни бездельничать по-босаячки (хотя бы то под сенью Гегеля), ни разбойничать по-босаячки же (хотя бы под сенью Ницше), а подобает ему усердно работать под ферулой многих законов, — и законов природы, и законов общежития, и законов морали» (Русская мысль. 1900. № 3. С. 38; 2-я пагинация).

⁵ Александр Александрович *Киреев* (1833—1910), общественный деятель, публицист, представитель позднего славянофильства. Аким Львович *Вольнский* (наст. фам. Флексер; 1861—1926) — литературный критик, историк и теоретик искусства. В 1889—1899 гг. ведущий сотрудник и идеолог «Северного вестника», считавший основной задачей журнала «борьбу за идеализм»; привлекал к сотрудничеству в журнале представителей русского символизма.

⁶ По мысли Протопопова, «беллетристы новейшей формации» рвут вековую традицию русской словесности и общественной мысли, ведь, несмотря на мировоззренческие споры западников и славянофилов, на различные установки «шестидесятников», «семидесятников» и «людей 40-х годов», их представители «стояли на одной нравственной почве», уважали труды предшественников, чттили преемственность. «Теперь же на наших глазах происходит нечто иное, нас не сменяют, нас упраздняют, а с нами вместе и тех, разумеется, которые имеют общую с нами генеалогию — наших отцов, дедов и прадедов: все мы одинаково повинны в том, что любим ближних, а не дальних. <...> Радищев, например, людям 20, 40, 60 и 70-х гг. совершенно *свой* человек, ближайший единомышленник, тогда как для наших преемников — ближайших в хронологическом смысле, — мы представляемся людьми “чужими”. Смена поколений — процесс естественный и разумный, но не при этом процессе мы присутствуем и даже участвуем теперь», а при том, что рвется связь времен, уничтожается преемственность идей (Русская мысль. 1900. № 3. С. 32—34; 2-я пагинация).

⁷ Цитату из рассказа М. Горького «Проходимец» Федоров дает по статье Протопопова (Там же. С. 40).

⁸ В начале своей статьи Протопопов приводит воображаемый монолог человека «нового поколения», обращенный к «субъективным старичкам» «шестидесятикам и семидесятикам»: «Вы нам чужие <...> Мы смеем жить для себя, смеем думать по-своему, а вы жили и до сих пор учите жить для других и думаете не по своему разуму, а по указке вековых традиций. <...> Человек живет только однажды, не мешайте ему прожить свою жизнь как ему хочется и нравится. Не опутывайте его ума предрассудками, не связывайте его воли никакими правилами; живая человеческая личность выше и дороже всяких правил и норм. Мир принадлежит человеку; я сознаю и чувствую себя человеком, мир принадлежит мне. Надо быть смелым, дерзким, бесстрашным и, главное, — безжалостным. <...> “Ну будет у него белая изба, а из меня лопух будет расти, ну, а дальше?” (Базаров) — умнее этих слов ничего не было сказано» (Там же. С. 31—32).

⁹ Перед цитатой из «Отцов и детей» И. С. Тургенева, после слов «Надо быть смелым, дерзким, бесстрашным и, главное, — безжалостным»: «“Я не хочу счастья и даром, если не буду спокоен за каждого из своих братьев по крови” (Белинский) — глупее этих слов никогда ничего не было сказано» (Там же. С. 31). Резкая характеристика Федоровым высказывания Белинского (как «фразы пошлой, ограниченной») связана с его убеждением в неполноте альтруистической морали, при

которой жертвенность одних оборачивается неизбежным эгоизмом других («антиномии эгоизма и альтуизма» мыслитель противопоставлял принцип высшей, соборной нравственности: «не для себя и не для других, а со всеми и для всех»).

¹⁰ Федоров реагирует на следующее рассуждение Протопопова: «Все мы, при всех наших частных разногласиях, стояли на одной и той же нравственной почве. Униженных и обиженных мы не презирали, а наоборот, в их поддержке и защите усматривали единственную достойную человека цель существования и деятельности. Главную заповедь хорошо выразил наш поэт:

Иди к униженным,
Иди к обиженным.
По их стопам,
Где трудно дышится,
Где горе слышится,
Будь первый там!»

(Русская мысль. 1900. № 3. С. 33, 2-я пагинация). Цитата, приведенная Протопоповым, взята из поэмы Н. А. Некрасова «Кому на Руси жить хорошо?».

¹¹ Мария Григорьевна *Кожевникова* (в девичестве — Тарановская) — мачеха В. А. Кожевникова.

2.

Печатается по А (АГ КГ-п-21-10-1), впервые. В правом верхнем углу красным карандашом помета: «Горностаев».

¹ Анна Васильевна *Кожевникова* (урожд. Андреева) (1864—1949) — вдова В. А. Кожевникова, друга, ученика и первого биографа Н. Ф. Федорова.

² Речь идет о первоначальном варианте работы Горского «Николай Федорович Федоров и современность». В этом варианте она была разбита на две части: первая — биографический очерк, вторая — очерк мировоззрения. Позднее в существенно дополненном и доработанном виде опубликована Сетницким в Харбине под псевдонимом «А. Остромиров»: *Остромиров А. Николай Федорович Федоров и современность*. Вып. 1—4. Харбин, 1928—1933. См. примеч. 3 к п. 10.

³ На основе этих материалов Горский подготовил две работы, которые впоследствии также были опубликованы Сетницким: «Перед лицом смерти. Л. Н. Толстой и Н. Ф. Федоров» (Харбин, 1928; псевд.: А. Горностаев) и «Рай на земле. К идеологии творчества Достоевского. Ф. М. Достоевский и Н. Ф. Федоров» (Харбин, 1929; псевд.: А. Горностаев).

⁴ Два тома сочинений Федорова, подготовленные к печати его учениками В. А. Кожевниковым и Н. П. Петерсоном, вышли в свет в 1906—1913 гг.: *Федоров Н. Ф. Философия Общего Дела*. Т. I. Верный, 1906; Т. II. М., 1913. (Это издание, как и второе харбинское 1928—1930 гг., есть в ЛБГ (ОЛБГ. 175, 177—178). Работа над подготовкой к печати третьего тома была оборвана кончиной обоих издателей. За полгода до смерти Петерсон передал ту часть бумаг Федорова, которая находилась в его распоряжении (в том числе и материалы к III тому «Философии Общего Дела»), своему сыну, лингвисту Михаилу Николаевичу *Петерсону* (1885—1962).

3.

Печатается по А (АГ КГ-п-21-10-2), впервые. В правом верхнем углу красным карандашом помета: «Горностаев».

¹ Упомянутое здесь письмо Горького Горькому не разыскано. По всей видимости, оно затерялось еще в 1920-е гг.: при частых сменах Горским квартиры или при арестах в 1927 и 1929 гг. О его содержании отчасти можно судить по письму А. К. Горского Х. И. Бялику от 2 апреля 1923 г.: «...я написал в течение этой зимы книгу о Н. Ф. Федорове (биография и изложение учения) — для книгоиздательства» «Колос». Теперь удалось завязать сношения с М. Горьким. Он предлагает дать в предпринимаемом им журнале «Беседа» статьи о Достоевском и Федорове, о Толстом и Федорове. А также берется найти издателя для избранной хрестоматии из 3 томов «Философии Общего Дела»» (копия письма любезно предоставлена составителям Х. Бар-Иозеф).

² Статья о Достоевском и Федорове в журнале «Беседа» не была опубликована.

³ Проект опубликовать при посредстве Горького хрестоматию из произведений Федорова не осуществился, однако работа по ее составлению Горским и Сетницким действительно велась. С разрешения и при содействии М. Н. Петерсона были сделаны машинописные подборки материалов к III тому «Философии общего дела», включавшие в себя письма и некоторые статьи Федорова (третий экземпляр машинописной копии ныне хранится в НИОР РГБ в составе личного фонда Н. П. Петерсона). Впоследствии Сетницкий подготовил на основе этих материалов ряд публикаций в эмигрантских изданиях («Евразия», «Версть», «Путь»), а также в сборнике «Вселенское Дело» (Вып. 2, 1934).

⁴ По всей видимости, Горький сообщил Горькому о скором выходе первого номера литературного и научного журнала «Беседа» (Берлин, 1923—1925), организованного по его замыслу и при непосредственном участии.

⁵ Речь идет о большой работе Сетницкого, которая с перерывами писалась ученым в 1920-х — начале 1930-х гг. (окончательное название «Эксплуатация или Регуляция?». В печати появились лишь отдельные ее главы: Капиталистический строй в изображении Н. Ф. Федорова (Известия юридического факультета. Т. 3. Харбин, 1926. С. 9—25); «Эксплоатация» (Там же. Т. 5. Харбин, 1928. С. 215—257); «СССР, Китай и Япония. Начальные пути регуляции» (Там же. Т. 10. Харбин, 1933. С. 187—247). Имеются в ЛБГ (ОЛБГ. 146, 150, 5920).

⁶ Журнал «Беседа», по замыслу Горького, должен был послужить своего рода мостом между западной и русской культурами, знакомя «русских грамотных людей с научно-литературной жизнью Европы» (*Архив Г.* 8. С. 72). Однако помимо произведений зарубежных писателей и ученых и обзоров европейской и американской литературы, в нем широко печатались и произведения русских авторов, как самого Горького, так и А. Блока, А. Белого, Ф. Сологуба, В. Ходасевича, А. Ремизова, В. Лидина и др.

⁷ Повесть поэтессы, прозаика, художницы Елены Гуро (1877—1913) «Бедный рыцарь», над которой она работала в последние годы жизни, в журнале «Беседа» опубликована не была. См.: Гуро Е. Жил на свете рыцарь бедный. Санкт-Петербург, 1999. В предисловии составитель этой книги Евгений Гриневич, в частности, упоминает, что один из «вариантов» текста этого произведения «собирался издать в 1917 г. М. Горький» (С. 9).

4.

Печатается по А (АГ. КГ-п-71-4-2). Впервые: Из истории философско-эстетической мысли 1920—1930-х гг. Вып. 1. Н. А. Сетницкий. М., 2003. С. 366—367.

Датируется по ответному письму (п. 5).

¹ Сетницкий послал Горькому работу «Смертобожничество. Корень ересей, разделений и извращений истинного учения церкви. Догматические очерки. Ч. 1.

Борьба словом» (Харбин, 1926), написанную им в 1925 г. в соавторстве с Горским. Совет послать «Смертобожничество» Горькому дал Сетницкому Горский в письме от 3 июня 1926 г. (FP. I.3.27).

² Здесь Сетницкий, по-видимому, неточен. Судя по печатаемым письмам Горского Горькому и приведенному в комментарии к ним фрагменту письма Горского Бялику, Горский писал для журнала «Беседа» не «Биографию...» Федорова, а статью о Федорове и Достоевском. Впоследствии та же неточность была допущена Сетницким в предисловии к 4-му выпуску работы «Н. Ф. Федоров и современность»: «Несколько слов о происхождении этой работы и ее судьбах: инициатива ее написания принадлежит М. Горькому в годы близости его с журналом “Эпопея”, причем в последней должна была быть напечатана биографического характера статья к 20-летию смерти Н. Ф. Федорова. В 1923 г. соответственная рукопись, содержавшая “Биографию Н. Ф. Федорова”, была послана в редакцию, но, видимо, затерялась (в письме Горькому Сетницкий утверждает, что Горский не решился послать рукопись. — *Ред.*). В дальнейшем были переговоры об опубликовании ее в издательстве З. И. Гржебина отдельной брошюрой. Но и здесь она не дошла до печати по независимым от автора и издательства обстоятельствам» (*Остромиров А. <А. К. Горский>. Николай Федорович Федоров и современность. Вып. 4. Острие мирового кризиса. Харбин, 1933. С. 1.*).

³ В распоряжении Сетницкого находились не рукописи Федорова, а машинописные копии части материалов к III тому «Философии общего дела». Выпустить их отдельным изданием ему не удалось. См. также примеч. 3 к п. 3.

⁴ Речь идет о письме Н. Ф. Федорова к В. А. Кожевникову от 3 июля 1900 г. (п. 1).

⁵ Переиздание I—II томов «Философии общего дела» небольшими выпусками было предпринято Сетницким в 1928 г. Печатание шло на собственные средства ученого. С 1928 по 1930 гг. вышло 3 выпуска (первый — в 1928, второй — в 1929, третий — в 1930 г.), однако из 1200 страниц двухтомного собрания они включили в себя лишь 247 страниц. Продолжить переиздание Сетницкий не смог из-за финансовых трудностей.

⁶ Просьба послать «Смертобожничество» В. И. Иванову в Рим была выражена в письме Горского Сетницкому от 3 июня 1926 г. (FP. I.3.27).

⁷ Борис Иванович *Шманкевич* (1890-е — 1932) и Всеволод Иванович *Шманкевич* (1892—1933) — братья-поэты. Были участниками кружка молодых поэтов, объединявшихся вокруг Вяч. Иванова, членами литературно-философского кружка, основанного Горским. Интересовались идеями Федорова.

5.

Печатается по копии (АГ. ПГ-рл-39-8-2). Оригинал письма — FP. I.3.27. Впервые: *Sborník Národního musea v Praze. Praha, 1963. Vol. VIII. № 4*; см. также: *Контекст 1988. С. 350.*

Ответ на письмо Н. А. Сетницкого, датируемое первой половиной августа 1926 г. (п. 4).

¹ Сетницкий послал Горькому отдельные оттиски своих статей, опубликованных в «Известиях Юридического факультета»: «Капиталистический строй в изображении Н. Ф. Федорова» («Известия Юридического факультета». Т. 3. Харбин, 1926. С. 9—25) и «Русские мыслители о Китае (В. С. Соловьев и Н. Ф. Федоров)» (Там же. С. 191—222). Экземпляры обеих брошюр с пометами Горького хранятся в ЛБГ (ОЛБГ. 147, 150).

² После неудачного опыта с журналом «Беседа», издававшимся в Берлине, не допущенным в Россию и в 1925 г. прекратившим свое существование, Горький в течение 1925—1926 гг. предпринимает попытки создать новый журнал в России «Собеседник»; в нем, за счет закрытия беллетристического отдела, предполагалось полное освещать новейшие открытия в науке и искусстве и широко информировать о них русского и зарубежного читателя (См. ст. М. А. Сергеева «Об одном замысле А. М. Горького (Воспоминания)» // Труды по русской и славянской филологии. Тарту, 1956. Т. VIII. С. 201—210; а также письмо Горького В. Ф. Ходасевичу от 13 августа 1925 г. // Новый журнал (Нью-Йорк). 1952. Кн. 31. С. 205). Планы не осуществились. Позднее, уже в СССР, с 1929 г. под ред. Горького в Москве выходит журнал «Наши достижения». В 1930 г. в напечатанной в этом журнале статье «О женщине» Горький все-таки упоминает имя Н. Ф. Федорова (Наши достижения. 1930. № 3, март).

6.

Печатается по А (АГ. КГ-п-71-4-1), впервые.

Письмо написано на открытке с портретом Н. Ф. Федорова работы Л. О. Пастернака и следующим типографским текстом:

«Портрет кисти худ. Пастернака — находящийся в Каталожном зале библиотеки Румянцевского Музея.

“Первым делом вопрос — кто этот мыслитель, мысли которого Вы передали? Если можете, то сообщите его настоящее имя. Он слишком заинтересовал меня. По крайней мере сообщите хоть что-нибудь о нем подробнее как о лице... Затем скажу, что в сущности совершенно согласен с этими мыслями. Их я прочел как бы за свои” (Из письма Ф. М. Достоевского Н. П. Петерсону — 1874 год)».

Открытка с портретом Федорова была выпущена Н. А. Сетницким в Харбине в 1926 г.

Под портретом Федорова был приведен фрагмент письма Ф. М. Достоевского Н. П. Петерсону от 24 марта 1878 г., содержавшего отклик на изложение идей Федорова, присланное писателю Петерсоном в конце 1877 г. («1874 г.» на открытке — ошибка или опечатка).

¹ Речь, по всей видимости, идет о подборке материалов к III тому «Философии общего дела», которую Сетницкий планировал опубликовать в Харбине.

² Портрет Н. Ф. Федорова, воспроизведенный на открытке, был написан Л. О. Пастернаком в 1919 г. по заказу ученой коллегии Румянцевского музея, поэтому в журнале «Весы» (1904) и сборнике «Вселенское Дело» (Вып. I, Одесса, 1914), посвященном памяти Н. Ф. Федорова, напечатан быть не мог. В «Весах» был опубликован рисунок Пастернака с посмертной маски Н. Ф. Федорова (1904, № 1; он же позднее воспроизведен в 1914 г. во «Вселенском Деле»). В том же выпуске «Весов» был напечатан один из карандашных набросков Л. О. Пастернака, сделанный в 1890-е гг. и использованный художником при написании портрета, — вероятно, это и послужило основой ошибки Сетницкого.

7.

Печатается по А (АГ. КГ-п-71-4-10), впервые.

¹ Сетницкий послал Горькому отпечаток первых страниц работы Федорова «Вопрос о братстве, или родстве, о причинах небратского, неродственного, т. е. немир-

ного состояния мира и о средствах к восстановлению родства», набор которой был начат в рамках предпринятого им переиздания первого тома сочинений Федорова. Этот оттиск (*Федоров Н. Ф.* Вопрос о братстве и родстве. б/м, б/г. 38 с.) ныне хранится в ЛБГ (ОЛБГ. 176).

² Это намерение Сетницкого не было осуществлено.

8.

Печатается по КК (АГ. ПГ-рл-39-8-3). Оригинал письма — *FP. I.3.27*. Впервые: *Sborník Národního musea v Praze*, 1963. Vol. VIII. № 4; см. также: *Контекст 1988*. С. 350.

Ответ на письмо Н. А. Сетницкого от 6 февраля 1927 г. (п. 7).

¹ См. след. письмо.

9.

Печатается по А (АГ. КГ-п-71-4-4). Впервые: Из истории философско-эстетической мысли 1920—1930-х гг. Вып. 1. Н. А. Сетницкий. С. 367—368.

Ответ на письмо Горького от 16 марта 1927 г.

¹ В письме от 2 июня 1927 г. О. Форш сообщила Горькому о том, что «брошюра из Харбина» пришла. «Очень благодарю Вас, — писала она. — Идеи Федорова вижу в последних работах наших русских рел<игиозных> философов, но попроще, победнее» (*ЛН*. Т. 70. С. 596). Подробнее см. вступ. ст.

² В целом ряде статей по библиотечному делу («Долг авторов по отношению к публичным библиотекам», «Долг авторский и право Музея-библиотеки» и др.) Н. Ф. Федоров писал о нравственной обязанности всякого автора передавать безвозмездно по одному экземпляру каждой своей новой книги в публичные библиотеки. См.: *Федоров Н. Ф.* Собр. соч. Т. III. С. 223—226, 233—241.

³ В собрании *Fedoroviana Pragensia* хранятся благодарственные письма Н. А. Сетницкому за присылку «Смертобожничества» от библиотеки Британского Музея (Лондон), парижской «*Bibliothèque nationale*», Нью-Йоркской публичной библиотеки (*FP. I.3.29*). Все они датированы июнем—июлем 1926 г.

⁴ Посланный Сетницким экземпляр «Смертобожничества» ныне находится в Отделе русского зарубежья Российской государственной библиотеки.

⁵ О возврате брошюры «Смертобожничество» публичными библиотеками Советской России Н. А. Сетницкий написал Горькому по совету Горского: «...Вы огорчаетесь и возмущаетесь “рекордом хамства” в отношении публичных библиотек. Но в сущности, что это меняет практически, будет или не будет лежать на полках неразрезанная брошюра. Волноваться тут не стоит. Самый же факт обратного получения брошюр можно патетически использовать, напр., обратившись к Горькому, как лишний стимул к тому, чтобы он “не мог молчать”» (А. К. Горский — Н. А. Сетницкому. 31 мая 1927 г. // *FP. I.3.27*).

⁶ Речь идет о полемике по вопросу об интерпретации статьи К. Маркса «Критические сочинения против французского материализма», которая разгорелась в марксистских философских кругах в 1926 г. В ходе полемики И. Луппол, возражая З. Цейтлину, своему оппоненту, упрекнул его за «союз» с П. Иваницким, бывшим главой течения биокосмистов: «П. Иваницкий, как известно, в соответствующих кругах, “материалист” типа Н. Ф. Федорова. Не так давно он выступал (а может

быть, и сейчас выступает) с тремя лозунгами: 1) завоевание Космоса, 2) воскрешение мертвых и 3) вызывание дождя. Поздравляем т. Цейтлина с новым союзником. З. Цейтлина и П. Иваницкого сближают имеющиеся у обоих черты вульгарного материализма» (*Луппол И. О синице, которая не загла моря // Под знаменем марксизма. 1926. № 11. С. 221*). Это было *единственное* упоминание о Федорове в марксистской печати 1920-х гг. и ни о каком пробуждении интереса к его идеям отнюдь не свидетельствовало.

10.

Печатается по А (АГ. КГ-п-71-4-3), впервые.

¹ О работе Горского «Николай Федорович Федоров и современность», выросшей из «Биографии Н. Ф. Федорова», см. примеч. 2 к п. 2.

² Текст работы Горского в течение 1926—1927 гг. пересылался Сетницкому в Харбин частями в письмах В. Н. Миронович-Кузнецовой, переписывавшей его набело. В письме Сетницкому от 11 мая 1927 г. Горский сообщал ему из Ленинграда: «Биография, как Вам известно, кончена и теперь остановка не за мной, а за Верой Никандровной, которая на днях прислала письмо, извещая, что переписка идет на всех парах и к концу мая Вы будете иметь все» (*FP. I.3.27*). Однако и после этого срока Горский продолжал делать вставки и поправки к тексту работы, посылая их Сетницкому и в собственных письмах, и через В. Н. Миронович-Кузнецову.

³ Намерение Сетницкого издать работу Горского отдельной книгой вскоре было оставлено — Горский, понимавший, что в финансовом отношении осилить издание такой рукописи Сетницкому будет не под силу, посоветовал разбить работу на несколько выпусков (письмо Горского Сетницкому от 5—8 декабря 1927 // *FP. I.3.27*). Первые два выпуска: «Николай Федорович Федоров. 1828—1903—1928. Биография» и «Проектivism и борьба со смертью. Богословие общего дела» вышла в свет в 1928 г., однако далее печатание было приостановлено из-за материальных трудностей: третий выпуск («Организация мировоздействия») появился только в 1932 г., четвертый («Острые мирового кризиса») — в 1933 г. Все выпуски есть в ЛБГ (ОЛБГ. 120, 121).

⁴ Что ответил Горький на это предложение Сетницкого и ответил ли вообще, мы не знаем. Предисловия к работе Горского он не написал.

⁵ Речь идет о ссылке Горского на предисловие Горького к переводу книги Л. П. Локнера «Генри Форд и его корабль мира» (Л., 1925), данной в завершающей части работы «Н. Ф. Федоров и современность» — «Острые мирового кризиса». В марте 1928 г. Горский, сообщая Сетницкому о своем намерении сделать дополнительные вставки в эту часть работы о Федорове, писал: «Вообще же очень кстати для нас, что этот вопрос (о разоружении. — *Ред.*) опять выплыл на свет, как в 1898 году, и несомненно вызовет литературную и теоретическую полемику, в которую и мы должны впутаться, пользуясь Горьким, Роменом Ролланом <...>, Уэллсом и др.». Далее Горский сообщал о своем намерении сразу же по возвращении Горького в Советскую Россию встретиться с ним и «навести» его «на тему о разоружении», чтобы «уже через него действовать на умы наших дипломатов и пр.» (*FP. I.3.27*). См. вступ. статью.

11.

Печатается по А (АГ. КГ-п-71-4-5), впервые.

Печатается по А (АГ. КГ-п-71-4-6), впервые.

¹ Речь идет об издании: *Горностаев А.* Лицо эры. Харбин, 1928. Книжка, выпущенная на средства Сетницкого, была послана Горькому по его собственной инициативе: Горский тогда еще не знал, что книга уже вышла из печати. Более того, узнав об этом шаге, писал Сетницкому, что «Лицо Эры» послано было «напрасно», так как некоторые резкости смысла и стиля могут «отпугнуть» писателя (Горский — Сетницкому, 26 марта 1928 г. // *FP.* I.3.27).

² В настоящее время установлено, что Федоров родился в 1829 г. См. вступ. ст.

³ Сетницкий послал Горькому сокращенный текст работы Горского «Перед лицом смерти: Лев Толстой и Н. Ф. Федоров», опубликованный им в харбинской газете «Новости жизни» (1928. № 20—22). Полный текст работы вскоре был выпущен отдельной брошюрой: *Горностаев А.* Перед лицом смерти. Л. Н. Толстой и Н. Ф. Федоров. Харбин, 1928. Экземпляр брошюры, также позднее присланный Сетницким Горькому, с дарственной надписью: «А. М. Пешкову», находится в ЛБГ (ОЛБГ. 3017, вырезку из газеты «Новости жизни» см.: АГ. ГЖВ-4-12-16).

⁴ Горский, действительно, намеревался написать книгу о Толстом, но исполнить свой план не успел: в январе 1929 г. он был арестован.

⁵ См. вступ. ст.

Печатается по А (АГ. КГ-п-71-4-7), впервые.

¹ Следует читать: Екатерине Павловне <Пешковой>.

² Сетницкий послал Горькому первый и второй выпуски работы Горского «Николай Федорович Федоров и современность». Оба выпуска (так же как третий и четвертый выпуски) хранятся в ЛБГ (ОЛБГ. 120—121). На первом выпуске дарственная надпись: «Алексею Максимовичу Горькому посылается по просьбе автора», на 2—4 выпусках имеются пометы писателя.

³ См. примеч. 5 к п. 3.

⁴ Из третьего тома «Философии общего дела» // *Путь.* Париж, 1928. № 10. С. 3—42. Публикация, содержащая статьи, заметки и некоторые письма Федорова (о христианском календаре, о церковной росписи, об обывденных храмах, о школах-храмах и др.), была подготовлена для журнала Сетницким.

⁵ Речь идет о журналах «Собеседник» и «Наши достижения» (см. примеч. 2 к п. 5).

⁶ См. примеч. 3 к п. 12.

⁷ Сведения об этом Сетницкий получил от Горского.

⁸ Сетницкий вскоре сообщил Горькому о своем обращении к Горькому с указанной просьбой. При этом философ покаялся другу, что тон его письма был несколько раздражен и «сварлив» (хотя, справедливости ради, стоит отметить, что, на самом деле, внутренняя досада на молчание Горького о Федорове, в сущности, никак не проявилась внешне и в целом письмо Горькому было выдержано в достаточно спокойном тоне). Горский, летом 1928 г. вступивший в личный контакт с Горьким,отреагировал весьма негативно: «...какой леший дернул Вас послать “сварливое письмо” Горькому? После того, как мы условились, согласились, решили и постановили придерживаться в этом отношении определенной тактики (сноситься только чрез секретаря) (это решение могло быть принято при встрече друзей

в мае или в начале июля 1928 г., когда Сетницкий проезжал через Москву во время своей командировки в Западную Европу. — *Ред.*), Вы вдруг грубо нарушаете это совершенно произвольным и ни с какой стороны неоправданным жестом. Он взрывчат и разрушителен в трех смыслах — 1) по отношению к самому А. М. П. — которого положение очень трудно и внутренне и внешне и надо просто иметь к нему минимум человеческого сочувствия — и если этого нет, просто — отойти; 2) по отношению ко мне, так как речь шла о моей статье и этим Вы теперь закрыли дорогу дальнейшим планам и видам в отношении журнала, для коего и без этой роковой статьи было бы вдоволь материала и вообще теперь уже мне как-то неудобно поддерживать возникшие отношения — 3) самое главное, Вы по отношению к себе лично подобными жестами — воспроизводите пресловутый двойной удар жезлом по скале Моисея, закрывший ему вход — в землю обетованную. Подобные жесты делал и Федоров в отношении Толстого и Соловьева — и все это совершенно не образец для подражания, — ничем он так себе и им не напортил, как этим» (*ФР.* I.3.27).

⁹ Об интересе М. М. Пришвина к идеям Федорова Сетницкий мог знать от Горького, который близко общался с писателем. Горький также был об этом осведомлен (его обмен письмами с Пришвиным по поводу Федорова см.: *ЛН.* Т. 70. С. 335—336). См. также: *Семенова С. Г.* «Жизнь, пробивающая себе путь к вечности...» (Михаил Пришвин — мыслитель) // *Семенова С. Г.* Русская поэзия и проза 1920—1930-х годов. Поэтика — видение мира — философия. С. 428—470.

14.

Печатается по А (*АГ.* КГ-п-71-4-8), впервые.

¹ *Сетницкий Н. А.* О конечном идеале. Харбин, 1932. Именной экземпляр книги с пометами Горького хранится в *ЛБГ (ОЛГБ.* 148).

² В сентябре 1931 г. Япония начала оккупацию Маньчжурии. 6 февраля 1932 г. японские войска вступили в Харбин, и 1 марта того же года было создано марионеточное, «буферное» государство Маньчжоу-Го, фактически находившееся в полной зависимости от Японии. С этого времени японские власти вели политику планомерного притеснения русских, и особенно тех, кто имел советское гражданство. Была ужесточена цензура в отношении корреспонденции и других почтовых отправлений, входящих и исходящих из страны.

³ Михаил Николаевич *Покровский* (1868—1932) — историк, государственный деятель, с 1918 г. — зам. Наркома просвещения, с 1922 г. — руководитель Централархива. Заведовал Коммунистической академией, Институтом истории, Институтом красной профессуры, был редактором журналов «Красный архив», «Борьба классов» и др.

15.

Печатается по *ЧА (ФР.* I.3.30). Впервые: Из истории философско-эстетической мысли 1920—1930-х гг. Вып. 1. Н. А. Сетницкий. С. 368—374.

Черновое письмо Горькому написано на оборотной стороне бланков Экономического бюро КВЖД. Начало письма не сохранилось.

¹ В работе «СССР, Китай и Япония (Начальные пути регуляции)» Сетницкий посвятил целую главу истории постановки вопроса об искусственном дождевании в Советской России 1920 — начала 1930-х гг.: касался «Плана капитального строи-

тельства в СССР», где прямо говорилось о борьбе «с языком пустыни», о предотвращении той тенденции обезлесивания и иссыхания плодородных земель Юга России, на опасность которой в последней трети XIX в. указывали В. В. Докучаев, А. С. Ермолов, В. С. Соловьев, Н. Ф. Федоров; говорил о программе «восстановления и сооружения ирригационных систем Туркестана, Поволжья и Украины», выдвинутой в первом пятилетнем плане, разбирал публикации по проблеме дождевания, упоминал «Всесоюзное Совещание по искусственному дождеванию, положившее начало широкому развертыванию научно-исследовательских и опытных работ, осуществление которых должно привести», по мысли Сетницкого, «к величайшей победе — к плановому воздействию на стихийные силы природы»; излагал историю создания в Москве в 1932 г. Института искусственного дождя, организованного по постановлению НКЗема СССР при Гидрометеорологическом Комитете СССР (*Сетницкий Н. А. СССР, Китай и Япония (Начальные пути регуляции) // Известия Юридического факультета. Т. 10. Харбин, 1933. С. 198—207.*)

² Здесь и ниже Сетницкий рассказывает о деятельности по разработке идей Федорова в свете современности, которая велась им в 1923—1925 гг. в Москве совместно с А. К. Горским, В. Н. Муравьевым, П. И. Иваницким.

³ Можно предположить, что такая широкомасштабная перспектива была выдвинута В. Н. Муравьевым (см. примеч. 11): она же присутствует в его книге «Овладевание временем» и работе «Культура будущего».

⁴ Павел Иванович *Иваницкий* (1885—?) — публицист. В 1905—1907 гг. состоял в партии эсеров, за участие в политической деятельности подвергся высылке в Вологодскую область. После ссылки окончил Московский университет, преподавал в Московской военной монархической гимназии Сергиевско-Пантелеевского братства. В 1922 г. — один из активных участников движения биокосмистов, печатался в журнале «Креаторий биокосмистов». С 1923 г. занимался проблемой искусственного дождевания. Работал в институте прикладной минералогии. Арестован в 1930 г., приговорен к трем годам лагерей. В Москву вернулся в 1933 г. Далее след его теряется.

⁵ *Иваницкий П. И. Искусственное вызывание дождя и управление погодой посредством регуляции атмосферного и земного электричества. М., 1925.*

⁶ Статья Сетницкого под таким названием неизвестна.

⁷ Речь идет о статье Горького «Еще о механических гражданах» (см. вступ. ст.).

⁸ Имеется в виду высказывание М. И. Калинина из его речи от 11 декабря 1928 г. на четвертой сессии ЦИК Союза ССР IV созыва (см. вступ. ст.).

⁹ Речь идет о заметке Горского «Н. Ф. Федоров» (*Известия. 1928. 28 дек.*). См. вступ. ст.

¹⁰ Об аресте Горского см. вступ. ст.

¹¹ Речь идет о философе, общественном деятеле, публицисте, последователе идей Федорова Валериане Николаевиче Муравьеве (1885—1930). В. Н. Муравьев был репрессирован 29 октября 1929 г., а уже 10 ноября осужден Особым совещанием на трехлетнее заключение в исправительно-трудовой лагерь. Точное место и дата его смерти пока не установлены. Материалы к истории ареста Муравьева см. в публикации В. Г. Макарова: *Макаров В. Г. В. Н. Муравьев. Очеловеченное время // Вопросы философии. 2002. № 4. С. 100—128.*

¹² Сетницкий и Горский виделись в середине мая 1928 г., когда Николай Александрович проезжал через Москву во время своей служебной поездки в Европу.

¹³ См. примеч. 1.

¹⁴ Во второй половине 1920-х гг. Сетницкий серьезно занимался проблемами использования в пищевой промышленности культуры сои. В 1930 г. в Харбине вы-

шла его книга «Соевые бобы на мировом рынке», имевшая широкий научный резонанс как в Советской России, так и за рубежом.

¹⁵ Этот проект был изложен Сетницким в работе «СССР, Китай и Япония (Начальные пути регуляции)» (см.: Известия Юридического факультета. Т. 10. С. 200—203).

¹⁶ См. примеч. 2 к п. 14.

¹⁷ Здесь Сетницкий высказывает мысль, неоднократно проводившуюся Горским: философ считал, что и Первая мировая война 1914 г., и революция 1917 г. по какому-то высшему, метафизическому счету явились следствием того, что идеи Федорова, интерес к которым в 1910-е гг. был столь силен, так и не были положены в главу угла исторического и духовного развития России.

16.

Печатается по А (АГ. КГ-п-71-4-9). Впервые: Из истории философско-эстетической мысли 1920—1930-х гг. Вып. 1. Н. А. Сетницкий. С. 375—377.

Данное письмо Сетницкого Горькому отчасти вбирает в себя темы предыдущего, неотправленного письма 1932 г. (п. 15), однако освещает их нейтральнее, в цензурно приемлемой форме.

¹ Первый Всесоюзный съезд советских писателей проходил в Москве с 17 августа по 1 сентября 1934 г. См.: Первый Всесоюзный съезд советских писателей. Стенографический отчет. М., 1934.

² Книга «О конечном идеале» была послана Сетницким Горькому в начале мая 1932 г. (см. п. 14). Вопрос о роли искусства в деле преображения мира, о его месте в ряду других сфер человеческой деятельности (наука, техника), взаимоотношениях с религией, призванной одушевить его высшей целью и высшей задачей, разбирается в ее первой части — в главе «Источники учения об эсхатологическом идеале».

³ Речь идет о статьях Горького «Еще о механических гражданах» и «О женщине»: последняя статья вошла в первое (М., 1931) и второе (1933) издания его сборника «Публицистические статьи». В указанной статье, касаясь вопроса о месте женщины в капиталистическом обществе, Горький приводил выдержку из работы Н. Ф. Федорова «Выставка 1889 года...», отметив при этом в подстрочном примечании, что цитирует по брошюре Н. А. Сетницкого «Капиталистический строй в изображении Н. Ф. Федорова» (Г-30. Т. 25. С. 161—162).

⁴ Этот вопрос был поднят в серии статей А. К. Горского, Н. А. Сетницкого и В. Н. Муравьева, напечатанных в 1925 г. в журнале «Октябрь мысли», а также в книге В. Н. Муравьева «Овладение временем как основная задача организации труда» (М., 1925).

⁵ Подобную же точку зрения Н. А. Сетницкий стремился провести в работе «СССР, Китай и Япония (Начальные пути регуляции)», где был выдвинут проект возможного сотрудничества этих стран в области регуляции атмосферы, в частности — ирригации и борьбы с тихоокеанским муссоном. Однако, представляя федоровские идеи чуть ли не лозунгами социалистического строительства, он сознательно выдавал желаемое за действительное, надеясь таким весьма уязвимым путем сделать их общепризнанными. Ученый полностью отдавал себе отчет в том, насколько «не дотягивали» лозунги плановой экономики и «борьбы с природой», поставленные на очередь социалистического строительства, до идеи истинного, разумно-творческого, богочеловеческого преображения мира, выдвинутой в философии Федорова. Еще в статье «Эксплоатация», критикуя «зооморфную», основанную на тотальной эксплуатации (и человеком природы, и человеком человека) ка-

питалистическую систему, он высказывал не меньше упреков в адрес системы социалистической, которая, по его мысли, есть лишь система ограниченной эксплуатации, где это право с отдельного человека перенесено на все общество, на коллектив, а отношение к природным ресурсам остается столь же хищническим, как и при капитализме, пожалуй, даже усугубляется необдуманными, ультрарадикальными проектами, способными привести ко все большему «расстройству природного процесса, к истощению ресурсов и потере возможности поддерживать жизнь» (*Сетницкий Н. А. Эксплоатация // Известия Юридического факультета. Т. 5. С. 256, 257*).

⁶ См. вступ. ст.

⁷ См. примеч. 11 к п. 15.

⁸ Речь идет о знаменитом эпизоде, имевшем место в 1880-х гг. и описанном в одной из заметок Федорова о Толстом: на одном из заседаний Психологического общества при Московском университете Толстой излагал идеи Федорова и «на обычное возражение, как же уместятся на земле воскресенные поколения», отвечал: «Царство знания и управления не ограничено землею», «чем вызвал неудержимый смех всех присутствующих» (*Федоров Н. Ф. Т. IV. С. 46*). Этот эпизод в своей работе «Перед лицом смерти. Л. Н. Толстой и Н. Ф. Федоров» привел Горский, сопроводив его собственным комментарием.

⁹ Об истории идейных и творческих взаимоотношений Соловьева и Федорова Горский должен был «знать» из работы Сетницкого «Русские мыслители о Китае: В. С. Соловьев и Н. Ф. Федоров», посланной ему Сетницким в 1926 г.

¹⁰ См. п. 1.

¹¹ Это высказывание — очередная настройка Сетницкого «на волну» адресата. В поддержке идей Федорова религиозными философами и богословами он был заинтересован не меньше, чем в продвижении его идей в Советскую Россию. Регулярно посылал Н. А. Бердяеву, С. Н. Булгакову, В. Н. Ильину, Н. О. Лосскому и др. харбинские издания, как лично, так и через К. А. Чхеидзе, отслеживал все отклики и рецензии, прилагал максимум усилий к пробуждению внимания к учению «всеобщего дела» в религиозно-философских кругах русской эмиграции. Об отношении к Федорову Н. А. Бердяева и С. Н. Булгакова см.: *Семенова С. Г. Учение Н. Ф. Федорова в оценках русских религиозных философов и богословов // Семенова С. Г. Тайны Царствия Небесного. М., 1994. С. 325—333*.

¹² Пытался ли Горский разыскать Горского или нет, неизвестно.

¹³ Все эти переводы, кроме чешского, были организованы Сетницким, чешский перевод организовал К. А. Чхеидзе. На японском и чешском языках работа Горского вышла в свет, английский и немецкий переводы опубликованы не были.

¹⁴ Об этом отъезде литературоведа Николая Калининвича *Гудзия* (1887—1965), тогдашнего председателя литературной секции ГАХН, высказанном во время доклада Горского о Федорове и Толстом, состоявшегося в начале февраля 1928 г., Горский писал Сетницкому 4 (17) февраля 1928 г. (*FP. I.3.27*).

¹⁵ См. примеч. 4 к п. 12.

17.

Печатается по *ЧА (АГ. ПГ-рл-39-8-1)*. Полностью печатается впервые.

По всей вероятности, данный текст представляет собой набросок ответа Горского на письмо Сетницкого от 29 октября 1934 г.

¹ Так в оригинале.

² Постановление Совнаркома СССР о реорганизации Государственного Института экспериментальной медицины Наркомздрава СССР во Всесоюзный Институт

экспериментальной медицины при Совнаркомом СССР (ВИЭМ) было принято 15 октября 1932 г. (См.: Правда. 1932. № 287. 16 окт.).

³ А. Д. Сперанский (1888—1961) — известный физиолог, академик.

⁴ Вероятно, имеется в виду книга: *Сперанский А. Д.* Элементы построения теории медицины. М.; Л.: Изд-во ВИЭМ, 343 с. Вышла в начале 1935 г.

18.

Печатается по А (Московский архив А. К. Горского и Н. А. Сетницкого). Впервые: *Горский А. К., Сетницкий Н. А.* Соч. М., 1995. С. 406—410, а также: Из истории философско-эстетической мысли 1920—1930-х гг. Вып. 1. Н. А. Сетницкий. С. 377—381.

Об обстоятельствах написания последнего, неотправленного письма Е. Н. Берковская, дочь Н. А. Сетницкого, сообщала следующее: «В июне 1935 года Николай Александрович вернулся в Москву, где тотчас же погрузился в сложности московской жизни. Сразу по приезде он тяжело заболел миокардитом и вынужден был лечь в больницу. Квартиры не было. Пришлось снять 2 комнаты в дачном доме в Пушкине <...>. Работать пришлось экономистом на Казанской железной дороге с мизерным окладом. Ежедневные поездки на электричке, неустроенность быта, а главное полная невозможность заниматься своей работой. Старых близких друзей не было: одни умерли, другие рассеяны по лагерям и ссылкам. Все это вызывало тяжелейший душевный разлад <...>. Все время его угнетал вопрос о практической невозможности в какой бы то ни было форме продвинуть идеи Федорова в жизнь. В связи с этим он решил обратиться с письмом к А. М. Горькому, так как попытки увидеться с Горьким, не один раз предпринимавшие Николаем Александровичем, не увенчались успехом. В письме он излагал все свои соображения. Месяц носил письмо с собою, колебался — посылать или нет, надеялся на встречу, но Горький умер» (*Берковская Е. Н.* Н. А. Сетницкий // Московский архив А. К. Горского и Н. А. Сетницкого).

¹ Летом 1935 г. Сетницкий тяжело заболел и почти месяц пробыл в больнице. Вероятно, кто-то из общих знакомых Сетницкого и Горького (может быть, С. Г. Скиталец) сообщил писателю о болезни Николая Александровича, в результате чего Горьким и был прислан к нему врач. Возможно, и в больницу его удалось поместить благодаря хлопотам Горького (сообщено Е. Н. Берковской).

² Было: «столкновения».

³ Было: «в 20 году».

⁴ В 1933—1935 гг. Сетницкий переправил большую часть материалов своего харбинского архива в Литературный архив Чехословацкого национального музея для хранения их в собрании *Fedoroviana Pragensia*. Вероятно, перед отъездом из Харбина в Советскую Россию философ уничтожил все, что не было отправлено в Прагу. Московский архив А. К. Горского и Н. А. Сетницкого содержит очень немного материалов харбинского периода жизни Николая Александровича.

⁵ Среди материалов к III тому «Философии общего дела», находившихся в распоряжении Н. А. Сетницкого, было и черновое письмо Федорова В. А. Кожевникову (датированное временем после 11 августа 1903 г.), в котором философ упоминал о сожжении некоторых своих рукописей, имевшем место в Воскресенске летом того же года. Подробнее об этом эпизоде см.: *Федоров Н. Ф.* Собр. соч. Дополнения. Комментарии к Т. IV. М., 2000. С. 409—410.

⁶ Речь идет об очерке М. Горького «Лев Толстой» (1923), одна из центральных тем которого — отношение Л. Н. Толстого к смерти. Толстой, по словам Горького,

«с величайшим напряжением всех сил духа своего, одиноко всматривается в “самое главное” — в смерть» (Горький. *Сочинения*. Т. 16. С. 291).

⁷ Сетницкий имеет в виду статью Горького «Еще о механических гражданах».

⁸ См. примеч. 3 к п. 16.

⁹ При характеристике фашизма Сетницкий пользуется образами германо-скандинавской мифологии. *Лобоище в Вальгалле* — светлом обиталище богов-асов — в эсхатологической концепции древних скандинавов знаменует гибель мира. *Бальдур (Бальдр)* — один из богов-асов, убитый в результате козней коварного Локи, но оживающий в новом мире, который должен возникнуть после гибели старого.

¹⁰ Степан Гаврилович *Скиталец* (настоящая фамилия — Петров) (1869—1941) — писатель-«знаньевец», друг Горького. С Сетницким познакомился в Харбине, где жил эмигрантом до 1934 г., после чего вернулся в Советскую Россию. Николай Васильевич *Устрялов* (1890—1937) — философ и правовед, один из лидеров движения сменовеховства. С 1920 по 1935 гг. жил в Харбине, преподавал на Юридическом факультете, был директором библиотеки при КВЖД. В мае 1935 г. вместе с Сетницким вернулся в Советскую Россию. В 1937 — арестован и расстрелян.

¹¹ Встреча Горького с Сетницким не состоялась.

ГОРЬКИЙ и Л. АВЕРБАХ

НЕИЗВЕСТНАЯ ПЕРЕПИСКА

*Вступительная статья, подготовка текста и примечания
О. В. Быстровой*

В настоящее время в Архиве Горького хранятся 30 писем Горького Авербаху и 45 писем Авербаха Горькому, охватывающие период с 1928 по 1935 гг. Несмотря на кажущуюся многочисленность, тем не менее, приходится констатировать отсутствие некоторых писем в коллекции. Отчасти это может быть связано с «разбросанностью» архива Авербаха по разным собраниям документов¹.

Переписка Горького и Авербаха особенно интенсивной была в 1932—1934 гг., когда обоих связывали общие дела по изданию альманахов литературных серий: «Год шестнадцатый», «Год семнадцатый» и т. д., «История фабрик и заводов» и др. Переписка каждого отдельно взятого года свидетельствует о неизменном интересе каждого по отношению к другому и твердой уверенности в поддержке. Горького и Авербаха связывали не просто дружеские отношения, в первую очередь, это были отношения учителя и впитывающего в себя опыт ученика. Взаимоотношения этих двух людей давно требуют внимательного изучения, об этом писали в отечественном и зарубежном литературоведении: достаточно сослаться на работы С. Шешукова², Н. Примочкиной³, М. Никё⁴ и др.

Биография Авербаха была типична для революционного времени: родился в 1903 г. в семье нижегородского купца*. С 1918 года Авербах на комсомольской работе — член ЦК РКСМ первого состава, один из руководителей Коминтерна молодежи**. В 1920 г. Авербах стал ответственным редактором самой первой комсомольской газеты «Юношеская правда».

В октябре 1922 г. ЦК РКСМ принял специальное решение о создании литературной группы, которая объединила бы всех комсомольских писателей. Группа получила название «Молодая гвардия», и в ее состав вошли

---

* По материнской линии Л. Авербах был племянником братьев Свердловых.

** Предположительно, определенную роль в этом сыграл М. Свердлов, который курировал от ЦК ВКП(б) комсомольское движение.

те, кто был связан с журналом «Юный коммунист», — среди них Авербах (член партии с 1920 г.), Ю. Либединский (член партии с 1920 г.), С. Родов (член партии с 1918 г.), Г. Лелевич (член партии с 1917 г.) и др. Задачей группы было объединение писательских сил — результаты бурной деятельности не заставили себя ждать: 7-го декабря 1922 г. была организована литературная группа «Октябрь», а в марте 1923 г. — Московская Ассоциация пролетарских писателей (МАПП), сплотившая, помимо «Октября», молодых писателей литературных групп «Молодая гвардия» и «Рабочая весна».

22 марта 1923 г. ЦК РКСМ предложил создать литературный журнал «Молодая гвардия» и ЦК ВКП(б) был предложен состав редколлегии из 6 человек, в числе которых был А. Воронский, что свидетельствовало об определенных тенденциях будущего журнала. ЦК партии, отклонив кандидатуру Воронского, утвердил редколлегию в составе Л. Авербаха, Е. Ярославского, К. Радека, И. Вардина и др. Таким образом, «Молодая гвардия» стала первой ступенью для ее основателей («на литературный пост»).

Возглавляемая Авербахом редколлегия с самого начала не собиралась ни в чем уступать популярной «Красной нови», особенно в деле привлечения всех потенциальных литературных союзников. К сотрудничеству с журналом Авербах привлекал не только тех, кто был «комсомольским» писателем, но и представителей «Кузницы» (В. Казин, А. Гастев, В. Кириллов и др.), ЛЕФа (В. Маяковский, О. Брик, Н. Асеев и др.), «Перевала» (А. Воронский, В. Правдухин и др.). Платформа журнала, в представлении ее главного редактора, была проста: с одной стороны, «оформлять учебную и самостоятельную работу пролетарского юношества, давать ей материал, методически руководить ею», с другой стороны, «стать для юношества компасом в новой обстановке»⁵. По составу авторов и по качеству публикуемых материалов «Молодая гвардия» не уступала журналу Воронского, более того — в журнале принимали участие Н. Бухарин, А. Енукидзе, Л. Каменев, И. Сталин, Л. Троцкий, К. Цеткин и другие партийные руководители. Именно это участие партии на страницах журнала позволило Авербаху выдвинуть программу действия: «Мы считаем РКСМ — художественно-тематическим фундаментом, на котором найдется место и литератору героико-авантюрного романа, и писателю-бытовика, и писателю-психологу, и поэтам всех левых, более или менее коммунистических направлений»⁶.

Несмотря на блестящую перспективу, Авербах уходит из «Молодой гвардии». Видеть в его поступке лишь конъюнктуру предстоящей политической борьбы⁷ — не совсем верно. Здесь уместно говорить о феномене типа революционного агитатора, к которому Авербах (как, впрочем, многие из этого поколения!) относился. У комсомольского поэта А. Жарова (который, кстати, начал писать с благословения Л. Авербаха) есть инте-

ресное наблюдение о своей работе: «Я всегда считал своей обязанностью агитировать за любое мероприятие партии, принимать участие во всех важнейших кампаниях партии и комсомола, будь то борьба за советский червонец, за топливо или за хлеб, за укрепление обороны страны, за фаб-завуч, за гармонию, за мобилизацию на службу комсомола...»⁸. И еще два признания от людей, находившихся по разные стороны баррикад: И. Макарьев в письме Горькому признавался: «Наше поколение (говорю про себя, Леопольда, Кирша, людей, которым сейчас по 30 лет) входило в жизнь, формировалось в полосу военного коммунизма. Время было хорошее, и вообще мы — счастливые люди, что подростками вошли в революцию. Но воспитывались мы несколько, я бы сказал «гуманитарно» (говорю не о школьной учебе, а о жизни). В стране не стоял вопрос о технике. Мы росли как агитаторы, как организаторы, как профессионалы-революционеры. А теперь это сказывается»⁹; Н. Мандельштам в своих воспоминаниях писала о том, что Авербах «был типичнейшим человеком первого революционного десятилетия. Так думали, рассуждали и говорили все адепты новой религии во всех областях. В их речах чувствовался задор — они любили поучать и ошеломлять. Они взяли на себя свержение кумиров, то есть старых ценностных понятий»¹⁰.

Перед главным редактором молодежного журнала Авербахом была поставлена задача — объединить все литературные силы. Опыт работы в «Молодой гвардии» в данном случае лишь доказывал, что такое объединение возможно. А для будущего руководителя РАППа Авербаха никогда не существовало понятия «не получится!» — девизом его поколения было: «Надо сделать!»

Следующим этапом в жизни Авербаха стала работа в ВАПП и руководство журналом «На литературном посту». Он появился здесь как выдвиженец Отдела печати ЦК ВКП(б), взявшего твердый курс на всеохватный контроль над литературой и издательской деятельностью. Этому предшествовали события в большой политике периода 1925—1926 гг.: во-первых, постановление Политбюро ЦК РКП(б) «О политике партии в области художественной литературы» (от 18 июня 1925 г.), во-вторых, 29 марта 1926 года оргбюро ЦК ВКП(б) рассмотрело и утвердило рекомендации Отдела печати «О писательских организациях», первым пунктом которых шел вопрос об образовании специальной комиссии. Задача этой комиссии состояла в разработке и предложении ЦК партии конкретных мер в области объединения всех писательских организаций. Комиссию возглавил С. И. Гусев, в состав вошли Н. Бухарин, А. Воронский, Л. Авербах, А. Луначарский, Г. Деев-Хомяковский, И. Скворцов-Степанов и И. Лазьян. Состав комиссии (о ее деятельности практически ничего неизвестно) свидетельствует о попытке создать Федерацию писателей и ее ориентированности на РАПП¹¹.

При образовании Федерации писателей камнем преткновения оказался А. Воронский со своим журналом «Красная новь». За него повели наступление и те и другие: те — кого объединял журнал «На посту» (т. е. С. Родов, И. Вардин, Г. Лелевич и др.), другие — кто пришел им на смену (Л. Авербах, А. Фадеев и др.). Оппозиционность Воронского раздражала всех. Горький, искренне переживая за журнал «Красная новь», сочувствовал Воронскому. 12 февраля 1925 г. он писал: «Считая позицию “напостовцев” — антиреволюционной, антикультурной... — я глубоко огорчен тем, что Вы ушли из “Кр. Нови”, и уверен, что этот журнал “напостовцы” погубят»¹². И позже, в июне того же года в письме Н. Бухарину он опять будет говорить о вредоносных действиях напостовцев: «Литературная молодежь восхищает меня. Отношение к ней “напостовцев” — дурацкое. Все эти Родовы, Лелевичи, Вардины прежде всего бездарны. Да, видимо, и малограмотны. Не следует затискивать начинающих писателей в угол. Хотя бы и в марксистский. Они уже достаточно революционны в своей органической ненависти к “быту”. Нужно дать им разгрузиться от нее, “не писать” ее и тогда они сами придут к революционному, героическому пафосу, пафосу спокойному, но — беспощадному ко всякой “старинке” в слове и деле»¹³.

Но это была характеристика, данная старому составу, — новых, пришедших им на смену, Горький пока еще не знал. Их тоже раздражала независимость и сильная позиция журнала, тем более что она шла явно вразрез с официальной линией на «единую русскую литературу». С ней необходимо было бороться и Авербах намечает цель: «Воронский Карфаген обязательно должен быть разрушен»¹⁴.

Действия Авербаха Воронскому были понятны: «Во-первых, Авербахи — не случайность. Он из молодых, да ранний. Нам примелькались уже эти фигуры вострых, преуспевающих, всюду поспевающих, неугомонных юношей, самоуверенных и самонадеянных до самозабвения, ни в чем не сомневающих, никогда не ошибающихся... Во-вторых, как-никак Авербахи говорят от имени пролетариата»¹⁵. Намек Воронского был настолько прозрачен, что Горький с тревогой писал ему 24 июня 1926 г.: «За “Бритлинга” Вы, вероятно, получили немало неприятностей...»¹⁶. Переписка Горького с Воронским периода 1926—1927 гг. дает возможность предположить о сформировавшемся мнении об Авербахе у живущего за границей писателя. После окончания расширенного заседания Коллегии Отдела печати ЦК ВКП (б), на котором стоял вопрос о снятии Воронского с поста редактора журнала «Красная новь», последний писал Горькому: «...Сталин, хотя и далеко стоит от дел литературных, но принимает и понимает, что надо учитывать специфичность искусства, а то меня давно сожрали бы разные Авербахи, Никифоровы, Либединские и Нарбуты»¹⁷.

Личное (точнее заочно-личное) знакомство Горького с Авербахом состоялось 3 января 1928 г. Писателю было послано письмо Президиума

Международного Бюро Революционной литературы на бланке Правления ВАПП, в котором его просили «послать протест-телеграмму» против суда над пролетарским писателем И. Бехером и одновременно «приветствие» обвиняемому писателю. У подписавших письмо А. Луначарского, Л. Авербаха и Б. Иллеша было твердое убеждение: «Вы найдете возможным присоединиться к нашему протесту» (см. п. 1). Горький, действительно, откликнулся на просьбу и послал в Лейпциг письмо-протест¹⁸.

Но сложившееся мнение об Авербахе скорее подтверждалось, чем опровергалось; 17 февраля 1928 г. Гладков жалуется Горькому: «С другой стороны, наши шустрые пострелы и казенные писаря из “На лит. посту” невыносимо пустозвонят с репетиловской развязностью о вещах, в которых они ничего не смыслят. Все эти Волины, Зонины, Авербахи, Ермиловы, Фатовы и К°, не имеющие никакого отношения к литературе, изо всех сил лезут в “вожди” и “идеологи” и с апломбом невежд и бесстыдников пророчествуют об “органически гармоническом человеке современности”, о “живом человеке в художественной литературе” и т. п.»¹⁹. Впрочем, Авербах признавался в этом сам тому же Гладкову: «Нас — более молодую часть РАППа можно упрекнуть в недостаточно внимательном отношении к представителям более старших поколений, в недостаточном умении по-особому к ним подходить и с ними считаться, в недостаточном учете того, что более старшие товарищи не проходили комсомольской школы, которая формировала нас и оставила на нас тот отпечаток, который кое в чем может даже раздражать людей Вашего поколения. Число таких упреков — во многом заслуженных и справедливых, может быть легко увеличено. Да, у нас бывало — и еще сейчас, наверно, бывает копирование партийно-комсомольских организаций. Да, тон нашей критики бывает нередко груб, чрезмерно резко, даже дубоват и топорен. Да, мы не всегда находим меру, не всегда правильно распределяем удары и особенно силу ударов, у нас часто не хватает элементарного такта... Во всем этом мы повинны»²⁰.

В мае 1928 г. М. Горький приехал в Россию и именно здесь в его жизнь ворвался Авербах. Этому предшествовала небольшая история. В конце 1927 г. было опубликовано стихотворение И. Н. Молчанова «Свидание», которое вызвало безапелляционное суждение о ненужности его произведений в современной литературе сразу у троих критиков: Авербаха, Безыменского, Маяковского. Горький встал на защиту поэта: «Недавно трое литераторов — Авербах, Безыменский и Маяковский — единодушно спустили собак своего самолюбия на поэта Молчанова, хорошего поэта... Авербах, вероятно, поэт из племени интеллигентов, Маяковский — интеллигент-анархист, Безыменский — сын купца: все трое — люди, не нюхавшие того пороха, которым нанюхался Молчанов. Если эти именитые люди чувствуют себя способными учить и воспитывать младшую братию, они прежде

всего сами должны научиться делать это в формах, не оскорбительных для “учеников”»²¹. Ответ не заставил себя ждать: в десятом номере журнала «На литературном посту» появляется статья Авербаха «Пошлость защищать не надо». И далее в полемику были вовлечены В. Астров²², А. Маширов²³ и В. Киришон²⁴. Весьма характерной была июньская публикация в журнале «Читатель и писатель» шаржа художника Энге, на котором Горький был представлен как ученик, Авербах — наставник.

Развернувшаяся вокруг Горького полемика происходила без ее зачинателя — Авербаха: 27 августа он был командирован в Баку редактором газеты «Бакинский рабочий» и возвращается в Москву лишь в начале октября. А уже в середине октября (т. е. спустя полтора месяца) Горький получает от Авербаха письмо, по тональности полярное майской статье: «После наших разговоров я продолжаю считать необходимым отстаивать свою позицию и о Молчанове и об определении пролетарской литературы, но, по совести говоря, ежели бы я имел возможность, то я бы многое изменил в тоне, за который Вы меня упрекали» (см. п. 3).

Вызывает удивление создававшаяся ситуация: как за столь малый срок, представленный Авербаху (по объективным причинам!), стало возможно «помириться» с Горьким. Но публикации в журнале «На литературном посту», редактором которого Авербах оставался и в дни своей командировки, свидетельствуют именно о примирении и об уважительном отношении к писателю, который может заблуждаться, а попытки Астрова «превратить нас, напостовцев, в бандитов с большой дороги, организующих покушение на жизнь приезжающего Горького»²⁵, отменяются как нелепые.

Возникают и другие вопросы: где и когда могли происходить эти самые «разговоры», и кто был тем человеком, заставившим изменить мнение Горького об Авербахе? Логично предположить, что этим человеком был шурин Авербаха Г. Г. Ягода, тем более что «приехав на родину в 1928 г., он сразу же попал в тесные объятия внешне любезных, услужливых людей из ведомства “товарища и земляка”, которого знал еще по Нижнему Новгороду»²⁶. Пытаясь оградить Горького от чужаков вообще и случайных встреч, Ягода подставляет ему своих — и таким человеком был Л. Л. Авербах.

В данном случае можно говорить о специфике работы наркома внутренних дел Г. Г. Ягоды, которому важно было знать все и обо всех, именно поэтому ему были очень важны доверительные отношения между Авербахом и Горьким. Весьма характерной становится следующая деталь — в письме Горькому от 3 февраля 1932 г. (т. е. спустя четыре года!) он интересуется: «Как Авербах? Правда, ведь Вы изменили свое мнение о нем, я ужасно рад, что Вы при более близком знакомстве с ним изменили свое отношение. Я в этом не ошибся. У него, конечно, много отрицательных сторон. Мы о них с Вами говорили, но парень он способный. Пребывание у Вас

ему много дало, много ему надо работать над собой, и работать систематически, а не так, как до сих пор. Ведь эти “малыши”, поднятые революцией на гребень ее, только сейчас начинают понимать, что багаж у них не совсем полный и что нужно очень много работать над собой. У Авербаха слишком много было самоуверенности, самовлюбленности, нетерпения и некоторой доли бахвальства, и вот этот юноша у меня на глазах менялся, ведь мы с Вами почти не расходились в оценке его еще давно, в 29 году. Я был уверен и знал, что партия наша его здорово помнет и выровняет — так оно и вышло. Способный он человек»²⁷.

А тем временем между Горьким и Авербахом складываются и деловые, и чисто человеческие отношения. Думается, их связывали прежде всего доверительные отношения учителя и ученика, впитывающего в себя колоссальнейший опыт старшего друга. Горький мог высказать свое мнение, прекрасно осознавая, что будет понято именно так, как это требуется: «Окаянная душа, проклятый лысый скворец! — Вы не прочитали рукопись Соколова-Микитова и не дали ее мне, а она сделана крайне небрежно, испещрена повторениями, которые следовало вычеркнуть. Эх, Вы! Нельзя же так небрежничать, чучело!» (см. п. 31). Авербах не боится признаваться в своих сомнениях: «Помнится мы с Вами говорили о том, как трудно работать в литературе. Я это ощущаю особенно сильно. Надо уметь гораздо больше, чем можешь. Хотенья далеко недостаточно!» (см. п. 3).

Горькому импонировала в рапповцах и особенно в Авербахе, молодость, горячая убежденность и, главное, умение «перетягивать» на свою сторону оппонентов. Думается, именно в 1928 г. Горький увидел реальную фигуру, способную своей энергией и волей помочь создать настоящее литературное объединение всех советских писателей: «Мне кажется, что Вам, — Вашей группе — надо взять на себя инициативу организации совещания литераторов-коммунистов — совещания по вопросам текущей действительности. Думаю, что совещание это не должно быть многолюдным и открытым. На нем вырабатывается основная линия, по которой выпрямляются все групповые разномыслия, а затем совещание это организует съезд литераторов» (см. п. 4). Идея Горького нашла горячего сторонника. Это подтверждается и тем, что в октябре 1929 г., когда повсеместно проходила кампания против Пильняка и Замятина, на общем собрании членов ленинградского Отдела ВСП среди многих выступал и Авербах, поднимавший вопрос о реорганизации союза писателей: «Было бы неправильно сводить все вопросы к Замятину и Пильняку. Это частный вопрос, но связанный с общими вопросами. Тут Козаков и Тихонов говорили о реорганизации Союза... Вопрос о переименовании не есть формальный вопрос, это вопрос о методах и содержании работы» и далее: «История с Пильняком и Замятиным не приводит нас к пересмотру наших отношений к попутническим писателям. ЦК перерабатывает резолюцию о литературной политике и в

ней по отношению к попутничеству не будет изменений, наоборот, пролет-писатели должны еще теснее сблизиться с подлинно советскими интеллигентскими писателями... Реорганизация Союза должна идти на основе сближения между попутническими и пролетарскими писателями»²⁸.

Помимо организаторских способностей Горький ценил в молодом критике умение прислушиваться к замечаниям и учиться настоящему литературному делу. «Пишете Вы страшно торопливо, бросая слова на бумагу горстями, как бы не заботясь о том, чтоб Вас легко и сразу понимали, и надеясь, что читатель сам найдет в массе Ваших слов количество, необходимое ему для того, чтоб понять ход Вашей мысли и цель ее. Вам следовало бы научить себя писать гуще, крепче, это достигается экономией слов» (см. п. 26). Это мнение позже он повторит в письме К. Федину: «Авербах — талантливый парень, хороший организатор и хотя чрезмерно тороплив на выводы, но способен учиться...»²⁹.

Тем временем большая политика начинает влиять на судьбу (на первый взгляд всеильного!) Л. Авербаха: согласно постановлению Секретариата ЦК ВКП(б) 6 декабря 1929 г. он был освобожден от редактирования журналов «На литературном посту» и «Вестника иностранной литературы» и направлен в распоряжение Западной области (в Смоленск). Это было связано с проводившейся кампанией против группы Шацкого—Стэна—Ломинадзе; они были все знакомы по совместной работе в начале 1920-х гг. в комсомоле.

Авербах уезжает в Смоленск, где становится ответственным редактором газеты «Рабочий путь» (при его участии вышли № 52 (4 марта) — 178 (28 июля)), при этом фактически оставаясь руководителем РАПП. И группа напостовцев обращается к И. Сталину: 11 июля 1930 г. Ф. Панферов и В. Киршон отправляют официальный запрос: «Мы очень просим отозвать т. Авербаха из Смоленска уже теперь, ибо это даст возможность начать подготовку к расширенному пленуму РАППа и вместе с тем позволит некоторым товарищам продолжать творческую работу»³⁰. Одновременно с этой бумагой в ЦК ВКП(б) была послана записка секретаря фракции РАПП В. Ильенкова: «Уважаемые товарищи! Обострение классово-борьбы на литературном фронте, все более усложняющиеся задачи, которые стоят перед литературой, все повышающиеся требования, предъявляемые справедливо к литературе <...> Фракция Секретариата РАППа просит откомандировать т. Авербаха, работающего в настоящее время в Смоленске, в распоряжение РАППа для литературной работы»³¹. По прямому распоряжению Сталина Авербах был возвращен в Москву. Но отношение к бывшему опальному секретарю стало настороженным.

Горький не мог не осознавать, что стремление Авербаха всегда и везде доказывать свою правоту, его умение ввязываться в словесные баталии может сыграть злую шутку. И тогда он решил заставить Авербаха занять-

ся чисто литературным (редакторским — на первых порах) делом, которое, по мысли Горького, должно было навсегда отвлечь последнего от большой политики и таким образом упрочить положение Авербаха в литературе.

В сентябре 1931 г. Горький начинает претворять в жизнь грандиозный проект создания «Истории фабрик и заводов». Л. Каганович 6 сентября 1931 г. писал Сталину: «История и суть вопроса следующие: накануне П<олитического> Б<юро> Горький мне позвонил о том, что у него есть предложение об издании истории фабрик и заводов. Он просил обсудить вопрос и тут спросил, можно ли ему придти на ПБ. Я ответил согласием. Обещанных материалов Горький не прислал. При обсуждении вопроса ПБ мне пришлось выступить с некоторыми возражениями против установок, которые дал Горький. <...> Во-первых, сама идея издания расплывчата, не определена. Во-вторых, по изложению Горького, это будет по преимуществу история завода в техническом смысле. Причем именно это и служит обоснованием издавать эту историю в научно-техническом издательстве. Редакцию предложил он следующую: Авербах, Александров, Бухарин, Гронский, Горький, Енукидзе, Жига, Вс. Иванов, Кржижановский, Либединский, Леонов, Постышев, Пятаков, Свердлов, Сейфуллина, Тихонов, Чубарь, Чумандрин, Шверник. Уже один этот список является яркой иллюстрацией расплывчатости всей этой истории, а техников здесь меньше всего. <...> Мы одобрили предложение Горького и поручили секретариату сформулировать постановление и составить редакцию, предложенная редакция, конечно, не годится!»³². Сталин поддержал проект Горького и внес свои коррективы³³, не коснувшиеся, впрочем, предложенных Горьким кандидатур писателей и критиков, и Авербах приступает к своим обязанностям заместителя главного редактора серии «История фабрик и заводов», о чем в начале сентября 1932 г. Горький сообщает: «Вы уже утверждены секретарем ред<акции> “Истории фаб<рик> и зав<одов>”» (см. п. 14).

Но именно в это время, в конце 1931 г., РАПП особенно остро начинают раздирать внутренние противоречия между старым составом «На литературном посту» (Л. Авербах, В. Ермилов, А. Фадеев и др.) и новыми членами редакции (Ф. Панферов, В. Ильенков, В. Ставский и др.). В конфликт был вовлечен и Горький. Своей статьей «По поводу одной полемики» он показал, на чьей он стороне³⁴.

Начало 1932 г. свидетельствует о том, что Горький пытается исправить положение, сложившееся вокруг Авербаха. 25 января 1932 г. он пишет из Сорренто Сталину: «За три недели, которые прожил у меня Авербах, я присмотрелся к нему и считаю, что это весьма умный, хорошо одаренный человек, который еще не развернулся как следует и которому надо учиться. Его нужно бы побережь»³⁵. Сообщая о том, что Авербах «очень перегружен работой, у него невроз сердца и отчаянная неврастения на почве

переутомления», Горький просил для него «отпуск на месяца два, до мая?»³⁶. Предполагалось, что в мае начнет свою работу съезд пролетарских писателей СССР и Авербах будет занят организацией работы съезда.

Позже, 24 марта, Горький в письме Сталину вновь возвращается к проблеме внутренних распрей в РАППе: «Пользуясь случаем, разрешаю себе поделиться с Вами впечатлением, которое вызывает у меня полемика группы Панферова—Серафимовича с ведущей группой РАППа <...> В массу рапповцев эта полемика вносит смущение, раздоры и вызывает в ней бесплодную трату времени на исследование вопроса не — “кто прав“, а “за кем идти”»? Именно так формулируют свое настроение молодые писатели в письмах ко мне. Как видите — формулировка, за которую не похвалишь. Бесконечные групповые споры и склоки в среде РАПП, на мой взгляд, крайне вредны, тем более, что мне кажется: в основе их лежат не идеологические, а главным образом личные мотивы»³⁷. Видение проблемы Горьким именно как столкновение учеников и учителей отчасти подтверждается мнением Г. Адамовича, опубликовавшего в декабре 1931 г. в «Последних новостях» статью «Конец Авербаха»: «Воронский был уничтожен, “съеден” в начале этого процесса ожесточенными врагами всякой творческой свободы, усердными и ревностными Молчалиными советского строя. Но интересно, что те же самые “юркие ничтожества” (по характеристике Троцкого), которые съели Воронского, — Авербах и его компания, — сейчас уже сами стали вольнодумцами, еретиками, “бессознательными прислужниками буржуазии”. Сейчас уже им приходится отбиваться и в спорах с группой Безыменского или “Комсомольской правдой” доказывать последние, самые последние азбучные истины. Сейчас уже Авербах оказался защитником литературы и, как ни странно, это действительно так <...> Если и Авербаха ждет участь Воронского, то мы будем свидетелями “конца литературы” в советской России, — по крайней мере, литературы в том смысле, как люди понимали ее до сих пор, т. е. конца творчества и превращения его в обслуживание временных и местных нужд государства или общества»³⁸.

23 апреля 1932 г. было опубликовано постановление Политбюро ЦК ВКП(б) «О перестройке литературно-художественных организаций», в котором вопрос о том, на чьей стороне Политбюро в затянувшемся споре между руководством литературной организации не разрешался, но предлагалась «ликвидация» РАППа. И далее последовала сокрушительная критика как на организацию в целом, так и на ее руководителей и наиболее активных участников. В конце мая В. Киришин с горечью писал И. Сталину и Л. Кагановичу: «тов. Авербах оставлен членом редколлегии “Литературного наследства”, а остальные товарищи — Макарьев, Каравасва, Ермилов, Сутырин, Буачидзе, Шушканов, Либединский, Гидаш, Лузгин, Ясен-

ский, Микитенко, Киршон и др. выведены отовсюду и не входят по этому постановлению ни в одну редакцию»³⁹.

7 мая 1932 г. было принято Постановление Оргбюро ЦК ВКП(б) «О мероприятиях по выполнению постановления Политбюро ЦК ВКП(б) “О перестройке литературно-художественных организаций”»; среди перечня практических мероприятий было утверждение организационного комитета Союза советских писателей (по РСФСР) в составе: «1) Горького (почетный председатель), 2) Гронского (председатель союза и секретарь фракции), 3) Кирпотина (секретарь союза), 4) Фадеева, 5) Панферова, 6) Киршона, 7) Павленко, 8) Серафимовича, 9) ЗамоЙского, 10) Ставского, 11) Березовского, 12) Жига, 13) Билль-Белоцерковского, 14) Чумандрина, 15) Бахметьева, 16) Безыменского, 17) Федина, 18) Тихонова, 19) Малышкина, 20) Асеева, 21) Вс. Иванова, 22) Сейфуллиной, 23) Леонова и 24) Слонимского»⁴⁰. Опыт организаторской работы Авербаха оказался невостребованным. И тем не менее, Горький сумел добиться введения в состав Оргкомитета Авербаха: в июле 1932 г. состоялось организационное собрание Оргкомитета ССП, на котором Горький настоял на своем решении (фамилия Авербаха была вписана красными чернилами в конце напечатанного на машинке списка «Состав Всесоюзного Оргкомитета Всероссийского Союза писателей»⁴¹.

С конца 1932 г. Авербах полностью отдается литературной и редакторской работе. Но парадокс, опыт организаторской работы мешает работе литературной. «Чорт Вас возьми, Леопольд, — пишет Горький. — Вы очень нервничаете и суетитесь! Работая спокойней, Вы дали бы значительно больше и лучше. Вы хорошо прожили 30 лет. Поздравляя Вас, я все-таки хотел бы, чтоб Вам скорее стукнуло 35 или 40, чтоб Вы стали более уверенным в своих силах и глубже оценили Ваши обязанности литератора Союза Советов» (см. п. 26).

Но уход Авербаха с передней линии литературного фронта совершенно не означал, что о нем забыли. После выхода альманаха «Год шестнадцатый» (редакторы М. Горький и Л. Авербах) заведующий отделом культурно-просветительной работы ЦК ВКП(б) А. Стецкий подал докладную о публикации антисоветских материалов в альманахе: «Этот альманах следовало бы задержать. Не сделал я этого только потому, что он вышел как раз в день приезда Горького сюда и это было бы для него весьма неприятным сюрпризом. В альманахе помещено “Заседание о смехе” Масса и Эрдмана, представляющее злобную издевку над нами. Надо добавить, что основой произведения Масса и Эрдмана является некий контрреволюционный анекдот. Такой же издевательский характер имеет и басня тех же авторов “Закон тяготения”. Отвечает за это дело прежде всего Авербах. Это одно из проявлений приспособленчества, от которого он до сих пор не освободился. Авербах и теперь продолжает всюю заниматься политикан-

ством. Почти все писатели коммунисты (за исключением Афиногенова, Киршона, Макарьева) от него отвернулись. Это не мешает ему, цепляясь за авторитет Горького и прикрываясь им, сплачивать вокруг себя беспартийных, чему способствует бездеятельность Оргкомитета и благодушие Гронского»⁴². На эту докладную записку была наложена резолюция Молотова: «Надо Авербаха наказать» и результаты голосования: «Каганович, Сталин, Ворошилов и Орджоникидзе — за»⁴³. Наказали не только Авербаха (ему был объявлен выговор за помещение в альманахе антисоветских материалов), но и Ермилова, и цензора Романовского из Главлита⁴⁴.

Тем временем ЦК ВКП(б) активизирует подготовительную работу к Всесоюзному съезду писателей. 23 сентября 1933 г. в письме И. Макарьеву, находившемуся в Сталинграде, Горький сообщает подробности московской жизни Авербаха. «Леопольд чувствует себя как будто сносно, даже — повышенно и работает за троих. Вовлечен Юдиным в группу критиков, кои должны заняться изучением литературы в целях: определения признаков и смысла реализма дореволюционной литературы, а также признаков — или посылок — к социалистическому реализму советской, текущей литературы. Вам вероятно известно, что предом Оргкома назначен я, несмотря на все мои просьбы не делать этого. И “вот взялся за гуж”. Работать приходится в сущности троем: Леоп<ольд>у, Юдину, мне, я имею в виду организаторскую работу»⁴⁵.

Но судьба Авербаха была предопределена: накануне открытия III (Мартовского) Всесоюзного пленума Оргкомитета ССП Авербах получает новое назначение в Свердловск на партийную работу.

В 1934 г. Горький снова пытается вернуть Авербаха (начавшего, в который раз! партийную карьеру в качестве парторга Уралмаша) в политику большой литературы. «Горький настаивал на проведении Авербаха на съезд писателей от Москвы, но это не вышло», — сообщал 12 августа 1934 г. Каганович Сталину⁴⁶, 30 августа Горький снова обращается с этой же просьбой: «Горький выдвигает в состав Пленума и Президиума Каменева, в Пленум Авербаха», — телеграфируют Каганович и Жданов⁴⁷. Ответ категоричен: «Авербаха не следует вводить»⁴⁸. 1 сентября 1934 г. Политбюро приняло решение «О составе руководящих органов Союза советских писателей», в котором был намечен состав Правления, Президиума и Секретариата ССП с учетом предложений Сталина; фамилии Авербаха в нем нет»⁴⁹.

Находясь в Свердловске, Авербах продолжает заниматься литературой: в 1936 г. вышел сборник под ред. Л. Авербаха «Стахановцы Уралмаша». На титульном листе отсутствует помета, свидетельствующая о том, что это книга серии «История фабрик и заводов», но по своим материалам и составу авторов она, несомненно, принадлежит ей. Тем не менее, в письме Горького 1935 г. ощущается тревога: «...размышляя о том, что сообщили Вы о Ваших занятиях технологией, я подумал: а не полезнее ли будет,

если эти два часа Вы отдадите изучению литературы? Технологию необходимо знать, она — основа мышления, орудие изменения мира. Но Вы, ведь, не решили погасить в себе дарование литератора и намерение вернуться в литературу? Если так, то изучать нужно именно историю литературы, особенно — тех ее враждебных нам течений, которые стремились — стремятся создать эстетически “уютный уголок”, куда могли бы прятаться люди-зрители, люди склонные наблюдать социальные драмы и комедии издали, не вмешиваясь в драку» (см. п. 44). Это было последнее письмо и Авербах должен был прочитать то, что Горький ему оставлял: «За молодежь надо будет драться, а бойцов — мало. Поэтому Вы должны бы воспитывать себя именно для драки в области литературы. В этой области люди, становясь все более сытыми, все меньше и хуже работают. <...> Людей талантливых и влюбленных в свое дело, в литературу — неурожай. Организаторов, воспитателей — не вижу. Вот в чем дело и вот где причина моей непрерывной тревоги. Я многократно говорил Вам, что Ваше дело — литература. Учитесь, Леопольд» (Там же).

Незадолго до смерти Горького (7 июня 1936 г.) Авербах был в Горках, из Москвы он уехал 10 июня, а 18 июня Горького не стало. Авербах потерял и друга, и учителя, и сильного защитника. Спустя месяц, 25 и 26 августа 1936 г., в Союзе писателей заседала партийная группа, обсуждавшая приговор, вынесенный троцкистско-зиновьевскому блоку, и рассматривавшая сигналы в советской печати и с мест: «Из выступлений следует отметить еще речь т. Ильенкова, который отметил, что Авербах, как руководитель РАППа, собрал и воспитал вокруг себя целую группу врагов партии: Макарьев, б[ывший] секретарь РАППа, теперь арестован, Мазнин (арестован), Селивановский (при РАППе редактор «Лит. газет»), Грудская, Троценко — исключены из партии и др.»⁵⁰.

Авербах был арестован 4 апреля 1937 г. Ему инкриминировалось создание троцкистской группы в литературе, связь с врагом народа Г. Ягодой, а также «спаивание» сына М. Горького. Обвинение против Авербаха было серьезным еще и потому, что в свое время, в январе 1924 г., «Правда» опубликовала письмо нескольких членов ЦК и МК РКСМ в поддержку позиции Л. Троцкого. Среди подписавших были Л. Авербах, А. Шохин, Б. Трейвас и др. Открывшаяся 16 января 1924 г. XIII конференция РКП(б) резко осудила троцкистов и соответственно январский Пленум ЦК РКСМ осудил теорию «нейтральности» в борьбе с уклоном внутри РКП(б) и поставил на вид всем подписавшим письмо в «Правде». В свете событий 1937 г. Авербаху напомнили и о его книге, вышедшей в изд-ве «Молодая гвардия», «Вопросы юношеского движения и Ленин» (1924), предисловие к которой написал Л. Троцкий.

Официальные руководители советской литературы не замедлили отреагировать на происшедшее. 3 мая 1937 года А. И. Ангаров и Е. М. Тамар-

кин в докладной записке «О состоянии руководства писательской общественности», представленной Сталину, Кагановичу, Андрееву, Жданову, Ежову, сообщали: «...Отсутствие воспитательной работы среди писателей, неумение направить их по нужному пути, приводит некоторых из них к пессимизму, к неверию в свои силы, а иногда даже к внутренней озлобленности. Проводившееся врагами народа (Бухариным, Радеком, Авербахом и др.) противопоставление партийных писателей непартийным, и сейчас, вследствие слабости руководства Союза находит свое отражение в среде писателей»⁵¹. Тема была подхвачена и в прессе: «...шла вредительская антисоветская работа. Главным вдохновителем ее по-прежнему оставался прожженный авантюрист, полтора десятка лет клявшийся верности партии и ни на минуту не порывавший конспиративных связей с Троцким и Бухариным, Ломинадзе и Каревым, с любым антисоветским мерзавцем, — двурушник Авербах»⁵².

Л. Л. Авербах был осужден в особом порядке и приговорен к высшей мере наказания; приговор приведен в исполнение 14 июня 1937 г.; реабилитирован посмертно в 1961-м г.⁵³.

В настоящей публикации представлены письма 1928—1935 гг., которые печатаются по автографам и машинописным копиям, хранящимся в АГ.

Выражаю искреннюю и глубокую благодарность сотруднику Архива Горького Г. Э. Прополянису за ценные замечания, высказанные в ходе подготовки публикации писем Л. Авербаха М. Горькому.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Так, например, в ОР ИМЛИ РАН хранятся письма Авербаха в фондах Г. В. Алексева, Ф. В. Гладкова, М. В. Исаковского, П. С. Романова и др.; в РГАЛИ — в фондах В. Г. Вешнева, И. В. Евдокимова, А. С. Серафимовича, В. А. Сутырина, редакции журнала «Литературное наследство» и др.

² См.: *Шешуков С.* Неистовые ревнители: Из истории литературной борьбы 20-х годов. М., 1984.

³ См.: *Примочкина Н. Н.* Горький и РАПП // *Неизвестный Горький*. 4. С. 70—77; *Она же.* Писатель и власть: М. Горький в литературном движении 20-х годов. М., 1996.

⁴ См.: *Никё М. И.* Сталин. Ответ писателям-коммунистам из РАППа. К истории роспуска РАПП // *Минувшее: Исторический альманах*. СПб., 1995. Т. 12. С. 362—376.

⁵ *Авербах Л.* «Молодая гвардия» за год // *Молодая гвардия*. 1923. № 4/5. С. 14.

⁶ Там же. С. 2.

⁷ Историк литературы Е. Добренко считает: ««Молодая гвардия», ставшая для девятнадцатилетнего Авербаха, ученика Воронского (!), первой школой «организации литературы», научила его, что «сплачивание» вокруг журнала хороших писателей не приносит политических дивидендов, ни власти. Место главного организа-

тора было занято Воронским, “Молодая гвардия” продолжала оставаться в тени “Красной нови”. На фоне лучших писателей, привлеченных к сотрудничеству с журналом, роль Авербаха была неприметной — не хватало авторитета в писательской среде и влияния в партийных сферах, которым обладал Воронский. Кроме того, писатели, собранные вокруг “Молодой гвардии”, были сплошь “чужими”, а “свои” (на таком фоне) выглядели часто совсем учениками. Здесь произошла обычная встреча интересов личности и “социального заказа”: Авербах уходит в РАПП., а журнал передается в руки нового редактора (для которого “Молодая гвардия” тоже стала лишь ступенькой к РАППу) — В. Ермилова... На этом литературная история “Молодой гвардии” заканчивается и начинается история чисто политической борьбы» (см.: *Добренко Е.* Формовка советского писателя: Социальные и эстетические истоки советской литературной культуры. СПб., 1999. С. 243).

⁸ *Жаров А.* Беседы, проведенные в Кабинете рабочего автора, в литбригаде «Комсомольской правды», в редакции «Смены» и в редакции «Октября. М., 1933. С. 12.

⁹ *ЛН. Т. 70. С. 282.*

¹⁰ *Мандельштам Н.* Воспоминания. М., 1989. С. 154.

¹¹ Об этом см.: *Динерштейн Е. А.* А. К. Воронский: В поисках живой воды. М., 2001. С. 152.

¹² *Архив Г. 10.* Кн. 2. С. 16.

¹³ Известия ЦК КПСС. 1989. № 3. С. 182.

¹⁴ *Авербах Л.* Опять о Воронском // На литературном посту. 1926. № 1. С. 20.

¹⁵ *Воронский А.* Мистер Бритлинг пьет чашу до дна // Красная новь. 1926. № 5. С. 201.

¹⁶ *Архив Г. 10.* Кн. 2. С. 36.

¹⁷ Цит. по: *Динерштейн.* Указ. соч. С. 267.

¹⁸ Об этом см.: *Архив Г. 8.* С. 183—184.

¹⁹ *ЛН. Т. 70. С. 104.*

²⁰ *РГАЛИ. Ф. 1052. Оп. 5. Ед. хр. 281. Л. 7.*

²¹ *Горький М.* О возмечивающихся и начинающих // Известия. 1928. 1 мая.

²² *Астров В.* Горький и «комчванята» // Правда. 1928. 3 июня.

²³ *Маширов А.* Мимо Сидора в стенку // Комсомольская правда. 1928. 6 июня.

²⁴ *Кирион В.* Лекарь поневоле // На литературном посту. 1928. № 18. С. 10—14.

²⁵ *Авербах Л.* От либерализма к пораженчеству // На литературном посту. 1928. № 17. С. 8.

²⁶ *Спиридонова Л. А.* Переписка М. Горького с Г. Г. Ягодой // *Неизвестный Горький.* 3. С. 164.

²⁷ *Неизвестный Горький.* 3. С. 182—183.

²⁸ Стенограмма протокола Общего собрания членов Ленинградского Отдела ВСП от 13 октября 1929 г. // Ежеквартальник русской филологии и культуры. СПб., 1996. Т. 2. С. 458—459.

²⁹ *ЛН. Т. 70. С. 542.*

³⁰ «Счастье литературы»: Государство и писатели // *Документы 1925—1938 гг.* М., 1997. С. 79.

³¹ Там же. С. 79—80.

³² Сталин и Каганович: Переписка. 1931—1936 гг. / Сост. О. В. Хлевнюк, Р. У. Дэвис, Л. П. Кошелева, Э. А. Рис, Л. А. Роговая. М., 2001. С. 85.

³³ Там же. С. 112.

³⁴ *Г-30. Т. 26. С. 295—297.*

³⁵ Власть и художественная интеллигенция: Документы ЦК РКП(б) — ВКП(б), ВЧК-ОГПУ-НКВД о культурной политике. 1917—1953 гг. М., 1999. С. 168.

- ³⁶ Там же. С. 168.
³⁷ Там же. С. 169.
³⁸ *Адамович Г.* Литературные заметки. Кн. 1. СПб., 2002. С. 608—609.
³⁹ «Счастье литературы». С. 140.
⁴⁰ Власть и художественная интеллигенция. С. 175—176.
⁴¹ *ОР ИМЛИ.* Ф. 41. Оп. 1. Ед. хр. 579. Л. 1.
⁴² «Счастье литературы». С. 158.
⁴³ Там же. С. 159.
⁴⁴ *РГАСПИ.* Ф. 17. Оп. 3. Д. 923. Л. 20.
⁴⁵ *ЛН.* Т. 70. С. 278.
⁴⁶ Сталин и Каганович. С. 431.
⁴⁷ Там же. С. 464.
⁴⁸ Там же. С. 466.
⁴⁹ *РГАСПИ.* Ф. 17. Оп. 3. Д. 951. Л. 28.
⁵⁰ Власть и художественная интеллигенция. С. 320.
⁵¹ Литературный фронт. История политической цензуры 1932—1946 гг.: Сборник документов. М., 1994. С. 24.
⁵² От редакции: О троцкистско-авербаховской агентуре в литературе // Литературное обозрение. 1937. № 11 (10 июня). С. 28.
⁵³ См. об этом: Постановление Секретариата ССП от 20 ноября 1961 г. (Протокол № 34 § 7) (*РГАЛИ.* Ф. 3107. Оп. 1. Ед. хр. 236).

1. А. ЛУНАЧАРСКИЙ, Л. АВЕРБАХ, Б. ИЛЛЕШ — ГОРЬКОМУ

3 января 1928, Москва

Дорогой Алексей Максимович!

16 января 1928 года состоится суд над пролетарским писателем И. Бехером¹, обвиняемом Верховным Лейпцигским судом в измене государству по поводу написанного им романа «Люизит».

Международное Бюро Революционной литературы² просит Вас послать протест-телеграмму в Лейпциг *Reichs gericht*, причем было бы желательно, чтобы телеграмма была в Лейпциге 16-го января.

Мы находим полезным, чтобы Вы одновременно послали приветствие И. Бехеру³ по адресу: *Leipzig, Reichs gericht*.

Этот процесс есть возмутительный акт реакции и мы убеждены в том, что Вы найдете возможным присоединиться к нашему протесту.

Президиум Международного Бюро Революционной литературы⁴.

*А. Луначарский
Л. Авербах
Б. Иллеш*

2. Л. АВЕРБАХ, Ю. ЛИБЕДИНСКИЙ, В. ЕРМИЛОВ,
В. КИРШОН, А. СЕЛИВАНОВСКИЙ, А. ИСБАХ,
А. ФАДЕЕВ — ГОРЬКОМУ

29 марта 1928, Москва

Дорогой Алексей Максимович!

В день Вашего шестидесятилетия Правление всесоюзной и московской ассоциации пролетарских писателей² шлет Вам свой горячий революционный привет и пожелания дальнейшей плодотворной, как и вся Ваша жизнь, работы.

Пролетарские писатели крепко помнят ту Вашу теплую и мужественную поддержку, которую Вы всегда оказывали начинающему писательскому молодняку. Ваши советы и указания живут в нас и помогают нам в нашей каждодневной работе.

Мы стремимся к изображению того человека, чье имя «звучит гордо»³ и прообраз которого дан Вами. Только тогда, когда мы достигнем этой цели — мы сумеем считать себя достойными Вашими учениками и продолжателями.

Пролетарские писатели СССР ждут Вас в своем социалистическом отечестве⁴, чтобы закрепить свой союз с Вами.

Правление ВАПП и МАПП.

*Л. Авербах,
Ю. Либединский,
В. Ермилов,
В. Киршон,
Селивановский,
А. Исбах,
А. Фадеев*

3. Л. АВЕРБАХ — ГОРЬКОМУ

Октябрь, после 12, 1928, Москва

Дорогой Алексей Максимович!

Очень жалею о том, что не удалось с Вами попрощаться¹: опоздал на вокзал ровно на одну минуту и видел лишь хвост уходящего поезда.

Посылаю Вам свою книжку, вышедшую на днях². Если у Вас найдется время ее просмотреть, то очень хотелось бы знать Вашу общую оценку ее. В книге имеется полемика с Вами по некот<о-

рым> вопросам. После наших разговоров я продолжаю считать необходимым отстаивать свою позицию и о Молчанове, и об определении пролетарской литературы, но, по совести говоря, ежели бы я имел возможность, то я бы многое изменил в тоне, за который Вы меня упрекали. В пункте об определении пролетарской литературы необходимо некоторое уточнение, отвечающее на вопрос о том, как классовая пролетарская литература будет превращаться в литературу социалистическую общечеловеческую.

На носу ноябрь месяц, но такое впечатление, что литературный год как-то всерьез не начался.

Алексей Максимович! Вы сказали, что я «коклетничаю» желанием вернуться в Баку и нежеланием оставаться в Москве³. Это не так. А на деле я сейчас очень выбит из колеи: уже целиком ориентировался на партийную массовую работу, стал Бакинским шовинистом (!) — и возврат на литературную работу в Москве переживается очень тяжело.

Помнится мы с Вами говорили о том, как трудно работать в литературе. Я это ощущаю особенно сильно. Надо уметь гораздо больше, чем можешь. Хотенья далеко недостаточно!

Жаль, что я не читал Булгаковского «Бега» до Вашего отъезда⁴! На днях слушал «Бег» и, затем, интерпретацию его Судаковым⁵. Судаковская интерпретация очень интересна и ведет по существу к полной переделке пьесы, по-моему, общественно вредной, рестральной, но литературно мало весомой.

Товарищи просили написать Вам, что мы все были очень рады тем беседам с Вами, которые у нас были. Я присоединяюсь к этому с особым чувством.

Как здоровье? Поправляйтесь хорошенько!

Привет.

Л. Авербах

4. ГОРЬКИЙ — Л. АВЕРБАХУ

17 ноября 1928, Сорренто

Милый т. Авербах, —

прочитал Вашу книжку¹, кстати, заглянул и в «Наши лит<ературные> разногласия»², Вас, наверное, уже хвалили за ум, темперамент, начитанность, — могу повторить совершенно искренно эти похвалы.

Вслед за В<ашими> книгами посмотрел еще Вешнева³, Ермилова⁴, Горбачева⁵ и др. Все это живо напомнило мне шум тех *мелких* разноречий, который был характерен в первой половине 90-х годов, когда часть молодежи становилась марксистской. Но в ту пору молодежь разноречила, сознавая, что она — в процессе «становления», а ведь Ваше поколение уже — в «бытии», под вами довольно солидная почва — партия, возглавляющая лучшую часть раб<очего> класса, партия, в руках которой — полит<ическая> власть. Сами вы — тоже партийцы, значит — у вас совершенно ясная линия объединения. Но — почему же нет *единения*, почему мне, со стороны, кажется, что шум разноречий ваших вызван причинами недостаточно серьезными, мелкими.

Я понимаю, что «выпрямление идеологической линии» — чем вы все занимаетесь — совершенно необходимо, что это [стратегическая] задача «стратегии», [необход<имой>] борьбы. Но мне кажется, что все вы слишком угрызали в словесности, слишком торопитесь стать «спецами», то в среде вашей, — на почве этой торопливости, — незаметно для вас растет профессиональный индивидуализм и что групповые разногласия ваши действуют на товарищеские отношения разрушительно. Мне кажется также, что круг ваших непосредственных «впечатлений бытия» ограничен Москвою и что за пределами этого круга действительность познается вами посредством книг и газет. Конечно, я не говорю, что вы заряжаете пушки соломой, но мне хочется сказать вам, что действительность требует все более внимательного отношения к ней. Не потому только, что десятки миллионов собственников-индивидуалистов дают лишь сотни коммунистов, а потому, что и в городах среди рабочих быстро растет склонность к устройству личного благополучия, что мещанство, видя это, поднимает голову и шипит все более злорадно.

Т. Горький, надо бить тревогу — «ужа ползут», — пишет мне один т<оварищ> с Урала. Я — не «паникер», в тревожное время я чувствую себя более полезным человеком, ужей считаю безвредными гадами, даже когда они в массе, но рабочий, который приглашает «бить тревогу» — не один, он выражает настроение многих селькоров, рабкоров маленьких заводов где-нибудь в глуши — на Выксе, в Ундоле и т. д. — настроение партийцев в укомах Муррома, Шенкурска и вообще — работников, одиноко заброшенных в медвежьих берлоги и болота полудикой нашей страны. Жизнь этих людей становится все более тяжелой, трагической, а работа все менее продуктивной, это они сами сознают и говорят. Грозное и все бо-

лее углубляющееся разноречие между городом и деревней неизмеримо значительнее разногласий литературных групп, — не так ли? А если — так, то словесные разноречия надобно поскорее изжить [примирить] или хотя бы временно примирить, чтоб не тратить на них так много ценнейшей энергии в те дни, когда эта энергия и должна и может быть истрачена с большей пользой.

Мне кажется, что Вам — Вашей группе, — следует взять на себя инициативу организации совещания литераторов-коммунистов по вопросам текущей действительности. Мне думается, что совещание это не должно быть многолюдным и открытым. На нем вырабатывается основная линия, по которой выпрямляются все групповые разномыслия, а затем совещание это организует съезд литераторов и ознакомит их со своей работой, прочитает несколько докладов, общая цель коих — единоклубная борьба с мещанским «ренессансом», в чем бы и как бы он ни выражался. Вместе с этим необходимо указать на желание работы по [ваш] культурному и политическому воспитанию крестьянской молодежи, красноармейцев, на более серьезное воспитание пионеров, на необходимость моральной и материальной — книгами — поддержки работников-одиночек: селькоров, избачей, учителей. Мне думается, что такой съезд давно необходим и что работы его будут гораздо шире и глубже намеченных здесь. Вот на какие мысли навели Ваши книжки и книжки др<угих> товарищей.

Кстати обратили Вы внимание на книги, изданные «Федерацией»⁶? Я — в восторге от книги Колоколова «Мед и кровь»⁷. Прекрасно, густо написана, ею совершенно закончен цикл книг, посвященных «уездной России», и нанесен меткий крепкий удар мещанскому «гуманизму». Впервые прилично дан тип чекиста. Замечательна книга Копыловой «Химеры», особенно хорош рассказ «Богатый источник»⁸. Интересен Слетов⁹, оригинален Давид Хайт¹⁰. Очень следовало бы похвалить Колоколова. Вы не знаете — кто он? Несомненно, человек талантливый и, должно быть, с богатым революционным прошлым. Живет в Иваново-Вознесенске. Очень обрадовала меня эта книга. А кто — Дорохов¹¹?

Ну, крепко жму руку и сердечно приветствую всех товарищей.

А. Пешков

Будьте здоровы!

17.XI.28.

Сорренто

5. Л. АВЕРБАХ — ГОРЬКОМУ

Январь 1929, Москва

Дорогой Алексей Максимович,

Мы готовим специальный номер «На лит<ературном> посту», целиком посвященный борьбе с мещанством¹: проводим большую анкету, которой охватим работников всех областей искусства, др<угие> отряды интеллигенции, партработников, молодежь и т. д., дадим ряд статей и пр. Нам очень хотелось бы что-либо получить от Вас — тем более, что мысль об этом явилась у нас в результате Вашего письма ко мне. (Я уже писал Вам об этом — получили ли Вы мое большущее письмо²)

Мещанству будет посвящен очевидно 3-й номер, т. е. первый февральский. Еще раз повторяю, что нам очень бы хотелось рассчитывать на получение от Вас — если не статьи, то хотя бы письма небольшого³.

Крепко жму руку.

Л. Авербах

6. Л. АВЕРБАХ, В. КИРШОН, А. ФАДЕЕВ — ГОРЬКОМУ

Конец 1930, Москва

Дорогой Алексей Максимович!

Мы хотим в 31-м году организовать театр Российской Ассоциации Пролетарских писателей. Нам кажется, что собрав наших, уже выявившихся драматургов, собрав из различных театров талантливую актерскую молодежь, мы сможем создать театр, который понастоящему без Мейерхольдовских упражнений, сможет разрешить задачу построения пролетарского театра¹.

Мы уверены также, что создание такого театра поможет росту рабочих, пролетарских драматургов, с которыми театр должен будет немедленно по возникновении начать систематическую работу.

Мы не мыслим себе организацию и дальнейшую работу театра без Вашего ближайшего участия.

Мы очень просим Вас высказать свои соображения по этому поводу, дать нам согласие помочь в этом сложном и ответственном деле.

Мы хотим также открыть театр Вашей пьесой².

Мы очень просим Вас, Алексей Максимович, если это не нарушит Ваши творческие планы, написать пьесу. О громадном значении, которое имела бы она для советской драматургии и судеб нашего театра, излишне писать, Вы сами это прекрасно знаете.

Скоро ли Вы приедете к нам. С большим нетерпением ждем Вашего приезда и участия в политической и литературной жизни Союза, которое так много всем нам дает³.

Крепко жмем Вашу руку.

Л. Авербах

В. Кирион

Ал. Фадеев

7. Л. АВЕРБАХ — ГОРЬКОМУ

Февраль, до 8, 1932, Берлин

Дорогой Алексей Максимович!

В Берлине кручусь, как десять тысяч чертей. Много очень интересных литературных дел и вопросов. Почти не удается поэтому продолжать чтение эмигрантской литературы — я ее здесь дополнительно подобрал, в частности достал все книжки Бердяева¹ и еще Булгакова². Предполагаю о них написать обязательно вскоре после приезда в Москву³. С этим связана просьба: Вы обещали дать мне несколько писем (преимущественно молодежи) по так называемым «вечным» вопросам. Я был бы очень Вам благодарен, если бы Вы их могли мне послать.

Жизнь у Вас дала мне очень много⁴ — я с любовью и благодарностью вспоминаю об этом времени.

Крепко жму руку.

Ваш Л. Авербах

Из Берлина уеду 8-го. Мой адрес: Nüsnerger Str. 46/1 (Ibreppe).

8. Л. АВЕРБАХ — ГОРЬКОМУ

Февраль, до 9, 1932, Берлин

Дорогой Алексей Максимович!

Мне кажется, что большинство наших т.т. совершает ошибку, говоря о кризисе буржуазной культуры на Западе без одновремен-

ного показа того, что в области культуры создается пролетариатом еще до захвата власти. Меня больше всего поражает в Берлине не на всем видная печать кризиса, не штампование всякого штампа [.] очевидные социальные противоречия, не существеннейшая фашизация культурной жизни — все это само собой сверхважно, но *удивляют** именно ростки *нашей* культуры, пролетарское движение в искусстве, наши народные школы и университеты, наши издательства, новый культурный стиль наших спортсменов, наши библиотеки и т. д. Все эти — в исторической перспективе — первые шаги немецкой пролетарской культуры — под знаком влияния СССР. И тут ясно, как и теоретически иначе должен здесь ставиться вопрос о возможностях развития пролетарской культуры до захвата власти им, рабочим классом. Одно дело — ставить и решать этот вопрос, когда ни в одной стране нет диктатуры пролетариата. Другое дело — сейчас, когда пролетарская культура Москвы — центр притяжения для всех областей пролетарской культурной жизни Германии — центр притяжения и идейный гегемон, и поучительный образец! И еще одно интересно: явственное разоблачение фикции единой нации, как нечто целое, противостоящей другой. Ленинско-сталинское учение о национальной культуре великолепно иллюстрируется тем фактом, что немецкому рабочему явно чужд немецкий буржуа и явно ближе русский рабочий.

Эти элементы немецкой пролетарской культуры *подчеркивают* общий культурный кризис буржуазной Германии и вскрывают возможность его преодоления только на пути пролетарской революции.

Один пример: в Берлине уже третий год работает Masch, высшая марксистская рабочая школа, — в противовес так называемым народным высшим она, как легко догадаться, не получает никакой дотации от государства и от кого-либо вообще. В Берлине учатся в этой школе больше 10 000 рабочих — у нее 25 филиалов в Берлине и больше 30 по Германской провинции. (Там еще около 10 000 учащихся — немного больше). Семинарская система учебы по программам в объеме несколько больше наших комвузов, но с еще большим количеством времени для естественных наук, в особенности в первом году обучения. Время обучения — 2. 2½ года. Кроме того летом и зимой (в период от 25 декабря до 3 января — свободные дни у рабочих) — функционируют при МАШ восьмидневные и двухнедельные курсы — 6—7 часов ежедневных заня-

---

* Подчеркнуто в письме Авербахом; здесь и далее в письмах выделяются слова, фразы, отмеченные самим Л. Л. Авербахом.

тий, жизнь в общежитии или где-нибудь за городом, общая кор-
межка — за все про все в восьмидневной школе берут 25 марок, а
с безработных еще дешевле! Свыше 2000 человек из МАШ изуча-
ют русский язык — значительная часть из них посвящает этому по-
ловину вечера в субботу (3 ч<аса> занятия) и 5 ч<асов> в воскре-
сенье.

Вот как учтен опыт Капри¹! Разные масштабы — веки пройден-
ного пути — одна принципиальная линия.

Исключительно интересен *театр* — не буржуазный, где дей-
ствительно смотреть нечего, кроме разве самую буржуазию эпати-
рующих словесной антибуржуазностью пьесах и обзоров. Да и
где он буржуазный *театр*? Он бит легальными и расширенными
публичными домами с геве и музыкой, с вульгарнейшей оперет-
кой! Интересен наш театр — наши рабочие группы, наши лево-ин-
теллигентские коллективы. В одном из рабочих театров сейчас
идет «Мать», переработанная Брехтом². По сути дела, оставлена
основная характеристика типов, основные элементы сюжета, мно-
го от Брехта, действие доведено до Октября — ряд коротких сцен,
дьявольски злободневно, политически смело, *вызывающе* полити-
чески ярко. Не без «клюквы» по части русского быта — но, во-пер-
вых, и «клюквы» очень немного и, во-вторых, спектакль не быто-
вой. Недостатки — схематизм, сочетающийся с изрядной дозой ис-
теричности, но превосходна игра на создании у зрителя постоян-
ных ассоциаций между царской Россией до 1917 и демократичес-
кой Германской республикой.

Вчера был на другом спектакле другого коллектива: «Mause-
falle» в коллективе «1931». Лучше, чем «Мать» — театрально го-
раздо свежее и оригинальнее, политически специально обращено к
служащему, полемически направлено против официального Гетев-
ского юбилея — пародийное использование текстов Гете и т. д. Пе-
ред концом последнего действия выходит Вангейнгом (главный ав-
тор, режиссер, лучший актер, организатор) и обращается к публи-
ке, — кот<оторая> восторженно реагирует все время, — с прось-
бой не аплодировать в конце и не петь революц<ионных> песен,
т. к. уже есть предупреждение от полиции о запрещении работы
труппы! Наблюдающий за спектаклем полицейский спокойно улы-
баясь и вполне хладнокровно выслушивает и флегматично снимает
каску, поудобнее усаживаясь в кресле 1-го ряда!

Я уже расписался явно чрезмерно, а еще много хочется Вам
рассказать. Простите за почерк и сумбуренность вообще — я пишу в
кровати, уже лег спать, но захотелось Вам написать. Однако, пре-
жде чем окончить, два деловых предложения.

1) Почему бы не выпустить специальный номер «За рубежом»³, посвященный такому показу работы наших культурных организаций, который одновременно давал бы обстановку их работы (трудности, запрещения, преследования и т. д.) и разоблачал бы бурж<уазно-> культ<урный> кризис? Если достать *немного* валюты (долларов 50—70) для гонорара местной публике, они все сделали бы быстро и хорошо. Если мне ответите по телеграфу (9—10 я выезжаю в Москву) — то я смогу здесь принять участие в предварительной разработке плана номера, договорюсь о социально ответственном человеке из местных т.т. и свяжу его с Вами.

2) С группой местных т.т., специально занимающихся вопросом культуры, мы наметили выпуск на русском языке книги в 25—30 п. л. о буржуазном духовном кризисе. Книжка должна состоять из размышлений бурж<уазных> ученых политиков, писателей и т. д. о кризисе, из таких их рассуждений, которые как раз и выражают этот кризис (что им непонятно), из статистического материала (расходы на религию и школы, самоубийства, безработица интеллигенции и т. д.), все это должно быть тематически разбито на главы и сопровождено небольшими статьями к каждой главе и одной—двумя вступительными статьями. У меня здесь много времени ушло на ознакомление с такой литературой — сборник может получиться исключительно поучительным! — и литературы специально на эту тему накопилось уже очень много. Я книг не покупал, т. к. нет денег, но их все переписал и через «Меж<дународную> книгу»⁴ в Москву выпишу. Завтра у меня последнее специальное совещание по плану этого сборника. Стоящее ли это дело.

Горячий привет.

Ваш Леопольд А.

Нежный привет всему населению.
Тимоше⁵ завтра посылаю письмо.

9. ГОРЬКИЙ — Л. АВЕРБАХУ

20 февраля 1932, Сорренто

Л. Авербаху

Милейший Леопольд —

Вот что пишет мне Павел Максимов¹ из Ростова:

«Приехала из Кабарты, из Аула, моя жена больная, издерганная: она, там, врачом в колхозе уже три года. Дома — картина пол-

ного развала, мне за детьми смотреть некогда, растут на улице, хулиганят, живу на окраине, в Нахаловке, кругом — люмпен-пролетариат. Жена расстроилась, плачет, жалуется — устала. Пошел к Макарьеву²: “Помоги, три года живем врозь, семья разрушается!” Он с изумлением: “Семья? Какая семья в наше время? Чепуха, мещанство. Через 2—3 года никаких семей у нас не будет”. Через две недели его отозвали в Москву. Первым делом он отправил жену и детей».

Максимов — брюзга, обижен несправедливой конфискацией его книжки³, и — в общем — я не склонен считать его «нашим» всецело. Но он рапповец и один из организаторов Раппа в Ростове. Жалуется и брюзжит он, конечно, не только мне. А работник — последний и книга его не плоха. Мне кажется, тут нужно что-то сделать, чтобы парень перестал пищать и сеять недовольство вокруг себя.

Ваше письмо из Берлина получил, не отвечал потому что Крючков⁴ сообщил мне: Вы с ним договорились. Жду, что будете писать о Берлине.

Прислал письмо Лавренев⁵, у них, в Лениингр<аде>* заминка с построением «Дома писателей»⁶, предлагает мне попытаться устранить препятствие. Но — не сообщил куда, кому писать, да и своего адреса не дал.

Как здоровье?

Крепко жму руку.

А. Пешков

20.II.32.

10. Л. АВЕРБАХ — ГОРЬКОМУ

Март, до 17, 1932, Москва

Дорогой Алексей Максимович!

Две недели в Москве бешено мотаюсь. Работа у нас за [это время] последние два месяца шла не особенно быстро и удовлетворительно — в частности, и поэтому, да и вообще естественно, — накопилось очень большое количество материалов, с которыми необходимо было немедленно ознакомиться, фактов, которые следовало оценить, событий, на которые надо было отозваться. Во всем этом еще далеко не успел, конечно. А, главное, масса практической

---

* Описка Горького.

работы, оказывающейся иногда в забросе из-за так называемой «политики» и прочих «высоких материй».

Через два дня после моего приезда дали отпуск Саше Фадееву. Он уехал с Погребинским¹ в Башкирию. Надеется скоро закончить вторую часть «Последнего из Удеге»². Завтра посылаю в отпуск Макарьева. Так у нас всегда бывает — ежели немного отдохнешь и на время отойдешь от работы, потом гораздо труднее. Я это сразу чувствую, т. к. в Берлине много пришлось понервничать — очень трудные дела в немецком союзе революционных писателей, очень острая и волнующая политическая обстановка и т. д. От Соррентской поправки³: — какое было блаженное время — уже в Берлине мало что осталось.

В центре литературных событий последнего времени рецензии Серафимовича⁴ и Резникова⁵ (бывший левовец и литфронтовец) на роман Ильенкова⁶ и книжку рассказов Ставского⁷. Мало интересен, хотя и показателен, *групповой* характер этой критики. Гораздо существеннее то, что со страниц «Правды» объявляют примером для советского писательства книжки, которые в лучшем случае можно отнести к более (Ильенкову) или менее (Ставский) частным *средняцким* произведениям, отнюдь не движущим советской литературы вперед.

Эти рецензии дополнительно показывают нашу правоту в прошлой дискуссии по творческим вопросам. Роман Ильенкова представляет собою некоторый шаг вперед *этого автора*, но требования литературы за это время возросли гораздо больше, чем подтянулся и окреп сам Ильенков, — во-первых. Во-вторых — его роман явно малокультурен, он развивается, как иллюстрация к цитате, взятой эпиграфом, он *публицистичен* там, где требуется обобщение, он *беллетристичен*, а не *художественен*. В-третьих — это линия *шиллерствующей бытовщины*, напыщенного правдоподобия, плоского эмпиризма на ходулях. При всем том — и несмотря на все это — в романе есть существенные плюсы — особенно, если интересоваться развитием Ильенкова. Это положительное (заводской материал, субъективная-авторская-коммунистическая направленность, стремление поставить в центре сюжетного действия общественное событие и т. д.) можно и должно отметить для учебы Ильенкова, для воспитания новых писательских кадров, для перевоспитания самого Ильенкова.

Серафимович сделал из него классика и образец для подражания — портит Ильенкова, дезориентирует массу писателей, демонстрирует свой собственный уровень.

Но [Ильенков] «Ведущая ось» все же [писатель] произведение искусства по сравнению с книжкой рассказов Ставского «Сильнее смерти», это громадный шаг назад по сравнению с [его] «Разбегом»⁸. Читаешь и задумываешься — не сознательное ли это издевательство над русским языком! Именно *язык* Ставского, потуги на литературные «красоты» особенно привлекают внимание — какое это непривлекательное зрелище!

А что пишет Резников? Вместо того, чтобы резко покритиковать — хотя бы сравнением с «Разбегом» и объяснением Ставскому разницы между очерками и рассказами — апологетическое захваливание. Между тем, рассказы Ставского настолько стары и убоги, что даже *материал* для разговора не дают.

Все это очень *грустно* — особенно ежели учесть, что это беспринципная нам мания возвеличивания (сиречь *порчи*) тех рапповских писателей, которые идут с Панферовым⁹ против нас.

Но это и *хорошо* — будет спор не о древних и покрытых плесенью формулировках, а о произведениях, следовательно о художественных линиях. Мы хотим давать *бой* на оценке этих произведений. Если это «Магнитстрой»¹⁰ — то мы против!

Нужно, чтобы дискуссия перед съездом шла не об организационных делах — а по основным творческим вопросам — это и будет, впрочем, одним из выражений действительной — в том числе и организационной — перестройки РАПП.

Шушканов¹¹ Вам уже писал о предполагающемся Рапповском совещании по «Истории ф<абри>к и заводов»¹² — мы к нему начали серьезно готовиться.

Посылаю Вам план работ РАПП и ВОАПП на ближайшие два месяца. М. б. Вас заинтересуют какие-либо вопросы, может быть, захотите получить какой-либо материал, относящийся к ним, может быть, прислать Вам потом наши решения по некоторым из них?

До сих пор не написал ни одной «заграничной» статьи. В Берлине полиция с большим шумом запретила мой последний доклад о литературе. Афиногенову¹³, который на днях едет за границу, немецкое консульство задерживало визу, требуя обязательство ничего не писать о Германии и возмущаясь мною — хотя я вел себя сверх сдержанно! Чтобы не оставить дальше других ребят и себя без немецкой визы — придется писать немного и преимущественно не на основе личных наблюдений, а оперируя книжным и журнальным материалом.

Хотел написать Вам большое письмо, но по обыкновению, пишу в последний момент и наспех, поэтому и более *длинно*, чем требуется!

О Максимове Вам пишет Макарьев, опровергая его информацию. Я попытаюсь, конечно, что либо устроить для Максимова в Ростове.

Как Ваше здоровье? Не торопитесь в Москву — здесь поголовно все болеют гриппом!

Крепко жму руку.

Ваш Леопольд Авербах

11. ГОРЬКИЙ — Л. АВЕРБАХУ

30 марта 1932, Сорренто

Дорогой Авербах —

моя статейка¹ о Слепцове² — кстати сказать: очень слабая — [печаталась] воспроизведена, очевидно, не с рукописи, а с печатного текста.

В рукописи, насколько я помню, после второго абзаца, были приведены образцы приемов Слепцова, которыми он пользовался для изображения пейзажа и жанра.

Для пейзажа было взято несколько строк начала повести «Трудное время», а для жанра — сцена земского собрания из той же повести. Не думаю, что эти сокращения нужно восстанавливать, сообщая о них лишь в интересах «исторической правды». Тоже и на стр. 2-ой, где зачеркнут абзац. Тут выброшено много. Речь шла не только о «наших» днях, а, главным образом, об «эпохе великих реформ», дана была выдержка из «Губернских очерков» Салтыкова-Щедрина³ [и противопоставила ей] кусок из «Нравов Растеряевой улицы»⁴ и затем следовала ссылка на провинциальные корреспонденции «Искры», Курочкиных⁵. Статью эту в печати я не видел и ее [правил] сокращал — не представляю, [возможно, что Суханов] сокращено страницы три, четыре. Выпало место, где я сравнивал Слепцова, как наблюдателя с Якушкиным⁶, противопоставляя их Рыбникову⁷, Киреевскому⁸, Сахарову⁹ и др., которые собирали материал фольклора, — песни — от помещичьих хоров, т. е. материал, цензурованный помещиками, искаженный. Якушкин «черпал» его непосредственно «из уст народа» на сельских ярмарках, Н. Е. Каронин-Петропавловский¹⁰ говорил Короленко¹¹ и мне, что у Слепцова были «толстые тетради» записей его бесед с сектантами, анекдотов, песен, рассказов о попах и «всякой похабщины».

В конце ст. Чуковского говорится [о системе] о «неряшливости издания, как о «системе». Неряшливость — от малограмотности,

от лени, от «экономии», система же — нечто продуманное и целеустремленное. Таковая «система» была не только у издателей, а и у цензоров, редакторов и даже [от] у случайных прохожих по художественной литературе и «Литерат. наследство» очень хорошо сделает, если обратит должное внимание на эту «систему», осветив ее солидной статьей, а то и — несколькими. Случайный прохожий, это тот «редактор-издатель», который вламывался в литературу на время и в целях содрать с писателя, куска два, три — кожи. О них смотри в «Рассказах» Кущевского¹², в «Чертах из жизни Пепко» Мамина-Сибиряка¹³ и т. д.

В моей статейке можете делать всякие изменения, пояснения и примечания.

«Литнаследство» не только сообщает о прошлом, но — исследует оное. Метод исследования должен быть сравнительным, иначе — это не метод. В данном случае мы сравниваем революционно и радикально «демократическую мысль» с ущемленной либеральной и нагло разнузданной консервативной, помещичье-дворянской. Это — основная линия сравнений, и она требует предельной силы и свободы критики всех и всяческих авторитетных репутаций. Далее: необходимо сопоставлять и противопоставлять биографии фигур одного и того же ряда. Напр. Решетников¹⁴ и Кущевский или: Левитов¹⁵, Каронин и — фигуры сравнительно благополучной [жизни офицера Мамина-Сибиряка] жизни. Нужно, чтоб наш молодой писатель, склонный к жалобам на «условия» знал и понимал, каковы были условия в прошлом и как они ломали, уничтожали ценных людей.

Далее: нужно просмотреть «Искру» Курочкиных и дать статью о ней, о ее роли, о степени ее влияния на обывателя. Дать статью о сатире и юморе 60 гг.

Изучить журналы: Оболенско-Филиппова¹⁶, «Устои» Златовратского¹⁷, «Слово»¹⁸, журналы «Достоевских»¹⁹ и т. д. Надо бы послать кого-нибудь толкового в Саратов, поискать там архив Каронина-Петропавловского, посмотреть нет ли чего-нибудь о Воронове²⁰ и его друге — Левитове. Саратов вообще должен быть богат литературными материалами. Возможно, что там найдется что-нибудь о Чернышевском²¹, [об] о газете «Волга»²², где работал — в числе других — Флеровский²³, «Волга» издавалась в Астрахани, но ее архив, как говорил Сараханов, был спрятан в Саратове. Флеровский, говорят, жив еще и живет в Москве. Обследовать Нижегородский «Литмузей», где возможны документы Даля²⁴, Боборыкина²⁵, Добролюбова²⁶, Мельникова-Печерского²⁷, Колосова, — врача Карийской каторги²⁸.

В Самаре должен быть архив «Самарского Вестника»²⁹ — первой марксистской газеты и документы поэта Фофанова³⁰. Вообще нужно обшарить провинцию. Не забыть Казань!

Ну, вот, пока — все. Афиногенов говорит, что Вы уже раздраны вдребезги. [Но... Война против Серафимовича]. Мне очень смешно представлять Серафимовича³¹ в роли Людендорфа. Я писал хозяину³²: нельзя ли несколько угасить страсти³³? Дело в том, что существует огромное количество крайне важной работы и сражаться с Серафимовичем — я не знаю, насколько сие полезно?

Будьте здоровы и берегите себя.

Жму руку.

А. Пешков

30.III.32.

Р. С. Прилагаемый конверт, пожалуйста, передайте А. Б. Халатову³⁴.

А. П.

12. ГОРЬКИЙ — Л. АВЕРБАХУ

4 мая 1932, Горки

Преподобный отец Авербахий.

Вчера, будучи в Москве¹, видел человека, именуемого Цейтлин² и поставленного во главе «Федерации»³. Он сообщил мне, что «Ф.» намерена издать полсотни и даже более книг, которые дали бы представление о росте литературы за 15 лет. Наметили мы по книжке наиболее крупных «попутчиков», затем Фадеева⁴, Фурманова⁵, Либединского⁶, Лавренева⁷, Павленкова⁸, Н. Тихонова⁹, Шухова¹⁰, Горбунова¹¹ и т. д., подробный список не готов, будет послан Вам, если Вы забашкиритесь на долго¹². Выслан будет Вам список этот на тот предмет, чтоб Вы, сударь, опираясь на эти и другие книги, написали нечто вроде предисловия или послесловия к ним, т. е. — дали бы критико-исторический обзор движения литературы за 15 лет, это — как раз то самое, о чем мы с Вами говорили в день Вашего отъезда. Взяться за это дело Вам следует, не правда ли?

Цейтлин Вам, наверное, напишет в скорости. Книги будут высланы, если это нужно, хотя Вы, наверное, сможете достать их и в Уфе. Даже советую сидите там, в Уфе, смиренно, пейте кумыс, кормите Ваши нервы сытно и — работайте. Если же чорт принесет Вас

сюда — селитесь в месте моего жительства и работайте, а Липа¹³ будет Вам бока мять и ежедень кожу сдирать с Вас.

Генрих¹⁴ уехал в теплый край над синим морем. Все остальные — за исключением некоторых — на месте. Количество работы безгранично возрастет. Погода — прекрасна, вчера было сыро и холодно, сего дня — жарко, как в бане. Вот все наиболее значительные новости. Серьезно писать о других — не могу, ибо третий день живу в состоянии судорожного бешенства, от коего легче с шуточками. Не очень удачными, как видите.

Фадееву — привет. С Вас — достаточно и советов. Ведите себя прилично.

Родители есть? Родителей почитать надобно! Женщин любите, не обижая их этим. И т. д.

Будьте здоровы.

А. Пешков

4.IV.32¹⁵

Горки

13. Л. АВЕРБАХ — ГОРЬКОМУ

Май 1932, Уфа

Дорогой Алексей Максимович!

Читали ли Вы в № 3 «Нов<ого> Мира» статью М. Шагинян¹ о Гете^{2?} Какая реакционная апологетика филистерского в Гете! Шагинян, во-первых, полностью оправдывает и приветствует Веймарскую министерскую деятельность Гете — этот один из самых ярких примеров его компромисничанья с феодализмом. Шагинян, во-вторых, превозносит Гете, как передового и т. д. Ни слова не говорит о франц<узской> революции — как будто без анализа отношений Гете к передовой исторической практике *его* класса во Франции можно понять место Гете в истории буржуазной мысли! Шагинян, в-третьих, превращает Гете — чуть ли не минуя Маркса! — в прямого предшественника Ленина, как философа — путем «грязно жидовского» (по великолепному слову Маркса) толкования понятия *практикой* и т. д. и т. д.

Заятно к тому же, что все это Шагинян проделывает *явно* и, без сомнения, *сознательно* искажая ту цитату из Энгельса, на которую она ссылается!

Насколько живуча старая реакционная идеалистка в этом — после «Гидроцентрали» — таком близком союзнике³.

Я хотел было написать специальную статью. С разбором ее статьи, но Саша⁴ отговаривает. Не для чего, говорит, мне сейчас начинать с такой статьи.

Я, вообще, еще ничего не писал, но отнюдь не потому, что, дескать, много бездельничаю. Окружающее меня население может подтвердить, что я на совесть много занимаюсь. Такая счастливая жизнь: читать, что хочешь и что вообще нужно, вне связи с подготовкой к очередному докладу или к статье, которую нужно завтра уже сдавать в набор!

В Парижском журнале Керенского⁵ «Дни» (№№ 154—155)⁶ опубликован доклад вышеупомянутого Александра Федоровича о февральской революции. Удивительно, что наши газеты обошли этот доклад молчанием — следовало дать специальную статью. Материал блестящий. К<еренский> доказывает, что февральская революция вызвана агентами Распутина⁷, срывавшими тот мирный дворцовый переворот, кот<орый> готовил Миллюков⁸ при его, К<еренского>, помощи. Кроме этой центральной мысли имеются и побочные не меньшего интереса, не меньшей откровенности, не меньшей гнусности. Ренегатство этого субъекта по отношению к «общенародной, мирной, славной, великой, бескровной» и т. д. и т. п. февральской революции, его саморазоблачение, разоблачение им самим того, что все время утверждал Ленин, подлинное лицо таких «социалистических» партий, историческая подлость и трусость русской «демократии», кругозор и психология «цивилизованного» холуя — тема для небольшого памфлета.

Пришедшие №№ «Литгазеты» настраивают угрюмо. Какая-то нестесняющаяся безыдейность, либеральная болтовня, орг<анизационный> к<омите>т наглядно и, видимо, «всерьез и надолго» берет курс на превращение в бюрократический департамент по литературным делам. Основными фигурами становятся Панферов, Безыменский⁹ и Ставский, призывающие на помощь теоретических варягов из т<ак> н<азываемого> философского руководства в дополнение к Кирпотину¹⁰ и Волину¹¹. Дай им бы счастья — волнует только вопрос о «На лит<ературном> посту». Мы еще не имеем окончательных сведений о его судьбе.

Совершенно сенсационный характер носит предисловие (очевидно Юдина¹², т. к. он редактор, а «статья» вступительная) к «Истории философии» Гегеля¹³. Перед читателями извиняются за то, что выпускают перевод со 2-го последнего издания (явно исправленного, «улучшенного»), в то время, как Ленин читал *первое* издание и, поэтому, есть некоторое разночтение текста Гегеля в ленинских сборниках и в этом томе Гегелевского собрания сочинений.

Казалось бы, что и сомнений не может быть в необходимости переводить с *окончательного* Гегелевского текста... Это, кстати, *единственная мысль* в предисловии к тому Гегеля!

Завтра на два дня опять едем с Мотей¹⁴ в район — кроме известной Вам башкирской нефти — нашли уголь и, судя по первым данным, месторождение серьезное. Скоро поедем и в Стерлитамак.

Фадеев¹⁵ и Луговской¹⁶ пишут зверскими темпами и, по-моему, получается у них очень здорово. Я им завидую, но продолжаю только читать. Есть у меня к Вам очень большая просьба. Мне для одной статьи необходимы некоторые заграничные книжки. Не можете ли Вы их каким-либо образом выписать. Мне нужны: 1) Max. Schehler. Die wissenformen und die Gesellsohalt. 2) K. Kaufsky. Materialiotische Geschichtsauffassune. T. I. 3) H. V. Beckerat. Der moderne Sudustrialismus. 4) Ermt. Wageunamm Struktur und Rhythmus der Weltwirtschaft. 5) Последняя книга Анри Бергсона — я не знаю ее названия, это два тома, в Париже она известна, конечно, в любом магазине. Если удастся их получить — хорошо, не удастся — не страшно, во всяком случае, если это трудно — пожалуйста, не затрудняйте себя.

Как живете — <1 сл. нрзб.>

Приехал ли Соловей¹⁷?

Кланяюсь всему семейству.

Крепко жму руку.

Леопольд Авербах

А как я здорово теперь верхом езжу!!

Что с обозрением¹⁸? Работает народ? От Цетлина (изд-во Федерация) я, конечно, письма *не* получил.

14. ГОРЬКИЙ — Л. АВЕРБАХУ

Сентябрь, до 8, 1932, Москва

Дорогой Леопольд, посылаю письмо Фадеева¹, не совсем понятное мне. Нельзя допускать, чтоб он прервал работу над романом.

Его предложение издать ряд указанных им книг² — имеет определенную практическую ценность. В этом надобно его поддержать, а Вам нужно взяться и за эту работу. И за эту, потому что Вы уже утверждены секретарем ред<акции> «Истории фаб<рик> и зав<о-дов>»³.

Привет.

А. Пешков.

15. Л. АВЕРБАХ — ГОРЬКОМУ

Ноябрь, до 20, 1932, Москва

Дорогой Алексей Максимович.

Так всегда бывает, когда много думаешь о письме и долго собираешься его написать, садишься писать наспех и в последний момент. Три недели, как Вы уехали. За это время прошел Пленум Оргкомитета, здорово двинулась работа по альманаху, неплохо — на местах особенно — идет работа по истории заводов. Об этом по порядку.

Пленум Оргкомитета. Вы, вероятно, за газетной информацией следили. Она дает, однако, весьма приблизительное представление о действительно происходившем. К примеру: я посылаю Вам стенограмму моей речи — сравните с тем, что о ней писалось!

Самое главное о Пленуме: это была внушительная демонстрация массы писателей за политические лозунги партии к пятнадцатой годовщине — во-первых; это — у основной массы — была внушительная демонстрация желанной дружной работы (в том числе и с б<ывшими> рапповцами) на основе решения ЦК — во-вторых; это была демонстрация действительной ликвидации старой рапповской группы (полемика Макарьева¹ с Либединским² — единственным кроме *Клычкова*³, выступившим персонально против Авербаха, полемика Кирсона⁴ с Чумандриним⁵, произнесшим речь глупее и «решительнее», чем у Вас на заседании — в-третьих; это была демонстрация слабости оргкомитета — речи Гронского⁶ и Кирпотина⁷, особенно разительная при сопоставлении с силой решения ЦК — в-четвертых; обсуждение вопросов было подведением итогов и концом старых группировок, а не постановкой новых вопросов и выявлением новых размежевок в писательской среде — в-пятых; в стороне остались молодые писатели, сугубо выдвигались маститые (от Березовского⁸ и Серафимовича до Пант. Романова⁹ и С. Клычкова) — в-шестых; острые моменты, создававшиеся, например, откровенно *черносотенным* выступлением Клычкова (*кругом нас хаос, писателю надо отгородиться от действительности и т. д. и т. д.*)* немедленно руководством Пленума затушевались, стирались, обходились — вместо того, чтобы акцентироваться для подъема прений на более высокий идейно-политический уровень — в-седьмых.

---

* Эта фраза в письме была подчеркнута Горьким; здесь и далее в текстах писем курсивом выделяются фразы, слова, подчеркнутые (или отмеченные) М. Горьким.

Вывод. Пленум политически прошел со знаком плюс. Такое настроение основной массы писателей (даже различая публичные декларации и действительные настроения, торжественные речи и реализацию их в творчестве) — победа партии. Несмотря на всем ясную литературную слабость Гронского и особенно Кирпотина (к Гронскому другие, не узко литературные требования) — известное повышение авторитета руководства О<рг> К<омитета> — провели пленум, дескать, *как представители партии*.

Отношение ко мне лично и к моим друзьям. Говорили на эту тему все ораторы. «Прорабатывали» — дико злобно Клычков, Тарасов-Родионов¹⁰, Серафимович, кроме того меня лично (уже упоминал выше) Юрий Либединский — чуть не со слезами на глазах, с дрожащими руками и прочими атрибутами соответствующих и подбавляющих случаю переживаний: Авербах, дескать, громадная сила и т. д. и т. п., но — прямой намек на аналогию с *Троцким* (!! — надо ему перейти на положение рядового, отказаться от будто бы имеющихся претензий на руководство, от излишнего самолюбия и что-то в таком роде еще. Все же выступавшие писатели — при разной степени критики РАПП (Лидин¹¹ и Казаков¹² больше, Тихонов и Всеволод¹³ куда меньше) выступали в чрезвычайно хорошем и дружеском тоне. О Пленуме, впрочем, Вам подробно собирались писать Афиногенов и Макарьев.

Очень здорово выступал на Пленуме Киршон! Ей-богу, лучше, чем кто-либо мог ожидать!

В Президум ОК не ввели ни меня, ни Макарьева — ввели Чумандрина, видимо, за его заявление о том, что «мы» боролись шесть месяцев против решения ЦК! Это, конечно, никакого существенного значения не имеет. Настроение у нас у всех в общем хорошее. Общее чувство удовлетворения — окончилась организационная мура — можно и должно всерьез литературно работать. И еще: как никогда важны сейчас не те или иные организационные центры, а редакции журналов, альманахов, серий — все центры, которые существуют не для [понятий] разговоров о литературе, а для того, чтобы ее делать.

Здесь законный переход к альманаху¹⁴.

Объявление о нем и начало работы вызвало чрезвычайный интерес. Вам трудно представить себе насколько он велик. Желают сотрудничать в альманахе буквально все — это даже опасно! Рукописей от известных (в кавычках и без) писателей будем иметь больше, чем достаточно. *Пока* труднее с молодежью — Далецкий¹⁵ прислал *слабый* отрывок из второй части «Концессии», послезавтра пришлет повесть. Кнехт¹⁶ и Герман¹⁷ дают для *второй* книжки. Из зна-

комых Вам молодых в первой книжке будут, вероятно — сейчас мы коллективно читаем, подробно Вам напишу о всех этих рукописях, все мало-мальски спорное все-таки будем просить Вас посмотреть — Лапин¹⁸, Габрилович¹⁹, Левин²⁰.

Кроме того, как мы и намечали, Всеволод Иванов²¹, Павленко²², Афиногенов (Франция)²³, Никулин²⁴. Спорный вопрос — «Первый гонорар» Бабеля²⁵.

Как Ваше мнение на сей счет? Я, Павленко, Фадеев (мнение остальных еще не знаю) — за печатание.

Богато даем поэзию: Луговской — весь цикл «Жизнь»²⁶ и Багрицкий — тоже большая и превосходная поэма²⁷. Открываем Вашим «Булычевым», кот<орый> уже набирается (правку последнюю получил).

Т. к. повести листов на 5—6 у нас для первого номера не оказалось (Сергиджан, Фадеев и Ермилов удрали в «Красную Новь») — то мы единодушно решили дать 5 листов из известной Вам книги палехских художников (редактор Вихрев). Выбрали наиболее интересные и характерные автобиографии²⁸, даем их с большим количеством клише — и на хорошей бумаге! Материал этот чрезвычайно интересный. Как Вы к этому относитесь. Ежели думаете, что не стоит — снимем.

Отдел критики. Очень ждем Вашу статью о драме — как дела с ней? Мирский завтра сдает статью о Джойсе — нам это весьма любопытно²⁹. Ермилов — о драматургии³⁰. Я — по общим творческим вопросам в форме бесед с писателями³¹. Зелинский — о поэзии за 15 лет³².

Отдел юмора, видимо, не успеем сделать в первый номер — спешка³³!

Тираж альманаха 50 000 экз. Сегодня был нарочно сам в книгоцентре — гарантируют распространение в самый краткий срок. Деньги Цыпин все же несколько излишне экономит. Рассчитываю на помощь П. П., по его приезде. Затруднения имеются потому, что нет об альманахе формального решения ЦК. *Необходимо*, чтобы Вы написали маленькую записку хозяину с просьбой оформить альманах при ЦК, т. к. у нас иногда бывает глупое положение, когда об этом заходит речь — может быть задержка и с бумагой и, конечно, с главлитом.

После объявления в газетах (одного и маленького) уже пошли письма и начался самотек рукописей. Ко второму номеру, безусловно, найдем совсем новых людей!

Еще один вопрос в связи с альманахом: мы все за печатание статьи Сперанского³⁴. *Можно ли это?*

Вывод — альманах *будет* хороший!

О положении в истории заводов в ближайшие два-три дня вышлю Вам специальное письмо³⁵ и проект статьи. Нас — секретариат — *режет* необходимость согласований, на которые уходит — и без толку! — невероятное количество времени. Это особенно обидно сейчас, когда на первом плане уже не организационная работа (хотя она абсолютно увеличивается), а работа над рукописями, со сколоченными авторскими коллективами над осмысливанием и разработкой проблем, выдвигаемых периодом писания книг. Заседание, материал к которому Вы смотрели, и после Вашего отъезда не состоялось. Я на свой страх и риск решаю ряд вопросов, как полномочный представитель политич<еской> редакции — но как будет, когда вернется Стецкий³⁶, не знаю. Л. М.³⁷ все время в отъезде.

Были у нас уже рукописи надеждинского завода, завода К. Маркса, Моск. инструментального завода, следующие главы Моск.-Каз. ж.-д. и т. д. Новые программы 15—20 предприятий — на чтение всего этого уходит много времени, решил теперь сидеть в редакции не каждый день, а один раз в два дня.

Катастрофически плохо с помещением, машиной и пайками-распределителями для работников. Не поможете ли Вы нам издали? Не черкнете ли записочку Енукидзе³⁸ с напоминанием о его обещании?

Шушканов уехал на Урал — пробудет там целый месяц. Немедленно после сдачи альманаха и я по делам истории заводов поеду на Украину, где пробуду не менее двух недель (Днепрострой, Харьков, Донбасс).

Пятнадцатая годовщина прошла хорошо. Но трудности в стране изрядные. Особенно плохо с казачками на Сев-Кавказе — ежели хотите, черкну Вам на все эти темы.

Какая трагедия для хозяина смерть Аллилуевой³⁹ — как-то особенно чувствуешь, как мы все по-человечески любим Сталина.

Пора кончать — письмо явно болтливо.

Без Вас очень скучно.

Ваш *Леопольд*

Я установил суровый рабочий режим — вне часов в ИФЗ и редакции альманаха мало встречаюсь с людьми, очень много читаю — по истории фундаментальную литературу и, главное, для книжки «коммунистич<еский> труд и будущее искусство». Над этой книжкой буду целиком работать всю зиму и весну — не хочется писать статей дробных и на относительно случайные темы, хочется *новом* и на *новом* материале.

Так писать нельзя!? Продумать коренные вопросы искусства и стили культуры в целом.

С Фадеевым отношения прежние — дружбы прошлой теперь нет.
Л. А.

16. Л. АВЕРБАХ, С. Г. ФИРИН — ГОРЬКОМУ

20 ноября 1932, Москва

Дорогой Алексей Максимович!

Не жду Вашего ответа на мое письмо — несколько срочных дел.

История фабрик и заводов. Работа главной редакции *замораживается* невозможностью созыва заседаний тех коллегий, в к-рые входят т. т., действительно занятые более серьезными делами. Но от этого Вашему, менее серьезному делу, отнюдь не легче. Т. к. ждать с решением хотя бы только тех вопросов, к-рые были подготовлены к предполагавшемуся заседанию политредакции, дальше невозможно — то я предполагаю провести их опросом, без заседания, простым голосованием.

Посылаю Вам несколько проектов постановлений, к-рые Вы знаете. Очень прошу подписать их и прислать срочно обратно для того, чтобы я мог разослать их другим членам политредакции на подпись¹.

Не посылаю проекта состава секретариата, т. к. все работники аппарата (Шушканов, Тихонов, Горин и др.) считают нецелесообразным у нас наличие особого секретариата кроме политредакции. Рабочий секретариат состоит на деле из меня, Шуша и Тихонова + каждые пять дней редакционные совещания в составе всех работников гл<авной> ред-ции. Создавать еще одну надстройку, по-моему, нет нужды. И без того при недостаточной определенности моих «правов» — достаточно инстанций для согласований!

По ИФЗ мы перешли к новому этапу работы — *рукописи*. Но, естественно, что, во-первых, многие рукописи имеют большую ценность, но не могут выходить под маркой нашей серии, т. к. представляют собой произведения другого типа (чисто литературные, исторические монографии относительно академич. типа и т. д.) и, во-вторых, появляются рукописи, отражающие этап предварительного собирания мат-лов (к примеру — биографии рабочих, история рабочей семьи, сборник воспоминаний и т. д.), и здесь главный вопрос: *берем ли мы на себя только нашу серию, отдавая все остальное кому-либо на сторону* (комакадемии, соцгиз. и пр.) или мы —

создавая нашу серию, в связи с нею и для нее — идем и на известное расширение рамок нашей деятельности — только в тех пределах, конечно, которые диктуются необходимостью обеспечить действительно научный характер наших изданий. К примеру: нам позарез нужна хроника и атлас рабочего движения. Предъявить «специальный заказ» историкам и успокоиться на этом, зная, что они не сделают?! Или мобилизуя историков и находя людей, самим обеспечить работу над хроникой и атласом? Какова перспектива нашего развития: редакция серии, примерно через два года распускаемая по случаю окончания основных работ, ею намеченных (26 или 50 предприятий) — или редакция серии, *перерастающая в своеобразный исследовательский институт* истории рабочего движения, создающий свои кадры в основном на работе по нашей секции, действительно «увязывающей» историю рабочего движения, фабрик и заводов с историей промышленности, часть кадров, поднимаемых ИФЗ, квалифицирующий в писателей, передавая их далее, по чисто литературному ведомству.

Это не вольные размышления на тему о завтрашнем дне — на это нужно отвечать для разработки действительно плана нашей сегодняшней работы. Я лично — *за второй вариант*. Это не значит, что мы на ближайшие год—полтора ставим себе какие-либо другие задачи, кроме нашей основной секции — это было бы губительным распылением сил, недооценкой реально идущей работы по созданию истории фабрик и заводов, непониманием ответственности за воспитание тех кадров, к-рые ИФЗ поднимает. Но это значит, что у нас — для редакционной работы над рукописями — появляются наши аспиранты (и историки, и литераторы), работают наши семинары по научной разработке остальных проблем (в том числе и литературная форма), создаются ячейки по библиографии, по методике использования архивных материалов по изданиям подсобного и обслуживательского характера. И это надо делать *быстрее*, чтобы кончился период *кустарного* руководства массовых, трудным и увлекательным движением по ИФЗ.

Чем больше я присматриваюсь к практике работы по ИФЗ, тем яснее вижу: *драка за гегемонию между историками и писателями* особенно зло идет там, где нет хозяина — рабочего коллектива, пишущего свою историю. Там, где не проделали этой *главной* работы, не подняли рабочей массы, не выделили из ее среды кадров авторов книги, ограничились агитационной компанейщиной или поспешным сбором воспоминаний — там дерутся историки и писатели (На Украине, напр.).

А лучше всего идет работа там, где создан рабочий коллектив (Ижорский завод, завод им. Маркса — новый Лесенер, завод им. Сталина — б. Амо и т. д., и т. д.) — там и писатели и историки одинаково правильно и все более умело используют для создания действительно массовой, действительно коллективной, действительно художественной и научно выверенной истории. Этот курс на ведущую роль авторского рабочего коллектива (не поставщиков сырья, не кружок самообразовательной учебы, и 5—7—9 авторов глав) надо, по-моему, твердо проводить в жизнь. Впрочем, подробно и с необходимой аргументацией обо всем этом я буду писать в статье, к-рая задерживается из-за необходимости срочно окончить статью для альманаха.

Одно предложение по альманahu², по его отделу критики. Не стоит ли его в 2-м номере построить так: взять т.н. вечные темы (любовь, смерть, смысл жизни, труд) и дать на эти темы большие обзоры советской литературы? Это даст возможность, с одной стороны, показывает историческую изменчивость содержания этих категорий, наш новый подход к ним, величайшую революцию человеческих чувств и мыслей (а не только мыслей) — всей психики, и, с другой стороны, даст меру идейного уровня основной массы произведений советской лит-ры, ее поверхностность, ее схематизм, бедность ее героев, малую культуру ее авторов, это, опять-таки, даст возможность и творческие вопросы, вопросы метода ставить в связи с тематическими узлами. Т. о. это были бы 3—4 большие статьи (возможные авторы: Макарьев, Ермилов, Селивановский, Зелинский, Серебрянский³, Корабельников⁴, Троценко⁵, Авербах) + Ваша вводная к этим 3—4 статья⁶.

Стоит это делать? Всеволоду Иванову (мы с ним хорошо просидели на днях два вечера подряд) — это предложение нравится. Ермилову — тоже. Другим еще не говорил.

Еще одно дело. Посылаю Вам статью Эльсберга⁷ о Щедрине в театре Сатиры. Хочется узнать Ваше мнение о ней. Об авторе статьи я Вам рассказывал. На этом кончаю — очень тороплюсь.

Читали ли Вы исключительного интереса книгу группы Мерровских учеников «Тристан и Исольда (от героини любви феодальной Европы до богини матриархальной Афровразии)»?

Ежели нет — я вышлю ее Вам.

Горячий привет.

Ваш Леопольд

Привет всему населению соррентского советского корабля.

Рукой С. Фирина⁸:

Жизнь у меня, Алексей Максимович, ключом бьет: начинаем сейчас вплотную подходить к дальневосточной стройке — грандиозная штука! Двигутся и другие дела на полный ход — Генр<их> Григ<орьевич> не дает нам застаиваться.

О Вас вспоминаю с теплотой, не забывайте и меня. Надеюсь, что со здоровьем у Вас налаживается.

Крепко обнимаю, привет всем.

Семен Фирин

20.XI.32.

Рукой М. Горького:

П. П. ⁹ прочитайте это письмо, Я в нем многое не разобрал и не все понял.

А. П.

17. ГОРЬКИЙ — Л. АВЕРБАХУ

Ноябрь, после 20, 1932, Сорренто

Дорогой Леопольд, — длина Вашего письма почти два метра и в нем свыше 800 слов, написанных не очень удобочитаемым почерком. Вы — богатый, Вы — щедрый человек, но — я обременен длинными письмами и у меня очень мало свободного времени, что объясняется обилием разнообразных делишек, не менее серьезных, чем те, о коих Вы сообщаете, не щадя слов. «Есть еще одно дело» — пишете Вы, посылая статейку о Щедрине и желая знать о ней мое мнение. Это — не «дело». Статья о Щедрине — вызвала у меня впечатление неудачной рецензии о некоей театральной постановке. Почему я должен читать такие вещи? Надеюсь — Вы не думаете включить эту статью в Альманах? Нет, Вы, пожалуйста, не загромождайте меня такими делами. И напрасно Вы посылаете корреспонденцию через Рим, откуда ее, — за 300 километров должен привозить специальный человек. Теперь — к делу.

По вопросу о рукописях. В одной из моих статей я писал, что «Ист<орию> ф<абрик> и з<аводов>» нужно рассматривать как рост раб<очего> класса в прошлом, а затем — как развитие раб<очим> классом соц<иалистической> промышленности и предлагал создать, на основе сделанной работы «Институт изучения про-

мышленности». Если смотреть на дело так, то «Ист<ория> ф<абрик> и зав<одов>» должна объединить в своих руках весь лит<ературный> материал, созданный рабочими по вопросу о рабочих в промышленности. Так создается — «своеобразный исследовательский институт раб<очего> движения», о коем Вы пишете. К этому вопросу сводится все содержание В<ашего> письма.

О «вечных темах» для альманаха, — это очень хорошо бы, если авторы сумеют удержаться от шаблонщины и грубых «опрощений». Теме — «смерть» обязательно должна быть посвящена статья кого-либо из ленинградских биологов. Эту тему совершенно необходимо осветить *научно*, дать итог современных знаний о технике человеческого организма. С другой стороны: взять из 50-ой книги «Соврем<енных> Записок» статейку Владиславлева¹ о бессмертии, написанную — очень глупо — по поводу соображений Достоевского — весьма туманных — именно о бессмертии. Владиславлев делает некие выпады против нас, грешных, и вообще — вполне пригоден для трепки. Кроме того, вопрос о смерти требует, чтоб мы заглянули в область современной немецкой философии, коя весьма усердно штудирует сей вопрос и довольно единодушно утверждает, что «человек — смертен». Это — факт, представьте?

Владиславлев указывает философов наиболее смертолюбивых. Ну, хватит с Вас неистовый Леопольд, чорт Вашу душу возьми и да будет ад для Вас местом еще более неудобным, чем [эта] земноводная планета, непрерывно орошаемая дождем и дурачки помещенная на каких-то идиотски неустрашимых сквоззяках.

Сказал А. Пешков.

18. Л. АВЕРБАХ — ГОРЬКОМУ

8—11 декабря 1932, Москва

Дорогой Алексей Максимович,

Посылаю Вам рукопись Вс. Иванова, Бор. Левина, Багрицкого, Луговского, Афиногенова, Палешан (Вихрева)¹, верстку Булгакова². Сейчас тороплюсь и посылаю рукописи без комментариев. Завтра специальным письмом «выложусь» о них. Очень прошу прочесть рассказ Всеволода.

Ваш Леопольд

19. ГОРЬКИЙ — Л. АВЕРБАХУ

24 декабря 1932, Сорренто

Дорогой Леопольд —

Материал, собранный Вами для «Альманаха», не годится. Рассказ Всев. Иванова, тематически не очень оригинальный, но все же интересный, сделан небрежно, эскизно, изобилует различными излишествами, многое в нем не оправдано, произвольно, материал расположен кое-как. В общем это — черновик рассказа. Рукопись оставляю у себя, надеюсь, что автор в январе придет сюда и мы поговорим с ним о необходимости переделать этот рассказ или же дать другой.

Из пометок на рукописи Афиногенова¹ Вы увидите, что его очерк вызвал у меня раздражение против автора к чему и кому из наших читателей нужно это манерничанье в стиле Дос-Пасова²? Кстати скажу: стиле интересном только для снобов литературных. Афиногенов превратил этот стиль в прейскурант универмага. Можно ли назвать литературой это сухое и хаотическое перечисление вещей, товаров, фигур? Если бы автор распределил эти вещи по линиям: первой бытовой необходимости, капризов моды, роскоши, если б он противопоставил их количества и качества, указал бы сколько затрачено на производство их ценной рабочей энергии, сколько ее убито на пустяки, на пошлости, это имело бы смысл.

А в том виде, как дан А<финогеновы>м вещной хаос, он не может возбудить в читателе никаких эмоций, кроме раздражающей скуки.

Почему «малаш»* Мережковский³ в то же время «высок»? Мережковский всегда был маленький и тощий. Почему Али, зять Магомета, жил за 6000 лет до Р. Х., когда Магомет родился в 570-х гг. по Р. Х. ? Эмиграция дана автором очень слабо, не четко и, видимо, по газетам, а не по личным наблюдениям. По газетам же даны: Горгулов, похищение сына Линдберга и то, и другое без наиболее характерных черт брошено небрежно, как собаке кость. Изумляет меня эта небрежность молодых писателей в их отношении к читателю! А вместе с этой, отталкивающей чертой новой литературы, чувствуешь, что пишут на суд товарищей по ремеслу, а не на суд читателя, — лучшего читателя во всем мире.

Очерк Афиногенова тоже невозможно принять. Если он хочет сотрудничать в Альманахе, пусть выкинет главки «О нем», Горгу-

* Описка Горького; нужно «малыш».

лова, Линдберга, сожмет плотнее все, что у него есть об эмигрантах, даст несколько бытовых, уличных зарисовок, — тогда, м. б. очерк будет лучше.

Левин тоже очень слаб. Начало, о Кацермане, — нужно или выкинуть, или переделать, да и весь рассказ переписать за ново. А еще лучше — отказаться от него, ибо «Литгазетой» рассказ уже разжеван.

О Палехе я еще в Москве говорил Вам, что в первом Альманахе этому материалу не место. Стихов Луговского и Багрицкого вместе — слишком много, в первой книге достаточно одного Багрицкого.

Белые стихи в большом количестве — вещь нестерпимая.

Итак: для «Альманаха» материала нет. Меня удивляет: неужели Вы сами не видите, что присланный Вами материал — не пригоден? А в Москве Вы говорили: подберем хорошие вещи. Сознаться, что это не удалось. Прочитав присланные «сочинения», я подумал: что это значит? Не понимают люди значения «Альманаха» или же сунули Авербаху этот хлам, потому что, не решаясь прямо отказать Горькому, боясь скомпрометировать невинные души свои сотрудничеством с Авербахом? Вообще прочитанные мною рукописи вызвали у меня мысли грустные и злые. А до этого столь же грустные и злые мысли явились, когда я читал отчет о пленуме Оргкомитета. Не намечается ли в социалистическом отечестве нашем группы истерико-эгоистов?

Пишу все сие 23-го. Рукописи получил 19-го. В записке Вашей при них сказано: «завтра пошлю подробное письмо».

Такового еще нет.

Желаю Вам бодрости духа, Леопольд. Сердечный мой привет Иде⁴ и Г. Г.⁵ Если мысль об издании Альманаха не охладела, — собирайте материал не торопясь, детально.

Хорошо бы сделать 1-ую книжку всю из произведений «начинающих», безымянных писателей, а? Как Вы полагаете?

А. Пешков

24.XII.32.

20. ГОРЬКИЙ — Л. АВЕРБАХУ

30 декабря 1932, Сорренто

19-го XII, дорогой Авербах, я получил от Вас письмецо, в коем было сказано Вами: «Завтра пошлю Вам — мне — большое, письмо». Письма такого я до сего дня не получил.

Если Вы решили выпустить Альманах с материалом, забракованным мною, это вынудит меня снять с книги мое имя как редактора и отказаться от дальнейшей работы по организации выпусков Альманаха.

Крайне странно, что Вы не понимаете: нельзя выпускать Альманах с таким материалом¹.

А. Пешков

30.XII.32.

21. Л. АВЕРБАХ — ГОРЬКОМУ

Январь, после 6, 1933, Москва

Дорогой Алексей Максимович,

Сегодня, 6-го, получил Ваше письмо и рукописи. С альманахом¹ все происходит, видимо, по принципу — первый блин комом. Мы забраковали очень большое количество рукописей (в том числе и значительных писателей — как Никулин напр.). Мы отобрали рукописи некоторых начинающих, над которыми авторы работают по нашим указаниям. Сбор материала был *неимоверно* затруднен неясностью с официальным оформлением альманаха. Мы начали работу без *постановления* соответствующих инстанций. Выписка об утверждении редколлегии получена дней десять тому назад, причем в состав редколлегии добавлен тов. *Кирпотин*. Все эти обстоятельства в достаточной мере лихорадили работу.

«Сбагривают» ли писатели Авербаху барахло, — не желая отказать Горькому? Посмотрите материал «Нового мира» и «Красной Нови»! Многие издания сейчас печатают едва ли не все, что им приносится. То, что мы отклонили ряд рукописей, было сенсацией — без преувеличения! Молодежь надо *искать*. Искать без постановления соответствующих инстанций об альманахе, без объявлений о нем, далее — очень трудно. Уже за неделю после постановления начали устанавливаться необходимые связи. Выход альманаха дал бы дальний размах работе его редакции для составления второго номера.

Последние десять дней я, естественно, подумывал: не бросить ли мне работу по альманаху. Если бы я раньше знал, как будет складываться литературная ситуация (для меня лично) — то не брался. Но сейчас перестать *нельзя никак*. Да я и не остыл к альманаху! И у писателей — у большинства во всяком случае нет такого отношения, которое Вы предположили. И редколлегия альманаха

до последнего времени работала дружно — читка рукописей всеми, коллективное обсуждение, единодушные решения (почти всегда).

Второй альманах вполне может быть составлен в основном из произведений начинающих, это самая хорошая и приятная задача — она выполнима.

Как быть с первым?

Рукописи, к-рые Вы прислали сегодня обратно, путешествовали полный месяц. Я, конечно, должен был их отправить Вам раньше (хотя П. П.² считал, что Вам вообще надо посылать только самое необходимое) — во-первых, и, во-вторых, не сдавать в набор до Вашей санкции. Это не трудно, т. к. мы сами устанавливаем сроки выхода альманаха.

Издательство давило и давит на нас изо всех сил. Оно, конечно, заинтересовано в возможно более скором выходе альманаха. Поскольку от Вас возражений не было, то мы на последнем совещании с издательством решили первые листы печатать (Горький — Всев. Иванов — Луговской).

Я тоже считал и считаю рассказ Левина не первоклассным. Вы читали рассказ уже *после* правки по моим и Ермилова указаниям. Некоторые тт. были за принятие и в прежнем виде. Это, конечно, служить оправданием сдачи в набор не может. Этот рассказ мы *снимем*.

Очерк-повесть Афиногенова написан явственно и выразительно под Дос-Пассоса. Но мне кажется, что у Афиногенова имеется и полемика против метода Дос-Пассоса, метода сейчас — увы! — многими канонизируемого. Дескать, сначала молодой советский инженер в новой, неожиданной и ошарашивающей обстановке Парижа теряется, у него нет сил охватить окружающее и овладеть им, все воспринимается им по Дос-Пассосу — на одной плоскости, в параллельных планах разорванного сознания, внешне динамически, все мелькает, не связываясь в какие-либо узлы, и т. д. — а, затем, устанавливая опорные пункты, находя углы зрения на действительность — мир начинает ему казаться отнюдь не «Дос-Пассосовским», все постепенно организовывается и самое повествование Афиногенова становится более ровным, бессвязность уменьшается, все входит в положенное русло. Соображения, как видите, у меня были несколько чрезмерно литературные — даже, пожалуй, не без литературщины.

Вашу оценку я передам Афиногенову. Снять из первого номера до переделки автором мы можем безусловно. Это мы и сделаем.

Предварительный вывод. Афиногенова и Левина снимаем. Иванова и Луговского разрешите печатать — и авторы, за себя от-

вечающие (опять, конечно, не оправдание и не довод, а *наоборот!*), и бумага затрачена — тираж-то ведь 50 000.

Ваше генеральное предположение — не сделать ли, дескать, весь альманах из начинающих — нельзя ли превратить, как я писал выше — в программу работы над вторым альманахом?

Завтра я спешной почтой пошлю весь остальной материал альманаха — верстать дальше не будем до получения ответа от Вас. Очень важно выпустить первый номер, чтобы разворачивать работу.

Письмо Ваше и огорчило, и обрадовало.

Огорчило создавшимися трудностями с первым номером. Обрадовало тем, что до напечатания можем исправлять — потом уже поздно, тем, что Вы прочли рукописи, тем, что Вы к альманаху, видимо, не охладели. Работа в альманахе не так ведется, что, дескать, Авербах под прикрытием Горького готовит свое издание. Фадеев, Павленко, Габрилович разговаривают с авторами, принимают в редакции и т. д. Это очень хорошо, с моей точки зрения. И они *гордятся* тем, что работают в альманахе. Рассуждаю я здесь не в порядке воинствующего оптимизма — я, как будто, стал повзрослее. И глаз на отношение к себе не закрываю.

Простите за небрежное письмо — пишу у Петра, торопясь, т. к. через час уезжает Мотя³.

О работе истории заводов пишет Вам Шуш.⁴ — он недавно вернулся с Урала и его наблюдения могут быть интереснее моих — а письмо, как будто, судя по конверту — объемистое.

Работа по истории очень увлекает. Много бываю на заводах.

Крепко жму руку.

Ваш Леопольд

Привет окончательно забывшему меня населению Вашего дома.

Простите за большое письмо. Больше не буду! Скорее, пожалуйста, откликнитесь на предложение о созыве совещания авторских коллективов!

22. ГОРЬКИЙ — Л. АВЕРБАХУ

16 января 1933, Сорренто

Дорогой Леопольд —

собирался написать Вам длинное письмо, но пришлось писать столько писем, что для Вас и Шушканова не хватило времени. Во-

лин — торопится домой¹, «как нахлестанный» или как человек с большими зубами к дантисту.

Сперанский перерабатывает статью об эксперименте, это — очень хорошо². Было бы тоже хорошо, если бы кто-нибудь написал красивую заметку о коммуне Дзержинского по книжкам «Второе рождение», составленной бригадой «Ком<сомольской> Правды», редактор А. Броневой из Харькова и по Макаренко «Марш 30-го года», изданной Гихлом. Очень веселые книжки³? Слышал, что в Новосибирске издан интересный лит. художественный альманах «Шаги» — посмотрите, что это такое?

Вообще — твердо ставьте альманах на интересе к новым лит<ературным> начинаниям в Союзе, на поисках молодых талантов и на помощи им, — вот Вам мой стародьявольский завет! Хочу попробовать написать какую-нибудь штуку для 2-го №-а⁴. Очень мало времени у меня, да и до смерти осталось каких-нибудь шестнадцать часов.

Ну — хорошо, кончаю! Иду обедать.

Всего доброго. Не сердитесь на людей. [они не стоят] Выругался, но стыдно стало.

Привет.

А. Пешков

16.I.33.

23. Л. АВЕРБАХ — ГОРЬКОМУ

14 февраля 1933, Москва

Дорогой Алексей Максимович!

Приходится опять загружать Вас рукописями.

Повесть *Паустовского*, по-моему, стоит печатать. И написано хорошо и интересно. Отрывок из нее печатался в «Правде» — вы, вероятно, читали там¹. Несмотря на это, я за печатание, т. к. отрывок был опубликован небольшой. *Зазубрин* дал очень хороший кусок — но не слишком ли это явно вырвано из романа²?

Браковка Вами рукописей была разъяснена мною на широком собрании сотрудников альманаха как призыв к борьбе за высокое художественное качество, за культуру языка, за настоящую культуру вообще — против неряшливости, малограмотности, поверхностности, вульгарного эстетского манерничанья и т. д. Говорил я о том, что Ваши требования к произведениям — урок для всех нас и свидетельство снижения нами критериев оценки произведения. Го-

ворил о том, что замечания Ваши не стилистические, а стилевые, в совокупности ясно выражающие ту художественную линию, которая должна проводиться альманахом.

Были оживленные и очень хорошие прения. Разговаривали Никулин, Всеволод Иванов, Габрилович, Сослани³, Луговской, Бруно Ясенский⁴ и др., были на собрании и Паустовский, и Зазубрин, Пасынков⁵, Славин⁶, Ильф⁷, Митрофанов⁸ — человек сорок всего.

Авторы, чьи рукописи Вы критиковали, рассказывали о характере Ваших замечаний, о планах переработки, о необходимых исправлениях, об отдельных несогласиях. Один Бор Левин заявлял, что ваша правка носит только грамматический характер. (Он же, кстати, будто бы переделал рассказ — посылаю Вам его новую редакцию. Я не убежден в необходимости печатать его рассказ в 1-м номере⁹.) Некоторые заявляли, что ежели бы они знали о направлении рукописей к Вам — они бы тщательнее поработали прежде чем сдавать? Ну и ну!

Работаем сейчас с несколькими начинающими — их рукописи Вам — пошлем уже после редакционной работы здесь.

Скорее бы выпустить первый номер¹⁰ — тогда будет и работать легче и работы будет больше.

Завтра посылаю Вам большое письмо.

Горячий привет всему населению.

Ваш Леопольд

14.02.1933.

Москва.

24. ГОРЬКИЙ — Л. АВЕРБАХУ

22 февраля 1933, Сорренто

Дорогой Леопольд!

Прочитал я Зазубрина и Паустовского, обе рукописи достаточно интересны и печатать их, разумеется, следует. Затем, — но без него не обойдешься! У Зазубрина: кулак весьма красноречив и философия его соблазнительна для индивидуалиста, как для нищих — гривенник, хотя бы и несколько стертый, однако же — ходовая монета. А коммунист — не только лаконичен, а — как будто — нем по природе своей. Я знаю повесть и знаю, что положительное лицо ее — не Безуглый, а другой, рабочий, но в данном отрывке рукописи кулак «впечатляет» читателя значительно больше коммуниста. Вручите Зазубрину прилагаемое письмо, в коем я прошу

его сократить или же дополнить отрывок. [Письмо посылаю прямо ему, он — в Москве.]

Паустовский даровит, грамотен и с хорошим вкусом к истории, кажется у него есть интересная книжка о Кара-Бугасе. Его повесть не требует поправок, но если читатель сопоставит все, что в ней говорится о тяжелой доле «народа» сто десять лет тому назад, с философией кулака у Зазубрина, то я опасаясь, что в память читателя крепко влипнет фраза Фуллона «лучше гнуть людей в дугу, как это делают в Англии, нежели ломать их с треском, как в России». (Кстати: разве Фуллон — англичанин. Не француз ли, эмигрант, предок Фуллона, градоначальника Петербурга в 905 году?). Читатель все еще любит питаться жалобами, да и сам пожаловаться весьма любит, хотя ему, кроме как на себя, уже не на кого пенять. Если мы не можем совершенно не давать ему материала для жалобных настроений, так должны давать материал этот небольшими количествами и в наименее съедобном виде. Повесть Паустовского с некоторыми добавлениями можно бы включить в «Историю Заводов».

Мне кажется, что основное устремление наших альманахов должно быть направлено на «бодрость духа», так сказать. Однообразие безобразий прошлого мало и даже отрицательно поучительно, если в этом тягостном и способном вызывать пессимистические настроения однообразии мы не научимся находить и освещать логику фактов, которые, сокрушив прошлое, способствовали организации настоящего. Основной порок чистого «бытовизма» в том, что он дает каждый отрезок быта — во времени — как нечто законченное, бесхвостое и безголовое, тогда как известно, что вчерашнее прошлое имеет сзади себя хвост, обращенный в еще более отдаленное, а также имело голову, устремленную в будущее. Если прошлое уподобить ящерице, то следует помнить, что отломленный у нее хвост не только не мешает ей ловить мух, но даже обладает способностью заново отрастать, то и наблюдается в племени индивидуалистов, из коих некоторые даже воображают себя коммунистами. Я уверен, что Вы понимаете эту простую мысль, смысл ее: надо поднять тон с минора на мажор. Об этом говорилось уже не мало и не плохо, это все более оправдывается множеством фактов, кои согласно утверждают, что энергия Союза советов быстро становится основной актуальной энергией мира. Литература иллюстрирует историю культуры. Обычно она весьма запаздывала делать это, ныне требуется от нее более тесное сближение с текущей действительностью. Требуется и расширение количества тем. Ограничиваться кулаком и его победителем — этого уже мало. У нас

есть новые «герои», например: женщина-администраторша, молодой советский ученый с европейским именем, человек, который 15 лет тому назад был гармонистом в трактирах, цирковым борцом, таких «монстров» уже не мало. Интереснейший герой — крестьянский парень, перерожденный фабрикой в инженера. Узбек или татарин, человек более отравленный религией, чем наш русский «верующий», и человек, который вылез из плена веков на высоту свободной мысли, научной деятельности. Крайне интересен наш враг, если его изобразить в процессе истощения его сил под влиянием не столько крупных и мощных фактов соцтворчества, сколько под влиянием новых и мельчайших изменений быта. Из этой темы можно состряпать очень интересную юмористическую повесть. Хорошо бы Вы сделали, прочитав доклад о новых темах. Кстати, в рассказе Платонова «Епифанские шлюзы» задушен англичанин-инженер. Есть и еще рассказы об иностранцах, погибших в российской тьме болотной. Может быть, эта тема достаточно «использована»?

В эту зиму почта относится ко мне крайне пренебрежительно. Вместо 5—6 дней письма из Союза идут 10, очевидно, останавливаясь где-то и задумчиво отдыхая. Мои письма — многие остаются без ответа. Послал для Альманаха интересную статью Шмидта¹ о технике органического развития — почти совсем новая научная дисциплина. Послал юмористический рассказец «Враг изнутри», неплохой рассказец, как мне кажется... На юмористике и сатире очень настаиваю. Тяните Эрдмана, Ильфа и Петрова², Архангельского³, Зощенко⁴ и — кто там еще? Будите людей, поднимайте на дыбы! Пишите, читайте, это Ваше дело!

Рукописи при сем возвращаю.

Жму руку.

А. Пешков

25. Л. АВЕРБАХ — ГОРЬКОМУ

Конец февраля, 1933, Москва

Дорогой Алексей Максимович.

1) Рассказ Бор. Левина я направил Вам вторично, п.ч. имеются члены редколлегии, полагающие возможным напечатать рассказ Левина после будто бы проведенной им правки. Я с Вашим отзывом вполне согласен¹.

2) Я в состоянии ужаса — статья моя² послана Вам в стилистически недоработанном виде (там есть такие перлы, как расцветаю-

щие ростки, «время вперед», как шаг вперед и пр.), теперь я ее уже почистил. По существу еще добавляю в нее оценку творческой манеры Галина и Ильина по отдельности и небольшой разбор портрета Иванова, Вам посланного (и о Рафаэле — немного развиваю противопоставление и добавляю о значении Рафаэля).

Жду Вашей реплики на статью — это надо и для решения вопроса о печатании ее в альманахе.

3) поездку на Урал откладываю до последних чисел марта для того, чтобы закончить сдачу и обеспечить выпуск первого альманаха. Хочу сдавать номер в набор в следующем виде: «Булычев», повесть Всеv. Иванова (он обработал ее по Вашим указаниям), повесть Паустовского, рассказ Рыкачева, рассказ Зазубрина, небольшая повесть Мих. Кольцова (к-рую Вам на днях вышлем после окончательной отделки ее Кольцовым) и «Дума про Опанаса» Багрицкого. Кроме того, я за печатание этого портрета Иванова (из работ Галина о людях СТЗ), который Вам послан — срочно сообщите Ваше мнение на сей счет. Статейный отдел составляется из Вашей статьи о пьесах, Зелинского о поэзии, Мирского о Джойсе, предположительно Авербаха, Сперанского и Шмидта³. В заключение довольно большой отдел юмора (враг внутри, заседание о смехе⁴, ряд пародий, шаржи Кукрыниксов⁵).

Еще забыл — нам, все же, хотелось бы листа 3—4 дать палехцам. Это украсило бы альманах воспроизведением ряда рисунков.

Так у нас получается 30 п.л. Запустить можно будет через месяц. Я буду ждать Вашего письма, но было бы очень хорошо, если бы Вы телеграфировали о своем отношении к такому плану первого номера. Ежели будете за — я сразу сдам в набор.

4) очень хочется скорее выпустить первый альманах! Это необходимо и для того, чтобы обеспечить хорошую молодежь ко второму номеру.

Привет.

Ваш Леопольд

26. ГОРЬКИЙ — Л. АВЕРБАХУ

Начало марта 1933, Сорренто

Дорогой Леопольд Леонидович —

прочитал Вашу статью, начал править, но получив Ваши письма, решил, что правка уже опоздала.

Если помещать «Мечту»¹, необходимо поместить и Вашу статью. Помещайте и Палеховцев. Хорошо бы воспроизвести в *красках* один из рисунков Голикова к «Слову о Полку Игоре»²! Прилагаю мою статейку о прозаиках³.

Пишете Вы страшно торопливо, бросая слова на бумагу горстями, как бы не заботься о том, чтоб Вас легко и сразу понимали, и надеясь, что читатель сам найдет в массе Ваших слов количество, необходимое ему для того, чтоб понять ход Вашей мысли и цель ее. Вам следовало бы научить себя писать гуще, крепче, это достигается экономией слов. «Мечту» я прочитал, прочитал и очерк в «Новом мире», это — все, что я знаю о «Людах Сталинградского тракторного»⁴. Поэтому — мне трудно судить перехвалили Вы работу Ильина и Галина или не дохвалили ее, или же хвалите в меру.

Порок этой Вашей статьи, как всех других: — у Вас все слова висят в воздухе, не опираясь на факты, а ведь учат — факты, одетые крепкими и яркими словами, «пригнанными» аккуратно по форме факта.

Я не могу сказать, что два очерка, прочитанные мною, очень понравились мне. Есть в этих автобиографиях что-то возбуждающее осторожное отношение к ним: рассказывают люди о себе так, как будто хотели бы получить ордена. Вероятно, это возбуждается тем, что работа единиц густо подчеркнута, а участие массы в этой работе обойдено, не видно. Вполне естественно является такая мысль: воспитывая массу на примерах единиц, не пропагандируем ли мы индивидуализм, тот самый против которого должны бороться? Где черта между социалистическим соревнованием и старинной, мещанской конкуренцией единиц? Вы, в статье вашей, эту черту не намечаете, но не утверждаете. А, ведь, это надобно делать особенно в данном случае, когда люди сами себя рисуют, как победителей. Поймите меня: я отнюдь не склонен умалять их заслуги и огромное значение сделанной ими работы. Смею думать, что мне, гораздо яснее, чем очень многим, виден наш процесс превращения плохих учеников в отличных учителей. Вот, напр<имер>, наши сельхозмашины выбивают с итальянского рынка американские и немецкие, — выбивают не потому что дешевле, а потому что — лучше: легче, работоспособнее и устойчивее во времени. Это — факт глубоко поучительный, ибо он знаменует как практически победоносна теория строительства «нового мира», извлеченная из практики мира старого и быстро расширяемая энергией рабочего класса диктатора, углубляемая этим классом до пределов, предвидеть которые, — невозможно, — ведь, это новая энергия уже начи-

нает смело и тоже победно действовать в области исследующей науки. Мне кажется, что у нас недостаточно твердо помнят главное, что необходимо помнить: все, что делается пролетариатом Союза Советов, делается не для того, чтобы создать «аристократию ума», «жрецов науки», «жрецов искусства», а чтобы, освободив силою техники физическую энергию массы, предоставить ей условия для превращения в энергию интеллектуальную.

«Безумное» намерение это оправдывается множеством фактов, в их числе и работа «людей С<талинградского> Т<ракторного> Завода».

Вы взяли работу эту, как бы оторвав ее от общего потока энергии, творящей новую жизнь и нового человека, следуя примеру автобиографий, собранных в книге Ильина и Галина.

У нас, к сожалению, наблюдается торопливая и вредная тенденция «перехваливания» и уже существует довольно много книг плохих, но «перехваленных» критикой. Кажется, в число таких книг будет включена и «Цусима» Новикова-Прибоя⁵, книга архаически многословная, вялая и едва ли правдиво изображающая ее главного героя, каковым является сам автор, далеко «не герой», как я знаю. Во втором томе он дает морское сражение, вероятно в тех тонах и красках, как это дано К. Фаррером⁶. Нужно заранее сообразить, как такие тона и краски могут повлиять на молодых краснофлотцев, которые живут, быть может, накануне боя и должны идти в бой не на погибель свою, а — на победу.

Чорт Вас возьми, Леопольд, — Вы очень нервничаете и суеитесь! Работая спокойней, Вы дали бы значительно больше и лучше.

Вы хорошо прожили 30 лет. Поздравляя Вас, я все-таки хотел бы, чтоб Вам скорее стукнуло 35 или 40, чтоб Вы стали более уверенным в своих силах и глубже оценили Ваши обязанности литератора Союза Советов.

Пришвина в «Нов<ом> Мире» — читали?»

Хитроумный и талантливый чорт!

Товарищески крепко жму вашу руку, искренне желаю бодрости духа и крепкой веры в свои силы. И — учитесь!

А. Пешков,

старик злой, брюзгливый, 65 лет, мрачный старик!
Передавайте мой привет жене Вашей⁸, славная она!
Поклоны. Скоро приеду.

27. ГОРЬКИЙ — Л. АВЕРБАХУ

4 марта 1933, Сорренто

Дорогой Авербах —

М. Е. Кольцов написал интересно, однако — несколько много-словно¹. Попросите его выкинуть несколько десятков слов и его очерк — выиграет. Такие вещи, чем гуще, — тем лучше.

Пришлет Вам два рассказа — «Монах» и «Сапожник» — некто Ковалевский, обратите внимание на них. Я — за помещение в 1-й книге — «Монаха», во 2-й — «Сапожника»². Автор — грамотный и, судя по его письмам, серьезно работающий.

Привет.

А. Пешков

4.III.33.

28. ГОРЬКИЙ — Л. АВЕРБАХУ

9 апреля 1933, Сорренто

Дорогой Леопольд —

Посылаю добавление к статейке о прозе¹. На стр. 17-й в рукописи, — в последней строке — надобно вычеркнуть слова: «...Старшие богатыри».

Не опоздал?

Как дела?

А. Пешков

9.IV.33.

29. ГОРЬКИЙ — Л. АВЕРБАХУ

Апрель 1933, Сорренто

Дорогой Леопольд,

весьма рекомендую внести в статейку мою — хотя бы как примечание под строкой — выдержку из статьи «Ударники», отчеркнутую красным карандашом. Можно сократить эту выдержку, но — обязательно дать её! Она весьма поучительна для полиграфов и — вообще.

Окаянная душа, проклятый лысый скворец! — Вы не прочитали рукопись Соколова-Микитова¹ и не дали ее мне, а она сделана крайне небрежно, испещрена повторениями, которые следовало вычеркнуть.

Эх, Вы! Нельзя так небрежничать, чучело!

А. Пешков

30. Л. АВЕРБАХ — ГОРЬКОМУ

Конец апреля 1933, Москва

Дорогой Алексей Максимович,

Большое спасибо за Ваше последнее письмо.

Очень много дала мне правка Вами статьи о людях СТЗ. Все Ваши замечания я принял и успел перенести в гранки. На некоторые из них я уже ответил раньше вставками в статью — самую большую из них прилагаю. Мне кажется, что с него вся статья стала лучше. Верно или нет?

Общие дела.

1) *Альманах*. Теперь, когда первый номер, наконец, утрясся — можно начать уже постоянную редакционную работу в нем. Последние дни после Вашей телеграммы — был в паническом состоянии. Было бы очень плохо, ежели бы опять альманах задержали. Завтра весь день буду сидеть над планами второго номера и всей работы в целом. Письмо Вам на эту тему и будет, естественно, одновременной оценкой новой литературной продукции. Статья Ваша о прозе — очень нужная и весьма положительная. И о критике нашей — обо мне в том числе — сказано там справедливо резко. Было бы очень хорошо, чтобы Вы сами написали о том, что мне предлагали: о новых героях, до которых еще не добрались наши писатели, о новых идеях, которыми они еще не живут, о всем новом материале действительности, ими не освоенном.

Издательский альманах будет оформлен очень здорово! Думаю, что 1-го мая смогу выслать Вам «Год Шестнадцатый», № 1.

2) *Литературные дела вообще*. С Петром¹ мы много и специально говорили — он информирует Вас лучше любого письма. Настроения у нас с ним как будто вполне общие.

3) *История заводов*.

а) рукописи:

Очень много работали и работаем над *Моск.-Каз. ж.-д.* Рукопись эта доведена уже до последних дней. Размер ее 30—35 п. л.

Литературно она стала много лучше, чем раньше. Сейчас она по частям редактируется компетентными людьми.

Сталинградский тракторный — книга о «людях СТЗ» нами уже отредактирована. Как бы ни относиться к ее литературному значению — безусловно высокая оценка ее как материала для истории. Хотим сдавать в набор с тем, чтобы одновременно она читалась членами политредакции. Ваше мнение?

Московский инструментальный. Весьма удачная книга, приближающаяся больше прочих к желательному нам типу. Рукопись, за исключением последней главы, — уже перепечатывается нами для посылки редакторам.

Серп и молот. Представленный историками первый том после ряда наших замечаний ими перерабатывается. Торопили их, одновременно занимаясь 2-м томом.

Трехгорка. [Наиболее показательные главы] Рукопись Вам посылаю. Это не нашего типа книга. Это историческая монография, — я высказываюсь, однако, за издание с сопроводительной статьей от главной редакции. Книга *Паялина*, наконец, вскоре выходит в Ленинграде с нашей вступительной статьей.

Коломна. Работа над первым томом в течение месяца будет закончена. Над вторым идет. Нужно, однако, сильно подтолкнуть.

Скороход. 1-ый том целиком нами прочитан (авторы — раб. коллектив в основном) и отдан обратно на окончательную доработку, а, частично, и переработку.

Балтийский завод. 1-ый том (до 1917 г.) нами уже получен. Работу над ними только начали.

Здесь перечислил Вам только то, что уже редактируется нами для — после утверждения — сдачи в производство².

Кроме того буквально каждый день приходят с заводов отдельные главы и отрывки из будущих книг. Это дало нам связь с нашими кадрами, т. к. мы подробно отвечаем каждому автору.

Прилагаю Вам, далее, справку о ближайших поступлениях рукописей и письма на собрания заводов — Ваше обращение к ним нам чрезвычайно помогло бы.

б) *Совещание*.

Из стадии организационно-агитационной, из стадии сбора материалов и их предварительного осмысления мы перешли сейчас в непосредственно творческий период. Без всесоюзного совещания, подводящего итоги проделанной работы, [и без] нам не обойтись. Накопленный уже творческий опыт должен быть мобилизован и обсужден. На вопрос о совещании Вы мне не отвечали до сих пор. Почему? Ежели Вы против созыва — то напрасно. А хотим мы его

созвать в начале июня, с Вашим вступительным словом и с тем порядком работы, который Вам послан. Очень прошу Вас согласиться с нашим предположением.

в) *Бюллетень* № 4—5 Вам посылаю. Вы и о 3-м номере ни строчки не написали. Я не прошу, чтобы Вы его весь прочли — какое Ваше общее впечатление от него? Авторские кадры очень довольны — им сборник как будто действительно помогает. Дали мы уже 6-й бюллетень³.

г) Однотомник (по Ленину—Сталину) почти целиком готов⁴. Начали уже редактировать его.

д) 1-е время после последнего (август) заседания главной редакции мы рассмотрели программы истории: Сормовского завода, Ленинских ж.-д. мастерских (Ростов), Коломенского, Златоустовского, им. Петровского (Днепропетровск), Днепрогэса, шахты им. Ильича, Киевского арсенала, Мастязарта, Октябрьской железной дороги, Среднеазиатской дороги, Шатурской электростанции, Бакинских промыслов, Терской мануфактуры.

Наши редсовещания неизбежно начали носить характер более или менее широкой проработки ряда общеисторических и политико-исторических и политико-экономических вопросов. К примеру, прилагаю Вам порядок для нашего очередного редсовещания. Писать о работе в архивах, по библиографии, о выездах на места — нет сейчас необходимости. Отчитаюсь, когда Вы приедете.

По истории заводов пока все. Работаю я здесь довольно много. Изрядно приходится подчитывать перед каждым совещанием — очень сие полезно.

Личный вопрос. Есть при НКтяжпроме учреждение, именуемое ФОН-факультет особого назначения. На нем без снятия с работы людей — крупнейших хозяйственников по специальному постановлению ЦК — обучают в пределах инженерских знаний. Прикрепляются к обучаемому специальные преподаватели. Занятия идут по строго индивидуализированной программе. Техникой я никогда не занимался — не стоит ли мне поучиться — хотя бы и не все 4 года, а года 2—2½? Уходит на это часа четыре ежедневно. В ЦК предварительно разговаривал — там утверждают. Как Ваше мнение?

Учусь я в этом году, ей-Богу, довольно много, хотя запустил художеств<енную> литературу.

И писать научусь лучше!

Крепко жму руку.

Ваш Леопольд

Леля была очень тронута, получив Ваш привет⁵.

31. Л. АВЕРБАХ — ГОРЬКОМУ

15 июня 1933, Москва

А. М.

Слава о Бор. Корнилове¹ долго уже идет в поэтических кругах. Есть у него книжки 2—3 стихов. Прилагаемое — его первая большая поэма², присланная из Ленинграда Тихоновым с едва ли не восторженной характеристикой и резолюцией. Корнилов мне только что прочел всю поэму. Глазами сам не смотрел, поэтому мнение предварительное.

Противоречие поэмы: автор, Б. Корнилов, явно пытается преодолеть и разоблачить ту романтику блата, к-рой он жил раньше, но действительность наша то ему еще продолжает казаться мещанской (см. эмоциональную силу описания квартиры, напр.), то восхваляется и принимается им несколько рационалистически, без того большого и нутряного лирического напора, к-рый так присущ всей первой части. Вторая часть, вообще, слабее и поэтически — в целом вещь, по-моему, на высоком поэтическом уровне. Привлекательны простые и свободные стихи, привлекательна взволнованность автора, значение темы для него самого — написано все это во всяком случае без равнодушия, которое многим свойственно. Настроения его, конечно, не из очень радующих. Человек он во многом не наш — даже в широком политическом смысле — по его общественному поведению, но талантлив, пожалуй, действительно. Править поэму соглашается, но стоит ли ее у нас печатать?

Привет.

Леопольд

32. Л. АВЕРБАХ — ГОРЬКОМУ

Июнь, после 16, 1933, Москва

Дорогой А. М.

Ей-богу, важнее украинского романа рукописи для альманаха¹ — ведь мы должны сдать 2-ой номер в течение ближайших дней.

Сослани у Вас уже был². Автор его переработал после Ваших указаний — редактировал его *Фадеев*, рекомендуя рукопись весьма. Я имею много замечаний, но высказываюсь за печатание. Всеволод тоже.

*Ким*³ — по-моему, бесспорная рукопись. Посылаю Вам просто потому, что она исключительно интересна информационно.

*Семенов*⁴ — спорен. О таких интересных вещах написано им вяло, скучновато, обыденно.

Когда будет Ваш отрывок⁵?

Привет.

Ваш *Леопольд*

33. ГОРЬКИЙ — Л. АВЕРБАХУ

Июнь, после 19, 1933, Сорренто

Л. Авербах.

Крайне досадно, что мы не можем включить этот кусок повести Далецкого¹ во вторую книгу рядом со статьей корейца о литературе Японии².

Я считаю, что информационное значение повести Д. крайне серьезно, не говоря о том, как оно своевременно.

В данном виде этот отрывок несколько хаотичен и в нем есть небрежности, которые автор должен устранить.

А. Пешков

34. Л. АВЕРБАХ, С. ФИРИН — ГОРЬКОМУ

Конец июня 1933, Белое море

Вышли Белое море. Горячо приветствуем. Крепко целуем¹.

Леопольд

Семен

35. Л. АВЕРБАХ — ГОРЬКОМУ

Конец июня — начало июля, 1933, Москва

Дорогой Алексей Максимович.

Сегодня вернулся с Беломорстроя — провел там неделю. То, что я там видел, намного превосходит все, что рассказывалось. Афиногенов, Корабельников и я (ездили мы трое) постараемся на-

писать интересный очерк о поездке¹. А я напишу Вам завтра же — завтра же напишу о планах на второй номер — в связи с оценкой первого, в частности². Посылаю Вам первый отклик на «Год шестнадцатый»³. Выход альманаха явно стал большим литературным событием.

Горячо приветствую Вас.

Ваш *Леопольд*

Привет всему населению Вашего дома.

36. Л. АВЕРБАХ — ГОРЬКОМУ, Л. КАГАНОВИЧУ, А. СТЕЦКОМУ

25 сентября 1933, Москва

В политическую редакцию
«Истории заводов»
Тов. Горькому
Тов. Кагановичу
Тов. Стецкому

При библиотеке Комакадемии существует кабинет по истории рабочего класса и профдвижения. Кабинет этот содержит богатейшие собрания материалов (книг, брошюр, газет, журналов, архивных документов).

В связи с указаниями, данными на заседании политической редакции о помощи работе по истории заводов со стороны соответствующих учреждений и организаций, было бы возможно превратить кабинет в одну из баз нашей работы. Авторские коллективы получали бы через посредство кабинета систематическую, квалифицированную помощь по линии библиографии, архивов и по ряду других вопросов работы над рукописями.

Однако, в настоящее время, в связи с переводом библиотеки в новое помещение, кабинет как единое целое будет расформирован и материалы его переданы в общее книгохранилище. Это лишит «Историю заводов» — одной из ее важнейших баз.

Очень важно сохранить единство кабинета, оставив его при Комакадемии в качестве базы для работы по истории заводов.

Секретарь редакции *Л. Авербах*

7. Л. АВЕРБАХ — ГОРЬКОМУ

Декабрь, до 23, 1933, Москва

Дорогой Алексей Максимович,

Я Вам рассказывал, что у нас были большие споры по вопросу о том, как подписывать книгу по «Истории Белморстроя».

Одна группа товарищей выдвигала предложение о необходимости ставить подписи сразу под принадлежащим авторам отрывкам в тексте книги.

Вторая группа товарищей предлагала ограничиться общим указанием на состав авторского коллектива, сделавшего всю книгу, нигде и никак не оговаривая индивидуального авторства.

Я Вам рассказывал, что обе эти точки зрения были отклонены и было принято третье предложение, заключавшееся, во-первых, в указании на состав всего авторского коллектива книги, всю книгу сделавшего и за всю книгу в целом отвечающего, во-вторых, в указании в оглавлении авторов всех значительных кусков, в-третьих, в оглавлении же указывать после каждой главы всех авторов, чьи произведения включены в главу. Это было мое предложение, которое я считал и считаю правильным, потому что им избегается, с одной стороны, умаление коллективистического характера работы над книгой, и, с другой стороны, какая бы то ни была обезличка.

Вы поддержали точку зрения второй группы товарищей и по Вашему предложению коллектив решил ограничиться одним указанием на состав всего авторского коллектива.

Мне кажется, однако, что целесообразно все же пересмотреть это решение. Я знаю, что некоторые авторы им недовольны и боюсь, что, допуская некоторую обезличку, мы можем ударить по тому действительно новому и коллективистическому, что было в нашей работе достигнуто и что вполне может быть закреплено для дальнейшей работы¹.

38. Л. АВЕРБАХ — ГОРЬКОМУ

Декабрь, до 23, 1933, Москва

Дорогой Алексей Максимович,

Посылаю главы, только что поступившие из набора¹. Не хватает последней главы, посвященной Дмитровскому слету и каналу Москва—Волга.

Несколько замечаний:

1) Прилагаемая рукопись Горбунова идет в конец 4-й главы².

2) Начало пятой главы³ (о Когане, Могилко и Френкеле)⁴ радикально переделано.

3) Письма из «Перековки» по трем периодам сегодня будут подобраны⁵.

4) Приложением к книге печатать один номер «Перековки» Генрих⁶ разрешил.

5) Помните, что часто разрывы в повествовании основаны на переходе через документ или фото!

6) Десятая глава у нас еще в работе, т. к. есть ряд замечаний к ней.

Привет.

Леопольд

39. Л. АВЕРБАХ — ГОРЬКОМУ

Декабрь, до 23, 1933, Москва

1. [Страна и ее враги] Горький¹.

2. *Страна и ее враги*. Переходим границу.

3. ГПУ, инженеры, проект.

4. *Заключенные*

5. 37 чекистов².

6. Край напуганных птиц³.

7. Люди меняют профессию (Дела и дни трассы).

8. *Каналоармейцы*.

9. Темпы и качество.

10. Добить классового врага.

11. Штурм водораздела.

12. Весна проверяет канал.

13. История одной перековки.

14. Имени Сталина.

15. Новый край.

16. Товарищи.

Заключение: Москва—Волга⁴.

Еще раз: Да, у нас много стилистических небрежностей, неряшливости, ошибок — но учтите, что это гранки, которых авторы *не правили*.

Ав<ербах>

40. Л. АВЕРБАХ — ГОРЬКОМУ

Начало апреля 1934, Свердловск

Дорогой Алексей Максимович,

Сегодня выходной день. Он проведен так: к 9 ч. утра на заводе — надо проверить подготовку к общезаводскому комсомольскому субботнику, переговорить с комсомольцами, походить по всем участкам их работы. Это заняло времени до 11 часов. После этого два часа в секретном военном цехе — ознакомление с производством, проверка работы партгруппы, приглядывание к людям. С часу до 4-х обстоятельные беседы с 2 инструкторами парткома — положение в тех цеховых организациях, к которым они прикреплены, проверка их знания дела, людей, задач, выяснение их подхода к работе, их настроений, их стоимости, как работников и т. д. С 4 до 5 с лишним разговор с председателем бюро инженерно-технических работников — в частности о настроениях после проведенного позавчера у меня совещания с основными партийцами инженерами. В 6 обед и сразу после обеда до 8 заседание с корреспондентами «Правды» о положении на заводе — от того, что и как они напишут зависит многое! С 8 до 11.30 сижу дома за анализом двух толстых тетрадей бухгалтерского отчета за прошлый год. После этого — вот до сих пор, а сейчас уже час — над итоговыми материалами комиссии по чистке завода.

Впереди еще обязательные: план на завтрашний день, написать записки ряду лиц по текущим делам — проверить по записной книжке кому и что было поручено к этому дню и записками напомнить, прочесть за два дня газеты. Следовательно, опять не удастся лечь раньше половины третьего, а на завод надо к 8 утра. Поэтому откладывается опять письмо к Вам.

Писать надо или длинно — а очень многое и надо и хочется Вам написать, или коротко. Поэтому письмецо это будет совсем коротким — а Вы меня однажды, впрочем, ругали за длинные письма!

Буду продолжать в том же отчетном тоне: день сегодняшний не типичен, он спокойно кабинетен, работа идет по-другому обычно — в кабинете секретаря парткома из примерно 12—14 часов работы на заводе я провожу 3—5 часов, остальное время по цехам, столовым, баракам и т. д. Сейчас мучительная стадия ознакомления с замечательным гигантом заводом и его людьми. Парторганизация завода на правах самостоятельного района, состоящего в основном из 3-х частей: завода с 13.000 рабочих, строительства новых цехов и достройки кое-чего в среднем с 7.000 рабочих — а надо не меньше 25.000 рабочих, и жилищного хозяйства, фабрики-

кухни, институтов и школ и т. д. Коммунистов больше 2-х тысяч человек, коллектив не сколочен, люди со всех концов союза, завод в длительном и тяжелом прорыве.

Построен Советский Крупп², построен героически, но не без накладных расходов на Азию и не без руки классового врага — изумительные здания, последние в мировой технике станки, дьявольски смелый размах проектировки и мучительные просчеты, и держащие нас за горло диспропорции мощности цехов и некомплектность оборудования и уже грязь, и уже сквозь плохие крыши течет вода на машины, за которые страна платила тысячи золотом, и варварская нехватка жилья, прачешных, ни одного клуба, ни одной библиотеки! А ведь Уралмаш — это новый город, на площадке которого еще совсем недавно впервые застучали топоры по соснам. И в то же время *все* учатся — нет помещений, по очереди ютятся по комнатушкам, после напряженной работы у станка — и *все* учатся и почти все учатся одновременно и в системе политической, и в системе хозяйственной, технической учебы. А рядом хулиганство деклассированных мешанских сынков, бандитские выходы беспаспортного кулачья, замечательно призывающегося на производство нашей технической малокультурностью, а то и прямым бескультурьем, замечательно играющего в быту на недостаточном внимании к культуре, на хамстве чиновников, на тупой наглости бюрократов.

— Вот видите, письмо стихийно начинает разрастаться, накопилось много наблюдений, много новых мыслей и переживаний и прямая потребность как бы в разговоре с Вами свести их воедино и осмыслить.

Однако, приходится насильно оторвать именно там, где по сути кончается, предисловие «разгон»!

Я все-таки в ближайшие же дни обрушусь на Вас большим посланием. Но мне было бы очень и очень приятно, чтобы Вы поскорее мне написали. Не забывайте очень любящего Вас Л. Авербаха — настроение у него бодрое и подъемное, работа у него очень трудная, переплет хитрый и сложный, но рад он, что на Уралмаше оказался весьма — но вот сейчас вдруг, ночью, живу совсем один, тишина абсолютная — на момент острое чувство одиночества, оно случайно, его не было ни разу, это, вероятно, форма уважения, любви к живущим в Москве друзьям и к Вам, мудрому и любимому, прежде всего.

Не сердитесь за лирическое отступление — оно и для меня неожиданно.

Леопольд

Это мое первое письмо в Москву — привет всем товарищам.

41. Л. АВЕРБАХ — ГОРЬКОМУ

12 мая 1934, Свердловск

Потрясен потерей Макса, целую¹

Авербах

42. Л. АВЕРБАХ — ГОРЬКОМУ

Июль, после 30, 1934, Свердловск

Дорогой Алексей Максимович,

О процессе на Уралмаше Вы, вероятно, уже слышали¹. Речь общественного обвинителя здесь выпустили брошюрой² — м. б. Вы захотите посмотреть, т. к. процесс был очень интересен. Сразу оговорюсь, однако: на последней странице указано, кто несет ответственность за стилистическую правку. Говорю я быстро, стенографистки здесь плохи — отсюда ясно качество стенограммы, которую правили без меня, т. к. ждать было нельзя, а я продолжал работать по процессу. Издание это рассчитано только на внутреннее хождение, для общей печати я выправлю стенограмму сам.

Крепко жму руку

Ваш Леопольд

Очень мне горько и больно, что Вы меня совсем забыли.

P. S. А м. б. и читать сие не придется, т. к. вчера же заставили меня для «Известий» сделать статью по стенограмме.

43. Л. АВЕРБАХ — ГОРЬКОМУ

17 августа 1934, Свердловск

День открытия съезда горячий искренний привет любимому учителю руководителю образцу социалистической литературы¹.

Ваш Леопольд Авербах

11 июля 1935, Москва

Дорогой Леопольд —

размышляя о том, что сообщили Вы о Ваших занятиях технологией¹, я подумал: а не полезнее ли будет, если эти два часа Вы отдадите изучению литературы? Технологию необходимо знать, она — основа мышления, орудие изменения мира. Но Вы, ведь, не решили погасить в себе дарование литератора и намерение вернуться в литературу? Если так, то изучать нужно именно историю литературы, особенно — тех ее враждебных нам течений, которые стремились — стремятся создать эстетически «уютный уголок», куда могли бы прятаться люди — зрители, люди склонные наблюдать социальные драмы и комедии издали, не вмешиваясь в драку, находя наслаждение мудрости равнодушия, и даже — более или менее — презирая «наивных» людей, которые самоотверженно, героически изменяют мир. И — *в этом* находят смысл жизни, *в этом* обретают и наслаждение, и смысл.

За последнее время, по причине нездоровья и упадка работоспособности, я прочитал кучи эмигрантской литературы. Банду Алданова², Гулливера из «Возрождения»³, проф. Ильина⁴, Адамовича⁵ и прочих подобных. Эти, дрянь-люди, злясь по заказу [и] не стесняясь своим невежеством, интересны именно равнодушием своим ко всему, о чем они пишут. И чего не только не понимают, а и не заботятся понять. А затем, наблюдая 8 десятков «наших» литераторов на приеме у Р. Роллана⁶, я почувствовал такое же равнодушие, нежелание понять смысл факта и невежество в большинстве их. Молодежь наша воспитывается в этой тепленькой и мутной атмосфере. За молодежь надо будет драться, а бойцов — мало. Поэтому Вы должны бы воспитывать себя именно для драки в области литературы. В этой области люди, становясь все более сытыми, все меньше и хуже работают. 34-й год почти не дал крупных вещей. Те, которые явились, даны старшим поколением: Толстой⁷, Вс. Иванов и еще двое—трое. 35-й как будто тоже не много отстают.

Людей талантливых и влюбленных в свое дело, в литературу — неурожай. Организаторов, воспитателей — не вижу. Вот в чем дело и вот где причина моей непрерывной тревоги. Я многократно говорил Вам, что Ваше дело — литература. Учитесь, Леопольд.

Вот что захотелось сказать Вам.

Я уверен, что сказанное не понизит температуру энергии, которую Вы отдаете Уралмашу. Будьте здоровы. Еще раз — учитесь!

Крепко жму руку.

М. Горький

Вчера Роллан видел 150 «болшевцев»⁸, слышал песню, музыку, видел танцы. После этого долго беседовал с Генрихом⁹. Оживляет, омолаживает старца. В парке культуры его растрогали пионеры.

М. Г.

45. Л. АВЕРБАХ — ГОРЬКОМУ

11 августа 1935, Свердловск

Счастливого пути. Горячий привет

Ваш Леопольд

46. Л. АВЕРБАХ — ГОРЬКОМУ

28 марта 1936, Москва

Крепко целую, обнимаю родного Алексея Максимовича
Шлем также горячие поздравления, которые помогут разжечь костер, еще раз сердечно поздравляю.

Мысленно с Вами¹.

Авербах

ПРИМЕЧАНИЯ

1.

Печатается по *АМ* (АГ. КГ-п-92-70-1), впервые.

Датируется по помете на письме, написанном на бланке Правления ВАПП.

¹ Бехер Иоганнес Робер (1891—1958), немецкий поэт, общественный и государственный деятель. С 1917 г. активный участник социалистического движения в Германии, с 1920 — член Коммунистической партии, член ЦК КПГ. С начала 1930-х гг. жил в СССР, в 1945 г. вернулся в Германию. Суд над Бехером не состоялся; его роман «Люизит» был опубликован в СССР (М.; Л., 1927).

² Международное Бюро Революционной литературы — международное объединение пролетарских писателей. Организация была создана в 1920 г. под названием «Временное Международное бюро Пролеткульта», в 1926 г. в дни работы V Конгресса Коминтерна была переименована в Международное Бюро связи пролетарской литературы, затем в 1930 г. преобразовано в Международное объединение ре-

волюционных писателей (МОРП). 21 февраля 1926 г. на заседании Секретариата Международного бюро пролетарской литературы И. Бехер был принят в члены этой организации (см.: [Б. п.]. Хроника // Книгоноша. 1926. № 9. С. 39).

³ Письмо Горького в защиту И. Бехера было опубликовано в «Правде» и «Известиях» 20 января 1928 г.; подлинник письма не разыскан. И. Бехер в ответном письме благодарил Горького: «по-товарищески благодарю за Ваше письмо, которое нашло могучий резонанс в Германии, во всем мире» (см.: *Архив Г.* 8. С. 183), 1 октября 1929 г. Иоганнес Бехер приехал в СССР.

⁴ В состав Президиума Международного Бюро Революционной литературы входили: Анатолий Васильевич Луначарский (1875—1933), находившийся с 1927 г. на дипломатической службе, Авербах, Бела Иллеш (1895—1974), венгерский писатель, член МБРЛ с 1925 г., исполнявший в 1925—1933 гг. обязанности секретаря этой организации.

2.

Печатается по А (АГ. КГ-п-1-33-1, 3), впервые.

Датируется по дате на письме.

¹ В АГ хранится черновик письма с ошибочно указанной датой: 29 апреля 1928 г. (см. АГ. КГ-п-1-33-3).

² ВАПП (Всероссийская ассоциация пролетарских писателей) основана в октябре 1920 г.; в 1921 г. утверждена Наркомпросом в качестве литературной организации России. МАПП (Московская организация пролетарских писателей) основана в марте 1923 г.; с апреля 1924 г. стала Московской секцией ВАПП. В 1928 г. все литературно-пролетарские организации объединились в ВОАПП, и соответственно ВАПП была переименована в РАПП, а МАПП стала считаться московской секцией РАППа. После Постановления ЦК ВКП(б) от 23 апреля 1932 г. («О перестройке литературно-художественных организаций») РАПП со всеми входящими в нее секциями была ликвидирована. Во главе руководства Всесоюзной и Московской ассоциаций стояли: Авербах, критик Либединский Юрий Николаевич (1898—1958), критик Ермилов Владимир Владимирович (1904—1965), драматург Киршон Владимир Михайлович (1902—1938), критик Селивановский Алексей Павлович (1900—1938), критик Исбах Александр (наст. фам. и имя Бахрах Исаак Абрамович; 1904—1977), писатель Фадеев Александр Александрович (1901—1956).

³ Цитата из пьесы Горького «На дне» (реплика Сатина).

⁴ Горький приезжал в СССР в 1929 (июнь—июль), в 1931 (май—октябрь), в 1932 (апрель—октябрь) годах, окончательно вернулся в СССР в 1933 г.

3.

Печатается по А (АГ. КГ-п-1-31-10), впервые.

Датируется по времени отъезда Горького в Сорренто.

¹ 12-го октября 1928 г. по настоянию врачей, нашедших, что дальнейшее пребывание Горького в Москве было бы сопряжено с большой опасностью для его здоровья, писатель уехал в Сорренто (см.: Правда. 1928. 13 окт.).

² *Авербах Л.* О задачах пролетарской литературы (М.: Л., 1928).

³ В начале июля 1928 г. Авербах подал заведующему агитпропом ЦК ВКП(б) Криницкому А. И. заявление с просьбой направить его на партийную работу в провинцию и 27-го августа Авербах был откомандирован в Баку редактором газе-

ты «Бакинский рабочий», оставаясь одновременно редактором «На литературном посту». В начале октября 1928 г. группа молодых «напостовцев» в составе Ю. Либединского, Ф. Панферова, В. Киршона и А. Фадеева направила письмо И. Сталину с просьбой повременить с командировкой Авербаха, мотивируя это тем, что в-первых, «тов. Авербах, несомненно, наиболее теоретически подготовленный и более других ориентирующийся в вопросах литературной политики товарищ», во-вторых, «тов. Авербах редактор единственного марксистского литературно-критического журнала “На литературном посту”, который он организовал и ведет. Вести без него журнал будет исключительно трудно», в-третьих, «среди путнических писательских кругов Авербах, несмотря на совершенно естественную нелюбовь правых кругов, пользуется несомненным уважением», в-четвертых, он «бессменный руководитель международного бюро пролетарской литературы. Установленные им в процессе работы личные связи с западными писателями могут быть утеряны» (см.: «Счастье литературы»: Государство и писатели / Документы 1925—1938 гг. М., 1997. С. 60—61). В крайнем случае, группа просила командировать Авербаха на аналогичную работу в Ленинград. На письмо были наложены две резолюции: первая принадлежала Молотову («Не возражаю»), вторая Сталину («Авербаха оставить в Москве. В составе правления»; второе предложение позже им было зачеркнуто); 6 октября 1928 г. Оргбюро ЦК ВКП(б) приняло решение «В отмену постановления ЦК от 27.VIII.28 г. (пр. 59, п. 33) не возражать против оставления т. Авербаха Л. Л. на работе в Москве» (Там же. С. 62).

⁴ Состоявшийся в 20-х числах октября 1928 г. Художественно-политический совет Главреперткома принял решение о запрещении к постановке пьесы М. Булгакова. В начале января 1929 г. заместитель заведующего АППо ЦК ВКП(б) П. М. Керженцев подал докладную в Политбюро ЦК ВКП(б) о пьесе Булгакова «Бег», подчеркивая, что «“Бег” — это апофеоз Врангеля и его ближайших помощников» (см.: Власть и художественная интеллигенция. М., 1999. С. 91); 29 января 1929 г. К. Е. Ворошилов подтвердил мнение членов комиссии правительства о признании «политически нецелесообразным постановку пьесы в театре» (Там же. С. 99) и 3 января Постановлением Политбюро ЦК ВКП(б) пьеса была запрещена (Там же. С. 100). Оценка пьесы, данная Авербахом, противоречила отзыву Горького, который называл эту пьесу «великолепной вещью» (см.: *Булгаков М. Пьесы*. М.: Искусство, 1962. С. 470).

⁵ Судаков Илья Яковлевич (1890—1969), режиссер-постановщик МХТ.

4.

Печатается по *ФК (АГ. ПГ-рл-1-38-11, 17)*. Впервые: *Вопр. лит.* 1986. № 6. С. 169—171.

¹ См. п. 3, примеч. 2.

² *Авербах Л.* Наши литературные разногласия (Л., 1927).

³ Вешнев Владимир Георгиевич (1881—1932), критик; речь идет о его книге: «Взволнованная поэзия: Этюды о творчестве А. Жарова, И. Уткина, М. Светлова, Н. Ушакова и И. Дорониной» (М.: Молодая гвардия, 1928).

⁴ *Ермилов В.* За живого человека в литературе: Сб. статей. М.: Федерация, 1928.

⁵ Горбачев Георгий Ефимович (1897—1942), критик; речь идет о его книге: «Против литературной безграмотности» (Л.: Прибой, 1928).

⁶ «Федерация», основано в конце 1928 г. как книгоиздательство ФОСП; в 1933 г. было переименовано в изд-во «Советская литература», а через год прекратило свою работу, влившись в изд-во «Советский писатель».

⁷ Колоколов Николай Иванович (1897—1933), писатель, журналист (см. о его переписке с Горьким в *ЛН*. 1963. Т. 70. С. 223—224).

⁸ Копылова Любовь Федоровна (1885—1936), педагог, автор книг о детях; журн. «На литературном посту» (1928. № 22) опубликовал рецензию на ее книгу «Химеры» (о переписке Горького с Копыловой см.: *ЛН*. 1963. Т. 70. С. 225—226).

⁹ Слетов Петр Владимирович (1897—1981), член группы «Перевал».

¹⁰ Хайт (Хайт) Давид Маркович (1899—1979), писатель (о его переписке с Горьким см.: *ЛН*. 1963. Т. 70. С. 614—617).

¹¹ Дорохов Павел Николаевич (1886—1942), писатель.

5.

Печатается по А (*АГ*. КГ-п-1-31-17), впервые.

Датируется по содержанию и по выходу № 4/5 журнала «На литературном посту».

¹ Проблема борьбы с мещанством в литературе была поднята на Пленуме Правления РАПП, открывшемся 30 сентября 1928 г. (см.: <От редакции>. Старые задачи в новой постановке (К Пленуму Правления РАПП) // На литературном посту. 1928. № 17. С. 3—4). На это решение, несомненно, оказал влияние Горький, выступивший 7 июня в Доме Герцена на литературном вечере писателей, устроенном ФОСП (см. об этом: *Волин Б.* Горький в Советском Союзе // На литературном посту); был дан анонс: «Ближайший номер журнала “На литературном посту” будет целиком посвящен вопросу о мещанстве в искусстве» (1928. № 24. С. 6). Журнал за № 4/5 за 1929 г. был полностью посвящен данной проблеме; результаты предложенной редакцией журнала анкеты публиковались и в следующем (№ 6) номере).

² Не найдено.

³ В этом номере журнала была опубликована статья Горького «О мещанстве» (также см.: *Примочкина Н. Н.* Писатель и власть. С. 112—113).

6.

Печатается по АМ (*АГ*. КГ-п-1-33-2), впервые.

Датируется по сопоставлению с поданной Авербахом запиской в ЦК ВКП(б) об открытии театра РАППа.

¹ Проблема пролетарского театра была обсуждена в октябре 1928 г. на Пленуме Правления РАПП. На Пленуме выступил Ю. Либединский с вопросом о том, «какой театр считать революционным» (см.: На литературном посту. 1928. № 20/21. С. 140—142). Указывая на сегодняшнее состояние театров, Либединский говорил: «...сложность положения современного театра состоит именно в том, что театры в наибольшей степени далеки от нас по своей идеологической установке» и далее о театре Мейерхольда: «Театр этот движется от левого попутничества к буржуазному перерождению» (Там же. С. 142). В ходе открывшейся дискуссии выступили А. Фадеев, А. Афиногенов, В. Киришон, М. Залка и др. Вероятно, заручившись поддержкой Горького (ответное письмо Горького не разыскано), Авербах в начале февраля 1931 г. подает записку в Секретариат ЦК ВКП(б). Об открытии театра РАППа (см.: *Власть и художественная интеллигенция*. С. 142—143).

² В 1930 г. Горький начал работать над пьесой «Сомов и другие»; вероятно, именно ее и имели в виду авторы письма.

³ См. п. 2, примеч. 4.

Печатается по А (АГ. КГ-п-1-31-13), впервые.
 Датируется по фразе: «из Берлина уеду 8-го».

¹ Бердяев Николай Александрович (1874—1948), философ, публицист; вероятно, речь идет о книгах «Смысл истории: Опыт философии человеческой судьбы» (Берлин, 1923), «Философия неравенства: Письма к недругам по социал. философии» (Берлин, 1923), «Миросозерцание Достоевского» (Прага: YMCA-Press, 1923), «Новое средневековье» (Берлин: Обелиск, 1924), «Марксизм и религия (Религия как орудие господства и эксплуатации)» (Париж; Варшава, 1929), «О назначении человека: Опыт парадоксальной этики» (Париж, 1931), «Русская религиозная психология и коммунистический атеизм» (Париж, 1931), «Христианство и классовая борьба» (Париж, 1923) и др.

² Булгаков Сергей Николаевич (протоиерей о. Сергий; 1871—1944), богослов, философ, публицист; вероятно, речь идет о книгах «Карл Маркс как религиозный тип» (Париж; Варшава, 1929), «От марксизма к идеализму: Сб. статей 1896—1903 гг.» (Репринтное изд., Париж, [1930]) и др.

³ Замысел не был реализован, см. об этом п. 10.

⁴ Авербах находился у Горького в Сорренто в декабре 1931 г.

Печатается по А (АГ. КГ-п-1-31-12), впервые.
 Датируется по фразе: «(9—10 я выезжаю в Москву)».

¹ См.: *Письма*. Т. 7. С. 243, а также п. 295 и примеч.

² Речь идет о постановке пьесы Брехта по повести «Мать», премьера которой состоялась 15 января 1932 г., и использовалась в дальнейшем некоторыми рабочими театрами Берлина (подробнее об этом см.: *Прополянис Г. Э. Максим Горький и Бертольд Брехт (К истории инсценировки повести М. Горького «Мать») // Максим Горький и литературные искания XX столетия. Материалы Международной конференции «Горьковские чтения. 2002 год»*. Н. Новгород, 2004. С. 484—489).

³ Вероятно, Горький прислушался к мнению Авербаха. Первый номер реорганизованного журнала «За рубежом» вышел 30 ноября 1932 г. и содержал статьи, посвященные современному западноевропейскому искусству, А. Таирова («Театр в полосу кризиса»), М. Осборна («Запрещенные картины»), М. Вилленберга («В. Б. Браун торгует предметами искусства») и др.

⁴ Международная книга — всесоюзное внешнеторговое объединение, созданное в 1923 г. для осуществления операций по экспорту из СССР и импорту в СССР книг.

⁵ Домашнее прозвище Пешковой Надежды Алексеевны (1900—1971), невестки Горького.

Печатается по А (АГ. ПГ-рл-1-38-18), впервые.

¹ Максимов Павел Хрисанфович (1892—1977), писатель. О начале переписки с Горьким см.: *Письма*. Т. 8, п. 300, 348 и примеч., а также книгу Максимова «Воспоминания о Горьком (Переписка и встречи)» (М., 3-е изд., 1956).

² Макарьев Иван Сергеевич (1902—1958), критик, в это время исполнял обязанности секретаря РАПП Ростовской области и в марте 1932 г. был переведен в Московское отделение РАПП (о его переписке с Горьким см.: *ЛН*. 1983. Т. 70. С. 278—285).

³ Вероятно, речь идет о книге очерков Максимова «Кавказ без романтики»; он отправил рукопись в ГИЗ в 1929 г., после длительного молчания ГИЗ без объяснения причин отказался издавать эту книгу.

⁴ Крючков Петр Петрович (1889—1938), секретарь Горького (о переписке с ним см.: *АГ*. 14. С. 444—508).

⁵ Лавренев Борис Андреевич (1891—1959), писатель, член ЛОКАФ.

⁶ В период с 13 февраля по 1 марта 1930 г. состоялась передача имущества с баланса ЛО ВССП на баланс Литфонда Дома Писателей, в которой среди других принял участие Лавренев (см. Протокол Расширенного Президиума ЛО ВССП от 13 февраля 1930 г. (*ОР ИМЛИ*. Ф. 157. Оп. 1. Ед. хр. 10. С. 433)). Вероятно, Горький был неверно информирован: Дом Писателей нуждался не в построении, а в ремонте.

10.

Печатается по *АМ* (*АГ*. КГ-п-1-31-1), впервые.

Датируется по выходу «Литературной газеты» (17 марта 1932), в которой было опубликовано «Открытое письмо гг. Ильенкову, Серафимовичу», а также по письму Макарьева Горькому от 17 марта 1932 г.

¹ Погребинский Матвей Самойлович (1895—1937), комиссар ГБ 3-го ранга. В 1931—1933 гг. был полпредом ОГПУ в Башкирской АССР. В январе 1933 г. был у Горького в Сорренто и уговаривал его окончательно вернуться в СССР.

² Срочность работы А. Фадеева объясняется начавшейся публикацией второй части романа в журн. «Красная новь»; первые главы второй части романа были опубликованы в мартовском номере журнала, окончание второй части — в сентябрьском.

³ См. п. 7, примеч. 4.

⁴ Имеется в виду рецензия А. Серафимовича «Живой завод: Впечатления» (*Правда*. 1932. 21 февраля) на первую часть романа В. Ильенкова «Ведущая ось» (М.; Л., 1932).

⁵ Рецензия Резникова на сборник Ставского «Сильнее смерти» в библиографическом указателе «Русские советские писатели. Прозаики» (Т. 4. М., 1961) не зафиксирована.

⁶ Ильенков Василий Павлович (1897—1967), писатель; в 1930—1932 гг. был орг. секретарем РАПП.

⁷ Ставский (наст. фам. Кирпичников) Владимир Петрович (1900—1943), журналист, с 1928 г. секретарь РАПП. Речь идет о его книге «Сильнее смерти: <Николай Масленников. — Дружба>. Круг рассказов» (М., 1932), вышедшей в изд-ве «Федерация».

⁸ Имеется в виду роман В. Ставского «Разбег» (М., 1930).

⁹ Панферов Федор Иванович (1896—1960), писатель; с 1931 г. возглавил редакцию журнала «Октябрь», находящегося в оппозиции к РАППу.

¹⁰ Этот лозунг был выдвинут на V Пленуме РАППа как объединяющий литературные силы на современном этапе. Именно об этом говорил Авербах в своей заключительной речи на пленуме. «Теперь относительно понимания лозунга “Маг-

нитстройка литературы” как только сегодняшней тематики. Правильно ли, когда товарищи делают упор на современную тематику? Абсолютно правильно. Это обязательно нужно делать, и здесь нет разногласий между Авербахом, Фадеевым, Панферовым. Мы все стоим на этой точке зрения; надо драться за современную тематику... Нельзя говорить, что “Магнитстрой литературы” означает, что все писатели будут писать о Магнитстрое. Это лозунг, призывающий пролетарских писателей к дальнейшей работе над своим мировоззрением, призывающий к гораздо большему включению в их практику социалистического строительства, лозунг, призывающий к тому, чтобы они не отбрасывали от себя задачи связи с фабриками и заводами...» (*Авербах Л.* О перестройке РАПП: Заключительное слово // На литературном посту. 1932. № 2. С. 9).

¹¹ Шушканов Николай Георгиевич, секретарь издания «История фабрик и заводов»; см. его статьи: «Больше внимания “Истории заводов”» (На литературном посту. М., 1932. № 4. С. 17—22), «“Историю заводов” на новую ступень» (На литературном посту. М., 1932. № 11. С. 7—17), «Как идет работа по истории заводов» (Рост // М., 1932. № 16. С. 6—9) и др.

¹² Результатом подготовки к всесоюзному совещанию можно считать публикации в «Правде» статьи М. Горького «О работе по “Истории фабрик и заводов”» (1932. 1 апреля) и Постановления Главной редакции «Истории заводов и фабрик» об организации и состоянии работы на местах, планах и характере предполагаемого издания (1932. 10 апреля).

¹³ Афиногенов Александр Николаевич (1904—1941), драматург. В середине марта 1932 г. выехал за границу; с конца марта до 16 апреля 1932 г. был в гостях у Горького в Сорренто.

11.

Печатается по *ЧА* (АГ. ПГ-рл-1-38-10); частично.
Датируется по дате на письме.

¹ Имеется в виду предисловие М. Горького к книге В. А. Слепцова «Трудное время» (Берлин; Пг.; М.: изд. Гржебина, 1922); в 1932 г. статья была переиздана под названием «О Василии Слепцове» в виде предисловия к «Сценам в полиции» В. А. Слепцова (*ЛН.* Т. 3. С. 143—147).

² Слепцов Василий Алексеевич (1836—1878), писатель.

³ Салтыков (псевд. Щедрин) Михаил Евграфович (1826—1889), писатель.

⁴ Сочинение писателя Успенского Глеба Ивановича (1843—1902).

⁵ «Искра», еженедельный сатирический журнал (СПб., 1859—1873), выходивший под ред. поэта Василия Степановича Курочкина (1831—1875) и художника Николая Александровича Степанова (1807—1877).

⁶ Якушкин Павел Иванович (1822—1872), писатель.

⁷ Рыбников Павел Николаевич (1831—1885), этнограф.

⁸ Киревский Петр Васильевич (1808—1856), фольклорист, археолог.

⁹ Сахаров Иван Петрович (1807—1863), фольклорист, этнограф.

¹⁰ Каронин-Петропавловский (наст. фам. Петропавловский) Николай Елпидифорович (1853—1892), писатель.

¹¹ Короленко Владимир Галактионович (1853—1921), писатель.

¹² Кушевский Иван Афанасьевич (1848—1876), писатель.

¹³ Мамин-Сибиряк (наст. фам. Мамин) Дмитрий Наркисович (1852—1912), писатель.

¹⁴ Решетников Федор Михайлович (1841—1871), писатель.

¹⁵ Левитов Александр Иванович (1835—1877), писатель.

¹⁶ Имеется в виду журнал «Мысль» (СПб., 1880—1882), который выходил под ред. публициста Оболенского Леонида Егоровича (1845—1906).

¹⁷ «Устон» — роман писателя Златовратского Николая Николаевича (1845—1911).

¹⁸ «Слово», ежемесячный научный, литературный и политический журнал (СПб., 1878—1881); издатель И. Г. Жуковский, редакторы Д. А. Коропчевский, П. В. Засодимский.

¹⁹ Имеется в виду журнал «Время» (СПб., 1861—1863), который издавался совместно братьями Михаилом Михайловичем (1820—1864) и Федором Михайловичем (1821—1881) Достоевскими.

²⁰ Воронов Михаил Алексеевич (1840—1873), писатель, публицист.

²¹ Чернышевский Николай Гаврилович (1828—1889), публицист, писатель.

²² «Волга», ежедневная политическая и общественно-литературная газета (Астрахань, 1907—1908); редактор-издатель С. С. Семенов.

²³ Флеровский И. П., публицист.

²⁴ Даль Владимир Иванович (1801—1872), писатель, лексикограф, этнограф.

²⁵ Боборыкин Петр Дмитриевич (1836—1921), писатель.

²⁶ Добролюбов Николай Александрович (1836—1861), критик, публицист.

²⁷ Мельников-Печерский (псевд. Печерский А.) Павел Иванович (1818—1883), писатель.

²⁸ Колосов — врач Карийской каторги.

²⁹ «Самарский вестник», ежедневная литературная, общественно-экономическая и политическая газета (Самара, 1883—1902); редактор Е. А. Валле-де-Барр, издатель Н. К. Реутовский.

³⁰ Фофанов Константин Михайлович (1862—1911), поэт.

³¹ Серафимович (наст. фам. Попов) Александр Серафимович (1863—1949), писатель.

³² Имеется в виду Сталин Иосиф Виссарионович (1878—1953).

³³ В своем письме Сталину от 24 марта 1932 г. Горький писал о сложившейся обстановке: «разрешаю себе поделиться с Вами впечатлением, которое вызывает у меня полемика группы Панферова—Серафимовича с ведущей группой РАППа. Идеологические мотивы первой группы для меня не совсем ясны, но насколько я понимаю, она стремится к примитивизму и опрошению в области литературы, желает сузить рамки тем, однако не указывает с достаточной ясностью, почему и зачем это нужно? Если я не ошибаюсь, тогда — это стремление вредно и в нем чувствуется присутствие элемента угодничества начинающим писателям и желания группы Панферова занять командную позицию. Начинающих писателей нужно убеждать: учитеесь! И вовсе не следует угождать их слишком легкому отношению к литературной работе. В массу Рапповцев эта полемика вносит смущение, раздоры и вызывает в ней бесплодную трату времени на исследование вопроса не — “кто прав”, а “за кем идти”? <...> Бесконечные групповые споры и склоки в среде РАППа, на мой взгляд, крайне вредны, тем более, что мне кажется: в основе их лежат не идеологические, а, главным образом, личные мотивы. Вот что я думаю. Затем, кажется мне, что замена руководящей группы РАППа, — в которой объединены наиболее грамотные и культурные из литераторов-партийцев, — группой Серафимовича—Ставского—Панферова пользы дальнейшему росту РАППа — не принесет» (Горький. *Неизданная переписка*. С. 294—295).

³⁴ Халатов Артур Багратович (1896—1938), председатель Госиздата.

Печатается по А (АГ. ПГ-рл-1-38-19), впервые.
Датируется по фразе «Вчера, будучи в Москве».

¹ 3 мая 1932 г. Горький выступал в Доме ученых на приеме, организованном в честь приезда в СССР представителей турецкой прессы (ЛЖТ. 4. С. 199—200).

² Цейтлин (Цетлин) Натан Сергеевич (1870—?), книгоиздатель.

³ «Федерация», издательство Федерации объединений советских писателей (ФОСП) основано в 1929 г. в Москве; специализировалось на выпуске художественной, публицистической и мемуарной литературы. В 1933 г. «Федерация» была переименована в изд-во «Советская литература», которое в 1934 г. вошло в изд-во «Советский писатель».

⁴ В 1932 г. в изд-ве вышла книга А. Фадеева «Разгром» (на обложке ошибочно указан 1933 г.); хранится в ЛБГ (ОЛБГ. 1581).

⁵ В 1932 г. в изд-ве вышла книга Д. А. Фурманова «Чапаев».

⁶ В 1932 г. в изд-ве вышла книга Ю. Либединского «Неделя»; хранится в ЛБГ (ОЛБГ. 1181).

⁷ Книги Б. Лавренева в изд-ве не выходили.

⁸ В 1932 г. в изд-ве вышла книга П. Павленкова «Баррикады»; хранится в ЛБГ (ОЛБГ. 1306).

⁹ В 1932 г. в изд-ве вышла книга Н. Тихонова «Чайхана у Ляли-Хоуза»; хранится в ЛБГ (ОЛБГ. 1507).

¹⁰ В 1932 г. в изд-ве вышли две книги И. Шухова: «Горькая линия», хранится в ЛБГ (ОЛБГ. 1683); «Ненависть», хранится в ЛБГ (ОЛБГ. 1684).

¹¹ Книги Д. М. Горбунова в изд-ве не выходили.

¹² В начале мая 1932 г. Авербах был командирован в Уфу.

¹³ Черткова Олимпиада Дмитриевна (1878—1951), медицинская сестра, друг Горького.

¹⁴ Ягода Генрих Григорьевич (1891—1938), председатель ОГПУ.

¹⁵ Явная описка; Горький приехал в Москву 21 апреля 1932 г.

Печатается по А (АГ. КГ-п-1-31-9), впервые.
Датируется по упоминанию о неполученном письме от Цейтлина.

¹ Шагинян М. Наследство Гете // Новый мир. 1932. № 3. С. 5—19.

² Гете Иоганн Вольфганг (1749—1832), немецкий писатель, мыслитель.

³ В 1927 г. ГИЗ выпустил книгу «Писатель болен?», в которую вошли статьи М. Шагинян («Тревога») и Л. Авербаха («Тревога больного писателя»). В своей статье Авербах, в частности, указывал: «Шагинян, больше чем Воронский, понимает необходимость для ее писательского слоя учебы марксизму... Она не боится заострить вопрос о марксизме... Марксизм — это лицо нашей современности. В нем ключ к пониманию ее целевой установки... Но Шагинян хочет понять коренные отличия сегодня от вчера» (с. 45).

⁴ Фадеев А. А.

⁵ Керенский Александр Федорович (1881—1970), политический деятель, министр юстиции Временного правительства; публицист.

⁶ «Дни», еженедельник (Париж, 1928—1933); ред. А. Ф. Керенский.

⁷ Распутин (наст. фам. Новых) Григорий Ефимович (1864 (1872?)—1916), крестьянин Тобольской деревни, приближенный двора Николая II.

⁸ Милоков Павел Николаевич (1859—1943), лидер партии кадетов, историк, публицист.

⁹ Безыменский Александр Ильич (1898—1973), поэт.

¹⁰ Кирпотин Валерий Яковлевич (1898—1990), литературовед, критик.

¹¹ Волин (наст. фам. Фрадкин) Борис Михайлович (1886—1957), партийный деятель, критик; в 1931—1935 гг. — начальник Главлита.

¹² Юдин Павел Федорович (1899—1968), партийный деятель, философ, в 1932—1938 гг. — директор Института красной профессуры.

¹³ Гегель Георг Вильгельм Фридрих (1770—1831), философ.

¹⁴ Погребинский М. С.

¹⁵ См. п. 10 примеч. 2.

¹⁶ Поэт Луговской Владимир Александрович (1901—1957) работал над циклом «Жизнь».

¹⁷ Соловей — домашнее прозвище Ракицкого Ивана Николаевича (1883—1942), художника; с 1924 г. он жил в семье А. М. Горького.

¹⁸ См. п. 8 примеч. 3.

14.

Печатается по А (АГ). Впервые: «Вопросы литературы». 1986. № 6. С. 172—173. Датируется по письму Фадеева Горькому от 25 августа 1932 г. (АГ. КГ-п-80-8-7).

¹ В начале сентября 1932 г. Горький получил от А. А. Фадеева письмо из Уфы, где тот находился с марта месяца — лечился и работал над второй частью романа «Последний из Удэге». Письмо было продиктовано сложившейся обстановкой в литературной жизни, когда после Постановления ЦК ВКП(б) «О перестройке литературно-художественных организаций» от 23 апреля 1932 г. и предпринятой в связи с этим ликвидации РАПП, шел процесс объединения всех писателей в единый союз. Наметившиеся еще раньше противоречия внутри РАПП в этот период обострились и приобрели кризисные формы раскола в среде бывших единомышленников. Выделив в среде писательских организаций тех, кто «занят в области самого художественного слова, поэтов, драматургов и прозаиков (Шолохов, Либединский, Афиногенов, Луговской, Колосов, Чумандрин, Караваева и т. д. и т. п.)», Фадеев обрушил свое возмущение на деятелей «критического и организационного фланга», которые, по его мнению, ведут себя пассивно, не выступают в печати по важным проблемам литературного развития. Среди этих людей Фадеев назвал Селивановского, Серебрянского, Макарьева, Корабельникова, Трощенко и др. «Я в данном контексте исключаю, — писал Фадеев, — Авербаха, ибо его положение особое... Авербах находится в положении архиневыгодном (ему-то как раз следовало бы помолчать известный срок!) и однако он вынужден сам вновь ввязываться в драку, а вся “могучая когорта” критиков молчит, как будто воды в рот набрала». Далее Фадеев писал: «Авербах пишет: “ребята настроены по-боевому”. Грош цена боевому настроению, которое не реализуется в дело! Он сам настроен по-боевому, вот ему и другие кажутся такими. Если вы найдете целесообразным ознакомить Авербаха с этим моим письмом, я буду только доволен, — может быть, это заставит его резче поставить вопрос перед “настроенными по-боевому ребятами” и выбрать с них хоть клочок реального дела». Слова, выделенные курсивом, Горький подчеркнул красным карандашом, они дали ему право послать письмо Фадеева Авербаху. Из всего сказанного Фадеев делал вывод: «Приходится мне в ближайшее время

бросить свой роман и ехать в Москву — писать статьи и организовывать людей». «Непонятность» письма Фадеева, о которой Горький пишет Авербаху, была вызвана наличием в нем противоречия: между тезисом о том, что писатель должен ответить на Постановление ЦК ВКП(б) прежде всего своей работой в «области самого художественного слова» и решением самого Фадеева «бросить свой роман» и «вновь ввязаться в драку» (см.: АГ. КГ-п-80-8-7).

² Горький поддержал предложение Фадеева издавать серию книг для молодежи, книг «об условиях жизни, роста и формирования рабочего крестьянского подростка при капиталистическом строе». Серия предполагалась как дополнение к серии «История молодого человека. XIX век». Список книг был прислан Горькому Фадеевым в письме от 25 августа 1932 г. (АГ. КГ-п-80-8-7).

³ Авербах был утвержден секретарем редакции.

15.

Печатается по А (АГ. КГ-п-1-31-25), впервые.

Датируется по фразе: «Три недели, как Вы уехали...» и по упоминанию о Пленуме Оргкомитета СП (29 октября — 3 ноября 1932 г.).

¹ Макарьев Иван Сергеевич (1902—1958), критик, в 1925—1932 гг. — секретарь РАПП (его переписку с Горьким см.: ЛН. 1963. Т. 70. С. 278—285).

² Либединский Ю. Н. в 1931—1932 гг. возглавлял театральную секцию Ленинградского отделения Комакадемии.

³ Клычков (наст. фам. Лешенков) Сергей Антонович (1889—1940), поэт.

⁴ Киршон Владимир Михайлович (1902—1938), драматург, секретарь Московского отделения РАПП.

⁵ Чумандрин Михаил Федорович (1905—1940), писатель, драматург; руководитель ЛАПП.

⁶ Гронский Иван Михайлович (1894—1985), критик, журналист.

⁷ Кирпотин В. Я. в 1932—1936 гг. был заведующим сектором художественной литературы при ЦК ВКП(б).

⁸ Березовский Феоктист Алексеевич (1877—1952), писатель.

⁹ Романов Пантелеймон Сергеевич (1884—1938), писатель.

¹⁰ Тарасов-Родионов Александр Игнатъевич (1885—1938), писатель.

¹¹ Лидин (наст. фам. Гомберг) Владимир Германович (1894—1979), писатель.

¹² Казаков (Козаков) Михаил Эммануилович (1897—1954), писатель.

¹³ Иванов Всеволод Вячеславович (1895—1963), писатель.

¹⁴ Имеется в виду альманах «Год XVI». С момента выхода первого альманаха «Год XVI» и вплоть до седьмого альманаха «Год XVIII» (1935 г.) Авербах входил в состав редколлегии наряду с М. Горьким, Е. Габриловичем, В. Ермиловым, Вс. Ивановым, В. Кирпотиным, П. Павленко, Н. Тихоновым, А. Фадеевым. В 1936 г. (после смерти М. Горького) он был выведен из состава редакции.

¹⁵ Далецкий Павел Леонидович (1903—1963), писатель; отрывок из романа «Концессия» в альманахе опубликован не был, повесть «Катастрофа» была опубликована после доработки в альманахе седьмом.

¹⁶ Кнехт (наст. фам. Петровский) Владимир Алексеевич (1900—1950), писатель; в альманахе не печатался.

¹⁷ Герман Юрий Павлович (1910—1967), писатель; в альманахе не печатался.

¹⁸ Лапин Борис Матвеевич (1905—1941), писатель в соавторстве с писателем Хацревиным Захаром Львовичем (1903—1941) опубликовал во втором альманахе очерк «Новый Хафиз».

¹⁹ Габрилович Евгений Иосифович (1899—1994), драматург; в альманахе не печатался.

²⁰ Левин Борис Михайлович (1899—1940), писатель; в альманахе не печатался.

²¹ В первом выпуске альманаха была напечатана повесть Вс. Иванова «Мельник».

²² Павленко Петр Андреевич (1899—1951), писатель; в альманахе не печатался.

²³ Афиногенов Александр Николаевич (1904—1941); драматург; в альманахе не печатался.

²⁴ Никулин (наст. фам. Ольконицкий) Лев Вениаминович (1891—1967), писатель; в альманахе не печатался.

²⁵ Этот рассказ Исаака Эммануиловича Бабеля (1894—1941) не печатался в альманахе.

²⁶ Цикл «Жизнь» В. А. Луговского в альманахе не печатался.

²⁷ В первом альманахе было опубликовано либретто оперы «Дума про Опанаса Багрицкого (наст. фам. Дзюбин) Эдуарда Георгиевича (1895—1934).

²⁸ Из автобиографий палешан были выбраны для первого альманаха следующие: Е. Вихрев («Вступление»), И. Голиков («Сквозь бури эпохи»), И. Вакуров («Человек — это звучит гордо»), И. Баканов («Мои композиции»), Н. Зиновьев («Возрождение»), И. Зубков («Жизнь, прошитая золотом»), А. Дыдыкин («Сказка. Падчерица. Смена»), И. Маркичев («Преодолевая препятствия»), Д. Буторин («Век живи — век учись»), А. Котухин («Папье-маше»), П. Баженов («Счастливая капля»), А. Баранов («Мои учителя»).

²⁹ В первом альманахе была опубликована статья литературоведа Дмитрия Петровича Мирского «Джеймс Джойс».

³⁰ Статья критика В. В. Ермилова в первом альманахе не публиковалась.

³¹ Авербах опубликовал статью «Литературные заметки: “Люди Сталинградского тракторного”».

³² Литературовед Корнелий Люцианович Зелинский (1896—1970) опубликовал в альманахе статью «Лирическая тетрадь», в которой анализировалось творчество поэтов Н. Асеева, Б. Пастернака, Эд. Багрицкого, Яр. Смелякова и др.

³³ Юмористический отдел альманаха был сформирован, в него вошли два произведения соавторов Николая Робертовича Эрдмана (1900—1970) и Владимира Захаровича Масса «Заседание о смехе» и «Закон тяготения». Однако после просмотра отделом цензуры материалов альманаха было принято решение об изъятии этих произведений. Авербаху как редактору был объявлен выговор за публикацию антисоветских материалов (см. об этом: *Стецкий А. И.* Докладная И. В. Сталину, Л. М. Кагановичу // *Счастье литературы. Государство и писатели. 1925—1938: Документы.* М., 1997. С. 158—159).

³⁴ В первом альманахе была опубликована статья физиолога, академика Алексея Дмитриевича Сперанского (1888—1961) «Об эксперименте и экспериментаторе».

³⁵ Письмо не разыскано.

³⁶ Стецкий Алексей Иванович (1896—1938), зав. Агитпропом ЦК ВКП (б).

³⁷ Каганович Лазарь Моисеевич (1893—1991), член Политбюро ЦК ВКП (б).

³⁸ Енукидзе Абель Сафронович (1877—1937), секретарь и член Президиума ЦИК.

³⁹ Аллилуева Надежда Сергеевна (1901—1932), жена И. В. Сталина.

¹ Все эти постановления, которые были подписаны М. Горьким, вошли в состав

сборника: Рабочие пишут историю заводов / Сб. статей под ред. М. Горького и Л. Авербаха. Сост. И. Кубланов. М., 1933. 179 с.

² Альманах «Год XVI» (выпуск первый).

³ Серебрянский Марк Исаакович (1900—1941), критик.

⁴ Корабельников Григорий Маркович (1905—?), критик, литературовед.

⁵ Трощенко Екатерина Дмитриевна (1902—1944), критик, литературовед.

⁶ Замысел не был реализован; во втором альманахе была опубликована статья Д. Мирского «О формализме», в дискуссионном порядке затрагивающая методологию анализа художественного произведения.

⁷ Эльсберг Яков Ефимович (1901—1976), критик, литературовед, позже сотрудник ИМЛИ, д.ф.н; статья в альманахе не была напечатана.

⁸ Фирин (наст. фам. Пупко) Семен Григорьевич (1898—1937), старший майор госбезопасности; с 1932 г. — начальник строительства Беломорско-Балтийского канала, с 1933 г. — заместитель начальника ГУЛАГа.

⁹ Крючков П. П.

17.

Печатается *А* (АГ. ПГ-рл-1-38-21), впервые.

Датируется по упоминанию о присланной статье Эльсберга Я. Е.

¹ Неточность Горького: в «Современных записках» (Париж. 1932. № 50. С. 288—304) была опубликована статья Б. Вышеславцева «Достоевский о любви и бессмертии (Новый фрагмент)». В период с 1926 по 1932 гг. литературовед Владиславлев (наст. фам. Гульбинский) Игнатий Владиславович (1880—1962) не печатался в «Современных записках».

18.

Печатается по *А* (АГ. КГ-п-1-31-21), впервые.

Датируется по письму Горького от 24 декабря 1932 г.: «Пишу все сие 23-го. Рукописи получил 19-го».

¹ См. п. 15 и примеч.

² Булгаков Михаил Афанасьевич (1891—1940), писатель; в альманахе не печатался.

19.

Печатается по *АМ* (АГ. ПГ-рл-1-38-15), впервые.

¹ См. п. 15, примеч. 23.

² Пассос Джон Дос (1896—1970), американский писатель.

³ Мережковский Дмитрий Сергеевич (1866—1941), писатель, религиозный философ.

⁴ Авербах Ида Леонидовна (?—1939), жена Ягоды; сестра Авербаха.

⁵ Ягода Г. Г.

20.

Печатается по *А* (АГ. ПГ-рл-1-38-3), впервые.

¹ Имеется в виду альманах «Год XVI» (выпуск первый); см. также п. 15.

21.

Печатается по А (АГ. КГ-п-1-31-14), впервые.

Датируется по содержанию: «сегодня, 6-го, получил Ваше письмо...».

¹ Имеется в виду альманах «Год XVI» (выпуск первый).

² Крючков П. П.

³ Погребинский М. С.

⁴ Шушканов Н. Г.

22.

Печатается по А (АГ. ПГ-рл-1-38-23), впервые.

¹ Волин был у Горького в Сорренто.

² См. п. 15, примеч. 34.

³ Замысел осуществлен не был; была опубликована «Педагогическая поэма» Антона Семеновича Макаренко (1888—1939) в альманахах «Год XVII» (выпуск 3-й) и «Год XVIII» (выпуск 5-й).

⁴ Во втором выпуске альманаха Горький опубликовал отрывок из «Жизни Клима Самгина» — «Бердников».

23.

Печатается по АМ (АГ. КГ-п-1-31-26), впервые.

¹ В «Правде» от 11 ноября 1932 г. был опубликован отрывок из повести писателя Константина Георгиевича Паустовского (1892—1968) «Жолхида» под названием «Будни в Жолхиде»; полностью повесть К. Паустовского была опубликована в альманахе «Год XVII» (выпуск 4-й).

² В первом выпуске альманаха был опубликован «Внук» Зазубрина (наст. фам. Зубцов) Владимира Яковлевича (1895—1938).

³ Сослани Шалва Виссарионович (1902—1941), грузинский поэт.

⁴ Ясенский Бруно (1901—1941), польский и русский писатель.

⁵ Пасынков Лев Павлович (1886—1956), писатель.

⁶ Славин Лев Исаевич (1896—1984), писатель, драматург.

⁷ Ильф (наст. фам. Файнзильберг) Илья Арнольдович (1897—1937), писатель-сатирик.

⁸ Митрофанов Александр Георгиевич (1899—1951), писатель.

⁹ См. п. 15, примеч. 20.

¹⁰ Альманах был сдан в производство 20 марта 1933 г. и подписан к печати 9 апреля 1933 г.; см. также п. 15, примеч. 33.

24.

Печатается по АМ (АГ. ПГ-рл-1-38-5, 24), впервые.

Датируется по дате на письме.

¹ Статья Шмидта в первом альманахе не печаталась.

² Ильф И. А. и Петров (наст. фам. Катаев) Евгений Петрович (1903—1942), многолетние соавторы; в альманахе их произведения не печатались.

³ Архангельский Александр Григорьевич (1889—1938), поэт-сатирик; в первом выпуске альманаха была напечатана его эпиграмма «Молодые: Н. Асеев».

⁴ Зоценко Михаил Михайлович (1895—1958), писатель; в альманахе не печатался.

25.

Печатается по *А* (АГ. КГ-п-1-31-5), впервые.

Датируется по сопоставлению с письмом Горького от 22 февраля 1933 г.

¹ См. п. 15, примеч. 20.

² См. п. 15, примеч. 31.

³ См. п. 24, примеч. 1.

⁴ См. п. 15, примеч. 33.

⁵ Кукрыниксы — коллективный псевдоним художников-графиков: Куприянов Михаил Васильевич (1903—1991), Крылов Порфирий Никитич (1902—1990), Соколов Николай Александрович (1903—?). Публиковали свои шаржи в выпусках альманаха.

26.

Печатается *АМ* (АГ. ПГ-рл-1-38-12, 26), впервые.

Датируется по фразе: «прочитал Вашу статью, начал править...».

¹ Речь идет о публикуемом в альманахе очерке Галина (наст. фам. Роголин) Бориса Абрамовича «Мечта».

² В альманахе были воспроизведены рисунки И. Голикова «Битва» и «Вьюга».

³ В первом выпуске была опубликована статья М. Горького «О прозе».

⁴ «Люди Сталинградского тракторного». Сборник.

⁵ Новиков-Прибой Алексей Силыч (1877—1944), писатель.

⁶ Фаррер Клод (наст. фам. и имя Баргон Фредерик Шарль Эдуард; 1876—1957), французский писатель.

⁷ Вероятно, речь идет о тексте Пришвина «Новая Даурия. Путешествие», опубликованном в «Новом мире».

⁸ Жена Авербаха — Бонч-Бруевич Елена Владимировна.

27.

Печатается по *А* (АГ. ПГ-рл-1-38-25), впервые.

Датируется по дате на письме.

¹ Кольцов (наст. фам. Фридлянд) Михаил Ефимович (1898—1942), журналист, в первом выпуске альманаха был опубликован его рассказ-очерк «Иван Вадимович, человек на уровне».

² Ковалевский Вячеслав Алексеевич (1897—1977), писатель; его рассказы были опубликованы в выпуске 3-м альманаха «Год XVII» («Монах») и выпуске 4-м альманаха «Год XVII» («Сапожник»).

28.

Печатается *А* (АГ. ПГ-рл-1-38-27), впервые.

Датируется по дате на письме.

¹ См. п. 26, примеч. 3.

Печатается по *ФК* (*АГ*. ПГ-рл-1-38-29), впервые.
 Датируется по сопоставлению с п. 28.

¹ Соколов-Микитов Иван Сергеевич (1892—1975), писатель; в третьем выпуске альманаха «Год XVII» было опубликовано его «Путешествие на Каспий».

Печатается *А* (*АГ*. КГ-п-1-31-23), впервые.
 Датируется по фразе «Думаю, что 1-го мая смогу выслать вам “Год Шестнадцатый”».

¹ Крючков П. П.

² Подробнее об этом см.: *Хамов К. Н.* А. М. Горький и историческая наука. Горький, 1958. С. 38—66.

³ Имеется в виду: бюллетень «История заводов: Сборники», в котором Авербах был главным редактором; выходил в течение 1932—1933 г.

⁴ Издание не состоялось.

⁵ См. п. 26, примеч. 8.

Печатается по *А* (*АГ*. КГ-п-1-31-28), впервые.
 Датируется.

¹ Корнилов Борис Петрович (1907—1938), поэт; в альманахе его произведения не печатались.

² Имеется в виду его поэма «Триполье»; она вышла в издательстве «Молодая гвардия» в 1933 г.

Печатается по *А* (*АГ*. ПГ-п-1-31-24), впервые.
 Датируется по фразе «Сослани у Вас уже был...» (Сослани был у Горького 16 июня 1933 г. — *ЛЖТ*. 4. С. 301).

¹ Речь идет о втором выпуске альманаха «Год XVI».

² В альманахе произведения Сослани Ш. В. не печатались.

³ Имеется в виду статья Р. Кима «Три дома напротив, соседних два».

⁴ Семенов Сергей Александрович (1893—1942), писатель; в альманахе его произведения не печатались.

⁵ См. п. 22, примеч. 4.

Печатается по *А* (*АГ*. ПГ-рл-1-38-14), впервые.
 Датируется по фразе письма: «мы не можем включить этот кусок повести Далевского во вторую книгу...» и редакционной пометы на выпуске 2-м альманаха «Год XVI»: «сдано в производство 19.06.33».

¹ См. п. 15, примеч. 15.

² См. п. 32, примеч. 2.

34.

Печатается по *АМ* на телеграфном бланке (*АГ. КГ-п-1-31-31*), впервые.
Датируется по содержанию.

¹ Группа писателей в составе Авербаха, Афиногенова, Корабельникова была делегирована на Беломорстрой. В поездке их сопровождал заместитель начальника ГУЛАГа С. Фирин.

35.

Печатается по *А* (*АГ. КГ-п-1-31-11*), впервые.
Датируется по содержанию.

¹ Впечатления от поездки позже легли в основу сборника «Беломорско-Балтийский канал имени Сталина: история строительства. 1931—1934 гг.», выпущенного под редакцией М. Горького, Л. Авербаха, С. Фирина; в число участников сборников Афиногенов не вошел.

² Письмо не разыскано.

³ О каком именно отклике на сборник идет речь не установлено.

36.

Печатается по *МК* на бланке редакции «ИФиЗ» (*АГ. КГ-изд-27-54-1*), впервые.

37.

Печатается по *МК* (*АГ. КГ-п-1-31-46*), впервые.
Датируется по содержанию: выход книги «Беломорско-Балтийский канал».

¹ Авербах как редактор сборника настоял на своем решении и участники сборника были указаны на первой странице в алфавитном порядке, также в оглавлении после каждой главы были указаны соавторы.

38.

Печатается по *А* (*АГ. КГ-п-1-31-16*), впервые.
Датируется по сопоставлению с п. 37.

¹ Имеется в виду сб. «Беломорско-Балтийский канал», также см. п. 35, примеч. 1.

² Имеется в виду глава «Заклученные».

³ Имеется в виду глава «Чекисты».

⁴ Начальник строительства канала Москва—Волга, начальник Дмитлага Лазарь Иосифович Коган (1889—1939), инженер-строитель трассы Николай Васильевич Могилко, начальник работ строительства трассы Нафталий Аронович Френкель — герои очерка-главы «Чекисты».

⁵ Имеется в виду газета «Перековка».

⁶ Ягода Г. Г.

Печатается по *ЧА* (*АГ. КГ-п-1-31-19*), впервые.
 Датируется по сопоставлению с п. 37 и 38.

¹ Горький опубликовал статью в сборнике под названием «Правда социализма».

² Глава была переработана и вышла под названием «Чекисты».

³ Этот очерк М. Пришвина не вошел в окончательный вариант сборника.

⁴ Заключение не вошло в состав сборника; в окончательном варианте был опубликован очерк М. Горького «Первый опыт», подводящий итоги всем опубликованным материалам в сборнике.

Печатается по *А* (*АГ. КГ-п-1-34-32*), впервые.
 Датируется по времени отъезда Авербаха в Свердловск.

¹ См. п. 17.

² Крупп — немецкий металлургический и машиностроительный концерн, основанный в 1881 г.

Печатается по *АМ* на телеграфном бланке (*АГ. КГ-п-1-31-38*), впервые.
 Датируется по дате на телеграмме.

¹ 11 мая 1934 г. умер М. А. Пешков.

Печатается по *А* (*АГ. КГ-п-1-31-34*), впервые.
 Датируется по выходу специального выпуска журн. «Технический вестник» и газ. «За тяжелое машиностроение» от 30 июля 1934 г.

¹ Судебный процесс был связан с поджогом кузнечно-прессового цеха Уралмаша.

² Имеется в виду «Речь общественного обвинителя тов. Л. Авербаха на судебном заседании 28 июля 1934 года по делу о поджоге кузнечно-прессового цеха Уралмашзавода», выпущенная 30 июля 1934 г. журналом «Технический вестник» (№ 175) и газета «За тяжелое машиностроение».

Печатается по *АМ* на телеграфном бланке (*АГ. КГ-п-1-31-30*), впервые.
 Датируется по дню открытия работы съезда ССП.

¹ Съезд ССП начал свою работу 17 августа 1934 г.; Горький выступал с докладом «О советской литературе» (*ЛЖТ. 4. С. 400*).

Печатается по А (АГ. ПГ-рл-1-38-33). Впервые: Уральский следопыт. 1983. № 7. С. 8.

Датируется по фразе: «вчера Роллан видел 150 “большевцев”...», уточняется по почт. шт.: 14.07.35.

¹ Письмо не разыскано.

² Алданов (наст. фам. Ландау) Марк Александрович (1886—1957), писатель, критик; эмигрант с 1919 г.

³ «Возрождение», ежедневная газета (Париж, 1925—1940); редактор П. Б. Струве.

⁴ Ильин Иван Александрович (1883—1954), ученый-правовед, философ, в сентябре 1922 г. выслан из России.

⁵ Адамович Георгий Викторович (1892—1972), поэт, критик; эмигрант с 1922 г.

⁶ Роллан находился в СССР с 23 июня по 21 июля 1935 г.

⁷ Толстой Алексей Николаевич (1883—1945), писатель; речь идет о его романе «Петр I».

⁸ Речь идет о воспитанниках Первой и Второй Болшевских трудовых коммун НКВД.

⁹ Ягода Г. Г.

Печатается по АМ на телеграфном бланке (АГ. КГ-п-1-31-8), впервые.

Датируется по времени отъезда Горького из Москвы на теплоходе «Максим Горький».

Печатается по А (АГ. КГ-п-1-31-41), впервые.

Датируется по дате рождения М. Горького.

¹ Это была последняя телеграмма Авербаха Горькому; более поздние его письма адресату не разысканы.

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

В указатель включены все имена, встречающиеся в тексте к/т «Горький и его корреспонденты». Фамилии исторических лиц печатаются обычным шрифтом, фамилии исследователей — курсивом.

Имена исторические из названий произведений (напр. *Петр I* и др.), а также обозначающие явление в общественно-литературной жизни (напр., *Махаевщина*, *Махновское движение* и др.) в указатель включаются, а имена собственные из названий учреждений (напр., *Тенишевское училище*, *Румянцевский музей* и др.) — нет. Лица, упомянутые в тексте без инициалов, вносятся в указатель с краткой аннотацией (напр., *Сургучева, мать* или *Щепотько, казак* и др.). В том случае, если имеется русский перевод иностранной фамилии, отсылка дается к русскому варианту.

Опечатки, встречающиеся в написании фамилий или инициалов, в указателе исправляются без каких-либо оговорок.

- А. А. см. Богданов А. А.
А. Н. см. Бах А. Н.
А. Н., знакомая З. А. Пешкова — 294
Абд Аль-Карим — 287, 383
Абд Эль-Карим см. Абд Аль-Карим
Абрамс И.— 56
Авакум, протопоп — 504, 509
Авербах И. Л.— 608, 644
Авербах Л. Л.— 6, 564–581, 584–586, 588–589, 592, 594–595, 597–599, 601–602, 604–609, 611–613, 615–616, 618–620, 622–638, 640–644, 646–650
Авилов Б. В.— 76, 103, 110–111, 115, 118, 150, 162
Австрийский Дон Жуан см. Дон Жуан Австрийский
Агамжановы, домовладельцы — 143
Адам — 277
Адамович Г. В.— 220, 573, 579, 631, 650
Адлер А. С.— 452, 467–468, 485
Адлер Б. Ф.— 163, 430
Адрианов С. А.— 256, 277, 281, 320
Азарх Э.— 333
Азеф Е. Ф.— 441, 490
Айхенвальд Ю. И.— 220–221, 261, 263, 283
Акацатов (Антонов) М. Е.— 319
Аксельрод П. Б.— 11, 17
Ал. Ал см. Богданов А. А.
Ал Ал-ч см. Богданов А. А.
Алданов (Ландау) М. А.— 11, 22, 631, 650
Александр II — 390, 425
Александр III — 47, 103, 195
Александра Федоровна — 76, 80, 483
Александров, член редакции — 572
Александров В. Д.— 48
Александров Н.— 162
Александровский М.— 162
Алексеев Г. В.— 577
Алексеев И. И.— 513, 515–516, 521
Алексеев Н. Н.— 445, 450, 458, 484
Алексей, Божий человек — 504
Алексин А. Н.— 301, 316
Алексинский Г. А.— 63, 87, 97, 121, 149, 428
Алексеич см. Золотарев А. А.
Аллари В.— 487
Аллилуева Н. С.— 601, 643
Альб. П. см. Пинкевич А. П.
Альтенберг П. (Энглендер Р.) — 252, 277
Амфитеатров А. В.— 57, 109, 128, 151, 177, 208, 213–215, 262, 264–265, 275–276, 284, 303, 317
Анастасия Ивановна см. Цветаева А. И.
Ангаров А. И.— 576
Англад см. Англада-и-Камаросса Э.
Англада-и-Камаросса Э.— 252, 277
Андерсен Г.-Х.— 486

- Андреев, домовладелец — 323
 Андреев А. А.— 577
 Андреев Л. Н.— 63–64, 105–106, 170, 208, 222, 241–242, 252, 257, 264, 266, 271, 273, 278, 321, 380–381, 387–388, 409, 420, 427, 436
 Андреева (урожд. Юрковская) М. Ф.— 7–8, 14–17, 20, 22, 24, 26–30, 32, 35, 40, 42–43, 45–51, 53–56, 58–60, 62, 74, 95, 105, 126, 134, 143, 146, 169, 179, 182, 190, 193, 208, 224, 226, 228, 230, 232, 242–244, 248, 268, 271, 315, 327, 339–340, 360, 369, 375, 439
 Андреевы, семья — 59
 Андреевы (Желябужские), семья — 20
 Андрианов см. Адрианов С. А.
 Андриканис Н. А.— 41, 66–68
 Андриконис см. Андриканис Н. А.
Анниковская А. Н.— 185
 Анненский Н. Ф.— 365, 433
 Антокольский М. М.— 194
 Антоний Марк — 244, 273
 Антонов-Овсенко В. А.— 96
 Арабажин К. И.— 266
 Арапов П. С.— 450, 483, 488, 491
 Аристотель — 191
 Арнольд Э.— 240, 271
 Архангельский А. Г.— 615, 646
 Архангельский В. В.— 117, 161
 Арцыбашев М. П.— 204, 223, 225, 256, 264–265, 280
 Асафьев Б. В.— 443–444
 Асеев Н. Н.— 565, 574, 643, 646
 Аскольдов С. А.— 200–201, 515
 Ассар А.— 487
 Астров В.— 569, 578
 Астров С. Г.— 170
 Афанасов Н. В.— 452, 475, 489
 Афанасьев Ф.— 322
 Афиногенов А. Н.— 575, 591, 594, 599–600, 606–607, 610, 624, 635, 638, 641, 643, 648
 Ашешов Н. П. (псевд. Ожигов Ал.) — 261, 283

 Бабель И. Э.— 447, 482, 492, 600, 643
 Бабушка см. Брешко-Брешковская Е. К.
 Бабушка см. Волжина М. А.
 Багаев, учитель — 10
 Багрицкий (Дзюбин) Э. Г.— 600, 606, 608, 616, 643
 Бадаев А. Е.— 372
 Баженов П.— 643
 Базаров (Руднев) В. А. (псевд. Плуталов В.) — 5, 52, 63, 71, 76, 102–115, 117–120, 122–124, 126–139, 141, 143–164, 170–171, 186
 Байрон Дж.— 194
 Баканов И.— 643
 Бакунин М. А.— 240, 271, 377, 383–385, 390, 425–426
 Балабанова А. И.— 401, 433
 Балиев С. А.— 63
Балухатый С. Д.— 266, 440
 Бальмонт К. Д.— 52, 105
 Банаси Н. М.— 275
 Бар-Йозеф Х.— 552
 Баранов А.— 643
 Барановская О. В.— 211
 Баранцевич К. С.— 251, 266, 277
 Барбюс А.— 380, 404, 412, 435, 438, 487
 Бариновы, купцы — 224
 Барков Н. П.— 327, 346, 350, 356, 363, 370–371, 374
 Баронов Г. А.— 155, 172
 Басаргин А. см. Введенский А. И.
 Батушанский Б.— 70
 Батюшков Ф. Д.— 257, 281
 Бах А. Н.— 86, 90, 95
 Бахметьев В. М.— 574
 Бацер Д. М. (псевд. Мееров Я.) — 163
 Бебель А.— 63
 Безымянский А. И.— 568, 573–574, 596, 641
 Бейн Р. Н.— 71
 Белинский В. Г.— 387, 400, 522–523, 550
 Белоусов И. А.— 208
 Белый А. (Бугаев Б. Н.) — 156, 158, 163, 383–385, 425, 430, 501, 552
 Бельтов см. Плеханов Г. В.
 Беляев Ю. Д.— 252, 277–278
 Бенавенте-и-Мартинес Х.— 378, 426
 Бенкендорф П. И.— 314, 320
 Бенкендорф Т. И.— 314, 320
 Беннет Дж.-Г. — 49
 Бенуа А. Н.— 275, 444, 459, 482
 Берберова Н. Н. (псевд. Гулливер) — 212, 220, 631
 Берг А.— 452, 472–474, 488
 Бергсон А.— 143, 159–160, 597
 Бердяев Н. А.— 199, 455, 501, 504, 543, 561, 585, 636

- Березовский Ф. А.— 574, 598, 642
 Берковская (урожд. Сетницкая) Е. Н.— 520, 562
 Берковский Ю. Р.— 520
 Берль Э.— 471–472, 487
 Бернацкий М. В.— 89, 98
 Бертацци Г.— 204
 Беттино С.— 46, 72
 Бетховен Л. ван — 189, 211, 245
 Бехер И. Р.— 568, 579, 632–633
 Бикман, журналист — 278
 Биль-Белоцерковский (Белоцерковский) В. Н.— 574
 Бирюков П. И.— 499
 Блинкина О. Е.— 157
 Блок А. А.— 115, 153, 172, 186, 281, 436, 443, 552
 Блох, секретарь — 119
 Боборыкин П. Д.— 593, 639
 Бобрищев-Пушкин А. В.— 426
 Богданов (Малиновский) А. А. (псевд. Вернер Н.) — 7, 16–19, 28, 30–31, 34, 45, 52–55, 57, 60, 62–63, 67, 69, 71–72, 102–103, 105–109, 121–122, 124, 128, 132, 134–139, 149–155, 157–158, 163, 171, 175, 177–178, 201
 Боголепов М. И.— 120
 Боголюбов С. П.— 152, 154, 245, 250, 252, 254, 256, 258, 274, 276–277
 Богораз В. Г. (псевд. Тан В.) — 549
 Богучарский (Яковлев) А. А.— 37, 64
 Божовский В. К.— 267
 Болдырев И.— 499
 Бонапарт Л. Н.— 113, 164
 Бонч-Бруевич (урожд. Величкина) В. М.— 109
 Бонч-Бруевич В. Д.— 63, 108–109, 128, 436
 Бонч-Бруевич (по мужу Авербах) Е. В.— 618, 622, 646
 Борджан см. Гюрджан А. М.
 Бордюгов Г. А.— 164
 Борисов В. С.— 521
 Борисов Н. С.— 199
 Ботвинник М. Н.— 203
 Боткин С. П.— 169
 Боткины, сестры — 169
 Боттичелли С.— 260, 283
 Бочарова И. А.— 16, 54, 62, 69, 167, 169, 180, 186, 191, 203, 205, 209, 445, 455, 485, 489, 492, 501–502, 558
 Бракко Р.— 230, 267–268
 Братья Красины см. Красин Герман Б., Красин Л. Б.
 Браун Ф. А.— 163, 430
 Бреев В. И.— 193, 201–203
 Бретаницкая А.— 488
 Брехт Б.— 587, 636
 Брешко-Брешковская (урожд. Вериго) Е. К. (псевд. Бабушка) — 23, 47
 Брик О. М.— 565
 Бродский И. И.— 225, 265, 271
 Броневой А., редактор — 612
 Бруно Дж.— 167, 181, 184–185, 190, 201, 204
 Бруснев М. И.— 12–14, 17, 22
 Брюсов В. Я.— 153, 156, 269, 281, 501
 Буачидзе М.— 573
 Будберг (урожд. Закревская, в 1-м браке Бенкендорф) М. И.— 290, 309, 314, 319–320, 378, 398–399, 401, 407–408, 414, 426, 431, 435–436, 488
 Буланже П. А.— 271
 Булгаков М. А.— 581, 606, 634, 644
 Булгаков С. Н.— 155, 160, 501, 504, 543, 561, 585, 636
 Булкович, журналист — 221–222, 263
 Бумке О.— 429
 Бунин И. А.— 63–64, 165, 170, 186, 203, 208, 215, 267, 380, 383, 391, 393, 427–428, 434, 437, 439–440, 495, 497
 Бунин Ю. А.— 165
 Буренин Н. Е. (псевд. Г. Ф.; Герман) — 15, 17, 26, 28, 31, 34, 42–43, 45–51, 54–55, 59–60, 62, 69–71
 Бурлюк Д. Я.— 76
 Буров А. В.— 169
 Бурцев В. Л.— 37, 64, 79, 87, 96–97, 202, 383, 389–390, 393, 427–428, 478, 480, 483, 490–491
 Бусыгин В. П.— 127
 Буткевич, священник — 271
 Буторин Д.— 643
 Бухарин Н. И.— 99, 120–121, 129, 317, 565–567, 572, 577
 Бухгольц В.— 104
 Бьюкенен Д.— 78
 Бьянко У. З.— 180–181, 185, 196–197, 205–206
 Быковцева Л. П.— 68
 Быстрова О. В.— 564
 Быстрянский (Ватин) В. А.— 81

- Бюхнер Г.— 127
 Бялик Х. И.— 552
- В. Л., авт. газ. «Возрождение» — 500
 В. С. см. Миролюбов В. С.
 Вавилов Н. И.— 201
 Вагнер Р.— 383, 420
Вайнберг И. И.— 430
 Вакуров И.— 643
 Валентинов В.— 66
 Валлах М. см. Литвинов М. М.
 Валле-де-Барр Е. А.— 639
 Вальдес Дж.— 180
 Вангейнгом, режиссер — 587
 Вардин (Мгеладзе) И. В.— 565, 567
 Василевский Л. М.— 156
 Вассерман А.— 50
 Введенский А. И. (псевд. Басаргин А.)—
 237, 240, 269, 506
 Величкина В. М. см. Бонч-Бруевич В. М.
 Венгерова З. А.— 52, 105
 Вербицкая А. А.— 237, 269
 Вердинуа — 204
 Вересаев (Смидович) В. В.— 549
Верин В.— 315
 Веритинов Н.— 207, 219–220
 Верлен П.— 441
 Верн Ж.— 205
 Вернадский Г. В.— 444–445, 502
 Вернер, член Пролеткульта — 163
 Вернер Н. см. Богданов А. А.
 Верхарн Э.— 64
 Веселовский Б. Б.— 109
Веселовский И. Н.— 184
 Веселый А. (Кочкуров Н. И.) — 447
 Вешнев В. Г.— 577, 582, 634
Викторов В. М.— 152
 Вилленберг М.— 636
Вильданова Р. И.— 483
 Вильде Б. В.— 211
 Вильсон В.— 308, 318
 Винавер М. Л.— 127
 Винниченко В. К.— 178
 Виталия, глава секты — 270
 Витте С. Ю.— 49, 51
 Вихрев Е.— 600, 606, 643
 Вл. Ильич см. Ленин В. И.
 Владимиров Ю.— 162
 Владиславлев см. Вышеславцев Б. П.
 Владиславлев (Гульбинский) И. В.— 644
 Водовозов В. В.— 109, 128
- Войтинский В. С.— 67, 110
 Войтоловский В. С.— 152, 155
 Волжина М. А.— 262, 284
 Волин (Фрадкин) Б. М.— 568, 596, 611–
 612, 635, 641, 645
Волкогонова О. Д.— 456
 Вольнский А. Л. (Флексер Х. Л.)— 166,
 522, 550
 Вольнов И. Е. (псевд. Вольный И.)—
 165, 249–251, 276, 317
 Вольнов И. И.— 317
 Вольный Ив. см. Вольнов И. Е.
 Вольпи, певец — 476, 490
 Вольский Ст см. Соколов А. В.
 Воровский В. В. (псевд. Орловский П.)—
 44, 52, 57, 61, 63, 65, 71, 105, 152
 Воронов М. А.— 593, 639
Воронская Г. А.— 129
 Воронский А. К.— 119, 129, 447, 565–
 567, 573, 577–578
 Воротилов С. А.— 199
 Ворошилов К. Е.— 575, 634
 Врангель П. Н.— 98, 162, 383, 390, 398,
 410, 428, 437, 634
 Всеволод см. Иванов Вс. В.
 Вырубова (урожд. Танеева) А. А.— 79–
 80, 461, 483
 Вышеславцев Б. П.— 606, 644
 Вэлтон Л.— 71
- Г. Г. см. Ягода Г. Г.
 Г. Ф. см. Буренин Н. Е.
 Габрилович см. Галич Л. Е.
 Габрилович Е. И.— 600, 611, 613, 642–
 643
 Гавриил Константинович, вел. кн.— 80
Гавриш Т. Р.— 207
 Газданов Г. И.— 6
 Галин (Рогалин) Б. А.— 616–618, 646
 Галич (Габриловский) Л. Е.— 52, 105,
 139, 156
 Гамсун К.— 216, 495, 499
 Ганди М.— 370
 Ганецкий (Фюрстенберг) Я. С.— 337–338
 Гарбе Р.— 271
 Гарин (Михайловский) Н. Г.— 7, 15,
 30–33, 52, 57–61
 Гарин-Михайловский Н. Г. см. Гарин Н. Г.
 Гаррисон см. Литвинов М. М.
 Гастев А. К.— 565
 Гауптман Г.— 64, 304

- Гачева А. Г.— 501
 Ге Г. Г.— 253, 278
 Гегель Г. В. Ф.— 185, 550, 596–597, 641
 Геенно Ж.— 463, 484
 Гейне Г.— 384, 400
 Геллер М. Я.— 429–430, 437
 Гельфанд-Парвус А.-И. Л.— 464–465
 Генриетта, актриса — 303
 Генрих см. Ягода Г. Г.
 Генрих IV — 280
 Герасименко Н. В.— 433
 Герасимов М. П.— 507
 Герасимов Н. И.— 240, 271
 Герм. Фед. см. Буренин Н. Е.
 Герман см. Буренин Н. Е.
 Герман Ю. П.— 599, 642
 Герцен А. И.— 10, 190, 206, 368, 455
 Гёте И. В.— 127, 384, 587, 595, 640
 Гиацинтов, работник искусств — 331
 Гидаш А.— 573
 Гиддингс Ф. Г.— 25, 50
 Гинзбург М. А.— 126, 162
 Гиппиус З. Н. (псевд. Антон Крайний) —
 152, 155, 428
 Гитлер (Шикльгрубер) А.— 212
 Глаголев (Глаголин) Н. М.— 38, 64
 Глаголин (Гусев) Б. С.— 232, 268
 Гладков Ф. В.— 568, 577
 Говоруха-Отрок Ю. Н.— 199
 Гогенцоллерны, династия — 118
 Гоголь Н. В.— 218, 487, 499, 546
 Гое Р.— 63
 Голиков И., художник — 617, 643, 646
 Голль Ш. Де — 285
 Головин А. Я.— 277
 Головлев, сержант — 302
 Голубев С. В.— 12
 Голубева Л. Г.— 493
 Гольдберг Н., коммерсант — 52
 Гольденберг И. П.— 57, 105, 110
 Горбачев Г. Е.— 582, 634
 Горбик-Ланг А. П.— 151
 Горбов Д. А.— 440
 Горбунов Д. М.— 594, 640
 Горгулов, эмигрант — 607–608
 Горин П. О.— 602
 Горостьяга А. де — 453, 476, 478, 480–481
 Горский А. К. (псевд. Горностаев А. К.) —
 6, 501, 503, 505–517, 519–521, 524–
 527, 532, 538, 542–544, 551–553, 555–
 557, 559–562
 Горфинкель Д., переводчик — 317
 Господа Богучарские см. Богучарский
 В. Я., Бурцев В. Л., Щеголев П. Е.
 Грав Ж.— 396
 Гребенщиков Г. Д.— 215
 Грейс, знакомая З. А. Пешкова — 312
 Гржебин З. И.— 64, 92, 99, 161, 317, 428,
 431, 436, 438, 553
 Грибоедов А. С.— 265
 Григорий VII, римский папа — 280
 Григорьев (Крахмальников) Р. Г.— 118,
 162
 Григорьев А. А.— 522
 Григорьев С. Т.— 504–505, 508, 520
 Григорьевский, купец — 188
 Гриневич Е.— 552
 Гриневский Ф. А.— 56
 Громан В. Г.— 120, 124–126, 129
 Гронский И. М.— 76–77, 572, 574, 598–
 599, 642
 Грот Я. К.— 150
 Грудская А. Я.— 576
 Груздев И. Я.— 366
 Грузенберг О. О.— 133, 151, 282
 Губер, генерал — 57
 Гудзия Н. К.— 544, 561
 Гулливер см. Берберова Н. Н., Ходасе-
 вич В. Ф.
 Гуревич Р.— 56
 Гуро (по мужу Низен) Ек. Г.— 526
 Гуро Ел. Г.— 526, 552
 Гуров П. Я.— 60
 Гурович А. С.— 487, 489
 Гусев С., член Реввоенсовета — 437
 Гусев С. И.— 566
 Гусев-Оренбургский (Гусев) С. И.— 63,
 105, 170–173, 178, 193, 250, 256, 276, 281
 Гучков А. И.— 95, 454
 Гучкова (по мужу Сувчинская) В. А.—
 454, 491
 Гюрджан А. М.— 261, 274, 283
 Д. П. см. Святополк-Мирский Д. П.
 Давыдов И.— 104–105
 Далеккий П. Л.— 599, 624, 642
 Далин В. М.— 128
 Далин Д.— 162
 Даль В. И.— 593, 639
 Даниельсон Н. Д. (псевд. Николай-он) —
 104
 Данилов В. П.— 125

- Данишевский К. Х.— 61
 Даниэль А. Ю. (псевд. Сонин Т.) — 163
 Данте А.— 198
 Дарвин Ч. Р.— 151, 190–191, 200
 Дебиль, полковник — 322
 Деборин А. М.— 530
 Девдариани С. (Сан) — 162
 Девриен А. Ф.— 275
 Деев-Хомяковский (Деев) Г. Д.— 566
 Дезормьер Р.— 477, 490
 Де-ля-Барт *см.* Де-Ла-Барт Ф. Г.
 Де-Ла-Барт Ф. Г.— 150
 Делянов И. Д.— 14
 Деникин А. И.— 75, 98, 410, 417, 428
 Деренков А. С.— 99
 Державин Г. Р.— 499
 Десницкий (Строев) В. А.— 55, 76, 91, 99, 110
 Дети (Будберг) *см.* Бенкендорф П. И., Бенкендорф Т. И.
 Дети (Шалапины) — 303, 317
Джабмальво М. — 206
 Джили Б.— 476, 490
 Джойс Дж.— 600, 643
 Джотто Б. ди — 149
 Дзержинский Ф. Э.— 82, 326, 612
 Дивильковский А. А.— 105
Динерштейн Е. А. — 578
 Дионео (Шкловский И. В.) — 44, 71
Добренко Е. — 577–578
 Добройейн И. А. (Барабейчик И. З.) — 296
 Добролюбов Н. А.— 102, 593, 639
Доброчаева Н. — 158
 Довлатов С. Д.— 493
 Докучаева В. В.— 559
 Дон Жуан Австрийский — 393, 428
 Дон Хуан Тенорио — 393, 428
 Дороватовский С. П.— 64, 104
 Доронин И. И.— 634
 Дорохов П. Н.— 583, 635
 Дорошевич В. М.— 264
 Достоевские *см.* Достоевский М. М., Достоевский Ф. М.
 Достоевский М. М.— 593, 639
 Достоевский Ф. М.— 174, 176, 183, 199–200, 218, 234, 256, 269, 290, 403, 422, 432, 496, 499, 506, 510, 524–525, 551–554, 593, 606, 636, 639, 644
 Дрейер Р. А.— 128
 Дружинин А. В.— 499
 Дубинская И. Т.— 128
Дубинская-Джалилова Т. И. — 458
 Дубровинский И. Ф.— 17, 57, 154
 Дуглас, лорд — 169
 Дукельский В., музыкант — 458
 Дыдыкин А.— 643
 Дымов О. (Перельман О. И.) — 266
Дэвис Р. У. — 578
 Дюн Д. П.— 48
 Дюпон А.— 319
 Дюшен Д. В.— 451, 458
 Дагилев С. П.— 443, 470, 477, 486–487, 490
 Дядя Миша *см.* Михайлов М. А.
 Е. Н. *см.* Никитин Е. Н.
 Е. Ф. *см.* Крит Е. Ф.
 Ева — 194
Евдокимов А. В. — 285
 Евдокимов И. В.— 577
 Евсеев Д. И.— 238, 270
 Ежов Н. И.— 577
 Елена *см.* Малиновская Е. К.
 Елена Константиновна *см.* Малиновская Е. К.
 Еленучча — 209
 Елиз. Павл. *см.* Шмит Елизавета П.
 Елизавета *см.* Пешкова Е. З.
 Енукидзе А. С.— 13, 565, 572, 601, 643
 Ермилов В. В.— 568, 572–573, 575, 578, 580, 582, 600, 604, 610, 633–634, 642–643
 Ермилов В. Е.— 262, 283
 Ермолов А. С.— 559
 Есенин С. А.— 507, 513
 Ефремов И. Н.— 97
Жадаева Н. Ф. — 329
 Жаров А. А.— 565, 578, 634
 Жданов А. А.— 575, 577
 Желябов А. И.— 387, 410
 Желябужский А. А.— 58
 Желябужский Е. А.— 20, 43, 56, 60, 70
 Желябужский Ю. А.— 56, 60, 70, 268
 Жена *см.* Бонч-Бруевич Е. В.
 Жермэн А.— 296
 Жига И. (Смирнов И. Ф.) — 572, 574
 Житловский Х. О. (псевд. Григорович С.) — 47
 Житомирский Я. А. (псевд. Отцов) — 69–70

- Жордания Н. Н. (псевд. Костров) — 33–34, 61
 Жуков, инженер — 261
 Жукова М. М. — 260–261
 Жуковский И. Г. — 639
- Заубрин (Зубцов) В. Я. — 612–614, 616, 645
 Зайцев А. А. — 491
 Зайцев Б. К. — 152, 436, 447
 Зайцев К. — 500
Зайцева И. А. — 493
 Залка М. — 635
 Замойский П. (Зевалкин П. И.) — 574
 Замятин Е. И. — 436, 570
 Зарудный А. С. — 97
 Засодимский П. В. — 639
 Засулич В. И. — 11
 Зволянский С. Э. — 105
 Зелинский К. Л. — 606, 604, 616, 643
Зельдович В. Д. — 128
 Землячка (урожд. Залкинд, по мужу Самойлова) Р. С. — 147, 162
 Зензинов В. М. — 500
Зымина С. С. — 314, 318
 Зина см. Пешков З. А.
 Зиновий см. Пешков З. А.
 Зиновьев Г. Е. (Радомысльский О.-Г. А.) — 5, 79–82, 96, 114, 129
 Зиновьев Н. — 643
 Зиновьева-Аннибал (Зиновьева) Л. Д. — 280
 Златовратский Н. Н. — 593, 639
 Знаменский, юрист — 515, 537
 Зозуля Е. Д. — 74
 Золотарев А., отец — 196
 Золотарев А. А. (псевд. Рыбинец) — 5, 165–170, 172–173, 175–187, 192–193, 195–198, 200–206, 249–252, 276
 Золотарев Н. А. — 179–180, 201, 205
 Золотарева Ю. Е. — 196
 Зонин А. И. — 568
 Зошенко М. М. — 399, 431, 615, 646
 Зубков И. — 643
- И.-Неразумник см. Иванов-Разумник
 Иаков Праведный, апостол — 98
 Ибсен Г. — 150, 420
 Ив. Ив. см. Скворцов-Степанов И. И.
 Иваницкий П. И. — 535–536, 555–556, 559
 Иванов, интендант — 58
 Иванов, рабочий — 616
 Иванов А. В. — 202
 Иванов Вс. В. — 572, 574, 599–600, 604, 606–607, 610, 613, 616, 623, 631, 642–643
 Иванов Вяч. И. — 140, 157, 172, 280, 501, 527–528, 553
 Иванов-Разумник (Иванов Р. В.) — 258, 281–282
 Иванович Ст. см. Португейс С. И.
 Ивина-Лошакова см. Лошакова-Ивина О. Ф.
 Иглесиас П. — 393, 402, 428
 Игнатъев А. М. — 15, 42, 59, 69
 Ида см. Авербах И. Л.
 Изгоев (Ланде) А. С. — 102–103, 127, 160, 447
 Измайлов А. А. — 227–228, 240, 266
 Иллеш Б. — 568, 579, 633
 Ильенков В. П. — 571–572, 576, 590–591, 637
 Ильин И. А. — 631, 650
 Ильин В. Н. — 450, 504, 561
 Ильин Я. Н. — 616–618
 Ильинский М. С. — 61
 Ильич см. Ленин В. И.
 Ильф (Файнзильберг) И. А. — 613, 615, 645
 Иоанн, апостол — 268–269, 272
 Иоанн Грозный — 278
 Иоанн Златоуст — 194, 203
 Ионов И. И. — 81
 Иорданская (урожд. Гельман, в 1-м браке Куприна) М. К. — 208
 Иорданский Н. И. — 105
Иоффе Ф. М. — 494
Исаев И. С. — 129
 Исая, пророк — 158
 Исаковский М. В. — 577
 Исбах А. (Бахрах И. А.) — 580, 633
 Истрати П. — 304–305, 317
- К. П. см. Пятницкий К. П.
 Каваллини П. — 149
 Каган А. — 46
 Каган М. К. (псевд. Коэн М.) — 50
 Каганович Л. М. — 572–573, 575, 577–579, 601, 625, 643
 Казаков (Козаков) М. Э. — 570, 599, 642
 Казин В. В. — 565
Казнина О. А. — 457

- Калинин М. И.— 514–515, 537, 559
 Кальманович М. Е.— 58
 Калюжный А. М.— 324, 342, 369
 Каменев (Розенфельд) Л. Б.— 52, 63, 79,
 96, 105, 111, 129, 162, 565, 575
 Каменев Ю.— 114, 152–153
 Каменская И. З.— 333
 Каменская (урожд. Кузнецова) О. А.—
 94, 100
 Каменская (урожд. Гюнтер) О. Ю.— 6,
 321–332, 334–346, 348–349, 351–357,
 359–366, 368–369, 371–375
 Каменский А. П.— 204, 256, 280
 Каменский В. М.— 100
 Каменский Ф. Ф.— 321, 325, 364
 Камков (Жац) Б. Д.— 99
 Камо (Тер-Петросян С. А.) — 70
 Кант И.— 195
 Караваева А. А.— 573, 641
 Карев — 577
 Кареев, капрал — 302
 Карелина-Раич, актриса — 230
 Карл V — 428
 Кармелла, горничная — 46, 72
 Каронин-Петропавловский (Петропав-
 ловский) Н. Е.— 592–593, 638
 Карпов, полит. деятель 1910-х гг.— 8
 Карпов В.— 201
 Карпов Г. Я.— 10
 Каррер Ж.— 228, 267
 Карсавин Л. П.— 445, 449–450, 480, 491
 Карсавина (по мужу Сувчинская) М. Л.—
 491
 Карсавина Л., жена — 480
 Карташев А. В.— 95
 Картиковский И. А.— 366
 Карузо Э.— 476, 490
 Карякин, адвокат — 229, 268
 Касаткин И. М.— 193, 447
Касвинов А. Ф. — 83–84
 Кастелли Ч.— 64
 Катальдо, повар — 46, 72
 Катя см. Пешкова Е. П.
 Катерина см. Пешкова Е. П.
 Каутский К.— 162, 597
 Кашен М.— 463, 484
 Каширин В. В.— 321
 Келлерман Б.— 271
Кельберин Л. — 500
 Керенский А. Ф.— 74, 76–77, 79–80, 83,
 96–97, 113, 397, 596, 640
 Керженцев П. М.— 634
 Кибальчич В. В. (псевд. Серж) — 381
 Ким Р.— 624, 647
 Кирдецов (Дворецкий) Г. Л.— 451, 458
 Киреев А. А.— 522, 550
 Киреевский П. В.— 592, 638
 Кириллов В. Т.— 565
 Кирова Д. Н.— 211
 Кирпичников А. И.— 150
 Кирпотин В. Я.— 574, 596, 609, 641–642
 Кириш см. Кириш В. М.
 Киришон В. М.— 566, 569, 571, 573–575,
 578, 580, 584–585, 598–599, 633–635,
 642
 Клеванский С. А. (псевд. Максим) — 25,
 50–51
 Клименко Н. К.— 207, 209–210, 212, 219–
 220
 Клычков (Лешенков) С. А.— 598–599, 642
 Клюев Н. А.— 501, 507
 Ключников Ю. В.— 426
 Кнехт (Петровский) В. А.— 599, 642
 Книжник И. С. (псевд. Ветров И.) — 81
 Книппер-Чехова О. Л.— 210
 Книжник-Ветров И. см. Книжник И. С.
 Князь см. Святополк-Мирский Д. П.
 Ковалевский В. А.— 619, 646
 Ковалевский М. М.— 159
 Коган В.— 162
 Коган Л. И.— 627, 648
 Кожевников В. А.— 505–506, 508, 522,
 524, 526, 549, 551, 553, 562
 Кожевникова (урожд. Андреева) А. В.—
 508, 524, 551
 Кожевникова (урожд. Тарновская) М. Г.—
 524, 551
 Козовой В.— 454, 483, 488
 Кокто Ж.— 487
 Колбер Р.— 48
 Колесников Н.— 162
 Коллонтай (урожд. Домонтович) А. М.—
 97
 Колоколов Н. И.— 583, 635
 Колокольников П.— 162
 Колосов, врач — 593, 639, 641
 Колосов Е. Е.— 117
 Колпинская (урожд. Миславская) А. Н.—
 169
 Колчак А. В.— 428, 432
 Кольцов (Фридлянд) М. Е.— 489, 616,
 619, 646

- Комиссар юстиции см. Стучка П. Д.
 Комиссаржевская В. Ф.— 52, 264, 266
 Кон Ф. Я.— 118, 356, 358, 374
 Кондратьев Н. Д.— 120, 123–124, 129
 Кондурушкин С. С.— 67–68, 232, 268
 Конис см. Кониц Х.
 Кониц Х.— 41, 69
 Коновалов А. И.— 95, 280
 Конг О.— 439
 Копельман С. Ю.— 64
 Коперник Н.— 191, 195
 Копылова Л. Ф.— 583, 635
 Корабельников Г. М.— 604, 624, 641, 644, 648
Коргунюк Ю. Г.— 128
 Корней см. Чуковский К. И.
Корников А. А.— 128
 Корнилов Б. П.— 623, 647
 Корнилов Л. Г.— 79, 113, 115
 Короленко В. Г.— 95, 206, 315, 324, 365, 376, 592, 638
 Коропчевский Д. А.— 639
Короткий Е. И.— 162
 Корсак Б. П.— 321–322, 324–325, 365
 Корш В. Ф.— 150
 Корш Ф. А.— 230, 267
 Костров см. Жордания Н. Н.
 Костров Т. (Мартыновский А. С.)— 486–489
 Котляревский Н. А.— 245, 257, 274, 281
 Котухин А.— 643
 Коцюбинский М. М.— 208–209, 230, 265, 267–268
Кошелева Л. П.— 129, 578
 Крайний Антон см. Гиппиус З. Н.
Красильников С. А.— 127
 Красин А. Б.— 9
 Красин Б. Б.— 10
 Красин Б. И.— 9–10
 Красин Герман Б.— 9–14, 20–21, 23
 Красин Глеб Б.— 9
 Красин И. В.— 9
 Красин Л. Б. (псевд. Никитич)— 5, 7–23, 26, 28, 30–32, 34–35, 39–40, 43, 46, 52–56, 58–68, 72, 95, 105
 Красина (урожд. Кропанина) А. Г.— 9–10
 Красина Е. Л.— 21
 Красина (урожд. Миловидова, в 1-м браке Кудрявская, во 2-м Окс) Л. В.— 8, 12, 2–21, 58
 Красина Любовь Л.— 21
 Красина Людмила Л.— 21
 Красина С. Б. см. Лушникова С. Б.
 Крачковский Д. Н.— 211
 Крашенинникова Е. А.— 520
 Крестинский Н. Н.— 429
 Кржижановский Г. М.— 23, 572
 Криницкий А. И.— 633
 Крит, семья— 20
 Крит В. А.— 60
 Крит Е. Ф.— 20, 28, 54–55, 60
 Кричевский М. И.— 118, 162
 Кропоткин А. А.— 439
 Кропоткин П. А.— 63, 377, 381, 396, 399, 410, 412, 414, 419–420, 431, 436, 439
 Крупская (по мужу Ульянова) Н. К.— 66, 68, 70, 126, 130, 374
 Крылов П. Н. (псевд. Кукрыниксы)— 616, 646
 Крючков П. П.— 21, 327, 342–343, 348–350, 353, 355–356, 358–361, 363–364, 366, 369–370, 372–375, 451, 485–486, 492, 589, 600, 605, 610–611, 620, 637, 644–645
 Кубланов И.— 644
Кудрова И. В.— 485, 489
 Кудрявский— 20–21
Кудрявцев В. Б.— 483
Кузнецов А. М.— 269
 Кузьмина-Караваева (урожд. Пиленко) Е. Ю.— 211
 Кукрыниксы см. Куприянов М. В., Крылов П. Н., Соколов Н. А.
 Кума см. Желябужская Е. А.
Куманев В. А.— 152
 Кун Б.— 147, 162, 437
 Куняев П.— 104–105
 Куприн А. И.— 63, 232, 266, 268, 380, 383, 390, 427–428, 490
 Куприянов М. В. (псевд. Кукрыниксы)— 616, 646
 Курочкин В. С.— 592–593, 638
 Курский Д. И.— 124
 Кускова (урожд. Есипова, в 3-м браке Прокопович) Е. Д.— 124–125
 Кутепов А. П.— 462, 483, 485, 491
 Кушнерев И. Н.— 271
 Кущевский И. А.— 593, 638
 Кэлдрон Л.— 71
 Л. М. см. Каганович Л. М.

- Лавренев Б. А.— 589, 594, 637, 640
 Лавров П. Л.— 10, 426
 Ладыжников И. П.— 21, 46, 57, 64, 92,
 99, 178, 272, 283, 432, 437, 446
 Лазаревская Е., переводчица — 433
 Лазаревский Б. А.— 266
 Лазьян И.— 566
 Ламарк Ж. Б.— 185, 190–191, 200–201
 Ланин А. И.— 323, 364
 Лапин Б. М.— 600, 642
Лапто-Данилевский К. Ю.— 483
 Лафарг П.— 63
Лаштовичка М.— 318
 Ле Бон Г.— 441
 Ле Дантек Ф.— 134, 151–152, 190
 Левандовский М. И.— 329, 332
 Левенсон А. А.— 271
 Левидов М. Ю.— 118, 162
 Левин Б. М.— 600, 606, 608, 610, 613,
 615, 643
 Левитов А. И.— 593, 639
 Левицкий А. Н.— 211
 Лелевич Г. (Кальмансон Л. Г.) — 565,
 567
Лелька см. Лошакова-Ивина О. Ф.
Лельчук В. С.— 129
 Леля *см. Бонч-Бруевич Е. В.*
Леля см. Лошакова-Ивина О. Ф.
 Ленин (Ульянов) В. И. (псевд. Ста-
 рик) — 5–9, 12, 16–21, 28, 45–46, 52,
 54–55, 57, 59, 61–63, 66–68, 70–72,
 77–80, 84–85, 87, 89–90, 93, 95–99,
 103, 105–108, 111, 113, 115–117, 119,
 121, 124, 126, 128, 130, 132, 151–152,
 154–155, 162, 164, 171, 178, 186, 205,
 285, 292, 319, 377, 379, 381–383, 393–
 395, 398, 406, 408–415, 417–424, 427–
 429, 436–441, 447, 450, 455, 463, 484,
 530, 576, 586, 595–596, 622
 Ленин Н. *см. Ленин В. И.*
 Леонардо да Винчи — 167, 267
 Леонов Л. М.— 572, 574
 Леонтьев К. Н.— 199
 Леопольд *см. Авербах Л. Л.*
 Лермонтов М. Ю.— 287, 499
 Лещинский Н. Е.— 249, 276
 Лжедмитрий II — 446
 Либединский Ю. Н.— 565, 567, 572–
 573, 580, 594, 598–599, 633–635, 640–
 642
 Либер М. И.— 162
 Либерзон Д. Г.— 357
 Лидин (Гомберг) В. Г.— 552, 599, 642
 Лизунька *см. Пешкова Ел. З.*
 Лизынька *см. Пешкова Ел. З.*
 Липа *см. Черткова О. Д.*
 Линдберг Ч.— 607–608
 Линдберг, сын — 607–508
 Лисик А.— 56
 Литвинов М. М. (Валлах М.-Г. М.; псевд.
 Папаша) — 11, 44, 46, 52, 62, 69–71,
 105
 Литевин, генерал — 57
 Лифарь С. М.— 487
 Ллойд Дж.— 77
 Логин, сотник — 504
 Лодий З. П.— 314, 320
 Лозина-Лозинский А. К.— 166, 181, 205
Лозинская Е. В.— 204, 206
 Локнер Л. П.— 511, 521, 556
 Ломброзо Ч.— 420, 440–441
 Ломинадзе В. (Б.) В.— 571, 577
 Лоренц-Метцнер А. К.— 181
 Лосицкий А. Е.— 109
 Лосская В.— 458
 Лосский Б. Н.— 485
 Лосский Н. О.— 561
 Лохвицкая *см. Тэффи Н. А.*
 Лошаков И. Я.— 329–330, 333, 367
 Лошакова-Ивина (урожд. Каменская)
 О. Ф.— 6, 321–339, 341–349, 351–
 355, 357–364, 366–376
 Луговской В. А.— 597, 600, 606, 608,
 610, 613, 641, 643
 Лузгин М. В.— 573
 Луи-Филипп Орлеанский — 286
 Луиджи, рыбак — 46, 72
 Лука, апостол — 273, 298
 Лукьянов С. С.— 426
 Луначарская (урожд. Малиновская)
 А. А.— 128
 Луначарский, брат — 150
 Луначарский А. В.— 5, 16, 52, 61, 63, 65,
 79, 87–89, 96–98, 102, 104–108, 128,
 131–132, 135–138, 140, 149–155, 170–
 173, 177–178, 200, 566, 568, 579, 633
 Лунц М. Г.— 60
 Луппол И. К.— 555–556
 Лурье А. С.— 447, 450, 458
Луценко А. В.— 128
 Лушников (урожд. Красина) С. Б.—
 10, 41, 68

- Львов Г. Е.— 79, 95
 Львов-Рогачевский В. Л.— 169, 177–178, 188, 193, 202
 Львов-Рогачевский С. В.— 169
 Львова-Рогачевская В. М.— 169
 Львович см. Львов-Рогачевский В. Л.
 Лютэ, маршал — 289, 313, 320
 Любарский Н. М.— 196, 205
 Любимов А. И.— 17
 Любимов Л.— 162
 Дюбомирский-Гохгейм В. М.— 333, 366
 Лядов М. Н.— 23, 60, 68
 Ляцкий Е. А.— 109, 159, 254, 261, 279
- М. см. Пешков М. А.
 М. И. см. Будберг М. И.
 М. Ф. см. Андреева М. Ф.
 Магомет — 43, 607
 Мадани Э.— 6, 377–383, 385–387, 391–392, 394–396, 398–405, 407–408, 414–415, 422–429, 431–436, 438–442
 Мазнин Д. М.— 576
 Макаренко А. С.— 612, 645
 Макаров А. А.— 124
 Макаров В. Г.— 515, 521, 559
 Макарьев И. С.— 566, 573, 575–576, 589–590, 592, 598–599, 604, 637, 641–642
 Макарьева, жена — 589
 Макарьевы, дети — 589
 Макс см. Пешков М. А.
 Максимов П. Х.— 217, 588–589, 592, 636–637
 Максимова, жена — 588–589
 Максимова В. А.— 128
 Мал. см. Малянтович П. Н.
 Малевский-Малевич П. Н.— 450
 Малиновская Е. К.— 88–89, 97–98, 247, 275, 334, 367
 Малиновская (урожд. Корсак) Н. Б.— 45, 71
 Мальшкин А. Г.— 574
 Мальстад Д.— 444, 455, 457, 488
 Мальтус Т. Р.— 200, 441
 Малянтович П. Н.— 27–28, 30, 32, 41, 53–54, 56–57, 60, 69
 Мамин-Сибиряк (Мамин) Д. Н.— 593, 638
 Манделькерн Д.— 46, 51
 Мандельштам Н. Я.— 566, 578
 Манухин И. И.— 86, 95, 98
- Манфред, владелиц отеля — 209
 Марасинова Л. М.— 199
 Марголина А. Б.— 146, 161
 Марголины, семья — 158
 Маргулиес М. С.— 436
 Марджанов (Марджанишвили) К. А.— 331
 Мариенгоф А. Б.— 370
 Мария Григорьевна см. Кожевникова М. Г.
 Маркевич И. Б.— 452, 469–470, 486–487
 Маркичев И.— 643
 Марков Н. Е. (Марков 2-й) — 78
 Марковский, режиссер — 331
 Маркс К.— 63, 103, 107, 157, 164, 384–385, 388, 410, 413, 415, 448–449, 535, 555, 595, 601, 604, 636
 Мартин Д.— 48, 50, 312
 Мартин П.— 48, 312
 Мартов Л. (Цедербаум Ю. О.)— 17, 111, 162, 389, 393, 427–428
 Мартынов А. С.— 104
 Мартыновский-Опишня И.— 210, 212, 220
 Мартэн Д.— 25–26
 Мархлевский Ю. Ю.— 64
 Маршал см. Лютэ
 Маршак С. Я.— 492
 Масарик (Массарик) Т. Г.— 308, 318
 Масарик (Массарик) Я. Т.— 318
 Масс В. З.— 574, 643
 Массне Ж.— 272, 491
 Матевосян Е. Р.— 7
 Матиас-Красина, дочь Л. Б. Красина — 23
 Матильда, маркиграфиня — 280
 Матин Н.— 287, 291–293
 Матфей, апостол — 151, 283
 Махайский В. К.— 379, 390, 427
 Махно Н. И.— 379, 401–402, 410, 419, 433, 437
 Маширов-Самобьгтник (Маширов) А. И.— 569, 578
 Маяковский В. В.— 502, 507, 513, 565, 568
 Медведев М. А.— 105
 Мейер А. А.— 515
 Мейер Г.— 207, 212, 219–220
 Мейерхольд В. Э.— 156, 251, 277, 443, 452, 470, 487, 584, 635
 Мельгунов С. П.— 47
 Мельников А. И.— 199

- Мельников Н. Г.— 493
 Мельников-Печерский П. И.— 593, 639
 Менжинский В. Р.— 162
 Мензбир М. А.— 103
 Мережковский Д. С.— 153, 155–156, 170–172, 175, 186, 199, 257–258, 281, 383, 447, 607, 644
 Меснянкин, купец — 209
 Микеланджело Б.— 203
 Микитенко И. К.— 574
 Миклашевская Т. В.— 21
 Миллес Дж. Э.— 149
 Милованова Е. С.— 63
 Миль Д. Ст.— 10
 Милюков П. Н.— 77–78, 95, 389, 427–428, 462, 483, 596, 641
 Министр внутренних дел см. Святополк-Мирский П. Д.
 Минский (Виленкин) Н. М.— 52, 105, 171
 Мирбах В. фон, граф — 99
 Миролюбов В. С.— 155, 208, 225–226, 228, 230, 233, 235–236, 241, 248, 254, 258, 265, 271, 275, 282
 Миронович Н. П.— 516–517, 521
 Миронович-Кузнецова В. Н.— 516, 556
 Мирский см. Святополк-Мирский Д. П.
 Митрофанов А. Г.— 613, 645
 Михайлов М. А. (псевд. Дядя Миша) — 28, 54, 66, 179
 Михайловская В. А.— 59
 Михайловская Н. В.— 58, 61
 Михайловский Н. К.— 13, 426, 522
 Мицкевич А.— 195, 204
 Мичуринков, издатель — 271
 Могилко Н. В.— 627, 648
 Моисей — 277, 411, 558
 Мойер Ч.— 49
 Молотов (Скрябин) В. М.— 120, 129–130, 575, 634
 Молчанов, легионер — 302–303
 Молчанов И. Н.— 568–569, 581
 Монтень М. де — 127
 Морозов В. Е.— 66, 69
 Морозов М. В.— 152–153
 Морозов С. Т.— 7, 11, 15, 21–22, 24, 27, 32, 49, 53–54, 56–57, 60–61, 66, 70
 Морозова А.— 157
 Морозова З. Г.— 53, 56
 Морозова Т. П.— 53, 56–57
 Морозовы, династия — 41
 Моруа А.— 290
 Мотя см. Погребинский М. С.
 Мохрин, староста — 251
 Муравьев В. Н.— 507, 517, 520, 542, 559–560
 Муравьев Н. К.— 215
 Муратова К. Д.— 128
 Муссолини Б.— 180, 301, 408, 411, 433
 Мухина О. А.— 63
 Мюллер, владелец пансиона — 14
 Мягков Е. Д.— 32, 60
 Мясковский Н. Я.— 443
 Н. Е. см. Буренин Н. Е.
 Н. Ф. см. Федоров Н. Ф.
 Надаров, генерал — 57–58
 Найденев (Алексеев) С. А.— 63–64, 266
 Нарбут В. И.— 567
 Народный И. см. Сибуль Я. Я.
 Народный Иван см. Сибуль Я. Я.
 Нат. Богд. см. Малиновская Н. Б.
 Наумов В. П.— 120
 Наумов О.— 129
 Неандер Б. Н.— 463, 484
 Неведомский М. (Миклашевский М. П.)— 140, 157
 Невский В. И. (Кривобоков Ф. И.)— 128
 Незлобин (Алябьев) К. Н.— 246, 274, 277, 325, 331
 Некрасов Н. А.— 269, 551
 Некрич А. М.— 429–430, 437
 Немирович-Данченко Вл. И.— 273
 Немов А.— 110
 Нечаев Е. Е.— 81, 116, 410
 Никё М.— 564, 577
 Никитин В. П.— 450
 Никитин Е. Н. (псевд. Е. Н.) — 102, 104, 107, 127
 Никифоров Б.— 105
 Никифоров Г. К.— 567
 Николаев М. К.— 83, 492
 Николаев Н., журналист — 278
 Николай II — 50, 74, 76–78, 90, 112, 212, 263, 377, 383, 389, 641
 Николай-он см. Даниэльсон Д. Н.
 Никулин (Окольниковский) Л. В.— 492, 600, 609, 613, 643
 Ницше Ф.— 174, 550
 Новгородцев П. И.— 516
 Новиков, легионер — 303
 Новиков-Прибой (Новиков) А. С.— 166, 618, 646

- Ногин В. П.— 145, 161
 Нонне М.— 429
 Нордау М.— 420, 440–441
 Нозль Р.— 370
- О'Коннор Т. Э.*— 12, 16, 19, 21–23, 55, 58–60, 62, 68
О'Коннорт, исследователь — 54
 Оболенская В. А.— 211
 Оболенский Л. Е.— 593, 639
 Оболенско-Филиппов *см.* Оболенский Л. Е.
 Овсяннико-Куликовский Д. Н.— 207
 Ожигов Ал. *см.* Ашешов Н. П.
 Окс В. Б.— 8–9, 11–12, 21–22
Оксман Ю. Г.— 183
 Олсуфьев Д.— 11, 22
 Ольга *см.* Лошакова-Ивина О. Ф.
 Ольденбург С. Ф.— 432, 439
 Ольминский М. С.— 52, 63, 65, 106, 109
 Онипко Ф. М.— 238, 270
 Орджоникидзе С. (Г. К.) — 575
 Ордынский П. *см.* Плохов П. Л.
 Орловский П. *см.* Воровский В. В.
 Осборн М.— 636
 Осинский Н. (Оболенский В. В.) — 164
 Осоргин М. (Ильин М. А.) — 6, 181, 186, 205, 498–499
 Оствальд В.— 511
Островская С. Д.— 377, 426–427, 439
 Островский А. Н.— 257
- П. П. *см.* Крючков П. П.
 П. П. *см.* Румянцев П. П.
 П. П. *см.* Сувчинский П. П.
 П. П., авт. газ. «Сегодня» — 500
 П. П.-ич *см.* Крючков П. П.
 Пав. Н. *см.* Малянтович П. Н.
 Пав. Ник. *см.* Малянтович П. Н.
 Павленко П. А.— 574, 600, 611, 642–643
 Павленков Н., писатель — 594, 640
 Павленков Ф. Ф.— 440–441
 Павлов И. П.— 95
 Палеолог М. Ж.— 77
 Панаева А. Я.— 370
Панина А. Л.— 128
 Панферов Ф. И.— 571–574, 596, 634, 637–639
 Папаша *см.* Литвинов М. М.
 Парвус (Гельфанд) А. Л.— 64
Пархомовский М. П.— 286, 292, 316, 320
- Парчевский, интендант — 58
 Пассос Дж. Д.— 607, 610, 644
 Пастернак Л. О.— 554
 Пастернак Б. Л.— 447, 456, 499, 643
 Пасынков Л. П.— 613, 645
 Паустовский К. Г.— 612–614, 616, 645
 Паялин Н. П.— 621
 Певин П. И.— 159
 Пенчковский Н.— 268
 Первухин К. К.— 196, 205
 Первухин М. К.— 165, 179, 205
 Перовская С. Л.— 387, 410
 Петерсон М. Н.— 551–552
 Петерсон Н. П.— 501, 505–506, 508, 520, 524–526, 551–552, 554
 Петр *см.* Крючков П. П.
 Петр, апостол — 134
 Петр I — 650
 Петражицкий Л. И.— 506
 Петрашевский (Бутаевич-Петрашевский) М. В.— 410
 Петров (Жагаев) Е. П.— 615, 645
 Петров Г. В.— 202
 Петров Г. С.— 244, 273
 Петровский Г. И.— 622
 Петросян-Камо С. А. *см.* Камо
 Петцольд М. В.— 151, 303, 317
 Пешков, делопроизводитель — 105
 Пешков З. А. (Свердлов Е. З. М.) — 6, 46, 49, 51, 65, 84, 95, 100, 193, 202, 285–297, 300–301, 304–305, 307–310, 312–320, 446, 564
 Пешков М. А.— 60, 83, 86, 88, 90–94, 97–100, 258, 261–262, 282, 300, 304, 307–308, 311–312, 375, 426, 483, 576, 630, 649
 Пешков М. С.— 321
 Пешкова (по мужу Маркова) Е. З.— 299, 303, 306, 308, 311, 314, 316–317
 Пешкова (урожд. Бурого) Л. П.— 306
 Пешкова (урожд. Введенская) Н. А. (Тимоша) — 300, 308, 314, 371, 426, 483, 588, 636
 Пешкова (урожд. Волжина) Е. П.— 5, 21, 46, 48, 50, 60, 73, 75, 78, 80, 82–86, 88–95, 97, 117, 127, 171, 179, 208, 226, 248, 258, 261–262, 265, 267, 274–276, 282–284, 288–289, 327–328, 330, 364, 366–367, 439, 492, 532, 557
 Пешкова Д. М.— 483
 Пешкова М. М.— 483

- Пикассо П.— 487
 Пилецкий Я.— 162
 Пильняк (Boyar) Б. А.— 570
 Пинкевич А. П.— 148, 163, 446
 Пиранделло Л.— 401, 433
Пирумова Н. М.— 437
 Писарев Д. И.— 102, 240, 271, 387
 Платон — 156–157, 191
 Платонов (Клементов) А. П.— 507, 615
 Платонов А. И.— 64
 Плеве В. К.— 116
 Плеханов Г. В. (псевд. Бельтов) — 11, 17, 71, 108, 141, 157
 Плохов П. Л. (псевд. Ордынский П.) — 264
 Погребинский М. С.— 590, 597, 611, 637, 641, 645
 Подъячев С. П.— 389, 399, 431
Поздний Е. Н.— 328
 Познер С. М.— 23, 60
 Покровский В.— 119
 Покровский М. Н.— 60, 99, 106, 110, 534, 558
 Покровский П. П.— 105
Полевицкова Е. В.— 22
 Полонский В. П.— 384, 425
 Попова О. Н.— 63, 428
 Португейс С. И. (псевд. Иванович Ст.) — 153
 Поссе В. А.— 63, 155
 Постовский Д. С.— 17
 Постышев П. П.— 572
 Потемкин Г. А.— 276
 Потехин Ю. Н.— 426
 Потехина С.— 333, 337–338
Поткина И. В.— 53, 56–57
 Потресов А. Н.— 117, 393, 428
 Правдухин В. П.— 565
 Прахов Н. А.— 180, 182, 186
Примочкина Н. Н.— 317, 443, 456–457, 490, 494, 564, 577, 635
 Пришвин М. М.— 122, 130, 157, 255–256, 280–281, 502, 509, 520, 533, 538, 558, 618, 646, 649
 Прокопович С. Н.— 125
 Прокофьев С. С.— 443, 452–453, 455, 458, 470, 477, 486
Прополянис Г. Э.— 577, 636
 Проскураков В. М.— 357
 Протопопов В. Д.— 63
 Протопопов Д. Д.— 63
 Протопопов М. А.— 522–523, 549–551
 Прохоров С. М.— 277
 Псиол, г-жа — 150
 Пуанкаре Р.— 190
 Пулитцер Д.— 48
 Пуччини Д.— 272
 Пушешников Н. А.— 186
 Пушкин А. С.— 97, 199, 218, 238, 268, 493, 499
 Пятаков Г. Л.— 119, 129, 162, 572
 Пятницкий К. П.— 15, 30, 36–37, 39, 51, 54–56, 58–59, 63–65, 132, 135–136, 150, 152–153, 166–167, 171, 181, 186, 213, 222, 225, 252, 258, 263–265, 272, 275, 277
Рабинович А.— 97
 Радек (Собельсон) К. Б.— 474, 489, 565, 577
 Радищев А. Н.— 206, 550
 Ракицкий И. Н. (Соловей) — 483, 597, 641
 Рамзин Л. К.— 120, 124
 Рамши, музыкант — 314, 320
 Раскин А.— 364, 366
 Раскольников Ф. Ф.— 78, 80, 84, 98, 111, 129
 Распутин (Новых) Г. Е.— 483, 596, 641
 Ратаев Л. А.— 105
 Рафаэль С.— 131, 149, 284, 616
 Рахманинов С. В.— 274
Ревякина И. А.— 160, 165, 185–186
 Редакция см. Бочарова И. А., Семашкина М. А., Спиридонова Л. А.
 Резерфорд Э.— 201
 Резников, критик — 590–591, 637
 Рейсс И.— 457
 Ремизов А. М.— 118, 256, 258, 281–282, 443–444, 447, 455, 552
 Ренан Ж. Э.— 64, 155
 Репины, семья — 59
 Рёскин (Раскин) Д.— 262, 284
 Реутовский Н. К.— 639
 Решетников Ф. М.— 593, 639
 Римский-Корсаков А. Н.— 443
 Римский-Корсаков, Н. А — 443
Рис Э. А.— 578
 Рихтер В.— 349, 373
 Рихтер Р.— 157
Роговая Л. А.— 129, 579
 Родзевич К. Б.— 487–488, 490

- Родзянко М. В.— 74
 Родионов И. А.— 214
 Родов С. А.— 565, 567
 Рожицын В.— 162
 Рожков Н. А.— 60, 67, 105–106, 118, 149, 162
 Рожков Н. Н.— 88, 97
 Розанов В. В.— 100, 155, 172, 199, 270, 455, 509
 Роллан Р.— 80, 123–124, 208, 264, 305, 317, 380, 425, 437–440, 442, 448, 484–485, 492, 556, 631–632, 650
 Романов Г. К. см. Гавриил Константинович, вел. кн.
 Романов Н. А. см. Николай II
 Романов П. С.— 577, 598, 642
 Романова А. Ф. см. Александра Федоровна
 Романовская-Стрельникова (урожд. Нестеровская) А. Р.— 80
 Романовский, цензор — 575
 Романовы, императорская семья — 76–78, 80
 Романовы, династия — 180, 202, 204–205
 Ромм М.— 29, 34, 36, 56, 62
 Рославлев А. С.— 280
 Рославлевы, супруги — 255
 Россети Д. Г.— 149
 Россини Дж.— 268, 491
 Розь см. Ноэль Р.
 Руднев А. М.— 102, 128
 Руднев В. см. Базаров В. А.
 Руднев Е. А.— 128–130, 163
 Руднева А. В.— 147, 158
 Руднева А. П.— 102, 127
 Руднева (урожд. Марголина) Е. Т.— 126–127, 141, 147–148, 158
 Руднева Л. А.— 102, 128, 127
 Рукавишников И. С.— 258, 282
 Румянцев П. П. (псевд. Шмидт) — 30, 55, 57, 65, 105–106
 Румянцев Т. П.— 52
 Русиньоль (Русинёль) С.— 435
 Рыбинский Н. З.— 487
 Рыбников П. Н.— 592, 638
 Рыкачев Я. С.— 616
 Рыков, домовладелец — 118
 Рыков А. И.— 55, 66, 120–121, 129
 Рябушинский Н. П.— 247, 275
 Рябушинский П. П.— 280
 Рязанов Д. Б. (Гольдендах С.-Д. Б.) — 97
 С. П. см. Боголюбов С. П.
 С. Т. см. Морозов С. Т.
 С. Я. см. Эфрон С. Я.
 С.-Щедрин см. Салтыков-Щедрин М. Е.
 Сабашников М. В.— 103, 128
 Савина М. Г.— 209, 251, 257
 Савицкий П. Н. (псевд. Лубенский С.) — 444–445, 447, 450, 454, 456, 487
 Савич О. Г.— 463, 484
 Савонарола Д.— 400
 Садырин П. П.— 124
 Салтыков-Щедрин (Салтыков) М. Е.— 206, 592, 604–605, 638
 Сандзин С.— 275
 Санин (Шенберг) А. А.— 227, 266
 Сапожников Д. И.— 270
 Сапожников С. В.— 201
 Сараханов, краевед — 593
 Саргиджан А. (Бородин С. П.) — 600
 Сарьян М. С.— 274
 Сахаров И. П.— 592, 638
 Свердлов, член редакции — 572
 Свердлов М. И.— 285
 Свердлов Я. М.— 164, 285, 564
 Свердловы, братья см. Пешков З. А., Свердлов Я. М.
 Светлов (Шейнкман) М. А.— 634
 Свирицкий Н.— 161–162
 Святополк Окаянный — 457
 Святополк-Мирский Д. П.— 444–445, 447–452, 454–455, 457, 459, 461–464, 480–481, 484–485, 487, 489, 491–492, 600, 616, 643–644
 Святополк-Мирский П. Д.— 15, 457
 Свяцкий С.— 204
 Сейфуллина Л. Н.— 572, 574
 Селивановский А. П.— 576, 580, 604, 633, 641
 Селивановский Н. Н.— 56
 Селин (Детуш) Л.-Ф.— 482, 492
 Семашкина М. А.— 16, 54, 62, 69, 167, 169, 180, 191, 203, 209, 321, 445, 455, 485, 489, 492, 502, 558
 Семашко Н. А. (псевд. Александров Н.) — 70
 Семенов В. С.— 99
 Семенов С. А.— 624, 647
 Семенов С. С.— 639

- Семенова С. Г.— 503, 519–520, 558, 561
 Сементковский Р. И.— 441
 Сенатов В. Г.— 64
 Серафим Саровский — 515
 Серафимович (Попов) А. С.— 63–64, 573–574, 577, 590, 594, 598–599, 637, 639
 Сергеев М. А.— 554
 Сергиджан см. Саргиджан А.
 Серебрякова Г. И.— 480, 491
 Серебрянский М. И.— 604, 641, 644
 Серошевский В. Л.— 64
 Сестра см. Лушникова С. Б.
 Сетницкая О. Н.— 520
 Сетницкий Н. А. (псевд. Гежелинский Н.; Остромиров А.) — 6, 501, 503–510, 512–521, 525–534, 541, 543–545, 549, 551–563
 Сеченов И. М.— 103
 Сибуль Я. Я. (псевд. Народный И. И.) — 23, 46–48
 Симеон Праведник — 273
 Симонов И. Г.— 63
 Скворцов-Степанов И. И.— 60, 63, 103, 105–106, 109, 124, 135, 149–150, 152, 157, 159, 566
 Скворцова Л. А.— 159
 Скирмунт С. А.— 106
 Скиталец (Петров С. Г.) — 63–64, 266, 518, 521, 548, 563
 Скотт Л.— 46
 Славатинский А. С.— 107, 163
 Славин Л. И.— 613, 645
 Слепцов В. А.— 592, 638
 Слесарчук, сержант — 302
 Слетов П. В.— 583, 635
 Словцов И. Я.— 10
 Слонимский М. Л.— 574
 Смеляков Я. В.— 643
 Смидович П. Г.— 102–103, 126
 Смолин, сержант — 302
 Смотряцкая А. Я.— 432
 Собинов Л. В.— 64
 Соболев А. (Соболев Ю. М.) — 310, 319
 Сойкин П. П.— 441
 Соколов, гомеопат — 335
 Соколов А. В. (псевд. Вольский Ст.) — 76
 Соколов В. Г.— 83
 Соколов Г.— 129
 Соколов Н. А. (псевд. Кукрыниксы) — 616, 646
 Соколов-Микитов И. С.— 118, 129, 570, 620, 647
 Соколова М. А.— 267
 Сокольников (Бриллиант) Г. Я.— 120, 317, 480, 491
 Сократ — 247, 275
 Соловей см. Ракицкий И. Н.
 Соловьев В. С.— 501, 504, 506, 509, 542, 553, 558–559, 561
 Сологуб (Тетерников) Ф. К.— 152–153, 156, 251, 256–257, 259, 277, 281, 552
 Сослани Ш. В.— 613, 623, 645, 647
 Спенсер Г.— 441
 Сперанский А. Д.— 545, 562, 600, 612, 616, 643
 Спилис Э.— 151
 Спиридонова Л. А.— 16, 54, 62, 69, 73, 167, 169, 180, 187, 191, 203, 209, 445, 455, 485, 489, 492, 502, 558, 578
 Спиридонова М. А.— 379, 404, 434
 Ставский (Кирпичников) В. П.— 572, 574, 590–591, 596, 637
 Сталин (Джугашвили) И. В.— 108, 111, 120–122, 126, 129–130, 317, 319, 451, 458, 484, 489, 539, 565, 567, 571–573, 575, 577–579, 586, 601, 604, 622, 627, 634, 639, 643, 648
 Станиславский (Алексеев) К. С.— 210, 368, 371–372
 Старик см. Ленин В. И.
 Стасюлевич М. М.— 150
 Стеклов В. А.— 95
 Стеклов Ю. М.— 110, 152–153, 156, 162
 Степанов Н. А.— 638
 Стецкий А. И.— 574, 601, 625, 643
 Столетов А. Г.— 103
 Столпнер Б. Г.— 140, 157
 Стольпин П. А.— 116, 185
 Столяр Л. А.— 284
 Стравинский И. Ф.— 443, 447, 452–453, 455–456, 458, 470, 486, 488
 Страхов Н. Н.— 199
 Стрела см. Андреева М. Ф.
 Струве Г. П.— 483
 Струве П. Б.— 160, 650
 Стучка П. И. см. Стучка П. Д.
 Стучка П. Д.— 82, 89, 98
 Стэн Я. Э.— 571
 Суворин А. С.— 207, 232, 268
 Сувчинский (Шелига-Сувчинский) П. П. (псевд. А. П.) — 6, 443–445, 447–

- 461, 463–464, 467–475, 477–488, 490–492
- Судаков И. Я.— 581, 634
- Сунь Ят-Сен — 269
- Сургучев И. Д.— 207–221, 223–224, 226, 228, 230, 232–233, 235, 237–239, 241–255, 258–279, 281–284
- Сургучева, мать — 217, 230, 232, 238, 263
- Сургучева В. И. (Елочка) — 249, 279, 283
- Сургучева Е. Д.— 249, 283
- Сургучева К. И. (Колокольчик) — 262, 279, 283
- Сургучева О. Г.— 217, 262, 279
- Сутырин В. А.— 573, 577
- Суханов (Гиммер) Н. Н.— 76, 82, 99, 110–111, 119–120, 124–129, 592
- Суханова (урожд. Флаксерман) Г. К.— 120, 126
- Сухих С. И.— 319, 519
- Сытин И. Д.— 109, 158–159
- Сьерра Г. М.— 378–379, 386, 391, 394, 397, 402, 405, 421, 426–428, 432, 434–435
- Сьерра М. М.— 378–379, 394, 397, 401–402, 432–433, 435
- Тагор Р.— 370
- Таиров (Корнблит) А. Я.— 636
- Такер Р.— 128–129
- Талалй М.— 180
- Тамаркин Е. М.— 576–577
- Тамерлан — 210, 236, 272
- Тан см. Богораз В. Г.
- Тарасов-Родионов А. И.— 599, 642
- Тарасова-Красина Т. Л.— 21, 23
- Таратуга В. К. (псевд. Виктор) — 41, 66–67, 69–70
- Тацит Публий Корнелий — 163
- Твен М. (Клеменс С. Л.) — 24, 48
- Тейлор (Тэйлор) Л.— 71
- Телешов Н. Д.— 436
- Тенишева Е. А.— 377
- Терещенко М. И.— 95, 256, 281
- Тернавцев В. А.— 155
- Тескова А.— 484
- Тесленко Н. В.— 103
- Тетюшинова К., издательница — 440
- Тимирязев К. А.— 103, 134, 151
- Тимоша см. Пешкова Н. А.
- Тимофеев Б. А.— 165, 200
- Тиханов В. А.— 271
- Тихонов В. А.— 213–216, 223, 226–227, 232, 244, 248, 251, 253–255, 258–260, 264, 266, 273–275, 278–279, 282
- Тихонов А. Н.— 42, 70, 109–110, 120, 122, 142–144, 158–159, 510
- Тихонов Н. С.— 570, 572, 574, 594, 599, 602, 623, 640, 642
- Ткачев П. Н.— 426
- Толстая А. Л.— 266
- Толстая (урожд. Берс) С. А.— 370
- Толстой А. К.— 278
- Толстой А. Н.— 294, 296, 315–316, 428, 631, 650
- Толстой Л. Н.— 9, 12, 48, 85, 95, 199, 204–205, 218, 223, 227, 247, 256, 264–266, 275, 381, 383, 403, 412, 414, 418–420, 422, 434, 438, 449, 497, 499, 501, 505, 510, 512, 514, 523–524, 532–533, 538, 542, 544, 547, 551–552, 557–558, 561–562
- Томский М. П.— 121, 129
- Торошелидзе М.— 108
- Трейвас Б.— 576
- Тренев К. А.— 208
- Третьяков С. Н.— 280
- Триоле Э.— 492
- Троцкий (Бронштейн) Л. Д. (псевд. Троцкий Н.) — 5, 9, 11, 55, 79–80, 87–88, 96–97, 115–116, 153, 317, 406, 565, 573, 576–577, 579, 599
- Троцкий Н. см. Троцкий Л. Д.
- Трощенко Е. Д.— 576, 604, 641, 644
- Трубецкой Н. С.— 444–446, 449–450, 509
- Трубецкой П. П.— 469, 486
- Тургенев И. С.— 256, 269, 403, 523, 550
- Тухачевский М. Н.— 378
- Тушинский вор см. Лжедмитрий II
- Тхоржевская Н. К.— 277
- Тэффи (урожд. Лохвицкая) Н. А.— 52, 106, 249, 276
- Тютчев Ф. И.— 197
- Тютюкин С. В.— 22
- Уилшайр Г. Г.— 50–51
- Уитмен У.— 64
- Ульянов см. Ленин В. И.
- Ульянова-Елизарова А. И.— 152
- Унгаретти, поэт — 445
- Унтербергер П. Ф.— 234, 269
- Уоллес А. Р.— 200

- Урицкий С. М.— 82
 Успенский Г. И.— 206, 638
 Устрялов Н. В.— 426, 518, 521, 548, 563
 Уткин И. П.— 634
 Ухтомский А. А.— 187
 Ушаков Н. Н.— 634
 Уэллс Г. Д.— 556
- Фадеев А. А.— 567, 572, 574, 580, 584–585, 590, 594–597, 600, 602, 611, 623, 633–635, 637–638, 640–642
 Фальборк Г. А.— 63
 Фаррер К. (Баргон Ф. Ш. Э.) — 618, 646
 Фатов Н. Н.— 568
 Фаусболль, переводчик — 271
 Федин К. А.— 310, 319, 370, 380, 383, 425, 432, 571, 574
 Федор см. Шаляпин Ф. И.
 Федоров Н. Ф.— 6, 448, 501–522, 524–533, 535–543, 546–547, 549–562
 Федорова Л. Д.— 185
 Фейербах Л.— 155, 385
 Фельштинский Ю. Г.— 54–56
 Ферсман А. Е.— 95
 Фет А. А.— 269
 Фигнер В. Н.— 117, 379, 381, 442
 Фидий — 138
 Филипченко И., поэт — 507
 Филипп II — 428
 Философов Д. В.— 155, 157, 228, 257, 267, 281
 Филдинг, офицер — 240, 271
 Фирин (Пупко) С. Г.— 602, 605, 624, 644, 648
 Флейшман Л. С.— 428, 458
 Флеровский И. П.— 593, 639
 Флобер Г.— 64
 Флоренский П. А.— 501
 Флоровский Г. В.— 444
 Фонвизин Д. И.— 276
 Форд Г.— 511, 521, 556
 Форш О. Д.— 509, 529, 555
 Фофанов К. М.— 594, 639
 Франк С. Л.— 160
 Франциск Ассизский — 504
 Френкель Н. А.— 627, 648
 Фриче В. М.— 106, 153
 Фрунзе М. В.— 437
 Фуллон, градоначальник — 614
 Фурманов Д. А.— 594, 640
 Эрбенкс Д.— 21
- Хайт (Хаит) Д. М.— 583, 635
 Халатов А. Б.— 129, 356–357, 374, 594, 640
 Хализев В. Е.— 184–185, 201–202
 Хамов К. Н.— 647
 Хант Х.— 149
 Хантер Р.— 48
 Хацревин З. Л.— 642
 Хеншен С. Е.— 429
 Херст У. Р.— 49, 64
 Хилквит М. В.— 25, 46, 51
 Хлевнюк О. В.— 129, 578
 Хлебников В. (В. В.) — 502
 Ходасевич В. М.— 21, 289, 320
 Ходасевич В. Ф.— 163, 296, 316, 430, 447, 552, 554, 631
 Ходотов Н. Н.— 227, 266
 Хомяков А. С.— 522
 Хорн Р.— 71
 Хоуэлс У. Д.— 48
 Хрисанф (Ретивцев), архиепископ — 240, 271
 Хьетсо Г.— 47–49, 117, 129
 Хэйвуд В.— 49
- Царь см. Николай II
 Цветаева А. И.— 445, 458, 482
 Цветаева М. И.— 444–445, 447, 455, 457–458, 482, 484–485
 Цезарь Гай Юлий — 244, 273
 Цейтлин З.— 530, 555
 Цейтлин (Цетлин) Н. С.— 594, 597, 640
 Церетели И. Г.— 88, 97
 Цеткин К.— 565
 Цин, династия — 269
 Цицерон Марк Туллий — 197
 Цыбенко О. В.— 204
 Цыпин, экономист — 600
- Чаадаев П. Я.— 206
 Чаговец В. А.— 278
 Чайковский Н. В.— 23–25, 47
 Чайковский П. И.— 47, 242
 Чапек К.— 308
 Чаплин (Спенсер) Ч.— 21
 Чарнолусский В. И.— 63
 Чарушников А. П.— 37, 64, 104
 Чахотин С. С.— 426
 Чаянов А. В.— 123–124, 129
 Чеботаревская А. Н.— 150
 Черемнов А. С.— 230, 268

- Черио И.— 181–182, 186
 Черкезов В. Н.— 384, 425
Чернев А.— 458
 Чернов В. М.— 87–88, 93, 96–97, 100, 103, 258, 282
 Чернов 2-й см. Чернов В. М.
 Черновы, семья — 365
 Чернышев И. В.— 109
 Чернышевский Н. Г.— 10, 102, 593, 639
 Чертков В. Г.— 266
 Чертова О. Д.— 595, 640
 Чехов А. П.— 63, 230, 265, 276, 280, 283, 296, 316, 370, 463, 493, 522, 538, 549
 Чингисхан (Тэмуджин) — 210
 Чинизелли Г.— 117
 Чириков Е. Н.— 52, 64, 105–106, 157, 266, 380, 383, 391, 427
 Чичерин Г. В.— 429–430
 Чубарь В. Я.— 572
Чуваков В. Н.— 202
Чудинов А. В.— 22
 Чуковский К. И. (Корнейчуков Н. В.) — 145–146, 161, 436, 592
 Чулков Г. И.— 156, 436
 Чумандрин М. Ф.— 371–372, 572, 574, 598–599, 641–642
 Чхеидзе К. А.— 518, 521, 561
- Шагинян М. С.— 304, 317, 595, 640
 Шаляпин Ф. И.— 151, 166, 185, 266, 296, 303, 315, 317, 443–445, 452, 459, 468–469, 478, 482, 485–486, 491
 Шаляпина Л. Ф.— 296
 Шанцер В. Л.— 105–106
 Шарль-Ру Э.— 285, 290, 315
 Шатрова Е. М.— 331–332
 Шаховской Д. И.— 95
 Шацкин Л. А.— 571
 Шверник Н. М.— 572
 Шевелев (Шевелюхин) Н. А.— 242, 272
Шевеленко И.— 458
Шелохаев В. В.— 22
 Шелли П. Б.— 194
 Шер В. В.— 126
 Шестернин С. П.— 66
 Шестов Л. (Шварцман Л. И.) — 444, 447, 455
 Шешуков С.— 564, 577
 Шидловский см. Житловский Х. О.
 Шиллер Ф.— 278, 590
- Шингарев А. И.— 95, 103
 Ширяева Е. И.— 63
Шишкин В. А.— 437
 Шкловский см. Дионео
 Шкловский В. Б.— 380, 383, 398–399, 425, 429, 431
 Шлеин Н. П. — 271
 Шманкевич Б. И.— 527, 553
 Шманкевич В. И.— 527, 553
 Шмелев И. С.— 63, 170, 208, 264
 Шмидт, публицист — 615–616, 645
 Шмит, брат — 66–67
 Шмит Ек. П.— 66–68, 70
 Шмит Ел. П.— 41, 43, 66–70
 Шмит Н. П.— 7, 11, 15–16, 54, 65–70, 372
 Шолом Аш — 63
 Шолохов М. А.— 641
 Шопенгауэр А.— 240, 271
 Шохин А.— 576
 Шпенглер О.— 119, 129
 Шрертер, переводчица — 64
 Штейн В.— 162
 Штенберген А.— 160
 Штирнер М.— 441
 Штрюмпель А.— 429
 Шубин П.— 162
 Шульман, член Пролеткульта — 163
 Шулятиков В.— 153
 Шуф В. А.— 49
 Шухов И. П.— 594, 640
 Шуцковер Ф.— 163
 Шуш см. Шушканов Н. Г.
 Шушканов Н. Г.— 573, 591, 601–602, 611, 638, 645
- Щеголев П. Е.— 37, 64, 423, 433, 441
 Щедрин см. Салтыков-Щедрин М. Е.
 Щепетко, казак — 303
- Эйнштейн — 511
 Эккерман И.— 127
 Эльсберг Я. Е.— 604, 644
 Эльцбахер П.— 433
 Энге, карикатурист — 569
 Энгельс Ф.— 12, 63, 103, 595
 Эрдман Н. Р.— 574, 615, 643
 Эренбург И. Г.— 463, 487
 Эстрин А. Я.— 400, 432
 Эфрон С. Я.— 444–445, 447, 449–450, 453–457, 475–477, 484–485, 487, 489–490

- Юдин П. Ф.— 575, 596, 641
Юдина М. В.— 456
Южин (Сумбатов) А. И.— 242, 257, 272
Юровский Л. Н.— 124
Юрчыба Я. Я.— 22
Юшкевич П. С.— 153
Юшкевич С. С.— 63
- Яворская Л. Б.— 52
Ягода Г. Г.— 124, 187, 218, 451, 569,
578, 595, 605, 608, 627, 632, 640, 644,
648, 650
Яковлев, режиссер — 362
Якоповский Е.— 219
Якушкин П. И.— 592, 638
Яновский В. С.— 6, 493–494, 496–500
Ярославский Е. М.— 565
Ясенский Бр.— 573–574, 613, 645
Ясинский И. И.— 227, 259, 266
- Barbus Н. см.* Барбюс А.
Barbusse Н. см. Барбюс А.
Beckerat Н. V.— 597
Berl Em. см. Берль Э.
- Cachin см.* Кашен М.
Caruso см. Карузо Э.
Celine L.-F. см. Селин Л. Ф.
- Desormiere R. см.* Дезормьер Р.
Ferrone, импресарио — 476, 478
- Gigli см.* Джильи Б.
Gleny M. V.— 53
Gorostiaga A. de см. Горостьяга А. де
Guehenno J. см. Геенно Ж.
- Hagemeister M.*— 519–521
- Kaznina O. см.* Казнина О. А.
Kaufsky K. см. Каутский К.
Krasina L. см. Красина Л. В.
- Le Dantec см.* Ле Дантек Ф.
Ladyschnikow I. см. Ладыжников И. П.
- Olmet A. del* — 428
- Pechkoff Z. см.* Пешков З. А.
Planas V. y — 393–395, 428
- Schehler M.*— 597
Smith G. S.— 485
- Taruskin R.*— 458
Tenorio см. Дон Хуан Тенорио
- Ulman A. B.*— 23
- Volpi см.* Вольпи
- Williams R. C.*— 61

СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ

---

1. М. Горький. 1901—1902. Фото М. П. Дмитриева — на обложке.
2. Л. Б. Красин. 1890-е гг. Фото П. Милевского.
3. М. Горький и Е. П. Пешкова. 1902—1903 гг. Н. Новгород. Фото М. П. Дмитриева.
4. В. А. Базаров. 1930 г. Фото из следственного дела.
5. А. А. и Н. А. Золотаревы. 1912. Капри. Фото Ю. А. Желябужского.
6. И. Д. Сургучев.
7. З. А. Пешков с сослуживцем в Марокко. 1923—1924 гг.
8. З. А. Пешков — офицер Иностранного легиона французской армии. На обратной стороне фотографии надпись: «Le Kreider 14.III.1925».
9. О. Ф. Каменская (Лошакова-Ивина). 1894. Н. Новгород. Фото М. П. Дмитриева.
10. О. Ю. Каменская. 1892. Тбилиси. Фото Б. Мищенко.
11. О. Ф. Лошакова-Ивина с Ф. Гафнером. 1906.
12. Н. Ф. Федоров.
13. Н. А. Сетницкий и А. Г. Горский.
14. С. С. Прокофьев, Д. П. Святополк-Мирский, П. П. Сувчинский. 1920-е гг.
15. М. Горький и Л. Л. Авербах. 1931. Фото М. А. Пешкова.
16. Л. Л. Авербах, Н. А. Пешкова и О. Д. Черткова. Сорренто. Фото М. А. Пешкова.
17. М. Горький. 1906. Филадельфия. Фото Э. Гольденский.

УСЛОВНЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

- АГ* — ИМЛИ. Архив А. М. Горького.
Андреева — М. Ф. Андреева. Переписка. Воспоминания. Статьи. Документы: Изд. 3-е. М., 1961.
Архив Г. 1-16 — Архив А. М. Горького. Т. 1: История русской литературы. М., 1939.— Т. 16: М. Горький и М. Будберг. М., 2002.
ВС — Максим Горький в воспоминаниях современников: В 2 т. М., 1981.
Г-30 — Горький М. Собр. соч.: В 30 т. М., 1949–1953.
Горький. *Материалы*. Т. 1–4 — М. Горький: Материалы и исследования. М.; Л., 1934–1951.
Горький. *Письма*. Т. 1–11. М., 1996–2004.
Горький. *Сборник* — Сборник статей и воспоминаний о Горьком / Под ред. И. Груздева. М.; Л., 1928.
Горький. *Сочинения* — Горький М. Полн. собр. соч. Худ. произведения: В 25 т. М., 1968–1976.
Горький. *Статьи* — Горький М. Статьи. 1905–1916 г. 2-е изд. Пг.: Парус, 1918.
Горьковские чтения. 1940–1968 — Горьковские чтения. 1938. 1939. М., 1940 — Горьковские чтения. 1968. М., 1968.
Диаспора. 1 — Диаспора. 1. Новые материалы. Париж; СПб., 2001.
Еврейский вопрос — Максим Горький. Из литературного наследия. Горький и еврейский вопрос. Иерусалим. 1986.
ЛБГ — Личная библиотека М. Горького в Москве.
Ленин и Горький — В. И. Ленин и А. М. Горький: Письма. Воспоминания. Документы. Изд. 1-е. М., 1958; Изд. 3-е. М., 1969.
ЛЖТ. 1-4 — Летопись жизни и творчества А. М. Горького. М., 1958–1960. Вып. 1–4.
ЛН. Т. 1–95 — Литературное наследство. М., 1935–1995. Т. 1–95.
Неизвестный Горький — Горький и его эпоха: Материалы и исследования. М., 1993–1996. Вып. 2, 3, 4.
Неизданная переписка — М. Горький. Неизданная переписка. Материалы и исследования. М., 1998. Вып. 5.
Несвоевременные мысли — Горький М. Несвоевременные мысли. М., 1990.
Овчаренко — Овчаренко А. Публицистика М. Горького. М., 1965.
ОЛБГ. 1-1976 — Личная библиотека А. М. Горького в Москве: Описание в 2 кн. М., 1981.
Политические партии России — Политические партии России. Конец XIX — первая треть XX века. Энциклопедия. М., 1996.
Рус. лит. и журн. XX в. М., 1974, 1984.
Сб. Зн. 1-40 — Сборник издательства «Знание». СПб., 1903–1912. Вып. 1–40.
Флейшман — Флейшман Л. Материалы по истории русской и советской культуры: Из Архива Гуверовского института. Stanford, 1992.
Хьетсо — Максим Горький. Судьба писателя. М.: Наследие, 1997.

АРХИВОХРАНИЛИЩА и БИБЛИОТЕКИ

ГАРФ — Государственный архив Российской Федерации.

ГМГ — Государственный музей А. М. Горького (Н. Новгород).

РГАЛИ — Российский государственный архив литературы и искусства.

РГАСПИ — Российский государственный архив социально-политической истории.

РГБ — Российская государственная библиотека (Москва).

РНБ — Российская национальная библиотека (Санкт-Петербург).

ИСТОЧНИКИ ТЕКСТА

А — Автограф, *ЧА* — черновой автограф.

АМ — Авторизованная машинопись (подпись, правка текста или приписка Горького).

НО — Неавторизованный отпуск (второй экземпляр *АМ* без авторских поправок) из Архива Горького.

СОДЕРЖАНИЕ

От редакции 5

«ДЕНЬГИ НУЖНЫ ДО ЗАРЕЗУ...»

Переписка Л. Б. Красина с Горьким и М. Ф. Андреевой. 1906—1908 гг. *Вступительная статья, подготовка текста и примечания Е. Р. Матевосян* 7

1. ГОРЬКИЙ — Л. Б. КРАСИНУ. *Около 15 (28) апреля 1906, Нью-Йорк, Стейтен-Айленд* .. 23
2. Л. Б. КРАСИН — ГОРЬКОМУ и М. Ф. АНДРЕЕВОЙ. *9 июля 1906, Куоккала* 26
3. Л. Б. КРАСИН — ГОРЬКОМУ и М. Ф. АНДРЕЕВОЙ. *20 сентября 1906, С.-Петербург* 28
4. Л. Б. КРАСИН — ГОРЬКОМУ и М. Ф. АНДРЕЕВОЙ. *16 ноября 1906, С.-Петербург* 30
5. Л. Б. КРАСИН — ГОРЬКОМУ и М. Ф. АНДРЕЕВОЙ. *22 ноября 1906, С.-Петербург* 32
6. Л. Б. КРАСИН — ГОРЬКОМУ и М. Ф. АНДРЕЕВОЙ. *Ноябрь—декабрь 1906, С.-Петербург* . 35
7. ГОРЬКИЙ — Л. Б. КРАСИНУ. *Январь, не позднее 25 (7 февраля) 1907, Капри* 39
8. Л. Б. КРАСИН — ГОРЬКОМУ и М. Ф. АНДРЕЕВОЙ. *26 мая 1908, Париж* 40
9. Л. Б. КРАСИН — ГОРЬКОМУ и М. Ф. АНДРЕЕВОЙ. *26 июля 1908, Женева* 40
10. Л. Б. КРАСИН — ГОРЬКОМУ и М. Ф. АНДРЕЕВОЙ. *6 августа 1908, Лондон* 43

«ЖИВУ В ДУШЕВНОМ ПРОТИВОРЕЧИИ С САМИМ СОБОЙ...»

Письма Горького Е. П. Пешковой. *Вступительная статья, подготовка текста и примечания Л. Спиридоновой* 73

1. ГОРЬКИЙ — Е. П. ПЕШКОВОЙ. *14 июня 1917, Петроград* 84
2. ГОРЬКИЙ — Е. П. ПЕШКОВОЙ. *Около 20 июня 1917, Петроград* 85
3. ГОРЬКИЙ — Е. П. ПЕШКОВОЙ. *Около 10 июля 1917, Петроград* 86
4. ГОРЬКИЙ — Е. П. ПЕШКОВОЙ. *25 июля 1917, Петроград* 88
5. ГОРЬКИЙ — Е. П. ПЕШКОВОЙ. *Январь 1918, Петроград* 89
6. ГОРЬКИЙ — Е. П. ПЕШКОВОЙ. *26 января 1918, Петроград* 90
7. ГОРЬКИЙ — Е. П. ПЕШКОВОЙ. *Март, до 9, 1918, Петроград* 91
8. ГОРЬКИЙ — Е. П. ПЕШКОВОЙ. *Середина марта 1918, Петроград* 92
9. ГОРЬКИЙ — Е. П. ПЕШКОВОЙ. *Вторая половина марта 1918, Петроград* 93
10. ГОРЬКИЙ — Е. П. ПЕШКОВОЙ. *Начало февраля 1919, Петроград* 94

«ДЕЛО ДОЛЖНЫ СОВЕРШИТЬ ХУДОЖНИКИ НОВОГО ДУХА,

ОТ НИХ ЖЕ ПЕРВЫЙ ЕСТЬ ВЫ...»

Письма В. А. Базарова к Горькому. *Вступительная статья, подготовка текста и примечания Е. Н. Никитина* 102

1. В. А. БАЗАРОВ — ГОРЬКОМУ. *11 февраля 1908, Петербург* 130
2. В. А. БАЗАРОВ — ГОРЬКОМУ. *14 (27) марта 1908, Мустаяяки* 132
3. В. А. БАЗАРОВ — ГОРЬКОМУ. *14 (27) марта 1908, Мустаяяки* 132
4. В. А. БАЗАРОВ — ГОРЬКОМУ. *28 апреля (11 мая) 1908, Рим* 133
5. В. А. БАЗАРОВ — ГОРЬКОМУ. *15 октября 1908, Петербург* 134
6. В. А. БАЗАРОВ — ГОРЬКОМУ. *17 (30) октября 1908, Петербург* 136
7. В. А. БАЗАРОВ — ГОРЬКОМУ. *19 ноября 1908, Петербург* 136
8. В. А. БАЗАРОВ — ГОРЬКОМУ. *27 ноября 1908, Петербург* 137
9. В. А. БАЗАРОВ — ГОРЬКОМУ. *17 декабря 1908, Петербург* 137
10. В. А. БАЗАРОВ — ГОРЬКОМУ. *3 февраля 1909, Петербург* 139
11. В. А. БАЗАРОВ — ГОРЬКОМУ. *25 мая 1911, Петербург* 141
12. В. А. БАЗАРОВ — ГОРЬКОМУ. *17 июня 1913, Астрахань* 143

13. В. А. БАЗАРОВ — ГОРЬКОМУ. 20 декабря 1914, Петроград	145
14. В. А. БАЗАРОВ — ГОРЬКОМУ. 6 июля 1915, Петроград	145
15. В. А. БАЗАРОВ — ГОРЬКОМУ. 16 декабря 1920, Симферополь	146
16. В. А. БАЗАРОВ — ГОРЬКОМУ. 8 мая 1922, Москва	148

А. А. ЗОЛОТАРЕВ — КОРРЕСПОНДЕНТ И МЕМУАРИСТ ГОРЬКОГО

Вступительная статья, подготовка текста и примечания И. А. Ревякиной 165

1. А. А. ЗОЛОТАРЕВ — ГОРЬКОМУ. 1 января 1910, Рыбинск	187
2. А. А. ЗОЛОТАРЕВ — ГОРЬКОМУ. 23 января 1910, Рыбинск	192
3. А. А. ЗОЛОТАРЕВ — ГОРЬКОМУ. 21 февраля 1910, Петербург	192
4. А. А. ЗОЛОТАРЕВ — ГОРЬКОМУ. Апрель 1910, Рыбинск	193
5. А. А. ЗОЛОТАРЕВ — ГОРЬКОМУ. Июль, после 5, 1910, Рыбинск	195
6. А. А. ЗОЛОТАРЕВ — У. З. БЬЯНКО. 25 сентября (9 октября) 1913, Капри	196

ГОРЬКИЙ и И. Д. СУРГУЧЁВ

История взаимоотношений. Вступительная статья, подготовка текста

и примечания Т. Р. Гавриш 207

1. И. Д. СУРГУЧЁВ — ГОРЬКОМУ. 9 (22) апреля 1910, Ставрополь	221
2. И. Д. СУРГУЧЁВ — ГОРЬКОМУ. Середина июня (начало июля) 1910, Ставрополь	221
3. И. Д. СУРГУЧЁВ — ГОРЬКОМУ. Октябрь, до 24 (ноябрь, до 6) 1910, Ставрополь	223
4. И. Д. СУРГУЧЁВ — ГОРЬКОМУ. 3 (16) октября 1911, Ставрополь	223
5. И. Д. СУРГУЧЁВ — ГОРЬКОМУ. Около 23 октября (около 5 ноября) 1911, Ставрополь	224
6. И. Д. СУРГУЧЁВ — ГОРЬКОМУ. Около 17 (30) ноября 1911, Ставрополь	226
7. И. Д. СУРГУЧЁВ — ГОРЬКОМУ. Декабрь до 20, 1911 (январь до 2, 1912), Ставрополь	228
8. И. Д. СУРГУЧЁВ — ГОРЬКОМУ. 1 (14) января 1912, Ставрополь	230
9. ГОРЬКИЙ — И. Д. СУРГУЧЁВУ. 20 декабря 1911 (2 января 1912), Капри	233
10. И. Д. СУРГУЧЁВ — ГОРЬКОМУ. 2 (15) января 1912, Ставрополь	235
11. ГОРЬКИЙ — И. Д. СУРГУЧЁВУ. 28 декабря 1911 (10 января 1912), Капри	237
12. И. Д. СУРГУЧЁВ — ГОРЬКОМУ. Около 17 (около 30) января 1912, Ставрополь	238
13. ГОРЬКИЙ — И. Д. СУРГУЧЁВУ. 13 (26) января 1912, Капри	239
14. И. Д. СУРГУЧЁВ — ГОРЬКОМУ. 2 или 3 (15 или 16) февраля 1912, Ставрополь	241
15. И. Д. СУРГУЧЁВ — ГОРЬКОМУ. Около 5 (около 18) марта 1912, Ставрополь	242
16. ГОРЬКИЙ — И. Д. СУРГУЧЁВУ. Около 20 марта (около 2 апреля) 1912, Париж	243
17. И. Д. СУРГУЧЁВ — ГОРЬКОМУ. Начало (середина) апреля 1912, Ставрополь	243
18. И. Д. СУРГУЧЁВ — ГОРЬКОМУ. Конец апреля (начало мая) 1912, Париж	245
19. И. Д. СУРГУЧЁВ — ГОРЬКОМУ. Конец апреля (начало мая) 1912, Париж	245
20. И. Д. СУРГУЧЁВ — ГОРЬКОМУ. 9 (22) мая 1912, Неаполь	246
21. И. Д. СУРГУЧЁВ — ГОРЬКОМУ. Июнь, до 4 (17), 1912, Капри	246
22. И. Д. СУРГУЧЁВ — ГОРЬКОМУ. Середина (конец) августа 1912, Ставрополь	248
23. И. Д. СУРГУЧЁВ — ГОРЬКОМУ. Начало (середина) сентября 1912, Ставрополь	248
24. И. Д. СУРГУЧЁВ — ГОРЬКОМУ. 29 октября (11 ноября) 1912, Петербург	249
25. И. Д. СУРГУЧЁВ — ГОРЬКОМУ. Октябрь, после 29 (ноябрь, после 11), 1912, Петербург	250
26. И. Д. СУРГУЧЁВ — ГОРЬКОМУ. 13 (26) декабря 1912, Петербург	252
27. И. Д. СУРГУЧЁВ — ГОРЬКОМУ. 21 декабря 1912 (3 января 1913), Петербург	253
28. И. Д. СУРГУЧЁВ — ГОРЬКОМУ. Конец декабря 1912 (начало января 1913), Петербург	253
29. И. Д. СУРГУЧЁВ — ГОРЬКОМУ. Конец декабря 1912 (начало января 1913), Петербург	254
30. И. Д. СУРГУЧЁВ — ГОРЬКОМУ. Начало (середина) января 1913, Петербург	255
31. И. Д. СУРГУЧЁВ — ГОРЬКОМУ. 6 (19) января 1913, Петербург	255
32. ГОРЬКИЙ — И. Д. СУРГУЧЁВУ. 13 (26) февраля 1913, Капри	259
33. И. Д. СУРГУЧЁВ — ГОРЬКОМУ. 25 февраля (10 марта) 1913, Ставрополь	260

34. И. Д. СУРГУЧЁВ — ГОРЬКОМУ. <i>Около 23—25 августа (около 5—7 сентября) 1913, Ставрополь</i>	261
35. И. Д. СУРГУЧЁВ — ГОРЬКОМУ. <i>11 (24) декабря 1913, Петербург</i>	262
36. И. Д. СУРГУЧЁВ — ГОРЬКОМУ. <i>31 мая 1928, Париж</i>	263

«...КАКОЙ-ТО КУСОК МОЕГО СЕРДЦА КРЕПКО СРОСЯ С ТОБОЮ»

Из переписки Горького и Зиновия Пешкова. 1922—1925 гг. <i>Вступительная статья, подготовка текста и примечания А. Евдокимова</i>	285
--	-----

1. З. А. ПЕШКОВ — ГОРЬКОМУ. <i>18 июля 1922, военный лагерь Аулар в Марокко</i>	293
2. З. А. ПЕШКОВ — ГОРЬКОМУ. <i>5 августа 1922, Мекнес</i>	295
3. ГОРЬКИЙ — З. А. ПЕШКОВУ. <i>28 августа 1922, Герингсдорф</i>	295
4. З. А. ПЕШКОВ — ГОРЬКОМУ. <i>9 сентября 1922, Мекнес</i>	296
5. З. А. ПЕШКОВ — ГОРЬКОМУ. <i>15 сентября 1922, Мекнес</i>	297
6. ГОРЬКИЙ — З. А. ПЕШКОВУ. <i>15 декабря 1923, Мариенбад</i>	300
7. З. А. ПЕШКОВ — ГОРЬКОМУ. <i>4 января 1924, Танжер</i>	301
8. ГОРЬКИЙ — З. А. ПЕШКОВУ. <i>15 января 1924, Мариенбад</i>	304
9. З. А. ПЕШКОВ — ГОРЬКОМУ. <i>6 мая 1924, Казба-Табла</i>	305
10. ГОРЬКИЙ — З. А. ПЕШКОВУ. <i>15 мая 1924, Сорренто</i>	307
11. ГОРЬКИЙ — З. А. ПЕШКОВУ. <i>13 июня 1924, Сорренто</i>	308
12. ГОРЬКИЙ — З. А. ПЕШКОВУ. <i>20 марта 1925, Сорренто</i>	309
13. З. А. ПЕШКОВ — ГОРЬКОМУ. <i>2 апреля 1925, Крейдер</i>	310
14. ГОРЬКИЙ — З. А. ПЕШКОВУ. <i>3 июня 1925, Сорренто</i>	312
15. З. А. ПЕШКОВ — ГОРЬКОМУ. <i>Конец июня 1925, Рабат</i>	313
16. ГОРЬКИЙ — З. А. ПЕШКОВУ. <i>10 июля 1925, Сорренто</i>	314

«...Я НЕ ЛЮБЛЮ СВОЮ ЛИЧНУЮ ЖИЗНЬ!»

<i>Вступительная статья, подготовка текста и примечания М. А. Семашкиной</i>	321
---	-----

1. ГОРЬКИЙ — О. Ф. ЛОШАКОВОЙ-ИВИНОЙ. <i>14 апреля 1928, Сорренто</i>	332
2. О. Ф. ЛОШАКОВА-ИВИНА — ГОРЬКОМУ. <i>23 апреля 1928, Москва</i>	333
3. ГОРЬКИЙ — О. Ф. ЛОШАКОВОЙ-ИВИНОЙ. <i>8 мая 1928, Сорренто</i>	334
4. О. Ф. ЛОШАКОВА-ИВИНА — ГОРЬКОМУ. <i>12 мая 1928, Москва</i>	335
5. ГОРЬКИЙ — О. Ф. ЛОШАКОВОЙ-ИВИНОЙ. <i>5 июня 1928, Москва</i>	336
6. О. Ф. ЛОШАКОВА-ИВИНА — ГОРЬКОМУ. <i>Около 10 июня 1928, Москва</i>	336
7. О. Ф. ЛОШАКОВА-ИВИНА — ГОРЬКОМУ. <i>Середина июня 1928, Москва</i>	337
8. О. Ф. ЛОШАКОВА-ИВИНА — ГОРЬКОМУ. <i>Начало июля 1928, Москва</i>	338
9. ГОРЬКИЙ — О. Ф. ЛОШАКОВОЙ-ИВИНОЙ. <i>6 июля 1928, Москва</i>	338
10. О. Ф. ЛОШАКОВА-ИВИНА — ГОРЬКОМУ. <i>20 октября 1928, Москва</i>	339
11. ГОРЬКИЙ — О. Ф. ЛОШАКОВОЙ-ИВИНОЙ. <i>27 октября 1928, Сорренто</i>	342
12. О. Ф. ЛОШАКОВА-ИВИНА — ГОРЬКОМУ. <i>Декабрь 1928, Москва</i>	343
13. О. Ю. КАМЕНСКАЯ — ГОРЬКОМУ. <i>17 сентября 1929, Москва</i>	343
14. О. Ф. ЛОШАКОВА-ИВИНА — ГОРЬКОМУ. <i>21 октября 1929, Москва</i>	344
15. ГОРЬКИЙ — О. Ф. ЛОШАКОВОЙ-ИВИНОЙ. <i>22 октября 1929, Москва</i>	345
16. О. Ю. КАМЕНСКАЯ И О. Ф. ЛОШАКОВА-ИВИНА — ГОРЬКОМУ. <i>1 ноября 1929, Москва</i>	345
16а. О. Ю. КАМЕНСКАЯ — ГОРЬКОМУ. <i>11 июня 1930, Москва</i>	346
17. ГОРЬКИЙ — О. Ю. КАМЕНСКОЙ. <i>20 июня 1930, Сорренто</i>	348
18. О. Ф. ЛОШАКОВА-ИВИНА — ГОРЬКОМУ. <i>Конец июля 1930, Москва</i>	349
19. О. Ю. КАМЕНСКАЯ — ГОРЬКОМУ. <i>20 сентября 1930, Москва</i>	351
20. О. Ю. КАМЕНСКАЯ — ГОРЬКОМУ. <i>21 декабря 1930, Москва</i>	352
21. ГОРЬКИЙ — О. Ю. КАМЕНСКОЙ. <i>31 декабря 1930, Сорренто</i>	353
22. О. Ю. КАМЕНСКАЯ — ГОРЬКОМУ. <i>27 марта 1931, Москва</i>	354
23. ГОРЬКИЙ — О. Ю. КАМЕНСКОЙ. <i>3 апреля 1931, Сорренто</i>	355
24. О. Ф. ЛОШАКОВА-ИВИНА — ГОРЬКОМУ. <i>Начало декабря 1931, Москва</i>	355
25. ГОРЬКИЙ — О. Ф. ЛОШАКОВОЙ-ИВИНОЙ. <i>12 декабря 1931, Сорренто</i>	357
26. О. Ф. ЛОШАКОВА-ИВИНА — ГОРЬКОМУ. <i>18—20 декабря 1931, Москва</i>	358

27. О. Ю. КАМЕНСКАЯ и О. Ф. ЛОШАКОВА-ИВИНА — ГОРЬКОМУ. <i>Начало июля 1932, Москва</i>	359
28. О. Ю. КАМЕНСКАЯ — ГОРЬКОМУ. <i>20 декабря 1933, Москва</i>	361
29. О. Ю. КАМЕНСКАЯ — ГОРЬКОМУ. <i>Середина мая 1934, Москва</i>	362
30. О. Ф. ЛОШАКОВА-ИВИНА — ГОРЬКОМУ. <i>25 мая 1936, Москва</i>	362
31. О. Ю. КАМЕНСКАЯ — Е. П. ПЕШКОВОЙ и П. П. КРЮЧКОВУ. <i>Начало ноября 1937, Москва</i>	364
32. Е. П. ПЕШКОВА — О. Ю. КАМЕНСКОЙ. <i>15 ноября 1937, Москва</i>	366

«ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ РОССИИ — ЛОМОВАЯ ЛОШАДЬ РУССКОЙ ИСТОРИИ...»

Из неопубликованной переписки Горького и Эль Мадани. 1923—1924 гг. *Вступительная статья, подготовка текста и примечания С. Д. Островской* .....

1. Э. МАДАНИ — ГОРЬКОМУ. <i>Около 4 марта 1923, Берлин</i>	383
2. ГОРЬКИЙ — Э. МАДАНИ. <i>7 марта 1923, Сааров</i>	386
3. Э. МАДАНИ — ГОРЬКОМУ. <i>15 марта 1923, Берлин</i>	387
4. ГОРЬКИЙ — Э. МАДАНИ. <i>16 марта 1923, Сааров</i>	392
5. Э. МАДАНИ — ГОРЬКОМУ. <i>20 марта 1923, Берлин</i>	394
6. ГОРЬКИЙ — Э. МАДАНИ. <i>24 марта 1923, Сааров</i>	395
7. Э. МАДАНИ — ГОРЬКОМУ. <i>27 марта 1923, Берлин</i>	396
8. ГОРЬКИЙ — Э. МАДАНИ. <i>2 апреля 1923, Сааров</i>	398
9. Э. МАДАНИ — ГОРЬКОМУ. <i>5 апреля 1923, Берлин</i>	398
10. ГОРЬКИЙ — Э. МАДАНИ. <i>17 апреля 1923, Сааров</i>	399
11. ГОРЬКИЙ — Э. МАДАНИ. <i>5 июня 1923, Сааров</i>	400
12. Э. МАДАНИ — ГОРЬКОМУ. <i>Около 4 сентября 1923, Ницца</i>	401
13. ГОРЬКИЙ — Э. МАДАНИ. <i>8 сентября 1923, Гюнтерсталь</i>	401
14. Э. МАДАНИ — ГОРЬКОМУ. <i>Конец сентября 1923, Сан-Ремо</i>	402
15. Э. МАДАНИ — ГОРЬКОМУ. <i>20 ноября 1923 г., Сан-Ремо</i>	403
16. ГОРЬКИЙ — Э. МАДАНИ. <i>5 декабря 1923, Прага</i>	404
17. Э. МАДАНИ — ГОРЬКОМУ. <i>12 декабря 1923, Рим</i>	405
18. Э. МАДАНИ — ГОРЬКОМУ. <i>23 января 1924, Рим</i>	407
19. ГОРЬКИЙ — Э. МАДАНИ. <i>27 января 1924, Мариенбад</i>	408
20. Э. МАДАНИ — ГОРЬКОМУ. <i>Около 8 марта 1924, Рим</i>	408
21. ГОРЬКИЙ — Э. МАДАНИ. <i>15 марта 1924, Мариенбад</i>	414
22. Э. МАДАНИ — ГОРЬКОМУ. <i>2 апреля 1924, Италия</i>	415
23. ГОРЬКИЙ — Э. МАДАНИ. <i>12 апреля 1924, Неаполь</i>	422
24. Э. МАДАНИ — ГОРЬКОМУ. <i>7 мая 1924, Испания</i>	423
25. ГОРЬКИЙ — Э. МАДАНИ. <i>11 июля 1924, Сорренто</i>	424

«ОТ ЕВРАЗИЙСТВА К ПРИЗНАНИЮ КОММУНИЗМА»

Переписка Горького с П. П. Сувчинским. *Вступительная статья, подготовка текста и примечания Н. Н. Примочкиной* .....

1. П. П. СУВЧИНСКИЙ — ГОРЬКОМУ. <i>14 сентября 1927, Кламар</i>	458
2. ГОРЬКИЙ — П. П. СУВЧИНСКОМУ. <i>1 октября 1927, Сорренто</i>	459
3. П. П. СУВЧИНСКИЙ — ГОРЬКОМУ. <i>2 января 1928, Рим</i>	460
4. П. П. СУВЧИНСКИЙ — ГОРЬКОМУ. <i>20 января 1928, Кламар</i>	460
5. ГОРЬКИЙ — П. П. СУВЧИНСКОМУ. <i>24 января 1928, Сорренто</i>	461
6. П. П. СУВЧИНСКИЙ — ГОРЬКОМУ. <i>11 февраля 1930, Кламар</i>	461
7. ГОРЬКИЙ — П. П. СУВЧИНСКОМУ. <i>17 февраля 1930, Сорренто</i>	464
8. П. П. СУВЧИНСКИЙ — ГОРЬКОМУ. <i>27 февраля 1930, Кламар</i>	464
9. П. П. СУВЧИНСКИЙ — ГОРЬКОМУ. <i>14 марта 1930, Кламар</i>	466
10. ГОРЬКИЙ — П. П. СУВЧИНСКОМУ. <i>20 марта 1930, Сорренто</i>	466
11. П. П. СУВЧИНСКИЙ — ГОРЬКОМУ. <i>30 марта 1930, Кламар</i>	467
12. П. П. СУВЧИНСКИЙ — ГОРЬКОМУ. <i>8 июня 1930, Кламар</i>	468
13. ГОРЬКИЙ — П. П. СУВЧИНСКОМУ. <i>15 июня 1930, Сорренто</i>	468
14. П. П. СУВЧИНСКИЙ — ГОРЬКОМУ. <i>21 июня 1930, Кламар</i>	469

15. П. П. СУВЧИНСКИЙ — ГОРЬКОМУ. 11 июля 1930, Кларар	470
16. ГОРЬКИЙ — П. П. СУВЧИНСКОМУ. 16 сентября 1930, Сорренто	471
17. П. П. СУВЧИНСКИЙ — ГОРЬКОМУ. 19 сентября 1930, Кларар	472
18. П. П. СУВЧИНСКИЙ — ГОРЬКОМУ. 19 декабря 1930, Кларар	473
19. ГОРЬКИЙ — П. П. СУВЧИНСКОМУ. 24 декабря 1930, Сорренто	473
20. П. П. СУВЧИНСКИЙ — ГОРЬКОМУ. 29 декабря 1930, Кларар	474
21. П. П. СУВЧИНСКИЙ — ГОРЬКОМУ. 6 февраля 1931, Кларар	475
22. П. П. СУВЧИНСКИЙ — ГОРЬКОМУ. 19 марта 1931, Париж	475
23. П. П. СУВЧИНСКИЙ — ГОРЬКОМУ. 3 ноября 1931, Кларар	475
24. ГОРЬКИЙ — П. П. СУВЧИНСКОМУ. 15 ноября 1931, Сорренто	477
25. П. П. СУВЧИНСКИЙ — ГОРЬКОМУ. 22 декабря 1931, Кларар	478
26. ГОРЬКИЙ — П. П. СУВЧИНСКОМУ. 24 декабря 1931, Сорренто	479
27. П. П. СУВЧИНСКИЙ — ГОРЬКОМУ. 25 декабря 1931, Кларар	479
28. П. П. СУВЧИНСКИЙ — ГОРЬКОМУ. 15 января 1932, Кларар	479
29. П. П. СУВЧИНСКИЙ — ГОРЬКОМУ. 27 февраля 1932, Кларар	480
30. П. П. СУВЧИНСКИЙ — ГОРЬКОМУ. 10 ноября 1932, Париж	481

ПЕРЕПИСКА ГОРЬКОГО с В. С. ЯНОВСКИМ

<i>Вступительная статья, подготовка текста и примечания И. А. Зайцевой</i>	493
1. ГОРЬКИЙ — В. С. ЯНОВСКОМУ. Конец января 1930, Сорренто	494
2. В. С. ЯНОВСКИЙ — ГОРЬКОМУ. 11 февраля 1930, Париж	496
3. В. С. ЯНОВСКИЙ — ГОРЬКОМУ. 13 мая 1930, Париж	497

ГОРЬКИЙ И МИР ФИЛОСОФСКИХ ИДЕЙ Н. Ф. ФЕДОРОВА

<i>Переписка с А. К. Горским и Н. А. Сетницким. Вступительная статья, подготовка текста и примечания И. А. Бочаровой и А. Г. Гачевой</i>	501
--	-----

1. Н. Ф. ФЕДОРОВ — В. А. КОЖЕВНИКОВУ. 3 июля 1900, Подольск	522
2. А. К. ГОРСКИЙ (ГОРНОСТАЕВ) — ГОРЬКОМУ. 19 марта 1923, Москва	524
3. А. К. ГОРСКИЙ (ГОРНОСТАЕВ) — ГОРЬКОМУ. 12 апреля 1923, Москва	525
4. Н. А. СЕТНИЦКИЙ — ГОРЬКОМУ. Первая половина августа 1926, Харбин	526
5. ГОРЬКИЙ — Н. А. СЕТНИЦКОМУ. 31 августа 1926, Сорренто	527
6. Н. А. СЕТНИЦКИЙ — ГОРЬКОМУ. 27 ноября 1926, Харбин	528
7. Н. А. СЕТНИЦКИЙ — ГОРЬКОМУ. 6 февраля 1927, Харбин	528
8. ГОРЬКИЙ — Н. А. СЕТНИЦКОМУ. 16 марта 1927, Сорренто	529
9. Н. А. СЕТНИЦКИЙ — ГОРЬКОМУ. 5 апреля 1927, Харбин	529
10. Н. А. СЕТНИЦКИЙ — ГОРЬКОМУ. 31 мая 1927, Харбин	530
11. Н. А. СЕТНИЦКИЙ — ГОРЬКОМУ. 25 декабря 1927, Харбин	531
12. Н. А. СЕТНИЦКИЙ — ГОРЬКОМУ. 30 января 1928, Харбин	532
13. Н. А. СЕТНИЦКИЙ — ГОРЬКОМУ. 2 августа 1928, Харбин	532
14. Н. А. СЕТНИЦКИЙ — ГОРЬКОМУ. 3 мая 1932, Харбин	534
15. Н. А. СЕТНИЦКИЙ — ГОРЬКОМУ. Вторая половина 1932 г.	534
16. Н. А. СЕТНИЦКИЙ — ГОРЬКОМУ. 29 октября 1934, Харбин	541
17. ГОРЬКИЙ — Н. А. СЕТНИЦКОМУ. Не ранее ноября 1934, Москва	544
18. Н. А. СЕТНИЦКИЙ — ГОРЬКОМУ. 3 мая 1936, Москва	545

ГОРЬКИЙ и Л. АВЕРБАХ

<i>Неизвестная переписка. Вступительная статья, подготовка текста и примечания О. В. Быстровой</i>	564
--	-----

1. А. ЛУНАЧАРСКИЙ, Л. АВЕРБАХ, Б. ИЛЛЕШ — ГОРЬКОМУ. 3 января 1928, Москва	579
2. Л. АВЕРБАХ, Ю. ЛИБЕДИНСКИЙ, В. ЕРМИЛОВ, В. КИРШОН, А. СЕЛИВАНОВСКИЙ, А. ИСБАХ, А. ФАДЕЕВ — ГОРЬКОМУ. 29 марта 1928, Москва	580
3. Л. АВЕРБАХ — ГОРЬКОМУ. Октябрь, после 12, 1928, Москва	580
4. ГОРЬКИЙ — Л. АВЕРБАХУ. 17 ноября 1928, Сорренто	581

5. Л. АВЕРБАХ — ГОРЬКОМУ. <i>Январь 1929, Москва</i>	584
6. Л. АВЕРБАХ, В. КИРШОН, А. ФАДЕЕВ — ГОРЬКОМУ. <i>Конец 1930, Москва</i>	584
7. Л. АВЕРБАХ — ГОРЬКОМУ. <i>Февраль, до 8, 1932, Берлин</i>	585
8. Л. АВЕРБАХ — ГОРЬКОМУ. <i>Февраль, до 9, 1932, Берлин</i>	585
9. ГОРЬКИЙ — Л. АВЕРБАХУ. <i>20 февраля 1932, Сорренто</i>	588
10. Л. АВЕРБАХ — ГОРЬКОМУ. <i>Март, до 17, 1932, Москва</i>	589
11. ГОРЬКИЙ — Л. АВЕРБАХУ. <i>30 марта 1932, Сорренто</i>	592
12. ГОРЬКИЙ — Л. АВЕРБАХУ. <i>4 мая 1932, Горки</i>	594
13. Л. АВЕРБАХ — ГОРЬКОМУ. <i>Май, 1932, Уфа</i>	595
14. ГОРЬКИЙ — Л. АВЕРБАХУ. <i>Сентябрь, до 8, 1932, Москва</i>	597
15. Л. АВЕРБАХ — ГОРЬКОМУ. <i>Ноябрь, до 20, 1932, Москва</i>	598
16. Л. АВЕРБАХ, С. Г. ФИРИН — ГОРЬКОМУ. <i>20 ноября 1932, Москва</i>	602
17. ГОРЬКИЙ — Л. АВЕРБАХУ. <i>Ноябрь, после 20, 1932, Сорренто</i>	605
18. Л. АВЕРБАХ — ГОРЬКОМУ. <i>8—11 декабря 1932, Москва</i>	606
19. ГОРЬКИЙ — Л. АВЕРБАХУ. <i>24 декабря 1932, Сорренто</i>	607
20. ГОРЬКИЙ — Л. АВЕРБАХУ. <i>30 декабря 1932, Сорренто</i>	608
21. Л. АВЕРБАХ — ГОРЬКОМУ. <i>Январь, после 6, 1933, Москва</i>	609
22. ГОРЬКИЙ — Л. АВЕРБАХУ. <i>16 января 1933, Сорренто</i>	611
23. Л. АВЕРБАХ — ГОРЬКОМУ. <i>14 февраля 1933, Москва</i>	612
24. ГОРЬКИЙ — Л. АВЕРБАХУ. <i>22 февраля 1933, Сорренто</i>	613
25. Л. АВЕРБАХ — ГОРЬКОМУ. <i>Конец февраля, 1933, Москва</i>	615
26. ГОРЬКИЙ — Л. АВЕРБАХУ. <i>Начало марта, 1933, Сорренто</i>	616
27. ГОРЬКИЙ — Л. АВЕРБАХУ. <i>4 марта 1933, Сорренто</i>	619
28. ГОРЬКИЙ — Л. АВЕРБАХУ. <i>9 апреля 1933, Сорренто</i>	619
29. ГОРЬКИЙ — Л. АВЕРБАХУ. <i>Апрель 1933, Сорренто</i>	619
30. Л. АВЕРБАХ — ГОРЬКОМУ. <i>Конец апреля 1933, Москва</i>	620
31. Л. АВЕРБАХ — ГОРЬКОМУ. <i>15 июня 1933, Москва</i>	623
32. Л. АВЕРБАХ — ГОРЬКОМУ. <i>Июнь, после 16, 1933, Москва</i>	623
33. ГОРЬКИЙ — Л. АВЕРБАХУ. <i>Июнь, после 19, 1933, Сорренто</i>	624
34. Л. АВЕРБАХ, С. ФИРИН — ГОРЬКОМУ. <i>Конец июня, 1933, Белое море</i>	624
35. Л. АВЕРБАХ — ГОРЬКОМУ. <i>Конец июня — начало июля, 1933, Москва</i>	624
36. Л. АВЕРБАХ — ГОРЬКОМУ, Л. КАГАНОВИЧУ, А. СТЕЦКОМУ. <i>25 сентября 1933, Москва</i>	625
37. Л. АВЕРБАХ — ГОРЬКОМУ. <i>Декабрь, до 23, 1933, Москва</i>	626
38. Л. АВЕРБАХ — ГОРЬКОМУ. <i>Декабрь, до 23, 1933, Москва</i>	626
39. Л. АВЕРБАХ — ГОРЬКОМУ. <i>Декабрь, до 23, 1933, Москва</i>	627
40. Л. АВЕРБАХ — ГОРЬКОМУ. <i>Начало апреля 1934, Свердловск</i>	628
41. Л. АВЕРБАХ — ГОРЬКОМУ. <i>12 мая 1934, Свердловск</i>	630
42. Л. АВЕРБАХ — ГОРЬКОМУ. <i>Июль, после 30, 1934, Свердловск</i>	630
43. Л. АВЕРБАХ — ГОРЬКОМУ. <i>17 августа 1934, Свердловск</i>	630
44. ГОРЬКИЙ — Л. АВЕРБАХУ. <i>11 июля 1935, Москва</i>	631
45. Л. АВЕРБАХ — ГОРЬКОМУ. <i>11 августа 1935, Свердловск</i>	632
46. Л. АВЕРБАХ — ГОРЬКОМУ. <i>28 марта 1936, Москва</i>	632
Именной указатель	651
Список иллюстраций	671
Условные сокращения	672

*Утверждено к печати Ученым советом
Института мировой литературы им. А. М. Горького РАН*

Научное издание

ГОРЬКИЙ И ЕГО КОРРЕСПОНДЕНТЫ

Серия «М. Горький. Материалы и исследования»

ВЫПУСК 7

Ответственный редактор Спиридонова Л. А.

Оригинал-макет изготовлен в ИМЛИ им. А. М. Горького РАН
Технический редактор Лавочкина А. В.
Корректор Сченснович Е. Н.

ИД № 01286 от 22 марта 2000 г.

Подписано в печать 24.10.2005. Формат 60х90^{1/16}. Бумага офсетная.
Гарнитура Таймс. Печать офсетная. Физ. печ. л. 42,5+вкл. Тираж 1000 экз.

Институт мировой литературы им. А. М. Горького РАН
121069, Москва, ул. Поварская, д. 25-а
тел. (095) 291-23-01, 202-21-23

Отпечатано с готовых диапозитивов в ППП «Типография «Наука»
121099, Москва, Шубинский пер., 6. Заказ № 2178